

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІИ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1881.

~~_____~~

PSlav 318.10

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Ср. Подъич. 1.
2174

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (13-го октября 1880 г). Объ учрежденіи классической прогимназіи въ гор. Владикавказѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи классической прогимназіи въ гор. Владикавказѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта приицъ Петръ Ольденбургскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ переданное изъ Кавказскаго комитета дѣло объ учрежденіи классической прогимназіи въ гор. Владикавказѣ, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить съ 1-го іюля текущаго 1880 года въ гор. Владикавказѣ, Терской области, классическую прогимназію въ составѣ przygotowительнаго и 1-го классовъ, съ тѣмъ, чтобы остальные три класса были открываемы постепенно въ 1881, 1882 и 1883 годахъ.

2) Проектъ штата означенной прогимназіи представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

3) На содержаніе прогимназіи, по мѣрѣ открытія классовъ, ас-

сигновать изъ государственнаго казначейства: въ 1880 году — три тысячи шесть рублей, въ 1881 году — восемь тысячъ четыреста шестьдесятъ три рубля въ 1882 году — десять тысячъ триста восемьдесятъ три рубля, а съ 1883 года, когда образуется четырехклассная прогимназія въ полномъ составѣ, отпускать ежегодно на содержаніе ея четырнадцать тысячъ девятьсотъ семьдесятъ рублей.

4) Упомянутыя, причитающіяся на содержаніе прогимназій, суммы заносить съ 1881 года въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія; потребныя же въ 1880 году на ту же надобность 3006 руб. обратить на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему“. Въ Ливадіи, 13-го октября 1880 года.

Ш Т А Т Ъ

четыреклассной прогимназій (съ двумя древними языками) въ гор. Владикавказѣ, Терской области.

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Содержаніе въ годѣ.			Классы и разряды.			
			Жало-ванья.	Столо-выхъ.	Итого.	По должности.	По шитью на мундиръ.	По пенсін.	
			Р у б л и.						
Инспекторъ (при казенной квартирѣ)	1	—	900	600	1500	VI	VI	Почетной службѣ.	
Законоучитель.	1	8	600	—	600				
Учители:									
Русскаго языка	1	15	6230	—	6230	VIII	VIII		
Латинскаго и греческаго языковъ	2	37							
Математики.	1	16							
Исторіи и географіи.	1	12							

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
			Жало-ванья.	Столовыхъ.	Итого.	По должности.	По штыю на мундиръ.	По пенсіи.
			Р у б л п.					
Французскаго языка.	1	9	675	—	675	VIII	VIII	} По учебной службъ.
Нѣмецкаго языка. . .	1	9	675	—	675	VIII	VIII	
Чистописанія.	1	5	250	—	250	IX	IX	VII
Классные наставники	3	—	160	—	480			
Помощникъ классныхъ наставниковъ (при казенной квартирѣ)	1	—	220	—	220	X	X	} По учебной службъ. По медицинской службъ.
Врачъ	1	—	300	—	300	VIII	VIII	
На плату за уроки пѣнія и гимнастики.	—	—	—	—	500			
На приготовительный классъ	—	—	—	—	1100			
Письмоводитель.	1	—	200	200	400	X	X	VIII
На канцелярскіе расходы.	—	—	—	—	100			
На учебныя пособія.	—	—	—	—	200			
Добавочное жалованье секретарю совѣта и бібліотекарю.	—	—	120	—	240			
На содержаніе дома.	—	—	—	—	1500			
Всего.	—	—	—	—	14970			

Примѣчаніе. Прогимназія помѣщается въ домѣ, отведенномъ Владикавказскимъ городскимъ обществомъ.

Подписалъ: За предѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь князь Урусовъ.

2. (25-го октября 1880 г.). О присвоеніи начальному училищу въ хуторѣ Большомъ наименованія „Александровскаго“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на присвоеніе учреждаемому на средства общества Маріинской станицы области Войска Донскаго и земства 1-го Донскаго округа, начальному училищу въ хуторѣ Большомъ наименованія „Александровскаго“. Выѣстъ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилоостивѣйше повелѣть благодарить жертвователей.

3. (13-го октября 1880 г.). О правахъ на пенсіи и единовременныя пособія законоучителей историко-филологическихъ институтовъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ на пенсіи и единовременныя пособія законоучителей историко-филологическихъ институтовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: За предсѣдателя государственнаго совѣта Принцъ Петръ Ольденбургскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе бывшаго министра народнаго просвѣщенія о правахъ на пенсіи и единовременныя пособія законоучителей историко-филологическихъ институтовъ, мнѣніемъ положилъ:

Законоучителямъ православнаго исповѣданія историко-филологическихъ институтовъ Императорскаго въ С.-Петербургѣ и князи Безбородко въ Нѣжинѣ предоставить права на пенсіи и единовременныя пособія по постановленіямъ для учебной службы министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ размѣръ таковыхъ пенсій и пособій, за выслугу установленныхъ по сей службѣ сроковъ опредѣлять: для перваго изъ упомянутыхъ законоучителей—по тысячѣ четыреста двадцати девяти руб. шестидесяти коп., а для втораго—по тысячѣ

двѣсти руб. въ годъ, съ отнесеніемъ этого расхода на счетъ государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

4. (3-го ноября 1880 г.). Объ учрежденіи должности врача при Молодечнянской учительской семинаріи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи должности врача при Молодечнянской учительской семинаріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи должности врача при Молодечнянской учительской семинаріи, мнѣніемъ положила:

1) При Молодечнянской учительской семинаріи, Виленской губерніи, учредить должность врача, съ содержаніемъ по восьмисотъ рублей въ годъ, въ томъ числѣ: жалованья 450 р. и столовыхъ денегъ 350 р. и съ присвоеніемъ ему VIII класса по должности, VIII разряда по шитью на мундирѣ и правъ на пенсію по медицинской службѣ, и

2) Причитающуюся на содержаніе врача при названной семинаріи сумму, по восьмисотъ рублей въ годъ, ассигновать къ ежегодному отпуску изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1881 г., со включеніемъ этого кредита въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

5. (10-го ноября 1880 г.). О служебныхъ правахъ преподавателя практическихъ занятій по арабскому языку въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о служебныхъ правахъ пре-

подавателя практическихъ занятій по арабскому языку въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о служебныхъ правахъ преподавателя практическихъ занятій по арабскому языку въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе Высочайше утвержденныхъ 16-го декабря 1872 г. устава Лазаревского института восточныхъ языковъ и штата спеціальныхъ классовъ при ономъ (Полн. Собр. Зак. 1872 г. № 51635), постановить:

„Преподавателю практическихъ занятій по арабскому языку въ спеціальныхъ классахъ Лазаревского института восточныхъ языковъ присвоиваются: VIII классъ по должности, VIII разрядъ по шитью на мундирѣ и права на пенсію наравнѣ съ преподавателями практическихъ занятій по турецкому и персидскому языкамъ“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

6. (1-го декабря 1880 г.). О предоставленіи лицамъ обоого пола, служащимъ въ женскомъ принцессы Терезіи Ольденбургской училищѣ тѣхъ же правъ по службѣ и пенсіи, которыми пользуются по Положенію 24-го мая 1870 г. служащіе въ женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ, въ ознаменованіе пятидесятилѣтняго юбилея Его Императорскаго Высочества, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: предоставить лицамъ обоого пола, служащимъ въ женскомъ, содержимомъ на средства въ Бозѣ почившей принцессы Терезіи Ольденбургской, училищѣ, тѣ же права по службѣ и пенсіи, которыми поль-

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

зуются по Положенію 24-го мая 1870 г. служащіе въ женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы:

1) лица обоого пола, служація въ названномъ училищѣ, имѣли узаконенный положеніемъ 24-го мая 1870 года образовательный цензъ;

2) чтобы изъ ихъ содержанія производились установленные вычеты на пенсіи,

и 3) чтобы тѣмъ изъ сихъ лицъ, которыя будутъ имѣть право на пенсіи изъ капитала домашнихъ учителей и учительницъ, и прежде время службы ихъ въ семь училищъ было зачтено въ срокъ выслуги на пенсію, если они внесутъ въ означенный капиталъ причитающіеся за это время вычеты изъ ихъ содержанія.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

13-го октября 1880 г. (№ 12). Утверждаются: отставной гвардіи полковникъ Сариповъ — почетнымъ попечителемъ Новочеркасской гимназіи, по май 1882 г.

Землевладѣлец Апапьевскаго уѣзда Корбе — почетнымъ попечителемъ Апапьевской мужской гимназіи, на три года.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой — почетнымъ попечителемъ Зарайскаго реальнаго училища, на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: учителю Θεодосійской прогимназіи Мильковичу — на пятнадцать дней.

Кандидату Императорскаго С.-Петербургскаго университета Селиванову — по 15-е сентября 1881 г.

Командируются за границу съ ученою цѣлю: ординарный профессоръ Императорскаго Деритскаго университета, статскій совѣтникъ Гершельманъ — на три мѣсяца, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на двадцать девять дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Петрушевскій — по 10-е сентября 1881 г., съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на двадцать девять дней.

21-го октября 1880 г. (№ 13). Назначается: попечитель Московскаго учебнаго округа, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Мецкерскій — членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ должности попечителя и съ производствомъ въ чинъ тайнаго совѣтника.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (15-го ноября 1880 г.). Положеніе о стипендіи тайнаго совѣтника Андрея Алексѣевича Боголюбова.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1. При Императорскомъ Московскомъ университетѣ учреждается на вѣчныя времена стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 28-го сентября 1880 г., именуется: „стипендія тайнаго совѣтника Боголюбова“.

2. Назначенный для сей цѣли капиталъ въ 6300 р., заключающійся въ 5% облигаціяхъ втораго восточнаго займа, въ видѣ неприкосновеннаго непрерывно-доходнаго фонда, составилъ весь изъ пожертвованій, сдѣланныхъ врачами, ветеринарами и фармацевтами Варшавскаго военнаго округа, а также многими лицами медицинскаго сословія другихъ округовъ, нѣкоторыми отставными врачами и лицами не медицинскаго сословія, въ ознаменованіе 50-тилѣтія службы тайнаго совѣтника Андрея Алексѣевича Боголюбова по военно-медицинскому вѣдомству.

3. Проценты съ этого капитала (въ количествѣ 5% на 100), всего въ настоящее время 315 р., выдаются одному изъ студентовъ медицинскаго факультета Московскаго университета, перешедшему изъ втораго курса въ третій и оказавшему хорошіе успѣхи въ наукахъ при одобрительномъ поведеніи.

4. Выборъ стипендіата изъ числа студентовъ и передача стипендіи другому лицу предоставляется правленію университета.

5. Преимущество на полученіе стипендіи имѣетъ сынъ военнаго врача или ветеринара или фармацевта, православнаго исповѣданія; въ случаѣ неимѣнія такоаго, преимущество отдается вообще сыновьямъ лицъ медицинскаго сословія христіанамъ. При равныхъ другихъ условіяхъ, преимущество остается за болѣе способнымъ и прилежнымъ студентомъ, уроженцемъ Рязанской губерніи.

6. Удостоенное стипендіи лицо обязуется посвятить себя преимущественно изученію хирургіи и не имѣть права переходить на другой факультетъ, а потому для удержанія стипендіи требуются отъ студента, переходящаго на 4-й курсъ, отличныя отмѣтки по теоретической хирургіи, а отъ переходящаго на 5-й курсъ — высшія отмѣтки по хирургической факультетской клиникѣ и вообще по спеціально-хирургическимъ наукамъ.

7. За пользованіе стипендіею лицо обязуется прослужить по военно-медицинскому вѣдомству, за три года пользованіемъ стипендіею, четыре года. Отъ этого обязательства освобождается студентъ, оказавшій отличныя успѣхи и заслуживающій быть оставленнымъ при университетѣ или командированнымъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію по хирургіи.

8. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или слабыхъ успѣховъ въ наукахъ, правленію университета предоставляется право лишать стипендіи для назначенія ея другому, болѣе достойному лицу, ближе удовлетворяющему вышеупомянутымъ условіямъ.

9. Могущіе по разнымъ причинамъ оказаться остатки процентовъ присоединяются къ неизрасходованному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

10. Въ случаѣ погашенія бумагъ, составляющихъ фондъ стипендіи, посредствомъ тиража, правленіемъ университета приобрѣтаются на освободившіяся капиталы другія государственныя процентныя бумаги, приносящія не менѣе 5% въ годъ на 100.

2. (3-го декабря 1880 г.). Положеніе о стипендіи коллежскаго совѣтника Карла Бекмана при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, заключающагося въ 5% билетахъ 3-го восточнаго займа по нарицательной цѣнѣ на сумму три тысячи триста рублей, учреждается при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го ноября 1880 г., именуется „стипендія коллежскаго совѣтника Карла Бекмана“.

§ 2. Означенная сумма стипендіи должна храниться въ правленіи Императорскаго Дерптскаго университета.

§ 3. Стипендіаты назначаются изъ числа студентовъ Дерптскаго

университета безъ различія факультета, на которомъ они состоятъ, причеъ, однако же, потомство какъ коллежскаго совѣтника Карла Бекмана, такъ и братьевъ и сестеръ его имѣетъ преимущество предъ другими соискателями.

§ 4. Право назначенія стипендіатовъ предоставляется до конца жизни коллежскому совѣтнику Карлу Бекману, а по смерти его правленію Императорскаго Дерптскаго университета, съ соблюденіемъ правилъ, означенныхъ въ § 3.

§ 5. Стипендія назначается въ размѣрѣ годовыхъ процентовъ съ капитала стипендіи.

§ 6. Въ случаѣ, если въ теченіе полугодія или цѣлаго года не будетъ назначена стипендія, то неизрасходованные проценты съ капитала употребляются на покупку государственныхъ денежныхъ бумагъ, которыя присоединяются къ капиталу стипендіи.

3. (3-го декабря 1880 г.). Правила о стипендіи почетнаго члена Императорскаго университета св. Владиміра, тайнаго совѣтника Николая Ивановича Пирогова.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія)

1) На счетъ процентовъ съ капитала въ 3,700 рубъ образовавшагося посредствомъ 10% вычета изъ суммы поступающей отъ студентовъ за ученіе, учреждается при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го ноября 1880 г., именуется: „стипендія почетнаго члена университета св. Владиміра, тайнаго совѣтника Николая Ивановича Пирогова“.

2) На содержаніе стипендіата выдается изъ процентовъ 200 руб. въ годъ, а въ случаѣ образованія остатка отъ стипендіи таковой выдается въ пособіе стипендіату по окончаніи имъ курса.

3) Желашіе получить стипендію почетнаго члена университета Н. И. Пирогова, подають о семъ прошеніе инспектору студентовъ.

4) Стипендія тайнаго совѣтника Н. И. Пирогова замѣщается по представленію факультета совѣтомъ университета.

5) Стипендіаты почетнаго члена университета Н. И. Пирогова никакой обязательной службы не несутъ; но сохраняють право на полученіе стипендіи только при одобрительномъ поведеніи и подъ условіемъ успѣшно выдержанныхъ въ установленные сроки курсовыхъ испытаній.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6) При выборѣ стипендіатовъ соблюдается между факультетами очередь.

4. (3-го декабря 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени Самуила Богуслава Линдс.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На образовавшійся изъ добровольныхъ пожертвованій, въ память 100-лѣтней годовщины рожденія, Самуила Богуслава Линде, бывшаго члена совѣта народнаго просвѣщенія капиталъ въ 1550 р. сер., заключающійся въ билетахъ восточнаго займа и на наличныя деньги 32 руб. 53 коп., учреждается при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ одна стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го ноября 1880 г. именуется „стипендіею Самуила Богуслава Линде“.

§ 2. На стипендію эту имѣютъ право студенты историко-филологическаго или юридическаго факультетовъ, уроженцы Царства Польскаго, безъ различія вѣроисповѣданія.

§ 3. Стипендіатъ избирается историко-филологическимъ и юридическимъ факультетами Императорскаго Варшавскаго университета и утверждается, по представленію совѣта, попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа.

§ 4. Избранный стипендіатъ сохраняетъ предоставленную ему стипендію во все время пребыванія въ университетѣ, если будетъ переходить изъ курса въ курсъ и отличатся вполне одобрительнымъ поведеніемъ.

§ 5. Пожертвованный капиталъ состоитъ въ вѣдѣніи попечителя Варшавскаго учебнаго округа, наблюдающаго за тѣмъ, чтобы на вышедшія въ тиражъ бумаги по означенному фонду, а также на невыданныя по какому-либо поводу стипендіатамъ деньги, были покупаемы новыя правительственныя или гарантированныя правительствомъ бумаги.

§ 6. Въ случаѣ закрытія Варшавскаго университета, стипендіею этою пользуются, на тѣхъ же условіяхъ, воспитанники одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Царствѣ, каковая стипендія передается однако вновь въ распоряженіе университета, въ случаѣ открытія онаго.

5. (13-го декабря 1880 г.). Правила для стипендіи заслуженнаго профессора С. В. Пахмана.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Пожертвованный заслуженнымъ профессоромъ С. В. Пахманомъ капиталъ для учрежденія стипендіи его имени заключается въ 5% билетахъ государственнаго банка III выпуска (№№ 2181 — 2186), суммою въ шесть тысячъ руб. номинальныхъ.

2) На проценты съ этого капитала учреждается при юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета одна стипендія для поощренія и пособія лицамъ, спеціально занимающимся гражданскимъ правомъ, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го декабря 1880 г., именуется „стипендію заслуженнаго профессора, тайнаго совѣтника Семена Викентьевича Пахмана“.

3) Стипендія эта назначается и выдается по опредѣленію юридическаго факультета С.-Петербургскаго университета.

4) Факультетъ можетъ назначить стипендію какъ наличнымъ студентамъ, заявившимъ особенные успѣхи въ занятіяхъ по гражданскому праву, такъ и тѣмъ изъ окончившихъ университетскій курсъ, которые избрали эту науку предметомъ своего спеціального изученія.

5) Стипендія имени заслуженнаго профессора С. В. Пахмана можетъ служить дополненіемъ къ другимъ стипендіямъ, которыя выдаются окончившимъ курсъ и оставляемымъ при университетѣ для приготовленія къ экзамену на ученую степень магистра.

6) Не выданные % съ пожертвованнаго капитала не присоединяются къ капиталу, а могутъ быть прибавляемы къ стипендіямъ слѣдующихъ годовъ.

7) Выдача денежной суммы, опредѣляемой факультетомъ согласно вышеизложеннымъ правиламъ, производится стипендіату за полугодіе впередъ, въ сроки 1-го мая и 1-го ноября.

IV. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

2-го октября 1880 года (№ 13). Утверждаются: преподаватель историко-филологическаго института князи Безбородко въ Нѣжинѣ, кол-

лежскій ассесоръ Адріановъ—наставникомъ сего института, съ 1-го сентября 1880.

Инспекторъ Кіевской первой гимназіи, статскій совѣтникъ Сѣвѣнскій—директоромъ Кіевской третьей гимназіи, съ 5-го октября 1880 года.

Штатный смотритель Житомирскаго двухкласснаго городскаго училища, надворный совѣтникъ Петровскій—инспекторомъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волинской, съ 26-го сентября 1880 года.

Надворные совѣтники: Алашеевъ и Арбузовъ, Орловскій купецъ Кузнецовъ и Вятскій купецъ Лаптевъ—членами попечительства Вятскаго реальнаго училища, на три года, съ 13-го сентября 1880 года.

Генераль-маіоръ Зеленскій—членомъ попечительства Полтавскаго реальнаго училища на три года.

Отставной хорунжій Слюсаревъ—почетнымъ смотрителемъ Ново-черкаскаго окружнаго училища, по май 1882 года.

Назначаются: инспекторъ и старшій учитель Ревельской губернской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Бертингъ—директоромъ сей гимназіи и училищъ Эстляндской губерніи, съ 27-го іюля 1880 года.

Коллежскій совѣтникъ Вейсъ, флота лейтенантъ Савичъ, Сумскій 1-й гильдіи купецъ Сухановъ и землевладѣлецъ Лоретцъ—членами попечительства Сумскаго реальнаго училища, на три года.

Опредѣляется: инспекторъ Витебской гимназіи, статскій совѣтникъ Андрущенко—директоромъ Ковенской дирекціи народныхъ училищъ, съ 28-го августа 1880 года.

Перемѣщаются: начальпикъ Лодзинской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Худзинскій—начальникомъ Плоцкой учебной дирекціи.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира по кафедрѣ исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, докторъ государственнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ренненкампфъ—на кафедрѣ энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ упомянутаго университета съ 22-го сентября 1880 года.

Переводится: чиновникъ особыхъ порученій VII класса министерства финансовъ, въ званіи камеръ-юнкера, надворный совѣтникъ графъ Соллогубъ—на службу въ министерство народнаго просвѣщенія съ причисленіемъ къ оному, съ 13-го сентября 1880 года.

Опредѣляется на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія: сынъ діакона Александръ Свѣтловъ. съ назначеніемъ исправляющимъ должность помощника дѣлопроизводителя сего департамента, съ 5-го сентября 1880 года.

Оставляются на службѣ: до конца 1880—1881 учебнаго года: директоръ Пермскаго Алексѣевского реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Залежскій.

На пять лѣтъ: директоръ Кіевской прогимназіи, статскій совѣтникъ Михайловъ, съ 16-го іюля 1880 года.

Директоръ Житомирскаго еврейскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Барскій, съ 18-го іюля 1880 года.

Директоръ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левицкій, съ 31-го августа 1880 года.

Директоръ С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эвальдъ, съ 27-го сентября 1880 года.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій секретарь князь Щербатовъ по болѣзни на два мѣсяца, въ южныя губерніи.

За границу: старшій учитель Рижской губернской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Медеръ—на восемнадцать дней.

Хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго Варшавскаго университета Тачановскій—на двадцать восемь дней.

Почетный попечитель Одесской первой прогимназіи, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій ассесоръ Леонардъ, по болѣзни, на шесть недѣль.

Увольняются, по прошеніямъ: наставникъ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Кириловъ, съ 1-го сентября 1880 года, и экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Ленцъ—отъ сихъ должностей.

Увольняются отъ службы: директоръ Ревельской губернской гимназіи и училищъ Эстляндской губерніи, статскій совѣтникъ Пауреръ, по прошенію, съ 27-го іюля 1880 года.

Директоръ Ковенской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Савельевъ, за выслугою срока съ 28-го августа 1880 года.

Дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣ-

пенія, коллежскій секретарь Крейтеръ, по прошенію, съ 3-го сентября 1880 года.

Инспекторъ студентовъ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ Воскресенскій, по прошенію, съ 11-го сентября 1880 года.

Начальникъ Плоцкой учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Захаровъ, по прошенію, съ 13-го сентября 1880 года, съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: попечителю Лашменскаго начальнаго народнаго училища, Пензенской губерніи, гвардіи полковнику Арапову—за пожертвованіе на постройку дома для сего училища.

С.-Петербургскому 2-й гильдіи купцу Никитину—за пожертвованіе въ пользу Фроловскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ Мышкинскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

Исключаются изъ списковъ умершіе: начальникъ архива министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ошметковъ и экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Перещиковъ.

8-го ноября 1880 года (№ 14). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фирсовъ—вновь деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета на три года, съ 27-го августа 1880 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бекетовъ—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора сего университета, съ 20-го іюля 1880 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хвольсонъ—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора сего университета, съ 14-го сентября 1880 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Иностранцевъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ геологии и палеонтологіи, съ 20-го октября 1880 года.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ богословія, коллежскій совѣтникъ Троицкій — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ церковной исторіи, съ 20-го октября 1880 года.

Капитанъ 1-го ранга Мусинъ-Пушкинъ, подпоручикъ Дыздревъ и Кременчугскій купецъ Киктенко — членами попечительства Александровскаго Кременчугскаго реальнаго училища, на три года.

Назначаются: дѣйствительный статскій совѣтникъ Трахимовскій, землевладѣльцы баронъ Захертъ и Моэсъ и ку ець 1-й гильдіи Волковскій — членами попечительства Бѣлостокскаго реальнаго училища, на три года.

Опредѣляются: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Соломко—дѣлопроизводителемъ VII класса сего департамента, съ 25-го октября 1880 г.

Журналистъ департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Раздольевъ—помощникомъ начальника архива министерства народнаго просвѣщенія, съ 1-го октября 1880 года.

Помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Купинскій—журналистомъ сего департамента, съ 1-го октября 1880 года.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Угрюмовъ—помощникомъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, съ 23-го октября 1880 года.

Опредѣляется на службу: бывшій воспитатель С.-Петербургской первой военной гимназіи, кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Николай Дебольскій—дѣлопроизводителемъ VIII класса въ департаментъ народнаго просвѣщенія, съ 3-го ноября 1880 года.

Переводятся на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: младшій преподаватель Константиновскаго межеваго института, статскій совѣтникъ Крыловъ, съ назначеніемъ начальникомъ Лодзинской учебной дирекціи, съ 10-го октября 1880 года.

Состоящій при министерствѣ юстиціи, губернский секретарь Таскинъ, съ опредѣленіемъ помощникомъ дѣлопроизводителя въ департаментъ народнаго просвѣщенія, съ 22-го октября 1880 года.

Командируются: директоръ Варшавской ветеринарной школы, коллежскій ассесоръ Сѣицовъ—въ С.-Петербургъ, на шесть недѣль.

Доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, магистръ Перетятковичъ—въ Москву, по 20-е декабря 1880 года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: директоръ Курской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Жаворонковъ, съ 27-го апрѣля 1880 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бекетовъ, съ 20-го іюля 1880 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ващенко-Захарченко, съ 17-го августа 1880 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фирсовъ, съ 17-го августа 1880 года.

Директоръ Одесской третьей гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поруновъ, съ 17-го августа 1880 года.

Профессоръ православнаго богословія Императорскаго университета св. Владиміра, протоіерей Фаворовъ, съ 24-го сентября 1880 года.

Директоръ Ярославской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Звонниковъ, съ 23-го октября 1880 года.

Увольняются въ отпускъ: въ Россію: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Штиглицъ—на два мѣсяца, въ гор. Кіевъ.

За границу: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Менцерскій—на десять дней.

Учитель Рязскаго городского реальнаго для гражданъ училища Барро—на зимнее вакаціонное время 1880 года.

Почетный попечитель Ршелевской гимназіи графъ Толстой и учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Островскій—на двадцать восемь дней; послѣдній по болѣзни.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Рельманъ—на зимнее вакаціонное время и четырнадцать дней.

Врачъ Сумскаго реальнаго училища Фрей—на два мѣсяца, по болѣзни.

Отчисляются отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: коллежскій ассессоръ Фохтъ и въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій секретарь Столыпинъ, пер-

вый съ 1-го августа 1880 года, по случаю утвержденія его учителемъ параллельныхъ классовъ Московской первой гимназіи, а второй, съ 21-го сентября 1880 года, вслѣдствіе назначенія его исправляющимъ должность непремѣннаго члена Вольскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Увольняются, согласно прошеніямъ, отъ службы: помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Преображенскій, съ 1-го октября 1880 года.

Инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Аноповъ, съ 15-го октября 1880 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ Щуровскій, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: капитану 1-го ранга Разградскому—за сочувствіе его дѣлу народнаго образованія.

Содержателю литографіи въ Москвѣ Бахману—за денежное пожертвованіе въ пользу Императорскаго Московскаго общества испытателей природы.

Попечителю Вепкайменскаго сельскаго начальнаго училища Корсунскаго уѣзда, Симбирской губерніи, Александру Родіонову и тамошнему землевладѣльцу Дмитрію Родіонову—за пожертвованія ихъ въ пользу названнаго училища.

У П Р Е Д ъ Л Е Н І Я У Ч Е Н А Г О К О М И Т Е Т А М И Н И С Т Е Р С Т В А НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книги: 1) „Cours gradué de langue française à l'usage des classes supérieures des gymnases et des écoles“. (Troisième et quatrième partie). Syntaxe, 2-me édition, soigneusement revue et considérablement augmentée par Aimé Guill. Kercoff, lecteur de langue française à l'Académie ecclésiastique et maître de français au premier gymnase militaire de Moscou. Москва. 1880 г. Цѣна 1 р. 25 коп., съ пересылкой 1 р. 50 коп.—одобрить для употребленія въ качествѣ руководства въ старшихъ клас-

сахъ среднеучебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. 2) „Recueil de morceaux en prose pour servir à la lecture et à la traduction dans les classes moyennes des gymnases et des écoles. Première partie, par A. Kercoff et I. Petitpièrre“. Москва. 1879 г. цѣна 80 коп.—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для употребленія въ среднихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. 3) „Приложеніе алгебры къ геометріи и начала аналитической геометріи на плоскости“. Сост. А. Фроловъ. Ч. 1. Приложеніе алгебры къ геометріи. По программѣ военныхъ гимназій и реальныхъ училищъ, 4-е изданіе. С.-Петербургъ. 1880 г.—одобрить, какъ учебникъ для реальныхъ училищъ.

— Книгу, подъ заглавіемъ: „Историческая хрестоматія, новаго періода русско й словесности“. Т. I. Отъ Петра Великаго до Карамзина. Т. II. Отъ Карамзина до Пушкина. Изд. 3-е безъ перемѣнъ. Составилъ А. Галаховъ. С.-Петербургъ. 1880 г.—рекомендовать какъ учебное пособие для гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: составленную преподавателемъ Казанской учительской семинаріи Сердобольскимъ книгу, подъ заглавіемъ: „Книжка для чтенія въ начальныхъ народныхъ школахъ“ (съ обозначеніемъ ударенія косями буквами). Изданіе третье, дополненное. Казань. 1880 г.,—допустить къ употребленію въ инородческихъ школахъ Казанскаго учебнаго округа.

— Составленную С. Рождественскимъ книгу: „Краткая отечественная исторія“ въ разказахъ для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ, съ портретами замѣчательныхъ лицъ. Изданіе 6-е, дополненное. С.-Петербургъ. 1880 г. 30 коп.,—допустить въ бібліотеки народныхъ училищъ и для чтенія въ классахъ сихъ училищъ для пересказа прочитаннаго.

— Составленную Д. и Е. Тихомировыми, книгу: „Букварь для совмѣстнаго обученія письму и чтенію“, съ картинками и статьями для первоначальныхъ упражненій въ чтеніи по русски и церковно-

славянски для народныхъ школъ. Изданіе 7-е. Москва. 1860 г. Цѣна 15 коп.,—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ.

— Составленная женою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александрю Николаевною Бахметевою, брошюры: 1) „Крѣпость“, разказъ для дѣтей, передѣланный съ англійскаго. Изданіе 2-е. Москва. 1880 г. Цѣна 5 к. и 2) „Какъ Паша старался быть добрымъ мальчикомъ и Сиротка“. Москва. 1871 г. Цѣна 3 к.,—одобрить для библиотекъ сельскихъ и городскихъ начальныхъ училищъ, какъ книги для чтенія.

— Представленную обществомъ покровительства животныхъ брошюру: „Для чего образуются общества покровительства животныхъ“. Составилъ И. Д. Кошкаровъ. Чтеніе для народа 9-го февраля 1875 г. С.-Пб. 1875 г.,—допустить, какъ книгу для чтенія, въ ученическія бібліотеки начальныхъ городскихъ и сельскихъ школъ.

— Составленную Н. А. Козаченко брошюру: „Наставленіе для народа о томъ, какъ предохранять животныхъ отъ заболѣванія заразительными болѣзнями, а также о томъ, какъ люди должны поступать, чтобы не заразиться отъ животныхъ, и какъ лѣчить заболѣвшихъ животныхъ до прибытія врача“. Изданіе 2-е. Вятка 1880 г.,—допустить въ бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Изданную А. Н. Бахметевою брошюру: „Красный сарафанчикъ“. Разказъ для дѣтей, передѣланный съ англійскаго. Москва. 1875 г. Цѣна 3 коп.,—допустить въ бібліотеки сельскихъ училищъ, какъ книгу для чтенія.

ОФИЦАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ

даръ Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, въ 28-й день сентября 1880 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на поставку въ актовомъ залѣ Вѣрненской прогимназіи портретовъ: военнаго губернатора Семирѣчепской области, генераль-лейтенанта Колпаковскаго и главнаго инспектора училищъ Туркестанскаго края, статскаго совѣтника Куна.

— Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія призналъ возможнымъ книгу, подъ заглавіемъ „Святость Царскаго Имени“. Книжка для народнаго чтенія. Составилъ Иванъ Савчеп-

ковъ, крестьянинъ села Соловьевки, Родомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Изданіе редакціи народнаго журнала „Сельская бесѣда“, С.-Петербургъ. 1880 года,—допустить въ начальныя народныя училища.

— Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ мнѣніе особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія объ изданной обществомъ распространенія полезныхъ книгъ брошюръ подъ заглавіемъ: „Святый Савва Освященный и Святый Іоаннъ Дамаскинъ“. Съ двумя рисунками. Москва. 1877 г. Цѣна 20 к., признавъ возможнымъ допустить названную брошюру для библиотекъ народныхъ школъ.

— Г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра утвердилъ: сдѣланное управлявшимъ Одесскимъ учебнымъ округомъ распоряженіе:

1) о закрытіи съ начала текущаго учебнаго года, параллельнаго отдѣленія при IV классѣ Севастопольскаго реальнаго училища, взаимнѣ такоаго же отдѣленія при III классѣ сего училища, закрытаго съ того же срока, съ отнесеніемъ недостающихъ на содержаніе означенной параллели шестидесяти рублей на спеціальныя средства названнаго училища;

2) о закрытіи, съ начала текущаго 1880—81 учебнаго года, параллельнаго отдѣленія при I классѣ Одесской третьей гимназіи и открытіи взаимнѣ онаго, съ того же срока, такоаго же отдѣленія при II классѣ названной гимназіи:

3) опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Кіевской третьей гимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной гимназіи, съ начала текущаго 1880—81 учебнаго года, въ нормальныхъ классахъ по сорока руб., а въ приготовительномъ по двадцати пяти руб., въ годъ съ каждаго ученика;

4) опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Измайльской мужской прогимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной прогимназіи, въ приготовительномъ классѣ по двадцати руб., а въ нормальныхъ классахъ по тридцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра, разрѣшилъ:

1) оставить и на 1880—81 учебный годъ параллельныя отдѣленія при приготовительномъ и трехъ низшихъ классахъ Виленской гимназіи, съ платою за ученіе въ параллеляхъ: при приготовитель-

номъ классѣ, по тридцати руб. въ годъ, а при нормальныхъ классахъ по шестидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика;

2) открыть при IV классѣ Кіевской 6-ти-классной прогимназіи, съ начала текущаго 1880—81 учебнаго года, параллельное отдѣленіе, съ отнесеніемъ расхода, потребнаго на его содержаніе въ количествѣ до 1,480 руб., на спеціальныя средства названной прогимназіи;

3) открыть при IV классѣ Шавельской гимназіи параллельное отдѣленіе, съ платою за ученіе въ означенномъ отдѣленіи по тридцати пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика;

4) открыть, съ начала 1880—81 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при VI классѣ Могилевской гимназіи и, съ того же времени закрыть таковое же отдѣленіе при V классѣ названной гимназіи, съ отнесеніемъ расхода на содержаніе вновь открываемой параллели на сумму, употребившуюся на содержаніе параллели при V классѣ Могилевской гимназіи;

5) открыть, съ начала 1880—81 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при IV классѣ Новгородсѣверской гимназіи и съ того же времени закрыть таковое же отдѣленіе при III классѣ названной гимназіи, съ отнесеніемъ расхода на содержаніе вновь открываемой параллели на сумму, употребившуюся на содержаніе параллели при III классѣ Новгородсѣверской гимназіи;

6) увеличить плату за содержаніе воспитанниковъ въ пансіонѣ при Псковской мужской гимназіи съ двухсотъ пятидесяти руб. до двухсотъ шестидесяти руб. въ годъ;

7) открыть пансіонъ при Троицкой мужской гимназіи, съ примѣненіемъ къ нему правилъ, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 23-го мая 1872 г.;

8) открыть параллельное отдѣленіе при II классѣ Одесской второй прогимназіи, съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію сей параллели на спеціальныя средства названной прогимназіи.

— Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ:

1) открыть, съ начала 1880—81 учебнаго года, при V классѣ Витебской гимназіи параллельное отдѣленіе, съ тѣмъ, чтобы уроки закона Божія и новыхъ языковъ были свободными, а расходъ, потребный на содержаніе открываемой параллели, въ количествѣ тысячи двухсотъ десяти руб., отнесенъ былъ на сумму сбора за ученіе въ названной гимназіи:

2) открыть при Кіевскомъ реальномъ училищѣ параллельное отдѣленіе III класса, съ отнесеніемъ потребной на его содержаніе въ текущемъ году суммы, въ количествѣ одной тысячи девятисотъ руб., на спеціальныя средства означеннаго училища;

3) открыть въ текущемъ году параллельное отдѣленіе приготовительнаго класса при Немировской гимназіи, съ отнесеніемъ расхода по его содержанію на спеціальныя средства названной гимназіи;

4) взимать плату за ученіе въ Карачевской мужской прогимназіи, съ начала 1880—81 учебнаго года, въ нормальныхъ классахъ по пятнадцати руб., а въ приготовительномъ по десяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

Открыты слѣдующія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія:

1) 2-го сентября 1880 г. въ Ефремовѣ (Тульской губерніи) 4-хъ-классная мужская прогимназія; желающихъ поступить въ эту прогимназію оказалось 43 человѣка;

2) 7-го сентября 1880 г. въ Самарѣ реальное училище Императора Александра Благословеннаго, въ I классъ котораго принято 63 ученика, во II—22, въ III—16;

3) 11-го сентября 1880 г. въ г. Карачевѣ (Орловской губерніи) 4-хъ-классная мужская прогимназія, въ приготовительный классъ которой принято 24 ученика, въ I—32 и во II—6 учениковъ;

4) 16-го сентября 1880 г. Минское реальное училище, на первый годъ въ составѣ одного V класса, въ которой принято 36 учениковъ;

5) 26-го сентября 1880 г. въ г. Черкасахъ (Кіевской губерніи) 4-хъ-классная мужская прогимназія, на первый учебный годъ въ составѣ приготовительнаго, I и II классовъ;

6) 1-го октября 1880 г. въ Вяткѣ реальное училище, въ составѣ 5 классовъ, въ I классъ котораго принято 40, во II—24, въ III—33, въ IV—27 и въ V—15 учениковъ;

7) 1-го октября 1880 г. въ г. Борисоглѣбскѣ (Тамбовской губерніи) 4-хъ-классная мужская прогимназія, въ приготовительный классъ которой принято 15 учениковъ, въ I—35 и во II—10.

часть ссши, отд. 1.

3

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Съ 1-го января 1880 года будетъ выходить еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ „Вѣстникъ Россійскаго Общества Краснаго Креста“, издаваемый главнымъ управленіемъ названнаго общества, подъ редакціей генерала Зыкова. Журналъ этотъ одобренъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для библиотекъ народныхъ училищъ вѣдомства сего министерства. Подписная цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи. Съ требованіями слѣдуетъ обращаться въ С.-Петербургъ, въ главную контору редакціи „Вѣстникъ Краснаго Креста“ и „Досугъ и Дѣло“, при картографическомъ заведеніи Ильина. Кромѣ того, можно подписываться: 1) въ главномъ управленіи общества Краснаго Креста въ С.-Петербургѣ, Инженерная улица, домъ № 9 и 2) во всѣхъ управленіяхъ и комитетахъ общества въ провинціи.

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ПАЛЕОГРАФІЯ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Печатаемый нынѣ трудъ покойнаго Измаила Ивановича Срезневскаго есть произведеніе многихъ лѣтъ, постоянно разроставшееся подъ вліяніемъ его новыхъ изслѣдованій. Въ немъ есть страницы, писанныя въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, лѣтомъ и даже осенью 1879 года. Однако окончательно пересмотрѣтъ и обработанъ онъ не былъ. Можно думать, что Измаиль Ивановичъ имѣлъ въ виду продолжать этотъ трудъ: описаніе памятниковъ доведено въ немъ только до конца XIV вѣка; между тѣмъ и памятники XV вѣка постоянно входили въ кругъ его изслѣдованій и наблюденій, что доказываетъ между прочимъ и собранная имъ огромная коллекція палеографическихъ снимковъ, гдѣ памятники XV столѣтія также приведены въ полный систематическій порядокъ.

При желаніи, чтобы посмертное изданіе трудовъ Измаила Ивановича соотвѣтствовало по возможности его собственнымъ предположеніямъ, мы не сочли себя въ правѣ дѣлать какія-либо измѣненія въ рукописи, хотя поэтому, можетъ быть, пришлось оставить нѣкоторыя частности, которыя онъ самъ опустилъ бы при печатаніи.

Первыя страницы этого труда — Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи — были уже напечатаны въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Впослѣдствіи Измаиль Ивановичъ сдѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, которыя и включены въ новое изданіе. Нѣсколько очевидно случайныхъ пропусковъ, происшедшихъ при новомъ раздѣленіи на главы, указано подъ строкою. Отдѣлъ, озаглавленный: „Извѣстія о письменности у Славянъ со времени Константина философа“, можетъ быть, предна-

значался къ сокращенію, потому что нѣкоторыя страницы слегка перечеркнуты карандашемъ; но такъ какъ это могло быть сдѣлано и для лекцій, сообразно переменамъ курса, то онѣ печатаются въ первоначальномъ видѣ. Вставки, сдѣланныя наскоро на поляхъ безъ обозначенія, куда ихъ слѣдуетъ внести, помѣщены внизу страницъ. Прилагаемые рисунки и таблицы приготовлены для настоящаго изданія по снимкамъ, сдѣланнымъ большею частью самимъ Измаиломъ Ивановичемъ, и только очень не многіе сняты вновь съ подлинниковъ на основаніи указаній, находящихся въ самомъ текстѣ.

С.

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ПАЛЕОГРАФІЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи.

I. О палеографіи и палеографическихъ работахъ вообще.

Всякій остатокъ старины и древности носитъ на себѣ признаки своего времени. До умѣнья отличать эти признаки можно дойти и простымъ, безотчетнымъ навыкомъ; но и тутъ, какъ во всемъ безотчетномъ, печальная ошибка такъ же легка, какъ и случайная удача. Сама любовь къ дѣлу, не говоря о другихъ поводахъ, должна привести къ сознанію необходимости подробнаго, отчетливаго разбора признаковъ, необходимости особой отрасли науки древностей, критически опредѣляющей значеніе каждаго признака отдѣльно и въ связи съ другими.

И эта отрасль науки древностей дѣйствительно существуетъ, даже раздѣленная уже на нѣсколько особенныхъ частей, не всякому археологу равно знакомыхъ, различающихся научными приемами.

Одна изъ нихъ, одна изъ самыхъ важныхъ частей по значенію, есть такъ-называемая палеографія.

Въ общемъ смыслѣ подъ именемъ палеографіи понимаютъ знаніе происхожденія, видоизмѣненій и распространенія письменъ; въ смыслѣ частномъ она есть знаніе повременныхъ видоизмѣненій письменъ какой-нибудь азбуки и ихъ употребленія съ опредѣленіемъ признаковъ, по которымъ можно распредѣлять памятники письменности въ повременномъ порядкѣ, назначая каждому, не посящему на себѣ ясныхъ

указаніи о времени, его дѣйствительное мѣсто по степеню древности, его вѣкъ.

На какихъ прочныхъ основаніяхъ палеографія можетъ дѣлать свои соображенія и выводы, ясно изъ того, что въ памятникахъ, подлежащихъ ея разсмотрѣнію, нерѣдко встрѣчаются замѣтки о времени, къ которому они относятся, припоминанія лицъ и событій или же прямыя указанія года. Такъ, напримѣръ, при такъ-называемомъ Остромировомъ Евангеліи есть запись, упоминающая о Новгородскомъ посадникѣ Остромирѣ, о великомъ князѣ Изяславѣ Кіевскомъ, и вмѣстѣ прямо указывающая на годъ написанія книги 6564—6565 (1056—1057). Такъ, запись князя Глѣба на Тмутороканскомъ камнѣ указываетъ, что онъ мѣрилъ море черезъ Таврической Керченскій проливъ отъ Тмуторокани до Корчева (Керчи) въ 6576 году индикта 6-го (1068 г.): по лѣтописнымъ запискамъ знаемъ, что Глѣбъ былъ призванъ въ Тмуторокань въ 1065 или 1066 году, а въ 1069 г. является въ Новгородѣ.

Такіе памятники опредѣленнаго времени составляютъ главный источникъ, изъ котораго палеографъ почерпаетъ свѣдѣнія, для него нужныя. По нимъ онъ дѣлаетъ свои выводы. Очевидно, что ошибки палеографу тѣмъ менѣе возможны, чѣмъ болѣе такихъ памятниковъ будетъ у него на лицо, и чѣмъ внимательнѣе будетъ онъ ихъ наблюдать.

Палеографъ не исполнитъ однако своихъ обязанностей, если сосредоточитъ свое вниманіе исключительно на однихъ письменахъ. Не менѣе письменъ важно для него и правописаніе, которое также подлежитъ измѣненіямъ во времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ. Измѣняется употребленіе буквъ и другихъ знаковъ, появляются знаки прерыванія, и т. д. Такъ, напримѣръ, прежде чѣмъ стали употреблять џ (вязь изъ ш и т), употребляли шт; букву ѣ стали употреблять только въ концѣ XIV вѣка; запятая отдѣльно отъ точекъ вошла въ обычай въ XV вѣкѣ, и т. д. Съ другой стороны, палеографъ долженъ обращать вниманіе, на чемъ и какъ начертаны письмена. Такъ, у насъ въ древности книги и грамоты писались прежде на кожѣ (пергаминѣ), а потомъ на бумагѣ, съ разными знаками, измѣнявшимися по времени; а записи и написи на вещахъ были не только писанныя на кожѣ, бумагѣ, полотнѣ и т. п., но и рисованныя красками и золотомъ на стѣнахъ храмовъ, иконахъ и на утвари церковной; рѣзанныя на деревѣ, кости, камнѣ, металлѣ — на крестахъ, образахъ, чашахъ, блюдахъ, надгробныхъ и другихъ доскахъ, шлесахъ и т. п.;

тисненныя на восковыхъ, свинцовыхъ и т. п. печатяхъ; чеканныя на монетахъ, печатяхъ; литыя на мѣдныхъ, серебряныхъ, золотыхъ образахъ, на колоколахъ; мозаичскія на стѣнахъ храмовъ; финифтинныя на образахъ, окладахъ; шитыя шелками, серебромъ, золотомъ и низанныя жемчугомъ на одеждахъ, покрывахъ. Палеографъ долженъ присматриваться къ принадлежностямъ и украшеніямъ разсматриваемыхъ предметовъ, къ переплету и заставкамъ книгъ, къ складкѣ грамотъ, къ формамъ крестовъ и другихъ предметовъ.

Только словами описывать свои наблюденія палеографъ, очевидно, не можетъ. Онъ долженъ перерисовывать не только письма, но нерѣдко цѣлыя предметы съ письменными начертаніями. Въ случаѣ необходимости, онъ можетъ перерисовывать и отъ руки, глазомѣрно; но вполне достовѣрные рисунки суть снимки — или на прозрачную бумагу, на бумагу намоченную, или же снимки гуттаперчевые, гипсовые, гальванопластическіе и т. п., или, наконецъ, фотографическіе.

Памятники древности представляются часто въ испорченномъ видѣ. Тогда палеографъ долженъ ихъ воспроизводить на своихъ снимкахъ, сколько возможно вѣрнѣе, не соединяя съ тѣмъ что осталось своихъ предположеній, которымъ мѣсто не въ снимкѣ, а въ изслѣдованіи. Тѣмъ не менѣе, не нужна ему грязь, покрывающая памятники: ее слѣдуетъ смыть, гдѣ только возможно, безъ поврежденія памятника, чтобы имѣть передъ собою памятникъ въ болѣе ясномъ видѣ — тѣмъ болѣе, что за грязью скрывается иногда и очень важное. Нужно также, разумѣется съ полною осторожностью, возстановлять утраченныя черты, напримѣръ, на рукописяхъ, писанныхъ желѣзистымъ черниломъ, буквы и знаки, запропавшіе за грязью или отъ того, что верхній слой чернила стерся или вывѣтрился. Такое возстановленіе иногда можетъ быть очень важно; можетъ вскрыться и запись о времени написанія памятника. Такъ, мнѣ удалось возстановить запись въ книгѣ Евангельскихъ чтеній, изъ которой оказалось, что эта книга Юрьева монастыря написана при игуменѣ Киріякѣ, который, какъ показано въ лѣтописи, правилъ Юрьевымъ монастыремъ въ 1119 — 1128 годахъ. Не могу при этомъ не припомнить о счастливомъ вскрытіи записи на такъ-называемомъ Добриловскомъ Евангеліи 1164, сдѣланномъ Востоковымъ слишкомъ за 40 лѣтъ передъ нимъ (въ Румянцевскомъ музеѣ: въ 4-ку 270 листовъ, русскаго правописанія). Возстановленіе бываетъ иногда еще важнѣе въ такъ-называемыхъ палимпсестахъ, *παλίμψιστος* = *παλίμψιστος* — отъ *παλί* и *ψῶ*, подскобленный). Подъ вновь писаннымъ можетъ скрываться памятникъ гораздо

болѣ древній и замѣчательный, и дѣйствительно такъ найдены были нѣкоторыя очень важныя произведенія древности. (Посредствомъ возстановленія палимпсестовъ Анджео Майо открылъ значительную часть сочиненія Цицерона „de republica“, части его рѣчей, отрывки Плавта, а Нибуръ — институціи Гаія; такъ открытъ готескій переводъ частей Библии и пр.). Понятно, что при помощи возстановленія памятникъ можетъ совершенно измѣнить свой видъ и свое значеніе. На снимкѣ хорошо бываетъ сохранять и прежній видъ, и новый возстановленный. Возстановленіе должно дѣлаться съ полною осторожностью, чтобы не утратилось и то, что было. Такъ несчастно возстановляема была запись, которою начиналась книга Кормчая 1280-хъ годовъ, и теперь, кромѣ начала, совершенно исчезла за несмысливаемой грязью, наложенною возстановителями.

Само собою разумѣется, что ипогда придется палеографу имѣть въ виду только правописаніе и языкъ памятника: тогда можно и списывать отъ руки, не передавая рисунка буквъ или передавая приблизительно. Въ такихъ случаяхъ онъ долженъ устремить свою внимательность на вѣрность списыванія: списывать буква въ букву, знакъ въ знакъ, строка въ строку, страница въ страницу.

Только при помощи хорошо выбраннаго матеріала можно дѣлать удовлетворительныя палеографическія разборы памятниковъ, каковъ, напримѣръ, разборъ Фрейзингенскихъ отрывковъ, приготовленный Востоковымъ въ „Собраніи Славянскихъ памятниковъ“ (1826). Только такими внимательными разборами можно пользоваться для сводныхъ палеографическихъ изслѣдованій и выводовъ.

Прямые палеографическія выводы касаются, какъ видно изъ прежде сказаннаго: 1) постепеннаго измѣненія начертанія письменъ, каждаго отдѣльно и въ ихъ взаимной связи, а равно и разныхъ принадлежностей написанія; 2) постепеннаго измѣненія правописанія. Непрямые палеографическія выводы могутъ быть лингвистическіе, археологическіе, историческіе, литературные и т. п.

Тѣ и другіе приводятъ къ правиламъ отличенія памятниковъ разнаго времени, не опредѣленнаго ничѣмъ на нихъ ясно, и къ открытіямъ новыхъ памятниковъ. Тѣ и другіе бывають нужны и для изобличенія недоразумѣній и обмановъ. Поразительны бывають ошибки тѣхъ, которые, по незначію или по пристрастію, читають и толкують записи на памятникахъ не такъ, какъ должно читать и толковать. Вспомнимъ хогь про чтеніе на монетахъ русскихъ слова Игорь вмѣсто Государь. Еще смѣлѣе бывають обманы, поддѣлки. Особенно

части бывали и бываютъ поддѣлки монетъ, съ цѣлю продать ихъ за дорогую цѣну; но бывали и поддѣлки грамотъ, какъ, напримѣръ, грамотъ Льва Галицкаго, и рукописей, какъ, напримѣръ, списковъ „Слова о полку Игоревѣ“.

II. Русскія палеографическія работы до XIX вѣка и въ первой четверти XIX вѣка.

Древняя у насъ любовь къ древностямъ — особенно та, которая соединялась съ христіанскимъ благочестіемъ; но до тѣхъ поръ, пока не были заявлены и поняты требованія европейской науки, эта любовь ограничивалась только сбереженіемъ древностей и легко могла впадать въ ошибки въ приговорахъ о древности сберегаемаго. Не только во время Петра Великаго, но и во время Екатерины II и даже послѣ, эта любовь шла отдѣльно отъ науки, между тѣмъ какъ на западѣ Европы, не только во время Екатерины II, но и во время Петра Великаго, наука древностей имѣла своихъ тружениковъ и цѣнителей, и по палеографіи сдѣланы были значительные труды—именно въ примѣненіи къ изученію греко-римской древности и среднихъ вѣковъ. Въ числѣ главныхъ явленій слѣдуетъ отмѣтить: труды іезуитовъ Болаидистовъ (Литвернонскихъ), начавшихъ съ 1643 г. издавать *Acta sanctorum* съ учеными объясненіями, между прочимъ и палеографическими (напримѣръ, Панеброха); труды бенедиктинцевъ, изъ которыхъ особенно памятенъ Монфоконъ (*Bernard de Montfaucon*): *Palaeographia graeca sive de ortu et progressu litterarum graecarum* (1708 in folio), *L'Antiquité expliquée* (1719—1724, 15 тт. f°), *Les monuments de la monarchie française* (1729—33, 5 т. f°), описанія и изданія многихъ рукописей; Бандури (*A. Banduri*): *Imperium orientale* (1721 г. 2 т. f°) и *Numismata imperatorum Romanorum* (1718, 277 f°); Тустена и Тассена: *Nouveau traité de diplomatique* (1750—1765, 6 т. въ 4-у); труды разныхъ изслѣдователей христіанства и Византіи, между которыми особенно важное мѣсто занимаетъ Дюканжъ (*Ch. Dufresne du Cange*). Къ половинѣ XVIII вѣка ни одна часть палеографическаго изученія древностей древней и новой Европы не осталась забытою—ни книги, ни свитки, ни грамоты, ни монеты, медали и печати, ни написи на камняхъ и другихъ предметахъ, ни что-либо подобное. Все это подробно было описываемо и представляемо въ рисункахъ. Издація съ рисунками были въ ходу: средства для нихъ отыскивались и въ капищулахъ мона-

пешскихъ орденовъ, и у сильныхъ міра, и потому издано было очень много палеографическаго матеріала, въ снимкахъ, нерѣдко довольно вѣрныхъ, хотя и сдѣланныхъ отъ руки. Въмѣстѣ съ тѣмъ, хотя въ небольшомъ кругѣ записныхъ археологовъ, поняты были требованія палеографическихкихъ наблюденій и изслѣдованій.

Не надобно, конечно, глядѣть преувеличенно на труды XVII—XVIII вѣковъ на западѣ, находя въ нихъ только совершенство: очень многое, по крайней мѣрѣ въ палеографическомъ отношеніи, теперь или совершенно не годится, или употребляется по нуждѣ, за неизбѣнимъ лучшаго; тѣмъ не менѣе нельзя и не удивляться громадности предпринятыхъ и исполненныхъ трудовъ, и нерѣдко учености трудившихся. Намъ, Русскимъ, оставалось только учиться такъ дѣлать, какъ дѣлалось, подражать. И на это, однако, надобно было приготовиться хорошимъ основнымъ образованіемъ, а его у насъ ни у кого не было. Можно было ожидать всего болѣе отъ Академіи Наукъ, которой члены, болѣе чѣмъ кто другой, могли стоять на уровнѣ съ научными стремленіями и требованіями западныхъ ученыхъ; но и Академія оставалась мало дѣятельною и въ отношеніи къ древностямъ русскимъ и славянскимъ, и въ отношеніи къ распространенію археологическихкихъ и палеографическихкихъ знаній.

Въ ризницахъ монастырей и церквей, въ типографской бібліотекѣ, въ купеткамерѣ Академіи, во дворцахъ государой и въ собраніяхъ нѣкоторыхъ частныхъ людей, у насъ и прежде сохранялись древности: иконы, оклады, кресты, книги, сосуды, разныя вещи, но не для научныхъ нуждъ. Памятники древней и старинной письменности были издаваемы (напримѣръ, лѣтописи синодомъ и академіею, грамоты и другіе памятники Новиковымъ и пр.), но такъ, что строгій изслѣдователь не могъ этимъ изданіямъ довѣрять. О научныхъ описаніяхъ еще и не думали.

На состояніе научныхъ требованій по изданію памятниковъ указываетъ изданіе „Русской лѣтописи по Никонову списку“, которой первая часть вышла подъ смотрѣніемъ Академіи Наукъ въ 1767 году, съ предисловіемъ одного изъ издателей, академика А. Шлецера. Въ этомъ предисловіи, между прочимъ, описана рукопись, съ которой изданіе печаталось, и указаны правила изданія.

Основнымъ правиломъ положено:

„Печатный списокъ долженъ быть совершенно сходенъ съ рукописнымъ, такъ чтобы тотъ, кто будетъ имѣть печатный, въ разсужденіи всякаго слова и всякой литеры могъ бы на него полагаться

съ такою же смѣлостью, какъ если бы онъ имѣлъ у себя и рукописный*.

Въ добавокъ къ исполненію этого правила, можно было бы ожидать снимка съ рукописи, которую считали, какъ видно изъ правила, очень важною; но этого не сдѣлано, хотя средства Академіи легко могли это позволить. Другой вопросъ—можно ли было считать рукопись, съ которой печатали, такою важною; не слѣдовало ли разузнать о другихъ спискахъ той же лѣтописи, не слѣдовало ли, разсмотрѣвши ихъ, сравнительно описать каждую и представить читателямъ не списокъ съ одной, а самую лѣтопись съ обозначеніемъ вариантовъ разныхъ списковъ, чему образцовъ на западѣ Европы было уже не мало. Сдѣлать такъ было возможно, потому что списки лѣтописей были уже собираемы, и совершенно уместно, потому что Никоновская лѣтопись, какъ сводъ поздній, не была важна какъ самостоятельная древняя лѣтопись, какъ памятникъ тѣхъ вѣковъ, о которыхъ повѣствуетъ.

Въ примѣръ слабости палеографическихъ требованій можно вспомнить еще о тѣхъ снимкахъ съ написи на Тматороканскомъ камнѣ, найденномъ въ 1792 году, которые изданы Палласомъ, Вакселемъ и Мусинимъ-Пушкинымъ: довольно сказать, что они взаимно не сходны. Нельзя не замѣтить, что эти невѣрные рисунки написи не мѣшали ходу споровъ, возбужденныхъ сомнѣніемъ въ подлинности написи.

Упомянувъ о Мусинѣ-Пушкинѣ, считаю долгомъ вспомнить о трудахъ этого замѣчательнаго сподвижника въ разработкѣ русскихъ древностей.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и въ первые годы царствованія Александра I, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей въ кругу сподвижниковъ разработки Русской древности и старины былъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, съ 1797 г. графъ. Принадлежа съ молодости къ числу защитниковъ всего русскаго, соединяя съ любовью ко всему родному уваженіе къ памятникамъ прежней народнои жизни, съ 1791 года онъ сталъ собирать эти памятники частью для императрицы, какъ матеріалъ для ея работъ по русской исторіи, частью для себя. Тому и другому помогало его положеніе: его связи и назначеніе его въ 1791 году оберъ-прокуроромъ синода и исполнителемъ воли государыни о собираніи по епархіямъ и монастырямъ лѣтописей и другихъ книгъ историческаго содержанія. Начало собиранію положено покупкою бумагъ Крешнина и подарками графа Г. П. Головкина и другихъ лицъ. Между присылками

изъ разныхъ мѣстъ особенно важна была присылка изъ Кіева двухъ древнихъ монетъ: Ярославля сребра и сребра Володимірова. Это неожиданное открытіе такъ усилило охоту Мусина-Пушкина къ собранію древностей, что онъ во многихъ городахъ завелъ комиссіонеровъ, давъ имъ право за книги платить щедро, а за старинныя деньги и привѣски къ иконамъ противу пхъ вѣса вдвое. Не менѣе замѣчательно было открытіе сборника юридическаго XIII—XIV вѣковъ съ Русской Правдой и договоромъ Смоленска съ Ригой 1229 г., Лаврентьевскаго списка древней лѣтописи, гдѣ нашлось поученіе Владиміра Мономаха, сборника XIV вѣка, въ которомъ пайдепо Слово о полку Игоревѣ, древняго рубля, золотой гривны, и пр., и пр. Въ число вкладчиковъ въ собраніе Мусина-Пушкина вошла и Екатерина, жалующая его не только древними историческими книгами и бумагами, но и черновыми своей руки, послѣдними—для его собранія автографовъ. Какъ счастливъ былъ Мусинъ-Пушкинъ въ своемъ предпріятіи, видно изъ отзывовъ объ этомъ Болтина въ „Критическихъ примѣчаніяхъ“ на исторію князя Щербатова, гдѣ онъ, говоря о значительности его собранія, называлъ его крайнимъ любителемъ древностей нашихъ, не жалѣющимъ на нихъ ни труда, ни денегъ, и припомнилъ пословицу: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“. Собраніе это до 1799 года было въ Петербургѣ, а послѣ, когда Мусинъ-Пушкинъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Москву, перевезено въ его Московскій домъ, и было постоянно доступно всѣмъ занимающимся древностями. Подъ копецъ своей жизни Мусинъ-Пушкинъ хстѣлъ отдать свое драгоценное собраніе въ архивъ иностранной коллегіи, но не успѣлъ—и оно погнбло въ пожарѣ 1812 года вмѣстѣ со всѣмъ домомъ. Сохранилось только то немногое, что было въ деревнѣ графа, у Карамзина, у Бекетова и у другихъ лицъ. — Мусинъ-Пушкинъ былъ не только собирателемъ, но и издателемъ и истолкователемъ памятниковъ; но въ этомъ дѣлѣ онъ былъ несравненно менѣе счастливъ; онъ издалъ Русскую Правду (1792, 1799, 1803), Поученіе Владиміра Мономаха подъ названіемъ Духовной (1793), Исслѣдованіе о мѣстоположеніи Тмутороканскаго камня (1794), Слово о полку Игоревѣ (1800). Ни въ одномъ изъ этихъ изданій не соблюдены требованія исправности въ отношеніи къ передачѣ извода, съ котораго печаталось, хотя и было въ виду ея достиженіе. Тѣмъ не менѣе, заслуги Мусина-Пушкина очень значительны: онъ возбуждалъ уваженіе къ остаткамъ древности и вызвалъ на научныя работы по нимъ другихъ дѣятелей.

Тотъ же Тмутороканскій камень, который далъ русской литера-

турѣ съ неудачными снимками цѣлый рядъ статей неудачнаго спора о подлинности написи, далъ поводъ и первому счастливому шагу нашему въ палеографіи. За дѣло взялся А. Н. Оленипъ (сдѣлавшійся послѣ болѣе извѣстнымъ какъ президентъ Академіи Художествъ и какъ директоръ Императорской публичной библіотеки). Онъ досталъ съ мѣста слѣпокъ съ того бока камня, гдѣ изваяна напись, поручилъ срисовку со слѣпка образованному художнику-археологу А. И. Ермолаеву, и напечаталъ этотъ рисунокъ съ полною художественною тщательностью при письмѣ къ графу Мусину-Пушкину въ 1806 г. („Письмо къ графу А. И. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутороканскомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ въ 1792 году. Въ градѣ св. Петра“. Въ 4-ку). Въ числѣ палеографическихъ приложений къ этой замѣчательной книгѣ есть и вѣрный изящный рисунокъ монеты: „гаро-славле сѣребро“ изъ собранія Мусина-Пушкина и цѣлый листъ списковъ съ рукописей XI—XV вѣковъ, годныхъ почти вполне и для нашего времени (между прочимъ, со Святославова сборника 1076 года и съ Лаврентьевскаго списка лѣтописи 1377 года), а также буквально точныя выписки изъ этого Лаврентьевскаго списка и изъ Кенигсбергскаго. Всѣ взятыя на видъ памятники разобраны съ палеографическою внимательностью. Содержаніе написи на камнѣ заставило Оленина обратиться и къ другимъ памятникамъ болѣе или менѣе древнимъ за фактами не только чисто палеографическими, но и лингвистическими, историческими, географическими. Только по соображеніи всѣхъ данныхъ, какія могли только быть отмѣчены въ то время, Оленипъ позволилъ себѣ окончательный выводъ. Подлинная древность Тмутороканской написи защищена: 1) почеркомъ буквъ, составляющихъ напись, и во всѣхъ частяхъ сходныхъ съ буквами древнѣйшихъ нашихъ рукописей, 2) видомъ поверхности самаго камня (на отлѣпкѣ), который песочнино доказываетъ, „что не искусствомъ, а временемъ поверхность оного сформалась“, 3) подробностями показанія написи.

Таковъ былъ у насъ первый научный шагъ въ палеографіи. Трудъ Оленина о Тмутороканскомъ камнѣ нельзя считать трудомъ частнымъ, важнымъ только по отношенію къ камню. Камень былъ только поводомъ къ началу общезначнаго дѣла: вопросъ главный былъ не объ одномъ камнѣ, а вообще объ изученіи русскихъ древностей. Вотъ почему на одной изъ страницъ книги Оленина и нашлось мѣсто такой замѣткѣ: „Доколѣ русская словесность не будетъ имѣть: 1) полнаго собранія или свода всѣхъ нашихъ лѣтописцевъ и разныхъ другихъ древнихъ и иностранныхъ книгъ, въ коихъ находится повѣствованіе

о Россіи, 2) древней російской географіи, основанной на ясныхъ историческихъ доводахъ, и, наконецъ, 3) палеографіи славянороссійской, то до времени, пока все это изготавится, исторію русскую трудно писать⁴. Говоря это, зналъ ли Оленинъ, что сказано было А. Шлецеромъ въ его *Nestors Russische Annalen*, еще въ 1802 году: „Когда же придетъ время, въ которое Русскіе вздумаютъ составить славянскую дипломатику, славянскую палеографію, будутъ учиться у Гаттерера и Шёнемана, соберутъ въ хронологическомъ порядкѣ славянскія азбуки и выгравируютъ азбучную таблицу для каждаго столѣтія особенно“ (русск. пер., I, § д.)? Едва ли Оленинъ прочиталъ это у Шлецера. До этой мысли можно было дойти безъ Шлецера, Шёнемана и Гаттерера. Французскіе труды были Оленину и всѣмъ образованнымъ людямъ того времени болѣе знакомы и стоили предпочтенія.

Оленинъ не остановился на томъ, что сдѣлалъ въ 1806 году. Онъ собиралъ матеріалы для исторической азбуки Славянской по памятникамъ опредѣленнаго времени, собиралъ рисунки съ разныхъ памятниковъ, между прочимъ, и съ тѣхъ, на которыхъ есть письменныя начертанія; многое началъ печатать, къ сожалѣнію, ничего не окончилъ; впрочемъ, и этими началами принесъ относительную пользу, раздавая отпечатанное избраннымъ любителямъ.

Палеографическія стремленія Оленина были, между прочимъ, важны и тѣмъ, что вызвали на работы другаго труженика, художника по образованію и археолога по страсти. Оленинъ не скрылъ отъ читателей, какое участіе принялъ въ его дѣлѣ Ермолаевъ, не только какъ художникъ, но и какъ любитель археологическихъ изслѣдованій. Оленинъ далъ ему и ходъ въ жизни съ возможностью заниматься любимымъ дѣломъ. Плоды трудовъ Ермолаева хранятся въ Императорской публичной библіотекѣ, гдѣ онъ долгое время былъ хранителемъ рукописей. Тамъ лежатъ книги археологическаго путешествія по Россіи, въ которомъ онъ участвовалъ въ 1809—1810 годахъ, зачатки его каталога рукописей, его отмѣтки о вѣкѣ ихъ и описанія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Еще живутъ и воспоминанія, какъ онъ училъ другихъ наглядно отличать, въ какое время рукопись писана, и какъ онъ готовъ былъ дѣлиться съ другими своимъ знаніемъ того, что вычиталъ въ рукописяхъ. Близкій съ Карамзинимъ, онъ и ему помогалъ въ разнообразныхъ изысканіяхъ, какъ видно изъ отзывовъ самого Карамзина (въ примѣчаніяхъ къ *Ист. Гос. Россійск.*).

Школа практическихъ палеографовъ, основанная Ермолаевымъ и господствующая до сихъ поръ, при основаніи не могла быть богата

учениками. Карамзинъ былъ въ числѣ первыхъ и очень немногихъ. Карамзинъ—палеографъ! Не странно ли это? Не странно, потому что Карамзинъ, какъ изслѣдователь былыхъ судебъ Россіи, былъ тѣмъ же, что Петръ Великій, какъ строитель судебъ ея будущаго: оба должны были не забыть ничего.

Начавъ съ подбора и разработкн матеріала, Карамзинъ не могъ не быть и археологомъ, и палеографомъ, на сколько было пушно, и какъ палеографъ-критикъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ сколько можно было ожидать. Изъ примѣчаній къ „Исторіи Государства Россійскаго“ можно выдѣлать большую книгу записокъ о древнихъ памятникахъ русской письменности: ей одной было бы достаточно для ученой дѣятельности и славы другаго писателя—не только того, но и нашего времени.

О многихъ изъ древнихъ памятниковъ Карамзинимъ сказано первое слово: ни объ одномъ не сказано слова не кстати и безъ критики. Вспомнимъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что Карамзинъ подалъ и доселѣ едва-ли не лучший образецъ критическаго изобличенія поддѣлокъ: это былъ разборъ подложныхъ грамотъ будто бы Льва Галицкаго. О многомъ въ этой долѣ примѣчаній Карамзина надобно справляться и теперь; можно себя представить какое значеніе было за ними въ началѣ вѣка. Указывая на значеніе Карамзина какъ археолога-палеографа, думаю, что указываю съ тѣмъ вмѣстѣ и вообще на значеніе Карамзина, какъ русскаго дѣятеля, не только для своего времени, но и для будущаго. Карамзинъ-историкъ, это значитъ—Карамзинъ-палеографъ, нумизматъ, хронологъ, генеалогъ и т. д., ч т. д., во всемъ изслѣдователь, во всемъ критикъ, во всемъ требовательный, какъ только можно было быть требовательнымъ, болѣе чѣмъ современный, не въ тѣсномъ смыслѣ нашихъ русскихъ ожиданій, а въ высшемъ смыслѣ ожиданій и желаній вождей науки. Забывать эту сторону въ Карамзинѣ—значитъ не понимать Карамзина. Великій писатель онъ не потому только, что писалъ прекрасно и правился, а и потому, что былъ высоко требователенъ въ научномъ отношеніи.

Въ 1811 году у Карамзина были готовы пять томовъ его исторіи; отрывки изъ пятаго онъ читалъ императору Александру въ Твери еще въ мартѣ этого года. А что у насъ дѣлалось въ это время для изученія нашихъ древностей?

Московское Общество исторіи и древностей, основанное при университетѣ въ 1804 г., все еще только устранилось; Записки его и Труды только-что начали печататься; докладъ графа Румянцева объ изданіи государственныхъ грамотъ и договоровъ только-что былъ

высочайше кофированъ (3-го мая 1811 г.); ни Россійская Академія, ни Общество словесности не заботились о памятникахъ письменности, занятія теоріей и критикой языка и словесности; частныя изслѣдованія, если и являлись, то не достигали и той высоты, которой достигъ Шлецеръ (сынъ) въ своей статьѣ о двухъ Новгородскихъ грамотахъ (Вѣстн. Европы 1811 г., №№ 23 и 24), гдѣ показалъ немнѣе даже правильно прочесть разбираемыя грамоты, хотя и приложилъ къ статьѣ очень порядочные снимки съ нихъ, сдѣланные не имъ самимъ, а граверомъ. Гораздо важнѣе были статьи молодого русскаго труженника К. О. Калалѣдовича (едва 20-ти лѣтняго), не безъ успѣха вошедшаго въ споръ со Шлецеромъ (въ томъ же Вѣстникѣ) и начавшаго усердно участвовать въ трудахъ Общества древностей. Кромѣ этого трудились пресвященныи Евгеній, Вацтышъ-Камепскій, Тургеневъ, Фитингофъ, Ермолаевъ, Востоковъ и др., но большая часть ихъ трудовъ осталась внѣ печатнаго міра. Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ времени была „Исторія Россійской Іерархіи“ (до 1812 года весь трудъ былъ готовъ, и отпечатано три тома), трудъ не маловажный и для палеографіи, хотя и нисколько не палеографическій.

Для пользы палеографіи всего важнѣе было открытіе значительнаго количества памятниковъ древности. Къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ погибли въ пожарѣ Москвы. Этотъ пожаръ уничтожилъ драгоценныя собранія графа Мусина-Пушкина, профессора Баузе, Общества древностей и нѣсколько другихъ, менѣе обширныхъ.

Только уже послѣ отечественной войны стали выказываться все болѣе юныя силы русской науки. Любовь къ древности, къ собранію ся остатковъ и къ изслѣдованію ихъ, соединилась съ изданіями въ свѣтъ произведеній труда и знанія, не потерявшими и доселѣ своей цѣнности.

Въ 1813 году появилось начало „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ: въ 1813—1828 годахъ вышло 4 большихъ тома съ соблюденіемъ правописанія древняго, со снимками и указателемъ.

Въ 1815 г.—первая часть Трудовъ и Записокъ Общества Исторіи и Древностей и первая часть Русскихъ достопамятностей, въ которую вошли многіе важные памятники, прекрасно приготовленные къ изданію, съ описаніями рукописей, изъ которыхъ они взяты.

Въ 1816—1818 гг.—восемь частей „Исторія Государства Россій-

скаго“ Карамзина съ ея драгоцѣнными примѣчаніями. Въ „Исторіи Государства Россійскаго“ списаны вполнѣ или отрывками и даже разобраны, или по крайней мѣрѣ отмѣчены почти всѣ памятники русскіе, какіе можно было тогда имѣть въ виду.

Въ 1818 году появился разборъ древнѣйшей изъ уцѣлѣвшихъ русскихъ грамотъ, Юрьевской (1130 года), сдѣланный преосвященнымъ Евгеніемъ (Вѣстникъ Европы 1818 г., № 15—16). Явленіе очень важное по времени, первый дипломатико-палеографическій разборъ дипломатическаго акта русскаго со снимкомъ.

Въ 1820 г.—Разсужденіе Востокова о церковно-славянскомъ языкѣ, съ первичными изслѣдованіями судьбы этого языка и съ палеографическими замѣтками о нѣсколькихъ древнихъ памятникахъ (Труды Общества Любителей Россійской Словесности 1820 г., ч. XIX). Явленіе вѣковое, долженствовавшее перемѣнить взглядъ на церковно-славянскій языкъ и на его памятники, а вмѣстѣ и на славянскій языкъ вообще. Основа выводовъ—преимущественно палеографическаго свойства. Нѣкоторые древніе памятники здѣсь оцѣнены: ежду прочимъ, указана важность Остромирова Евангелія.

Въ 1821 г.—„Памятники Россійской Словесности XII вѣка“ К. Калайдовича съ объясненіями, вариантами и образцами почерковъ, вообще превосходное изданіе (въ 4-ку); — „Софійскій временникъ“ П. Строева (2 тома въ 4-ку) съ превосходнымъ введеніемъ о лѣтописяхъ;—Древнія грамоты, собранныя В. Берхомъ (въ 4-ку).

Въ 1822 г.—„Списокъ Русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи“, собраннымъ П. Кеппеномъ (въ 8-ку) съ описаніями и изслѣдованіями.

Въ 1824 г.—Лаврентьевская лѣтопись, приготовленная къ изданію проф. Тимковскимъ (кромѣ заглавія, предисловія Калайдовича и послѣднихъ страницъ, все было напечатано въ 1811 и 1812 г. Тимковскимъ): образцовое изданіе съ описаніемъ самой рукописи, составленнымъ Востоковымъ;—изслѣдованіе Калайдовича объ Иоаннѣ, экзархѣ Болгарскомъ, познакомившее со многими древними памятниками, изданное со снимками;—„Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ“ прот. Григоровича;—„Опытъ въ старишней русской дипломатикѣ“, вологодскаго купца Лаптева (со снимкомъ).

Въ 1825 г.—Библиографическіе листы Кеппена, въ которыхъ немаловажное мѣсто заняли и описанія древнихъ памятниковъ (въ 4-у).—„Описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ бібліотекѣ графа Ѳ. А. Толстого“ (со снимкомъ), составлен-

ное К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ—первое въ своемъ родѣ;—„Описание Кіево-Софійскаго собора“ митроп. Евгенія;—Исслѣдованіе Добронскаго о Кириллѣ и Меодіи въ русскомъ переводѣ М. Погодина, съ важными дополненіями и со снимкомъ съ Остромирова Евангелія, приготовленнымъ Востоковымъ.

Каждое изъ этихъ явленій давало новыя силы наукѣ русской древности вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ палеографіи. Карамзинъ былъ, конечно, главнымъ дѣятелемъ и умѣлъ, можетъ-быть, лучше всѣхъ своихъ товарищей по труду, оцѣнить всякую заслугу на томъ поприщѣ, которому посвятилъ жизнь; но и другіе дѣятели были достойны стоять рядомъ съ нимъ по усердію и по готовности къ ученому труду, и между ними Востоковъ и Калайдовичъ достойны быть помянуты за заслуги ихъ какъ главные, вмѣстѣ съ незабвеннымъ покровителемъ изученія отечественныхъ древностей, канцлеромъ Румянцевымъ.

Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ былъ сынъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго. Служа въ юности по дипломатической части, въ 1807 г. онъ сдѣланъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а вскорѣ послѣ того канцлеромъ. Шведскій миръ 1809 года — его дѣло. Славу его на дипломатическомъ поприщѣ затмилъ графъ Нессельроде, сопровождавшій императора Александра во Францію въ 1814 г. и послѣ на всѣ конгрессы. По возвращеніи государя въ Россію, Нессельроде, какъ министръ, занялъ мѣсто Румянцева, а Румянцевъ, уже 60-ти лѣтній, удалился совершенно отъ дѣлъ политическихъ. Но уже прежде проложилъ онъ себѣ путь другой и на этомъ пути оставилъ по себѣ память на долго: онъ сдѣлался покровителемъ науки древностей.

Въ маѣ 1811 года онъ подалъ государю докладъ о необходимости изданія дипломатическаго собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ и о позволеніи принять изданіе на свой счетъ, считать его, впрочемъ, дѣломъ казеннымъ, издать, не подвергая цензурѣ, и т. д. Государь утвердилъ этотъ докладъ 11-го мая, и изданіе началось. Оно было ведено подъ смотрѣніемъ управляющаго архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Бантышъ-Каменскаго (отца), отъ котораго, кромѣ документовъ Исторіи Уніи, осталось еще много извлеченій изъ дѣлъ архива, частью изданныхъ. Затѣмъ изданіе перешло къ Малиновскому. По исполненіи этого предиріятія, Румянцевъ занялся составленіемъ библіотеки и музея, вызвалъ къ важнымъ трудамъ Калайдовича, протоіерея Григоровича, Востокова и постоянно

до кончины употреблялъ часть доходовъ на изданія. Его изданія съ его гербомъ (на щитѣ двуглавый орелъ половинами на оборотъ, дѣя дерева и два панциря расположенные діагонально, по сторонамъ щита два льва, на основаніи надпись: „non solum armis“) всѣ отличаются научными достоинствами. Румянцевъ скончался 3-го января 1826 года, и передъ кончиною завѣщалъ свой музей „на пользу отечества и благаго просвѣщенія“.

Послѣдствіемъ палеографическихъ трудовъ времени Александра I было слѣдующее:

1. Отмѣчено значительное количество памятниковъ письма, начиная съ XI вѣка, и когда нельзя было положительно, то по соображеніямъ и догадкамъ опредѣлено довольно вѣрно время ихъ написанія.

2. Нѣкоторые изъ памятниковъ рассмотрѣны и описаны подробно.

3. Нѣкоторые памятники изданы или вполнѣ, или частями, иногда съ довольно тщательнымъ соблюденіемъ правописанія, иногда и съ вѣрными снимками.

4. Знатоки разгадали нѣкоторые изъ признаковъ отличія даже и древнѣйшаго писанія, частью въ почеркахъ, частью въ правописаніи и въ языкѣ. Счастливо отмѣчены нѣкоторыя поддѣлки.

5. Счастливо отвергаемы были разные домыслы, не опиравшіеся на строгихъ изслѣдованійхъ. Такъ, напримѣръ, отвергнуто въ Обществѣ исторіи и древностей сочиненіе Горенкина о древности славянскаго письма, въ которомъ—какъ замѣтилъ Калайдовичъ—собрааны извѣстія, ничѣмъ не подерѣвленные и совершенно несогласныя съ достоверными историческими показаніями. Горенкинъ думалъ, между прочимъ, что грамота у Русскихъ была за долго до Р. Х., что Норманны принесли къ намъ готическое письмо, что Кирилль и Меодій не сочинили алфавита, а только исправили бывшій въ употребленіи, что болгарскій языкъ близко подходитъ къ церковно-славянскому, что глаголическая азбука древнѣе кирилловской: все отвергнуто, какъ не доказываемое; приняты только извѣстія о мѣткахъ или нарѣзкахъ, употребляемыхъ крестьянами (Труды и записки Общ. исторіи и древностей, 2, 47—50).

Подготовка для палеографическихъ изслѣдованій была разнообразна и обильна матеріалами, но далеко не окончена. Вѣрные палеографическіе выводы возможны все-таки только тогда, когда для cadaго времени извлечено значительное количество данныхъ изъ памятниковъ опредѣленныхъ лѣтъ. Памятниковъ этого рода на виду было не мало; но ручаться никто не могъ, что не скрывается ихъ гораздо болѣе;

при томъ же отмѣченные далеко не всѣ были разслѣдованы. Продолжать разысканія было необходимо; необходимо было и изъ извѣстныхъ памятниковъ извлечь данныя и передать въ общее свѣдѣніе. Это было тѣмъ необходимѣе, что число лицъ, занятыхъ палеографическими разысканіями, было очень ограничено; знанія ихъ переходили къ другимъ случайно. Новые труженики могутъ являться только тогда, когда не затруднительно первоначальное приготовленіе къ труду. Необходимы были путешествія съ археологическою цѣлью, необходимы были изданія рисунковъ, снимковъ, описаній памятниковъ и т. д. Многое должно было зависѣть отъ правительства: только при высокомъ образованіи значительной части народа правительство можетъ оставить науку на собственное ея попеченіе, но и въ государствахъ этого рода правительства заботятся о нуждахъ науки. У насъ это насущная потребность. Исторія Карамзина могла бы остаться въ рукописи, если бы государь не далъ денегъ на ея изданіе. Отъ направленія правительства зависитъ даже развитіе или упадокъ охоты въ частныхъ людяхъ помогать научнымъ предпріятіямъ.

III. Русскія палеографическія работы въ царствованіе Николая I.

19-го ноября 1825 года вступилъ на престолъ Николай I. Въ первые же мѣсяцы этого царствованія выразилось, что можно ожидать отъ нашего правительства въ отношеніи къ изученію отечественныхъ древностей. Припоминаю одинъ изъ случаевъ, болѣе рѣзкій. Умиравшему Карамзину совѣтовали ѣхать въ Италію; онъ сталъ проситься и просилъ какого-нибудь назначенія, чтобы жалованье могло его оддерживать. Государь отвѣчалъ на его письмо (6-го апрѣля 1826 г.): „Прошу васъ не беспокоиться объ этомъ, и хотя мнѣ въ угожденіе, дайте мнѣ озаботиться способомъ устроить вашу поѣздку“; а 13-го мая онъ прислалъ къ нему рескриптъ и при немъ указъ министру финансовъ: въ рескриптѣ выразилъ онъ ему „за покойнаго государя, за себя самого и за Россію признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнью, какъ гражданинъ, и своими трудами какъ писатель“; въ указѣ министру финансовъ повелѣно было, по случаю его отъѣзда за границу для излѣченія, производить Карамзину по 50,000 р. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы эта сумма обращена была въ пенсіонъ ему, женѣ его и дѣтямъ. Ожидать общей поддержки всякаго рода археологическимъ занятіямъ было невозможно; но на болѣе дѣятельное участіе правительства и къ этому дѣлу можно было разчитывать.

Въ ряду дѣйствій, особенно важныхъ для успѣховъ палеографіи, должны быть вспомнаны слѣдующія:

Снятіе и изданіе рисунковъ древностей. Непосредственное участіе въ важнѣйшемъ изъ предпріятій этого рода принялъ прежде упомянутой Оленинъ. Ему обязана русская наука выведеніемъ на путь дѣятельности, послѣ Ермолаева, другаго художника-археолога, умѣвшаго цѣнить памятники, какъ достояніе искусства и науки, и посвятить себя труду съ любовью и постоянствомъ.

Это былъ Ѳ. Г. Солнцевъ. Слѣдствіемъ поѣздокъ его по Россіи, особенно въ Москву, Новгородъ и Кіевъ, было собраніе огромнаго количества рисунковъ всякаго рода. По повелѣнію Николая I, особенная комиссія занялась изданіемъ ихъ по возможности въ такомъ точно видѣ, какъ они нарисованы были: употреблена была въ дѣло литохромія. Много эта комиссія трудилась, и наконецъ издала шесть огромныхъ томовъ, 500 рисунковъ, и то еще не все, что собралъ Солнцевъ, подъ названіемъ „Древностей государства Россійскаго“ (1849—1853)—изданіе, драгоцѣнное для палеографа даже и потому, что въ немъ есть рисунки памятниковъ, послѣ погибшихъ.

Другое предпріятіе, столь же важное по послѣдствіямъ, было снаряженіе Академіею Наукъ археографической экспедиціи для путешествія по Россіи съ цѣлью привести въ извѣстность всѣ старинныя бібліотеки и архивы и извлечь изъ нихъ важнѣйшіе памятники отечественной исторіи, дипломатики, правовѣдѣнія и т. п. Начальникомъ экспедиціи назначенъ былъ П. М. Строевъ, уже въ 1823 году подавшій мысль о подобномъ дѣлѣ, а потомъ представившій и планъ путешествія. Государь одобрилъ предпріятіе Академіи, и Строевъ отправился. Шесть лѣтъ продолжалось путешествіе: сначала Строевъ работалъ одинъ, потомъ вмѣстѣ съ Я. И. Березниковымъ, любителемъ древностей, самимъ Строевымъ найденнымъ и выведеннымъ на путь науки. Открыты громады книгъ и актовъ. Послѣдствіемъ этой экспедиціи было учрежденіе, въ началѣ 1835 года, по волѣ государя, постоянной Археографической комиссіи для изданія найденныхъ памятниковъ. Непосредственное участіе принималъ въ этомъ дѣлѣ графъ С. С. Уваровъ, прежде какъ президентъ Академіи, потомъ и какъ министръ народнаго просвѣщенія. Изданія Археографической комиссіи извѣстны: это — Полное собраніе русскихъ лѣтописей, Акты историческіе, юридическіе и пр. Правда, что очень немногіе памятники изданы этою комиссіею палеографически: только при нѣкоторыхъ томахъ есть снимки; тѣмъ не менѣе, неотрицаема

заслуга комиссіи даже и для палеографовъ, хотя она ихъ вовсе не имѣла въ виду: палеографъ не можетъ не пользоваться ея изданіями съ пользою при своихъ изслѣдованіяхъ. Что комиссія не имѣла въ виду ни палеографовъ, ни вообще филологовъ, это нельзя объяснить одною неприготовленностью бывшихъ ея членовъ къ пониманію важности и условій палеографическихъ изданій: была другая причина, болѣе важная, — желаніе угодить большинству читателей, и предположеніе, что это большинство непривычно къ чтенію палеографическихъ изданій. Нельзя не жалѣть, что комиссія забыла, какимъ уваженіемъ постоянно пользовались изданія Лаврентьевской лѣтописи Тимковскаго, Государственныхъ грамотъ и договоровъ и т. п.

Какъ бы то ни было, въ слѣдъ за Археографическою комиссіею стали образовываться подобныя комиссіи и въ другихъ мѣстахъ — въ Вильнѣ, Киевѣ и пр. Правительство ихъ учреждало и поддерживало.

Отправленіе въ путешествіе русскихъ ученыхъ въ западно-славянскія земли, и въ слѣдствіе сихъ путешествій открытіе кафедръ славянской филологіи въ университетахъ, было также благотѣльнымъ пособіемъ и для науки Русскихъ древностей вообще, и для палеографіи отдѣльно. Путешествія по западно-славянскимъ землямъ должны были имѣть слѣдствіемъ уясненіе понятій о языкѣ славянскомъ въ его мѣстномъ разнообразіи, ознакомленіе съ памятниками, внѣ Россіи находящимися, и съ приемами ихъ изслѣдованія. Преподаваніе славянской филологіи должно было каждой отрасли вопросовъ, соприкасающихся съ филологіею въ тѣсномъ смыслѣ, дать новую жизнь, возбуждая къ нимъ вниманіе новыхъ дѣятелей.

Преподаватели славянской филологіи приняли непосредственное участіе въ палеографическомъ разсмотрѣніи памятниковъ, важныхъ въ филологическомъ отношеніи.

Нельзя забыть устройства равныхъ хранилищъ древностей, подѣдомственныхъ правительству: устройство Императорскаго эрмитажа съ отдѣленіемъ для русскихъ древностей и Оружейной палаты въ Москвѣ не осталось безъ послѣдствій, такъ какъ оба учрежденія были доступны и для посѣтителей, и хоть отчасти для ученыхъ. Еще важнѣе было полное открытіе Румянцевскаго музея (1831 г.) и Императорской публичной бібліотеки — особенно съ 1849 года, когда директоромъ ея сдѣлался баронъ М. А. Корфъ. Нельзя не отмѣтить, какъ обстоятельство важное — допущеніе, хотя и избранныхъ только, въ

такъ-называемую Синодальную (патріаршую) бібліотеку въ Москвѣ, что сдѣлалось особенно удобнымъ съ тѣхъ поръ, какъ мѣсто ризничаго занялъ іеромонахъ Савва (не забудемъ, что въ ней хранится 956 славянскихъ рукописныхъ книгъ, и кромѣ того, грамотъ и т. п. до 200). Съ открытіемъ сокровищницъ одновременно открытіе пѣкоторыхъ архивовъ, разумѣется, опять только по особенному разрѣшенію для каждаго лица.

Охота къ собиранію древностей стала распространяться: заботились объ этомъ не только общества (какъ Московское Общество Исторіи и Древностей, Общество Исторіи и Древностей въ Одессѣ, Археологическое общество въ Петербургѣ, не говоря уже объ Академіи Наукъ и университетехъ), но и частныя лица. Собирали древности и простые охотники изъ баръ и купцовъ (каковы были Царскій, Карabanовъ и др.); собирали и ученые (Сахаровъ, Ундольскій, Погодинъ, продавшій потомъ свое собраніе правительству); особенно щедръ на издержки для этого графъ А. С. Уваровъ.

Количество различныхъ трудовъ, имѣющихъ значеніе для палеографа, издаваемыхъ съ 1826 г., кромѣ означенныхъ выше, очень значительно. Они появились частію въ разныхъ сборникахъ, издаваемыхъ обществами или частными лицами, частью отдѣльными книгами. Осмотримъ сначала сборныя изданія, въ которыхъ давалось мѣсто палеографическимъ статьямъ, а потомъ перейдемъ къ особннымъ книгамъ.

Прежде другихъ ученыхъ обществъ нашихъ надо вспомнить объ Академіи Наукъ и Академіи Россійской. Онѣ существовали отдѣльно до октября 1841 г. До этого времени Россійская Академія издавала Извѣстія (1815—1828: 12 книгъ), Повременное изданіе (1829—1832): 4 части), Краткія записки (1834—1835: 3 книжки) и Труды (1840—1841: 5 частей). Во всѣхъ этихъ изданіяхъ только случайно попадаются статьи, любопытныя для палеографа, болѣе всего въ Трудахъ (гдѣ даже есть снимки); но особенно важнаго ничего. Академія Наукъ до этого времени издавала *Mémoires, Bulletin scientifique* (1836—1842: 10 томовъ), и Присужденія учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ (съ 1836 г. ежегодно). Ни въ одномъ изъ этихъ изданій не было ничего важнаго для палеографа. Эти изданія продолжались Академіей Наукъ и по соединеніи ея съ Россійскою Академіей, не измѣнились въ духѣ. Только иногда прилагались къ *Bulletin* статьи академикомъ Русскаго отдѣленія, и между ними одна важна для палеографа, записка Березинкова о древностяхъ, найденныхъ въ Москвѣ. Съ 1852 года отдѣленіе Русскаго языка и словесности стало изда-

вать Извѣстія и Записки (изданы 10 томовъ Извѣстій и 7 томовъ Записокъ): не смотря на мое непосредственное участіе въ этихъ изданіяхъ, не считаю умѣстнымъ умолчать, что оба эти изданія для русскаго палеографа необходимы. Въ 1853—1855 гг. вышли три тома Ученыхъ Записокъ по 1-му и 3-му отдѣленіямъ; нѣсколько статей акад. Куника для палеографа очень важны.

Старѣйшее изъ археологическихъ обществъ русскихъ, Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, издавъ до 1826 года 2 тома Трудовъ и Записокъ, 1 томъ Русскихъ достопамятностей и начало Лаврентьевской лѣтописи, съ 1826 г. стало замѣтно дѣятельнѣе. Кромѣ особыхъ книгъ оно издало: въ 1826—1837 шесть томовъ Трудовъ и Записокъ; въ 1837—1844 семь томовъ Русскаго историческаго сборника; въ 1843—1844 двѣ части (2-я и 3-я) Русскихъ достопамятностей; въ 1846—1848 двадцать три книги Чтеній въ засѣданіяхъ; въ 1849—1856 25 книгъ Временника. Почти въ каждой изъ этихъ книгъ есть хоть что-нибудь важное для палеографа; есть въ нихъ описанія памятниковъ со снимками съ нихъ; очень многіе памятники (рукописи) изданы вполнѣ или въ отрывкахъ; многіе изслѣдованы или послужили матеріалами для изслѣдованій; ни одинъ родъ памятниковъ не остался забытымъ. Особенно памятны должны быть труды Шогодина, Дубенскаго, Бѣляева и Бодянскаго, какъ издателей поименованныхъ сборниковъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, скрыть, что рядомъ съ трудами, достойными полнаго уваженія палеографа (между которыми нельзя забыть изданія юридическаго сборника, занявшаго 2-й томъ Русскихъ достопамятностей, какъ наиболѣе удавшася), есть и такіе, къ которымъ палеографъ не можетъ обращаться съ довѣріемъ, и которые не столько облегчаютъ, сколько затрудняютъ его. Изъ неудачныхъ приемовъ изданій памятниковъ стоитъ отмѣтить: 1) печатаніе вариантовъ отдѣльно отъ печатаемаго текста, въ слѣдъ за нимъ, 2) печатаніе одного памятника по многимъ спискамъ отдѣльно, хотя бы памятники и повторялись въ нихъ дословно.

Императорское Русское Археологическое Общество, открытое въ 1846 году (сначала подъ названіемъ Нумизматическаго), издавало два сборника: съ 1849 начались его Записки; въ 1851 вышелъ томъ Записокъ отдѣленія Русской и Славянской Археологіи. Эти сборники для палеографа еще дороже, чѣмъ сборники московскаго Общества Древностей, потому что памятники описываются и издаются въ нихъ съ бѣльшимъ вниманіемъ и болѣе археологически. Особенно

важны эти сборники по статьямъ, касающимся памятниковъ-вещей и по значительному количеству снимковъ. По изданію этихъ сборниковъ болѣе другихъ трудились П. С. Савельевъ, И. П. Сахаровъ, В. В. Стасовъ и В. В. Вельяминовъ-Зерновъ. Наименьшаго довѣрія палеографовъ достойны краткія извѣстія о памятникахъ, присланныя изъ разныхъ мѣстъ безъ снимковъ, и нѣкоторые изъ выводовъ Сахарова и нѣкоторыхъ другихъ.

Одесское Общество Исторіи и Древностей, учрежденное въ 1839 г., начало изданіе своихъ Записокъ въ 1844 г. Того, что достойно вниманія русскаго палеографа, въ нихъ очень мало.

Каждая изъ духовныхъ академій издавала свой особенный сборникъ: С.-Петербургская съ 1827 года—Христіанское Чтеніе, Московская—съ 1843 Творенія св. отцевъ съ Прибавленіями. Въ этихъ изданіяхъ помѣщаются иногда и памятники древне-русскаго и славянскаго языка, очень любопытные по содержанію, издаваемые, къ сожалѣнію, не филологически и еще менѣе палеографически.

Еще болѣе значительно количество частныхъ повременныхъ изданій, въ которыхъ были помѣщаемы статьи, интересныя для палеографа. Вотъ главныя:

Вѣстникъ Европы (1802—1830). Всего 174 тома; съ 1826 года вышло 30 частей (Указатель къ этому журналу помѣщенъ въ Чтеніяхъ 1860 г., книга IV). Большую часть времени изданія его редакторомъ былъ Каченовскій, профессоръ русскаго исторіи. Отъ того мы находимъ въ этомъ журналѣ много статей по этому предмету, между прочимъ и любопытныхъ для археолога и палеографа.

Библиографическіе листы Кеннена (1825—1826). Главнымъ помощникомъ Кеннена былъ Востоковъ. Не будь Востокова, этотъ журналъ не имѣлъ бы такого значенія для насъ.

Сѣверный Архивъ (1822—1828), издававшійся Ѳ. Булгаринъ (Указатель этого журнала въ Архивѣ Н. В. Калачова, 1).

Московскій Вѣстникъ (1827—1830), 24 ч., издававшійся М. П. Погодинъ (Указатель, къ этому Вѣстнику помѣщенъ въ XIX томѣ Временника).

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (съ 1834 по 4 части въ годъ). Онъ издавался по мысли министра графа С. С. Уварова, и во все то время, пока гр. Уваровъ былъ министромъ, оставался богатымъ сборникомъ научныхъ изслѣдованій, между прочимъ, археологическихъ и палеографическихъ (Указатель къ этому журналу издавъ въ 1864—1865 г.).

Достопамятности Москвы Тромонина. Каждая тетрадь заключала въ себѣ рисунки всякаго рода: тутъ были и снимки съ рукописей, вещей, одежда и т. п. Въ началѣ каждой тетради прилагаемъ былъ листокъ съ описаніемъ памятниковъ.

Москвитянинъ (1841—1853: 202 книги). И въ этомъ повременномъ изданіи М. П. Погодина давалось мѣсто описаніямъ памятниковъ, статьямъ по русскимъ древностямъ и т. п.

Архивъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній Н. В. Калачова (1850—1861: 4 книги).

И въ этихъ сборникахъ изданіяхъ, и отдѣльными книгами и книжками, выходили труды, имѣющіе палеографическую важность. Одни изъ нихъ ознакомили съ памятниками; другіе были посвящаемы выводамъ общимъ, сравнительнымъ. Перваго рода трудовъ явилось очень много — касательно рукописныхъ книгъ, грамотъ и разныхъ вещей.

Рукописныя книги были описываемы. О первыхъ печатныхъ образцахъ описаній книгъ было уже сказано выше. Описанія Калайдовича (описаніе книги о правѣ вѣрѣ Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго, XII вѣка, Синодальной бібліотеки № 108—155, — описаніе книги Шестоднева Іоанна экзарха, 1263 г., Синодальной бібліотеки № 54 — 345: въ изслѣдованіи объ Іоаннѣ экзархѣ стр. 17 — 58 и стр. 59 — 73) остаются образцами и доселѣ. Въ нихъ не достаетъ только изслѣдованій языка и содержанія рукописей сравнительно съ греческими подлинниками.

Калайдовичъ вмѣстѣ съ Ш. М. Строевымъ далъ и первый образецъ описанія большаго собранія рукописей — въ „Обстоятельномъ описаніи Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ бібліотекѣ графа Ѳ. А. Толстаго“ (1825 года). Имѣя въ виду слишкомъ 1,000 рукописей (925 древнихъ и старыхъ и 156 новыхъ), составители не могли, конечно, думать о подробностяхъ; но, желая сдѣлать не простой списокъ или обзоръ, а „обстоятельное описаніе“, должны были обдумать, кому и для чего будетъ оно полезно. Этого, кажется, они не обдумали, или, по крайней мѣрѣ, принуждены были не додѣлать своего труда по какимъ-нибудь внѣшнимъ обстоятельствамъ. „Обстоятельное описаніе“ ихъ все-таки не описаніе, а скорѣе списокъ, обзоръ, дающее нѣкоторыя подробности о содержаніи только такихъ книгъ, каковы сборники. Собственно палеографическая часть ограничивается небольшою тетрадю снимковъ (на 5-ти листахъ).

Того же плана держался П. М. Строевъ въ „Описаніи библиотеки Общества Исторіи и Древностей“ (Москва, 1845 г.; 330 рукописей) и въ „Описаніи Русскихъ и Славянскихъ рукописей кушца Царскаго“ (Москва, 1848 г.; 750 рукописей); впрочемъ, онъ допустилъ кое-гдѣ кое-какія подробности и близкія къ подлиннику выписки изъ приписокъ къ рукописямъ. По примѣру указателя къ „Обстоятельному описанію рукописей гр. Толстаго“, и при этихъ книгахъ есть указатели, и особенно хорошъ приложенный къ Описанію рукописей Царскаго.

Нѣсколько большаго потребовалъ отъ себя братъ П. М. Строева, С. Строевъ, въ „Описаніи памятниковъ Славянской литературы, хранящихся въ библиотекахъ Германіи и Франціи“ (Москва, 1841): есть въ немъ и нѣкоторыя палеографическія замѣчанія и выписки съ желаніемъ соблюсти правописаніе подлинниковъ, снимки, и даже кое-какія изслѣдованія.

Новый значительный шагъ въ описаніи собраній рукописей сдѣланъ былъ Востоковымъ въ „Описаніи Русскихъ и Славянскихъ рукописей Румянцевскаго музея“ (С.-Пб. 1842: 473 рукописи). На каждую изъ рукописей Востоковъ обратилъ вниманіе по мѣрѣ ея цѣнности: указывалъ содержаніе, выписывалъ буквально вѣрно современныя приписки, также сдѣлалъ выписки особенно важныхъ мѣстъ, далъ мѣсто палеографическимъ замѣчаніямъ, представилъ, гдѣ было нужно, сличенія — между прочимъ съ подлинниками греческими, латинскими и пр., а равно и разслѣдованія. Важность труда Востокова въ собственно-палеографическомъ отношеніи соединилась съ важностью историко-литературною; даже болѣе: едва ли найдется какой изслѣдователь древности и старины славянской и русской, который бы не почелъ долгомъ обратиться къ описанію Востокова и не нашелъ бы для себя необходимыхъ указаній и соображеній, будь онъ историкъ, богословъ, юристъ и т. п. Не забудемъ, что пользованіе Описаніемъ облегчено прекрасно составленнымъ указателемъ. Въ собственно палеографическомъ отношеніи можно было бы пожелать только двухъ родовъ добавокъ: 1) болѣе выписокъ для ознакомленія съ правописаніемъ, и 2) палеографическихъ снимковъ. Черезъ это, конечно, возрасло бы описаніе, и безъ того громадное.

Необходимость сколько возможно большаго количества буквально вѣрныхъ выписокъ стала признаваться уже позже, со времени изданія Извѣстій 2-го отдѣленія Академіи, то-есть, съ 1852 года. Необходимость снимковъ чувствовалась всегда; но издержки на нихъ

всегда остапаивали желавшихъ. Какъ самое счастливое исключеніе въ этомъ отношеніи, можемъ вспомнить палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ, **Ө. И. Буслаева**, изданные Московскимъ университетомъ въ книгѣ „Матеріаловъ для исторіи письменъ“ (1855 г.) съ 22 листами снимковъ, приготовленныхъ прекрасно г. Шелковниковымъ.

Отмѣтивъ главныя явленія, обозначающія успѣхи въ описаніи рукописей у насъ, представлю замѣтки, къ какимъ изъ собраній рукописей были составлены описанія многихъ рукописей вмѣстѣ.

Кромѣ письменныхъ каталоговъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны: каталогъ рукописей Императорской публичной бібліотеки **А. Ө. Бычкова**, каталогъ бібліотеки Троицко-Сергіевой лавры, бібліотеки **Іосифова Волоколамскаго монастыря**, бібліотеки **Чудова монастыря**, въ печати существовали слѣдующія описанія:

1) Импер. публичной бібліотеки: **Калайдовича** и **Строева**: **Обстоятельное описаніе** (см. выше). Къ этому прибавить можно только нѣсколько частныхъ опытовъ, между прочимъ, **Востокова**: **Описаніе Евгеніевскихъ рукописей** (**Ученыя Записки 2-го отдѣленія Академіи Наукъ. II**).

2) Библіотека Академіи Наукъ: **Частное описаніе нѣкоторыхъ рукописей Востокова** (**Ученыя Записки 2-го отд. Акад. Наукъ II. 2**).

3) Румянцевскій музей: **Описаніе Востокова** (см. выше).

4) Синодальная Московская Библіотека: **Замѣтки Калайдовича** о нѣкоторыхъ изъ рукописей помѣщены въ изслѣдованіи объ **Іоаннѣ экзархѣ** (см. выше) и **Буслаевымъ** въ **Матеріалахъ** (см. ниже).

5) Библіотека общества исторіи и древностей: **Строева**: **Описаніе** (см. выше).

6) Библіотека **Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря**: **Частное описаніе нѣкоторыхъ рукописей** въ книгѣ **Шевырева — Поѣздка въ К. В. монастырь. М. 1850**.

7) Библіотека графа **А. С. Уварова**: **Строева**: **Описаніе рукописей Царскаго** (см. выше); **Сахарова**: **Славяно-Русскія рукописи**, отд. **I. С.-Пб. 1849**.

8) **Норовскія рукописи** (не знаю, гдѣ теперь находящіяся): **Востокова**: **Описаніе** (**Уч. Записки 2-го отд. II. 2**).

Кромѣ того описанія рукописей разныхъ бібліотекъ вмѣстѣ:

Бар. Розенкампа: **Обзоръ Кормчей Книги, 1829**.

С. Строева: **Описанія памятниковъ** (см. выше).

В. И. Григоровича: Описаніе рукописей монастырей Аѳонскихъ, Болгарскихъ и т. д. въ «Очеркѣ путешествія по Европейской Турціи». Казань 1848.

Сахарова: Обзорѣніе Славяно-Русской библіографіи. Кн. I. 1849.

Что касается грамотъ, то ихъ описаній очень немного: указать можно только на образчики въ Описаніи рукописей Румянцевскаго музея Востокова (подъ рубрикою грамоты); въ Очеркѣ путешествія Григоровича (въ разныхъ мѣстахъ) и т. д. Чаше встрѣчаются описанія грамотъ при ихъ изданіяхъ; но объ этомъ послѣ.

Обратимся къ обозначенію изданій рукописей и грамотъ.

Изданій цѣльныхъ памятниковъ и отрывковъ въ поврежденныхъ сборникахъ пересчитать нѣтъ возможности: перечень только того, что напечатано въ Читеніяхъ, занялъ бы чуть не печатный листъ. Ограничимся только главнымъ.

Первые образцы изданій памятниковъ дамы: Тимковскимъ (начало Лаврентьевской лѣтописи), К. Ѳ. Калайдовичемъ (Русскія достопамятности, I, Памятники XII вѣка, Іоаннъ экзархъ), П. М. Строевымъ (Софійскій временникъ). Ихъ нельзя назвать палеографическими, но по нуждѣ ими можетъ пользоваться и палеографъ, кромѣ мелочей правописанія, и нельзя все-таки ихъ не считать хорошими изданіями памятниковъ.

Въ 1827 году появилось изданіе Фрейзингенскихъ статей: Кеппена и Востокова,—изданіе, которое можно считать образцовымъ; въ немъ все есть—и снимки всего памятника, и вѣрный списокъ, и чтенія, и изъясненія, и пѣкоторые счастливыя изслѣдованія.

Новый образецъ данъ опять Востоковымъ въ изданіи Остромирова Евангелія (С.-Пб. 1843 г.). Весь текстъ нарочно приготовленнымъ для этого буквами напечатанъ знакъ въ знакъ, строка въ строку, страница въ страницу; подъ Славянскимъ текстомъ текстъ греческій, въ приложеніи отмѣчены описки писца, осмотрѣнъ грамматическій строй языка, данъ полный указатель; приложены снимки.

Эти образцы, однако, оставались почти безъ подражаній. Какъ объ исключеніи, можно вспомнить о второй части Русскихъ достопамятностей (М. 1843 г.), гдѣ помѣщенъ юридическій сборникъ XIV вѣка съ Русской Правдой, буква въ букву по подлиннику и съ указаніями вариантовъ; трудъ Д. Дубенскаго. Не можетъ быть пропущено изданіе Русской Правды въ книгѣ Калачова: «Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды» (М. 1846 года). Оно заслуживаетъ вниманія по оригинальности: текстъ

представленъ въ особенномъ (вымышленномъ) порядкѣ и множество списковъ сведено вмѣстѣ.

Въ 1851 г. изданъ «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго» княземъ М. Оболенскимъ по рукописи XV вѣка; описана рукопись и хронографъ І. Малалы, въ ней заключающійся, съ выписками и сличеніями, разсмотрѣна лѣтопись и издана съ возможною точностью. Недостаетъ указателя и снимковъ.

Изданія грамотъ у насъ многочисленны и вообще съ 1826 года недурны, а нѣкоторыя и превосходны. Вотъ главныя:

Начатое въ 1813 году Румянцевское «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ» окончено въ 1828 г. четвертымъ томомъ. Хотя послѣдніе томы изданы и хуже первыхъ, тѣмъ не менѣе и ими можно пользоваться съ довѣренностью. Къ послѣднему тому приложены четыре листа снимковъ и прекрасно составленный указатель собственныхъ именъ. При нѣкоторыхъ актахъ приложены краткія описанія и печати.

Въ 1836 г., изданъ Сборникъ Муханова, значительное количество актовъ, болышею частью западно-русскихъ. Какъ издалъ Мухановъ, видно изъ собственныхъ его словъ: „Я вообще того мнѣнія, что собственно для пользы исторіи не только нѣтъ никакой необходимости издавать историческіе памятники со старой орфографіей, но даже въ настоящемъ положеніи и нашихъ архивовъ и нашей исторической литературы полезнѣе все издавать орфографіей новою“ (стр. XXVI—XXVII въ концѣ книги). Мухановъ, слѣдовательно, не отвергалъ, что при другомъ состояніи архивовъ и исторической литературы надобно издавать иначе; а думалъ ли онъ о томъ, что подлинники могутъ погибнуть, что тогда печатные списки должны ихъ замѣнить, и что же, если издатели ихъ дурно прочли? Нельзя, однако, не замѣтить, что Мухановъ приложилъ къ своему собранію снимки, примѣчанія и указатель собственныхъ именъ, и что его Сборникъ вообще принадлежитъ къ числу очень полезныхъ изданій.

Съ 1836 г. стали являться томы актовъ, издаваемыхъ Археографическою комиссіей; именно:

Въ 1836—1838 гг. вышло 4 тома „Актовъ, собранныхъ Археографическою экспедиціею“. Правописаніе новое; снимковъ нѣтъ; есть кое-какія примѣчанія и самыя краткія описанія подлинниковъ; указатель именъ и нѣкоторыхъ предметовъ приложенъ особенною книгой.

Въ 1838 г. изданъ томъ „Актовъ юридическихъ“. Изданіе совершенно такое же, только нѣтъ указателя предметовъ.

Въ 1841—1843 гг. изданы пять томовъ „Актвъ историческихъ“ съ указателемъ въ особенной книгѣ. Изданіе такое же, только приложено одинъ снимокъ.

Въ 1846 — 1853 гг. издано пять томовъ „Актвъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи“. Нѣкоторые изъ актовъ изданы вѣрно по подлиннику. Указателя нѣтъ. Есть краткія описанія актовъ и примѣчанія. Редакторомъ былъ протоіерей І. Григоровичъ.

Съ 1846 г. начато изданіе „Дополненій къ Актамъ историческимъ“. Въ первомъ томѣ нѣкоторые акты изданы съ желаніемъ сохранить подлинникъ, какъ онъ есть. Есть примѣчанія.

„Влахо-Болгарскія грамоты“, собранныя и объясненныя Юр. Венелинымъ. С.-Пб., 1840 г. Подлинникъ соблюденъ довольно вѣрно; сдѣланы примѣчанія; приложена тетрадь снимковъ.

„Описаніе государственнаго разряднаго архива“ П. И. Иванова. М. 1842 г., со снимками.

„Псковская судная грамота 1467 года“. Одесса, 1847 г., со снимкомъ; изданіе г. Мурзакевича, не вполне достовѣрное.

„Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ“, составленное П. И. Ивановымъ (М. 1850 г.); здѣсь изданы многія грамоты. Изданіе грамотъ не вполне удовлетворительно; снимковъ приложено довольно много.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ изданіи сборниковъ снимковъ. Важнѣйшими можно считать слѣдующіе:

Кеппена и Востокова въ „Собраніи Славянскихъ памятниковъ“. 1827 г.

„Собраніе государственныхъ грамотъ“. Томъ IV, 1828 г. Въ первыхъ трехъ есть много снимковъ съ печатей.

Сборникъ Муханова. 1836 г.

„Влахо-Болгарскія грамоты“ Венелина, 1840 г.; 20 листовъ снимковъ.

„Образцы Славяно-Русскаго древлеписанія“ проф. Погодина (М. 1840—1841 г.), двѣ тетради; 44 листа снимковъ, сдѣланныхъ Тромошинымъ при очень краткихъ обозначеніяхъ, откуда взяты. Нѣкоторые снимки очень хороши.

Палеографическіе снимки съ грамотъ Сахарова (1841 года). 27 листовъ снимковъ съ грамотъ безъ обозначеній и вообще не тщательно.

„Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ почерковъ древняго и новаго письма“, издавъ для воспитанниковъ межеваго вѣдомства, со-

ставленный П. И. Ивандовичемъ. М. 1844 г. 102 лл. снимковъ съ чтеніями и нѣкоторыми объясненіями: нѣкоторые снимки плохи. Тутъ есть и сравнительныя азбуки.

„Русскій историческій альбомъ“. 1853. Изданіе М. Погодина, 42 листа подписей XIV—XIX в.

Обращаясь къ осмотру трудовъ о памятникахъ древности, которые вообще, по большаиству своему, могутъ быть названы вещами, и которые любопытны и важны палеографу по написанью, на нихъ находящимся, мы должны вспомнить, что разборъ одного изъ такихъ памятниковъ былъ первымъ ученымъ трудомъ на русскомъ языкѣ. Это письмо Оленина о Тмутороканскомъ камнѣ (1806 г.). Въ то же время начать разборъ и двухъ другихъ вещей: Ярославля сребра и такъ называемой Черниговской гривны. Съ тѣхъ поръ раскрылось значительное количество памятниковъ, и по нѣкоторымъ отдѣламъ ихъ сдѣлано кое-что важное.

Болѣе всего сдѣлано по разбору монетъ, денегъ. Нумизматическіе вопросы въ періодъ изданія Трудовъ и Лѣтописей занимали Московское Общество Исторіи и Древностей, и труды членовъ его возбуждали охоту къ этого рода занятіямъ въ стороннихъ ученыхъ. Нельзя, однако, всѣхъ занимавшихся тогда русскою нумизматикой не раздѣлить на два очень отличные порядка: одни занимались ею по общимъ западно-европейскимъ образцамъ; другіе, не довольствуясь этимъ, обращали вниманіе на то, что сдѣлано было учеными по нумизматикѣ мугамеданской (особенно Х. Х. Френомъ, преимущественно въ его сочиненіи „Монеты хановъ Улуса Джучіева или Золотой Орды“. С.-Пб. 1862 г.)¹⁾. Изъ трудовъ этого втораго порядка особенно памятна должна быть заслуга А. Д. Черткова, его „Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ“, съ двумя прибавленіями (М. 1834 и 1837—1838 гг.). Извлеченіе изъ него съ нѣкоторыми соображеніями въ 7-й части Трудовъ и лѣтописей общества исторіи и древностей, стр. 1—56); монеты подробно описаны и къ описаніямъ приложены рисунки монетъ. Кромѣ внимательности къ разнымъ признакамъ, замѣтимъ еще выработавшую имъ мысль о распредѣленіи нашихъ древнихъ денегъ по княжествамъ. Чертковымъ начался рядъ нашихъ ученыхъ нумизматовъ. Къ числу ихъ скоро присоединились Шодуаръ (*Apçu des monnaies Russes*. 1836. Обзоръ Русскихъ денегъ: три тома съ рисунками), Рейхель

¹⁾ О трудахъ Френа, статья П. С. Савельева въ *Запискахъ Археологическаго общества*: VI т., стр. 359—405.

(Die Reichelsche Münzsammlung. I, 1842 г.), Сахаровъ (Лѣтопись Русской нумизматики. 1842 г., 2-е изданіе въ 1851 г.), Шубертъ (Описаніе Русскихъ монетъ и медалей его собранія. С.-Пб. 1843 г.). Всѣ эти нумизматы описывали монеты по княжествамъ и къ описаніямъ прилагали рисунки.

Въ 1846 году основалось въ С.-Петербургѣ Археологико-нумизматическое общество (позже переименованное въ Археологическое), и два страстные нумизмата сдѣлали записки этого общества органомъ своей дѣятельности: это В. Кене и П. С. Савельевъ. Особенно важны труды этого послѣдняго, какъ ученаго, соединившаго въ себѣ ученость русскаго археолога съ ученостью ориенталиста. Главные труды его были по нумизматикѣ мугамеданской; но даже и въ нихъ онъ перѣдко высказываетъ соображенія, важныя для нумизмата русскаго. Кстати напомнить о трудѣ его: „Мугамеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи: топографія кладовъ съ восточными монетами и издѣліями. VII — XI в.“ (С.-Пб. 1846 г.).

Въ 1853 г. изданъ трудъ г. Волошинскаго (Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ, прибрѣтенныхъ Кіевскимъ университетомъ изъ Нѣжинскаго клада, въ Трудахъ комиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа), не важный самъ по себѣ, но до сихъ поръ единственный касательно этихъ монетъ, важныхъ для разработки вопроса о русскихъ деньгахъ древнѣйшаго періода.

Съ работами о монетахъ въ ближайшей связи состоятъ работы о медаляхъ. У насъ въ древности былъ только одинъ родъ медалей, такъ-называемыя гривны. Одинъ экземпляръ гривны, найденный близъ Чернигова, издавна сдѣлался предметомъ изслѣдованій, которыя, послѣ находки другихъ подобныхъ, продолжаютъ и доселѣ, но еще не привели ни къ какимъ важнымъ результатамъ.

Съ работами касательно монетъ соединяются и работы, имѣющія своимъ предметомъ печати. Эти работы у насъ не новы, и нѣкоторыя достойны полнаго уваженія. Драгоценное собраніе рисунковъ печатей русскихъ сдѣлано въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ“, гдѣ находимъ изображенія довольно точныя всѣхъ печатей, какія только сохранились при грамотахъ, изданныхъ въ этомъ собраніи. Послѣ этого изданія, на печати обращается только по одиночкѣ членами Общества исторіи и древностей и Археологическаго общества.

Изъ остальныхъ предметовъ древности, важныхъ для археолога-

палеографѣ, наибольшаго вниманія достойны: образа (иконы), покровы церковныя, знамена, кресты, надгробныя памятники, колокола, утварь церковная и домашняя, одежды церковныя. Написи на нихъ нерѣдко даже важнѣе, чѣмъ на монетахъ, медаляхъ, печатяхъ, гербахъ. И на эти предметы было обращено у насъ вниманіе издавна, особенно послѣ Оленина, Московскимъ Обществомъ исторіи и древностей. Не смотря однако на прекрасный образецъ Оленина, далеко не всѣмъ было и даже до сихъ поръ отчасти остается памятнымъ, что въ передачѣ написей, равно какъ и вообще изображеній на предметахъ, надобно строго держаться подлинника.

Болѣе другихъ любопытны въ этомъ отношеніи слѣдующіе труды: **Ө. И. Аделунга**, „Die Korsunschen Thüren“ (1823 г.), въ Русскомъ переводѣ: „О Корсунскихъ вратахъ“ (1834 г.).

А. Н. Оленина, Объясненіе фигуръ къ письму: О Славянахъ отъ времени Траяна и Русскихъ до нашествія Татаръ. 1833.

Снегирева, „Памятники Московской древности“. М. 1842—1845. 44 л. рисунковъ.

И. Фундукляя, „Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ“. Кіевъ. 1847, съ рисунками.

М. Толстаго, графа „Древнія святыни Ростова“. М. 1847 года (Чтенія: 1, 1847—1848 г. № 2; 2-е изданіе, М. 1860 г.; 3-е изданіе 1866 г.).

В. П. Григоровича, „Очеркъ путешествія по Европейской Турціи“. К. 1848.

„Древности Россійскаго Государства“. 1849 г., 6 томовъ и 6 книгъ объясненія.

„Дмитревскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ“ (графа Сергѣя Строганова). М. 1849 года (На рисункахъ есть изображенія съ написями).

Г. Филимонова, „Описаніе памятниковъ Русскаго музея П. Карбанова“. М. 1849 г.

Записки Русской и Славянской археологій. С.-Пб. 1851 г.

И. Забѣлина, „О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XII вѣка“ (Записки Археологическаго общества. С.-Пб. 1853 г.).

И. Забѣлина, „Историческое обозрѣніе финифтянаго и ценнаго дѣла въ Россіи“ (Записки Археологическаго общества. VI, 1853 г.).

Изображеніе панатій, хранящихся въ ризницѣ Троицкой Лавры. 1852 г.

„Изображеніе древнихъ предметовъ Лавры“.

Не всё эти труды однако важны для палеографа; но почти въ каждомъ изъ нихъ онъ найдетъ любопытныя для себя указанія.

Окачивая на этомъ обзорѣ русскихъ трудовъ прошлаго царствованія, важныхъ для славянскаго палеографа, не могу еще не вспомнить, что Московскій профессоръ О. М. Бодянский, издавшій въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древностей огромное количество памятниковъ, и большую часть съ полнымъ соблюденіемъ правонаписанія подлинника, издалъ и изслѣдованіе „О времени происхожденія Славянскихъ письменъ“ (М. 1855 г.), важное по критической постановкѣ и по обилію данныхъ, взятыхъ для соображенія. Въ этомъ трудѣ дано мѣсто и разсмотрѣнію другихъ изслѣдованій о древнихъ письменахъ славянскихъ, довольно обстоятельному, хотя и не безпристрастному.

IV. Русскія палеографическія работы въ царствованіе Александра II.

Почти все начавшее дѣйствовать въ области изученія отечественной древности въ прошедшее царствованіе продолжало свою дѣятельность, и не мало новаго постепенно появлялось въ слѣдующіе годы какъ продолжается и доселѣ. Палеографическія требованія и работы все болѣе расширились.

Въ Академіи Наукъ Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, начавъ издавать Извѣстія и Ученыя Записки въ 1852 г., продолжало ихъ до 1862 г. и въ нихъ, особенно въ Извѣстіяхъ, давало мѣсто и неизданнымъ памятникамъ и сравненіямъ снимковъ ихъ, и палеографическимъ разборамъ со снимками. Въ 1862 году началось изданіе Записокъ отъ вса Академіи, и въ нихъ ухлѣлось такъ же мѣсто того рода сообщеніямъ. Только благодаря возможности, раскрытой Академіей Наукъ, могли появиться въ 1862 году „Древніе памятники Русскаго письма и языка до конца XIV вѣка“ въ Извѣстіяхъ; а затѣмъ позже въ Запискахъ два тома (8 выпусковъ) и начало третьяго тома (9-й выпускъ) „Слѣдствій и замѣтокъ о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“.

Московское Общество исторіи и древностей, вѣривъ свою научную печатную дѣятельность профессору Бодянскому, продолжало издавать съ 1858 года свои Читенія, въ которыхъ по прежнему печатались цѣ-

ликомъ важныя памятники—между прочимъ и палеографически вѣрно. Бодянскимъ было приготовлено такъ много, что и по смерти его преемнику его, А. Н. Попову, пришлось издавать напечатанное но неизданное Бодянскимъ.

Императорское Русское Археологическое Общество первое доказало возможность изданія снимковъ цѣльныхъ памятниковъ: такъ, изданы „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ по списку XIV вѣка“. Въ Извѣстіяхъ (изд. съ 1859 г.) и Запискахъ Общества давалось постоянно мѣсто изданіямъ и разборамъ памятниковъ ¹⁾.

Археографическая коммиссія, продолжая въ своихъ главныхъ изданіяхъ держаться преимущественно старыхъ приемовъ, все чаще отступала отъ нихъ, издавая все чаще палеографически вѣрно, и даже въ снимкахъ. Такъ, между прочимъ, въ свѣтопечатныхъ снимкахъ изданы: Повѣсть временныхъ лѣтъ по списку Лаврентьевскому и по списку Ипатьевскому, и Новгородская лѣтопись по древнѣйшему списку XIII—XIV вѣка.

Кромѣ этихъ ученыхъ обществъ и другихъ менѣе важныхъ, явились на археологическую дѣятельность новыя. Такъ:

Въ 1864 г. учреждено въ Москвѣ Московское археологическое общество, и съ 1865 г. стало издавать свои записки подъ названіемъ Древностей.

Немного позже учредилось при Московскомъ публичномъ музеѣ Общество древне-Русскаго искусства, и стало издавать свои труды сначала въ Сборникахъ (2 тома въ 4-ку), потомъ подъ названіемъ Вѣстника (1 томъ въ 4-ку).

Труды обоихъ этихъ обществъ очень важны потому что въ нихъ дано мѣсто разбору памятниковъ всякаго рода безъ исключенія, и на палеографическую сторону всѣхъ этихъ памятниковъ обращается постоянное вниманіе.

Два другія археологическія общества, оба Кіевскія, одно при университетѣ, другое при Духовной Академіи, а равно и Казанское общество исторіи и древностей подають надежды быть важными органами славяно-русской археологіи и палеографіи ²⁾.

Почти всѣхъ моложе и всѣхъ обильнѣе печатными плодами дѣя-

¹⁾ Въ 1861 г. вышелъ 2-й томъ *Записокъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи*.

²⁾ Съ 1860 года Кіевская Духовная Академія начала издавать *Труды*.

Съ 1859 года Казанская Духовная Академія—*Православный Собесѣдникъ*.

тельности, между прочимъ, очень важной для палеографа—Общество любителей древней письменности, утвержденное въ маѣ 1877 г., взявшее на себя изданіе славяно-русскихъ рукописей, замѣчательныхъ въ литературно-научно-художественномъ или бытовомъ отношеніи—безъ исправленій. Имъ напечатано уже болѣе 50 изданій, и въ томъ числѣ чуть не половина палеографически въ снимкахъ.

Важнымъ явленіемъ для успѣховъ археологіи и палеографіи было учрежденіе археологическихъ съѣздовъ. Первый изъ нихъ былъ въ Москвѣ въ 1869 г., а затѣмъ еще три, одинъ за другимъ, черезъ каждые три года—въ Петербургѣ, Кіевѣ, Казани. И мысль о нихъ, и приведеніе ея въ дѣйствіе, и старанія о должной постановкѣ cadaго принадлежитъ графу А. С. Уварову, который былъ главнымъ основателемъ Московскаго археологическаго Общества. Каждый изъ съѣздовъ имѣлъ особое отдѣленіе по памятникамъ славяно-русскаго письма. Послѣдствіемъ cadaго—изданіе сборника записокъ, заявленныхъ на съѣздѣ, и другихъ трудовъ, достойныхъ этого мѣста.

Изъ частныхъ повременныхъ изданій, важныхъ для археолога и палеографа, особенно замѣчательны:

Памятники, изданіе гр. Куселева-Безбородко: 4 выпуска въ 4 ку.

Лѣтописи Русской литературы и древности, проф. Тихонова—5 книгъ (1859—1863).

Христіанскія древности и палеографіа г. Прохорова, важное по множеству снимковъ ¹⁾.

Описанія рукописей, не только отдѣльныя, но и по собраніямъ, стали появляться все чаще и все съ большими достоинствами въ отношеніи къ содержанію.—Особеннаго вниманія заслуживаетъ „Описаніе Славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки“ А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, котораго 1-й томъ явился въ 1855, а послѣдній изъ вышедшихъ въ 1869 г. Это не только описаніе рукописей, но и разборъ памятниковъ, въ нихъ описанныхъ, *столько же отчетливый*, какъ ученый и важный во всѣхъ отношеніяхъ. Не можетъ быть не вспомнить съ признательностью трудъ проф.

¹⁾ *Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній*, Н. В. Калачова. (1858—1863), XI чч.

Русская Бесѣда (1856—1860, 20 кн.) повременное изданіе для общаго чтенія, но заключающее въ себѣ нѣсколько статей, важныхъ для изучающихъ русскія древности, между прочимъ, даже и памятники.

Буслаева „Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ Славянскихъ“, вошедшіе въ „Матеріалы для исторіи письменъ“, изд. Москов. унив. 1855: описаны 11 рукописей Синодальной библіотеки преимущественно со стороны языка и письма, къ описаніямъ приложены превосходные снимки Шелковникова. Описательнымъ свѣдѣніямъ о разныхъ рукописяхъ Буслаевъ далъ мѣсто въ примѣчаніяхъ къ статьямъ своей Исторической хрестоматіи.

Позже вышли:

„Описание пергаменныхъ рукописей Новгородскаго Софійскаго собора“ П. Купріянова (въ Извѣстіяхъ II-го отдѣленія Академіи и отдѣльно). 1857. ¹⁾.

„Описание рукописей Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря“, архимандрита Амфилохія (въ Извѣстіяхъ II-го отдѣленія Академіи и отдѣльно) 1859, и въ новомъ изданіи 1876.

„Обозрѣніе рукописей соборной библіотеки Кирилло-Бѣлозерскаго мон.“ арх. Варлаама въ Чтеніяхъ и отдѣльно. 1860.

„О нѣкоторыхъ Славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ“, В. Ламанскаго (6-ти). 1864.

„Описание 24-хъ рукописныхъ сборниковъ Новгородской Софійской библіотеки“, Ф. Л. Смирнова. 1865.

„Славяно-Русскія рукописи“, В. М. Ундольскаго. (описание его самого и при немъ очеркъ всего собранія). 1870.

„Собраніе Славяно-Русскихъ рукописей В. М. Ундольскаго“, А. Викторова. 1870.

„Рукописное отдѣленіе Виленской публичной библіотеки“, П. Гильтебрандта. Вильна. 1871.

„Описание рукописей А. И. Хлудова“, составленное А. Н. Пономымъ. 1872 г., дополненіе 1875.

„Описание рукописей Церковно-археологическаго музея Кіевской духовной Академіи, П. Петрова, 3 выпуска 1875—1879.

„Описание рукописей Соловецкаго монастыря, въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи“ И. Я. Порфирьева. 1877.

„Описание сборниковъ Императорской Публичной библіотеки“ А. Ѳ. Бычкова, вып. 1, 1878.

¹⁾ Описание 7-ми рукописей Имп. Публ. библіотеки, П. А. Лавровскаго. (Чтенія, 1858 г., № 4).

Указатель для обозрѣнія Московск. патріаршей, нынѣ Синодальной, библіотеки архим. (нынѣ архіепископа) Саввы, 1858.

„Опись древнихъ рукописей Русскаго Археологическаго Общества“, Прозоровскаго. 1879 ¹⁾).

Отдѣльные разборы болѣе или менѣ замѣчательныхъ памятниковъ частію по одиночнымъ спискамъ, болѣею частію при помощи разныхъ списковъ составляютъ одну изъ богатыхъ даней нашей изслѣдовательной литературы.

„Обзоръ хронографовъ Русской редакціи“, А. Н. Попова, 2 книги. 1866—1869 г.

„Первоначальный Славяно-Русскій Номоканонъ“, А. С. Павлова. 1869 года.

„Изслѣдованіе языка древне-Славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи XI вѣка“, А. С. Будиловича. 1876 г. съ палеографическими снимками.

„Толковая Палая“, В. Успенскаго. 1876 г.

„Описаніе Юрьевскаго Евангелія 1118—1128 года“. Арх. Амфилохія. 1877 г., съ палеографическими снимками.

„Хожденіе игумена Даниила въ Святую землю въ началѣ XIII вѣка“, М. А. Веневитинова. 1877 г.

„Древній Славянскій переводъ псалтыри. Изслѣдованіе его текста и языка по рукописямъ XI—XII в.“ Вяч. Срезневскаго. 1877 г., съ палеографическими снимками.

„Изслѣдованіе Златоструя по рукописи XII вѣка“, В. Малинина. 1878 г., съ палеографическими снимками.

„Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей“, А. Карпова. 1878 года.

„Древній Славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV вѣка“. Опытъ изслѣдованія языка и текста, Гр. Воскресенскаго. 1879 г.

Изъ полныхъ изданій памятниковъ, кромѣ отмѣченныхъ выше, въ археолого-палеографическомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія:

¹⁾ Кромѣ того есть еще описанія рукописей разныхъ библиотекъ вмѣстѣ: *Филарета*. Въ историческомъ обзорѣ Русской духовной литературы. С.-Пб. 1857.

Макарія. Въ примѣчаніяхъ къ Исторіи Русской церкви. С.-Пб. 1857—1866.

Ф. И. Буслаева. Въ примѣчаніяхъ въ Исторической хрестоматіи. М. 1861.

И. И. Срезневскаго. Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ (IX—XII вв.). 1865 г.

К. П. Петковича. Обзоръ Аѳонскихъ древностей. С.-Пб. 1865, при *Записк. Акад. Наукъ*, V. кн. 2

„Рукописи гр. А. С. Уварова“. Томъ II: сочиненія Кирилла Туровскаго по нѣсколькимъ спискамъ, М. И. Сухомлинова. 1858 г.

„Памятники отреченной Русской литературы“, Н. С. Тихонова. 2 тома, 1863 г. (почти одновременно вышло другое подобное собраніе А. Н. Шпица: „Ложныя и отреченныя книги“ въ 3-мъ выпускѣ Памятниковъ старинной Русской литературы).

„Путешествіе игумена Данила по Святой землѣ въ началѣ XII вѣка“, А. С. Норова. 1864 г., со снимками.

„Древніе глаголическіе памятники“. Трудъ И. И. Срезневскаго. 1866 года, съ тетрадю снимковъ.

„Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма“, И. И. Срезневскаго. 1868 года.

„Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ Славянскомъ переводѣ по списку XII в.“, К. И. Невоструева. 1868 г., со снимками.

„Великія мины, четива“ — пока только 4 тома: 2 септ., 2 окт., 1868—1874 г.

„Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII в.“, П. И. Саввантова. 1872 г., со снимками.

„О самодревнѣйшемъ Октоихѣ XI в. юго-Славянскаго юсоваго письма“, арх. Амфилохія. 1874 г., со снимками.

„Древле-славянская псалтирь XIII—XIV в., съ Греческимъ текстомъ изъ толковой Θεодоритовой псалтири X в., съ замѣчаніями по древнимъ памятникамъ“, арх. Амфилохія, 2 тома. 1874—1879 г.

„XIII словъ Григорія Богослова въ древне-Славянскомъ переводѣ по рукописи XI в.“, А. Будиловича. 1875 г.

„Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки“, И. Я. Порфирьева. 1877 г. ¹⁾

Изданія грамотъ и другихъ подобныхъ записей продолжаютъ по прежнему и все болѣе разрастаются—особенно дѣятельностью Археологической комиссіи и комиссій Виленской и Кіевской; но изъ этихъ изданій по прежнему мало такихъ, которыя заслуживаютъ вниманія археолога и палеографа. Къ числу особенно замѣчательныхъ надобно причислить:

¹⁾ Въ 1866 году издано для учащихся Слово о полку Игоревѣ *Н. С. Тихоновымъ*: въ этомъ изданіи въ первый разъ обращено палеографическое вниманіе на утраченный подлинникъ, съ котораго были сдѣланы списки Слова Это и не согласенъ будетъ съ окончательнымъ выводомъ издателя, что этотъ подлинникъ написанъ въ XVI—XVII вѣкахъ, все-таки признаетъ за исследователемъ и умѣтность вопроса, имъ заданнаго, и остроуміе сближеній.

Книгу Грамотъ, касающихся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригю и съ ганзейскими городами, М. А. Коркунова и А. А. Куника. 1857 г. Всего 8, но всѣ въ полныхъ снимкахъ.

Два первые тома Актовъ относящихся до юридическаго быта древней Россіи, изданіе Н. В. Калачова. 1857—1864 г.

„Русско-Ливонскіе акты“, собранные К. Е. Напьерскимъ. 1868 г. Съ прибавленіемъ двухъ грамотъ Смоленскихъ, приготовленныхъ къ изданію А. А. Куникомъ.

Изъ сборниковъ снимковъ, кромѣ отмѣченныхъ выше, замѣчательны:

„Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки“, еп. Саввы. 1863 г. 60 л. снимковъ работы Шелковникова.

„Снимки съ надгробныхъ греческихъ и славянскихъ памятниковъ и рукописей обоихъ языковъ съ VII в. по 1546 г.“, арх. Амфилохія. 1874 г., его собственной работы.

„Снимки съ рукописей Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки“, арх. Амфилохія. 1876 г.

Изъ работъ по разнымъ отраслямъ изслѣдованій нашего времени о памятникахъ вещественныхъ древне-русскихъ можно указать на работы по нумизматикѣ и сфрагистикѣ — А. А. Куника (изслѣдованіе о Русско-Византійскихъ монетахъ Ярослава I. 1860 г., и др.), Д. Сонцова („Деньги и пулы древней Руси“, 1860 г. „Нумизматическія изслѣдованія Славянскихъ монетъ, 1865 г., гдѣ есть статья о деньгахъ древней Руси, прежде неописанных“, и проч.), Д. Прозоровскаго (въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества), П. Иванова (Сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей, 1856 г.)¹⁾.

Не маловажны изслѣдованія о древнемъ русскомъ иконописаніи (каковы — Буслаева въ Сборникѣ Общества древне-Русскаго искусства, Ровинскаго въ Запискахъ Археологическаго Общества, Филимонова объ окладѣ Мстиславова Евангелія въ Чте-

¹⁾ Изслѣдованія о печатяхъ пока едва только начаты. Главный трудъ въ этомъ отношеніи изъ доселѣ вышедшихъ есть трудъ А. Лакіера: «Русская Геральдика» (СПб. 1855 г., 2 книги), гдѣ помѣщена и исторія печатей въ Россіи (1, стр. 83—198). Въ второй книгѣ находится и сводъ того, что есть въ виду относительно гербовъ Русскихъ. Дополненіемъ къ нему могутъ служить труды покойнаго И. П. Сахарова и А. А. Куника.

ніяхъ (1860 г.: 4.); въ Сборникѣ общества древ. русск. искусства и проч.) ¹⁾.

По другимъ памятникамъ количество работъ увеличивается постоянно, работъ, относящихся къ разнымъ отдѣльнымъ мѣстностямъ, къ уѣздамъ, губерніямъ и т. д. Немного такихъ обширныхъ, какъ трудъ арх. (нынѣ еп.) Макарія по памятникамъ Рязанскимъ, Нижегородскимъ, Повгородскимъ, по много сдѣланныхъ съ большою внимательностью.

Ища общихъ итоговъ въ представленныхъ перечняхъ трудовъ, имѣющихъ значеніе для палеографа, нельзя отвергнуть, что въ кругѣ передовыхъ предварительныхъ трудовъ сдѣлано очень многое:

1. Количество открытыхъ памятниковъ возросло до цифры громадной, и между ними есть уже очень много памятниковъ опредѣленного времени.

2. Разсмотрѣніе и описаніе памятниковъ подчинилось довольно опредѣленнымъ правиламъ и дало нашей литературѣ нѣсколько важныхъ трудовъ общаго значенія, не говоря уже о трудахъ частныхъ и о разныхъ обзорныхъ памятникахъ.

3. Очень многіе памятники изданы или вполнѣ или въ отрывкахъ, съ соблюденіемъ подлиннаго правописанія, со снимками, а нѣкоторые въ полныхъ снимкахъ и съ объясненіями.

4. Палеографическія наблюденія стали быть сводимы въ своды, давъ между прочимъ мѣсто и своднымъ азбукамъ, и сравненіямъ особенностей письма и правописанія разнаго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изслѣдованіямъ, потребовавшимъ различныхъ филологическихъ, археологическихъ и историческихъ соображеній.

¹⁾ Владимирскій сборникъ, *Ж. Тихонова*, 1857 г.

Д. Солнцева. Роспись древней утвари, 2 тетр. 1857—1858 г.

П. Соловьева. Протоіер. Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора, 1858 г. *Закревскаго*. Лѣтопись и описаніе г. Кіева, 1858 г. (*Чтенія*, 2). (2-е изданіе 1868 г.).

Макарія архим. Описаніе Юрьевскаго монастыря, 1858 г. (*Чтенія*, 2).

Арх. Вирлама. Описаніе древностей и рѣдкихъ вещей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, 1859 г. (*Чтенія*, 3).

Даскалова. Открытія въ Терновѣ, 1859 г. (*Чтенія*).

А. О. Вельмана. Московская Оружейная Палата, 1860 г.

М. Толстаю гр. Святѣни и древности Пскова, 1861 г.

М. Толстаю гр. Святѣни и древности Новгорода, 1862 г.

Саввы арх. Указатель синод. ризницы, 1863 г.

5. Пачати общія выводыя изслѣдованія съ научною филологическою требовательностью.

Окота къ археологико-палеографическимъ занятіямъ вообще распространялась.

V. Палеографическія работы у западныхъ Славянъ.

Наше обзоріе трудовъ по палеографіи славянской и русской было бы неполно, если бы мы упустили изъ вида труды, изданные на Западѣ, особенно нашими современниками. Обратитъ на нихъ вниманіе нужно тѣмъ болѣе, что нѣкоторые находятся въ прямой связи съ трудами русскими и служили образцами для нихъ, а другіе сдѣланы по образцу нашихъ трудовъ. Нельзя этого не сказать и объ аббатѣ Іосифѣ Добровскомъ, первомъ по времени изъ филологовъ и археологовъ славянскихъ, многіе годы занимавшемся древнимъ славянскимъ языкомъ во памятникахъ. Палеографическое вниманіе къ памятникамъ показалъ онъ уже въ своихъ сборникахъ, изданныхъ подъ названіями *Slavin* (1806—1808) и *Slowanka* (1814—1815). Въ первомъ представлены и изслѣдованія о глаголицѣ и сивилки. Къ Старославянской грамматикѣ своей (*Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris*. 1822) онъ приложилъ краткое обзоріе рукописей, которыми пользовался для своего труда, и *Specimina* о codicibus съ вариантами, соблюдая въ нихъ подлинникъ буква въ букву. Изслѣдованіе его о Кириллѣ и Меодіи (выше означенное въ русскомъ переводѣ) имѣетъ также нѣкоторое палеографическое значеніе.

По слѣдамъ его пошли прежде другихъ два изъ лучшихъ учениковъ его, Ковитаръ и Ганка.

Ъ. Ковитаръ особенно прославился книгой, которую издалъ въ 1836 г. подъ названіемъ *Glagolita Clozianus, id est, codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi Ascifanov, servatum in Bibliotheca i. e. P. Cloz Tridentini*. Это одно изъ тѣхъ изданій памятниковъ, которыя нельзя не назвать образцовыми. Палеографъ выходитъ здѣсь не только самый памятникъ 1) буква въ букву и строка въ строку съ описаніемъ его, 2) въ чтеніи, 3) въ текстѣ греческомъ, 4) въ латинскомъ переводѣ, 5) со сивилкомъ и съ объяснительными къ нему примѣчаніями, но имѣетъ и изслѣдованія филолого-палеографическаго направленія о древней письменности славянской съ выписками изъ разныхъ памятниковъ, годными для палеографа. Другой трудъ его «*Itesychi Glossographi discipulus*» (1839) особенно важнѣе по

добавочнымъ статьямъ, гдѣ представлены свѣдѣнія о древнихъ памятникахъ славянскихъ, оставшихся дотолѣ неизвѣстными.

В. Ганка, которому Чехи обязаны первыми изданіями большей части древнихъ памятниковъ чешскаго языка и переизданіемъ нѣкоторыхъ трудовъ Добровскаго съ прибавленіями, доказалъ еще въ 1819 году, что ему извѣстны требованія филолого-палеографическія, въ первомъ изданіи такъ называемой Краледворской рукописи: она напечатана имъ буква въ букву, какъ онъ прочелъ, только съ раздѣленіемъ на стихи. Онъ издалъ два и старославянскихъ памятника: 1) Сазаво-Еммаусское святое благовѣствованіе вынѣ же Ремьское (1846) и 2) Остромирово Евангеліе (1853). Второе важно только какъ общедоступная перепечатка древняго евангельскаго текста съ изданія Востокова, къ сожалѣнію, съ нѣкоторыми произвольными отклоненіями отъ подлинника. Первое же, какъ вѣрная передача текста по снимку, сравнительно съ Остромировымъ Евангеліемъ, съ очень любопытнымъ введеніемъ, должно быть считаемо въ числѣ изданій важныхъ.

Рядомъ съ Ганкою нельзя не вспомнить о трудахъ другаго Чешскаго ученаго, въ одно время съ нимъ дѣйствовавшего, П. Шафарика. Первые занятія его, которыя могли имѣть палеографическій смыслъ, были посвящены памятникамъ сербскимъ. Обзоръ сербскихъ памятниковъ, имъ изслѣдованныхъ или замѣченныхъ, изданъ имъ еще въ 1831 г. (*Wiener Jahrbücher der Litteratur* 53 ч. Anz. bl.); а изслѣдованіе объ особенностяхъ древняго Сербскаго языка по памятникамъ, подъ названіемъ *Serbische Leseskötner* въ 1833 г. Приложенные къ этой книгѣ отрывки изъ памятниковъ изданы не вполне палеографически, тѣмъ не менѣе съ нѣкоторымъ соблюденіемъ правописанія. Несравненно важнѣе и для палеографіи и для филологіи—позже изданная имъ вмѣстѣ съ Ф. Палацкимъ книга *Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache* (Prag, 1840). Въ ней находится критическое изданіе древней чешской пѣсни о судѣ Любуши и Згорѣльскаго отрывка изъ Евангелія, съ приложеніемъ полныхъ снимковъ, чтенія, объясненій, грамматическаго разбора, словаря и палеографическаго изслѣдованія о подлинности этихъ памятниковъ. Къ сожалѣнію, только въ этой книгѣ, да еще въ позже изданныхъ глаголическихъ отрывкахъ (*Glagolitische fragmente, herausgegeben von Dr. Höfler und Dr. P. J. Šafarik. Prag, 1857*), Шафарикъ держался правилъ, которыхъ соблюденія можетъ желать и филологъ, и археологъ,

и палеографъ. Въ другихъ изданіяхъ онъ обходился съ издаваемымъ текстомъ болѣе или менѣе свободно. Печаталъ не текстъ, а свое чтеніе, измѣняя списки, на сколько находилъ это нужнымъ. Такъ имъ изданы и *Ramátky písemnictví Jihoslovanuv* (Изборъ Славянскихъ достопамятностей. Praha, 1861) и *Ramátky Hlágolského písemnictví* (Praha, 1853). Въ послѣдней книгѣ важны изслѣдованія о древности глаголицы съ разборомъ самой азбуки, но и они важны не столько по строгимъ научнымъ приѣмамъ, сколько по начитанности сочинителя и остроумнымъ діалектическимъ приѣмамъ.

Не такого произвола держался Николаевичъ (сербскій священникъ), приготавливая къ изданію свой обширный сборникъ сербскихъ грамотъ; но его печатаніе попало, къ сожалѣнію, въ такія руки, которыя не могли исполнить его намѣренія, и „Србски споменици“ его собранія изданы въ Бѣлградѣ въ 1840 году очень небрежно.

Не допускалъ произвола въ чтеніи д-ръ Мажураничъ въ изданіи Винодольскаго закона, 1280 г., сохранившагося въ древнемъ глаголическомъ спискѣ: см. *Kolo*, 1843, кн. 3, гдѣ представленъ этотъ важный памятникъ буква въ букву и строка въ строку съ листкомъ свника, съ чтеніемъ, съ объясненіями и разборомъ.

Такого же направленія держалось иногда въ своихъ изданіяхъ памятниковъ и Общество словесности, основанное въ Бѣлградѣ въ 1847 году, и еще болѣе Общество Югославянской Исторіи, основанное въ Загребѣ въ 1850 г. Въ Гласникѣ перваго и въ Архивѣ втораго есть образцы разработки памятниковъ всякаго рода со свинками и съ рисунками.

Тѣмъ не менѣе, ни то, ни другое общество не держалось правильнаго палеографическаго изданія памятниковъ съ постоянствомъ, даже при первомъ ихъ обнародованіи: то и другое давало мѣсто и чтеніямъ, составленнымъ произвольно. Изъ числа членовъ перваго, особенно достоинъ воспоминанія и признательности д-ръ Я. Шафарикъ, изслѣдователь монетъ югославянскихъ и архивовъ. Изъ числа членовъ втораго особенно замѣчательнъ Я. Кукулевичъ-Сакцинскій, редакторъ Архива.

Произволь въ изданіи памятниковъ былъ тѣмъ возможнѣе, что и главный нынѣшній представитель славянской филологіи на западѣ, профессоръ и академикъ Ф. Миклошичъ, имѣя въ виду читателей изъ ученаго круга, издавалъ памятники большею частью не палеографически. Такъ, въ 1851 г. издалъ онъ *Monumenta linguae Palaeo-Slovenicae e codice Suprasliensi* (Супрасльскую рукопись XI в.), хотя

и со снимкомъ, но въ чтеніи, съ соблюденіемъ только нѣкоторыхъ особенностей правописанія подлинника. Такъ изданъ былъ имъ въ 1853 г. и *Apostolus e codice Monasterii Siſatovac palaeoslovenice* (тоже со снимкомъ). Такъ изданы имъ въ 1858 г. и *Monumenta Serbica spectantia historiam Serbiae Bosnac, Ragusii* (грамоты). Въ 1860 издалъ онъ Повѣсть временныхъ лѣтъ, подъ названіемъ „*Chronica Nestoris textum Russico-Slovenicum*“, еще страннѣе: чтеніе взято почти исключительно изъ перваго тома Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, а въ языкѣ допущены разнаго рода произвольныя перемѣны, въ слѣдствіе убѣжденія, что русскій лѣтописецъ писалъ свою лѣтопись на нарѣчій старо-славянскомъ. Одно только изданіе д-ра Миклошича имѣетъ палеографическую цѣнность: это статья *Zum Glagolita Clozianum* (1860), въ которой помѣщенъ вновь найденный листокъ сборника, издавнаго Конитаромъ: подлинникъ напечатанъ буква въ букву и строка въ строку.

Не мудрено, что бѣльшаго или меньшаго произвола стали держаться, какъ обычай, и другіе Славянскіе издатели памятниковъ: такъ, въ 1863 г. вышелъ огромный томъ сборника, предпринятаго Кукучевичемъ-Сакцинскимъ, подъ названіемъ *Monumenta historica Slavogum meridionalium*, заключающій въ себѣ *Acta Croatica*. Бѣльшая часть актовъ, между прочимъ и очень древнихъ, частью по подлинникамъ частью по спискамъ, изданы въ чтеніи съ произвольнымъ сохраненіемъ написанія подлинника и безъ всякихъ снимковъ и описаній. Такъ и въ 1865 г. издано др-мъ Рачимъ Ватиканское глаголическое Евангеліе, одиѣ изъ важнѣйшихъ памятниковъ глаголицы (*Assenapov ili Vatikanski evangelistar*), хотъ и съ прекраснымъ введеніемъ д-ра Ягича, но съ дурнымъ снимкомъ и съ произвольными отклоненіями отъ подлиннаго текста, тогда какъ изданіе до буквы вѣрное одно только и могло бы имѣть цѣнность.

Изъ сказаннаго выше ясно, что труды нашихъ западныхъ соплеменниковъ, вообще если не хуже, то по крайней мѣрѣ не лучше нашихъ по отношенію къ научнымъ требованіямъ. Еще нѣсколько словъ объ участіи французскаго палеографа Сильвестра. Въ огромномъ его произведеніи, изданномъ подъ названіемъ *Paléographie universelle* (1841), есть, между прочимъ, нѣсколько листовъ снимковъ съ рукописей кирилловскихъ и глаголическихъ (16 снимковъ въ концѣ IV тома), изящно и довольно вѣрно сдѣланныхъ, но выбранныхъ совершенно случайно и объясненныхъ очень неудачно. Гораздо важнѣе его изданіе Реймскаго Евангелія (*Evangelia Slavice vulgo texte du Sacre* (1843),

какъ первый опытъ полнаго снимка всей книги, съ немногими ошибками. Второе изданіе этого же снимка вышло подъ названіемъ *Evangeliaire Slave dit Texte du Sacre de la bibliothèque de Reims* въ 1852 г. Тутъ помѣщены: *Notice bibliographique* Л. Пари, *Prolegomena historica* В. Копитара, и при каждой страницѣ славянскаго текста, латинскій текстъ. Говоря о Сильвестрѣ, совѣстно не вспомнить и о французскомъ трудѣ русскаго іезуита, И. Мартынова: *Les manuscrits Slaves de la bibliothèque Impériale de Paris* (1858 г.). Это обзорніе рукописей съ означеніемъ содержанія и со снимками.

Имѣя подѣ руками все означенное выше, изслѣдователь древности славяно-русской владѣетъ довольно разнообразнымъ и богатымъ палеографическимъ матеріаломъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ множествомъ отдѣльных частныхъ соображеній и выводовъ. Тѣмъ не менѣе, довольствоваться изданнымъ онъ не долженъ: это только пособія, вызывающія его на собственный трудъ—на трудъ собиранія новыхъ матеріаловъ, отысканія данныхъ для объясненія памятниковъ и соображенія наблюденій для вѣрныхъ выводовъ.

Главное еще впереди: частныя изслѣдованія и соображенія должны быть сведены въ общіе выводы, которые бы окончательно рѣшили вопросы—о началѣ письменности у Славянъ вообще и на Руси въ особенности, о взаимномъ отношеніи, касательно древности, двухъ главныхъ азбукъ, кириллицы и глаголицы, о видоизмѣненіяхъ письма у Славянъ югозападныхъ и Русскихъ по времени и по разнымъ мѣстностямъ, объ отличіяхъ памятниковъ письменности разныхъ вѣковъ, и т. д. Будемъ надѣяться, что любовь къ изученію отечественной древности, все болѣе распространяющаяся и все болѣе вызывающая строгую требовательность въ научныхъ работахъ, поможетъ нашимъ успѣхамъ и въ этомъ невидномъ, но важномъ кругѣ изслѣдованій.

И. Срезневскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХР.-ФР. ВЕБЕРЪ.

(Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго).

Das veränderte Russland. Три тома. 1721, 1739, 1740.

Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei. Vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr.-Christian Webers herausgegeben von D-r. *Ernst Herrmann*. Leipzig. 1880.

Разказы, записки, письма, донесенія иностранныхъ путешественниковъ, между которыми самое видное мѣсто занимаютъ дипломаты, служатъ весьма важными источниками исторіи Россіи, особенно въ XVII вѣкѣ. Но мѣрѣ того какъ возлѣ этого рода источниковъ растетъ значеніе архивныхъ матеріаловъ, записокъ и писемъ Русскихъ людей, относительный вѣсъ сказаній иностранцевъ мало по малу теряетъ свое прежнее значеніе. Между источниками русской исторіи XVI вѣка записки Герберштейна играютъ болѣе важную роль, чѣмъ, напримѣръ, записки графа Сегюра среди источниковъ исторіи царствованія Екатерины II. Для эпохи Ивана IV и Феодора Ивановича сочиненіе Флетчера, при отсутствіи другихъ данныхъ, имѣетъ гораздо большее значеніе въ смыслѣ историческаго источника, чѣмъ можетъ имѣть, напримѣръ, извѣстный трудъ Мекензи Уоллеса, какъ источникъ для исторіи нашего вѣка. Касательно эпохи Петра Великаго сказанія иностранцевъ о Россіи, при богатствѣ матеріаловъ всякаго рода, не могутъ имѣть такой цѣнности, какую, напримѣръ, представляютъ записки Маржерета, Буссова, Маскѣвича для исторіи Смутаго времени; однако, сочиненія иностранцевъ, писавшихъ о Россіи при Петрѣ Великомъ, занимаютъ гораздо болѣе видное мѣсто между

источниками этой эпохи вообще, нежели, напимѣръ, разказы Гельбига, Кастеры, Сабатье-де-Кабра и проч. относительно исторіи царствованія Екатерины II.

Число сочиненій иностранцевъ о Россіи при Петрѣ Великомъ довольно значительно. Нѣкоторые изъ этихъ произведеній болѣе или менѣе замѣчательны въ литературномъ отношеніи: таковы, напимѣръ, труды Корба, Штраленберга, Фокеродта и проч. Что касается до дипломатическихъ донесеній нѣкоторыхъ иностранныхъ наблюдателей, то они занимаютъ среднее мѣсто между литературными трудами и дѣловыми бумагами. До сихъ поръ обнародована только небольшая часть таковыхъ матеріаловъ: опубликованы, и то не вполне, только депеши барона Келлера, голландскаго резидента де-Ъи, австрійскаго дипломатическаго агента Шейера и проч. Множество же другихъ такого рода источниковъ остается донынѣ не напечатаннымъ.

Нѣкоторые изъ дипломатовъ, проживавшихъ въ Россіи, оставили потомству обоего рода историческіе памятники: и донесенія, писанныя во время ихъ пребыванія въ Россіи, и литературныя труды въ видѣ записокъ, составленныя по большей части уже по возвращеніи на родину. Къ такимъ писателямъ принадлежитъ между прочими и ганноверскій резидентъ Фридрихъ-Христіанъ Веберъ.

Мы имѣемъ въ виду указать значеніе донесеній и записокъ Вебера въ ряду источниковъ Петровской эпохи. Донесенія его къ своему правительству и его переписка съ разными лицами сдѣлались извѣстными лишь въ послѣднее время чрезъ изданіе профессора Германна. Записки же его о Россіи уже въ XVIII вѣкѣ обращали на себя вниманіе современниковъ, и какъ можно заключить изъ довольно значительнаго числа изданій, имѣли много читателей.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору характера и содержанія дипломатической переписки и объемистаго сочиненія Вебера, намъ нужно остановиться на вопросахъ о его личности и дѣятельности и на изданіяхъ его трудовъ.

I.

Биографія Фр.-Хр. Вебера.

Мы не особенно богаты данными о жизни и политической карьерѣ Вебера. Мы не знаемъ—когда и гдѣ онъ родился, когда и гдѣ онъ умеръ. Намъ извѣстна почти исключительно та только часть жизни Вебера, которая относится къ его путешествіямъ въ Россію и

къ его пребыванію тамъ. Къ сожалѣнію, профессоръ Германнъ, при изданіи дипломатической переписки Вебера, не сообщилъ никакихъ новыхъ біографическихъ данныхъ объ этомъ замѣчательномъ дипломатѣ и писателѣ. Поэтому намъ остаются неизвѣстными тѣ подробности назначенія Вебера посланникомъ въ Россію, которыя могли бы служить матеріаломъ для исторіи политической дѣятельности его до 1714 года.

Отношенія Россіи къ Англіи во время войны со Швеціей не могли быть особенно дружественными. Англія была весьма недовольна успѣхами русскаго оружія. Желаніе Петра во чтѣ бы то ни стало утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря сильно не нравилось Англичанамъ, Послѣ занятія Шлюссельбурга, Ніеншанца, Дерпта, Нарвы и проч. Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ писалъ Петру изъ Гаги: „Могутъ ли Англія и Штаты (то-есть, Голландія) стараться о вашемъ интересѣ или прибыточномъ мирѣ и сами отворять вамъ двери въ Балтійское море, чего неусыпно остерегаются, трепещутъ великой силы вашей не меньше, какъ и Француза. . . . Англичанъ и здѣшнихъ прямое намѣреніе не допустить васъ имѣть какую-нибудь пристань на Балтійскомъ морѣ: отнюдь не хотятъ и слышать такого сосѣдства ближняго и проч“. Когда вскорѣ послѣ того Петръ отправилъ въ Англію Матвѣева, послѣдній, по данной ему инструкціи, долженъ былъ объяснить, какъ выгодно будетъ для Англичанъ, когда Россія получитъ удобныя пристани на Балтійскомъ морѣ: русскіе товары будутъ безопасно, скоро, нѣскольکو разъ въ годъ перевозиться въ Англію, то-есть, вообще съ бѣльшимъ удобствомъ, что до тѣхъ поръ перевозились они изъ Архангельска, и притомъ стануть дешевле и пр. Однако сближенія между Англіей и Россіей не послѣдовало. Даже обѣщаніе Петра въ случаѣ заключенія выгоднаго трактата наградить герцога Марльборо доходами отъ одного изъ русскихъ княжествъ—, Кіевскаго, Владимірскаго или Сибирскаго“, драгоцѣннымъ камнемъ „какого или нѣтъ или зѣло мало такого величества въ Европѣ“ и пр., не имѣло успѣха. Матвѣевъ сильно жаловался на холодность англійскихъ министровъ, на ихъ склонность къ выгодѣ и пр. Когда, послѣ Полтавской битвы, пріѣхалъ въ Россію англійскій посланникъ Уйтвортъ (Wuitworth), онъ только въ самыхъ общихъ выраженіяхъ говорилъ о дружбѣ королевы Анны; о заключеніи трактата нельзя было и думать. Нѣскольکو позже появленіе русскихъ войскъ въ Помераніи возбудило сильное негодованіе Англичанъ. Разказывали, что въ Карлсбадѣ царь имѣлъ съ англійскимъ посломъ Уйтвортомъ разговоръ, въ которомъ обѣ

стороны употребляли довольно сильныя выраженія. Англійскій министръ Болингброкъ весьма рѣзко осуждалъ образъ дѣйствій русскихъ войскъ въ сѣверной Германіи. Въ Гагѣ между англійскимъ министромъ Страфордомъ и русскимъ посланникомъ Куракинымъ происходили объясненія, въ которыхъ обнаруживалось волненіе обѣихъ сторонъ. Англійское купечество, торговавшее на Балтійскомъ морѣ, подало королевѣ проектъ, въ которомъ говорилось, что если царь будетъ имѣть свои гавани, то русскіе купцы станутъ торговать на своихъ корабляхъ со всѣми странами, тогда какъ ни во Францію, ни въ Испанію, ни въ Италію они до сихъ поръ не ѣздили, и вся торговля была въ рукахъ Англичанъ и Голландцевъ и пр. Въ 1713 году англійскій дипломатъ Гоусъ имѣлъ разговоръ съ Петромъ, который весьма рѣзко выразился о недоброжелательствѣ Англии и о своихъ намѣреніяхъ при такомъ образѣ мыслей Англичанъ приступить къ самымъ крайнимъ мѣрамъ.

Значеніе Россіи, большія средства, которыми располагалъ царь, геніальность и энергія послѣдняго, все это требовало особенной осторожности въ обращеніи прочихъ государствъ съ русскимъ правительствомъ. Нужно было при дипломатическихъ сношеніяхъ болѣе чѣмъ прежде и весьма тщательно соблюдать внѣшнія формы учтивости и предупредительности. Нужно было наблюдать болѣе внимательно чѣмъ прежде за ходомъ дѣлъ въ Россіи, за намѣреніями царя. Все это содѣйствовало назначенію Вебера ганноверскимъ резидентомъ при русскомъ дворѣ въ 1714 году. Ганноверскій курфирстъ Георгъ въ этомъ же году сдѣлался Англійскимъ королемъ. Не смотря на чрезвычайную холодность, господствовавшую между королемъ Георгомъ и Петромъ Великимъ, дипломатическія сношенія между этими государями постоянно оставались довольно оживленными. Георгъ I былъ очень недоволенъ пребываніемъ русскихъ войскъ въ сѣверной Германіи, но въ то же время англійскій адмиралъ Норрисъ въ 1715 году около Ревеля и въ 1716 г. около Копенгагена былъ частымъ гостемъ царя и часто принималъ царя у себя. Въ то самое время, когда Георгъ I, опасаясь нападенія русскихъ войскъ на свои ганноверскія владѣнія, серьезно думалъ о средствахъ вооруженною рукою принудить царя оставить сѣверную Германію, дипломатическій агентъ Георга, Веберъ, находился въ довольно хорошихъ отношеніяхъ къ царю. Недовольный Англіей, Петръ имѣлъ кое-какія сношенія съ Стюартами, или по крайней мѣрѣ, съ приверженцами Стюартовъ, а Веберъ, находясь въ Россіи, зорко слѣдилъ за этими сношеніями царя

съ врагами короля Георга и сообщалъ своему правительству весьма важныя подробности въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ, рѣшительныхъ дипломатическихъ переговоровъ между Англіей, Ганноверомъ и Россіей не происходило. Нельзя сказать, чтобы роль Вебера, какъ дипломата, была особенно важна. Онъ не имѣлъ случая заключить какой-либо важный договоръ; онъ, какъ кажется, даже не особенно часто бесѣдовалъ съ царемъ или съ русскими министрами о дѣлахъ. За то онъ былъ умный, непристрастный наблюдатель, старался составить себѣ довольно точное понятіе о Россіи, объ общественномъ и политическомъ ея положеніи, объ учрежденіяхъ, правахъ, обычаяхъ, о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ, о характерѣ самого царя, и пр. Въ политическомъ отношеніи пребываніе Вебера въ Россіи не оставило и не могло оставить глубокихъ слѣдовъ; за то въ отношеніи научно-литературномъ оно должно было сдѣлаться довольно важнымъ.

Таковы были вообще тѣ политическія условія, при которыхъ дѣйствовалъ въ Россіи Веберъ, какъ дипломатъ. Его дѣятельность началась въ 1714 году, а кончилась въ 1718. Мы имѣемъ возможность описать ту часть жизни Вебера, которая относится къ этой эпохѣ. Чуть ли не единственными источниками при этомъ служатъ сочиненія Вебера о Россіи и книга, изданная недавно профессоромъ Геррманномъ.

Между бумагами королевскаго архива въ Ганноверѣ, находившимися въ распоряженіи профессора Геррманна, были и архивныя дѣла подъ общимъ заглавіемъ „Acta, betrefend Abschickung des Secretarii Weber an des Czars Majestät 1714“, по издатель дипломатической переписки Вебера не сообщаетъ содержанія этихъ бумагъ, между которыми, по всей вѣроятности, находилась и данная ему инструкція. Г. Геррманнъ не желалъ заняться изслѣдованіемъ исторіи дипломатической дѣятельности Вебера ¹⁾. Можно полагать, что Веберъ былъ дипломатическимъ агентомъ подъ скромнымъ именемъ „секретаря“, и лишь съ теченіемъ времени сдѣлался „резидентомъ“ ²⁾.

Въ концѣ 1713 года, въ то время, когда Веберъ — какъ можно полагать — былъ уже назначенъ къ отправленію въ Россію, Георгъ ганноверскій былъ еще только курфирстомъ. Не ранѣе какъ

¹⁾ См. его замѣчаніе на стр. III.

²⁾ Заглавіе одной изъ пачекъ дѣловыхъ бумагъ, отправленныхъ изъ Ганновера къ профессору Геррманну: «des Secretarii, nachmaligen Residenten Weber Relationes» и пр.; тамъ же.

въ августѣ 1714 года оупъ сталъ Англійскимъ королемъ. Когда Веберъ отправился въ путь — мы не знаемъ. Въ январѣ 1714 года мы застаемъ его уже на пути въ Петербургъ. Въ Берлинѣ оупъ имѣлъ свиданіе съ русскимъ посломъ графомъ Головкинымъ ¹⁾. Въ концѣ января оупъ былъ въ Данцигѣ ²⁾. Тутъ оупъ чрезъ секретари герцога Курляндскаго Фердинанда, получилъ паспортъ для проѣзда чрезъ Курляндію. Въ то время и самъ герцогъ находился въ Данцигѣ. Проѣзжая въ Ригу чрезъ Курляндію, Веберъ былъ пораженъ бѣдностію и раззореніемъ этого края вслѣдствіе войны, повальныхъ болѣзней и междоусобій. Рига, куда Веберъ пріѣхалъ не раньше какъ 12-го февраля, также произвела на него печальное впечатлѣніе, такъ какъ тутъ незадолго до пріѣзда его свирѣпствовало моровое повѣтріе и еще всюду были замѣтны слѣды осады и бомбардированія 1710 года.

Во время прибытія Вебера въ Ригу тамъ ожидали пріѣзда царя, желавшаго осмотрѣть фортификаціонныя работы. Такимъ образомъ, Веберъ нѣсколько дней оставался въ Ригѣ въ ожиданіи Петра, который дѣйствительно пріѣхалъ туда 6-го февраля ³⁾. Веберъ описываетъ, какъ жители города торжественно привѣтствовали государя ⁴⁾. Узнавъ о пріѣздѣ Вебера, Петръ пожелалъ видѣть его и чрезъ Остермана пригласилъ его на аудіенцію на другое утро. Веберъ при этомъ случаѣ передалъ царю свою вѣрительную грамоту и былъ принятъ весьма благосклонно. Царь спросилъ о здоровьѣ курфирста и выразилъ надежду на сохраненіе дружбы между Россіей и Ганноверъ-Брауншвейгскимъ домомъ. Вечеромъ 10-го февраля Веберъ былъ приглашенъ къ участию въ царскомъ ужинѣ. Царь разспрашивалъ его о разныхъ новостяхъ, казался веселымъ и предложилъ тостъ „за добрый миръ или храбрую войну“. Веберъ замѣчаетъ, что Петръ въ это время носилъ парикъ, сдѣланный изъ волосъ царицы Екатерины ⁵⁾.

¹⁾ См. письмо Робетона къ Веберу у *Германна*, 182.

²⁾ Въ сочиненіи Вебера «*Verändertes Russland*», I, 1, сказано, что оупъ пріѣхалъ въ Данцигъ (11-го) 22-го февраля 1714 года; но изъ донесеній Вебера къ курфирсту Георгу въ изданіи *Германна* видно, что оупъ пріѣхалъ въ Данцигъ (16-го) 27-го января; изъ Кенигсберга оупъ писалъ 30-го января, изъ Риги— (4-го) 15-го февраля и пр. Очевидно, не записки, а письма должны служить руководствомъ въ этомъ случаѣ.

³⁾ Въ походномъ журналѣ: 6-го февраля; Веберъ, у *Германна*, 3, означаетъ 16-го февраля новаго стиля.

⁴⁾ *Герм.*, 4.

⁵⁾ *Герм.*, 4.

Не смотря на множество лошадей, въ которыхъ нуждался самъ царь при путешествіи изъ Риги въ С.-Петербургъ, Веберъ, въ это же время совершившій ту же поѣздку, нигдѣ не былъ задержанъ, потому что Петръ самъ распорядился о скоромъ отправленіи ганноверъ-брауншвейгскаго дипломатическаго агента. Не мудрено, что Веберъ, путешествуя весьма быстро, хвалилъ отличное устройство почтъ въ Прибалтійскомъ краѣ, замѣчая однако при этомъ, что на пути попадается весьма мало людей и домовъ, и что на почтовыхъ станціяхъ нельзя получить ничего, кромѣ хлѣба, водки и воды. О городѣ Дерптѣ, чрезъ который проѣхалъ Веберъ, онъ замѣчаетъ, что это мѣсто превращено въ груды развалинъ. Около Нарвы онъ видѣлъ мѣсто, на которомъ происходило сраженіе въ ноябрѣ 1700 года; объ упадкѣ Нарвы послѣдствіе военныхъ событій онъ сообщаетъ весьма важныя данныя ¹⁾.

Въ Петербургъ Веберъ пріѣхалъ 19-го февраля (2-го марта); первое впечатлѣніе, произведенное на него этимъ городомъ, было довольно странное. Въ запискахъ своихъ онъ пишетъ: „Видѣсто воображаемаго мною порядочнаго города, я нашелъ тогда кучу сдвинутыхъ другъ къ другу селеній, похожихъ на селенія американскихъ колоній. Нынѣ же“, то-есть, въ то время, когда Веберъ писалъ свои записки, то-есть, нѣсколькими годами позже, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его прибытія въ Россію,—„городъ этотъ, по своимъ роскошнымъ дворцамъ, по количеству домовъ, которыхъ считается до 60000, и въ особенности по тому краткому времени, въ которое они были выстроены, по справедливости можетъ считаться чудомъ свѣта“ ²⁾.

Тотчасъ по своемъ пріѣздѣ Веберъ побывалъ у великаго канцлера, графа Головкина, который принялъ его весьма любезно, и въ приемной у котораго онъ видѣлъ депутацію отъ Калмыковъ. Въ тотъ самый день при дворѣ праздновали годовщину свадьбы Петра и Екатерины; какъ и всѣ другіе дипломаты, Веберъ былъ приглашенъ ко двору и былъ представленъ царицѣ Екатеринѣ, царевичу Алексѣю и кропринцессѣ Шарлоттѣ ³⁾. Этотъ праздникъ былъ устроенъ у царевича Алексѣя, такъ какъ въ то же время праздновали день его рожденія ⁴⁾.

¹⁾ *Геррм.*, 8.

²⁾ *Ver. R.* I, § 11.

³⁾ *Геррм.* 9.

⁴⁾ *Журналь* 1714 г., стр. 88.

Немногимъ позже, въ первыхъ числахъ марта, была „ассамблея“ у адмирала Апраксина. По желанію царя, и Веберъ былъ приглашенъ на этотъ вечеръ, при чемъ однако съ нимъ произошелъ слѣдующій страшный случай: офицеръ, дежурившій у адмиральскаго дома, не только не хотѣлъ впустить незнакомаго ему Вебера, но даже употребилъ при этомъ грубыя выраженія и вытолкалъ его внизъ по лѣстницѣ. Черезъ одного изъ своихъ знакомыхъ Веберъ далъ знать объ этомъ случаѣ двору, и тотъ же самый офицеръ, представивъ свои извиненія Веберу, долженъ былъ ввести его въ залу. Оказалось, что довольно скромный костюмъ Вебера былъ причиной этого недоразумѣнія. На этомъ праздникѣ несчастнаго Вебера заставили пить слишкомъ много. „Дюжина бѣкаловъ венгерскаго и двѣ кварты водки, которыя я долженъ былъ выпить въ два приема изъ рукъ и теперь еще здравствующаго вице-царя Ромодановскаго“, разказываетъ онъ, отняли у меня всякое чувство и разумъ; впрочемъ, утѣшеніе оставалось мнѣ въ томъ, что почти всѣ другіе гости спали уже на полу, и никто поэтому не могъ замѣтить оплошности другаго“ ¹⁾.

Веберъ говоритъ также, что когда онъ, слѣдуя правиламъ учтивости, соблюдавшимся въ Западной Европѣ, побывалъ съ визитами у разныхъ вельможъ и царедворцевъ, эти господа или вовсе не принимали его, или обращались съ нимъ чрезвычайно холодно и даже невѣжливо. Послѣ того какъ Веберъ былъ принятъ ко двору, и какъ царь весьма ласково побесѣдовалъ съ нимъ, всѣ лица, поступавшія столь неприлично съ Веберомъ, самымъ униженнымъ образомъ просили у него извиненія, предлагая ему „всѣ погреба свои“ для примиренія ²⁾.

³⁾14-го марта Веберъ участвовалъ въ празднествѣ, устроенномъ Апраксинимъ по случаю побѣды, одержанной надъ Шведами въ Финляндіи. При этомъ Вебера особенно интересовала цѣлый рядъ тостовъ: пили, между прочимъ, за здоровье храбрыхъ матросовъ, солдатъ, за здоровье союзниковъ и пр. ³⁾. Гостей было всего 70 человекъ. Въ „Журналѣ“ упомянуто о присутствіи посланниковъ, въ томъ числѣ и

¹⁾ Ver. R. § 14—16. Въ донесеніи къ курфирсту не упомянуто обо всемъ этомъ, или же г. Геррманнъ выпустилъ въ своемъ изданіи сюда относящіяся данныя.

²⁾ Ver. R. § 24.

³⁾ Ver. R. § 26. Объ этомъ дѣлѣ въ Финляндіи см. журналъ 1714 года, стр. 91.

ганноверскаго. Какъ кажется, Веберъ участвовалъ также на ассамблеѣ у князя Меншикова по случаю крестинъ его сына ¹⁾.

По случаю Пасхи Веберъ былъ при дворѣ и поздравилъ царя съ праздникомъ. Похристосовавшись съ Петромъ— „more Russico“ Веберъ имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ о разныхъ обрядахъ и церемоніяхъ, при чемъ царь дѣлалъ намеки на вопросы политики, давая чувствовать Веберу, что онъ, царь, не думаетъ о заключеніи сепаратнаго мира и падѣтся на тотъ же самый образъ дѣйствій со стороны союзниковъ. Наконецъ Петръ замѣтилъ, что путемъ интригъ въ обращеніи съ нимъ никто ничего не достигнетъ и что онъ всегда останется вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, правиламъ чести и пр. Во все время Петръ говорилъ лишь намеками, не называя никого. Затѣмъ онъ, обнимая датскаго резидента Фалька и Вебера, выразилъ надежду на сохраненіе хорошихъ отношеній между Даніей и Ганноверомъ съ одной стороны и Россіей съ другой ²⁾.

Немного позже было получено извѣстіе о заключеніи мира послѣ войны за испанское наслѣдство. Веберъ бесѣдовалъ съ царемъ объ этомъ событіи. Петръ сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія о намѣреніяхъ Людовика XIV, Веберъ началъ говорить о заключеніи союза между императоромъ Карломъ VI и царемъ и старался убѣдить царя въ необходимости отправить уполномоченнаго министра на состоявшійся тогда съѣздъ дипломатовъ въ Брауншвейгъ. Петръ выразилъ готовность исполнить это желаніе и вообще обнаружилъ склонность поддерживать дружескія отношенія къ императору ³⁾.

Въ мартѣ Веберъ имѣлъ несчастіе упасть изъ опрокинувшихся саней. Какъ кажется, дѣло не обошлось безъ нѣкотораго поврежденія; по крайней мѣрѣ изъ письма Робетона къ Веберу видно, что послѣдняго при этомъ случаѣ лѣчилъ извѣстный докторъ Лестокъ ⁴⁾.

Въ маѣ Веберъ имѣлъ случай присутствовать при разныхъ празднествахъ. 2-го мая былъ пиръ у царевны Натальи Алексѣевны, для которой былъ тогда построенъ новый дворецъ. Послѣ обѣда царь, не смотря на страшную непогоду, совершилъ поѣздку на взморье, а ве-

¹⁾ Журналъ, 93; Nov. R. I, § 28; *Геррм.* 14.

²⁾ См. донесеніе Вебера отъ ³/₄-го апрѣля у *Геррманна*, 16. Веберъ замѣчаетъ о царѣ: «le vin Гауант mis un peu en bonne humeur».

³⁾ *Геррм.* 20—21.

⁴⁾ *Геррм.* 184.

черезъ забавлялся танцами, при чемъ заставлялъ танцовать стариковъ—Вутурлина, Зотова и пр. ¹⁾

6-го мая Веберъ присутствовалъ при торжествѣ спуска корабля „Ниль Пророкъ“ и при этомъ случаѣ записалъ рѣчь, произнесенную Петромъ: „Кому нѣтъ вѣсть, братцы мои, хоть бы во снѣ снилось, гдѣтъ 30 тогу назадъ“,—такъ началъ онъ,—, что мы съ вами здѣсь у Балтійскаго моря, будемъ плотничать, и въ одеждахъ Пѣнциевъ, въ завошанной у нихъ же нашими трудами и мужествомъ страицъ, воздвигаемъ городъ, въ которомъ вы живете; что мы доживемъ до того, что увидимъ такихъ храбрыхъ и побѣдоносныхъ солдатъ и матросовъ русской крови, такихъ сыновъ, побывавшихъ въ чужихъ странахъ и возвратившихся домой столь смилшенными; что увидимъ у насъ таковое множество иноземныхъ художниковъ и ремесленниковъ, доживемъ до того, что меня и васъ станутъ такъ уважать чужестранные государи? Историки полагаютъ колибель иськъ званій въ Греціи, откуда (по прекратности времени) они были изгнаны, перешли въ Италію, а потомъ распространились и по всѣмъ европейскимъ землямъ, но невѣжествомъ нашихъ предковъ были приостановлены и не проникли далѣе Польши; а Поляки, равно какъ и Пѣнции, пребывали въ такомъ же непроходимомъ иракѣ невѣжества, въ какомъ мы пребываемъ доселѣ, и только непоиѣрными трудами правителей своихъ открыли глаза и усвоили себѣ прежніи греческіи искусства, науки и образъ жизни. Теперь очередь приходитъ до насъ, если только вы поддержите меня въ моихъ важныхъ предпріятіяхъ, будете слушаться безъ всякихъ отговорокъ и примыкаете свободно распознавать и изучать добро и зло. Указанное выше передвиженіе наукъ я приравниваю къ обращенію крови въ человѣческомъ тѣлѣ, и сдѣлаетъ мнѣ, что со временемъ оны оставятъ теперешнее свое мѣстопробываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, протрѣжатся иськолко вѣковъ у насъ и затѣмъ снова возвратятся въ истинное отечество свое—въ Грецію. Покажиѣтъ собитію вамъ помнить латинскую поговорку: *ога et laboga* и твердо надѣяться, что, можетъ быть, еще на нашемъ вѣку вы пристидите другіи образованныи страны и вознесете на высшую степенъ славу русскаго имени“ ²⁾.

Передавая эту рѣчь Петра, Веберъ прибавляетъ, что Русскіи видѣли ея въ глубокомъ молчаніи, а затѣмъ, выразивъ свое согласіе

¹⁾ Геррл. 21.
V. Рим., § 1, 62—65.

словами: „ей-ей, правда!“ принялись за свои стаканы съ водкою, предоставляя тѣмъ царю разсудить—на сколько онъ успѣлъ въ ихъ обращеніи.

Таково было разнообразіе впечатлѣній, которыя вынесъ Веберъ въ первые мѣсяцы пребыванія своего въ Россіи. Его поражала неутомимая и плодотворная дѣятельность Петра, быстрота совершавшейся въ то время въ Россіи вообще, а въ новой ея столицѣ въ особенности переменъ. Новые для Вебера нравы и обычаи, противоположность между идеями царя-прогрессиста и народа-консерватора, многія явленія, выходившія совершенно изъ предѣловъ западно-европейскихъ пріемовъ общежитія, все это легко могло породить въ ганноверскомъ дипломатѣ мысль о составленіи сочиненія о Россіи. Изъ писемъ Робетона къ Веберу мы узнаемъ, съ какимъ вниманіемъ въ Ганноверѣ читались его донесенія и письма изъ Россіи. Ему поручили составить очерки о состояніи Петербурга, объ объемѣ и географическомъ положеніи новой русской столицы, о русскомъ флотѣ, о числѣ кораблей, объ особенностяхъ края и о вопросѣ, окажется ли возможнымъ осуществить предположенія Петра сдѣлать изъ Петербурга важный торговый портъ. Въ началѣ іюня Робетонъ пишетъ: „Вчера я въ Герренганзенѣ съ курфирстомъ говорилъ о васъ. Онъ очень доволенъ вашимъ благоразумнымъ образомъ дѣйствій и вашими донесеніями. Для васъ было бы полезно продолжать въ этомъ же видѣ. Курфирстъ поручилъ мнѣ сказать это. Онъ изъявилъ желаніе, чтобъ я перевелъ на французскій языкъ самыя любопытныя выдержки изъ вашихъ дописаній, чтобы такимъ образомъ составилось нѣчто въ родѣ *Reisebeschreibung*, и проч.“¹⁾

Во все время своего пребыванія въ Россіи Веберъ особенное обращалъ вниманіе на представителей азіятскихъ народовъ, на инородцевъ. Онъ старался собрать множество данныхъ о Китаѣ, о Калмыкахъ, о Самоѣдахъ, объ Остякахъ и проч. Въ мартѣ 1714 года онъ упомянулъ въ своихъ запискахъ о встрѣчѣ съ депутаціей отъ Калмыковъ. Въ маѣ же въ С.-Петербургѣ пріѣхалъ хивинскій посланникъ, съ которымъ Веберъ познакомился короче. Довольно часто въ первой части своего сочиненія онъ говоритъ о своихъ бесѣдахъ съ этимъ посланникомъ. Во второмъ томѣ, значить еще нѣсколькими годами позже, онъ замѣчаетъ, что знакомство съ хивинскимъ посланникомъ въ 1714 году доставило ему большое удовольствіе²⁾.

¹⁾ *Геррм.* 182—184.

²⁾ *Ver.* R. II, 178.

И хивинскій посланникъ, и Веберъ участвовали въ поѣздкѣ въ Кроншлотъ, куда пригласилъ ихъ царь; судно, на которомъ находились оба послапника и нѣсколько вельможъ, сѣло на мель; затѣмъ поднялась страшная буря; хивинскій посланникъ въ первый разъ въ жизни находился на водѣ и во все время молился Богу. Наконецъ, путешественники пріѣхали въ Кроншлотъ, гдѣ были ласково приняты царемъ и Екатериною. Петръ пришелъ въ каюту, гдѣ находился Веберъ, и около двухъ часовъ оставался тамъ, бесѣдуя съ путешественниками, при чемъ разспрашивалъ хивинскаго посланника о правахъ и обычаяхъ его родины ¹⁾.

Веберъ относитъ эту поѣздку къ (10-му) 21-му мая. Дѣйствительно, въ „Журналѣ“ подъ 10-мъ ч. мая упомянуто объ отъѣздѣ Петра на Котлинъ островъ, а оттуда въ Петергофъ и Кроншлотъ, при чемъ сказано: „Въ сію жъ ночь былъ великой штурмъ отъ веста, отъ котораго одинъ корабль сорвался съ якоря и пр. ²⁾).

Между тѣмъ какъ Петръ со всеѣмъ своимъ флотомъ отправился въ Фипляндію, гдѣ скоро послѣ того произошла знаменитая битва при Гангъ-удѣ, Веберъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ онъ участвовалъ на праздникѣ у царевны Натальи Алексѣевны. При этомъ случаѣ онъ описываетъ способъ угощенія въ Россіи, различные напитки и блюда и пр. Впечатлѣніе, произведенное этимъ вечеромъ на Вебера, было весьма благоприятное. Онъ замѣчаетъ при этомъ случаѣ: „Чужестранецъ, находясь въ избранномъ обществѣ въ Петербургѣ, до тѣхъ поръ, по крайпей мѣрѣ, пока не вступитъ въ разговоръ, рѣшительно можетъ подумать, что онъ не въ Россіи, а въ Лондонѣ или въ Парижѣ“ ³⁾. Немногимъ позже Веберъ имѣлъ случай присутствовать при драматическомъ представленіи, устроенномъ во дворцѣ Наталіи Алексѣевны ⁴⁾.

Въ началѣ сентября 1714 г. Веберъ узналъ о вступленіи курфирста Гапверскаго на англійскій престолъ. Положеніе Вебера при русскомъ дворѣ вслѣдствіе этого событія сдѣлалось болѣе значительнымъ. Другъ Вебера, Робетонъ, отправившійся вмѣстѣ съ королемъ Георгомъ въ Англію, сталъ переписываться съ нимъ о заключеніи торговаго договора Россіи съ Англіей.

¹⁾ Ver. R. I, стр. 15—17.

²⁾ Журналы 1714 г., стр. 51—52.

³⁾ Ver. R. I, § 97. Сравни. *Геррм.*, 31—32.

⁴⁾ *Геррм.*, 33.

Уже въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Россіи Веберъ просилъ прибавки жалованья. Его желаніе было исполнено. Вопросъ о матеріальныхъ средствахъ, которыми въ Петербургѣ располагалъ ганноверскій резидентъ, довольно часто затрогивается въ перепискѣ, издавшой профессоромъ Геррманномъ. Робетонъ иногда сообщалъ Веберу о результатѣ совѣщаній въ Ганноверѣ относительно денежнаго вознагражденія Вебера. Въ ноябрѣ 1714 года окладъ Вебера былъ опять увеличенъ; кромѣ того, чрезвычайные расходы, которые приходилась Веберу дѣлать при особенныхъ случаяхъ, на примѣръ, когда бывали маскарады, иллюминаціи и пр., — вознаграждались особо ¹⁾. Значеніе Вебера росло по мѣрѣ того, какъ развивалась его дѣятельность въ пользу торговли Англичанъ и вообще касательно отношеній Англіи къ Россіи. Не разъ Робетонъ писалъ ему, что именно въ этомъ отношеніи король Георгъ и министры весьма довольны его образомъ дѣйствій и заботливостью. Онъ, однако, не былъ представителемъ собственно англійской дипломатіи. Въ Англіи, напротивъ, намѣревались отправить въ Россію особеннаго англійскаго резидента ²⁾, но такъ какъ осуществленіе этого предположенія откладывалось, Веберъ долженъ былъ дѣйствовать и въ качествѣ представителя интересовъ Англіи. Робетонъ, впрочемъ, нѣсколько разъ увѣрялъ Вебера, что еслибъ и былъ отправленъ въ Россію особенный англійскій резидентъ, положеніе Вебера чрезъ это нисколько не измѣнилось бы къ худшему.

Между тѣмъ, Веберъ продолжалъ участвовать въ разныхъ придворныхъ празднествахъ, совершать разныя поѣздки и собирать разныя свѣдѣнія о Россіи и объ инородцахъ. То застаемъ мы его въ бесѣдѣ съ Самоѣдами, находившимися въ то время въ С.-Петербургѣ, то онъ является очевидцемъ торжественнаго въѣзда Петра со флотомъ въ Петербургъ послѣ славнаго похода въ Финляндію. Въ октябрѣ Веберъ осматрѣлъ развалины Неншанца, побывалъ въ Стрѣльнѣ и въ Петергофѣ, гдѣ строились большіе дворцы ³⁾. Къ этому времени отпосилась и свадьба извѣстнаго Зотова, и при этомъ случаѣ Веберъ, по желанію царя, долженъ былъ участвовать въ маскарадѣ ⁴⁾. Немного позже онъ сообщаетъ, что видѣлъ особенно пышныя похороны одного изъ придворныхъ карликовъ. Въ декабрѣ 1714 г. его интересо-

¹⁾ *Геррм.*, 183, 184, 187.

²⁾ *Геррм.*, 190.

³⁾ *Ver. R.* § 100, 130, 149, 150.

⁴⁾ *Геррм.*, 36—36.

валъ праздникъ Андреевскаго ордена; въ январѣ 1715 г. его вниманіе обращало на себя водосвятіе въ день Богоявленія Господня. О разговорахъ съ царемъ во все это время ничего не сообщается. Только въ маѣ 1715 года Веберъ пишетъ, что царь говорилъ о Карлѣ XI, о состояніи Россіи, о своихъ союзникахъ и пр. ¹⁾).

Въ іюнѣ 1715 года Веберъ участвовалъ въ поѣздкѣ въ Кроншлотъ и Петергофъ, при чемъ попойки принимали ужасающіе размѣры. Чтобы поправиться послѣ похмѣлья, гости цари по его желанію должны были заняться рубкою лѣса въ Петергофѣ, и эта тяжелая работа оказалась вполнѣ цѣлесообразною: только одинъ изъ дипломатовъ едва не былъ убитъ падающимъ деревомъ. Послѣ этого однако гости опять начали пировать до безпамятства. Затѣмъ послѣдовала поѣздка въ Кроншлотъ въ весьма бурную погоду, и тутъ очевидная опасность, въ которой находилась веселая компанія, также содѣйствовала ея отрезвленію ²⁾).

Въ августѣ 1715 года Веберъ отправился вслѣдъ за царемъ въ Ревель. Въ своихъ письмахъ и въ своемъ дневникѣ онъ сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя данныя о Нарвѣ, объ Эстляндіи вообще, о Ревелѣ и пр. Въ сентябрѣ мы встрѣчаемъ его опять въ Петербургѣ. Въ сѣтябрѣ онъ въ свитѣ царя отправился въ Шлюссельбургъ, гдѣ Петръ, по своему обыкновенію, праздновалъ годовщину взятія этого рѣзнаго мѣста въ 1702 году. Въ Шлюссельбургской крѣпости въ то время содержался и вскорѣ послѣ того умеръ несчастный шведскій графъ Пиперъ. Веберъ изъявилъ желаніе видѣть его, но не могъ добиться дозволенія поговорить съ графомъ и видѣлъ его только черезъ затворенное окно ³⁾).

Затѣмъ Веберъ былъ свидѣтелемъ погребенія кроппринцессы Шарлотты, которая разрѣшилась отъ бремени царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ именно въ то время, когда Петръ со своею компаніей находился въ Шлюссельбургѣ. Вскорѣ послѣ того были крестины царевича Петра Петровича, подробно описываемыя Веберомъ, который присутствовалъ при этомъ празднествѣ ⁴⁾).

Въ своемъ донесеніи Веберъ рассказываетъ, какъ иностранные дипломаты были у царицы Екатерины съ поздравленіемъ, и какъ ихъ послѣ того заставили цѣлый день до глу-

¹⁾ *Герм.*, 57.

²⁾ *Ver. R.* I, § 254.

³⁾ *Ver. R.*, § 278.

⁴⁾ *Ver. R.*, § 283.

бокой ночи участвовать въ прогулкѣ царя на водѣ. Тутъ же Веберъ былъ свидѣтелемъ разныхъ разговоровъ царя съ нѣкоторыми изъ дипломатовъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній въ бесѣдѣ съ польско-саксонскимъ резидентомъ, говорилъ о восточномъ вопросѣ, о беспорядкахъ въ Англіи, гдѣ партія Стюартовъ въ то время усиливалась, при чемъ Веберъ счелъ своимъ долгомъ замѣтить, что эта агитація приверженцевъ Іакова III не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, и что англійское правительство легко справится съ инсургентами; наконецъ, Петръ сдѣлалъ еще нѣсколько остроумныхъ и колкихъ замѣчаній о плчтожности и испорченности царедворцевъ и фаворитовъ, при чемъ онъ, какъ показалось Веберу, намекалъ на Меншикова ¹⁾.

Иногда царь изъявлялъ желаніе отобѣдать или отужинать у того или другаго изъ иностранныхъ дипломатовъ. Такъ, въ послѣднихъ числахъ ноября 1715 г. онъ далъ знать Веберу, что намѣренъ быть у него въ гостяхъ. Царь пріѣхалъ къ Веберу въ сопровожденіи вице-канцлера Шафирова, генерала Вейде, генераль-фельдцейхмейстера Брюса, генераль-маіора Головина и еще нѣкоторыхъ лицъ въ 11 часовъ утра и оставался до 7 часовъ вечера. Веберъ долженъ былъ при этомъ случаѣ разказывать царю о состояніи дѣлъ въ Шотландіи, гдѣ все еще дѣйствовали приверженцы Стюартовъ; Петръ разказывалъ нѣкоторыя подробности о турецкомъ походѣ 1711 г., о своихъ путешествіяхъ въ Германію и о своемъ намѣреніи опять отправиться въ Германію для лѣченія минеральными водами. Затронуты были также нѣкоторые вопросы, относящіеся къ сѣверной войнѣ. Незадолго до этого былъ заключенъ чрезъ русскаго посла Куракина договоръ съ Англіею о совмѣстныхъ военныхъ операціяхъ противъ Швеціи ²⁾. На пиру у Вебера царь выразилъ свое удовольствіе на счетъ этого соглашенія. Тутъ же царь получилъ извѣстіе о взятіи союзными войсками острова Рюгена; эта новость чрезвычайно обрадовала Петра, и праздникъ, устроенный Веберомъ, кончился особенно удачно ³⁾. Нѣсколькими днями позже былъ пиръ у самого царя: праздновали занятіе Рюгена. При этомъ случаѣ гостямъ розданы были астраханскія дыни, что доставило царю случай сообщить нѣкоторыя подробности объ Астра-

¹⁾ См. *Геррм.*, 65. Сравни. разказъ въ *Ver. R.* II, стр. 22.

²⁾ См. *Vasmeister*, *Beitrag*e z. *Gesch.* P. d. Gr., II, 15. Въ *Журналѣ* 1715 г., стр. 76, сказано: «Е. В. кушалъ у посланника Ганноверскаго Вебера». У Вебера (*Ver. R.*), по ошибкѣ, сказано «4-го декабря».

³⁾ *Геррм.*, 66.

ханской области, о возможности расширенія торговыхъ сношеній съ Чернымъ моремъ и съ средне-азіятскими странами, о соединеніи Волги съ Дономъ и о выгодахъ мѣстоположенія города Астрахани¹⁾. Уже на этомъ праздникѣ Петръ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ. На другой день онъ однако былъ еще на пиру у Апраксина. Послѣ того онъ заболѣлъ серьезно. Веберъ въ своихъ донесеніяхъ сообщалъ разныя подробности о болѣзни царя. Петръ поправился въ началѣ января 1716 года, а въ концѣ того же мѣсяца уѣхалъ за границу.

Веберъ воспользовался отсутствіемъ царя, чтобы съѣздить въ Москву.

Онъ успѣлъ завести знакомство съ разными довольно важными лицами въ Россіи. Такъ, на примѣръ, онъ находился въ сношеніяхъ съ Волинскимъ, отъ котораго даже получалъ письма въ то время, когда Волинскій былъ отправленъ въ Персію²⁾. Къ знакомымъ Волинскаго принадлежалъ и Стефанъ Яворскій, который далъ ему разрѣшеніе осматривать московскіе монастыри и церкви. Эти связи и то обстоятельство, что царь, зная о намѣреніи Вебера отправиться въ Москву, далъ ему какое-то порученіе къ „Московскому правительству“, какъ выражается Веберъ, — доставили Веберу доступъ къ разнымъ достопримѣчательностямъ древней столицы Россіи.

Онъ совершилъ путешествіе въ Москву въ февралѣ въ четверо сутокъ; при этомъ онъ подробно описываетъ способъ путешествій въ Россіи, устройство дорожныхъ саней, почтовыхъ станцій и пр. Довольно подробно говоритъ онъ о Новгородѣ, Твери, Москвѣ и о бытѣ крестьянъ въ деревняхъ. Весьма тщательно осматрѣлъ онъ въ Москвѣ церкви, патриаршую ризницу, гробницы прежнихъ царей и великихъ князей. При осмотрѣ Вознесенскаго монастыря Вебера провожали двѣ старыя монахини. Онъ разказываетъ: „Одна изъ этихъ монахинь постоянно придерживала меня за рукавъ, и когда я, желая изъ любопытства посмотреть на алтарѣ одну чрезвычайно древнюю изищную икону, высвободился отъ нея, то сейчасъ же, по всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я былъ, стали окуривать ладаномъ и затѣмъ, сдѣлавъ мнѣ легкое замѣчаніе (*Verweis*), показали мнѣ гробницы всѣхъ царицъ и царевенъ и пр.“ Затѣмъ онъ разказываетъ о своемъ пребываніи въ гостяхъ у игуменни этого монастыря, которая распрашивала его

¹⁾ Ver. R., I, § 281.

²⁾ *Геррм.*, 59.

о состояніи нѣмецкихъ земель, о женскихъ монастыряхъ въ Германіи и пр. Монахини угостили Вебера въ ихъ общей трапезной кельѣ, при чемъ онъ долженъ былъ выпить не менѣе пяти чарокъ водки. Наконецъ, ему вручили нѣкоторые незначительные подарки монастырской работы, послѣ чего онъ послалъ настоятельница нѣсколько картинъ духовнаго содержанія для украшенія ея кельи.

Въ Москвѣ проживалъ „вице-царь“ Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій. Веберъ познакомился съ нимъ еще въ Петербургѣ, но не рѣшился пообывать у него съ визитомъ по слѣдующей причинѣ: Ромодановскій имѣлъ обыкновеніе приневоливать входящихъ къ нему гостей выпивать чарку крѣпкой, съ перцемъ смѣшанной водки, которую держалъ въ лапѣ хорошо обученный большой медвѣдь, при чемъ часто, ради потѣхи и въ случаѣ отказа гостей пить водку, этотъ медвѣдь принуждалъ ихъ къ тому, срывая съ нихъ шляпу, парикъ, или хватая за платье. Веберъ не желалъ подвергнуться такой опасности, хотя и сожалѣлъ, что тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности осмотрѣть Дѣвичій монастырь, въ которомъ жилъ Ромодановскій. Только снаружи любознательный туристъ могъ видѣть комнату, въ которой содержалась когда-то царевна Софія, и откуда она должна была смотрѣть на казнь повѣшенныхъ передъ ея окномъ стрѣльцовъ. Въ Воскресенскомъ монастырѣ Веберъ видѣлъ гробъ Никона и собралъ тамъ же, бесѣдуя съ архимандритомъ, разныя свѣдѣнія о знаменитомъ патріархѣ. Свои разказы о монастыряхъ Веберъ заключаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ. „Прежде доходы ихъ были громадны, и хотя излишнее у нихъ отобрано, но и теперь у нихъ есть порядочные остатки. По истинѣ, нельзя не удивляться тѣмъ неописаннымъ сокровищамъ, которыя видишь въ церквахъ и монастыряхъ въ драгоценныхъ камняхъ, золотѣ и жемчугѣ, и которыя у духовенства во всей Россіи лежатъ какъ бы погребенныя, хотя духовенство это, послѣ Нарвскаго сраженія, когда вообще обстоятельства были затруднительны, и когда порядочное число церковныхъ колоколовъ пришлось переливать въ пушки, обложено было контрибуціей“.

Въ Москвѣ Веберъ удивлялся великолѣпному устройству аптеки, которая уже въ XVII вѣкѣ обращала на себя вниманіе иностранцевъ, въ особенности роскошью сосудовъ, изящностью приборовъ и пр.¹⁾ Веберъ замѣчаетъ: „Зданіе аптеки одно изъ лучшихъ въ городѣ, и всѣ служащіе въ ней изъ Нѣмцевъ“. Далѣе Веберъ осматривалъ ис-

¹⁾ См. *Richter, Gesch. d. Medicin, I, 336 ff. II, 178.*

кусно сдѣланный въ Голландіи глобусъ въ нарочно для него устроенномъ домѣ, звѣринецъ, множество драгоценныхъ предметовъ въ Кремлѣ и пр. Находясь въ Кремлѣ, онъ вспомнилъ о кровопрлитіи, бывшемъ тамъ въ маѣ 1682 г. по случаю стрѣльцоваго бунта. Особенно любопытными Веберу показались тропы, короны, скипетры и пр.

Наканунѣ отъѣзда Вебера пригласили присутствовать при постриженіи одной дѣвицы въ Вознесенскомъ монастырѣ. Онъ принялъ это приглашеніе, но вскорѣ замѣтилъ, что, кромѣ его и его слуги, не было ни одного мужчины въ собраніи. Къ тому же двѣ старушки поставили Вебера, противъ его желанія, у алтаря, для того, чтобъ онъ лучше могъ все видѣть и чтобъ и его также всѣ видѣли. Веберъ разказываетъ: „Когда я вошелъ въ церковь, то все бывшее тамъ женское общество выразило крайнее удивленіе моему присутствію, потому что онѣ ничего не знали о предъявленномъ мною игуменьѣ приказѣ архіепископа (Стефана Яворскаго). Любопытство нѣкоторыхъ жещицъ простиралось до того, что онѣ дергали меня за рукава, предлагали различные вопросы и заводили разговоры о томъ: откуда я взялся? что я дѣлаю въ Москвѣ? и т. п. Нѣкоторыя спрашивали меня даже, крещеный ли я, христіанинъ ли, и на утвердительные мои отвѣты, присовокупляли: почему же я въ такомъ случаѣ не кланяюсь и не кладу земныхъ поклоновъ, какъ онѣ? Я отвѣчалъ, что это только наружная церемонія, у насъ неупотребительная, а что во всемъ остальномъ мы точно также, какъ и онѣ, молимся Богу. Разговоры эти повели къ тому, что и послѣ богослуженія онѣ, съ большими, впрочемъ, любезностями задержали меня на цѣлый часъ, спрашивали о разныхъ предметахъ въ нѣмецкихъ земляхъ, и въ особенности о положеніи дѣвицъ, въ такомъ ли онѣ гнѣтѣ и униженіи, въ какомъ содержатся въ Россіи? На все это я далъ имъ удовлетворительные отвѣты, и онѣ были такъ довольны, что на прощаніи вовсе не тихо проговаривали: какъ бы желали онѣ выйдти замужъ въ тѣхъ нѣмецкихъ земляхъ! и пр.“

Веберъ дѣлаетъ разныя любопытныя замѣчанія о Москвѣ вообще: онъ говоритъ, между прочимъ, что знатнѣйшія фамиліи уже перебрались изъ Москвы въ Петербургъ, но что тамъ все-таки остались нѣкоторые бояре, которые разъѣзжаютъ на улицахъ въ сопровожденіи многочисленной прислуги и т. д. Замѣчая, что Москва кишитъ народомъ, Веберъ прибавляетъ, что изъ праздношатающихся въ ней молодыхъ людей можно было бы набрать препорядочную армію.

Въ то время, когда Веберъ находился въ Москвѣ, туда пріѣхалъ

возвратившись из своей поездки к Каспійскому морю князь Александръ Бековичъ Черкасскій. Это обстоятельство доставило Веберу возможность собрать множество любопытныхъ данныхъ о юго-восточныхъ странахъ и народахъ. Особенно много бесѣдовалъ онъ съ извѣстнымъ горнымъ инженеромъ Блюгеромъ, который сообщилъ ему многія подробности о своихъ путешествіяхъ въ Азіи. Бесѣды съ другимъ путешественникомъ, Французомъ Пуссе (Pousset), который пріѣхалъ изъ Астрахани, также были для Вебера весьма поучительны, и онъ воспроизвелъ въ своемъ дневникѣ содержаніе разказовъ этого путешественника. Веберъ старался всюду собирать преимущественно этнографическія свѣдѣнія. Такъ, на примѣръ, когда онъ въ Москвѣ былъ однажды въ гостяхъ у князя Гагарина, онъ тамъ засталъ начальника каравана, только что возвратившагося изъ Китая. Князь Гагаринъ, по желанію гостей, приказалъ комиссару и фискалу каравана разказать все замѣчательное объ ихъ путешествіи, и такимъ образомъ Веберъ былъ въ состояніи записать въ свой дневникъ множество данныхъ о Китаѣ, о географіи Сибири, о іезуитахъ въ Китаѣ и пр. Князь Гагаринъ также сообщилъ Веберу многія данныя о географіи и этнографіи Азіи.

Пробывъ въ Москвѣ около мѣсяца ¹⁾, Веберъ въ мартѣ 1716 г. возвратился въ Петербургъ. Тутъ онъ продолжалъ собирать разныя свѣдѣнія о Россіи и пограничныхъ странахъ. Особенно важныя свѣдѣнія объ инородцахъ на Волгѣ и въ окрестностяхъ Каспійскаго моря доставлялъ ему секретарь посольства, отправленнаго въ Персію, Венгеркиндъ, отъ котораго Веберъ получалъ письма ²⁾.

О самомъ Веберѣ въ его сочиненіи и въ его донесеніяхъ въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1716 г. не говорится. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1716 г. Робетонъ написалъ ему изъ Ганновера, чтобъ онъ тотчасъ же выѣхалъ изъ Россіи и отправился къ царю Петру, находившемуся въ то время въ Голландіи. Прежде всего Веберъ долженъ былъ пріѣхать въ Ганноверъ для полученія тамъ подробныхъ инструкцій. При этомъ однако ему было вмѣнено въ обязанность оставить въ Петербургѣ надежнаго человѣка, который могъ бы во время отсутствія Вебера регулярно сообщать подробныя свѣдѣнія о всѣхъ

¹⁾ Главнымъ источникомъ служатъ «Veränd. Russland», I, стр. 132 — 138. Въ донесеніяхъ, изданныхъ Геррманномъ, встрѣчаются лишь весьма немногія данныя о пребываніи Вебера въ Москвѣ.

²⁾ Геррм., 78.

событіяхъ въ Россіи, въ особенности обо всемъ, относящемся къ войнѣ¹⁾.

Нѣсколько дней спустя Веберъ получилъ другое письмо, въ которомъ заключалось приказаніе оставаться пока въ Петербургѣ; считали возможнымъ, что Петръ тотчасъ же возвратится въ Россію, что въ Голландіи между Англіей и царемъ будетъ заключенъ союзъ, и что царь не поѣдетъ во Францію²⁾. Однако всѣ эти ожиданія не сбылись, и Веберъ долженъ былъ отправиться въ западную Европу. Есть основаніе думать, что онъ довольно охотно предпринялъ это путешествіе. Лѣтомъ 1715 года умерла его мать³⁾. Объ отцѣ Вебера, жившемъ въ Ганноверѣ, нѣсколько разъ упомянуто въ письмахъ Робетона.

На пути въ Германію Веберъ прибылъ въ Ригу 17-го (28-го) января 1717 года. Оттуда онъ писалъ къ Робетону о любезностяхъ Меншикова и другихъ вельможъ при оставленіи имъ Петербурга. Меншиковъ далъ Веберу письмо отъ себя къ Англійскому королю. Когда Веберъ выѣхалъ изъ Петербурга, около тридцати лицъ, принадлежавшихъ къ высшимъ сферамъ петербургскаго общества, провожали его нѣсколько верстъ. Онъ пишетъ: „Я имѣю въ Петербургѣ очень много друзей“.

Однако, скоро оказалось, что были у него и недоброжелатели. Въѣстѣ съ Веберомъ, въ Петербургѣ находился его братъ, который своимъ безпорядочнымъ поведеніемъ, большою азартною игрою, долгами и пр. надѣлалъ ганноверскому резиденту множество хлопотъ и неприятностей. Только въ минуту отъѣзда изъ Петербурга Веберъ узналъ о долгахъ брата и часть этихъ долговъ заплатилъ тотчасъ же. Во время его отсутствія, однако, кредиторы брата жаловались князю Меншикову и графу Матвѣеву на неисправнаго должника, обвиняя его еще въ томъ, что онъ укралъ какія-то серебряныя вещи. Меншиковъ вслѣдствіе того велѣлъ арестовать брата Вебера. Арестъ этотъ послѣдовалъ въ Нарвѣ въ то время, когда оба брата находились въ дорогѣ въ Германію. Веберъ протестовалъ противъ такого нарушенія международнаго права, указывая на то, что братъ его состоитъ въ его свитѣ и что онъ, какъ дипломатъ, имѣетъ право рассчитывать на соблюденіе правилъ, относящихся вообще къ диплома-

¹⁾ *Геррм.*, 191.

²⁾ *Геррм.* 190—192.

³⁾ *Геррм.* 189.

тамъ въ подобныхъ случаяхъ. Не смотря на все то, братъ Вебера долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ. Весь этотъ эпизодъ оба брата приписывали личному раздраженію Матвѣева, искавшаго знакомства и дружбы ганноверскаго резидента, но встрѣтившаго въ послѣднемъ холодность и отвращеніе.

Черезъ друга Вебера, Сентъ-Илера (Sanit-Hilaire), бывшаго тогда директоромъ только что учрежденной Петромъ морской академіи, Матвѣевъ предложилъ Веберу уладить дѣло, но было слишкомъ поздно: ганноверскій резидентъ, хотя и не былъ настоящимъ посланникомъ, долженъ былъ смотрѣть на этотъ случай, какъ на нарушеніе международнаго права. Оказалось невозможнымъ замѣть дѣло ¹⁾.

Поэтому Веберъ поручилъ своему брату не признавать надъ собою суда, и пока довольствоваться этимъ, а самъ просилъ Робетона сообщить о случившемся королю Георгу и министрамъ и заботиться о составленіи инструкціи, какъ нужно дѣйствовать въ данномъ случаѣ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ этотъ эпизодъ надѣлалъ довольно много шума. Сентъ-Илеръ писалъ Веберу: „Всѣ здѣсь хвалятъ васъ за то, что вы не противились насильно арестованію вашего брата; но вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ порицаютъ образъ дѣйствій князя Меншикова и графа Матвѣева“. Веберъ былъ убѣжденъ, что и князь, и графъ въ этомъ случаѣ дѣйствовали по внушенію личной мести, личной ненависти. За годъ передъ тѣмъ Веберъ столкнулся какъ-то съ Меншиковымъ по вопросу о Штетинѣ: онъ долженъ былъ, слѣдуя порученіямъ короля Георга, дѣйствовать наперекоръ видамъ князя; скрывъ тогда свое раздраженіе, искалъ теперь случая сдѣлать Веберу непріятность. Мелочность и недобросовѣстность свѣдѣвшаго князя обнаружилась слѣдующимъ образомъ. Сентъ-Илеръ писалъ изъ Петербурга: „Сегодня утромъ я былъ у графа Матвѣева, чтобъ узнать его мнѣніе по поводу его претензій. Съ весьма строгимъ выраженіемъ лица онъ сказалъ мнѣ, что только что видѣлъ князя Меншикова, и что, по приказанію послѣдняго, въ данномъ случаѣ нужно поступать по всей строгости законовъ. Къ этому, однако, онъ прибавилъ, что если будетъ заплачена сумма 500 рублей — между тѣмъ какъ цѣна

¹⁾ При этомъ случаѣ мы узнаемъ кое-что объ officialномъ положеніи Вебера. Онъ писалъ Робетону изъ Риги 20-го (31-го) января 1717 года: „Quoique je n'ai pas un caractère, je n'en dois pas moins jouir du droit des gens: inviolabilitatis et privilegiae a foro principis ad quem, étant allé auprès de S. M. Cz-nc avec lettres de créance“. Геррм. 87.

предметовъ мнимой кражи составляетъ лишь сумму 25 рублей — онъ откажется отъ дальнѣйшаго слѣдствія“. Сентъ-Илеръ совѣтовалъ Веберу жаловаться англійскому правительству и объяснялъ алчность Матвѣева тѣмъ, что онъ нуждался въ деньгахъ для уплаты процентовъ за капиталъ, занятый имъ еще во время пребыванія въ Вѣнѣ въ качествѣ посла.

Мы знаемъ, что Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ дѣйствительно весьма часто попадалъ въ денежные затрудненія; съ нимъ были непріятности въ Голландіи, въ Англии. Легко возможно, что при этомъ случаѣ онъ хотѣлъ поживиться на счетъ Вебера, который во время пребыванія въ Москвѣ жилъ въ его домѣ. Сентъ-Илеръ еще тогда совѣтовалъ Веберу не принимать приглашенія графа и предпочесть квартиру у одного изъ англійскихъ мушцовъ, желавшихъ помѣстить у себя гамбургскаго резидента ¹⁾.

Неизвѣстно, какъ кончилась эта исторія. Веберъ, разумѣется, не подарилъ Матвѣеву 500 рублей и предпочелъ обратиться къ англійскому правительству за помощью. Къ тому же братъ Вебера увѣрялъ, что онъ не виновенъ въ воровствѣ. Ни Сентъ-Илеръ, ни самъ Веберъ также не считали его виновнымъ. Все это оказалось ни чѣмъ инымъ, какъ мелочною и гнусною интригою. Не даромъ Веберъ въ письмѣ въ Робетону выразилъ удивленіе тому, что Матвѣевъ, такъ долго находившійся въ западной Европѣ, столь наглымъ образомъ нарушалъ международное право, а Сентъ-Илеръ замѣтилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Нигдѣ не могло бы случиться подобное, потому что вездѣ извѣстныя опредѣленные правила служатъ руководствомъ: но вы знаете адвѣснѣй народы, всегда готовый нарушать всякое право, слѣдуя минутному влеченію. Было бы позоромъ дѣлать уступки такому деспотизму: ваши друзья надѣются на то, что король признаетъ все это оскорбленіемъ“ и пр. ²⁾.

Въ Ригѣ Веберъ захворалъ болѣзнію горла ³⁾. Еще въ Петербургѣ онъ въ 1716 году былъ серьезно боленъ ⁴⁾. Въ Кенигсбергѣ, куда Веберъ отправился изъ Риги, болѣзнь возобновилась, какъ онъ

¹⁾ *Геррм.* 93.

²⁾ *Геррм.* 87—93. Извѣстные данныя о Матвѣевѣ и объ этомъ эпизодѣ съ братомъ Вебера сообщены *Геррманномъ* на стр. LIX—LXIII.

³⁾ *Геррм.* 88—94.

⁴⁾ „Je loue Dieu de votre guérison“, писалъ Робетонъ въ августѣ 1716 года; *и. Геррм.* 190.

писалъ изъ Данцига 3-го марта новаго стили. Затѣмъ въ августѣ мы застаемъ его въ мѣстечкѣ Дракенбургѣ, гдѣ онъ посѣтилъ своихъ родственниковъ. Изъ письма Вебера къ одному знакомому, отъ 5-го (16-го) августа 1717 года, видно, что до этого онъ провелъ нѣкоторое время въ Лондонѣ. Находясь въ Ганноверѣ, онъ получилъ приказаніе ждать отъѣзда царя изъ Голландіи и слѣдовать за Петромъ въ Россію ¹⁾.

Между тѣмъ опять зашла рѣчь объ отправленіи въ Россію, кромѣ Вебера, какъ ганноверскаго резидента, еще особаго англійскаго дипломата, именно какого-то Гальдена. Это предполагалось въ томъ случаѣ, если устроятся дружественныя отношенія между Англійей и Россіей, на что надѣялись въ Англии еще въ августѣ 1717 года ²⁾; но дружба не сладилась, и Гальденъ въ Россію не поѣхалъ.

27-го сентября (8-го октября) 1717 года король Георгъ рескриптомъ къ своимъ ганноверскимъ министрамъ приказалъ выдать Веберу, по случаю вторичнаго его отправленія въ Россію, единовременное пособіе и назначить ему на содержаніе три талера ежедневно ³⁾. Веберъ долженъ былъ отправиться сначала въ Данцигъ, гдѣ онъ имѣлъ оставаться до отъѣзда Петра оттуда въ Россію. Однако, при всемъ этомъ Веберъ не имѣлъ официальнаго титула „резидента“, и Робетонъ хлопоталъ о доставленіи ему этого „характера“ и о назначеніи ему большаго оклада ⁴⁾.

Отправляя Вебера въ Россію въ концѣ 1717 года, министры короля Георга поручили ему особенно зорко слѣдить за тайными сношеніями Петра съ приверженцами Стюартовъ. Робетонъ въ октябрѣ сообщилъ изъ Англии Веберу нѣкоторыя важныя данныя по этому предмету. И въ Данцигѣ царя ожидалъ одинъ изъ агентовъ партіи Стюартовъ; Веберу было вѣнено въ обязанность „открыть эти интриги“. Далѣе Веберъ долженъ былъ разузнать точно о намѣреніи царя заключить сепаратный миръ съ Швеціей. Немного позже Робетонъ писалъ, что Веберу назначено на содержаніе ежедневно 4 рубля, и что назначеніе его формальнымъ „резидентомъ“ будетъ зависѣть отъ пріема, который ему окажутъ въ Петербургѣ ⁵⁾.

¹⁾ Геррм. 99.

²⁾ Геррм. 192.

³⁾ Геррм. 105.

⁴⁾ Геррм. 193.

⁵⁾ Геррм. 195.

Намъ не извѣстно, когда Веберъ пріѣхалъ въ Данцигъ, но онъ писалъ оттуда къ королю 26-го октября (6-го ноября) 1717 г., значить—въ то время, когда Петръ уже находился въ Петербургѣ. Слѣдующее затѣмъ донесеніе, сообщенное профессоромъ Геррманномъ, писано уже въ Петербургѣ 20-го (31-го) декабря 1717 г. и заключаетъ въ себѣ извѣстіе о путешествіи Петра въ Москву, гдѣ должно было вскорѣ послѣ того начаться слѣдствіе надъ царевичемъ Алексѣемъ и его сообщниками.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Петербургъ, Веберъ былъ въ гостяхъ у князя Меншикова. Этотъ праздникъ происходилъ въ послѣднихъ числахъ декабря и знаменовалъ собою, что между Меншиковымъ и Веберомъ возобновились благопріятныя отношенія ¹⁾. Какъ кажется, эпизодъ, случившійся съ братомъ Вебера, кончился благополучно. Братъ Вебера работалъ въ его канцеляріи ²⁾. 1-го января 1718 г., Веберъ побывалъ съ визитами у царевичей и царевенъ. Вскорѣ послѣ того онъ узналъ кое-что объ отправленіи Брюса и Остерманна на Аландскіе острова для переговоровъ о сепаратномъ мирѣ со Швеціей. Далѣе онъ узналъ нѣкоторыя подробности о дѣлѣ царевича Алексѣя, объ арестованіи въ Петербургѣ Кикина, Долгорукаго и пр. И изъ Москвы онъ въ это время получалъ подробныя извѣстія о ходѣ дѣла царевича. Нѣкоторыя частности были ему сообщены изустно генераломъ Вейде. Въ то же время онъ переписывался съ барономъ Шафировымъ, находившимся въ Москвѣ. Шафировъ писалъ Веберу 19-го февраля, приглашая его отъ имени царя пріѣхать въ Москву. Еще до отъѣзда туда, Веберъ наконецъ былъ удостоенъ титула резидента ³⁾.

26-го февраля (9-го марта) 1718 г. Веберъ выѣхалъ изъ Петербурга. Онъ надѣялся проѣхать въ Москву въ три дня, подобно тому, какъ это было въ первую его поѣздку, но выпавшій снѣгъ и сильныя морозы воспрепятствовали тому и продлили путешествіе ⁴⁾.

Въ Москвѣ онъ пробылъ нѣсколько недѣль до апрѣля мѣсяца. Тутъ онъ былъ свидѣтелемъ происшествій, относящихся къ царевичу Алексѣю. Быть можетъ, онъ видѣлъ страшныя казни Глѣбова, Кикина, Докукина и пр., происходившія 15-го марта.

¹⁾ *Геррм.* 110.

²⁾ *Геррм.* 196. Въ 1718 г. братъ Веберъ переводилъ документы, относящіеся къ дѣлу царевича.

³⁾ *Геррм.* 110, 111, 127. 131.

⁴⁾ *Ver. R. I.*, стр. 240.

Въ Москвѣ онъ имѣлъ случай бесѣдовать о дѣлахъ, между прочимъ, съ датскимъ резидентомъ Вестфаленомъ, а также происходили у него конференціи съ царскими министрами; содержаніемъ этихъ переговоровъ былъ сепаратный миръ, который Россія желала заключить съ Швеціей. Шафировъ, не смотря на то, что въ это время происходили переговоры на Аландскихъ островахъ, увѣрялъ Вебера, что русское правительство не думало о сепаратномъ мирѣ. Была рѣчь также о нѣкоторыхъ приверженцахъ Стюартовъ, которые въ то время находились въ Курляндіи, о сношеніяхъ доктора Эрескина съ партией короля Іакова III; наконецъ, говорили о заключеніи тѣснаго союза между Англіей и Россіей.

15-го марта, въ тотъ самый день, когда происходили казни, Веберъ, въ 5 часовъ, долженъ былъ имѣть аудіенцію у царя. За нимъ пріѣхали канцелярскій совѣтникъ Степановъ и секретарь Келлерманнъ и вмѣстѣ съ Веберомъ отправились въ Преображенское. Пріѣхавъ туда, Веберъ однако узналъ, что царь занятъ допросами государственныхъ преступниковъ и, просить Вебера пріѣхать на другой день. Аудіенція Вебера у царя состоялась 18-го марта; затѣмъ онъ опять имѣлъ свиданіе съ Шафировымъ, который опять увѣрялъ его, что Петръ не намѣренъ заключить сепаратный миръ съ Швеціей ¹⁾).

Въ Москвѣ Веберъ встрѣтилъ путешественника Лоренца Ланге, который, только-что возвратившись изъ Китая, могъ сообщить Веберу многія даппыя объ этой странѣ, особенно же о дѣятельности тамъ іезуитовъ ²⁾). Результатомъ этихъ сношеній было помѣщеніе въ больномъ сочиненіи Вебера путевыхъ записокъ Ланге.

20-го марта Веберъ выѣхалъ изъ Москвы. Была распутица. До Петербурга Веберъ ѣхалъ не менѣе 17 дней ³⁾). Веберъ замѣчаетъ, что это путешествіе было весьма тягостно и утомительно. Переправляться чрезъ рѣки было трудно и опасно по неимѣнію мостовъ и паромовъ. Между спутниками Вебера были люди, путешествовавшіе много въ разныхъ частяхъ свѣта; они заявляли, что нигдѣ не встрѣчали такихъ затрудненій и непріятностей, какъ именно при этомъ путешествіи изъ Москвы въ Петербургъ ⁴⁾).

По случаю одной изъ позднѣйшихъ своихъ поѣздокъ Веберъ сочи-

¹⁾ *Геррм.* 135 и 136.

²⁾ *Ver. R.* II, 240.

³⁾ *Геррм.* 139.

⁴⁾ *Ver. R.* I, 255.

нилъ стихи, въ которыхъ, между прочимъ, описано это путешествіе въ мартѣ и апрѣлѣ 1718 года. Тутъ разказано, какимъ опасностямъ подвергались путешественники, особенно вслѣдствіе разлива рѣкъ, какъ они должны были сами работать при изготовленіи паромовъ, какъ они ночевали въ грязныхъ избушкахъ, какъ дѣло не обходилось безъ столкновеній съ мужиками и т. д. ¹⁾ Впрочемъ Веберъ былъ плохимъ стихотворцемъ, вирши его плоски и скучны.

Къ этому времени относятся довольно важныя дипломатическія переговоры о мирѣ, происходившіе между Англійей и Швеціей. Они поставили Вебера вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ, гдѣ находился уже самъ царь, въ весьма неловкое положеніе. Голландскій резидентъ Де-Би въ своемъ донесеніи къ генеральнымъ штатамъ отъ 25-го апрѣля (6-го мая) 1723 г. сообщаетъ о слѣдующемъ эпизодѣ: 2-го мая, находясь въ одно время со мною на свадьбѣ г. Пушкина, Государь спросилъ сидѣвшаго подлѣ меня ганноверскаго резидента, г. Вебера, на чемъ остановились переговоры, начатыя генераломъ Дуккеромъ. Вопросъ этотъ привелъ посланника въ большое замѣшательство, и Государь, замѣтивъ его смущеніе, сталъ говорить въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, какъ ему было непріятно, что отъ него старались сохранить въ тайнѣ всѣ эти переговоры; онъ напомнилъ г. Веберу о постоянной откровенности въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ, чему по его словамъ, онъ представлялъ неоднократныя доказательства, особенно въ переговорахъ съ г. Герцомъ, когда всѣмъ министрамъ союзныхъ державъ онъ показывалъ въ подлинникъ свою дипломатическую переписку. Г. Веберъ, конечно, могъ бы на замѣчанія эти сдѣлать возраженія, но ни время, ни мѣсто не позволили ему. Государь сказалъ: „Не смотря на то, что мы лично отъ васъ не получали никакихъ увѣдомленій, мнѣ хорошо извѣстно обо всемъ, что происходитъ, а выѣстъ съ тѣмъ и объ отправленіи секретаря Шредера съ генераломъ Дуккеромъ въ Готенбургъ, и мы никакъ не ожидали подобныхъ результатовъ отъ союза, искренно нами заключеннаго“ и пр. Въ такомъ родѣ разговоръ, въ который вмѣшались и другіе дипломаты, продолжался около четверти часа ²⁾.

Ни въ донесеніяхъ Вебера, ни въ его сочиненіи, разумѣется, не упомянуто объ этомъ весьма непріятномъ для ганноверскаго резидента случаѣ. Въ донесеніи Вебера отъ 6-го мая (25-го апрѣля)

¹⁾ Ver. R. I. 327—329.

²⁾ Матеріалы для исторіи р. олога IV, 154.

1718 г. говорится о свадебномъ пирѣ у Пушкина и о бесѣдѣ царя съ дипломатами: царь и Шафировъ, доносятъ Веберъ, — говорили много объ императорскомъ титулѣ, о письмѣ императора Максимилиана къ великому князю Василию Ивановичу, въ которомъ уже Максимилианъ называетъ послѣдняго императоромъ, о будущей кампаніи въ Швецію и проч. ¹⁾).

Въ маѣ, впрочемъ, происходили, какъ кажется, довольно важные переговоры между Веберомъ и царскими министрами; предметомъ ихъ были отношенія къ Швеціи и къ приверженцамъ Стюартовъ. Донесенія Вебера, въ которыхъ говорится объ этихъ дѣлахъ, напечатаны Геррманномъ не вполне. Изъ нихъ видно, что отношенія между Россіей и Англіей становились все холоднѣе. Особенно подробно Веберъ доносилъ о сношеніяхъ Эрскина съ якобитами. Къ этому же времени относятся инструкціи, которыя получилъ Веберъ отъ самого короля Георга ²⁾).

Веберъ долженъ былъ держать себя осторожно. Въ домѣ голландскаго резидента произведенъ былъ обыскъ ³⁾. Какъ рѣзко обращалось русское правительство также съ австрійскимъ резидентомъ Плейеромъ, который долженъ былъ оставить Россію, Веберъ подробно разказываетъ въ своихъ донесеніяхъ ⁴⁾. И между Веберомъ и Шафировымъ, какъ видно, между прочимъ, изъ донесенія перваго отъ 13-го (24-го) іюня, происходили разговоры не особенно пріятнаго свойства ⁵⁾.

Веберу при такихъ обстоятельствахъ становилось отрашно въ Россіи, особенно въ Петербургѣ. Къ своему донесенію отсюда отъ 20-го (31-го) іюля онъ прибавилъ цифирью: „Изъ Нарвы я и къ вамъ (Робетону), и въ Лондонъ буду писать подробнѣе, чтобы облегчить мое сердце сообщеніемъ данныхъ объ этой странѣ. Въ Петербургѣ раскрываются всѣ письма, и—что еще удивительнѣе—это дѣлается совершенно открыто. Вотъ источникъ всѣхъ бѣдствій вѣнскаго и голландскаго резидентовъ“. И изъ Ревеля Веберъ еще писалъ, также цифирью, къ Робетону 17-го (28-го) августа, что Россія страна ужасная, что тамъ всѣ трепещутъ, что даже и цифирью писать опасно и проч. ⁶⁾.

¹⁾ Геррм., 141.

²⁾ Геррм., 142—145.

³⁾ См. Устрялова, VI, 519—520.

⁴⁾ Геррм., 146 и слѣд.

⁵⁾ Геррм., 148—150.

⁶⁾ Геррм., 152.

Въ августѣ Веберъ поѣхалъ въ Ревель, потому что туда же отправился самъ царь ¹⁾. Здѣсь Веберъ и датскій резидентъ Вестфаленъ имѣли однажды случай бесѣдовать съ Петромъ о какой-то лифляндской хроникѣ, принадлежавшей ревельскому бюргомистру Лантингу. Оказалось, что Петръ былъ хорошо знакомъ съ этимъ историческимъ памятникомъ. При этомъ случаѣ Петръ защищалъ Ивана Грознаго и обнаруживалъ замѣчательную начитанность ²⁾.

Между тѣмъ какъ Петръ уѣхалъ изъ Ревеля на нѣкоторое время въ Финляндію, Веберъ оставался въ этомъ городѣ. Въ началѣ сентября онъ возвратился въ С.-Петербургъ. На пути изъ Ревеля было сочинено вышеупомянутое стихотвореніе ³⁾.

Такъ какъ интересы Англіи и Россіи расходились все болѣе и болѣе, и каждая изъ этихъ державъ думала о заключеніи сепаратнаго мира, положеніе Вебера при русскомъ дворѣ становилось все болѣе и болѣе непріятнымъ. Онъ писалъ 15-го (26-го) сентября къ королю Георгу, разумѣется, цифирью: „Нельзя ожидать ничего хорошаго отъ здѣшняго двора; всѣ клятвы здѣшнихъ министровъ оказываются ложью; ненависть противъ интересовъ вашего королевскаго величества не можетъ быть сильнѣе, и недостаетъ только силы вредить намъ“ ⁴⁾.

Можетъ быть, эти натянутыя отношенія между Англіей и Россіей были причиною того, что когда 28-го октября при дворѣ праздновали день рожденія царевича Петра Петровича, Вебера пригласили только къ 5 часамъ. Между тѣмъ нашъ резидентъ, не получивъ приглашенія ко двору, отправился къ одному знакомому, проживавшему въ другой части города. Туда однако пріѣхалъ посланный царемъ капитанъ Остергартенъ звать Вебера ко двору. Когда онъ явился во дворецъ, всѣ уже сидѣли за столомъ; Ягужинскій уступилъ Веберу свое мѣсто, а Головкинъ и Шафировъ стали извиняться предъ нимъ, что придворный маршалъ забылъ пригласить его во-внѣ.

Въ этотъ вечеръ Веберъ много бесѣдовалъ съ Шафиревымъ о дѣлахъ и узналъ о неуспѣшномъ ходѣ переговоровъ на Алаудскомъ слѣздѣ. Послѣ ужина Шафировъ обнималъ Вебера, изъявляя надежду на самыя дружескія отношенія между Россіей и Англіей, при чемъ

¹⁾ Ver. R., I, стр. 307.

²⁾ Ver. R., II, 21—22.

³⁾ Ver. R., I, 323.

⁴⁾ *Геррм.*, 156.

Веберъ замѣтилъ, что Россія должна особенно остерегаться барона Герца, который непременно обманетъ ее и причинитъ ей вредъ. Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ царя съ боченкомъ водки: самъ Петръ принудилъ Вебера выпить большой стаканъ этого напитка. Все время Шафиронъ ухаживалъ за Веберомъ, и когда въ 9 часовъ вечера послѣдній хотѣлъ удалиться, его удержалъ Ягужинскій, упрекая его въ холодности и заставляя его участвовать въ танцахъ. Все это, какъ полагалъ Веберъ, — заключало въ себѣ доказательство, что въ Россіи старались сохранить дружескія сношенія съ Англіей. Послѣ неудачныхъ переговоровъ на Аландскихъ островахъ, Россія особенно нуждалась въ ея доброжелательствѣ ¹⁾).

Въ январѣ 1719 г. Веберъ, кажется, участвовалъ въ большомъ празднествѣ, устроенномъ Меншиковымъ и описанномъ въ сочиненіи „Verändertes Russland“ ²⁾). Вскорѣ послѣ того Петръ отправился въ Олоонецъ, гдѣ онъ пользовался открытыми не задолго предъ тѣмъ минеральными водами. Веберъ, оставаясь въ Петербургѣ, получалъ съ разныхъ сторонъ письма и особенно старался собирать разныя свѣдѣнія о состояніи Персіи. Весной онъ былъ нѣсколько разъ на похоронахъ. Умерли докторъ Эрскинъ, капитанъ Педдонсъ и переводчикъ Креспетъ — всѣ трое Англичане, долгое время находившіеся на русской службѣ. Умеръ и царевичъ Петръ Петровичъ, похороны котораго Веберъ описываетъ особенно подробно ³⁾).

Во все это время Веберъ слѣдилъ за приготовленіями къ походу, такъ какъ Петръ послѣ смерти Карла XII и послѣ безуспѣшнаго окончанія Аландскаго конгресса, надѣялся принудить Шведовъ къ уступкамъ чрезъ нападеніе на самую Швецію.

Въ началѣ мая Веберъ имѣлъ совѣщаніе съ Шафировымъ о дѣлахъ. Вице-канцлеръ былъ при этомъ чрезвычайно любезенъ, но ганноверскій резидентъ вынесъ изъ этой бесѣды впечатлѣніе, что на Россію надѣяться нельзя, и что она въ соединеніи съ Даніей готова дѣйствовать наперекоръ интересамъ Англіи ⁴⁾). Впрочемъ, извѣстія о послѣднемъ времени пребыванія Вебера въ Россіи чрезвычайно скудны. Въ новѣйшемъ изданіи пр. Германна помѣщено лишь немного дописаній и писемъ Вебера изъ этого времени. Въ его счипеніи весьма

¹⁾ *Герм.*, 157.

²⁾ *Ver. R.*, I, 332.

³⁾ *Ver. R.*, I, 361.

⁴⁾ *Герм.*, 160.

кратко упомянуто объ отъѣздѣ въ Ревель въ первыхъ числахъ іюня, и при томъ прибавлено, что въ Ревелѣ, во время пребыванія тамъ Вебера, ничего особеннаго не происходило ¹⁾.

Въ Петербургѣ онъ возвратился въ началѣ сентября; это видно изъ того обстоятельства, что изъ Ревеля онъ писалъ къ министру Бернсторфу 24-го августа (4-го сентября) 1719 года, а изъ Петербурга писалъ къ нему же 7-го (18-го) сентября. Тутъ онъ получилъ отъ Бернсторфа приказаніе оставить Россію и переѣхать въ Данцигъ. Онъ тотчасъ же началъ хлопотать о полученіи паспортовъ. Какъ кажется, въ это время находился, кромѣ Вебера, въ Россіи еще особенный англійскій дипломатическій агентъ, Джефрисъ (Jefferies). Оба они должны были оставить Россію, дѣйствуя при этомъ осторожно, чтобъ отъѣздъ не оскорбилъ русскаго правительства ²⁾.

До отъѣзда Веберу удалось еще собрать точныя и подробныя свѣдѣнія о состояніи русскаго войска, которыя онъ и сообщилъ въ своемъ сочиненіи ³⁾.

Обстоятельства отъѣзда Вебера изъ Россіи остаются пока для насъ неизвѣстны. Есть основаніе думать, что онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ октябрѣ, такъ какъ въ Данцигъ онъ прибылъ 3-го (14-го) ноября 1719 г. ⁴⁾.

Первое пребываніе Вебера въ Россіи продолжалось безъ малаго три года, отъ февраля 1714 года до января 1717 года; онъ пріѣхалъ въ Россію во второй разъ въ концѣ декабря 1717 года, а оставался тамъ до глубокой осени 1719 года, значить—безъ малаго два года.

Изъ донесеній Вебера видно, что экономическое положеніе его въ Россіи было не особенно удовлетворительно. Не смотря на прибавку ему суточныхъ денегъ при вторичномъ его отправленіи въ Россію, онъ долженъ былъ занимать деньги и въ 1719 году сообщалъ министру Бернсторфу о затруднительномъ положеніи, къ которомъ находился. Тутъ мы узнаемъ, что Веберъ около этого времени женился и надѣялся чрезъ это поправить свое экономическое положеніе, и что главнымъ его кредиторомъ былъ вѣкто Кенворти (Kenworthey), жившій въ Данцигѣ и оттуда очень часто писавшій къ Веберу. Веберъ получалъ въ мѣсяцъ не болѣе 120 р.,

¹⁾ Ver. R., 369—370.

²⁾ См. письмо Вебера къ Бернсторфу у Геррм., 162—163.

³⁾ Ver. R., I, 377 и слѣд.

⁴⁾ Геррм., 163.

а расходовалъ обыкновенно 200 рублей, значить — въ продолженіе 20 мѣсяцевъ, которые онъ провелъ въ Петербургѣ, въ теченіе своего вторичнаго пребыванія въ Россіи, приплатилъ изъ своихъ денегъ 1,600 руб.; на пути изъ Москвы въ Петербургъ, весною 1718 г., во время разлива рѣкъ, все его платье и бѣлье промокло, испортилось и пр. Въ Петербургѣ и въ Ревелѣ его не разъ обкрадывали. Наконецъ, братъ Вебера стѣдилъ ему большихъ денегъ, ибо тратилъ значительныя суммы. Такимъ образомъ росписаніе долгамъ Вебера представляетъ сумму въ 5,550 руб. Достоинно вниманія замѣчаніе его, что онъ не могъ пока получить всего капитала жены „отчасти вслѣдствіе ненависти Петра къ королю Георгу“. При этомъ Веберъ увѣряетъ, что Петръ называлъ его не иначе какъ „креатурою“ Англійскаго короля. Веберъ убѣдительноше просилъ Бернсторфа распорядиться объ уплатѣ всѣхъ этихъ долговъ ¹⁾. Одно изъ позднѣйшихъ писемъ его къ королю (отъ 24-го апрѣля 1720 г.) заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя данныя объ этихъ дѣлахъ. Мы узнаемъ отсюда, что желанія Вебера были отчасти исполнены, и что до уплаты долга Веберова брата послѣдній долженъ былъ оставаться въ Россіи. Веберъ долженъ былъ занять денегъ „для выкупа брата изъ русскаго плѣна“ ²⁾.

И послѣ выѣзда изъ Россіи Веберъ оставался въ весьма оживленныхъ сношеніяхъ съ этою странюю, получая оттуда весьма часто подробныя письма отъ разныхъ лицъ. Такимъ образомъ онъ и во время пребыванія въ Данцигѣ продолжалъ сообщать англійскому правительству и нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ подробныя данныя о Россіи. Пріѣхавъ въ Данцигъ, онъ въ письмѣ отъ 10-го (21-го) ноября 1719 г. въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ изобразилъ чрезвычайно напряженное состояніе Россіи, повсемѣстное раздраженіе и неудовольствіе, возможность революціи, притѣсненія, которымъ подвергаются иностранцы, пріѣхавшіе въ Россію, и пр. Немного позже онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о судьбѣ австрійскаго резидента Плейера. Затѣмъ въ донесеніи къ Робетону онъ изъясняетъ сожалѣніе о томъ, что и изъ Данцига нельзя писать о русскихъ дѣлахъ, такъ какъ сочинители такихъ писемъ подвержены опасности „кнута“, то-есть, что изъ Россіи нельзя получать подробныхъ извѣстій. При всемъ томъ,

¹⁾ *Геррм.*, 161—162.

²⁾ *Геррм.*, 180—181.

Веберъ въ первые мѣсяцы по выѣздѣ изъ Россіи могъ сообщать очень важныя подробности о переговорахъ ея съ Пруссіей, о крутомъ обращеніи русскаго правительства съ Плейеромъ, съ Войнаровскимъ, объ упадкѣ значенія Шафирова, о болѣзненномъ состояніи Петра и пр. Источникомъ этихъ сообщеній были бесѣды съ проѣзжавшими изъ Россіи чрезъ Данцигъ путешественниками.

Въ Данцигѣ Веберъ оставался нѣсколько дней. И тутъ онъ горько жаловался на недостатокъ въ денежныхъ средствахъ. Весной онъ получилъ приказаніе отправиться въ Ганноверъ, но какъ кажется, долги препятствовали ему скоро собраться въ дорогу. Онъ просилъ ганноверскихъ министровъ назначить его на какую-либо должность. Наконецъ, занявъ нѣкоторую сумму у купца Кенворти и продавъ кое-какія вещи, Веберъ могъ отправиться въ Ганноверъ въ апрѣлѣ 1720 года ¹⁾.

О дальнѣйшей судьбѣ Вебера не сохранилось почти никакихъ данныхъ. Въ сентябрѣ 1720 г. онъ находился въ Пирмонтѣ, откуда писалъ къ „господамъ тайнымъ совѣтникамъ курфиршескаго Брауншвейгъ-Люнебургскаго правительства“ о какомъ-то студентѣ Гюльзельманнѣ, который во время пребыванія Вебера въ Россіи оказывалъ ему большія услуги, но который, къ сожалѣнію, не могъ выѣхать вмѣстѣ съ Веберомъ изъ Россіи. Этого Гюльзельманна арестовали въ Петербургѣ, заключили въ крѣпость и пр. Веберъ просилъ позаботиться объ освобожденіи несчастнаго, указывая на этотъ случай, какъ на нарушеніе международнаго права.

Послѣднее письмо Вебера, до насъ дошедшее, относится къ марту 1721 г. Онъ писалъ къ Бернсторфу изъ Ганновера, что по желанію министра онъ занятъ преподаваніемъ русскаго языка двумъ молодымъ людямъ, и прибавлялъ, что они могутъ кое-какъ научиться читать по русски и списывать русскія бумаги, но что для того, чтобы говорить свободно и владѣть языкомъ, нужно много времени. „Я самъ“, заключаетъ онъ—, „долженъ былъ упражняться нѣсколько лѣтъ, пока наконецъ успѣлъ въ этомъ отношеніи“ ²⁾.

Оставивъ Россію, Веберъ, какъ кажется, по желанію своего начальства, занялся составленіемъ своего большаго сочиненія о Россіи, первый томъ котораго появился въ печати въ 1721 г. Въ письмѣ

¹⁾ *Геррм.*, 176—178.

²⁾ *Геррм.*, 182.

изъ Пирмонта онъ замѣчаетъ, что пользованіе минеральными водами не имѣаетъ ему заниматься продолженіемъ записокъ о Россіи ¹⁾).

Есть основаніе думать, что остальная часть жизни Вебера, о которой мы пока не имѣемъ данныхъ, въ значительной мѣрѣ была посвящена именно этому литературному труду. Успѣхъ этой книги былъ замѣчательнъ. Нужно было послѣ окончанія перваго тома приступить къ составленію втораго и третьяго. Нужно было позаботиться о печатаніи новыхъ изданій, о наблюденіи за приготовленіемъ переводовъ на другіе языки. Можетъ быть, что одновременно съ этими трудами Веберъ состоялъ и на административной или дипломатической службѣ.

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ говорится, что послѣ кончины Петра Великаго Веберъ провель еще нѣсколько лѣтъ въ Россіи. Мы однако не находимъ нигдѣ данныхъ, подтверждающихъ это показаніе, которое приводится безъ ссылки на какіе-либо источники. Самый тщательный разборъ третьяго тома записокъ Вебера не доставилъ намъ ни малѣйшаго намека на этотъ фактъ. Можетъ быть, со временемъ откроются еще новыя матеріалы, разъясняющіе этотъ вопросъ, а пока мы остаемся въ убѣжденіи, что извѣстія о третьей поѣздкѣ Вебера въ Россію лишены основанія ²⁾).

Таковы наши свѣдѣнія о жизни Вебера. Его дипломатическая дѣятельность въ Россіи не была особенно замѣчательною, и обстоятельства не благоприятствовали успѣхамъ его въ этомъ отношеніи. Его положеніе при русскомъ дворѣ было довольно трудное, подчасъ даже

¹⁾ *Герм.*, 181.

²⁾ Г. Барсовъ, издавая переводъ первой части записокъ Вебера въ *Русскомъ Архивѣ* 1872 г., пишетъ: «Позднѣе, по смерти уже императора Петра I, Веберъ въ другой разъ былъ въ Россіи, прожилъ въ ней около пяти лѣтъ и потомъ, возвратившись снова на родину, издалъ въ 1738 г. (въ Ганноверѣ) 2-ю часть «Преобразованной Россіи» и пр. (стр. 1058). Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что г. Барсовъ не приводитъ никакого документальнаго свидѣтельства о томъ фактѣ, а впрочемъ, нельзя не замѣтить, что выраженіе о пребываніи Вебера въ Россіи послѣ кончины Петра «въ другой разъ» ошибочно, такъ какъ при Петрѣ Веберъ въ Россіи былъ дважды, какъ то видно не только изъ изданныхъ Германномъ архивныхъ матеріаловъ, но и изъ самыхъ записокъ, переведенныхъ г. Барсовымъ. Г. Минцлооъ (Pierre le Grand dans la littérature étrangère, p. 140) говоритъ о *шестилѣтнемъ* пребываніи Вебера въ Россіи до изданія перваго тома. Его замѣчаніе: «La seconde partie, publiée à la suite d'un second séjour qu'il fit à St.-Petersbourg après la mort de Pierre le Grand n'est qu'un recueil d'actes» также не подкрѣплено ссылкой на какой-либо источникъ.

чрезвычайно неловкое. Есть основаніе думать, что онъ не отличался особенными дипломатическими способностями. За то нельзя отрицать любознательности и образованости Вебера. Онъ не пощадилъ труда для составленія довольно полной картины о состояніи Россіи при Петрѣ Великомъ.

А. Бриннеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ИСТОРИЯ И КРИТИКА ФИЛОСОФИИ.

Владимиръ Соловьевъ. Кризисъ западной философи. Противъ позитивистовъ.
Москва. 1874.

Его же. Критика отвлеченныхъ началъ. Москва. 1880

Статья первая.

Большое и справедливое вниманіе, которое авторъ возбудилъ и этими книгами, и своими диспутами (первая книга есть его магистерская, а вторая—докторская диссертация), и публичными лекціями („Чтенія о религіи“), и статьями въ журналахъ, возлагаетъ, или можетъ возлагать на рецензента очень трудныя требованія. Отъ него можно ждать и желать полного опредѣленія духа и смысла этого новаго, столь яркаго явленія въ области нашей мысли. Скажемъ прямо, что мы однако вовсе не имѣемъ въ виду такой задачи; мы устранимъ ее потому, что хотя авторъ очень твердо и ясно заявилъ свои взгляды и высказалъ много положеній, ихъ опредѣляющихъ, но онъ еще не представилъ никакой философской работы, строго развивающей эти взгляды. Законченные его труды пока представляютъ только подготовительную, отрицательную работу. Именно, въ первой книгѣ онъ доказываетъ, что философія Запада совершила полный циклъ и пришла въ кризису, выходъ изъ котораго долженъ найдтись въ новыхъ воззрѣніяхъ автора. Во второй книгѣ онъ расширяетъ изслѣдованіе той же темы, именно показываетъ, что отвлеченныя нравственныя и гносеологическія начала Запада должны быть признаны несостоятельными, что они исчерпали всю свою силу и свое развитіе, такъ что

намъ слѣдуетъ искать новыхъ началъ, которыя хотя тутъ же и указываются, но вовсе не раскрываются въ полнотѣ.

И такъ, объ работы критическія и даже историко-критическія, основаны на той мысли, что исторія всякаго начала есть вмѣстѣ съ тѣмъ его глубочайшая и неизбѣжная критика. Цѣль этихъ работъ—подготовленіе поприща для новыхъ воззрѣній, но прямой и наличный предметъ—критика и исторія философіи. На этомъ предметѣ мы и желаемъ остановиться въ нашей рецензіи, какъ на томъ, что всего полнѣе и яснѣе высказано авторомъ. Вопросы, о которыхъ онъ говоритъ, чрезвычайно важны и любопытны, и намъ глубоко интересно было проверить, въ какой мѣрѣ можно признать его смѣлыя положенія, какія черты изображаемой имъ картины слѣдуетъ считать безупречно вѣрными.

I.

Авторъ утверждаетъ въ первомъ своемъ сочиненіи, что въ развитіи философской мысли Запада совершился или совершается кризисъ, и мы думаемъ, что онъ, вообще говоря, правъ, что его чуткость правильно указала ему, гдѣ нужно искать главнаго русла человѣческой мысли, въ чемъ долженъ состоять ея существенный поворотъ въ настоящее время.

Но прежде всего—какія опредѣленныя черты факта, который онъ утверждаетъ? Что нужно сказать объ этомъ кризисѣ,—то ли, что онъ уже совершился, или что онъ теперь только совершается, или наконецъ, что онъ еще имѣетъ совершиться? Если мы приступимъ съ этими вопросами къ книгѣ г. Соловьева, то увидимъ, что у него нѣтъ на нихъ опредѣленнаго отвѣта. Очевидно, онъ не придавалъ большой важности временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ кризиса, и все его вниманіе было устремлено въ другую сторону, именно обращено на то, чтобы объяснить внутреннее значеніе кризиса. Онъ стремился не то доказать, что разумѣемый имъ кризисъ совершился, или совершается, или скоро совершится, а только то, что онъ долженъ совершиться, что человѣческая мысль пришла къ той точкѣ, гдѣ поворотъ неизбѣженъ, что она можетъ, пожалуй, остановиться или даже отступить назадъ, но если пойдетъ впередъ, то неизбѣжно пойдетъ по извѣстному пути. Такимъ образомъ мысль о кризисѣ была бы совершенно законна и справедлива даже тогда, еслибы никакого проявленія кризиса въ дѣйствительности еще не было, еслибы онъ совершился, такъ сказать, въ умѣ одного г. Соловьева.

Но проявленія уже есть, и весьма значительныя. Однако же, даже узнать ихъ и измѣрить мы можемъ только тогда, когда имѣемъ ясную идею кризиса. Въ этой идеѣ вся наша точка опоры. Безъ нея мы ничего не увидимъ, мы будемъ слѣпы къ самымъ яркимъ явленіямъ; съ нею мы можемъ точно опредѣлить смыслъ cadaго явленія, то-есть въ какой мѣрѣ и степени, съ какой именно стороны кризисъ выразился въ томъ или другомъ мыслителѣ, въ той или другой его мысли.

Исторія философіи имѣетъ возможность однако же брать факты не только какъ проявленія тѣхъ идей, которыя питаетъ историкъ. Въ этомъ заключается ея преимущество, какъ фактической науки. Она можетъ прилагать къ фактамъ аналитическій приѣмъ, не предрѣшая ихъ значенія, разъясняя ихъ смыслъ постепенно, а не исчерпывая его вдругъ, раньше самаго начала изслѣдованія. Вотъ почему въ настоящее время многіе изъ всѣхъ философскихъ наукъ одну исторію философіи признаютъ за нѣчто твердое и изучаемое. Для ясности и мы возьмемъ аналитическій ходъ, то-есть, прежде чѣмъ говорить объ идеѣ кризиса, укажемъ тѣ факты, въ которыхъ онъ обнаружился. Съ такого указанія начинается, впрочемъ, и самая книга г. Соловьева. Вотъ чтó онъ говоритъ:

„Въ умственной исторіи нашего времени не менѣе чѣмъ въ политической происходятъ событія удивительныя и неожиданныя. Давно ли еще, казалось, съ полною увѣренностію можно было думать, что послѣ долгаго ряда философскихъ ученій, изъ которыхъ каждое утверждало себя какъ абсолютную истину и опровергалось послѣдующимъ какъ заблужденіе, умъ человѣческій (представляемый западными мыслителями) усталопоплся. наконецъ, на отрицательномъ результатѣ позитивизма, принявшаго рѣшеніе высшихъ вопросовъ мысли безусловно невозможнымъ и самую ихъ постановку нелѣпою? И вотъ въ наши дни, когда это позитивное возрѣніе достигло такого господства, что слово метафизика стало употребляться лишь въ смыслѣ безусловнаго порицанія, какъ равносильное безсмыслицѣ, — въ наши дни появляется новая метафизическая система, въ которой тѣ высшіе вопросы, отвергнутые позитивизмомъ, не только опять ставятся, но и разрѣшаются съ необычайною смѣлостію, доходящею иногда до фантастическаго; и эта новая метафизика, вмѣсто того, чтобы быть осмѣянной, какъ этого можно было бы ожидать, пріобрѣтаетъ повсюду огромный, небывалый успѣхъ, за нее хватаются съ жадностію, являются не только послѣдователи, но и восторженные поклонники. Только часть ссхш, отд. 2.

крайняя, принудительная для ума сила высшихъ метафизическихъ вопросовъ можетъ объяснить такое явленіе. Значить, дѣло не такъ просто, какъ думаютъ позитивисты; значить, недостаточно отстранить существенныя задачи мысли, а нужно во что бы то ни стало разрѣшить ихъ. Въ виду этого, важное значеніе получаетъ и эта новая, послѣдняя попытка ихъ разрѣшенія. Я говорю о „Философіи безсознательнаго“ Эдуарда Гартмана. Но такъ какъ самъ Гартманъ ставитъ свое ученіе въ связь съ предшествовавшими философскими системами, признаетъ себя ихъ завершителемъ, то для опредѣленія его философскаго значенія необходимо припомнить общій ходъ западной философіи“, и пр. (Кризисъ, стр. 1, 2).

Въ этихъ словахъ указаны два факта: во первыхъ, что въ наши дни позитивизмъ достигъ господства, былъ тѣмъ послѣднимъ результатомъ, на которомъ установился умъ человѣческой, вторыхъ, что система Гартмана (явившаяся въ 1869 г.) имѣла огромный успѣхъ, показавшій, что господство позитивизма не имѣетъ твердыхъ основаній, или говоря словами автора, что дѣло не такъ просто, какъ думаютъ позитивисты.

Оба факта, конечно, совершенно вѣрны, и заключеніе, которое изъ нихъ выведено, вполне законно и правильно. Но первый фактъ имѣетъ у автора не вполне точное обозначеніе, названъ не тѣмъ именемъ, какимъ слѣдуетъ его называть, — что, разумѣется, немало не мѣшаетъ ему быть дѣйствительнымъ фактомъ. По словамъ автора, можно подумать, что умы западной Европы сознательно держались извѣстныхъ началъ, что они строго логически исповѣдывали нѣкоторую философскую систему, которую авторъ называетъ позитивизмомъ. Но сказать этого никакъ нельзя. Нельзя вообще предполагать такого правильнаго развитія умственныхъ явленій; состояніе умовъ извѣстной эпохи нельзя опредѣлять, какъ исповѣданіе опредѣленнаго ученія; скорѣе въ состояніи умовъ должно видѣть извѣстнаго рода настроеніе или направленіе, находящее себѣ исходъ въ весьма разнообразныхъ понятіяхъ. Такъ и въ наше время господствовалъ и господствуетъ не только позитивизмъ, но и другія ученія, напримѣръ, чистый эмпиризмъ и материализмъ. Различать эти ученія, конечно, совершенно необходимо. Подъ позитивизмомъ въ точномъ смыслѣ слова нужно разумѣть французскую школу, основанную Контомъ и имѣющую такой своеобразный складъ, что не совсѣмъ легко опредѣлять ея отношенія къ другимъ ученіямъ. Не смотря на вѣрность замѣчаній нашего автора объ отдѣльныхъ пунктахъ этого ученія, онъ

не даетъ въ своей книгѣ цѣлаго образа позитивизма, и есть нѣкоторая неточность въ томъ понятіи, которое, по видимому, онъ себѣ составилъ объ этой философской школѣ. Укажемъ на одну характеристическую черту. Позитивизмъ, между прочимъ, отвергаетъ логику и психологію, онъ не признаетъ ихъ самостоятельности, утверждаетъ, что онѣ не суть науки, то-есть, не суть то, что Французы называютъ sciences, и что Кантъ призналъ за высшій авторитетъ для своей философіи. Уже отсюда видно, что существуетъ большое различіе между позитивизмомъ и чистымъ эмпиризмомъ, школою, развившеюся въ Англіи, и которой самый знаменитый представитель Джонъ Стюартъ Милль. Эта школа не только признаетъ психологію, но можно сказать, ее одну только и признаетъ и готова обратить всю область знанія въ частные случаи психологическихъ законовъ.

Наконецъ, матеріализмъ есть, какъ прекрасно объясняетъ далѣе самъ авторъ, уже нѣкоторая метафизика, хотя и вполнѣ бессознательная. Въ силу такихъ своихъ свойствъ, матеріализмъ есть самое доступное и самое распространенное изъ нынѣшнихъ ученій. Онъ даетъ отвѣтъ на метафизическіе вопросы, неизбежно являющіеся въ человѣкѣ, но въ то же время не требуетъ сознанія (или даже наоборотъ — требуетъ бессознательности) относительно отправленій мысли, которыя при этомъ совершаются. Поэтому никакой матеріалистъ не знаетъ и не можетъ знать, что онъ метафизикъ; напротивъ, они считаютъ себя въ правѣ смѣяться надъ метафизикомъ и обыкновенно объявляютъ себя ея непримиримыми врагами.

И вотъ мы пришли къ той чертѣ, въ которой сходны всѣ эти ученія, и въ указаніи которой нашъ авторъ совершенно правъ. Нельзя сказать, что въ наши дни умъ человѣческій держался именно позитивизма; но совершенно справедливо, что онъ, вообще говоря, „призналъ рѣшеніе высшихъ вопросовъ мысли безусловно невозможнымъ“, что онъ даже отвергалъ самые вопросы, то-есть, „признавалъ самую постановку ихъ нецѣлюю“, что дѣйствительно „слово метафизика стало употребляться лишь въ смыслѣ безусловнаго порицанія, какъ равносильное бессмыслицѣ“. Все это — совершенно вѣрно, дѣйствительный фактъ. Въ порожденіи этого факта больше всего участвовалъ матеріализмъ, какъ ученіе метафизическое, а потому наиболее легкое, наиболее враждебное истинной метафизикѣ и по своей однородности могущее заступать ея мѣсто. Большая часть естествоиспытателей и ихъ читателей и читателей были матеріалисты. Позитивизмъ же и эмпиризмъ, какъ явленія нѣсколько высокія, имѣли меньше

вліянія, и въ полной своей чистотѣ были, можно сказать, исключеніями изъ общаго правила.

При этомъ никакъ не нужно упускать изъ виду, что мы говоримъ о большинствѣ такъ-называемыхъ образованныхъ людей, о массѣ публики. Ученый міръ, сохраняя свои преданія, конечно, не смѣлся надъ метафизикой; въ университетахъ съ философскихъ кафедръ преподавался не матеріализмъ или позитивизмъ, а какое-нибудь изъ ученій, имѣющихъ болѣе философскій характеръ. Но ни одно изъ этихъ ученій не имѣло большаго вліянія, не питало само той крѣпкой вѣры въ себя, которая такъ заразительна; поэтому философская ученость послѣдняго времени встрѣчала повсюду холодность и скептицизмъ; сами философы по профессіи утратили гордый языкъ, приличествующій ихъ наукѣ, и часто были очень жалки своею робостію и неувѣренностію.

И такъ, первый фактъ, то-есть, что въ наше время господствовало отрицаніе метафизики и „высшихъ вопросовъ“, мы должны признать совершенно вѣрнымъ, если и не будетъ приписывать его исключительно позитивизму. Господствовало (выразимся такъ) нѣкоторое позитивистическое настроеніе. Если же такъ, то нельзя не видѣть, что второй фактъ, успѣхъ Гартмана, поставленъ авторомъ въ правильномъ свѣтѣ. Этотъ успѣхъ составляетъ дѣйствительное противорѣчіе господствовавшему настроенію, и слѣдовательно, свидѣтельствуется „о крайней принудительной для ума силѣ высшихъ метафизическихъ вопросовъ“ (стр. 2). При этомъ авторъ вовсе не выставляетъ себя сторонникомъ Гартмана. Чтобы доказать свою главную мысль, онъ даже замѣчаетъ, что въ новой метафизической системѣ эти высшіе вопросы „разрѣшаются съ необычайною смѣлостію, доходящею иногда до фантастическаго“. Такимъ образомъ сама нелѣпости Гартмана (на иныя изъ нихъ вполнѣдствіи авторъ указываетъ съ большою рѣзкостію) составляютъ доказательство въ пользу кризиса, показываютъ — какую непонятную слабость вдругъ обнаружилъ страшный авторитетъ современнаго научнаго духа.

Но какою же точный и опредѣленный смыслъ нужно придавать успѣху Гартмана? Прямо и несомнѣнно изъ него слѣдуетъ видѣть только то, что противоположное настроеніе оказалось слабымъ, что оно въ известной части умовъ побѣждено новымъ явленіемъ. Но что же дальше? Какое объясненіе дать этой побѣдѣ? Можно ли сказать, что эти люди, которые съ 1869 ежегодно распускаютъ по одному или по два изданія сочиненія Гартмана, и слѣдовательно, въ той или

другой степени отказываются от своего презрѣнія къ метафизикѣ,— можно ли сказать, что эти люди въ своемъ умственномъ настроеніи представляютъ намъ, какъ выражается авторъ,— „настоящую минуту философскаго сознанія“ (стр. 32)? Мы готовы согласиться, что эта публика, приговору которой авторъ желаетъ придать такое важное значеніе, есть лучшая философская публика на свѣтѣ, наиболѣе подготовленная, наиболѣе чуткая къ дѣлу; и все-таки, чтобы признать ея приговоръ намъ нужно сдѣлать еще другія предположенія, столь трудныя, что правильнѣе будетъ ихъ отрицать чѣмъ допускать. Нужно предположить, что эта публика постоянно имѣла въ виду всѣ тѣ выходы изъ своего позитивнаго настроенія, какіе возможны, и сомнительно и твердо отрекалась отъ этихъ выводовъ; нужно предположить, что она стала порицать свой позитивизмъ только тогда, когда убѣдилась, что есть новый выходъ, отвѣчающій на тѣ ея запросы, удовлетворяющій тѣмъ ея требованіямъ, которымъ прежніе предлагаемые ей выходы не удовлетворяли. Очевидно, дѣлая такія предположенія, мы приписываемъ публикѣ совершенно фантастическія свойства,—именно мы дѣлаемъ изъ нея существо совершенно пассивное и безконечно чуткое; мы отнимаемъ у нея всякую самодѣятельность, такъ какъ самодѣятельность помѣщала бы правильности ея приговоры, и вмѣсто того даемъ ей всеобъемлющую и проницательнѣйшую отзывчивость, тотчасъ рѣшающую, гдѣ наилучшій путь къ истинѣ. Въ дѣйствительности, конечно, дѣло происходитъ иначе. Въ дѣйствительности публика прежде всего есть существо пристрастное, то-есть, питающее извѣстныя чувства и стремленія, и потому признающее и превозносящее только то, что подходитъ подъ эти чувства и стремленія. Она не разборчива и не проницательна, а напротивъ часто изъ самыхъ ничтожныхъ вещей создаетъ себѣ идоловъ, и поклоняется имъ слѣпо, не вида въ своемъ кумирѣ никакихъ недостатковъ. Съ такою же слѣпотой и увлеченіемъ она поступаетъ и тогда, когда низвергаетъ одни кумиры и обращается къ другимъ. Если публика отъ одного ученія переходитъ къ другому, то никогда нельзя бываетъ сказать, что это и есть та минута, когда старое ученіе обнаружило свою полую недостаточность, и когда явилась потребность именно въ этомъ новомъ ученіи. Самый обыкновенный случай тотъ, что ученіе несостоятельное держится, не смотря на всевозможныя признаки, обнаруживающіе его несостоятельность. Искра истины, удовлетворяющей извѣстнымъ потребностямъ человѣческаго сердца, достаточна для того, чтобы ученіе, содержащее эту искру жило, не смотря ни на какія слабыя свои стороны. Люди

имѣютъ способность сосредоточиваться на немногихъ идеяхъ, и цѣлыя поколѣнія живутъ иногда очень ограниченными взглядами, не сознавая ихъ ограниченности, не чувствуя нужды въ болѣе широкихъ понятіяхъ. Точно такъ, когда въ массѣ публики заговорятъ потребности, которыя прежде были заглушены ея увлеченіями, ея переживаніемъ извѣстныхъ идей, она, какъ говорится, бросается на новыя идеи, на новыя ученія, но вовсе не по выбору, не по тонкой и тщательной оцѣнкѣ. Она бросается на то, которое оказалось на лицо, первое попало на глаза, первое пригодилось для этой цѣли. Горизонтъ идей каждой публики очень не великъ; если нѣтъ въ этомъ горизонтѣ идей, достойныхъ того, чтобы ихъ исповѣдывали и имъ поклонялись, то мѣсто ихъ занимаютъ идеи слабыя, фальшивыя, миражныя. Такимъ образомъ самая лучшая публика можетъ долгое время блуждать отъ одного половинчатого, или даже уродливаго ученія къ другому, пока накопецъ не явится такое, которое возьметъ себѣ авторитетъ по нѣ-которому дѣйствительному праву и будетъ достойно ея приверженности.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что движеніе публики и движеніе выдающихся философскихъ умовъ не совпадаютъ. Такъ какъ всякое явленіе имѣетъ соответствующую причину, то конечно, самыя безпорядочныя умственные волненія публики имѣютъ свой смыслъ, свою логику, но эта логика можетъ далеко расходиться съ тою, которая управляетъ усиліями дѣйствительныхъ философовъ. Человѣчество, вообще говоря, конечно, способно къ истинѣ и добру; въ инстинктахъ толпы обыкновенно есть нѣчто вѣрное и благородное. Но въ приложеніи этихъ инстинктовъ почти всегда происходитъ ошибка; исторія вся наполнена этими ошибками, представляющими рядъ непрерывныхъ неудачъ и попытокъ, имѣющихъ развѣ лишь то оправданіе, что всѣ онѣ направлены къ одной цѣли и отчасти исправляютъ и уравновѣшиваютъ одна другую.

И такъ, намъ приходится выбирать между авторитетомъ успѣха и авторитетомъ выдающихся мыслителей. Стараясь вникнуть въ смыслъ историческихъ фактовъ, мы волей-неволей становимся ихъ судьями. должны сами рѣшать, что важно и хорошо и что нѣтъ. Успѣхъ Гартмана, конечно, имѣетъ значеніе, но какое? Можетъ быть, Гартманъ былъ поводомъ къ пробужденію весьма низкихъ инстинктовъ толпы, и тогда его успѣхъ стоитъ ниже его самого. Можетъ быть, Гартманъ есть прямое выраженіе мыслей толпы, можетъ быть, онъ только сказалъ то, что она думала, какъ, на примѣръ, это было съ Гельвеціемъ

въ прошломъ столѣтїи, или въ наши дни съ книгою Давида Штрауса „Der alte und der neue Glaube“,—и тогда этотъ успѣхъ есть только подтвержденіе того, что существовало до него, и слѣдовательно, ничего новаго не обозначаетъ. Можетъ быть, наконецъ, успѣхъ имѣеть значеніе гораздо большее, чѣмъ самъ Гартманъ съ его ученіемъ, то есть, можетъ быть, этотъ философъ затронулъ въ публикѣ струны, которыя въ немъ самомъ звучать слабо, можетъ быть, онъ самъ не понимаетъ тѣхъ глубокихъ инстинктовъ, которые пробуждены его книгой и составили ея успѣхъ. Мы думаемъ, что это послѣднее предположеніе всего справедливѣе, и что въ сущности съ нами согласенъ и г. Вл. Соловьевъ, такъ что мы сказали здѣсь почти то, что онъ подразумѣвалъ. Успѣхъ, который всегда есть вещь опасная и болѣе или мевѣ обманчивая, въ настоящемъ случаѣ неблагопріятенъ своему виновнику; очень строгіе судьи могли бы, пожалуй, сказать, что Гартманъ создалъ себѣ не славу, а скорѣе безславіе.

Обратимся же къ самому Гартману. Если разсматривать его ученіе не по отношенію къ публикѣ, а по его внутренней связи съ другими философскими ученіями, то окажется, что оно имѣеть весьма опредѣленную исторію, чрезвычайно любопытную при сопоставленіи ея съ его успѣхомъ. Оказывается, что Гартманъ есть послѣдователь и продолжатель ученія Шопенгауэра, которое явилось уже давно, въ 1818 г. но не имѣло тогда никакого успѣха. Всѣ существенныя мысли, вся сила Гартмана заимствована имъ изъ этой старой философіи, изъ „философіи воли“. Такъ это утверждаетъ и г. Вл. Соловьевъ. „Первый основатель этой философіи“, говоритъ онъ,—„Шопенгауэръ“ (стр. 95) и „система Гартмана есть лишь дополнительное видоизмѣненіе Шопенгауэровой“ (стр. 71). И такимъ образомъ, хотя нашъ авторъ утверждаетъ, что философскій кризисъ совершается именно теперь, въ послѣдніе годы, по источникомъ этого кризиса отъ принужденъ считать не людей нынѣшняго времени, не движеніе, происшедшее въ ихъ умахъ, а мысль, явившуюся шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ умѣ челоуѣка, отдѣленнаго онъ насъ полными двумя поколѣніями. Такъ и говоритъ г. Соловьевъ: „Начало этому перевороту положено Шопенгауэромъ, такъ что система Гартмана, обозначающая собою настоящую минуту философскаго сознанія, прямо исходитъ изъ ученія Шопенгауэра и на него опирается“ (стр. 32).

Вотъ фактъ удивительный и поясняющій намъ ходъ иныхъ явлений исторіи философіи. Конечно, ученіе Гартмана имѣеть и внутреннія свойства, пріобрѣвшія ему современный успѣхъ; но едва ли эти

свойства заключаются въ томъ философскомъ шагѣ впередъ, который думаетъ видѣть въ немъ г. Соловьевъ. Эту попытку пойти дальше Шопенгауэра мы не находимъ удачною и думаемъ, что свойства, давшія успѣхъ Гартману, состоятъ не въ углубленіи и возвышеніи основной мысли, принадлежащей Шопенгауэру, а скорѣе въ стуженіи ея и приниженіи до уровня публики. Внутреннее значеніе Гартмана намъ кажется преувеличено нашимъ авторомъ. Но, какъ бы мы объ этомъ ни судили и въ какую бы сторону ни рѣшили, главныя черты этой исторіи остаются неизмѣнными и несомнѣнными. Именно, что давно уже появилось въ глубокомысленной Германіи ученіе, образующее коренной переворотъ въ западной философіи, но что,—такъ какъ умы были увлечены другими ученіями, новая философія цѣлое полстолѣтіе не имѣла никакого вліянія; однако же, по мѣрѣ того, какъ изнашивались и переживались другія философскія системы, „философія воли“ все больше и больше пріобрѣтала приверженцевъ, и особенно много возбуждаетъ вниманія теперь, когда одинъ изъ нихъ, Гартманъ, написалъ книгу, основанную на тѣхъ же главныхъ мысляхъ и имѣвшую большой успѣхъ. Эти факты, очевидно, способны внушить намъ недоумѣніе къ публикѣ и требуютъ, чтобы мы разсматривали дѣло независимо отъ ея приговоровъ. Та публика, которая не замѣтила Шопенгауэра, не можетъ внушать намъ удивленія, когда она увлекается Гартманомъ. Во всякомъ случаѣ главное наше вниманіе должно быть устремлено на Шопенгауэра. Мы еще можемъ спорить, въ какой мѣрѣ и формѣ совершился, даже совершается или нѣтъ, въ западной философіи кризисъ, то-есть, переворотъ, измѣняющій все ея направленіе, но этотъ кризисъ несомнѣнно совершился въ умѣ этого человѣка.

Судьба Шопенгауэра интересна въ высшей степени. Онъ родился еще въ прошломъ столѣтіи, въ 1788 г., и слѣдовательно, былъ почти сверстникомъ Шеллинга (только на 13 лѣтъ моложе); значить, онъ принадлежалъ къ тому удивительному поколѣнію, которое слѣдовало за Кантомъ, которое продолжало дѣло Канта и создало то, что мы теперь называемъ нѣмецкою философіей. Около 1812 года въ Шопенгауэрѣ явились мысли новаго взгляда, коренной реформы кантовской философіи, и въ 1818 г. онъ издалъ свое главное сочиненіе: „Миръ какъ воля и представленіе“ (Die Welt als Wille und Vorstellung). Но судьба этого ученія не была похожа на судьбу ученій его сверстниковъ. Между тѣмъ, какъ Фихте, Шеллингъ, Гегель одинъ за другимъ были признаваемы стоящими во главѣ философскаго движенія и воз-

буждали неслыханный энтузиазмъ, о Шопенгауэрѣ никто и не говорилъ. Книга его не раскупалась, и издатель большую часть ея экземпляровъ долженъ былъ обратить на макулатуру. Правда, по ученому обычаю Нѣмцевъ, имя Шопенгауэра стало упоминаться въ разныхъ учебникахъ и историческихъ обзорахъ философіи, какъ одного изъ кантіанцевъ, имѣющаго свои особые взгляды; но эти упоминанія, дѣлаемыя, такъ сказать, по долгу учености, нисколько не разсѣвали неизвѣстности, окружавшей и ученіе и даже имя Шопенгауэра. Когда нивой читатель, случайно взявшійся за его книгу, найденную имъ гдѣ-нибудь въ казенной библіотекѣ, былъ поражаемъ силою языка и мысли философа, то считалъ это за совершенно неожиданное открытіе. Восторгъ такихъ случайныхъ читателей изрѣдка былъ высказываемъ и въ печати. И все-таки, черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ выхода своей книги (то-есть, въ 1844 г.), Шопенгауэръ едва-едва могъ добиться, чтобы книгопродавецъ сдѣлалъ второе изданіе, не требуя съ него приплаты. Между вторымъ и третьимъ изданіемъ (въ 1859 г.), не смотря на увеличивающійся кругъ почитателей, прошло опять цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ; только въ концѣ пятидесятихъ годовъ, слѣдовательно, уже передъ самою своею смертью (въ 1860 г.) Шопенгауэръ сталъ пользоваться, наконецъ, славою великаго мыслителя.

Въ это время Шопенгауэръ, съ постоянствомъ и твердостію истиннаго Германца, не терялъ вѣры въ себя, въ высокое значеніе своей мысли, и упорно работалъ надъ ея уясненіемъ и подтвержденіемъ, такъ что написалъ нѣсколько томовъ, дополняющихъ и объясняющихъ его главное сочиненіе, ту книгу, въ которой для него сосредоточился весь смыслъ его жизни.

II.

Мы указали, такимъ образомъ, внѣшніе факты переворота, совершающагося въ философіи; обратимся теперь къ его внутреннему смыслу.

Разъясненію этого внутренняго значенія кризиса посвящена вся книга г. Вл. Соловьева; признавая справедливость главной мысли Шопенгауэра, авторъ старается показать, въ какомъ отношеніи это новое направленіе находится къ другимъ ученіямъ западной философіи, какъ прошлымъ, такъ и современнымъ. Все остальное, что есть въ сочиненіи г. Соловьева, критическія замѣчанія о философіи

Шопенгауэра, сужденія о Гартманѣ, собственные выводы, возраженія противъ позитивизма, — все это имѣетъ второстепенное значеніе, занимаетъ меньше мѣста, не представляетъ того точнаго развитія, какъ главный предметъ, то-есть объясненіе кризиса, совершеннаго Шопенгауэромъ. Мы указываемъ настоятельно на это главное содержаніе книги, такъ какъ изложеніе автора представляетъ нѣкоторый вышній беспорядокъ и касается слишкомъ обширнаго круга предметовъ, вслѣдствіе чего читатели могутъ не только умышленно, но и невольно упускать изъ виду главный пунктъ дѣла.

Сущность кризиса заключается прежде всего въ возстановленіи метафизики, то-есть, такого познанія, котораго важность и самая возможность отвергается современнымъ позитивистическимъ настроеніемъ. Метафизика есть высшее, или истинное познаніе, въ сравненіи съ которымъ обыкновенное познаніе является совершенно недостаточнымъ, не обнимающимъ истинно-сущаго, дѣйствительнаго бытія. Шопенгауэръ положилъ основаніе новой метафизикѣ, превосходящей своею твердостью другія метафизическія попытки. Изъ ученія Канта, которое ограничивало человѣческій разумъ познаніемъ явленій, Шопенгауэръ нашелъ путь въ область сущностей, путь болѣе надежный и ясный, чѣмъ пути другихъ послѣкантиовскихъ мыслителей, оказавшіеся только мнимыми выходами. Такимъ образомъ Шопенгауэръ совершилъ, какъ онъ самъ любилъ выражаться, величайшее изъ метафизическихъ открытій, именно открылъ ту вещь въ себѣ, Ding an sich, которая, по ученію Канта, для насъ недоступна. По Шопенгауэру, мы съ этимъ истинно-сущимъ встрѣчаемся непосредственно въ самихъ себѣ, именно въ тѣхъ явленіяхъ, которыя образуютъ сферу воли въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова (то-есть, съ включеніемъ въ нее чувствованій). Поэтому, распространяя на метафизическую сущность вещей названіе факта, въ которомъ она для насъ всего явственнѣе, Шопенгауэръ называетъ ее вообще волею.

Вторая черта кризиса, не менѣе, а даже болѣе существенная, заключается въ томъ, что возстановлена, или пожалуй, вновь создана этика, ученіе о нравственности. Сущность шопенгауэровской метафизики такова, что эта метафизика не только неразрывно связана съ этикой, но и прямо въ нее переходитъ или изъ нея вытекаетъ, совершенно такъ, какъ, напримѣръ, у Гегеля метафизика сливается въ одно съ логикою. По Шопенгауэру, „метафизическое значеніе нашей

жизни заключается въ значеніи нашей воли, и высшая задача чело-
вѣка есть чисто нравственная задача.

Эта этика точно также находится въ глубокой противополож-
ности съ современнымъ позитивистическимъ настроеніемъ, тоже со-
ставляетъ открытіе Шопенгауэра и кризисъ въ развитіи западной
философіи.

Нелѣпо было бы, однако же, думать, что Шопенгауэръ въ столь
важныхъ вопросахъ первый пашель истину, что онъ какъ бы создалъ
настоящую метафизику и этику. Метафизика и этика составляютъ
самыя существенныя требованія челоѳческаго ума; нужно поэтому
предположить, что принадлежація къ этимъ областямъ истины были
въ той или другой формѣ доступны челоѳчеству даже съ самыхъ
древнихъ временъ, съ тѣхъ поръ, когда началась его духовная
жизнь. Такъ и признаетъ это Шопенгауэръ; онъ сближаетъ свои ме-
тафизическіе и этические взгляды съ лучшими религіозными воззрѣ-
ніями всѣхъ вѣковъ, въ особенности, наримѣръ, съ воззрѣніями Ин-
дусовъ, народа, въ которомъ религіозныя воззрѣнія обыквенно на-
ходились въ тѣсной связи съ философскими. Такимъ образомъ, вели-
чайшее изъ открытій въ метафизикѣ есть вмѣстѣ подтвержденіе са-
мыхъ древнихъ и всегдашнихъ гаданій и требованій челоѳческой
души. Древніе запросы челоѳчества получаютъ теперь лишь нѣко-
торую философскую формулировку, оказываются оправданными и
уясненными въ формахъ философскаго мышленія. Ученіе Шопенгауэра
имѣетъ поэтому извѣстнаго рода религіозный характеръ, ведетъ къ
религіозному пониманію жизни. Вотъ гдѣ смыслъ того пессимизма,
которымъ отличается эта философія, и который всего больше обра-
тилъ на нее вниманія, какъ черта прямо противная глубокому опти-
мистическому настроенію, господствующему въ наше время. Песси-
мизмъ Шопенгауэра есть идея, свойственная всѣмъ религіямъ спасе-
нія, самымъ возвышеннымъ изъ религій, та мысль, что земная жизнь
не можетъ удовлетворить душу челоѳка, что въ мірѣ господствуетъ
зло и физическое, и еще больше нравственное, и что для достиженія
нравственнаго достоинства нужно не питать стремленія къ земному
счастію и бороться съ самимъ собою, то-есть, какъ говоримъ мы,
христіане, искать царства Божія, которое не отъ міра сего.

Вообщеученіе Шопенгауэра содержитъ въ себѣ твердыя точки опо-
ры для философскаго пониманія религій, пониманія часто совершенно
невозможнаго съ другихъ точекъ зрѣнія. И такъ-какъ метафизику,
этику, религію можно разсматривать какъ факты, и притомъ самыя

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

главные факты духовной жизни человечества, то можно сказать, что никакая другая философія не представляетъ возрѣвній, лучше объясняющихъ глубочайшія явленія исторіи, болѣе вносящихъ смысла въ ихъ изученіе.

Отъ этихъ краткихъ и общихъ указаній намъ слѣдуетъ теперь перейти къ болѣе подробнымъ, по крайней мѣрѣ къ такимъ, которыя можно найти въ книгѣ г. Соловьева. Но прежде замѣтимъ, что, какъ всякое явленіе, такъ и этотъ философскій кризисъ можетъ быть изучаемъ съ двухъ сторонъ, съ положительной и съ отрицательной.

Подходя къ нему съ положительной стороны, мы должны прямо излагать ученіе Шопенгауэра и стараться подкрѣпить его прямыми доказательствами. То-есть, намъ слѣдуетъ ссылаться на общія, всегдашнія условія человѣческаго познанія и на общія всегдашнія требованія человѣческаго сердца. Для утвержденія и разъясненія мыслей Шопенгауэра мы можемъ въ этомъ случаѣ сближать ихъ съ ученіемъ и мыслями какого-угодно времени, напимѣръ, съ Платономъ, съ буддистами и т. д., какъ это и дѣлаетъ самъ Шопенгауэръ. Когда дѣло идетъ объ истинѣ, намъ нѣтъ никакой причины отдавать предпочтеніе новымъ ученіямъ надъ старыми и чѣмъ нибудь ограничивать свой выборъ.

Но если мы возьмемъ предметъ съ отрицательной стороны, то-есть, будемъ противопоставлять излагаемое ученіе какимъ-нибудь другимъ, то намъ, очевидно, всего полезнѣе и важнѣе взять для этого противопоставленія ученія современныя, притомъ наиболѣе господствующія, имѣющія наибольшую силу въ настоящую минуту. Мы живемъ среди извѣстнаго круга идей, съ которыми знакомимся съ дѣтства и которыми ежедневно питаемся. Эти идеи, если часто не составляютъ опредѣленныхъ философскихъ ученій, то всегда имѣютъ однако же внутреннюю, хотя не сознаваемую нами логическую связь, обладаютъ нѣкотораго рода органическою силою, дающею имъ способность обращать все воспринимаемое въ свои формы. Спрашивается, въ какомъ же отношеніи находится Шопенгауэръ къ нынѣшнимъ философскимъ ученіямъ, къ тому или другому кругу современныхъ идей? Очевидно, эта философія получитъ для насъ чрезвычайную ясность, если мы поймемъ ея отличіе отъ ходячихъ ученій и понятій и ея преимущество надъ ними. По сущности дѣла, отличіе здѣсь имѣетъ самую высшую возможную степень. Если справедливо то, что утверждаетъ Шопенгауэръ, если одинъ онъ далъ настоящія основанія метафизики и этики, то отсюда слѣдуетъ, что другія ученія не заклю-

чали въ себѣ такихъ основаній. Не имѣя этихъ основаній, они—если сознательно видѣли свое положеніе, должны были отрицать самую возможность метафизики и этики; если же не сознавали отсутствія основаній, то должны были строить несостоятельныя, мнимыя понятія объ этихъ предметахъ, которыя, будучи правильно разъяснены и послѣдовательно развиты, съ теченіемъ времени приводили или приведутъ къ тому же результату, то-есть, къ необходимости отрицать метафизику и этику.

Разсуждая подобнымъ образомъ, можно вообще изъ каждаго ученія, все равно новаго или древняго, извлечь отрицательное доказательство въ пользу Шопенгауэра; новыя слѣдуетъ предпочесть только потому, что они намъ знакомѣе, и слѣдовательно, доказательство будетъ яснѣе.

Если теперь мы посмотримъ, что сдѣлалъ нашъ авторъ относительно задачи, объемъ которой мы старались показать, то увидимъ, что его главное вниманіе было обращено на ея отрицательную сторону. На изложеніи и уясненіи главныхъ пунктовъ шопенгауэровскаго ученія онъ мало останавливается; всего больше мѣста и труда онъ употребилъ на доказательство той несостоятельности по отношенію къ метафизикѣ и этикѣ, которая открылась, или которую онъ самъ открываетъ въ другихъ ученіяхъ. Этой сторонѣ дѣла онъ приписываетъ, очевидно, больнѣйшій вѣсъ, чѣмъ она имѣетъ на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, какъ мы думаемъ. Его увлекъ въ этомъ случаѣ планъ, которымъ онъ задался съ самаго начала. Онъ хотѣлъ, что называется, исторически вывести Шопенгауэра, почему и говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Собственная цѣль настоящаго изслѣдованія заключается въ генетическомъ объясненіи современнаго кризиса или переворота философской мысли, начало же этому перевороту положено Шопенгауэромъ“ и пр. Ради этого-то генетическаго объясненія авторъ и палегъ на отрицательную сторону задачи.

Въ самомъ дѣлѣ, сущность его объясненія заключается въ слѣдующемъ: Хотя всѣ философскія ученія, начиная отъ самыхъ первыхъ зачатковъ схоластики, несостоятельны по сравненію съ точкой зрѣнія, занятой Шопенгауэромъ, но эта несостоятельность никогда не обнаруживалась такъ ясно, какъ теперь, да и не могла обнаружиться, такъ-какъ многовѣковое развитіе западной философіи потребно было для разоблаченія неправильности ея пути, односторонности ея попытокъ. И вотъ почему именно только теперь, только въ минуту появленія Гартмана, темное, но уже вполнѣ созрѣвшее

чувство этой несостоятельности было достаточно сильно, чтобы заставить умы отказаться отъ прежняго пути и съ жадностью броситься на новую метафизику, хотя и очень дерзкую и даже фантастическую, но заключающую въ себѣ зерно дѣйствительной истины. Вотъ въ чемъ и заключается современный кризисъ.

Такого рода историческія соображенія могутъ быть, конечно, совершенно справедливы; но замѣтимъ, что ихъ нельзя считать полнымъ генетическимъ выводомъ. Они вѣдь нимаго не объясняютъ намъ, какъ и откуда зародились мысли Шопенгауэра, какимъ образомъ въ этомъ одномъ человѣкѣ явились понятія, совершенно непохожія на широкій и могущественный потокъ умственнаго развитія, увлекавшій его современниковъ. Словомъ, положительная сторона дѣла, наиболѣе важная, наиболѣе интересная, нисколько не получитъ разъясненія, если и будутъ показаны всѣ условія, при которыхъ новая мысль могла пайти себѣ почву и получить безпрепятственную возможность овладѣть умами.

Какъ бы то ни было, изслѣдованіе нашего автора имѣетъ указанную нами неполноту. Но, при точности его изложенія, эта неполнота такъ и остается только неполнотою, то-есть не мѣшаетъ достоинству тѣхъ частей и положеній, которыя имъ развиваются подробнѣе. Вообще книга г. Вл. Соловьева представляетъ съ внѣшней стороны безпорядокъ, а съ внутренней—очевидную отрывочность; во многихъ мѣстахъ онъ обрываетъ свою мысль, или круто переходитъ къ заключенію, не дѣлая яснаго и отчетливаго вывода. Но, не смотря на то, въ книгѣ господствуетъ одна мысль, связывающая всѣ ея отрывочныя части и изглаживающая тѣ случайныя противорѣчія и неточности, которыя изрѣдка попадаются. Понилучшее понятіе объ этой мысли мы получимъ, если возьмемъ тезисы, которые авторъ прочелъ и вызывался защищать на своемъ диспутѣ (мы не говоримъ защищать, а только вызывался защищать, такъ какъ возраженія, предложенныя ему на диспутѣ, почти вовсе не касались этихъ тезисовъ). Въ нихъ очень ясно, связано и въ порядкѣ изложена сущность „Кризиса западной философіи“, формулированы не только тѣ взгляды, которые достаточно развиты въ этой книгѣ, но и тѣ, на котѣ авторъ только указалъ и которыхъ вполне развить не успѣлъ. Вотъ его тезисы:

1) „Оба главныя направленія западной философіи—раціоналистическое, ограничивающееся кругомъ общихъ логическихъ понятій, эмпирическое, ограничивающееся частными данными феноменальной

дѣйствительности—сходятся въ томъ существенномъ пунктѣ, что оба одинаково отрицаютъ собственное бытіе какъ познаваемаго, такъ и познающаго, оставляя одну только абстрактную форму познанія, почему оба эти направленія могутъ быть подведены подъ общее понятіе абстрактнаго формализма.

2) „Отрицаніе метафизики, какъ познанія объ истинно существѣ, однаково свойственное какъ раціонализму въ его послѣдовательномъ развитіи, такъ и эмпиризму, — происходитъ исключительно изъ собственной ограниченности этихъ направленій.

3) „Отрицаніе этики, какъ ученія о цѣляхъ или о долженствующемъ быть, равномѣрно обусловливается ограниченностію раціонализма и эмпиризма.

4) „Философія воли и представленія, основанная Шопенгауэромъ и развитая далѣе Гартманомъ, въ существенномъ содержаніи своихъ принциповъ свободна отъ основной односторонности раціонализма и эмпиризма, но въ своихъ систематическихъ построеніяхъ раздѣляетъ общую формальную ограниченность всей западной философіи, состоящую въ обособленіи абстрактныхъ элементовъ, какъ самостоятельныхъ сущностей.

5) „Общій необходимый результатъ западнаго философскаго развитія въ области ученія о познаніи состоитъ въ томъ, что чистое мышленіе и чистая эмпірія должны быть признаны одинаково невозможными и истинный философскій методъ долженъ быть опредѣленъ, какъ конкретное мышленіе, состоящее въ выведеніи изъ эмпирическихъ данныхъ того, что въ нихъ необходимо логически заключается.

6) „Въ области метафизики: въ качествѣ абсолютнаго первоначала вмѣсто прежнихъ абстрактныхъ сущностей долженъ быть признанъ конкретный всеединный духъ.

7) „Въ области этики: должно быть признано, что послѣднія цѣль и высшее благо достигаются только совокупностію существъ посредствомъ логически необходимаго и абсолютно-цѣлесообразнаго хода міроваго развитія, конецъ котораго есть уничтоженіе вещественнаго міра, какъ вещественнаго, и возстановленіе его, какъ царства духовъ во всеобщности духа абсолютнаго“.

Изъ этихъ семи тезисовъ извѣстное развитіе получили въ книгѣ только первые пять; остальные два почти только указаны. Но эти первые пять тезисовъ, какъ видитъ читатель, имѣютъ отрицательный характеръ, обозначаютъ несостоятельность западной философіи по

всѣмъ существеннымъ пунктамъ, по вопросамъ о познаніи, метафизикѣ и этикѣ. Въ четвертый тезисъ впрочемъ внесено заявленіе, что Шопенгауэръ изложилъ основаніе философіи, которая въ существенномъ содержаніи своихъ принциповъ свободна отъ общей несостоятельности. Съ пятого положенія начинается указаніе на собственные выводы автора, то-есть, тутъ оканчиваются заключенія, которыя могли получиться изъ прямого анализа историческихъ фактовъ и начинается заявленіе новыхъ еще не признанныхъ началъ, почему авторъ и употребляетъ слово „должно“; „философскій методъ“, говоритъ онъ, „долженъ быть опредѣленъ, какъ конкретное мышленіе“, „за первоначало долженъ быть признанъ конкретный всеединный духъ“ и т. д. Эти положенія развиваются въ книгѣ только отрывочно, или даже только указываются; разбирать ихъ какъ вполне сложившееся ученіе, невозможно, и слѣдуетъ предоставить автору сперва самому развить и формулировать ихъ въ надлежащей полнотѣ. Въ настоящую же минуту эти положенія уясняютъ намъ только тотъ путь, котораго онъ держится, указываютъ края его мысли и въ этомъ смыслѣ могутъ быть предметомъ только какихъ-нибудь общихъ замѣчаній.

И такъ, главное дѣло у г. Вл. Соловьева въ критикѣ западной философіи. Если взглядемъ внимательнѣе, то увидимъ далѣе, что эта критика у него спеціально обращена на извѣстную сторону предмета, именно на ученіе о познаніи, на такъ-называемую гносеологию. Для философовъ обыкновенно все зависитъ отъ того, какъ мы понимаемъ сущность познанія. По этому взгляду, въ корнѣ, въ основаніи, тѣ или другіе метафизическіе и этическіе результаты происходятъ отъ того, что мы держимся того или другаго ученія о познаніи; какова наша гносеологія, такова и метафизика и этика. Вотъ почему въ первомъ же своемъ тезисѣ авторъ свои два главныхъ направленія западной философіи различаетъ не по какому-нибудь содержанію ученій, а по методу: рационалистическое и эмпирическое. Вотъ почему и изложеніе своихъ собственныхъ началъ онъ начинаетъ съ тезиса по гносеологии: „Истинный философскій методъ долженъ быть опредѣленъ какъ конкретное мышленіе“.

Поэтому и критика автора, главнымъ образомъ, направлена на философскій методъ, и всѣ его историческіе очерки и сближенія имѣютъ предметомъ преимущественно ученіе о познаніи. Метафизика и этика получаютъ въ каждомъ случаѣ какъ выводы, которые измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ метода.

Мы показали, такимъ образомъ, съ какой стороны и въ какой

мѣрѣ анализировать въ разбираемой книгѣ тотъ кризисъ, о которомъ желаемъ дать понятіе читателямъ. Теперь воспользуемся изложеньемъ автора, чтобы хотя въ нѣкоторыхъ пунктахъ подойти ближе къ сущности и значенію кризиса.

III.

Шопенгауэръ воспитался на философіи Канта и былъ ревностнымъ его поклонникомъ. Свое ученіе онъ ставитъ въ непосредственную связь съ ученіемъ критической философіи; онъ разрѣшилъ, какъ онъ говоритъ,—ту задачу, предъ которою остановился Кантъ, открылъ то, чего тотъ искалъ, по не нашель. Самое же открытіе заключается, по изложенію г. Вл. Соловьева, въ слѣдующемъ:

„Всякое дапное опыта состоитъ, какъ доказано Кантомъ, изъ двухъ элементовъ: изъ общихъ и необходимымъ формъ нашего познанія, обусловливающихъ возможность всякаго опыта и имѣющихъ такимъ образомъ апріорный характеръ, и изъ собственной сущности явленій, названной Кантомъ *Ding an sich* и привходящей *a posteriori*. Поскольку данная дѣйствительность опредѣляется первымъ элементомъ, постольку она намъ ясна и понятна, ибо постольку она есть наше собственное представленіе, явленіе въ нашемъ сознаніи. Поскольку же въ ней находится второй элементъ, постольку она для насъ непонятна и таинственна; и, выдѣляя въ данномъ явленіи общія апріорныя формы нашего познанія, мы получаемъ этотъ второй элементъ, то-есть, внутреннюю сущность вещей, искомое метафизики, но получаемъ какъ чистое неизвѣстное, какъ *x*, лишенное всѣхъ апріорныхъ и, слѣдовательно, извѣстныхъ намъ коэффиціентовъ. Еслибы міръ опредѣлялся исключительно формами нашего познанія, еслибы онъ былъ только нашимъ представленіемъ, то въ немъ все было бы ясно и понятно. Всѣ явленія познавались бы *a priori* посредствомъ дедукціи изъ общихъ формъ представленія и, слѣдовательно, были бы точно такъ же очевидны и просты, какъ математическія аксіомы и теоремы. Между тѣмъ, въ дѣйствительности мы находимъ, что во всякомъ явленіи, какъ бы просто оно ни казалось, всегда есть нѣчто такое, что не можетъ быть выведено *a priori*, а дается намъ эмпирически, нѣчто необъяснимое одними формами представленія и потому, съ точки зрѣнія представленія, то-есть, въ непосредственномъ предметномъ воззрѣніи, для насъ непонятное, таинственное. Этотъ-то непонятный ирраціональный элементъ во всякомъ явленіи, очевидно, и

часть ссхш, отд. 2.

есть внутренняя его сущность, — Ding an sich, — независимая отъ нашего представленія и относящаяся къ этому послѣднему, какъ содержаніе къ формѣ. Поэтому, чѣмъ непонятнѣе для предметнаго воззрѣнія какое-нибудь явленіе, то-есть, чѣмъ менѣе оно опредѣляется одними общими формами представленія, чѣмъ болѣе въ немъ эмпирическаго элемента, тѣмъ болѣе въ немъ проявляется внутренняя сущность міра — Ding an sich, и наоборотъ. То же самое отношеніе мы находимъ, разумѣется, и между науками, изучающими міръ явленій. Чѣмъ какая-нибудь наука апіорнѣе и, слѣдовательно, яснѣе и достовѣрнѣе, тѣмъ менѣе въ ней дѣйствительнаго содержанія, тѣмъ она формальнѣе. Поэтому, вполне апіорная и, вслѣдствіе того, вполне ясная и достовѣрная наука, — математика, есть вмѣстѣ съ тѣмъ наука вполне формальная, исключительно занимающаяся представленіемъ въ его формахъ пространства и времени и совсѣмъ не касающаяся внутренняго содержанія этихъ формъ. Въ явленіяхъ, изучаемыхъ механикой и физикой, также еще преобладаетъ формальная сторона, но здѣсь уже привходитъ эмпирическій элементъ. Хотя законы движенія, изучаемаго въ механикѣ и физикѣ, то-есть, общіе способы его проявленія, могутъ быть выведены математически, то-есть, а priori, но сущность самаго движенія или обусловливающихъ его силъ, притяженія и отталкиванія, какъ данныхъ эмпирически, остается непонятною, и для непосредственнаго воззрѣнія, и для физической науки, которая объясняетъ только какъ, а не что явленій. Въ явленіяхъ химическаго сродства эмпирическій элементъ уже получаетъ перевѣсъ надъ формальнымъ, и потому химія имѣетъ гораздо болѣе ирраціональный характеръ, нежели физика. Въ мірѣ органическомъ наука уже почти совершенно отказывается отъ апіорной дедукціи, и, наконецъ, въ человѣкѣ эмпирическій элементъ до того заслоняетъ собою общія формы представленія, что на первый взглядъ явленія собственно человѣческой жизни кажутся совершенно неподлежащими этимъ формамъ, неимѣющими никакого законотѣрнаго основанія, такъ что, еслибы человѣкъ былъ доступенъ намъ только извнѣ, посредствомъ разсудка съ его общими формами, какъ всѣ другіе предметы, то онъ казалсябы намъ совершеннымъ чудомъ. Но это чудо — мы сами, и такимъ образомъ именно тутъ, гдѣ формы представленія являются окончательно недостаточными средствами пониманія, намъ открывается другой источникъ познанія внутренняго и непосредственнаго — вслѣдствіе того, что здѣсь познающее совпадаетъ съ познаваемымъ. Тотъ чисто-эмпирическій и потому непонятный и таинственный для

насть элементъ во всѣхъ явленіяхъ, составляющій ихъ внутреннюю сущность, эта недоступная для представленія вещь о себѣ, значеніе которой въ мірѣ явленій возрастаетъ по мѣрѣ ихъ усложненія, и, наконецъ, въ насъ самихъ достигаетъ своего maximum'a, тутъ же, какъ наша собственная внутренняя сущность, и дѣлается намъ доступною непосредственно, — изъ x превращается въ известную величину. Всѣ другіе предметы доступны намъ только извнѣ, въ формахъ представленія, сами же мы доступны для себя еще изнутри, съ субъективной стороны, въ самосознаніи или внутреннемъ чувствѣ, гдѣ самобытная сущность отражается непосредственнымъ образомъ, не входя въ формы внѣшняго представленія, а познается нами какъ наша собственная воля.

„Для нашего предметнаго воззрѣнія или внѣшняго сознанія мы сами являемся какъ представленіе на ряду съ другими представленіями, какъ вещественное тѣло въ пространствѣ и времени, измѣняющееся и дѣйствующее подобно другимъ тѣламъ. Но между тѣмъ какъ дѣйствія и измѣненія этихъ другихъ тѣлъ доступны намъ только во внѣшнемъ предметномъ познаніи, и слѣдовательно, неизвѣстны въ своей сущности (ибо предметное познаніе сущности немислимо, такъ какъ все предметное, какъ такое, есть только представленіе, явленіе посредствомъ разсудка), дѣйствія нашего собственнаго тѣла, будучи, съ одной стороны, точно также явленіями въ предметномъ мірѣ, доступны намъ еще съ другой стороны, во внутреннемъ сознаніи или субъективно, такъ какъ тутъ мы сами составляемъ дѣйствующее, а не только представляющее. Я хочу — и поднимаю руку. Здѣсь то самое, — движеніе руки, — что во внѣшнемъ воззрѣніи является какъ движеніе вещественнаго предмета въ пространствѣ, времени и по законамъ механической причинности, однимъ словомъ — есть представленіе, то же самое во внутреннемъ сознаніи познается непосредственно какъ актъ воли, непространственный и потому не подлежащій внѣшнему воззрѣнію. „Актъ воли и дѣйствіе тѣла не суть два предметно-познаваемые состоянія, соединенныя связью причинности; они не находятся въ отношеніи причины и дѣйствія: нѣтъ, они суть одно и то же, только данное двумя совершенно различными способами: съ одной стороны совершенно непосредственно, съ другой же въ воззрѣніи для разсудка. Дѣйствіе тѣла есть не что иное, какъ определенннй (objectivirte), то-есть, вошедшій въ воззрѣніе актъ воли“¹⁾.

¹⁾ *Schopenhauer*. Welt als Wille und Vorstellung, 3-te Aufl. 1 Bd. S. 119

И такъ, внутренняя сущность, о себѣ бытіе тѣлеснаго движенія, есть актъ воли, или точнѣе, то, что въ непосредственномъ явленіи, въ предметномъ внѣшнемъ возрѣніи или представленіи есть движеніе тѣла, то въ непосредственномъ своемъ явленіи есть актъ воли (точно также всѣ воздѣйствія на тѣло со стороны другихъ предметовъ непосредственно ощущаются во внутреннемъ сознаниі какъ аффекты воли — боль или удовольствіе. Очевидно, что всѣ такъ-называемыя внутреннія чувства или аффекты суть лишь различныя состоянія хотѣнія. Въ частности это показано Спинозой, во 2-й и 3-й книгѣ его *Этики*). Познаніе, которое мы имѣемъ о своемъ хотѣніи, не есть, какъ сказано, возрѣніе или конкретное представленіе (ибо таковое всегда пространственно); но не есть оно и отвлеченное понятіе: напротивъ, оно дѣйствительнѣе, чѣмъ что-либо другое. Далѣе, оно не есть формальное априорное познаніе; напротивъ, совершенно а posteriori познается здѣсь данное внутренняго опыта. Слѣдовательно, остается признать, что здѣсь, во внутреннемъ сознаниі нашей воли, мы сознаемъ непосредственно подлинную природу сущаго, — то, что Кантъ называлъ *Ding an sich*“ (*Кризисъ*, стр. 41 — 45).

Вотъ прекрасное изложеніе исходной точки Шопенгауэра. Понятіе вещи въ себѣ, поставленное у Канта такъ, что къ нему, по видимому, не было доступа ни съ какой стороны, оказалось приложимымъ къ факту нашей воли. Воля имѣетъ всю ту загадочность и недоступность, какую только могъ создать Кантъ своими отвлеченіями. Исходя изъ этой точки, Шопенгауэръ старается потомъ показать, что воля удовлетворяетъ вообще всѣмъ требованіямъ основнаго принципа, самобытной сущности вещей.

„Воля, какъ мы ее непосредственно знаемъ, воля человѣческихъ особей всегда опредѣлена. Человѣкъ, правда, можетъ дѣйствовать такъ, какъ онъ хочетъ; но самое это „какъ онъ хочетъ“ всегда обусловлено: онъ хочетъ такъ или иначе, того или другаго — на основаніи тѣхъ или другихъ мотивовъ, необходимо дѣйствующихъ на него сообразно природному его характеру, отъ него независящему. Но, съ другой стороны, всеобщее и неискоренимое сознаніе нравственной отвѣтственности, предполагающей свободу, противорѣчитъ абсолютному детерминизму, для котораго это сознаніе не имѣетъ никакого смысла, тогда какъ оно есть несомнѣнный и всеобщій фактъ, который невозможно объяснить изъ какихъ-нибудь случайныхъ или внѣшнихъ причинъ. Но опять — необходимая обусловленность, несвобода эмпирической воли, есть точно также несомнѣнный фактъ, одинаково при-

знаваемый какъ обыкновеннымъ сознаниемъ, такъ и всѣми настоящими философами. Такое противорѣчiе можетъ быть разрѣшено только черезъ различенiе воли въ проявленiи отъ воли въ самой себѣ. Это различенiе, выраженное уже Кантомъ въ ученiи объ эмпирическомъ и умопостижимомъ характерѣ, исполнѣ развито Шопенгауэромъ. Воли въ своей сущности самобытна, и слѣдовательно, свободна, но проявляясь, она необходимо подчиняется закону явленiй, именно закону достаточнаго основанiя; поэтому всякое проявленiе, всякій отдѣльный актъ воли необходимо всегда опредѣленъ достаточнымъ основанiемъ, никогда не можетъ быть вполнѣ свободенъ, и детерминизмъ здѣсь— во всемъ своемъ правѣ. По существу же своему, воля не имѣетъ никакого основанiя внѣ себя; она автономична или безусловно свободна, то-есть, имѣетъ значенiе трансцендентное, есть метафизическая сущность. Какъ такая, она всеединая, ибо всякая реальная множественность предполагаетъ пространство и время— формы, принадлежащiя представленiю, а не о себѣ сущему. Если же воля есть всеединая метафизическая сущность, то все существующее въ цѣломъ, и каждое индивидуальное существованiе въ отдѣльности есть лишь проявленiе этой единой воли, то-есть всякое единичное явленiе имѣетъ, какъ свою внутреннюю сущность, единую самобытную волю. Такимъ образомъ, каждая волящая особь, будучи, съ одной стороны, въ своихъ проявленiяхъ вполнѣ обусловлена, съ другой стороны, въ своей внутренней сущности вполнѣ свободна; хотя всѣ дѣйствiя ея опредѣляются мотивами, а сила мотивовъ надъ нею—ея природнымъ характеромъ, но самый этотъ природный характеръ особи есть произведенiе ея же свободной воли, какъ метафизической сущности. „Каждый человѣкъ есть то, что онъ есть, черезъ свою волю и его характеръ первоначаленъ, такъ какъ хотѣнiе есть основа его существа. Онъ есть свое собственное произведенiе (Werk) прежде всякаго познанiя“¹⁾. Такимъ образомъ, черезъ перенесенiе свободы воли изъ *oregati*, гдѣ полагали ее признававшiе ее и гдѣ справедливо ее отрицали детерминисты, — черезъ перенесенiе свободы изъ *oregati* воли въ ея *esse*— разрѣшается антиномiя свободы и необходимости, и противоположныя воззрѣнiя совершенно примиряются.

„И такъ, воля, которая, проявляясь, подчиняется закону необходимости, сама въ себѣ есть метафизическая, всеединая, безусловно свободная сущность“ (стр. 47—49).

¹⁾ Welt als Wille u. V. Bd. 1, S. 345.

Таково основное положеніе ученія Шопенгауэра. По этимъ отрывкамъ читатель можетъ хотя отчасти судить о приемахъ и глубокомъ захватѣ мысли этого философа. Собственно говоря, у Шопенгауэра нѣтъ никакого метода, никакого ученія о познаніи. Онъ прямо, безъ оговорокъ, пускается въ метафизику, схватывается лицомъ къ лицу съ метафизическими задачами. Такъ-какъ Кантъ въ сущности призналъ призрачнымъ все человѣческое познаніе, то Шопенгауэръ сталъ искать пути къ истинѣ въ указаніяхъ сердца, въ такомъ органѣ, который не поддается анализу Канта, и для котораго условія, поставленныя Кантомъ, оказываются не необходимыми. Этотъ приемъ, который нельзя однако же назвать методомъ, привелъ Шопенгауэра къ его различнымъ взглядамъ, удивительнымъ по богатству содержанія, по глубинѣ и вѣрности, хотя, по видимому, не образующимъ никакой строгой системы. Никто въ такой мѣрѣ не проникалъ въ нравственный смыслъ явленій. Міръ, какъ представленіе, то-есть, міръ для ума, является смѣною причинъ и слѣдствій, однообразною, механическою игрою силъ, холодною и безцвѣтною логическою цѣпью, въ которой всѣ звенья одинаково важны и потому къ каждому изъ нихъ мы одинаково равнодушны. Но тутъ не открывается сущность существующаго. Для сердца человѣка міръ не есть однообразный потокъ необходимости, онъ есть „міръ какъ воля“ и потому предметъ любви и отвращенія, восторга и ужаса. Міръ сплошь, отъ края до края, есть нѣчто вполне живое, и въ этой жизни нужно искать корни и смысла каждаго бытія и явленія.

Отсюда—пессимизмъ, то-есть, утвержденіе, что міръ, вообще говоря, не безразличенъ по отношенію къ добру и злу, а содержитъ въ самомъ существѣ своемъ нѣкоторую черту зла. Отсюда—объясненіе аскетизма, то-есть, такого состоянія человѣческой души, когда она отвращается отъ міра.

У Шопенгауэра вездѣ господствуетъ то направленіе, которое всего яснѣе выразилось въ его положеніи о первенствѣ воли надъ умомъ. Мы подчинены и въ разсужденіи ума, какъ и во всемъ другомъ, таинственной сущности, которую онъ опредѣлилъ какъ самобытную всеединую волю. Съ этой точки зрѣнія преимущественно и нужно смотрѣть на ученіе Шопенгауэра. Его главныя открытія относятся къ нравственной и религіозной области и здѣсь имѣютъ и свой источникъ. Происхожденіе своего творенія, той книги, которая наполнила собою всю его жизнь, онъ самъ очень вѣрно объяснилъ въ своихъ стихахъ:

Aus langgehogten, tiefgefühlten Schmerzen
Wand sich's empor aus meinem inneren Herzen ¹⁾.

(Parenga. Bd. II. S. 693.)

Полнаго образа шопенгауэровской мысли, какъ мы уже замѣтили, мы не находимъ у г. Вл. Соловьева. Его отвлекла забота о генетическомъ объясненіи кризиса, а затѣмъ онъ повсюду спѣшитъ подвергнуть критикѣ ученіе Шопенгауэра, прилагая къ нему свои логическія и систематическія требованія, и перейти къ ученію Гартмана, въ которомъ находитъ нѣкоторое выполненіе этихъ требованій. Объ этой критикѣ, въ которой проводятся собственные начала автора, мы, можетъ быть, будемъ говорить впоследствии. Здѣсь же замѣтимъ только, что авторъ очевидно придаетъ выводамъ Гартмана лучшей смыслъ, чѣмъ какой они имѣютъ въ самомъ дѣлѣ, и такимъ образомъ сближаетъ ихъ съ своими собственными мыслями. Такъ, напримѣръ, въ методѣ Гартмана, въ его гносеологіи едва ли можно признать тотъ шагъ впередъ, который приписывается ему нашимъ авторомъ. Этотъ методъ вовсе не то конкретное мышленіе, къ которому стремится г. Вл. Соловьевъ; дѣло намъ кажется гораздо проще.

„У Гартмана“, пишетъ нашъ авторъ, — „логика и эмпирія совершенно равноправны: все познаніе выводится имъ изъ эмпиріи, но изъ эмпиріи, обусловленной логическимъ мышленіемъ. Его девизъ: умозрительные результаты по индуктивной естественнаучной методѣ“ (стр. 107).

На нашъ взглядъ, этимъ девизомъ выражается только смѣшеніе понятій, по которому Гартманъ вообразилъ, что философскіе выводы можно дѣлать по методу естественныхъ наукъ, имѣющему теперь такой авторитетъ. Самъ г. Вл. Соловьевъ, тотчасъ послѣ приведенныхъ словъ, справедливо замѣчаетъ: „Но очевидно, что никакихъ умозрительныхъ результатовъ нельзя получить изъ чистой эмпиріи, такъ какъ ее понимаетъ, напримѣръ, англійская школа“. Отсюда онъ выводитъ однако же не то, что у Гартмана сказана несообразность, а то, что тутъ будто бы подразумѣвается особенная эмпирія, новый философскій методъ. Между тѣмъ Гартманъ не имѣлъ и мысли о какомъ-нибудь новомъ методѣ. Онъ съ нѣкоторою похвалюбою заявляетъ въ своей книгѣ, что его методъ извѣстный, установившійся, пользующійся полнымъ довѣріемъ. Вотъ отчего въ эпитаграфѣ онъ,

¹⁾ Оно возникло изъ глубины моего сердца, изъ долгопитаемыхъ, глубоко чувствуемыхъ скорбей.

очевидно для вразумленія читателей, прибавилъ даже лишнее слово „естественно-научный“; въ самомъ дѣлѣ, такъ-какъ индукція одна, и нѣтъ никакой особой естественно-научной индукціи, то предполагая, что Гартманъ не впалъ здѣсь въ новую несообразность, мы должны его слова: „естественно-научный индуктивный методъ“, понимать такъ: индуктивный методъ, — тотъ самый, который употребляется въ естественныхъ наукахъ.

О метафизическихъ выводахъ Гартмана мы не будемъ говорить; нашъ авторъ, признавая большую часть ихъ „мертвожденными фантазіями“ (стр. 115), извлекаетъ однако же изъ этой метафизики два или три положенія, которыя признаетъ истинными. Эти положенія однако же до такой степени общи и неопредѣленны, что едва ли возможно видѣть въ нихъ сущность и особенность ученія Гартмана.

Но всего очевиднѣе скудость Гартмана обнаруживается тамъ, гдѣ онъ говоритъ о нравственности, объ искусствѣ, о религіи. Въ сравненіи съ Шопенгауэромъ, Гартманъ — слѣпецъ во всѣхъ этихъ областяхъ и не только никогда не доходитъ до сущности дѣла, а очевидно и не стремится къ этой сущности ¹⁾. Хотя онъ и пессимистъ, но онъ не негодуетъ, а только скучаетъ; онъ не страдаетъ, а только ко всему холоденъ. Можетъ быть, такое настроеніе, точно такъ какъ и умозрительные выводы по эмпирическому методу, понятнѣе для большинства читателей; не этимъ ли объясняется, почему книга Гартмана имѣла такой успѣхъ?

Отрицательная сторона кризиса выяснена у г. Вл. Соловьева гораздо съ большаго числа сторонъ. Мы могли бы привести здѣсь читателямъ много поучительныхъ страницъ, въ которыхъ прекрасно показано соотношеніе различныхъ философскихъ ученій и ихъ неизбежное движеніе къ тому выводу, что, во первыхъ, познаніе, а во вторыхъ, метафизика и этика въ собственномъ смыслѣ невозможны. Мы ограничимся здѣсь только небольшою выдержкою, интересною потому, что она касается такъ-сказать прикладнаго вопроса, и потому особенно ясно выражаетъ несостоятельность началъ, нужныхъ для приложенія въ этомъ частномъ случаѣ. Очевидно, нельзя считать состоятельнымъ такое ученіе о познаніи и такія понятія о метафи-

¹⁾ Этотъ отзывъ относится къ первому сочиненію Гартмана, по *Philosophie des Unbewussten*. Впоследствии онъ много писалъ о религіи и этикѣ: пониманіе, которое онъ тутъ обнаружилъ, требовало бы особаго разбора.

никѣ, въ силу которыхъ дѣлается совершенно невозможнымъ, напри-
мѣръ, пониманіе религіи, — важнѣйшаго факта въ жизни человѣче-
ства. Между тѣмъ, въ наше время, всѣ ходячіе взгляды, всѣ разно-
образныя ученія несомнѣнно представляютъ ту рѣзкую черту, что
при величайшей самоувѣренности вовсе не понимаютъ религіи, что
обнаруживаютъ въ отношеніи къ ней явное безсиліе, какъ къ пред-
мету, совершенно недоступному для употребляемыхъ ими формъ
мысли. Какъ образчикъ, приведемъ здѣсь разборъ мнѣній Конта, сдѣ-
ланный г. Вл. Соловьевымъ:

„Развитіе религіознаго міровоззрѣнія описывается Контомъ такъ:
сначала явленія объясняются уподобленіемъ ихъ человѣческимъ дѣй-
ствіямъ, такъ-какъ всѣмъ предметамъ внѣшняго міра приписывается
жизнь и самостоятельная дѣятельность; это есть фетишизмъ. Затѣмъ
въ образѣ политеизма является, по выраженію Конта, „болѣе проч-
ная гипотеза“, которая объясняетъ каждое явленіе, какъ дѣйствіе
особеннаго сверхъестественнаго существа, и для каждаго новаго яв-
ленія придумывается новый сверхъестественный дѣятель. Наконецъ,
когда начинаютъ замѣчать въ явленіяхъ ихъ закономерность, посто-
янство ихъ отношеній, тогда политеизмъ замѣняется монотеизмомъ,
то-есть, всѣ явленія приписываются дѣйствію одного трансцендент-
наго существа.

„Такое объясненіе религіи отличается несомнѣнно простотою и
ясностію и имѣетъ лишь тотъ недостатокъ, что весьма мало отно-
сится къ дѣйствительной религіи. И во первыхъ, когда утверждается,
что религія произошла, какъ нѣкоторая теорія или гипотеза для объ-
ясненія явленій, то въ этомъ заключается то недѣльное предположеніе,
что въ тѣ первобытныя времена, къ которымъ должно быть относимо
происхожденіе религіозныхъ представленій, человѣкъ былъ такимъ
же абстрактнымъ теоретикомъ, каковы современные ученые. Сове-
ременный ученый дѣйствительно нуждается въ разныхъ теоріяхъ и ги-
потезахъ для объясненія естественныхъ явленій, потому что для
него эти явленія представляются чѣмъ-то внѣшнимъ и чуждымъ. Но
для древняго человѣка, какъ это несомнѣнно доказывается языкомъ
и мифологіей, естественныхъ явленій, въ нашемъ смыслѣ, совсѣмъ не
существовало, слѣдовательно, и объяснять было нечего; для него все
существующее непосредственно являлось, какъ выраженіе и дѣйствіе
существа или существъ одушевленныхъ; онъ не только говорилъ, но
и мыслилъ мифологически (по справедливому замѣчанію Штейнтала).
Поэтому то, что Контъ называетъ фетишизмомъ и политеизмомъ, то-

есть, мифология, есть известный непосредственный способ воззрѣнія; считать же его, подобно Конту, за придуманную теорію также нелѣпо, какъ видѣть придуманную теорію въ томъ одухотвореніи вещественныхъ предметовъ, которое замѣчается у большей части дѣтей и въ наше время. Давно уже наука отвергла тѣ объясненія, по которымъ общія и существенныя явленія человѣческой жизни считались произведеніемъ сознательнаго соображенія и преднамѣреннаго умысла. Давно уже брошена теорія о происхожденіи общества и государства изъ договора, языка — изъ произвольнаго условія. Точно также немислимо при теперешнемъ состояніи науки и Контово объясненіе религіи какъ придуманной гипотезы.

„Если воззрѣніе Конта на религію ниже всякой критики уже нѣ примѣненіи къ элементарнымъ, мифологическимъ формамъ религіи, то по отношенію къ религіямъ болѣе совершеннымъ несостоятельность этого воззрѣнія становится вполне очевидной. Какъ было нами выше замѣчено, если законъ Конта долженъ имѣть такое универсальное значеніе, какое ему приписываютъ позитивисты, то онъ долженъ относиться въ своихъ терминахъ теологія и метафизика къ религіи вообще и къ умозрительной философіи вообще, то-есть, ко всѣмъ возможнымъ религіямъ и ко всѣмъ возможнымъ умозрѣніямъ. Но даже отступаясь отъ этого требованія, какъ слишкомъ строгаго, мы имѣемъ несомнѣнное право требовать, чтобы по крайней мѣрѣ всѣ дѣйствительныя существовавшія религіозныя и метафизическія воззрѣнія соответствовали опредѣленнымъ у Конта фазисамъ—теологическому и метафизическому; ибо иначе какое же можетъ имѣть значеніе научный законъ, которому не соответствуютъ дѣйствительныя явленія, входящія въ его область? И между тѣмъ, оставляя пока въ сторонѣ метафизику, оказывается, что не только нѣкоторыя религіи совсѣмъ не подходятъ подъ Контово „теологическое состояніе“, но еще, что эти нѣкоторыя суть именно самыя важныя и совершенныя религіи. Какое отношеніе въ самомъ дѣлѣ къ Контову понятію религіи можетъ имѣть, напримѣръ, браманизмъ, который признаетъ весь міръ явленій за обманчивый призракъ, за продуктъ невѣдѣнія,—браманизмъ, полагающій высшую цѣль въ избавленіи человѣка отъ этого призрака явленій, въ соединеніи съ абсолютнымъ существомъ Брами? Или, какимъ образомъ можетъ заниматься „объясненіемъ явленій“ (ибо въ этомъ Кантъ полагаетъ сущность религіи)—какимъ образомъ, говорю я, можетъ относиться къ объясненію явленій такая религія, какъ буддизмъ, основной догматъ котораго есть совершенное ничтожество,

„пустота“ всего существующаго и высшая цѣль—Цирванъ, полное погашеніе всякой жизни? А христіанство? Въ чемъ ни полагать его сущность—въ догматическомъ ли ученіи, или же въ нравственномъ—одинаково не подходитъ оно подъ Контово понятіе о религіи. Въ какомъ отношеніи въ самомъ дѣлѣ могутъ находиться къ „объясненію наблюдаемыхъ явленій—*explication des phénomènes observables*“ главные христіанскіе догматы: Троицы, воплощенія Бога, воскресенія мертвыхъ—съ одной стороны, и христіанская мораль—съ другой? Какъ ни различаются между собою названныя три религіи, но всѣ онѣ имѣютъ то общее, что въ принципѣ своемъ отрицательно относятся къ наличной дѣйствительности и существенно своею задачею ставятъ освобожденіе человѣка отъ зла и страданія, необходимыхъ въ существующемъ мірѣ,—всѣ онѣ суть религіи спасенія. Такимъ образомъ ни теоретическій принципъ, ни практическая задача этихъ распространеннѣйшихъ религій ни въ какомъ отношеніи не находятся къ тому, что позитивизмъ полагаетъ сущностію религіи. Все это насколько не затрудняетъ Ог. Конта, потому что онъ просто игнорируетъ содержаніе дѣйствительныхъ религій. Въ своемъ пространномъ изложеніи умственнаго развитія онъ ни слова не говоритъ о важнѣйшихъ ученіяхъ Востока, разсужденія же его о христіанствѣ представляютъ рядъ удивительныхъ курьезовъ, изъ которыхъ для примѣра укажу только два: Ог. Контъ утверждаетъ, что Христосъ былъ только политическій авантюристъ; далѣе, на томъ основаніи, что протестантство относится отрицательно ко вѣщности культа, Ог. Контъ увѣряетъ, что оно есть только воспроизведеніе... магометанства“ (Кризисъ, стр. 133—136).

Вотъ фактъ удивительный въ высшей степени. Грубѣйшее непониманіе относительно важнѣйшаго вопроса господствуетъ въ наше время, такое жадное къ познанію, такое неутомимое въ изслѣдованіи, наконецъ такое безмѣрно-гордое своими умственными успѣхами. Мы говоримъ господствуетъ, потому что Контъ вовсе не исключеніе; тысячи современныхъ книгъ, когда касаются этого предмета, обнаруживаютъ также непониманіе. Для примѣра сошлемся на сочиненіе пресловутаго Дрэпера ¹⁾, въ которомъ онъ съ величайшею серьезностію трактуетъ о борьбѣ между религіей и наукой, нисколько не подозревая, что смыслъ религіи для него недоступенъ. Можно привести

¹⁾ History of the conflict between religion and science. By J. W. Draper. Lond 1875.

также, какъ яркій образчикъ непониманія недавнюю статью Спенсера „О добрѣ и злѣ“. Впрочемъ вообще, стоитъ вспомнить различныя мнѣнія и сужденія объ этомъ предметѣ, чтобы убѣдиться, что по своему духу и захвату они вполне однородны съ мнѣніями Конта.

IV.

Какъ объяснить такое явленіе? Вообще какой взглядъ слѣдуетъ имѣть на развитіе западной философіи, если мы убѣдились, что она пришла къ такому жестокому кризису? Познаніе, нравственность, религія—составляютъ такіе существенные вопросы, такіе насущные интересы людей, что для многихъ должно быть необыкновенно странно слышать, что начала для пониманія этихъ вещей потеряны, что нынѣшнія философскія ученія даютъ только мнимое рѣшеніе этихъ вопросовъ. Между тѣмъ оно такъ на самомъ дѣлѣ, и у людей дѣйствительно мыслящихъ сознаніе такого положенія дѣла иногда выступаетъ очень ясно.

Г. Вл. Соловьевъ въ своей книгѣ беретъ вопросъ во всей его общности; онъ разсматриваетъ всю исторію западной философіи отъ первыхъ ея началъ и утверждаетъ, что отрицательные выводы, до которыхъ она достигла въ настоящее время, составляютъ плодъ всей этой исторіи и имѣютъ величайшую важность, такъ какъ вполне обнаруживаютъ односторонность западнаго философскаго развитія и навсегда закрываютъ путь этого развитія. „Въ основу этой книги“, такъ въ первыхъ слова нашего автора, — „легло то убѣжденіе, что философія въ смыслѣ отвлеченнаго, исключительно теоретическаго познанія окончила свое развитіе и перешла безвозвратно въ міръ прошедшаго“ (стр. I).

Чтобы видѣть, какой именно смыслъ придаетъ авторъ исторіи западной философіи и въ чемъ полагаетъ ея движеніе, мы приведемъ отрывокъ изъ его рѣчи, сказанной передъ диспутомъ ¹⁾:

„Въ лучшія времена христіанства, лучшіе его представители соединяли искреннюю вѣру съ философскимъ глубокомысліемъ и не находили никакого противорѣчія между догматами своей религіи и послѣдними результатами тогдашней философіи. Но такое счастливое единство было непродолжительно. Сначала сознаніе разума отдѣли-

¹⁾ Она напечатана подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о настоящей задачѣ философіи».

лось отъ религіозной вѣры, потомъ стало относиться къ ней прямо отрицательно, враждебно. Этому раздѣленію во внутреннихъ началахъ жизни приблизительно соответствуетъ и раздѣленіе во внешней жизни народовъ, раздѣленіе между такъ называемымъ образованнымъ обществомъ, которое, болѣе или менѣе сознательно, стало подъ знамена разсудочнаго просвѣщенія, получающаго свои высшія начала отъ философіи,—и между такъ называемымъ простымъ народомъ, который остался вѣренъ религіозному преданію. Теперь спрашивается: нормально ли это двоякое раздѣленіе? Одна русская литературно-научная школа — такъ называемые славянофилы — отвѣчали на это безусловно-отрицательно. Признавая указанное раздѣленіе явленіемъ, вполне ненормальнымъ, какимъ-то историческимъ грубопаденіемъ, она требовала всецѣлаго возвращенія къ первоначальному единству; требовала, чтобы личный разумъ совершенно отказался отъ своей самостоятельности въ пользу общей религіозной вѣры и церковнаго преданія. Теперь уже и противники славянофильства признали важныя услуги, оказанныя русской мысли представителями этой школы. Тѣмъ не менѣе очевидно, что основныя начала ея могутъ быть приняты лишь послѣ кореннаго измѣненія. Со стороны теоретической, признавая все умственное развитіе запада безусловно-ненормальнымъ, произвольнымъ, это возрѣніе вноситъ колоссальную безсмыслицу во всемірную исторію; со стороны же практической оно представляетъ неисполнимое требованіе возвратиться назадъ къ старому, давно пережитому. Но если должно, вопреки славянофильскому возрѣнію, признать западное развитіе, то-есть, данное историческое раздвоеніе разумнаго сознанія и религіозной вѣры законнымъ произведеніемъ логической и исторической необходимости, то отсюда, очевидно, не слѣдуетъ, чтобы такое раздвоеніе было вѣчнымъ абсолютнымъ закономъ, чтобы философское сознаніе, по существу своему, противорѣчило религіозной вѣрѣ. Дѣйствительно, мы находимъ, что это раздвоеніе и противорѣчіе есть нормальное явленіе только какъ переходное временное состояніе; что если разумъ, въ извѣстный моментъ своего развитія, становится необходимо въ отрицательное отношеніе къ содержанію религіозной вѣры, то въ дальнѣйшемъ ходѣ этого развитія онъ съ такою же необходимостію приходитъ къ признанію тѣхъ началъ, которыя составляютъ сущность истинной религіи. Мы видимъ, что та самая западная философія, которая прежде чуждалась всѣхъ религіозныхъ началъ, или относилась къ нимъ отрицательно, нынѣ, по внутренней необходимости своего развитія, стала на такую точку

зрѣнія, которая требуетъ положительнаго отношенія къ религіи, вступила на такую почву, на которой возможно ея соединеніе съ религіей. И хотя это соединеніе не совершилось и весьма вѣроятно никогда не совершится въ западной философіи, но, тѣмъ не менѣе весь предшествующій ходъ философскаго развитія заставляеть признать его послѣднимъ результатомъ высшей синтезъ философскаго познанія и религіозной вѣры. Теперь же, когда этотъ результатъ еще не достигнутъ, онъ составляетъ необходимую, настоящую задачу философской мысли" (Гражданинъ 1874 г., № 48).

Прежде всего скажемъ прямо, что если этотъ очеркъ принять за программу, которую должна была выполнить книга автора, то программа далеко не выполнена. Все, что говорится въ книгѣ, конечно, прямо служитъ къ подтвержденію положеній программы, но полнаго доказательства этихъ положеній книга не представляетъ. Она состоитъ какъ будто изъ очерковъ, предварительно сдѣланныхъ въ виду большой работы, задуманной по обширному плану. Читатели могутъ за это осуждать автора; но есть здѣсь и похвальная сторона. Большой планъ самъ по себѣ есть заслуга, особенно когда дѣло идетъ о философіи. На этотъ планъ мы должны обратить столько же вниманія, какъ и на его выполненіе.

Вопервыхъ, въ планѣ ясно высказана главная цѣль. Онъ хочетъ доказать, что все развитіе западной философіи совершалось съ логической необходимостію, что такую необходимостію оправдывается, какъ законный переходъ, отрицательное отношеніе разума къ религіи и что въ силу такой же необходимости онъ сталъ шнѣче на почву, на которой возможно его соединеніе съ религіей.

Этотъ способъ объясненія исторіи намъ хорошо знакомъ; это очевидно приемы чистаго раціонализма, гегелевскій методъ построенія фактовъ по логическимъ категоріямъ. Точно также, когда нашъ авторъ въ своемъ послѣднемъ тезисѣ (см. выше, тезисъ 7-й) брался доказывать „логически-необходимый и абсолютно-цѣлесообразный ходъ міроваго развитія“, — то это былъ, конечно, тотъ же раціонализмъ, то же стремленіе логически построить мірозданіе и его исторію.

Не входя пока въ разборъ того, какъ этотъ раціонализмъ согласуется съ другими началами автора, попробуемъ обратиться къ тѣмъ фактамъ, о которыхъ мы уже говорили, и которые составляютъ главное содержаніе разбираемой книги. Примѣнима ли къ нимъ мысль о логической необходимости?

Что такое исторія западной философіи по изложенію самого ав-

тора, какъ не исторія колоссальнаго заблужденія? По Гегелю, мы идемъ къ лучшему непремѣнно черезъ худшее,—такъ что всякія заблужденія могутъ быть законны; но доказалъ ли авторъ на своемъ предметѣ, что это правило здѣсь приложимо?

Больше тысячелѣтія, отъ самаго своего начала, западная философія двигалась по ложному пути, по такому пути—не забудемъ этого—который дѣлалъ для нея невозможною истинную метафизику, истинную этику, даже пониманіе той религіи, среди которой росла эта философія. Явленіе изумительное, непостижимое; какимъ образомъ душа и сердце этихъ людей могли быть такъ слѣпы въ теченіе столькихъ вѣковъ, такъ мертво молчали? Скажемъ словами г. Вл. Соловьева: дѣло не такъ просто, какъ онъ думаетъ.

Остановимся на одномъ пунктѣ, наиболѣе ясномъ, на гносеологическихъ понятіяхъ. Заблужденіе западной философіи, по объясненію автора, произошло, главнѣйшимъ образомъ, отъ дурной гносеологіи; и вотъ окончательная формула, въ которой авторъ выражаетъ смыслъ всей этой исторіи:

„Познаніе эмпирическое (какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ опытѣ) и понятіе логическое или апіорное не составляютъ двухъ радикально-отдѣльныхъ и самостоятельныхъ областей знанія: они необходимы другъ для друга, такъ какъ познаніе эмпирическое возможно только при логическихъ условіяхъ, а познаніе логическое дѣйствительно только при эмпирическомъ содержаніи. Но для того, чтобы эта высказанная теперь мною важная истица, требующая неразрывнаго и равноправнаго соединенія чистой логики и эмпириі, могла быть признана, необходимо было, чтобы эти два основные элемента познанія были исчерпаны въ ихъ особенной исключительности, вслѣдствіе чего ихъ односторонняя ограниченность стала бы очевидною. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ въ развитіи западной философіи два главныхъ направленія: рационалистическое, выводящее все познаніе изъ общихъ понятій, и эмпирическое, выводящее его изъ дѣйствительнаго опыта“ (Кризисъ, стр. 102).

Оба направленія оказались несостоятельными; оба привели къ отрицанію познанія, метафизики и этики. И въ этомъ заключается современный кризисъ.

Спрашивается теперь: возможно ли видѣть тутъ ту логическую необходимость, которую указываетъ авторъ? Почему разумъ, сила обобщающая, сравнивающая, непремѣнно долженъ былъ предаться особенной исключительности односторонняго элемента познанія, и иначе

дѣйствовать было для него логически невозможно? Выходить, что разумъ намъ приходится считать неразумнымъ, что для пониманія исторіи намъ нужно влучиться понимать это противорѣчіе. Разумъ не иначе будто бы можетъ попасть на истинный путь, какъ доведя свои заблужденія до послѣдней крайности, погубивъ до конца свои лучшія стремленія и надежды, достигнувъ отрицанія истиннаго познванія, истинной метафизики и нравственности и нѣкоторое время даже коснѣя въ этомъ отрицаніи съ какимъ-то чудовищнымъ самодовольствомъ.

Трудно согласиться, что все это слѣдуетъ считать „нормальнымъ, законнымъ переходнымъ состояніемъ“, что все это входитъ, какъ непремѣнная часть, въ „логически-цѣлесообразный ходъ міроваго развитія“. Если же пѣтъ, если мы не признаемъ, что такова глубочайшая природа самаго разума, то намъ прійдется отыскивать источникъ зла не въ самомъ разумѣ, а въ чемъ-нибудь другомъ. Гдѣ же именно искать этого источника, въ чемъ состоитъ та сила, которая сбиваетъ разумъ съ прямого пути?

Яснаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ въ книгѣ нашего автора, не находимъ даже съ его точки зрѣнія, то-есть, какъ объясненіе произвольнаго поворота разума на ложный путь. Точка этого поворота намъ не указывается, и вся исторія философскихъ системъ представляется какъ однообразное движеніе къ окончательному выводу, — къ отрицанію истиннаго знанія, --- выводу поэтому неожиданному и темному для читателя. Двѣ великія эпохи западной философіи, Декартъ и Кантъ, по видимому, не составляютъ для автора особыхъ, выдающихся явленій, въ которыхъ сущность совершающагося процесса обнаруживается яснѣе. Попробуемъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, чтобы видѣть, въ чью пользу говоритъ здѣсь исторія.

Мы не знаемъ въ точности, что разумѣетъ авторъ подъ конкретнымъ мышленіемъ, которое пока онъ опредѣлялъ только отрицательно, какъ не исключительно логическое и не исключительно эмпирическое. Но возьмемъ эти ограниченія въ самомъ простомъ смыслѣ, и мы приблизимся, кажется, къ обыкновенному, будничному понятію о мышленіи, къ тому понятію, которое очень живо въ каждомъ человѣкѣ, незнакомомъ съ философскими умозрѣніями. Когда мы познаемъ что-нибудь, мы не предполагаемъ, что мы непременно узнаемъ сущность познаемаго предмета. Такъ-какъ предметъ есть нѣчто отъ насъ отдѣленное и намъ чуждое, то мы заранѣе признаемъ, что проникнуть внутрь его, занять мысленно самый центръ его сущности для насъ невозможно. Мы желаемъ, такъ-сказать, только познако-

миться съ предметомъ, и это ознакомленіе тѣмъ для насъ интереснѣе, чѣмъ предметъ самъ по себѣ таинственнѣе, чѣмъ больше въ немъ недоступной для насъ сущности. Поэтому наша любознательность тѣмъ живѣе, чѣмъ предметъ дальше отъ насъ, и въ физическомъ и въ умственномъ смыслѣ, чѣмъ больше онъ дѣйствительный предметъ, а не что-нибудь намъ принадлежащее и намъ вполне извѣстное. Таковъ обыкновенный взглядъ на познаніе.

Декартъ первый выставилъ другое понятіе; онъ, очевидно, преувеличилъ и свое сомнѣніе, и свои требованія отъ познанія. Съ простой, будничной точки зрѣнія нельзя было такъ сомнѣваться, какъ онъ; если мы и предположимъ въ себѣ всевозможныя ошибки и самообольщенія, то все-таки не можемъ отрицать того, что въ нашемъ познаніи содержится нѣкоторое настоящее знакомство съ другою, отдѣльною отъ насъ дѣйствительностію, съ міромъ людей и міромъ природы. Но Декартъ откинулъ это нѣкоторое знакомство и пожелалъ такого познанія, какого обыкновенно человѣкъ не имѣетъ и не желаетъ имѣть. Декартъ захотѣлъ яснаго и отчетливаго познанія, то-есть, столь же прозрачнаго, какъ математическія аксіомы.

Требованіе Декарта было признано, и нѣсколько системъ такого познанія, какъ онъ желалъ, были воздвигнуты. Когда учился Кантъ, Европа была исполнена самой твердой и радостной увѣренности, что она обладаетъ всѣми нужными истинами, доказанными столь же несомнѣнно, какъ теоремы Эвклида. Когда Кантъ сталъ уже совершеннымъ старикомъ, когда ему было уже 57 лѣтъ, онъ разрушилъ эту увѣренность, издавши свою „Критику чистаго разума“. Онъ пошелъ въ скептицизмъ гораздо дальше Декарта; онъ отвергнулъ самую возможность настоящаго познанія; онъ сталъ доказывать, что во всѣхъ нашихъ понятіяхъ нѣтъ ничего адекватнаго истинѣ, сущности вещей, вещи самой въ себѣ.

Но этого мало. Кантъ призналъ, что метафизика есть незаконная область человѣческаго ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указалъ этому уму и его законную область и разъяснилъ его верховныя права въ этой области. Вотъ гдѣ сила и главное знаніе этого переворота. Отрицаніе истиннаго познанія тутъ доведено до конца, такъ-какъ не только отъ ума закрытъ тотъ путь, на который онъ постоянно устремлялся, но вмѣстѣ ему отведено другое русло, по которому онъ можетъ свободно течь. Этотъ міръ знанія есть пониманіе субъективной связи нашихъ представленій, логическая сторона вещей и внутренней жизни человѣка.

Вотъ почему именно съ Канта началось усиленное и плодотворное движеніе въ наукахъ. Среди этого движенія и понятій, его одушевляющихъ, мы и теперь живемъ. Тотчасъ вслѣдъ за Кантомъ явились философскія системы, которыя, блестящею чередою смѣняя одна другую, дошли наконецъ до положенія, что истинно существующее есть понятіе и его развитіе. Но не только въ философскихъ ученіяхъ, а и во всѣхъ умственныхъ сферахъ, сущность вещей понемногу стала признаваться непостижимой, недоступною, Ding an sich Канта, о которой ничего знать нельзя. И все познаніе направилось въ сторону, указанную Кантомъ. Нѣкоторое время логика, то-есть, изслѣдованіе внутренняго движенія мысли, занимала мѣсто метафизики. Исторія человѣчества обратилась не въ повѣствованіе о событіяхъ, а въ анализъ психическихъ явленій, переживаемыхъ народами. Естественное знаніе укрѣпилось въ направленіи, данномъ еще Декартомъ,—въ изслѣдованіи математическихъ законовъ міроздавія. Вообще изслѣдованія всѣхъ наукъ потеряли метафизическую окраску и стали принимать практическій характеръ.

Среди этого потока, по которому широко движется умственная жизнь Европы, какимъ-то чудомъ остался на мѣстѣ одинъ Шопенгауэръ, никѣмъ не замѣчаемый. Онъ одинъ ужаснулся кантовскаго скептицизма, одинъ не захотѣлъ отказаться отъ метафизики. Онъ принялъ въ совершенно серьезномъ смыслѣ положеніе Канта, что все наше познаніе есть призракъ нашего ума, и потому не успокоился, пока не нашелъ другой дороги къ истинно-сущему, дороги безопасной отъ скептицизма критики чистаго разума.

Спрашивается, отчего же такъ одинокъ Шопенгауэръ? Отчего подобные люди не являлись отъ времени до времени на всемъ протяженіи этой исторіи? Отчего никто не явился послѣ Декарта, такъ глубоко взволновавшаго всѣ умы? Отвѣчать на это можно только такъ, что односторонность мыслителей была, очевидно, и общими грѣхомъ ихъ читателей и послѣдователей. По естественному своему складу, умы всѣ направлялись въ одну сторону, всѣ увлекались горделивыми надеждами на лучшее знаніе, всѣ забывали изъ-за достигаемаго знанія самые существенные интересы, всѣ жаждали самостоятельности и дѣятельности, а потому отрицали ограничивающія и требующія себѣ подчиненія начала. Словомъ, сила, уклоняющая умъ съ прямого пути, была очевидно та сила, отъ которой, по Шопенгауэру, зависятъ всѣ явленія человѣческаго міра,—воля, умопостигаемый характеръ людей. Она ослѣпляетъ людей, и отъ нея зависитъ то первоначаль-

ное побужденіе, которое потомъ разумъ развиваетъ во всѣхъ его послѣдствіяхъ. Явленія умственнаго міра коренятся въ явленіяхъ міра нравственнаго. Различіе племенъ, которое прежде всего есть различіе ихъ нравственныхъ, практическихъ силъ, имѣетъ существенное значеніе въ развитіи философіи. Вотъ почему въ строгомъ смыслѣ нельзя говорить о развитіи и кризисѣ западной философіи, какъ чего-то единаго. Это—гипостасированіе, которое въ другихъ случаяхъ самъ нашъ авторъ не считаетъ правильнымъ. Гораздо правильнѣе разсматривать отдѣльно нѣмецкую, англійскую, французскую философію. По естественной силѣ вещей эти названія философіи по народамъ уже давно пріобрѣли довольно опредѣленное, а въ иныхъ случаяхъ и совершенно опредѣленное значеніе.

Исходя изъ этихъ мыслей, можно бы сдѣлать еще много частныхъ замѣчаній о трудѣ г. Соловьева. Но кажется, все главное уже высказано, то-есть, читатели видятъ, что, расходясь съ авторомъ „Кризиса“ въ частностяхъ, мы глубоко сочувствуемъ его направленію и считаемъ очень важною мыслью его о великомъ современномъ значеніи философскаго ученія, основаннаго Шопенгауэромъ. Нужно бы желать, чтобы знакомство съ этимъ ученіемъ и вообще съ тѣмъ глубокимъ строемъ мыслей, къ которому оно примыкаетъ, и который такъ далекъ и недоступенъ для нашего ходячаго просвѣщенія, все болѣе и болѣе распространялось между истинно-образованными людьми, хотя и трудно ждать успѣха дѣла, идущаго противъ общаго потока. Глубокомысленная Германія, породившая это направленіе, наградила успѣхомъ не столько его, сколько его карикатуру. Обыкновенная судьба высокихъ явленій: искаженіе, обезцвѣченіе и потомъ равнодушное и безконечное повтореніе словъ и мыслей, нѣкогда исполненныхъ жизни.

III. Страхъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Franz Miklosich. Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. Erster Band. Lautlehre. Zweite Aufgabe. (Франц Миклошичъ. Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ. Часть 1-я. Ученіе о звукахъ. Изданіе 2-е). Wien. 1879.

„Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ“ знаменитаго вѣнскаго слависта достойно закончилась вторымъ изданіемъ первой части. Его нельзя считать переизданіемъ (хотя бы съ поправками и дополненіями) перваго изданія, вышедшаго безъ малаго тридцать лѣтъ тому назадъ, это совершенно новое сочиненіе, въ которомъ авторъ воспользовался всѣмъ тѣмъ, что выработало сравнительное языковѣдѣніе относительно фонетики индо-европейскихъ языковъ вообще и славянскихъ въ частности. Представлять подробный разборъ этого произведенія — не входитъ въ нашу задачу; мы намѣрены предложить только нѣсколько замѣчаній по поводу его.

Однимъ изъ усиленій звука *у* Миклошичъ считаетъ замѣну *у* черезъ *ва*: хватити при хытити, квась при кыснѣти (4-я степень усиленія) (стр. 181), объясняя это *ва* изъ *ав* черезъ перестановку звуковъ по нелюбви славянскаго языка къ дифтонгамъ (стр. 199). Здѣсь Миклошичъ приписалъ славянскому языку явленіе, принадлежащее обще-индоевропейскому языку. Въ немъ было постоянное колебаніе между *и* (*û*) и *ва* (*vâ*) въ корняхъ; напримѣръ: *иг* и *ваг* — рости (древн.-инд. *ug-га* и *vâg-а*—сильный; греч. αὐξάνω, лат. *augeo* и *vegeo*), *ик* и *вак*—говорити (др.-инд. *vas* — слово, *uk-ta* — сказанный) *ир* и *вар*—покрывать (др.-инд. *ûr-па* — шерсть, лат. *vellus*, слав. вълна), *ис* и *вас*—блестѣть (др.-инд. *us-га* — лучъ, *vas-ага*—весна, лат. *augo*га,

слав. весна), *ud* и *vad* — быть мокрымъ (др.-инд. *ud* — *madefacere*, греч. ὕδωρ, гот. *valo*, слав. вода), *katu* и *katvar* — четыре (др.-инд. *catu* и *catvāras*, слав. четыре и четверо), *gun* и *gvap* — рождать (греч. γυνή, беот. βάνα изъ *γFána, гот. *kunī* — родъ, *kvens* — княгиня), *sur* и *svag* — блестять (др.-инд. *sur* — *fulgere*, *svag-ga* — небо, слав. слънце и сварогъ), *kup* и *kvap* — собака (др.-инд. *ṣvap*, греч. κύνος при *κῶν*, лат. *canis* изъ **cvanis*) и множество другихъ. Сюда же относятся корни: *bhvag* (откуда *bhag*) и *bhug* — бѣжать (др.-инд. *bhag* и *bhug*, греч. φυγ-εῖν, лат. *fugio*, лит. *bēgti*, слав. бѣжати), *bhva* (откуда *bha*) и *bhu* — быть (лат. *fui* и *fo*, слав. быти и бѣхъ); сюда же должно отнести корни: *dvas* и *dus* (русск обл. двокать, доухъ; лит. *dvėsti*), *svag* и *sur* (хвала и соулѣи), *kvap* и *kup* (чеш. *kvapiti* и *кнпѣти*), *gvap* и *gup* (словин. *žverlo* и жоупель), *kvap* и *kus* (квась и кнсаѣти), *kvak* и *kuk* (квочити и кнкати), *skvap* и *skur* (скврѣна и хорв. *skuriti*, у Марулича), *svat* и *sut* (хватати и хытити) и др., чередованіе въ которыхъ *u* и *va* извѣстно намъ почти исключительно изъ славянскихъ языковъ. Какъ объяснить происхожденіе этихъ вариантовъ въ корняхъ? Ни въ какомъ случаѣ въ *va* нельзя видѣть усиленія *u*, какъ это дѣлаетъ Миклошичъ; обыкновенно думаютъ (въ числѣ другихъ также Шлейхеръ и Курціусъ), что *u* произошло изъ *va* черезъ стяженіе; корни съ однимъ *a* при корняхъ съ *va* и *u*, какъ, напримѣръ, *gap* при *gvap* и *gun* (греч. ἄγενομην, лат. *gigno* изъ **gi-gep-o*, слав. жена) говорятъ въ пользу появленія сначала *va*, а потомъ уже изъ него *u*. И такъ, чередованіе въ славянскихъ корняхъ слоговъ *va*, *ve*, *vo* съ *ъ*, *н*, *ou* не можетъ быть объяснено усиленіемъ гласнаго *u*. Сохраненіе *a* въ *va* можетъ быть объяснено тѣмъ, что оно произошло изъ обще-индоевропейскаго *ā*. Тѣмъ же объясняется и *a* въ словахъ слава, плавати и другихъ, которое Миклошичъ также относитъ къ усиленію гласныхъ въ славянскомъ языкѣ.

Говоря о существованіи въ старославянскихъ памятникахъ преіотированныхъ гласныхъ послѣ *ц* (стр. 283), шипящихъ, *шт* и *жд* (стр. 292), въ словахъ, какъ: оцю, чюеши, жюльъ, шюмъ, ходѣшту, между, Миклошичъ замѣчаетъ, что относительно шипящихъ, *шт* и *жд* это явленіе трудно объяснить и что должно принять переходъ *кју* первоначально въ *тиу*, *чу* и уже изъ *чу* — въ *чю*, при помощи паразитнаго *j*, который, по его мнѣнію, имѣетъ здѣсь такое же значеніе, какъ въ краја, то-есть, есть звукъ согласный (стр. 293), относительно же *ц* Миклошичъ не даетъ никакихъ объясненій. Намъ ка-

жется, что преіотація послѣ шипящихъ и *ц* въ старо-славянскомъ языкѣ объяснена Миклошичемъ неправильно. Мы не считаемъ даже возможнымъ, чтобы согласный *ј* послѣ согласной былъ выраженъ въ старославянскихъ памятникахъ посредствомъ преіотаціи гласной; нужно полагать, что онъ былъ бы выраженъ или черезъ *ѣ*: *чѣю*, или черезъ *и*: *чию* (ср. *быѣ* и *биѣ*). Точно также мы не можемъ допустить паразитности *ј*, не какъ согласнаго, а какъ знака мягкости звука, и перехода *кју* сначала въ *чу*, а потомъ уже въ *чю*. Противъ этого говоритъ то обстоятельство, что шипящія звуки, а также и *ц*, обязанные своимъ происхожденіемъ переходному смягченію согласныхъ, по самой природѣ своей мягки и вставки паразитнаго *ј* не требуютъ, а также и то, что въ исторіи славянскихъ языковъ мы видимъ не постепенное смягченіе шипящихъ и *ц*, а, напротивъ—постепенное ихъ отвердѣніе, то-есть *чю* переходитъ въ *чу*, а не наоборотъ. Относящія къ этому явленію данныя изъ старо-славянскаго языка, какъ *мѣчѣ* изъ * *мѣчѣ*, *истачати* изъ * *истачати*, отмѣченны Миклошичемъ на стр. 291. Древне-русскій языкъ во всѣхъ его нарѣчіяхъ, сохранившихся въ письменныхъ памятникахъ, имѣлъ мягкіе шипящіе и *ц* въ преобладаніи надъ твердыми шипящими и *ц*¹⁾, и такія сочетанія, какъ *шолѣ*, *слышѣишь*, обычныя въ современномъ великорусскомъ языкѣ, мы находимъ впервые въ памятникахъ только конца XIII в., новгородскихъ и изъ сѣверо-западной Руси, рядомъ съ сочетаніями, какъ *горожѣнѣ*, *чювали*, *пришѣлѣ*; они получили господство только въ послѣдующемъ столѣтіи²⁾. Въ южно-русскомъ языкѣ во второй половинѣ XIV вѣка сочетанія, какъ *пришодѣши*, *рѣдки*, а сочетанія

¹⁾ *Срезневскій*, въ возстановленіи текста отрывка Несторовой лѣтописи (приложеніе къ Мыслимъ объ исторіи русскаго языка) и *Потебни* въ возстановленіи текста Слова о полку Игоревѣ (*Филологическія Записки*, 1877 г., вып. 5—6, 1878 г., вып. 1 и 2) послѣ шипящихъ ставятъ постоянно *я* и *ю*, слѣдовательно признають въ южно-русскомъ языкѣ XI—XII вѣковъ только одни мягкіе шипящіе; но что въ это время были уже въ немъ и твердые шипящіе, которые соединялись всего чаще съ *а*, это показываетъ Успенскій Торжественникъ XII в., южно-русскаго происхожденія (изъ котораго напечатаны въ *Утеснѣяхъ* житіе Феодосія Печерскаго и сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ): въ немъ сочетанія *ча* и *чю* значительно преобладаютъ надъ *чу* и *чѣ*. Существованіе въ одномъ и томъ же говорѣ рядомъ и мягкихъ и твердыхъ шипящихъ и *ц* не рѣдкость.

²⁾ Въ настоящее время, какъ извѣстно, мягкіе шипящіе въ великорусскихъ говорахъ довольно рѣдки; мягкое *ц* сравнительно съ ними чаще. См. у *Потебни*, Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, стр. 85 сл., и у *Колосова*, Обзоръ звуковыхъ и «ормальныхъ» особенностей народнаго русскаго языка, стр. 156—157, 184—185.

чу и ча по прежнему преобладаютъ надъ чу и чя (сожьженоу, Наримонтовичю, держати, слушаешъ въ грамотѣ 1350 г., испрачють въ гр. 1375 г., нашу въ Галицкой гр. 1398 г.¹⁾ и т. п.).

Въ древне-чешскомъ языкѣ существовали, кромѣ пынѣшнихъ твердыхъ, также и мягкіе шипящіе и ц, какъ показываютъ современныя формы duše, muže, chci изъ dušja, mužja, chciu, рядомъ съ šat, žaloba, subřiti. О качествѣ шипящихъ въ древне-польскомъ языкѣ мы не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній, но ц изъ ж, въ настоящее время по большей части твердое, безъ сомнѣнія, прежде, было мягкое: это доказываютъ такія формы, какъ zdrajsa, gajsca, ojsca, ogrojsca²⁾, образовавшіяся изъ *zdracjsca, *zdraccjsca, *zdracsja, со вставкою неорганическаго j, обусловливаемою въ польскомъ языкѣ мягкостію послѣдующаго слога; сравни ujrzec, ujście, miejscie; въ Шарон-патацкой библии (конца XIV или начала XV вѣка) dzeup, wstaup, koynsk³⁾ изъ dzień, wstań, końsk. И такъ, данныя разныхъ славянскихъ нарѣчій говорятъ въ пользу постепеннаго отвердѣванія шипящихъ и ц. Изъ этого слѣдуетъ, что и въ старо-славянскомъ языкѣ произошло то же явленіе, что и въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ, только раньше, чѣмъ въ этихъ послѣднихъ, причеиъ однако мягкіе шипящіе и ц не были вполне вытѣснены твердыми и отличались отъ нихъ въ правописаніи тѣмъ, что соединялись съ знаками іотированныхъ гласныхъ. Замѣтимъ, что чу и въ старо-славянскомъ языкѣ, какъ и въ древне-русскомъ, встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ чя. Сочетанія ж д ю, ш т ю объясняются изъ д ж ю, т ш ю: *д* и *т* смягчились, ассимилировавшись съ послѣдующими мягкими шипящими, и сохранили свою мягкость и при перестановкѣ. Кромѣ мягкихъ шипящихъ и ц въ праславянскій періодъ существовало также мягкое з, о которомъ нѣтъ даже упоминанія у Миклошича, образовавшееся изъ : (для западнаго отдѣла славянскихъ языковъ также и изъ *д*) на славянской почвѣ; слѣды его сохранились въ склоненіи такихъ словъ, какъ польза, род. ед. пользаѣ, вин. ед. пользю (Святосл. Сборн. 1076 г.), но уже въ памятникахъ XI вѣка, именно въ Святославскомъ Сборникѣ 1073 г.

¹⁾ Головацкий, Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго въ древнемъ Галицко-Володимерскомъ княжествѣ.

²⁾ Форма ogrojes, вмѣсто ogrodzies, развилась не изъ этой послѣдней *eo* рим а подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей ogrojsca и т. д.

³⁾ Biblia królowej Zofii, wydana przez *Maleckiego*, стр. 1, 15, 43.

и въ Архангельскомъ Евангеліи 1092 г. ¹⁾ мы находимъ уже, вмѣсто польза, пользи,—пользы. Ново-чешское *mezí*, (слѣдовательно, древне-чешское *mezíu*) старо-слав. *meždǫ*—указываетъ на древнѣйшую мягкость *z* изъ *d*.

Коснувшись вопроса о томъ, какъ звучало въ старо-славянскомъ языкѣ *и* послѣ гласныхъ, Миллошичъ склоняется къ тому мнѣнію, что надо читать *край*, а не *краи* (стр. 121), но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ замѣчаетъ, что для обозначенія *ju* не было знака въ обоихъ старо-славянскихъ алфавитахъ и что для имен. ед. и для мѣстн. ед. и твор. мн. было одинаковое начертаніе *краи* (стр. 292). Нельзя сомнѣваться, что имен. ед. *краи* и мѣстн. ед., твор. мн. *краи* не только въ старо-славянскомъ, но и въ праславянскомъ языкѣ произносились различно, какъ показываетъ различная судьба этихъ формъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ; но въ чемъ заключалась разница? Мы думаемъ, что она заключалась только въ количествѣ звука: въ имен. ед. *краи* и было кратко сравнительно съ *и* въ мѣстн. ед., твор. мн. *краи*. Что въ имен. ед. *краи* и не равнялось *j*, это видно изъ слѣдующаго. Въ Фрейзингенской рукописи *j* передается какъ черезъ *i*, такъ и черезъ *g*: *gezst* = *късмъ*, *gego* = *къго*, *ugongenige* = *оугонѣникъ*; это *g* является въ позднѣйшемъ образованіи (мѣстномъ словинскомъ) *segna* = *жейна* = *жѣдъна* (род. ед. муж. р.), но никогда не является вмѣсто кириловскаго *и* въ образованіяхъ болѣе древнихъ: *zlodeine* = *злодеине*, род. ед. ж. р., *pergaudnei* = *неправдней*, *zuetei* = *светей* = *свѣтѣи*, дат. ед. ж. р., *boido* = *пойдо* = *пойдѣ*, аор. 3 л. мн., наконецъ, *imugi* вмѣсто *imugi* = *имѣи* ²⁾. Въ велико-русскомъ языкѣ вмѣсто нашего *й* = *j* въ XIII — XV вѣкахъ слышалось иногда *e*: *моѣ*, *твоѣ*, въ *покоѣ*, *Можаескѣ*, *худнесѣ*, *Юрьѣ* ³⁾; послѣднее слово въ формѣ *Юрьи*, *Юрьѣ*

¹⁾ *Цювернуа*, О критическомъ значеніи Архангельскаго Евангелія 1092 года. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1878 г., № 10, стр. 186.

²⁾ Фрейзингенская рукопись въ Филологическихъ Наблюденіяхъ *Востокова*. Слово *imugi* находится въ слѣдующей фразѣ: *vueki gemu be siti starosti ne prigemlioki nikoligese petsali ne imugi ni slzna telese imoki*. Такъ какъ *prigemlioki* и *imoki* = *приѣмлівшти*, *имѣшти* употреблены здѣсь въ качествѣ дѣепричастій, то въ этомъ же значеніи должно понимать и *imugi*, хотя употребленіе опредѣленнаго причастія въ качествѣ дѣепричастія необычно; читать же *ugi* = *ы* мы считаемъ невозможнымъ.

³⁾ *Колосовъ*, Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка, стр. 88 и 102. *Колосовъ* и *Потебня* (къ исторіи звуковъ русскаго языка, стр. 43) полагаютъ, что въ такихъ формахъ, какъ *моѣ* вмѣсто *мой*, *къ* есть изображеніе глухаго звука.

обычно даже въ XVII в.; нерѣдко слышится *e* вмѣсто нашего *й* и въ современномъ сѣверно-великорусскомъ говорѣ: конь косматые, народъ православные (Онеж.), мое щылепокъ (Кашин.), родзимоѣ моѣ (Сятск.), сирощъ горкею—дат. ед. (ib.)¹⁾. Въ одномъ духовномъ стихѣ, записанномъ въ Бѣлорусси, и въ *раи* (вин. ед.) имѣеть на себѣ удареніе²⁾. Возвращаясь ближе къ старо-славянскому языку, укажемъ на древне-русскіе стихирари, конечно, старо-славянскаго происхожденія, въ которыхъ надъ *и* краткимъ поставлены крюковыя ноты, что указываетъ на гласное произношеніе этого *и*³⁾.

Необходимо предположить, что краткое *a* въ славянскомъ языкѣ нѣкогда было гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ историческое время. Переходъ этого *a* въ *o* и *e* совершился еще въ праславянскій періодъ, который поэтому надо дѣлить на двѣ эпохи: въ первую эпоху это *a* еще сохранялось, во вторую оно по большей части было уже утрачено. Когда произошло образованіе славянскихъ носовыхъ гласныхъ? Миклошичъ (стр. 86) полагаетъ, что они образовались изъ *om*, *om*; слѣдовательно, относить ихъ появленіе ко второй эпохѣ. Этимъ онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: на стр. 17 онъ говоритъ, что *jo* переходитъ въ *je* вслѣдствіе ассимиляціи: морје изъ *моріо, *моріо, *морје; творьшемъ изъ *творсіомъ, *творсіюмъ, *творсьемъ; сего изъ *сјого, и т. д., и что этотъ переходъ имѣеть мѣсто въ старо-славянскомъ языкѣ даже въ заимствованныхъ словахъ: иѣрданъ, ѣрданъ изъ иорданъ. Слѣдовательно, форма *поіонштъ, откуда, по Миклошичу, образовалось поіѣштъ, была бы невозможна. Поэтому необходимо предположить, что *ѣ* образовался не изъ *om*, *om*, а изъ *am*, *am*; въ чемъ убѣждаетъ также и придыхательный *j*, являющійся иногда

Почему? Развѣ есть какое-нибудь основаніе предполагать, что вмѣсто *и* въ *ию*, изъ **jю*, **juo*, звучалъ въ русскомъ языкѣ когда-нибудь глухой звукъ? Это *ю* въ *моѣ* надо сравнивать не съ *e* изъ *э* и *ь*: Варламе изъ Варламъ, ваше изъ вашъ, а съ *e* изъ *и*: узятѣ, судьяме, вмѣсто узяти, судьями, въ грамотѣ 1229 г. (Колосоѣ, ib., стр. 91) и въ современныхъ скопите, купите, носите (неопр. накл.), поселкаме (твор. мн.) (Колосоѣ, Обзоръ, стр. 116—117). *Е* въ мое заводы, ушедце (Колосоѣ, ib.) сюда не относится.

¹⁾ *Потебня*, Два изслѣдованія, стр. 74—75.

²⁾ «Прекрасное соунце
Весь свѣтъ освѣтило,
Рай сокрасило».

Безсонова, Калѣки переходіе, вып. 6, стр. 30.

³⁾ *Востоковъ*, Филологическія Наблюденія, стр. 112.

передъ ж въ словахъ, какъ ѣза, ѣгль (Свят. Сборн. 1073 г.), ѣдоль, ѣтръ, и никогда не являющійся передъ о. Судьба носоваго а, надо думать, была отлична отъ судьбы чистаго а, то-есть носовое а не подчинилось тѣмъ законамъ, которые имѣли силу для а.

Опровергая мнѣніе Іог. Шмидта, что ж изъ носоваго звука образуется только въ томъ случаѣ, когда въ праславянскій періодъ за носовымъ слѣдовало с, Миклошичъ (стр. 155) указываетъ только на плетн—ср. р. ед. ч. Можно было бы выставить болѣе вѣскіе факты противъ мнѣнія Шмидта, чѣмъ приведенный Миклошичемъ; именно: при прѣгати, прѣгъ, прѣжнѣ мы имѣемъ рус. прыгаты; при др.-рус. пражити—жарить = ст.-слав. *пражити ¹⁾, ново-русс. праженець—серб. пригати (изъ *прыгати)—жарить; при прѣдати, прѣдъ, пол. prędkі—рус. прыдъ, прыдкій ²⁾; при дръзга, дръгъ, пол. drąg—рус. дрызгаться; при дръхль—рус. дрыхнуть; при рус. драгать—рус. дрыгать, пол. drugać, drugotka; при жхати, пол. wachać—рус. вых-ухоль чеш. vychuchel, и др.

Мягкое л, являющееся при губныхъ въ случаяхъ, какъ любль, Миклошичъ (стр. 228) считаетъ вставленнымъ звукомъ. Любль образовалось изъ *любль, *любль, *любль, при глагольной основѣ любви, слѣдовательно, мягкое л стоитъ здѣсь вмѣсто j. Во многихъ языкахъ мы видимъ чередованіе j и физиологически близкихъ къ нему мягкихъ л и љ, которые взаимно замѣняютъ другъ друга: въ гомерич. εἶψω (изъ *jeiψω) при λειψω, въ итал. fiore, fiume, rio, изъ лат. florem, flumen plus, мы находимъ замѣну л jотомъ, точно также какъ и въ обл. чеш. Klíbovo, Tumačovo ³⁾ изъ *Kjíbovo, *Tjumačovo, а эти изъ Klíbovo, Tumačovo. Обратную замѣну jота мягкими л и љ мы находимъ въ ст.-слав. лѣзы, изъ *jѣзы, *jакы, при акы ⁴⁾, рус. обл. лезеро ⁵⁾, лязыкъ ⁶⁾, лѣма, галицк. лемъ, лень, пол. ledwieć, серб. лјен, рус. обл. муравель, малорос. улень, хорв. kragulj и т. п. Взаим-

¹⁾ Миклошичъ въ своемъ словарѣ неправильно пишетъ это слово прѣжити.

²⁾ Обыкновенно мы говоримъ и пишемъ прыть, прыткій; родит. падежъ прыти образовался подъ вліяніемъ произношенія имен. падежа.

³⁾ Šembera, Základové dialektologie česko-slovenské, стр. 17.

⁴⁾ Сравни. Шафприка, О происхожденіи и родинѣ глаголитвизма. Переводъ съ ѳмедкаго А. Шемякина. Стр. 39.

⁵⁾ Въ этомъ словѣ Миклошичъ (стр. 212) признаетъ л замѣною j.

⁶⁾ Въ этомъ словѣ л едва ли слѣдуетъ приводить въ связь съ l въ лат. lingua. Сравни. у Миклошича, стр. 39.

ную смѣну *л* и *м* мы находимъ въ греч. *πλεῖον* и *πνῶον*, рус. обл. глянъ и гняпъ, серб. млидиѣх и мнидиѣх и т. п. Что же такое *л* и *м* въ любль и т. п., серб. млѣзинац, малор. мѣясо, румынскій, чеш. *měku*, *měaciti*? Рядомъ съ этими формами мы находимъ ст.-слав. поставьѣ, славьѣ (Супр. ркп.), мросс. мѣясо, румынскій, то есть послѣ губныхъ видимъ *ј*, не сливающійся съ предшествующею губною по общей всѣмъ губнымъ звукамъ неспособности къ смягченію ¹⁾, то-есть согласный *ј*. Этоть-то *ј* и замѣнился мягкими *л* и *м*, какъ въ лезеро, няма и т. п., подобно тому какъ въ итал. *fiore*, наоборотъ, *l* замѣнилось *ј*-омъ.

Что такое *і*: въ словахъ греческаго происхожденія, какъ левгитъ, алгоуи, остается у Миклошича неразъясненнымъ. На стр. 188—189 онъ высказываетъ мнѣніе о принадлежности этого *і*: старо-славянскому языку; на стр. же 586, въ поправкахъ онъ указываетъ на вѣроятность его принадлежности какому-нибудь существовавшему прежде греческому діалекту и приводитъ слова *vasilégguo*, *xaforégguo*, *zulégguo*, такъ звучащія въ діалектѣ итальянскихъ грековъ, вмѣсто *βασιλῆω*, *ἑξαγορεύω*, *ζηλεύω*. Но, къ сожалѣнію, эти греческія слова нимало не уясняютъ происхожденія *і*: въ левгитъ и т. п.: въ нихъ мы находимъ *g* не послѣ *и*, а передъ нимъ, и это *g* въ *basilégguo* совершенно соотвѣтствуетъ *g* въ итал. *guastar*, франц. *gâter*—лат. *vastare*, франц. *guère*—лат. *vespa* и т. п., такъ что прямыхъ доказательствъ того, что *і*: въ левгитъ можетъ принадлежать греческому языку, мы все-таки не имѣемъ. Тѣмъ не менѣе, мы не сомнѣваемся въ томъ, что это явленіе къ славянской фонетикѣ не относится; какъ не относится *з* въ [амирна (=ομίρνα)], *д* въ [леньднѣ] (=λέντιον) и т. п. Переходъ *ј* въ *γ* и обратно, обычный въ языкахъ романскихъ и нѣмецкихъ, и въ средне-греческомъ былъ, кажется, нерѣдокъ, и относящіяся къ нему случаи можно найти даже въ древне-греческомъ. Сравни гомер. *γέντο* вм. *јέντο* (кор. *jam*), кипр. *θέαρον* при іон. *θήιον*, гомер. *αῖα* при *γῖα*, беот. *ἰών* при *ἐγώ* ²⁾. Этою особенностію греческой фонетики объясняются и тѣ неупомянутые Миклошичемъ случаи, когда въ старо-слав., др. рус. и др. серб. языкахъ въ заим-

¹⁾ Поэтому слова бѣлый, бѣдный, мѣдъ и т. п. мы произносимъ почти какъ бѣльи, бѣднѣи, мѣдѣ, хотя звукъ *е* въ другихъ случаяхъ у насъ почти совсѣмъ не встрѣчается. Видѣть въ *блј* и т. п. переходное смягченіе губныхъ — болѣе, чѣмъ странно.

²⁾ Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie, 2-е изд., стр. 540 и слѣд.

ствованныхъ изъ греческаго яз. словахъ является или *z* вм. *u*, *j*, или *h*, *j* вмѣсто *z*. Сюда относятся: геньварии=*ianouarios*, гета=*iota* (въ Дечанскомъ Четвероевангеліи ¹⁾) и въ Галицкомъ Евангеліи 1144 г. ²⁾, Еюпетъ=*Aiupetos*, Юрии, Юргии=*Teopuros*, серб. маістор, рус. мастеръ—лат. *magister*, ср. греч. *maistoros*, ново-греч. *mastoras*. Сюда же относится также и слово жидинь, жидовинь—*ioudaios*, въ которомъ же Миклошичъ неправильно объясняетъ прямо изъ *j* (стр. 241 и 271), прибавляя, впрочемъ, что же прямо изъ *j* бываетъ въ славянскихъ языкахъ очень рѣдко. Это слово, вошедшее въ славянскій языкъ, вѣроятно, устнымъ путемъ и притомъ довольно рано (вмѣстѣ съ представителями того народа, который носилъ это имя?), подверглось измѣненію *y* въ *u* (ср. Роумъ и Римъ) и потомъ *z* въ *ж*, согласно фонетическимъ законамъ славянскаго языка, какъ подверглись этому послѣднему измѣненію и нѣкоторыя другія слова въ глаголическихъ памятникахъ: анѣдль, еванѣліе, параскевѣли, ешюпть ³⁾. Изъ какаго именно языка заимствовано славянами слово жоупа, жоупань ⁴⁾ — названіе одежды—, невозможно опредѣлить; оно принадлежитъ къ числу тѣхъ странствующихъ словъ, которыя находятся во всѣхъ европейскихъ языкахъ и всѣмъ имъ чужія. Судя по тому, что это слово въ нѣмецкомъ языкѣ звучитъ *schaube* (слѣдовательно, ср. нѣм. *schübe*, съ *sch* вмѣсто *ж*, откуда наше шуба, пол. *szuba*), а въ итал. *giubba* (франц. *jupe*, исп. *chora*—особое мужское платье) ⁵⁾, оно вошло въ славянскій языкъ изъ итальянскаго, прежде всего гдѣ-нибудь по соѣдству съ Италіей, и потомъ уже распространилось далѣе. Поэтому Миклошичъ (стр. 271) несправедливо относитъ это слово къ старославянскому языку и, сравнивая его съ извѣстнымъ въ средневѣковой латини (языкѣ, замѣтимъ мы, исключительно книжномъ и учебномъ) словомъ *iura*, не менѣе неправильно считаетъ въ немъ же возникшимъ изъ *j* на славянской почвѣ.

Относительно сербскаго *a*—ст.-сл. *z* и *z* Миклошичъ (стр. 387) полагаетъ, что этотъ звукъ не произошелъ изъ *z* и отождествив-

¹⁾ *Срезневскій*, Древніе памятники юсоваго письма, стр. 385.

²⁾ *Горскій и Невоструевъ*, Описаніе рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. I, ч. I, стр. 214.

³⁾ *Safařik*, *Heamátky Naholského písemnictví*, стр. 19.

⁴⁾ Первая форма этого слова находится въ глаголическомъ памятникѣ XV в. хорватскаго происхожденія; вторая — принадлежитъ русскому, чешскому и польскому языкамъ.

⁵⁾ *Гротъ*, Филологическія размысканія, 1-е изд., стр. 458.

шагося съ нямъ въ др. серб. языкѣ ъ, а явился какъ вспомогательный звукъ, для облегченія произношенія. Это мнѣніе Миклошича нѣсколько странно. Чтобы могъ явиться вспомогательный звукъ на мѣстѣ ъ, необходимо, чтобы предварительно это ъ совсѣмъ онѣмѣло, т. е. потеряло всякое гласное значеніе; но развѣ возможно предположить существованіе когда-нибудь въ сербскомъ яз. такихъ словъ, какъ *мх* (—мѣхъ), *дн* (—днѣнь), *чст* (—чѣсть), *мч* (—мѣчь) *см* (—сѣнь), безъ гласнаго звука? Ясно, что и въ сербскомъ яз., какъ и въ ново-болгарскомъ, ъ перешелъ въ *а*, съ тою только разницею, что въ ново-болгарск. яз. это *а*,—которое, замѣтимъ кстати, Миклошичъ (стр. 325) не считаетъ за вспомогательный звукъ,—сохранило болѣе раннее глухое произношеніе, между тѣмъ какъ сербскій языкъ его давно уже утратилъ. Переходъ ъ въ *а* въ сербскомъ и болгарскомъ яз. нисколько не отличается отъ перехода ъ и ѣ къ русскому языку въ *о*, *е*, въ чешскомъ и польскомъ въ *е*, *іе*. Замѣтимъ, впрочемъ, что какъ въ русскомъ яз. *о*, *е*, такъ въ сербскомъ *а* является иногда и въ качествѣ вспомогательнаго звука, для облегченія произношенія: рус. огонь, пол. ogień, чеш. oheň,—серб. oganj—ст.-сл. огонь; но это обстоятельство не имѣетъ въ настоящемъ случаѣ никакого рѣшающаго значенія.

Переходимъ къ замѣчаніямъ относительно отдѣльныхъ словъ.

Сравнивая рус. дѣготъ съ лит. degutas, прус. daggat, Миклошичъ (стр. 8) приходитъ къ тому выводу, что литовское слово заимствовано изъ русскаго языка. Но въ славянскихъ языкахъ корень даг, дег неизвѣстенъ ¹⁾, въ литовскомъ же имѣется глаголь degu—жегѣ (Миклошичъ не признаетъ родства двухъ этихъ словъ, стр. 12) и поэтому заимствованнымъ представляется скорѣе рус. дѣготъ, чѣмъ лит. degutas. Замѣтимъ также, что дѣготъ изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій извѣстенъ только въ русскомъ и польскомъ яз. (въ послѣднемъ, кажется, заимствовано изъ русскаго), и вспомнимъ, что литовцы произведеніями такого рода, какъ деготъ, платили дань своимъ сильнымъ сосѣдямъ. Кромѣ деготъ, изъ литовскаго языка заимствовано русскими янтаръ—лит. jentaras, gintaras, латыш. dzinters. Что янтаръ слово нерусское и притомъ заимствованное сравнительно поздно, показываетъ сохраненіе *н*. Этими двумя словами, кажется, и ограничивается вліяніе литовскаго языка на русскій.

Срѣбро Миклошичъ (стр. 11) считаетъ ложнымъ написаніемъ при

¹⁾ Относить къ этому корню рус. Дажь-богъ нѣтъ никакого основанія: рус. Дажь-богъ=ст.-сл. *Дажь-богъ.

правильномъ сребро, сѣребро—augur (?), основываясь на лит. sidabras, гот. silubra. Въ памятникахъ старо-слав. языка формы сръбро дѣйствительно, кажется, не встрѣчается, но ея существованіе надо предположить для праславянскаго языка на основаніи чеш. stříbro, в.-луж. slǫbro, можетъ быть рус. серебро; эта форма относится къ сребро, какъ чеш. labut, серб. лабуд къ ст.-сл. лебедь. Какъ въ др. в.-нѣм. яз. при silabar, silibar находится также silbar, ср. нѣм. silver др.-сѣв. silfr, такъ и въ слав. языкахъ существуютъ двѣ формы: одна, предполагающая древнюю гласную между *p* и *b* (сѣребро) и другая, ее предполагающая (сръбро, сребро изъ *сербро).

Предполагаемое ст. слав. жегъзуля, чеш. žezhule Миклошичъ (стр. 12) выводитъ изъ *жегъза, *жега, считая такимъ образомъ *з* за суффиксъ. Но лит. geguže, рус. жегзца, зогзца, мрус. зозуля (вмѣсто зозуля) указываетъ на *зз*, какъ на корень этого слова, а на *же* (*зе*, *зо*), какъ на удвоеніе корня.

Глаголъ въпити причисленъ Миклошичемъ (стр. 79) къ словамъ, имѣющимъ *ъ* въ корнѣ. Но дѣйствительно ли здѣсь корень *ъи*? Кажется, въ славянскихъ языкахъ существуетъ и этотъ корень (въплъ¹⁾, но глаголъ въпити относится къ другому корню, именно къ *и* (тому же, что въ пѣ-ти, поиѣ), какъ показываютъ глаголы оу-пити, възъ-пити, въз-о-пити (ср. въз-о-печалити), въз-оу-пити (ср. въз-оу-дарити)²⁾, серб. у-пити, и образованіе настоящаго времени въпиѣ по образцу бити, мѣти, не въплѣ, какъ должно бы быть въ томъ случаѣ, если бы *и* въ въпити принадлежало не корню, а основѣ глагола.

Къ числу словъ, имѣющихъ въ русскомъ языкѣ полногласную форму, Миклошичъ (стр. 85) относитъ также бѣлорусск. жоровъ ст.-сл. жеравъ, по его мнѣнію, изъ *жравъ. Здѣсь смѣшаны двѣ разныя формы. Корень слова жеравъ является въ родственныхъ языкахъ въ видѣ gar (греч. γέρανος, лит. gar-nis — аистъ, ger-ve — журавль, лат. gr-us, др. в.-нѣм. chr-anuh, chr-anoh съ выпускомъ коренной гласной). Ст.-слав. жеравъ, русск. журавль (съ рѣдкимъ *у* изъ *о*), пол. żogaw, образованы посредствомъ суффикса *у*, того же, который мы видимъ въ лит. ger-ve и который передъ *ъ* перешелъ въ *ab*; поэтому *a*, какъ

¹⁾ Слово въплъ—ardea stellaris—или не относится къ этому корню, или относится къ корню *эл* (=up), варианту корня *ъи* (=var); *е* въ выпъ придыхательное, какъ въ *еъ*, привыкнуть. Ср. луж. vupak, hupak—удодъ, лат. ur-up-a, греч. ἰπ-οψ, можетъ быть изъ *FipFоψ.

²⁾ Миклошичъ (стр. 234) безъ основанія считаетъ всѣ эти формы происшедшими изъ възъвъпити.

принадлежащее суффиксу, въ русскомъ и польскомъ языкахъ въ *o* не переходитъ. Бѣлор. жоровъ, предполагающее стар.-слав. *жравъ, и серб. ждралј, ждрао восходятъ къ праславянскимъ *гарвъ, *гар-ль, откуда съ перестановкою звуковъ и вставкою паразитнаго *j*—*жра-въ, *жра-ль; по этой причинѣ *a* въ *жравъ въ бѣлор. измѣняется въ *o*: жоровъ. Суффиксъ въ последнемъ словѣ тотъ же, что и въ жеравъ, но *y* здѣсь измѣнилось не въ *ab*, а въ *b*, какъ въ медв-яный, медь-вѣдь.

Слова рало (стр. 103) и ратаи (стр. 432) Миклошичъ причисляетъ къ тѣмъ, которыя образовались черезъ перестановку гласнаго при плавномъ, какъ врата, злато, по Миклошичу, изъ *ворта, *золто. Рало будто бы изъ *орло, ратаи будто бы изъ *ортаи, лит. artojis. Это рѣшительно невѣрно. Лит. artojis, вовлекшее Миклошича въ ошибку, не имѣетъ близкаго отношенія къ слав. ратаи, такъ какъ оно образовано отъ глагольной основы (вмѣстѣ и корня) *ar* (*ar-ti*), слав. же ратаи (изъ оратаи, какъ оно и звучитъ въ русск. языкѣ ¹⁾) образовано отъ глагольной основы *ora* (*ora-ti*), какъ и другія слова съ тѣмъ же суффиксомъ: воза-таи при воза-ти, хода-таи при хода-ти, русск. вожатай ²⁾ при про-вожа-ть. Въ стар.-слав. рало, сербск. ралица, чешск. пол. gadlo (при стар.-сл. и серб. орало, чешск. ogadlo), какъ и въ ратаи, начальное *o* отпало. Суффиксъ *lo*, *do* = греч. трон. лат. trum присоединяется обыкновенно къ глагольной основѣ; отсюда греч. ἄρο-τρον при ἀρό-ω, лат. aga-trum при ага-ге; отсюда же ора-ло, ра-ло при ора-ти. Замѣтимъ, что еслибы *a* послѣ *p* принадлежало къ корню, то въ русск. и пол. языкахъ оно было бы замѣнено *o*, какъ въ др.-русск. роля, мал.-русск. роля, пол. gola; др.-русск. робъ, пол. gobić, при ст.-сл. ралиѣ (Словарь Востокова), словин. gal; стар.-сл. и серб. рабъ, словин. gabiti.

Въ глаголѣ знати Миклошичъ (стр. 108) видитъ корень *зна* др.-инд. gnâ, секундарному корню отъ *gna*. Но лит. žin-oti ясно показываетъ, что корень въ знати не *зна*, а *зи* (изъ *зър*, какъ *бр* въ брати изъ *брь*), а *a* принадлежитъ основѣ глагола.

Слово вежа Миклошичъ (стр. 139) пишетъ вѣжа, по нашему мнѣнiю, неосновательно. Наиболѣе древнее значенiе этого слова — „кибитка“ (у кочевниковъ); въ немъ оно постоянно употреблялось въ

¹⁾ Сравни также ст.-сл. орати, оратьба, серб. ораћи.

²⁾ Въ настоящее время это слово произносится и пишется вожатый и склоняется какъ имя прилагательное.

др.-русск. языкѣ, напимѣръ: „Святополкъ же и Володимеръ идоста на вежѣ (половецкія) и взяста вежѣ“ (Лаврент. лѣтопись подѣ 6603 г.), „вежи ся половецкіи подвизашася“ (Слово о полку Игоревѣ); затѣмъ оно означаетъ: „шатерь“ и наконецъ „винница“, *cella reparia*. Въ пол. языкѣ *wieża* значить „башня“; въ словин. *věza* = *atrium* (у Трубера). Образовано это слово отъ корня *vez*: какъ при гребѣ—существо. гребля, при текѣ — теча, такъ при везѣ — вежа. Долгота *e* въ словин. для насъ непонятна. Слово это въ стар.-славянскомъ языкѣ встрѣчается въ памятникахъ только русскаго происхожденія.

Стар.-слав. тѣхорь (русск. хорь, хорекъ) Миклошичъ (стр. 143) относитъ къ корню *дох*, тому же, что въ дѣхнѣти. Но мы не знаемъ ни одного слова отъ корня *дох*, которое бы означало понятіе о дурномъ; запахѣ; это понятіе обыкновенно соединяется съ корнемъ *тѣх*, откуда русск. тухлый, про-тух-нуть, за-тх-лый и др. Поэтому слово тѣхорь вѣрнѣе производить отъ этого послѣдняго корня, чѣмъ отъ корня *дох*.

Относя стар.-слав. пѣта, пѣтица къ корню *put* (лит. *pauktis*, лат. *pullus*, др.-инд. *putra*) (стр. 144), Миклошичъ по необходимости относитъ къ другому корню, къ *pat*, русск. куропать, пол. *kurapatwa* и объясняетъ *a* въ этихъ словахъ усиленіемъ первоначальнаго *a* (стр. 163). Такъ какъ пѣта можетъ быть отнесено съ неменьшею основательностію къ корню *pat*, какъ и къ корню *put*, въ виду несомнѣннаго происхожденія куропать отъ к. *pat* (почему въ куропать сохранилось *a*, это другой вопросъ) и родства этого слова съ пѣта, вѣрнѣе отнести и это послѣднее слово къ тому же к. *pat*.

Малор. (и великор.) репяхъ и лопухъ¹⁾ поставлены Миклошичемъ (стр. 212) въ числѣ словъ, какъ крикъ и кликъти, чередующихъ звуки *p* и *l*. Но слова эти между собою вовсе не родственны: первое изъ нихъ имѣетъ при себѣ стар.-сл. рѣпикъ, второе—словин. *lèpen*, лит. *lapaš*—листь. Названія свои это растеніе получило одно—по своимъ колючимъ плодамъ, другое—по своимъ большимъ листьямъ.

Слово мѣшелъ (такъ въ Словарѣ и въ памятникахъ) Миклошичъ (стр. 246) пишетъ мѣшелъ и сравниваетъ съ др.-инд. *mīṣa*—обманъ. Это сопоставленіе для насъ мало убѣдительно въ виду того, что тотъ же корень, что и въ мѣшелъ находится и въ другихъ словахъ: русск. и серб. мошня, чеш. и пол. *można*—кошель, откуда русск. мо-

¹⁾ Пол. *rzep*, *rzepik*, чеш. *řepík*, серб. *repux*; пол. *łopian*, *łopuch*, чеш. *lořích*, серб. *lopuch*.

шенникъ, др.-хорв. мошина (въ Винодольскомъ законѣ: od tatbe, od mošine i od zyta požganja).

Къ числу случаевъ неяснаго *x* Миклошичъ (стр. 260) причисляетъ также и слово храмъ (серб. храм, словин. hram, чеш. chrám, русск. хоромы). Надо полагать, что корень этого слова тотъ же, что въ древн.-инд. śaḡman, и имѣеть въ началѣ то *k*, которое обыкновенно обозначаютъ *k*. Въ славянскомъ языкѣ это *k* должно бы было перейти въ *s*: *сармъ, откуда *срамъ, *срѣмъ¹⁾, но подобно словамъ: свегръ при древн.-инд. svaśugas лит. šėšugas; клонити при слонитисѣ; человѣкъ (изъ кјловѣкъ, съ неорганическимъ *j*) при слово и др., оно уклонилось отъ общаго правила, и такимъ образомъ получилось *кармъ, откуда *крамъ и чрѣмъ (какъ длато — русск. долото и длѣто—серб. дліјето изъ *далто. *K* въ *крамъ въ свою очередь измѣнилось въ *x* (у Миклошича объ этого рода измѣненіяхъ нигдѣ не говорится), какъ въ стар.-слав. хрътъ, русск. хорть при лит. kurtas; стар.-слав. хладъ при гот. kalds; русск. хлопать, шленать, хлопотать при стар.-слав. клепати, клопотати, польск. klepać kłopotać; русск. нахлобучить при стар.-слав. и русск. клобукъ; чеш. chrásta — шелуди при русск. короста, пол. krosta, серб. краста—прыщъ; пол. chrósciel, chrósciel при русск. коростель; пол. chełbać при русск. колебать, сравня также стар.-слав. хомѣтъ, пол. chomać, русск. хомутъ при ср.-нѣм. komat; древ.-руссск. хорсъ при пеглев. kharšet, парс. qaršét (= зенд. hvare khšaeta); древн.-серб. хоурьсарь, хоусарь при ср.-греч. хоурсар, новогреч. хоурсарос, итал. corrago и др. Болг. хубав (= русск. купавъ) заимствовано изъ турецкаго языка.

Миклошичъ (стр. 264) полагаетъ, что рус. сука (пол. suka) такъ звучитъ вмѣсто *свѣка. (Въ родственныхъ языкахъ, дѣйствительно, всѣ слова, означающія собаку и приведенныя Миклошичемъ, имѣютъ основу kup или kvap, и суффиксъ *ka* въ нихъ не встрѣчается. Но Геродотъ сохранилъ намъ тождественное по значенію съ нашимъ словомъ др. перс. спѣха²⁾, которое и по корню (въ рус. корень *ки*, въ др. перс. kva), и по суффиксу съ нимъ сходны. Наше собака, существующее, кромѣ рус., только въ пол. яз., заимствовано Слavia-

¹⁾ Сравн. названіе города Sirmium — Срѣмъ, можетъ быть, славянское по происхожденію.

²⁾ Въ какомъ падежѣ приведено имъ это слово, неизвестно. Мѣсто слѣдующее: τῆν χόνι χαλβόσα: спѣха Мѣдо: I, 110.

нами у одного изъ народовъ эранскаго племени, въ родѣ Ясовъ, Ка-соговъ и др.

Къ числу случаевъ образованія слав. *з*, лит. *ž* изъ индо-евр. *g*, *gh* Миклошичъ относитъ также слова *звѣрь* и *звѣѣти*, *Звонъ*, вопреки общепринятому производству этихъ словъ отъ корней *dhwag* и *dhwap*, котораго онъ и самъ прежде держался (см. его Словарь). Не касаясь слова *звѣрь*, для опредѣленія корня котораго мы не имѣемъ достаточно данныхъ, остановимся на словѣ *звѣѣти*. Происхожденіе *з* въ этомъ словѣ изъ *dh* намъ кажется несомнѣннымъ въ виду того, что словин. *doneti* (изъ *dvoneti*, какъ *hojzd* = гвоздь = *silva*, *storiti* = съ творити) сохранило первоначальный звукъ. *Dz* въ пол. *dzwon* есть посредствующая ступень между *д* и *з*. Къ этому же корню *dhwap* = *dhun* относится также и слав. Дунай, обыкновенно считающееся заимствованнымъ изъ кельтскаго яз., но безъ основанія. Это слово могло замѣнить собою какое-нибудь кельтское названіе древняго Истра, близкое къ нему по звукамъ, но не произошло изъ него, какъ показываетъ употребленіе этого слова въ русскомъ народномъ языкѣ въ нарицательномъ значеніи, какъ синонима словъ: рѣка, море ¹⁾, и какъ собственнаго имени въ былинахъ и старинныхъ актахъ ²⁾.

Говоря о придыхательныхъ звукахъ въ малороссійскомъ языкѣ, Миклошичъ (стр. 442) приводитъ въ числѣ примѣровъ м.росс. воробецъ, воробей и бѣлор. *јонъ*. Два первыхъ слова, въ которыхъ *в* принадлежитъ корню (ст.-сл. *в*раби), запли сюда, вѣроятно, по ошибкѣ, что же касается до *јонъ*, то это слово слѣдуетъ относить не къ числу такихъ, какъ *јорати*, *јосика*, а къ числу такихъ, въ которыхъ начальное *о* чередуется съ *с*: *одинъ-единъ*, *олепъ-елень*, *осень-есень* и т. п., то есть *јонъ* произошло не изъ онъ съ придыхательнымъ *ј*, а изъ *јонъ* съ обычнымъ въ русскомъ яз. переходомъ *је* въ *јо*. Придыхательный *ј* передъ *о*, какъ въ славянскихъ языкахъ, такъ и въ другихъ индо-европейскихъ большая рѣдкость; изъ всѣхъ велико-, мало- и бѣло-русскихъ говоровъ онъ извѣстенъ только въ одномъ карнат-

¹⁾ *Буслаевъ*, Историческіе очерки русской народной поэзіи и искусства, т. I, стр. 215. Въ томъ же нарицательномъ значеніи это слово употреблено въ Словѣ о полку Игоревѣ: «полечю, рече, зеганцею по *дунаеву*», такъ какъ изъ дальнѣйшаго видно, что этотъ *дунай*—Днѣпръ.

²⁾ Напримѣръ, у *Забѣлина*, Матеріалы для исторіи русской живописи, стр. 8, въ 7 кн. *Временника*.

скомъ говорѣ ¹⁾), между тѣмъ какъ форма *jonъ* существуетъ во многихъ мѣстностяхъ сѣверной и южной Россіи ²⁾), при женск. родѣ *janâ*, мн. ч. *janъ*, *jenъ* (въ бѣлор. и южно-великор. говорахъ).

Рус. жемчугъ, откуда лит. *žembiugas*, Миклошичъ (стр. 483) справедливо считаетъ заимствованнымъ, приводя для сравненія съ этимъ словомъ тур. *indzi*, афг. *džuman*, греч. *ζάροξ*, ср. в. пѣм. *gamahiu*. Намъ кажется болѣе удачнымъ предложенное Европеусомъ ³⁾ сравненіе этого слова съ венгерск. *gyengucziga* (читай: дьендцига) = жемчужная раковина; но вѣроятно, что оно заимствовано русскими (у другихъ Славянъ оно не встрѣчается) не отъ Венгерцевъ, а отъ близко родственныхъ имъ Хазаръ или Печенѣговъ.

А. Соболевскій.

Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница. Сочиненіе Л. В. Березина. С.-Петербургъ. 1879. Два тома, съ приложеніемъ карты юго-славянскихъ провинцій Австро-Венгріи.

I.

Г. Березинъ, по собственнымъ его словамъ, провелъ первые годы своей молодости въ юго-славянскихъ окраинахъ Австро-Венгріи. „Каждое событіе юго-славянской жизни, котораго я былъ свидѣтелемъ, или которое я изучалъ на мѣстѣ по историческимъ остаткамъ“, говоритъ онъ (т. I стр. VIII), — „врѣзалось неизгладимыми чертами въ моей памяти“. Но, не довѣряя своей памяти, онъ записывалъ все, что удавалось ему узнать во время его „этнографическихъ экскурсій“, а потомъ, „возвратясь къ себѣ въ кабинетъ, приводилъ собранные матеріалы въ систему“. Такъ онъ объясняетъ происхождение своего труда.

Подъ „австрійскими юго-Славянами“ авторъ понимаетъ только „Сербо-Хорватское племя“. „Во время продолжительнаго пребыванія среди Хорватовъ“, говоритъ онъ (*ibid.* II), — „мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ корифеевъ хорватской интеллигенціи сѣтованія

¹⁾ *Потемля*, Два изслѣдованія, стр. 136. Объясненіе *Колосовымъ* посредствомъ ютации о даже такихъ обл. великор. формъ, какъ *единъ*, *езеро*, *есень*, лишено всякаго вѣроятія. Обзоръ, стр. 130.

²⁾ *Колосовъ*, *ib.*

³⁾ „Объ угорскомъ народѣ“ въ Трудахъ 2-го археологическаго съѣзда въ С.-Петербургѣ, вып. I, и отдѣльно, стр. 84.

на то, что русскіе слависты, въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, касаются лишь вскользь, мимоходомъ, бытовой и общественной жизни Хорватскаго племени, тогда какъ другія славянскія племена являются уже предметомъ подробнаго и всестороннаго обслѣдованія“ (?!).

Раздѣляя мнѣніе корифеевъ хорватской интеллигенціи, авторъ „питааетъ глубокое убѣжденіе, что жизнь Хорвата, во всѣхъ ея проявленіяхъ, не можетъ не интересоватъ въ особенности насъ, Русскихъ. Ознакомившись ближе съ обыденною и праздничною жизнью Хорватскаго селянина, нельзя не найти въ этомъ отношеніи большаго сходства между нимъ и русскимъ крестьяниномъ. По многимъ вопросамъ, касающимся обычнаго права, мы не можемъ не прійти къ тому же самому заключенію. Многія черты обрядовой стороны быта Хорватовъ являются разительнымъ подтвержденіемъ вышесказаннаго. Даже самый хорватско-сербскій языкъ въ лексикографическомъ отношеніи болѣе схожъ съ русскимъ языкомъ, чѣмъ языки другихъ славянскихъ народовъ“ (стр. II — III).

Понимая такимъ образомъ отношенія хорватской народности къ русской, не находя въ нашей литературѣ „ни одного ученаго труда, въ которомъ были бы сгруппированы свѣдѣнія, касающіяся всѣхъ сторонъ жизни одного котораго-либо славянскаго племени“ (стр. II), и встрѣчая у „иностранныхъ писателей (всѣхъ?) крайнюю враждебность ко всѣмъ проявленіямъ славянскаго духа,—враждебность, доходящую иногда до того, что они самыя факты представляетъ въ превратномъ видѣ“ (стр. I), авторъ рѣшился дать „русскому читающему обществу“ трудъ, по которому оно могло бы „составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о домашнемъ, религіозномъ, общественномъ и государственномъ бытѣ австрійскихъ юго-Славянъ, о географическихъ особенностяхъ ихъ территорій, о характерѣ и степени развитія ихъ матеріальной и духовной культуры“. Онъ надѣется, что знакомство съ его трудомъ не вызоветъ въ русскомъ обществѣ другаго чувства, какъ чувство уваженія къ Сербо-Хорватскому племени, его національному гению, многострадальному и геройскому прошедшему, равно какъ и къ его современнымъ вполне законнымъ и естественнымъ чаяніямъ и надеждамъ на лучшее, на политическую и культурную равноправность въ семьѣ цивилизованныхъ народовъ“ (II, 590).

Такими побужденіями руководился авторъ при составленіи своего труда. Онъ хотѣлъ ограничиться сводомъ своихъ „личныхъ многолѣтнихъ наблюденій (ibid.)“, но воспользовался также наблюденіями и

знаніями нѣкоторыхъ славянскихъ и иностранныхъ ученыхъ. На стр. VIII—XI предисловія онъ представилъ перечень „сочиненій, которыя служили ему пособіями при составленіи его труда“. Въ числѣ этихъ „сочиненій“ находимъ журналы: *Slovansky Pedagog*, *Гласник*, *Србски Летопис*, *Србско-далматински Магацин*, альманахъ *Бачка Вила*, сборники: сербскихъ сказокъ и пѣсенъ — *Караджича*, юридическихъ обычаевъ южныхъ славянъ *Богичича*, *Дубровницкихъ историческихъ памятниковъ Пуцича*, словари—*Караджича* (сербскаго языка) и *Сабляра* (географическій—*Далимаціи*, *Хорватіи* и *Славоніи*), церковные календари—*римско-католическіе* и *уніатскіе*. Странно видѣть въ этомъ перечнѣ пособій сочиненіе Рачкаго о Кириллѣ и Меѳодіи и брошюру Хорвата о Дмитріи епископѣ Загребскомъ; находящимися въ перечнѣ сочиненіями *Нейльрейха* (*Vegetationsverhältnisse von Croatien*, Wien 1868) и *Шлосера* (*Priravna radnia za geografiju bilja u trojednej kraljevini*, Rad kn. IV) г. Березинъ не пользовался, такъ какъ о хорватской флорѣ онъ вовсе не говоритъ. Должно также сказать, что слѣдовъ пользованія сборниками *Богичича* и *Пуцича* и словаремъ *Сабляра*, а также указанными въ перечнѣ сербскими журналами, видно въ книгѣ г. Березина весьма мало. Сочиненія *Чапловича*, *Гостинка* и *Утѣшеновича* озаглавлены неточно: первое озаглавляется: *Slavonien und zum Theil Croatien. Ein Beitrag zur Völker und Länderkunde. Theils aus eigener Ansicht und Erfahrung* (1809 — 1812), theils auch aus späteren zuverlässigen Mittheilungen der Indassen. Pesth. 1859, 2 т.; второе — *Die K. K. Militär-Grenze und ihre Verwaltung*. Wien 1861, 2 т., а третье— *Die Haus-kommunion der Süd-Slaven*. Wien, 1859. По исторіи церкви указано 8 сочиненій, по исторіи народовъ и государства—ни одного. Вообще подборъ пособій отличается случайностью: въ ихъ перечнѣ помѣщены и новыя и старыя сочиненія, и важныя и ничтожныя, безъ всякаго разбора; рядомъ съ именами *Кукулевича*, *Матковича*, *Ягича*, *Богичича*, *Гостинка*, *Швикера*, *Чапловича*, *Каррары* стоятъ имена *Бонани*, *Бартенштейна*, *Стоячковича*, *Живковича*, *Личинича*, *Хорвата*, *Сладовича*; г. Березину неясно многое весьма важное и полезное для него, иногда гораздо болѣе важное и болѣе полезное и новое, чѣмъ то, что онъ знаетъ; онъ даже не подозреваетъ существованія нѣкоторыхъ общезвѣстныхъ капитальныхъ произведеній; онъ совершенно игнорируетъ то, что есть въ нашей литературѣ, игнорируетъ напрасно, потому что многому могъ бы поучиться у своихъ литературныхъ предшественниковъ. Укажу сначала на сочи-

ненія русскихъ ученыхъ, съ которыми могъ бы познакомиться г. Березинъ:

— Гильфердинга, Историческое право Хорватскаго народа; Венгрія и Славяне (Собр. сочин. т. II);

— Ламанскаго, Путешествіе по южнымъ краямъ Австріи (Русск. Слово 1860, кн. 5—6; 1861, кн. 1);

— Ковалевскаго, Путевыя записки о Славянскихъ земляхъ (Собр. сочин., т. IV);

— Леонтовича, Древнее хорватско-далматское законодательство, 1868.

— Голубинскаго, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской. М. 1871.

— Пыпина, Исторія славянскихъ литературъ, т. I-й, 2-е изд. (1879).

— Попова, Сербы въ Австріи (Русск. Вѣстн. 1865, т. 57-й).
Военныя поселенія Сербовъ въ Австріи и Россіи (Вѣст. Евр. 1870, т. 3-й).

— Арсенія, Церковный и политическій бытъ православныхъ Сербовъ и Волоховъ въ австрійскихъ земляхъ съ IX стол. до настоящаго времени (Журн. Мин. Нар. Просв. 1870, октябрь);

Позволю себѣ назвать здѣсь и свои работы:

— Задунайскіе и Адриатическіе Славяне, С.-Пб. 1867.

— Матеріалы для исторіи диплом. сношеній Россіи съ Рагузскою республикой М. 1865 (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. Р. 1865, III).

— Изслѣдованія объ истор. памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. С.-Пб. 1867 (Зап. Имп. Ак. Н.).

— Итал. архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для слав. исторіи, С.-Пб. 1870—71 (Зап. Ак. Н.).

— Письма о литературномъ и политическомъ состояніи Хорватскаго королевства (Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г.).

Въ этихъ трудахъ г. Березинъ нашелъ бы полезныя для себя свѣдѣнія и указанія; но особенно важны для него труды г. Голубинскаго, о Арсенія, г. Пыпина и Гильфердинга.

Изъ неизвѣстныхъ г. Березину трудовъ западно-славянскихъ и иностранныхъ ученыхъ укажу только на болѣе важныя.

— Czörnig, Ethnographie des Oesterreichischen Monarchie. Wien. 1855—1857, 3 тома.

Для сравненія съ этимъ капитальнымъ произведеніемъ Чёрнига,

для исправленія и пополненія его слѣдуетъ принять во вниманіе слѣдующіе:

- V. Krizek, Statistika cesarství Rakouského. Praha. 1872.
 - Ficker, Bevölkerung der Oesterreichischen Monarchie. Gotha. 1860.
 - „ Die Völkerstämme der Oesterreichischen Monarchie. Wien. 1869.
 - Brachelli, Handbuch der Geographie und Statistik des Kaiserthums Oesterreich. Leipzig 1861 — 1867.
 - Statistische Skizze der Oesterreichischen Monarchie. Leipzig. 1872.
 - Schmidt, Statistik des Oesterreichisch-Ungarischen Kaiserstaates, Wien. 1872.
 - Statistische Jahrbücher, издаваемые австрійскимъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, за 1877—8 г.
 - Rajacsich, Das Leben, die Sitten und Gebräuche der im Kaiserthume Oesterreich lebenden Südslaven. Wien. 1873.
 - Neugebauer, Die Süd-Slaven und deren Länder in Beziehung auf die Geschichte, Cultur und die Verfassung. Leipzig 1851.
 - Reclus, Nouvelle géographie universelle. P. 1877. 14-e série, livrais. 134—143.
 - Jihoslované. Obraz narodopisno-literární (ze Slovíka Naučného). Pr. 1864.
- Съ исторіей Хорватин г. Березинъ могъ бы познакомиться изъ основательнаго труда Любича: „Pregled hrvatske poviesti (Rieka, 1867) и изъ слѣдующихъ сочиненій Рачкаго:
- Odlomci iz državoga prava hrvatskoga 'za narodne dynastie. Всс. 1861.
 - Rieka prama Hrvatskoj, 1867.
 - Borba južnich Slovena za drjavnu neodvisnost u XI veku. 1875.
 - Pokret na Slavenskom jugu koncem XIV i početkom XV stoljeća. 1868.

Въ этихъ же трудахъ разсѣяны наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія объ исторіи Далмаціи. Кромѣ того, древнѣйшій періодъ далматинской исторіи обработанъ Дюммлеромъ: Ueber die älteste Geschichte der Slaven in Dalmatien (549—928) въ Sitzungsberichte der k. A kad. d. Wissensch. Wien. 1856. Philos. hist. Cl. XX Bd. Съ новою исторіей Далмаціи можно познакомиться изъ труда Катталанича: Storia della Dalmazia (Zara, 1834—1841, 4 тома; собственно 3-й и 4-й томы).

Гораздо важнѣе и полнѣе труды Каррары (La Dalmazia descritta,

Zara. 1846, Dispensa I) которымъ пользовался г. Березинъ, сочиненіе проф. Фр. Петтера: „Dalmatien in seinen verschiedenen Beziehungen. Gotha. 1857, 2 тома. Новѣйшее сочиненіе о Далмаціи — Генриха Ноэ (Noë), Dalmatien und sein Inselwelt. Wien. 1870.

Путешествій по Далмаціи множество.

Въ сочиненіяхъ о Далмаціи говорится и о Дубровникѣ. Лучшія изслѣдованія по исторіи Дубровника принадлежатъ двумъ хорватскимъ ученымъ Любичу и Матковичу: первый изъ нихъ старался уяснить отношенія Дубровника къ Венеціи (Rad jugoslav. Akad. кн. V i XVII), а второй занимается исторіей его торговыхъ сношеній (ibid. VII, XV).

Новѣйшее сочиненіе о Сербяхъ въ Венгрии—Швикера, Politische Geschichte der Serben in Ungarn (Pest. 1880)—вышло уже по изданіи въ свѣтъ труда г. Березина, но очень жаль, что онъ не воспользовался обширнымъ и весьма важнымъ трудомъ Picot: Les Serbes de Hongrie, leur histoire, leurs privilèges, leur église, leur état politique et social (Prague-Paris. 1873). Ему неизвѣстно также замѣчательное по содержанию и объему изслѣдованіе Витковича: Критички поглед на прошлост Срба у Угарској (Гласник српска учена друштва, XXVIII—XXXVII—XXXIX).

Изъ сочиненій о Военной Границѣ укажу только на два: Утѣшеновича, Die Militär-Gränze und deren Verfassung (Wien. 1861) и Рачкаго, Ob obrani hrvatsko-slavonske Kraјine u XVI i XVII vieku (Književnik. 1866).

По этнографіи Сербовъ важенъ посмертный трудъ Караджича: Живот и обичаи народа Српскога. Вѣна. 1867.

Накопецъ, обстоятельныя свѣдѣнія объ исторіи хорватской и сербской литературъ г. Березинъ могъ бы найти въ трудахъ Шафарика (Geschichte der südslavischen Literatur, т. 3-й), Новаковича (Историја српске књижевности, 1871, Српска библиографија 1869), Ягича (монографіи въ журналахъ: Književnik, Rad и Archiv für Slav. Philologie), Павича (Hist. dubrovačke drame, 1871, статьи въ Rad и иѣк. др.)

Распредѣляя пособія г. Березина по областямъ, составляющимъ Трѣединое королевство, видимъ, что наилучшій и самый богатый ихъ подборъ выпадаетъ на долю Хорватіи, а самый неудовлетворительный и незначительный на долю Далмаціи и Военной Границы.

Скудный и частью неудачный подборъ пособій могъ бы быть вознагражденъ богатствомъ и иѣткостью его „личныхъ многолѣтнихъ

наблюденій"; но при внимательной ихъ провѣркѣ оказывается, что собственныя наблюденія г. Березина суть не болѣе какъ повтореніе того, что сказано уже друими.

Свой трудъ г. Березинъ называетъ „ученымъ изслѣдованіемъ“ при этомъ „не считаетъ лишнимъ замѣтить, что въ своихъ сообщеніяхъ онъ слѣдовалъ своему самостоятельному плану“ (стр. IV). Объ этомъ планѣ или системѣ изложенія мы узнаемъ изъ оглавленія, къ которому я обращаюсь.

Все сочиненіе раздѣлено на два тома. Въ первомъ говорится о Хорватіи и Славоніи, а второй подраздѣленъ на три отдѣла: I) Далмація, II) Военная граница и III) Общая этнографія всѣхъ четырехъ юго-славянскихъ провинцій Австро-Венгріи.

Первый томъ состоитъ изъ 520 страницъ. Большая его половина (280 стр.) занята церковнымъ вопросомъ (241—520 стр.); географическо-статистическій очеркъ Хорватіи и Славоніи изложенъ на 29 страницахъ (1—29), административное устройство на 33 (30—63), судебныя учрежденія на 14 (64—77), промышленность и торговля на 34 (78—111), исторія и современное состояніе сельскаго населенія на 29 (112—140), дворянства на 14 (141—154), и наконецъ, состояніе народнаго образованія на 86 страницахъ (134—240). Такое несообразное распредѣленіе частей не говоритъ въ пользу избранной г. Березинимъ системы изложенія: онъ слишкомъ увлекся церковнымъ вопросомъ, менѣе важнымъ, чѣмъ другіе и притомъ хорошо разработаннымъ не только въ иностранныхъ литературахъ, но и въ нашей, какъ то будетъ показано въ своемъ мѣстѣ. Кромѣ личнаго увлеченія, относительное обиліе пособій, которыми располагалъ г. Березинъ, было причиною того, что этотъ вопросъ такъ растянутъ въ его трудѣ. Съ группировкою фактовъ по рубрикамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы также не можемъ согласиться: вопросы объ административномъ устройствѣ, судебныхъ учрежденіяхъ и сословіяхъ можно подвести подъ одну рубрику—„соціально-политическое устройство“. Притомъ свѣдѣнія историческія лучше было бы отдѣлить отъ статистическихъ, какъ это обыкновенно дѣлается. Въ статистическомъ очеркѣ недостаетъ свѣдѣній о движеніи народонаселенія. Такъ какъ почти двѣ трети (54 стр.) рубрики „Состояніе образованія“ заняты вопросомъ о современномъ состояніи хорватской литературы, то лучше было бы изъ этого вопроса сдѣлать особую рубрику. Наконецъ, г. Березинъ смѣшалъ исторію народа съ исторіею церкви, и притомъ совершенно неумѣстно распространился объ исторіи Сербскаго царства (242—296),

исторію же Сербовъ въ Австріи изложилъ кратко (296—316, 323—325), а исторіи Хорватовъ посвятилъ только 12 страницъ (417—428): изъ его труда читатель познакомится съ исторіей церкви, государственныхъ учрежденій и сословій, а объ исторіи народа будетъ имѣть весьма смутное понятіе. Было бы необходимо прибавить особую рубрику — „исторія народа“ и изложить этотъ вопросъ обстоятельно по имѣющимся въ иностранныхъ литературахъ и нашей пособіямъ.

Во второмъ томѣ считается 590 страницъ. За исключеніемъ 5 бѣлыхъ, они распредѣляются такъ, по тремъ отдѣламъ: Далмація—313 стр., Военная Граница—44 и Общая этнографія—228. Первый отдѣлъ—Далмація (1—113 стр.)—подраздѣляется на слѣдующія рубрики: географическо-статистическій очеркъ—14 стр. (1—14), административное устройство Далмаціи—8 стр. (15—22), судебныя учрежденія—2 стр. (23—25), промышленность и торговля—17 стр. (26—42), состояніе сельскаго населенія—27 стр. (43—69), дворянство—4 стр. (70—73), состояніе народнаго образованія—9 стр. (74—82), религиозное состояніе (православная, католическая и униатская церкви)—107 стр., и наконецъ, историко-археологическое описаніе Далмаціи—124 стр. (190—313). Если исключить послѣднюю главу, написанную по книгѣ Кукулевича (*Putne uspomene iz Hrvatske, Dalmacije, Arbanije, Krfa i Italije*) съ незначительными дополненіями, то останется 189 страницъ, изъ коихъ 107 приходится на „религиозное состояніе“. Такимъ образомъ, и въ этомъ отдѣлѣ церковный вопросъ стоитъ на первомъ планѣ. Сказанное о системѣ изложенія въ первомъ томѣ примѣнимо и къ этому отдѣлу. Исторія народа пѣтъ, а отрывочныя историческія свѣдѣнія разбросаны по разнымъ рубрикамъ, особенно же по послѣднимъ двумъ.

Второй отдѣлъ — Военная Граница (317—360 стр.)—состоитъ только изъ слѣдующихъ рубрикъ: историческій очеркъ хорватско-славянской Военной Границы—21 стр. (319—339), состояніе образованія—6 стр. (340—345), состояніе сельскаго хозяйства—9 стр. (345—355), промышленность и торговля—6 стр. (355—360). О современномъ устройствѣ Военной Границы говорится въ историческомъ очеркѣ; тамъ же помѣщена статистика народонаселенія; статистики школъ, промышленности и торговли пѣтъ.

Послѣдній отдѣлъ—Общая этнографія (361—590)—раздѣляется на слѣдующія рубрики: о мифологическихъ вѣрованіяхъ—64 стр. (363—426), домашняя жизнь—99 стр. (427—525), полухристіанскіе обряды и повѣрья—39 стр. (525—564) и сельскія забавы—26 стр.

(565—590). Каждая изъ этихъ рубрикъ подраздѣляется на главы: въ 1-й три главы (I—Общія понятія, стр. 363—372, II—Вилы—372—395 и III—Вѣдьмы, домовые и т. п. 396—426), во 2-й—весемь (I—Задруга—428—438, II—Сельскій календарь—439—449, III—Бытъ 450—462, IV—Женитьба—463—482, V—Родины—483—479, VI—Народная медицина—489—504, VII—Религіозные обряды—504—519 и VIII—Погребальные обычаи 520—525), въ 3-й три (I—Рождество и Богоявленіе—525—540, II—Масляница и Великій постъ—541—546 и III—Пасха и остальные праздники—546—564), и въ 4-й два отдѣла (Народныя игры и Народные танцы), изъ коихъ первый имѣеть двѣ главы (I—Дѣтскія игры и II—Игры мошкоть). Группировку этнографическихъ данныхъ по этимъ рубрикамъ нельзя назвать удачною: элементы мионической и бытовой недостаточно разграничены такъ, напримѣръ, „Додола“, имѣющая чисто латинскій характеръ, отнесена къ 2-й рубрикѣ (Домашняя жизнь); то же самое должно сказать о многихъ обрядахъ и повѣрьяхъ 2-й и 3-й рубрикъ. „Сельскія забавы“ слѣдовало бы включить во 2-ю рубрику. Вообще мнѣ кажется, что можно было бы ограничиться двумя отдѣлами—мионическимъ и бытовымъ, и въ первомъ изъ нихъ слѣдовало бы сказать объ охристіанизованіи мионовъ. О богатыхъ и весьма распространенныхъ произведеніяхъ народнаго творчества не сказано ни слова.

И такъ, система, которой держался г. Березинъ при изложеніи „ученаго изслѣдованія“, страдаетъ иногда непоследовательностью, несоразмѣрностью частей и важными пробѣлами. Доводы, представляемые имъ въ защиту его системы, кажутся намъ въ значительной мѣрѣ странными (стр. IV—VII). Никто съ нимъ не согласится, чтобы было умѣстно въ его трудѣ излагать исторію Сербскаго царства и Сербской церкви на Балканскомъ полуостровѣ, и притомъ несравненно подробнѣе, чѣмъ исторію Сербовъ и ихъ церкви въ Австро-Венгріи. Крайнее увлеченіе г. Березина вопросомъ о сербской православной церкви будетъ еще поразительнѣе, если обратимъ вниманіе на то, что онъ посвящаетъ этому вопросу 173 страницы (241—413), хотя, по его счету, въ Хорватіи, Славоніи и Военной Границѣ находится не болѣе 330,000 православныхъ Сербовъ (стр. 358), а о католической церкви (и вмѣстѣ съ тѣмъ, объ исторіи Хорватовъ) онъ говоритъ только на 75 страницахъ (414—488), хотя считаетъ въ трехъ епархіяхъ Хорватіи и Славоніи болѣе 1.330,000 Хорватовъ-католиковъ (стр. 451—454). Притомъ Хорваты, вчетверо болѣе многочисленныя, чѣмъ Сербы въ означенныхъ областяхъ, составляютъ коренное, а не пришлое населеніе и

играють въ нихъ господствующую роль, а Сербы, большею частію поздѣйшіе поселенцы, обречены на роль подчиненную, служебную. Поэтому о Хорватахъ слѣдовало бы говорить гораздо подробнѣе, чѣмъ о Сербахъ, а не наоборотъ. Точно также во 2-мъ томѣ исторіи православной церкви въ Далмаціи посвящено 50 страницъ (83—133), а католической только 10 (133—143), хотя на 338,400 католиковъ приходится тамъ 81,800 православныхъ, по счету г. Березина (стр. 130 и 136), и хотя положеніе православныхъ въ Далмаціи столь же подневольное, какъ и въ остальныхъ областяхъ Тріединнаго королевства.

Излагая исторію церкви въ Далмаціи отдѣльно отъ исторіи церкви въ Хорватіи и Славоніи, авторъ „сгруппировалъ въ одномъ отдѣлѣ всѣ свѣдѣнія, касающіяся православныхъ монастырей въ Хорватіи, Славоніи, Далмаціи и Военной Границѣ, а въ другомъ—римско-католическихъ монастырей въ тѣхъ же провинціяхъ Австро-Венгріи“, объясняя такое отступленіе отъ своей программы тѣмъ, что „монастырская жизнь во всѣхъ этихъ юго-славянскихъ окраинахъ появилась, можно сказать, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ“. Кто мало-мальски знакомъ съ исторіей Далмаціи, не можетъ согласиться съ такимъ доводомъ: Далмація получила своеобразное во всѣхъ отношеніяхъ развитіе вслѣдствіе господства въ ней, съ весьма ранняго времени, италіанской образованности и вслѣдствіе продолжительнаго венеціанскаго господства. Такъ же несостоятеленъ и другой доводъ: ограниченное число монастырей; ибо во всемъ Тріединномъ королевствѣ самъ г. Березинъ насчиталъ монастырей—православныхъ 29 (въ томъ числѣ 11 въ Далмаціи) и католическихъ—51 (въ Далмаціи 23). Сообразно съ числомъ жителей Тріединнаго королевства такое число монастырей слѣдуетъ считать весьма значительнымъ.

„Принявъ во вниманіе“, говоритъ г. Березинъ (стр. IV),—„что цѣль настоящаго моего труда состоитъ въ томъ, чтобы познакомить съ странюю не въ современномъ только ея состояніи, но и съ послѣдовательнымъ ходомъ ея историческаго развитія, я счелъ долгомъ псмѣстить въ отдѣлѣ „промышленность“ средній итогъ мѣстной промышленности за послѣднія десять лѣтъ“. Если такова была цѣль г. Березина, то ему слѣдовало бы не ограничиваться одною промышленностью, а распространить этотъ методъ изслѣдованія на всѣ отрасли статистики, каковы: движеніе народонаселенія, школьная и судебная статистика и т. д. Но онъ не исполнилъ своего обѣщанія даже относительно промышленности.

„Говора о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Хорватіи и Славоніи“, объясняетъ далѣе г. Березинъ,—„я нашелъ не лишнимъ привести въ русскомъ переводѣ учебную программу классическихъ хорватскихъ гимназій, имѣя въ виду наглядно представить всю разницу, въ этомъ отношеніи, между этими гимназіями и нашими классическими“. По нашему, это совершенно излишнее въ такомъ трудѣ, какъ трудъ г. Березина: если сопоставленіе хорватскихъ гимназій съ нашими казалось ему любопытнымъ и полезнымъ, то онъ могъ бы написать объ этомъ отдѣльную статью; но едва ли игра стоила свѣчей..

„Въ своемъ изслѣдованіи“, говоритъ, наконецъ, г. Березинъ (стр. VII), —„мы старались воспроизвести какъ первобытныя, такъ и современныя черты славянской національности, въ ихъ непосредственной генетической связи“. Эта задача весьма трудная: для рѣшенія ея необходимо основательное знаніе славянскихъ древностей, такое знаніе, какимъ не можетъ похвалиться еще ни одинъ ученый; поэтому было бы благодарнымъ и полезнымъ ограничиться описательною этнографіей, не пытаясь рѣшать вопросовъ этнографіи исторической. Впрочемъ, г. Березинъ, вопреки своему обѣщанію, ограничился простымъ описаніемъ быта и обычаевъ Хорватовъ и Сербовъ, и пускается въ объясненія только повѣрьевъ и обрядовъ; но, какъ человѣкъ, незнакомый съ современнымъ состояніемъ науки славянской мѣологии, онъ даетъ объясненія большею частію произвольныя, замѣняетъ фантазіями данныя науки и населяетъ славянскій Парнасъ такими богами, которые существовали въ воображеніи славянскихъ мѣологовъ лѣтъ сто тому назадъ.

Называя неоднократно свой трудъ „ученымъ изслѣдованіемъ“, г. Березинъ, очевидно, не отдавалъ себѣ отчета въ значеніи этихъ словъ.

На сколько прилично труду г. Березина названіе „ученаго изслѣдованія“, неоднократно имъ употребляемое,—будетъ видно изъ нашего разбора.

II.

Описаніе Хорватіи и Славоніи, которымъ начинается I-й томъ сочиненія г. Березина, заимствовано имъ большею частію изъ книги Матковича: *Hrvatska i Slavonija u svojih fizičnih i duševnih odnošajih. Spomenica za svjetsku izložbu u Beču 1873. Na poziv visoke kr. Hrvat-sko-Slavonske zemaljske vlade napisao D-r Petar Matković. U Zagrebu. 1873.* Какъ видно изъ этого заглавія, книга Матко-

вича написана по порученію хорватско-славянскаго правительства по поводу вѣнской всемірной выставки 1873 года. Для большей распространенности она была переведена на французскій и нѣмецкій языки. Практическою цѣлью опредѣлилось ея содержаніе. Не обративъ на это вниманія, г. Березинъ заимствуетъ изъ нея безъ разбора свѣдѣнія о Хорватіи и Славоніи и передаетъ ихъ почти въ томъ же порядкѣ и иногда тѣми же словами, хотя имѣетъ въ виду иную цѣль.

Географическое положеніе, границы и пространство Хорватіи и Славоніи (стр. 2) изложены по Матковичу (стр. 2—3), только короче. 1-я страница — о территоріальныхъ измѣненіяхъ — взята также изъ книги Матковича (стр. 11, 33). Топографическія особенности Хорватіи и Славоніи (стр. 2 — 25) изложены также по Матковичу (4—25), съ незначительными дополненіями — о горахъ и минеральныхъ источникахъ, съ пропусками и ошибками — о водахъ: такъ, пропущенъ притокъ Савы съ лѣвой стороны Мура, длина Савы отъ штирійско-хорватской границы до устья показана въ 90 миль вмѣсто 60. О климатическихъ условіяхъ (стр. 26 — 27), г. Березинъ говоритъ опять со словъ Матковича (25—28), значительно сокращая его. О хорватской же флорѣ вовсе не говорится (у Матковича 28—32), хотя въ предисловіи есть ссылки на сочиненія Нейльрейха и Шлосера.

Первыя двѣ страницы статистическаго очерка (27—28) суть перифразъ того, что говоритъ Матковичъ о народныхъ переписяхъ въ Хорватіи и Славоніи (стр. 32—33); а сообщенныя на слѣдующей страницѣ статистическія данныя о народонаселеніи извлечены изъ полуофициальной газеты *Narodne Novine* за 1875 г. Статистикѣ народонаселенія г. Березинъ посвятилъ всего 1 страницу; у Матковича она изложена на 18 страницахъ (33—50) въ слѣдующемъ порядкѣ: распределеніе населенія по жупаніямъ и округамъ (34—35), густота народонаселенія (35), отношенія женскаго пола къ мужскому (36), распределеніе жителей по званіямъ и занятіямъ (37), школьная статистика (37—38), населенныя мѣста (города, трговишта, села и селища) и отношенія народонаселенія къ пространству (38—39), распределеніе жителей по вѣроисповѣданіямъ (39—41) и народностямъ (41—45), движеніе народонаселенія (45—50). Въ статистическомъ очеркѣ г. Березина находимъ только краткія свѣдѣнія о распределеніи населенія по округамъ и народностямъ; статистическія данныя о школахъ и вѣроисповѣданіяхъ помещены въ особыхъ рубрикахъ; остальныхъ статистическихъ данныхъ вовсе не имѣется. Та-

кимъ образомъ, статистика изложена г. Матковичемъ несравненно обстоятельнѣе, чѣмъ г. Березинимъ.

Объ административномъ устройствѣ Хорватіи и Славоніи г. Березинъ говоритъ на 34 страницахъ (30—63), а Матковичъ—на 15 (142—157). Первую страницу авторъ посвящаетъ государственному устройству древней Хорватіи, не указывая впрочемъ, откуда почерпнулъ свои свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Онъ говоритъ, что „Хорваты, переселившись въ VII столѣтіи съ сѣвера на занимаемую ими территорію“, дѣлились на 12 племенъ, что территорія каждаго племени, въ административномъ отношеніи, была раздѣлена на общины или „жупы“, подчиненныя управленію „жупановъ“, а во главѣ управленія всѣхъ „жупъ“, составлявшихъ территорію одного племени, стоялъ „великій жупанъ“ (стр. 30); слѣдовательно, въ Хорватіи было 12 великихъ жупановъ. Здѣсь цѣлый рядъ ошибокъ и недоразумѣній: дѣленіе Хорватовъ на 12 племенъ сомнительно; жупою называлась не община, а цѣлый округъ, средоточіемъ котораго былъ укрѣпленный градъ, резиденція жупана; число жупъ было весьма ограничено: ихъ было во всей Далмаціи, по Константину Порфирородному, 14; наконецъ, въ собственной или Посавской Хорватіи былъ только одинъ великій жупанъ (другой былъ въ политически соединенной съ нею Далмаціи). Сельскіе старѣйшины или главари г. Березина принадлежатъ къ области вымысла: исторія не знаетъ ихъ. „Для обсужденія дѣлъ общихъ всему племени“, продолжаетъ онъ,—созывался „зборъ“ (вѣче), который бывалъ составленъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ общинъ. На этомъ собраніи или „зборѣ“ были обыкновенно избираемы сельскіе старосты, а изъ ихъ среды „жупаны“, а изъ среды „жупановъ“ „великій жупанъ“. Извѣстно, что въ древней Хорватіи были: 1) народная скупщина (congregatio, sinodus, concilium) изъ представителей всѣхъ сословій, на которой избирались великіе жупаны (позже короли), жупаны и баны, рѣшались вопросы о мирѣ и войнѣ, составлялись законы, судились важнѣйшія дѣла; 2) државно или королевско вѣче изъ бана, придворныхъ чиновъ и жупановъ съ участіемъ высшаго духовенства и городскихъ представителей; на немъ разбирались тяжбы и подтверждались дарственные и иныя грамоты; наконецъ 3) скупщины жупанійскія, градскія и общинныя, на которыхъ рѣшались дѣла, касающіяся жупаній, городовъ и общинъ. „Впрочемъ“, замѣчаетъ г. Березинъ,—„дѣла меньшей важности обыкновенно рѣшались подъ вѣтвями „липы“, которая, можно сказать, составляла необходимую принадлежность каждаго хорват-

скаго села". Надо признаться, такого курьеза нельзя было ожидать въ „ученомъ изслѣдованіи". Неужели зимою и въ непастьѣ „рѣшались дѣла меньшей важности подъ вѣтвями „липы"? Въ Черногоріи еще въ мое время (1861—1865 г.) лѣтомъ, въ жары, сенатъ собирался подъ вѣтвями стараго дуба на Цетинскомъ полѣ, иногда въ присутствіи князя; но обычнымъ мѣстомъ его засѣданій былъ княжескій дворецъ. То же самое, конечно, бывало и въ древней Хорватіи. Если бы г. Березину былъ извѣстенъ небольшой, но замѣчательный трудъ Рачкаго: „*Odlomez državnoga prava hrvatskoga*", то мы не нашли бы у него, г. Березина, такихъ курьезовъ и фантазій.

Нелѣпное мнѣніе о происхожденіи слова жупанъ изъ судьи-бана (судбанъ, судпанъ, жупанъ) можно было бы не приводить, тѣмъ болѣе, что производство этого слова отъ жупа давнымъ давно принято въ наукѣ.

Переходъ отъ древняго государственнаго строя Хорватіи къ новому административному устройству слишкомъ рѣзокъ у г. Березина. Онъ ограничивается общими выраженіями: „Весьма естественно, что, подъ вліяніемъ историческихъ событій, все болѣе и болѣе слабѣло и то звено, которое соединяло Хорватскій народъ съ его древнею внутреннею организаціей, а въ началѣ текущаго столѣтія, когда Венгры сдѣлались самостоятельными правителями восточной половины Австрійской имперіи, оно и воцѣпилось“ (ibid.). Но для г. Березина такіе рѣзкіе переходы ничего не значатъ и очень часто встрѣчаются въ его трудѣ, при чемъ „последовательный ходъ историческаго развитія"—это излюбленное его выраженіе — въ большинствѣ случаевъ забывается.

Извѣстно, что до начала X вѣка Хорватія дѣлилась на Паннонскую или Посавскую и Далматинскую, и что каждую изъ нихъ управлялъ особый великій жупанъ. Когда Паннонская Хорватія соединилась съ Далматинскою, ихъ общій правитель принялъ пожалованный ему папою титулъ короля (rex Croatiae Tomislav на Силѣтскомъ соборѣ 925 г.); но знаки королевскаго достоинства (insignia) получалъ только Держиславъ отъ Византійскаго императора, котораго онъ призналъ своимъ сюзереномъ (970 г.). По смерти Крѣшмира Петровича (1076 г.), королемъ былъ избранъ банъ Звониміръ: онъ отпалъ отъ Византіи и подчинился папѣ, которому обязался платить ежегодную дань въ 200 дукатовъ. Верховная власть была наследственна сначала въ родѣ Терпиміра (852 г.), а потомъ въ родѣ Крѣшмира (въ началѣ X в.). Престолъ переходилъ отъ отца къ сыну. Когда король умиралъ безъ

дѣтнимъ, народъ выбиралъ наслѣдника ему или изъ родственниковъ (Крѣшимиръ Петровичъ), или изъ другаго рода (Звонимиръ). По примѣру западныхъ королей, Хорватскій король былъ окруженъ многочисленнымъ дворомъ (главными придворными чинами были: *Palatii juranus, Curiae Regiae Judex, Aulae Regiae Cancellarius, Regalis episcopus*). Во главѣ управленія стояли банъ и жупанъ. Было три сословія: 1) бояре (*nobiles, majores*), 2) горожане (*ignobiles, minores*) и 3) поселяне (*villani, rustici*). Представители всѣхъ сословій собирались на скупщину (о ней было говорено выше). Во всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ принимало участіе духовенство, во главѣ котораго стоялъ архіепископъ Сплѣтскій, примасть королевства.

По смерти Степана, послѣдняго Хорватскаго короля изъ народной династіи, Хорваты признали своимъ королемъ Венгерскаго короля Коломана (1102 г.). Оба государства, Венгерское и Хорватское, были соединены только личною уніей въ особѣ короля, оставаясь вполнѣ независимыми одно отъ другаго: каждое имѣло свою корону, свое вѣче и управленіе, свое войско, свою монету, свои подати. Венгерскій король обязывался короноваться короною Звонимира въ хорватскомъ Бѣлградѣ (*Zaga veschia*) и присутствовать на хорватскомъ вѣчѣ. Но мало по малу взаимныя отношенія Хорватовъ и Венгровъ измѣнились: съ начала XIV вѣка Венгерскіе короли перестали короноваться короною Звонимира, а приглашали хорватскихъ депутатовъ на свою коронацію въ стольномъ Бѣлградѣ (*Stuhlweissenburg*), что продолжалось до конца XV вѣка: въ 1490 г. хорватскіе депутаты уже не присутствуютъ на коронаціи Владислава II; до XVI вѣка они еще не ходили на венгерскій сеймъ; до 1779 года Хорватія пользовалась автономіей: все управленіе находилось въ рукахъ бана и скупщины; но въ 1779 г. она была подчинена венгерскому намѣстническому совѣту въ Пештѣ, а съ начала нашего столѣтія была управляема мадьярскими магнатами и чиновниками.

Оставляя въ сторонѣ основные законы, опредѣляющіе отношенія Хорватіи къ Австріи и Венгріи, съ одной стороны, и къ Военной Границѣ и Далмаціи—съ другой (см. у Матковича, стр. 142—147), г. Березинъ ограничивается очеркомъ правительственныхъ системъ въ Австріи и ихъ вліяніемъ на административное устройство Хорватіи и Славоніи* (стр. 32—41). Въ этомъ краткомъ очеркѣ поражаетъ насъ путаница мѣстныхъ названій: одни и тѣ же округа называются то Аграмскимъ и Фіумскимъ, то Загребскимъ и Рѣчскимъ; перечис-
часть сскшп, отд. 2.

сленіе всѣхъ общинъ, входящихъ въ составъ каждой изъ 8 жупаній (стр. 38—41), совершенно неумѣстно и бесполезно.

Говоря объ „историческомъ значеніи“ хорватскаго сейма (стр. 42—43), г. Березинъ дѣлаетъ непростительныя ошибки. Такъ, онъ говоритъ: „Въ дипломѣ воеводы Держислава, изданномъ въ 836 году, то-есть, тогда, когда Мадьяръ еще не было въ Европѣ, говорится, между прочимъ, что хорватскій сеймъ былъ созданъ въ Вихчѣ (въ нынѣшней Далмаціи?) для подтвержденія за Сплѣтскою церковью права взиманія доходовъ съ принадлежащихъ ей земель“. Держиславъ, король, или воевода, правилъ Хорватію съ 970 по 1000 г., а грамоту на владѣніе бенедиктинскимъ монастыремъ близъ Сплѣта далъ Сплѣтскому собору великій жупанъ Терпиміръ въ 852 г.: это „древнѣйшій дипломатическій памятникъ“ Хорватовъ, до насъ дошедшій, по замѣчанію Любича (Pregled hrvatske poviesti, str. 14). Нѣсколько ниже читаемъ: „Въ 1102 году, по взаимному соглашенію между Хорватами и Венграми, была восстановлена политико-государственная связь между Хорватскимъ королевствомъ и Венгріей“. Выраженіе „восстановлена“ заставляетъ предполагать, что политическая унія Хорватіи съ Венгріей существовала до этого времени, а между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что начало этой унії положено именно въ 1102 году.

Современное устройство хорватскаго сейма и автономнаго хорватскаго правительства (стр. 44—49) изложено большею частію по Матковичу (стр. 147—149, 152—154). Есть дополненія о хорватскомъ министрѣ и банѣ. Г. Березинъ прибавилъ также отъ себя оклады жалованья, получаемаго баномъ и чиновниками его канцеляріи и автономнаго правительства, что мы считаемъ неумѣстнымъ и бесполезнымъ. О политической автономіи Хорватскаго королевства г. Березинъ замѣчаетъ (стр. 49), что „она крайне ограничена“. „Правда“, говоритъ—онъ, „что административная его автономія, по вышней своей формѣ, представляетъ, по видимому, болѣе широкое поле для дѣйствій; но, въ дѣйствительности, дѣло представляется иначе: административная машина Хорватіи и Славоніи всегда можетъ легко натолкнуться на тормазъ, который помѣшаетъ правильному ея движенію“.

Устройство жупаній изложено г. Березиннымъ гораздо подробнѣе (49—63), чѣмъ Матковичемъ (стр. 149—152). Есть у него свѣдѣнія любопытныя, но, къ сожалѣнію, не указанъ ихъ источникъ: приходится вѣрить ему на слово, но вѣру въ его слова подрываютъ явныя

ошибки и крайняя неразборчивость и необдуманность. Такъ, о знаменитомъ Туропольѣ читаемъ въ трудѣ г. Березина (стр. 54) слѣдующее:

„Мы должны замѣтить, что при Хорватско-Венгерскомъ королѣ Белѣ IV, въ 1225 г., все населеніе Турополя было возведено въ дворянское достоинство, и это достоинство сохранилось за нимъ и до настоящаго времени. Впрочемъ, славянскіе ученые (?) расходятся въ своихъ мнѣніяхъ относительно того, когда и почему было пожаловано жителямъ Турополя дворянское достоинство. Такъ, по мнѣнію однихъ ученыхъ (?), которые ссылаются при этомъ на происхожденіе названія самой мѣстности „Турополя“ (по турецки значитъ „останови“?), мѣстные жители оказали услугу Туркамъ въ войнѣ ихъ съ Венграми, а въ награду за это Турки и пожаловали Турополяцамъ званіе благородныхъ, которое освобождало ихъ отъ всякихъ повинностей. По мнѣнію же другихъ ученыхъ, вся мѣстность Турополя принадлежала графамъ венгерскимъ, которые съ теченіемъ времени продали всю эту мѣстность поселянамъ, а эти послѣдніе, сдѣлавшись такимъ образомъ землевладѣльцами, приняли званіе благородныхъ (?). Впрочемъ, мы находимъ еще два мнѣнія: по словамъ однихъ ученыхъ (?), дворянское достоинство было пожаловано жителямъ этой мѣстности въ XI ст. при Лудовикѣ II, сынѣ Карла Великаго, а по словамъ другихъ—въ XV ст. при Венгерско-Хорватскомъ королѣ Матвѣѣ Корвинѣ“.

Къ чему было приводить всѣ эти мнѣнія мнимыхъ „славянскихъ ученыхъ“, не названныхъ по имени? Наивно вѣрить производству славянскаго слова „Турополь“ (Thurfeld) отъ турецкаго, значащаго „останови“. Такъ же невозможно припимать „Турополь“ за „Туркополь“ (Campus Turcicus). О происхожденіи же 24 дворянскихъ общинъ Турополя извѣстно слѣдующее:

Король Бела IV, въ 1225 г., за множество услугъ (*considerantes multitudinem servitorum*), оказанныхъ ему вѣкиимъ Будуномъ, братьями его и родственниками, освободилъ ихъ „*ab obligatoria servitute castri Zagrabiensis*“ и пожаловалъ имъ потомственное дворянство *nobilitas in totam successionis ejus prosperitatem transfundatus*“. За такую милость эти новые дворяне отблагодарили короля новыми услугами, оказанными при вторженіи Монголовъ (1255 г.). Преемники Бела IV, Степанъ V (1271 г.), Владиславъ Куманъ (1278 г.), Сигизмундъ (1436 г.), Матвѣѣ Корвинъ (1483 г.) и Владиславъ II (1514 г.), подтвердили и распространили прежнія ихъ привилегіи. Во время вторженій Турокъ, туропольскіе дворяне отличились новыми боевыми под-

вигами, за которые получили подтвержденіе своихъ привилегій отъ Рудольфа II (1582 г.), Фердинанда II (1620 г.), Фердинанда III (1649 г.) и Леопольда (1703 г.). Ихъ дворянское достоинство вновь было подтверждено въ 1723 и 1741 гг. Наконецъ, Карлъ III пожаловалъ имъ особую печать (1737 г.). Замѣчательно, что въ грамотѣ Карла III въ первый разъ Турополье названо „Campus nobilium Turopolien-sium“, а до того времени оно называлось „Campus nobilium Zagrabien-sis“.

Жалованныя грамоты Туропольцевъ сохранились до сихъ поръ и изданы Фейеромъ (Codex diplomaticus et epistolarius). Эти грамоты не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ происхожденія туропольскаго дворянства. На основаніи ихъ сообщилъ Чернигъ (Ethnogr d. Oesterr. Mon. II, стр. 176—177) вышеприведенныя краткія свѣдѣнія о Туропольцахъ.

На стр. 56 въ числѣ уставовъ „свободныхъ королевскихъ городовъ“ упомянуть „Винодольскій Законникъ, отнесенный къ 1280 г. Тутъ двѣ ошибки: 1) Виподломъ называется часть Хорватскаго приморья между Сенемъ и Рѣкою, принадлежавшая нѣкогда знаменитымъ графамъ Франкопанамъ, а потому Винодольскій Законникъ, составленный старѣйшинами 9 Винодольскихъ общинъ въ Новомъ градѣ, въ присутствіи графа Леонардо, — нельзя отнести къ уставамъ „свободныхъ королевскихъ городовъ“; 2) теперь доказано, что этотъ Законникъ составленъ не въ 1280, а 1288 г.

На стр. 58—59 читаемъ не лишнее интереса замѣчаніе г. Березина о хорватской бюрократіи. Отмѣчаемъ его, такъ какъ оно основано на личныхъ наблюденіяхъ г. Березина.

Неизвѣстно, откуда г. Березинъ заимствовалъ свѣдѣнія о „вліяніи венгерско-нѣмецкаго элемента на устройство и сферу дѣятельности судебныхъ учреждений въ Хорватіи и Славоніи“ (стр. 64 — 71). Въ „очеркѣ современнаго состоянія судебной части въ Хорватіи и Славоніи“ (71 — 77) есть излишнія подробности (перечисленіе 34 уѣздныхъ судовъ, программа лекцій въ несуществующей болѣе юридической академіи, 73—74), но есть и любопытныя личныя замѣчанія (75 — 76). Нѣсколько словъ о судебной статистикѣ (стр. 77) заимствовано изъ вышеуказанной книжки Матковича (стр. 138 — 142), а не изъ статьи его въ Книжевникѣ, на которую напрасно ссылается г. Березинъ, заимствуя ссылку изъ той же книжки (стр. 138, прим. 2).

На стр. 78 — 81 представлены соображенія о причинахъ упадка промышленности въ Хорватіи и Славоніи. Состояніе горнаго промысла (стр. 82 — 6) изложено по Матковичу (стр. 32, 76 — 88). Ему же

(стр. 88—101) слѣдуетъ г. Березинъ въ изложеніи главныхъ отраслей мѣстной промышленности (стр. 86—96), опуская нѣкоторыя изъ нихъ, равно какъ и общія статистическія данныя, весьма важныя для характеристики состоянія промышленности въ Хорватіи, Славоніи и Военной Границѣ. На стр. 87 читаемъ соображенія автора объ „обстоятельствахъ, способствующихъ развитію кораблестроенія въ хорватскомъ приморьи“, а на стр. 89 онъ говоритъ объ „апатіи Русскихъ къ морскому дѣлу“, благоприятствующей развитію австрійскаго коммерческаго флота: „Австрійскій коммерческій флотъ, три четверти котораго составляютъ собственность хорватскихъ приморцевъ, является нагляднымъ доказательствомъ апатіи Русскихъ къ морскому дѣлу. Дѣйствительно, австрійскій коммерческій флотъ если и существуетъ и постепенно увеличивается, то единственно благодаря намъ самимъ. Мы видимъ, что австрійскія коммерческія суда занимаются почти исключительно перевозкою зерноваго хлѣба изъ нашихъ черноморскихъ портовъ на заграничныя рынки, откуда они привозятъ въ наши порты издѣлія заграничныхъ фабрикъ. Такимъ образомъ, если бы нашъ коммерческій флотъ и по численности, равно какъ и по доброкачественности своихъ судовъ, а также и по опытности своихъ шкиперовъ, могъ конкурировать съ австрійскимъ, то нанесъ бы сему послѣднему окончательный ударъ. Мы видимъ, что въ 1869 г., по взаимному соглашенію австрійскаго правительства съ италіанскимъ, каботажное плаваніе вдоль береговъ Италіи и Австріи было объявлено свободнымъ. Такъ какъ Италіанцы предприимчивѣе австрійскихъ приморцевъ, а притомъ и италіанскій каботажный флотъ значительнѣе австрійскаго, то въ результатѣ и вышло, что каботажное плаваніе даже вдоль австрійскаго побережья начинаетъ мало по малу переходить въ руки Италіанцевъ“.

На стр. 96 — 97 говорится о причинахъ застоя торговли, а на стр. 98 — 105 излагаются пути сообщенія иные, чѣмъ у Матковича (стр. 111—117): опускаются весьма важныя статистическія данныя о движеніи по этимъ путямъ, и вмѣсто того сообщаются ненужныя маршруты. Впрочемъ, есть любопытныя свѣдѣнія о мѣрахъ, которыя были приняты въ Вѣнѣ для поднятія торговаго значенія Триеста (стр. 102—104). На стр. 105—106 сообщаются не менѣе любопытныя свѣдѣнія о подобныхъ же мѣрахъ Мадьяръ относительно Рѣки (Fiume). На стр. 107 говорится объ акціонерныхъ обществахъ и коммерческихъ училищахъ — по Матковичу (стр. 118—119, 128), а на стр. 108 объ обществахъ страхованія судовъ—также по Матковичу

(стр. 121). Торговля внѣшняя и внутренняя изложена у Матковича (стр. 101—108) гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ у г. Березина (стр. 108—111), опустившаго статистическія данныя и свѣдѣнія о важнѣйшихъ торговыхъ центрахъ.

Неизвѣстно, откуда г. Березинъ почерпнулъ историческія свѣдѣнія о сельскомъ населеніи въ Хорватіи и Славоніи (стр. 113 — 130): у Матковича этихъ свѣдѣній нѣтъ. Сообщаемыя г. Березинымъ свѣдѣнія съ XII вѣка отличаются обстоятельностью; недостатокъ же свѣдѣній о положеніи сельскаго населенія во время господства народной династіи замѣняется измышленіями, не знаемъ—собственными ли г. Березина, или заимствованными имъ изъ неизвѣстнаго источника. „При самомъ первомъ своемъ появленіи въ предѣлахъ описываемой нами территоріи (въ VII ст.), Хорваты избрали двоякаго рода занятія: одни приняли на себя разныя званія и должности во вновь образованныхъ банствахъ (?) и жупаніяхъ, другіе получили въ собственность поземельные участки и занялись земледѣліемъ. Эти послѣдніе стали извѣстны подъ именемъ свободныхъ землепашцевъ (слободняки): имъ были подарены поземельные участки, которые составили ихъ наследственную собственность, а за право владѣнія ею „слободняки“ стали нести всѣ государственныя повинности. За исключеніемъ этихъ поземельныхъ участковъ, вся остальная часть территоріи Хорватскаго государства, въ теченіе весьма продолжительнаго періода времени, признавалась исключительною собственностью государства, а потому и обозначалась особымъ названіемъ „казва государева“. Эти государственныя земли были населены покоренными племенами: этого рода земледѣльцы были извѣстны подъ именемъ „кметовъ“. Такимъ образомъ въ самыя древнія времена существованія Хорватскаго государства въ немъ были двоякаго рода земледѣльцы: „слободняки“ и „кметы“; а самая территорія была раздѣлена на „свободные поземельные участки“ и на „государственныя земли“. Съ теченіемъ времени хорватскіе правители, по своему личному усмотрѣнію, стали дробить государственныя земли на участки, и за услуги, оказанныя государству, жаловали эти поземельные участки то монастырямъ и церквямъ, то частнымъ лицамъ. И такъ, мы находимъ теперь на хорватской территоріи четыре рода земель: свободныя, государственныя, церковныя и частныя или дворянскія (стр. 113—114).

Недоумѣваемъ, что могло подать поводъ г. Березину къ странному дѣленію Хорватовъ въ древнѣйшее время на чиновниковъ или служилыхъ людей и земледѣльцевъ. Извѣстно, что уже тогда разли-

чались у нихъ три сословія—боярское или племячи, мѣщанское или горожане, и простой народъ, и что самыми богатыми землевладѣльцами были племячи, занимавшіе высшія государственныя должности. Простой народъ или кметы, какъ доказываетъ Рачкій (op. cit., 147—149), пользовались личною свободою, но не имѣли личной земельной собственности, а сидѣли на землѣ властельской или монастырско-церковной. Въ латинскихъ грамотахъ они называются *villani, servi, ancillae*. Дѣленіе простаго народа на слободняковъ и кметовъ и ихъ происхождение есть вымыселъ г. Березина, или того, кого онъ повторяетъ. То же самое должно сказать и о дѣленіи землевладѣнія на четыре рода. Право земельной собственности кметы получили по урбаріальному закону Маріи Терезіи (Матковичъ, 52), о чемъ г. Березинъ умалчиваетъ (стр. 121).

Состояніе сельскаго хозяйства (стр. 131—140) изложено по Матковичу (55 — 76), иногда дословно, но большею частію сокращенно; нѣкоторыя отрасли сельскаго хозяйства пропущены (разведеніе домашней птицы, пчеловодство, шелководство, охота за дикими звѣрями, рыболовство: у Матковича, 74—76); есть дополненія только о винодѣліи (стр. 137—138).

Исторія дворянства въ Хорватіи и Славоніи (141 — 146) начинается измышленіями о его происхожденіи: авторъ говоритъ сначала о патриархальномъ бытѣ у Хорватовъ, когда господствовало „равенство, единеніе и братство между всѣми членами общества“, а потомъ о паденіи этого быта, когда изъ массы народа стали выдѣляться люди, „отличившіеся воинскою доблестью при отраженіи вѣшнихъ непріятелей“ и получившіе въ награду за свои подвиги земли или государственныя должности; эти люди образовали дворянское сословіе. Мечтать о патриархальномъ бытѣ у Хорватовъ въ историческое время („при первомъ появленіи въ исторіи“), когда, по увѣренію г. Березина, они уже „имѣли законы, писанные на доскахъ“ (?), въ нашъ вѣкъ не позволительно: исторія застааетъ у Хорватовъ уже правильно организованное государство, съ великими жупанами во главѣ, съ тремя сословіями, изъ которыхъ высшее или дворянское дѣлится уже на два класса — „*comites et barones*“ и „*milites s. nobiles*“. Подъ выраженіемъ „*principes regni*“ хорватскихъ грамотъ г. Березинъ понимаетъ первый классъ дворянства — магнатовъ: Рачкій (op. cit., 138) же говоритъ, что такъ титуловались только баны и жупаны. Слѣдующія слова г. Березина находятся въ противѣчій съ тѣмъ, что онъ говоритъ на стр. 113 о происхожденіи

землевладѣнія въ Хорватіи (см. выше): „Такъ какъ земля въ то время служила почти единственнымъ источникомъ доходовъ“, то понятно, что и индивидуальное значеніе лица было тѣсно связано съ поземельною собственностью, лицо пользовалось тѣмъ большимъ значеніемъ въ странѣ, чѣмъ большее пространство обнимала его поземельная собственность“. Слѣдовательно, самыми богатыми землевладѣльцами были, какъ мы выше замѣтили, дворяне, занимавшіе государственныя должности; а въ такомъ случаѣ самъ г. Березинъ опровергаетъ свое удивительное дѣленіе древнихъ Хорватовъ на людей служилыхъ и землевладѣльцевъ.

Говоря о современномъ состояніи дворянства (147 — 154), г. Березинъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о воспитаніи, домашней жизни и политическихъ стремленіяхъ хорватской аристократіи (150—154).

Изъ 86 страницъ, входящихъ въ составъ отдѣла, озаглавленнаго „Состояніе народнаго образованія въ Хорватіи и Славоніи“ (155—240), 54 (157 — 210) посвящены вопросу о современной хорватско-далматинской литературѣ. Авторъ, по собственнымъ его словамъ, „излагаетъ сначала причины возрожденія хорватско-далматинской литературы, а затѣмъ представляетъ перечень наиболѣе выдающихся ея произведеній, указывая при этомъ и на самыя событія, подъ вліяніемъ которыхъ слагалась эта литература. При этомъ онъ касается литературной дѣятельности и тѣхъ сербскихъ писателей, которые, по мѣсту своего рожденія или по мѣсту появленія ихъ литературныхъ произведеній могутъ быть отнесены къ разряду писателей хорватско-далматинскихъ“ (стр. 158). А нѣсколько выше (стр. 156) онъ говоритъ: „Такъ какъ политическія событія, происходившія на территоріи описываемыхъ нами странъ, не могли не отозваться и на направленіи литературы, то мы раздѣлимъ очеркъ современной хорватско-далматинской литературы на нѣсколько главъ, принявши при этомъ за основаніе дѣленія тотъ отѣнокъ, какой она принимала въ разные эпохи подъ вліяніемъ политическихъ событій. При разсмотрѣніи литературной дѣятельности хорватско-далматинскихъ писателей и ученыхъ мы представимъ нѣкоторыя біографическія данныя о нихъ“. Нельзя назвать удачною и удобною принятую г. Березиннымъ систему изложенія: 1) политическія событія далеко не такъ сильно вліяли на развитіе хорватской литературы, чтобы по нимъ можно было излагать ея исторію; 2) при такой системѣ изложенія приходится объ одномъ и томъ же писателѣ говорить нѣсколько разъ въ

разныхъ мѣстахъ. Было бы гораздо удобнѣе и вѣрнѣе излагать исторію литературы по писателямъ въ хронологической ихъ послѣдовательности, такъ какъ періодъ возрожденія хорватской литературы, начавшійся въ 30-хъ годахъ, продолжается понынѣ, и еще живы и до сихъ поръ трудятся многіе изъ первыхъ по времени литературныхъ дѣятелей этого періода. Множество перегородокъ, надѣланныхъ г. Березинымъ въ этомъ періодѣ (1-я—1830—1840 г., 2-я—1840—1848 г., 3-я—1848 и 1849 г., 4-я—1850—1860 и 5-я—1860—1880 г.), не только не приносятъ никакой пользы, но производитъ путаницу понятій и свѣдѣній.

Очень жаль, что г. Березинъ, задумавъ изложить современную хорватскую литературу, не ознакомился не только съ вышеуказанными трудами Шафарика и Новаковича, но и съ „Исторіей славянскихъ литературъ“ А. Н. Пыпина (2-е изд. 1879 г.), гдѣ на стр. 238—261 тома I-го нашелъ бы краткія, но точныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Читатель, имѣющій передъ собою книгу г. Пыпина, будетъ пораженъ ошибками и промахами, встрѣчающимися въ трудѣ г. Березина. Уже на первыхъ страницахъ, на которыхъ изложена теорія иллиризма, находимъ слѣдующіе ошибки и промахи:

„Со времени покоренія Далмаціи австрійскимъ правительствомъ“ (стр. 159) и т. д. Извѣстно, что Австрійцы никогда не покоряли Далмаціи, но что въ 1797 г., по уничтоженіи Венеціанской республики, Наполеонъ I отдалъ Далмацію Францу I, и что потомъ послѣ десятилѣтняго господства въ ней Французовъ (1805—1815 г.), она была окончательно присоединена къ Австріи Вѣнскимъ конгрессомъ.

Отожествленіе Илирійцевъ съ южными Славянами встрѣчается не только у Гундулича и Качича-Миошича (стр. 160), но и у другихъ дубровницко-далматинскихъ поэтовъ; а извѣстный дубровницкій ученый начала XVIII вѣка, Игнатій Джорджичъ (Giorgi), доказывалъ ихъ тожество въ разсужденіи „Res Illyricae seu Historia Rhacusana“.

„Послѣдователи“ иллиризма „являются теперь горячими поборниками мнѣнія словенскаго писателя Водника, высказаннаго имъ въ сочиненіи, появившемся въ 1811 году въ Люблянѣ подъ заглавіемъ: „Iliria oživlena“. Указавъ на сродство древнихъ Илирійцевъ съ Словенцами, авторъ затѣмъ проводитъ здѣсь мысль о необходимости всѣмъ южнымъ Славянамъ составить изъ себя „одно государственное цѣлое“. Упоминаемое г. Березинымъ „сочиненіе“ Валентина Водника († 1819) есть небольшое стихотвореніе или ода: „Iliria oživlena“, въ

которой поэтъ воспѣваетъ возрожденіе своей родины подѣ покровительствомъ Наполеона I, присоединившаго Крайну къ Франціи въ 1809 году,—а не ученый трактатъ объ Иллирійцахъ. Обѣ объединеніи южныхъ Славянъ подѣ именемъ Иллирійцевъ писалъ предшественникъ Водника, Япель (1744—1807 г.).

Вся страница 164 переполнена ошибками и недоразумѣніями. „До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія“, говоритъ г. Березинъ,— „югославянскіе писатели вообще держались этимологическаго правописанія; въ употребленіи у нихъ были азбуки: глаголическая, кирилловская и бохоричицкая (эта послѣдняя состояла изъ буквъ глаголитскихъ и латинскихъ)“. Если подѣ юго-славянскими писателями понимать хорватскихъ, какъ это принимаетъ г. Березинъ,—то слѣдовало бы сказать, что у нихъ въ употребленіи были три азбуки: латинская, глаголическая и буквѣца (нѣсколько видоизмѣненная кириллица съ примѣсью глаголицы). Бохоричицкой азбуки, состоявшей будто бы изъ смѣси латиницы съ глаголицею, никогда не существовало: словенскій ученый Богоричъ употреблялъ латинскую азбуку съ правописаніемъ, предложеннымъ имъ въ грамматикѣ словенскаго нарѣчія, изданной въ Виттенбергѣ въ 1584 г. (*Arcticae horulae successivae de Latino-Carniola litteratura etc.*); это правописаніе держалось у Словенцевъ, а не у Хорватовъ, до начала сороковыхъ годовъ, когда Блейвейсъ и его литературный кружокъ приняли хорватское правописаніе.

„Хорватскій писатель Людевитъ Гай, совершивъ поѣздку въ Чехію, принесъ оттуда правопись Іоанна Гуса—римскій алфавитъ... Хорватскіе писатели приняли этотъ римскій алфавитъ, который сталъ извѣстенъ подѣ именемъ „латиницы“. Людевитъ Гай принялъ для хорватскаго литературнаго языка новочешское правописаніе, предложенное Добровскимъ и Юнгманомъ и популяризованное Ганкой, и сдѣлалъ въ немъ только нѣкоторыя измѣненія и дополненія (dj, lj, nj вм. di, li, ni, dz=ħ, c=ħ). Это—новочешское—правописаніе имѣетъ въ своемъ основаніи правописаніе Гуса, но въ нѣкоторыхъ существенныхъ случаяхъ отъ него отличается. Римскій, или вѣрнѣе, латинскій алфавитъ былъ въ употребленіи какъ у Чеховъ, такъ и у другихъ западныхъ Славянъ съ самаго начала ихъ письменности: онъ называется латиницею въ противоположеніе кириллицѣ, то-есть, славянскому алфавиту, изобрѣтенному св. Кирилломъ и употребляемому восточными (Русскими) и южными Славянами, принадлежащими къ православной церкви. Сокращенная и видоизмѣненная, согласно

духу нашего языка и практическимъ удобствамъ, кириллица, какъ всѣмъ извѣстно, называется гражданкою. Эту гражданку принялъ въ основаніе своей азбуки Караджичъ: онъ ее дополнилъ необходимыми для выраженія звуковъ сербскаго языка тремя знаками ѣ, ѣ и ѣ, изъ коихъ второй существовалъ уже въ древне-сербской письменности, и ввелъ латинскій j вмѣсто славянскаго j, по совѣту Копитара. По этому г. Березинъ только по недоразумѣнію могъ выразиться такъ: „Сербскій писатель Вукъ Стефанъ (вм. Стефановичъ) Караджичъ высказался въ пользу русскаго алфавита, сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія, соответствующія фонетическимъ особенностямъ сербскаго языка; этотъ послѣдній алфавитъ получилъ названіе „кириллицы“.

На стр. 165 читаемъ: „Въ юго-славянскихъ провинціяхъ Австро-Венгріи находятся въ употребленіи три говора: штокавскій, чакавскій и кайкавскій“. Слѣдовало сказать: хорватское нарѣчіе дѣлится на три говора: штокавскій, чакавскій и кайкавскій, потому что въ юго-славянскихъ областяхъ Австро-Венгріи говорятъ на трехъ нарѣчіяхъ—сербскомъ, хорватскомъ и словенскомъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои говоры.

На стр. 166 г. Березинъ приводитъ слѣдующія отличительныя черты говоровъ хорватскаго нарѣчія: 1) различный выговоръ звука ѣ, 2) сохраненіе или опущеніе звука л, 3) окончаніе 1 л. ед. ч. наст. вр. и 4) удареніе. Въ словѣ преја=предја онъ видитъ опущеніе д передъ j, между тѣмъ какъ это (j) есть общее чакавскому говору съ словенскимъ нарѣчіемъ смягченіе d, переходящаго въ штокавскомъ говорѣ, какъ въ сербскомъ нарѣчіи, въ ѣ (г:ја=преѣа, теја=меѣа, гојеп=роѣеп). Вторая и третья черта не важны, первая и четвертая приведены не точно: ѣ выговаривается въ штокавскомъ говорѣ, какъ ѣ, а въ кайкавскомъ, какъ ѣ; удареніе въ штокавскомъ говорѣ вообще а не только въ многосложныхъ словахъ, однимъ слогомъ прежде, чѣмъ въ чакавскомъ (чак. glavà, vodà, шток. gláva, voda, чак. prijátel, stvorítel, шток. prijatel, stvoritelj). Кромѣ двухъ важныхъ чертъ, приведенныхъ г. Березинымъ, можно было бы привести еще много другихъ, не менѣе важныхъ, которыя отличаютъ хорватскія нарѣчія между собою, а именно: 1) переходъ глухихъ (въ шток. въ а: uzdahnje, jesam, въ кайк. въ е: uzdehnje, jesem, въ чак. въ а, о, е: uzdahne sudoc—sudoc, kratok—kratek, а лъ=лъ, ô: pln—rôn, vena—vôna, slnce—sonce); 2) переходъ носовыхъ въ чистые (л=у въ шток. и чак., ô въ кайк: ruka, mudar, obrnuti,—rôka, môder, obrnôti; ѣ=е въ шток. и чак., ä

(н) въ кайк; *pet, hvale,—pät, hvalä*); 3) переходъ *o* въ *y* въ кайк.; *smiluvati se, ženim*; 4) переходъ *sz, szz* въ шток. въ *y, uz* (*udova, uzeti*), въ гак. въ *z, za, soz* (*udova, vazeti*) и въ кайк. въ *z, sz, sz, z, ze* (*vurok, vzeti, zdignóti, zezove*=шток. *uzzove*); 5) старославянскому *жд* соответствуетъ въ шток. *đ*, въ чак. и въ кайк. *j* (*сѣжденъ*=*sudjen, sujen, sojen*), ст.-сл. *шт*=въ шток. и чак. *h*, въ кайк. *ч* (*поѣ, govoreči—поѣ govoreči*); 6) въ шток. и чак. отличается твердое *л* отъ мягкаго, въ кайк. господствуетъ среднее *л*; 7) кайк. имѣеть *чр* тамъ, гдѣ шток. и чак. *чр* (*črn, črv, črěvo—сгп, сгv, сiđvo*), 8) *z, m, n* въ шток. и чак. имѣють смягченіе посредственное (*grmlje, sporlje*), а въ кайк. непосредственное (*grmjje, sporje*); 9) сравнит. степень прилаг. оканчивается въ шток. и чак. на *ћи, љи*, въ кайк. на *ши* (*veći, mladji,—vešći, mlajši*); 10) въ кайк. сохранилось дѣйств. число, котораго въ шток. и чак. нѣтъ: 11) твор. ед. сущ. въ шток. и чак. имѣеть сербское окончаніе, а въ кайк. оканчивается въ муж. р. на *ом*, въ жен. на *ум* (*mošom, ženim*); 12) родств. мн. сущ. въ шток., какъ въ сербскомъ нарѣчій, оканчивается на *ах*, въ чак. на *и, ѝ* (*golubi, otac*), а въ кайк. на *ов* (*golubov, otcov*); 13) 3-е л. мн. наст. вр. въ шток. и чак. оканчивается на *у, е* (*pletu, hvale*), въ кайк. на *ю, ію* (*pleteju, hvajiju*); 14) будущее сложное въ шток. и чак. имѣеть сербскую форму неопр. накл. *†-ћу*, а въ кайк. двѣ) *гѣ-ем, будем* (*bum bômi) rekel*.

Во II-й главѣ г. Березинъ говорить сначала о Гаѣ (стр. 167—168) и дѣятельности его литературнаго кружка до 1840 года (168—171), потомъ объ австрійской политикѣ въ иллирійскомъ вопросѣ (172), и наконецъ о дѣятельности хорватскихъ писателей съ 1140 по 1848 г. (173—179): всего 12 страницъ довольно разгонистой печати. Этому же періоду хорватской литературы г. Пыпинъ посвятилъ 14 страницъ убористой печати. И какая разница между тѣмъ, что сообщаютъ въ своихъ трудахъ гг. Пыпинъ и Березинъ! У перваго мы находимъ живой очеркъ, написанный челоѣкомъ умнымъ и знающимъ, у втораго — сухой библиографическій перечень, безъ всякой связи и идеи, съ отступленіями, повтореніями, ошибками. О главномъ дѣятелѣ того времени, Гаѣ, сказано только, что онъ издавалъ политическую газету съ литературнымъ прибавленіемъ; о направленіи же его газеты, объ его политическихъ стремленіяхъ, объ его общественной дѣятельности, наконецъ — объ отношеніяхъ его къ австрійскому правительству нѣтъ ни слова. Отвѣты на эти вопросы можно найти въ книгѣ г. Пыпина, хотя и у него есть недомолвки; такъ, онъ не говоритъ о томъ, что въ 1836 г. по предложенію Гаѣ хорватскій сеймъ

постановилъ учредитьъ общество друзей народнаго образованія въ Шхиріи, а въ слѣдующемъ году онъ получилъ разрѣшеніе основать хорватскую типографію.

Сотрудники Гая, по отзыву г. Березина (стр. 167), не имѣли серьезныхъ научныхъ свѣдѣній. Этого нельзя сказать о Кукулевичѣ, Вукотиновичѣ, Ант. Мажураничѣ, Суботичѣ и нѣкоторыхъ другихъ хорватскихъ писателяхъ, получившихъ высшее образованіе и оставившихъ по себѣ болѣе или менѣе почтенные ученые труды. Г. Березинъ самъ противорѣчитъ этому отзыву на стр. 174 и слѣд., гдѣ перечисляетъ ученые труды нѣкоторыхъ сотрудниковъ Гая. Столь же необдуманно выразился г. Березинъ на стр. 168: „Всѣ послѣдователи этой теоріи (иллиризма) поспѣшили настроить свою лиру: они начали воспѣвать „иллиризмъ“ какъ нѣчто такое, чѣмъ въ силахъ пробудить народный духъ и возстановить братское дружелюбіе во всей юго-славянской семьѣ“. Правда, что многіе изъ послѣдователей иллиризма писали стихотворенія, но далеко не всѣ; не писали Антошъ Мажураничъ, Селянъ, Месичъ, Веберъ и др.

На стр. 168—171 г. Березинъ сообщаетъ краткія біографическія и бібліографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ хорватскихъ писателяхъ тридцатыхъ годовъ (Кукулевичѣ, Вукотиновичѣ, Вразѣ, Иванѣ Мажураничѣ, Штосѣ, Деметрѣ, Суботичѣ и Трискомѣ). О трудахъ этихъ писателей, вачавшихъ свою дѣятельность въ періодъ съ 1840 по 1848 годъ, онъ говоритъ на стр. 155—178; перечень ихъ трудовъ, напечатанныхъ въ 1848 г., находится на стр. 180—181, а съ 1850 по 1860 г.— на стр. 185—190, и наконецъ о позднѣйшихъ трудахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминается на стр. 201 и 207—208. Такъ разбросаны свѣдѣнія объ этихъ писателяхъ. Посмотримъ, чѣмъ онъ говоритъ о нихъ. Для образца возьмемъ Кукулевича-Сакчинскаго, котораго г. Березинъ называетъ Сакчинскимъ. Онъ получилъ образованіе, говоритъ г. Березинъ (стр. 168),— „въ Загребѣ, гдѣ прошелъ курсъ наукъ въ высшей гимназіи, затѣмъ въ философскомъ училищѣ, и наконецъ, въ тамошнемъ дворянскомъ конвiktѣ“. Изъ біографіи Кукулевича, напечатанной въ Загребѣ по поводу назначенія его великимъ жупаномъ (1861 г.), видно, что онъ получилъ образованіе въ Загребской юридической академіи, и что, по окончаніи курса въ ней, поступилъ на службу въ австрійскую армію (въ 1833 г.), гдѣ оставался до 1842 г., когда вышелъ въ отставку, — о чемъ г. Березинъ не упоминаетъ. О началѣ литературной дѣятельности Кукулевича читаемъ на стр. 168—169: „Незамѣтно онъ поддавался общему увлеченію;

его игривое воображеніе рисовало ему въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ будущность славянства; онъ невольно приходилъ въ восторгъ, какъ неопытный юноша, при первомъ пожатіи руки любимой имъ особы. Кукулевичъ спѣшитъ настроить свою лиру, чтобы на ней воспѣть возрожденіе юго-славянской національности“. Не понимаемъ, какую связь имѣетъ „пожатіе руки любимой особы“ съ „будущностью славянства“ и съ патриотическимъ настроеніемъ „лиры“ Кукулевича. Извѣстно, что Кукулевичъ въ началѣ воспѣвалъ свою возлюбленную, а не „возрожденіе юго-славянской національности“, и что литературную дѣятельность онъ началъ стихотвореніемъ „Tuga za ljubom“, напечатаннымъ въ Даницѣ за 1837 годъ.

На стр. 176 г. Березинъ говоритъ: „Оставивъ военную службу, Кукулевичъ поселился въ Загребѣ, гдѣ вполнѣ отдался литературѣ“. Это не совсѣмъ вѣрно: Кукулевичъ въ 1842 г. получилъ мѣсто судьи въ Загребской жупаніи, а въ 1845 году былъ переведенъ на такое же мѣсто въ Ваарджинскую жупанію. Къ этому времени относится начало политической дѣятельности Кукулевича. Въ 1843 году на сеймѣ въ Загребѣ онъ доказывалъ несправедливость цензуры и защищалъ невинность имени „Иллиры“. Тогда же онъ первый сталъ публично требовать, чтобы вмѣсто мертваго латинскаго языка былъ введенъ въ мѣстную администрацію народный хорватскій.

О весьма важной политической дѣятельности Кукулевича въ 1848 году г. Березинъ даже не упоминаетъ (см. у Пилина стр. 201); онъ говоритъ только, что „Кукулевичъ напечаталъ въ 1848 году въ Загребѣ свои стихотворенія политическаго содержанія подъ заглавіемъ: Slavjanske (стр. 180)“.

На стр. 185—186 читаемъ: „Въ 50-хъ годахъ, оставивши политическое поприще (объ его дѣятельности на этомъ поприщѣ, какъ было выше замѣчено, г. Березинъ вовсе не упоминаетъ), Кукулевичъ возвратился къ своимъ ученымъ занятіямъ“. Слѣдовало бы сказать: съ наступленіемъ реакціи въ 1850 году Кукулевичъ удалился съ политическаго поприща и занялъ скромную должность земскаго архиваріуса. Тогда было основано имъ „Društvo za povjestnicu jugoslavensku, предсѣдателемъ котораго онъ состоитъ до сихъ поръ. Съ 1851 года Кукулевичъ сталъ издавать Arhiv za povjestnicu jugoslavensku“, въ которомъ печатались изслѣдованія и матеріалы по исторіи и этнографіи южныхъ Славянъ. Наиболѣе замѣчательные изъ нихъ принадлежатъ самому Кукулевичу: о юго-славянскихъ родахъ въ венеціанскомъ дворянствѣ, объ юго-славянскихъ типографіяхъ XV

и XVI вѣковъ, о вилахъ, путешествіе по Далмаціи и Италіи въ 1857 году, старохорватская лѣтопись по римскому списку XVI вѣка, извлеченіи изъ дневника Марино Сануто конца XV и начала XVI вѣка объ отношеніяхъ южныхъ Славянъ къ Венеціи и т. д. Изъ сотрудниковъ Кукулевича слѣдуетъ назвать Рачкаго (о древней исторіи южныхъ Славянъ, акты Неаполитанскаго архива), Любича (о старинныхъ далматинскихъ монетахъ), Ивана Мажуранича (издававшего статутъ Сени), Месича (издававшего полицій статутъ), Казначича (описаль рукописи францисканской бібліотеки въ Дубровникѣ). Кукулевичъ обратилъ вниманіе на важность собиранія народныхъ обычаевъ и повѣрій, и въ его архивѣ постоянно печатались отвѣты изъ разныхъ хорватскихъ краевъ на этнографическіе вопросы, имъ предложенные. Обо всемъ этомъ г. Березинъ не упоминаетъ.

Въ перечисленіи трудовъ Кукулевича, вышедшихъ съ 1850 по 1860 г., пропущены нѣкоторые важные: Djela Dinka Zlatarića (съ біографіей) 1852, Bibliografija Hrvatska Д. I, 1860 (Дополненія изданы въ 1863 г.), Jura regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, 1860. Въ числѣ его ученыхъ трудовъ упомянутъ краткій перечень, принадлежавшихъ ему рукописей (Census monumentorum historicorum), разказано содержаніе одной брошюры (Dogadjaji medvëdgrada), а о содержаніи важныхъ трудовъ (Pjesnici Hrvatski XV i XVI vieka, Slovník umjetnikah jugoslavenskih) не сказано ни слова. О путешествіи Кукулевича по Далмаціи и Италіи говорится: „Въ этомъ сочиненіи встрѣчаются весьма интересныя свѣдѣнія. Такъ, между прочимъ, по словамъ автора, вблизи Неаполя въ селеніи Aqua viva живеть нѣсколько хорватскихъ семействъ, которыя туда переселились еще при Скандербергѣ (стр. 186). Удивительно, что г. Березинъ приписалъ Кукулевичу то, чего послѣдній никогда не могъ сказать. Въ своемъ Извѣстіи о путешествіи черезъ Далмацію въ Неаполь и Римъ Кукулевичъ даже и не упоминаетъ о Водѣ живѣ (Aqua viva); о славянскихъ поселеніяхъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ онъ обѣщаетъ поговорить въ другомъ мѣстѣ. Кстати замѣтимъ, что селеніе Aqua viva, Вода жива, находится не вблизи Неаполя, а въ разстояніи двухъ дней пути (по желѣзной дорогѣ и на лошадахъ) отъ него, въ графствѣ Молизскомъ; въ немъ и въ сосѣднемъ селеніи San Felice живеть не нѣсколько хорватскихъ семействъ, а до 4,000 душъ; Aqua viva основана не при Скандербергѣ, а въ 1537 году. (См. письма Де-Рубертиса въ русскомъ переводѣ въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. 1858 г. и мои статьи: О Славянахъ Молиз-

скаго графства въ южной Италіи въ Зап. Акад. Наукъ 1870 г. и Италіанскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи, II, 73—75, въ прилож. къ XIX т. Зап. Ак. Н., № 3).

На стр. 201 у г. Березина упомянуто "еще нѣсколько трудовъ Кукулевича, вышедшихъ въ свѣтъ послѣ 1860 года. Только объ одномъ читаемъ нѣсколько строкъ (*Borba Hrvata vtridesetljetnem ratu*), а о путевыхъ воспоминаніяхъ Кукулевича замѣчено: „Этотъ трудъ замѣчательнъ въ историко-этнографическомъ отношеніи (имъ, какъ увидимъ, г. Березинъ слишкомъ усердно пользовался и иногда дословно переводилъ его во II-мъ томѣ своего „ученаго изслѣдованія“). Изъ этихъ трудовъ одинъ озаглавленъ не вѣрно и безъ обозначенія года „*Monumenta slavica*“. Слѣдуетъ: „*Monumenta historica Slavorum meridionalium*“, I-й т. 1863 г. Опущены: *Borba Hrvatah s Mongoli i Tatari*, 1863, 3-й выпускъ сборника *Piesnici Hrvatski* (1865), огромная поэма Каваньина съ его біографіей 1861, и наконецъ, *Codex diplomaticus Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*.

Мы для образца разобрали сказанное г. Березинимъ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ и литературныхъ дѣтелей хорватской эпохи „возрожденія“. Время и мѣсто не позволяютъ намъ остановиться столь же подробно на остальныхъ: поэтому ограничимся общими замѣчаніями и исправленіями главныхъ ошибокъ и промаховъ г. Березина.

О многихъ изъ важнѣйшихъ писателей нѣтъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній или сообщаются свѣдѣнія весьма скудныя (объясненіе фамиліи—Вукотиновича и Врза, когда родился, иногда когда умеръ, иногда гдѣ воспитывался); напримѣръ, о Вукотиновичѣ (стр. 169), Вразѣ (*ibid.*), Тряскомъ (171), Селянѣ (174), Антонѣ Мажураничѣ (*ibid.*), Прерадовичѣ (177), Медо Пуцичѣ (178), Нѣмчицѣ (*ibid.*), Утѣшеновичѣ (*ibid.*), Казали (191, 207), Любичѣ (101, 205), Ягичѣ (201, 204), Вогишичѣ (203), Вожидарѣ Петрановичѣ (*ibid.*), Матковичѣ (205) и нѣкоторыхъ другихъ. Нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія находимъ о Мажураничѣ Иванѣ (170, 181), Деметрѣ (170), Суботичѣ (177, 197), Боговичѣ (176), Ивичевичѣ (184), Веберѣ (*ibid.*), Хорватѣ (185), Рачкомъ (186, 107, 200), Юкичѣ (187). Наконецъ, наиболѣе біографическихъ подробностей сообщается о Банѣ (181—182), Сундечичѣ (190, 207) и Курелѣчѣ (204). Изъ этого видно, что г. Березинъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на степень важности писателя: болѣшая или меньшая подробность біографическихъ свѣдѣній или даже полное ихъ отсутствіе въ трудѣ г. Березина есть

дѣло случая и никакого разумнаго основанія не имѣеть. Въ числѣ юго-славянскихъ ученыхъ встрѣчаемъ имя Венеціанца Валентинелли, директора бібліотеки св. Марка (183).

О трудахъ хорватскихъ писателей у г. Березина находимъ только сухія бібліографическія указанія. Цѣлыя страницы заняты простыми перечнями сочиненій (174—175, 178, 181, 183, 185, 187, 189, 190, 199, 203, 206, 208). Въ этихъ перечняхъ встрѣчаются заглавія такихъ трудовъ, о которыхъ не стоило бы упоминать (напримѣръ, нѣкоторые учебники на стр. 199, писанія Баленовича, Новака, Перока, Свидовича на стр. 203 и 200), и опущены нѣкоторые важные труды (напримѣръ *Boğišiča Pisani zakoni na slovenskom jugu*, 1872, — *Zbrnik sadušnjih pravnih obicaja u južnih Slovena I*, 1874, — Любича, *De Dominis*, — Матковича, *Putovanja po Balkanskom poluotoku XVI vijeka*, 1879, — Рачкаго, *Documenta historica Croatiae periodum antiquam illustrantia*, 1877, и др.). Заглавія нѣкоторыхъ трудовъ приведены не на мѣстѣ; такъ напримѣръ, въ отдѣлѣ беллетристики (стр. 208) помѣщены Курелца *Flummiensia* (сборникъ его политическихъ и ученыхъ рѣчей и статей; есть впрочемъ и стихи), его же изслѣдованіе объ именахъ домашнихъ животныхъ у Хорватовъ и слово надъ гробомъ Л. Гал. „Учеными“ трудами г. Березинъ называетъ иногда учебники и хрестоматіи; сборники актовъ Дубровническаго архива Пуцича (только первую книгу; 2-я ему неизвѣстна) и хорватскихъ юридическихъ актовъ Шульца онъ называетъ „историческими трудами“ (187, 201); извѣстную повѣсть Игнатія Красицкаго „*Ran Pod-toli*“ онъ считаетъ „небольшимъ отрывкомъ исторіи Польши“ (стр. 203). Подобныхъ недоразумѣній у г. Березина не мало. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ приводитъ только заглавія сочиненій; иногда прибавляетъ ничего не значащія выраженія: „лучшее произведеніе (135)“, „принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній (178)“, „заслуживаетъ упоминанія (178)“, „заслуживаетъ особеннаго вниманія (190)“ и т. п., но рѣдко знакомитъ съ содержаніемъ упоминаемаго имъ труда, или же сообщаетъ краткій отзывъ о немъ, большею частію неудачный или ошибочный.

Только о пяти писателяхъ (Трвскомъ стр. 171, 178, Вукотиновичѣ 176, Деметрѣ 178, Веберѣ 184, и Курелцѣ 204) отзывы г. Березина могутъ быть названы вѣрными; объ остальныхъ же г. Березинъ или отзывается ошибочно, или же сообщаетъ только бібліографическія свѣдѣнія, не всегда притомъ точныя и полныя. И эти свѣдѣнія, каковы бы они ни были, собрать въ его книгѣ не легко, такъ какъ о

часть сскн, отд. 2.

каждомъ почти писателѣ говорится въ разныхъ мѣстахъ: о Мажураничѣ (Иванѣ) на стр. 170, 175, 181, Суботичѣ 170, 177, 197, 207, Трнскомѣ 171, 178, Боговичѣ 176, 207, Банѣ 181—182, 191, Рачкомѣ 186, 199, 205, Юкичѣ 187, 189, Сундечичѣ 190, 207, Казани 191, 207, Шулькѣ 198, 201, Любичѣ 175, 201, 205, Ягичѣ 201, 205, Курелцѣ 204, 208 и т. д. Наконецъ, между сообщаемыми г. Березинымъ отрывочными свѣдѣніями о хорватской литературѣ нѣтъ никакой внутренней связи, а связываются между собою только механически, обыкновенно словомъ: „скажемъ“.

Подѣливъ хорватскую литературу эпохи возрожденія на кратковременные періоды, г. Березинъ старается, во что бы то ни стало, найти отлічіе въ направленіи литературы каждаго періода, и — вслѣдствіе того, представляетъ ложныя характеристики и впадаетъ въ противорѣчія. Такъ, на стр. 192 — 293 читаемъ: „Представивъ краткій очеркъ литературнаго движенія въ югославянскихъ окраинахъ Австріи въ періодъ времени отъ 1848 года до 1860 г., мы не считаемъ лишнимъ сказать нѣсколько словъ о внутреннемъ строѣ литературныхъ произведеній этого времени. Внѣшняя обстановка, при которой развивалась хорватско-далматинская литература, естественно отразилась на ея направленіи. Весьма естественно, что она принимала политическій отбѣнокъ лишь тогда, когда политическое положеніе дѣль въ Австріи представляло, въ этомъ отношеніи, благопріятныя условія, какъ, напримѣръ, въ небольшой промежутокъ времени отъ начала революціоннаго движенія въ Венгріи до обнародованія правительственной системы „централизма“. Въ послѣдующій за этимъ десятилѣтній періодъ господства нѣмецкаго начала на хорватско-далматинской территоріи мѣстная литература приняла воцнѣ научный характеръ, и вообще сфера ея дѣятельности уже значительно расширилась. Юго-славянскіе ученые начинаютъ основательно изучать народный языкъ и особенности народнаго быта своихъ соотечественниковъ. Въ описываемой нами періодъ времени произошла замѣтная разница и во внѣшнемъ строѣ поэтическихъ произведеній восточныхъ или сербскихъ и западныхъ или хорватско-далматинскихъ писаній. Восточные или сербскіе писатели излагали свои поэтическія произведенія воцнѣ въ народной формѣ, тогда какъ западные или хорватско-далматинскіе писатели, принявъ себѣ за образецъ древнихъ дубровницкихъ поэтовъ, придали повѣйшей поэзіи форму воцнѣ искусственную“.

Понятно, что во время сильнаго разгара политическихъ страстей,

какъ это было въ Хорватіи въ 1848 и 1849 годахъ, когда само австрійское правительство изъ собственныхъ интересовъ не только поддерживало, но и возбуждало вражду Хорватовъ къ Мадырямъ, литература „принимаетъ политическій оттѣнокъ“; но ограничить этими годами политическое направленіе хорватской литературы—ошибочно: оно началось гораздо раньше, дѣтъ за 15 до венгерской революціи; оно совпало съ самымъ началомъ „иллирійскаго возрожденія“. За хорватскою передѣлкою извѣстной польской революціонной лѣсни (1853 г.) слѣдуютъ патріотическія стихотворенія Вукотиновича и Трискаго, въ которыхъ проповѣдуется пражда къ Мадырямъ и союзъ южныхъ Славянъ; позже появляется юго-славянская марсельеза; панславянскія тенденціи высказываются ясно Сепяномъ въ его Иллирской географіи (1873); иллирская патица издастъ съ 1842 года славянофильскій журналъ Коло.. Этихъ фактовъ достаточно, чтобы показать, что хорватская литература приняла политическій оттѣнокъ за долго до 1848 года.

Столько же ошибочно утверждаетъ г. Березинъ, что хорватская литература съ 1851 года приняла вполне научный характеръ. Правда, вслѣдствіе разочарованія, наступившаго по усмиреніи венгерскаго возстанія, важнѣйшіе дѣятели хорватскаго возрожденія сошли съ политическаго поприща и стали заниматься наукою; развитію научной литературы въ Хорватіи не мало содѣйствовало общество юго-славянской исторіи, учрежденное въ 1850 году; но литература не приняла исключительно научнаго характера: беллетристика продолжала обогащать произведеніями какъ извѣстныхъ уже поэтовъ Вукотиновича, Трискаго, Боговича, Прерадовича, Суботича, Нѣмчица, Бана, такъ и новыхъ—Сундечича, Казали и др.

Также неосновательно г. Березинъ относитъ начало изученія хорватской народности ко времени съ 1850 по 1860 годъ. Этому противорѣчить онъ самъ на стр. 171 и 173—175, гдѣ говоритъ объ изученіи народнаго языка въ тридцатыхъ годахъ и приводитъ сочиненіе Любича объ обычаихъ Морлаковъ (1846 г.). На изученіе народнаго языка и быта, равно какъ и произведеній народнаго творчества, было обращено вниманіе съ самаго начала хорватскаго возрожденія, что, между прочимъ, доказывается вышепомянутымъ журналомъ Коло.

Наконецъ, столь же неосновательно г. Березинъ говоритъ объ измѣненіи вышней формы поэтическихъ произведеній въ тотъ же періодъ времени: лучшія изъ нихъ относятся къ сороковымъ годамъ и

по формѣ не отличаются отъ позднѣйшихъ, и притомъ форма, какъ у сербскихъ, такъ и у хорватскихъ поэтовъ—народная, что самымъ блистательнымъ образомъ подтверждается перломъ новой хорватской литературы, поэмою Мажуранича «Smrt Smail Age Čengića»; старымъ дубровницкимъ поэтамъ подражалъ изъ извѣстныхъ писателей только Деметеръ.

Что политическое направленіе было не чуждо и позднѣйшей хорватской литературѣ, видно изъ стр. 194—197, на которыхъ г. Березинъ говоритъ о переговорахъ генералъ-губернатора Далмаціи, Мамули, съ графомъ Мсдо-Пуцичемъ о литературномъ объединеніи Далмаціи съ Хорватіей и Славоніей и о преслѣдованіи австрійскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ хорватскихъ писателей за ихъ политическія стремленія.

Въ заключеніи своего „очерка современной хорватско-далматинской литературы“ г. Березинъ самъ сознается въ поверхности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній (стр. 209), и его сознаніе освобождаетъ насъ отъ труда продолжать нашъ разборъ.

Слѣдующая глава — Ученія общества въ Хорватіи и Славоніи (стр. 210—215)—изложена по Матковичу (131—133) съ незначительными дополненіями и измѣненіями. То же самое должно сказать и о главѣ: „Типографіи, бібліотеки, архивы, музеи“ (216—218; Matković, 134—135).

Въ главѣ „Состояніе прессы въ Хорватіи и Славоніи“ (218—222) сначала сообщаются краткіи общезвѣстныя свѣдѣнія о хорватской журналистикѣ съ 1840 года, а потомъ представляется перечень газетъ и журналовъ, выходившихъ въ 1877 году, и болѣе ничего.

Въ главѣ „Состояніе учебныхъ заведеній въ Хорватіи и Славоніи“ (222—240), Березинъ, сказавъ нѣсколько словъ объ исторіи школъ съ начала XVII столѣтія (222—226), излагаетъ школьную статистику по книгѣ „Statistika nastave u kraljevini Hrvatskoj i Slavoniji“ (227—237), приводитъ въ переводѣ гимназическую программу (232—237) и говоритъ „объ учебномъ персоналѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“ (238—239), о Загребскомъ университетѣ (239—240) и о педагогической каррьерѣ у Хорватовъ.

Вторая, бѣльшая, половина I-го тома сочиненія г. Березина, какъ уже выше было замѣчено, посвящена исторіи церкви въ Хорватіи и Славоніи (241—520 стр.) и озаглавлена: „Религіозное состояніе Хорватіи и Славоніи“. Она представляетъ несравненно меньшій интересъ, чѣмъ первая, а потому мы не будемъ долго останавливаться

на ней, а ограничимся только общими замѣчаніями и указаніями на главныя ошибки и промахи.

Изъ 280 страницъ 187 посвящены вопросу о православіи въ югославянскихъ провинціяхъ Австро-Венгріи (241—413). Авторъ начинаетъ заявленіемъ, что „исторія Сербской церкви по настоящее время оказывается весьма мало разработанною, что матеріаловъ для этой исторіи собрано пока немного, да и тѣ не обследованы должнымъ образомъ учеными“. Это—совершенно невѣрно. Исторія Сербской церкви критически разработана г. Голубинскимъ въ уже упомянутомъ трудѣ (стр. 421—559, 563—594, 597—604, 604—647, 670—673, 681—693). Кромѣ того, было также выше указано специальное изслѣдованіе архимандрита Арсенія: Наконецъ, церковная исторія венгерскихъ Сербовъ совмѣстно съ политической изложена Пико въ почтенномъ его трудѣ „Les Serbes de Hongrie“.

Первыя 54 страницы этого отдѣла (242—296) заняты очеркомъ исторіи православной церкви на Балканскомъ полуостровѣ. Этотъ очеркъ совершенно неумѣстенъ, такъ какъ нѣтъ никакой связи между исторіею православной церкви у Сербовъ Хорватскихъ и Славонскихъ и у Сербовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Кромѣ того, этотъ очеркъ, въ которомъ политическая исторія перемежана съ церковною, написанъ безъ всякой критики и наполненъ ошибками и промахами. Такъ, г. Березинъ простодушно вѣрнѣтъ легендарному разказу Діоклейца о соборѣ 860 года въ Dalminium, на которомъ будто бы была организована церковная іерархія у Сербовъ (стр. 245); говорятъ, что попъ Богомилъ жилъ при царѣ Симеонѣ (251), что Степанъ Неманя созвалъ церковный соборъ въ Расѣ въ 1143 году (253), а въ 1159 „принялъ титулъ великаго жупана“ (254); св. Саввѣ приписываетъ постройку такихъ монастырей, которые были основаны на сто и болѣе лѣтъ послѣ его смерти (265); хронологія у него часто ошибочная: не вѣрно показаны годы смерти св. Саввы, поставленія въ архіепископы Арсенія (272), смерти Дечанскаго (279) и т. д.; изъ одного названія—Джурджеви ступови—сдѣланы два: Джуджеви и Стубово. Вообще этотъ очеркъ написанъ небрежно; свѣдѣнія въ немъ сообщаемыя, случайны, не всегда точны, а иногда и невѣрны.

На слѣдующихъ 45 страницахъ (296—341) изложена исторія сербской православной церкви въ Хорватіи и Славоніи въ связи съ политической исторіею австрійскихъ Сербовъ. Специальное изслѣдованіе объ этомъ предметѣ архим. Арсенія указано выше. Г. Голубинскій почти не касается политической исторіи, а церковную исторію

австрійскихъ Сербовъ изложилъ на 43 страницахъ (604—647). Въ статьѣ г. Нила Попова, „Сербы въ Австріи“, напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1865 годъ, т. 57, стр. 258—314, излагается ихъ политическая исторія, по естѣ свѣдѣнія и по церковной. Въ обширномъ трудѣ г. Витковича: „Критически погляд на прошлост Срба у Угорској“, основанномъ отчасти на памятникахъ Пештскаго архива, есть также свѣдѣнія по исторіи православной церкви венгерскихъ Сербовъ. Исторія народа вмѣстѣ съ исторіею церкви (до 1873 года) подробно изложены Нико (на стр. 15—347). Краткія, но за то критически обработанныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ находятся въ извѣстномъ трудѣ Чернига (*Ethnogr. d. Oesterr. Mon.* II, 151—162, III, 134—140, а въ приложеніи къ обоимъ томамъ, особенно же къ III-му, напечатаны привилегіи и *Regesta* хранящихся въ архивѣ Вѣны и Пешта памятниковъ по исторіи австрійскихъ Сербовъ). Отрывочныя свѣдѣнія объ исторіи православной церкви у Сербовъ Хорватскихъ и Славонскихъ есть и у Чапловича (*Slavonien und Croatien*, II, 10—85). Наконецъ: изъ старыхъ трудовъ упомянемъ Раяча: „Исторія разныхъ славянскихъ народовъ“, въ III и IV томахъ которой находится свѣдѣнія, и иногда важныя, объ исторіи Сербовъ въ Австріи. Такимъ образомъ оказывается, что этотъ вопросъ хорошо извѣстенъ и критически обследованъ.

„Очеркъ исторіи сербской православной церкви въ Хорватіи и Славоніи“ раздѣленъ у г. Березина на 3 главы: 1-я—VII—XVI столѣтія (296—301), 2-я—XVII и XVIII стол. (301—329) и 3-я—съ конца XVIII стол. до 1874 года (328—341).

Въ 1-й главѣ сообщаются отрывочныя свѣдѣнія о сербскихъ поселеніяхъ въ Венгріи съ VII по конецъ XVI вѣка (всего 5 страницъ). Г. Березинъ говоритъ, что Сербы, жившіе въ Панноніи въ VII столѣтіи, въ IX были покорены Мадьярами, и съ тѣхъ поръ „охотно вступали въ ряды мадьярскаго войска“ и „за свои воинскія доблести нерѣдко достигали высшихъ государственныхъ должностей“, въ примѣръ чего приводитъ двухъ палатиновъ, Радивоя и Ивана Уроша; затѣмъ онъ глухо упоминаетъ о переселеніяхъ Сербовъ Царства „во владѣнія Венгерскаго королевства“—Хорватію, Славонію, Сръмъ, Банатъ и Бачку, при чемъ, по его словамъ, „они вступали въ переговоры съ австрійскимъ (?) правительствомъ относительно условій, при которыхъ они могли бы поселиться въ предѣлахъ Австріи“,—приводитъ вкратцѣ эти предполагаемыя имъ условія, и наконецъ, увѣрляетъ, „что въ XII столѣтіи Сербы населяли уже

всю территорію, которая нынѣ входитъ въ составъ православной Будимской епархіи“. Этими исчерпываются сообщаемыя имъ свѣдѣнія о Сербяхъ въ Австріи до первой четверти XV вѣка. Гораздо обстоятельнѣе объ этомъ времени говоритъ даже Чернигъ (II, 152—153). У послѣдняго сперва находимъ нѣсколько указаній о древнѣйшихъ слѣдахъ пребыванія Сербовъ въ Венгріи; а затѣмъ онъ сообщаетъ, что съ XIV в. указанія эти становятся опредѣленнѣе; такъ извѣстно, что послѣ Коссовской битвы (1389 года) „много сербскихъ подданныхъ бѣжало въ Венгрію“ (1404 и 1412 г.), и что въ гуситскихъ войнахъ (1420 и 1421 г.) въ войскахъ Сигизмунда были Сербы. Первая сербская колонія, по словамъ Чернига, была основана при томъ же королѣ Сигизмундѣ на островѣ Чепели, близъ Буда, гдѣ была имъ дарована деревня Szent-Abrahám, прозванная ими по ихъ родинѣ Ковинѣ и переименованная Мадыарами въ Kis-Kéve, а потомъ въ Rász-Kéve. Этой колоніи Сигизмудъ даровалъ значительныя привиллегіи, увеличенныя Владиславомъ I и Матвѣемъ Корвиномъ. Изъ Rász-Kéve Сербы распространились по Гекелу, С. Мартинѣ и Чепелѣ; тогда же, при Сигизмундѣ, они стали селиться въ Будѣ.

Объ этой первой сербской колоніи въ Венгріи г. Березинъ ничего не знаетъ. Витковичъ, ссылаясь на мадыарскаго историка Салая, указываетъ на двѣ привиллегіи, дарованныя Сигизмундомъ сербскимъ колонистамъ въ Rász-Kéve, 1404 и 1428 г. (Гласник, 1870 г., кн. XI, стр. 37). Пико (стр. 31—32) полагаетъ, что сербскія поселенія въ Ковинѣ существовали гораздо прежде: Ковинскій монастырь былъ основанъ будто бы Еленою, дочерью палатина Ивана I Урошевича и женою короля Бѣлы Слѣпаго, въ 1150 г. Онъ не признаетъ Ковинъ первою сербскою колоніей въ Венгріи и указываетъ на нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе, что Сербы задолго до того жили въ Срѣмѣ и Славоніи (22—29). Здѣсь было бы неумѣстно приводить эти факты (нѣкоторые изъ нихъ были извѣстны и Витковичу, 24—31). Забѣтнмъ только, что, кромѣ двухъ, указанныхъ г. Березинымъ, палатиновъ изъ Сербовъ, Радиволя (1056—1059) и Ивана Уроша (1100—1125), было еще два—Илья Видъ, жуланъ Бачки (1072—1074) и Бѣла Урошевичъ, правитель Далмаціи (1156—1161). Изъ книги Пико г. Березинъ могъ бы заимствовать интересныя свѣдѣнія о православной церкви у венгерскихъ Сербовъ въ XII—XIV вѣкахъ, свѣдѣнія, неизвѣстныя и г. Голубинскому. Удивительно, что г. Березинъ не привелъ въ своемъ трудѣ даже весьма важнаго извѣстія Чапловича (II, 17), на сочиненіе котораго ссылается въ предисловіи,—

извѣстія объ изгнаніи Людовикомъ I въ 1366 году изъ Крашовскаго комитета православныхъ сербскихъ священниковъ съ женами и дѣтьми и о замѣнѣ ихъ далматинскими глаголическими священниками.

Объ Юріѣ Бранковичѣ г. Березинъ говоритъ, что онъ „въ сопровожденіи нѣсколькихъ сербскихъ семействъ бѣжалъ въ Венгрію“ (стр. 297). Чернигъ (153) относитъ къ этому времени второе переселеніе Сербовъ большею частью изъ приверженцевъ этого сербскаго деспота. Обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ находимъ у Пико (35—36). Онъ говоритъ, что Юріѣ Бранковичъ основалъ сербскія колоніи во всѣхъ городахъ, уступленныхъ ему Сигизмундомъ (окт. 1430 г.), что къ этому времени относится основаніе сербскихъ колоній въ Szent-Endre, Szatmár, Szendahely и т. д., что въ то же время увеличились сербскія поселенія въ Славоніи, гдѣ еще въ предшествовавшемъ столѣтіи Сербы основали монастыри Гргетегъ, Оново, Язакъ, Бешеново, Кувешдинъ, Шашатовацъ и др., что, когда Юріѣ Бранковичъ, послѣ паденія Смедерева, переправился за Дунай (1439 г.), много сербскихъ семействъ переселилось въ Венгрію въ окрестности Баронъ-Ене и Вилáгоша, на сѣверъ отъ Мароша, и получило отъ Владислава I особыя привиллегіи. Это переселеніе Сербовъ въ Венгрію Чернигъ называетъ третьимъ. О четвертомъ ихъ переселеніи г. Березинъ выражается такъ (297—298): „Стефанъ, сынъ Георгія Бранковича, въ сопровожденіи массы Сербовъ, переселился въ 1460 году въ Венгрію. Сербскіе переселенцы поселились въ Сръмѣ и Банатъ... Въ 1465 году переселились изъ Сербіи въ Венгрію нѣсколько сербскихъ семействъ, имѣя во главѣ Вука Григорьевича“... По Чернигу (154), съ Вукомъ въ 1465 году переселилось въ Венгрію гораздо больше Сербовъ, чѣмъ съ Стефаномъ въ 1459 году. Тоже и Витковичъ (стр. 45) Пико (39) о переселеніи Сербовъ въ Венгрію съ деспотомъ Степаномъ ничего не говоритъ; по его словамъ, „le peuple lui même continua d'émigrer en Sirmie et dans les colonies fondées par Branković“; по о большемъ числѣ ихъ, послѣдовавшемъ въ Венгрію за Вукомъ, онъ выражается ясно: „Son neveu, Vuk Branković, qui, depuis 1465, était venu se fixer en Hongrie avec un grand nombre de ses compatriotes“...

На стр. 298 г. Березинъ замѣчаетъ: „въ 1481 году до 50,000 Сербовъ поселилось въ Венгрію, въ окрестностяхъ Крушевца“. На самомъ дѣлѣ они переселились изъ Крушевца, а поселились въ окрестностяхъ

Темешвара. Изъ нихъ состоялъ знаменитый черный легионъ См. Витковича, стр. 47, Picot, 41, Чернига, 154—156.

О переселеніи многихъ Сербовъ изъ Турціи въ Венгрію при деспотѣ Стефанѣ Штильяновичѣ послѣ 1503 года (стр. 299) ничего неизвѣстно: по всей вѣроятности, г. Березинъ, по недоразумѣнію, припалъ переселеніе Сербовъ изъ Срѣма, занятаго Турками въ 1508 г., въ Баранью, въ Печскій округъ, за переселеніе изъ Турціи въ Венгрію (Picot 46, ср. Витковић, 55). Въ первой четверти XVI вѣка были только переселенія отдѣльныхъ лицъ изъ Турціи въ Венгрію (Czörnig, 156; Витковић, 53). Седьмое большое переселеніе Сербовъ изъ Турціи въ Венгрію случилось, по Чернигу (156), въ 1538 г.; новымъ переселенцамъ были даны обширныя привилегіи королемъ Фердинандомъ.

Изъ исторіи отношеній Сербовъ къ венгерскому правительству въ XVI вѣкѣ г. Березинъ знаетъ только постановленіе пресбургскаго сейма 1574 г. о десятипѣ и указы 1588 и 1599 гг., которыми воспрещалось Сербамъ употребленіе юліанскаго календаря (300 — 301). Витковичъ (54—95); Picot (47 — 57) и Чаповичъ (II, 23 — 26) сообщаютъ много любопытныхъ свѣдѣній о состояніи венгерскихъ Сербовъ и ихъ церкви въ XVI вѣкѣ. Отрывочныя свѣдѣнія есть и у г. Голубинскаго.

Какова была судьба Сербовъ въ Венгріи въ XVII вѣкѣ, г. Березинъ не говоритъ ни слова. 2-я глава начинается переговорами австрійскаго правительства съ патриархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ (1688 г.) о переселеніи Сербовъ изъ Турціи въ Австрію. Эти переговоры, послѣдовавшее за ними переселеніе Сербовъ въ Австрію въ числѣ 37,000 семействъ (1690 г.), льготы, дарованныя новымъ переселенцамъ австрійскимъ правительствомъ, и наконецъ, заботы Сербскаго патриарха объ охраненіи этихъ льготъ—до его смерти (1706 г.) изложены довольно подробно (стр. 302—312). Слѣдующія 17 страницъ (313—29) посвящены преимущественно вышней исторіи церкви; тутъ встрѣчается также кое-что объ австрійской политикѣ относительно Сербовъ, о войнахъ Австріи съ Турціей и о переселеніи Сербовъ въ Россію. Онущенная г. Березинимъ исторія венгерскихъ Сербовъ въ XVII столѣтіи изложена Витковичемъ на стр. 95—119 и Picot на стр. 58—64. Изъ ихъ трудовъ узнаемъ объ услугахъ, оказанныхъ Сербамъ Рудольфу II въ борьбѣ съ трансильванскимъ воеводою Стефаномъ Бочкаемъ, провозгласившимъ себя Венгерскимъ королемъ (1605 г.),—о новыхъ сербскихъ поселенцахъ изъ Босны, въ Хорватіи

и Славоніи и о прибытіи туда митрополита Гавріила съ 70 монахами,—объ участіи Сербовъ въ Тридцатилѣтней войнѣ и о новыхъ привиллегіяхъ, пожалованныхъ имъ Фердинандомъ II въ 1630 и 1640 гг. (самоуправленіе) и т. п.; но особенно важны были бы для г. Березина сообщаемыя Витковичемъ и Пико свѣдѣнія объ отношеніяхъ Сербовъ къ трансильванскимъ воеводамъ Юріямъ I и II Ракоци. Юрій I Ракоци (1633—1648 г.) былъ фанатикъ-кальвинистъ и хотѣлъ обратить въ кальвинизмъ Сербовъ и Волоховъ, но встрѣтилъ сопротивленіе со стороны Ореста, митрополита Трансильванско-Бѣлградскаго, который воспретилъ катехизисъ, написанный по приказанію Ракоци въ духѣ кальвинизма. Вслѣдствіе того Ракоци лишилъ его митрополіи и на его мѣсто поставилъ Степана Симоновича (1643—1651). Съ его разрѣшенія былъ напечатанъ Новый Завѣтъ на румынскомъ языкѣ и сдѣлана попытка къ замѣнѣ церковно-славянскаго языка румынскимъ въ богослуженіи; но эта попытка не удалась вслѣдствіе сопротивленія, встрѣченнаго со стороны волошскаго духовенства, отправлявшаго изстари богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Съ 1651 по 1656 г. сербскою православною церковью управлялъ кальвинскій супер-интендантъ. Въ 1657 г. по представленію супер-интенданта Юрія Чулалъ былъ утвержденъ Юріемъ II Ракоци Сава II Бранковичъ митрополитомъ Трансильваніи и Венгріи.

Г. Березинъ представляетъ патріарха Арсенія III Черноевича „человѣкомъ крайне властолюбивымъ и честолюбивымъ“, который „свои личныя интересы ставитъ выше интересовъ народа“ (стр. 311). Этого г. Березинъ не сказалъ бы, еслибы обратилъ вниманіе на борьбу Арсенія съ интригами уніатскаго епископа Любобратича, іезуитовъ и Нѣмцевъ.

На стр. 312 г. Березинъ говоритъ: „27-го октября 1706 года скончался въ Вѣнѣ патріархъ Арсеній III, какъ говорятъ, отъ отравы“. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что патріархъ былъ отравленъ кардиналомъ Колоничемъ, бывшимъ при Леопольдѣ I венгерскимъ канцлеромъ, какъ видно изъ Печской лѣтописи: (см. Витковичъ, Гласник, XXXVII, 254).

Излагая исторію православной церкви у австрійскихъ Сербовъ въ XVIII вѣкѣ, г. Березинъ обращаетъ вниманіе преимущественно на дѣятельность соборовъ и митрополитовъ, а о состояніи православія и народности сообщаетъ весьма мало данныхъ, между тѣмъ какъ у Витковича и Пико онъ нашелъ бы много любопытнаго и важнаго объ этомъ предметѣ. По словамъ перваго изъ нихъ (стр. 287), со времени

Сатмарскаго договора Мадьярь съ Нѣмцами (1711 г.), положеніе Сербовъ въ Австріи было хуже, чѣмъ какого-нибудь другаго народа въ Европѣ. Оно еще ухудшилось послѣ Пожаревацкаго договора (1718 г.), когда число Сербовъ, подвластныхъ Габсбургамъ, утроилось: „свак-зна“, говоритъ Витковичъ (294),—„да је Србамн болѣе било под Турцима, но под аустријском владом“. 61-й параграфъ венгерскаго законника 1723 г. обратилъ сербскихъ колоштовъ въ рабовъ, совершенно отданныхъ на произволъ ихъ мадыарскихъ господъ. Не смотря на *patatum protectogium* 1735 г., ихъ положеніе съ каждымъ днемъ стаповилось невыносимѣе, что было причиною ожесточеннаго возстанія въ комитетѣ Бекешскомъ, къ сѣверу отъ Мароши (1736 г.). Страшныя казни были слѣдствіемъ этого возстанія (Picot, 106—109). На православную вѣру было воздвигнуто сильное гоненіе: австрійскій генераль графъ Петацци запретилъ въ Воспой Границѣ браки между православными и униатами подъ смертною казнью; по его приказанію, леповинскій игумень Кондратій былъ убитъ солдатами на самой паперти церкви, куда отправлялся для совершенія богослуженія; православные монахи изгонялись и ихъ монастыри отдавались францисканцамъ (Витковичъ, 297). Насильственное введеніе униі было причиною новаго возстанія въ 1737 г. (Picot, 117—118). Нѣмцы смотрѣли на Сербовъ, какъ на дикихъ звѣрей, и старались, ради своей пользы, возбуждать въ нихъ кровожадность. Одинъ авантюристъ, баронъ Тресъ, вербовалъ среди Сербовъ и Хорватовъ своихъ знаменитыхъ пандуровъ, которые навели ужасъ на мирныхъ жителей почти всей средней Европы (*ibid.* 121—122). Въ 1755 году вспыхнуло новое возстаніе въ Военной Границѣ. Число возставшихъ простиралось до 20,000. Мстя за преслѣдованіе своей вѣры, они въ нѣсколько дней сожгли болѣе 30 замковъ, и въ томъ числѣ загребскаго епископа въ Градцѣ, близъ Криженца; та же участь постигла іезуитскую коллегію въ Станицѣ, близъ Капелы (*ibid.* 135). До такого ожесточенія доходили обѣ стороны.

Не останавливаясь на мелкихъ промахахъ г. Березина, переходимъ къ 3-й главѣ, въ которой изложены событія съ конца прошлаго столѣтія по настоящее время (всего 11 страницъ). Въ ней сначала говорится о присоединеніи Румынской церкви къ Сербской архіепископіи, потомъ о „патентѣ вѣротерпимости“ Іосифа II, объ успѣхахъ униі, о церковно-народномъ соборѣ 1790 г., о дѣйствіяхъ митрополитовъ Стратиміровича и Раячича, о возстановленіи Сербскаго патріархата въ 1848 г., о дѣятельности патріарховъ Раячича и Муши-

ревича, и наконецъ, о соборахъ 1870 и 1874 г. и о новосадскихъ конференціяхъ 1873 г. Событія 1870—1874 г. изложены подробно, чѣмъ предшествовавшія имъ, — на 3 слишкомъ страницахъ, такъ что на цѣлое почти столѣтіе (1783—1870 г.) приходится всего 8 страницъ: изъ этого видно, какъ поверхностно изложена исторія сербской православной церкви въ Австріи съ конца прошлаго столѣтія по настоящее время. Этотъ же самый періодъ времени изложенъ Пико на 186 страницахъ (154—347, 473—474). Не разбирая этой главы, замѣтимъ только, что г. Березинъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на неблаговидную роль, которую игралъ архимандритъ Анджеличъ въ послѣднихъ событіяхъ.

На слѣдующихъ 78 страницахъ (340—403) изложено современное состояніе православія въ Хорватіи и Славоніи. Замѣтивъ, что „сербское населеніе Хорватіи и Славоніи представляетъ въ религіозномъ отношеніи двѣ группы, совершенно разнородныя“ (простой народъ религіозецъ, интеллигенція же отличается политѣйшимъ индифферентизмомъ въ дѣлахъ вѣры), г. Березинъ переходитъ къ вопросу о національно-религіозномъ просвѣщеніи у Сербовъ (342—358). Сообщивъ краткія историческія свѣдѣнія о сербскихъ школахъ въ Австріи въ XVIII вѣкѣ (342—345), онъ приступаетъ прямо къ изложенію дѣятельности Матицы съ 1826 по 1864 г. (346—347), потомъ приводитъ въ переводѣ главныя статьи положенія 1869 года объ устройствѣ сербскихъ школъ (347—349), говоритъ о недостаткѣ среднихъ учебныхъ заведеній (350), затѣмъ возвращается къ Матицѣ и сообщаетъ свѣдѣнія о матеріальныхъ ея средствахъ и преслѣдованіи ея венгерскимъ правительствомъ (350—354), упоминаетъ объ учрежденіи сербскихъ учительскихъ семинарій въ 1870 и 1871 гг. (354—355), указываетъ на причины, содѣйствующія ослабленію православія въ Хорватіи, Славоніи и Военной Границѣ (355—356), говоритъ объ антагонизмѣ между Сербами и Хорватами (356—357), и наконецъ, сообщаетъ статистическія данныя о сербскомъ православномъ населеніи Хорватіи, Славоніи и Военной Границы (358). Въ такомъ безпорядкѣ излагаетъ г. Березинъ свои скудные и отрывочныя свѣдѣнія о состояніи просвѣщенія у австрійскихъ Сербовъ! Въ вопросѣ столь важномъ онъ не потрудился обратиться даже къ цитируемому имъ въ числѣ источниковъ сочиненію Чапловича, гдѣ на стр. 230—234 II-го тома могъ найдти обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи сербскихъ школъ въ Австріи въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Эти свѣдѣнія легко было бы дополнить по книгѣ Пико (436—440). Ста-

тистическихъ свѣдѣній о сербскихъ школахъ за послѣднее время находятся, между прочимъ, въ извѣстномъ уже трудѣ Матковича.

Состояніе народнаго просвѣщенія у австрійскихъ Сербовъ въ концѣ прошлаго столѣтія было далеко не такъ плачевно, какъ полагаетъ г. Березинъ, что видно изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ, сообщаемыхъ Пикѣ и Чапловичемъ: въ 1780 году, по Пико, было 413 народныхъ школъ, изъ коихъ 373 были вновь открыты; по Чапловичу же, съ 1778 по 1795 г. было основано 658 народныхъ школъ, а въ 1797 г. ихъ число возросло до 804, что при народонаселеніи въ 1.369,425 душъ даетъ одну школу на 1,703 человекъ (op. cit. 256—257). Но при такомъ значительномъ числѣ народныхъ школъ не было ни одного средняго учебнаго заведенія. Необходимость ихъ учрежденія сознавалъ соборъ 1790 г. Въ слѣдующемъ году (а не въ 1792, какъ говоритъ г. Березинъ) была основана гимназія въ Карловцахъ на средства, пожертвованныя Анастасіевичемъ (20,000 гульденовъ) и 90 Карловчапами (19,000). Второстепенныя школы учреждены въ Сент-Ендре, Салеборѣ, Осѣкѣ, Иригѣ, Новомъ Садѣ, Румѣ, Арадѣ и Бечкерекѣ. Въ 1776 году народные школы были преобразованы и учреждены учебныя округа; во главѣ cadaго изъ нихъ стоялъ инспекторъ, но по прежнему чувствовался недостатокъ учителей, а потому была учреждена учительская семинарія въ Сент-Ендре. Число народныхъ школъ постепенно увеличивалось: въ 1811 г. ихъ считалось 1,176, что при народонаселеніи въ 1.537,000 даетъ 1 школу на 1,307 душъ. Гимназіи въ Карловцахъ постепенно развивались; въ 1817 году въ ней было 191 ученикъ; ея фондъ съ 39,000 увеличился до 100,000 гульденовъ. Къ духовной семинаріи въ Карловцахъ, основанной въ 1794 году, прибавилась еще другая, открытая въ 1809 году въ Пакрацѣ.

Поверхностныя, общеизвѣстныя свѣдѣнія о сербской Матицѣ г. Березинъ сообщаетъ на стр. 346—347 и 351—353, не понятно почему раздробляя ихъ; болѣе толковое изложеніе находимъ у Picot, 446—448). Объ обществѣ народнаго театра (Дружество за српско народно позориште) и о сербской „Омладинѣ“ г. Березинъ даже не упоминаетъ, хотя оба эти общества играли важную роль въ исторіи просвѣщенія австрійскихъ Сербовъ; (см. о нихъ Picot 448—451).

Статистическихъ свѣдѣній о школахъ у г. Березина нѣтъ (у Picot, 440). О такъ-называемыхъ главныхъ школахъ, существующихъ во всѣхъ значительныхъ мѣстностяхъ, онъ не говоритъ ни слова: это — коммерческія училища, имѣющія важное значеніе для страны

и народа. Молчаніемъ онъ проходитъ также земледѣльческое училище въ Кикиндѣ (Picot, 439).

На слѣдующихъ 4 страницахъ (358—362) говорится у г. Березина о церковно-народныхъ фондахъ у австрійскихъ Сербовъ: такихъ фондовъ онъ знаетъ только 3, а въ книгѣ Пикѣ насчитано ихъ 21. Г. Березинъ сообщаетъ свѣдѣнія устарѣлыя и не представляетъ общихъ итоговъ. По Пикѣ, главные фонды составляли въ 1868 г. слѣдующія суммы: народный неприкосновенный фондъ—980, 968 гульд., клерикально-школьный 1.680,782, — Alumneum Стратиміровича — 74,598, фондъ Стратиміровича на постройку архіепископскаго дома 107,653,— фондъ Савы Тѣкеліи—280,015, фондъ Нестора Дмитріевича—46,859,— школьный фондъ — 143, 340 и т. д. Совокупность всѣхъ народныхъ фондовъ составила сумму 3.476,097 гульд. Частіише фонды представляютъ слѣдующія суммы: фондъ, составившійся изъ частныхъ пожертвованій и находящійся въ распоряженіи митрополита, — 161,375 гульденовъ, — фондъ новосадскій на субсидіи бѣднымъ ученикамъ— 161,000,— фондъ Сербской Матицы — 545,472,— фондъ на содержаніе учебниковъ, находящійся въ рукахъ частныхъ лицъ—53,280; всего же 1,306,605 гульденовъ (Picot, 440—445).

На стр. 362 — 369 сообщаются свѣдѣнія о духовно-учебныхъ заведеніяхъ: сначала (363—366) говорится объ ихъ исторіи (1733—1861), а потомъ, на остальныхъ 4 страницахъ, — о современномъ состояніи четырехъ духовныхъ семинарій. Свѣдѣнія о послѣднихъ отличаются ненужными подробностями. Было бы гораздо удобнѣе и естественнѣе свѣдѣнія о духовно-учебныхъ заведеніяхъ помѣстить въ одномъ отдѣлѣ со свѣдѣніями о свѣтскихъ училищахъ.

Стр. 370—380 посвящены вопросу о духовной литературѣ. Здѣсь совершенно неумѣстны краткія свѣдѣнія о старо-сербской письменности со времени св. Савы (370—373). Взглядъ на сербскія лѣтописи (373) ложепъ: важность ихъ, какъ источника для исторіи Сербіи, нынѣ несомнѣнно доказана. На стр. 375 — 377 приводятся заглавія 18 извѣстныхъ г. Березину книгъ на сербскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, которыя онъ величаетъ „наиболѣе выдающимися сочиненіями духовно-сербской литературы“. Удивительно, какъ въ этотъ перечень попали: 1) сочиненія нѣмецкія Бартепштейна, Гинцеля (о Кириллѣ и Меѳодіи) и Швикера, и 2) катехизисъ, учебники священной исторіи, переводы Псалтыря и нѣкоторыхъ другихъ книгъ Веллаго Завѣта, Часословъ, Осмогласникъ и т. п. Неумѣстны въ „очеркъ духовной литературы“ перечень сербскихъ повременныхъ изданій (377 — 378):

здѣсь указаны журналы Српска Летопис, Сербско-далматински Магазин, Гласник и Бесіеда и газета Застава. На стр. 389 г. Березинъ говоритъ о причинахъ упадка сербской духовной литературы, а на слѣдующей, жалуется на недостатокъ поддержки этой литературы со стороны Сербовъ-міряпъ — совершенно впрочемъ несправедливо.

На стр. 381—393 излагается церковно-административное устройство сербскаго населенія Австро-Венгрии: сначала говорится о первыхъ сербскихъ православныхъ епархіяхъ въ Австріи (съ 1498 г. по конецъ XVII стол.), потомъ объ епархіяхъ, учрежденныхъ въ XVIII в., (381 — 382), объ илирійской депутаціи (383), о различныхъ церковно-административныхъ мѣрахъ, принятыхъ въ XVIII вѣкѣ (383—386), о соборахъ 1864—1875 г. (387 — 388, 391 — 393), о современномъ раздѣленіи Хорватіи, Славоніи и Военной границы на епархіи (388—389) и о церковномъ управленіи (390—392). Эта глава представляетъ относительно столь мало интереса, что мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на ней. Замѣтимъ только, что болѣе обстоятельныя свѣдѣнія можно найти у архим. Арсенія, по тому же предмету у г. Голубинскаго, Чапловича (II, 14—111) и Пикѣ (401—435). Особенно слаба у г. Березина статистическая часть.

Еще менѣе интересна слѣдующая (VI) глава о матеріальныхъ средствахъ православнаго духовенства (393—399). И объ этомъ предметѣ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія сообщаютъ Чапловичъ и Пикѣ.

На стр. 399—413 говорится о сербскихъ православныхъ монастыряхъ. Г. Березинъ замѣчаетъ сначала, что „сербское монашество и сербскіе монастыри въ ихъ современномъ видѣ и положеніи являются нерѣдко отступающими отъ той цѣли, къ какой должны стремиться, не соответствующими своему назначенію и потому представляющими явленіе ненормальное и грустное“; затѣмъ онъ вовсе не кстати говоритъ о монашествѣ въ древней Сербіи (400 — 402), потомъ сообщаетъ кое-какія историческія свѣдѣнія о православныхъ сербскихъ монастыряхъ въ Австріи (402 — 405), и наконецъ, говоритъ о нѣкоторыхъ существующихъ монастыряхъ, дѣлая при этомъ историческія припомнанія о нѣкоторыхъ изъ нихъ или передавая свои личныя наблюденія (405—413). Вопросы, затронутые въ этой главѣ, изложены съ болѣею основательностію и критикою г. Голубинскимъ, Чапловичемъ и Пикѣ.

На слѣдующихъ 75 страницахъ (414 — 488) говорится о католициствѣ въ Хорватіи и Славоніи. Въ началѣ (414—415) авторъ пред-

ставляетъ свои фантазіи о племенной солидарности между Хорватами и Сербами до второй половины IX столѣтія, то-есть, до раздѣленія церкви восточной и западной, и о томъ, какъ съ первой половины X в. „мѣстные священники, вооруженные мечемъ и крестомъ, дѣлали нерѣдко набѣги на турецкія (?) земли“, какъ „во многихъ мѣстахъ Хорватскаго королевства православные Сербы бывали прямо принуждаемы католическими священниками отказываться отъ вѣры своихъ отцовъ, принимать католичество и только бѣгствомъ спасались отъ преслѣдованій католическихъ проповѣдниковъ“. Слѣдующія за этимъ краткимъ введеніемъ 29 страницъ (416—444) заняты „Очеркомъ исторіи римско-католической церкви въ Хорватіи и Славоніи“. Въ этотъ очеркъ, начинающійся съ 925 года (соборъ въ Сплѣтѣ), вставлена исторія Хорватовъ до XIV столѣтія (417—428): столь важный предметъ требовалъ бы обстоятельнаго изложенія, вмѣсто котораго г. Березинъ представляетъ отрывочные факты, иногда невѣрные или украшенные собственными его измышленіями (417, 419—420, 423, 424 — 425, 428). Затѣмъ слѣдуютъ поверхностныя свѣдѣнія о дѣятельности иезуитовъ, (429 — 430). Лучше и обстоятельнѣе изложена исторія католической церкви въ Австріи со вступленія на престолъ Іосифа II до 1874 г. (431—444); но свѣдѣнія, сообщаемыя въ ней, слишкомъ общи и касаются всего государства, а не отдѣльных его областей — Хорватіи и Славоніи.

На стр. 445—463 г. Березинъ говоритъ о современномъ состояніи католичества въ Хорватіи и Славоніи. Этотъ отдѣлъ раздѣленъ на двѣ главы. Въ первой говорится о религіозномъ настроеніи селянина-Хорвата, о сельскомъ звонарѣ и его обязанностяхъ и, наконецъ, о „причинахъ, по которымъ Хорваты не охотно избираютъ для себя духовную карьеру“ (445—450). На стр. 447—449 сообщаются краткія свѣдѣнія о римско-католическихъ духовныхъ семинаріяхъ.

Вторая глава (451—463) посвящена вопросу о „церковно-административномъ устройствѣ Хорватіи и Славоніи“. Здѣсь говорится объ устройствѣ Загребской архіепископіи и епископіи Срѣмской и Крбавской, о капитулахъ, консисторіяхъ, епархіальныхъ канцеляріяхъ, о церковныхъ фондахъ и матеріальныхъ средствахъ римско-католическаго духовенства въ Хорватіи и Славоніи.

На стр. 464—471 совершенно неумѣстно сообщаются историческія свѣдѣнія о римско-католическихъ монашескихъ орденахъ, на стр. 472—482 излагается исторія римско-католическаго монашества въ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. Тутъ мы встрѣчаемъ замѣчательные

промахи и недоразумѣнія! 1) На стр. 475 читаемъ: „писатель XI вѣка, архидіаконъ Тома, въ историческомъ трудѣ о далматинской церкви упоминаетъ“ и т. д. Извѣстно, что Тома, архидіаконъ Сплѣтскій, жилъ въ XIII вѣкѣ (1200—1268), и что онъ написалъ *Historiam Salonitanorum Pontificum atque Spalatensium*. 2) На стр. 476: „Въ этихъ-то (славянскихъ, глаголическихъ) монастыряхъ сталъ выработываться народный языкъ и была положена прочная основа славянской письменности, народной литературѣ. Такъ мы видимъ, что значительная часть нѣзъ рукописныхъ книгъ, которыя сохранились до настоящаго времени, принадлежатъ къ періоду времени, начиная съ XIV до XVI ст.“. Слѣдовало бы сказать, что въ глаголическихъ монастыряхъ, употребившихъ славянскій языкъ при богослуженіи, сохранились остатки славянской глаголической письменности, и что древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ этой письменности относится къ XIV вѣку.

Слѣдующія 6 страницъ заняты „статистическимъ очеркомъ“ католическихъ монастырей въ Хорватіи Славоніи и Далмаціи (482—488): Это впрочемъ лишь перечень монастырей съ кое-какими замѣчаніями.

На стр. 489—514 сообщаются свѣдѣнія объ уніатской церкви въ Хорватіи и Славоніи. Сначала г. Березинъ возвращается къ вопросу о переселеніи Сербовъ, о чемъ уже было говорено на стр. 296 и затѣмъ г. Березинъ сообщаетъ дополнительныя (къ стр. 299) свѣдѣнія о переселеніяхъ Сербовъ въ XVI столѣтіи. Начало уніи въ Хорватіи и Славоніи г. Березинъ относитъ къ половинѣ XIV вѣка (стр. 489); По г. же Голубинскому (641), „первыя попытки ввести унію въ западной Кроаціи, между тамошними босно-герцеговинскими православными переселенцами, относятся къ тридцатимъ-сороковымъ годамъ XVII вѣка“. Исторія уніи изложена г. Березинымъ (490—513) гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ г. Голубинскимъ (641—644); по и въ этой главѣ первый впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: такъ, на стр. 497—498 онъ говоритъ объ энергической дѣятельности патріарха Арсенія Черноевича противъ уніи, что противорѣчитъ характеристикѣ этого патріарха, представленной на стр. 311. На стр. 514 сообщены статистическія данныя объ уніатахъ въ Хорватіи и Славоніи. По счету г. Березина, въ Крижевицкой (а не Крижевская, какъ онъ навывааетъ) епархіи, „не считая далматинскаго вице-деканата“, вице-деканствъ—3, приходовъ—17 и прихожанъ 16,004; по Цико же (422) въ 1868 г. было въ этой епархіи 2 деканства, 22 прихода и 15,649 прихожанъ (изъ нихъ около 2000 Русскихъ, слѣ-

довательно, Сербовъ 13,649); Такимъ образомъ число униатовъ преувеличено г. Березинымъ. Еще болѣе оно преувеличено г. Голубинскимъ, насчитавшимъ ихъ 30,000. По Пико (380), во всей епархіи Крижевицкой, считая Далматинцевъ и Русскихъ, было 18,386 униатовъ.

Послѣднія 6 страницъ I тома сочиненія г. Березина заняты краткими историческими и статистическими свѣдѣніями о протестантствѣ въ Хорватіи и Славоніи. Протестантизмъ въ Хорватіи, какъ извѣстно, былъ истребленъ еще въ XVII вѣкѣ, о чемъ г. Березинъ не упоминаетъ. Онъ замѣчаетъ только, „что значительная часть (слѣдовало бы сказать—всѣ) мѣстныхъ магнатовъ и вообще землевладѣльцевъ, принявшихъ нѣкогда протестантизмъ, возвратилась къ религіи двора“ (но когда и вслѣдствіе какихъ мѣръ?). Живущіе теперь въ Хорватіи и Славоніи протестанты—позднѣйшіе пришельцы, Нѣмцы и Мадьяры, и число ихъ ничтожно (менѣе 20,000).

В. Макушевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1879 ГОДУ.

Въ послѣднемъ отчетѣ объ испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ за 1878 годъ, напечатанномъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (августъ и сентябрь 1879 г.), уже было объяснено, что первые три года по введеніи новыхъ правилъ объ испытаніяхъ составляли для гимназій время переходное; а потому, и въ статистическихъ выводахъ, касающихся результатовъ испытаній за это время, замѣчались довольно значительныя измѣненія изъ года въ годъ, указывавшія, однако же, на постепенное улучшеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Съ 1876 года устанавливается болѣе нормальное положеніе, и процентные выводы за послѣдніе годы имѣютъ много сходства между собою, число же оканчивающихъ гимназическій курсъ и получающихъ аттестаты или свидѣтельства зрѣлости продолжаетъ увеличиваться. Отчеты объ испытаніяхъ зрѣлости, представленныя изъ учебныхъ заведеній за 1879 годъ, вполне подтверждаютъ вышесказанное.

Число изъявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости, въ общей сложности, достигало:

въ 1873 году	до 1,178 человекъ,
„ 1874 „	„ 1,383 „
„ 1875 „	„ 1,684 „
„ 1876 „	„ 1,605 „
„ 1877 „	„ 1,776 „
„ 1878 „	„ 1,965 „
„ 1879 „	„ 2,269 „

За исключеніемъ 1876 г., въ которомъ оказалось весьма незначительное уменьшеніе числа являющихся къ испытаніямъ, за всѣ остальные годы замѣчается постоянное и довольно равномѣрное увеличеніе.

Большинство являющихся къ испытаніямъ составляется изъ учениковъ правительственныхъ гимназій; кромѣ того, къ испытаніямъ допускаются 1): ученики трехъ училищъ, учрежденныхъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ (св. Петра, св. Анны, и реформатской), пользующихся правами правительственныхъ гимназій ¹⁾; къ той же категоріи учебныхъ заведеній присоединена въ 1879 г. гимназія, устроенная въ Москвѣ при церкви св. Петра и Павла; 2) ученики частныхъ гимназій и 3) постороннія лица, подвергающіяся испытаніямъ въ правительственныхъ гимназіяхъ одновременно съ ихъ учениками. Послѣднюю категорію подвергающихся испытаніямъ составляютъ молодые люди домашняго воспитанія, а также получившіе образованіе въ какомъ-либо другомъ учебномъ заведеніи, правительственномъ или частномъ, кромѣ гимназій, или наконецъ, учепики гимназій, преждевременно изъ нихъ выбывшіе по какимъ-либо причинамъ и приготовлявшіеся къ окончательному испытанію внѣ стѣнъ гимназій. Если сравнимъ число являющихся къ испытаніямъ зрѣлости, по категоріямъ экзаменующихся, за 1873, 1876 гг. и за послѣдній отчетный 1879 годъ, то получимъ слѣдующіе выводы:

Число изъявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости.	Въ 1873 г.	Въ 1876 г.	Въ 1879 г.	Въ сравн. съ 1873 г. увеличилось на:
Учениковъ правительственныхъ гимназій.	881	1333	1927	118%
Учениковъ церковныхъ училищъ . . .	26	32	40	53%
Постороннихъ лицъ. .	204	222	280	37%
Учениковъ частныхъ гимназій	70	18	22	уменьшилось.
Всего въ общей сложности	1178	1605	2279	увеличилось на 92,6%

¹⁾ Объ ихъ устройствѣ подробно объяснено въ общихъ всенародныхъ отчетахъ по министерству.

Такимъ образомъ оказывается, что наиболѣе увеличилось, абсолютно и въ процентномъ отношеніи, число учениковъ правительственныхъ гимназій; и притомъ, въ степени весьма значительной, болѣе, чѣмъ вдвое, точнѣе на 118⁰/. По другимъ категоріямъ экзаменуемыхъ не замѣчается значительнаго измѣненія числа являющихся къ испытаніямъ; число учениковъ церковныхъ училищъ увеличилось на 14 человекъ въ семь лѣтъ: число постороннихъ лицъ на 76 человекъ; число учениковъ частныхъ гимназій даже уменьшилось на 48 человекъ. Такіе измѣненія нельзя не признать незначительными, въ сравненіи съ двухтысячною массою подвергавшихся испытаніямъ, хотя въ процентномъ отношеніи, взятая по каждой категоріи экзаменуемыхъ въ отдѣльности, они не лишены значенія.

Въ 1873 г., въ общую отчетность объ испытаніяхъ зрѣлости не входили гимназіи Дерптскаго и Варшавскаго учебныхъ округовъ. Уставомъ 1871 г. гимназическій курсъ увеличенъ на цѣлый годъ; вмѣсто прежняго 7-ми лѣтняго, установленъ 8-ми лѣтній, и курсъ послѣдняго VII класса сдѣланъ двухгодичнымъ, позднѣе даже раздѣленъ на два самостоятельные класса VII и VIII. Поэтому, въ 1872 г. вовсе не предстояло выпускныхъ испытаній; но въ видѣ изыатія, дозволено было допустить къ экзамену отличнѣйшихъ учениковъ, пробывшихъ въ VII классѣ одинъ годъ. Таковыхъ оказалось 306 изъ 1,379 учениковъ II класса, во всѣхъ учебныхъ округахъ, на которые въ то время распространялось дѣйствіе новаго устава ¹⁾. Этою мѣрою, разумѣется, уменьшено и число выпускныхъ учениковъ слѣдующаго 1873 года. Въ 1874 г. къ общей отчетности объ испытаніяхъ зрѣлости присоединенъ Дерптскій учебный округъ, въ которомъ, кромѣ двухъ Александровскихъ гимназій, Рижской и Ревельской, устроенныхъ по общему уставу 1871 г., остальные гимназіи округа преобразованію не подвергались. Въ 1873 г. дѣйствіе общаго гимназическаго устава распространено и на Варшавскій учебный округъ; и здѣсь произошло то же явленіе—продленіе курса на цѣлый годъ, а также зависящая отъ этой мѣры пріостановка выпуска учениковъ; въ 1874 г. въ гимназіяхъ означеннаго округа показано по отчетамъ окончившихъ курсъ всего только 26 учениковъ. Варшавскій учебный округъ вошелъ въ общую отчетность объ испытаніяхъ зрѣлости только въ 1875 г. Въ томъ же 1875 г. совершилось раздѣленіе Казанскаго учебнаго

¹⁾ Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета по министерству за 1872 годъ стр. 43.

округа на два округа—Оренбургскій и Казанскій, а также отдѣленіе отъ Казанскаго округа нѣкоторыхъ гимназій, присоединенныхъ къ Московскому и Харьковскому учебнымъ округамъ. Если принять во вниманіе всѣ указанныя измѣненія и сравнить число явившихся къ испытаніямъ зрѣлости въ 1879 году съ таковымъ же по учебнымъ округамъ—Варшавскому, Казанскому, Оренбургскому за 1875 г., по Дерптскому за 1874 г., а по остальнымъ за 1873 г., то получимъ слѣдующіе выводы:

Число явившихся къ испытаніямъ зрѣлости составляло въ учебныхъ округахъ:

Московскомъ . . .	въ 1873 г.	245,	въ 1879 г.	308,	на 25,7 ⁰ / ₁₀₀ болѣе.
С.-Петербургскомъ	"	188	"	286	" 52,1 ⁰ / ₁₀₀ "
Кіевскомъ . . .	"	177	"	249	" 40,6 ⁰ / ₁₀₀ "
Харьковскомъ . .	"	157	"	239	" 52,2 ⁰ / ₁₀₀ "
Одесскомъ . . .	"	76	"	200	" 163,1 ⁰ / ₁₀₀ "
Виленскомъ . . .	"	66	"	143	" 116,6 ⁰ / ₁₀₀ "
Западной Сибири.	"	14	"	18	" 28,5 ⁰ / ₁₀₀ "
Восточной Сибири	"	6	"	11	" 83,3 ⁰ / ₁₀₀ "
Дерптскомъ. . .	въ 1874 г.	216	"	328	" 51,8 ⁰ / ₁₀₀ "
Варшавскомъ . .	въ 1875 г.	150	"	276	" 84 ⁰ / ₁₀₀ "
Казанскомъ . . .	"	123	"	149	" 21,1 ⁰ / ₁₀₀ "
Оренбургскомъ. .	"	45	"	62	" 37,7 ⁰ / ₁₀₀ "

Всего въ 1873 г. 1,178 въ 1879 г. 2,269, на 92,6⁰/₁₀₀ болѣе.

Число учебныхъ заведеній, ученики которыхъ подвергались испытаніямъ зрѣлости, значительно увеличилось за тотъ же промежутокъ времени, только въ одномъ Московскомъ учебномъ округѣ—съ 15 до 23; въ Казанскомъ округѣ прибавилась 1 гимназія (съ 1874 г.), въ Оренбургскомъ 1, въ Харьковскомъ 2, Одесскомъ 2, Кіевскомъ 4, Дерптскомъ 4, Восточной Сибири 1; въ учебныхъ округахъ — Варшавскомъ, Виленскомъ, Западной Сибири, число учебныхъ заведеній осталось безъ измѣненія; въ С.-Петербургскомъ округѣ даже уменьшилось: прибавились 3 правительственныя гимназіи, убавились 4 частныя гимназіи. Сличая эти данныя съ вышепрiloженною таблицею, убѣждаемся, что число учебныхъ заведеній не имѣло непосредственнаго вліянія на увеличеніе числа экзаменовавшихся; послѣднее зависѣло, очевидно, отъ увеличивающагося числа учениковъ правительственныхъ гимназій, оканчивающихъ курсъ въ каждомъ учебномъ

заведеніи: число гимназій наиболѣе увеличено въ Московскомъ округѣ. съ 15 до 23, и въ этомъ же округѣ оказывается наименьшее увеличеніе съ 1873 г. числа приступающихъ къ испытанію, всего только на 25,7⁰/₀; напротивъ, въ Одесскомъ округѣ прибавилось только 2 гимназій, а число являющихся къ испытаніямъ возросло слишкомъ въ два съ половиною раза или точнѣе 163⁰/₀. Общее число учебныхъ заведеній, представившихъ отчеты объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1873 г., простиралось до 90 и въ 1879 г. оно возросло до 134, на 48,8⁰/₀; число явившихся къ испытаніямъ въ то же время увеличилось съ 1,178 до 2,269, на 92,6⁰/₀. Если исключить гимназій Дерптскаго и Варшавскаго учебныхъ округовъ, не входившія въ общую отчетность съ 1873 г., то число учебныхъ заведеній, которыхъ ученики подвергались испытаніямъ зрѣлости, увеличилось въ остальныхъ учебныхъ округахъ съ 90 до 103, на 14,4⁰/₀, число же являющихся къ испытаніямъ съ 1,178 до 1,665 — на 41,3⁰/₀. Въ сравненіи съ предыдущимъ 1878 годомъ, общее число явившихся къ испытаніямъ увеличилось на 15,4⁰/₀ и въ сравненіи съ 1876 г. на 41,37⁰/₀.

Изъ 2269 человекъ, пожелавшихъ подвергнуться испытаніямъ зрѣлости, 56 были устранены отъ испытаній по разнымъ причинамъ или добровольно отказались отъ нихъ, что составляетъ въ общей сложности не болѣе однако же 2,4⁰/₀, 2 или 3 человекъ изъ 100 явившихся. Въ томъ числѣ: 39 учениковъ правительственныхъ гимназій (изъ 1927 человекъ) не допущены къ испытаніямъ по недостаточной успѣшности въ ученіи, 4 ученика — по нравственной незрѣлости (2 въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго округа, 1 Киевскаго, 1 Виленскаго), 1-му ученику отсрочено испытаніе на основаніи п. і § 55 правилъ, 1 вынужденъ былъ прервать испытаніе по болѣзни. Изъ постороннихъ лицъ, 7-ми отказано на основаніи § 44 правилъ, по п. а, какъ бывшимъ ученикамъ гимназій, покинувшимъ преждевременно по какой либо причинѣ учебное заведеніе, и не имѣющимъ права приступать къ экзамену годомъ ранѣе своихъ бывшихъ сотоварищей по классу, 4-мъ другимъ отказано на основаніи п. в. того же §, какъ обнаружившимъ въ представленныхъ ими документахъ, прошеніи или жизнеописаніи, явные признаки недостаточной зрѣлости. Въ предыдущемъ отчетномъ году, на томъ же основаніи отказались или устранены 57 человекъ (2,9⁰/₀); въ среднемъ выводѣ за послѣдніе четыре года — 3,5⁰/₀; въ 1873 г. ихъ число простиралось до 132 человекъ или 11,1⁰/₀.

За устраненіемъ или за болѣзнію вышеозначенныхъ 56 человекъ, всего подвергались испытаніямъ зрѣлости въ 1879 году 2213 моло-

дыхъ людей. Успѣшность испытаній изображена въ слѣдующей прилагаемой при семь таблицѣ:

Категоріи подвергавшихся испытаніямъ:	Въ 1879 году.	Процентное отношеніе.	Въ среднемъ выводѣ за предыдущіе три года.	Въ 1873 году.
Учениковъ правительственныхъ гимназій . . .	1882	85 ⁰ / ₁₀₀	84,9 ⁰ / ₁₀₀	74,1 ⁰ / ₁₀₀
Учениковъ церковныхъ училищъ	40	1,8 ⁰ / ₁₀₀	1,7 ⁰ / ₁₀₀	2,4 ⁰ / ₁₀₀
Учениковъ частныхъ гимназій	22	1 ⁰ / ₁₀₀	1,2 ⁰ / ₁₀₀	6,4 ⁰ / ₁₀₀
Постороннихъ лицъ	269	12,1 ⁰ / ₁₀₀	12,2 ⁰ / ₁₀₀	17,1 ⁰ / ₁₀₀
Всего	2213	—	—	—

Удостоено аттеста та или свидѣтельства зрѣлости:

Учениковъ правительственныхъ гимназій . . .	1764	93,7 ⁰ / ₁₀₀	91,1 ⁰ / ₁₀₀	75,8 ⁰ / ₁₀₀
Учениковъ церковныхъ училищъ	39	97,5 ⁰ / ₁₀₀	100%	92%
Учениковъ частныхъ гимназій	19	86,3%	87,9%	31,8%
Постороннихъ лицъ	145	53,9%	50,6%	32%
Всего	1967	88,9%	86,2%	65,9%

Не выдержали испытаній:

Учениковъ правительственныхъ гимназій . . .	118	6,2%	8,9%	24,1%
Учениковъ церковныхъ училищъ	1	2,5%	—	8%
Учениковъ частныхъ гимназій	3	13,6%	12,1%	68,2%
Постороннихъ лицъ	124	46,1%	49,4%	68%
Всего	246	11,1%	13,8%	34,1%

Сравнивая данныя, заключающіяся въ приведенной таблицѣ, съ указаніями, вышеизложенными, и со свѣдѣніями, помѣщенными въ отчетахъ за предыдущіе годы, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Число учебныхъ заведеній, въ которыхъ производились испытанія зрѣлости, увеличилось съ 1873 г., съ 90 до 123—на 48,8⁰/₁₀₀.

Число являющихся въ испытаніяхъ съ 1,178 до 2,269 человекъ— на 92,6%.

Число дѣйствительно подвергавшихся испытаніямъ съ 1,039 до 2,213—на 113%.

Число удовлетворительно выдержавшихъ испытанія съ 685 до 1,967—на 187%.

А за исключеніемъ Дерптскаго и Варшавскаго учебныхъ округовъ, число удовлетворительно выдержавшихъ испытанія въ прочихъ учебныхъ округахъ увеличилось съ 685 до 1,482 — болѣе, чѣмъ вдвое, или точнѣе—на 116%.

Число невыдерживающихъ экзамена, напротивъ, уменьшилось съ 354 до 246 человекъ—на 69%, въ общей сложности по всѣмъ категориямъ экзаменующихся и всѣмъ учебнымъ округамъ.

Обращаясь къ каждой категоріи экзаменующихся въ отдѣльности, прилагаемъ особую таблицу, съ показаніемъ успѣшности учениковъ правительственныхъ гимназій на испытаніяхъ, по каждому учебному округу, и числа тѣхъ гимназій, въ которыхъ всѣ ученики безъ исключенія удовлетворительно выдержали испытанія зрѣлости, въ которыхъ невыдержавшихъ экзамена вовсе не было въ 1879 г. Учебные округа расположены въ соотвѣтственности съ болѣею успѣшностью испытаній; исключеніе сдѣлано только для Западной и Восточной Сибири, въ которыхъ незначительное число оканчивающихъ курсъ, а также учебныхъ заведеній, не позволяетъ произвести точнаго сравненія съ другими округами. Послѣдніе два округа помѣщены въ концѣ таблицы. На испытаніяхъ 1879 г. появились въ первый разъ ученики, прошедшіе всѣ классы гимназій, отъ низшаго I класса и до высшаго, со времени преобразованія этихъ учебныхъ заведеній.

Число удостоенныхъ аттестата зрѣлости:

Въ учебныхъ округахъ.	Въ 1879 г.	Процентное отношеніе.	За предыду- щіе три года.	Число гимна- зій, въ кото- рыхъ не было невыдержав- шихъ экза- мена.
Одесскомъ	166	98,2%	98,4%	11
Московскомъ	255	96,9%	90,5%	17
Кіевскомъ	215	96,8%	88,3%	8
С.-Петербургскомъ.	197	96%	97,3%	10
Вилецкомъ	118	95,1%	93,4%	3
Харьковскомъ . . .	203	94%	87,7%	5

Въ учебныхъ округахъ.	Въ 1879 г.	Процентное отношеніе.	За предыду- щіе три года.	Число гимна- зій, въ кото- рыхъ не было невыдержав- шихъ экза- мена.
Варшавскомъ. . . .	224	91,4 ⁰ / ₀	90,9 ⁰ / ₀	9
Дерптскомъ	205	90,3 ⁰ / ₀	88,7 ⁰ / ₀	6
Оренбургскомъ . . .	48	87,2 ⁰ / ₀	77,6 ⁰ / ₀	1
Казанскомъ	105	82,7 ⁰ / ₀	97 ⁰ / ₀	4
Западной Сибири . .	17	94,4 ⁰ / ₀	90 ⁰ / ₀	1
Восточной Сибири . .	11	100 ⁰ / ₀	70,8 ⁰ / ₀	2
Всего. . . .	1,764	93,7 ⁰ / ₀	91,1 ⁰ / ₀	77

Въ этой таблицѣ прежде всего останавливаетъ наше вниманіе число гимназій, въ которыхъ въ 1879 г. вовсе не оказалось невыдержавшихъ окончательнаго выпускнаго экзамена. Таковыхъ числится 77; гимназій же, въ которыхъ попадались невыдерживающіе испытаній—49. Наиболѣе невыдержавшихъ экзамена значится по отчетамъ Симбирской гимназіи Казанскаго учебнаго округа — 10 учениковъ изъ 23 подвергавшихся испытаніямъ, въ Самарской того же округа—8 пзъ 19, въ Дерптской гимназіи — 10 изъ 44 и въ Плоцкой гимназіи Варшавскаго округа — 7 изъ 27. Если исключить эти 4 гимназіи, и число ихъ учениковъ, не выдержавшихъ испытаній, вычесть изъ общаго числа учениковъ правительственныхъ гимназій, не удостоенныхъ аттестата зрѣлости, то въ остальныхъ 45 гимназіяхъ окажется 83 не выдержавшихъ экзамена, что составляетъ не болѣе 1 или 2 учениковъ, среднимъ числомъ, на каждое учебное заведеніе, въ общей сложности, во всѣхъ учебныхъ округахъ.

Изъ этой же таблицы усматриваемъ, что процентное отношеніе удовлетворительно выдержавшихъ экзаменъ къ общей массѣ подвергавшихся испытаніямъ за 1879 г. и въ среднемъ выводѣ за предыдущіе три года довольно сходно въ большинствѣ учебныхъ округовъ, хотя нельзя его считать вполне тождественнымъ: изъ двѣнадцати учебныхъ округовъ или отдѣльныхъ управленій, въ среднемъ выводѣ за 1876, 1877 и 1878 гг., въ семи число удовлетворительно выдержавшихъ испытанія зрѣлости превышало 90⁰/₀, и только въ двухъ было менѣе 87⁰/₀ (Оренбургскомъ и Восточной Сибири); въ 1879 году замѣчается въ девяти округахъ улучшеніе въ процентномъ отношеніи, въ сравненіи съ предыдущими тремя годами: изъ двѣнадцати округовъ въ восьми число удовлетворительно выдержавшихъ испи-

танія превышаетъ 94⁰/₁₀₀, и только въ двухъ оно менѣе 90⁰/₁₀₀ (Оренбургскомъ и Казанскомъ).

Среднимъ числомъ, окончившихъ курсъ съ аттестатами зрѣлости приходилось, въ общей сложности по всѣмъ учебнымъ округамъ, въ 1873 г. на каждую гимназію не болѣе 7 или 8 человѣкъ; въ 1878 г.—12, въ 1879 г.—14; въ отдѣльныхъ учебныхъ округахъ приходится въ 1879 же году:

Въ Кіевскомъ и Харьковскомъ	по 18
„ Дерптскомъ и Виленскомъ	„ 15
„ Одесскомъ	14
„ С.-Петербургскомъ и Казанскомъ	по 13
„ Московскомъ и Варшавскомъ	„ 12
„ Оренбургскомъ	9
„ Западной Сибири	8
„ Восточной Сибири	5

Во всѣхъ учебныхъ округахъ число окончившихъ курсъ съ аттестатами зрѣлости было въ 1879 г. болѣе предыдущаго года, за исключеніемъ Оренбургскаго и Казанскаго, въ которыхъ это число нѣсколько понизилось. Въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ и Московскомъ различаютъ гимназіи столичныя и провинціальныя. Среднее число окончившихъ курсъ въ 8 С.-Петербургскихъ гимназіяхъ составляло 18 учениковъ на каждую, въ 7 провинціальныхъ того же округа 8 учениковъ, максимумъ въ 2-й (31) и 1-й (27), минимумъ въ Псковской (3), Царскосельской (5) и Архангельской (5); въ 7 гимназіяхъ Москвы—15, максимумъ въ 1-й (32) и 3-й (23).

О достоинствѣ окончившихъ курсъ въ 1879 г. отчасти свидѣтельствуешь и число розданныхъ серебряныхъ и золотыхъ медалей. Эта награда въ правительственныхъ гимназіяхъ раздается не по конкуренціи, немногимъ лучшимъ, а на равныхъ правахъ всѣмъ отличившимся своими способностями, прилежаніемъ, знаніемъ и съ тѣмъ вмѣстѣ — примѣрнымъ поведеніемъ. Таковыхъ оказалось въ 1879 г. 227 во всѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ установленъ означенный порядокъ (въ Дерптскомъ учебномъ округѣ только въ двухъ Александровскихъ гимназіяхъ, Рижской и Ревельской), или 14,4⁰/₁₀₀ изъ числа всѣхъ удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ упомянутыхъ гимназіяхъ; Роздано всего 115 золотыхъ медалей и 112 серебряныхъ, наиболѣе въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ—26 золотыхъ и 21 серебря-

ная, всего 47 или 24% въ отношеніи къ общему числу удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ гимназіяхъ означеннаго округа.

Число учениковъ правительственныхъ гимназій, не выдержавшихъ испытаній зрѣлости, въ общей сложности по всѣмъ учебнымъ округамъ и всѣмъ предметамъ преподаванія, достигало въ 1873 году до 186 человекъ или до 24,1% въ отношеніи къ общему числу молодыхъ людей этой категоріи, подвергавшихся испытанію; въ среднемъ выводѣ за 1876, 1877 и 1878 года то же число не превышало 8,9%, въ 1879 г. оно понизилось до 118 человекъ или 6,2%.

Учениковъ правительственныхъ гимназій, не выдержавшихъ устныхъ и письменныхъ испытаній, оказалось въ 1879 г.:

По закону Божію	2	или 0,1%	въ среднемъ выводѣ за предыдущіе 3 года 0,13%
Изъ русскаго языка и словесности	45	" 2,4%	" 3,4%
Изъ латинскаго языка	56	" 3%	" 4,3%
„ греческаго языка	46	" 2,4%	" 3,6%
„ математики	47	" 2,5%	" 4,5%
„ исторіи	8	" 0,4%	" 0,4%
<hr/>			
Всего неудовлетворительныхъ отмѣтокъ	204	" —	" —

Число невыдерживающихъ испытаній, какъ видно изъ послѣдней приложенной здѣсь таблицы, уменьшилось и по каждому изъ главныхъ предметовъ преподаванія, въ сравненіи съ среднимъ выводомъ за предыдущіе три года. Наиболѣе невыдержавшихъ оказывается въ 1879 году, по русскому языку и словесности, въ Дерптскомъ учебномъ округѣ — 17 человекъ или 7,4% въ отношеніи къ числу учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ въ гимназіяхъ означеннаго округа. Въ остальныхъ учебныхъ округахъ число невыдержавшихъ экзамена по этому предмету не превышаетъ 27 человекъ — 1,6% въ отношеніи къ числу подвергавшихся испытаніямъ, 1 или 2 человекъ изъ 100 экзаменовавшихся. Число невыдержавшихъ испытаній изъ латинскаго языка не превышало въ 1879 году, въ общей сложности по всѣмъ учебнымъ округамъ, 3 человекъ изъ 100 экзаменовавшихся; по греческому языку и по математикѣ 2 или 3 изъ 100; по исторіи 4 изъ 1,000, по закону Божію 1 изъ 1,000.

Невыдерживающіе испытаній обыкновенно оказываются неисправ-

ными не по одному какому-либо предмету, но по многимъ одновременно, какъ доказываетъ число получаемыхъ ими неудовлетворительныхъ отбѣтокъ, которыхъ въ 1879 году приходится 204 на 118 не выдержавшихъ экзамена. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, только 32 ученика не выдержали испытаній по какому-либо одному предмету, а 86 оказали неудовлетворительные успѣхи, по крайней мѣрѣ, по двумъ предметамъ одновременно. Число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ на устныхъ испытаніяхъ не превышало въ 1879 году, въ общей сложности—33, остальные относятся къ испытаніямъ письменнымъ.

Изъ 118 учениковъ правительственныхъ гимназій, не выдержавшихъ испытаній, только 34 выбыли изъ гимназій со свидѣтельствами по § 72 правилъ объ испытаніяхъ; остальные предпочли остаться на второй годъ въ VIII классѣ. Если означенныхъ 34 человекъ приложить къ числу учениковъ, удостоенныхъ аттестата зрѣлости, то общее число окончившихъ курсъ въ правительственныхъ гимназіяхъ въ 1879 году составитъ—1798, а съ учениками частныхъ гимназій, церковныхъ училищъ и посторонними лицами, удостоенными въ томъ же 1879 году гимназическаго свидѣтельства зрѣлости, получимъ общее число всѣхъ окончившихъ гимназическій курсъ въ 1879 году—2,001.

Въ напечатанномъ отчетѣ объ испытаніяхъ зрѣлости за предыдущій 1878 годъ ¹⁾ была приложена подробная таблица, съ показаніемъ числа всѣхъ окончившихъ гимназическій курсъ съ 1872 года, и съ раздѣленіемъ ихъ на разряды или категоріи, по мѣсту ихъ воспитанія и правамъ, ими пріобрѣтеннымъ. Если къ числамъ, показаннымъ въ этой таблицѣ, приложить окончившихъ курсъ въ 1879 году, то получимъ общее число всѣхъ окончившихъ гимназическій курсъ, со времени преобразования нашихъ гимназій и въ общей сложности по всѣмъ учебнымъ округамъ—10,931, въ томъ числѣ: 8,245 учениковъ правительственныхъ гимназій, удостоенныхъ аттестата зрѣлости, 1,066 учениковъ церковныхъ училищъ, частныхъ гимназій, постороннихъ лицъ, удостоенныхъ такого же аттестата или свидѣтельства, всего 9,311 признанныхъ зрѣлыми; 372 ученика гимназій, выбывшихъ со свидѣтельствами, выданными на основаніи § 72 правилъ объ испытаніяхъ, и 1,248 окончившихъ курсъ въ 1872, 1873 и 1874 гг. и подвергавшихся испытаніямъ по временнымъ правиламъ или въ тѣхъ

¹⁾ Ж. Мин. Нар. Пр. 1879 г. авг., стр. 88

правительственныхъ гимназіяхъ, на которыя не распространилось еще дѣйствіе устава 1871 года.

Число учениковъ церковныхъ училищъ, признанныхъ зрѣлыми, также превышаетъ таковое же ихъ число за предыдущіе годы. Изъ 39 удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости, только 3 окончили курсъ въ новой гимназіи, внесенной въ отчеты, учрежденной при церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ. Только 1 ученикъ, изъ экзаменованныхъ этой категоріи, не выдержалъ испытаній въ 1879 году, именно, испытаній письменныхъ изъ латинскаго языка. За предыдущіе три года вовсе не было невыдержавшихъ испытаній между учениками церковныхъ училищъ.

Число учениковъ частныхъ гимназій, показываемыхъ по отчетамъ объ испытаніяхъ зрѣлости, весьма не значительно. Въ 1879 г. ихъ числилось всего 22 человекъ, 13 въ двухъ гимназіяхъ Московскаго округа, выдержавшіе удовлетворительно испытанія зрѣлости всѣ, безъ исключенія, и 9 въ двухъ частныхъ гимназіяхъ С.-Петербургскаго округа; изъ послѣднихъ 3 не выдержали экзамена, 1 письменнаго испытанія изъ греческаго языка, 1 изъ математики и 2 устнаго испытанія изъ исторіи; слѣдовательно, 2 изъ одного предмета, 1 по двумъ предметамъ одновременно. Процентъ выдержавшихъ экзаменъ составляетъ 86,3. Въ среднемъ выводѣ за предыдущіе три года число удовлетворительно выдержавшихъ испытанія между ними простиралось до 87,9%.

Въ успѣхахъ постороннихъ лицъ, подвергающихся испытаніямъ зрѣлости въ правительственныхъ гимназіяхъ, одновременно съ ихъ учениками, замѣчается нѣкоторое улучшеніе: въ 1873 и 1874 гг. не болѣе трети изъ подвергавшихся испытаніямъ этой категоріи удовлетворительно выдерживали экзаменъ; въ слѣдующіе годы около половины; въ 1878 году 55,7%, въ 1879 г. 53,9%. Общее число молодыхъ людей означеннаго разряда, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости въ 1879 году, не превышало 269 человекъ, въ томъ числѣ 100 въ одномъ Дерптскомъ округѣ. Число удовлетворительно выдержавшихъ испытанія въ этомъ послѣднемъ простирается до 49 человекъ (49%); въ остальныхъ учебныхъ округахъ до 96, что составляетъ 56,8% въ отношеніи къ числу подвергавшихся испытаніямъ.

Въ отчетѣ объ испытаніяхъ зрѣлости за 1876 годъ уже было указано на мѣры, принятія къ облегченію, по возможности, экзамен-

нующимся этого разряда успѣшнаго прохожденія испытаній ¹⁾, на льготы, которыми, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ министерствѣ, эти молодые люди въ дѣйствительности уже начинаютъ пользоваться. Означенныя льготы или мѣры заключаются въ дозволеніи имъ въ установленные сроки подвергаться, одновременно съ учениками правительственныхъ гимназій, испытаніямъ изъ курса первыхъ 4-хъ классовъ, а позднѣе изъ курса V и VI классовъ, прежде нежели они приступятъ къ окончательнымъ испытаніямъ зрѣлости, и затѣмъ держать послѣдній экзаменъ на равныхъ условіяхъ съ учениками гимназій.

Распредѣленіе невыдержавшихъ испытаній зрѣлости, изъ постороннихъ лицъ, по предметамъ преподаванія, показано въ слѣдующей прилагаемой при семь таблицѣ:

Не выдержали испытаній въ 1879 году:

	Исполни- мыхъ.	Уст- ныхъ.	Всего вмѣстѣ.	Въ 1878 г. %.
По закону Божію . . .	—	8	8 (2,9%)	2
Изъ русскаго языка . . .	51	22	73 (27,1%)	26,3
„ латинскаго „ . . .	61	30	91 (33,8%)	26,8
„ греческаго „ . . .	59	35	94 (34,9%)	25,3
„ математики . . .	66	29	95 (35,3%)	24,8
„ исторіи . . .	—	17	17 (6,3%)	7,4
„ географіи . . .	—	3	3 (1,1%)	4,4
„ новыхъ иностран- ныхъ языковъ . . .	—	9	9 (3,3%)	3,4
Изъ физики . . .	—	—	—	2,4
„ логики . . .	—	—	—	1

Всего неудовлетвори-
тельныхъ отмѣтокъ . . . 237 153 390 250

Невыдержавшихъ ис-
пытаній — — 124 (46,1%) 89 (44,2%)

Наиболѣе постороннихъ лицъ подвергалось испытаніямъ въ гимназіяхъ Дерптскаго округа; на означенный учебный округъ приходится и наиболѣе невыдержавшихъ испытаній. Въ остальныхъ учебныхъ округахъ невыдержавшихъ по закону Божію и географіи вовсе не было; по русскому языку и словесности ихъ оказалось 27 (16%), по латинскому языку 29 (17,1%), по греческому 25 (14,8%), по математикѣ 41 (24,2%), по исторіи 2 (1,2%) и по новымъ иностраннымъ языкамъ 2 (1,2%). Въ общемъ итогъ по всѣмъ учебнымъ окру-

¹⁾ Ж. Мин. Нар. Пр., сентябрь 1877 г.

гамъ на 124 невыдержавшихъ испытанія приходится 390 неудовлетворительныхъ отбѣтокъ; слѣдовательно, 106 подвергавшихся испытаніямъ оказали неудовлетворительные успѣхи, по крайней мѣрѣ, по тремъ предметамъ одновременно и 18 даже по четыремъ.

При семъ прилагаются четыре таблицы, показывающія число невыдержавшихъ испытаній по каждому изъ главныхъ предметовъ преподаванія, по каждому учебному округу и по каждой категоріи экзаменуемыхъ въ отдѣльности.

При сліченіи означенныхъ таблицъ съ предыдущими и съ общею вѣдомостью подъ № 2, приложенною въ концѣ статьи, слѣдуетъ имѣть въ виду, что по Дерптскому учебному округу, въ отчетахъ, обыкновенно одни и тѣ же ученики показываются два раза—невыдержавшими испытаній устныхъ и невыдержавшими испытаній письменныхъ; по другимъ учебнымъ округамъ невыдержавшіе письменныхъ испытаній къ устнымъ не допускаются. Въ четырехъ таблицахъ, здѣсь прилагаемыхъ, и по Дерптскому учебному округу, для болѣе удобнаго сравненія съ числомъ невыдержавшихъ испытаній по другимъ округамъ, показано одно лишь общее число учениковъ, не удовлетворившихъ требованіямъ испытаній, то-есть, каждый ученикъ показанъ одинъ только разъ, независимо отъ того, подвергался ли онъ обоимъ видамъ испытаній, и оказалъ ли неудовлетворительные успѣхи по обоимъ или по одному только роду испытаній. Отъ этого происходитъ незначительная разниця въ выводахъ прилагаемыхъ здѣсь четырехъ таблицъ съ прочими.

Въ 1879 году не выдержали испытаній изъ латинскаго языка, устныхъ и письменныхъ:

Въ учебныхъ округахъ:	Учени- ковъ им- назій.	Посто- ронныхъ лицъ.	Всѣхъ вообще.
Кіевскомъ	3	2	5 (2 ⁰ / ₀)
С.-Петербургскомъ	3	4	8 (2,8 ⁰ / ₀)
Въ церковныхъ училищахъ	1		
Одесскомъ	3	7	10 (5 ⁰ / ₀)
Виленскомъ	3	—	3 (2,2 ⁰ / ₀)
Оренбургскомъ	4	—	4 (7,1 ⁰ / ₀)
Московскомъ	6	6	12 (3,9 ⁰ / ₀)
Харьковскомъ	6	6	12 (5,1 ⁰ / ₀)
Варшавскомъ	7	—	7 (2,6 ⁰ / ₀)
Казанскомъ	8	4	12 (8,1 ⁰ / ₀)
Дерптскомъ	7	34	41 (12,5 ⁰ / ₀)
Всего	51	63	114
	2,6 ⁰ / ₀	23,4 ⁰ / ₀	5,1 ⁰ / ₀

Въ Западной и Восточной Сибири не было невыдержавшихъ испытаній ни изъ латинскаго, ни изъ греческаго языковъ; но по незначительному числу подвергавшихся испытаніямъ такой успѣхъ не даетъ права дѣлать какіе-либо выводы, сравнительно съ другими учебными округами. Вообще число невыдержавшихъ устныхъ и письменныхъ испытаній изъ латинскаго языка въ 1879 г. было весьма незначительно, за исключеніемъ Дерптскаго округа, въ которомъ число учениковъ гимназій, невыдержавшихъ испытаній, уменьшилось въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ, но число постороннихъ лицъ, обавившихъ удовлетворительныхъ успѣховъ, возросло. Въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, на 20 учебныхъ заведеній, ученики которыхъ подвергались испытаніямъ, приходится невыдержавшихъ экзамена— 3 ученика правительственныхъ гимназій, 4 постороннія лица, 1 изъ учениковъ церковныхъ училищъ; въ Московскомъ на 20 правительственныхъ гимназій 6 учениковъ, 6 постороннихъ; въ Варшавскомъ на 18 гимназій—7 учениковъ и т. д.

Изъ греческаго языка не выдержали испытаній въ 1879 году:

Въ учебныхъ округахъ:	Учениковъ гимназій.	Постороннихъ лицъ.	Всѣхъ вмѣстѣ.
Одесскомъ	1	6	7 (3,5 ⁰ / ₀)
Оренбургскомъ	3	—	3 (5,3 ⁰ / ₀)
Московскомъ	4	5	9 (2,9 ⁰ / ₀)
Варшавскомъ	4	1	5 (1,9 ⁰ / ₀)
Кіевскомъ	4	—	4 (1,6 ⁰ / ₀)
С.-Петербургскомъ.	4	4	9 (3,2 ⁰ / ₀)
Въ частныхъ гимназіяхъ	1		
Харьковскомъ	6	5	11 (4,7 ⁰ / ₀)
Казанскомъ	9	4	13 (8,8 ⁰ / ₀)
Дерптскомъ	6	37	43 (13,1 ⁰ / ₀)
<hr/>			
Всего	42	62	104
	2,1 ⁰ / ₀	21,3 ⁰ / ₀	4,7 ⁰ / ₀

Въ Виленскомъ учебномъ округѣ, Восточной и Западной Сибири вовсе не было невыдержавшихъ испытаній изъ греческаго языка.

По русскому языку и словесности таковыхъ оказалось въ 1879 г.:

Въ учебныхъ округахъ:	Учени- ковъ гимназій.	Посто- роннихъ лицъ.	Всѣхъ вмѣстѣ.
Одесскомъ	—	2	2 (1 ⁰ / ₀)
Московскомъ	—	9	9 (2,9 ⁰ / ₀)
Кіевскомъ	1	1	2 (0,8 ⁰ / ₀)
С.-Петербургскомъ	1	7	8 (2,8 ⁰ / ₀)
Оренбургскомъ	1	—	1 (1,7 ⁰ / ₀)
Віленскомъ	2	1	3 (2,2 ⁰ / ₀)
Харьковскомъ	6	—	6 (2,5 ⁰ / ₀)
Варшавскомъ	7	4	11 (4,2 ⁰ / ₀)
Казанскомъ	9	3	12 (8,1 ⁰ / ₀)
Дерптскомъ	17	26	43 (13,1 ⁰ / ₀)
Всего	44	53	97
	2,3 ⁰ / ₀	18,2 ⁰ / ₀	4,3 ⁰ / ₀

Въ Восточной и Западной Сибири вовсе не было невыдержавшихъ испытаній по этому предмету. —

Число невыдержавшихъ испытаній устныхъ и письменныхъ по математикѣ показано въ слѣдующей таблицѣ.

Въ учебныхъ округахъ:	Учени- ковъ гимназій.	Посто- роннихъ лицъ.	Всѣхъ вмѣстѣ.
Одесскомъ	1	2	3 (1,5 ⁰ / ₀)
Московскомъ	2	7	9 (2,9 ⁰ / ₀)
Кіевскомъ	2	3	5 (2 ⁰ / ₀)
Харьковскомъ	2	4	6 (2,5 ⁰ / ₀)
Віленскомъ	3	2	5 (3,7 ⁰ / ₀)
Оренбургскомъ	3	—	3 (5,3 ⁰ / ₀)
С.-Петербургскомъ	5}	9	15 (5,3 ⁰ / ₀)
Въ частныхъ гимназіяхъ	1}		
Дерптскомъ	4	28	32 (9,7 ⁰ / ₀)
Казанскомъ	10	7	17 (11,5 ⁰ / ₀)
Варшавскомъ	11	7	18 (6,8 ⁰ / ₀)
Западной Сибири	1	—	1 (5,5 ⁰ / ₀)
Всего	44	69	114
	2,3 ⁰ / ₀	25,6 ⁰ / ₀	5,1 ⁰ / ₀

Въ Восточной Сибири всѣ подвергавшіеся испытаніямъ дали удовлетворительные отвѣты.

На основаніи ст. 18 и 33 устава гимназій и прогимназій, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1872 года были утверждены правила объ испытаніяхъ, обязательныя для всѣхъ учебныхъ округовъ и обнародованныя въ то же время во всеобщее свѣдѣніе. По § 39 означенныхъ правилъ и § 37, примѣчаніе 1, начальство каждаго учебнаго округа присоединяетъ, по возможности, на все время производства испытаній зрѣлости, въ правительственныхъ гимназіяхъ, къ испытательнымъ коммиссіямъ своего депутата, избраннаго изъ лицъ, вполнѣ свѣдущихъ въ древнихъ языкахъ и въ элементарномъ курсѣ математики; присутствіе такого депутата безусловно обязательно въ учебныхъ заведеніяхъ общественныхъ и частныхъ, пользующихся правами гимназій. Депутатами отъ окружнаго управленія обыкновенно назначаются профессора мѣстнаго университета или окружныя инспекторы.

По § 71 тѣхъ же правилъ протоколы объ испытаніяхъ и письменныя работы всѣхъ экзаменовавшихся, по выдачѣ тѣмъ изъ сихъ послѣднихъ, которые удовлетворительно выдержали экзаменъ, надлежащихъ аттестатовъ, или свидѣтельствъ зрѣлости, отсылаются въ управленіе округа, въ которомъ тщательно разсматриваются профессорами университета и другими членами попечительскаго совѣта. О результатахъ этой повѣрки сообщается директорамъ гимназій и доводится до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія.

Упомянутыя здѣсь двѣ мѣры не могли быть у насъ, однако же, до настоящаго времени, введены въ полной силѣ во всѣхъ учебныхъ округахъ. Въ иныхъ—депутатъ, командированный по какому-либо спеціальному предмету въ двѣ, три гимназіи округа, не можетъ присутствовать ни въ одной въ продолженіе всего экзамена; въ другихъ учебныхъ округахъ, депутатъ, командированный на все время испытаній, всецѣло посвящаетъ свои занятія одной, но оказывается невозможнымъ назначить достаточное число депутатовъ во всѣ гимназіи округа. Учебныя округа Оренбургскій и Виленскій не имѣютъ мѣстныхъ университетовъ, профессора которыхъ могли бы принять участіе въ испытаніяхъ зрѣлости ихъ гимназій. Въ Варшавскомъ округѣ недостаетъ денежныхъ источниковъ, необходимыхъ на командировки въ различные города, и такъ-называемыя спеціальныя средства не составляютъ въ этомъ округѣ собственности гимназій, какъ въ другихъ учебныхъ округахъ.

Гимназіи С.-Петербургскаго учебнаго округа, во время испытаній зрѣлости 1879 года, удостоились посѣщенія г. министра народнаго просвѣщенія, товарища министра, епископа Гермогена; экза-
часть ссхш, отд. 4.

мены посѣщали и попечитель округа, и помощникъ попечителя, окружные инспекторы, главный наблюдатель за преподаваніемъ закона Божія; и, кромѣ того, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ курса, были приглашены профессора и преподаватели мѣстнаго университета во всѣхъ С.-Петербургскихъ гимназій, въ гимназію Деловѣколюбиваго Общества, въ училища при реформатской церкви и церкви св. Анны.

Въ Московскомъ учебномъ округѣ на испытаніяхъ изъ закона Божія въ столичныхъ гимназіяхъ присутствовалъ преосвященный Амвросій; попечитель округа—на письменныхъ и устныхъ испытаніяхъ по разнымъ предметамъ во всѣхъ Московскихъ гимназіяхъ и Лазаревскомъ институтѣ; помощникъ попечителя—въ Смоленской, Вяземской, Московской 1-й, 2-й, 4-й и 5-й; окружные инспекторы въ Елецкой, Орловской, Лазаревскомъ институтѣ и въ частныхъ гимназіяхъ Креймана и Поливанова. Въ послѣднихъ двухъ присутствовалъ, въ качествѣ депутата, также директоръ 5-й гимназіи, Басовъ.

Въ Оренбургскомъ округѣ только въ Уральской войсковой гимназіи не было представителя отъ окружнаго управленія; въ Екатеринбургской и Пермской присутствовалъ попечитель учебного округа, въ Оренбургской и въ Уфимской—окружные инспекторы.

Въ Харьковскомъ учебномъ округѣ на испытаніяхъ по математикѣ: въ трехъ Харьковскихъ гимназіяхъ присутствовали профессоръ Ковалевскій, по остальнымъ предметамъ профессора: Пѣховскій, Делленъ и Зеленогорскій. Командированы были ординарные профессора: Морозовъ—въ Сумскую гимназію, Шерцль—въ Воронежскую и Новочеркасскую, Брю—въ Тамбовскую и Пензенскую, и въ Вѣлгородскую—окружный инспекторъ Лукьяновъ.

Въ Киевскомъ учебномъ округѣ на испытаніяхъ присутствовали профессора: Ващенко-Захарченко въ Лубенской гимназіи, Котляревскій и Ромеръ въ коллегіи Павла Галагана, доцентъ Мищенко въ Киевской 1-й и доцентъ Алаидскій въ Киевской 2-й.

Въ Виленскомъ учебномъ округѣ только помощникъ попечителя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сольскій, присутствовалъ по нѣкоторымъ предметамъ на устныхъ испытаніяхъ въ гимназіяхъ Виленской, Гродненской и Шавельской. Въ гимназіи г. Варшавы командированы были на время испытаній профессоръ мѣстнаго университета: Мѣржинскій, Дьячупъ, Сонинъ и доцентъ Трессъ.

Отступленія отъ установленныхъ правилъ испытаній, случившіяся въ 1879 году, были весьма немногочисленны; такъ, въ С.-Петербург-

скомъ округѣ, по случаю нездоровья, два экзаменовавшихся, изъ постороннихъ лицъ, подвергались письменнымъ испытаніямъ позднѣе другихъ и по запаснымъ темамъ. Въ Калужской гимназіи, Московскаго округа, по свидѣтельству профессора Давидова, предложены были по алгебрѣ и тригонометріи темы, не основныя и не запасныя, назначенныя для другихъ гимназій округа, но двѣ новыя задачи— по алгебрѣ: о двухъ движущихся тѣлахъ, и по тригонометріи: опредѣленіе площади сегмента; обстоятельство, которое, по мнѣнію профессора, до извѣстной степени затрудняетъ сравненіе успѣховъ этой гимназіи съ успѣхами другихъ гимназій того же округа. Въ Казанской 1-й гимназіи были предложены особыя темы для письменныхъ работъ по всѣмъ предметамъ, но повода къ тому въ представленныхъ отчетахъ не объяснено; и въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, также предложены были по двѣ задачи или темы на каждый предметъ, одна рѣшалась въ четырехъ или пяти гимназіяхъ округа одновременно, а другая въ остальныхъ гимназіяхъ въ другой назначенный день.

Случаевъ разногласія въ испытательныхъ комиссіяхъ, не разрѣшаемаго простымъ большинствомъ голосовъ, по передаваемого на окончательное разсмотрѣніе попечительскаго совѣта учебнаго округа (§§ 57 и 71 правилъ) въ 1879 г. по Варшавскому учебному округу оказалось 19, въ томъ числѣ 12 по поводу сочиненій на русскомъ языкѣ, 3 случая на испытаніяхъ изъ латинскаго языка и 4 по математикѣ. При разсмотрѣніи въ попечительскомъ совѣтѣ ученическихъ работъ, возбудившихъ разногласіе, только 5 признаны неудовлетворительными, остальные заслужили одобреніе. Въ другихъ учебныхъ округахъ по отчетамъ объ испытаніяхъ зрѣлости подобныхъ случаевъ разногласія не упоминается.

Распредѣленіе по возрастамъ абитуриентовъ гимназій, въ сравненіи съ предыдущими годами, мало измѣнилось. Изъ общаго числа удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости имѣли:

ВОЗРАСТЪ:	Въ 1879 г.	Средн. выводъ за предыдущ. три г.	Въ 1873 г.
17-ти лѣтъ.	3,8 ⁰ / ₁₀	5,2 ⁰ / ₁₀	7,3 ⁰ / ₁₀
18-ти "	17,8 ⁰ / ₁₀	19,4 ⁰ / ₁₀	19,2 ⁰ / ₁₀
19-ти "	27 ⁰ / ₁₀	27,5 ⁰ / ₁₀	26,7 ⁰ / ₁₀
20-ти "	24,3 ⁰ / ₁₀	23 ⁰ / ₁₀	23,4 ⁰ / ₁₀
21 года и болѣе.	27 ⁰ / ₁₀	24,7 ⁰ / ₁₀	23,4 ⁰ / ₁₀

2*

Въ 1879 г., какъ и въ предыдущіе годы, въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Варшавскомъ, преобладали молодые люди 19-ти лѣтняго возраста (30,7⁰/₀, 29⁰/₀, 26,9⁰/₀), въ Оренбургскомъ 19-ти и 18-ти лѣтняго (26,5⁰/₀, и 26,5⁰/₀); въ учебныхъ округахъ Кіевскомъ, Одесскомъ, Харьковскомъ, Дерптскомъ, Казанскомъ 21 года и болѣе (отъ 28,1⁰/₀ до 36,5⁰/₀), въ Виленскомъ 20-ти лѣтніе (31,2⁰/₀).

Въ массѣ учениковъ правительственныхъ гимназій, большинство имѣло 19-ти лѣтній возрастъ, въ числѣ учениковъ церковныхъ училищъ 18-ти лѣтній, частныхъ гимназій 18-ти лѣтній, въ числѣ постороннихъ лицъ преобладали молодые люди 21-го года и болѣе.

Большинство получившихъ въ 1879 году аттестаты или свидѣтельства зрѣлости, какъ и въ предыдущіе годы, предназначали себя къ университетскому курсу, именно 90,7⁰/₀ общей массы, и предполагали поступить:

НА ФАКУЛЬТЕТЫ:	Въ среднемъ выводъ за пре- дыдущ. три г.		
	Въ 1879 г.	Въ 1875 г. 1).	
Богословскій	32 (1,6 ⁰ / ₀)	1,4 ⁰ / ₀	10 (0,8 ⁰ / ₀)
Историко-филологическій	221 (11,3 ⁰ / ₀)	13 ⁰ / ₀	153 (11,8 ⁰ / ₀)
Физико-математическій	420 (21,3 ⁰ / ₀)	17,6 ⁰ / ₀	211 (16,2 ⁰ / ₀)
Юридическій	317 (16,1 ⁰ / ₀)	16,6 ⁰ / ₀	262 (20,2 ⁰ / ₀)
Медицинскій	775 (39,4 ⁰ / ₀)	39,1 ⁰ / ₀	445 (34,3 ⁰ / ₀)
Восточныхъ языковъ	19 (1 ⁰ / ₀)	2,7 ⁰ / ₀	11 (0,9 ⁰ / ₀)
Всего	1,784 (90,7 ⁰ / ₀)	88,4 ⁰ / ₀	1,092 (84,1 ⁰ / ₀)

Въ отчетѣ по С.-Петербургскому учебному округу, между прочимъ, указанъ бѣльшій приливъ абитуриентовъ гимназій на физико-математическій факультетъ; причиною тому, какъ объясняетъ попечитель означеннаго округа, было предстоявшее преобразование медико-хирургической академіи, въ которую полагали принимать только молодыхъ людей, прослушавшихъ предварительно два курса естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета. Дѣйствительно, число намѣревавшихся поступить на физико-математическій и медицинскій факультеты (причисляя къ послѣднему и медико-хирургическую академію) составляло въ означенномъ учебномъ округѣ:

1) Съ Дерптскимъ и Варшавскимъ учебн. округ. включительно.

	На физико-математическій.	На медицинскій.
Въ 1876 г. . . .	26 челов.	34 челов.
„ 1877 г. . . .	36 „	71 „
„ 1878 г. . . .	24 „	75 „
„ 1879 г. . . .	90 „	35 „

Во всѣхъ остальныхъ учебныхъ округахъ, за исключеніемъ только Восточной Сибири, поступающіе на медицинскій факультетъ преобладаютъ.

Изъ предыдущей таблицы усматривается, что распредѣленіе абитуриентовъ по факультетамъ довольно сходно за послѣднія пять лѣтъ, показанныя въ таблицѣ. Число поступающихъ на медицинскій и физико-математическій факультеты увеличилось съ 1875 г., въ общемъ итогѣ по всѣмъ учебнымъ округамъ, абсолютно и въ процентномъ отношеніи. Увеличилось и число поступающихъ на факультеты историко-филологическій и юридическій, хотя въ процентномъ отношеніи оно нѣсколько уменьшилось; число поступающихъ на первый увеличилось на 44,4% въ пять лѣтъ, поступающихъ на второй—на 21%.

Какъ и въ предыдущемъ отчетномъ году, около 9 или 10% общей массы абитуриентовъ гимназій въ 1879 году изъявили желаніе поступить въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, а именно: въ институтъ инженеровъ путей сообщенія 57 человекъ, въ технологическій институтъ 42, горный 13, въ земледѣльческія академіи или лѣсной институтъ 22, въ строительное училище 5, въ академію художествъ 2 и въ военно-учебныя заведенія 14 (въ артиллерійское 8, Константиновское военное 1, Николаевское военное 1, морское 1, инженерное 3).

Молодые люди, не имѣвшіе намѣренія продолжать своего образованія въ какомъ либо высшемъ учебномъ заведеніи и, по окончаніи гимназическаго курса, поступающіе непосредственно на поприще практической дѣятельности, и въ 1879 году были весьма немногочисленны. Въ 1879 г. изъ 24 лицъ этой категоріи, большинство, 16 человекъ, предполагали поступить въ военную службу, 1 въ гражданскую, 5 предвзначали себя къ учебной дѣятельности и 2 къ сельско-хозяйственной.

Гимназіи ежегодно представляютъ, при своихъ отчетахъ объ испытаніяхъ зрѣлости, именной списокъ тѣхъ учениковъ, удостоенныхъ аттестата, которые, по своему прилежанію, своимъ способностямъ,

твердости характера и примѣрному поведенію, подавали наиболѣе надеждъ на успѣшное продолженіе своего образованія и занятіе науками. Общее число такихъ молодыхъ людей, рекомендуемыхъ гимназіями вниманію высшаго учебнаго начальства, постоянно возрастаетъ: въ 1873 году оно составляло не болѣе 100 человекъ, въ 1878 г. 182 въ 1879 г. 223. Число учебныхъ заведеній, представившихъ подобныя списки, простиралось въ 1873 г. до 55, въ 1878 г. до 69, въ 1879 г. до 86 изъ 134 учебныхъ заведеній, ученики которыхъ подвергались испытаніямъ зрѣлости. Процентное отношеніе общаго числа рекомендуемыхъ наиболѣе способными къ общей массѣ всѣхъ, удостоенныхъ аттестата зрѣлости изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, составляло въ 1873 г. 17⁰/₀, въ 1878 г. 12⁰/₀, въ 1879 г. 12,6⁰/₀.

Сличая распределеніе этихъ способнѣйшихъ молодыхъ людей по факультетамъ, къ которымъ они себя предназначали, за послѣдній отчетный 1879 годъ, съ таблицей за всѣ предыдущіе годы, помещенною въ отчетѣ объ испытаніяхъ зрѣлости 1878 года, получимъ слѣдующіе выводы:

Предполагали поступить на факультеты:	Въ 1873 г.	Въ 1878 г.	Въ 1879 г.
Богословскій	—	11	11
Историко-филологическій . . .	22	48	55
Физико-математическій	29	47	62
Юридическій	13	22	21
Медицинскій	36	54	71
Восточныхъ языковъ	—	—	3

Изъ таблицы, здѣсь приложенной, усматриваемъ довольно сходное распределеніе по факультетамъ за всѣ показанныя въ ней годы, и постоянное возрастаніе поступающихъ на каждый факультетъ, за исключеніемъ юридическаго, по которому оказывается незначительное уменьшеніе въ 1879 г. въ сравненіи съ предыдущимъ 1878 годомъ.

Именной списокъ абитуриентовъ гимназій, признанныхъ лучшими и наиболѣе способными, помещенъ въ концѣ нашей статьи (вѣдомость № 5), вмѣстѣ съ прочими къ ней приложеніями.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Темы и задачи, предложенныя для письменнаго рѣшенія на испытаніяхъ зрѣлости въ 1879 году (одинаковыя для гимназій одного и того же округа).

1. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

«Русскій языкъ до Ломоносова и преобразование, произведенное въ немъ Ломоносовымъ».

2. По латинскому языку.

Основная. Во времена первыхъ Римскихъ царей обильной рѣчкой проникла ¹ въ Римъ греческая образованность ², вслѣдствіе чего Римское общество, кажется, сдѣлалось образованнѣе и менѣе враждебно къ иностранцамъ ³.

Гонорать, былъ пѣкото Демаратъ Коринтскій, по почету, влиянію и богатству безспорно ⁴ одинъ изъ знатнѣйшихъ въ своемъ государствѣ. Опъ, не будучи въ состояніи снести власти тирана Коринтскаго и не сомнѣваясь, что по богатству своему будетъ принятъ въ число гражданъ всякаго города, если только пріобрѣтетъ ⁵ расположеніе народа, удалился въ Тарквинію, самый цвѣтущій городъ Этруріи. Поселившись ⁶ здѣсь, онъ женился и выростилъ двухъ сыновей, которыхъ старался вслѣдствіемъ ⁷ въ греческой наукѣ. Младшій умеръ при жизни отца, а пережившій отца—былъ наследникомъ всѣхъ его богатствъ. Такъ какъ Этруски смотрѣли на Лукумона съ презрѣніемъ какъ на сына пришельца-изгнанника, то онъ возымѣлъ намѣреніе переселиться въ Римъ, и тутъ вскорѣ по образованности ⁸ и учености ⁹ своей до того сталъ близокъ къ царю Анку, что его считали не только участникомъ во всѣхъ совѣтахъ, но почти даже товарищемъ ¹⁰ въ управленіи. Анкъ, умряя, оставилъ почти уже совершеннолѣтнихъ сыновей. И потому Лукумонъ, боясь, чтобы они не помѣшали ему достигнуть цѣли, тѣмъ рѣшительнѣе началъ наступать, чтобы какъ можно скорѣе собралось народное собраніе, и, считая для себя весьма важнымъ отсутствіе молодыхъ людей, въ-время уславъ ихъ на охоту. Въ народномъ собраніи опъ, какъ сообщаютъ историки, держалъ рѣчь и доказывалъ, что онъ не первый изъ иностранцевъ добивается ¹¹ царства.

Рѣчь эта имѣла такое вліяніе, что единогласнымъ рѣшеніемъ народа онъ былъ избранъ въ цари подъ именемъ Л. Тарквинія.

1. Influere. 2. disciplina. 3. alienigena. 4. легко. 5. sibi conciliare. 6. основать мѣстопробываніе. 7. erudire. 8. humanitas. 9. doctrina. 10. socius. 11. домогаться.

Западняя. О заслугахъ Императора Октавіана Августа.

Я не знаю, какой похвалой превознести заслуги Октавіана Августа. Онъ обладалъ не только тѣми доблестями, которыми необходимо должны быть въ томъ, кто всѣмъ управляетъ, но также и многими другими. Ему свойственна была съ одной стороны величайшая твердость и должная строгость ¹, съ другой—удивительная обходительность ². Поэтому, если кто-нибудь изъ сенаторовъ, запятнавъ ³ свой санъ ⁴ какииъ-либо проступкомъ, казался ему недостойнымъ, того онъ тотчасъ удалилъ съ сенаторскаго мѣста ⁵, чтобы государство не терпѣло никакого ущерба. Августъ, желая возстановить богопочтеніе ⁶, которое, казалось, было уничтожено, заботился о постройкѣ капищъ и храмовъ, справедливо полагая, что исчезнетъ всякая вѣра, всякая истина, если человѣкъ не будетъ ничего опасаться, въ случаѣ преступленія, ни на что не надѣяться, въ случаѣ бѣды ⁷. Въ царствованіе Августа по всему государству устроены ⁸ были дороги, чтобы торговля производилась легче. Августъ покровительствовалъ образованію и при немъ процвѣтали науки и искусства, которыя прежде изгоялись ⁹ подобно заразѣ ¹⁰. Октавіанъ былъ не менѣе славенъ и въ военномъ дѣлѣ: предѣлы государства были расширены, враги—побѣждены; помѣшало ¹¹ только единственное пораженіе Вара ¹²; но отвѣтственность за него падаетъ ¹³ на Вара, а не на Августа, такъ какъ никто не сочтетъ, что неудачное дѣло ¹⁴ полководца слѣдуетъ приписывать Императору.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что Августъ былъ великій Императоръ, оказавшій такія услуги отечеству, что память о немъ останется вѣчною.

1. Severitas. 2. comitas. 3. polluere. 4. dignitas. 5. gradus. 6. religio. 7. предложеніемъ условнымъ. 8. munire. 9. repudiare. 10. pestis. 11. intercedere. 12. clades Variana. 13. in caput alicujus eventus recidit. 14. res male gesta.

3. Не греческому языку.

Основная. Ктесіасъ, ¹ сынъ Ктесіоха, писалъ о странѣ Индійцевъ по тамошнихъ дѣлахъ, о которыхъ ни отъ кого не слыжалъ и которыя онъ и самъ не видѣлъ. Много удивительныхъ и странныхъ ² вещей написалъ онъ и о происшествіяхъ на великомъ морѣ, повѣствуя о своихъ продолжительныхъ и трудныхъ блужданіяхъ ³. Учителемъ и образцомъ ⁴ всѣхъ этихъ очень лукавыхъ писателей былъ, по моему мнѣнію, Гомеровскій Одиссей, много наговорившій приближеннымъ Алкиноя ⁵ о поработеніи ⁶ вѣтровъ, объ одноглазыхъ великанахъ, о какииъ-то совершенно дикихъ людяхъ и о многоглавыхъ животныхъ. Встрѣчаясь съ подобными жецами, я не очень порицаю ихъ, но всегда дивилась только тому, что они думали скрыться, сочиняя столь неумѣстныя вещи. Вотъ я и самъ старался изъ тщеславія оставить кое-что потомкамъ, чтобы не мнѣ одному быть непричастнымъ ⁷ свободы при сочиненіи мнѣю,

обращаюсь теперь ко жи. Но я говорю по крайней мѣрѣ одно по правдѣ, что я лгу и, мнѣ кажется, самъ явно сознаваясь въ томъ, что я не намѣренъ говорить правды, могу избѣгать обвиненій со стороны тѣхъ людей, которые охотно вѣрятъ, вслѣдствіе своего необразованія, всякимъ даже и очень жиливымъ книгамъ. А какъ изъ благоустроеннаго ⁸ государства обыкновенно изгоняютъ ⁹ неуживчивыхъ ¹⁰ людей, такъ я изъ души слѣдуетъ какъ можно скорѣе удалять разсужденія, клонящіяся къ зарожденію въ людяхъ пустой вѣры.

1. Κηρίας. 2. παρῖδοξος. 3. πλάνη. 4. ἀρχηγός. 5. Ἀλκίνοος. 6. δουλεία. 7. ἄμοιρος. 8. εὐνομέομαι. 9. φυγαδεύω. 10. σίσιωτης.

Запасная. Когда Александръ велъ войско къ рѣкѣ Араксу ¹, Греки, бывшіе въ числѣ восьмисотъ, не пожелали идти дальше, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, всѣ они были ужасно изуродованы ²: кто въ ногахъ, кто въ рукахъ, а кто и въ ухахъ. Говорятъ, что Александръ, видя этихъ страдальцевъ ³, очень сожалѣлъ ⁴ надъ ними и по удержался отъ слезъ ⁵. Когда же всѣ они разомъ ⁶ завопили ⁷ и стали просить Александра избавить ⁸ ихъ отъ еще большихъ бѣдъ, то царь заявилъ, что онъ позаботится о возвращеніи ⁹ ихъ домой, въ которомъ они такъ нуждаются ¹⁰. Однакожъ воины, послѣ того какъ они сошлись и посоветовались между собою, скорѣе избрали ¹¹ пребываніе ¹² въ войскахъ, чѣмъ возвращеніе домой, такъ какъ дома они будутъ разсыяны ¹³, а, оставаясь здѣсь и имѣя одинаковую судьбу, для нихъ будетъ уже нѣкоторымъ утѣшеніемъ ¹⁴ эта самая одинаковость ¹⁵ ихъ несчастія. По объявленіи этого рѣшенія ¹⁶ Александру, онъ далъ каждому изъ нихъ по три тысячи драхмъ ¹⁷ и сдѣлалъ ихъ всѣхъ свободными ¹⁸ отъ всѣхъ податей ¹⁹, а начальникамъ приказалъ заботиться о томъ, чтобы они никѣмъ не были оскорбляемы. Таковымъ-то благодѣяніями царь значительно исправилъ судьбу этихъ бѣдныхъ и больныхъ людей!

1. Ἀράξης. 2. πηρόω. 3. ἀτυέω. 4. ἐλεέω. 5. κατέχω. αετ' 6. ἄμα. 7. ἀνθρώπων. 8. ἀφ' ὧν. 9. ἀνακομιδῆ. 10. θέομαι. 11. προκρίνω. 12. μονή. 13. διασείρω. 14. παραμόθητον. 15. ὁμοιότης. 16. κρίσις. 17. δραχμή. 18. ἀτελής. 19. φόρος. 20. ὀρθόω.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Основная. Купецъ смѣшалъ чай двухъ сортовъ, причеиъ перваго сорта взялъ 16 фунтовъ; фунтъ перваго сорта стоитъ ему самому по 3,5 рубля, а фунтъ втораго сорта по 1,3 рубля; купецъ получить 20% прибыли, если будетъ продавать смѣсь по 3 рубля. Полученная смѣсь была пересыпана въ три ящика: число фунтовъ 1-го ящика относилось къ числу фунтовъ 2-го какъ 0,1999 . . . къ 0,3, а число фунтовъ 3-го составляло 20% того, что было въ 1-мъ и 2-мъ ящикахъ вмѣстѣ. Сколько фунтовъ было въ каждомъ ящикѣ?

Запасная. Два купца участвовали въ общемъ торговомъ предпріятіи. Первый внесъ такой капиталъ, который, будучи отданъ въ ростъ по 7 $\frac{1}{2}$ %, привноситъ въ 1 годъ и 4 мѣсяца 2,500 руб.; а второй внесъ сумму, получен-

ную отъ продажи векселя въ 28,700 руб., учетнаго математическимъ способомъ по 6% за 5 мѣсяцевъ до срока. Капиталъ перваго находится въ оборотѣ $\frac{2}{3}$ года, а капиталъ втораго $\frac{5}{14}$ года. Прибыль, полученная отъ торговли, была употреблена на покупку дѣса, занимавшаго прямоугольную площадь данною въ 1,2 версты и шириною въ 0,8 версты. Сколько десятичъ изъ купленнаго дѣса пришлось каждому?

б) *По алгебрѣ.*

Основная. Пѣкто занялъ 24,500 руб. на 15 лѣтъ по процентамъ равнымъ первому члену арифметической прогрессіи, состоящей изъ 12 членовъ и имѣющей послѣднимъ членомъ 36,3, а сумму = 248,4. Сколько онъ долженъ уплачивать ежегодно, чтобы выплатить долгъ съ процентами къ концу срока?

Запасная. Между 3 и 19683 вставить 7 членовъ геометрической прогрессіи, и пятый членъ этой прогрессіи раздѣлить на 2 части пропорціонально корнямъ уравненія $x^2 - 9x + 20 = 0$.

в) *По геометріи.*

Основная. Если прямой круговой конусъ пересѣчь плоскостью, проходящею черезъ ось конуса, то отъ сѣченія получится равнобедренный треугольникъ, имѣющій периметръ, равный 160 д., и высоту 40 д. Определить высоту цилиндра, имѣющаго тотъ же радіусъ основанія, что и данный конусъ, и равновеликаго по объему съ шаромъ, вписаннымъ въ тотъ же конусъ.

Запасная. Определить объемъ прямого круговаго цилиндра, вписаннаго въ шаръ. Радиусъ шара равенъ 2,8125 д.; радиусъ вписаннаго цилиндра = 1,6875 д.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Основаніе равнобедреннаго треугольника равно 3,2 дюйма, а уголъ при его вершинѣ $78^\circ 48' 44''$. Рѣшить треугольникъ и найти его площадь.

Запасная. Высота треугольника равна 1,4 д., а углы, лежащіе при основаніи, суть $48^\circ 3' 40''$ и $72^\circ 8' 24''$. Найти площадь треугольника.

II. ВЪ МОСКОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. «По въ искушеньяхъ долгой кары,

Перетерпѣвъ судебъ удары,

Окрѣбла Русь. Такъ тяжкій млатъ,

Дробя стекло, куетъ булатъ». (Пушкинъ).

Наша исторія доказываетъ справедливость гласной мысли темы.

Запасная. «Москва... какъ много въ этомъ звукѣ

Для сердца русскаго слылось!» (Пушкинъ).

2. По латинскому языку.

Основная. Консулы Кай Семпроній Аtratинъ и Квинтъ Фабій Вибуланъ вступили въ должность *тринадцатого декабря*¹. Около этого времени донесли не только военные трибуны, что предстоитъ война съ *Волсками*², но и послы сосѣднихъ племенъ извѣщали, что Волски никогда прежде не *занимались съ большимъ усердіемъ*³ ни избраніемъ вождей, ни наборомъ войска. Они (извѣщали послы) *вездѣ*⁴ *завлаютъ съ шумомъ*⁵, что нужно либо навсегда предать забвенію оружіе и войну и *подчиниться*⁶ нгу, либо не уступать ни въ храбрости, ни въ *выносливости*⁷, ни въ военной дисциплинѣ тѣмъ, съ коими они состязаются за *верховную власть*⁸. Не *ложное*⁹ сообщили трибуны и послы, однако это не *произшло надлежащаго впечатлѣнія*¹⁰ ни на сенаторовъ, ни на Кая Семпронія, которому по жребію *досталась*¹¹ эта война. Послѣдній, полагаясь на (свое) счастье, *какъ будто оно неизменно*¹², такъ какъ онъ былъ вождемъ побѣдопоснаго народа противъ побѣжденныхъ, дѣйствовалъ во всемъ до такой степени опрометчиво и небрежно, что римской дисциплины было больше въ войскѣ непріятелей, чѣмъ въ войскѣ Римлянъ. Уже въ началѣ сраженія, которое было дано Семпроніемъ неосторожно и *необдуманно*¹³, поднятый Римлянами *нестройный*¹⁴ и *вслы*¹⁵ (бравный) крикъ *указывалъ*¹⁶ на то, *чѣмъ кончится дѣло*¹⁷. Тѣмъ отважнѣе *напирали*¹⁸ непріятели, Римляне же отступали на всѣхъ пунктахъ и скоро обратились бы въ бѣгство, еслибы не *помогъ*¹⁹ *присутствіемъ*²⁰ духа одинъ декуріонъ. Тѣмъ не менѣе счастье *осталось на сторонѣ*²¹ Волсковъ.

1. Перевести, согласно римскому календарю. 2. Volscus, а, um. 3. intentus, а, um съ esse. 4. vulgo. 5. fremere. 6. accipere. 7. patientia. 8. imperium 9. vanus, а, um. 10. perinde movere. Поставить страд. зал. 11. evenire. 12. = какъ бы на самое постоянное дѣло. 13. inconsulte. 14. dissonus. 15. segnis. 16. indicium съ esse. 17. дѣло кончается тѣмъ — res eo evadit. 18. urgere. 19. subvenire. 20. praesens. 21. sequi.

З а п а с н а я. Въ исходѣ второй Пунической войны Публий Корнелій Сципионъ дѣйствовалъ (гом агего) въ Африкѣ съ такимъ успѣхомъ (successus), что Ганнибалъ былъ отозванъ сенатомъ изъ Италіи для защиты Кароагена. Хотя Римляне радовались по этому поводу, но они были также озабочены (solicitus), чѣмъ кончится дѣло (res eo evadit), когда *вслъ тяжесть (moles) войны надетъ (inclinari) на одно войско и на одного предводителя. ** Съ каждымъ днемъ росло ихъ безпокойство (cura) и не могла установиться достаточная увѣренность въ томъ (устанавливается достаточная увѣренность—satis certum constat apud animum), стоитъ ли радоваться (= достойно ли радости), что Ганнибалъ, удалившись изъ Италіи черезъ шестнадцать лѣтъ, оставилъ Римскому народу свободнымъ (vacuus) обладаніе этою страной, плч

*) Сократить. **) То-есть Сципіона.

болѣе надобно опасаться (того), что онъ переправился въ Африку съ неразстроеннымъ (incolumis) войскомъ. «Не даромъ (де) Фабиѣ, предвидѣвшій (vates) эту опасную (tantus) борьбу (dimicatio), имѣлъ обыкновеніе предсказывать (sapere), что Ганнибалъ будетъ неодолимѣе (gravis) въ своей землѣ, чѣмъ былъ въ чужой. У Сципіона будетъ дѣло съ войскомъ, тысячу разъ обогрившимся (pergundo) римскою кровью. На полѣ битвы (acies) встрѣтятся съ нимъ многіе (изъ такихъ людей), которые собственною рукою убивали римскихъ консуловъ и преторовъ». Перебирая (agitare) въ умѣ такіе ужасы, Римляне сами увеличивали свое безпокойство и опасеніе.

3. По греческому языку.

Основная. Астіагъ ¹ пригласилъ къ себѣ ² однажды свою дочь Мандану ³ и ея сына Кира. Онъ именно желалъ видѣть Кира, такъ какъ слышалъ, что этотъ мальчикъ превосходилъ ⁴ во всемъ своихъ сверстниковъ ⁵. Когда же Мандана явилась ⁶ къ отцу съ ⁷ своимъ сыномъ и затѣмъ послѣ нѣкотораго времени собиралась ⁸ ѣхать ⁹ обратно ¹⁰ къ своему мужу, Астіагъ просилъ ее ¹¹ оставить ¹² Кира (у него). Она отвѣчала, что желала бы во всемъ угодить ¹³ своему отцу, но думаетъ, что трудно оставить мальчика противъ его воли ¹⁴. Тогда Астіагъ сказалъ Киру: «Если ты оставишься у меня, будешь имѣть право ¹⁵ входить ко мнѣ, когда пожелаешь. Далѣе ¹⁶ **, будешь пользоваться конями собственными и другими лошадыми, сколько ихъ захочешь. Далѣе, я дарю * тебѣ тѣхъ звѣрей, которые ¹⁷ находятся теперь въ моемъ паркѣ ¹⁸ и соберу (туда) еще другихъ (звѣрей) всякаго рода ¹⁹», а какъ скоро выучишься ѣздить верхомъ ²⁰, будешь ѣздить ²¹ за ними и поражать ²² ихъ, бросая (въ нихъ) стрѣлы ²³ и дротики ²⁴. Когда Астіагъ сказалъ это, мать спросила Кира, желаетъ ли онъ остаться или ѣхать. Онъ же не медлил ²⁵, но сказалъ тотчасъ, что желалъ бы остаться.

1. Ἀστιάγης, οὗς. 2. Соотвѣтств. форма отъ μεταπέρω 3. Μανδάνη. 4. διαφέρω 5. ὁ ἡλικιωτέρας, οὗ 6. = пришла. 7. ἔχω. 8. παρασκήυαζομαι 9. ἀπιέναι. Поставить причастіе съ ὡς. 10. πάλιν 11. καταλείπω. 12. χαρίζομαι. 13. однимъ словомъ. 14. имѣю право—ἐπ' ἐμοί ἐστι τι 15. Сократить 16. ὁ παράδεισος 17. παντοδαπός, 3. 18. ἵππεύω 19. διώκω 20. καταβάλλω 21. τοξεύω 22. ἀκοντίζω 23. μέλλω * = дню ** = ѣздитъ.

Знапская. У Креза было два сына, изъ коихъ одинъ былъ по несчастному (καχός) случаю (συμφορά) убитъ на охотѣ, а другой былъ нѣмъ (ἄφωνος). Озабоченный (=заботясь) послѣднимъ, Крезъ послалъ спросить объ немъ оракулъ (μαντεύσασθαι θεὸν περὶ τινος). Огвѣтъ (θεοκρίσιον) былъ слѣдующій: «Не желай услышать голосъ сына своего, ибо онъ впервые проговоритъ (φθέγγομαι) въ несчастный для тебя день». Такъ и случилось. При взятіи города Сарды, какой-то Персъ, не узнавъ Креза, бросился (ἵεσθαι ἰμπερὶ) на него, чтобы убить его. Въ то время упомянутой нѣмой сынъ, какъ только увидалъ Перса, нападающаго на отца, отъ страха и скорби (καχόν) вдругъ испустилъ звукъ

(испускаю ῥήτορας) и закричалъ: «Человѣкъ, не убивай Креза!» Тогда онъ проговорилъ впервые и съ тѣхъ поръ говорилъ (φωνεῖν) уже во все время своей жпзни.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Основная. Торговецъ купилъ три ящика одного и того же сорта чаю. Въ одномъ ящикѣ было $\frac{1}{2}$, въ другомъ 0, 2 (7) всего купленнаго количества чаю, а въ третьемъ 140 фунтовъ. За весь купленный чай онъ заплатилъ 686 р. 88 коп., включая въ этой суммѣ расходы по доставкѣ товара, составлявшіе 67% стоимости его. Сколько заплачено за каждый ящикъ?

Запасная. Четыре брата раздѣлили наслѣдство такъ, что части ихъ отъ старшаго до младшаго относились какъ 6: 5: 4: 3. Но старшій братъ отказался отъ своей части, составлявшей 7500 руб., и раздѣлитъ ее между остальными братьями, начиная съ младшаго въ отношеніи 3: 2: 1.—Сколько получилъ каждый изъ трехъ младшихъ братьевъ?

б) По алгебрѣ.

Основная. Четыре числа составляютъ геометрическую пропорцію, въ которой сумма крайнихъ членовъ равняется a , а сумма среднихъ равняется b . Сумма квадратовъ всѣхъ четырехъ членовъ равняется c^2 .—Опредѣлить первый членъ этой пропорціи.

Запасная. Первый членъ арифметической прогрессіи $= -7$, разность $= 3$, а сумма членовъ $= 130$.—Опредѣлить послѣдній членъ и число членовъ.

в) По геометріи.

Основная. Внутри шара проведены двѣ параллельныя плоскости по одной сторонѣ его центра на разстояніи 3 футовъ другъ отъ друга. Эти плоскости даютъ въ сѣченіи два малыхъ круга, которыхъ радіусы соответственно равны 9 фут. и 12 фут.—Опредѣлить объемъ шара, принимая $\Pi=3,14$.

Запасная. Площадь равносторонняго треугольника, вписаннаго въ кругѣ, равняется m^2 .—Опредѣлить радіусъ круга.

г) По тригонометріи.

Основная. Периметръ равнобедреннаго треугольника $= 245, 48$ фут., а уголъ при вершинѣ содержитъ $54^\circ 18'$.—Опредѣлить стороны треугольника.

Запасная. Определить сторону правильнаго 9-ти угольника, описаннаго около круга, котораго радіусъ есть $\sqrt{2}$.

III. ПО КАЗАНСКОМУ ОКРУГУ.

Въ Императорской Казанской первой гимназій.

1. По русскому языку.

«Значеніе классическихъ языковъ въ гимназическомъ преподаваніи».

2. По латинскому языку.

Александръ Великій, узнавъ объ убійствѣ Дарія, рѣшился преслѣдовать Бесса, чтобы по заслугамъ наказать убійцу, но Спитаменъ предупредилъ ¹ его желаніе. Послѣдній, желая спискать себѣ милость Александра, рѣшился выдать ему сатрапа и для участія въ задуманномъ дѣлѣ пригласилъ ² Датафериа и Катена, которые пользовались у Бесса большимъ довѣріемъ. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ. Спитаменъ отпрашивается къ Бессу и, удаливъ ³ свидѣтелей, говоритъ, что Датафериа и Катенъ устраиваютъ ему засаду, имѣя въ виду выдать его живымъ Александру, и что онъ уже ихъ захватилъ и держитъ въ оковахъ ⁴. Бессъ, будучи увѣренъ, что онъ избѣгъ опасности, благодаритъ Спитамена, а заговорщиковъ приказываетъ привести къ себѣ. Какъ только тѣ были приведены, оставивъ всякое притворство, они окружили его и связали, не смотря на его сопротивленіе. Тогда Бессъ сказалъ: «Вы стоите не на сторонѣ Дарія, за котораго истите, а на сторонѣ Александра, которому даже враги его всегда помогали». Послѣ этого, посадивъ Бесса на лошадь, предатели отправились къ Александру и передали ему убійцу Дарія съ слѣдующими словами: «Мы отместили и за тебя, и за Дарія; мы привели къ тебѣ убійцу, котораго мы захватили тѣмъ самымъ способомъ, образецъ котораго онъ намъ самъ представилъ» ⁵.

Извѣстно, что Бессъ, по приказанію Александра, былъ распятъ на крестѣ.

1. praecurrere alicui или aliquem aliquave; praeventere aliquid. 2. in societatem asciscere. 3. removere. 4. перевести: «связанныхъ». 5. exemplum facere.

3. По греческому языку.

Аоніянне, осаждаемые Лизандромъ съ суши и моря, недоумѣвали, что имъ дѣлать, такъ какъ у нихъ не было ни кораблей, ни союзниковъ, ни хлѣба. Наконецъ, когда у нихъ весь хлѣбъ вышелъ и многіе умирали отъ голода, они послали къ Лакедемонянамъ пословъ, чтобы заключить съ ними миръ. Въ собраніи спартанскомъ Кориннонне и Фиванцы болѣе всего убѣждали Лакедемонянъ не заключать съ Аоніянами мира, но срыть ¹ ихъ городъ. Однако Лакедемоняне отказались поработить греческій городъ, который во время величайшихъ опасностей сдѣлалъ столько добра для Греціи; но они согласились

заклѣчить миръ, если Лопниис сровотъ ³ длинныя стѣны и Пирей и отдадутъ все свои корабли, кромѣ двѣнадцати. Когда послы объявили объ этомъ Лопниамъ, то послѣдній, боясь, чтобы отъ голода не погибло еще больше людей, рѣшилъ принять миръ.

1. ἐξαιρέϊν; 2. καθαιρέϊν.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Торговецъ, купивъ 75 кусковъ полотна по 49 аршинъ въ кускѣ, продалъ 25 кусковъ по 50 коп. аршинъ, 38 кусковъ по 45 коп. аршинъ, и 12 кусковъ по 55 коп. аршинъ и отъ этой продажи получилъ $37\frac{10}{21}\%$ прибыли. Почему онъ купилъ аршинъ этого полотна?

б) По алгебрѣ.

Сумма неизвѣстнаго числа членовъ арифметической прогрессіи равна 1900, послѣдній членъ $35\frac{1}{2}$, разность прогрессіи $\frac{1}{2}$. Определить первый членъ и число членовъ.

в) По геометріи.

Построить квадратъ, равновѣрный данному правильному шестиугольнику.

г) По тригонометріи.

Вычислить радіусъ круга, вписаннаго въ треугольникъ ABC, когда дано:

$$a=45,0086, B=16^{\circ} 14'' 85 \text{ и } C=23^{\circ} 51' 47'' 6.$$

Въ прочихъ гимназіяхъ Казанскаго округа

1. По русскому языку.

«Задачи гимназическаго и университетскаго образованія».

2. По латинскому языку.

Корнестолубіе Гал Верреса. Антиохъ, сынъ Антиоха, царя Сиріи, когда возвращался изъ Рима въ Азію, совершилъ путь черезъ Сицілюю. Тамъ былъ правителемъ ¹ Г. Верресъ. Такъ какъ этотъ послѣдній отчасти слышалъ, отчасти подозрѣвалъ, что царевичъ ² имѣетъ при себѣ много драгоценныхъ и превосходныхъ ³ вещей, то онъ ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ чтобы похитить ⁴ ихъ будь то хитростью, или силой. Сперва онъ послалъ ему подарки, затѣмъ пригласилъ его на пиръ, великолѣпно украсилъ столовую ⁵, выставилъ ⁶ на показъ весьма многіе и весьма красивые сосуды, которыми онъ былъ богатъ ⁷, однимъ словомъ, онъ постарался, чтобы пириество во всѣхъ отношеніяхъ ⁸ было превосходное. Вскорѣ Антиохъ также пригласилъ правителя на пиръ, выставилъ на показъ много серебра, золотыя кубки, однимъ словомъ, все свои сокровища ⁹, въ числѣ которыхъ былъ ковчегъ ¹⁰ изъ цѣльнаго ¹¹ боль-

шаго ¹³ драгоцѣннаго камня ¹⁴. Верресъ бралъ каждый сосудъ въ руки, хвалилъ и удивлялся. Царевичъ радовался, что иршество доставляло удовольствіе ¹⁴ претору римскаго народа. Этотъ послѣдній, пришедши домой, послалъ къ Антиоху попросить самыя красивыя сосуды ¹⁵ и особенно вышеупомянутый ковчегъ; онъ говорилъ, что хочетъ его показать своимъ граверамъ ¹⁶. Царевичъ безъ всякаго подозрѣнія отдалъ весьма охотно. Послалъ также ему изукрашенный ¹⁷ самыя блестящими ¹⁸ драгоцѣнными камнями подсвѣчникъ ¹⁹, который онъ хотѣлъ поставить ²⁰ въ Капитоліи и посвятить Юпитеру. Всѣ эти вещи Верресъ не возвратилъ царевичу, наконецъ приказалъ ему внезапно еще до ночи покинуть ²¹ провинцію.

1. praetor; 2. rex; 3. praecclarus; 4. expilare. 5. triclinium; 6. exponere
7. abundare. 8. rex. 9. coriace. 10. trulla. 11. unus. 12. pergrandis. 13. gemma.
14. jucundum esse. 15. vas. 16. caelator. 17. distinctus. 18. clarus. 19. candelabrum.
20. ponere. 21. decedere de.

3. По греческому языку.

Смерть Кодра.

Во время войны Аенпянъ съ Пелопонезцами богъ предсказалъ, что Аенпяне побѣдятъ, если царь ихъ будетъ убитъ непріятелями. Поэтому непріятели, узнавъ о такомъ изреченіи оракула, велѣли всѣмъ шадить Кодра въ сраженіи. Но послѣдній, одѣвшись *христианиномъ, собирающимъ хворостъ* (=φρογυαριστήρ ἦρος), оставилъ лагерь и началъ рубить дрова въ такомъ мѣстѣ, куда случайно пришло и нѣсколько Пелопонезцевъ собирать хворостъ (τὰ φρούαγα). Чтобы вызвать ихъ на бой, Кодръ напалъ на нихъ; однихъ равнялъ, другихъ ожесточилъ (παροζύουω) до того, что они убили его. Затѣмъ послѣдніе удалились, думая, что совершили нѣчто великое; а Аенпяне, запѣвъ военную пѣсню (παταγίζω) и смѣло выступивъ на битву, отправили къ непріятелямъ вѣстника, требуя выдачи труна царя. Пелопонезцы, узнавъ о случившемся, обратились въ бѣгство; а Аенпяне, одержавъ такимъ образомъ побѣду, оказали Кодру должную почесть за то, что онъ добровольною смертью освободилъ отечество отъ великой опасности.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

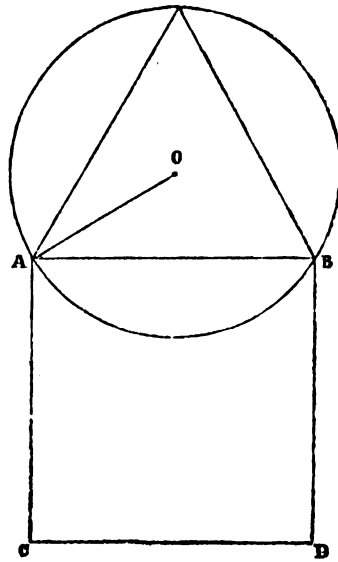
На сумму, вырученную отъ продажи векселя въ 2400 руб., учтеннаго по 6% за 8 мѣсяцевъ до срока, виноторговецъ купилъ вина двухъ сортовъ: число ведеръ перваго сорта относилось къ числу ведеръ втораго сорта какъ 4: 5. (Умѣнявъ купленное вино, онъ продалъ каждое ведро по 14 руб. 72 коп., причемъ получилъ прибыли 15%.) Сколько ведеръ cadaго сорта онъ купилъ?

б) По алгебрѣ.

Какую сумму должно ежегодно вносить въ банкъ, начиная съ рожденія ребенка и считая сложные проценты по 4,5% со 100, чтобы накопился капиталъ въ 48,000 руб., когда ему минеть 21 годъ?

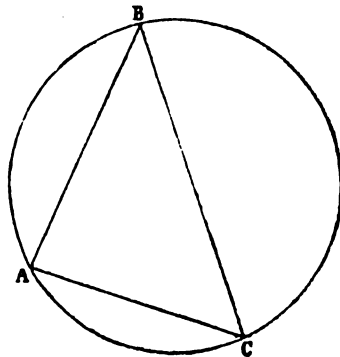
в) По геометріи.

Въ кругъ, радіусъ котораго $AO = 4$ футамъ, вписанъ правильный трех-
угольникъ, на сторонѣ котораго пост-
роенъ квадратъ. Определить радіусъ
окружности, описанной около квад-
рата.

г) По тригонометріи.

Рѣшить трехугольникъ по углу
 $\angle A = 59^\circ 40'$, $\angle B = 42^\circ 59' 48''$ и ра-
діусу описаннаго круга $= 187.69$?

IV. ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Значеніе Средиземнаго моря въ древніе вѣка.

Запасная. Воспитательное значеніе чтенія біографій знаменитыхъ людей.

2. По латинскому языку.

Основная. Во время войны Римлянъ съ Латинцамъ, консулы Титъ Манлій и Децій Мусъ, боясь, чтобы солдаты не были обмануты вслѣдствіе какого нибудь заблужденія, издали приказъ, чтобы никто не сражался съ врагомъ внѣ (боеваго) ряда. Между остальными начальниками *отрядовъ*, разосланными во всѣ стороны для разкогносцировки, случайно Т. Манлій, сынъ консула, съ своимъ отрядомъ *замчалъ* за неприятельскій лагерь, такъ что находился отъ ближайшаго поста едва ли на разстояніи *метанія* копья. Тамъ находились тускуланскіе всадники, надъ которыми начальствовалъ Геминъ, человекъ знаменитый какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и подвигами. «Хотите-ли вы, Римляне», сказалъ Геминъ, «вести войну съ однимъ отрядомъ противъ Латинцовъ и ихъ союзниковъ? что будутъ дѣлать между тѣмъ консулы, и что два консульскихъ войска? «Они явятся *во время*», возразилъ Манлій, «и съ ними явится Юпитерь, свидѣтель нарушеннаго вами союза». «Не хочешь ли ты между тѣмъ», сказалъ Геминъ *помотриться* со мною силами, чтобы изъ исхода нашей борьбы было видно, насколько латинскій всадникъ превосходитъ римскаго». Принявъ *вызовъ*, Манлій убилъ врага. Съ ликующимъ отъ радости отрядомъ посѣлжилъ Манлій въ лагерь и оттуда въ *палатку главнокомандующаго*, къ своему отцу. Послѣдній, узнавъ о подвигѣ сына, тотчасъ приказалъ созвать войско. Когда они собрались, онъ сказалъ: «такъ какъ ты, Т. Манлій сразился внѣ боеваго ряда, вопреки нашему запрещенію и вслѣдствіе этого *нарушилъ* дисциплину, меня же *поставилъ въ необходимость* забыть государство, или себя и своихъ, то я вынужденъ забыть лучше своихъ, чѣмъ государство. Печальнымъ, но *вытѣстъ* съ тѣмъ и *спасительнымъ* примѣромъ будешь ты для молодежи. Такъ какъ или твоею смертію должны быть освящены приказанія консуловъ, или твоею безнаказанностію они должны быть *отмѣнены* навсегда, то я увѣренъ, что даже и ты, если въ тебѣ есть сколько нибудь моей крови, не откажешься возстановитъ наказаніемъ дисциплину, *упущеную* вслѣдствіе твоей вины. Дикторъ, *привяжи* его къ столбу».

Эта строгость, которою воспренятствовали надеженію дисциплины, привнесла много пользы Римлянамъ въ этой войнѣ.

Запасная. Гергвиній въ преклонныхъ лѣтахъ *удалился* не только отъ военной, но также гражданской службы, однако, въ старческомъ тѣлѣ была *душа* полная энергіи и благоразумія. Коль скоро онъ услышалъ, что римскія арміи

заперты въ тѣспинахъ между двумя *горными вершинами*, то, спрошенный по-слову сына—полководца, высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ какъ можно скорѣе отпустить Римлянъ невредимыми. Когда же это мнѣніе было отвергнуто и, вслѣдъ затѣмъ, посольскій вторично явился спросить у него совѣта, то онъ сказалъ, что слѣдуетъ перебить Римлянъ всѣхъ безъ исключенія. Въ виду разнорѣчивыхъ между собою отвѣтовъ, подобныхъ двусмысленнымъ изреченіямъ оракула, сынъ заявилъ, что въ старческомъ тѣлѣ отца ослабли умственные способности; тѣмъ не менѣе, *уступая* всеобщему согласію, онъ *вызвался* пригласить отца на военный совѣтъ. Старикъ, *не дѣлая затрудненій*, отправился, говорятъ, въ повозкѣ въ лагерь, и, приглашенный въ военный совѣтъ, говорилъ, нисколько не измѣняя своего мнѣнія, но прибавилъ только его мотивы: слѣдуя де первому мнѣнію, которое онъ считаетъ лучшимъ, они заключать съ могущественнымъ народомъ, оказавъ ему огромную услугу, вѣчный миръ и дружбу; слѣдуя второму мнѣнію, они-де отложатъ войну на многіе годы, такъ какъ съ потерей обѣихъ армій Римляне не легко *поправятся*; третьяго же рода совѣта не давалъ. Когда же сынъ и другіе члены *совета* старались разузнать, нельзя-ли держаться средняго пути (то-есть), чтобы, отпустивъ Римлянъ невредимыми, наложить на побѣжденныхъ условіе по законамъ войны, то онъ сказалъ, что этимъ мнѣніемъ нельзя ни пріискать друзей, ни уничтожить враговъ.

3. По греческому языку.

Основная. Александръ и Фивяне. Александръ, сынъ Филиппа, получивъ отъ Едиповъ *командованіе* войскомъ, назначеннымъ противъ Персовъ, сперва отправляется на Иллирійцевъ. Въ это время нѣкоторые бѣжанціе изъ Фивъ возвратились въ городъ и убѣдили Фивянъ отстать отъ царя, *утверждая*, что онъ погибъ. Александръ же, какъ только узналъ о фиванскихъ дѣлахъ, тотчасъ рѣшилъ, что ни онъ слѣдуетъ *пренебрегать*, чтобы прочіе не сдѣлали то же самое, спѣшить къ Фивамъ. Онъ расположился лагеремъ вблизи города, ожидая не *раскаются-ли* Фивяне въ своемъ *зablужденіи* и не пришлютъ ли посольства просить *прошенія*. Они же вышли изъ города для битвы, но были побѣждены и бѣжали въ такомъ страхѣ, что не *успѣли запереть* воротъ. Македоняне ворвались въ городъ вмѣстѣ съ ними и убивали безъ всякаго *разбору* даже уже не *защищавшихся*, скрывавшихся въ домахъ или у алтарей, не *цадя* ни женщинъ, ни дѣтей. Затѣмъ рѣшено было: страну отдать союзникамъ Македонянъ, оставшихся въ живыхъ Фивянъ *продать въ рабство*, а городъ *срыть до основанія*.

Запасная. Сужденіе Кинеаса о римскомъ сенатѣ. Римскій сенатъ, рѣшившись *продолжать войну* съ Пирромъ, отправилъ назадъ Кинеаса съ отвѣтомъ, что Пирръ (только) тогда (можетъ) *дѣлать предложенія* о мирѣ и союзѣ, когда выступитъ изъ Италіи, но пока будетъ находиться въ Италіи съ оружіемъ (въ рукахъ), Римляне будутъ воевать съ нимъ всѣми силами, хотя бы онъ обратилъ въ бѣгство тысячи такихъ полководцевъ, какъ Левинъ. Рассказываютъ, что *въ продолженіе этихъ переговоровъ* Кинеасъ *приложилъ все стараніе* узнать нравы и характеръ Римлянъ и ихъ государственное устройство, и что онъ бесѣдовалъ

съ первѣйшими гражданами. Возвратившись къ Пирру, онъ между прочимъ сказалъ ему, что сенатъ показался ему собраніемъ многихъ царей, а о народѣ говоритъ, что боится, чтобы имъ не пришлось сражаться съ Лернейскою гидрой, такъ какъ собрано воиновъ уже *едвое больше* тѣхъ, которые сражались прежде, а (число) остальныхъ Римлянъ, *способныхъ къ оружію*, еще въ нѣсколько разъ больше.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Куплено въ Австріи 2600 центнеровъ желѣза по 8 гульденовъ за центнеръ и въ уплату выданъ вексель изъ 10% на полгода. На какую сумму въ рубляхъ выданъ этотъ вексель, если гульденъ на русскія деньги стоитъ 61,74 к., а курсъ кредитнаго рубля въ это время былъ въ 2 франка и 50 сантимовъ?

Запасная. Партія рабочихъ, состоящая изъ 28 мужчинъ и 16 женщинъ, взялась скосить и убрать сѣно въ 27 дней съ 720 десятинъ, предполагая работать каждый день по 10 часовъ. Черезъ 6 дней 8 работниковъ и 6 работницъ отказались отъ работы. По сколько часовъ въ день должны работать оставшіеся, чтобы окончить работу въ срокъ и сколько придется, по окончаніи работы, получить на свою долю каждому изъ оставшихся работниковъ и работницъ денегъ, если имъ платили съ десятины по 1 р. 10 коп. и если работа мужчинъ относилась къ работѣ женщины, какъ 4:3?

б) По алгебрѣ.

Основная. Рѣшить уравненія.

$$x(x + y + z) = a$$

$$y(x + y + z) = b$$

$$z(x + y + z) = c$$

Запасная. Во что обратится капиталъ 250 р. черезъ 6 лѣтъ, при 6 сложн. процент., если къ нему прибавлять ежегодно сумму въ 20 р., увеличивающуюся въ геометрической прогрессіи, которой знаменатель=1, 5?

в) По геометріи.

Основная! Цилиндръ и усѣченный конусъ имѣютъ одно основаніе общее и одну и ту же высоту. Определить, съ точностью до 0,001 отношеніе между радіусами основаній конуса, чтобы объемъ его былъ равенъ половинѣ объема цилиндра.

Запасная. Сколько квадратныхъ географическихъ миль земной поверхности можетъ обозрѣть воздухоплаватель, поднявшись надъ нею на высоту 0,52 мили, если предположить, что земля—совершенный шаръ съ радіусами въ 858 географическихъ миль?

1) По тригонометріи.

Основная. Опреѣлнить отношеніе площади правильнаго описаннаго шестигуольника къ площади вписаннаго въ тотъ же кругъ правильнаго восьмигольника, если радіусъ круга равенъ 2,5 сажени.

Запасная. По берегу рѣки проведена прямая линія длиною въ 41,2 метра; линіи же, проведенныя съ концовъ ея къ столбу на противоположномъ берегу, образуютъ съ ней углы въ $68^{\circ} 4' 15''$ и $71^{\circ} 13' 10''$. Опреѣлнить ширину рѣки.

V. ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. «Историческое значеніе Балтійскаго моря для Россіи».

Запасная. «Причины и слѣдствія Пуническихъ войнъ».

2. По латинскому языку.

Основная. *Val. Max. V. 4. 3.* Народный трибунъ Помпій *призвалъ въ судъ* (*diem dicere alicui*) Люція Манлія Торквата, обвиняя его въ томъ, что онъ, желая покончить войну, начатую имъ блестятельно, удержалъ *власть* (*impetium*) свою сверхъ законнаго времени, а особенно въ томъ, что онъ сына своего, юношу съ отличными *дарованіями* (*indoles, ingenium*), *употребляетъ* (*adhibere alicuem ad aliquid*) на тяжкія сельскія работы. Молодой Манлій, узнавъ объ этомъ, тотчасъ поспѣшилъ въ Римъ и *на разсвѣтъ* (*prima luce*) отправился въ домъ Помпія. Тотъ полагая, что молодой человекъ пришелъ къ нему для того, чтобы жаловаться на отца, *обращающагося съ нимъ* (*tractare alicuem*) слишкомъ жестоко, велѣлъ всѣмъ присутствующимъ выйти изъ комнаты, чтобы Манлій безъ свидѣтелей могъ откровеннѣе сдѣлать свои показанія. Но послѣ этого молодой человекъ *обнажилъ мечъ* (*destringere gladium*), который онъ несъ съ собою подъ тогу, и принудилъ трибуна *клятвенно обѣщать* (*iurare*), что онъ не станетъ обвинять отца Манлія, чѣмъ сынъ и достигъ того, что его отецъ не былъ призванъ въ судъ.

Запасная. *Val. Max. V. 1. 1.* Птолемей, царь Египетскій, изгнанный изъ царства меньшимъ своимъ братомъ, пришелъ въ Римъ просить помощи Римскаго народа *въ траурномъ платьѣ* (*squalore obsitus*) и съ немногими только рабами. Онъ остановился у одного живонисца изъ Александріи (*остановиться у кою*—*conferre se in hospitium alicuius*). Сенатъ, узнавъ объ этомъ, призвалъ молодаго царя и *учтиво извинился предъ нимъ* (*accusata excusatione uti*), что не послалъ къ нему, по обычаю предковъ, на встрѣчу квестора и не *предложилъ ему казеннаго помѣщенія* (*excipere alicuem publico hospitio*), прибавляя при этомъ, что это случилось не по *неуваженію* (*negligentia*), но вслѣдствіе

его внезапнаго и скрытнаго прибытія. И тотчасъ всѣ сенаторы повели его изъ куріи въ домъ, назначенный для приѣма чужеземныхъ царей и пословъ. и предложили ему, чтобы онъ, *сложивши съ себя траурное платье* (deponere sorde, plural), просилъ у сената *аудиенцію* (dies audiendi). Кроме того, они заботились о томъ, чтобы ему ежедневно посылаемы были чрезъ квестора подарки. Такимъ образомъ, онъ успокоился до того, что болѣе надѣялся на помощь римскаго народа и уже менѣе отчаявался въ своей судьбѣ.

3. По греческому языку.

Основная. Gorgias, p. 521. Я знаю хорошо, что если мнѣ являться на судъ и подвергаться тѣмъ опасностямъ, о которыхъ ты говоришь, то ничтожный человекъ будетъ тотъ, который меня *приласнитъ* (εἰσαγγεῖν) къ суду, ибо никакой честный человекъ не станетъ звать въ судъ (человѣка), не дѣлающаго ничего несправедливаго, и меня нисколько бы не удивило, еслибы мнѣ (даже) пришлось умереть (вслѣдствіе приговора). Такъ какъ я не говорю Аѳинянамъ того, что мнѣ *по вкусу* (ἡρέως), а то, что служить къ добру; хотя оно и неприятно, и такъ какъ я не желаю дѣлать того, что ты мнѣ *совѣтуешь* (παραγγεῖν), то мнѣ нечего будетъ говорить въ судѣ; ибо меня будутъ судить такъ, какъ въ средѣ дѣтей судился бы врачъ вслѣдствіе обвиненія *новара* (ἄφοποιός), говорящаго такимъ образомъ: дѣти, много зла причинили вамъ этотъ человекъ; и онъ губитъ васъ, заставляя васъ пить горчайшія *лекарства* (πικρα), и голодать и жаждать, между тѣмъ какъ я *уточаю* (εὐωχεῖν) васъ разными лакомствами. Какъ думаешь, что врачъ, попавшій въ такую бѣду, могъ бы возразить?

З а п а с н а я. Xenoph. Athon. geipublicae. c. III. Нѣкоторые порицаютъ Аѳинявъ за то, что иногда (ни) у сената, ни у народа нѣтъ возможности *дать рѣшеніе* (ὑπεραγγεῖν) человекъ, ожидающемуся годъ, и это происходитъ въ Аѳинахъ *только потому* (οὐδὲν δι' ἄλλο ἤ), что по множеству дѣлъ они не въ состояніи всѣхъ *удовлетворить* (ἀποπέμπειν) отвѣтомъ, ибо какъ и могли бы быть въ состояніи (исполнить это) тѣ, которые должны. во первыхъ, праздновать столько праздниковъ, сколько (не празднуешь) ни одинъ изъ греческихъ городовъ, потомъ *въ судахъ рѣшать* (διαδικάζειν) столько дѣлъ, сколько даже всѣ люди вмѣстѣ не рѣшаютъ; сенатъ же *занятъ* (δουλεύεσθαι) весьма разнообразными дѣлами. Нѣкоторые же говорятъ, что если кто обратится къ сенату или народу, имѣя деньги, то получить рѣшеніе. Я могу съ этими (людьми) согласиться въ томъ, что многія дѣла *устраиваются* (διαπράττειν) при помощи денегъ, и еще больше дѣлъ устроивалось бы, еслибы было больше людей, предлагающихъ деньги. Но я знаю хорошо то, что всѣхъ удовлетворить городъ не имѣетъ возможности.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Раздѣлить 257 на три такіа части, которыхъ квадраты пропорціональны числамъ: 3, 5 и 7. Вычислить эти части съ точностію до 0,001.

Запасная. 5 мужчинъ или 7 женщинъ могутъ окончить известную работу въ 37 дней; во сколько дней окончатъ двойную работу 7 мужчинъ и 5 женщинъ?

б) По алгебрѣ.

Основная. Изъ двухъ мѣстъ, находящихся на разстояніи 320 миль, два путешественника А и В въ одно и то же время отправились одинъ на встрѣчу другому. В проѣзжаетъ въ день на 8 миль меньше А. До встрѣчи прошло вдвое меньше дней, чѣмъ В ѣдетъ лишь въ день. Найти, по сколько миль А и В ѣхали въ день и сколько миль каждый изъ нихъ проѣхалъ до встрѣчи.

Запасная. Даны два сосуда известной вмѣстимости V и V' , изъ которыхъ первый наполненъ спиртомъ, а второй водой. Вычислить такую вмѣстимость третьяго сосуда, чтобы, наполнивъ его спиртомъ изъ перваго сосуда, долить этотъ послѣдній изъ втораго сосуда и, наконецъ, переливъ спиртъ изъ третьяго во второй сосудъ, получилась бы въ первомъ и второмъ сосудахъ смѣсь воды и спирта одинаковой крѣпости. Определить въ процентахъ крѣпость смѣси, если $V=6\frac{2}{3}$ и $V=3\frac{2}{3}$.

в) По геометріи.

Основная. Даны два круга одного и того же радіуса r . Разстояніе между центрами равно d . Вычислить площадь ромба, образуемаго касательными, проведенными къ кругу изъ центра другаго.

Запасная. Къ данному кругу радіуса $CA=0,035$ фут. проведена касательная АВ изъ точки В, которой разстояніе отъ центра $BC=0,125$ фут. При вращеніи фигуры около линіи ВС окружность круга описываетъ шаръ, касательная АВ конусъ, которому основаніемъ служитъ кругъ съ радіусомъ, равнымъ перпендикуляру AD, опущенному на линію ВС изъ точки А. Вычислить объемъ и поверхность этого конуса.

г) По тригонометріи.

Основная. Въ треугольникѣ ABC даны $\angle B=68^\circ 26' 17''$, $\angle C=75^\circ 8' 23''$ и его высота $AN=148,19$ фут. Вычислить длины трехъ его сторонъ.

Запасная. Вычислить уголъ при вершинѣ равнобедреннаго треугольника, зная его основаніе $=3452,634$ метра и его площадь $=5864,372$ квадрат. метра.

VI. ВЪ ОДЕССКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

«Нѣтъ зла болѣе, чѣмъ безначаліе».

2. Но латинскому языку.

«Сципіонъ Африканскій и Ганнибалъ въ Ефесѣ».

У Римскаго историка Клавдія Квадригарія (Claudius Quadrigarius), рій писалъ приблизительно въ сотомъ году до Рождества Христова, гово о любопытномъ свиданіи между Ганнибаломъ и Сципіономъ Африканъ. Послѣдній находился въ числѣ пословъ, отправленныхъ изъ Рима къ Ону и Ганнибалъ встрѣтились въ городѣ Ефесѣ, гдѣ между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

Сципіонъ спросилъ Ганнибала, кто, по его мнѣнію, величайшій полководецъ? «Александръ Македонскій, былъ отвѣтъ, потому что онъ побѣждалъ громады арміи съ небольшимъ войскомъ и прошелъ чрезъ отдаленныя страны, о которыхъ никто прежде не имѣлъ понятія». Сципіонъ захотѣлъ потомъ узнать, кто въ мнѣніи Ганнибала занимаетъ второе мѣсто. На его вопросъ тотъ отвѣчалъ: «Пирръ Эпиротскій; онъ первый научилъ, какъ располагать лагерь, и никто не превосходилъ его въ искусствѣ выбрать мѣсто для битвы или передовыхъ постовъ». Когда Ганнибалъ затѣмъ былъ спрошенъ, кого онъ признаетъ третьимъ по достоинству, то безъ всякаго колебанія сказалъ: «самого себя». Сципіонъ засмѣялся и спросилъ: «какого же мнѣнія былъ бы ты о себѣ, если бы побѣдилъ меня?» «Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Ганнибалъ, я бы считалъ себя выше Александра, Пирра и всѣхъ другихъ полководцевъ».

Неожиданный тонкій оборотъ комплимента польстилъ Сципіону; Ганнибалъ какъ будто намѣренно исключилъ его изъ числа великихъ вождей, не допуская даже сравненія.

1. Свиданіе—congressus. 2. понятіе—notio. 3. располагать—metor, ari 4. передовой постъ—statio. 5. тонкій—callidus. 6. оборотъ комплимента—conformatio audis v. genus assentationis. 7. польстить—movere v. perimulcere aliqu. 8. исключать—secernere. 9. допускать—admittere.

3. Но греческому языку.

«Клятва ефебовъ въ Аоннахъ».

У Аоннянъ было обыкновеніе, что молодые люди, достигшіе ¹ совершеннолѣтія, обязывались ² клятвою станить отечество выше всего въ мірѣ. Въ день, назначенный для клятвы, домъ родителей или родственниковъ ефеба былъ украшенъ коврами ³ и циѣтами; самъ же ефебъ, одѣвшись ⁴ въ лучшее платье, является къ архонтамъ и проситъ быть приведеннымъ къ присягѣ, обѣщая при этомъ, что онъ будетъ всегда и вездѣ повиноваться существующимъ законамъ ⁵, равно какъ и тѣмъ (законамъ—νόμος), которые впоследствии могутъ быть изданы, ⁶ и что онъ никогда не допуститъ, чтобы кто-либо съ его вѣдома ⁷ нарушилъ ⁸ государственныя постановленія.

Затѣмъ, когда архонты вручили ему отечественныя оружія, ефебъ торжественно передъ всѣми твердымъ голосомъ произносилъ ⁹: «дражайшее и милѣйшее отечество, я никогда не обезчещу ¹⁰ твои священныя оружія, данныя мнѣ для зашиты ¹¹ божественныхъ и человѣческихъ правъ, охотно и радостно

буду подчиняться ¹³ начальникамъ и повиноваться ¹⁴ вождямъ, и мужественно сражаться вѣстѣ со всѣми, равно какъ и отдѣльно, никогда не оставляя товарища ¹⁵ или сослуживца ¹⁶ своего или кого-либо изъ твоихъ сыновъ; а вась, бессмертные боги, призываю въ свидѣтели ¹⁷ чистой истины моихъ словъ.

1. Достигать совершенности—γίγνομαι ἄφθορος. 2. обязаться клятвою—δρῶ ἐπισχεῖσθαι. 3. коверь—στρώμα. 4. одѣваться въ платье—ἐνδύομαι ἱμάτιον. 5. приводить къ присягѣ—δρῶν λαμβάνο παρὰ τινος. 6. существующій законъ—θεσμός καθεστητός. 7. издать—ἰδρῶ. 8. съ вѣдома—subst. συνείδησις. 9. нарушить—ἀνατρέπω. 10. торжественно говорить—σεμνολογέω. 11. обезчестить—ἀτιμάζω. 12. защита—νεβ. ἐμὸν τιμὴ. 13. подчиняться—ὀποτάσσω ἑμυτόν. 14. повиноваться—εὐχοέω. 15. товарищъ—παραστάτης. 16. сослуживецъ—συνεργός. 17. свидѣтель—ἰστωρ, ορος.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Куплено два куска земли, за которые черезъ два года, со дня покупки, заплачено 92,610 рублей. Спрашивается, сколько стоитъ каждый кусокъ, если цѣна перваго относится къ цѣнѣ втораго такъ, какъ $\frac{2}{3}$; $\frac{3}{2}$, и если въ уплаченной суммѣ заключается и стоимость земли и двухлѣтніе сложные проценты со стоимости земли, считая по 5 на 100?

б) По алгебрѣ.

3060 десятинъ лѣсу раздѣлены на участки, изъ которыхъ первый участокъ содержитъ 5 десятинъ, второй—10, третій — 15 и т. д. каждый послѣдующій участокъ содержитъ 5 десятиннами болѣе предыдущаго. Сколько десятинъ въ послѣднемъ участкѣ и сколько участковъ?

в) По геометріи.

Радиусъ сѣченія шара плоскостью равенъ 9,6 дюймамъ, какъ велика вся поверхность меньшей части шара, если извѣстно, что радиусъ шара 14,4 дюймовъ?

г) По тригонометріи.

Изъ мѣста наблюденія видны два предмета подъ угломъ $41^{\circ} 46' 55''$, изъ которыхъ одинъ предметъ отстоитъ отъ мѣста наблюденія на 315 сажень, а другой—на 487 сажень. Определить разстояніе между видимыми предметами?

VII. ПО КІЕВСКОМУ ОКРУГУ.

1. По русскому языку.

1-я. На какіе предметы обращали «серьезный смѣхъ» отечественные писатели первой половины текущаго столѣтія?

2-я. На какіе предметы обращали «серьезный смѣхъ» отечественные писатели прошлаго вѣка?

2. По латинскому языку.

1-я. Л. Бантій (Нолавецъ) былъ юноша пылкой и почти знаменитѣйшій въ то время между союзниками всадникъ. Найдя его полумертвымъ ⁴ въ кучѣ убитыхъ солдатъ при Каннахъ и возстановивъ его силы ⁵ заботливымъ лѣченіемъ, Ганнибалъ даже съ подарками отпустилъ его домой. Въ благодарность за эту услугу, Бантій задумалъ передать городъ Нолу въ полную власть Ганнибала, и преторъ (Марцеллъ) замѣчалъ, что онъ безпокоенъ и занятъ заботою о произведеніи ⁶ переворота; но такъ какъ его необходимо было или удержать ⁴ (отъ того) наказаніемъ, или привлечь къ себѣ благодѣліемъ, то преторъ предпочелъ приобрести ⁶ (въ немъ) себѣ мужественнаго и дѣльнаго союзника, чѣмъ (только) отнять его у непріятеля. Пригласивъ его къ себѣ, онъ обращается къ нему ласково съ слѣдующими словами: что между своими соотечественниками онъ имѣетъ много завистниковъ; что изъ этого легко понять, что не одинъ гражданинъ Нолы не сообщилъ ⁶ ему, какъ много и какіе отличные подвиги были имъ совершены: но мужество того, кто несъ военную службу въ римскомъ лагерѣ, не можетъ быть неизвѣстнымъ; многіе изъ тѣхъ, которые съ нимъ служили, говорятъ ему, какимъ онъ былъ воиномъ и сколько разъ и какимъ онъ подвергался опасностямъ за спасеніе и достоинство римскаго народа; и какъ онъ въ сраженіи при Каннахъ не прежде отсталъ отъ битвы, какъ почти безжизненный ⁷ подавленъ былъ тяжестью ⁸ падавшихъ на него людей, лошадей и оружія. «И такъ хвала твоей храбрости ⁹, сказалъ онъ; у меня будетъ для тебя всякаго рода почетъ и награда: и чѣмъ чаще ты будешь (видѣться) со мною, тѣмъ болѣе узнаешь, что это служить къ твоей чести и выгодѣ». Обрадованному (такимъ) обѣщаніями юношѣ преторъ даетъ въ подарокъ отличную лошадь, велитъ квестору отсчитать 500 денаріевъ ¹⁰ и даетъ приказаніе дикторамъ, чтобы они всякій разъ, какъ онъ захочетъ, допускали его приходитъ къ нему. Этою ласковостью Марцелла сердце пылкаго юноши до того было тронуту (смягчено), что въ послѣдствіи времени, когда Ганнибалъ былъ у воротъ Нолы, никто изъ союзниковъ вѣрнѣе и мужественнѣе его не помогалъ Римлянамъ.

2-я. Пока это дѣлалось въ Римѣ и Италіи въ Кароагенѣ прѣбывъ вѣстникъ побѣды Магонъ, сынъ Гамплькара, который посланъ былъ братомъ не тотчасъ послѣ битвы (не изъ самой битвы), но былъ задержанъ нѣсколько дней въ занятіи¹¹ городовъ Бруттійевъ и тѣхъ, которые отпадали (отъ Римлянъ). Когда дана была ему аудіенція въ сенатѣ (данъ былъ сенатъ), онъ излагаетъ подвиги, совершенные братомъ въ Италіи (слѣдующими словами): что онъ сразился съ шестью полководцами, изъ которыхъ четыре были консулы, а изъ двухъ одинъ диктаторъ, другой начальникъ конницы (два — диктаторъ и начальникъ конницы), и съ шестью консульскими вѣсками; поразилъ болѣе двухъ сотъ тысячъ непріятелей, болѣе пятидесяти тысячъ взялъ въ плѣнъ; (что) изъ четырехъ консуловъ два пало, а изъ двухъ (остальныхъ) одинъ былъ равенъ, а другой едва съ 50 человекими убѣжалъ; начальникъ конницы, котораго власть

равняется консульской (есть консульская), разбить и прогнать; диктаторъ за то, что ни разу не отважился ¹² въ битву, считается отличнымъ ¹³ полководцемъ. Бруттии и Апулійцы, часть Самнитянъ и Луканцевъ отпали къ Карфагенянамъ; Капуя, которая остается столицей не Кампаніи только, но послѣ пораженія Римлянъ въ битвѣ при Каннахъ, и цѣлой Италиі, передалась Ганнибалу; (что) справедливо за такія великія и столь многочисленныя побѣды воздать благодарность и ¹⁴ выразить признательность богамъ. Для удостовѣренія ¹⁵ (въ истинѣ) столь радостныхъ извѣстій ¹⁶ Магонъ велѣлъ высыпать ¹⁷ въ преддверья ¹⁸ курии золотыя кольца, которыхъ было такое множество (куча), что когда ихъ мѣрили, то, какъ нѣкоторые свидѣтельствуютъ, наполнили три съ половиною модія. Сохранилось преданіе, которое ближе къ истинѣ, что колець было не болѣе модія. Затѣмъ, чтобы представить пораженіе Римлянъ въ большемъ видѣ, онъ прибавилъ, что только всадники и притомъ знатнѣйшіе изъ нихъ, носятъ этотъ знакъ отличія ¹⁹.

1. semineх. 2. benigne curasse. 3. res novare. 4. cohibere. 5. assumere. 6. indicare. 7. exsanguis. 8. ruina. 9. macte virtute esto. 10. bigatus. 11. recipere. 12. committere se in. 13. iucius. 14. agere et gratias habere. 15. fides. 16. res. 17. effundo. 18. vestibulum. 19. insigne.

3. По греческому языку.

1-я. Когда Лакедемоняне ясно увидѣли, что величайшіе города соединились ¹ для войны противъ нихъ, они признали, что государство въ опасности и сочли ² необходимымъ идти въ походъ и не только сами дѣлали относящіяся ³ сюда приготовленія, но и немедленно отправляютъ къ Павзанію посла. Когда этотъ (послѣдній туда) прішелъ, онъ рассказывалъ ⁴ ему, и какъ прочія дѣла обстоятъ, и что государство поручаетъ ⁵ ему какъ можно скорѣе идти на помощь (помогать) отечеству.—Павзаній же услышалъ объ этомъ, ⁶ сильно огорчился, соображалъ ⁷ и какихъ почестей, и какихъ надеждъ онъ лишается, но тѣмъ не менѣе, созвавши союзниковъ, онъ объявилъ имъ приказанія своего государства и сказалъ, что необходимо идти на помощь отечеству.—«Если же дѣла Греціи (это) окончатся ⁸ счастливо, то хорошо знайте, сказалъ онъ, о союзники, что я ни въ какомъ случаѣ не забуду васъ, но опять прибуду для исполненія того, чего вы желаете». Услышавъ это, многіе заплакали и всѣ постановили идти на помощь вмѣстѣ съ Павзаніемъ въ Лакедемонъ.

2-я. Послѣ этого остальное войско было отпущено по городамъ и Ликургъ отплылъ домой. Потомъ вели войну Аеніяне, Беотійцы и Аргивяне и ихъ союзники, выступая изъ Коринѳа, Лакедемоняне же и ихъ союзники—изъ Сикиона. Такъ какъ Коринѳяне видѣли (причастіе), что ихъ страна опустошается ⁹ и (люди) умираютъ, потому ¹⁰ что всегда находятся близъ неприятелей, прочіе же союзники и сами находятся въ мирѣ и ихъ страны доставляютъ ¹¹ имъ доходъ, (то) весьма многіе изъ ихъ знати сильно пожелали ¹² мира и, сходясь ¹³ вмѣстѣ, они совѣтовали ¹⁴ это другъ другу. Аргивяне же и Аеніяне и Беотійцы и тѣ изъ Коринѳянъ, которые вмѣстѣ съ другими получили ¹⁵ деньги отъ дая и сдѣлались наиболѣе виновными въ войнѣ, узнавъ, что если они не устраивать обратившихся ¹⁶ къ миру, то городъ подвергнется опасности переид-

ти ¹⁷ на сторону Лакедемонянъ, такимъ образомъ старались ¹⁸ производить убійства. ¹⁹ Они избрали послѣдній день Эвклейскаго праздника ²⁰, чтобы совершить ²¹ злодѣяніе.

1. συνίσταται, 2. ἡγεῖσθαι 3. ταῦτα παρασκευάζεσθαι 4. διγγήματα: 5. ἐπιστέλλειν 6. χαλεπῶς φέρειν 7. ἐνθουσιάζεσθαι 8. γίγνεσθαι 9. δηῶν 10. διὰ 11. ἐνεργος εἶμι: 12. πλείστοι: καὶ βέλτιστοι: αὐτῶν 13. συνίσταται: 14. διδάσκω 15. ριετίζω 16. ἐκποδῶν ποιέσθαι 17. λακωνίζω 18. ἐπιχειρέω 19. σφαγή 20. τὰ Εὐκλείη 21. ἀποκτείνω.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

1-я. Найти чему равно выраженіе: $\frac{\frac{7}{10} - \frac{2}{13}}{\frac{9}{12} + \frac{1}{15}} : \frac{1}{9^{\frac{1}{2}}}$.

2-я. Раздѣлить 1065 на такіе три части, которыя относились бы между собою, какъ 3, 5, 7.

б) По алгебрѣ.

1-я. $\sqrt{18 + 8\sqrt{5}}$.

2-я. Раздѣлить число 20 на три части такъ, чтобы произведеніе было равно 270, разность между первою и второю частями была 2-мя больше разности между второю и третьею частями.

в) По геометріи.

1-я. Радиусъ шара = 5 дюймамъ. Найти объемъ конуса, вписаннаго въ шаръ.

2-я. Раздѣлить прямой уголъ на три равныя части.

г) По тригонометріи.

1-я. Стороны треугольника суть: 75 фут. и 103 ф., уголъ между этими сторонами равенъ $38^{\circ} 17' 3''$. Найти площадь треугольника.

2-я. $4 \sin. X + \sin. 2X = 3$. Найти уголъ X.

VIII. ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Историческое и общественное значеніе комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума».

Занавеса. Преимущество драматическихъ произведеній передъ другими родами поэзіи.

2. По латинскому языку.

Основная. М. Курій Дентать на столько же знаменитъ простотою жизни, на сколько славой своихъ военныхъ подвиговъ. Кто въ позднѣйшее время, когда увеличались богатства Римлянъ, видѣлъ его удачу, не могъ достаточно надивиться простотѣ жизни этого человѣка. Можно было бы подумать, что это хижина какого-нибудь бѣднаго земледѣльца. Тамъ его однажды нашли самнитскіе послы сидящаго на скамьѣ у очага и обѣдавшаго изъ деревянной миски. Они, припесни большое количество золота, чтобы его подкупить, не сомнѣвались, что такой бѣдный человѣкъ съ радостію прійметъ его; поэтому, они начали говорить очень льстиво и просили его принять эти деньги. Онъ же сказалъ: «стыдитесь вашего порученія, которое не менѣе недостойно васъ, какъ и бесполезно, ибо не думайте, что я могу быть подкупленъ деньгами; я, который не могъ быть побѣжденъ въ битвѣ. По этому, унесите назадъ вашъ подарокъ и, прибывъ домой, расскажите своимъ согражданамъ, что Курій желаетъ лучше повелѣвать богачами, чѣмъ быть самому богачемъ».

Запасная. Когда по смерти царя Герона, бывшего вѣрнымъ союзникомъ Римлянъ, Сиракузяне отложились отъ Римлянъ, Марцелль, воспринятствовавшій Ганнибалу завоевать городъ Нолу и вскорѣ послѣ того одержавшій блестящую побѣду надъ Пуниѣцами, былъ отправленъ въ Сицилію, чтобы опять привести подъ власть Римлянъ Сиракузы. Но, хотя онъ прилагалъ большія усилія для завоеванія города, однакожь осада затянулась до третьяго года, такъ какъ Архимедъ, тотъ великій и очень опытный въ изобрѣтеніи и построеніи машинъ, математикъ, изобрѣлъ разнаго рода машины, которыми разбивали римскіе корабли. Только на третьемъ году празднество Діаны представило случай завоевать городъ. Между тѣмъ какъ осажденные, преданные пирамъ и сну, не обращали вниманія на сохраненіе стѣнъ, тысяча очень смѣлыхъ солдатъ влѣзли на стѣны, и умертвивъ стражей, тамъ поставленныхъ, выломали ворота, чрезъ которыя Марцелль проникъ со всѣмъ войскомъ.

3. По греческому языку.

Основная. Извѣстно, что Аристидъ былъ выгнанъ изъ Аѳинъ посредствомъ ostracism. Когда писались черепки, кто-то изъ неграмотныхъ подалъ, какъ говорятъ, Аристиду свой черепокъ, прося его написать имя Аристида. Когда этотъ съ удивленіемъ спросилъ, сдѣлалъ ли ему Аристидъ какое-нибудь зло, онъ отвѣтилъ: никакого, я даже не знаю его, но мнѣ досадно вездѣ слышать, что его называютъ справедливымъ. Ничего не сказавъ на это, Аристидъ написалъ свое имя на черепкѣ и подалъ его своему согражданину.

Запасная. Въ элинскомъ войскѣ былъ нѣкто Ксенофонтъ, котораго звали изъ дому старый его знакомецъ Проксенъ и общалъ ему, если только онъ прибудетъ, ввести его въ дружбу съ Киромъ. Ксенофонтъ, прочитавши письмо, обратился къ Сократу за совѣтами относительно этого похода. Сократъ, опасаясь, чтобы государство не поставило въ вину Ксенофону его

дружбы съ Киромъ, посовѣтовала Ксенофонту отправиться въ Дельфы и спросить Аполлона, какому богу онъ долженъ принести жертвы и молиться, чтобы какъ можно честнѣе и доблестнѣе совершить задуманный походъ и счастливо спасти свою жизнь, — и, спросивши, дѣлать то, что прикажетъ богъ.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. 0,1666... часть суммы въ 23580 руб. была уплачена тремя артелямъ рабочихъ, изъ которыхъ первая работала 2 дня, вторая—3 и третья 5 дней. Числа рабочихъ въ этихъ артеляхъ относились другъ къ другу, начиная съ первой, какъ 1:6:8. Требуется узнать по сколько получила каждая артель, если извѣстно, что они были наняты на одинаковыхъ условіяхъ.

Запая. Трое купили вексель въ 41,350 рублей за 9 мѣсяцевъ до срока, причемъ учетъ (математическій) былъ сдѣланъ по 4,5%. Сколько каждый получилъ выгоды отъ покупки этого векселя, если израсходованныя ими съ этою цѣлью суммы относились какъ 5:8:12.

б) По алгебрѣ.

Основная. Нѣкто сторговалъ неизвѣстное число десятинъ за 5760 р., но у него нашлось только 5000 р. Продавецъ согласился за эту сумму продать покупателю десятью десятинами менѣе прежняго, но за то взялъ за каждую десятину четырьмя рублями дороже, чѣмъ было условлено сначала. Сколько десятинъ земли было продано.

Запая. Первый членъ и сумма всѣхъ членовъ арифметической прогрессіи, взятыя съ обратными знаками, послѣдовательно равны коэффициенту при неизвѣстной въ первой степени и постоянному члену такого квадратнаго уравненія, котораго корни суть $+7$ и -5 . Определить число членовъ въ этой прогрессіи, зная, что знаменатель ея равенъ единицѣ.

в) По геометріи.

Основная. Въ кубѣ взято пять точекъ, первая совпадаетъ съ центромъ верхняго его основанія, а прочія—съ серединами сторонъ нижняго основанія. Означенныя точки служатъ вершинами тѣлесныхъ угловъ пятигранника. Определить его боковую поверхность. Ребро даннаго куба $a = 3$ дюймамъ.

Запая. Объемъ шароваго сегмента, при высотѣ его $h = 2,7$ вершка, содержитъ въ себѣ 18 кубическихъ вершковъ. Определить объемъ того шара, отъ котораго отсѣченъ данный сегментъ.

г) По тригонометріи.

Основная. Лучи, идущіе отъ верхней и нижней точекъ свѣтящагося тѣла черезъ вершину вертикально стоящаго стержня, длина котораго равна a наклонены къ горизонтальной плоскости, проходящей черезъ подошву этого стержня, подъ углами α и β . Найти длину полутѣни, отбрасываемой имъ на данную плоскость, вѣрно до 0,0001 фута. Для цифернаго вычисленія: $a = 13,576$ ф., $\angle \alpha = 27^\circ 30'$ и $\angle \beta = 18^\circ 40' 20''$.

З а п а с н а я . Уголъ, составленный двумя сѣкущими въ кругу, радіуса R , содержитъ въ себѣ α градусовъ; одна сторона этого угла проходитъ черезъ центръ круга; дуги, заключенныя между сѣкущими, относятся между собою какъ 5:7. Определить разстояніе вершины даннаго угла отъ центра круга $R = 7,34$ дюйм., $\alpha = 47^\circ 25' 12''$.

Темы и задачи, предложенныя въ 1879 г. на испытаніяхъ зрѣлости въ учебныхъ округахъ Варшавскомъ, Дерптскомъ, Восточной и Западной Сибири въ министерство народнаго просвѣщенія не представлены.

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію и

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили желаніе подвергнуться исп.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытан.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.		Посторонніе на основаніи § 44 пункт. 1 в.			Всего (и процентное содержаніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. 1. § 55 правилъ.
				По мало-успѣшности.	По нравственной незрѣлости.	а.	б.	в.			
<i>С.-Петербургскій:</i>											
15 правительств. гимназій.	209	31	240	2	2	1	—	—	5 (2%)	—	—
3 церковныя училища	—	—	37	—	—	—	—	—	—	—	—
2 частныя гимназіи . .	—	—	9	—	—	—	—	—	—	—	—
Во всѣхъ 20 учебн. завед.	209	31	286	2	2	1	—	—	5 (1,7%)	—	—
<i>Московскій:</i>											
20 правительств. гимназій.	268	24	292	5	—	—	—	—	5 (1,7%)	—	—
1 при церковномъ учил.	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—
2 частныя гимназіи . .	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	—
Во всѣхъ 23 учебн. завед.	268	24	308	5	—	—	—	—	5 (1,6%)	—	—
<i>Казанскій:</i>											
8 правительств. гимназій.	127	22	149	—	—	1	—	—	1 (0,6%)	—	—
<i>Оренбургскій:</i>											
5 правительств. гимназій.	61	1	62	6	—	—	—	—	6 (9,6%)	—	—
<i>Харьковскій:</i>											
11 правительств. гимназій.	220	19	239	3	—	1	—	—	4 (1,6%)	—	1 (гимн.)
<i>Одесскій:</i>											
12 правительств. гимназій.	171	29	200	2	—	—	—	1	3 (1,5%)	—	—
<i>Кіевскій:</i>											
12 правительств. гимназій	226	23	249	3	1	3	—	—	7 (2,8%)	—	—

ДОСТОЕННЫХЪ АТТЕСТАТА ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1879 ГОДУ.

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
А. или Б. или С. или Д.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Всего (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
05	30	235	197 (96%)	15 (50%)	212 (90,2%)	14 ² / ₁₅	26	21	47 (24%)
-	-	37	-	-	36 (97,3%)	12	-	-	-
-	-	9	-	-	6 (66,6%)	3	-	-	-
05	30	281	197	15	254 (90,3%)	12 ⁴ / ₂₀	26	21	47
№3	24	287	255 (96,9%)	11 (45,8%)	266 (92,6%)	13 ⁶ / ₂₀	18	17	35 (13%)
-	-	3	-	-	3 (100%)	3	1	1	2 (66%)
-	-	13	-	-	13 (100%)	6 ¹ / ₂	-	-	-
№3	24	303	255	11	282 (93%)	12 ⁶ / ₂₃	19	18	37 (14%)
27	21	148	105 (82,7%)	12 (57,1%)	117 (79%)	14 ⁵ / ₈	9	7	16 (15%)
55	1	56	48 (87,2%)	1 (100%)	49 (87,5%)	9 ⁴ / ₅	7	4	11 (23%)
16	18	234	203 (94%)	9 (50%)	212 (90,6%)	19 ³ / ₁₁	17	12	29 (14%)
69	28	197	166 (98,2%)	19 (67,8%)	185 (93,9%)	16 ⁵ / ₁₂	4	9	13 (8%)
22	20	242	215 (96,8%)	15 (75%)	230 (95%)	19 ² / ₁₂	14	14	28 (13%)

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили желаніе подвергнуться исп.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытіе.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.		Посторонніе на основаніи § 44 пунктовъ:			Всего (и процентное содержаніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. і. § 55 правилъ.
				По малолѣтності.	По нравственной неурядности.	а.	б.	в.			
<i>Виленскій:</i>											
8 правительств. гимназ.	130	13	143	5	1	—	—	3	9 (6,3%)	—	—
<i>Варшавскій:</i>											
18 правительств. гимназ.	258	18	276	13	—	1	—	—	14 (5%)	—	—
<i>Дерптскій:</i>											
13 правительств. гимназ.	228	100	328	—	—	—	—	—	—	1 гимн.	—
<i>Западная Сибирь:</i>											
2 правительств. гимназ.	18	—	18	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Восточная Сибирь:</i>											
2 правительств. гимназ.	11	—	11	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого:											
Въ 126 правит. гимназ.	1927	280	2207	39	4	7	—	4	54 (2,4%)	1	1
4 церкви. училищ.	—	—	40	—	—	—	—	—	—	—	—
4 части. гимназійхъ.	—	—	22	—	—	—	—	—	—	—	—
А всего:											
въ 134 учебныхъ завед.	1927	280	2269	39	4	7	—	4	54 (2,3%)	1	1

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Всего (к процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
124	10	134	118 (95,1%)	7 (70%)	125 (93,2%)	15 ⁵ / ₁₆	7	7	14 (12%)
245	17	262	224 (91,4%)	7 (41,1%)	231 (88,1%)	12 ¹⁵ / ₁₆	11	14	25 (11%)
227	100	327	205 (90,3%)	49 (49%)	254 (77,6%)	19 ⁷ / ₁₆	—	3	3 (изъ 13 или 23%).
18	—	18	17 (94,4%)	—	17 (94,4%)	8 ¹ / ₂	2	2	4 (23%)
11	—	11	11 (100%)	—	11 (100%)	5 ¹ / ₂	—	2	2 (18%)
1882	269	2151	1764 (93,7%)	145 (53,9%)	1909 (88,7%)	15,1	—	—	—
—	—	40	—	—	39 (97,5%)	9,7	—	—	—
—	—	22	—	—	19 (86,3%)	4,7	—	—	—
1882	269	2213	1764	145	1967 (88,8%)	14,6	116	113	229 (14,5% изъ 1575)

№ 2. Вѣдомость о неvyдержавшихъ

Учебные округа.	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Закону Божію.	Число не выдержавшихъ					
					Русск. яз. п словесн.		Латинск. языку.		Греческ. языку.	
					Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.
<i>С.-Петербургскій.</i>										
Ученики правительствен. гимназій	205	8	3,9	—	1	—	3	—	4	—
» церковныхъ училищъ	37	1	2,7	—	—	—	1	—	—	—
» частныхъ гимназій	9	3	33,2	—	—	—	—	—	1	—
Постороннія лица	30	15	50	—	6	1	4	—	4	—
Всего	281	27	9,6	—	7	1	8	—	9	—
<i>Московскій.</i>										
Ученики правительствен. гимназій	263	8	3	—	—	—	6	—	4	—
» частныхъ гимназій и церковнаго училища	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	24	13	54,1	—	8	1	5	1	5	—
Всего	303	21	6,9	—	8	1	11	1	9	—
<i>Казанскій.</i>										
Ученики правительствен. гимназій	127	22	17,3	—	9	—	8	—	9	—
Постороннія лица	21	9	42,8	—	3	—	4	—	4	—
Всего	148	31	20,9	—	12	—	12	—	13	—
<i>Оренбургскій.</i>										
Ученики правительствен. гимназій	55	7	12,7	—	1	—	4	—	3	—
Постороннія лица	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	56	7	12,5	—	1	—	4	—	3	—
<i>Харьковскій.</i>										
Ученики правительствен. гимназій	216	13	6	—	6	—	5	1	5	1
Постороннія лица	18	9	50	—	—	—	6	—	5	—
Всего	234	22	9,4	—	6	—	11	1	10	1
<i>Одесскій.</i>										
Ученики правительствен. гимназій	169	3	1,8	—	—	—	3	—	1	—
Постороннія лица	23	9	32,1	—	2	—	7	—	6	—
Всего	197	12	6,1	—	2	—	10	—	7	—
<i>Кіевскій.</i>										
Ученики правительствен. гимназій	222	7	3,1	—	1	—	2	1	4	—
Постороннія лица	20	5	25	—	1	—	2	—	—	—
Всего	242	12	4,9	—	2	—	4	1	4	—

ИСПЫТАНІЙ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1879 ГОДУ.

Испытанія по нижеозначеннымъ предметамъ.								Остались на другой годъ въ классѣ.	Выбыли со свѣдѣтельствами на основаніи § 72 правилъ.
Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.	Общее число неудовлетворительныхъ оцѣнокъ по всемъ предметамъ.		
Письменнаго.	Устнаго.								
5	—	—	—	—	—	—	13 на 8 (162%)	5	3
1	—	—	2	—	—	—	1 на 1 (100%)	1	—
9	—	—	—	—	—	—	4 на 3 (133%)	3	—
							24 на 15 (160%)	—	—
15	—	—	2	—	—	—	42 на 27 (155%)	9	3
1	1	—	3	—	—	—	15 на 8 (187%)	4	4
7	—	—	1	—	—	—	—	—	—
							28 на 13 (215%)	—	—
8	1	—	4	—	—	—	43 на 21 (204%)	—	—
10	—	—	3	—	—	—	39 на 22 (177%)	19	3
7	—	—	—	—	—	1	19 на 9 (211%)	—	—
17	—	—	3	—	—	1	58 на 31 (187%)	—	—
3	—	—	—	—	—	—	11 на 7 (157%)	6	1
3	—	—	—	—	—	—	11 на 7 (157%)	—	—
2	—	—	—	—	—	—	20 на 13 (154%)	10	3
4	—	—	—	—	—	—	15 на 9 (166%)	—	—
6	—	—	—	—	—	—	35 на 22 (158%)	—	—
1	—	—	—	—	—	—	5 на 3 (166%)	2	1
2	—	—	1	—	—	1	19 на 9 (211%)	—	—
3	—	—	1	—	—	1	24 на 12 (200%)	—	—
2	—	—	—	—	—	—	10 на 7 (142%)	3	4
2	1	—	—	—	—	—	6 на 5 (120%)	—	—
4	1	—	—	—	—	—	16 на 12 (133%)	—	—

Учебные округа.	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Закону Божію.	Число не выдержавшихъ					
					Русск. яз. и словесн.		Латинск. языку.		Греческ. языку.	
					Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.
<i>Вилнискій.</i>										
Ученики правительствен. гимназій	124	6	4,8	—	2	—	3	—	—	—
Постороннія лица	10	3	30	—	1	—	—	—	—	—
В с е г о	134	9	6,7	—	3	—	3	—	—	—
<i>Варшавскій.</i>										
Ученики правительствен. гимназій	245	21	8,5	—	7	—	7	—	3	1
Постороннія лица	17	10	58,8	—	4	—	—	—	1	—
В с е г о	262	31	11,8	—	11	—	7	—	4	1
<i>Дерптскій.</i>										
Ученики правительствен. гимназій	227	22	9,7	2	17	1	6	7	6	5
Постороннія лица	100	51	51	8	26	20	33	29	34	35
В с е г о	327	73	22,3	10	43	21	39	36	40	40
<i>Западная Сибирь.</i>										
Ученики правительствен. гимназій	18	1	5,5	—	—	—	—	—	—	—
<i>Восточная Сибирь.</i>										
Ученики правительствен. гимназій	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—
И Т О Г О:										
Ученики правительствен. гимназій	1882	118	6,2	2	44	1	47	9	39	7
» церковныхъ училищъ	40	1	2,5	—	—	—	1	—	—	—
» частныхъ гимназій	22	3	13,6	—	—	—	—	—	1	—
Постороннія лица	269	124	46,1	8	51	22	61	30	59	35
В С Е Г О	2213	246	11,1	10	95	23	109	39	99	42
					118		148		141	

Испытанія по нижесозначеннымъ предметамъ.								Общее число неудовлетворительныхъ отбитокъ по всѣмъ предметамъ.	Осталось на другой годъ въ классъ.	Выбыли со свѣдѣтельствами на основаніи § 72 правилъ.
Математикъ.		Физикъ и математической географіи.	Исторія.	Географія.	Логикъ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.	Общее число неудовлетворительныхъ отбитокъ по всѣмъ предметамъ.			
Письменнаго.	Уснаго.									
3	—	—	—	—	—	—	8 на 6 (133%)	3	3	
1	1	—	—	—	—	—	3 на 3 (100%)	—	—	
4	1	—	—	—	—	—	11 на 9 (122%)	—	—	
9	2	—	1	—	—	—	30 на 21 (142%)	13	8	
6	1	—	—	—	—	—	12 на 10 (120%)	—	—	
15	3	—	1	—	—	—	42 на 31 (135%)	—	—	
4	2	—	1	—	—	—	51 на 22 (213%)	19	3	
28	26	—	15	3	—	7	264 на 51 (517%)	—	—	
32	28	—	16	3	—	7	315 на 73 (431%)	—	—	
1	1	—	—	—	—	—	2 на 1 (200%)	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
41	6	—	8	—	—	—	204 на 118 (142%)	84	34	
1	—	—	—	—	—	—	1 на 1 (100%)	1	—	
66	29	—	2	—	—	—	4 на 3 (133%)	3	—	
—	—	—	17	3	—	9	890 на 124 (314%)	—	—	
08	35	—	27	3	—	9	599 на 246 (243%)	88	34	

143

№ 3. Распределение признанныхъ зрѣлыми по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.	18-ти лѣтъ.	19-ти лѣтъ.	20-ти лѣтъ.	21-го года и болѣе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.
<i>С.-Петербургскій.</i>											
Ученики правител. гимназій.	197	8	—	44	—	61	—	49	—	35	—
» церковн. училищъ.	36	4	—	12	—	11	—	7	—	2	—
» частныхъ гимназій.	6	—	—	2	—	3	—	—	—	1	—
Посторонніе . .	15	—	—	2	—	3	—	3	—	7	—
Всего . .	254	12	4,7	60	23,6	78	30,7	59	23,2	45	17,7
<i>Московскій.</i>											
Ученики правител. гимназій.	255	9	—	54	—	71	—	67	—	54	—
» гимн. св. Петра и Павла.	3	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—
» частныхъ гимназій.	13	—	—	7	—	2	—	3	—	1	—
Посторонніе . .	11	—	—	—	—	2	—	2	—	7	—
Всего . .	282	10	3,5	62	22	76	26,9	72	25,5	62	22
<i>Казанскій.</i>											
Ученики правител. гимназій.	105	4	—	22	—	30	—	25	—	24	—
Посторонніе . .	12	—	—	—	—	—	—	3	—	9	—
Всего . .	117	4	3,4	22	18,8	30	25,6	28	23,9	33	28,1

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.	
<i>Оренбургскій.</i>											
Ученики правител. гимназій.	48	1	—	13	—	12	—	11	—	11	—
Посторонніе . . .	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Всего . . .	49	1	2	13	26,5	13	26,5	11	22,4	11	22,4
<i>Харьковскій.</i>											
Ученики правител. гимназій.	203	6	—	27	—	57	—	54	—	59	—
Посторонніе . . .	9	—	—	1	—	—	—	2	—	6	—
Всего . . .	212	6	2,8	28	13,2	57	26,9	56	26,4	65	30,6
<i>Одесскій.</i>											
Ученики правител. гимназій.	166	5	—	20	—	51	—	39	—	51	—
Посторонніе . . .	19	—	—	—	—	2	—	3	—	14	—
Всего . . .	185	5	2,7	20	10,8	53	28,6	42	22,7	65	35,1
<i>Кіевскій.</i>											
Ученики правител. гимназій.	215	2	—	30	—	54	—	52	—	77	—
Посторонніе . . .	15	1	—	—	—	1	—	6	—	7	—
Всего . . .	230	3	1,3	30	13	55	23,9	58	25,2	84	36,5

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.	
<i>Виленскій.</i>											
Ученики правител. гимназій.	118	2	—	18	—	28	—	38	—	32	—
Посторонніе . .	7	1	—	—	—	—	—	1	—	5	—
Всего . .	125	3	2,4	18	14,4	28	22,4	39	31,2	37	29,6
<i>Варшавскій.</i>											
Ученики правител. гимназій.	224	15	—	47	—	66	—	51	—	45	—
Посторонніе . .	7	—	—	—	—	1	—	1	—	5	—
Всего . .	231	15	6,5	47	20,3	67	29	52	22,5	50	21,6
<i>Дерптскій.</i>											
Ученики правител. гимназій.	205	12	—	39	—	52	—	48	—	54	—
Посторонніе . .	49	1	—	7	—	11	—	9	—	21	—
Всего . .	254	13	5,1	46	18,1	63	24,8	57	22,4	75	29,5
<i>Западная Сибирь.</i>											
Ученики правител. гимназій.	17	—	—	3	17,6	10	58,8	3	17,6	1	5,9

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
			Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.
<i>Восточная Сибирь.</i>											
Ученики правител. гимназій.	11	2	18,2	2	18,2	2	18,2	1	9	4	36,3
ИТОГО:											
Учениковъ правител. ства правительств. гимназій	1764	66	3,7	319	18,1	494	28	438	24,8	447	25,3
» церковныхъ училищъ	39	5	12,8	13	33,3	12	30,8	7	17,9	2	5,1
» частныхъ гимназій	19	—	—	9	47,3	5	26,3	3	15,8	2	10,5
Постороннихъ	145	3	2	10	6,9	21	14,5	30	20,6	81	55,8
Всего	1967	74	3,8	351	17,8	532	27	478	24,3	532	27
Maximum	282 Мос- ковск.	6,5%	Варшавск. и В. Сибир.	26,5%	Оренбург.	30,7%	С.-Петербур. и З. Сибир.	31,2%	Виленск.	36,5%	Кіевскій.
Minimum	49 Орен- бург. Сибир.	1,3%	Кіевскій.	10,8%	Одесскій.	22,4%	Виленскій и В. Сибир.	22,4%	Оренбург. и В. Си- бирь.	17,7%	С.-Петер- бургскій и З. Сибирь.

№ 4. Распределение признанныхъ зрѣлыми

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	ПОСТУПАЮЩІЕ ВЪ ФАКУЛЬТЕТЫ.							Всего.	Всего-учрб.
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.		
<i>С-Петербургскій.</i>									
15 правительственн. гимназій..	—	30	81	45	23	5	184		
3 церковныя училища	—	2	7	11	12	2	34		
2 частныя гимназій	—	—	2	4	—	—	6		
Изъ всѣхъ 20 учебн. заведеній.	—	32	90	60	35	7	224		
<i>Московскій.</i>									
20 правительственн. гимназій..	1 ^{*)}	28	61	35	125	3	253		
1 гимназія при церковн. учил.	—	1	—	1	1	—	3		
2 частныя гимназій.	—	3	2	6	2	—	13		
Изъ всѣхъ 23 учебн. заведеній.	1	32	63	42	128	3	269		
<i>Казанскій.</i>									
8 правительственн. гимназій..	—	19	16	12	65	—	112		
<i>Оренбургскій.</i>									
5 правительственн. гимназій..	—	4	15	5	21	1	46		
<i>Харьковскій.</i>									
11 правительственн. гимназій..	—	31	35	44	94	—	204		
<i>Одесскій.</i>									
12 правительственн. гимназій..	—	9	47	27	85	2	170		

^{*)} Въ Инженерную академію 2, Артиллерійское училище 2, Константиновскіе лице. — ⁴⁾ Въ Лѣсную Академію. — ⁵⁾ Въ Инженерное училище.

натіяиъ, къ которымъ они себя предназначали.

ПУПАЮЩІЕ ВЪ СПЕЦІАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.							ПОСТУПАЮЩІЕ НА ПОПРИШЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.							
шеня.	Горный институтъ.	Технологической.	Земледѣльч. акад.	Строительное.	Академію художествъ.	Всего.	Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.					Всего.
							Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Мануфак. и желѣзн. дорожн.		
	2	2	—	—	1	24	—	4	—	—	—	—	—	4
	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	3	—	—	1	26	—	4	—	—	—	—	—	4
	1	3	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1	3	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	4	—	1	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	2	1	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	1 ⁴⁾	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	5	1	—	—	13	—	2	—	—	—	—	—	2

ис 1. — ²⁾ Въ Духовную Академію. — ³⁾ Въ Михайловское артиллерійское учи-

УЧЕБНЫЕ ОБРУГИ.	ПОСТУПАЮЩИЕ ВЪ ФАКУЛЬТЕТЫ.							Всего.	Военно-учеб.
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.		
<i>Кіевскій.</i>									
12 правительственн. гимназій . .	—	33	38	25	116	1	213		
<i>Виленскій.</i>									
8 правительственн. гимназій . .	2	12	32	14	48	2	110		
<i>Варшавскій.</i>									
18 правительственн. гимназій . .	2 ^{*)}	19	45	33	87	1	187		
<i>Дерптскій.</i>									
13 правительственн. гимназій . .	27 ^{*)}	28	28	54	84	2	223		
<i>Западная Сибирь.</i>									
2 правительственн. гимназій ¹¹⁾ . .	—	2	4	1	8	—	15		
<i>Восточная Сибирь.</i>									
2 правительственн. гимназій . .	—	—	7	—	4	—	11		
Всего въ 134 учебн. заведеніяхъ	32	221	420	317	775	19	1784		
<i>Процентное отношеніе:</i>									
а) Къ общему числу зрѣлыхъ (1967)	1,6	11,2	21,3	16,1	39,4	0,9	90,7		
б) Поступившихъ на различные факультеты, въ спеціальныя училища и на поприще практической дѣятельности къ общимъ числамъ каждой изъ этихъ трехъ категорій	1,8	12,4	23,5	17,7	45,4	1,1	—		

^{*)} Въ томъ числѣ 1 на богословскій факультетъ Дерптскаго Университета, 1 въ Пяколасево военное 1. — ⁸⁾ Кроме того 3, о назначеніи конхъ не доставлено университета. — ¹⁰⁾ Въ томъ числѣ 1 въ Лѣной институтъ. — ¹¹⁾ Одинъ изъ

ГРУПАЮЩІЕ ВЪ СПЕЦІАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.							ПОСТУПАЮЩІЕ НА ПОПРИЩЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.							
путей соо- щенія.	Горный институтъ.	Технологи- ческій.	Земледѣльч. академія.	Строитель- ное.	Академію художествъ.	Всего.	Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.					Всего.
							Граждан- скую.	Военную.	Учебной.	Сельско- хозяйствъ.	Коммер- ческой.	Мануфак. и желѣзн. дорожн.		
6	6	1	2	—	—	15	1	1	—	—	—	—	2	
5	—	4	5	—	—	14	—	1	—	—	—	—	1	
11	3	16	3	2	—	38	—	3	—	—	—	—	3 ⁸⁾	
3	1	3	9 ¹⁰⁾	2	1	19	—	5	5	2	—	—	12	
—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
57	13	42	22	5	2	155	1	16	5	2	—	—	24	
2,9	0,6	2,1	1,1	0,2	0,1	7,9	0,05	0,8	0,25	0,1	—	—	1,2	
36,8	8,4	27,1	14,2	3,2	1,2	—	4,1	66,6	20,8	8,3	—	—	—	

овную Академію. — ⁹⁾ Въ Морское училище 1, Михайловское артиллерійское 1 и 5ый. — ¹⁰⁾ Въ Духовную Академію 1 и 26 на богословскій факультетъ Дерптскаго унѣверситета по болѣзненному своему состоянію не опредѣлялъ еще своихъ намѣреній.

**№ 5. Списокъ гимназистовъ, удостоенныхъ въ 1879 году аттестатовъ
шихъ успѣховъ**

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназиі, въ коихъ они обучались.	ИМЕНА ГИМНА
		Историко-филологическій.
С.-Петербургскій	С.-Петербургская 1-я	Пестовскій Вл. (Спб. унив.). Гинтовъ Степ. (Спб. Исто- рико-филолог. институтъ).
	» 3-я	Линскій Адамъ (Спб. унив.).
	» 6-я	Преображенскій (Спб. унив.).
	Импер. Человѣколюби- ваго общества	—
	Кронштадтская	Окшевскій (Ф. восточн. языкъ С.-Пб. унив.).
	Царскосельская	Безобразовъ Павелъ (Спб. унив.).
	Вологодская	—
Архангельская	—	
Итого	(8)	5 и восточн. яз. 1.
Московскій	Московская 1-я	—
	» 2-я	—
	» 3-я	—
	» 4-я	Грипчакъ Мих. (Лейпц. филол семин.).
	Ярославская	—
	Тульская	—
	Костромская	Вильевъ (Спб. универ.).
	Владимірская	—
Вяземская	—	
Нижегородская	—	
Лазаревского института.	Давытъицъ (Моск. унив.). Вильевъ (Спец. клас. Лазар. института).	
Итого	(11)	3 и 1 ф. восточн. языкъ.

зрѣлости, отъ которыхъ учебное ихъ начальство ожидало дальнѣй-
вѣ наукъ.

ИСТОВЪ СЪ РАСПРЕДѢЛЕНЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОТО-
РЫЕ ИМѢЛИ ВЪ ВИДУ ПОСТУПИТЬ.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	ВСЕГО.
Сомовъ Пзля (Спб. унив.).			
Медовянъ и Тяле (Спб. унив.).	Иловайскій (Спб. унив.).	Герстфельдъ (?).	
—	—	Левинъ Алекс-дръ (Уни-версит. св. Влад.).	
Коловъ и Лонатиъ (Спб. университетъ).	—	Шнакенбургъ Ник. (?).	
Грчанниковъ Петръ (Спб. университетъ).	—		
Ирповъ Ив. (Спб. унив.).	Сомовъ Ник. (Лицей Цесар. Николая).		
Воловскій Александръ (Спб. университетъ).			
8	2	3	19
—	—	Королюковъ (Моск. университетъ).	
Звезденскій Сергій (Москов. университетъ).	—	Матиль Пав. (Моск. унив.).	
Совлевъ и Велевцевъ (Моск. университетъ).	—	—	
—	—	—	
—	Цескій (Демид. лицей).	Толоконниковъ (Моск. унив.).	
Ионовъ Влад. (Спб. унив.).	—		
Глачевъ (Московск. унив.).	—		
Збкинъ и Романовъ (Моск. университетъ).	—		
Ярковъ (Моск. унив.).	—		
Аслеръ и Поляковъ (Спб. университетъ).	—	Федоровъ (Моск. унив.).	
10	1	4	19

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ опп обучались.	ИМЕНА ГИМНА
		Историко-филологическій.
Казанскій	Импер. Казанская 1-я.	Никифоровъ Никол. (Казанск. университетъ).
	Казанская 3-я.	Бергъ, Кузнецовъ и Траубенбергъ (Казан. унив.).
	Сибирская	—
	Самарская	—
	Саратовская	Ледневъ Вл. (Моск. унив.).
	Астраханская	Михельсонъ (Лейпц. филолог. семина.).
Итого	(6)	6
Оренбургскій	Оренбургская	Мѣшковъ Алексѣй (Спб. унив.). Шустиковъ Ник. (Казан. унив.).
	Уфимская	Соколовъ (Спб. университет.) Сорокинъ (Ф. восточн. язык. Спб. унив.).
	Пермская	—
	Уральская войсковая	—
	Екатеринбургская	—
Итого	(5)	3 и ф. восточн. язык. 1.
Харьковскій	Харьковская 3-я	Ситсаревъ Влад. и Гаршинъ Енг. (Харьковск. унив.).
	Курская	Леонтьевъ Ник. (Моск. унив.).
	Вѣлгородская	Деревницкій Алексѣй (Харьков. унив.).
	Воронежская	Петропавловскій Мих. (Спб. истор.-филол. инстит.).
	Певзенская	—
	Новочеркасская	Овсовъ Эммап. (Моск. унив.).

ИСТОВЪ СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОТОРЫЕ ИМѢЛИ ВЪ ВИДУ ПОСТУПИТЬ.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	ВСЕГО.
—	Борисовъ Мих. (Казан. унив.).	Валковъ Ив., Голубевъ Вас., Елькинъ Митрофанъ и Толвинскій Казим. (Казан. унив.). Филипповъ (Казан. университетъ).	
въ (Казанск. унив.).	—		
овьевъ и Тенишевъ (Спб. университетъ).	Микѣшпнтъ (Казан. универс.).		
ьгпнъ Дм. (Моск. унив.).	—	Гладковъ Конст., Смирновъ Ал-й и Шульгинъ Ал-дръ (Моск. унив.).	
ифоровъ и Фельдтъ (Спб. университетъ).	—		
5	2	8	21
ковъ Павелъ, Сяволобовъ ексій (Спб. унив.) и Пачко Ив. (Казанск. унив.). Ёловъ (Спб. унив.).			
—	—	Пантелѣевъ Сем., Молоковъ Ал-дръ, Брюхановъ Мих. (Казан. унив.).	
ивъ Ник., Михайловъ Ив. б. унив.).	—	Федосѣевъ (Кіев. унив.).	
6	—	4	14
овъ Ал-дръ (Спб. унив.).	—		
—	—	Говоруха-Отрокъ (Харьковскій унив.).	
—	—	Андреевъ Ал-й, Рерле Адольфъ (Моск. унив.).	
—	Логиповичъ Стап. (Харьк. унив.).	Раевскій Серг. и Туловъ (Медик.-хирург. акад.)	
еповъ Петръ (Моск. унив.), рѣзовъ Сем. и Степановъ тексій (Харьк. унив.).	—	Котловъ Серг. (Моск. унив.).	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназін, въ коихъ они обучались.	ИМЕНА ГИМНА
		Историко-филологическій.
Харьковскій	Усть-Медзѣдницкая . . .	Стенановъ Александръ (Спб. истор. филол. инстит.).
Итого	(7)	7
Одесскій	Ришельевская	—
	Одесская 2-я	—
	» 3-я	Брунъ (Новорос. унив.).
	Херсонская	Владиміровъ Мих. (Спб. истор. филологич. инстит.).
	Николаевская	Режабекъ Францъ (Новорос. универс.).
	Симферопольская Таганрогская	— —
Итого	(7)	3
Кіевскій	Кіевская 1-я	Регаме Каз (Унив. Св. Влад.)
	» 2-я	—
	» 3-я	—
	Житомирская	—
	Немировская	Цыбульскій Степ. (Варшавск. унив.).
	Черниговская	—
	Новгородсѣверская	Рождественскій Георг., Остапковъ Вас. (Унив. Св. Влад.)
	Полтавская	—

ЗИСТОВЪ СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОТОРЫЕ ИМѢЛИ ВЪ ВИДУ ПОСТУПИТЬ.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	ВСЕГО.
—	—	Запченко Ив. (Медико-хирург. акад.)	
4	1	7	19
Ковалевъ Ив. и Рехтзамеръ Іагв. (Новорос. унив.).	Мавуяловъ Александръ (Новорос. унив.).	Новицкій Викент. (?)	
—	—	Гольденбергъ Вас. (?)	
Купкинъ Александръ (Сиб. унив.).	Блюменфельдъ Германъ (Новорос. унив.).		
Котвицкій Гр. (Сиб. унив.).	—	Зельмаповъ Мендель (Харьк. унив.).	
4	2	3	12
—	—	Ліокумовичъ Іос. (унив. Св. Влад.).	
Кородецкій Ив., Ивановъ Вл. (унив. Св. Влад.).	Безпаловъ Ростиславъ, Ольховскій Инноцентъ (Унив. Св. Влад.).	Моркозунъ Конст., Орловскій Ал-дръ (унив. Св. Влад.).	
—	Васильевъ Вас. (Сиб. унив.).	Истоминъ Фед., Яголинъ Солом. (унив. Св. Влад.).	
—	—	Лятошинскій Ник. и Васюшинскій Ив. (унив. Св. Влад.).	
Кородецкій Вас. (унив. Св. Влад.).	—	Жуковскій Генрихъ (Моск. унив.).	
—	—	Кушлейко Станисл. (унив. Св. Влад.).	
Касимовъ Вас. (Сиб. унив.).	—	Парфеловскій Вас. (университетъ Св. Влад.).	
—	—	Индутный Петр. и Кричевскій Лейба (Харьк. унив.).	
		Дятеловичъ Влад. (Московскій унив.).	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназій, въ коихъ они обучались.	ИМЕНА ГИМНА
		Историко-филологическій.
Кіевскій	Лубенская	Поповченко Лк. (унив. Св. Влад.).
Итого	(9)	5
Виленскій	Виленская	—
	Ковенская	—
	Гродненская	—
	Минская	—
	Слуцкая	Ястржембскій Мих. (Богосл. ф. Деритск. унив.).
	Витебская	Марченко Петръ (унив. Св. Влад.).
	Могилевская	Попель Ив. (Сиб. унив.), Окнишевичъ Мих. (Сиб. историко-филологич. институт.).
Итого	(7)	3 и 1 богосл. ф.
Варшавскій	Варшавская 2-я	—
	» 4-я	—
	» 5-я	Сьдлевскій Маріанъ (Варшав. унив.).
	Петроковская	—
	Калишская	Лопацинскій Геронимъ и Краузе Мих. (Варшав. унив.).
	Радомская	Монульскій Стеф. (Историко-филол. институт.).
	Кѣлецкая	—
	Люблинская	—
	Холмская	—
	Вѣльская	Запольскій Лук. (Варш. унив.).
	Сувальская	—

ЗИСТОВЪ СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОТОРЫЕ ИМѢЛИ ВЪ ВИДУ ПОСТУПИТЬ.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	ВСЕГО.
4	3	13	25
—	Полякъ Соломонъ (Моск. унив.).	Головацкій Всеволодъ (Моск. унив.). Гурвичъ Мейеръ (Моск. унив.).	
—	—	—	
олотинъ Вас. (Моск. унив.). нковскій Плат. п Лрковскій Ант. (Сиб. универс.). ашкевичъ Іос. (Дерпт. унив.).	—	Нодельманъ Ханжъ (Моск. унив.). Лисницкій Стеф. п Скелтеръ Адамъ (Моск. унив.). Сутшевичъ Ив. (Моск. унив.).	
арвеккій Александръ п Лужинскій Влад. (Сиб. унив.). зровинусъ Абр. (Сиб. унив.).	—		
7	1	6	18
—	—	Земелгофъ Лазарь (Дерпт. унив.).	
яшовскій Фаддей (Варш. унив.).	—	Сребрныи Сими п Пелчинскій Осипъ (Варш. унив.). Цвануповъ Ник. (Варшавскій унив.).	
—	—	—	
—	—	—	
сѣкорскій Каз. (Сиб. унив.).	—	Фидлеръ Генрихъ (Варшавскій унив.).	
щовскій Людв. (Варш. унив.). азуркевичъ Вик. (Варш. унив.).	Госевскій Стан. (Варш. унив.).	Паудинъ Францъ (Варш. унив.).	
оплевскій Александръ, Заусцпяскій Александръ п Незвоинповъ Юл. (Варш. унив.).	—	—	
юменталь Фил. (Моск. унив.).	Высоцкій Брон. (Варш. унив.).	Боговольскій Іос. (Варшавскій унив.).	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназиі, въ коихъ они обучались.	ИМЕНА ГИМНА
		Историко-филологическій.
Варшавскій	Ломжинская	Сулковскій Игн. (Варш. унив.).
Итого	(12)	6
Деритскій	Рижская губернская	Ф. Каленъ Генр., Видеманъ Оск., Соколовскій Пав., Пус- сель Александръ (Деритск. унив.) Робинсонъ Георгій (Моск. унив.) Рабантъ Гог- гардъ (Богосл. ф. Деритск. универс.).
	» городская	Валлодъ Вильг. (Дерит. унив.). Вальтеръ Артуръ (Богосл. ф. Деритск. унив.).
	» Александровская	—
	Ревельская губернская	Эльфеибейнъ Александръ, Конт- манъ Вильгельм., Эдербергъ Фридр. (Богосл. ф. Деритск. унив.).
	Деритская	Крейцманъ Эмиль, Югансонъ Арвидъ (Деритск. универс. Ринне Гидсонъ, Верницъ Владисл. (Богосл. ф. Деритск. универс.).
	Феллинская	Ф. Унгернъ-Штернбергъ Георг. (Деритск. унив.).
	Митавская	Вилеништейнъ Эмиль, Зандеръ Юган., Эрдманъ Гансъ (Бо- гослов. ф. Деритск. унив.).
	Перновская	Танцшеръ Рейнг. (Деритск. универс.).
	Аренбургская	Юргенсъ Карлъ (Дерит. унив.).
	Либавская	Кьольне Освальдъ (Деритск. унив.).
	Гольдингенская	—
Итого	(11)	12 и 10 по богосл. ф.

ИСТОВЪ СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОТОРЫЕ ПМЪЛП ВЪ ВИДУ ПОСТУПИТЬ.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	ВСЕГО.
Яковскій Стан. (Варш. унив.).	—	Выховскій Францъ (Варш. унив.).	
9	2	8	25
—	Лоддерсъ Гуго (Дерпт. унив.). Гервингентъ Людв. (Сиб. унив.).	Ф. Радскій Эрнстъ, Гельмингъ Леонгардъ, Влуменбахъ Эдм., Дитрихъ Юстъ, Гредингеръ Рих. (Дерпт. унив.).	
—	Папдеръ Эрнстъ (Дерптск. унив.).		
—	—	Яковскій Карлъ (Моск. унив.).	
—	Гелпеперъ Оск. и Коссманъ Ив. (Дерпт. унив.).	Аукъ Авг., Громанъ Влад. (Дерпт. унив.).	
Яковъ Григор.	—	Фрей Оскаръ, Кергеръ Ад-дръ, Эрпъ Аксель (Дерпт. унив.).	
—	Ф. Штакельбергъ Рейнг. (Дерпт. унив.).	Банеманъ Фридрихъ, Эцольдъ Эрнстъ (Дерпт. унив.).	
—	Шимманъ Германъ (Дерпт. унив.).		
Сергеймъ Сальманъ (Варшав. универс.).	—	Левинсонъ Карлъ (Харьковскій унив.).	
2	7	14	45

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназиі, въ коихъ они обучались.	ИМЕНА ГИМНА
		Историко-филологическій.
Западная Сибирь	Тобольская Томская	• — Астафьевъ Пав. и Вячесл Петръ (Казан. унив.).
Восточная Сибирь	Иркутская	—
Всего	86 изъ 134	55, богосл. ф. 11 и ф. восточн язык. 3.

ЗНСТВОЪ СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОТОРЫЕ ИМѢЛИ ВЪ ВИДУ ПОСТУПИТЬ.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	ВСЕГО.
—	—	Струбинскій Констан. (Казан. унив.).	} 4
Шершевскій Соломонъ (Сиб. универс.).			
Гельшманъ Аронъ, Поплавскій Варола. (Сиб. унив.).			2
62	21	71	223

INSEQUAR, или INFERAR, въ VERGILI AENEIDOS LIB. IV, 545?

До самаго XVII столѣтія 545 ст. IV кн. Энеиды читали слѣдующимъ образомъ:

Insequar et, quos Sidonia vix urbe revelli...

Со времени же Гейнзе *insequar* въ началѣ стиха было замѣнено словомъ *inferar* (= *insequar et aggrediar*), каковое чтеніе удерживается и до настоящаго времени. Не имѣя подъ рукою ни одного изданія XVII столѣтія, и не знаю, на какихъ основаніяхъ руководились при такой замѣнѣ, ни въ какомъ значеніи было принимаемо до того времени самое слово *insequar*. Вѣроятно въ значеніи „преслѣдовать кого, гнаться за кѣмъ“. Какъ бы то ни было, но если принимать слово *insequar* въ послѣднемъ значеніи, то, хотя замѣна его словомъ *inferar* и противорѣчитъ показанію Сервія, ее можно бы допустить, во вниманіе къ тому, что тогда разница въ сущности весьма незначительна, ея почти даже нѣтъ: при преслѣдованіи очевидно имѣется въ виду и нападеніе. Но понимать въ данномъ мѣстѣ *insequar* въ смыслѣ „преслѣдовать“ никакъ нельзя, а тѣмъ менѣе замѣнить его словомъ *inferar*; это очевидно изъ противорѣчія, въ которомъ находится такая замѣна, или такое толкованіе съ совершенно ясно выраженными словами Дидоны какъ въ предыдущихъ стихахъ (v. 380 и 381), такъ и послѣдующихъ (v. 595), о чемъ подробно ниже. Но такъ какъ комментаторы, въ свое оправданіе, могли бы указать на то обстоятельство, что Виргилій могъ впасть, въ данномъ мѣстѣ,

въ противорѣчїе съ собою, а, съ другой стороны, ошибочное толкованіе комментаторовъ нужно приписать невѣрному, или неясному представленію всего хода мыслей въ монологѣ Дидоны, то считаю нужнымъ прослѣдить нить ея мыслей и для этого предварительно представить отношенія Дидоны къ Энею и душевное ея состояніе въ то время, когда она произноситъ свой монологъ.

Каковы же были эти отношенія и душевное ея состояніе? Узнавъ что Эней готовится къ отплытію изъ Карфагена, Дидона старается сперва самыми убѣдительными доводами отклонить его отъ такого намѣренія. Когда же Эней отвѣчаетъ на это указаніемъ на увѣщаніи являющагося ему въ сновидѣніяхъ умершаго отца, на обязанности въ отношеніи къ сыну, который, при дальнѣйшемъ пребываніи его въ Карфагенѣ, можетъ лишиться назначеннаго ему судьбою господства надъ Италією, наконецъ на приказанія Юпитера немедленно отправиться въ путь, она обращается къ нему съ самыми сильными упреками, обвиняетъ его въ неблагодарности и жестокосердіи, а на представленія его о необходимости исполнить волю Юпитера отвѣчаетъ педонвѣріемъ и насмѣшкою. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она объявляетъ ему, что не станетъ препятствовать его отплытію. Хотя Эней и глубоко тронуть словами, а еще болѣе несчастнымъ положеніемъ Дидоны, однако онъ остается при своемъ рѣшеніи и еще съ большимъ рвеніемъ принимается за приготовленія къ отплытію. Но Дидона все еще не теряетъ надежды: чрезъ посредство своей уважасмой Энесмъ сестры она упрашиваетъ его отсрочить, по крайней мѣрѣ, свое отплытіе. Когда Эней отказывается ей и въ этой просьбѣ, то она, хотя и сильно раздражена противъ него, тѣмъ не менѣе не перестаетъ питать къ нему такую же любовь, какъ и прежде (*.... gursusque resurgens saevit amor magnoque irarum fluctuat aestu*, v. 531 до 531) и, хотя зародившаяся въ ней уже раньше мысль о самоубійствѣ и получаетъ болѣе опредѣленный характеръ, но надежда все еще не совершенно покидаетъ ее.

Подъ влияніемъ такихъ-то разнообразныхъ чувствъ, она, желая найти исходъ изъ своего въ высшей степени бѣдственнаго и горестнаго положенія, приступаетъ къ всестороннему разсмотрѣнію и обсужденію зародившихся у ней мыслей. Уже а priori можно заключить, что чувство раздраженія Дидоны, при такомъ обсужденіи своего положенія, должно болѣе и болѣе успокаиваться, потому что всякое обсужденіе дѣйствуетъ на насъ отрезвляющимъ образомъ, заставляя насъ относиться болѣе объективно къ обсуждаемому вопросу.

И дѣйствительно, какое отрезвляющее дѣйствіе производитъ на

Дидону всестороннее обсужденіе того критическаго положенія, въ которомъ она находилась, это мы видимъ изъ всего хода мыслей въ произносимомъ ею монологѣ. Въ началѣ его, находясь подъ вліяніемъ сильнѣйшаго раздраженія на Энея, она задумываетъ отомстить ему за пренебреженіе пренебреженіемъ, за невѣрность невѣрностью, за измѣну измѣной. Потому-то она задаетъ себѣ вопросъ, не вступить ли ей въ бракъ съ тѣми искателями ея руки, которыми она прежде, сохраняя вѣрность умершему мужу, отказала (v. 534—536). Но эта мысль, едва зародившись, тотчасъ въ ней и замираетъ: несообразность и неисполнимость ея до того очевидны для нея, что она оставляетъ заданный себѣ вопросъ безъ всякаго отвѣта, какъ будто достаточно придти на такую мысль, чтобы ее тотчасъ и отвергнуть. Но еще болѣе, чѣмъ умъ, говоритъ тутъ и сердце; если умъ отвергаетъ такую мысль, какъ несообразную, то сердце осуждаетъ ее, какъ противную Дидонѣ въ глубинѣ души; одна мысль, что она сама можетъ поставить себя въ такое положеніе, чтобы на вѣки разорвать всѣ узы съ Энеемъ, болѣзненно отзываясь въ ея все еще любящемъ сердцѣ. Потому-то она съ такою необыкновенно сильною и ѣдкою ироніею и насмѣшкою надъ собою высказываетъ эту зародившуюся въ ней мысль и употребляетъ такіа крайне жесткія выраженія, обсуждая только предполагаемую ею возможность. Уже одно *petere concubium* недостойно честной женщины, а тѣмъ болѣе ея, царицы, но при этомъ обращаться еще съ мольбами (*supplex*), да къ кому же? къ тѣмъ искателямъ ея руки, которыхъ она прежде, какъ недостойныхъ себя, отвергла — это верхъ самобичеванія и насмѣшки надъ тѣмъ, что у нея могла зародиться подобная мысль. Нельзя выразить сильнѣе осужденіе этой мысли, чѣмъ словомъ *igitur* „и такъ, значитъ“ (v. 537), которое предполагаетъ, что заданный вопросъ не только не заслуживаетъ съ ея стороны никакого отвѣта, но даже об-
сужденія.

Осудивъ такимъ образомъ первую, зародившуюся въ ней, подъ вліяніемъ сильнѣйшаго раздраженія противъ Энея, мысль, она переходитъ къ обсужденію другой, а именно, не отправиться ли ей вмѣстѣ съ Энеемъ и прочими Троицями, въ качествѣ готовой на всякія услуги, совершенно покорной рабыни его (v. 537—542, *Iliacas paves, Teucrorum, levatos, memores gentis*: множ. числа и собирает. имя *gentis* служатъ только для скрытія того, что Дидона исключительно думаетъ объ одномъ Энеѣ. Здѣсь чувство раздраженія Дидоны принимаетъ уже нѣсколько элегическій топь: не будучи въ состояніи осилить

свою любовь, она, царица, согласна промѣнить свое высокое положеніе на положеніе рабыни, лишь бы не разставаться съ Энеемъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ словахъ слышится и желаніе ея нѣкоторымъ образомъ отмстить Энею. Дѣйствительно, каково было бы душевное состояніе его, при видѣ такого унижительнаго положенія женщины, прежде столь любимой имъ, и притомъ царицы, оказавшей ему и всѣмъ его товарищамъ такіа большія благодѣянія! Но при мысли о такомъ унижительномъ положеніи, поднимается гордость женщины; она съ горечью отвергаетъ свой планъ, говоря, что такая готовность ея на самопожертвованіе не будетъ оцѣнена Троянцами (то-есть Энеемъ), которые за всѣ благодѣянія отплатили ей лишь черною неблагодарностью. Въ мрачномъ настроеніи своемъ, она даже полагаетъ, что если бы она и могла рѣшиться на такое униженіе, то легко могло бы статься, что Троянцы (то-есть Эней) не захотѣли бы ее принять на свои корабли; если раньше Эней, измѣнивъ ей, прикрывался приказаніемъ Юпитера и т. п., то теперь онъ могъ бы сбросить маску и довести свою невѣрность и безчестность до того, чтобы отказать ей въ позволеніи отправиться съ нимъ на одномъ кораблѣ. Вѣдь кому же неизвѣстно вѣроломство рода Лаомедонта?

Если такимъ образомъ Дидона не можетъ ни прервать всѣ связи съ Энеемъ, вступая въ бракъ съ другимъ лицомъ, ни отправиться съ нимъ на троянскомъ кораблѣ, то что же еще можетъ она предпринять (*quid tum?*), чтобы не разлучиться съ нимъ? Принудить его оставаться въ Карфагенѣ, она не хочетъ (*neque te teneo* и т. д. v. 380 и 381), да это, разумѣется, не только не могло бы вести къ сближенію съ нимъ, но должно бы окончательно оттолкнуть его отъ нея. Остается одно, слѣдовать за нимъ на своемъ, карфагенскомъ, кораблѣ, но куда? Очевидно туда же, куда отправляется Эней. А онъ отправляется въ Италію искать себѣ для поселенія то мѣсто, которое предназначено ему судьбою. Значитъ, сопровождая Энея, Дидона имѣла въ виду поселиться съ нимъ вмѣстѣ въ Италію на томъ мѣстѣ, которое онъ изберетъ себѣ для поселенія. Тогда бы она не разлучилась съ нимъ и, быть можетъ, ей удалось бы опять сблизиться съ нимъ.

Рѣшившись на это, она могла бы отправиться или одна (что, разумѣется, не исключаетъ возможности присутствованія нѣкоторыхъ приближенныхъ лицъ) на карфагенскомъ кораблѣ (v. 543), или же въ сопровожденіи всѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые только

что поселились въ Кароагенѣ, покинувъ свою родину Финикию (v. 544—546).

Въ первомъ случаѣ Дидонѣ представлялись слѣдующія затрудненія. Вопервыхъ, едва ли Кароагеняне могли бы добровольно отпустить свою царицу. Значить, ей пришлось бы бѣжать тайкомъ (*fuga*), чтобы не могли ей мѣшать подданные, и измѣнически, потому что Кароагеняне покинули свою прежнюю родину, Финикию, по ея инициативѣ ((*Aen. lib. I, v. 360*), а, лишившись царицы, были бы брошены на произволъ судьбы. Повторныхъ, отправляясь на своемъ кораблѣ за Троянцами, каково было бы ея положеніе въ отношеніи къ прочимъ Троянцамъ, или, какъ она выражается, къ троянскимъ морякамъ (*nautas*). Чего можно бы было ожидать отъ этихъ людей, которые, какъ извѣстно, не отпачуются пѣжностью чувствъ? Разбитой горемъ Дидонѣ всякое ликованье было бы тяжело. Каково же ликованье, служащее выраженіемъ триумфа, торжества (*ovantes*, это слово комментаторы думаютъ объяснить указаніемъ на *puribus laeti improsuege cogonas v. 418*; каково пониманіе поэта!). Какую же побѣду могутъ они торжествовать? Очевидно, побѣду твердаго и непоколебимаго Энея надъ сердцемъ слабой женщины, и притомъ царицы, которая, несмотря на то, что была покинута имъ, рѣшается изъ-за него бросить и новое царство и своихъ подданныхъ.

Въ виду всего этого, Дидона должна отказаться и отъ другаго задуманнаго ею плана. Остается еще одинъ: отправиться вслѣдъ за Троянцами (*insequar*) со всѣми своими подданными—соотечественниками (*omni manu meorum*), которыхъ она привела изъ Финикии (*Tyriis*). Но какъ-то примутъ этотъ планъ ея соотечественники и рѣшатся ли они отправиться съ нею? Вѣдь, прошло весьма немного времени съ тѣхъ поръ, какъ она оторвала ихъ отъ родной почвы (*Sidoniam vix urbe revelli*), и лишь только они успѣли осмотрѣться въ Кароагенѣ, какъ она хочетъ вновь оторвать ихъ отъ этой второй родины. Если, при обсужденіи третьяго плана, еще слышится нѣкоторое раздраженіе не противъ Энея, а противъ его спутниковъ (*nautas ovantes*), то здѣсь и того нѣтъ.

И такъ, мы видимъ, какъ чувство раздраженія Дидоны, въ продолженіе монолога, мало по малу утихаетъ, что психологически совершенно вѣрно. Но столь же вѣрно психологически и то, что чѣмъ болѣе чувства отступаютъ на второй планъ, тѣмъ болѣе умъ вступаетъ въ свои права. И дѣйствительно, чѣмъ больше Дидона обдумываетъ разные планы, тѣмъ они становятся разумнѣе и практичнѣе.

Если первый до того безразсуденъ, что она сама не считаетъ нужнымъ даже обсудить его, а прямо отвергаетъ его, а второй, хотя и исполнимый, но очень фантастичный, то третій довольно практиченъ и, если она отвергаетъ его, то, кромѣ затрудненія, которое она могла бы встрѣтить со стороны своихъ подданныхъ, приведенію его въ исполненіе мѣшаетъ то соображеніе, что оно могло бы оскорбить ея гордость. Наконецъ, четвертый планъ, при которомъ гордость ея пострадала бы менѣе всего, еще практичнѣе, и могъ бы быть исполненъ, если не встрѣтилось бы затрудненіе въ томъ, что ея соотечественники едва ли рѣшились бы отправиться съ нею.

Совершенно согласно съ постепеннымъ ослабѣвающимъ раздраженіемъ Дидоны и съ усиливающимся преобладаніемъ ума надъ сердцемъ, и самая рѣчь ея должна становиться спокойнѣе и слова и выраженія теряютъ свою страстность.

При изложенномъ мною толкованіи всѣ мысли находятся между собою въ самой тѣсной связи и вполне соотвѣтствуютъ душевному настроенію Дидоны и дѣйствительному положенію дѣлъ.

Все это рушится, если принять чтеніе *inferar*, или слово *insequar* въ значеніи „преслѣдовать“. Дѣйствительно, мы видѣли, какъ Дидона въ продолженіи монолога мало по малу успокоивается, и, при обсужденіи третьяго плана, становится почти совершенно спокойною. Какимъ же образомъ у нея вдругъ, ни съ того, ни съ сего, можетъ родиться мысль, которую она въ дѣйствительности высказываетъ только тогда, когда, при видѣ отплывающихъ Троянцевъ, она, потерявъ всякую надежду, впадаетъ въ такое отчаяніе, такое изступленіе, что, очевидно, нисколько не владѣетъ собою (v. 592 и слѣд.). Но и въ послѣднемъ случаѣ, такая мысль не болѣе какъ минутное увлеченіе и, хотя она въ тотъ моментъ и считаетъ возможнымъ исполнить ее, однако и не думаетъ привести ее въ исполненіе. Сравнимъ теперь необыкновенную страстность Дидоны, проявляющуюся въ послѣднемъ случаѣ какъ въ мысляхъ, такъ и выраженіяхъ ея (v. 592—594) особенно послѣдній), съ совершенно спокойнымъ тономъ, съ которымъ она говоритъ въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ о предполагаемомъ комментаторами нападеніи, и мы увидимъ, какая бездна была бы между душевнымъ состояніемъ Дидоны и выраженіемъ такого состоянія, если бы она дѣйствительно имѣла то намѣреніе, которое приписываютъ ей комментаторы.

Но, кромѣ того, такой планъ, какъ нападеніе, не соотвѣтствовалъ бы нисколько дѣйствительному фактическому положенію дѣлъ и былъ

бы въ высшей степени несообразенъ и нелѣпъ: называетъ же сама Дидона одну мысль о нападеніи безуміемъ, сумасшествіемъ (*insania* v. 595). Разсмотримъ сперва, какая могла бы быть цѣль при нападеніи Дидоны на Троянцевъ. Она могла бы быть двоякая: или, похитивъ Энея, насильно удержать его въ Карфагенѣ (что болѣе соотвѣтствовало бы душевному настроенію Дидоны, такъ какъ она, во время произнесенія монолога, еще не потеряла всякую надежду на вторичное сближеніе съ нимъ), или же убить его (какая мысль въ самомъ дѣлѣ и зарождается въ ней, но не здѣсь, а только тогда, когда Эней дѣйствительно оставляетъ Карфагенъ). Но удержать его она могла бы и гораздо болѣе простыми средствами, сжегши корабли Энея; эта мысль и приходитъ ей отчасти на умъ, но опять только въ послѣдствіи (*diripient rates alii navalibus*, и дальше *forte citi flammis* v. 593 и 594), мысль, которая, будучи самой простой и близкой, должна бы родиться у нея и раньше, при произнесеніи разсматриваемаго монолога, если бы она дѣйствительно имѣла намѣреніе насильно удержать Энея или вообще напасть на него. Но положимъ, что она упустила изъ вида такое обстоятельство (хотя, какъ мы видѣли изъ изложенія хода мыслей Дидоны, она, при обсужденіи различныхъ плановъ, не упускаетъ изъ вида ни малѣйшаго обстоятельства) и что, согласно толкованію комментаторовъ, она дѣйствительно намѣрена напасть на Энея. Тогда проще всего было бы напасть на него въ то время, когда онъ еще не отправился въ путь и корабли его еще находились въ Карфагенской гавани. Но и эта столь простая мысль не приходитъ ей на умъ. Нѣтъ, у нея рождается самая нелѣпая мысль, напасть на него въ открытомъ морѣ, когда онъ уже далеко отплыветъ, въ совершенную противность здравому уму и тому, что Дидона хочетъ сдѣлать въ послѣдствіи, когда она дѣйствительно выражаетъ намѣреніе напасть на него и Троянцевъ (v. 592 sq.). Но допустимъ и это. Неужели мысль, что, для исполненія своего плана, она должна бы заставитьъ вторично плыть по морю своихъ соотечественниковъ, только что совершившихъ плаваніе изъ Сидона въ Карфагенъ, могла бы остановить Дидону въ исполненіи этого намѣренія? (Впрочемъ „только что“ *vix* (подъ какимъ словомъ, въ данномъ мѣстѣ, должно понимать, по крайней мѣрѣ, 3—4 года, такъ какъ Карфагенъ, ко времени прибытія Энея, былъ уже обстроенъ во многихъ мѣстахъ) умѣстно здѣсь только въ томъ случаѣ, когда предполагаемое Дидоною вторичное плаваніе имѣетъ цѣлью вторичное переселеніе, а не нападеніе, потому что 3—4 года поселенія для первой

цѣли время очень незначительное, для второй же, чѣмъ оно недоста-точно?) Неужели такое плаваніе могло бы устроить ея подданныхъ, первый мореходный народъ въ древности? Очевидно, задержкою могло бы служить и дѣйствительно служить (но только не теперь, а впоследствии, когда Дидона на самомъ дѣлѣ хочетъ напасть на Энея, v. 592—594) вовсе не то, что предполагають комментаторы, а то, что какъ же ей предстать предъ подданными съ требованіемъ пуститься въ погоню за Троянцами и напасть на нихъ? Не могла же она признаться имъ въ томъ, что она такимъ образомъ хочетъ отмстить Энею за пренебреженіе ея любовью. А какой же другой разумный мотивъ своего столь враждебнаго отношенія къ Троянцамъ, которыхъ она только что гостепріимно приняла, могла бы она представить? Потому-то, когда у Дидоны въ послѣдствіи, въ моментъ сильнѣйшаго раздраженія и совершеннаго отчаянія, дѣйствительно рождается мысль напасть на нихъ, она, ни словомъ не упомянувъ, — почему, тотчасъ же отказывается отъ своего намѣренія.

Уже изъ сказаннаго видно, что чтеніе *inferar* или пониманіе *insequar* въ значеніи „преслѣдовать“ никакъ не можетъ быть допущено. Но такое чтеніе или пониманіе слова *insequar* въ данномъ случаѣ обнаруживаетъ, кромѣ того, какъ я сказалъ выше, непониманіе поэта или поэтическихъ требованій. Для уразумѣнія этого нужно знать, что у лучшихъ древнихъ поэтовъ и особенно у Виргилія, по крайней мѣрѣ въ IV кн. Энеиды, почти никогда не встрѣчается лишнихъ словъ, или такихъ, которыя были бы не на мѣстѣ. Между тѣмъ, при *inferar*, или *insequar* въ значеніи „преслѣдовать“, а также при *agam pelago* въ томъ узкомъ значеніи, въ которомъ, при такомъ толкованіи, только и можно принять эти послѣднія слова, то-есть въ смыслѣ вторичнаго плаванія по морю, а не переселенія, слова *quos Sidonia vix urbe revelli* и весь слѣдующій стихъ (v. 546) и слово *Tyriis* (v. 544) лишни, или, по крайней мѣрѣ, неумѣстны, а потому поэтически невѣрны, что, въ отношеніи къ Виргилію, значить то же самое, что поэтически невозможны.

Разберемъ же сперва слова *quos Sidonia vix urbe revelli*. При чтеніи *inferar* ¹⁾ комментаторы, вынужденные предварительно принять слова *agam pelago* въ узкомъ смыслѣ вторичнаго блужданія по морю, должны еще болѣе съузвить понятіе блужданія въ понятіе плаванія;

¹⁾ Все то, что я говорю на счетъ чтенія *inferar* применительно и къ *insequar* въ значеніи «преслѣдовать».

затѣмъ, принявши это, понимать слова quos Sidonia vix urbe revelli въ смыслѣ перваго плаванія изъ Сидона, а не переселенія изъ родины; говорю, должны, потому что того и другого категорически требуетъ параллелизмъ, соотвѣтствіе мыслей. Слова quos Sidonia vix urbe revelli истолковываются въ комментаріяхъ такъ: quos paulo ante a Tyro excitavi (такъ Гейне, которому, въ данномъ случаѣ, должно быть, слѣдуютъ всѣ прочіе комментаторы; сузу такъ потому, что Форбигеръ, который, при всякомъ случаѣ, приводитъ всѣ возможные толкованія и даже конъектуры, какъ нелѣпы они ни были бы, не успѣлъ бы прибавить такіа и здѣсь, если бы опѣ было на лицо). При этомъ они, безсознательно, совершаютъ слѣдующій умственный процессъ. Сперва они отсѣкаютъ, — какъ негодный для ихъ толкованія членъ, — слово revelli (оторвала, то-есть отъ родной почвы), затѣмъ замѣняютъ его другимъ (excitavi, заставила выйти, подняться), имѣющимъ, по своему значенію, отдаленное сходство съ первымъ, чѣмъ совершается метаморфоза понятія выселенія въ понятіе совершеннаго пути, плаванія (по морю); понятіе же родной городъ, заключающійся въ словѣ Sidonia, они или совершенно упускаютъ изъ вида, или превращаютъ въ понятіе отдаленнаго (отъ Карфагена) города, но не довольствуясь этимъ, они, почему-то, вѣроятно противопологая слово Sidonia (urbe) слову Tyriis, между тѣмъ какъ оно должно быть приведено въ соотвѣтствіе съ manu neogum, переименовываютъ Сидонъ въ Тиръ.

Но эти грѣшки комментаторовъ были бы неважны, если бы тѣмъ ограничивалось дѣло. Но, сверхъ того, они, истолкованіемъ совершенно ясно и рельефно выраженной мысли о выселеніи изъ роднаго края, въ смыслѣ плаванія по морю, тѣмъ самымъ заставляютъ поэта совершить психолого-поэтическую ошибку. Дѣйствительно, мысль о выселеніи естественнымъ образомъ должна вызвать въ насъ мысль о переселеніи на другое мѣсто, потому что обѣ мысли находятся въ самой тѣсной связи, относясь между собою, какъ понятіе намѣренія къ цѣли. Между тѣмъ, комментаторы заставляютъ насъ думать не о выселеніи и не о переселеніи, а о плаваніи, то-есть о средствѣ. Средство же есть только посредствующее звено между намѣреніемъ и цѣлью, а потому и второстепенное, значить и не важное понятіе, даже неполное, требующее для своего пополненія понятія цѣли. Поэтому, насколько психологически-естественно и правильно требованіе поэта, чтобы при мысли о намѣреніи (въ данномъ случаѣ о выселеніи) и о совершенно однородномъ (rursus) съ нимъ, по суц-

ности своего значенія, средствѣ (о блужданіи по морю), у насъ родилась мысль о цѣли (о переселеніи), настолько неестественно и неправильно требованіе его комментаторовъ, чтобы мысль о намѣреніи вызвала въ нашемъ сознаніи мысль о средствѣ и притомъ не совершенно однородномъ съ нимъ (то-есть о плаваніи, вмѣсто блужданія по морю), а еще неестественнѣе требованіе, чтобы первая была замѣнена второю.

Но этимъ не довольствуются комментаторы: они требуютъ, чтобы, при мысли объ этомъ средствѣ, у насъ не родилась неразрывно съ нею связанная мысль о цѣли, иначе вторичное плаваніе было бы существенно различно отъ перваго, а именно, при вторичномъ плаваніи цѣль — нападеніе (по толкованію комментаторовъ), а при первомъ — переселеніе. Но и это еще не все: они, кромѣ того требуютъ, чтобы мы отождествили средства, не только различныя по цѣли, но даже различныя сами по себѣ. Кому же неизвѣстно, что древніе поэты, согласно съ дѣйствительностью, представляли плаваніе по морю, въ древнѣйшія времена, совершенное съ цѣлью пріискапія новаго мѣста для поселенія, долгимъ блужданіемъ, скитаніемъ, что собственно и выражаютъ слова *agam relago*? Между тѣмъ, при плаваніи, съ цѣлью нападенія на отплывающихъ Троянцевъ, о такомъ блужданіи и рѣчи быть не можетъ. Такимъ образомъ, всѣ эти промахи комментаторовъ еще увеличиваютъ мнимую психолого-поэтическую ошибку, сдѣланную Virgiliemъ.

Но, кромѣ психолого-поэтической ошибки, комментаторы заставляютъ Virgiliamъ сдѣлать и чисто-поэтическую ошибку. А именно, въ разсматриваемомъ нами теперь мѣстѣ, поэтъ не только говоритъ просто о выселеніи, но очевидно придастъ этому понятію особенную силу. Поэтому-то послѣ *Sidonia* состоитъ цезура, чѣмъ невольно останавливается наше вниманіе на этомъ словѣ: Сидонскій (городъ), то есть родной (городъ); потому-то поэтъ также употребляетъ столь сильное выраженіе, какъ *revelli* „оторвала“ (жителей Сидона отъ родной почвы, какъ бы вырванное изъ земли растеніе). Представляя столь рельефно и съ такою силою понятіе выселенія изъ Сидона, настоящей родины Дидоны и ея подданныхъ, поэтъ тѣмъ болѣе предрасполагаетъ нашъ умъ къ ожиданію того, что, выражая мысль о повтореніи того же дѣйствія (*gursus*), онъ станетъ говорить о выселеніи ихъ изъ Карфагена (ихъ второй родины), а никакъ не о плаваніи ихъ по морю, для нападенія на Троянцевъ, какъ того хотятъ комментаторы. А такъ какъ понятіе выселенія пахо-

дится въ самой неразрывной связи съ понятіемъ переселенія въ другое мѣсто, то, разъ у насъ родилась мысль о выселеніи подданныхъ Дидоны изъ Кароагена, у насъ вмѣстѣ съ тѣмъ рождается и мысль о переселеніи ихъ въ другое мѣсто (въ данномъ случаѣ вмѣстѣ съ Троянцами въ Италію).

Также неумѣстно, психологически-поэтически невѣрно было бы и слово *Turris* (v. 544), и особенно въ началѣ всего предложенія; скажу болѣе, трудно было бы найти болѣе неподходящаго слова и хуже нельзя бы его поставить, какъ въ началѣ предложенія, если бы Дидона дѣйствительно выражала намѣреніе напасть на Троянецевъ (*inferar*). Извѣстно, что жители Тира славились въ древности, какъ первые мореходцы въ мірѣ. Къ чему же въ такомъ случаѣ разсматриваемое слово? Оно указывало бы на легкость и исполнимость плана Дидоны — какая же трудность для такихъ мореходцевъ пуститься въ море! — а между тѣмъ Дидона отвергаетъ свой планъ именно по трудности его исполненія.

При чтеніи *inferar* были бы также неумѣстны, фактически и поэтически невѣрны слова *kursus agam pelago* и вообще весь 546 ст. Я уже говорилъ, что, при такомъ чтеніи, та мысль, которая заключается въ приведенныхъ словахъ, а именно о долгомъ блужданіи по морю, не соответствовала бы положенію дѣлъ, была бы фактически невѣрна и должна перейти въ мысль о плаваніи по морю. Но такая мысль была бы совершенно лишняя, потому что, для нападенія на отплывающихъ Троянцевъ, само собою понятно, необходимо пуститься въ море, совершить плаваніе. Но комментаторы заставляютъ Виргилія сдѣлать еще болѣе грубую поэтическую ошибку, а именно, для выраженія такой блѣдной, совершенно лишней мысли, не удовольствоваться словами *kursus agam pelago*, но еще прибавить *et ventis dare vela iubebo*.

Не довольствуясь всѣмъ этимъ, комментаторы заставляютъ Виргилія сдѣлать еще лексическую ошибку: такъ *stipata* при *inferar* стоять не можетъ, потому что, хотя и въ этомъ случаѣ *stipata* можно перевести по-русски словомъ окруженный, по это слово имѣетъ, кромѣ того, такой отгѣнокъ, который не допускаетъ мысли о нападеніи, а именно окруженный почетною или охраняющею какое-нибудь лицо (Дидону) свитою, или, другими словами, толпою людей, не поставленною въ извѣстный боевой порядокъ.

Вотъ какія психологическія, поэтическія, фактическія и даже лексическія ошибки влечетъ за собою чтеніе *inferar*. Наоборотъ, при

правильномъ толкованіи мыслей поэта, какъ гармонически связаны между собою всѣ эти мысли, какъ умѣстны, прекрасны онѣ, а также всѣ слова и выраженія, смотрѣть ли на нихъ съ поэтической, или фактической стороны, какъ такое всестороннее разсмотрѣніе служить только къ большому освѣщенію и проявленію красоты ихъ во всемъ блескѣ! Какъ прекрасно также то, что Дидона, занятая только одною мыслью, переселиться вмѣстѣ съ Энеемъ въ Италію, не произноситъ слова переселеніе (о чемъ подробнѣе ниже) и даже то, что это скрытое понятіе она разъ выражаетъ словами, означающими выселеніе изъ родины, а другой разъ такими, которыя означаютъ долгое блужданіе, скитаніе по морю. Остановимся немного на послѣднемъ.

Извѣстно, что древніе отличались почти незнакомой и, къ сожалѣнію, даже часто непонятной въ наши дни объективностью въ отношеніи къ явленіямъ міра. Такою объективностью отличается и Дидона; субъективность ея проявляется только въ томъ, что объективно совершенно вѣрно, именно въ такомъ преобладаніи чувства любви надъ нею, что она не можетъ объективно относиться къ этому чувству; во всемъ же прочемъ она сохраняетъ такую объективность, которая, въ ея положеніи, поражаетъ насъ вдвойнѣ. Современная намъ женщина и даже мужчина, будь онъ, или она въ столь же затруднительномъ положеніи, старались бы, при обсужденіи всѣхъ шансовъ, которые могли бы вывести ихъ изъ него, по возможности, умялить въ собственныхъ глазахъ представляющіяся имъ затрудненія. Не такъ Дидона: она не убаюкиваетъ себя пустыми, неисполнимыми надеждами, не прибѣгаетъ ни къ какимъ ухищреніямъ ума для умяленія своего затруднительнаго положенія, а трезво смотритъ на всѣ затрудненія, могуція препятствовать ея завѣтному желанію переселиться съ Энеемъ въ Италію.

Каковы же эти затрудненія? Прежде всего, нужно же было представить Карфагенянамъ какой-нибудь предлогъ, почему, если не необходимо, то, по крайней мѣрѣ, желательно было бы выселиться. Безъ сомнѣнія, такой предлогъ было бы гораздо легче найти, чѣмъ такой же для нападенія на Троиццевъ, и находчивая любовь вѣроятно нашла бы его. Но вотъ опять затрудненіе: какой бы предлогъ Дидона ни придумала, она не можетъ не сознавать, что ея соотечественники принесли бы ей жертву (какъ прекрасно опять освѣщается слово *theognon*!), согласившись на ея предложеніе переселиться изъ Карфагена въ Италію. Значительность жертвы, а слѣдов. и трудность требовать такой, увеличивается еще вслѣдствіе того, что ея

соотечественники лишь недавно принесли ей, быть можетъ, еще большую жертву, покинувъ изъ-за нея, или, по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе ея инициативы (Aen. lib. I, v. 340 — 362) свой родной край. Тутъ главная жертва и трудность состояла не въ томъ, что ея соотечественники, высяляясь изъ Финикии, должны были плавать по морю: вѣдъ сѣверный берегъ Африки былъ уже очень рано посѣщаемъ Финикиянами и хорошо имъ извѣстенъ, а въ томъ, что они должны были покинуть свою родину. Потому - то Дидона говоритъ *quos Sidonia vix urbe revelli*. На оборотъ, при вторичномъ переселеніи, значительность жертвы увеличивается не вслѣдствіе того, что соотечественники Дидоны должны оставить Карфагенъ, въ которомъ они лишь недавно поселились и съ которымъ они еще не успѣли сродниться. Другое дѣло—плаваніе по морю: имъ пришлось бы плыть въ Италію, въ страну, которая въ тѣ времена была мало посѣщаемъ Финикиянами, а потому и мало имъ извѣстна, на всякій случай гораздо менѣе, чѣмъ сѣверный берегъ Африки; къ тому же имъ пришлось бы поселиться не въ любомъ, или по крайней мѣрѣ опредѣленномъ мѣстѣ Италиі, а отыскивать ту страну, которая предопредѣлена была Энеею судьбою. Въ виду этого, Дидона, объективно и трезво взвѣшивающая всѣ затрудненія, которыя препятствуютъ ей исполнить свой планъ, говоритъ: *gursus agam pelago et ventis dare vela jubebo*.

Но, могутъ спросить меня, почему же, не смотря на такую чудную гармонію и на неотразимую, какъ я доказалъ, необходимость, съ которою при мысли о выселеніи изъ Сидона и замышляемомъ Дидономъ вторичномъ блужданіи по морю, должна родиться въ нашемъ сознаніи мысль о задуманномъ ею переселеніи, у комментаторовъ могла образоваться державшаяся въ продолженіи двухъ, а быть можетъ, и гораздо болѣе столѣтій мысль, будто поэтъ говоритъ не о такомъ переселеніи, а о замышляемомъ ею пападеніи, и зачѣмъ же онъ не совершенно ясно и открыто заставилъ высказать Дидону свое намѣреніе употребленіемъ слова „переселеніе“: вѣдъ фактъ на лицо, комментаторы не поняли поэта. Отвѣтъ на первый вопросъ послѣдуетъ ниже. Что же касается втораго, то я могъ бы удовольствоваться указаніемъ на то, что поэтъ, при созданіи своего произведенія, не обязанъ былъ и не могъ предусматривать тѣхъ по истинѣ немыхъ толкованій, которыя позволяютъ себѣ комментаторы. Но я этого не сдѣлаю. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы получимъ, когда отвѣтимъ на другой, съ которымъ онъ тѣсно связанъ, а именно, почему Дидона не только въ четвертой части, но и во всемъ монологѣ ни разу не упоминаетъ объ

Энеѣ, хотя объ немъ только и думаетъ и его только имѣетъ въ виду, произнося монологъ. Но прежде чѣмъ указать на причину, констатируемъ самый фактъ.

Первая часть монолога, очевидно, направлена противъ Энея: никто не повѣритъ Дидонѣ, чтобы она серьезно замыслила вступить въ новый бракъ. Не о томъ она думаетъ и даже думать не можетъ, а о мести Энею за измѣну. Тутъ даже есть указаніе на то, за что она ему хочетъ мстить; оно заключается въ словѣ *irrita* (будучи осмѣяна, отвергнута). Но кѣмъ же? Отвѣта нѣтъ потому, что Дидона не хочетъ высказать даже сокровенную свою мысль, которой не только она, но никто не повѣрилъ бы, а именно, будто она осмѣяна всѣми, хорошо понимая, что этихъ всѣхъ нельзя не принять ни за кого другого, какъ за Энея. Если такимъ образомъ Дидона въ первой части не высказываетъ ясно сокровенную мысль, то во второй части указанія на то, что она думаетъ объ Энеѣ, становятся уже опредѣленнѣе, а самыя намѣренія ея, хотя и искусно затемненны неясными и даже неточными выраженіями, не такъ скрыты, какъ въ первой части. Дѣйствительно, кто же повѣритъ Дидонѣ, что нужно принять *à la lettre* ея готовность исполнить даже самыя унижительныя приказанія (*ultima iussa*) всѣхъ Троянцевъ (*Teucrium*), или обвиненія послѣднихъ въ неблагодарности и даже въ вѣроломствѣ? Въ чемъ же выразилась ихъ неблагодарность и вѣроломство? Или кто повѣритъ, что она будто не знаетъ, что принатіе ея на троянскій корабль (*quis accipiet*) зависитъ отъ одного Энея? За чѣмъ всѣ эти множественныя числа (*Teucrium, levatos, memores, periuria*), собирательное имя (*Laomedontaeae gentis*) и даже вопросительное мѣстоименіе *quis* при *sinet* и *accipiet*? Очевидно, что подъ этимъ разнообразно выраженнымъ множествомъ лицъ нужно понимать одно лицо, а именно то, въ которомъ сосредоточенъ для нея весь міръ, то-есть Энея. Она искусно подбираетъ такія слова, которыя отвлекаютъ наше вниманіе отъ того, чтобы мы думали объ Энеѣ. Таково слово *periuria* (да еще во множ. числѣ). Можно ли назвать поступокъ Энея вѣроломствомъ, если употребить настоящее слово? Нѣтъ, это не вѣроломство, а невѣрность (*infidelitas*). Но и это еще не все. Дидона скрываетъ не только то, о комъ она говоритъ, но даже свои намѣренія и то только предполагаемыя. И предъ кѣмъ же? Предъ собою же: вѣдь она произноситъ свой монологъ не предъ кудрявой и не въ присутствіи кого бы то ни было, и, хотя она, подъ концъ, и обращается къ сестрѣ, но, въ началѣ, она, очевидно, про-

износить монологъ, какъ будто сестры вовсе тутъ не было, или, точнѣе, даже въ присутствіи послѣдней она чувствуетъ себя какъ бы на единѣ: что сестра, что она все одно и то же (*unanima* v. 8).

Что Дидона хочетъ скрывать свои планы; это проявляется прежде всего въ томъ, что Дидона употребляетъ слово *sequar* (v. 538) въ лексически-неточномъ значеніи „отправиться вмѣстѣ съ кѣмъ“, между тѣмъ какъ это слово значить „слѣдовать за кѣмъ“, что далеко не одно и то же. Не довольствуясь этимъ, она, при *sinet* не ставитъ никакого дополненія и, оставляя насъ въ совершенномъ невѣдѣніи на счетъ того, что ей можетъ быть дозволено, принуждаетъ насъ дополнить къ совершенно неопредѣленному самому по себѣ понятію *sinet* другое, неясно и неточно выраженное словомъ *sequar*. Она простираетъ свою скрытность до того, что позволяетъ себѣ даже нѣкотораго рода грамматическую ошибку (я покажу ниже, что эта ошибка болѣе кажущаяся), употребивъ мн. число (*Plurimae classes*) вмѣсто единственнаго. Такая скрытность ея тѣмъ непростительнѣе, что этимъ она окончательно сбива съ толку комментаторовъ, нисколько не подозрѣвавшихъ такой хитрости, а тѣмъ менѣе допускавшихъ мысль, что для такихъ цѣлей возможно было сдѣлать сознательно грамматическую ошибку, то-есть такую ошибку, для избѣжанія которой комментаторы заставляютъ поэта не только неправильно судить, говорить разныя несообразности и совершенно невѣрно выражать свои мысли, но дѣлать даже довольно грубыя лексическія ошибки и впадать въ явное противорѣчіе съ самимъ собою (что именно въ этомъ заключается главный узелъ всей загадки, почему они замѣнили слово *insequar* словомъ *inferar*, о томъ см. ниже). Но Дидона достаточно наказана за свои погрѣшенія тѣмъ, что она, неволью вырвавшимся у нея словомъ *accipiet*, обнаружила свои искусно скрываемыя намѣренія (правда, и тутъ, произвольною замѣною частички „que“ приставнымъ союзомъ „ve“, комментаторы ухитрились увеличить трудность уличенія ея въ сознательномъ содѣяніи грамматической ошибки, о чемъ подробнѣе ниже). Дѣйствительно, и сами комментаторы не могутъ отвергать того, что словомъ *accipiet* Дидона выражаетъ желаніе отправиться вмѣстѣ съ Троянцами, то-есть, какъ я сказалъ выше, съ Энеемъ (на троянскомъ кораблѣ), а это-то именно она и хотѣла скрыть, употребляя вышесказанныя неясныя и источныя выраженія.

Но разъ у нея вырвалось невольное признаніе въ томъ, какія задумываемыя мысли она имѣетъ, Дидона уже не стѣсняется высказывать боже ясно и открыто свои планы. И хотя она и тутъ выражается

неопредѣленно на счетъ того, кого она имѣетъ въ виду, однако уже изъ связи мыслей, а также изъ связи предложеній видно, что это лицо не кто иной, какъ тотъ, о комъ она во второй части говоритъ во множественномъ числѣ, то-есть Эней. Если она такимъ умолчаніемъ какъ бы нѣсколько затемняетъ то, о комъ она говоритъ, то это сторицею выеупается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ такихъ словахъ, какъ *comitabor* и *Tyriis omnique manu stipata neorum insequar* все яснѣе и яснѣе проявляется то, о комъ она только и думаетъ. Дѣйствительно, кого же можетъ сопровождать Дидона, какъ не Энея? Еще яснѣе проявляется въ 4-й части то, о комъ она думаетъ и что замышляетъ. Окруженная уже сама свитою (*stipata*) всѣхъ подданныхъ царица, за кѣмъ же она могла бы непосредственно слѣдовать, какъ не за Энеемъ? Также ясно, что, когда Дидона выражаетъ намѣреніе сопровождать Энея одна (*sola comitabor*), цѣль не могла быть иная, какъ та, которую она имѣетъ, желая слѣдовать за Энеемъ, въ сопровожденіи всѣхъ подданныхъ, то-есть какъ мы уже показали выше, поселиться тамъ же, гдѣ и Эней.

Констатировавъ такимъ образомъ тотъ фактъ, что, хотя Дидона ни разу не упоминаетъ объ Эней, она о немъ только и думаетъ, и что нельзя не придти къ тому заключенію, что эти ея намѣренія ни въ чемъ другомъ не состоятъ, какъ не разставаться, не разлучаться съ Энеемъ, мы должны указать на тѣ мотивы, которые не позволяютъ ей высказывать ясно своихъ мыслей.

Мотивы эти заключаются въ ея сердцѣ: два сильныхъ чувства, гордость женщины и царицы и женская стыдливость, которыя она проявляетъ во всѣхъ фазисахъ любви, мѣшаютъ ей быть откровенной даже съ самой собою. Униженіе достоинства женщины и гордости царицы, вслѣдствіе измѣны Энея, внушаетъ ей даже мысль порвать всѣ связи съ нимъ. Но это, очевидно, не болѣе какъ минутная, отчаянная попытка (*exregiar*), или, вѣрнѣе, вснышка: она тотчасъ же сознаетъ свое безсиліе и полицѣйшую безпомощность въ отношеніи ко всепокоряющему въ ней чувству любви. Хотя сознаніе своего безсилія и доводитъ ее до того, что она готова исполнять даже самыя постыдныя приказанія Энея, однако гордость женщины мѣшаетъ ей откровенно признаться въ этомъ даже предъ самой собою, такъ какъ такое признаніе было бы равносильно признанію въ томъ, что она не можетъ жить безъ того, кто своею измѣною совершенно унижилъ ея гордость и попралъ самыя священныя чувства ея. А потому она выражается такъ, будто готова испол-

нять приказаніе всѣхъ Троянцевъ. Женская же стыдливость не дозволяетъ ей высказать то, что, для достиженія своей цѣли, ей нужно отправиться на одномъ кораблѣ съ Энеемъ. Потому-то она употребляетъ слово *sequar* (*Hiacas classes*) въ неточномъ смыслѣ, далѣе совершенно неопредѣленное *sinet*. Но когда она, вырвавшись у нея противъ воли словомъ *accipiet*, болѣе ясно обнаружила свои задушевные мысли, то дальше уже не такъ стѣсняется въ выраженіи своихъ мыслей, хотя и тутъ гордость и стыдливость до самого конца мѣшаютъ ей выражаться вполне ясно и точно. Потому-то она употребляетъ не настоящее слово для выраженія своего желанія поселиться вмѣстѣ съ Энеемъ въ Италию, а такое, которое получаетъ свое настоящее и полное освѣщеніе отъ двухъ послѣдующихъ предложений, изъ которыхъ въ одномъ мысль о переселеніи выражена какъ намѣреніе, а въ другомъ, какъ средство.

Въ такой скрытности, неоткровенности Дидоны предъ самой собою выражается и высокая психо-поэтическая справедливость: какими были отношенія Дидоны къ овладѣвшему ея чувству любви въ началѣ, такими они остались и до самаго конца. А именно въ самомъ началѣ, вмѣсто борьбы съ овладѣвшимъ ея чувствомъ любви, которое она осуждаетъ, Дидона поддается ему почти безъ сопротивленія; самыя заклинанія ея, при увѣреніи въ сохраненіи вѣрности къ умершему мужу (v. 24—30), указываютъ на сознаніе своей слабости и на неоткровенное отношеніе къ самой себѣ. Истинное чувство, твердая рѣшимость никогда не выражаются въ преувеличеніяхъ, а такія именно заключаются въ нихъ. Потому-то естественно, что, сказавъ эти заклинанія, которыя какъ бы должны замѣнить рѣшительность, но замѣнить ее, разумѣется, не могутъ, Дидона вдругъ заливаясь слезами. Та же самая слабость, перешедшая уже въ совершенное безсиліе и безпомощность, и вслѣдствіе этого та же неоткровенность предъ собою проявляется и подъ конецъ, когда Дидона, не смотря на измѣну Энея, не въ состояніи разорвать связывающихъ ее съ нимъ любовныхъ узъ. И стыдливость, которую она нарушила, не смотря на свои увѣренія (v. 27), мститъ ей тѣмъ, что, при обсужденіи различныхъ плановъ для вторичнаго сближенія съ Энеемъ, не позволяетъ ей высказать предъ самой собою настоящія свои намѣренія.

Послѣ всего сказаннаго не можетъ оставаться никакого сомнѣнія въ томъ, что хотя Дидона и не употребляетъ слова переселеніе, однако она посредствомъ *insequar* именно выражаетъ мысль о пере-

селеніи и что чтеніе inferar рѣшительно немислимо. Теперь остается еще доказать, почему она, для выраженія этой сокровенной мысли, употребила именно слово insequar, а не какое нибудь другое.

Тутъ были двѣ причины, изъ которыхъ одна заключается въ слѣдующемъ. Вспомнимъ, что мы сказали выше, а именно, чѣмъ дальше Дидона обсуждаетъ свои планы, тѣмъ они становятся практичнѣе и исполнимѣе, а такъ какъ желанія ея заключались въ томъ, чтобы не разставаться съ Энеемъ, то, съ большею практичностью своихъ плановъ, Дидона въ то же время мысленно какъ бы болѣе и болѣе сближается съ Энеемъ. Такое постепенное сближеніе поэтъ долженъ былъ выразить соотвѣтствующими словами. Вотъ эти слова: въ 1-й части монолога *petam*, во 2-й *sequar* (v. 538), въ 3-й *comitabor* (v. 543) и въ 4-й *insequar* (v. 545).

Хотя *petam* въ соединеніи съ *copubia* и выражаетъ „домогаться вступленія въ бракъ“, въ данномъ случаѣ не съ Энеемъ, а съ другимъ лицомъ, но такъ какъ въ основаніи значенія домогаться, а еще болѣе въ соотвѣтствующемъ латинскомъ словѣ заключается и понятіе стремленія, направленія куда, то *petam*, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражаетъ и направленіе въ противную отъ Энея сторону, совершенное отчужденіе, духовное удаленіе Дидоны отъ него. При *sequar* Дидона мысленно какъ бы опять сближается съ нимъ, впрочемъ, только въ отношеніи къ пространству, но за то, представляя себя рабыней его, какою пропастью раздѣлена она отъ него по своему положенію! При *comitabor* она и въ послѣднемъ отношеніи болѣе сближается съ Энеемъ, наконецъ, при *insequar*, становясь равною ему, сопровождая его, какъ царица, окруженная всѣми своими подданными, она уже находится въ самой непосредственной и тѣсной близости къ нему. Но именно тогда, когда мысленно совершается полное сближеніе съ нимъ, грезы разлетаются, и она видитъ, что ей ничего не остается, какъ умереть.

Вторая причина но тутъ открывается предъ нашими глазами пѣчто столь прекрасное, что я сомнѣваюсь въ своихъ силахъ выразить, сколько-нибудь удовлетворительно, всю красоту, которая заключается въ словѣ *insequar*. Или вы не слышите, какъ высокоподнявшіяся, въ послѣдній разъ, волны внезапно спускаются и, отступая, опять сливаются съ безпредѣльнымъ моремъ? Но не будемъ заходить впередъ.

Въ 530 и 531 ст. поэтъ хотя не прямо, но косвенно обѣщалъ намъ изобразить бушующее и волнующееся отъ прилива и отлива са-

мыхъ разнообразныхъ страстей, сильнѣйшаго гнѣва и еще больше сильной любви, море. Гдѣ же это изображеніе? Въ началѣ (v. 534—535) волны гнѣва, словно нахлынувшее на берегъ море, нагоняя другъ друга и перемѣшиваясь между собою, набѣгаютъ на несчастную Дидону, бурные потоки сильнѣйшаго раздраженія вступаютъ въ отчаянную борьбу съ теченіемъ любви и своею свирѣпостью и силою, повидимому, преодолеваютъ послѣднюю. Такого дѣйствія на насъ поэтъ достигаетъ какъ самимъ содержаніемъ изложенныхъ мыслей, такъ и формою, повтореніемъ буквы г 9 разъ въ 5 слѣдующихъ одно за другимъ словахъ, а затѣмъ буквы m и n 11 разъ въ 11 словахъ, а еще болѣе расторгненіемъ грамматически и логически тѣсно связанныхъ между собою словъ: такъ *procos* и *prigoes* словомъ *irrisa*, *Nomadumque* и *conubia* словомъ *petam*, самое *petam* и *supplex* словомъ *conubia*, наконецъ *quos* и *maritos* даже пятью вставленными словами. Затѣмъ, съ 537—542 ст. хотя волны сильного раздраженія Дидоны все еще слышатся какъ бы въ дали, но бурные потоки страсти уже мало по малу ослабѣваютъ и, соединяясь съ теченіемъ любви, подчиняясь этому теченію, какъ бы заливаютъ все существо Дидоны, такъ что она превращается вся въ чувство, словно берегъ, покрытый весь волнами моря (отсюда и элегическій тонъ ея рѣчи въ этой части монолога). Такъ какъ этотъ моментъ въ разлитіи моря самый продолжительный, то 2-я часть монолога заключаетъ въ себѣ почти столько же стиховъ, какъ всѣ прочія части вмѣстѣ взятыя. Затѣмъ, съ 543 ст. (3-я ч.) начинается обратное теченіе волнующихъ Дидону страстей, какъ бы удаляющихся отъ берега морскія водны; по краткости этого момента, поэтъ довольствуется однимъ стихомъ. Въ 544—547 продолжается это отступленіе волнующихъ ее страстей, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, уноситъ и послѣднее, что еще имѣла Дидона — надежду. Еще разъ, предъ соединеніемъ съ обычнымъ теченіемъ моря, въ *insequar* высоко поднимается волна любви и надежды, но, поднявшись на высокую точку (*insequar*), она быстро падаетъ (*et* съ второстепенною цезурою). Лучшаго, болѣе удачнаго слова, для выраженія высоко поднявшейся волны и совершеннаго рушенія, при столкновеніи съ дѣйствительностью, воздушныхъ внутреннихъ любовью плановъ Дидоны, какъ *insequar* въ данномъ случаѣ, въ соединеніи съ *et*, за которыми слѣдуетъ второстепенная цезура, и представить себѣ нельзя. Разумѣется, кто не слышитъ этого наденія въ *insequar* и сливанія съ обычнымъ теченіемъ моря, выраженнаго словами *et quos*, тому трудно, хотя, полагаю, не невоз-

можно, объяснить, почему сказанныя слова производятъ на читателя такое впечатлѣніе. По рушеніи всѣхъ плановъ и потерѣ всякой надежды, что оставалось дѣлать Дидонѣ, какъ не то, что она сама накликала на свою голову, въ случаѣ измѣны первому мужу (v. 23 sq.); а потому какъ превосходны и непосредственно слѣдующія слова „*Quin morere, ut merita es!*“

Изъ всего сказаннаго видно, что чтеніе *insequar* и объясненіе значенія этого слова, въ разсматриваемомъ мною мѣстѣ, поставлено мною, сколько можно судить, на незыблемыхъ основаніяхъ. Остается мнѣ еще доказать, что чтеніе *infegar*, какъ сказано выше, находится въ противорѣчій съ совершенно ясно выраженными, и раньше и послѣ, словами Дидоны.

Въ 380 и 381 ст. Дидона, въ отвѣтъ на представленія Энея, что онъ долженъ оставить Карфагенъ, между прочимъ, говоритъ „*neque te teneo..... i, sequere Italiam*, то-есть объявляетъ ему, что она его задерживать не будетъ, пусть онъ отправляется въ Италію. Правда, по этому поводу Сервій, котораго здѣсь, гдѣ именно того не слѣдуетъ, придерживаются комментаторы, говоритъ: *satis artificiosa prohibitio, quae fit per concessionem, quae tamen ne non intellecta sit persuasio* (кому же можетъ придти такая нелѣпая мысль!) *permiscenda sunt aliqua, quae vetent latenter, ut ventis, per undas, nomina terribilia, et sequere, quasi fugientem*. Стоитъ ли опроверженія такое замѣчаніе? Правда, оно довольно остроумно, но развѣ все, что остроумно, и истинно? Замѣчаніе это невѣрно и обнаруживаетъ такое смѣшеніе понятій въ умѣ Сервія, такое неумѣнье отгнѣять довольно рѣзко различающіяся между собою значенія словъ, какое простительно развѣ писателю IV вѣка и какое, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчается и въ наше время. Но такъ какъ комментаторы не безъ одобренія отзываются о замѣчаніи Сервія, то разберемъ его.

Согласимся даже съ Сервіемъ, что *venti, undae—nomina terribilia*, хотя они столько же странны для Энея, какъ, въ глазахъ Европейцевъ, изображеніе различныхъ чудовищъ на вооруженіяхъ Китайцевъ, то неужели эти слова могутъ придать согласію Дидоны на отплытіе Энея значеніе запрещенія, или воспрепятствованія? Очевидно, представляя Энею ожидающія его опасности, она хочетъ его отклонить отъ его намѣренія, другими словами, выражаетъ невольное свое согласіе на отплытіе Энея, допущеніе, противное ея собственнымъ желаніямъ, отсвѣтываніе отъ задуманнаго имъ намѣренія. Но отъ такого допущенія, отсвѣтыванія, до запрещенія или воспрепятствованія

(prohibitio), куда какъ далеко! Употребляя слово *sequere* (quasi fugientem), Дидона представляетъ положеніе Энея, въ случаѣ отплытія, въ смѣшномъ и нѣсколько комичномъ видѣ, но и въ такомъ отгнѣннѣ значенія *sequere* ничего болѣе не заключается, какъ желаніе отклонить его отъ задуманнаго намѣренія. Затѣмъ запрещеніе, высказанное герою слабою женщиною, было бы и безтактно и неженственно со стороны послѣдней, а такія качества совершенно противорѣчатъ характеру Дидоны. Очевидно также, что оно не могло бы вести къ цѣли и должно бы привести къ совершенно противоположному результату, уже по одному тому, что это окончательно подорвало бы въ Энеѣ не только любовь къ Дидонѣ, но и всякое уваженіе къ ней. Пониманіе сказанныхъ словъ, какъ запрещеніе или препятствованіе, совершенно противорѣчило бы также тому, что Дидона говоритъ въ 592—596. А именно, когда Дидона, при видѣ отплывающихъ отъ Карфагена Троянцевъ, впадаетъ въ полнѣйшее отчаяніе и изступленіе, ей приходитъ на умъ воспрепятствовать дальнѣйшему плаванію ихъ, и даже напасть на нихъ. Но тотчасъ же, пришедши нѣсколько въ себя, она восклицаетъ: „что я говорю? гдѣ я? что за безуміе измѣняетъ мое рѣшеніе?“ А какое же это могло быть рѣшеніе, какъ не то, которое выражено словами: „*neque te teneo...i, sequere Italiam*“.

Изъ всего этого видно, что примѣчаніе Сервія лишено всякаго основанія. Но изъ приведеннаго выше мѣста (v. 592 sq.) также слѣдуетъ, что, если только тогда, въ моментъ полнѣйшаго отчаянія и изступленія, у Дидоны родилась мысль напасть на Троянцевъ, и при томъ только минутная, то раньше, при произнесеніи монолога, у нея этой мысли быть не могло.

Послѣ всего сказаннаго не удивительно ли, что комментаторы могли замѣнить слово *insequar* словомъ *inferar*? Но какъ оно ни удивительно, объяснить это однако не трудно. Я уже говорилъ выше, что ключъ къ разъясненію такого заблужденія заключается въ томъ, что комментаторы приняли слово *sequar* (v. 538) въ значеніи слѣдовать, а *Hiacas classes* (v. 537) въ значеніи множеств. числа „за Троянскими кораблями“, значить на своемъ, Карфагенскомъ. Правда, прямого указанія на такое пониманіе съ ихъ стороны слова „*sequar*“ и множ. числа у меня подъ рукою нѣтъ. Но одно умолчаніе о томъ, что *sequar* нельзя принять въ обыкновенномъ значеніи и должно принять въ значеніи „отправиться вмѣстѣ съ Троянцами“, значить на Троянскомъ же кораблѣ, и что множ. число здѣсь не служитъ для

означенія множества предметовъ, указываетъ на то, что они понимали слово *sequar* и множ. число въ обыкновенномъ смыслѣ. На это указываетъ также измѣненіе *gatiibusque* въ *gatiibusve*, при чемъ комментаторы, даже одни и тѣ же, безпрестанно колеблются, употребить ли имъ *que* или *ve*. *Que* въ данномъ случаѣ служить, какъ это бываетъ нерѣдко, для болѣе точнаго и опредѣленнаго означенія того, что неопредѣленно выражено словомъ *sinet*, значить оно тутъ совершенно уместно, если понимать слово *sequar* такъ, какъ я его понимаю. Частичка же *ve* указываетъ на нѣкоторое (а это понятіе весьма эластично) различіе между *sinet* (*me sequi*) и *accipiet*, а замѣна комментаторами *que* частичкою *ve*, въ свою очередь, на то, что они понимаютъ слово *sequar* въ обыкновенномъ значеніи. Что такое пониманіе здѣсь невозможно, это доказать не трудно. Самъ поэтъ наталкиваетъ насъ на правильное пониманіе, поставивъ отъ этого глагола въ зависимость не только *Iliacas classes*, но и *ultima iussa Teucrum*, и тѣмъ указывая на тѣсную между собою связь этихъ двухъ понятій, то-есть, Дидона, изъявляя готовность отправиться съ Троянцами (съ Энеемъ) на ихъ (его же корабляхъ (ѣ)), изъявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ готовность исполнять всѣ даже самыя постыдныя приказанія, другими словами — отправиться въ качествѣ рабыни ихъ (его). И какъ же возможно было бы Дидонѣ исполнять обязанности рабыни Троянцевъ (Энея), не находясь на Троянскомъ же (Энея) суднѣ? Если и допустить, что это было бы физически возможно, то каково же было бы положеніе Дидоны, разѣзжающей, въ качествѣ рабыни, на своемъ собственномъ кораблѣ? Можно бы еще спросить, какъ же объяснить тогда множ. числа *Iliacas classes*? Въ отвѣтъ на это, я могъ бы довольствоваться указаніемъ на то, что сказано мною раньше, а именно, что во 2-й части всѣ множ. числа нужно принимать въ значеніи единств. числа и что Дидона говоритъ во множеств. числѣ только для того, чтобы скрыть, о комъ именно она думаетъ. Но этимъ я не ограничусь, а прибавлю, что, употребляя множеств. число *Iliacas classes*, поэтъ позволяетъ себѣ только нѣкоторую, въ данномъ случаѣ, вполне законную поэтическую вольность, примѣнивъ къ конкретному существительному *classes* то, что допускается, даже требуется строемъ латинскаго языка, при существительныхъ отвлеченныхъ (см. любую болѣе пространную грамматику), то-есть Дидона, скрывая то, что при прислуживаніи Энею ей необходимо отправиться на одномъ кораблѣ съ нимъ, выражаетъ эту сокровенную мысль такъ, будто она намѣрена прислуживать всѣмъ

Троянцамъ, при чемъ ей пришлось бы переходить съ одного Троянскаго корабля на другой. Изъ всего этого совершенно ясно, что при нимать *Hiacas classes*...sequar въ значеніи „слѣдовать за Троянцами, на своемъ собственномъ кораблѣ“, какъ дѣлаютъ это комментаторы—немыслимо.

Но, припавши разъ эти слова въ такомъ значеніи, какъ объяснить тогда *sola comitabor*? Вѣдь, и это значило бы тоже, что *Hiacas classes sequar*; даже сами комментаторы не могутъ допустить того, чтобы Дидона, изъявляя желаніе слѣдовать за Троянцами на своемъ кораблѣ, въ качествѣ рабыни, могла представлять себя окруженною свитою и должна была представлять себя ѣдущею одной. Ничего не остается, какъ понимать слово *sola* въ значеніи не „одной“, а „одинокой“, то есть представлять себѣ Дидону не вступающею ни въ какія отношенія съ Троянцами, не сближающеюся съ ними. Но, не говоря уже о томъ, что тогда положеніе ея было бы довольно страннымъ, даже смѣшнымъ, спрашивается, зачѣмъ ей, въ такомъ случаѣ, вообще ѣхать. Вѣдь это было бы не болѣе, какъ безцѣльная прогулка.

Но столь же очевидно, что, принявъ слово *sola (comitabor)* въ такомъ значеніи, комментаторы поставлены были въ невозможность принимать слѣдующее за тѣмъ *Turjis omnique manu stipata mecum insequar* въ томъ единственно возможномъ значеніи, какое я принимаю, то есть „слѣдовать, будучи окруженной свитою“, потому что между настроеніемъ Дидоны и сопровожденіемъ ею вмѣстѣ съ подданными, Энея ничего общаго нѣтъ, и быть не можетъ. Потому для комментаторовъ ничего не остается, какъ принять *insequar* въ рѣшительно невыносимомъ здѣсь значеніи „преслѣдовать кого, гнаться за кѣмъ“, или еще лучше, для избѣжанія двусмысленности, замѣнить его словомъ *infegar*. Тогда между непосредственно предшествующимъ и послѣдующимъ сохраняется надлежащая связь; еще болѣе, соблюдена даже, также какъ и при моемъ толкованіи, градація, но только неполная и совершенно невѣрная, а именно отъ избѣгающей сближенія съ Энеемъ женщины къ гнѣвной, готовой напасть на Троянцевъ, царицѣ.

А. Мессъ.

КЪ ВОПРОСУ О КУЛЬТѢ АММОНА ВЪ АФИНАХЪ.

Между различными чужеземными культами, которые были приняты древними Греками уже въ историческія времена, благодаря ихъ оживленнымъ сношеніямъ съ государствами Востока, былъ и культъ египетскаго бога Аммонъ-Ра, котораго Греки отождествляли съ своимъ Зевсомъ. Распространеніе этого культа въ Греціи относятъ обыкновенно ко времени похода Александра Македонскаго къ святилищу Аммона въ Ливіи (зимою съ 332 на 331 г. См. Droysen, *Gesch. d. Hellenismus*, I, 318 fg., 2 Aufl.); но положительныя свидѣтельства древнихъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что знакомство Грековъ съ египетскими божествами, въ томъ числѣ и съ Аммономъ, и даже культы ихъ въ Греціи относятся ко временамъ гораздо болѣе раннимъ¹⁾. Храмъ Аммона въ Фивахъ существовалъ уже во времена поэта Пиндара, который самъ пожертвовалъ въ этотъ храмъ статую и почтилъ Аммона особымъ гимномъ (*Paus.* IX, 16, 1). Рано уже почитали Аммона и въ Спартѣ, и въ Елидѣ. Въ Афинахъ точно также уже задолго до временъ Александра хорошо знали оракулъ Аммона въ Ливіи и уважали его почти наравнѣ съ Дельфійскимъ и Додонскимъ: по словамъ Плутарха (*Сим.* 18), Кимонъ незадолго до своей смерти послыалъ къ нему пословъ; въ „Птицахъ“ Аристофана (ст. 618 и 716) и въ „Законахъ“ Платона (V, § 9) оракулы Дельфійскій, До-

¹⁾ Свидѣнія изъ древнихъ авторовъ относительно культа Аммона въ Греціи собраны знаменитымъ Бёкомъ при объясненіи надписи, содержащей въ себѣ счетъ τῶν θεμάτων, о которой будетъ рѣчь ниже (*Staatshaush. d. Athen.* II, 132 fg., 2 Aufl.—С. I. Gr. ad. № 157). Ср. А. Maury, *histoire des religions de la Grèce antique*, t. III, p. 265 sv.

донскій и Аммоновскій поставлены рядомъ; одно предсказаніе Аммона послужило Алейбиаду аргументомъ въ пользу похода въ Сицилію, окончившагося столь плачевно для АѢиновъ (Plut. Nic. 13). Но собственно о культѣ египетскаго божества въ АѢинахъ до послѣдняго времени прямыхъ свѣдѣній было очень мало (время его возникновенія и совѣмъ неизвѣстно); если не считать весьма глухаго и неопредѣленнаго показанія Гесихія о томъ, что въ АѢинахъ существовалъ праздникъ Аммона (s. v. 'Αμμώνια· ἑορτὴ 'Αθῆναιον ἀγομένη), то всѣ эти свѣдѣнія ограничивались одною надписью, содержащею въ себѣ счетъ доходовъ, полученныхъ отъ продажи шкуръ жертвенныхъ животныхъ (δερματικόν) въ годы архонтовъ Ктесикла и Никократа (334—3 и 333—2 г. до Р. Хр.; надпись издана Бекомъ въ С. I. Gr. № 157 и Staatshaush. d. Ath. II, 112 изд. 2-го, по копіи Фурмона, далеко не вездѣ точной). Строки 30—36 этого документа читаются теперь на камнѣ слѣдующимъ образомъ:

Ἐ(πὶ Νι)χο(κράτ)ου(с)с ἄρχο(ντ)ο(с)с | ἐκ τῆς θου(с)сi(с)с τῆι Εἰρήνηι | παρὰ στρατηγῶν: ДНН(НЛ)ΔΔНН· ¹⁾ | ἐκ τῆς θου(с)сi(с)с τῶι Ἄμμωνι παρὰ | στρατηγῶν: ΔΔΔΔНННННННННН· | (ἐκ Πανα)θηναίων παρὰ | (ισροποῶ)ν: ЛΔННН.

Въ приложеніи подъ лит. А помѣщена сдѣланная мною копія надписи съ подлиннаго камня, такъ какъ копія Фурмона у Бека не точна (въ чемъ ее справедливо подозрѣваетъ самъ Бекъ). Надпись сдѣлана на плитѣ гиметтскаго мрамора (сѣро-желтоватаго), толщиной 0,115; правый край сохранился, но поверхность около него избита; середина камня испортилась уже послѣ чтенія Фурмона, теперь въ ней почти ничего прочесть нельзя. Фурмонъ не списалъ остатковъ нѣсколькихъ строкъ съ лѣвой стороны камня, которые еще болѣе подтверждаютъ предположеніе Бека, что на камнѣ былъ большой финансовый отчетъ. Другая сторона тоже была исписана, но теперь надпись совершенно стерта, такъ что только съ правой стороны можно разобратъ нѣсколько разъ повторенныя слова σταθμός и δίφρος. — Въ 1858 году найденъ обломокъ, на которомъ вырѣзано окончаніе счета тоῦ δερματικῶ года архонта Никократа и начало счета слѣдующаго года (архонта Никиты). Обломокъ изданъ Питтависомъ въ Ἐφημερίς Ἀρχ. № 3451. Представляю въ приложеніи подъ лит. В сдѣланную мною копію съ камня. Обломокъ В, какъ я убѣдился изъ сравненія обѣ-

¹⁾ За неизвѣніемъ въ типографіи соотвѣтствующихъ греческихъ знаковъ для обозначенія чиселъ 500 и 50, я ставлю вмѣсто нихъ латинскіе D и L.

ихъ надписей, несомнѣнно принадлежитъ тому же камню, какъ и обломокъ А.

Изъ приведенныхъ курсивомъ строкъ обломка, списаннаго Фурмонъ, мы видимъ, что въ 333 г. въ Аѣинахъ существовало общественное жертвоприношеніе Аммону, которое совершалось въ промежутокъ времени между жертвою Миру, приносившеюся въ праздникъ *συνόικια* 16-го числа Гекатомбэона, перваго мѣсяца аѣинскаго года, и Панаѣенэями, которыя начинались 28-го числа того же мѣсяца ¹⁾. Матеріальною стороною жертвоприношенія завѣдывали стратеги, по предположенію Бѣка (Staatsh. S. 134), потому что „die Verbindung Athens mit dem Ammonium gerade in Beziehung auf Kriegesangelegenheiten ursprünglich entstanden war“. Жертвоприношеніе Аммону было очень бѣдно, если судить по доходу, вырученному отъ продажи шкуръ животныхъ, принесенныхъ въ жертву: полученная сумма 44 др. 4¹/₂ об.—ничтожна въ сравненіи съ суммами, вырученными въ другіе праздники и извѣстными изъ предыдущихъ строкъ той же надписи и изъ другой такого же содержанія и приблизительно того же времени ²⁾. Такъ, отъ шкуръ животныхъ, принесенныхъ въ жертву богинѣ Мира, въ годъ арх. Никократа, получено 874 др. ³⁾, отъ праздника Діониса въ Пирѣ въ годъ арх. Ктесикла — 311 др. (по невѣрному чтенію Фурмона въ изд. Бѣка — 301 др.), отъ жертвы Доброму Счастью (Ἀγαθῆ Τύχῃ) въ тотъ же годъ — не менѣе 160 др., въ дру-

¹⁾ Aug. Mommsen, Neortologie, S. 116 note u. 129.

²⁾ Rangabé, Ant. Hell. № 842, Воеckh, Staatshaush. II, S. 135, 2 Aufl. (N VIII в.). Бѣкъ предполагаетъ, что эта надпись относится къ тому же времени, какъ и разбираемая нами, и представляетъ собою или конецъ счета τῶν δερματικῶν годъ арх. Никократа, начало котораго находится въ нашемъ документѣ, или относится къ Ол. 112, 1 или 2 (332—330 г.), или, наконецъ, относится и къ другой пентетеридѣ. Сравненіе обомъ обломковъ показало мнѣ, что они дѣйствительно принадлежать, по письму, почти одному времени, но несомнѣнно происходятъ отъ двухъ разныхъ плитъ (толщина обомъ обломковъ одинакова, но цвѣтъ камня различенъ). Конецъ счета δερματικῶν года архонта Никократа найденъ, какъ мы сказали, на другомъ обломкѣ.

³⁾ Mommsen (Neort. S. 114) думаетъ, что такая пышность жертвы Миру въ 333 г. объясняется обстоятельствами времени, именно тѣмъ, что Аѣяне желали мирныхъ отношеній къ иностраннымъ государствамъ, такъ какъ Александръ Великій незадолго передъ тѣмъ далъ имъ наглядное доказательство своей силы и научилъ, что при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ лучше всего не пробовать войны. Однако и въ слѣдующемъ году, при архонтѣ Никитѣ, какъ видно изъ обломка В, отъ жертвы Миру также выручена значительная сумма, именно 710 др. и 3 обла.

гой—не менѣе 101 др. 3 об., отъ праздника Асклепія въ годъ Ктесикла—291 др., въ другой—не менѣе 225 др., и т. д., нигдѣ нѣтъ суммы меньшей 100 др., кромѣ праздника Панаэней въ годъ арх. Никократа, отъ котораго получено 61 др. 3 об. (хотя въ годъ Никократа были малыя Панаэнеи, но тѣмъ не менѣе, можетъ казаться страннымъ, что послѣ нихъ выручена такая небольшая сумма *δερματιχοῦ*). Значить, культъ Аммона въ 333 г. хотя былъ уже государственнымъ, но мало еще былъ распространенъ и не пользовался симпатіями общества. Авг. Моммзенъ (*Neort. S. 114 n. 2 u. 116 n.*) предполагаетъ даже, что жертва Аммону въ 333 году была исключеніемъ, вызваннымъ обстоятельствами времени, именно желаніемъ Аэинянъ угодить Александру Македонскому, который считался сыномъ Аммона.

Предположеніе Моммзена, по видимому, подтверждается обломкомъ В: въ годъ архонта Никиты жертва Аммона не помѣщена на ея мѣстѣ между жертвою Мира и Панаэиняями. Но вѣсь этого аргумента, по моему мнѣнію, въ значительной степени уменьшается тѣмъ, что счетъ *δερματιχοῦ* при Никитѣ вообще почему-то не полонъ. Такъ, въ сохранившейся части его между Панаэиняями и праздникомъ Асклепія, совершившимся 8-го Елафеболіона (*Aesch. Stes. 67*), нѣтъ ни одного праздника Діониса, тогда какъ въ счетѣ года Ктесикла въ этомъ промежуткѣ помѣщены *Διονύσια τὰ ἐν Πειραιεῖ* и *Δ. τὰ ἐπὶ Ἀθ-ναῖσιν*, а далѣе въ счетѣ года Никиты слѣдуетъ, по видимому, праздникъ *Ἰορμπεῖα* (отъ названія праздника сохранилось только окончаніе *ων*), а не *Διονύσια τὰ ἐν ἄστει*, какъ въ годъ Ктесикла. Въ настоящее время мы тѣмъ болѣе имѣемъ основаніе считать упоминаемую въ надписи жертву Аммону постоянною, а не случайною, что изъ приводимаго ниже документа (С) сдѣлалось извѣстно существованіе особаго жреца Аммона, можетъ быть, только нѣсколькими годами позднѣе архонта Никократа.

Въ послѣдніе годы найдены два новые документа, которые нѣсколько пополняютъ наши свѣдѣнія относительно культа Аммона въ Аэинахъ. Первый изъ нихъ, содержащій въ себѣ два постановленія совѣта, сдѣланныя въ одинъ день по предложенію одного и того же лица, въ честь четырехъ жрецовъ и коллегіи іеропоевъ, изданъ профессоромъ Куманудисомъ въ журн. „*Ἀθήναϊον*“, т. VI, стр. 482. Надпись сдѣлана *στοιχηδόν* на большой плитѣ пентеликскаго мрамора (выс. 1,14, шир. 0,49, толщ. 0,11), поверхность которой значительно истерта (особенно внизу), а верхняя часть, на которой былъ

вырѣзанъ обычный заголовокъ съ именемъ архонта, къ величайшему сожалѣнію, обломана, такъ что нельзя съ совершенной точностью опредѣлить годъ изданія этого важнаго документа. Найденъ онъ, по словамъ г. Куманудиса, къ югу отъ сцены театра Діониса, около дороги, ведущей на акрополь, и въ настоящее время находится на открытомъ воздухѣ въ оркестрѣ театра, гдѣ, по видимому, еще болѣе пострадалъ отъ атмосферическихъ явленій, потому что при сличеніи копій г. Куманудиса съ подлинникомъ оказалось, что нѣкоторыя буквы, прочитанныя имъ, теперь совершенно не видны. Первая часть документа, именно постановленіе въ честь жрецовъ, теперь читается слѣдующимъ образомъ ¹⁾:

(Эпиграфическій текстъ см. въ приложеніи С.)

1. Πολύεσ)χος Κ(οδαθηνα-
ιαὺς εἶπεν ὑπὲρ ὧν ἀπαγγέλλει ὁ ἱερεὺς τοῦ Διονύσου . . .
. καὶ οἱ ἱεροποιοὶ οἱ αἰρ(εθέ)ντες
ὕπὸ τῆς βουλῆς ὑπὲρ τῶν ἱερῶν ὧν ἔ)θυσον τῶι Διονύσῳ καὶ
5. τοῖς ἄλλοις θεοῖς οἷς προσ(ῆ)χε θύειν ὑπὲρ τῆς βουλῆς κα-
ὶ τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων, ἀγαθ(ῆ)ι τύχῃ ἐψήφισθαι τῆι βο-
υλῆι τοὺς προέδρους οἱ ἄ(ν) λάχῳ(σι) προεδρεύειν ἐν τῶι δήμ-
ῳ εἰς τὴν πρ(ώ)την ἐκκλησίαν пр(ο)σαγαγεῖν τὸν ἰ(ε)ρέα κα(ι
τ)οὺς ἱεροποιοὺς πρὸς τὸν δῆμο(ν) καὶ χρηματίσαι περὶ ὧν
10. λέγουσιν, γνώ(μ)ην δὲ συμβάλλ(εσθ)αι τῆς βουλῆς εἰς τὸν δῆ-
μον, ὅτι δοκεῖ τῆι βουλῆι τὰ μὲν ἀγαθὰ δέχεσθαι τὸν δῆμ(ο-
ν) ἂ ἀπαγγέλλουσι ὁ ἱερεὺς καὶ οἱ ἱεροποιοὶ γεγονέναι ἐ-
ν) τοῖς ἱεροῖς οἷς ἔ)θυσον τῶι Διονύσῳ καὶ τοῖς ἄλλοις θε-
οῖς ἐφ' ὑγίαιαι καὶ σωτηρίαι τῆς βουλῆς καὶ τοῦ δήμου τ[ῶ]
15. Ἀθηναίων καὶ παίδων καὶ γυναικῶν καὶ τῶν ἄλλων κτημάτ-
ων τῶν Ἀθηναίων, ἐπ(α)νέσαι δὲ τὸν ἱερέα τοῦ Διονύσου Με-
ξειγένην Χολλεῖδην καὶ τὸν τοῦ Πο(σ)ειδῶνος τοῦ Πελαγί-
ου Ἰμεραῖον Φαληρέα καὶ τὸν τοῦ Διὸς τοῦ (Σ)ωτῆρος Νικοκ-
λέα Ἀγνούσιον καὶ τὸν τοῦ Ἀμμωνος Παι(σ)ιάδην (?) Φαληρεῖα
20. φιλοτιμίας ἔναχα τῆς πρὸς τὴν βο(υλ)ῆν καὶ (ε)ὑσεβείας τ(ῆ)-

¹⁾ Ниже приводимаго декрета въ строкахъ 22—42 заключается постановленіе о награжденіи золотыми вѣнками 10 іеропоевъ, а затѣмъ внизу изображены 10 вѣнковъ съ вписанными въ нихъ именами (при нѣкоторыхъ и отчествами) и демами награждаемыхъ. Вѣнки съ именами награждаемыхъ жрецовъ не были вырѣзаны, вѣроятно, по недостатку мѣста.

ς) πρὸς τοὺς θεοὺς καὶ στεφανῶσαι (ἕλα)στον αὐτῶν (χρυσῶν) στεφανῶν ἀπὸ D δραχμῶν ἐ(πε)κτά(ν τὰς εὐθ(ύν)ας δῶσα ¹⁾).

Итакъ, для служенія Аммону назначался особый жрецъ.

Г. Куманудисъ предполагаетъ, что упоминаемый въ надписи жрецъ Посидона Ἴμεραῖος Φαληρεὺς—одно и то же лицо съ Гимерэемъ, братомъ извѣстнаго Дмитрія Фалерскаго (управлявшаго АѢинами подъ эгидою Кассандра съ 317 по 307 годъ), упоминаемымъ у Плутарха (Dem. с. 28). Лукіана (Dem. епс. с. 31) и АѢенэя (XII, 542,с), и на этомъ основаніи относить нашъ документъ ко времени не позже 322 г., такъ какъ въ концѣ этого года Гимерэй уже не былъ въ живыхъ. Какъ видно изъ разказа Плутарха, Гимерэй былъ однимъ изъ выдающихся противниковъ Македоніи; послѣ несчастнаго для Грековъ исхода Ламійской войны, когда АѢиняне принуждены были просить мира у Антипатра и послѣдній однимъ изъ условій его поставилъ выдачу враждебныхъ Македоніи ораторовъ, Гимерэй вмѣстѣ съ ДемосѢеномъ, Гиперидомъ и др. бѣжалъ изъ АѢинъ, но вскорѣ былъ захваченъ вмѣстѣ съ остальными (кромѣ ДемосѢена) Архіемъ ѳурійскимъ въ святилищѣ Эака на о. Эгипѣ и отведенъ къ Антипатру въ Клеоны, гдѣ и былъ казненъ мучительною смертію.

Очень можетъ быть, что культъ Аммона получилъ въ АѢинахъ особенно широкое распространеніе и что для служенія ему былъ назначенъ особый жрецъ, именно съ тѣхъ поръ, какъ АѢиняне рѣшили признать богомъ Александра Великаго, который со времени похода къ оракулу Аммона открыто считался сыномъ этого божества. Извѣстно, что когда Александръ лѣтомъ 324 года на олимпійскихъ играхъ потребовалъ себѣ отъ Грековъ божескихъ почестей, АѢиняне сначала отказались дать ихъ и даже наложили денежный штрафъ на Демада, внесшаго предложеніе объ этомъ въ народное собраніе, но потомъ, осенью того же года, для смягченія неудовольствія Александра за принятіе его бѣглаго казначея Гарпала, по совѣту ДемосѢена, со-

¹⁾ Дополненія принадлежатъ пр. Куманудису. Въ 1-й стр. личное имя Πολύαυτος и δημοτικὸν его Κυβαθηραίου подставлены г. Куманудисомъ только предположительно, послѣднее на томъ основаніи, что число буквъ въ немъ совершенно то же, какое требуется въ промежуткѣ между личнымъ именемъ и гл. εἰκεν. Строки 7 и 8 приведены у г. Куманудиса совершенно цѣлыми, но, по видному, онъ уже и тогда былъ обмананъ съ лѣвой стороны. Въ остальныхъ строкахъ разница между моею и его копіями на столько неважна, что я счелъ излишнимъ приводить варианты.

гласились признать Александра богомъ ¹⁾. Весьма вѣроятно, что послѣ признанія богомъ мнимаго сына Аммона, въ Афинахъ болѣе распространилось поклоненіе и его божественному отцу; новый документъ заставляеть предполагать, что во время его изданія культъ Аммона получилъ значеніе одинаковое съ культомъ наиболѣе уважаемыхъ древне-эллинскихъ божествъ (жрецъ Аммона получаетъ похвалу и награду вмѣстѣ съ жрецами Діониса, Зевса и Посидона), между тѣмъ какъ въ 333 г. жертвоприношеніе Аммону было самымъ бѣднымъ между другими. Если приять эти предположенія, то время изданія декрета будетъ ограничено, съ одной стороны, осенью 324 г., съ другой концемъ Ламійской войны. Существованіе же жреца и жертвоприношеній Аммону въ IV в. въ Афинахъ заставляеть предполагать и существованіе въ то же время храма, или, по крайней мѣрѣ, алтаря этого божества, хотя и не сохранилось прямыхъ указаній объ этомъ.

Другой вновь найденный документъ даетъ положительное извѣстіе о существованіи храма Аммона въ III в., по всей вѣроятности въ Пирѣѣ. Опъ купленъ афинскимъ археологическимъ обществомъ въ Пирѣѣ лѣтомъ прошлаго года (но когда и въ какомъ мѣстѣ Пирѣя найденъ, неизвѣстно) и изданъ г. Куманудисомъ въ „*Ἀθήναιον*“, т. VIII, стр. 231. Плита темнаго гиметтскаго мрамора (выс. 0,35, шир. 0,39, толщ. 0,12), на которой вырѣзана была надпись, сохранилась въ цѣлости, но поверхность ея очень стерта и избита, такъ что на всей нижней половинѣ нельзя разобрать ни одной буквы; лѣвая сторона, начиная съ стр. 5, пострадала болѣе правой; хорошо сохранились только верхнія 8 строкъ. Сверху плита украшена небольшимъ фронтономъ (*ἀετῳράτιον*), на карнизѣ котораго вырѣзано (*Ἰ)εοί*. Буквы вырѣзаны не *στοιχηδόν*, и чѣмъ далѣе отъ начала идутъ строки, тѣмъ тѣснѣе поставлены въ нихъ буквы. Въ приложеніи Д. помѣщенъ мой списокъ этого документа, нѣсколько отличающійся отъ копій г. Куманудиса.

Варианты изд. Куманудиса: стр. 2: *Ἀντιπάτρου*. Стр. 3: *ἀγορᾶ* хор(ι)αи. Стр. 6: (τ)οῦ... *ἸΣΙΟΥ*; начало 7 и 8 стр. не прочитано (впрочемъ и мое чтеніе сомнительно). Стр. 9: *φ)ιλοτίμως*. Стр. 14: *ΛΠΙΟΝΥΟΝΕ*. Стр. 15 кон. *ΤΟΥΣΟ*. Въ стр. 16 не отмѣчено ни одной буквы.

¹⁾ Droysen, *Gesch. d. Hellenism.* I, 2. S. 271 u. 281, 2 Aufl. Отправленіе изъ Афинъ посольства къ Александру Дройзенъ относитъ къ ноябрю 324 г.

- 1) Θ) ε ο ι.
 'Επ' 'Αντιπ(ά)τρου ἄρχοντος. 'Εκα(το)νβραιῶ-
 νος ὀδοῖε μετ' εἰκάδας, ἀγορᾶ(ι κ)ορ(ί)αι.
 'Αριστόδημος Διονυσίου εἶπεν' ἐπειδὴ
- 5) οἱ προ(σ)αιρε(θ)έντες μετὰ τοῦ ἐπιμελη-
 τοῦ [Ἄφρο]δι[σ]ίου (?) τῆς προσικοδομίας τοῦ
 ἰ(ε)ρ(οῦ) τοῦ Ἄμμωνος τό τε ἔ(ρ)γον καλὸν καὶ
 ἄ[ξι]ο[ν] τ[ο]ῦ [θε]οῦ ἐποίησαν κ(α)ὶ ἐπεσάτησα(ν
 καλῶς καὶ φ[ι]λ[ο]τιμῶς καὶ λόγον ἀπέδω-
 10) καν τοῦ ἀναλ)ώματος, ἐπαινέσαι καὶ στεφ(α-
 νῶσαι ἕκαστον) αὐτῶν θαλλοῦ στεφάνωι κ(α-
 τὰ τὸν νόμον κα)ὶ ἀναγορεῦσαι τοῦ(ς) σ)τεφ(ά-
 νους τῶι ἀγῶνι τ)οῦ Ἄμφιαράου μετὰ τὰς
 θυσίας.....]. ..ι(ον) τὸν. [...].
15. εὐσεβείας ἔνεκ)εν τῆς εἰς τοὺς θε[οὺς] κα-
 ἰ φιλοτιμίας τῆς πρὸς [τ]ο[ύ]ς θιασώτας? κτλ. 1).

До сихъ поръ были извѣстны два архонта Антипатра, одинъ Олимп. 97,4 (389—8 г. до Р. X.), другой очень позднихъ временъ, приблизительно Ол. 206,1 (45 г. послѣ Р. X. ²). Проф. Куманудисъ не считаетъ возможнымъ отнести новый документъ ни къ одному изъ этихъ 2 годовъ, къ первому—, по нѣкоторымъ причинамъ“ (διὰ λόγους τινάς), ко второму—по соображеніямъ палеографическимъ. Въ числѣ „нѣкоторыхъ причинъ“, препятствующихъ отнести документъ къ 389 г., на первомъ мѣстѣ, какъ мнѣ, кажется, можно поставить также палеографическія соображенія, затѣмъ употребленіе формулы μετ' εἰκάδας, которая въ извѣстныхъ до настоящаго времени докумен-
 тахъ не встрѣчается ранѣе Ол. 113,4 (325 г. С. I. A. II, № 179), и другихъ формъ, свойственныхъ болѣе позднимъ временамъ, Ἐκατον-
 βραιῶνος вм. Ἐκατομβραιῶνος, ἀπέδω(καν) вм. ἀπέδοσαν, не говоря уже о томъ, что весьма трудно предполагать существованіе въ Атикѣ храма чужеземнаго божества черезъ 20 только лѣтъ послѣ того какъ враги великаго Сократа, чтобы погубить его, завели на него, между прочимъ, и обвиненіе во введеніи новыхъ божествъ, — хотя, правда,

¹) Дополненія, отмѣченные полукруглыми скобками, принадлежатъ профессору Куманудису, прямыми—мнѣ.

²) А. Dumont, Essai sur la chronologie des archontes Athéniens, p. 59 et sv., 114. Г. Дюмонъ предполагаетъ, что этому Антипатру предшествовалъ еще одинъ архонтъ того же имени, на томъ основаніи, что архонтъ 45 г. называется въ надписяхъ члѣтеросъ.

прочность прежней государственной религіи въ это время была уже сильно поколеблена идеями софистовъ. Г. Куманудисъ считаетъ необходимымъ принять существованіе третьяго архонта Антипатра послѣ 122-й Олимпіады, на которой прерывается достовѣрно извѣстный списокъ архонтовъ, но во всякомъ случаѣ въ III в. до Р. X.

Редакція декрета представляетъ нѣкоторыя особенности, затрудняющія его пониманіе. Такъ, передъ словомъ *ἐκείνου* въ стр. 10 нѣтъ обычной формулы *δεδοχθαι* (или *ἐψηφίσθαι*) съ дат. пад. имени совѣта, народа или отдѣльной общины, которую дѣлается предложение, и очень часто съ прибавленіемъ *ἀγαθῆι τούτῃ*. Точно также и въ началѣ декрета нѣтъ формулы *ἔδοξε* съ дат. пад. и во всѣхъ сохранившихся строкахъ его нѣтъ другихъ данныхъ, которыя бы позволяли съ точностью опредѣлить, кому принадлежитъ постановленіе, такъ что приходится прибѣгать къ догадкамъ ¹⁾. О томъ, чтобы это былъ государственный актъ, принятый въ народномъ собраніи, не позволяютъ и думать его *praescripta*. Я не думаю также, чтобы это было постановленіе фратріи или рода, такъ какъ въ нихъ наиболѣе сохранялись старыя религіозныя традиціи, и трудно допустить, что бы они стали вводить въ своей средѣ культы иноземныхъ божествъ, чуждыхъ древне-эллинской религіи, и строить имъ храмы, даже въ сравнительно позднія времена. Остается, слѣдовательно, выбирать между филами, демами и религіозными обществами, которыхъ много было въ Атикѣ, особенно въ Пирэѣ, и которыя имѣли своею цѣлью именно культъ чужеземныхъ божествъ.

Я считаю не лишнимъ сказать теперь же нѣсколько словъ объ этихъ религіозныхъ обществахъ, для того чтобы сдѣлать болѣе ясными мои дальнѣйшія соображенія ²⁾. Родовыя названія религіозныхъ обществъ были: *ἀρχαῖες*, *θιάσαι*, *ἑραοί* (опредѣленнаго различія между этими названіями, по отношенію ихъ къ религіознымъ ассоціаціямъ, провести нельзя; см. Foucart, p. 1—15); кромѣ того, общества различались частными названіями, производившимися отъ имени того

¹⁾ Греческій издатель ничего не говоритъ о томъ, кому принадлежитъ интересующій насъ декретъ.

²⁾ Религіознымъ обществамъ въ Греціи посвящено специальное изслѣдованіе г. Фуара (P. Foucart, *Les associations religieuses chez les Grecs. Thiasos, érares, orgéons*. Paris 1873); въ немъ относящіяся къ обществамъ вопросы подробно и обстоятельно изслѣдованы главнымъ образомъ на основаніи извѣстныхъ до 1873 г. эпиграфическихъ памятниковъ, тексты которыхъ приложены въ концѣ книги.

B.

Κεφαλαι
 ἐπί Νικ
 Δ
 ΟΝΔΕΡ ματιχοῦ
 ΚΡΑΤΟ υσ ἄρχοντος
 ΗΗΗΓΓΓΓΓ

ἐπί Νική
 ἐκ τῆς
 στρα
 ἐκ Πα
 ἐξ Ἐλε
 ἐκ τῆς
 στρατη
 ἐξ Ἄσκλη
 ΤΟΥ ΑΡΧΟΝΤΟΣ
 ΨΥΞΙΑΣΤΗΙΕΙΡΗΗΗΙ παρά
 ΗΓΩΝ : ΠΗΗΔΙΙΙ
 ΝΙΟΗΝΑΙΩΝ ΓΑΡΑΙΕΡΟ ποιῶν
 ΥΞΙΝΙΩΝ ΓΑΡΙΕΡΟΓΟΙΩ ν
 ΘΥΞΙ ΤΗΙΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑ ι παρ
 ΓΩΝ : ΗΗΗΔΓΓΓΓΙΙΙ
 ΗΡΙΕΙΩΝ ΓΑΡΑΒΟΩΝΩΝ : Χ
 ΩΝ ΓΑΡΑ
 ΨΥΞΙΑΣΤΗΙΕΙΡΗΗΗΙ
 ΜΓΓΙ

D.

Ε	Ο	Ι
ΕΡΑΝΤΙΓ. ΤΡΟΥΑΡΧΟΝΤΟΣΕΚΕ... ΝΒΑΙΩ		
ΝΟΣΟΓΔΟΕΙΜΕΤΕΙΚΑΔΑΣΑΓΟΡΑ... ΥΡ. ΑΙ		
ΑΡΙΣΤΟΔΗΜΟΣΔΙΟΝΥΣΙΟΥΕΙΓΕΝΣΓΡΕΙΔΗ		
ΟΙΓΡΟ. ΑΙΡΕ. ΕΝΤΕΣΜΕΤΑΤΟΥΕΡΙΜΕΛΗ		
ΤΟΥ... ΛΙΞΙΟΥΤΗΣΓΡΟΣΟΙΚΟΔΟΜΙΑΣ ΤΟΥ		
ΙΞΡ	ΛΜΜΩΝΟΣΤΟΤΕΕ. ΓΟΝΚΑΛΟΝΖΑΙ	
ΛΞΙΟ... ΟΥ... ΟΥΕΓΡΟΙΗΣΑΝΚ/ΙΕΓΕΣΤΑΤΗΣΑΙ		
	Ι. ΟΤΙΜΩΣΚΑΙΛΟΓΟΝΑΓΕΔΩ	
	ΩΜΑΤΟΣΕΓΓΑΙΝΕΣΑΙΚΑΙΣΤΕΦ/	
	ΑΥΤΩΝΟΑΛΛΟΥΣΤΕΦΑΝΩΙΚ/	
	ΙΑΝΑΓΟΡΕΥΣΛΙΤΟΥ... ΤΕΦ/	
	ΟΥΛΜΦΙΛΡΑΟΥΜΕΤΑΤΑΣ	
	ΛΛΙΙ... ΤΟΝΞ	
	ΕΝΤΗΣΕΙΞΤΟΥΣΟΕ	
	.ΞΙΟ.	

1.

5.

10.

15.

20.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30

божества, культу котораго они себя посвящали, какъ, напримѣръ, Σαραπισταιί, Σωτηρισταιί, 'Αλιασταιί. Особенно распространились они въ Аттікѣ во времена македонскаго владычества, но не были тогда новинкою: первое упоминаніе о еіасотахъ встрѣчается уже въ законахъ Солона, который поставилъ ихъ наравнѣ съ другими религіозными или торговыми обществами; но мы не имѣемъ другихъ указаний относительно ихъ существованія въ ту отдаленную эпоху (Fouc., p. 47). Извѣстно кое-что о существованіи религіозныхъ обществъ для почитанія иноземныхъ божествъ во времена Пелопоннеской войны и еще болѣе во времена Демосеена, съ которыхъ они особенно широко распространяются (см. Foucart, ch. IX et X). Каждое общество представляло собою родъ маленькой республики, которая имѣла свои законы, собранія, доходы, должностныхъ лицъ для совершенія священнодѣйствій, для завѣдыванія храмомъ и управленія финансовыми и другими дѣлами общества. Для поступленія въ члены общества не существовало никакихъ ограниченій относительно званія, состоянія или пола: граждане, метойки, иностранцы, рабы, женщины— всѣ одинаково могли дѣлаться членами обществъ, и женщины нерѣдко даже играли въ нихъ значительную роль въ качествѣ жриць, получали похвалы и награды. Условіями допущенія въ общество, повидимому были только: уплата денежнаго взноса и испытаніе передъ должностными лицами общества въ нравственной чистотѣ, благочестія и добротѣ. Большинство обществъ имѣло свои святилища на южномъ полуостровѣ Пирэа, чему причина будетъ совершенно понятна, если мы вспомнимъ, что общества имѣли своею цѣлью, главнымъ образомъ, культъ чужеземныхъ божествъ, а гавань Пирэа была во всей Аттікѣ наиболѣе посѣщаемымъ иностранцами мѣстомъ. Сохранился прекрасный документъ времени Демосеена и Ликурга, изъ котораго видно, что иностранные купцы получали отъ государства формальное позволеніе строить (въ Пирэѣ) храмы своимъ божествамъ (С. I. А. II, № 168).

Переходя теперь къ вопросу о томъ, кому принадлежит занимающее насъ постановленіе, мы должны прежде всего замѣтить, что оно не можетъ принадлежать обществу пирэйскихъ оргеоновъ, потому что въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ его законовъ прямо сказано, что общія собранія членовъ общества имѣютъ быть созываемы 2-го числа каждаго мѣсяца ¹⁾, вслѣдствіе чего въ декретахъ оргеоновъ число

¹⁾ С. I. А. II, 610, стр. 16 и сл. 'Αγο(ράν δι κ)αί (ε)ύ(λλ)ογ(ον) ποιῖν τοῦς № 1.

не обозначается, а пишется прямо: „при такомъ-то архонтѣ, въ ординарномъ собраніи такого-то мѣсяца, предложилъ такой-то“. Точно также форма заголовка не позволяетъ считать нашъ документъ постановленіемъ одной изъ 10 филъ. Въ декретахъ филъ обыкновенно пишется: „такая-то фила постановила, такой-то предложилъ“, при чемъ имя автора ставится или одно, или съ отчествомъ и названіемъ дема, но вѣтъ примѣра, крайнейшей мѣрѣ въ декретахъ, помѣщенныхъ въ С. I. A. т. II, чтобы было постановлено имя и отчество безъ названія дема, какъ въ нашей надписи. Имя архонта ставится не всегда, равно какъ и точное обозначеніе времени. Изъ семи декретовъ филъ съ болѣе или менѣе полными заголовками, помѣщенныхъ во 2 томѣ С. I. A. (№№ 553, 554, 555, 557, 562 и Add. 554 b., 567 b.), только въ двухъ есть имя архонта (№ 555, постановленіе въ честь Сосибія и Пирра, и Add. № 554 b.; мѣсяць и число не обозначены и здѣсь). Надпись № 567, заголовокъ которой очень сходенъ съ praescripta нашего документа ¹⁾, можно и не принимать въ разчетъ, такъ какъ относительно ея неизвѣстно съ достовѣрностью, содержитъ ли она въ себѣ постановленіе всего народа аѣинскаго, или одной филы (Ранганисъ, Ant. Hell. № 2293, считаетъ ее постановленіемъ народа, Келеръ—декретомъ филы). Прибавимъ еще, что всѣ до сихъ поръ извѣстные декреты филъ найдены въ самихъ Аѣинахъ, болѣею частію на акрополѣ, а нашъ документъ происходитъ изъ Пирра. Изъ упомянутой уже надписи С. I. A. II, 555 извѣстно, что фила Кекронида имѣла собраніе на акрополѣ; и относительно другихъ филъ можно съ вѣроятностью предполагать, что ихъ собранія происходили въ самомъ городѣ Аѣинахъ, куда легче и удобнѣе было собираться членамъ различныхъ демовъ одной филы (иногда разбросанныхъ по всей Аттикѣ), нежели въ какойнибудь маленькій городокъ или деревню.

Praescripta постановленій демовъ отличаются краткостью: въ нихъ обыкновенно пишется только: „такой-то (иногда съ прибавленіемъ отчества или названія дема) предложилъ“ или „демоты постановили, такой-то предложилъ“ Изъ 11 извѣстныхъ мнѣ декретовъ демовъ ²⁾,

ἐπιμελητὰς καὶ τοὺς ἱεροποιοὺς ἐν τῷ ἱερ(ῶ) περὶ τῶν κοινῶν τῇ δευτέρῃ ἰσταμένου τοῦ μηνὸς ἐκάστου.

¹⁾ (Θ)εο ἰ). *Ἐπὶ Ἰσαίου. Ἐλαφροβλιῶνος πέμπτει ἰσταμένου. Νικοκράτης Ἀρχυμάχου Φηγ ἐὸ(ς) εἶπεν κτλ.

²⁾ С. I. A. II, №№ 570, 572, 579—582, 584, 585, 589; Mittheil. d. Deutsch. Arch. Inst. IV (1879), p. 194; Ἀθῆν. VIII, 234.

отъ времени арх. Евклида до Августа, съ сохранившимися заголовками, только въ одномъ поставлено имя архонта ¹⁾, тогда какъ въ заголовкахъ постановленій религіозныхъ обществъ, которые вообще отличаются большею подробностью, имя архонта ставится почти всегда; можно привести нѣсколько декретовъ, *ργαστήρια* которыхъ очень сходны съ заголовкомъ нашего документа ²⁾. — Единственный признакъ, который можно было бы представить, пожалуй, въ доказательство того, что нашъ декретъ принадлежитъ какому нибудь дему, это отсутствіе формулы *ἔδοξε* или *δέδοχθαι* (*ἐψηφίσθαι*) съ дат. пад. и съ прибавленіемъ *ἀγαθῆι τύχηι*, или безъ него, отсутствіе, которое встрѣчается нерѣдко въ декретахъ филъ или демовъ, но не замѣчено мною въ извѣстныхъ мнѣ постановленіяхъ религіозныхъ обществъ; но 1) и въ декретахъ демовъ этотъ признакъ совершенно случайный (изъ 9 болѣе или менѣе полныхъ почетныхъ постановленій, находящихся во 2 т. С. I. А., указанной формулы нѣтъ въ двухъ), 2) и декреты религіозныхъ обществъ не всѣ составлены по одному шаблону, такъ что это отсутствіе весьма легко извинить. Отсутствіе же имени дема или народа при имени и отчествіи автора предложенія указываетъ только, что онъ былъ по всей вѣроятности не гражданинъ афинскій и не иностранецъ, временно проживавшій въ Атикѣ (въ этомъ послѣднемъ случаѣ было бы поставлено имя народа), а метойкъ ³⁾.

Кромѣ формы заголовка въ нашемъ документѣ есть нѣсколько другихъ признаковъ, которые заставляютъ считать его скорѣе постановленіемъ религіознаго общества, нежели дема. Такъ въ стр. 5 упоминается *ἐπιμελητής* очевидно какъ особое должностное лицо, на подмогу которому при завѣдываніи пристройкою къ храму Аммона былъ

¹⁾ С. I. А. № 585: 'Επί Θεοφράστου ἀρχοντος ἐν ταῖ ἀγοραῖι ταῖ κυρίαι ἔδοξαν Αἰξωνεύειν Γλαυκίδης Σωσίππου Αἰξωνεύς εἶπεν κτλ.

²⁾ С. I. А. № 611: ἐπὶ Ἡγεμάχου ἀρχοντος: μνηὸς Πυανοψιδῶνος πέμπται ἰσταμένου ἀγορὰ κυρία τῶν θιασῶτων. ἔδοξε ἐν τοῖς θιασώταις Κλέων Λεωκράτου Σαλαμίνιος εἶπεν κтл. — Ibid. № 620: 'Ε(πὶ) Λυ(σ)ιθείδου ἀρ(χ)οντος. Σκίροφορι(ῶ)νο(ς) δευτέραι, ἀγορὰι κυρίαι (по доп. Фукара)...) εἶπεν κтл. — 'Αθήν. VIII, 235: 'Αγα(θῆι) τύχηι. 'Επὶ Αἰομέδοντος: ἀρχοντος, Σκίροφοριῶνος ἀγαθαῖ κυρίαι, Διονύσιος Τ(ενέδ?)ιος εἶπεν κтл. — С. I. G. № 2271: 'Επὶ Φαιδρίου ἀρχοντος, 'Ελαφρολιῶνος ὀγδοεῖ, ἐκκλησία ἐν τῇ ἱερῇ τοῦ 'Απόλλωνος, Διονύσιος Διονυσίου ἀρχιδιασίτης εἶπεν κтл. Послѣдняя надпись — делосская, но съ именемъ афинскаго архонта.

³⁾ Ср. Foucart, *Des assoc. relig.* p. 7 et sv. и его же изданіе 3-хъ постановленій еиасотовъ въ честь Стевана, с. Милоера, въ *Bull. de Corresp. Hellén.* 1879 p. 510.

выбраны нѣскольکو другихъ лицъ ¹⁾. Изъ сохранившихся документовъ религіозныхъ обществъ извѣстно съ достовѣрностію, что въ числѣ избравшихся ими должностныхъ лицъ были ἐπιμεληταί, которые упоминаются то въ единственномъ числѣ, то во множественномъ, и должностныя функціи которыхъ были различны въ различныхъ обществахъ. Такъ въ первомъ изъ 3—хъ постановленій еіасотовъ Афродиты въ честь Стефана сына Милоора ему назначается масличный вѣнокъ и небольшая сумма денегъ въ награду именно за то, что онъ хорошо исполнялъ должность τοῦ ἐπιμελητοῦ и устроилъ процессію въ праздникъ Адониса (въ голъ арх. Никокла, 302—1 до Р. Х.—Кромѣ Фукара эти 3 постановленія издадъ пр. Куманудисъ въ Αθήν т. VIII, стр. 296. Ср. другой почетный декретъ рел. общества, изд. въ Αθήν VIII, 138=Mitth. d. Deutsch. Inst. 1879, 266). Между тѣмъ въ демахъ, на сколько мнѣ извѣстно, не было постоянныхъ должностныхъ лицъ съ именемъ ἐπιμελητής; если и встрѣчается въ документахъ демовъ глаголъ ἐπιμελεῖσθαι, то всегда для обозначенія временныхъ, частныхъ порученій, которыя община возлагала на того или другаго изъ своихъ членовъ ²⁾, между тѣмъ какъ въ нашемъ документѣ существительное ἐπιμελητής заставляетъ скорѣе думать о постоянной должности.—Затѣмъ въ декретахъ демовъ не встрѣчается выраженіе κατὰ τὸν νόμον относительно присужденія награды тому или другому лицу, что совершенно понятно, потому что демы не имѣли своихъ особыхъ, частныхъ законовъ: они управлялись по обще-государственнымъ законамъ Солоновскимъ и позднѣйшимъ. Религіозныя же общества управлялись, каждое, своими особыми законами, установленными основателемъ общества; и любили въ своихъ постановленіяхъ выставлять на видъ то, что они дѣйствуютъ на законномъ основаніи (дополненіе κατὰ τὸν νόμον] въ нашей надписи мнѣ кажется несомнѣннымъ).—Кромѣ того очень мало вѣроятно, чтобы та или другая политическая община аѣинскаго народа (фила или демъ) ввела у себя независимо отъ государства культъ двухъ не аттическихъ божествъ, Аммона и Амфіараа.—Если ко всему сказанному прибавимъ еще, что интересующій насъ документъ происходитъ изъ Пирѣя, гдѣ группировалось

¹⁾ Собств. имя эпимелета въ стр. 6 изобразить невозможно. Возстановленіе, предложенное мною выше, въ транскрипціи текста,—лишь примѣрное.

²⁾ Напр. С. I. A. II, 588: (Ἐπειδὴ ὁ δεῖνα—τῶν ἰερῶν κα(ι— —) τῆς οἰκοδομ(ίας, — —) ἰρουμένων τῶν δημο(τῶν— —) καὶ τῶν κοινῶν τοῖς δημο(σταῖς ἐπιμ)εμελεῖται καὶ ἐπιμελεῖται ὑπέ(ρ ὧν) ἂν αὐτὸν οἱ ἑημόται αἰρῶνται κτλ.—Ibid. № 583: καλῶς καὶ φιλοσίμῳς συνεπ(εμελεῖθησαν τ)ῆς κομιδῆς.)

большинство аттическихъ религіозныхъ обществъ, то этимъ будутъ исчерпаны всѣ мелкіе признаки, которые, будучи взяты вмѣстѣ, достаточно, по моему мнѣнію, говорятъ въ пользу того, что нашъ декретъ принадлежитъ какому нибудь еіасу (или ерану), а не одной изъ политическихъ общинъ, на которыя подраздѣлялся аѣинскій народъ.

Мнѣ возражать, быть можетъ: если культъ Аммона уже въ IV в. получилъ широкое распространеніе въ Аѣинахъ и сдѣлался государственнымъ, то могло ли въ III в. существовать частное религіозное общество, специально съ цѣлю почитанія этого божества? Развѣ не могли граждане или иностранцы, особенно уважавшіе Ливійскаго бога, участвовать въ общегосударственномъ культѣ и приносить жертвы на томъ же алтарѣ, на которомъ приносилъ ихъ жрецъ отъ лица государства, вмѣсто того, чтобы строить особый храмъ? На эти вопросы можно дать отвѣты по аналогіи съ тѣмъ, что мы знаемъ относительно культовъ другихъ иноземныхъ божествъ. Извѣстно, напримеръ, что культъ фригійской Кибелы (матери боговъ) рано уже (около 430 г. Foucart, *Des ass. relig.* p. 64) сдѣлался государственнымъ культомъ въ Аѣинахъ, что ей былъ воздвигнутъ богатый храмъ (Μ., ἱερόν) и статуя; а между тѣмъ, какъ извѣстно изъ документовъ, въ Пирѣѣ существовало особое общество оргеоновъ съ цѣлю почитанія этой богини, которое имѣло свой особый храмъ¹⁾, свои законы, священныя книги, богослуженія, собранія, должностныхъ лицъ и пр., и продолжало существовать нѣсколько столѣтій. Знаемъ мы также о существованіи еіаса Афродиты Небесной, Зевса Лабравидскаго и др. въ Пирѣѣ, Геракла Тирскаго на Делосѣ и др. Но дѣло въ томъ, что эти божества, кромѣ имени, не имѣли ничего общаго съ древне-эллинскими божествами: въ Афродитѣ Небесной Сирійцы и Финикіане узнавали Астарту, въ Гераклѣ Тирскомъ—Мелькарта, Зевсъ Лабравидскій былъ національнымъ божествомъ въ Каріи. Ихъ культъ въ религіозныхъ божествахъ носилъ совершенно такой же характеръ, какъ въ странахъ Востока; и оргеоны и еіасоты удерживали всѣ тѣ легенды, символы, церемоніи и таинственныя служенія, которыя существовали, такъ сказать, на родинѣ почитаемыхъ ими божествъ. Между тѣмъ, проникая въ греческое общество, дѣлаясь богами государства, эти же

¹⁾ Остатки его были открыты въ 1855 г. при раскопкахъ полковникомъ de Vassoigne. Объ обществѣ оргеоновъ и другихъ религіозныхъ обществъ въ македонскую эпоху см. подробности въ книгѣ г. Фукара, гл. XI.

божества испытали глубокія перемѣны въ своемъ характерѣ и культѣ, они, такъ сказать, эллинизировались (Fouss., p. 55). Государство отвергало всѣ тѣ легенды и служенія, которые ему не нравились или были противны духу греческой религiи.—Мы имѣемъ, слѣдовательно, полное основанiе предполагать, что и послѣ принятiя культа Аммона государствомъ, могло составиться частное общество для почитанiя этого божества и удержать неизмѣнными всѣ тѣ обряды, которыми сопровождалось служенiе Аммону въ Египтѣ и Ливii.

Разсмотримъ теперь нѣкоторыя частности нашего документа. Въ заголовкѣ его число мѣсяца обозначено выраженiемъ $\theta\upsilon\delta\acute{o}\tau\eta \mu\epsilon\tau' \epsilon\iota\chi\acute{\alpha}\delta\alpha\varsigma$, которое, какъ уже замѣчено выше, стало появляться въ надписяхъ не ранѣ послѣдней четверти IV в. взаимъ употреблявшася прежде выраженiя „въ такой-то день кончающагося“ (напримѣръ, С. I. A. II, 180: $\text{Μαμαχτηριῶνος τετρ}[\acute{\alpha}\delta\iota \varphi\theta\iota\{\nu\omicron\tau\omicron\varsigma\}$ для обозначенiя послѣднихъ чиселъ мѣсяца послѣ 20-го, при чемъ въ этой послѣдней формулѣ счетъ дней велся не отъ 20-го, а отъ послѣдняго дня мѣсяца, такъ что $\text{τετρ}\acute{\alpha}\varsigma \varphi\theta\iota\{\nu\omicron\tau\omicron\varsigma\}$, напримѣръ, обозначало 4-й день отъ конца мѣсяца, слѣдовательно, если въ мѣсяцѣ было 30 дней, то 27-й отъ начала его. Относительно же выраженiя сложнаго съ $\mu\epsilon\tau' \epsilon\iota\chi\acute{\alpha}\delta\alpha\varsigma$ до послѣдняго времени господствовало мнѣнiе, что въ немъ дни считались съ 20-го числа ($\epsilon\iota\chi\acute{\alpha}\delta\epsilon\varsigma$), такъ что, слѣдовательно, $\theta\upsilon\delta\acute{o}\tau\eta \mu\epsilon\tau' \epsilon\iota\chi\acute{\alpha}\delta\alpha\varsigma$ нашего документа обозначало бы 28-е число. Недавно это мнѣнiе встрѣтило противника въ лицѣ нѣмецкаго ученаго Узенера, который въ статьѣ своей „Chronologische Beiträge“ ¹⁾, на основанiи нѣсколькихъ эпиграфическихъ памятниковъ, доказываетъ, что и въ новой формулѣ дни считались по старому, то-есть съ конца мѣсяца, такъ что въ полныхъ мѣсяцахъ $\theta\upsilon\delta\acute{o}\tau\eta \mu\epsilon\tau' \epsilon\iota\chi\acute{\alpha}\delta\alpha\varsigma$ обозначало, по нашему счету, 23-е число. Въ нашей надписи, мнѣ кажется, можно видѣть новое доказательство справедливости мнѣнiя г. Узенера именно потому, что на 28-е число мѣсяца Гекатомбэона приходится первый день праздника Панаэенэй (A. Mommsen, Neortologie, p. 129 sq.). Едва ли въ первый день торжественнаго праздника богини-покровительницы Аттики, который справлялся съ такимъ великолѣпiемъ и пышностью, члепы еiаса Аммона (между которыми нагѣрное были и аэинскiе граждане) рѣшились бы пожертвовать участiемъ въ торжествахъ для того, чтобы толковать въ собранiи о дѣлахъ общества. Относительно собранiй народа аэинскаго Моммзеномъ доказано (Neort. p. 93)

¹⁾ Rheinisch. Mus. t. XXXIV, p. 388.

на основаніи документовъ, что таковыя не происходили въ праздничные дни; то же самое можно предполагать и относительно собраній отдѣльныхъ обществъ. Сохранилось, къ сожалѣнію, только 2 аттическихъ декрета оіасотовъ (С. I. А. II, 611 и 620, см. выше) съ точнымъ обозначеніемъ времени, но въ обоихъ депъ собранія былъ не праздничный (5-е число Піанопсіона и 2-е Скирофоріона).

Новое подтвержденіе мѣсяца г. Узенера можно видѣть въ обломкѣ постановленія совѣта, изданномъ профессоромъ Куманудисомъ въ послѣдней книжкѣ журнала 'Αθήναιον (т. 9, вып. 3-й, стр. 234). Въ заголовкѣ этого документа сказано (ἐπι.... ἀρχοντος, ἐπὶ τῆς Διαντίθου δωδεκάτης προταθείας, ἤτι (...)) ἐνόμος Ἐπικηφίσιος ἐγραμμάτευεν' βουλῆς ψηφίσματα [Σκίροφοριῶν]ος οὕδου μετ' εἰκάδας, τρίται καὶ εἰκοστῇ τῆς προταθείας κτλ.—Документъ относится, очевидно, ко времени существованія 12 фплъ (по всей вѣроятности къ 1-й половинѣ III вѣка), когда пританія каждой филы продолжалась приблизительно по мѣсяцу, такъ что въ обыкновенные (не intercalares) годы дни мѣсяцевъ очень часто совпадали со днями пританій (ср. С. I. А. II. №№ 263, 270, 297, 308, 312, 319, 332 и др.). Если принять, что новый документъ былъ изданъ въ обыкновенный годъ, то οὕδου μετ' εἰκάδας должно обозначать 23-е число мѣсяца.

Слово προσκοδορία въ стр. 6, указываетъ, что храмъ Аммона существовалъ уже раньше года арх. Антипатра и что въ этомъ году (или вѣрнѣе, въ предыдущемъ, такъ какъ собраніе было въ первомъ мѣсяцѣ года) къ нему была сдѣлана только какая-то пристройка, для завѣдыванія которою на подмогу эпимелету были выбраны нѣсколько лицъ (сколько именно, въ надписи не сказано) подъ названіемъ ἐπιστάται, о которомъ заставляетъ предполагать гл. ἐπεστάτησαν въ стр. 8-й. Извѣстно, что въ аѢинскомъ государствѣ названіе ἐπιστάται было прилагательно къ различнымъ должностнымъ лицамъ; между прочимъ, такъ назывались лица, завѣдывавшія различными общественными постройками (общее названіе ихъ было τῶν δημοσίων ἔργων, частное образовывалось прибавленіемъ къ слову ἐπιστάται названія постройки въ род. пад., напримѣръ, ἐπιστάται Προπυλαίων, τοῦ ἀγάλματος и т. п.), а также лица, въ рукахъ которыхъ находилось завѣдываніе храмами и ихъ имуществомъ. Религіозныя общества вообще пользовались для своихъ должностныхъ лицъ тѣми же названіями, которыя носили чиновники аѢинскаго государства (въ документахъ встрѣчаются ἐπιμεληταί, ἱεροποιοί, ταμίαι, σύνδικοι, γραμματεῖς и др.) и потому можно предположить, что въ нихъ были и свои ἐπιστάται, хотя въ сохранив-

шихся документахъ аттическихъ обществъ это названіе, сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается ¹⁾). Выбраннымъ лицамъ были ввѣрены и денежныя суммы, въ употребленіи которыхъ они отдавали отчетъ по окончаніи всей работы.

Въ стр. 12—14 опредѣляется, что провозглашеніе о награжденіи τῶν προσαρθεύτωνъ должно быть сдѣлано въ праздникъ Амфіарая послѣ жертвоприношеній. Вообще подобныя опредѣленія о времени провозглашенія награды встрѣчаются далеко не всегда въ декретахъ религиозныхъ обществъ; въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ такое опредѣленіе находится, чаще всего говорится, что провозглашеніе о награжденіи вѣнкомъ такого-то лица или самое увѣнчаніе должно быть совершаемо ежегодно при всякомъ жертвоприношеніи ²⁾); очень рѣдко встрѣчается названіе одного праздника, подобно тому какъ въ нашемъ документѣ (напрямѣрь, въ Кеосской надписи Сараниастовъ, помѣщенной въ книгѣ Фукара подъ № 42: ἀνακηρύξει τὸν στέφανον τοῖς Εἰσιθείοις. Въ недавно найденномъ декретѣ оргеоновъ въ честь Хэрея Аэмонейца, изд. въ 'Αθήν. VIII, 294 опредѣленіе времени провозглашенія выражено слѣдующимъ образомъ (стр. 23 и сл.)... ἀρραφανῶσαι αὐτὸν θαλλοῦ στέφανωσι ἀρετῆς ἔνεκεν καὶ εὐσεβείας εἰς τε τὰς θεὰς καὶ τοὺς ὀργεῶνας καὶ ἀναγορεύειν τὸν στέφανον τῆι (θ)οσίαι τοῦ Μουσικῶνος, ὅταν καὶ τὰς ἱερείας...; здѣсь форма inf. праес. ἀναγορεύειν заставляетъ думать, что провозглашеніе должно было дѣлаться одинъ разъ ежегодно, а не всего только одинъ разъ, хотя и не прибавлено какъ ἐκαστόν). Въ нѣсколькихъ декретахъ названы при этомъ и должностныя лица, которымъ поручается дѣлать провозглашеніе: ἱεροποιοί (въ постановленіи θιαсотовъ С. I. A. II, № 611 и Сараниастовъ ibid. № 617), ἱερεύς (пост. θιαс. ibid. № 614), ἐπιμεληταί (2 пост. оргеоновъ, ibid. №№ 622 и 623). Упомянутіе о праздникѣ Амфіарая въ нашемъ документѣ наводитъ на нѣсколько интересныхъ вопросовъ, которые однако не могутъ быть окончательно рѣшены за недостаткомъ данныхъ. Главнымъ мѣстомъ культа этого героя былъ, какъ извѣстно, г. Ортъ, неподалеку отъ котораго въ прекрасной мѣстности, называемой нынѣ Мавродилиси ³⁾, находился славный храмъ съ прорицалищемъ и совершались торжественныя игры въ праздникъ

¹⁾ 'Επιστάτης τοῦ κοινοῦ упоминается въ большой Родосской надписи Галиастовъ и Галиадовъ (Foucart. № 46=C. I. Gr. № 2525 b.).

²⁾ С. I. A. II, №№ 611, 614, 617, 619, 621, 622, 623; С. I. Gr. № 2271.

³⁾ Rang. Ant. Hell. II, p. 257; ср. ст. «Borne sacrée du sanctuaire d'Amphiaraios» par P. Girard въ Bull. de corresp. Hell. 1879, p. 427.

героя-цѣлителя. Но и Аеидамъ не былъ чуждъ культъ Амфіарая, какъ можно судить по двумъ отрывочнымъ показаніямъ: именно Павсаній въ своемъ описаніи Аеинъ упоминаетъ, что статуя Амфіарая находилась въ городѣ близъ статуй эпонимовъ фалъ ¹⁾; въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ законовъ Ликурга, относящихся къ священнымъ дѣламъ, есть упоминаніе и объ Амфіараѣ (рядомъ съ Асклепіемъ, по 'всей вѣроятности, потому, что Амфіарай также считался цѣлителемъ въ болѣзняхъ) въ числѣ прочихъ боговъ ²⁾, хотя, къ сожалѣнію, контекстъ рѣчи въ этомъ мѣстѣ не можетъ быть восстановленъ, такъ что нельзя рѣшить, существовалъ ли въ Аеинахъ храмъ Амфіарая и праздникъ его, или только статуя. Религіозное общество, которому, по моему мнѣнію, принадлежитъ декретъ, могло ввести у себя культъ Амфіарая рядомъ съ культомъ Аммона уже потому, что оба божества имѣли пророческій характеръ ³⁾, хотя болѣе тѣсное отношеніе между египетскимъ богомъ и древне-эллинскимъ героемъ едва ли существовало. Что касается собственно причины отнесенія провозглашенія о наградѣ на праздникъ Амфіарая, то ее проще всего объяснить тѣмъ, что этотъ праздникъ былъ ближайшей послѣ собранія. Какъ уже замѣчено въ началѣ статьи, общественное жертвоприношеніе Аммону въ Аеинахъ совершалось въ промежутокъ времени между 16 и 28 числами Гекатомбэона; день же собранія отмѣченъ выраженіемъ οὐδὲν μετ' εἰκάδας, то-есть по вышесказанному 23-мъ числомъ. Принимая (что вполне вѣроятно), что религіозное общество справляло праздникъ Аммона въ одинъ день съ государствомъ, мы должны признать, что собраніе 23-го числа было уже послѣ этого праздника, потому что въ противномъ случаѣ провозглашеніе было бы отнесено, по всей вѣроятности, на день праздника Аммона. Очень можетъ быть, что члены общества, собравшись на праздникъ Аммона, произвели осмотръ всей пристройки къ храму и затѣмъ въ собраніи, по предложенію Аристодема, постановили наградить завѣдывавшихъ ею лицъ за рачительное и „достоинное боже-

¹⁾ I, 8, 3: Μετὰ δὲ τὰς εἰκόνας τῶν ἐπωνύμων ἱστὶν ἀγάλματα θεῶν, Ἀμφίραος καὶ Εἰρήνης φερούσα Πλοῦτον καὶδα. Келлеръ при изданіи упоминаемыхъ ниже отрывковъ закона Ликурга (Негмес I, 312) замѣчаетъ по поводу этого мѣста Павсанія, что Павсаній многократно называетъ только ἀγάλματα тамъ, гдѣ нужно признать святилища или по крайней мѣрѣ алтари.

²⁾ С. I. А. II. № 162 р. 67 fragm. e. n. p. 411 fragm. e. v. 21: — — οὐκ καὶ τῶν Ἀμφίραϊ καὶ τῶν Ἀσκληπιδῶν(ι)εχ — — —

³⁾ Это замѣчаніе высказано мнѣ лично пр. Куманудисомъ.

ства⁴ исполненіе ея¹⁾. На основаніи соображеній, высказанныхъ сейчасъ и выше по поводу выраженія $\delta\upsilon\delta\omicron\eta \mu\epsilon\tau' \epsilon\iota\chi\acute{\alpha}\delta\alpha\varsigma$, время праздника (или жертвоприношенія) Аммона въ аттическомъ календарѣ можно опредѣлить на 5 дней точнѣе, нежели то позволяла надпись С. I. Gr. № 157, именно поставить его между 16 и 23 числами Гекатомбѡна.

Возстановленіе строки 14-й представляетъ большія трудности. Повидимому въ ней сохранилось окончаніе имени собственнаго въ винит. п. (впрочемъ буквы $\omicron\upsilon$, находящіяся въ спискѣ г. Кумавудиса, теперь совершенно не видны), затѣмъ членъ $\tau\omicron\nu$ и еще одна буква, очень не ясная (трудно опредѣлить, было-ли это ϵ или \omicron , но скорѣе послѣдняя), которою можетъ быть начинается названіе какой нибудь должности. На основаніи сохранившейся части строки 15-й и ея дополненій, которыя я считаю несомнѣнными, можно сдѣлать относительно 14-й строки два слѣдующія предположенія: 1) послѣ дополняемаго мною слова $\theta\upsilon\sigma\iota\alpha\varsigma$ въ началѣ строки могла начинаться формула втораго почетнаго постановленія въ честь какого нибудь лица, прикосновеннаго къ пристройкѣ (едва-ли въ честь упоминаемаго выше эпимелета, такъ какъ а) сохранившіяся, хотя не ясно, очертанія буквъ собств. имени въ стр. 6 и въ стр. 14 не похожи одни на другія; б) мало вѣроятно, чтобы постановленіе въ честь его было поставлено послѣ декрета въ честь лицъ, игравшихъ роль его помощниковъ при постройкѣ,—скорѣе можно бы ожидать наоборотъ, или, по крайней мѣрѣ, въ одномъ и томъ же постановленіи; в) какъ недавно замѣчено, послѣдняя изъ сохранившихся буквъ въ стр. 14 скорѣе похожа на \omicron , нежели на ϵ . Такія вторыя постановленія въ сохранившихся документахъ начинаются всегда одною и тою же формулою: $\epsilon\pi\alpha\iota\nu\epsilon\sigma\alpha\iota \delta\epsilon \kappa\alpha\iota \tau\omicron\nu \delta\epsilon\iota\nu\alpha \acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\eta\varsigma$ ($\epsilon\upsilon\zeta\epsilon\beta\epsilon\iota\alpha\varsigma$, $\phi\iota\lambda\omicron\tau\omicron\upsilon\mu\iota\alpha\varsigma$ и т. п.) $\epsilon\upsilon\chi\epsilon\alpha$ и т. д.; но въ стр. 14 между предполагаемымъ словомъ $\theta\upsilon\sigma\iota\alpha\varsigma$ и сохранившимися буквами имени собственнаго рѣшительно нѣтъ мѣста для вставки $\epsilon\pi\alpha\iota\nu\epsilon\sigma\alpha\iota \delta\epsilon \kappa\alpha\iota$, такъ что остается развѣ принять, что обычная формула, можетъ быть просто по ошибкѣ рѣзчика²⁾, была из-

¹⁾ Кстати замѣчу, что, признавая нашъ декретъ принадлежащимъ религиозному обществу, я замѣнилъ словомъ $[\theta\epsilon]\nu$ (въ стр. 8), какъ болѣе подходящимъ по смыслу и по количеству буквъ, предложенное г. Кумавудисомъ дополненіе ($\delta\eta\mu\omicron\upsilon$), совершенно неумѣстное въ постановленіи частной ассоціаци.

²⁾ Что ошибки, принадлежащія рѣзчикамъ или редакторамъ документовъ, встрѣчаются, нерѣдко, это извѣстно всякому занимающемуся эпиграфикою. Въ видѣ примѣра можно указать на пропускъ словъ $\tau\eta\nu \chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ въ декретѣ $\epsilon\iota\alpha\varsigma\omicron\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$, помѣщ. въ 'Αθήν. VIII, 233.

мѣнена и послѣ *θυσίας* было поставлено только *καί*, а глаголь *ἐπαίνεσαι* былъ поставленъ въ концѣ 16-й строки послѣ слова *θιασώτας* предложеннаго мною выше въ транскрипціи текста.

2) Можно было бы предположить, что винит. пад. имени собственнаго въ стр. 14-й есть *accus. subiecti* въ оборотѣ *accus. cum infin.* (зависящемъ отъ *εἶπεν* въ стр. 4) при сказуемомъ *ἀναγορεύσαι* или, иначе говоря, что въ стр. 14 названо должностное лицо, которому было поручено сдѣлать провозглашеніе о награжденіи лицъ, завѣдывавшихъ пристройкою къ храму Аммона, а далѣе, въ стр. 15 и 16, были поставлены обычныя стереотипныя выраженія для обозначенія причины награжденія этихъ лицъ, которымъ общества поручали дѣлать провозглашеніе о наградахъ: точно также можно привести примѣры документовъ, въ которыхъ формулы выраженія причины награды (*ἀρετῆς* или *φιλοτιμίας*, *εὐσεβείας*, *δικαιοσύνης* *ἕνεκα*) поставлены далеко отъ словъ *ἐπαίνεσαι καὶ στεφανῶσαι* или повторены послѣ словъ *ἀνεπέιν* (или *ἀναγορεύσαι* п т. п. *τὸν στέφανον* ¹⁾). Но этимъ предположеніемъ также не разрѣшаются всѣ затрудненія: а) въ такомъ случаѣ остается не занятымъ мѣсто нѣсколькихъ буквъ въ стр. 14 между сл. *θυσίας* и им. собственнымъ или въ началѣ строки передъ словомъ *θυσίας*; б) нѣтъ примѣра въ извѣстныхъ мнѣ документахъ, гдѣ бы при названіи должностныхъ лицъ, которымъ поручается сдѣлать провозглашеніе о наградѣ, были поставлены собственныя имена; в) синтаксическій строй фразы если объяснять ее такимъ образомъ, придется признать весьма неудачнымъ и запутаннымъ.—Такимъ образомъ вопросъ о наиболѣе правдоподобномъ возстановленіи 14-й строки приходится оставить открытымъ.

Резюмируя, въ заключеніе, тѣ свѣдѣнія относительно культа Аммона въ Аѣинахъ, которыя мы получаемъ или непосредственно изъ документовъ, или на основаніи вытекающихъ изъ нихъ соображеній, мы можемъ сказать, что культъ Египетскаго божества уже за нѣсколько лѣтъ до похода Александра Великаго къ его оракулу былъ

¹⁾ С. I. A. № 614, стр. 8 и сл.: 'Αγαθεὶ (τ)ύχει δεδόχθαι τοῖς θιασώταις ἐπαί(ν)έσαι Σωτήριον Τροζήνων εὐνοίας (ἔ)νεκα καὶ φιλοτιμίας τῆς εἰς τοὺς θι(α)σώτας καὶ στεφανῶσαι αὐτὸν θαλλοῦ (σ)τεφάνῳ, καὶ τὸν ἱερέα τὸν αἰὶ λαχόν(τ)α καὶ ὄντα, ὅταν θύσωσιν οἱ θιασώται(ι) καὶ σπονδᾶς ποιήσωσιν, στεφανούτω (δ) ἱερεὺς Σωτήριον θαλλοῦ στεφάνῳ καὶ ἀνεπάτω φιλοτιμίας ἕνεκα τῆς ε(ί)ς τοὺς θιασώτας, κτλ. С. I. G. № 2271, стр. 36 и сл.: . ἐπαίνεσαι Πάτρονα Δωροθέου καὶ στεφανῶσαι αὐτὸν κατ' ἐνιαυτὸν χρυσοῖι στεφάνῳ ἐν ταῖς συντελουμέναις θυσίαις τῶι Ποσειδῶνι ἀρετῆς ἕνεκα καὶ καλοκάγαθίας, κтл.

признавъ государственнымъ и для служенія ему былъ назначенъ особый жрецъ, который въ приведенномъ выше почетномъ постановленіи, относимомъ мною приблизительно къ году арх. Евзета (335—4 до Р. Х.), получилъ похвалу и награду на ряду съ жрецами наиболѣе уважаемыхъ древне-эллинскихъ божествъ; жертвоприношеніе (или праздникъ, какъ говоритъ Гесихій) Аммону совершалось въ Гекатомбеонѣ, первомъ мѣсяцѣ аттического года, въ промежутокъ между 16 и 23 числами его, причемъ стратеги завѣдывали матеріальною стороною жертвоприношенія. Независимо отъ государственнаго культа, въ III в. существовало въ Пирѣѣ частное религіозное общество, вѣроятно подъ названіемъ *ἱεῖος*, которое почитало Аммона и рядомъ съ нимъ другія божества съ пророческимъ характеромъ, наприимѣръ Амфіарая. Общество была устроено по образцу другихъ религіозныхъ ассоціацій, имѣло свои законы, своихъ должностныхъ лицъ (въ томъ числѣ эпимелета), собранія, которымъ принадлежало высшее завѣдываніе дѣлами общества, и свой храмъ Аммона, къ которому въ годъ, предшествовавшій году арх. Антипатра, была сдѣлана какая-то пристройка подъ надзоромъ эпимелета и нѣсколькихъ лицъ, выбранныхъ ему на подмогу. Доступъ въ общество былъ открытъ не только гражданамъ, но и метойкамъ, а также, вѣроятно, иностранцамъ и рабамъ, какъ можно думать по аналогіи съ тѣмъ, что мы знаемъ о другихъ религіозныхъ ассоціаціяхъ. Такимъ образомъ недавно найденный документъ года арх. Антипатра прибавляетъ новую страницу къ исторіи религіознаго состоянія Элады въ эпоху владычества Македоніи.

В. Латышевъ.

ВОЗРАЖЕНІЕ Г. ВЕЙСМАНУ.

(По поводу статьи г. Вейсмана о 3-мъ выпускѣ Одиссеи, въ Журн. Мин. Нар. Просв., октябрь 1880 года, стр. 432—440).

Отъ общаго мыслей между авторомъ книги и ея рецензентомъ часто выигрываетъ самый предметъ обсужденія: авторъ или возражаетъ на сдѣланныя ему замѣчанія и приводитъ болѣе полныя и вѣскія доказательства своихъ положеній, или же признаетъ эти замѣчанія справедливыми, объясняя при этомъ, что ввело его въ ошибку. Въ томъ и другомъ случаѣ польза несомнѣнна. Но для этого нужно прежде всего, чтобы рецензентъ сталъ въ правильныя отношенія къ разбираемому имъ труду.

Такъ ли поступилъ г. Вейсманъ въ статьѣ своей, напечатанной въ Журн. Мин. Нар. Просв. (октябрь 1880 г., 432—440)? „Считая излишнимъ распространяться о достоинствахъ комментаріевъ г. Шмида, такъ какъ они достаточно были оцѣнены другими“, онъ обратилъ свое вниманіе всецѣло на указаніе допущенныхъ въ нихъ ошибокъ. Такихъ ошибокъ г. Вейсману угодно видѣть 13. Я рассмотрю только три, и надѣюсь, что читатель, понимающій дѣло, не потребуетъ отъ меня отвѣта на остальные, такъ какъ собственно и одного примѣра достаточно, чтобы оцѣнить замѣчанія г. Вейсмана.

Начнемъ съ мѣста VII, 216. Г. Вейсманъ находитъ, что гораздо

яснѣе было бы сказать: „ἐκί γαστέρι (собств. при желудкѣ), послѣ сравнительной степени (χόντερον) предлогъ ἐκί съ дат. значить: сравнительно съ чѣмъ-либо“. Вотъ новое учение: „ἐκί съ дат. значить: сравнительно съ чѣмъ-либо“. Это вѣроятно новость и для самого г. Вейсмана, такъ какъ въ издавномъ имъ же словарѣ о такомъ значеніи предлога ἐκί съ дат. и помина вѣтъ! И въ какую форму облечено это учение: „послѣ сравнительной степени предлогъ ἐκί съ дат. значить: сравнительно съ чѣмъ!“ Будто значеніе какого-либо предлога зависитъ отъ мѣста, занимаемаго имъ въ предложеніи! Притомъ, какъ на зло г. Вейсману, въ томъ же самомъ мѣстѣ, для котораго имъ сочинено новое правило, предлогъ ἐκί стоитъ не послѣ сравнительной степени, а передъ ней: οὐ γάρ τι στουγερῆ ἐκί γαστέρι χόντερον, ἄλλο! ¹⁾).

Второе мѣсто. Къ VIII, 214 οὐ κακός εἶμι, я отмѣтилъ: „такъ называемое litotes, = ἄριστος, какъ ξ 213 οὐδὲ φυγοπόλεμος = весьма μενεπόλεμος.“. Если, несмотря на мое объясненіе параллельнаго мѣста, г. Вейсманъ переводитъ ἄριστος черезъ „лучше всѣхъ“, и говорятъ: „придавать этому выраженію значеніе превосходной степени совершенно неумѣстно“, то, значить, онъ не признаетъ того, въ чемъ никому еще не приходило въ голову сомнѣваться, а именно, что превосходная степень обозначаетъ не только высшую, но и просто высокую степень качества (elativus). Ἄριστος значить не только: лучший изъ всѣхъ, но часто, какъ и здѣсь,—весьма хорошій. Странно также замѣчаніе о риторической фигурѣ litotes, высказанное здѣсь г. Вейсманомъ. „Если я говорю о себѣ—οὐ κακός εἶμι, то я не желаю этимъ сказать, что я лучше всѣхъ, а, напротивъ того, употребляю самое скромное выраженіе о себѣ“. Совершенно понятно. Только между словами Одиссея и г. Вейсмана — существенная разница. Г. Вейсманъ даетъ читателямъ подлинное толкованіе своихъ словъ, онъ заявляетъ передъ всѣми, въ какомъ смыслѣ желаетъ, чтобы его понимали, а πολύτροπος Одиссей, къ сожалѣнію, менѣе откровененъ, да и менѣе скромный, что явствуетъ изъ слѣдующей части его рѣчи: въ 229-мъ

¹⁾ Г. Вейсманъ любитъ, кажется, такого рода правила. Такъ, въ издавномъ имъ словарѣ, при томъ же ἐκί, мы читаемъ: «2) служить для означенія должно-сти, ое. послѣ гл. выбирать, назначать и т. п.», а примѣръ—ἡ ἀρχὴ ἐφ' ἧς ἕρρηται—также показывать, что и это значеніе предлога ἐκί не зависитъ отъ его мѣста послѣ глагола.

стихѣ онъ прямо приписываетъ себѣ превосходство надъ всѣми дру-
гими, говоря *δοῦρι δ' ἄκοντιζω, ἕσων οὐκ ἄλλος τις ἰστέφ*.

Третій примѣръ: въ примѣчаніи къ VIII, 396 *Εὐρύαλος δέ ἐ αὐτόν ἀρροσάσθω* г. Вейсманъ говоритъ: „ἐ αὐτόν можетъ значить только: самого себя, а не его самого“. Совершенно наоборотъ: ἐ (безъ уда-
ренія) αὐτόν никогда не означаетъ „самого себя“, всегда оно зна-
читъ: его самого. Въ мѣстѣ же, приведенномъ г. Вейсманомъ для
подтверженія его мнѣнія, Ил. XIV, 162, вовсе не стоитъ ἐ αὐτήν, но
ἐ αὐτήν, да ипаче и быть не можетъ! Смѣю увѣрить г. Вейсмана,
что онъ найдетъ вѣрное указаніе относительно этого даже въ самомъ
краткомъ изложеніи формъ гомеровскаго языка, на примѣръ у Бам-
берга, *Homericische Formen* (1878), стр. 13. Если же онъ сомнѣвается
въ вѣрности общепринятаго правила, то прошу его перевести по
своему хоть слѣдующее мѣсто Од. IV, 667: *ἀλλά οἱ αὐτῷ Ζεὺς ὀλέσει βίην*.

Отнесся ли г. Вейсманъ, какъ слѣдуетъ, къ моему изданію? Объ
этомъ можно судить по одному приему, употребляемому имъ неодно-
кратно въ своей рецензій.

Онъ выставляетъ мои толкованія въ такомъ видѣ, что они не
могутъ не казаться нелѣпностью. Говоря о моемъ примѣчаніи къ IX, 94,
онъ, прежде всего, приводитъ мои слова въ искаженномъ видѣ. Я
не сказалъ: „φάγοι указываетъ большое число“; но: „ὅς τις—φάγοι ука-
зываетъ на большее число“. Затѣмъ г. Вейсманъ продолжаетъ; „спра-
шивается: большое число чего? Вѣроятно, г. Шмидъ хотѣлъ сказать,
что φάγοι означаетъ: съѣсть что-либо въ большомъ числѣ (?)“. Оче-
видно, по мнѣнію г. Вейсмана, тутъ разомъ двѣ нелѣпности — одна,
будто я думаю, что *ἑδίαν* значитъ: ѣсть, и *φαγεῖν*—съѣсть въ боль-
шомъ числѣ, другая—будто я говорю, что товарищи Одиссея съѣли
траву лотосъ въ большомъ числѣ. Однако, неясное для г. Вейсмана
совершенно ясно всякому, слышавшему кое-что о *optat. iterativus*.
Затѣмъ: о „числѣ чего“ я говорю, это опять, надѣюсь, пойметъ каж-
дый, читавшій мое, почти непосредственно предшествующее, примѣ-
чаніе (къ 89-му стиху): „онъ разсылаетъ развѣдчиковъ, какъ 195
(гдѣ ихъ 12) и какъ 208 (гдѣ ихъ 22)“. И послѣ этого г. Вейсману
остается еще непонятнымъ о „числѣ чего“ говорить мое примѣчаніе
къ 94-му стиху! Конечно, онъ и не догадался, что въ этомъ примѣчаніи
указано на признакъ неподлинности 90-го стиха. Г. Вейсманъ счи-
таетъ „вѣроятнымъ“, что я говорю о числѣ лотоса; въ сущности же

это было бы неменѣе нелѣпо, какъ еслибъ кто-нибудь сказалъ, на примѣръ, что лошадь съѣла большое число сѣна или овса!

Не меньшую нелѣпость заблагоразсудилось г. Вейсману приписать мнѣ по поводу моего примѣчанія къ IX, 99: „ζουά, transtra, лавки, шедшія по бортамъ корабля; на нихъ сидѣли гребцы, опираясь ногами на особыя скамейки" и пр. Г. Вейсманъ заключаетъ изъ этихъ словъ что „если лавки шли по бортамъ, или, что все равно, вдоль бортовъ корабля, то непонятно, какимъ образомъ гребцы, сидя на нихъ, могли грести". Слѣдовательно, г. Вейсманъ, перефразируя мое „по бортамъ" почему-то черезъ „вдоль бортовъ", предполагаетъ, что я представляю себѣ гребцовъ сидящими спиною къ борту, то-есть въ положеніи, въ какомъ немислимо грести. Почему же онъ предполагаетъ это? Развѣ ему неизвѣстно, что по новѣйшимъ изслѣдованіямъ лавки въ военныхъ судахъ гомеровскихъ героевъ не шли „отъ одного борта къ другому", но подобно тому, какъ и въ историческое время (см. Битъ Грековъ и Римлянъ, соч. Велишскаго, перев. подъ ред. Ростовцева, стр. 410), были расположены такъ, какъ это показываетъ рисунокъ, помѣщенный въ Гомеровскомъ словарѣ Вл. Краузе, стр. 152. Г. Вейсманъ могъ еще не знать этого, хотя всякому, занимающемуся толкованіемъ Гомера, должна быть извѣстна книга Ау-тенрита, изъ которой заимствованъ означенный рисунокъ, но если онъ не зналъ, то долженъ былъ бы остережеться приписывать мнѣ нелѣпость.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о переводѣ нѣкоторыхъ словъ въ примѣчаніяхъ. Относительно самого принципа я съ г. Вейсманомъ спорить не буду. Онъ возбраняетъ переводы издателямъ авторовъ безусловно, но на его теоретическое „нельзя" я отвѣчаю просто своимъ теоретическимъ же „можно". Съ практической же точки зрѣнія, меня побудила къ помѣщенію переводовъ — несостоятельность иногда въ этомъ отношеніи новѣйшаго греческо-русскаго словаря, — словаря, издавнаго г. Вейсманомъ. Кому не вѣрится, что въ этомъ словарѣ находится не мало переводовъ гомеровскихъ словъ „совершенно произвольныхъ, ничѣмъ не подтвержденныхъ и вообще невѣрныхъ и неточныхъ", того я приглашаю обратить вниманіе на тѣ исправленія, которыя г. рецензентъ считаетъ необходимыми въ моихъ переводахъ. Вѣдь рецензентъ и издатель словаря — одно и то же лицо.

При ἀλετρεύουσι VII, 104 сказано у меня: занимаются мелениемъ. Г. Вейсманъ, отмѣчая послѣднее слово восклицательнымъ знакомъ, доказывающимъ только, что оно ему неизвѣстно (ссылаюсь на авторитетъ Даля), прибавляетъ въ тонѣ Орбилія: „ἀλετρεύουσι по русски значить: мелютъ или занимаются молотьюбой“. Повидимому, мой строгій критикъ не различаетъ молотъ отъ молотить. Если онъ не зналъ между этими словами различія, почему онъ не справился въ своемъ же словарѣ, гдѣ при ἀλετρεύω (которое онъ, впрочемъ, по значенію не счелъ нужнымъ различить отъ ἀλέω) онъ нашелъ бы молотъ, а молотить при ἀλόω. Какъ ни любознательно параллельное развитіе значенія этихъ словъ (ἀλέω: ἀλόω = молотъ: молотить), однако смѣшивать ихъ, конечно, нельзя.

Затѣмъ дается мнѣ наставленіе за переводъ сл. ἀκούζονται IX, 7 „прислушиваются“. Въ словарѣ, изданномъ г. Вейсманомъ, и въ этомъ случаѣ стоитъ одинаковый переводъ: (слушать, слышать) какъ глагола ἀκούω, такъ и глагола ἀκούζομαι, между тѣмъ какъ г. рецензентъ замѣчаетъ, что послѣдній „означаетъ частое, многократно, обыкновенное (?) слушаніе“, словомъ, желаетъ сказать, что ἀκούζομαι по своему значенію verbum iterativum. Однако я съ большимъ правомъ слѣдовалъ мнѣнію тѣхъ ученыхъ, которые принимаютъ этотъ глаголь, встрѣчающійся лишь четыре раза во всей греческой литературѣ, за verbum intensivum. И къ этому значенію русское „прислушиваться“ идетъ какъ нельзя лучше.

Наконецъ, г. Вейсманъ поправляетъ мой переводъ слова μῆλωψ (лучше μῆλοψ). Самъ онъ, слѣдуя, кажется, древнему словопроизводству (τὸν πορὸν τὸν μηλοειδῆ τῷ χρώματι у Аполлонія), въ словарѣ перевелъ: имѣющій видъ яблока, а въ рецензії: имѣющій цвѣтъ яблока. Что же вѣрнѣе: имѣющій видъ или имѣющій цвѣтъ? Вѣдь это не одно и то же! Положимъ, цвѣтъ — но какой же цвѣтъ? Яблоко не имѣетъ одного опредѣленнаго цвѣта, напротивъ, разные сорта его разнятся между собою въ этомъ отношеніи. Это обстоятельство, впрочемъ, г. Вейсману не совсѣмъ неизвѣстно: онъ знаетъ два различныхъ цвѣта яблока: вотъ почему онъ въ словарѣ ближе опредѣляетъ цвѣтъ того яблока, съ которымъ у Гомера сравнивается цвѣтъ пшеничныхъ зернъ, „желтымъ или красновато-желтымъ“, а въ рецензії „желтымъ или золотисто-желтымъ“. Г. Вейсманъ въ этомъ случаѣ напрасно не держался Шенкля, словарь котораго ему, по его словамъ,

„оказалъ не малое пособіе“, и который переводить: *arfelfarbig, quit-
enfarbig, gelb*. Неопредѣленность цвѣта яблока одна изъ причинъ,
побудившихъ нѣкоторыхъ ученыхъ одобрить другое производство слова,
на которое въ 1861 г. впервые указалъ Г. Веберъ, и я считаю по-
слѣднее болѣе вѣроятнымъ.

Е. Шмидъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе седьмое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

Съ рисункомъ памятника Пушкину въ Москвѣ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фену и К^о*

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Москвѣ, въ книжный магазинъ наслѣдниковъ Салаевыхъ. Въ С.-Петербургѣ въ книжный магазинъ *Фену и К^о*.

Адресъ издателя: Пантелеймоновская ул., д. № 7, кв. 8.

1-го ЯНВАРЯ вышла и разослана подписчикамъ I-я,
ЯНВАРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Воспоминанія А. П. Бѣляева (декабриста) о пережитомъ и переучувствованномъ.—II. Записки ин. Н. С. Голицына 1826—1827 гг.—III. Записки сельскаго священника (продолженіе), главы 44—49.—IV. Война Россіи съ Турціей въ 1829 г. Историческій очеркъ Н. К. Шильдера.—V. Императоръ Николай Павловичъ и гр. Дибичъ: переписка 1829 г.—VI. Записки одного изъ прежимихъ губернаторовъ (1867 г.) о различныхъ вопросахъ, относящихся до внутренняго устройства Россіи: дѣло крестьянское, администрація, поземельный кредитъ, подати, педомки, общинное начало, круговая порука, вниманіе недоимокъ, земскія учрежденія и земство, городское общ. управленіе; народное образованіе, полиція.—Консерватизмъ.—Примѣчанія въ этой запискѣ Ю. Ф. Самарина и письмо (отвѣтъ на записку) кн. А. И. Васильчикова.—VII. Михаилъ Ивановичъ Глинка: первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“, (1836 г.).—VIII. Матеріалы и замѣтки: Общество учрежденія училищъ (1818 г.).—„Общество свиней“ (1824 г.).—Донось на главнѣйшихъ государственныхъ людей и министровъ (1826 г.).—М. Д. Дедарю и его стихотвореніе.—М. Д. Горчаковъ, замѣтки Н. В. Берга.—Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ въ день 14-го декабря 1825 г. Разсказъ князя Италійскаго, графа А. А. Суворова-Рымникскаго—Замѣтка С. Палицына.—И. Ф. Горбуновъ: его шутка-челобитная, поддѣлка подъ языкъ XVII-го столѣтія и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ императора Павла Петровича, снимокъ съ гравюры Клаубера, 1797 года—II. Записки С. А. Порошина, 1764—1766 гг. Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1881 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

12 книгъ съ портретами русскихъ дѣятелей и съ приложеніемъ Записокъ С. Порошина.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, у Мамонтова, (Невскій, 46); въ Москвѣ—у Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева и у Мамонтова на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно прямо въ ред. „Русской Старины“ въ С.-Петербургѣ, на Большой Подъяческой, домъ № 7.

Тамъ же можно получить «Русскую Старину» изданія: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877, 1878, 1879 и 1880 г. (второе изд.) съ портретами гравированными лучшими отечественными граверами. Цѣна каждаго юда по ВОСЬМИ рублей съ пересылкой.

Изд. ред. «Русской Старини» М. И. Семевскій.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогиче и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкой въ другіе города.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Insequar, или inferar, въ Vergili Aeneidos IIb.

IV, 545? : . . . А. МЕССА.

Иъ вопросу о культѣ Аммона въ Ливнахъ. В. ЛАТЫШЕВА.

Возраженіе г. Вейсману Е. К. ШМЕДА.

Редакторъ Е. Феофистовъ.

1. (Вышла 1-ю января).

51av20

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1881.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШѢВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маріинскимъ мостами, д. № 90-1.

1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Фр.-Хр. Веберъ А. БРИКНЕРА.

О святѣйшемъ синодѣ о объ установленіяхъ
при немъ въ царствованіе Петра I
(1721—1725). В. ПОНОВА.

Критика и библиографія:

Русская военная исторія. Составилъ князь Н. Голицынъ Д. ИЛОВАЙСКАГО.

Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница.
Съч. Л. Березина. В. МАКУШЕВА.

Католіцка і Биела Србија. Napisao Др. Franjo
Кі В. КАЧАНОВСКАГО.

Государствина по его сочиненіямъ и письмамъ и
по историческимъ матеріаламъ описанная Я.
Гротомъ Л. МАЙКОВА.

L. Besq de Fouquieres. Traité géuèral de versification
française. О. КОРША.

Premier essai sur la genèse du langage et le mystère
antique par P.-L.-F. Philas're, inspecteur des
affaires indigènes en Cochinchine. О. КОРША.

Замѣтка В. РОЗЕНА.

Отчетъ Императорской Академіи наукъ
по физико-математическому и истори-
ко-филологическому отдѣленіямъ за
1880 годъ.

Присужденіе Ломоносовскихъ премій въ
1880 году.

Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словес-
ности Императорской Академіи наукъ
за 1880 годъ.

О каталогѣ греческихъ аѳонскихъ руко-
писей, составленномъ лѣтомъ 1880 года. Г. ДЕСТУНИСА.

Письмо изъ Парижа Л. Л—РА.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЬ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90--1.

1881.

Harvard College Library
Gift of the Ministry of P. &
Instruction, St. Petersburg, ;,
May 24, 1897.

Средняя Подъячская. 1.
2182

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

7. (10-го ноября 1880 г.). О преобразованіи Гольдингенской гимназіи въ семиклассный составъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Гольдингенской гимназіи въ семиклассный составъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о преобразованіи Гольдингенской гимназіи въ семиклассный составъ, мнѣніемъ положилъ:

1) Существующую въ гор. Гольдингенѣ, Курляндской губерніи, мужскую шестиклассную гимназію преобразовать, съ начала учебнаго 1880—1881 года, въ семиклассный составъ съ двумя древними языками, примѣнивъ къ этой гимназіи учебный курсъ и учебный планъ прочихъ семиклассныхъ гимназій Дерптскаго учебнаго округа.

2) Съ преобразованиемъ упомянутой гимназіи, усилить нынѣ дѣйствующій штатъ оной, Высочайше утвержденный 6-го октября 1870 г.: а) двумя учителями наукъ, однимъ старшимъ и однимъ младшимъ,

съ предоставленіемъ имъ тѣхъ же окладовъ содержанія и тѣхъ же служебныхъ правъ, кои присвоены старшимъ и младшимъ учителямъ по штату 6-го октября 1870 г., и б) прибавленіемъ къ штатнымъ суммамъ на разные расходы по восьмисотъ руб. въ годъ, въ томъ числѣ: на бібліотеку и учебныя пособия по 250 руб., на отопленіе, прислугу и хозяйственные расходы по 150 руб., на наемъ помѣщенія для гимназіи по 150 руб. и на канцелярскіе расходы по 250 р. въ годъ.

3) Потребную согласно указаннымъ въ ст. 2 дополненіямъ въ штатѣ сумму обратить на жертвуемые Курляндскимъ дворянствомъ для покрытія сего расхода по 2300 руб. ежегодно.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствующимъ и членами.

8. (10-го ноября 1880 г.). О киргизской учительской школѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о киргизской учительской школѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе бывшаго министра народнаго просвѣщенія о киргизской учительской школѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить въ городѣ Троицкѣ, Оренбургской губерніи, киргизскую учительскую школу.

II. Къ означенной школѣ примѣнить Высочайше утвержденное 27-го марта 1872 г. положеніе о татарскихъ учительскихъ школахъ, съ соблюденіемъ при томъ нижеслѣдующихъ особыхъ правилъ:

1) Киргизская учительская школа имѣеть цѣлю приготовленіе свѣдущихъ и опытныхъ учителей въ открываемыя для киргизъ начальныя училища.

2) Киргизская учительская школа, принадлежа къ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, подчиняется управленію Оренбургскаго учебнаго округа.

4) Для упражненія воспитанниковъ сей школы въ преподаваніи, при ней состоятъ начальное русско-киргизское одноклассное училище.

4) Учитель названнаго училища избирается инспекторомъ школы изъ способныхъ киргизъ, вполне знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, и утверждается въ должности попечителемъ учебнаго округа.

5) Преподаватель магометанскаго вѣроученія избирается инспекторомъ школы изъ лицъ, имѣющихъ званіе муллы и хорошо знающихъ русскій языкъ, и утверждается въ должности попечителемъ учебнаго округа, по соглашенію съ мѣстнымъ губернаторомъ.

6) Надзиратели школы назначаются попечителемъ округа изъ лицъ, окончившихъ полный курсъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

7) Всѣ предметы преподаются въ школѣ на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ магометанскаго вѣроученія, которое можетъ быть излагаемо какъ на этомъ языкѣ, такъ и на языкахъ арабскомъ и киргизскомъ.

8) Вакаціонное время для школы устанавливается министромъ народнаго просвѣщенія.

III. Проектъ штата киргизской учительской школы въ городѣ Троицкѣ, съ состоящимъ при ней начальнымъ училищемъ, поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

IV. Исчисленную по означенному штату сумму, въ количествѣ семнадцати тысячъ пятисотъ восьмидесяти рублей, вносить ежегодно, начиная съ 1-го января 1881 года, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему“. Въ Ливадіи, 10-го ноября 1880 года.

Ш Т А Т Ъ

киргизской учительской школы въ городѣ Троицкѣ и начальнаго при ней училища.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.		Классы и разряды.		
		Одному.	Всего.	По должности.	По литью на мундиръ.	По пенсіи.
		Р у б л и.				
Инспекторъ, съ возложеніемъ на него преподаванія педагогикѣ и дидактики по четыре урока въ недѣлю (при казенной квартирѣ)	1	1000	1000	VI	VI	По учебной службѣ.
Ему столовыхъ	—	500	500	—	—	
Учителей наукъ, при 61 урокъ, изъ которыхъ 48 нормальныхъ по 75 р., а остальные 13 уроковъ по 60 р.	4	—	4380	VIII	VIII	По учебной службѣ.
Учитель чистописанія и рисованія, при 10 урокахъ по 30 р.	1	300	300	X	X	
Учитель гимнастики, при 6 урокахъ.	1	200	200	} П о н а й м у.		
Надзирателей (при казенной квартирѣ).	2	500	1000			
На преподаваніе магометанскаго вѣроученія, при 9 урокахъ, по 60 р. за урокъ.	—	—	540	—	—	—
На обученіе ремесламъ.	—	—	200	—	—	—
Врачъ.	1	200	200	VIII	VIII	По медицинскій службѣ.
Учитель начальнаго училища.	1	360	360	—	—	—
Экономъ, онъ же смотритель дома (при казенной квартирѣ)	1	200	200	IX	IX	IX
На содержаніе воспитанниковъ школы со включеніемъ расходовъ на учебныя пособия, медикаменты и наемъ фельдшера.	60	90	5400			

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.		Классы и разряды.		
		Одному.	Всего.	По должности.	По штыю на мундиръ.	По пенсіи.
		Р у б л и.				
На содержаніе воспитанниковъ начальнаго училища, со включеніемъ расходовъ на учебныя пособія и медикаменты	15	60	900			
На библіотеку и прочія собранія учебныхъ пособій, а также на награды воспитанникамъ	—	—	250			
На канцелярскія потребности и наемъ писца	—	—	150			
На содержаніе дома и наемъ служителей	—	—	2000			
Итого	—	—	17580			

Примѣчаніе. Должность эконома можетъ быть замѣщена и по найму, если сіе признано будетъ болѣе удобнымъ.

Подписаль: За предсѣдателя государственнаго совѣта, принцъ Петръ Ольденбургскій.

9. (18-го ноября 1880 г.). О расходѣ на содержаніе въ Дерптѣ реальнаго училища.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о расходѣ на содержаніе въ Дерптѣ реальнаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ на-

роднаго просвѣщенія о расходѣ на содержаніе въ Дерптѣ реальнаго училища, мнѣніемъ положилъ: настоящее представленіе утвердить и, вслѣдствіе того, предоставить управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія: 1) отпускаемые нынѣ по § 9 смѣты министерства народнаго просвѣщенія двѣ тысячи двѣсти семьдесятъ одинъ руб. обратить въ пособіе учреждаемаго въ гор. Дерптѣ реальнаго училища, съ перечисленіемъ сего расхода въ подлежащее подраздѣленіе той смѣты; 2) занимаемое нынѣ Дерптскимъ уѣзднымъ училищемъ зданіе и принадлежащіе ему учебные и хозяйственные предметы передать въ собственность Дерптскаго реальнаго училища, и 3) съ упраздненіемъ Дерптскаго уѣзднаго училища, служащихъ въ немъ лицъ, если не окажется возможности предоставить имъ соотвѣтственныя должности въ другихъ училищахъ, оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствующимъ и членами.

10. (8-го декабря 1880 г.). О принятіи Императорскою академіею наукъ четырехъ тысячъ руб. на учрежденіе преміи имени Костомарова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе Императорскою академіею наукъ четырехъ тысячъ руб., номинальныхъ, въ закладныхъ листахъ Харьковскаго земельного банка, внесенныхъ въ академію членомъ-корреспондентомъ ея, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Костомаровымъ, на учрежденіе при названной академіи, на счетъ этой суммы, преміи имени Костомарова, за составленіе малорусскаго словаря, на основаніи правилъ, которыя будутъ изданы для сего академіею.

11. (8-го декабря 1880 г.). Объ учрежденіи въ гор. Томашевѣ городскаго четырехъкласснаго училища и о наименованіи его „Александровскимъ“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ:

1) на утвержденіе сдѣланнаго начальствомъ Варшавскаго учебнаго округа распоряженія объ учрежденіи въ гор. Томашевѣ городскаго четырехъкласснаго училища на основаніяхъ, указанныхъ Высо-

чайше утвержденными 25-го ноября 1873 и 13-го апрѣля 1880 годовъ мнѣніями государственнаго совѣта для городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищъ Варшавскаго и Сейнскаго;

2) на присвоеніе Томашевскому городскому училищу наименованія „Александровскаго“,

и 3) на введеніе въ училищѣ преподаванія закона Божія евангелическо-лютеранскаго исповѣданія и нѣмецкаго языка въ качествѣ обязательныхъ предметовъ учебнаго курса.

12. (9-го декабря 1880 г.). Объ обращеніи въ спеціальныя средства городскихъ училищъ денегъ, выручаемыхъ отъ продажи вещей, выдѣляемыхъ въ ремесленныхъ классахъ тѣхъ училищъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ обращеніи въ спеціальныя средства городскихъ училищъ денегъ, выручаемыхъ отъ продажи вещей, выдѣляемыхъ въ ремесленныхъ классахъ тѣхъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ обращеніи въ спеціальныя средства городскихъ училищъ денегъ, выручаемыхъ отъ продажи вещей, выдѣляемыхъ въ ремесленныхъ классахъ тѣхъ училищъ, мнѣніемъ положилъ: деньги, выручаемыя отъ продажи вещей, выдѣляемыхъ учащимися въ ремесленныхъ классахъ городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищъ, обращать въ спеціальныя средства сихъ училищъ, для развитія въ нихъ ремесленныхъ и руководѣльныхъ занятій.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствующимъ и членами.

13. (23-го декабря 1880 г.). О присвоеніи начальному народному училищу въ Пятницкомъ приходѣ гор. Торжка наименованія „Остолоповскаго“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ

на присвоеніе начальному народному училищу въ Пятицкомъ приходѣ гор. Торжка, Тверской губерніи, наименованія „Остолоповскаго“, согласно желанію потомственного почетнаго гражданина Ивана Остолопова, пожертвовавшаго капиталъ въ 5 тысячъ руб., для обращенія процентовъ съ онаго на содержаніе названнаго училища и ходатайству о семъ Новоторжской городской думы, принявшей на свой счетъ недостающую сумму по содержанію этого училища.

14. (23-го декабря 1880 г.). О присвоеніи Каменецъ-Подольскому городскому приходскому училищу наименованія „Александровскаго“.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше соизволили на присвоеніе открытому въ гор. Каменецъ-Подольскѣ, въ ознаменованіе исполнившагося 19-го февраля 1880 года двадцатипятилѣтія царствованія Его Императорскаго Величества, на счетъ городскихъ средствъ, городскому приходскому училищу наименованія „Александровскаго“.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

10-го ноября 1880 года. (№ 14). Утверждается: Вольскій купецъ Котеневъ—почетнымъ попечителемъ Вольскаго реальнаго училища, на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета Трачевскому—по 15-е декабря 1880 года.

Командируются съ ученою цѣлю въ Имперію и за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій ассесоръ Колосовъ—по 25-е сентября 1881 года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на два мѣсяца.

За границу: ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лица статскій совѣтникъ Азаревичъ—на шесть съ половиною мѣ-

сяцевъ, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему четырехмѣсячнаго заграничнаго отпуска.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, титулярный совѣтникъ Макушевъ — по 20-е сентября 1881 года.

Увольняется въ отпускъ за границу: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вельяминовъ-Зерновъ—на шесть мѣсяцевъ.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ въ 12-й день истекшаго декабря на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, серебряными медалями съ надписью „за усердіе“ на Александровской лентѣ, для ношенія на груди. Губерскихъ секретарей: учителей приходскихъ училищъ: Астраханскаго втораго мужскаго вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, Василія Никифорова, Нижнедѣвицкаго Николая Портнянова, Даниловскаго, Александра Носковскаго, бывшаго учителя Плесскаго приходскаго училища, преобразованнаго въ двухклассное городское, Всеволода Лебедева, учителя Воронежской Нечаевской двухклассной народной школы, Ивана Гуторова, учителя Кирицкаго приходскаго сельскаго училища, Спасскаго уѣзда, Петра Новикова и учителя Вятчинскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Михаила Бриллиантова; коллежскихъ регистраторовъ: учителей приходскихъ училищъ: Воронежскаго втораго городскаго, Ивана Гавриленкова, Дубовскаго—Василія Ефремова и Александровскаго въ г. Костромѣ—Дмитрія Крепіона: не имѣющихъ чиновъ: перваго учителя Скерневицкихъ двухкласснаго мужскаго городскаго начальнаго и воскресно-ремесленнаго училищъ, Варшавской губерніи, Оомы Кузминскаго; учителей приходскихъ училищъ: Землянскаго городскаго, Ивана Романовскаго, Ромапово-Борисоглѣбскаго городскаго, окончившаго курсъ въ Ярославской семинаріи, Дмитрія Соколова, перваго Тамбовскаго городскаго мужскаго, Матвѣя Антонова, Солигаличскаго—Василія Германова, и перваго Задонскаго—Егора Короч-

кина, Бобруйскаго уѣзда, Михаила Холевипскаго, Грицевичскаго, Слуцкаго уѣзда, Константина Прожого, Святвовольскаго, Пивскаго уѣзда, Ильи Гладкова, Татевскаго начальнаго, Бѣльскаго уѣзда, Павла Розова, Размазовскаго, Тамбовскаго уѣзда, двухкласснаго вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, начальнаго—Михаила Николаева и Писцовскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія—Федора Алекритскаго; учителей сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ: Сашкинскаго, Тарусскаго уѣзда, Сергѣя Мусатова, Тарутинскаго, Боровскаго уѣзда, Михаила Надеждина, Роденовскаго, Макарьевскаго уѣзда, Макара Звонкина, учителя Рѣпьевскаго, Коротожскаго уѣзда, однокласнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, изъ духовнаго званія, Алексѣя Инцертова, учителей сельскихъ училищъ: Ясырскаго, Бобровскаго уѣзда, сына священника, Василя Федорова, Бутурлиновскаго Успенскаго, Бобровскаго уѣзда, Владиміра Краснопольскаго, Азовскаго, Бобровскаго уѣзда, Дмитрія Харламова, Коптевскаго, Сызранскаго уѣзда, сына причетника Павла Аргентова, Елшанскаго, Сенгилеевскаго уѣзда, сына причетника, Николая Флоренцова, Ольховскаго, Рязскаго уѣзда, Давида Максимова и Благовѣщенскаго, Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи, изъ крестьянъ, Григорія Баліева.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:—книгу, подъ заглавіемъ „Новѣйшіе успѣхи ботаники (1877—1879) И. Бородина, профессора медико-хирургической академіи, съ 32 типитажами. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 1 р.“—рекомендовать, какъ весьма полезную для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „Гомеровскій словарь (къ Иліадѣ и Одиссеѣ), съ 130 гравюрами въ текстѣ и картою Трои. Вл. Краузе. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1880 г. Цѣна 1 р. 50 коп.“,—допустить къ употребленію въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ учебное пособие по греческому языку.

— Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности, съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи, съ 186 темами и планами для устныхъ и письменныхъ упражненій и съ біографіями писателей. Двѣ части. Изданіе 2-е Н. Невзорова, преподавателя русскаго языка въ Казанскомъ учительскомъ институтѣ и реальномъ училищѣ. Казань 1880 г., — одобрить какъ учебное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній и для старшихъ классовъ городскихъ училищъ.

— Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній, составленные по программѣ министерства народнаго просвѣщенія Н. Макаровымъ. Часть французско-русская. Изданіе 3-е С.-Пб. 1880 г. Цѣна 2 руб., — рекомендовать, какъ отличное пособие при изученіи французскаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ мужскихъ и женскихъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также и въ реальныхъ училищахъ.

— Книгу „Учебникъ русской грамматики, составленный М. Поповымъ, учителемъ Ломжинской мужской гимназіи, примѣнительно къ преподаванію русскаго языка въ губерніяхъ западнаго края. Варшава. 1880 г. Цѣна 50 коп.“, — допустить къ употребленію, какъ учебное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній.

— „Учебникъ русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній—примѣнительно къ правописанію, съ примѣрами почти на каждое правило для разбора и объяснительнаго диктанта и руководящими вопросами. Составилъ Ѳ. Рождественскій. (Бывш. К—П—гъ.) По примѣрной программѣ гимназій министерства народнаго просвѣщенія С.-Пб. 1880 г.“, — допустить, какъ учебное пособие для употребленія въ низшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Исторія корабля“, вмѣстѣ съ листкомъ исправленій и дополненій, сост. И. Боголюбовъ“, — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи, изданныхъ со времени Петра Великаго по 1876 г. (1710—1876). Составилъ А. Весинъ. С.-Пб. 1878 г.“, — одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:—периодическое изданіе: „Игрушечка“, журналъ для дѣтей. Еженедѣльное иллюстрированное изданіе подъ редакціей Т. П. Пассекъ, въ С.-Петербургѣ“,—допустить для ученическихъ бібліотекъ младшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, реальныхъ училищъ и городскихъ училищъ.

— Брошюру: Чай, откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ. Съ 2 раскрашенными картинками. Изд. 2-е учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія постоянной комиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1880,—допустить (2-е изданіе) въ бібліотеки народныхъ училищъ и для публичныхъ чтеній.

— Книгу, подъ заглавіемъ: Письмо-чтеніе, руководство для учащихся. Составилъ Владиславъ Ислентьевъ. Казань. 1880 г., цѣна 12 коп.—допустить въ учительскія бібліотеки начальныхъ училищъ.

— Брошюру, подъ заглавіемъ: Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Изданіе „Досугъ и Дѣло“ С.-Пб. 1880 г.—одобрить для бібліотекъ народныхъ школъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюру, подъ заглавіемъ: „Другъ и недругъ человѣка. Собака и Волкъ“. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“ С.-Пб. 1880 г.—одобрить для ученическихъ бібліотекъ начальныхъ училищъ.

— Книгу для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ, въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ. Съ 22-мя картинками. Составилъ К. К. Абаза. С.-Пб 1880 г., цѣна 60 к.,—допустить для бібліотекъ городскихъ и народныхъ училищъ.

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, согласно съ заключеніемъ учебнаго комитета при свѣтѣйшемъ синодѣ, миѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. управляющимъ министерствомъ, призналъ возможнымъ второе изданіе составленной протоіереемъ Іоанпомъ Вѣтвеницкимъ книги, подъ заглавіемъ „Руководство къ преподаванію закона Божія для народныхъ школъ, городскихъ училищъ, дѣтскихъ пріютовъ и элементарныхъ занятій съ дѣтьми дома. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1880 г., цѣна 1 рубль“—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 23-й день текущаго декабря, Высочайше соизволилъ: на постановку въ Алексѣевской сельской школѣ, Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, портрета попечителя этой школы маіора К. А. Шиловскаго, во вниманіе къ значительнымъ пожертвованіямъ его на содержаніе названной школы и заботамъ объ образованіи крестьянскихъ дѣтей.

— Въ м. Романовѣ, Слуцкаго уѣзда, 21-го ноября минувшаго 1880 г. открыто двухклассное училище министерства народнаго просвѣщенія. Въ день открытія училища въ 1-й классъ поступило 69 учениковъ, а во 2-й—22; изъ нихъ дѣтей дворянъ 1, духовнаго званія 2 и крестьянъ 98 мальчиковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія о конкурсахъ на преміи Императора Петра Великаго съ 1881 по 1885 годъ.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, въ память совершившагося 30-го мая 1872 года двухсотлѣтія со дня рожденія императора Петра Великаго, учреждены при министерствѣ народнаго просвѣщенія преміи императора Петра Великаго за лучшія учебныя руководства и пособія для гимназій, реальныхъ и начальныхъ народныхъ училищъ, а также за книги для народнаго чтенія. Ежегодно выдаются четыре преміи: двѣ большія—по 2,000 рублей и двѣ малыя—по 500 руб. каждая. Къ соисканію премій допускаются только такія учебныя сочиненія или книги, которыя, по крайней мѣрѣ, по своимъ приспособленіямъ къ потребностямъ русскихъ учениковъ или русскихъ читателей, представляются произведеніями самостоятельными, требовавшими основательнаго собственнаго труда со стороны автора, причемъ въ учебныхъ руководствахъ самый текстъ

и объясненія къ оному, а въ учебныхъ пособіяхъ, по крайней мѣрѣ, объясненія должны быть изложены на русскомъ языкѣ.

По истеченіи послѣдняго срока опубликованнымъ темамъ для сочиненій на соисканіе премій императора Петра Великаго, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія имѣетъ честь объявить, что, съ разрѣшенія управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія товарища министра, для представленія сочиненій на соисканіе означенныхъ премій предлагается слѣдующая очередь учебныхъ предметовъ по группамъ, съ назначеніемъ въ каждой группѣ темы, удовлетворительная разработка которой давала бы автору предпочтительное право на премію:

Къ 1 Ноября 1881 года.

Группа: „математика, математическая географія и физика“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію сочиненій по математической географіи.

Къ 1 Ноября 1882 года.

Группа: „русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью и логика“; сюда присоединяется „педагогика съ дидактикою и методикою примѣнительно къ гимназіямъ“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію сочиненій по логикѣ.

„Книги для народнаго чтенія“—беллетристическаго, или историческаго, или этнографическаго, или духовно-нравственнаго, или общеобразовательнаго (энциклопедическаго) характера и въ объемѣ не мене 10 печатныхъ листовъ.

Къ 1 Ноября 1883 года.

Группа: „исторія и географія — всеобщая и русская“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію сочиненій по всеобщей географіи.

Къ 1 Ноября 1884 года.

Группа: „языки латинскій и греческій“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію русско-латинскаго словаря.

Сочиненія, касающіяся звѣроловства, птицеводства, рыболовства,

скотоводства, пчеловодства, шелководства, земледѣлія, лѣсоводства, огородничества, садоводства, винодѣлія.

Къ 1 Ноября 1885 года.

Группа: „языки французскій и нѣмецкій“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію систематической грамматики нѣмецкаго языка.

Къ 1 Ноября 1886 года.

Сочиненія, касающіяся ремеслъ, фабричной, заводской и торговой промышленности, а также сельско-строительнаго искусства.

Къ этому ученый комитетъ считаетъ необходимымъ присовокупить, что сочиненія для соисканія учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія премій императора Петра Великаго могутъ быть представлены въ ученый комитетъ какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ; но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если они окажутся написанными разборчиво. При этомъ, въ случаѣ одобренія сочиненія рукописнаго, на автора возлагается обязанность, прежде полученія преміи, представить свой трудъ напечатаннымъ. Впрочемъ, если авторъ удостоеннаго преміи труда заявитъ, что онъ нуждается въ средствахъ къ напечатанію, то въ такомъ случаѣ можетъ быть выдана ему часть преміи, но не болѣе половины. Какъ рукописныя, такъ и печатныя сочиненія, но безъ означенія имени автора, должны быть представлены въ ученый комитетъ подъ какимъ нибудь девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть объяснены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства. Извѣстія объ удостоенныхъ премій сочиненіяхъ, съ отзывами объ нихъ, 30-го мая, въ день рожденія императора Петра Великаго, будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе.

ФР.-ХР. ВЕБЕРЪ ¹⁾.

II.

Записки Вебера.

Мы уже знаемъ, что донесенія Вебера еще въ первое время его пребыванія въ Россіи обращали на себя особенное вниманіе въ Ганноверѣ. Они читались при дворѣ и переводились Робетономъ на французскій языкъ. Веберъ не ограничивался въ нихъ сообщеніями о состояніи политическихъ дѣлъ, о дипломатическихъ переговорахъ: онъ подробно писалъ о Россіи вообще, давая иногда очерки о специальныхъ вопросахъ, относящихся къ географіи, топографіи, народному быту и пр. Онъ былъ добросовѣстнымъ наблюдателемъ и тщательно собиралъ разныя данныя о Россіи. Все это онъ записывалъ, приводилъ въ порядокъ, какъ бы подготавливая особый литературный трудъ. Когда онъ оставилъ Россію въ концѣ 1719 года, и ему поручили издать большую книгу о состояніи Россіи, то онъ въ короткое время выполнилъ это порученіе, такъ что уже въ 1721 г. появилась въ свѣтъ первая часть замѣчательнаго труда, заглавіе котораго слѣдующее: „Das veränderte Russland, in welchen die jetzige Verfassung des Geist- und Weltlichen Regiments, der Kriegstaat zu Lande und zu Wasser; wahre Zustand der Russischen Finanzen; die geöffneten Bergwerke, die eingeführte Akademien, Künste, Manufacturen, ergangene Verordnungen, Geschäfte mit denen Asiatischen Nachbahren

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.
ЧАСТЬ ССХІІІ, ОТД. 2.

und Vasallen, nebst des allerneuesten Nachricht von diesen Völkern, die Regebekeiten des Czarewiten, und was sich sonst merckwürdiges in Russland zugetragen, nebst verschiedenen andern bisher ungekannten Nachrichten in einem biss 1720 gehenden Journal vorgestellt werden, mit einer accuraten Land-Carten und Kupfferstichen versehen“.

Сочиненіе это, заключавшее въ себѣ 490 страницъ, явилось во Франкфуртѣ. Издателемъ былъ Николай Ферстеръ, придворный брауншвейгъ-люнебургскій книгопродавецъ въ Ганноверѣ. Имени автора нигдѣ не показано. Карта Россіи, приложенная къ этому изданію, заимствована изъ французскаго перевода сочиненія Перри о Россіи. Нѣтъ упоминанія о томъ, что это изданіе составляетъ лишь первую часть болѣе обширнаго труда, да едва ли и существовало тогда предположеніе издать еще два тома этого сочиненія. За этимъ изданіемъ, напечатаннымъ въ 1721 году, послѣдовало второе изданіе — въ Ганноверѣ въ 1729 году ¹⁾, третье (Франкфуртъ и Лейпцигъ) — въ 1738 году, и четвертое (тамъ же) — въ 1744 году.

Не только цѣлый рядъ нѣмецкихъ изданій, но и переводы на иностранныя языки свидѣтельствуютъ объ успѣхѣ сочиненія Вебера. Въ 1722 и 1723 годахъ въ Лондонѣ явился англійскій переводъ, явилось и нѣсколько изданій на французскомъ языкѣ въ Гавъ, Парижѣ и въ Амстердамѣ въ 1725 и 1737 годахъ ²⁾.

Достойно вниманія, что въ заглавіи перваго нѣмецкаго изданія сказано, что сочиненіе это имѣетъ видъ „дневника, доведеннаго до 1720 года“; въ позднѣйшихъ изданіяхъ этого замѣчанія нѣтъ.

Дѣйствительно, названіе этого сочиненія „дневникомъ“ или „журналомъ“ не совсѣмъ подходитъ къ нему, потому, что большая часть сообщаемыхъ въ немъ данныхъ не относится вовсе къ автору, и нѣкоторыя части „дневника“ ведены уже въ то время, когда автора не было въ Петербургѣ, между тѣмъ какъ разказъ о событіяхъ въ русской столицѣ не прерывается. Авторъ, не бывъ свидѣтелемъ многихъ описываемыхъ имъ событій, получалъ съ разныхъ сторонъ извѣстія и на основаніи этихъ послѣднихъ составилъ трудъ, который скорѣе

¹⁾ Г. Минцловъ говоритъ 136: «Même tirage avec une autre date».

²⁾ См. подробности библиографическія въ сочиненіи г. Минцлова «Pierre le Grand dans la littérature étrangère», стр. 136—140. Въ *Русскомъ Архивѣ* 1872 г. помѣщенъ русскій переводъ перваго тома сочиненія Вебера, при чемъ однако не переведены особыя приложенія къ этому сочиненію, какъ наиримѣръ: путешествіе Ланге въ Китай, свидѣнія объ Остякахъ Миллера, документы по слѣдственному дѣлу царевича Алексѣя и пр.

можетъ быть названъ лѣтописью, нежели дневникомъ. Къ тому же очевидно, что къ запискамъ, которыя Веберъ велъ во время своего пребыванія въ Россіи, онъ прибавилъ впоследствии еще разныя замѣчанія; это обстоятельство еще болѣе отнимаетъ у сочиненія характеръ дневника. Хотя на поляхъ страницъ показаны годы и мѣсяцы, содержаніе этихъ страницъ не всегда соотвѣтствуетъ такому строго - хронологическому порядку. Укажемъ на нѣкоторыя примѣры такихъ прибавленій, имѣющихъ видъ комментарія къ тексту дневника, по вставленнымъ въ самый текстъ книги. Въ §§ 93 — 97 говорится о праздникѣ, устроенномъ во дворцѣ царевны Наталіи Алексѣевны лѣтомъ 1714 года; а на поляхъ страницъ, на которыхъ говорится объ этомъ праздникѣ (стр. 17 и 18), показано „Jul. 1714“. Однако въ то же самое время, то-есть, на стр. 18, въ § 98 сказано: „принцесса Наталія скончалась четыре года тому назадъ: она была родною сестрою царя. У царя Алексѣя Михайловича были двѣ сестры“ и проч. Значитъ, между тѣмъ какъ § 93 — 97 писаны, безъ сомнѣній, въ 1714 году, § 98 писанъ въ 1720 г. (царевна Наталія Алексѣевна умерла въ 1716 году). На поляхъ страницъ 42 — 43, на которыхъ говорится о финансовомъ состояніи Россіи, о налогахъ, показано „December 1714“, и тамъ же указывается на нѣкоторыя обстоятельства сбора палоговъ въ 1715 и 1716 годахъ; эти замѣтки въ §§ 187 и 191 имѣютъ видъ вставокъ или позднѣйшихъ прибавленій къ запискамъ, составленнымъ собственно въ концѣ 1714 года. На стр. 71 въ § 272 сказано, что въ это время, въ сентябрѣ 1715 г. возникла мысль отправить Кикина въ Испанію для заключенія торговаго договора; говорится объ этомъ вмѣстѣ съ указаніемъ на разныя другія событія, происходившія въ сентябрѣ 1715 года, и тутъ же къ замѣчанію о Кикинѣ прибавлено: „Намѣреніе это не сбылось, и Кикинъ въ 1718 году былъ казненъ за то, что совѣтовалъ царевичу бѣжать за границу“. Въ § 324 говорится о разныхъ постройкахъ, относящихся къ 1716 году, а на поляхъ соотвѣствующихъ этому параграфу страницъ показано „Sommer- und Herbstmonate 1716“, что впрочемъ, не мѣшаетъ автору, прерывая свою лѣтопись, замѣтить вдругъ въ срединѣ этого параграфа: „Такъ какъ я заговорилъ о различныхъ зданіяхъ въ Россіи, то кстати упомяну здѣсь вообще о томъ, что царь приумножилъ и улучшилъ въ этомъ отношеніи въ теченіе времени до 1720 г.“. И затѣмъ слѣдуетъ особый очеркъ о разныхъ предпріятіяхъ Петра, объ ассамблеяхъ, устроенныхъ царемъ въ 1719 году и проч.; послѣ же того

въ томъ же параграфѣ продолжается разказъ о событіяхъ 1716 года, о драматическомъ представленіи у царицы Наталіи Алексѣевны и т. д. На стр. 229 говорится въ тонѣ дневника: „31-го августа (1716) герцогиня Курландская отправилась въ Митаву въ сопровожденіи оберъ-гофмейстерины, графини Матвѣевой“, и къ этому прибавлено въ текстѣ же: „Графиня Матвѣева умерла въ Петербургѣ въ 1720 г.“,

Въ другихъ случаяхъ позднѣйшая редакція сочиненія, очевидно, заключаетъ въ себѣ коренное измѣненіе группировки данныхъ въ дневникѣ. Такъ, напримѣръ, говоря о своемъ пребываніи въ Германіи въ 1717 году, Веберъ замѣчаетъ, что въ это время въ Россіи не случилось ничего особенно замѣчательнаго, а въ скобкахъ прибавляетъ: „кромя бѣгства царевича, о которомъ будетъ говорено ниже“. Сочиненіе стиховъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, описывается путешествіе Вебера изъ Москвы весною 1718 году, относится къ осени этого же года; они и занесены въ его книгу въ концѣ 1718 года; въ видѣ же комментарія къ этимъ стихамъ, въ которыхъ говорится, между прочимъ, и о Хивинскомъ посланникѣ, сказано, на этотъ разъ подъ страницею: „этотъ посланникъ былъ въ Петербургѣ пять лѣтъ тому назадъ“ и проч. Такъ какъ событіе это относится собственно къ 1714 году, то мы можемъ заключить отсюда, что Веберъ написалъ комментарий къ стихамъ не ранѣе 1719 года.

Изъ всего этого видно, что сочиненіе Вебера есть нѣчто среднее между дневникомъ и историческими записками. Въ немъ встрѣчаются данныя въ такомъ же хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ обыкновенно помѣщаются данныя въ газетахъ, но такая лѣтопись прерывается весьма часто позднѣйшими замѣтками, разными очерками и особыми приложеніями изъ другихъ изданій.

Эти вставки, эта пестрота архитектуры труда Вебера, эта разноколиберность содержанія его и составляютъ характеристическую черту этого замѣчательнаго труда. Самъ авторъ, по видимому, считалъ необходимымъ, не ограничиваясь составленіемъ лѣтописи, издать, такъ сказать, сборникъ свѣдѣній о Россіи того времени, чтобы сдѣлать свою книгу болѣе занимательною. Весьма часто послѣдовательный разказъ Вебера прерывается историческими, статистическими, географическими, этнографическими и анекдотическими очерками, а также документами, манифестами, письмами и проч. Таковы, напримѣръ, разсужденіе о финансахъ (стр. 34 — 56), письмо Кантемира къ одному другу Вебера (стр. 217 — 219), разказы о свадьбѣ карликовъ и о свадьбѣ Анны Ивановны въ 1710 году (стр. 385 —

393), статистика русскаго войска (стр. 377—385) и т. под. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ вставокъ очередь параграфовъ, на которые раздѣлено все сочиненіе, не прерывается; но при болѣе обширныхъ и заимствованныхъ изъ совершенно иныхъ источниковъ очеркахъ рядъ параграфовъ нарушенъ. Въ § 275, послѣ изложенія разныхъ извѣстій о состояніи Эстляндіи лѣтомъ 1715 года, когда ее посѣтилъ Веберъ, сказано: „Чтобы читатель не утомился этими экономическими данными о Россіи я, ради перемены, сообщу исторію путешествія Лоренца Ланге въ Китай“ и пр., и затѣмъ слѣдуетъ на стр. 72—116 сочиненіе Ланге о Китаѣ. На стр. 117 опять безъ особаго заглавія авторъ возвращается къ дневнику, сообщая въ октябрѣ 1715 года въ § 276 о мѣрѣ, принятой Петромъ для заселенія Петербурга. На страницахъ 170—215 сообщено сочиненіе объ Остякахъ, составленное въ Сибири шведскимъ офицеромъ Юганномъ-Бернгардомъ Миллеромъ, отправленное изъ Сибири въ Петербургъ въ 1716 году и посвященное царицѣ Екатеринѣ. Это приложеніе напечатано по поводу разказовъ о Китаѣ и Сибири, которые Веберъ слышалъ въ Москвѣ во время пребыванія своего въ древней столицѣ въ мартѣ 1716 года. Сообщая разныя данныя объ уголовныхъ процессахъ и о казняхъ, бывшихъ въ концѣ 1718 года, Веберъ приводитъ на стр. 317—323 манифестъ 1671 года о Стенькѣ Разинѣ.

Возвратившись въ Германію въ концѣ 1719 года, Веберъ имѣлъ случай прочесть путешествіе по Россіи Корнелія Де-Брюина и вотъ онъ тотчасъ же рѣшился заимствовать изъ этого сочиненія около сорока страницъ, заключающихъ въ себѣ разныя данныя о Россіи, о Персіи, о Монголахъ и пр. (стр. 395—432). Впрочемъ, эти выписки изъ сочиненія Де-Брюина, хотя и снабжены параграфами Веберова журнала, могутъ считаться не столько вставкою въ лѣтопись, сколько особымъ прибавленіемъ къ ней, потому что послѣ нихъ авторъ уже не возвращается болѣе къ своему дневнику; настоящую же форму приложеній къ первому тому сочиненія Вебера имѣютъ лишь письмо Сорбонны о соединеніи церквей 1717 года (стр. 433 — 444) и Описаніе Петербурга (стр. 445 — 490).

Такимъ образомъ, уже внѣшній видъ сочиненія Вебера представляетъ собою нѣкоторую разномѣрность или даже несообразность. Не во всѣхъ частяхъ его встрѣчается раздѣленіе на параграфы. Такъ какъ при книгѣ нѣтъ никакого оглавленія, то пользованіе ею, при разбросанности въ ней различныхъ данныхъ, представляетъ собою, къ

сожалѣнію, нѣкоторыя затрудненія. Краткій алфавитный указатель въ концѣ тома не замѣняетъ оглавленія.

Раздѣленіе всей книги на параграфы чрезвычайно произвольно и какъ-то случайно, какъ то видно уже изъ слѣдующаго обстоятельства. Всего въ книгѣ 501 параграфъ: первые 250 помѣщены на первыхъ 64 страницахъ, а остальные 251 на 424 страницахъ. Къ тому же порядокъ параграфовъ не точенъ. Такъ, на стр. 128 послѣ § 301, 302, 303 слѣдуетъ вдругъ § 314, а на стр. 145 опять идутъ цифры: § 293, 294, 295 и слѣд., на стр. 230—231 послѣ § 329 слѣдуетъ вдругъ §§ 341, 342 и пр. Странно, что очередь параграфовъ въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ г. Барсовымъ—какъ онъ говоритъ—по изданію 1744 года, не соотвѣтствуетъ очереди параграфовъ въ этомъ изданіи, которымъ мы пользовались въ настоящемъ нашемъ разсужденіи.

Укажемъ вкратцѣ на характеръ и содержаніе перваго тома сочиненія Вебера. Первый томъ обнимаетъ собою время отъ 1714 до 1720 г. Въ началѣ его помѣщено предисловіе, почему-то не переведенное г. Барсовымъ. Въ немъ излагается основная идея всего труда и сообщается общій результатъ наблюденій Вебера. „Преобразование Россіи“ служитъ предметомъ всей книги. Авторъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что Россія въ продолженіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій измѣнилась совершенно; въ этомъ, какъ полагаетъ авторъ,—должны быть убѣждены всѣ имѣющіе хотя бы нѣкоторое понятіе о состоянціи дѣлъ на сѣверѣ, даже не бывъ въ Россіи. Затѣмъ авторъ указываетъ на цѣлый рядъ явленій, свидѣтельствующихъ о такой важной переменѣ въ Россіи: расширеніе границъ, постройка Петербурга и Кроншлота, преобразование войска, сооруженіе флота, учрежденіе разныхъ школъ, введеніе коллегіальнаго порядка въ центральномъ управленіи, улучшеніе судопроизводства, поощреніе искусствъ и промышленности, подчиненіе духовенства волѣ монарха, наконецъ и дѣло царевича,—все это, по мнѣнію Вебера, представляетъ собою столь важный и бросающійся въ глаза переворотъ, что если кто собственными глазами не видѣлъ этой метаморфозы, то съ трудомъ будетъ вѣрить разказамъ объ этихъ событіяхъ. Довольно того, что тамъ, гдѣ въ 1701 году въ болотистомъ мѣстѣ стояли двѣ рыбацкія хижины, нынѣ, то-есть, два десятилѣтія спустя, созданъ городъ, въ которомъ насчитывается до 60,000 (?) домовъ, и что тамъ можно видѣть флотъ, состоящій изъ сорока большихъ военныхъ кораблей и нѣсколькихъ сотъ галеръ, построенныхъ въ столь же ко-

роткое время. При всемъ этомъ однако есть и недостатки въ условіяхъ и обстоятельствахъ преобразованія; сюда Веберъ относитъ ненависть Русскихъ къ иностранцамъ, нѣкоторыя стѣсненія, отъ которыхъ страдаетъ торговля, страшная дороговизна въ новой столицѣ и пр.

Веберъ находитъ, что на западѣ имѣется мало извѣстій о событіяхъ въ Россіи. Указывая на сочиненіе „Leben und Thaten des Grossen Herrns, Czaars und Grossfürsten von Moscau, Petri Alexiewicz“, явившееся въ 1710 году, и на сочиненіе Джона Перри, явившееся въ 1717 году, Веберъ удивляется тому, что столь важному предмету, кромѣ этихъ сочиненій, до 1720 года не было посвящено никакихъ другихъ трудовъ. То обстоятельство, что Перри оканчиваетъ свой разказъ 1714 годомъ, то-есть, именно тѣмъ временемъ, когда Веберъ пріѣхалъ въ Россію, и съ котораго начинается его разказъ, содѣйствовало рѣшенію Вебера написать и издать свой трудъ.

Какъ видно ужъ изъ этихъ замѣчаній, взглядъ Вебера на Россію отличается нѣкоторымъ оптимизмомъ. Въ его глазахъ въ продолженіе шести лѣтъ, отъ 1714 до 1720 года, совершилось въ Россіи многое. Къ этому времени относятся замѣчательныя событія въ области внѣшней политики, сраженіе при Гангэ-удѣ, начало переговоровъ о мирѣ съ Швеціей; въ это время произошли важныя перемѣны въ области внутренней организациіи государства, какъ на примѣръ, учрежденіе коллегій; въ это же время исполнены нѣкоторыя важныя постройки въ новой столицѣ, на примѣръ, постройка церкви св. Исаакія и каменныхъ зданій около адмиралтейства, а также учрежденіе морской академіи, устроены верфи и пр. Быстрота реформъ Петра не могла не поразить иностранца-наблюдателя. Личное знакомство и бесѣды съ Петромъ, близкія отношенія ко многимъ лицамъ, окружавшимъ Петра, должны были развить въ Петрѣ убѣжденіе, что большая перемѣна, происходившая въ Россіи, не можетъ быть лишь временнымъ явленіемъ, и что результаты дѣятельности Петра сдѣлаются неотъемлемымъ достояніемъ потомства. Мы видѣли, какъ Веберъ удивлялся тому, что нравы и обычаи русскаго двора совершенно сходны съ приемами придворнаго быта въ какомъ-либо Парижѣ или Лондонѣ. Мы видѣли, какъ онъ прислушивался къ рѣчи царя, произнесенной по случаю спуска корабля въ 1714 году, въ которой говорилось о значеніи Россіи въ историческомъ развитіи человѣчества. Еще во время своего пребыванія въ Россіи Веберъ замѣчалъ, что и въ русскомъ обществѣ, въ кругозорѣ народа совершалась, хотя и медленно, перемѣна, соотвѣтствовавшая тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ стремился

Петръ. Такъ напримѣръ, въ §§ 396—400 говорится о предписаніяхъ всѣмъ священникамъ не противиться распоряженіямъ царя противъ суевѣрія и ложныхъ чудесъ и о дѣйствіи на народъ таковыхъ мѣръ и т. п.

При всемъ томъ Веберъ сознавалъ, что между царемъ и народомъ шла борьба именно въ отношеніи къ прогрессу и просвѣщенію. Часто Веберъ имѣлъ случай удивляться невѣжеству Русскихъ; онъ замѣчаетъ, что самъ царь называетъ своихъ подданныхъ „стадомъ неразумныхъ животныхъ, которыхъ онъ дѣлаетъ людьми“, что весьма трудно „слоमितъ ихъ упорство или искоренить вполне зло въ сердцахъ ихъ“, и продолжаетъ: „Отъ этого и происходитъ, что поѣздки многихъ молодыхъ русскихъ бояръ, предпринимаемая съ полными кошельми, но безъ надлежащаго указанія и руководительства, ни къ чему иному не служатъ, какъ къ заимствованію изъ Германіи и другихъ странъ всего дурнаго съ нѣкоторою лишь долею добра, изъ чего, по возвращеніи въ Россію, образуется такое смѣшеніе съ русскими пороками, которое порождаетъ духовную и физическую испорченность и съ трудомъ лишь даетъ мѣсто въ Россіи дѣйствительной добродѣтели и истинному страху Божію“.

За то Веберъ не сомнѣвается въ великихъ качествахъ Петра, въ его геніальности, въ идеализмѣ его стремленій. Онъ убѣжденъ не только въ необходимости, но и въ возможности реформы, и потому замѣчаетъ (въ § 73): „Если царь продержитъ еще скипетръ свой только 20 лѣтъ, то онъ доведетъ страну свою такъ далеко, какъ ни одинъ другой монархъ въ своемъ государствѣ“.

Отзывъ о царѣ, помѣщенный въ концѣ книги (§ 502), чрезвычайно благопріятенъ. Веберъ хвалитъ трудолюбіе, энергію и громадныя познанія Петра и замѣчаетъ, что инициатива всего, чтѣ дѣлается въ Россіи, принадлежитъ исключительно ему. Въ заключеніе этой характеристики Петра сказано: „Какимъ образомъ его царское величество старается самъ завести и установить разныя важныя дѣла и учрежденія, съ какою великою ревностію онъ изыскиваетъ способы образовать свой народъ, какъ онъ въ настоящее время при всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ дворахъ, во всѣхъ концахъ и углахъ свѣта, имѣетъ своихъ пословъ и уполномоченныхъ, а равно какъ русскіе бояре теперь должны ѣздить за границу и обучаться тамъ, для того, чтобы сдѣлаться способными ко всякому дѣлу, на водѣ и на сушѣ,— обо всемъ этомъ сообщены уже въ этомъ журналѣ достаточныя свѣдѣнія“.

Не мудрено, что Веберъ особенно былъ пораженъ великолѣпиемъ Петербурга, значительно измѣнившагося съ тѣхъ поръ, какъ Веберъ прїѣхалъ въ Россію. Мы знаемъ, что въ 1714 году новая столица произвела на него впечатлѣніе не столько хорошо обстроенаго города, сколько беспорядочной кучи сдвинутыхъ другъ къ другу деревень. Въ 1720 же году въ концѣ перваго тома своего труда онъ писалъ: „Такъ какъ у царя нѣтъ недостатка ни въ хорошихъ мастерахъ-строителяхъ, ни въ рабочихъ людяхъ всякаго рода, ни въ матеріалахъ потребныхъ для возведенія разныхъ зданій, то нѣтъ сомнѣнія, что всѣ работы, начатны въ этой мѣстности, равно какъ и всѣ остальные предпріятія въ Петербургѣ, приведутся непремѣнно въ исполненіе въ теченіе немногихъ даже лѣтъ, и такимъ образомъ изъ прежней пустынной Ингерманландіи возникнетъ восьмое чудо свѣта“.

Что касается частностей содержанія перваго тома сочиненія Вебера, то мы будемъ имѣть случай указать на нихъ при сравненіи его записокъ съ архивными документами, изданными профессоромъ Германномъ; здѣсь же мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что содержаніе перваго тома сочиненія Вебера можетъ быть раздѣлено на три существенно отличающіяся другъ отъ друга составныя части: во первыхъ—разказъ о ежедневныхъ приключеніяхъ, о событіяхъ, относящихся къ самому автору, о происшествіяхъ, совершавшихся на глазахъ Вебера или сообщенныхъ ему современниками, настоящая лѣтопись; во вторыхъ—черки, относящіяся къ бытовой исторіи, разсужденія объ учрежденіяхъ Россіи, о состояніи страны и народа, характеристика мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ, статистическія данныя разнаго рода; въ третьихъ, вышеупомянутыя приложенія и вставки изъ другихъ сочиненій и архивныя данныя.

Второй томъ сочиненія Вебера, явившійся въ 1739 году, обнимаетъ исторію послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра Великаго. Заглавіе втораго тома слѣдующее: „Des veränderten Russlands zweiter Theil, worinnen die Folge derjenigen wichtigen Veränderungen, welche der russische Kayser Peter der Erste zur Aufnahme seines Reichs in allen Ständen aufgenommen, auch die seit Anno 1721 bis an seinen Tod vorgefallenen merkwürdigsten Begebenheiten, nebst einer gründlichen Nachricht seines in Persien vorgenommenen Feldzuges und aller dahin gehörigen Orientalischen geheimen Staats-Geschäfte, enthalten ist.“

Авторъ въ своемъ предисловіи, сообщивъ нѣкоторыя данныя объ успѣхѣ перваго тома, замѣчаетъ, что онъ рѣшился дать второму также форму дневника, потому что „въ Лондонѣ“ настаивали на

этой формѣ изложенія. Что касается до характера и содержанія втораго тома, то авторъ, какъ онъ замѣчаетъ въ предисловіи, желалъ, также какъ и въ первомъ томѣ, указать на перемѣну, происходившую въ Россіи, на средства, при помощи которыхъ могла совершиться такая всесторонняя реформа, и на результаты стараній Петра. И тутъ онъ хвалитъ умъ и терпѣніе царя.

Въ концѣ предисловія ко второму тому уже встрѣчается намекъ на содержаніе третьяго тома, „Наслѣдники царя продолжали то, что было начато имъ; поэтому мы продолжаемъ нашъ разказъ о важнѣйшихъ событіяхъ этихъ царствованій до нынѣ царствующей императрицы Анны“. Издатель, однако, въ особенной замѣткѣ сообщаетъ, что намѣреніе обнародовать въ одно и то же время второй и третій томы оказалось не сбыточнымъ по типографскимъ затрудненіямъ, и третій томъ явился лишь годомъ позже, въ 1740 году.

Если не ошибаемся, ни второй, ни третій томы сочиненія Вебера не были перепечатываемы въ нѣмецкомъ подлинникѣ, ни изданы въ переводѣ на иные языки. Намъ неизвѣстно и то, какое значеніе имѣла упомянутая выше замѣтка о томъ, что „въ Лондонѣ“ желали видѣть второй томъ въ формѣ дневника. Можетъ быть, тутъ имѣется въ виду не какой-либо англійскій издатель, намѣревавшійся печатать англійскій переводъ втораго и третьяго томовъ, а дѣлается намекъ на англійскихъ государственныхъ людей, которые, какъ мы видѣли, не были чужды появленію перваго тома въ 1721 году.

Веберъ не былъ очевидцемъ событій, описываемыхъ во второмъ томѣ. Мы даже не знаемъ, гдѣ онъ находился въ 1721—1725 годахъ (предисловіе ко второму тому подписано имъ: Gegeben zu B... an der Weser den 16 December 1738“). Видно только, что въ Россіи онъ тогда не былъ. Англія и Ганноверъ не имѣли въ это время резидента при русскомъ дворѣ. Описывая пріемъ иностранныхъ дипломатовъ при дворѣ 4-го и 5-го января 1723 года, Веберъ сообщаетъ списокъ всѣмъ резидентамъ. Тутъ были только представители Голландіи, Франціи, Швеціи, Польши, Пруссіи, Мекленбургіи, Даніи, Голландіи и Австріи.

И до 1720 года Веберъ составлялъ свои записки не по однимъ собственнымъ наблюденіямъ, а по сообщеніямъ другихъ лицъ, съ которыми находился въ сношеніяхъ. Такъ, напимѣръ, уѣхавъ изъ Россіи въ Германію въ 1717 году, Веберъ возвратился въ Петербургъ не раньше какъ въ ноябрѣ или декабрѣ этого же года. Между тѣмъ, въ его журналѣ говорится (на стр. 230) о событіяхъ,

приходившихъ въ Петербургъ во время отсутствія Вебера. Очевидно, онъ имѣлъ тамъ постоянно корреспондентовъ, сообщавшихъ ему обо всемъ, что интересовало его. Мы знаемъ изъ изданія Геррманна, какъ полезенъ ему былъ въ этомъ отношеніи, на примѣръ, баронъ Сентъ-Илеръ. Авторы другихъ писемъ, которыя Веберъ получалъ изъ Петербурга въ 1717 году, неизвѣстны; письма эти, однако, заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія въ родѣ тѣхъ, которыя вошли въ составъ сочиненія Вебера.

Нельзя сказать, чтобы второй томъ сочиненія вслѣдствіе того обстоятельства, что Веберъ послѣ 1719 года не былъ уже въ Петербургъ, утратилъ тотъ интересъ, который имѣетъ первый томъ. Подробность фактовъ, характеръ изложенія, достовѣрность разказа совершенно одинаковы, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ томахъ. Тутъ разказывается о празднествахъ по случаю Ништадтскаго мира, о разныхъ правительственныхъ мѣрахъ, о войнѣ съ Персіей, тутъ сообщается множество анекдотическихъ извѣстій о Петрѣ, говорится о разныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, о придворныхъ празднествахъ, о разныхъ поѣздкахъ и путешествіяхъ царя и царицы, о коронаціи Екатерины въ Москвѣ, о болѣзни и кончинѣ Петра и пр. совершенно въ тонѣ журнала, веденнаго Веберомъ во время его пребыванія въ Россіи.

И во второмъ томѣ, какъ и въ первомъ, встрѣчаются особыя приложенія или вставки. Таковы, на примѣръ, многія письма изъ Константинополя и изъ Персіи, заключающія въ себѣ важныя данныя для исторіи восточнаго вопроса, жизнеописаніе царевича Алексѣя, очеркъ состоянія духовенства въ Россіи, особенная статья о Бухарѣ, описаніе русскаго герба, надгробная рѣчь Теофапа Прокоповича и т. п.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ втораго тома Веберъ упоминаетъ о своемъ пребываніи въ Россіи между 1714 и 1719 годами, на примѣръ, о своихъ бесѣдахъ съ Петромъ, о томъ, что въ 1716 году онъ видѣлъ въ Москвѣ ботъ, извѣстный подъ названіемъ „дѣдушки русскаго флота“, о томъ, какъ ему случилось спускаться съ ледяныхъ горъ, о видѣнныхъ имъ въ 1715 году Лапландцахъ, о своемъ знакомствѣ съ хивинскимъ посланникомъ въ 1714 году и пр.

Третій томъ сочиненія Вебера былъ издавъ въ 1740 году. Заглавіе его слѣдующее: „Des veränderten Russlands Dritter Theil, Die Regierung der Kayzerin Catharina und des Kayzers Petri Secundi und sonst

alle vorgefallene Merckwürdigkeiten in sich haltend. Durch den Verfasser des Ersten Theils“.

Этотъ томъ составленъ авторомъ уже послѣ 1737 года, какъ видно изъ того, что на стр. 3 говорится о Турецкой войнѣ этого года, на стр. 61 — о предложеніи академика Делиля (de l'Isle) въ 1737 году составить новыя карты Россіи и т. п. Матеріалъ, служившій для составленія разказа о царствованіи Екатерины I, былъ однако собранъ, очевидно, гораздо ранѣе, въ самое время описываемыхъ событій. Здѣсь и тамъ мы узнаемъ кое-что объ источникахъ такихъ свѣдѣній. Такъ, напримѣръ, подробно разказано объ одномъ придворномъ празднествѣ въ Кронштадтѣ и Петергофѣ, происходившемъ въ 1726 году, при чемъ особенно важную роль игралъ императорскій посолъ Рабутинъ. Приступая къ разказу и замѣчал, что описаніе этого празднества будетъ занимательно для читателей, Веберъ пишетъ: „Die Relation ist folgenden Inhalts“. Въ слѣдующемъ затѣмъ разказѣ постоянно говорится „мы отправились“, „мы прибыли“, „насъ угостили“ и пр. Очевидно, этотъ разказъ былъ писанъ однимъ изъ иностранныхъ дипломатовъ, приглашенныхъ ко двору, можетъ быть, самимъ Рабутиномъ (стр. 61—63).

Разказъ о событіяхъ съ 1725 по 1730 годъ—о вступленіи на престолъ Екатерины, о разныхъ событіяхъ этого царствованія, напримѣръ, о персидской войнѣ, объ открытіи Академіи Наукъ, о той роли, которую въ это время играли Шафировъ и Меньшиковъ, о царствованіи Петра II, о паденіи Меньшикова, о значеніи Долгорукихъ, о болѣзни и кончивѣ юнаго императора—часто прерывается разными отступленіями и вставками. Таковы, напримѣръ, біографіи Екатерины (7—11) и Меньшикова (13—20), письма изъ Персіи и Константинополя, разные замѣчанія о финскомъ языкѣ и о поэзіи финскихъ народовъ (64—67), статистическая таблица о состояніи русскаго флота (86—88), стихи о принужденіи двѣицъ въ Россіи ко вступленію въ бракъ (106—112), описаніе правовъ и обычаевъ Лифляндіи (112—123), разные анекдоты и пр. Очеркъ событій до 1730 года оканчивается краткимъ, но важнымъ по нѣкоторымъ подробностямъ разказомъ о вступленіи на престолъ императрицы Анны, о дѣйствіяхъ верховниковъ и пр.

Въ концѣ третьяго тома помѣщены весьма важныя приложенія, свидѣтельствующія также о связяхъ автора, которому съ разныхъ сторонъ были доставляемы разные матеріалы. Приложенія эти суть слѣдующія: 1) Миѣніе Оеофана Прокоповича объ обученіи юнаго

императора Петра II закону Божию ¹⁾ (стр. 186—192). 2) Подробная программа преподаванія наукъ императору Петру II (стр. 193—210), составленная графомъ Остерманомъ; этотъ трудъ свидѣтельствуеъ о широкомъ образованіи знаменитаго воспитателя юнаго государя; тутъ объясняется значеніе каждаго преподаваемаго предмета и указывается на самое удобное распредѣленіе преподаванія предметовъ по годамъ, днямъ, недѣлямъ и часамъ. 3) Статя объ Иванѣ Грозномъ (211—218). 4) Довольно подробный и важный по новости содержанія разказъ о путешествіи Петра Великаго въ западную Европу въ 1697—1698 годахъ (стр. 219—240). 5) Рѣчь, которою Теофанъ Прокоповичъ привѣтствовалъ Анну при въѣздѣ въ Москву (241—243).

Къ третьему тому приложенъ алфавитный указатель ко второму и третьему томамъ, которые, равно какъ и первый томъ, къ сожалѣнію, лишены оглавленій.

Ко всѣмъ тремъ томамъ приложены гравюры. Въ первомъ томѣ помѣщены: карта Россіи, портретъ бухарскаго посланника, портреты царей Θεодора, Ивана и Петра, рисунокъ, изображающій охоту на соболей и лыжи, изображеніе Остяковъ, портретъ Головина съ приравленіемъ рисунковъ о составныхъ частяхъ корабля, планъ Петербурга и большой портретъ царя Петра Великаго. Ко второму тому приложены: портретъ царевича Алексѣя, планъ окрестностей Астрахани, видъ Нарвы и Иваньгорода, видъ Москвы, изображеніе рублей, чеканенныхъ при Петрѣ Великомъ, планъ окрестностей Азова, подробный планъ Азовской крѣпости. Къ третьему тому приложены: виды окрестностей Архангельска и берега Восточной Пруссіи.

III

Изданіе г. проф. Э. Геррманна.

Извѣстный авторъ „Geschichte des Russischen Staats“, профессоръ Марбургскаго университета Эрнстъ Геррманнъ, помѣстившій въ нѣсколькихъ томахъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества разные извлеченные имъ изъ нѣкоторыхъ

¹⁾ Объ этомъ сочиненіи упомянуто въ изслѣдованіи *Морозова*: «Теофанъ Прокоповичъ какъ писатель», *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880 года, августъ, стр. 348.

архивовъ въ Германіи матеріалы для исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи, началъ въ 1872 году издавать собраніе донесеній дипломатовъ о Россіи подъ заглавіемъ „Zeitgenossische Berichte zur Geschichte Russlands“. Первый томъ, изданный въ 1872 году, заключалъ въ себѣ записку Фокеродта о Россіи, сочиненную въ 1737 году, и одно донесеніе Плейера 1710 года.

Лѣтомъ 1880 года появился въ свѣтъ второй томъ этихъ „Zeitgenossische Berichte“ подъ заглавіемъ „Peter der Grosse und der Zarevitch Alexei, vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedich Chirstian Webers“.

Укажемъ на значеніе этого изданія и на отношеніе этихъ архивныхъ матеріаловъ къ сочиненію Вебера „Verändertes Russland“.

Эти письма и донесенія, заимствованныя г. Геррманномъ изъ Ганноверскаго архива, относятся почти безъ исключенія къ тому времени, когда Веберъ былъ ганноверско-англійскимъ резидентомъ въ Россіи.

Заглавіе «Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei» не совсѣмъ подходитъ къ содержанію книги г. Геррманна. О Петрѣ и объ Алексѣѣ сообщается въ ней много, но также не мало говорится и о разныхъ другихъ предметахъ. Вопросъ о слѣдственномъ дѣлѣ несчастнаго царевича вовсе не занимаетъ главнаго мѣста въ этомъ изданіи, заглавіе котораго легко можетъ побудить каждаго читателя, принявшагося за эту книгу, думать, что борьба между отцомъ и сыномъ, страшная катастрофа Алексѣя составляетъ ея содержаніе. Напротивъ, къ весьма разнообразной по своему содержанію дипломатической корреспонденціи Вебера издатель присоединилъ еще нѣсколько другихъ разсужденій или очерковъ, не подходящихъ къ заглавію книги.

Прежде всего намъ нужно обратить вниманіе на содержаніе предисловія („Einleitendes Vorwort“), обнимающаго 80 страницъ. Здѣсь въ трехъ главахъ говорится: 1) о сенаратныхъ переговорахъ царя съ Швеціей въ 1716—1718 годахъ; 2) о царевичѣ Алексѣѣ и о внутреннемъ волненіи въ Россіи; 3) о разныхъ другихъ вопросахъ („Verschiedenes“).

Авторъ не имѣлъ въ виду сообщать въ этихъ очеркахъ результаты законченныхъ изслѣдованій. То, что предлается имъ, заслуживаетъ скорѣе названія афоризмовъ, случайныхъ замѣтокъ.

Въ научномъ отношеніи весьма замѣчательны, однако, нѣкоторыя архивныя данныя, заимствованныя изъ Гессенскихъ архивовъ и отно-

сящіяся къ переговорамъ о сепаратномъ мирѣ Россіи съ Швеціей. Для такихъ переговоровъ въ то время, когда царь находился въ Пирмонтѣ, туда былъ отправленъ гессенъ-кассельскій тайный совѣтникъ Кетлеръ. О дѣйствіяхъ Кетлера, объ образѣ жизни Петра въ Пирмонтѣ и пр. г. Геррманномъ заимствованы нѣкоторыя данныя изъ Марбургскаго архива.

То, что въ первой главѣ сказано о конгрессѣ на Аладскихъ островахъ и во второй — о царевичѣ Алексѣѣ, заимствовано, главнымъ образомъ, изъ сочиненій Соловьева и Устрялова, и потому для специалистовъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ, не имѣетъ особеннаго значенія.

Большая часть этихъ вступительныхъ главъ не имѣетъ никакого отношенія къ Веберу или къ его дипломатической перепискѣ. За то нѣкоторыя части третьей главы „Смѣсь“ могутъ считаться чѣмъ-то въ родѣ комментарія къ донесеніямъ и письмамъ Вебера и его друзей.

Къ сожалѣнію, предисловіе г. Геррманна не заключаетъ въ себѣ ни біографіи Вебера, ни замѣчаній объ отношеніи дипломатической переписки Вебера къ его сочиненію „Verändertes Russland“, ни даже подробнаго описанія издаваемого архивнаго матеріала. Равнымъ образомъ не говорится здѣсь и о значеніи этихъ корреспонденцій въ отношеніи къ тѣмъ вопросамъ, которые, какъ видно изъ предисловія, наиболѣе интересовали издателя, а именно — къ переговорамъ о сепаратномъ мирѣ и къ царевичу Алексѣю.

Г. Геррманнъ замѣчаетъ на стр. 3, что онъ не могъ исчерпать всего матеріала, сообщеннаго ему изъ Ганноверскаго архива, и что другія занятія не позволяли ему заняться подробнымъ изслѣдованіемъ тѣхъ вопросовъ политической исторіи, которые затрогиваются въ депешахъ Вебера. Нельзя удивляться при такихъ обстоятельствахъ тому, что издатель не присоединилъ къ тексту изданія никакихъ объясненій. Лишь мѣстами текстъ изданія сопровождается краткими указаніями на сочиненіе Вебера „Verändertes Russland“, на сочиненіе самого г. Геррманна „Geschichte d. Russ. Staats“ и на сочиненіе Бергманна о Петрѣ Великомъ.

Въ оглавленіи, помѣщенномъ на стр. LXIX—LXXXI, изданныя г. Геррманномъ письма и донесенія распредѣлены по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) Письма Вебера къ курфирсту Георгу Людвигу Брауншвейгъ-Люнебургскому. 2) Донесенія корреспондентовъ Вебера изъ Петербурга. 3) Письма тайнаго легаціоннаго секретаря Робетона къ

Веберу. Но на самомъ дѣлѣ только послѣднее заглавіе, относящееся къ Робетону, соотвѣтствуетъ содержанію, такъ какъ первыя двѣ группы документовъ заключаютъ въ себѣ сгруппированныя въ хронологическомъ порядкѣ донесенія Вебера къ разнымъ лицамъ и письма разныхъ лицъ къ Веберу. Большею частью документы напечатаны безъ оглавленія, и при чтеніи ихъ можно заключать только по догадкѣ, кто пишетъ и къ кому адресовано письмо или донесеніе. Такое отсутствіе системы при группировкѣ матеріала, затрудняетъ пользованіе этимъ источникомъ.

Далѣе, при воспроизведеніи текста документовъ, замѣчается нѣкоторая неровность или случайность, нѣкоторый даже произволъ. Иногда депеши Вебера сообщаются цѣликомъ, буквально, иногда въ извлеченіи, при чемъ о Веберѣ говорится въ третьемъ лицѣ, и буквальный текстъ не обозначается кавычками, для отличенія его отъ выписокъ сокращенныхъ. Довольно часто употребляемые въ депешахъ шифры иногда раскрыты, въ другихъ случаяхъ напечатаны безъ объясненія. Издатель не говоритъ о причинѣ такого различія.

Наконецъ, нельзя не сожалѣть, что издатель ограничился изданіемъ лишь части находившагося въ его распоряженіи архивнаго матеріала и нигдѣ не объясняетъ причины, заставившей его издать корреспонденцію Вебера не цѣликомъ, а, такъ сказать, фрагментами. Оказывается, что напечатана лишь половина всѣхъ донесеній Вебера, писанныхъ во время его пребыванія въ Россіи. Послѣдняя депеша, относящаяся къ первому пребыванію Вебера въ Россію (1714—1717) имѣетъ № 120. Въ изданіи г. Германна изъ этихъ 120 донесеній помѣщены, отчасти цѣликомъ, большею же частію въ извлеченіи, не болѣе 55. Изъ 68 депешъ, писанныхъ Веберомъ во время его вторичнаго пребыванія въ Россіи, принято было въ соображеніе при изданіи не болѣе 40. Остается совершенно не объясненнымъ, почему около 80—90 депешъ Вебера не вошли въ изданіе. Такимъ образомъ, разказъ, заключающійся въ донесеніяхъ Вебера, прерывается на каждомъ шагѣ. Такъ, напримѣръ, въ донесеніи № 77 говорится о болѣзни крон-принцессы Шарлотты; безъ сомнѣнія, въ слѣдующихъ донесеніяхъ № 78 и 79 заключаются нѣкоторыя подробности о кончинѣ ея, но издатель не включилъ этихъ депешъ въ свое изданіе. Можно также полагать, что въ депешахъ № 38 до 48 (1718 г.), которыхъ недостаетъ въ изданіи, говорится о смерти церевича Алексѣя; нельзя не сожалѣть, что мы лишены возможности сравнить эти депеши съ краткими указаніями на тотъ же счетъ въ сочиненіи

Вебера и съ данными другихъ современныхъ источниковъ. Издатель долженъ бы былъ сообщить хотя самое краткое извлечение изъ ненапечатанныхъ имъ донесеній Вебера. Такого рода пробѣлы лишаютъ отчасти изданіе профессора Германна того значенія, которое оно должно было бы имѣть.

Не смотря, однако, на эти недостатки, книга г. Германна, представляеть существенный вкладъ въ наши свѣдѣнія объ эпохѣ Петра Великаго. Укажемъ на главное содержаніе ея.

Нельзя удивляться тому, что дипломатическая корреспонденція Вебера заключаетъ въ себѣ несравненно болѣе данныхъ для исторіи политической исторіи Россіи, чѣмъ его сочиненіе. Последнее имѣло главною цѣлью представить картину внутренняго преобразованія Россіи, учреждений, созданныхъ Петромъ, перемѣны русскихъ нравовъ и обычаевъ. Главное вниманіе автора „Verändertes Russland“ было обращено на бытовую исторію. Военныя событія и тайны дипломатическихъ сношеній не могли войти въ составъ большой книги Вебера. Корреспонденція его напротивъ должна была заключать въ себѣ по преимуществу такія данныя, которыя относились къ политическимъ вопросамъ даннаго времени. Нужно было сообщать именно о событіяхъ междугосударственныхъ, о намѣреніяхъ правительствъ, о дипломатическихъ переговорахъ, о вліяніи военныхъ дѣйствій исторіи на международныя сношенія.

На первомъ планѣ, разумѣется, въ депешахъ Вебера въ этомъ отношеніи, находятся интересы Англіи. Для исторіи отношеній Россіи къ Англіи эта переписка можетъ служить богатымъ источникомъ.

На нѣкоторыя черты такого рода нами было указано уже въ біографическомъ очеркѣ о Веберѣ. Мы знаемъ кое-что о благосклонномъ приѣмѣ, оказанномъ въ Россіи представителю курфирста Георга, о бесѣдахъ между Веберомъ и Петромъ, въ которыхъ иногда затрогивался вопросъ о сепаратномъ мирѣ съ Швеціей (Дон., стр. 16) ¹⁾. Въ этомъ отношеніи достойна вниманія бесѣда датскаго посланника Вестфала съ царемъ въ Москвѣ въ началѣ 1718 г. (Дон., 131 — 132). Тутъ Петръ, напримѣръ, протестовалъ противъ предположенія, будто Екатерина желала мира съ Швеціей, имѣя въ виду возведеніе

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы означаемъ въ скобкахъ сдѣланное профессоромъ Германномъ изданіе донесеній Вебера «Дон.»; записки же Вебера или сочиненія его обозначаемъ «Соч.».

на шведскій престолъ своего сына Петра Петровича; Петръ замѣтилъ при этомъ случаѣ, что при всей любви къ Екатеринѣ, онъ не терпитъ ея вмѣшательства въ политическія дѣла и пр. Въ бесѣдахъ Вебера съ царемъ и въ его переговорахъ съ Шафировымъ главными предметами были, кромѣ отношеній къ Швеціи, вопросъ о мекленбургскихъ дѣлахъ, вопросъ о принятіи Петромъ императорскаго титула и т. п. (см. Дон. 145, 156, 189, 192). Въ письмахъ Робетона къ Веберу и въ инструкціяхъ короля Георга, Веберу также говорится объ этихъ предметахъ.

Особенно важенъ въ дипломатической перепискѣ Вебера вопросъ о тайныхъ сношеніяхъ Россіи съ приверженцами Стюартовъ. На этотъ счетъ въ другихъ источникахъ нѣтъ почти никакихъ указаній. За то Веберъ узналъ много объ этихъ дѣлахъ, въ которыхъ большую роль игралъ врачъ Петра Эрескинъ (Areskin).

Возвращаясь въ Россію въ концѣ 1717 года, Веберъ узналъ въ Данцигѣ о пребываніи тамъ шести шотландскихъ инсургентовъ. Одинъ изъ нихъ былъ докторомъ медицины, назывался Петулло и былъ приглашенъ вступить въ русскую службу; не онъ одинъ однако, но и всѣ его товарищи отправились въ Россію (Дон., 105). Около этого же времени писали Веберу изъ Англій, что Петръ во время своего пребыванія въ Парижѣ имѣлъ тамъ нѣсколько свиданій съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ приверженцевъ Якова III, лордомъ Маромъ, и что тамъ происходили переговоры о заключеніи тѣснаго союза между Россіей, Швеціей и Яковомъ III (Дон., 193). Робетонъ обращалъ вниманіе Вебера на эту агитацію, сообщая ему, что герцогъ Ормондскій находится въ Данцигѣ, на пути въ Швецію, желаетъ встрѣтиться въ Данцигѣ съ царемъ и пр. (Дон., 194).

Находясь въ Москвѣ по случаю слѣдствія надъ царевичемъ Алексѣемъ, Веберъ, весною 1718 года, также имѣлъ случай узнать о нѣкоторыхъ сношеніяхъ Петра съ партіей претендента. „Ежедневно“, сообщалъ Веберъ, — „Эрескинъ собирается съ этою компаніей мятежниковъ“. Въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ жаловался Веберъ на интриги царскаго врача, который, какъ утверждалъ Веберъ, — всегда остается помѣхою хорошихъ отношеній между царемъ и королемъ. Шафировъ считалъ нужнымъ объясниться съ Веберомъ объ этомъ предметѣ, обвиняя во многомъ барона Герца, какъ главнаго виновника этихъ интригъ. Чтобъ успокоить Вебера, царь чрезъ Ягужинскаго запретилъ Эрескину имѣть столь близкія сношенія съ якобитами и особенно съ нѣкоторыми Герри Стирлингомъ. Сообщивъ объ

этомъ, Веберъ въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ разказываетъ, что Эрескианъ, выслушавъ приказаніе царя, ужасно разсердился и говорилъ, что намѣренъ еще болѣе презлпаго сохранять упомянутыя связи (Доп., 143 — 44). Опъ дѣйствительно продолжалъ держать у себя въ домѣ этого Стирлинга, о которомъ говорится и въ письмахъ Робетона къ Веберу (Доп., 196), Веберъ даже узналъ, что внушеніе, сдѣланное Эрескину чрезъ Ягужинскаго, было лишь пустою формальностью, и что Эрескипъ, не смотря на свое непослушаніе, пользуется прежнимъ довѣріемъ царя (Доп., 148).

Въ теченіе всеі дипломатической службы Вебера Георгъ, курфирстъ Ганноверскій и король Англійскій, отпосился съ недовѣріемъ къ Россіи. Такъ, напримѣръ, ему сильно не правилась мысль о бракѣ одной изъ племянницъ царя съ герцогомъ Мекленбургскимъ. Робетонъ не разъ писалъ объ этомъ предметѣ къ Веберу, поручая ему по возможности противодѣйствовать осуществленію этого плана (183—184) и выставляя на видъ странность характера герцога и даже возможность, что онъ совершенно сойдетъ съ ума (185).

Вопросъ объ условіяхъ, на которыхъ царь былъ готовъ заключить миръ съ Швеціей, занималъ Вебера съ самаго начала его пребыванія въ Россіи. Уже весною 1714 г. онъ бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ съ Остерманомъ и сообщилъ королю, что Петръ, какъ кажется, будетъ настаивать на приобрѣтеніи Лифляндіи (Доп., 27). Въ октябрѣ 1715 г. Веберъ узналъ, что Петръ распорядился о составленіи записки, въ которой имѣли быть представлены доказательства того, что страны, когда-то принадлежавшія Россіи, должны опять присоединиться къ ней (Доп., 64).

Не смотря на то, что переговоры Куракина съ барономъ Герцомъ въ Голландіи въ 1717 году происходили въ глубочайшей тайнѣ, въ Англіи все-таки узнали кое-что 'объ этомъ и объ Аландскомъ конгрессѣ; Веберу поручено было слѣдить за этими дѣйствіями русскаго правительства (Доп., 195—196). Въ январѣ 1718 года онъ писалъ, что, не смотря на всѣ старанія сохранить въ тайнѣ отправленіе Брюса и Остермана въ Фипляндію, ихъ пребываніе въ Або все-таки сдѣлалось извѣстнымъ. Затѣмъ онъ передавалъ разные слухи о ходѣ переговоровъ: разказывали, что царь желалъ лишь узнать о мѣрѣ расположенія короля къ миру, далѣе, что король желалъ инимую склонностью къ миру заставить царя прервать приготовленія къ продолженію войны и пр. (Доп., 111, 113); разказывали даже, будто миръ между Швеціей и Россіей заключенъ, и что король и царь намѣрепы

заставитъ союзниковъ послѣдняго также заключить миръ съ Швеціей (Дон., 115). Довольно затруднительно было въ это время положеніе Шафирова, къ которому Веберъ приставалъ съ вопросами о намѣреніяхъ Россіи, и который положительно отрицалъ намѣренія Петра довести переговоры на Аландскихъ островахъ до заключенія мира (Дон., 133—134). Но говори такъ, вице-канцлеръ, по видимому, желалъ только выиграть время, скрывая настоящія намѣренія русскаго правительства и отдѣлываясь отъ Вебера общими фразами (Дон., 149, 157). Немного позже, въ началѣ 1719 года, Веберъ сообщилъ своему правительству нѣкоторыя подробности о состояніи дѣлъ послѣ внезапной кончины Карла XII и о намѣреніяхъ Петра, желавшаго во что бы то ни стало удержать за собою Лифляндію (Дон., 158).

Многія довольно важныя подробности о ходѣ переговоровъ, объ условіяхъ ожидаемаго мира Веберъ узналъ уже по отъѣздѣ изъ Петербурга, въ Данцигъ, въ началѣ 1720 г. отъ прусскаго тайнаго совѣтника Шлиппенбаха, возвращавшагося въ то время изъ Петербурга въ Берлинъ. Содержаніе этихъ чрезвычайно интересныхъ разказовъ прусскаго дипломата заключается въ донесеніи Вебера къ ганноверскимъ министрамъ (Дон., 166—171).

Кое-гдѣ въ донесеніяхъ Вебера встрѣчаются данныя объ отношеніяхъ царя и министровъ къ другимъ дипломатамъ. То производится бесѣда прусскаго посланника съ Шафировымъ, то говорится о томъ, какъ любезенъ Петръ въ обращеніи съ датскимъ посланникомъ Вестфалемъ, или какъ рѣзокъ въ обращеніи съ польско-саксонскимъ дипломатомъ Лоссомъ. Не разъ Веберъ имѣлъ случай сообщать о подобныхъ отношеніяхъ Петра къ польскому дипломату и къ Польшѣ вообще. Уже въ маѣ 1714 года Веберъ писалъ, что царь сносится съ различными партіями въ Польшѣ, что онъ желаетъ воспользоваться литовскимъ палатиномъ Огинскимъ для дѣйствій противъ короля Августа (Дон., 26). О Лоссѣ Веберъ писалъ, что онъ не пользуется расположеніемъ царя и вообще не любимъ никѣмъ. Подозрѣвая, что въ Польшѣ происходитъ агитація съ цѣлю введенія самодержавнаго правленія, царь сдѣлалъ Лоссу осенью 1715 г. строгое внушеніе и давалъ ему почувствовать, что онъ всегда готовъ заступиться за недовольныхъ и защитить ихъ противъ короля и пр. (Дон., 62). Въ ноябрѣ 1715 года по случаю праздника, устроеннаго по поводу рожденія царевича Петра Петровича, царь въ самомъ рѣзкомъ и рѣшительномъ тонѣ совѣтовалъ Лоссу и чрезъ него Польшѣ слѣдовать во всѣхъ отношеніяхъ внушеніямъ Россіи; царь намекнулъ, между про-

чимъ, на отношенія Польши къ Франціи, порицая употребленіе французскаго языка въ канцеляріи польскаго дипломата. „Вы хотите вредить“, грозно замѣтилъ Петръ,—„но вы не въ силахъ сдѣлать вредъ“ и пр. (65). Изъ другихъ донесеній видно, какъ русскій посоль въ Польшѣ имѣлъ сношенія съ противниками Польскаго короля, какъ царь признавалъ необходимымъ вмѣшиваться по внутреннія дѣла Польши, какъ онъ грозилъ королю Августу разными строгими мѣрами и пр. (Дон., 67).

Изъ шестаго тома сочиненія Устрялова о Петрѣ Великомъ извѣстно, какимъ образомъ австрійскій резидентъ Плейеръ по поводу печальнаго эпизода съ царевичемъ Алексѣемъ навлекъ на себя гнѣвъ царя и долженъ былъ оставить Россію ¹⁾. Въ дипломатической корреспонденціи Вебера встрѣчаются многія данныя, относящіяся къ этому дѣлу. Въ іюнѣ 1718 года Веберъ пишетъ, что Плейеру запрещенъ пріѣздъ ко двору, безъ объясненія причины такой строгости. „Однако“, прибавляетъ Веберъ,—„всѣ знаютъ, что Весаловскій въ Вѣнѣ успѣлъ достать списки донесеній Плейера, гдѣ сообщались о здѣшнихъ дѣлахъ и особенно о царевичѣ такія извѣстія, которыя оказываются весьма непріятными для здѣшняго двора“ (Дон. 346). Въ слѣдующемъ донесеніи Веберъ разказываетъ, что Плейера пригласили въ канцелярію, гдѣ Шафировъ сообщилъ ему разныя частности о происходившей въ Вѣнѣ бесѣдѣ между графомъ Цинцендорфомъ и русскимъ посломъ Веселовскимъ. Тутъ говорилось о Польшѣ, Пруссіи и о нѣкоторомъ разладѣ между Вѣнскимъ и Петербургскимъ кабинетами. Три дня спустя послѣ этой бесѣды между Шафировымъ и Плейеромъ, послѣднему былъ запрещенъ пріѣздъ ко двору и въ тѣ мѣста, гдѣ будетъ находиться царь. Веберъ замѣчаетъ, что Плейеръ совершенно спокоенъ, не зная за собою никакой вины и исполнивъ свой долгъ добросовѣстно (Дон. 147).

Довольно странный случай произошелъ въ это время съ однимъ австрійскимъ курьеромъ, отправленнымъ изъ Вѣны къ Плейеру въ Петербургъ. Въ окрестностяхъ Дерпта на несчастнаго напали разбойники, избивли его и привязали къ дереву. Четыре дня оставался онъ въ такомъ положеніи; наконецъ одинъ крестьянинъ нашелъ его, отвязалъ и привезъ въ Дерптъ, гдѣ онъ однако умеръ на другой день, не смотря на всѣ старанія бывшихъ въ этомъ городѣ „царскихъ ком-

¹⁾ См. также монографію А. Гассельблатта о Плейерѣ къ журналу *Russische Revue*, VII.

миссаровъ". Всѣ находившіяся при этомъ курьерѣ бумаги были похищены. Плейеръ, узнавъ объ этомъ печальномъ случаѣ, распорядился о погребеніи трупа курьера и ходатайствовалъ о производствѣ слѣдствія (Дон. 151). Дальнѣйшихъ данныхъ объ этомъ эпизодѣ мы однако не имѣемъ.

Веберъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ разнымъ дипломатамъ въ Петербургѣ. Такъ, на примѣръ, онъ былъ хорошо знакомъ съ голландскимъ резидентомъ Де-Би ¹⁾, который чрезъ Вебера узнавалъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, содержащихся въ секретѣ ²⁾. Когда у Де-Би происходилъ обыскъ, когда Шафировъ спрашивалъ голландскаго резидента объ источникѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, сообщенныхъ Генеральнымъ Штатамъ, онъ отвѣчалъ, что узналъ кое-что чрезъ Вебера и Плейера. Шафировъ сказалъ на это: „Нѣтъ, г. Веберъ не могъ сообщить такихъ извѣстій; онъ слишкомъ разуменъ и осмотрителенъ; вашимъ наперстникомъ былъ этотъ проклятый клеветникъ, Плейеръ“ и пр. Не мудрено, что при такомъ образѣ дѣйствій русскаго правительства и Плейеръ, и Веберъ, опасаясь обыска у себя, сожгли всѣ свои бумаги ³⁾.

Въ концѣ 1718 года Плейеръ выѣхалъ изъ Россіи ⁴⁾, оставивъ въ С.-Петербургѣ своего секретаря Ферста. И относительно послѣдняго русское правительство поступало чрезвычайно рѣзко.

Въ то время, когда Веберъ находился уже въ Данцигѣ, осенью 1719 года, онъ узналъ о страшной опасности, въ которой былъ Ферстъ въ Петербургѣ. Послѣ отъѣзда Плейера Ферстъ отправлялъ въ Вѣну шифрованныя донесенія, въ которыхъ, между прочимъ, писалъ подробно о болѣзни царевича Петра Петровича. Эти донесенія какъ-то попали въ руки русскаго правительства; вслѣдствіе того Ферстъ былъ арестованъ, и ему погрозили пыткою, если онъ не откроетъ ключа къ шифрованнымъ депешамъ. Сообщая о томъ, Веберъ пишетъ: „Многіе полагаютъ, что Ферстъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ уже былъ пытанъ вкutomъ, но такъ какъ къ нему никого не пускаютъ, и никто не знаетъ точно о содержаніи его писемъ, то и этотъ слухъ нельзя считать вполнѣ достовѣрнымъ“ (Дон., 164).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно въ мартѣ 1720 года, Веберъ

¹⁾ См. *Устрялова* VI, стр. 551.

²⁾ Тамъ же, 556.

³⁾ Тамъ же, 544.

⁴⁾ См. статью г. *Гассельблатта*, стр. 53.

получилъ отъ самого Ферста, которому также удалось выѣхать изъ Петербурга, и который прибылъ въ Данцигъ, тѣ достовѣрныя извѣстiя, которыя желалъ узнать. Разказъ Ферста былъ слѣдующій: „Князь Меншиковъ велѣлъ арестовать его и его сына и спрашивалъ ихъ о шифрахъ. Когда они отказались сообщить ключъ къ шифрамъ, Меншиковъ приказалъ призвать палача, который и явился. Меншиковъ грозилъ Ферсту 80-ю ударами внудомъ. Ферстъ испугался, струсилъ, сообщилъ ключъ и самъ дешифровалъ письма, которые были писаны къ нему Шлейеромъ изъ Вѣны и захвачены на пути русскими властями. Тамъ нашлись многія не совсѣмъ назидательныя выраженiя, рѣзкіе отзывы о царѣ, о болѣзни Петра Петровича и предсказанiя Шлейера, что разложенiе Россiи приближается быстрыми шагами. Царь потребовалъ отъ Ферста объясненiя на счетъ всего этого, но такъ какъ Ферстъ не могъ дать никакого объясненiя, то былъ заключенъ въ темницу, которая была хуже прежней; сынъ его, который занималъ должность переводчика у князя Меншикова, былъ заключенъ въ другую темницу. Два мѣсяца они оставались подъ арестомъ. Затѣмъ Ферста повели къ двумъ канцлерамъ — Головкину и Шафирову, которые, употребляя при этомъ рѣзкія выраженiя, объявили ему, что своимъ упрямствомъ и молчанiемъ онъ легко можетъ подвергнуть свое тѣло ужаснымъ мученiямъ и свою жизнь позорной казни. Ферстъ оставался твердымъ. Тогда Шафировъ въ болѣе кроткомъ тонѣ убѣждалъ его, что откровеннымъ показанiемъ онъ можетъ получить не только прощенiе, но даже большую неожиданную денежную награду. Все это оказалось бесполезнымъ, и Ферста предоставили судьбѣ, отправивъ его опять въ тюрьму, гдѣ онъ пробылъ еще четыре мѣсяца въ страшномъ волненiи, пока наконецъ его не освободили и не объявили ему въ канцелярiи, что онъ прощенъ, но долженъ оставить столицу не позже какъ чрезъ восемь, а предѣлы Россiи не позже какъ чрезъ 20 дней. Ферстъ полагалъ, что обязанъ своимъ освобожденiемъ опасенiю Русскихъ, что императорскій дворъ заступится за него. Впрочемъ темница, въ которой онъ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ, пользовалась нѣкоторою извѣстностью; въ ней находились въ свое время бывший губернаторъ Сибири, князь Гагаринъ, родственникъ Мазепы Войнаровскiй“ и пр. (Дон. 172).

Эти данныя тѣмъ важнѣе, что до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчалось свѣдѣнiй объ этомъ мрачномъ эпизодѣ.

О военныя дѣйствiяхъ во время Сѣверной войны въ депешахъ Вебера почти вовсе не говорится. Въ 1714 году мимоходомъ упоми-

нается о дѣйствіяхъ въ Голштиніи (Дон. 11); иногда Веберъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о приготовленіяхъ къ дальнѣйшимъ походамъ, о средствахъ, находившихся въ распоряженіи Россіи (Дон. 49). Самъ Петръ сообщалъ иногда иностраннымъ дипломатамъ кое-какія статистическія данныя о войскѣ и флотѣ, объяснялъ свои предположенія относительно веденія войны и пр. (Дон., 59). Въ 1818 году Веберъ жаловался сильно на варварство Русскихъ при военныхъ дѣйствіяхъ въ Финляндіи, гдѣ солдаты грабили несчастныхъ крестьянъ, подвергали даже женщинъ ужаснымъ пыткамъ и пр. (Дон. 108).

Отношенія Россіи къ Оттоманской Портѣ иногда также обращали на себя вниманіе ганноверскаго резидента, но между 1714 и 1720 годами объ этомъ предметѣ нигдѣ не говорится съ подробностью. Иногда упоминаются разные извѣстія изъ Константинополя, говорится о нѣкоторомъ несогласіи между Турціей и Россіей по вопросу о разграниченіи послѣ Прутскаго мира (11, 20). Когда въ концѣ 1714 года Шафировъ прибылъ изъ Турціи въ Петербургъ, Веберъ собралъ разные свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ русскаго дипломата въ Турціи (Дон., 41). Иногда самъ царь въ присутствіи Вебера бесѣдовалъ съ дипломатами о восточномъ вопросѣ (Дон., 65).

Между тѣмъ какъ весьма немногія данныя о внѣшней политикѣ Россіи, встрѣчаемыя въ дипломатической корреспонденціи Вебера, вошли въ составъ его сочиненія „Verändertes Russland“, то, что въ письмахъ и донесеніяхъ Вебера относится къ личности и характеру Петра, къ законодательной и административной дѣятельности его, отчасти воспроизводится болѣе или менѣе подробно въ сочиненіи Вебера. Однако нѣкоторыя подробности на этотъ счетъ въ донесеніяхъ Вебера имѣютъ значеніе совершенно новыхъ данныхъ. Веберъ былъ очень высокаго мнѣнія о Петрѣ; онъ говоритъ о немъ въ одинаковомъ тонѣ и въ письмахъ, и въ своихъ запискахъ, восхваляя трудолюбіе, громадныя познанія и плодотворность дѣйствій царя.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ апрѣлѣ 1714 года Веберъ замѣчаетъ, что Петръ большую часть своего времени проводитъ въ уединеніи, занимаясь разработкою разныхъ проектовъ о нововведеніяхъ. „Еженедѣльно“, замѣчаетъ Веберъ,—„являются новые указы и распоряженія, о которыхъ до ихъ напечатанія не знаетъ никто, не исключая даже сената“ (Дон., 22). Объ образѣ жизни царя, о его занятіяхъ и наклонностяхъ говорится довольно подробно въ сочиненіи Вебера (напримѣръ, I, 482—484), но нѣкоторыя черты, относящіяся сюда въ донесеніяхъ Вебера, представляютъ дополненіе къ этимъ

свѣдѣніямъ (см. напримѣръ, Дон. 22, 44, 48, 56). Достойны вниманія особенно нѣкоторыя замѣчанія о разстройствѣ здоровья Петра. Въ послѣднихъ числахъ 1718 года Веберъ пишетъ, что царь дряхлѣетъ, имѣетъ видъ болѣзненный, и что сильно опасаются за него. Во время пребыванія Вебера въ Данцигѣ въ началѣ 1720 года прусскій дипломатъ Шлиппенбахъ сообщилъ разныя свѣдѣнія о неблагопріятной перемѣнѣ въ здоровьѣ царя, и что ожидаютъ серьезныхъ послѣдствій отъ усиливающихся припадковъ разныхъ его болѣзней (Дон., 170).

Въ 1719 году Веберъ замѣчаетъ: „При нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ царь дѣйствуетъ съ крайнею осторожностью: онъ спрашиваетъ мнѣнія около пятидесяти иностранцевъ, находящихся у него на службѣ, для составленія окончательнаго рѣшенія, записываетъ эти различныя мнѣнія въ свою памятную книжку, выбираетъ затѣмъ лучшее мнѣніе и распоряжается о редакціи его въ своей канцеляріи“ (Дон., 159). Въ другомъ мѣстѣ сказано, что царь зорко слѣдитъ за образомъ жизни каждаго, что онъ постоянно собираетъ свѣдѣнія о томъ, кто съ кѣмъ знакомъ, кто у кого часто бываетъ, и что все это записывается въ памятныхъ книжкахъ царя. Примѣромъ служило озлобленіе царя на Шлиппенбаха и Бассевича за то, что они находились въ близкихъ отношеніяхъ къ Левенвольде и Лоссу (Дон., 25).

Весьма часто Веберъ въ своихъ донесеніяхъ останавливался на изложеніи мѣръ по преобразованію административныхъ учрежденій въ Россіи. Осенью 1714 г. онъ пишетъ, что царь поручилъ барону Гюйссену (Huyssen) составить подробное описаніе присутственныхъ мѣстъ и вообще системы управленія всѣми дѣлами въ Германіи, и что онъ намѣренъ ввести все это и въ Россіи (Дон., 37). Весною 1715 года Веберъ сообщаетъ о намѣреніи царя ввести коллегіальныя учрежденія по образцу шведскихъ, при чемъ генералъ Вейде и другія лица, хорошо знакомыя со шведскими порядками, должны быть руководителями (Дон., 54). Когда были устроены коллегіи, Веберъ, въ началѣ 1718 года, сообщилъ полный списокъ этимъ новымъ учрежденіямъ, съ обозначеніемъ именъ всѣхъ предсѣдателей и вице-предсѣдателей коллегій (Дон., 106).

Управленіе морскимъ вѣдомствомъ было предметомъ особеннаго вниманія Вебера. Онъ много и часто говоритъ о числѣ военныхъ судовъ, о постройкѣ новыхъ кораблей, о находившихся въ русской службѣ иностранныхъ морякахъ, инженерахъ, столярахъ и пр.

(Дон., 51). Въ 1717 году онъ сообщаетъ о какихъ-то непріятностяхъ съ иностранцами, находившимися въ морской службѣ. Они хотѣли оставить русскую службу, ихъ не пускали и пр. (Дон., 82 — 83). Весьма любопытны сообщаемыя нашимъ дипломатомъ свѣдѣнія о постройкѣ каналовъ (Дон., 83, 85, 100), о финансовыхъ распоряженіяхъ (80, 153), о разныхъ мѣрахъ для поощренія торговли, промышленности, горнаго искусства и пр. Главное же вниманіе Вебера было обращено на успѣшное развитіе Петербурга. Очень часто говоритъ онъ о мѣрахъ, принимаемыхъ Петромъ для этой цѣли; очень подробно описываетъ онъ новую столицу, ея географическое положеніе (напримѣръ, 18); то говорится о распоряженіи строить въ Петербургѣ вмѣсто деревянныхъ домовъ каменные (Дон., 22), то разказывается о разныхъ постройкахъ въ Кронштадтѣ, Кроншлотѣ и Петергофѣ (Дон., 12, 47). Иногда указывается на мѣры, клонившіяся прямо къ упадку Москвы (Дон., 49) и Архангельска. И изъ донесеній голландскаго резидента Де-Би мы знаемъ, какъ тягостны были эти распоряженія, имѣвшія цѣлью сдѣлать изъ Петербурга важный торговый портъ. И Веберъ говоритъ объ этомъ предметѣ (Дон., 14), особенно подробно объ одномъ изъ донесеній 1715 года (Дон., 63).

Какъ видно изъ донесеній Вебера, въ кружкахъ иностранныхъ дипломатовъ много токовали о строгомъ преслѣдованіи казнокрадства и о взяточничествѣ. Въ донесеніяхъ Вебера упоминается о многихъ случаяхъ такого рода, напримѣръ, о дѣлѣ Синявина и Кикина въ 1714 году. При этомъ случаѣ обнаруживается наибѣе сочувствіе Вебера Петру. Нигдѣ не встрѣчается осужденія чрезмѣрной строгости царя (см., напримѣръ, 39). И самые знатные вельможи оказывались компрометтированными, напримѣръ, Апраксинъ, Головкинъ, Меншиковъ и т. д. (Дон., 40). Упоминается о дѣлѣ сибирскаго губернатора Гагарина (Дон., 46). Иѣтъ, можетъ быть, предмета, о которомъ въ донесеніяхъ Вебера говорилось бы столь подробно, какъ эти слѣдственные дѣла, называемыя Веберомъ „инвизиціей“ (см., напримѣръ, 52).

Въ 1716 и 1717 годахъ, когда Петръ находился долго за границею, въ Россіи быстро росло число такихъ случаевъ, требовавшихъ строгихъ мѣръ. Къ Веберу, находившемуся тогда также въ Германіи, писали изъ Петербурга, что царь обратился къ сенаторамъ съ чрезвычайно рѣзкимъ письмомъ, въ которомъ обѣщалъ тотчасъ же послѣ возвращенія въ Россію наказывать виновныхъ особенно строго и упрекать ихъ въ томъ, что они его огорчаютъ своею небрежностью и не-

добросовѣстностью. Корреспондентъ Вебера прибавляетъ къ этому, что нужно желать наискорѣйшаго возвращенія царя, такъ что если онъ еще долго останется за границею, всѣ дѣла прійдутъ въ окончательное разстройство (Доп., 95). Всѣ вельможи и чиповники обвиняли другъ друга въ казнокрадствѣ; между Меншиковымъ и сенатомъ былъ полнѣйшій разладъ; каждый готовилъ доносы на своихъ противниковъ; всѣ принимали мѣры для собственной защиты, для обвиненія другихъ; всѣ боялись суда и расправы (Доп., 95, 98, 107).

Тотчасъ же послѣ пріѣзда Петра началась „инквизиція“. Рядомъ съ процессомъ царевича Алексѣя происходили слѣдствія надъ многими лицами, обвиненными въ казнокрадствѣ и продажности. Царь самъ руководилъ всѣми этими дѣлами. Веберъ замѣчаетъ, что неутомимая дѣятельность Петра достойна удивленія, что нельзя не сожалѣть о печальномъ положеніи царя, окруженнаго лишь людьми недобросовѣстными и недостойными какого-либо довѣрія (Доп., 107 — 108). Довольно подробно говорится о дѣлѣ извѣстнаго купца Соловьева, бывшаго банкиромъ въ Амстердамѣ и обвиненнаго въ разныхъ злоупотребленіяхъ, при чемъ встрѣчаются намеки на коварство князя Меншикова (Доп., 101). Впрочемъ, Веберъ считаетъ Соловьева виноватымъ и отзывается о немъ и о его родственникахъ весьма неблагоприятно (Доп., 104). При отсутствіи пока болѣе подробныхъ данныхъ о дѣлѣ Соловьева, въ которомъ замѣшанъ былъ и Курбатовъ, замѣчанія обо всемъ этомъ въ донесеніяхъ Вебера не лишены значенія (Доп., 104, 112, 116), хотя все, что онъ узналъ объ этомъ дѣлѣ, основано лишь на слухахъ, а не на документальныхъ источникахъ.

То, что въ донесеніяхъ и письмахъ Вебера относится къ бытовой исторіи, то-есть, къ состоянію Россіи, къ нравамъ и обычаямъ двора и народа, большею частью воспроизводится и въ его сочиненіи „Verändertess Rusland“. Проѣхавъ нѣсколько разъ черезъ Прибалтійскій край, посѣтивъ два раза Москву, пребывая въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ новой столицы, Веберъ, очевидно, постоянно дѣлалъ разныя замѣтки, которыя затѣмъ одинаково служили матеріаломъ при редакціи его писемъ и донесеній и его сочиненія, изданнаго послѣ возвращенія въ Германію. Такъ, напримѣръ, рассказы о печальномъ состояніи Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, объ упадкѣ Риги, Ревеля, Дерпта, Нарвы, вслѣдствіе событій Сѣверной войны въ первыхъ донесеніяхъ Вебера въ 1714 году, мѣстами буквально воспроизведены въ первыхъ параграфахъ сочиненія „Verändertes Russ-

land". Однако, обо всемъ этомъ въ документахъ, изданныхъ г. Геррманномъ, говорится нѣсколько подробнѣе, нежели въ книгѣ Вебера. Послѣдній имѣлъ случай ознакомиться довольно подробно съ Прибалтійскимъ краемъ. Нѣсколько разъ онъ по нѣскольку недѣль провѣлъ въ Ревелѣ. Его интересовала постройка тамъ и въ Балтійскомъ портѣ гавани и укрѣпленій; проѣздомъ онъ былъ также въ Нарвѣ и Везенбергѣ, всюду осматривая разныя достопримѣчательности. Онъ сообщаетъ много свѣдѣній о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ въ этихъ мѣстахъ, о случаяхъ, происходившихъ въ этихъ городахъ въ первое время Сѣверной войны (см., напримѣръ, Дон., 60—61). Разныя данныя о Ревелѣ могутъ служить драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи этого города.

Уже изъ біографіи Вебера видно, что въ его донесеніяхъ заключается множество данныхъ о придворномъ бытѣ. Разказы его донесеній о празднествахъ въ разныхъ дворцахъ почти цѣликомъ воспроизводятся и въ его сочиненіи. Таковы, напримѣръ, разказы о театральномъ представленіи у царицы Натальи Алексѣевны, о похоровахъ карлика и пр.

Прежніе путешественники, посѣщавшіе Россію, какъ, напримѣръ, Олеарій, Мейербергъ и пр., гораздо большее обращали вниманіе на народныя нравы и обычаи. У Вебера почти вовсе нѣтъ такихъ данныхъ. Его, какъ кажется, гораздо болѣе интересовалъ бытъ инородцевъ, нежели Русскихъ. О Самовѣдахъ и Калмыкахъ говорится въ сочиненіи гораздо подробнѣе, нежели о житіи-бытѣ, о нравахъ и обычаяхъ Русскаго народа. Только изрѣдка имѣлъ онъ случай наблюдать бытъ крестьянъ. При поѣздкѣ въ Москву въ 1716 году Веберъ обращался къ самимъ крестьянамъ съ вопросами объ ихъ матеріальномъ состояніи, объ уплачиваемыхъ ими оброкахъ и податяхъ, но сообщаемыя имъ на этотъ счетъ данныя весьма скудны и неполны (Дон., 69).

Въ донесеніяхъ Вебера встрѣчаются чрезвычайно любопытныя данныя о разбойникахъ, которыхъ не помѣщены въ его запискахъ. Уже вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Россію его поразило множество происходившихъ въ столицѣ случаевъ разбоя, грабежа и смертоубійства. Онъ замѣчаетъ въ мартѣ 1714 года, что вечеромъ или ночью нельзя выходить иначе, какъ многочисленною компаніей. Ежедневно слышно было о совершеніи новыхъ преступленій (Дон., 13). Лѣтомъ 1714 года Веберъ узналъ, что Ромодановскій въ Москвѣ готовился казнить 400 разбойниковъ вдругъ (Дон., 28); немногимъ позже раз-

казывали, что казнь была совершена надъ еще гораздо большимъ числомъ преступниковъ, такъ что всѣ темницы вдругъ опустѣли (Дон., 35). Въ сентябрѣ 1714 года у царскаго врача Эрескина украли всѣ драгоцѣнныя вещи, богатую коллекцію медалей и пр., хотя во время его отсутствія въ его домѣ было большое число слугъ (Дон., 36). И днемъ, и ночью жители Петербурга подвергались опасности разграбленія. Разказывали, что всѣхъ разбойниковъ, казенныхъ по распоряженію Ромодановскаго, до 1714 года насчитывалось до 6,000. Съ Меншиковымъ произошелъ слѣдующій случай: Однажды, въ 1712 году, когда онъ ѣхалъ мимо какой-то деревни, всѣ жители послѣдней напали на него. Только быстрота копей спасла князя, который послѣ велѣлъ перевѣшать всѣхъ жителей этого селенія, не исключая и сельскаго священника. Веберъ замѣчаетъ при этомъ, что при меньшей строгости суда и расправы число преступленій было бы еще значительнѣе (Дон., 30). Въ мартѣ 1715 года Веберъ замѣчаетъ, что безпорядки усилились во время масляницы, и что изъ иностранцевъ никто не выходитъ изъ дому, какъ скоро наступаютъ сумерки. И самъ Петръ не разъ находился въ опасности. Замѣчали, что онъ выѣзжалъ не иначе, какъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, и что онъ постоянно имѣлъ при себѣ дубинку (Дон., 48). Разказывали, что одна шайка разбойниковъ хотѣла напасть на государя во время его путешествія въ Москву въ концѣ 1717 года, и что онъ противъ своего обыкновенія могъ путешествовать только днемъ. Около двадцати разбойниковъ, намѣревавшихся напасть на царя, было взято и отправлено въ Москву, гдѣ казнь ихъ была совершена княземъ Иваномъ Федоровичемъ Ромодановскимъ (Дон., 109—110).

Хотя, какъ мы уже знаемъ изъ исторіи печальныхъ эпизодовъ съ Плейеромъ и Де-Би, въ то время было очень опасно писать о дѣлѣ царевича Алексѣя, въ письмахъ и донесеніяхъ Вебера встрѣчается однако много данныхъ объ этомъ предметѣ.

Вскорѣ послѣ своего приѣзда въ Россію Веберъ былъ представленъ царевичу и кронпринцессѣ. Въ донесеніяхъ своихъ онъ иногда дѣлаетъ замѣчанія о здоровьѣ Алексѣя и Шарлотты, о ихъ денежныхъ обстоятельствахъ, о разныхъ неприяностяхъ, которымъ подвергалась довольно часто кронпринцесса. Осенью 1714 года Веберъ пишетъ, что Шарлотта состоитъ въ перепискѣ со своею сестрою, супругою императора Карла VI, и что сестры намѣреваются устроить свиданіе въ Карлсбадѣ въ 1715 году (Дон. 37). Далѣе говорится о послѣдней

болѣзни Шарлотты. О кончинѣ ея было сообщено въ тѣхъ донесеніяхъ Вебера, которыя не изданы проф. Геррманномъ.

Извѣстія о поѣздкѣ Алексія въ Карлсбадъ лѣтомъ 1714 года кратки и неважны (Дон. 29). Въ маѣ 1715 года упомянуто о его болѣзни (Дон. 55). Далѣе Веберъ замѣчаетъ, что царевичъ ведетъ тихій и уединенный образъ жизни, что онъ обыкновенно обѣдаетъ и ужинаетъ со своими „русскими кавалерами“, и что онъ бываетъ у кронпринцессы лишь разъ или два въ день. Любимое занятіе царевича, продолжаетъ Веберъ, — есть чтеніе книгъ: недавно онъ прочиталъ церковную исторію на нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾ (Дон. 55 и 56).

О началѣ разлада между царемъ и царевичемъ въ письмахъ и донесеніяхъ Вебера не говорится. О письмахъ Петра къ Алексію, въ которыхъ заключалось нѣчто въ родѣ ультиматума, Веберъ узналъ, вѣроятно, не раньше какъ во время слѣдствія въ 1718 году, когда самъ царь обнаружилъ нѣкоторые изъ этихъ документовъ. О бѣгствѣ царевича говорится въ изданныхъ г. Геррманномъ депешахъ Вебера въ первый разъ только въ іюнѣ 1717 года, когда въ Россіи распространилось извѣстіе о пребываніи царевича во владѣніяхъ императора. Достоинъ вниманія слѣдующій разказъ Вебера: „Съ тѣхъ поръ, какъ были получены болѣе подробныя извѣстія о царевичѣ, его пребываніи въ Инсбрукѣ (sic) и о томъ, что онъ нанлекъ на себя гнѣвъ его царскаго величества, вельможи здѣшняго двора начинаютъ разсуждать свободнѣе объ этомъ секретѣ, не считая царевича способнымъ наследовать престолъ. Есть и такіе люди, которые въ народѣ и особливо между солдатчиною распускаютъ слухъ о томъ, будто царевичъ родился плодомъ прелюбодѣнія. И русское духовенство, которое пока высоко цѣнило царевича, нынѣ отчасти склоняется противъ него; опасаются, что царевичъ, отправившійся въ Германію лишь съ цѣлью искать помощи у императора и у другихъ католическихъ державъ, возьметъ на себя обязательство ввести въ Россію со временемъ католическую вѣру. Свита и прислуга царевича совершенно смѣнена; болѣе знатныя сосланы въ отдаленныя мѣста; менѣе знатныя отданы въ солдаты или отправлены на каторгу. По случаю

¹⁾ Жаль, что не названо заглавіе этой книги. Это могло быть знаменитое сочиненіе Арнольда «Kirchen- und Ketzehistorie», явившееся во Франкфуртѣ 1698—1700. Латинское сочиненіе Баронія «Annales ecclesiastici» Алексій читалъ въ Карлсбадѣ въ 1714 году. Въ одномъ письмѣ изъ Москвы отъ 13-го сентября 1718 г. сказано: «Des Arnoldi Ketzehistorie ist sein tägliches Handbuch» (Дон. 125).

празднества дня рожденія царя вовсе не пили за здоровье царевича, а только за здоровье Петра Петровича. Приверженцы Швеціи рады этому, ожидали скорого разстройства въ Россіи и вслѣдствіе того возвращенія всѣхъ утраченныхъ Швеціей земель. Другіе полагаютъ, что царевичъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибы обратился къ Великобританскому двору, ссылаясь на свои родственныя отношенія къ Ганноверскому дому. Нельзя не сожалѣть, что наступающая гроза, вѣроятно, поразила и барона Гюйсена, бывшаго наставникомъ царевича и теперь предающагося совершенной меланхоліи; и онъ и другіе Нѣмцы опасаются, что при такомъ положеніи дѣлъ его прежнія вѣрныя услуги будутъ удостоены лишь плохой награды" (Доп. 95—96).

Въ то время въ Россіи и за границею ходили разные слухи о заговорѣ, составленномъ противъ Петра и его системы. И Веберъ въ своихъ донесеніяхъ говоритъ объ этихъ слухахъ, замѣчая: „Если извѣстія о заговорѣ (conspiration) основательны, то нельзя удивляться этому" и пр. (Доп. 112). Заговора однако не было; настоящей политической партіи не существовало. Но число недовольныхъ было громадно, и многіе сочувствовали царевичу. Веберъ въ своемъ донесеніи, отъ 30-го декабря 1717 года (10-го января 1718 года), замѣчаетъ: „Одинъ иностранецъ, прибывшій сюда изъ Москвы, разказываетъ, что онъ въ одной деревнѣ засталъ чтыреста человекъ Русскихъ занятыхъ отчаянною попойкою; во главѣ ихъ былъ священникъ. Послѣдній спрашивалъ иностранца о новостяхъ, а иностранецъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ священнику; тогда священникъ сказалъ: „Русскіе остались безъ бороды, наши святыни лишены всего, наши законы попираются ногами; мы терпимъ яго иностранцевъ и ихъ обычаевъ". Такъ священникъ продолжалъ говорить въ мятежномъ духѣ все хуже и хуже, по мѣрѣ того какъ былъ пьянъ; иностранецъ же успѣлъ удалиться" (Доп. 109).

Веберъ разказываетъ еще, что пріѣздъ царевича изъ Италіи въ Россію подалъ многимъ мысль, что вспыхнетъ мятежъ (Доп. 113). Но ничего подобнаго не случилось и всѣ въ нѣкоторомъ оцѣпененіи ожидали исхода этого печальнаго дѣла. Изъ словъ Вебера видно, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ всѣ слѣдили за этими событіями. Онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что датскому резиденту Вестфалу было отъ его правительства вмѣнено въ обязанность обращать особенное вниманіе на все относящееся къ царевичу и при случаѣ заступаться за него (Доп. 112). Въ томъ же донесеніи, отъ 27-го

января (7-го декабря) 1718 года, Веберъ замѣчаетъ, что многіе порицають царевича за его рѣшеніе возвратиться въ Россію до уничтоженія царемъ завѣщанія, сдѣланнаго въ пользу Петра Петровича. Дѣло въ томъ, что такового завѣщанія вовсе не существовало, и что лишь нѣсколько дней спустя послѣ этой депеши Вебера къ министру Бернсторфу Петръ Петровичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола. За то въ народѣ шла молва, что царь еще прежде того назначилъ царевича Петра Петровича наслѣдникомъ, прибавивъ къ тому, что въ случаѣ кончины послѣдняго долженъ вступить послѣ царя на престолъ одинъ изъ Нарышкиныхъ, женившись на одной изъ дочерей царя (Дон., 113).

Немногимъ позже Веберъ увѣдомилъ свое правительство объ арестованіи въ Петербургѣ Кикина, о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ проѣзда Толстаго съ царевичемъ изъ Италіи чрезъ австрійскія владѣнія и о столкновеніи Толстаго съ императорскимъ правительствомъ ¹⁾. Изъ Москвы Веберъ еще до поѣздки туда получалъ отъ кого-то весьма подробныя донесенія о событіяхъ въ древней столицѣ. Авторъ донесеній изъ Москвы, также какъ и Веберъ, во всемъ этомъ дѣлѣ сочувствуетъ скорѣе Петру, нежели Алексѣю, сожалѣя о томъ, что всѣ старанія царя такъ мало находятъ поддержки въ народѣ и что царя почти вовсе нѣтъ сотрудниковъ, на которыхъ онъ могъ бы волюнѣ надѣяться. Впрочемъ, особенно благопріятныя отзывы о царѣ въ этихъ донесеніяхъ объясняются опасеніемъ, что эти бумаги могутъ быть перехвачены русскимъ правительствомъ. Неизвѣстный авторъ донесеній прибавляетъ въ шифрахъ (Дон., 119): „Я во всемъ вышеписанномъ хвалю царя изъ осторожности: однако ни авторитетъ царя, ни неблагоразумное поведеніе царевича не могутъ лишить послѣдняго его права. Въ этомъ государствѣ когда-нибудь все кончится ужасною катастрофою; вздохи многихъ миллионовъ душъ противъ царя поднимаются въ небеса; тлѣющая искра повсемѣстнаго озлобленія нуждается лишь въ томъ, чтобы раздулъ ее вѣтеръ, и чтобы нашелся предводитель“.

Между тѣмъ Веберъ, находившись еще въ Петербургѣ, писалъ о разныхъ мѣрахъ предосторожности, принимаемыхъ Меншиковымъ на случай общаго возстанія, замѣчая при томъ, что нынѣшнее волненіе считается уже „28-мъ заговоромъ, случившимся во время этого царствованія“. Достойно вниманія замѣчаніе Вебера: „Еслибъ этотъ за-

¹⁾ Объ этомъ см. у Устрялова. VI. 124—132.

говоръ состоялся, то всѣ здѣшніе иностранцы поставлены были бы въ ужасное положеніе и безъ исключенія сдѣлались бы жертвою озлобленія черни“ (Дон., 121).

Въ слѣдующемъ письмѣ, полученномъ Веберомъ изъ Москвы, заключаются многія подробности о Кикинѣ, котораго, какъ пишетъ неизвѣстный корреспондентъ Вебера,—обвиняли въ томъ, что онъ былъ настоящимъ виновникомъ нападенія разбойниковъ на царя во время путешествія послѣдняго въ Москву. Затѣмъ въ этомъ дописаніи говорится о Баклановскомъ и о томъ, какъ послѣдній хотѣлъ спасти Кикина, отправляя къ нему изъ Москвы гонца съ извѣстіемъ о грозившей ему опасности и пр. Въ заключеніе авторъ письма замѣчаетъ: „Я не хочу быть судьей—правъ или не правъ царь, устраняя царевича отъ престолонаслѣдія и проклиная его. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что духовенство, дворянство и чернь обожаютъ царевича, и каждый понимаетъ, что по кончинѣ его завѣщаніе будетъ также мало исполнено, какъ и завѣщаніе Людовика XIV“ (Дон., 123).

Донесеніе неизвѣстнаго изъ Москвы, отъ 13-го (24-го) февраля (Дон., 124—127), снова заключаетъ въ себѣ объясненіе всего дѣла въ пользу царя и рѣзкія выраженія объ образѣ дѣяній Кикина, Нарышкина, Баклановскаго и проч. Въ донесеніи Вебера отъ 23-го февраля (6-го марта) говорится объ арестованіи множества лицъ въ Петербургѣ и объ отправленіи ихъ въ Москву, объ отчаяніи арестованныхъ и о крутомъ обращеніи съ ними властей. Довольно любопытно слѣдующее замѣчаніе: „Строжайше запрещено всѣмъ аптекарямъ продавать опасныя вещества, потому что въ продолженіе послѣднихъ 14 дней въ аптекахъ былъ большой спросъ на мышьякъ и другія такого рода предметы“. Далѣе сказано: „Третьяго дня публикованъ былъ указъ, въ силу котораго запрещено всѣмъ и каждому оставлять Петербургъ; даже крестьянамъ запрещено пріѣзжать туда для продажи сельскихъ продуктовъ, изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не ушелъ въ одеждѣ крестьянина изъ Петербурга. Далѣе всѣмъ приказано, подъ страхомъ смертной казни, обращать вниманіе на своихъ сосѣдей и тотчасъ же доносить на тѣхъ, которые стануть готовиться къ отъѣзду. Такимъ образомъ Петербургъ запертъ, и такъ сказать, находится подъ арестомъ. Мыѣ невозможно описать ужасъ, въ которомъ находятся всѣ, опасаясь доносовъ на виновныхъ и на неповныхъ и проч.“ (Дон., 128—129).

Въ слѣдующихъ затѣмъ донесеніяхъ говорится о результатахъ часть сснн, отд. 2.

допросовъ Кикина, Нарышкина и проч. Веберъ, прѣхавшій между тѣмъ въ Москву, замѣчаетъ на этотъ счетъ: „Половина Россіи, какъ кажется, была вовлечена въ этотъ заговоръ“. Немногимъ позже онъ описываетъ дѣло Глѣбова, казни 15-го марта и сообщаетъ нѣкоторыя частности, уже извѣстныя изъ другихъ источниковъ. Достоиню вниманія замѣчаніе, что царевичъ Алексѣй долженъ былъ присутствовать при казняхъ въ покрытыхъ саниахъ. Какъ видно, впрочемъ, въ публикѣ слишкомъ преувеличивали значеніе заговора. Веберъ пишетъ: „Царь узналъ заговоръ: хотѣли возвести на престолъ царевича, заключить миръ съ Швеціей, уступить ей завоеванныя области, сжечь Петербургъ, возвратить столицу въ Москву, отиѣнить всѣ должности губернаторовъ и коммандантовъ, учрежденныхъ на нѣмецкій ладъ, распустить большую часть войска и для умноженія населенія превратить солдатъ въ земледѣльцевъ, предать смерти всѣхъ иностранцевъ, посадить на колъ шесть человекъ изъ нынѣшнихъ фаворитовъ и возстановить всѣ прежніе порядки на древній московскій ладъ. Еслибы царевичъ не возвратился изъ-за границы, все это осталось бы въ тайнѣ“ и проч. (Дон., 139).

Мы знаемъ изъ слѣдственнаго дѣла царевича Алексѣя, что всѣ слухи о заговорѣ, о подробной программѣ заговорщиковъ, встрѣчающіеся въ подлинныхъ документахъ и другихъ донесеніяхъ иностранныхъ дипломатовъ, напримѣръ, въ депешахъ Де-Би и Плепера, лишены основанія. Дѣйствія царевича и его приверженцевъ, на сколько мы знаемъ о нихъ изъ самаго надежнаго и подробнаго источника, изъ показаній въ застѣнкахъ, не могутъ быть названы заговоромъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Нельзя отрицать, что Петру и вообще государству грозила большая опасность со стороны царевича Алексѣя и его приверженцевъ и единомышленниковъ, и что въ виду этой опасности казалось необходимымъ устранить царевича, казнить многихъ лицъ и проч. Но эти наказанія относились болѣе къ преступнымъ мыслямъ, нежели къ революціоннымъ дѣйствіямъ. Петръ не столько былъ судьей надъ настоящими мятежниками, сколько побѣдителемъ надъ приверженцами противоположныхъ политическихъ убѣжденій. Терроръ въ Москвѣ и Петербургѣ былъ скорѣе цѣлымъ рядомъ полицейскихъ мѣръ, нежели результатомъ формальной и безпристрастной юрисдикціи.

Что, впрочемъ, касается до розыска въ Петербургѣ, слѣдовавшаго за событіями въ Москвѣ, то въ донесеніяхъ Вебера встрѣчаются лишь скудныя данныя объ этомъ предметѣ. Послѣ возвращенія въ

Петербургъ Веберъ сообщаетъ лишь нѣкоторыя свѣдѣнія о судьбѣ Долгорукаго, о пыткѣ послѣдняго и Лопухина въ Петергофѣ (въ маѣ 1718 г.), о несчастной вдовѣ Кикина и проч. О царевичѣ Алексѣѣ сказано въ донесеніи отъ 25-го апрѣля (6-го мая) 1718 года: „Царевичъ состоитъ подѣ строгимъ надзоромъ и выходитъ рѣдко. Говорятъ, что онъ иногда не въ полномъ разсудкѣ и намеренъ, въ то время, когда его брили, разъ десять вскочилъ со стула“ и проч. (Дон., 141).

Письма и донесенія Вебера заключаютъ въ себѣ также нѣкоторыя данныя для характеристики важнѣйшихъ лицъ, окружавшихъ Петра. Довольно часто, хотя не особенно подробно, говорится о царицѣ Екатеринѣ. Мы узнаемъ, что Петръ ежегодно праздновалъ день свадьбы (въ февралѣ) (Дон., 2), что Екатерина была любима не только паремъ, но и народомъ и, не смотря на свое скромное происхожденіе, умѣла вести себя чрезвычайно разумно и съ тактомъ (Дон. 55). Веберъ старался собрать разныя данныя о происхожденіи Екатерины, о которыхъ упомянуто въ его письмѣ къ Робетону изъ Данцига отъ 9-го января (новаго стиля) 1720 года (Дон., 165) и которыя въ видѣ біографическаго очерка помѣщены въ его сочиненіи (III, 7 и слѣд.). О царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ въ донесеніяхъ Вебера сказано, что она пользуется большимъ уваженіемъ и почетомъ, что она очень похожа на царя (Дон., 12), любитъ драматическое искусство (22) и т. п. Все это, впрочемъ, уже прежде было извѣстно изъ сочиненія Вебера. Что касается до маленькаго царевича Петра Петровича, котораго Петръ и Екатерина называли „шишечкою“, то Веберъ сообщаетъ, что царевичъ всегда былъ слабъ и хилъ. Весною 1718 года Веберъ писалъ, между прочимъ, что на Петра Петровича, какъ наслѣдника, нечего надѣяться, такъ какъ онъ, хотя ему пошелъ уже третій годъ, не можетъ ни стоять, ни говорить и пытается почти исключительно лѣкарствами (Дон., 142). Это обстоятельство не было пока извѣстно изъ другихъ источниковъ. Довольно любопытны нѣкоторыя замѣчанія о царевнахъ Аннѣ и Елизаветѣ. Первой въ то время, когда Веберъ пріѣхалъ въ Россію, было 7 лѣтъ, а второй 4 года. Веберъ видѣлъ, какъ обѣ принцессы при дворѣ танцовали (Дон., 10). Въ 1712 году Веберъ замѣчаетъ, что Петръ весьма заботился о воспитаніи Анны: она учится всему, что нужно для управленія государствомъ (Дон., 161). Въ то время царевича Петра Петровича уже не было въ живыхъ, и Веберъ полагалъ, что царь назначитъ Анну наслѣдницею престола. Въ мартѣ 1720 года, когда Веберъ находился

въ Данцигѣ, ему писали изъ Петербурга, что Петръ довольно торжественно совершилъ обрядъ объявленія совершеннолѣтія царевны Анны. Веберъ при этомъ замѣчаетъ, что такая церемонія и въ Россіи, и при другихъ дворахъ Европы должна считаться совершенною новизною (Дон., 173), и опять говоритъ о томъ, что Анна, по всей вѣроятности, будетъ объявлена наслѣдницею престола, хотя, прибавляетъ Веберъ, царь и показываетъ видъ, что заботится о воспитаніи своего внука, Петра Алексѣевича (Дон., 174). Не многимъ позже въ письмѣ къ королю Георгу Веберъ замѣчаетъ, что царь не думаетъ о назначеніи Петра Алексѣевича наслѣдникомъ престола, такъ какъ послѣдній, безъ сомнѣнія, сталъ бы мстить за страшную судьбу своего отца и проч. (Дон., 180).

Замѣчанія, относящіяся къ племянницамъ царя—Аннѣ, Екатеринѣ и Прасковѣ Ивановнамъ (Дон., 37, 55) не важны. Мы узнаемъ только, что онѣ хорошо говорили по нѣмецки, и что изъ нихъ особенно старшая, герцогиня Курляндская, отличалась красотою и способностями.

Гораздо подробнѣе говорится о разныхъ государственныхъ людяхъ, окружавшихъ царя. Находясь постоянно въ дѣловыхъ отношеніяхъ къ Меншикову, Шафирову, Ягужинскому и проч., Веберъ долженъ былъ составить себѣ довольно точное понятіе о характерѣ, способностяхъ и наклонностяхъ этихъ лицъ. Изъ нихъ, разумѣется, важнѣйшую роль и въ донесеніяхъ Вебера играетъ Меншиковъ. Отзывъ ганноверскаго резидента о свѣтлѣйшемъ князѣ весьма неблагоприятенъ. И въ своемъ сочиненіи о Россіи Веберъ довольно часто имѣлъ случай указывать на недобросовѣстность, сребролюбіе и жестокость Меншикова. Тамъ же не разъ говорится о гнѣвѣ царя на Меншикова, о весьма рѣзкихъ выраженіяхъ царя, относящихся къ фавориту. Въ донесеніяхъ (стр. 25), между прочимъ, замѣчено, что царь весьма недоволенъ близкими сношеніями Меншикова съ графомъ Левенвольде, что Меншикова обвиняютъ въ употребленіи для себя денегъ, назначенныхъ для жалованья иностраннымъ офицерамъ, что свѣтлѣйшій князь очень легко можетъ лишиться всего своего значенія. Современникамъ, слѣдившимъ за событіями, казался особенно важнымъ вопросъ, какъ царь отнесется къ Меншикову послѣ своего возвращенія изъ-за границы въ концѣ 1717 года. Веберъ въ сентябрѣ получилъ письмо, въ которомъ было сказано, что князь находится въ весьма затруднительномъ положеніи. „Еслибы онъ умѣлъ читать“, сказано далѣе,—„онъ изъ древней и новой исторіи могъ бы узнать о

многихъ прискорбныхъ случаяхъ подобныхъ катастрофъ. Это, вѣроятно, усилило бы его безпокойство; такимъ образомъ отсюда видно, что невѣжество иногда бываетъ выгодно“ и проч. (Дон., 103). Оказалось однако, что отношенія Петра къ Меншикову по возвращеніи въ Россію не стали хуже; напротивъ того, дѣло царевича Алексѣя еще содѣйствовало увеличенію значенія фаворита, и въ 1718 году Веберъ могъ писать, что Меншиковъ въ полной силѣ, такъ какъ царь убѣдился, что можетъ вполне положиться на князя (Дон., 123).

Въ теченіе своего пребыванія въ Россіи Веберъ долженъ былъ въ своихъ донесеніяхъ говорить о вельможахъ съ нѣкоторою осторожностью. Его депеши могли быть перехвачены, и въ такомъ случаѣ министры царя могли сдѣлаться весьма опасными врагами ганноверскаго резидента. Вотъ почему, какъ кажется, о Ягужинскомъ говорится подробнѣе лишь тогда, когда Веберъ уже находился въ Данцигѣ. Веберъ писалъ о немъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ по случаю отпращиванія его въ Вѣну въ качествѣ русскаго посла. По словамъ нашего дипломата, Ягужинскій былъ очень ловокъ въ „женскихъ интригахъ“ и этому онъ обязанъ своею карьерою. Затѣмъ слѣдуютъ разныя замѣчанія объ ограниченности и о варварствѣ Ягужинскаго, о томъ, какъ всѣ его ненавидятъ, какъ онъ пьянствуетъ, какъ онъ всевозможными средствами старается разбогатѣть. Далѣе говорится о ненависти Ягужинскаго къ Австріи, о его нахальствѣ въ обращеніи съ австрійскимъ резидентомъ Шлейеромъ, о его интригахъ противъ кронпринцессы Шарлотты, о его способности обманывать всѣхъ и cadaго и пр. Все это донесеніе Вебера, какъ кажется, имѣло цѣлью служить предостереженіемъ для вѣнскаго кабинета. Король Георгій, къ которому Веберъ писалъ обо всемъ этомъ, можетъ быть, сообщилъ содержаніе этого донесенія австрійскому правительству (Дон., 178—180).

Въ письмахъ Робетона къ Веберу мы встрѣчаемъ нѣкоторыя данныя объ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ, который въ то время началъ свою карьеру при дворѣ Ганноверскаго курфирста и Англійскаго короля. Способность его къ интригамъ, выказавшаяся впоследствии особенно при императрицѣ Елизаветѣ и въ началѣ царствованія Екатерины II, обнаруживалась уже въ то время, когда Веберъ былъ резидентомъ въ Россіи. Мы знаемъ, что Бестужевъ во время пребыванія царевича Алексѣя въ Неаполѣ предлагалъ ему свои услуги ¹⁾. Отзывы о Бестужевѣ въ Англии были въ это время самыя

¹⁾ Устреловъ, VI, 93—94.

неблагопріятныя. Мы узнаемъ изъ писемъ Робетона, что Бестужевъ, находясь въ Англіи, старался доказать англійское происхожденіе своихъ предковъ. Робетонъ насмѣхается надъ этимъ стараніемъ. Въ Англіи его считали креатурою Меншикова, вообще не довѣряли ему и находили его сребролюбивымъ и къ тому же неразборчивымъ въ средствахъ набить себѣ карманы (Дон., 187—188). Сообщая Веберу, что Бестужевъ получилъ въ Англіи отставку, Робетонъ замѣчаетъ, что онъ велъ себя дурно, и къ этому прибавляетъ совѣтъ Веберу не водиться съ Бестужевымъ (Дон. 192).

Такимъ же образомъ для біографіи и характеристики разныхъ другихъ лицъ, напримѣръ, Шафирова, Матвѣева, Шереметева и пр., въ донесеніяхъ Вебера встрѣчаются болѣе или менѣе важныя данныя. Мы узнаемъ, между прочимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Шафировъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Царьграда, дѣла дипломатическія, находившіяся въ нѣкоторомъ застоѣ, пошли гораздо успѣшнѣе, что онъ трудился день и ночь, сообщая обо всемъ царю (Дон., 41); узнаемъ также, что уже въ 1720 году служебное положеніе Шафирова было поколеблено, что онъ, замѣчая перемѣну въ обращеніи съ нимъ царя, заболѣлъ, прикидывался лишеннымъ разсудка и пр. (173); узнаемъ, что въ 1716 году царь, назначая фельдмаршала Шереметева и генерала Долгорукаго на важныя посты, желалъ, чтобы они надзирали другъ надъ другомъ (68) и пр.

Недавно профессоръ Каро въ Бреславлѣ высказалъ мысль, что отзѣвы о русскомъ дворѣ, высказанныя въ письмахъ и донесеніяхъ иностранныхъ дипломатовъ, писанныхъ изъ Россіи, какъ-то осторожнѣе, благосклоннѣе, нежели мнѣнія, высказанныя этими же лицами въ позднѣйшее время, по выѣздѣ ихъ изъ Россіи. Причину такой разницы г. Каро видитъ въ опасномъ положеніи, въ которомъ находились иностранные дипломаты во время пребыванія въ Россіи ¹⁾. Хотя мы и имѣли случай видѣть, что и Веберъ, и тѣ лица въ Россіи, которыя съ нимъ переписывались, должны были соблюдать нѣкоторую осторожность, опасаясь вскрытія своихъ писемъ и разбора шифрованныхъ депешъ, тѣмъ не менѣе картина Россіи, портреты Петра и его сотрудниковъ, заключающіяся въ изданіи профессора Германна, оказываются менѣе благопріятными, чѣмъ отзѣвы о Россіи, о характерѣ царствованія Петра, о значеніи русскаго переворота въ

¹⁾ См. статью Каро въ *Deutsche Literaturzeitung* 1880 г., № 5 (стр. 162) о моемъ сочиненіи «Peter der Grosse».

позднѣйшемъ сочиненіи Вебера „Das veränderte Russland“. Большой трудъ бывшаго ганповерскаго резидента, составленный имъ въ то время, когда онъ находился уже въ Германіи, внѣ всякой опасности, дышетъ оптимизмомъ. Уже самое заглавіе этого труда, соотвѣтствующее основной мысли, господствующей въ немъ, доказываетъ, въ какой мѣрѣ Веберъ цѣнилъ результаты стремленій Петра, какимъ образомъ онъ понималъ громадную разницу между до-петровскою Россіей и Россіей, „преобразованною“ Петромъ. Испытавъ множество непріятностей въ Россіи, бывъ свидѣтелемъ весьма прискорбныхъ эпизодовъ съ Шлейеромъ, де-Би, Фёрстомъ и пр., Веберъ и его знакомые отзывались обо всемъ довольно рѣзко въ своихъ письмахъ, между тѣмъ какъ въ сочиненіи Вебера не говорится почти вовсе объ этихъ случаяхъ. Веберъ вѣрилъ въ успѣхъ реформы Петра; наблюдение за ходомъ дѣлъ въ Россіи и послѣ кончины великаго преобразователя усиливало въ немъ убѣжденіе въ пользу дѣятельности Петра и въ необходимости дальнѣйшаго прогресса.

Второй и третій томы сочиненія Вебера писаны въ концѣ царствованія императрицы Анны, значить—въ то самое время, когда была составлена записка Фокеродта о Россіи. Нельзя не замѣтить разницы между взглядами Вебера и Фокеродта. Мы знаемъ, что послѣдній сомнѣвался въ успѣхѣ реформы Петра, что его отзывы о царѣ большею частью были неблагопріятны, что вообще его записка обнаруживаетъ нѣсколько пессимистическій взглядъ на петровскія преобразованія. Въ противоположность всему этому Веберъ восхищенъ умомъ, познаніями, гениальностью, основательностью и глубиною программы Петра. И въ своихъ донесеніяхъ, и въ своемъ сочиненіи Веберъ хвалитъ царя, порицая его подданныхъ за то, что они такъ мало понимали основныя мысли реформы, ненавидѣли иностранцевъ, составляли заговоры и пр., между тѣмъ какъ Фокеродтъ можетъ быть названъ сторонникомъ партіи недовольныхъ, и его записка, составленная для Вольтера по желанію Фридриха Великаго, имѣетъ мѣстами характеръ полемики противъ эпохи Петра, въ противоположность Веберову сочиненію, которое производятъ впечатлѣвіе папегирика. Хотя позднѣйшее развитіе Россіи доказало справедливость мнѣнія Вебера и ошибочность воззрѣній Фокеродта, нельзя однако отрицать, что краткая записка послѣдняго стоитъ въ литературномъ отношеніи гораздо выше объемистаго труда Вебера. Относительно формы изложенія трудъ Фокеродта долженъ считаться образцовымъ. Группировка предмета прозрачна, архитектура

всей записки стройна, слогъ сжатъ. Напротивъ того, Веберъ былъ плохимъ писателемъ, не заботился о разработкѣ и группировкѣ нашедшихся въ его распоряженіи матеріаловъ, составилъ какой-то безпорядочный сборникъ, въ которомъ заключаются, какъ мы видѣли, совершенно разнокалиберныя статьи. Слогъ его тяжелъ, неуклюжъ. Нѣсколько разъ въ различныхъ мѣстахъ книги говорится объ одномъ и томъ же предметѣ. При всемъ томъ, Веберова книга имѣла, какъ можно судить по числу изданій и переводовъ, много читателей въ XVIII столѣтіи. Трудъ Фокеродта оставался рукописью, доступною лишь немногимъ лицамъ. Изданіемъ дипломатической переписки Вебера, какъ и обнародованіемъ записки Фокеродта, г. Геррманнъ оказалъ существенную услугу исторической наукѣ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о трехъ приложеніяхъ къ изданію депешъ Вебера.

I. Замѣтка о Фокеродтѣ (стр. 213 — 224). Въ статьѣ о значеніи записки Фокеродта, какъ источника для исторіи Петра Великаго (Журн. Мин. Народн. Просв. 1874 г., январь), я доказалъ, что сужденія Фокеродта о Петрѣ не безпристрастны, и что г. Геррманнъ въ предисловіи къ своему изданію напрасно чрезъ мѣру превознесъ справедливость сужденій и точность свѣдѣній Фокеродта о Россіи. Вскорѣ послѣ того, въ выходящемъ въ Парижѣ журналѣ *Revue critique* (№ 14, 1874 г.) явилась замѣтка о Фокеродтѣ, и при этомъ было упомянуто о моей статьѣ, могущей служить руководствомъ при оцѣнкѣ этого источника. Затѣмъ г. Геррманнъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ „S. G. Vockerodt und der Professor für russische Geschichte zu Dorpat A. Brückner“, въ которой онъ старался опровергнуть мои отзывы о значеніи записки Фокеродта. На эту брошюру, свидѣтельствовавшую о сильномъ раздраженіи автора, я возражалъ въ журналѣ *Russische Revue* (1875 года, февраль), при чемъ указалъ на связь между приложеніемъ (*Supplément*) къ запискамъ Манштейна и изданною пр. Геррманномъ запискою Фокеродта.

Затѣмъ въ журналѣ *Historische Zeitschrift* 1877 года (кн. 4, стр. 670 и сл.) явилось краткое, но весьма важное сообщеніе г. Рейнгольда Козера о происхожденіи записки Фокеродта. Г. Козеръ заимствовалъ изъ Берлинскаго архива нѣкоторыя данныя о жизни и о служебной дѣятельности Фокеродта, а затѣмъ, указавъ на переписку Фридриха Великаго съ Вольтеромъ, сообщилъ, что записка Фокеродта есть не что иное, какъ цѣлый рядъ отвѣтовъ на вопросы, поставленные Вольтеромъ, мечтавшимъ уже въ тридцатыхъ годахъ о со-

ставленіи книги о Петрѣ и пр. Нынѣ, издавая дипломатическую корреспонденцію Вебера, г. Геррманнъ возвращается къ этому предмету, возражаетъ вновь на мою статью и отстаиваетъ свой первоначальный отзывъ о безусловной справедливости сужденій Фокеродта. При этомъ г. Геррманнъ сообщилъ еще нѣкоторыя данныя изъ Берлинскаго архива о возвращеніи Фокеродта въ Берлинъ въ 1737 г. и о дальнѣйшей его карьерѣ.

Возраженія г. Геррманна, на мой взглядъ, относящійся къ этому предмету, не относятся къ самому важному, поднятому мною вопросу— о нѣкоторомъ пристрастїи, нѣкоторой односторонности Фокеродта въ оцѣнкѣ историческаго значенія дѣятельности Петра Великаго. Въ своемъ сочиненіи о Петрѣ Великомъ (*Weltgeschichte in Einzeldarstellungen*, Berlin, Grote, 1879 и 1880 гг.) я уже имѣлъ случай мѣстами указывать на несомнительность сужденій Фокеродта. Голословное замѣчаніе г. Каро (въ рецензїи моего сочиненія о Петрѣ въ *Deutsche Literaturzeitung*, № 5), считающаго мое „отращеніе къ запискѣ Фокеродта лишненнымъ основаніемъ“, не можетъ измѣнить моего взгляда или результатовъ моего изслѣдованія. Я никогда не отрицалъ значенія этого источника, но не могъ и не могу раздѣлять мнѣнія г. Геррманна о безусловной вѣрности воззрѣній Фокеродта на эпоху Петра. Появленіе такихъ источниковъ, какова дипломатическая переписка Вебера, можетъ считаться только подтвержденіемъ моего мнѣнія.

II. Записка Лосса (1715 года) (стр. 196—201). Польско-саксонскій дипломатъ Лоссъ довольно долго находился въ Россіи. Нѣкоторыя изъ его депешъ, хранящихся въ Дрезденскомъ архивѣ, уже были напечатаны. Такъ, на примѣръ, въ XX томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества г. Геррманномъ же были напечатаны депеши Лосса, относящіяся къ 1716 и 1718 гг. Нынѣ же г. Геррманнъ издалъ одну депешу, адресованную къ генералъ-фельдмаршалу графу Флеммигу и заключающую въ себѣ краткій очеркъ положенія Россіи въ 1715 году. Тутъ именно говорится о важнѣйшихъ лицахъ при русскомъ дворѣ, о Меншиковѣ, о Долгорукихъ, о Шереметевѣ, о Ягужинскомъ, о Головкинѣ, о Шафировѣ и о Толстомъ. Довольно важны нѣкоторыя замѣчанія о партияхъ при дворѣ, на примѣръ, о томъ, какъ царица старалась поддерживать Меншикова, о крамолахъ Долгорукихъ противъ Меншикова, о дружескихъ отношеніяхъ Шереметева и Шафирова къ Долгорукимъ, объ опасномъ поло-

женіи Шафирова, объ интригахъ Толстаго, желавшаго вредить Шафирову, о всеобщемъ нерасположеніи къ Петру и пр.

III. Записка о царевичѣ Алексѣѣ въ библіотекѣ въ Готъ (стр. 202—212). Уже при составленіи IV тома своего сочиненія „Geschichte d. russ. Staats“ (изданнаго въ 1849 году) г. Геррманнъ пользовался этимъ весьма любопытнымъ документомъ, заключающимъ въ себѣ множество важныхъ данныхъ о дѣлѣ Алексѣѣ и ускользнувшимъ отъ вниманія Устрялова при обработкѣ VI тома сочиненія о Петрѣ Великомъ. Прже г. Геррманнъ считалъ авторомъ этой записки прусскаго посланника Мардефельта. Нынѣ же, издавая всю записку, г. Геррманнъ изъявляетъ сомнѣніе въ справедливости своего прежняго предположенія, предоставляя другимъ изслѣдовать вопросъ объ авторѣ записки.

Разказъ начинается съ московскихъ событій 3-го февраля 1718 года, когда Алексѣѣ долженъ былъ торжественно отказаться отъ своего права на престолонаслѣдіе и пр. Нѣкоторыя частности разказа, основанныя на слухахъ, напримѣръ, извѣстіе, будто царь собственноручно наказывалъ прежнюю царицу Евдокію кнутомъ, не подтверждаются другими источниками. Достоинно вниманія замѣчаніе, что въ помѣщеніи царицы, во время ея пребыванія въ Москвѣ, были слышны крики и стоны государственныхъ преступниковъ, подвергаемыхъ ужаснымъ истязаніямъ въ застѣнкахъ; далѣе, что царевичъ Алексѣѣ опасался отравленія и давалъ отвѣдывать лицамъ, его окружавшимъ, все, что ему подавали ѣсть и пить. Интересны также нѣкоторыя замѣчанія о дѣлѣ Евдокии, о Докукинѣ, о страшныхъ пыткахъ, которымъ былъ подвергнутъ Глѣбовъ, о мнимыхъ намѣреніяхъ заговорщиковъ и пр. Всѣ эти донесенія писаны въ Москвѣ въ февралѣ и мартѣ. Слѣдующія затѣмъ донесенія писаны изъ Петербурга въ апрѣлѣ и маѣ. Содержаніе ихъ лишь отчасти относится къ дѣлу царевича Алексѣѣ. Незвѣстный дипломатъ посылаетъ своему королю образчикъ новой монеты, чеканенной въ 1718 году ¹⁾, описываетъ свадьбу Пушкина, при чемъ „нашутѣйшіи патріархъ“ велъ себя несмысленно циническимъ образомъ и пр.

Авторъ записки питалъ большое сочувствіе къ Петру. Онъ замѣчаетъ, что нужно желать отъ души здоровья и долгой жизни царю,

¹⁾ То были рубли, полтины и гривенники 70-й пробы, алтынники и копейки 38-й пробы, червонцы 75-ой пробы. Всѣ эти монеты были гораздо легче всѣхъ прежнихъ. См. мое соч. Finanzgeschichtliche Studien, 155.

потому что еслибы не стало его, началась бы ужаснѣйшая анархія, и прежде всего Петербургъ былъ бы обращенъ въ пепелъ ¹⁾.

¹⁾ Жаль, что мы не знаемъ автора этихъ донесеній. Они содержатъ въ себѣ обращеніе къ коронованному лицу. Постоянно встрѣчаются выраженія «Sire» и «Votre Majesté». Во всякомъ случаѣ авторомъ не былъ Лоссъ, такъ какъ въ одномъ изъ этихъ донесеній о польскомъ резидентѣ говорится въ третьемъ лицѣ. Авторомъ этихъ донесеній не былъ и Веберъ, потому что Вебера не было въ Москвѣ въ началѣ февраля; къ тому же мы знаемъ, что Веберъ писалъ къ королю Георгу не на французскомъ языкѣ, а на нѣмецкомъ. Нельзя не сожалѣть о томъ, что г. Геррманнъ не сообщилъ ни причинъ, заставлявшихъ его думать въ 1849 г., что авторомъ этихъ донесеній былъ Мардеевельтъ, ни равнымъ образомъ причинъ, заставляющихъ его нынѣ сомнѣваться въ этомъ. Очень жаль, что въ «Юрналахъ» этого времени оказывается пробѣлъ, а то, можетъ быть, мы узнали бы изъ «журнала», кто было то лицо, которое въ концѣ апрѣля было приглашено царемъ для осмотра какой-то машины, и съ которымъ послѣ осмотра Петръ пировалъ въ домѣ Крейса, какъ разказываетъ о себѣ авторъ этихъ записокъ. Авторомъ ихъ не могъ быть Де-Би, потому что донесенія голландскаго резидента не могли быть обращены къ какому-либо государю. Не могъ быть авторомъ этой записки и Плейсръ, потому что австрійскій резидентъ въ то время избѣгалъ всякихъ отношеній съ Петромъ. Кто же изъ дипломатовъ еще находился въ то время въ Москвѣ до апрѣля и въ Петербургѣ послѣ того? Впрочемъ, авторомъ этихъ донесеній могъ быть и не какой-либо посланникъ, а другое лицо, напримѣръ, какой-либо инженеръ, такъ какъ авторъ записки, по видимому, считался экспертомъ при осмотрѣ помянутой машины.

А. Бринксеръ.

О СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ И ОБЪ УСТАНОВЛЕНІЯХЪ ПРИ НЕМЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА I (1721—1725).

Въ 1721 году по иниціативѣ государя императора Петра I учрежденъ былъ въ Россіи, въ замѣнъ патріаршества, святѣйшій правительствующій синодъ для управленія всею русскою церковію. Въ вѣдѣніе святѣйшаго синода перешли тѣ различные приказы, которые существовали при патріархахъ. Но съ другой стороны стали формироваться подъ управленіемъ его новые синодалышые и епархіальныя органы для управленія различными отраслями церковной жизни. Всѣ эти учрежденія, со святѣйшимъ синодомъ во главѣ, составляли правительственную власть въ русской православной церкви. Имѣя въ виду изслѣдовать во всѣхъ подробностяхъ устройство новаго церковнаго правительства въ Россіи въ первые годы его существованія, ограничиваясь концомъ царствованія Петра I, мы изложимъ этотъ предметъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) изложимъ, въ видѣ вступленія, состояніе церковнаго правительства въ Россіи отъ смерти послѣдняго русскаго патріарха Адріана до учрежденія синода; 2) изложимъ со всею подробностью обстоятельства, предшествовавшія открытію святѣйшаго синода и покажемъ его составъ, права, обязанности, отношенія и дѣятельность въ царствованіе Петра I, и 3) раскроемъ тѣ учрежденія, оставшіяся отъ патріарха и вновь сформировавшіяся при синодѣ, при посредствѣ которыхъ онъ, то-есть святѣйшій синодъ, управлялъ церковію.

I.

Состояніе церковнаго правительства въ Россіи отъ смерти послѣдняго
Русскаго патріарха до учрежденія святѣйшаго синода.

Въ 1700 году умеръ послѣдній патріархъ Русской православной церкви Адрианъ. Вопреки ожиданіямъ духовенства и народа, государь Петръ Алексѣевичъ новаго патріарха не назначилъ, потому что имѣлъ намѣреніе замѣнить патріаршество въ Россіи другою формою церковнаго управленія.

Чѣмъ же замѣнить патріарха? Кого поставить во главѣ церкви? На первыхъ порахъ, пока еще не было выработано ничего опредѣленнаго относительно этого вопроса, Петръ во главѣ Русской церкви поставилъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, назначивъ на эту должность знаменитаго іерарха того времени, преосвященнаго Стефана Лворскаго, митрополита рязвскаго и муромскаго. Но уже управленіе мѣстоблюстителя отличалось инымъ характеромъ, чѣмъ управленіе патріарха. Патріархъ въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ и дѣлъ былъ вполне самостоятеленъ и ни отъ кого независимъ; мѣстоблюститель долженъ былъ совѣтоваться съ другими епископами, которые для этого поочередно вызывались въ Москву. Это собраніе очередныхъ епископовъ называлось освященнымъ соборомъ ¹⁾. Кромѣ того 24-го января 1701 года издавъ именной указъ, въ которомъ повелѣвалось: „домъ святѣйшаго патріарха и дома-жь архіерейскіе и монастырскія дѣла вѣдать боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, а съ нимъ у тѣхъ дѣлъ быть дяку Ефиму Зотову, и сидѣть въ патріаршемъ дворѣ въ палатахъ, гдѣ былъ патріаршій разрядъ, и нисать монастырскимъ приказомъ, а въ приказѣ большаго дворца монастырскихъ дѣлъ не вѣдать и прежнія дѣла отослать въ тотъ же приказъ“ ²⁾. Этимъ указомъ у мѣстоблюстителя отнималось то, что прежде принадлежало патріарху. Архіерейскіе дома и монастырскія дѣла, находившіеся въ вѣдѣніи патріарха, теперь переходятъ къ монастырскому приказу, который былъ учрежденъ въ 1649 году, потомъ въ 1677 году закрытъ и теперь снова восстановленъ. Мѣстоблюстителю предоставлены были одни духовныя

¹⁾ *Историки*, Осоеанъ Прокоповичъ, 59, П. С. З., № 2352.

²⁾ П. С. З., IV, № 182.

дѣла. Но и въ этихъ дѣлахъ Стефанъ не былъ полновластенъ. Такъ, мы видимъ, что свѣтскія лица, напримѣръ, Меншиковъ, Мусинъ-Пушкинъ и др. участвовали въ выборахъ кандидатовъ на высшія духовныя должности, напримѣръ, на архіерейскія кафедръ. Патріаршая типографія находилась подъ вѣдѣніемъ Мусина-Пушкина. Пушкинъ объявлялъ митрополиту Стефану разные указы царя касательно церкви ¹⁾. Въ 1711 году учрежденъ былъ правительствующій сенатъ. Высочайшимъ указомъ ему предоставлено было, между прочимъ, вѣдѣніе церковныхъ дѣлъ. „Повелѣваемъ, говорилось въ указѣ, отъ 2-го марта 1711 года, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ... быть послушнымъ управительному сенату, какъ бы самому царскому величеству“. Такимъ образомъ, съ того времени сенатъ вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ призванъ былъ къ участию въ дѣлахъ церкви. Въ томъ же 1711 году, въ мартѣ, сенатъ, вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ вообще, постановилъ нѣкоторыя правила, касающіяся церкви, а именно: 1) не ставить въ діаконы моложе двадцати пяти, а въ священники—моложе 30 лѣтъ; 2) не посвящать лишнихъ священнослужителей, но гдѣ прежде было по одному, тамъ пусть и теперь такъ остается; 3) въ скудные приходы дьяконовъ не посвящать; 4) переходящихъ грамотъ къ другой церкви и на крестецъ (панимать служить въ домашнихъ церквахъ) отнюдь не давать, кромѣ самой большой нужды, напримѣръ, когда два попа будутъ у одной церкви, а приходъ оскудѣетъ; 5) заручныя челобитныя осторожно разсматривать, не ложныя ли? есть ли рука помѣщика и отписка отъ старосты поповскаго? 6) въ слушаніи ставленниковъ поступать осторожно и строго, — если явились неумѣнье и коснотченіе—отказывать; 7) если кто изъ архіереевъ тому указу противнымъ будетъ, такой подвергается государеву гнѣву и удаленію отъ престола ²⁾. Сенатъ строилъ церкви, принималъ участіе въ избраніи кандидатовъ на архіерейскія кафедръ. Стефанъ Яворскій съ освященнымъ соборомъ безъ согласія сената не имѣлъ права посвятить ни одного архіерея. Сенатъ опредѣлялъ настоятелей въ монастыри. Такъ, въ 1718 году на мѣсто умершаго соловецкаго архимандрита Фирса сенатомъ опредѣленъ былъ соловецкаго же монастыря старецъ Іона. Принималъ участіе въ дѣлахъ церковныхъ, сенатъ, съ одной стороны, противодѣйствовалъ и отмѣнялъ такія мѣры, которыми пользовались для усиленія раскола, а съ другой

¹⁾ Чистовичъ, Θεοφανъ Прокоповичъ, 60—61.

²⁾ П. С. З., № 2353.

содѣйствовалъ церковной власти въ обращеніи иновѣрцевъ въ православную церковь. Онъ запретилъ въ Малороссіи печатать книги духовнаго содержанія безъ разрѣшенія духовнаго начальства, такъ какъ по дѣлу раскольника Кадмина выяснилось, что въ Черниговѣ и Могилевѣ печатались раскольническія книги. Сенатъ заботился не только о сохраненіи православія внутри Россіи, но и о распространеніи его между язычниками и магометанами. Такъ, по просьбѣ казанскаго митрополита Тихона, сенатъ даровалъ полныя льготы новообращеннымъ, а также ассигновалъ ежегодно митрополиту Тихону 1,000 рублей на постройку церквей и для раздачи новокрещеннымъ. Кромѣ того, сенатъ, помимо церковной власти, издалъ нѣкоторыя постановленія, обязательныя для духовенства, напимѣръ, правила относительно крещенія Армянъ при переходѣ ихъ въ православную церковь. Сенатъ самъ собою распредѣлялъ отставныхъ военныхъ чиновъ по монастырямъ. Онъ простиралъ свое вліяніе и на судебныя дѣла, подлежащія духовному суду. Особенно ясно это вліяніе выразилось въ судебныхъ дѣлахъ по расколу и ересямъ, напимѣръ, въ дѣлѣ Тверитинова. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ мы еще видимъ и участіе Яворскаго, хотя на послѣднію сенатъ не обращалъ никакого вниманія и даже выгналъ его изъ судебной избы. Дѣло раскольника Кадмина сенатъ рѣшилъ безъ всякаго даже сношенія съ церковною властію ¹⁾. Такимъ образомъ, съ 1711 года мѣстоблюститель, такъ сказать, почти не существуетъ. По крайней мѣрѣ, присутствіе его на соборѣ 2-го марта 1711 года ничѣмъ не отмѣчено, хотя несомнѣнно, что онъ на немъ былъ ²⁾. Если же гдѣ и появлялось имя мѣстоблюстителя, то въ непривлекательной обстановкѣ, въ родѣ того, что сенаторы съ великимъ стыдомъ и жалемъ изгоняютъ его вонъ, и онъ „плачущъ“ уходитъ ³⁾. Изъ этого обзора дѣлъ въ періодъ мѣстоблюстительства ясно, что царь имѣлъ въ виду устроить въ замѣнъ патріаршества другую форму церковнаго управленія, такъ какъ поворотъ къ прежнему порядку вещей былъ уже очевидно затруднителенъ, если не совершенно невозможенъ, ибо Петръ относился вообще съ крайней недовѣрчивостію къ единоличной власти въ администраціи.

¹⁾ *Петровский*, О сенатѣ, 319—322.

²⁾ *Ibid.*, 319.

³⁾ *Соловьевъ*, Русская Исторія, XVI, 342; *Петровский*, О сенатѣ, 321.

II.

О СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ.

Мысль свою о коллегіальномъ управленіи Петръ Великій прежде всего осуществилъ въ 1718 году въ устройствѣ государственныхъ коллегій для управленія, подѣ верховною его властью, разными отраслями государственной жизни. Послѣ этого онъ приступилъ къ приготовительнымъ мѣрамъ для введенія коллегіальнаго управленія и въ церкви. Мысль эту онъ впервые выразилъ въ 1718 году. „Для лучшаго впредь управленія дѣлами церковными, говорилъ Петръ Стефану Яворскому, мнитесь быть удобно духовной коллегіи, дабы удобнѣе такія важныя дѣла исправлять было возможно“¹⁾. Приготовительныя мѣры состояли въ слѣдующемъ. Прежде всего Петръ поручилъ Теофану Прокоповичу составить уставъ для коллегій. Въ 1719 году Теофанъ составилъ этотъ уставъ и назвалъ его Духовный Регламентъ²⁾. 11-го февраля 1720 года слушалъ и исправлялъ его самъ государь, а 23-го февраля того-же года духовный регламентъ слушанъ въ сенатѣ, потомъ подписанъ собственною Его Величества рукою и „прилучившимися тогда въ С.-Петербургѣ духовными и свѣтскими персонами“³⁾. 17-го марта указомъ правительствующаго сената повелѣвалось Златоустовскаго монастыря архимандриту Антонію, чтобы онъ предложилъ къ подписанію посылаемый съ подполковникомъ Давыдовымъ въ Москву духовный регламентъ архіереямъ и архимандритамъ, какъ находившимся на лицо, такъ и тѣмъ, которые для этой цѣли нарочно будутъ вызваны. Вслѣдствіе этого вызывались въ Москву къ 1 мая 1720 г. архіереи: ростовскій, суздальскій и коломенскій; кромѣ архіереевъ, духовный регламентъ должны были подписать архимандриты и игумены; въ случаѣ же если кто изъ нихъ не подпишетъ, то долженъ дать письменное объясненіе⁴⁾. Въ сентябрѣ того-же года духовный регламентъ съ архимандритомъ Антоніемъ и подполковникомъ Давыдовымъ посланъ былъ въ Казань и Вологду, гдѣ должны были подписать его архіереи Казацкій, Астраханскій, Вятскій, Холмогорскій и

1) П. С. З. 1718 г., ноября 20-го. № 3239.

2) *Чистовичъ*, Теофанъ Прокоповичъ, 70.

3) *Опис. докум. и дѣлъ арх. си. снп.*, I, № 151, стр. 136, нн. 1 и 2.

4) *Ibid*, I, № 56.

Устюжскій, равно архимандриты и игумены тѣхъ же епархій ¹⁾. Антоній отказался отъ этого назначенія по случаю отправления имъ въ приказъ церковныхъ дѣлъ, по указу изъ кабинета Его Величества, „превеликихъ дѣлъ“. Вслѣдствіе того на его мѣсто назначили Спаскаго монастыря (что въ Казани) архимандрита Іону Салникѣва ²⁾. Подписаніе Регламента къ декабрю 172 г. было совершено окончено и тогда-же „назначенные въ оное (синодальное) правительство члены, которые были не въ С.-Петербургѣ, позваны указомъ изъ Москвы“ ³⁾. По учиненіи присяги „до приуготовленія опредѣленныхъ къ синодальному собранію свѣтлицъ, и сессію того февраля въ 9-мъ числѣ, на Александро-Невскомъ подворьѣ уже имѣли“ ⁴⁾. Вслѣдъ за этими приуготовленіями св. синодъ былъ открытъ въ 1721 г. 14-го февраля послѣ литургии и молебна въ С.-Петербургѣ въ Троицкомъ соборѣ.

При этомъ Теофанъ Прокоповичъ въ присутствіи государя, министровъ и всего генералитета сказалъ слово, взявъ въ основу его текстъ Спасителя: избрахъ васъ, и положихъ, да вы идете и плодъ принесете, и плодъ вашъ прибудетъ (Іоанн. 15, 16). Проповѣдь эту по примѣненію ея къ данному случаю можно назвать сдержанною и очень осторожною. Впрочемъ, въ ней есть мысли довольно знаменательныя. Такъ, напримѣръ, проповѣдникъ учрежденіе новаго русскаго церковнаго правительства считаетъ плодомъ мысли, вложенной въ сердце монарха самимъ Богомъ, и проситъ, чтобы государь содѣлалъ это новое правительство крѣпкимъ, сильнымъ и беззачальнымъ.

Въ отношеніи къ св. синоду, онъ не входитъ почти ни въ какія разсужденія, а только, изобразивъ одну сторону духовной жизни русскаго народа, именно: его невѣжество въ дѣлѣ религіи, указываетъ на обширность обязанностей св. синода, которому надлежало пецись о пространномъ вертоградѣ православной русскаго церкви. Къ исполненію этой обязанности проповѣдникъ побуждаетъ св. синодъ указаніемъ на добрые плоды его попечительности о церкви и на награду, которая ожидаетъ благихъ дѣлателей въ царствіи небесномъ. Въ заключеніе-же онъ обращается къ тогдашнимъ гражданскимъ и воинскимъ правителямъ, какъ-бы предвидя ихъ неблаговоленіе къ

¹⁾ Опис. докум. и дѣлъ св., сив. т. I. № 71.

²⁾ Ibid. т. I, № 82.

³⁾ Ibid. т. I, № 151, стр. 136, п. 3.

⁴⁾ Ibid., п. 5.

новому духовному правительству, съ слѣдующими словами: „молимъ и васъ, христіюлюбивіи подъ царемъ власти, гражданскіи и воинскіи правители, да яко въ прочіихъ благонавіяхъ, добродѣтелѣхъ, и силахъ смотрите на великій образъ самодержца нашего, тако и во благочестивой ревности ему-же подражая, потщитесь и совѣты и дѣйствія вся, яже на помощь духовному сему правительству независтно устроувати, и яже на тцету и вредъ, нелѣпно нарушати“¹⁾. О прежней формѣ духовнаго управленія, о причинахъ его отиѣны, о надеждахъ, какія можно было возлагать на новое церковное правительство, о частныхъ задачахъ, которыя жизнь заявляла си- ноду, — въ проповѣди не сказано ни слова.

Св. синодъ мы будемъ разсматривать со стороны юридической, то-есть, главное вниманіе обратимъ на его обязанности, составъ и дѣятельность. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, считаемъ нужнымъ указать тѣ причины, которыми Петръ руководствовался при учрежденіи св. синода. Въ регламентѣ Петръ самымъ яснымъ образомъ выразилъ свой взглядъ на коллегіальное управленіе. Занятія одного лица, сказано тамъ, могутъ быть останавливаемы то болѣзнію, то смертію его, а соборъ можетъ безостановочно вести дѣла, потому что „не присутствующу единому, аще бы и первѣйшему лицу, дѣйствуютъ другіе, и дѣло идетъ непрестѣкомымъ теченіемъ“²⁾. Особенное же преимущество коллегіальнаго управленія предъ единоличнымъ состоитъ въ томъ, что въ немъ „не обрѣтается мѣсто при- страстію, коварству, лихоимному суду“³⁾.

Между всѣми побудительными причинами, вслѣдствіе которыхъ учреждается духовная коллегія, Петръ особенно рельефно выставилъ слѣдующую: „Велико и се, говоритъ опъ въ Духовн. Регламентѣ, что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковья происходятъ отъ единаго духовнаго правителя, ибо простой народъ не вѣдаетъ како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но, великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ

¹⁾ *Геофана Прокоповича* архіепископа Слова и рѣчи, II, 63—70.

²⁾ П. С. II. и Р., т. I, № 1, стр. 4, п. 4.

³⁾ *Ibid.*, стр. 4, п. 5.

такое умствовати привыкъ" ¹⁾). Прискорбныя обстоятельства, въ которыхъ находились дворъ, русская церковь и все государство вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патриархомъ Никономъ, были извѣстны Петру, и, разумѣется, сильно повліяли на рѣшеніе его отмѣнить власть единоличную и учредить коллегію.

Теперь намъ слѣдовало-бы опредѣлить личный составъ св. синода и перемены, происшедшія въ немъ до 1725 года, то-есть въ царствованіе Петра I-го; но прежде этого мы покажемъ его обязанности, какъ онѣ начертаны были въ регламентѣ ранѣе, чѣмъ св. синодъ приступилъ къ своей дѣятельности; ибо впоследствии совершились тутъ значительныя перемены сравнительно съ тѣмъ, что было начертано въ регламентѣ. При этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ нынѣшней юридической наукѣ строго разграничивается объемъ предметовъ, подлежащихъ извѣстному государственному учрежденію и его обязанности; но въ регламентѣ такого разграниченія не проведено. Въ немъ подъ рубрикою обязанностей св. синода обозначенъ лишь кругъ лицъ и предметовъ, подлежащихъ его вѣдѣнію.

По регламенту дѣла, подлежавшія св. синоду, раздѣляются на два разряда: касающіяся вообще церкви, которыя названы общими, и относящіяся собственно къ духовенству. Въ свою очередь общія дѣла подраздѣляются на два вида: сущность перваго изъ нихъ, выражаясь словами регламента, состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть „все-ли правильно и по закону христіанскому дѣется, и не дѣется-ли что и гдѣ закону оному противное" ²⁾). Въ этой группѣ дѣлъ на обязанности св. синода возложено разсмотрѣніе вновь слагаемыхъ авакенстовъ, молебновъ и вообще службъ церковныхъ ³⁾, разсмотрѣніе житій святыхъ— „не суть-ли нѣкія изъ нихъ ложно-вымышленныя" ⁴⁾, а также цензура книгъ. „Аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, говорится въ регламентѣ, и то-е-бъ не печатать, но первѣе презентовать въ коллегіумъ, а коллегіумъ разсмотрѣть долженъ, нѣтъ ли каковаго въ письмѣ томъ погрѣшенія, ученію православному противнаго" ⁵⁾). Поэтому мы и видимъ, что сочиненіе Теофана Прокоповича „О крещеніи христіанскомъ чрезъ погруженіе и обливаніе" слушается

¹⁾ Ibid., т. I, стр. 4, п. 7.

²⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 1, стр. 6.

³⁾ Ibid., стр. 6, п. п. 1 и 2.

⁴⁾ Ibid., п. 3.

⁵⁾ Ibid., стр. 26, п. 3.

въ синодѣ, послѣ чего уже дѣлается распоряженіе о напечатаніи его ¹⁾. Синодъ долженъ наблюдать, чтобы архіереи „для вспоможенія церквей убогихъ, или новыхъ построенія не проискивали явленія иконъ въ пустыняхъ, или при источницѣхъ, и икону оную за самое обрѣтеніе свидѣтельствовали быть чудотворною“ ²⁾. На обязанности синода лежатъ затѣмъ уничтоженіе суевѣрій ³⁾.

Во второму виду общихъ дѣлъ относятся обязанности св. синода „смотрятъ, есть-ли у насъ „довольное ко исправленію христіанскому учевіе“ ⁴⁾. Для этого регламентъ признаетъ необходимымъ сочиненіе трехъ небольшихъ книжицъ: первую — „о главныхъ догматахъ вѣры“, вторую — „объ обязанностяхъ всякаго чина“, и третью — „образцы проповѣдей“ ⁵⁾. Къ разряду частныхъ дѣлъ св. синода регламентъ относитъ обязанности его по отношенію къ духовенству бѣлому и монашествующему, а равно и къ свѣтскимъ лицамъ, „поколикю они участны суть наставленія духовнаго“. Что касается духовныхъ, то синодъ долженъ судить ихъ. Въ регламентѣ прямо говорится, что „въ немъ (синодѣ) не токмо единъ нѣкто отъ сосѣдителей, но и самъ президентъ или предсѣдатель подлежатъ имать суду своего братіи, то есть томуже коллегіумъ“ ⁶⁾. Синодъ долженъ судить епископовъ и разбирать ихъ тяжбы. „Да вѣсть же всякъ епископъ, каковъ онъ ни есть степенемъ, просто-ли епископъ, или архіепископъ или митрополитъ, что онъ Духовному Коллегіумъ, яко верховной власти, подчиненъ есть, указовъ онаго слушать, суду подлежать и опредѣленіемъ его доволяться долженъ; и того ради, аще что имать на брата своего, другаго епископа, обидимъ отъ онаго, подобаеъ ему не самому мститися, ниже клеветами, ниже повѣстьми, хотя бы и истинныя были, грѣховъ его, ниже поущеніемъ сильныхъ вѣкинхъ лицъ духовныхъ или мірскихъ, наипаче да не дерзаетъ недруга своего епископа предавать анаемѣ; но обиды своя да предлагаеъ доношеніемъ Духовному Коллегіумъ, и тамо суда себѣ да проситъ“ ⁷⁾. Синодъ долженъ принимать апелляціи на суды епископовъ: поэтому „всякому

¹⁾ Ibid., т. III, № 1089.

²⁾ П. С. П. и Р., т. I, стр. 7, п. 9.

³⁾ Ibid., т. I, стр. 7, п. 10.

⁴⁾ Ibid., т. I, № 1, стр. 8.

⁵⁾ Ibid., т. I, № 1, стр. 8.

⁶⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 1, п. 8, стр. 5.

⁷⁾ Ibid., п. 13, стр. 15.

архимандриту и игумену, строителю, приходскому священнику, такожъ и діакономъ и прочимъ причетникамъ свободно и вольно просить у Духовнаго Коллегіумъ суда на своего епископа, аще кто въ чемъ отъ него знатно изобиженъ будетъ¹⁾. Дѣла же мірскихъ людей, подлежащія суду синода, слѣдующія: недоумѣнные браки, винны разводовъ брачныхъ, „кратко рекше: вся тыя дѣла, которыя къ суду патриаршему подлежали“. Дѣла же, подлежавшія суду патриарха, были слѣдующія: богохульныя, еретическія, раскольныя, волшебныя, недоумѣнные браки, разрѣшеніе степеней родства для вступленія въ бракъ, причины разводовъ, дѣла о принужденіи къ браку дѣтей со стороны родителей, а рабовъ — со стороны ихъ господъ, дѣла о насильственномъ постриженіи, о неисполненіи христіанскихъ обязанностей и, наконецъ, по преступленіямъ противъ благочинія²⁾. Синодъ по регламенту долженъ производить судъ въ дѣлахъ совѣсти, когда, на примѣръ, воръ, похитивъ чужое имѣніе, возвратитъ его хочеть, но нѣкоторыя обстоятельства затрудняютъ это, или если кто нибудь по неволѣ приметъ „безбожную вѣру“ и обратится потомъ опять въ православіе, то св. синодъ долженъ разсудить, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ³⁾. Синодъ долженъ защищать епископа и прочихъ священнослужителей отъ обидъ знатныхъ и сильныхъ людей⁴⁾; ему вѣнено въ обязанность наблюдать за правильнымъ пользованіемъ церковными землями и доправлять слѣдующее съ лицъ, которыя неправильно воспользовались церковнымъ имуществомъ⁵⁾; по нѣкоторымъ дѣламъ синодъ долженъ совѣщаться съ присутственными мѣстами свѣтскаго вѣдомства. Въ регламентѣ указаны два случая. О сомнительныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ знатныхъ лицъ синодъ долженъ разсуждать съ юстицъ-коллегіей⁶⁾, а о содержаніи приходскаго духовенства — съ сенатомъ⁷⁾. Изъ этого видно, что регламентъ довольно подробно исчислилъ тѣ лица и предметы, которые подлежали вѣдомству и юрисдикціи св. синода какъ въ административномъ, такъ и въ судебномъ отношеніи, примѣняясь очевидно къ практикѣ, существовавшей въ періодъ патриаршества.

¹⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 1, п. 14, стр. 15.

²⁾ Ibid., т. II, № 532, стр. 174.

³⁾ П. С. П. и Р. № 1, стр. 28, п. 6.

⁴⁾ Ibid., п. 10.

⁵⁾ Ibid., п. 9.

⁶⁾ Ibid., п. 11.

⁷⁾ П. С. П. и Р., № 1, п. 12—13, стр. 28—29.

Въ регламентѣ св. синодѣ, примѣнительно къ государственнымъ коллегіямъ, названъ коллегіумомъ. Однакожь, на практикѣ это названіе вовсе не употреблялось. Въ проповѣди, говоренной Теофаномъ Прокоповичемъ при открытіи св. синода, онъ впервые названъ св. синодомъ, хотя въ примѣненіи къ нему употребляются и другія два названія: коллегія и синадрія ¹⁾, а потомъ во все послѣдующее время, сталъ онъ называться святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ. Причина—понятна, почему св. синодъ на практикѣ не назывался коллегіумомъ. Титулъ этотъ тѣмъ болѣе соотвѣтствовалъ высшему церковному управленію въ Россіи, что и въ восточной церкви духовные совѣты, существовавшіе при патріаршихъ кафедрахъ, носили именованіе синодовъ. Титулъ „святѣйшій“ усвоенъ синоду, конечно, отъ русскихъ патріарховъ, которые именовались не иначе, какъ святѣйшими патріархами. Основаніе для унаслѣдованія этого титула отъ патріарховъ лежало не столько въ простомъ преемствѣ власти, сколько въ томъ, что синодъ по правамъ своимъ признанъ равнымъ патріаршему достоинству. Въ граматѣ императора Петра I-го къ патріарху константинопольскому Іереміи говорится: „заблагоразсудили уставить со властію равнопатріаршескою духовный синодъ“. Та же мысль проводится и въ граматахъ восточныхъ патріарховъ. „Есть и называется (синодъ), писалъ константинопольскій патріархъ Іеремія, нашимъ во Христѣ братомъ.... Онъ имѣетъ право совершать и устанавливать то же, что и четыре апостольскихъ святѣйшихъ патріаршихъ престола ²⁾. Титулъ „правительствующій“ данъ былъ новому синоду по сравненію его съ сенатомъ, который назывался „правительствующимъ“: по отношенію къ православной русской церкви онъ имѣлъ такія же права, какія предоставлены были сенату петровскаго времени.

Высочайшій манифестъ объ учрежденіи св. синода повелѣваетъ быть въ немъ: „единому президенту, двоимъ вице-президентамъ, четыремъ совѣтникамъ, четыремъ ассесорамъ. Въ члены его избираются лица, носящія пресвитерскій или епископскій санъ. Число особъ правительствующихъ довольно есть 12. Быть же лицамъ разнаго чина: архіереомъ, архимандритомъ, игуменомъ, протопопомъ, изъ котораго числа — тремъ архіереомъ, а прочихъ чиновъ сколько котораго достойныхъ сыщется“ ³⁾. Хотя въ приведенномъ мѣстѣ регламента, ска-

¹⁾ Слова и рѣчи архіепископа Теофана Прокоповича, II, 63.

²⁾ П. С. П. и Р., т. III, № 1115, стр. 161.

³⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 1, стр. 21, п. 1.

зано, чтобы въ составѣ синода были протопопы и монахи не ниже игумена, на практикѣ же въ синодѣ засѣдали при Петрѣ I въ качествѣ членовъ и священники, напримѣръ, Анастасій Кондоиди, а изъ монаховъ не только лица, не имѣвшія начальственнаго авторитета, но и вовсе не посвященныя въ санъ іеромонаха или іеродіакона, какъ, напримѣръ, Теофилъ Кроликъ ¹⁾, который уже позднѣе удостоился посвященія ²⁾. При избраніи членовъ изъ лицъ, неимѣвшихъ епископскаго сана, духовнымъ регламентомъ предписано было, чтобы „архимандриты и протопопы не были въ чину сего собранія, которые подручны суть нѣкоему архіерею, въ семъ же собраніи обрѣтающемуся; ибо таковой архимандритъ, или протопопъ, будетъ непрестанно наблюдать, къ которой сторонѣ судимой преклоненъ есть епископъ его, къ той и тотъ архимандритъ и протопопъ преклоненъ будетъ, и такъ двѣ или три особы будутъ уже единъ человекъ“ ³⁾.

Первымъ президентомъ св. синода назначенъ былъ митрополитъ Стефанъ Лворскій, который ранѣе занималъ мѣстоблюстительство патриаршаго престола. Сначала Петръ Великій считалъ его въ числѣ сторонниковъ своихъ реформъ, что доказываютъ его письма къ Стефану ⁴⁾, но потомъ, замѣтивши, что онъ держится дореформенныхъ взглядовъ, перемѣнилъ къ нему свои отношенія. „Самое имя президентъ, сказано было въ регламентѣ, не гордое есть, не иное что значить, только предсѣдателя; не можетъ убо ниже самъ о себѣ, ниже кто иной о немъ высоко помышляти. Аще и сіе угодіе церкви и государству отъ таковаго соборнаго правительства будетъ, что въ немъ не токмо единъ нѣкто отъ сосѣдителей, но и самъ президентъ или предсѣдатель подлежати имать суду своей братіи, то-есть то-мужде коллегіуму, аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ“ ⁵⁾.

Высочайшимъ манифестомъ объ учрежденіи св. синода повелѣвалось быть въ немъ двоимъ вице-президентамъ. На эту должность назначены были: Θεодосій (Яновскій) архіепископъ Великолуцкій и Θεοфанъ (Прокоповичъ) архіепископъ Псковскій и Нарвскій. Θεодосій былъ человекъ образованный, но неуживчивый, заносчивый, любившій

¹⁾ Предисловіе ко II т. 1-й ч. Опис. докум. и дѣлъ св. синода.

²⁾ Опис. докум. и дѣлъ св. синода, т. II, ч. 1, № 204, стр. 353 и 334.

³⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 1, ц. 2, стр. 27.

⁴⁾ Опис. докум. и дѣлъ св. синода, т. I. Приложение 15 писемъ.

⁵⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 1, стр. 4—5.

вмѣшиваться въ чужія дѣла; отъ того онъ не былъ никѣмъ любимъ ¹⁾. Петръ зналъ его недостатки, но не обращалъ на нихъ вниманія. Ему нравился образъ мыслей Θεодосія; онъ радъ былъ, что встрѣтилъ человѣка съ свѣтлымъ и пытливымъ взглядомъ ²⁾. Вторымъ вице-президентомъ былъ Θεофанъ Прокоповичъ. Онъ „былъ такой же новаторъ, какъ и Петръ Великій въ сферѣ государственной. Превосходя всѣхъ современниковъ своего сословія умомъ, знаніями и дарованіями, Прокоповичъ, подобно Петру, не скрывалъ своего недовольства, переходившаго часто въ презрѣніе ко всему, что напоминало ему старое и что становилось преградой для осуществленія его любимыхъ идей; подобно Петру, онъ шелъ къ своей цѣли не задумываясь надъ средствами, съ тѣмъ же неумолимымъ постоянствомъ и удивительною послѣдовательностію ³⁾.

Кромѣ президента, и вице-президентовъ, въ составъ св. синода, на основаніи высочайшаго манифеста, должны были входить совѣтники и ассесоры. Должность совѣтниковъ занимали архимандриты: Ипатскаго монастыря—Гавріилъ (Бужинскій), Симонова—Петръ (Смѣличъ), Новоспаскаго — Іерофей (Прилуцкій) и Высокопетровскаго — Леонидъ. Изъ нихъ особенно выдавался Гавріилъ (Бужинскій). Это былъ умнѣйшій человѣкъ своего времени. Даже иностранцы отдавали справедливость его учености ⁴⁾. О другихъ совѣтникахъ ничего неизвѣстно. Но изъ этого еще нельзя выводить заключенія, что они ничѣмъ не выдѣлялись изъ среды своихъ современниковъ. Вѣроятно и они обладали такими качествами, которыя побудили Петра обратить на нихъ вниманіе и предпочтительно предъ другими призвать ихъ къ почетнымъ должностямъ.

Должность ассесоровъ въ синодѣ занимали протопопы: Троицкій Іоаннъ Семеновъ, Петропавловскій Петръ Григорьевъ, священникъ Апастасій Кондонди и Варлаамъ, игуменъ Угрѣшскій ⁵⁾. Послѣдній занималъ еще и должность оберъ-секретаря св. синода ⁶⁾, Изъ ассесоровъ особенно выдавался протопопъ Петръ Григорьевъ, человѣкъ честный и безукоризненный ⁷⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 82.

²⁾ Чистовичъ, Θεофанъ Прокоповичъ, 84.

³⁾ Пекарскій, Наука и литература, т. I, стр. 481 и слѣд.

⁴⁾ Чистовичъ, Θεофанъ Прокоповичъ, 89.

⁵⁾ П. С. П. и Р., I, № 298.

⁶⁾ Опис. докум. и дѣлъ св. синода, № 665.

⁷⁾ Архангельскій, Исторія правосл. церкви въ предѣлахъ нынѣшней С.-Петербургской епархіи, 127.

Такимъ образомъ, изъ краткой характеристики лицъ, вошедшихъ въ составъ св. синода, можно видѣть, что выборъ сдѣланъ былъ очень удачно. Здѣсь сосредоточены были лучшія силы того времени.

По смерти Стефана Лворскаго, не было назначено президента. Такимъ образомъ, старшимъ членомъ остался вице-президентъ Θεодосій, архіепископъ Новгородскій ¹⁾. Вице-президенты оставались тѣ же до конца царствованія Петра. Число совѣтниковъ въ 1722 году увеличилось опредѣленіемъ Θεофилакта Лопатинскаго ²⁾. Что касается ассесоровъ, то въ этомъ году въ числѣ ихъ встрѣчаемъ іеромонаха Θεофила Кролика ³⁾. Служебное положеніе большинства членовъ синода въ 1722 году измѣнилось. Такъ Высокпетровскій архимандритъ Леонидъ 16-го февраля 1722 года былъ назначенъ архіепископомъ Сарскимъ ⁴⁾, а въ мартѣ того же года ему поручается св. синодомъ управленіе синодальною областью ⁵⁾. Другой совѣтникъ, архимандритъ Гавріилъ (Бужинскій), по высочайшему указу, былъ сдѣланъ настоятелемъ Троицкаго-Сергіева монастыря ⁶⁾. Третій совѣтникъ, Θεофилактъ (Лопатинскій), бывший доселѣ архимандритомъ и ректоромъ въ Спасскомъ училищномъ монастырѣ, занялъ мѣсто настоятеля Чудова монастыря ⁷⁾.

Изъ ассесоровъ, іеромонахъ Варлаамъ (Овсянниковъ) возведенъ былъ въ санъ игумена Угрѣшскаго ⁸⁾, а іерей Анастасій Кондоиди, по его просьбѣ, посвященъ былъ въ монашество съ наименованіемъ Аванасіемъ и сдѣланъ игуменомъ Ярославскаго Толгскаго монастыря ⁹⁾. Наконецъ, монахъ Θεофанъ (Кроликъ) посвященъ сперва въ іеродіакона, а потомъ и въ іеромонаха ¹⁰⁾. Въ теченіе 1723 года въ составѣ св. синода произошли нѣкоторыя перемѣны. Такъ, 24-го февраля 1723 года Θεофилактъ Лопатинскій назначенъ былъ епископомъ въ Тверскую епархію; 5 февраля, по именному указу, синодальный

¹⁾ Введеніе къ II т. 1 ч. Опис. докум. и дѣлъ архива св. синода.

²⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 418.

³⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 405.

⁴⁾ Опис. докум. и дѣлъ архива св. синода, т. II, ч. 1, № 215.

⁵⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 508.

⁶⁾ Опис. докум. и дѣлъ архива св. синода, т. II, ч. 1, № 397.

⁷⁾ Ibid., № 695.

⁸⁾ Ibid., № 283, стр. 419.

⁹⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 401 Опис. докум. и дѣлъ арх. св. синода, т. II, ч. 2, № 369.

¹⁰⁾ Опис. докум. и дѣлъ арх. св. синода, т. II, ч. 1, № 204.

ассесоръ Варлаамъ (Овсяниковъ) былъ арестованъ по случаю производившихся о немъ на генеральномъ дворѣ дѣлъ и содержался подъ арестомъ въ синодальной канцеляріи. По отъѣздѣ государя изъ С.-Петербурга, онъ былъ переведенъ подъ арестъ на генеральный дворъ. 11-го декабря оберъ-прокуроръ объявилъ св. синоду указъ о снятіи сана съ игумна Овсяникова передъ учиненіемъ розыска надъ нимъ. Въ числѣ ассесоровъ мы не видимъ протопопа Іоанна Семенова. 28-го іюня именнымъ указомъ повелѣно было „въ синодальныхъ ассесорахъ быть одному изъ С.-Петербургскихъ протопоповъ Петропавловскому, а троицкаго протопопа, изъ ассесоровъ отрѣшнвъ, опредѣлить къ иному дѣлу, какое отъ синода усмотрѣно будетъ“¹⁾. На мѣсто Теофилакта повелѣно было высочайшимъ указомъ посвятить въ архимандриты синодальнаго ассесора іеромонаха Теофила Кролика. Св. синодъ вслѣдствіе сего назначилъ Теофила архимандритомъ Чудова монастыря и синодальнымъ совѣтникомъ; на мѣсто-же Іоанна Семенова назначенъ былъ архимандритъ Раваилъ (Заборовскій).

Въ 1724 году въ составѣ св. синода не произошло никакихъ перемѣнъ. Что-же касается 1725 года, то 13-го января высочайшимъ указомъ постановлено было: „въ С.-Петербургѣ съ содержащими годовую чреду священнослуженія архіереями быть и изъ архимандритовъ, которые въ чинъ архіерейства избираемы быть могли-бъ, въ годовой-же священнослуженія чредѣ, по двѣ персоны, которымъ и засѣдать въ св. синодѣ съ членами по обыкновенію“. Вслѣдствіе сего первыми были вызваны архимандриты: Ипатскаго монастыря Серапіонъ и казанскаго—Спасскаго монастыря Іона Салникѣвъ²⁾.

Особыми какими либо преимуществами члены св. синода не пользовались. Архіереямъ, засѣдавшимъ въ немъ, предоставлено было право носить митры съ крестомъ наверху³⁾, а архимандритамъ, въ званіи совѣтниковъ,—золотые кресты⁴⁾. Монастыри и вотчины членовъ св. синода подчинены были непосредственно самому синоду⁵⁾.

Впрочемъ, на это нельзя смотрѣть какъ на особое преимущество; сдѣлано было это для удобства, какъ видно изъ слѣдующаго распо-

¹⁾ Опис. докум. и дѣлъ архив. св. синода, т. III, № 374.

²⁾ П. С. П. и Р., т. IV, № 1452.

³⁾ Чистовичъ, Теофанъ Прокоповичъ, 88.

⁴⁾ Ibid., стр. 93.

⁵⁾ Опис. докум. и дѣлъ архива св. синода, т. I, № 481. П. С. П. и Р., т. I, № 8.

раженія св. синода. „Понеже члены всегдашнимъ своимъ присутствіемъ синоду о надлежащихъ отправахъ, которыя до оныхъ ихъ вотчинъ касаются, могутъ быть свѣдомы и безъ присылки къ нимъ обычныхъ, по общему о всей синодальной командѣ установленію, изъ монастырскаго приказа указовъ, которые отправляются по синодальнымъ указамъ, и такіе указы удобнѣе ко онымъ членамъ посылать изъ свѣтѣйшаго правительствующаго синода, нежели изъ монастырскаго приказа, отъ котораго присылка указовъ за дальностію продолжительнѣе будетъ“¹⁾. Кромя того, это непосредственное подчиненіе синоду вотчинъ синодальныхъ членовъ сдѣлано было съ цѣлю избавить подчиненныхъ синодальнымъ членамъ отъ тѣхъ неприятностей и тягостей, какія имъ могли наносить въ отсутствіе ихъ посылаемые отъ монастырскаго приказа „посыльщики“²⁾.

На основаніи указа объ учрежденіи св. синода³⁾ и по требованію регламента⁴⁾ президентъ и прочіе члены обизывались давать присягу предъ вступленіемъ въ должность, по обычаю, существовавшему въ Русской церкви изстари, лишь предъ однимъ св. евангеліемъ, безъ креста. Намъ неизвѣстно ея происхождение, но всякій знаетъ, что она составляетъ важнѣйшій церковно-государственный актъ. Присяга эта состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части содержится обѣщаніе по совѣсти направлять свои дѣйствія къ славѣ Божіей, ко спасенію душъ человѣческихъ и къ созиданію всей церкви; затѣмъ обѣщаніе вѣрно служить государю; эта часть имѣетъ совершенно такую-же редакцію, какъ и гражданская присяга, произносимая свѣтскими чинами. Исключеніе составляютъ лишь слѣдующія слова: „исповѣдую съ клятвою крайняго суди духовныя сія коллегіи быти самаго всероссійскаго монарха, государя нашего всемилостивѣйшаго“.

По указу 18-го января 1727 г. членамъ синода положено жалованье⁵⁾: президенту — 3000 р., вице-президентамъ — по 2500 р., совѣтникамъ — 1000 р., ассесорамъ — 600 р., исключая ассессора А. Кондоиди, которому за заслуги дано было 1000 р. „Сія дача, говоритъ указъ, имѣетъ съ тѣмъ, что они могутъ получать изъ своихъ мѣстъ, а именно: архіерей — съ епархій, архимандриты — съ

¹⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 196.

²⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 196, стр. 217.

³⁾ Ibid., стр. 2.

⁴⁾ Ibid. стр. 29.,

⁵⁾ П. С. З., т. IV, № 3712.

монастырей, а протопопы — съ ихъ жалованья¹⁾. Поэтому синодальные члены должны были представить вѣдомости о своихъ доходахъ. Но это сдѣлалъ только одинъ Феодосій, который показалъ, что онъ имѣеть доходу 313 рублей, 20 алтынъ и 5 денегъ. „А прочіе синодальные члены коликое число архіереи изъ епархій, архимандриты изъ монастырей, протопопы опредѣленнаго жалованья получаютъ, о томъ въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ не вѣдомо, понеже вѣдомостей не объявили“¹⁾. Вслѣдствіе этой выписки св. синодъ опредѣлилъ: „трактаментъ синодальнымъ членамъ съ пачала состоянія синода на нынѣшній 721-й годъ, для новозаводства и ради нынѣшняго изъ Санктъ-Петербурха въ Москву отъѣзду и будущаго оттолѣ въ Санктъ-Петербурхъ возвращенія, выдать сполна изъ обрѣтающейся въ синодѣ наличной казны“²⁾. Но означеннымъ распоряженіемъ синодъ не устранилъ тѣхъ затрудненій относительно жалованья, какія возникли впоследствии. Правительствующій сенатъ 23-го августа 1722 года, изъяснилъ слѣдующее: „Понеже Его Императорское Величество указалъ въ сенатѣ сочинить штатъ у дѣлъ обрѣтающихся Его Императорскаго Величества жалованья, почему нынѣ кто получаетъ и впредь онымъ получать надлежить, и хотя о обрѣтающихся въ святѣйшемъ синодѣ персонахъ и объ опредѣленіи жалованья Его Императорскаго Величества указъ, и имѣется однакожь въ томъ Его Величества указѣ, писанномъ собственною Его Величества рукою, написано тако: сія дача имѣеть быть съ тѣмъ, что они могутъ получать изъ своихъ мѣстъ, а именно архіереи изъ епархій, архимандриты изъ монастырей, а протопопамъ съ ихъ жалованьемъ; и потому Его Императорскаго Величества указу изъ оныхъ персонъ что изъ своихъ мѣстъ, а именно архіереи изъ епархій, архимандриты изъ монастырей, а протопопы жалованья и откуда получаютъ“³⁾. Отсылая въ томъ же году составленные штаты по своему вѣдомству, св. синодъ въ вѣдѣніи сенату представилъ нѣкоторые свои соображенія: „А что во ономъ сенатскомъ вѣдѣніи предложено, дабы о получаемыхъ синодальными членами собственнѣхъ доходахъ къ зачету оныхъ въ трактаментъ изъ святѣйшаго синода вѣдѣніемъ объявить, что оные синодальныхъ членовъ доходы изъ собственныхъ ихъ мѣстъ бывають небольшие, а именно и изъ лучшей епархій архіерею придетъ только

¹⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 298, стр. 312.

²⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 298, стр. 313.

³⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 776 стр. 465—466.

рублей двѣстѣ, а инымъ и зѣло меньше, и такіе доходы напредь сего антецессоры ихъ (которые хотя такова, каково имъ въ синодѣ поручено, правительства и не содержали и всегдашняго о важныхъ и благочестію пужнѣйшихъ дѣлахъ попеченія такъ не имѣли и отъ таковыя трудности пребывали свободны) получали всегда безъ всякаго у нихъ отъятія, и причитались имъ оныя яко мзда трудовъ ихъ¹⁾. „А архимандритамъ и игуменамъ по опредѣленію монастырскаго приказа донныѣ давалось противъ рядовыхъ монаховъ денегъ по пяти рублей, да хлѣба по пяти четвертей въ годъ, по чему и прочимъ настоятелямъ дается; а оныя синодальные члены сугубой во оныхъ правленіяхъ имѣють трудъ, и опредѣленные имъ правятъ мѣста, и попеченіе о нихъ всегда имѣють, и въ синодальномъ правленіи непрестанно трудятся и вышеозначенной трактamentъ бываетъ имъ за синодальныя труды, а отъ собственныхъ ихъ мѣстъ доходы получаютъ за особливое тѣхъ мѣстъ правленіе, чего ради святѣйшій синодъ требуетъ, дабы опредѣленная синодальнымъ членамъ трактamenta дача была безъ зачету оныхъ доходовъ“²⁾. При этомъ синодъ добавилъ, что совѣтникамъ и ассесорамъ, по его разсужденію, нужно увеличить жалованье, а именно первымъ 500 руб., а послѣднимъ 400 руб.; то-есть впредь совѣтники должны получать 1,500 руб., а ассессоры 1,000 руб.³⁾. Но въ то время, какъ синодъ хлопоталъ о жалованьѣ своимъ членамъ, состоялся высочайшій указъ 27-го января 1723 года: „Понеже вѣдомо намъ учинилось, что на монастырскомъ приказѣ, которой въ вѣденіи синодскомъ, великая сумма въ положенныя мѣста не дослана, отъ которой недосылки полевой арміи бѣднымъ солдатамъ въ дачѣ жалованья учинилась остановка и не получаютъ уже близко года, а иные и по году, того для, пока та недосланная сумма во опредѣленные мѣста отъ васъ не выplatится, по то время денежнаго жаловапья какъ себѣ, такъ и прочимъ вашимъ подчиненнымъ и по монастырямъ чернцамъ (также и на строеніе) давать запрещается, кромѣ хлѣба и прочихъ нужныхъ необходимыхъ потребъ, что къ пропитанію надлежитъ; а коликое число въ тѣ положенныя мѣста отъ васъ недослано и въ 722 году коликое число въ расходѣ было и на что, — прислать къ намъ письменное

¹⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 901, стр. 596.

²⁾ Ibid., стр. 596.

³⁾ П. С. П. и Р., т. II, стр. 597.

вѣдѣніе“¹⁾. Въ недоимкѣ съ монастырскаго приказа св. синодъ былъ пениновать, потому что она сложилась еще въ то время, когда монастырскій приказъ былъ въ вѣдѣніи свѣтскаго правительства²⁾. Не успѣлъ синодъ опомниться, какъ въ іюніѣ того же года оберъ-прокуроръ Болтинъ, считая днемъ открытія св. синода 14-го февраля 1721 года, протестовалъ противъ выдачи жалованья синодальнымъ членамъ за весь 1721 годъ и требовалъ возврата излишне взятой суммы³⁾. Члены обращались съ покорнѣйшею просьбой къ Государю о выдачѣ жаловавья⁴⁾. На это послѣдовалъ высочайшій указъ 21-го декабря 1723 года: „Просили вы о своемъ жалованьи, дабы на нынѣшней годъ выдѣтъ; но понеже оное жалованье запрещено вамъ давать, пока за-пущенную табельную доимку выплатите, того для и жалованье надлежитъ вамъ взять по препорціи той заплаты, напримѣръ: ежели вы-платили той доимки третью долю, то жалованья взять треть, ежели же вы-платили половину доимки, то жалованья въ полы обладовъ къ тѣмъ доходамъ, которые получаютъ архіереи отъ епархій, а архи-мандриты и игумены отъ монастырей. Сіе взять изъ неоклад-ныхъ доходовъ“⁵⁾. Синодъ распорядился сдѣлать справку и оказа-лось, что выплачено около половины⁶⁾. Тогда синодъ взялъ поло-вину жалованья изъ штрафныхъ денегъ, собираемыхъ съ раскольни-ковъ и не исповѣдающихся, а также—изъ штрафныхъ денегъ по инквизиторскимъ дѣламъ⁷⁾. Въ 1724 году члены просили полного жалованья. „Для нынѣшняго всерадостнаго ея величества, всемило-стивой государыни императрицы коронаціи, оное на насъ негодованіе высокою вашего величества милостію оставить, и во знакъ тоя ми-лости о додачѣ полного намъ жалованья и впредь милосердой указъ учинить, ибо безъ жалованья притериѣваемъ не малую пужду“⁸⁾. На этомъ прошеніи положена была резолюція: „позволяется жало-ванье по прежнему“⁹⁾.

Что-же касается протеста оберъ-прокурора, то члены синода при-

¹⁾ П. С. П. и Р., т. III, стр. 31, № 998.

²⁾ Горчаковъ, Монастырскій Приказъ, стр. 275.

³⁾ Опис. док. и дѣлъ архива св. синода, т. I, № 137.

⁴⁾ Востоковъ, въ Ж. М. Н. Пр., 1875 г., кн. 180, 174 стр.

⁵⁾ П. С. П. и Р., т. III, стр. 237, № 1156.

⁶⁾ Востоковъ, въ Ж. М. Н. Пр., кн. 180, за 1875 г., стр. 175.

⁷⁾ П. С. З., т. VII, № 493, п. 1.

⁸⁾ П. С. П. и Р., т. IV, стр. 115, № 1267.

⁹⁾ Ibid.

нуждены были писать объясненіе или „рѣмонстрацію“, въ которой они объясняли причины, почему взято ими жалованье за весь 1721 г. ¹⁾. Въ іюнѣ 1724 г. Петромъ былъ указанъ источникъ, изъ котораго слѣдуетъ выдать жалованье, а именно изъ общихъ синодскому вѣдѣнію подлежащихъ доходовъ, за исключеніемъ государственныхъ сборовъ и штрафа, собираемаго съ раскольниковъ ²⁾. Вслѣдствіе того св. синодъ 3-го іюня 1724 года слѣлалъ распоряженіе о послыкѣ въ Рязань и Коломпу парочнаго за девѣтами ³⁾. Въ томъ же году 9-го сентября доложилъ Государю, что жалованье какъ членамъ, такъ и служителямъ синодскимъ производится по третямъ, не требуя изъ штатсъ-конторы ассигновки, потому что вслѣдствіе этого происходитъ волокита и въ дѣлахъ—остановка ⁴⁾. Высочайшая резолюція на это неизвѣстна. Вообще видно, что въ царствованіе Петра I матеріальное положеніе членовъ св. синода не было надлежащимъ образомъ обезпечено, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ таяулась переписка о размѣрѣ, въ какомъ слѣдуетъ выдавать имъ жалованье и не былъ указанъ источникъ его.

Высочайшее повелѣніе о назначеніи въ синодъ оберъ-прокурора состоялось 11-го мая 1722 года (П. С. т. II. № 609). Первымъ оберъ-прокуроромъ былъ назначенъ полковникъ Иванъ Васильевъ Болтинъ (П. С. т. II. № 705). Права и обязанности оберъ-прокурора св. синода опредѣлены данною ему инструкціею, совершенно сходною съ тою, которая дана была генераль-прокурору сената, съ тою только разницею, что въ ней слово генераль-прокуроръ было замѣнено оберъ-прокуроромъ, а слово сенатъ—святѣйшимъ синодомъ. По этой инструкціи оберъ-прокуроръ есть „око“ Государя въ св. синодѣ ⁵⁾; онъ „ничему суду не подлежитъ, кромѣ Государя“. Если же во время отлучки Государя явится онъ виновникомъ какихъ-либо тяжкихъ преступленій, то лишь въ подобныхъ случаяхъ св. синодъ имѣетъ право арестовать его „и розыскивать“, поручивши его должность кому-либо другому ⁶⁾. Что касается обязанностей оберъ-прокурора, то по инструкціи онъ „повиненъ сидѣть въ синодѣ и

¹⁾ Опис. докум. и дѣлъ архива св. синода, т. I, № 151.

²⁾ П. С. П. и Р., т. IV, № 1280.

³⁾ П. С. П. и Р., т. IV. № 1297.

⁴⁾ Ibid., № 1297.

⁵⁾ П. С. П. и Р., т. II. № 680, п. 11, стр. 358.

⁶⁾ П. С. П. и Р., № 680, стр. 355, п. 9.

смотрѣть наврѣпко, дабы синодъ свою должность хранилъ, дабы всѣ дѣла въ синодѣ рѣшались по регламентамъ и указамъ и чтобы указы исполнялись своевременно" (п. 1), чтобы синодъ „въ своемъ званіи правильно поступалъ". Въ случаѣ, если онъ замѣтитъ какую нибудь неправильность, незаконность, то обязанъ раскрыть это синоду, а ежели его не послушаютъ, (то немедленно, если это особенно важно, донести Государю (п. 2). Въ случаѣ неисполненія своихъ обязанностей, оберъ-прокуроръ, „яко преступникъ и разоритель государства, наказанъ будетъ" (п. 11). При немъ находится канцелярія или контора, состоящая изъ секретаря или контролера, канцеляриста, двухъ подканцеляристовъ и одного кописта. Жалованье не было опредѣлено ему. Это видно изъ прошенія, поданнаго Болтинымъ въ синодъ въ 1724 году, въ которомъ онъ писалъ: „Въ прошломъ-де 722 году съ іюля мѣсяца, по имянному его императорскаго величества указу, велѣно ему быть при святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ оберъ-прокуроромъ. А въ тѣхъ-же де числѣхъ сверстники его взяты къ статскимъ дѣламъ, а именно: полковникъ Павловъ при сенатѣ генераль-рекетмейстеромъ, Сукинъ ко управленію при военной коллегіи за оберъ-штеръ-криксъ-камисара. И оны-де Павловъ и Сукинъ его императорскаго величества милостію и разсмотрѣніемъ правительствующаго сената и военной коллегіи награждены. А онъ де нынѣ, хотя при святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ оберъ-прокурорскую службу тому ужъ годъ и четыре мѣсяца отправляетъ, но за ту его службу, кромѣ того, что получаетъ онъ отъ полку полковничья оклада, триста рублей, никакого ему награжденія не учинено" ¹⁾. Въ представленныхъ сенату штатахъ окладъ оберъ-прокурору также не назначенъ. Вслѣдствіе того въ 1722 году Болтинъ просилъ святѣйшій синодъ о жалованьѣ, и синодъ опредѣлилъ выдавать ему изъ вѣдомства синодальнаго дворцоваго приказу фуражу по 8 раціоновъ въ мѣсяцъ и дровъ 14 сажень ²⁾. Такимъ образомъ матеріальное положеніе синодальнаго оберъ-прокурора на первыхъ порахъ было незавидно. Вслѣдствіе того Болтинъ въ 1724 году 4-го ноября подалъ прошеніе о награжденіи. Св. синодъ, забывъ протестъ оберъ-прокурора, который надѣлалъ ему не мало хлопотъ, ходатайствовалъ о жалованьѣ ему предъ сенатомъ ³⁾.

¹⁾ П. С. II. и Р., т. IV, № 1160. стр. 7.

²⁾ П. С. II. и Р., т. II, № 806.

³⁾ Ibid., № 1160.

По инструкціи, оберъ-прокурору подчинена канцелярія синода. Устройство этой канцеляріи стоило не малыхъ трудовъ. Въ первомъ своемъ докладѣ государю, синодъ просилъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ чиновниковъ для опредѣленія ихъ въ свою канцелярію, въ секретари и подъячіе. Докладъ былъ утвержденъ и за чиновниками послакали солдаты Преображенскаго полка; между тѣмъ, синодъ извѣстилъ объ этомъ и сенатъ, который отвѣтилъ, что синодъ можетъ распорядиться чиновниками монастырскаго и патріаршихъ духовнаго, казеннаго и дворцоваго приказовъ, дьяками и подъячими архіерейскими и знатныхъ монастырей, или же чиновниками гражданскаго вѣдомства, находящимися не у дѣлъ, но отнюдь не имѣетъ права брать кого захочетъ, особенно находящихся у дѣлъ въ коллегіяхъ и другихъ мѣстахъ. Оскорбленный подобнымъ отвѣтомъ, синодъ хотѣлъ сразу покончить это дѣло. Съ своимъ переводчикомъ Розенблюмомъ, эвъ отправилъ къ кабинетъ—секретарю Макарову въ Ригу, гдѣ въ то время находился Петръ, донесеніе, въ которомъ, выражая свои нужды, жаловался между прочимъ на сенатъ. „О опредѣленныхъ въ духовное правительство, писалъ онъ, собственнымъ вашего величества на реестрѣ подисаніемъ секретарехъ и подъячихъ въ ихъ сенатскомъ приговорѣ опредѣлено противно оному, что быть въ синодѣ тѣмъ, которые не у дѣлъ, и посему знатно опредѣляются тѣ, которые уже къ дѣламъ не годны, каковыми не точію таковаго важнаго и великаго дѣла но и легчайшихъ дѣлъ управлять невозможно; а оныя по реестру секретари и подъячіе хотя и у дѣлъ, но не въ сенатѣ, тоже въ коллегіяхъ, и не у толь важныхъ, какъ духовное правительство. Въ ономъ же сенатскомъ приговорѣ опредѣлено, дабы синоду довольствоватися монастырскаго и патріаршихъ приказовъ и архіерейскими и знатныхъ монастырей дьяками и подъячими; а изъ оныхъ мѣстъ лучшіе приказные люди разобраны до сего времени къ дѣламъ въ коллегіи и въ губерніи, а оставлены только негодныя“. Резолюція на это донесеніе послѣдовала невыгодная для синода: „которые противъ сего жалаются, и что оныя ни въ сенатѣ, ни въ коллегіяхъ, но у другихъ дѣлъ, и таковыхъ безъ спору отдать въ синодъ духовный“. Но этимъ пререканія изъ-за чиновниковъ не прекратились, тѣмъ болѣе что явилось еще новое затрудненіе. Многіе изъ чиновниковъ, выбранныхъ въ синодскую канцелярію, подъ разными предлогами начали отказываться отъ службы, такъ, что солдаты, потративъ казенныя деньги, возвращались съ пустыми руками. Вслѣдствіе того синодъ долженъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ. Такъ, часть ссхш, отд. 2.

новникамъ, находившимся въ его вѣдомствѣ и не хотѣвшимъ идти на службу въ синодальную канцелярію, онъ угрожалъ вѣчною работою на галерахъ.

Пришлось издавать новыя распоряженія по этому предмету. Такъ, предписано было московскому вице-губернатору Воейкову, „патріарша духовнаго приказу всякія указыныя книги и дѣла, что касается къ духовной коллегіи, съ дьяками и подъячими выслать въ С.-Петербургъ, во оную духовную коллегію“. Эти строгія мѣры мало помогли. Многіе дьяки, взятые на службу въ синодъ, бѣжали съ дороги ¹⁾. Даже и въ 1722 году синодъ принужденъ былъ посылать солдатъ для розыска подъячихъ ²⁾. Благодаря энергической своей дѣятельности, не смотря на полное несочувствіе сената и другихъ присутственныхъ мѣстъ, онъ, наконецъ, устроилъ свою канцелярію. Въ 1722 г., поданы были имъ въ сенатъ штаты его вѣдомства, изъ которыхъ мы видимъ, что всѣ чиновники, необходимые для его канцеляріи, находились на лицо ³⁾.

Во главѣ синодской канцеляріи стоялъ оберъ-секретарь. Онъ находился подъ надзоромъ оберъ-прокурора ⁴⁾. На обязанности его лежала подпись неважныхъ бумагъ, которыя посылались для вѣдома въ сенатъ; тогда какъ важныя бумаги подписывались всѣми членами ⁵⁾. Оберъ-секретарь наблюдалъ, чтобы подъячіе прилежно отправляли дѣла ⁶⁾. Съ нимъ сносились свѣтскія лица по дѣламъ, касающимся св. синода ⁷⁾.

Первымъ оберъ-секретаремъ по учрежденіи св. синода былъ Варлаамъ, игуменъ Угрѣшскій, который въ то же время былъ и ассесоромъ синода ⁸⁾. Въ 1722 году 1-го января, по высочайшему указу на эту должность назначенъ былъ Тимофѣй Палехинъ ⁹⁾.

¹⁾ Опис. докум. и дѣлъ архива св. синода, т. I, № 104, № 118. П. С. П. и Р., т. I, № 57.

²⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 789.

³⁾ П. С. П. и Р., т. II, стр. 597—598.

⁴⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1831 г., кн. 7, стр. 81, О законахъ Петра, Галейстера.

⁵⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 19.

⁶⁾ *Ibid.*, т. IV, № 1428.

⁷⁾ Опис. докум. и дѣлъ архива св. синода, т. I, № 138. П. С. П. и Р., т. II, № 373.

⁸⁾ Опис. докум. и дѣлъ архива св. синода, т. I, № 104.

⁹⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 337.

Въ числѣ канцелярскихъ чиновниковъ, мы видимъ агента. Этой должности мы не встрѣчаемъ въ канцеляріи сената.

30-го марта 1722 года, отъ синода государю представленъ былъ слѣдующій докладъ: „понеже на посылаемыя изъ синода въ сенатъ вѣдѣнія и въ коллегіи указы отвѣтствіе бываетъ продолжительное, а на ппья и ничего не отвѣтствуется, того ради нужда быть въ синодѣ агенту“. Государь утвердилъ этотъ докладъ и 4-го апрѣля того же года опредѣленъ былъ агентомъ при св. синодѣ дворецкій синодальнаго дома Алексѣй Андреевъ Владыкинъ ¹⁾. Такимъ образомъ, учрежденіе должности агента вызвано было тѣми исключительными обстоятельствами, въ которыя былъ поставленъ св. синодъ и въ которыхъ не находился сенатъ и другія свѣтскія установленія. Въ руководство агенту св. синодъ далъ инструкцію.

По инструкціи, на обязанности агента лежало „рекордовать какъ въ сенатѣ, такъ и въ коллегіи и въ канцеляріи настоятельно, дабы по опыту синодскимъ вѣдѣніямъ и указамъ надлежащая отправка чинена была, безъ продолженія времени“ ²⁾; затѣмъ агентъ долженъ смотрѣть, чтобы синодскія вѣдомости, посылаемыя въ сенатъ и другія установленія, слушались прежде другихъ дѣлъ, какъ о томъ повѣдываетъ высочайшая резолюція отъ 15-го марта 1721 года ³⁾. Ежели въ которой командѣ будетъ кто въ синодальныхъ дѣлахъ поступать не по содержанію вышеозначенныхъ и прочихъ его императорскаго величества указовъ, на обязанности агента лежало: „президующимъ тамо персонамъ протестовать“, а ежели протестъ не достигнетъ цѣли, то доносить объ этомъ генераль-прокурору ⁴⁾. Важныя бумаги, поступавшія изъ синода въ сенатъ, а также въ коллегіи и другія ближайшія мѣста, агентъ долженъ былъ самъ туда относить и рапорты отъ президентовъ этихъ установленій приносить въ синодъ.

Инструкція агенту заключалась слѣдующимъ образомъ: „поступать ему, агенту, во званіи своемъ умѣренно и благопочтенно, дабы на святѣйшій синодъ не нанесъ какого нареканія и самого себя не показалъ бы штрафованію повинна, чего ему и опасаться долженствуетъ“ ⁵⁾.

¹⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 511.

²⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 511, п. 1.

³⁾ Ibid., п. 2.

⁴⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 511, п. 4.

⁵⁾ П. С. П. и Р., т. II, стр. 160, п. 7.

Далѣе, по штату положены были такіе же чиновники, какіе значились и въ канцеляріи правительствующаго сената, а именно: секретари, переводчики, протоколисты, архивариусы, актуариусы и т. д. Съ учрежденіемъ при синодѣ конторъ: школь и типографій, судной, раскольнической и инквизиторскихъ дѣлъ и канцелярія должна была раздѣлиться между этими конторами. Относительно этого мы не встрѣчаемъ прямыхъ указаній, но, тѣмъ не менѣе, въ пользу такого предположенія есть данныя. Напримѣръ, по просьбѣ Гавриила Бузинскаго, въ подвѣдомственную ему контору школь и типографій опредѣленъ былъ подъячій для ревизіи счетоводства въ С.-Петербургской типографіи ¹⁾. 12-го мая 1722 года синодъ постановилъ назначить синодальнаго подканцеляриста Алексѣя Волкова канцеляристомъ въ контору инквизиторскихъ дѣлъ ²⁾.

Жалованье чиновникамъ выдавалось деньгами и натурой — хлѣбомъ, солью и т. п. Оберъ-секретарю на первыхъ порахъ не было назначено опредѣленнаго жалованья. Вслѣдствіе этого, синодъ опредѣлилъ въ 1721 году, назначить ему жалованье „противъ дачи сенатскаго оберъ-секретаря“; а такъ какъ въ этомъ году оберъ-секретарь, іеромонихъ Варлаамъ Овсянниковъ, былъ въ то же время и ассесоромъ синода, то синодъ опредѣлилъ выдать ему лишь оберъ-секретарскій окладъ ³⁾. Въ 1722 году, когда должность оберъ-секретаря занялъ Палехинъ — свѣтскій чиновникъ, то ему было назначено 1200 руб., одинаково съ сенатскимъ оберъ-секретаремъ ⁴⁾.

Что касается низшихъ чиновъ синодальной канцеляріи, то имъ опредѣлено давать жалованье согласно именованному указу 1715 г. ⁵⁾. По этому указу секретарь получалъ въ годъ 240 руб. и 60 юфтей хлѣба; подъячіе: старыя по 120 р. и по 30 юфтей, среднія — по 80 руб. и 20 юфтей, молодыя — по 30 руб. и 10 юфтей ⁶⁾. Окончательно же жалованье опредѣлено было имъ въ 1722 году въ представныхъ сенату штатахъ. Въ этихъ штатахъ прежнія дѣленія чиновниковъ на старыхъ, среднихъ и молодыхъ устранины, они уже дѣлятся на секретарей съ 432 р. годоваго оклада, переводчиковъ съ 300 р., протоколистовъ съ 396 руб., архивариусовъ, которымъ впредь должно давать

¹⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 241.

²⁾ П. С. П. и Р., т. II, ч. 2, № 589.

³⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 298.

⁴⁾ Ibid., т. II, стр. 597.

⁵⁾ Опис. док. и дѣлъ св. синода, т. I, № 557.

400 руб., актуаріусовъ, которые тоже впредь должны получать 300 руб., регистраторовъ съ 216 руб., канцеляристовъ съ 216 руб., подканцеляристовъ съ 144 руб., копистовъ съ 50 руб.¹⁾

Но этимъ дѣло не кончилось. Извѣстно, что въ 1723 году высочайше было запрещено выдавать жалованье всѣмъ служившимъ въ синодѣ; слѣдовательно, этому запрещенію подпали и чиновники, такъ что синодъ долженъ былъ хлопотать объ обезпеченіи ихъ судьбы.

Для исполненія низшихъ служительскихъ обязанностей, при синодѣ находились сторожа. По штату ихъ положено было 6. Каждый изъ нихъ получаетъ въ годъ 22 руб. 75 коп.²⁾

Кромѣ сторожей, для исполненія служительскихъ обязанностей при синодѣ, были солдаты.

Генеральный регламентъ каждой коллегіи предписывалъ имѣть вахмейстера и караульныхъ солдатъ³⁾. Св. синоду, устроенному на началахъ коллегіальныхъ, необходимо было, вслѣдствіе этого, завести у себя солдатъ; тѣмъ болѣе, что при немъ была тюрьма⁴⁾. За солдатами синодъ обратился къ военной коллегіи, назначавшей служительскія команды во всѣ присутственныя мѣста, но коллегія не только не исполнила требованія, но даже ничего не отвѣтила. Позднѣе синодъ, узнавъ, что военною и адмиралтейскою коллегіями посланы солдаты и офицеры въ монастыри, требуетъ отъ этихъ коллегій вѣдомостей того: „въ которыхъ годѣхъ и мѣсяцѣхъ и числѣхъ, кто являны, изъ какихъ званій офицеры и драгуны, и солдаты и проч., которые отъ полковой службы отставлены, въ которые епархіи и монастыри посланы для прокормленія и довольства⁵⁾. Справку эту требовалъ синодъ для того, чтобы выбрать годныхъ и взять ихъ къ себѣ на службу. Черезъ нѣсколько времени военная коллегія прислала синоду 16 человекъ солдатъ, а также и реестръ посланныхъ ею въ монастыри на прокормленіе⁵⁾.

Къ концу 1722 года мы находимъ при синодѣ уже достаточное число офицеровъ и солдатъ. Мы видимъ, что въ штатѣ находилось 2 поручика, изъ которыхъ каждый получалъ 98 руб. 92 коп., 1 ка-

¹⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 901, стр. 597.

²⁾ Ibid.

³⁾ Опис. докум. и дѣлъ архива св. синода, т. I, № 160.

⁴⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 177.

⁵⁾ Опис. док. и дѣлъ архива св. синода, т. I, № 160. П. С. П. и Р., т. I, № 336.

праля, получавшій 47 руб. 32 коп., 46 солдатъ, получавшіе вмѣстѣ 1840 руб. 72 коп. „Да изъ разныхъ полковъ отставные-жь: 1 сержантъ, получавшій 24 руб., 1 капралъ, получавшій 16 руб., 15 солдатъ, изъ коихъ каждый получалъ 16 руб., 3 матроса, получавшіе по 12 руб. 24 коп., 4 курьера, получавшіе по 70 руб. ¹⁾).

Кромѣ чиновниковъ, поименованныхъ въ штатѣ св. синода, при немъ были еще нѣкоторые другіе. Къ числу ихъ принадлежалъ казначей св. синода и комиссаръ отъ монастырскаго приказа.

Непонятна причина, почему объ этой должности нѣтъ упоминанія ни въ штатѣ ²⁾, ни въ другихъ спискахъ чиновниковъ ³⁾.

Судья монастырскаго приказа Ершовъ 6-го мая 1721 года представилъ синоду о необходимости для монастырскаго приказа имѣть въ Петербургѣ комиссара, съ одной стороны, для отсылокъ въ Москву въ приказъ синодальныхъ указовъ, а съ другой, для представленія разныхъ бумагъ, идущихъ изъ монастырскаго приказа въ синодъ.

30-го іюня того же года св. синодъ утвердилъ предложеніе Ершова и предоставилъ ему право выбрать комиссара. Выборъ палъ на Семена Дьякова, и при немъ, по опредѣленію синода, назначено быть двумъ подъячимъ ⁴⁾.

Обязанности этого комиссара опредѣлены были инструкціею, данною ему Ершовымъ. По этой инструкціи Дьякову предписано „вѣдать и управлять указною корреспонденціею, такъ какъ о томъ св. синоду въ довошеніи его, Ершова, написано; прочее же про-странствѣ изображено ему будетъ впредь, на что въ томъ служеніи время отъ времени потребы показывать будутъ; и во всемъ въ томъ хранить все усердно и всесушно, въ крайней по должности ревности, и во всемъ содержать вѣрность, какъ доброму повѣренному человеку“ ⁵⁾.

Утверждая избраннаго Ершовымъ комиссара, св. синодъ, „за неудовольствованіемъ потребныхъ къ дѣламъ служителей“, возложилъ на Дьякова, сверхъ того, приемъ денежной казны, поступавшей въ синодъ изъ подчиненныхъ ему мѣстъ, ея храненіе и приведеніе въ

¹⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 901, стр. 598.

²⁾ Ibid., стр. 596.

³⁾ Опис. док. и дѣлъ арх. св. синода, т. III, приложение, стр. ССII.

⁴⁾ Ibid., т. I, № 523. П. С. П. и Р., т. I, № 112.

⁵⁾ П. С. П. и Р., т. I, № 232.

исполненіе разрѣшаемыхъ св. синодомъ расходовъ ¹⁾). Выдача жалованья синодскимъ сторожамъ ²⁾, и расходы по ремонту зданія также были обязанностью Дьякова ³⁾; кромѣ того, онъ подписывалъ паспорта крестьянамъ и производилъ надъ ними судъ ⁴⁾.

Что касается отвѣтственности Дьякова, какъ казначея, то онъ подлежалъ суду правительствующаго сената ⁵⁾.

Въ доношеніи своемъ отъ 16-го ноябля 1721 г. Дьяковъ писалъ, что онъ, имѣя при синодѣ двѣ службы, „обрѣтается безъ трактамента“; вслѣдствіе этого опредѣлено было ему выдать изъ суммъ монастырскаго приказа съ сентября 4-го дня 1721 года на три мѣсяца и 27 дней 70 рублей 11 алтыпъ, полъ-шестьи деньги, то-есть окладъ равный окладу, получаемому губернскими комиссарами при сенатѣ ⁶⁾. Что касается до другихъ подвѣдомственныхъ св. синоду установленій, то комиссаровъ ихъ мы не встрѣчаемъ при немъ. Причина этого понятна: кругъ вѣдомства этихъ установленій не былъ такъ обширенъ, какъ кругъ вѣдомства монастырскаго приказа, поэтому имъ и не было нужды такъ часто имѣть корреспонденцію съ св. синодомъ. Не встрѣчаемъ мы при немъ комиссаровъ и отъ епархій, на подобіе сенатскихъ комиссаровъ отъ губерній. Учрежденіе при сенатѣ такихъ комиссаровъ было необходимо, для непосредственнаго сношенія, потому что между сенатомъ и губерніями не было посредствующихъ установленій. Отсюда само собой понятно, почему съ учрежденіемъ коллегій комиссары отъ губерній ступшевываются, но совершенно не уничтожаются ⁷⁾. Совсѣмъ иное отношеніе между св. синодомъ и епархіями.

Кромѣ духовнаго регламента, св. синодъ въ своей дѣятельности долженъ былъ руководствоваться и генеральнымъ регламентомъ. „О дѣйствахъ духовныя коллегіи собственно здѣ не написано, читаемъ мы въ первомъ изъ нихъ, понеже царское величество приказалъ дѣйствовать по генеральному регламенту“ ⁸⁾. 8-я же глава генераль-

¹⁾ Опис. док. и дѣлъ архива св. синода, т. I, № 523. П. С. П. и Г., т. II, № 232.

²⁾ Опис. док. и дѣлъ архива св. синода, т. II, ч. 2, № 1032.

³⁾ Ibid., т. III, № 107 и 201.

⁴⁾ Ibid., т. II, ч. 2, № 1282, и т. III, № 376.

⁵⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 543.

⁶⁾ Ibid. т. I, № 304.

⁷⁾ *Истровскій*, О сенатѣ, 95.

⁸⁾ Дух. Реглам., изд. 1878 г., 119.

наго регламента гласить, что „въ коллегіи не имѣють президенты особливаго труда или надзираія, но генеральную и верховную дирекцію (или управленіе), а дѣла между совѣтниками и ассесорами тако раздѣляются, что каждому какъ изъ приходящихъ въ коллегіи дѣлъ опредѣленная часть, такъ и надъ канцеляріею и конторами и надъ дѣлами и трудами оныхъ особое надзираніе дается, яко о томъ въ партикулярныхъ инструкціяхъ коллегіевъ пространно усмотрѣть можно“ ¹⁾. Вслѣдствіе того въ св. синодѣ устроены были 4 конторы. Одна—завѣдуетъ школами и типографіями, потому и называется конторою школъ и типографій; другая вѣдаетъ судныя дѣла и называется конторою судныхъ дѣлъ, третья—раскольническія дѣла и называется конторою раскольническихъ дѣлъ, наконецъ, въ четвертой сосредоточивались инквизиторскія дѣла, отчего она называлась конторою инквизиторскихъ дѣлъ ²⁾. Эти синодальныя конторы появились не вдругъ, — первая изъ нихъ, именно контора школъ и типографій, открыта еще 21-го іюля 1721 г. ³⁾, а остальные три 28-го февраля 1722 г. ⁴⁾. Контору школъ и типографій вѣдалъ архимандритъ Гавріилъ (Бужинскій), который названъ былъ протекторомъ школъ и типографій ⁵⁾. Каждую изъ остальныхъ трехъ конторъ вѣдали два члена, а именно контору судныхъ дѣлъ совѣтникъ Петръ, архимандритъ Симоновскій, и ассесоръ, который „впредь опредѣлится“; въ конторѣ раскольническихъ дѣлъ засѣдали: совѣтникъ Теофилактъ, архимандритъ Спасскій, и ассесоръ іеромонахъ Аванасій Кондоидій; конторою инквизиторскихъ дѣлъ завѣдывали: совѣтникъ Героеей, архимандритъ Ново-спасскій, и ассесоръ Варлаамъ, игуменъ Угрѣшскій ⁶⁾. Каждая изъ этихъ конторъ должна была разсматривать и рѣшать своею собственною властью всѣ дѣла, которыя „не зѣло важны“. Дѣла, рѣшаемыя въ конторахъ, подписывались членами, завѣдующими тою или другою изъ нихъ, и скрѣпля-

¹⁾ 8-я гл. Генер. Реглам., приложеннаго къ Соборному уложенію 1649 г., вид. 1776 г.

²⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 448.

³⁾ Ibid., т. I, № 132. Опис. докум. и дѣлъ арх. св. синода, т. I, № 402.

⁴⁾ Опис. док. и дѣлъ арх. св. син., т. II, ч. I, № 283, П. С. П. и Р. т. II, № 448.

⁵⁾ Опис. док. и дѣлъ арх. св. син., т. I, № 402, П. С. П. и Р., т. I, № 132.

⁶⁾ П. С. П. и Р., т. II, № 448.

лись подписомъ оберъ-секретаря ¹⁾). Дѣла же важныя — означенныя конторы съ своимъ мнѣніемъ предлагали на разсмотрѣніе всего синода ²⁾). Раздѣленіе синода на конторы существовало только до 1726 года, когда онѣ были закрыты ³⁾).

Власть св. синода можно разсматривать въ двухъ отношеніяхъ: какъ власть высшаго духовнаго правительства, стоящаго во главѣ русской церкви, и какъ власть епархіальную, потому что въ непосредственное вѣдѣніе св. синода, въ разсматриваемое нами время, перешла патриаршая область, называвшаяся теперь синодальною ⁴⁾), а также и С.-Петербургская епархія съ поволазованными городами ⁵⁾).

Мы будемъ говорить теперь о синодѣ, какъ высшемъ церковномъ правительствѣ. О епархіальной же его власти будетъ рѣчь ниже.

Власть св. синода, какъ высшаго церковнаго правительства, распадается на три частныхъ вида: власть законодательную, административную и судебную.

О законодательной его власти въ высочайшемъ манифестѣ объ учрежденіи прямо сказано, что „должна есть коллегія сія и новыми впредь правилами дополнять регламентъ свой, яковыхъ правилъ требуютъ разныя разныя дѣла случаи; однакожь дѣлать сіе должна коллегія духовная не безъ нашего соизволенія“ ⁶⁾). И дѣйствительно, въ 1722 году св. синодъ составилъ дополненіе къ духовному регламенту; но прежде чѣмъ обнародовать его, онъ представилъ его на утвержденіе государя, который это дополненіе „собственноручно исправлять изволилъ, и все написанное, апробовавъ, напечатать и распубликовать указалъ“ ⁷⁾).

Впрочемъ, во время отсутствія государя, въ экстренныхъ случаяхъ, св. синодъ вмѣстѣ съ сенатомъ могли издавать тѣ или другія постановленія. Право это предоставлено было имъ высочайшимъ указомъ 19-го ноября 1721 года. „Какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ, говорилось въ указѣ, то не должно ни въ синодѣ, ни въ сенатѣ, безъ подписанія собственнаго его импера-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

³⁾ Опис. доп. и дѣла арх. св. синода, I, № 402.

⁴⁾ П. С. П. и Р., II, № 708.

⁵⁾ *Архангельскій*, Исторія правосл. церкви въ предѣлахъ нынѣшней С.-Петербургской епархія, стр. 114.

⁶⁾ П. С. П. и Р., I, стр. 1—2.

⁷⁾ Ibid., II, № 596.

торскаго величества руки, чинить. А буде во отлученіи его величества такое дѣло случится, а обождать до прибытія его величества будетъ невозможно, то синоду согласиться съ сенатомъ, и подписать и потомъ публиковать“¹⁾).

Административная власть св. синода выражалась въ управленіи всею русскою церковію. По высочайшему манифесту, онъ „имѣеть всякіе духовные дѣла, во всероссійской церкви“²⁾. Вслѣдствіе этого онъ заботился о просвѣщеніи духовенства³⁾, предписывалъ архіереямъ, чтобы они заводили и содержали на епархіальныхъ средства школы для обученія дѣтей⁴⁾, издавалъ богослужебныя книги и составлялъ новыя службы⁵⁾, охрапалъ тѣ церкви, приходы и штаты духовенства, которыя существовали при патриархѣ, разрѣшалъ постройку церквей, учрежденіе приходовъ и опредѣленіе священниковъ сверхъ существовавшихъ при жизни послѣдняго русскаго патриарха⁶⁾, требовалъ строго, чтобы при всѣхъ церквахъ заведены были, аккуратно писались и подавались епархіальному начальству метрики о родившихся, сочetaвшихся бракомъ и умершихъ⁶⁾, устраивалъ по всей Россіи институтъ церковныхъ старостъ⁷⁾ и т. п.

Вообще, въ качествѣ высшей церковной администраціи св. синодъ управлялъ всею православною русскою церковію и по всѣмъ предметамъ, которые по церковнымъ правиламъ подлежали вѣдѣнію высшаго церковнаго правительства.

О судебной власти св. синода. Въ высочайшемъ манифестѣ было сказано: „повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ всякаго чина, духовнымъ и мірскимъ, имѣть сіе за важное и сильное правительство, и у него крайній дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить, и судомъ его опредѣленнымъ довольствоватися, и указовъ его слушать во всемъ, подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ противъ прочихъ коллегій“⁸⁾. Изъ этихъ словъ само собой вытекаетъ, что синоду принадлежалъ высшій судъ надъ всѣми духовными властями.

¹⁾ П. С. П. и Р., I, № 286, п. 6.

²⁾ Ibid., № 285, стр. 300, п. 10.

³⁾ Ibid., II, № 648.

⁴⁾ Ibid., № 936.

⁵⁾ Ibid., № 548.

⁶⁾ П. С. П. и Р., II, № 596, п. 29.

⁷⁾ Опис. док. и дѣлъ арх. св. синода, I, № 131.

⁸⁾ П. С. П. и Р., I, стр. 1.

Въ докладныхъ пунктахъ, поданныхъ государю 28-го апрѣля 1721 года, св. синодъ писалъ: „Духовныя персоны, до опредѣленія духовнаго правительства, по разнымъ касающимся до нихъ дѣламъ, избрапы были въ разныя канцеляріи и приказы, а отнынѣ вашего величества всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣно было, чтобы оныхъ духовныхъ персонъ ни касалось по оговорамъ, изслѣдовать о томъ въ духовномъ правительствѣ, доколѣ изъ нихъ до кого не дойдетъ до розыску гражданскаго суда, дабы иногда безвинные не страдали со злодѣями въ темницахъ. А ежели какая духовная персона ята будетъ взята въ явное какое злодѣйствѣ, о таковыхъ слѣдовать въ гражданскомъ судѣ, только для снятія чина прислать въ духовное правительство по прежнему“¹⁾. На это послѣдовала высочайшая резолюція: „на которыхъ оговоръ какой будетъ (кромя тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) въ какомъ партикулярномъ злодѣяніи, такихъ отсылать въ синоду противъ сего пункта силы, пока оныя до гражданскаго суда приняты будутъ, а самимъ не брать въ коллегіи, или гдѣ индѣ, и не держать, и долженъ каждый челобитчикъ въ злодѣяніи на духовныхъ нигдѣ индѣ бить челомъ, токмо въ синодѣ“²⁾. Вслѣдствіе этой высочайшей резолюціи, стало поступать множество судебныхъ дѣлъ, которыя едва ли могли быть признаны достойными высшаго церковнаго правительства. Чтобы избавить себя отъ подобнаго рода дѣлъ, св. синодъ въ 1722 году издалъ указъ, запрещающій по всѣмъ тѣмъ дѣламъ подавать челобитныя непосредственно ему. „Понеже, говорилось въ этомъ указѣ, многіе челобитчики и доносители подаютъ въ святѣйшемъ синодѣ челобитныя и доношенія не точію о важныхъ и безъ синодальнаго сужденія рѣшиться не могущихъ, но и о легкихъ и малыхъ дѣлахъ, которыя до подчиненныхъ синоду приказовъ и партикулярныхъ правленій подлежатъ, и такими челобитными и доношеніями, отъ времени до времени умножающимися, чинятъ и нужнѣйшимъ, до единого токмо синодальнаго сужденія подлежащимъ дѣламъ препятіе, не взирая на то, что какова ради нужнѣйшаго правленія благоразсуднымъ его императорскаго величества усмотрѣніемъ святѣйшій синодъ установленъ есть, и не разсуждая того, что святѣйшій правительствующій синодъ въ духовномъ правленіи власть и силу имѣетъ такую, какъ правительствующій сенатъ въ свѣтскомъ, и не памятуя, что по рас-

1) П. С. П. и Р., I, стр. 84.

2) Ibid.

публикованнымъ его императорскаго величества указомъ, о опредѣленныхъ коллегіямъ дѣлахъ, не требовать тамо рѣшенія, въ сенатѣ бить челомъ не велѣно, и не точію въ сенатѣ, но и тамо, гдѣ правѣ и суду быть опредѣлено, то-есть въ юстицъ-коллегіи, не бивъ челомъ въ нижнихъ судахъ и не получивъ отъ нихъ рѣшенія, бить челомъ и утружденія коллегіи тѣмъ чинить запрещено, того ради святѣйшій синодъ судилъ за благо, овые его императорскаго величества указы публичнымъ объявленіемъ возобновивъ, показать ясно какъ по содержанію оныхъ и по примѣру свѣтскихъ дѣлъ долженъ всякъ и въ дѣлахъ духовнаго правительства постунать; ибо о свѣтскихъ дѣлахъ такъ въ распубликованныхъ его императорскаго величества указѣхъ объявлено, какъ здѣ показано¹⁾. Кромѣ того, для огражденія себя отъ ничтожныхъ дѣлъ, св. синодъ указываетъ инстанціи духовнаго суда.

Первую инстанцію составляли городскіе духовныхъ дѣлъ управители, „Всякому, говорилось въ опредѣленіи св. синода, о какомъ-либо до духовнаго правленія надлежащемъ дѣлѣ, бить челомъ или доносить исперва въ городѣхъ опредѣленнымъ къ тому духовныхъ дѣлъ управителемъ“²⁾. „На архіерейскихъ же и монастырскихъ служителей и на вотчинныхъ ихъ, также и на церковныхъ крестьянъ въ такихъ же дѣлахъ бить челомъ учиненнымъ надъ ними командиромъ, а гдѣ такіе командиры весьма отдалѣли, бить челомъ духовнымъ же управителемъ“³⁾.

Вторую инстанцію составляли епархіальные архіереи, которымъ подавались апелляціи въ случаѣ недовольства судомъ управителей. „Ежели въ тѣхъ обоихъ судахъ по челобитію или по доношенію о показанныхъ дѣлахъ рѣшеніе учинить несправое, или сатисфакціи кто не получитъ, или и получитъ, но недоволенъ будетъ, бить челомъ о томъ или доносить тѣхъ епархій (въ которыхъ тѣ города) архіереомъ“⁴⁾.

Третью же и высшую инстанцію составлялъ уже самъ синодъ. „А ежели который самъ уже архіерей, а не подчиненные его, правдиваго рѣшенія не учинить, или противно святымъ правиламъ и го-

¹⁾ П. С. П. и Р., II, стр. 367.

²⁾ Ibid., стр. 369.

³⁾ П. С. П. и Р., II, стр. 370.

⁴⁾ Ibid.

сударственнымъ правамъ въ чемъ поступить или резолюціею удовольствовать кого не возможеть, то бить челомъ въ синодѣ“¹⁾).

Свѣтскія лица подлежали суду св. синода по дѣламъ брачнымъ, богохульнымъ, еретическимъ, раскольнымъ, волшебнымъ и др.²⁾ Такимъ образомъ, св. синодъ пользовался судебною властью надъ всю русскую церковію, какъ надъ духовными, такъ и надъ мірянами по всѣмъ дѣламъ, имѣвшимъ церковно-христіанскій характеръ.

Св. синодъ въ разсматриваемое нами время употреблялъ по суду тѣ же самыя наказанія въ отношеніи къ виновнымъ духовнымъ и мірскимъ членамъ, какія существовали въ періодъ патриаршества. Такъ, на примѣръ, лица нетрезваго поведенія подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ розгами или плетью. Весьма распространеннымъ наказаніемъ была также посылка виновныхъ въ монастыри на разные, иногда очень продолжительныя, сроки, и даже на всю жизнь.

Было въ то время одно такое наказаніе, которое теперь вовсе не встрѣчается ни въ законодательствѣ, ни въ практикѣ церковнаго суда. Мы разумѣемъ временное отлученіе отъ церкви.

Духовный регламентъ различаетъ два вида отлученія: большое, или аваему, и малое или временное отлученіе. Полагая различіе между тѣмъ и другимъ, онъ говоритъ: „черезъ аваему человекъ подобенъ есть убіенному, а отлученіемъ или запрещеніемъ подобенъ есть за арестъ взятому“³⁾.

Въ другія подробности относительно отлученія духовный регламентъ не входитъ. Этотъ пробѣлъ восполнилъ св. синодъ. Въ 1723 году онъ постановилъ, чтобы священнослужители „ни для какихъ потребъ“ въ дома временно-отлученныхъ не входили и исполняли бы только „самыя нужнѣйшія потребности, то-есть родительницамъ молитвы и младенцевъ крещеніе, и больныхъ страха ради смертнаго исповѣданіе и причащеніе“⁴⁾.

Въ разсматриваемое время были примѣры, что св. синодомъ были отлучаемы даже цѣлыя приходы. Такъ, въ 1723 году отлучены были временно прихожане — московской Вознесенской, что за Никитскими воротами, церкви за противленіе церковнымъ распоряженіямъ⁵⁾.

¹⁾ П. С. П. и Р., II, стр. 370.

²⁾ Ibid., № 532, стр. 174.

³⁾ П. С. П. и Р., I, № 1, стр. 13.

⁴⁾ П. С. П. и Р., III, № 1090.

⁵⁾ Ibid.

Временному отлученію не могли подвергать лица пресвитерскаго сана, а только епископы. Въ духовномъ регламентѣ говорится, что временно отлучать свободенъ и силенъ есть только одинъ епископъ ¹⁾).

Что касается анафемы, то въ духовномъ регламентѣ постановлено, что архіереи безъ св. синода не могутъ налагать ее ²⁾).

Св. синодъ во всѣхъ дѣлахъ, которыхъ самъ онъ не могъ рѣшить, обращался къ монарху, не какъ къ главѣ церкви, а какъ къ главѣ государства. Онъ представлялъ государю разные „недоумѣнные“ вопросы въ своихъ докладныхъ пунктахъ и государь полагалъ на нихъ собственноручныя резолюціи.

Есть не мало доказательствъ, что сенатъ смотрѣлъ на св. синодъ, какъ на установленіе низшее его и даже ему подчиненное. Такъ, наприимѣръ, онъ предписывалъ св. синоду, чтобы положенныя деньги съ раскольниковъ отсылать въ штатсъ-конторъ-коллегію, штрафы по духовнымъ дѣламъ брать въ правительствующій сенатъ, а въ камеръ и конторъ-коллегіи репортовать ³⁾. Разумѣется, синоду не нравилось, что сенатъ дѣлаетъ подобныя; онъ распоряженія всегда протестовалъ противъ этого и напоминалъ сенату о своемъ равенствѣ съ нимъ. „Такое правительствующаго сената приказаніе предложено ко уменьшенію дапной отъ царскаго пресвѣтлаго величества святѣйшему правительствующему синоду дѣйствительной чести и учиненнаго съ правительствующимъ сенатомъ равенства, ибо объявляетъ правительствующій сенатъ свое приказаніе правительствующему духовному синоду, акибы подчиненному, не взирая на оное равенство и не упоминая того, что правительство духовное имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, а къ патріаршескому лицу отъ свѣтскаго правленія повелительныхъ писемъ не посылаюся. А оное правительствующаго сената приказаніе яко повелительство къ правительствующему духовному синоду прислано, и о дѣлахъ не свѣтскаго правленія, но духовнаго, которое до правительствующаго сената и не надлежитъ, но зависить отъ собственныхъ правительствующаго духовнаго синода указовъ, что и самъ правительствующій сенатъ общепнымъ своимъ въ синодъ, прешедшаго мая 26-го числа, вѣдѣніемъ признать и равную часть и силу правительствующаго духовнаго синода въ духов-

¹⁾ Ibid., I, № 1, стр. 13.

²⁾ Ibid., стр. 12.

³⁾ П. С. П. и Р., I, № 81.

номъ правленіи, какъ и правительствующій сенатъ имѣеть въ свѣтскомъ, показать заблагоразсудиль. А вышеозначеннымъ вѣдѣніемъ, которое нынѣ прислано, объявляя свое синоду приказаніе, умаляетъ дѣйствительную честь и лишаетъ равенства, понеже приказаніе, яко повелительство, происходитъ отъ большинства къ меньшему, а въ равенствѣ повелѣнія не бываетъ, но подобныя себѣ употребляютъ корреспонденціи, какъ и именнымъ его царскаго величества указомъ и подписанною на синодскихъ пунктахъ собственныя его величества руки резолюціею о новомъ духовномъ правительствѣ опредѣлено, и согласнымъ прешедшаго марта 3-го числа правительствующаго сената приговоромъ заблагоразсуждено и равная синода съ сенатомъ корреспонденція уставлена¹⁾.

А что св. синодъ не только юридически, но и практически стоялъ на одинаковой высотѣ съ сенатомъ—это видно изъ того, что по разнымъ церковнымъ и государственнымъ дѣламъ они имѣли общія конференціи.

Въ духовномъ регламентѣ имѣтъ опредѣленныхъ указаній на эти совѣстныя конференціи. Правда, тамъ указанъ одинъ случай, но это указаніе неопредѣленно и неточно. Желая искоренить симонію, сильно развившуюся въ то время среди духовества, Петръ Великій въ духовномъ регламентѣ говоритъ, что „полезно есть сдѣлать совѣтъ съ сенаторами какъ много дворовъ къ одному приходу опредѣлить и проч.“²⁾ Но изъ этого мы можемъ видѣть, что одинъ только предметъ подлежалъ совѣстной конференціи. При этомъ духовный регламентъ не указываетъ, гдѣ происходитъ должны эти конференціи, чѣмъ должны онѣ руководствоваться и проч. Все это предоставлено было послѣдующему времени. И дѣйствительно, 6-го сентября 1721 года появился указъ, представленный св. синоду Теофаномъ Прокоповичемъ. Указъ этотъ гласилъ слѣдующее: „ежели впередъ какъ изъ святѣйшаго синода въ сенатъ, такъ и изъ сената въ синодъ будутъ присылаться вѣдѣнія, и по усмотрѣнію которой стороны, яко отъ синодальной, или отъ сенатской, явится по мнѣнію сумнительныя, тобъ, для возымѣнія по онымъ конференціи, приходитъ, какъ отъ синода жъ въ сенатъ, такъ и отъ сената въ синодъ, по двѣ персоны“³⁾. Этими

¹⁾ П. С. Н. и Р., I, стр. 118.

²⁾ П. С. Н. и Р., I, стр. 29, п. 12.

³⁾ Ibid., стр. 203.

указомъ значительно пополнилась неопредѣленность и неполнота духовнаго регламента, Здѣсь мы уже видимъ, что предметомъ совмѣстныхъ конференцій синода и сената служить не одна только забота объ искореніи въ духовенствѣ симоніи; въ кругъ предметовъ совмѣстныхъ конференцій входятъ всѣ дѣла сомнительныя, въ синодѣ или въ сенатѣ производившіяся. Этимъ-же указомъ опредѣляется мѣсто собранія конференцій, а также и составъ ихъ. Конференціи должны происходить въ синодѣ или въ сенатѣ. Если сомнѣнія возникнутъ въ синодѣ, тогда двѣ персоны (члены синода) идутъ въ сенатъ и тамъ совмѣстно съ двумя сенаторами обсуждаютъ дѣло; если-же въ сенатѣ, тогда конференція происходитъ въ синодѣ. Видя, что сенатъ очень нерѣдко вторгается въ дѣла церкви, св. синодъ въ своихъ докладныхъ пунктахъ отъ 19-го ноября 1721 года писалъ слѣдующее: „когда сенатскими приговорами бывають какія генерально о всѣхъ опредѣленія, въ чемъ и синодская команда заключается, тогда можно, видится, прежде заключенія, во время обычайнаго о такихъ опредѣленіяхъ разсужденія, и синодъ увѣдомлять, и съ общаго согласія такія опредѣленія заключать, что было-бъ къ лучшему общей пользы усмотрѣнію“¹⁾).

По поводу этихъ докладныхъ пунктовъ, состоялась слѣдующая высочайшая резолюція: „какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ, то не должно ни въ синодѣ, ни въ сенатѣ, безъ подписанія собственныя его императорскаго величества руки, чинить. А буде во отлученіи его величества такое дѣло случится, а обождать до прибытія его величества будетъ невозможно, то синоду согласиться съ сенатомъ, и подписать и потомъ опубликовать“²⁾). Такимъ образомъ, мы видимъ, что съ теченіемъ времени предметы совмѣстныхъ конференцій все болѣе и болѣе увеличивались.

Мы уже упоминали, что высочайшая резолюція 19-го ноября 1721 года въ кругъ предметовъ совмѣстныхъ конференцій, между прочимъ, вносила и то, что въ случаѣ отлучки изъ столицы государя сенатъ и синодъ могутъ издавать разныя повелѣнія. Въ 1722 году синодъ и сенатъ воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ. Вслѣдствіе начавшейся персидской войны, Петръ уѣхалъ изъ С.-Петербурга; на конференціи синода и сената былъ постановленъ приговоръ объ изы-

¹⁾ И. С. П. и Р., I, стр. 299, № 285, п. 5.

²⁾ Ibid., стр. 304, № 286, п. 6.

скапіи и исправленіи раскольниковъ и о распубликованіи о томъ указовъ ¹⁾). Бывали конференціи и по дѣламъ „сумнительнымъ“.

Такъ было по дѣлу бывшихъ новгородскаго архіерейскаго дома дноряпъ Григорія Тютрюмова и Ивана Носова, которые, изъ Новгорода бѣжавъ въ Лядогу, при поимкѣ ихъ, кричали караулъ и сказывали за собою его императорскаго величества слово и дѣло, а потомъ стали доносить на судью того архіерейскаго дома Андроника. Св. синодъ назначилъ изслѣдовать это дѣло монастырскому приказу, по вслѣдствію прошенія Теофана, архіепископа новгородскаго, „дабы противъ оныхъ доносить изслѣдовать и рассмотреть его пресвященству для лучшаго способу присокупить съ нимъ синодальнаго члена“, св. синодъ опредѣлилъ: „по содержанію 6-й генеральнаго регламента главы, о томъ яко сумнительномъ, дѣлѣ, для лучшаго утвержденія возымѣти конференцію съ прав. сенатомъ“ ²⁾).

Не мало было совмѣстныхъ конференцій и по другимъ случаямъ. Такъ, синодъ и сенатъ совѣщались относительно довольствованія иностранныхъ духовныхъ персонъ, пріѣзжавшихъ въ Россію ³⁾). 8-го октября 1722 г. докторъ Видло просилъ прибавки жалованья ученикамъ московско-хирургической школы. Св. синодъ опредѣляетъ жалованье, но прежде чѣмъ привести въ исполненіе свой приговоръ, онъ пожелалъ, совмѣстно съ сенатомъ, обсудить этотъ вопросъ. Синодъ и сенатъ совмѣстно разсуждаютъ также о правильномъ писаніи святыхъ иконъ. Въ 1722 году 12-го апрѣля Петръ Великій издалъ высочайшій указъ объ исправленіи иконнаго изображенія и о падзираніи надъ живописцами и иконописцами архитектору Ивану Зарудневу ⁴⁾). Вслѣдствіе этого св. синодъ составилъ экстрактъ изъ постановленій собора 1667 года, именно изъ тѣхъ постановленій, которыя касались иконописнаго дѣла. Прижѣровъ неправильнаго писанія иконъ соборъ приводилъ не мало ⁵⁾). 21-го мая того же года св. синодъ снова разсуждалъ о св. иконахъ. При этомъ, кромѣ тѣхъ погрѣшностей, кото-

¹⁾ И. С. П. и Р., II, № 731. Опис. док. и дѣл. арх. св. синода, т. II, № 807.

²⁾ И. С. П. и Р., т. IV, № 1351.

³⁾ Ibid., т. II, № 841.

⁴⁾ Ibid., № 534.

⁵⁾ И. С. П. и Р., II, № 534.

рыя указали отцы собора 1667 года, онъ имѣлъ предъ своими глазами много и другихъ иконъ „церковному благолѣпію противныхъ“. Поэтому онъ и воспретилъ имѣть въ церквахъ иконы рѣзныя, вытесанныя и изваянныя. Свое запрещеніе онъ распространилъ и на иконы, „противныя естеству исторіи и истинѣ“¹⁾). Получивши это постановленіе, сенатъ не рѣшился распубликовать его въ той формѣ, въ какой оно было изложено, ибо опасался, какъ-бы прямымъ осужденіемъ тѣхъ или другихъ иконъ не смутить совѣсти читателей. Устроена была конференція, въ которой канцлеръ Головкинъ отъ лица сената предложилъ слѣдующее разсужденіе: „имянной его императорскаго величества указъ о ономъ писаніи означеніе имянно образовъ яко Господа Саваоа и прочихъ, въ публикѣ народно умолчать; а въ народной публикѣ изъяснить то, что объявлено о писаніи образовъ въ правилѣхъ, выписавъ изъ нихъ, а особливо порознь, яко Флора и Лавра съ конюхами, и о прочихъ въ публикѣ умолчать. Также въ епархіи ко архіереомъ въ указѣхъ означить, дабы во ономъ иконномъ справедливомъ писаніи имѣли усмотрительное попеченіе и о иконахъ, о которыхъ объявлено выше, что ихъ впредъ не писать, упомянуть чтобъ со временемъ исправлять велѣли-бы, и не вскорѣ оное прекратили“²⁾). Это разсужденіе сената о святыхъ иконахъ было принято во вниманіе синодомъ. Снова былъ сочиненъ приговоръ синода по этому вопросу „и ради апробаціи“ посланъ былъ въ сенатъ; но неизвѣстно, почему сенатъ рѣшилъ оставить дѣло до пріѣзда государя. Спустя нѣсколько времени, синодъ и сенатъ снова имѣли совѣщаніе и результатомъ было распоряженіе о наблюденіи за нераспространеніемъ иконъ, написанныхъ вопреки правиламъ, и о порученіи сего въ епархіяхъ лицамъ, знающимъ церковную живопись, по избранію и опредѣленію суперъ-интендента Заруднева, подъ вѣдѣніемъ котораго сіи лица должны состоять³⁾).

Изъ приведенныхъ примѣровъ совѣстныхъ конференцій синода и сената можно видѣть, что на нихъ обсуждались дѣла, касавшіяся церкви. Но на этихъ-же конференціяхъ обсуждались также и дѣла государственныя и гражданскія.

18-го октября 1721 года св. синодъ, секретно разсуждая о слав-

¹⁾ Ibid., № 625.

²⁾ П. С. П. и Р., II, стр. 466, № 777.

³⁾ П. С. П. и Р., II, № 777.

ныхъ дѣлахъ Петра I-го, рѣшилъ просить его принять титулъ: Отца Отечества и Императора Всероссійскаго. Но при этомъ синодъ присовокупилъ: „а понеже оное о принятіи такова титула моленіе, отъ духовныхъ и свѣтскихъ предложить въ обществѣ приличествующее, дѣло государственное есть: того ради святѣйшій правительствующій синодъ заблагоразсудилъ сообщить о томъ секретно и правительствующему сенату“. По этому предмету было три совмѣстныхъ конференціи, 20, 21 и 22-го октября ¹⁾).

27-го іюня 1722 г. у св. синода съ сенатомъ была совмѣстная конференція по вопросу чисто гражданскаго характера, именно о содержаніи и кормленіи незаконпорожденныхъ дѣтей. На этой конференціи было постановлено: „опыхъ младенцевъ отъ блуда рожденныхъ и кормилицъ ихъ довольствовать изъ сбору лазаретныхъ денегъ, которыя съ вѣпечныхъ памятей собираются, также и изъ приложенныхъ къ тому сбору въ дополненіе вычетныхъ изъ жалованья на лазаретъ денегъ, которыхъ вычитается у всѣхъ чиновъ, кромѣ рядовыхъ солдатъ, по двѣ деньги съ рубля“ ²⁾).

Даже между лицами подвѣдомственными св. синоду находились въ то время такія, которыя превратно понимали свои къ нему отношенія, такъ что было необходимо разъяснять имъ его власть и значеніе.

Такъ, крутицкій митрополитъ Игнатій прислалъ доношеніе, въ которомъ вмѣсто того, чтобы писать: „святѣйшему правительствующему синоду“, написалъ „въ правительствующую духовную коллегію святѣйшему правительствующему синоду“. Св. синодъ вслѣдствіе этого предписывалъ Игнатію, чтобы онъ „впредь въ присылаемыхъ въ прав. синодъ доношеніяхъ данную отъ царскаго величества оному спподу честь изьяснять ему безъ всякаго умаленія и повиноватися оному во всемъ безъ прекословія, понеже оный синодъ имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или едва и не большую, понеже соборъ есть“ ³⁾).

Точно также св. синоду пришлось разъяснять дѣло тверскому митрополиту, Сильвестру, который, на запросъ относительно истраченныхъ имъ казенныхъ денегъ, прислалъ „вѣдѣніе“. Св. синодъ потребовалъ

¹⁾ П. С. П. и Р., I, № 252.

²⁾ П. С. П. и Р., II, стр. 532, № 838.

³⁾ Опис. док. и дѣлъ арх. св. снн., т. I, № 230. П. С. П. и Р., I, № 20.

отъ Силвестра „отвѣтствовать безъ всякаго пристрастія, въ самую истину, чего ради онъ, архіерей, не противъ силы посланнаго къ нему изъ святѣйшаго правительствующаго синода указу о вышеозначенномъ прислалъ вѣдѣніе, а не доношеніе, и какой ради причины святѣйшему правительствующему синоду, который по его царскаго величества именному указу велѣно имѣть всѣмъ духовнымъ и мірскимъ за важное и сильное правительство, являетъ себя якобы неподчиненнымъ, но равнымъ, и письменную корреспонденцію имѣеть, какъ выше показано, вѣдѣніями, а не доношеніями, и дабы впредь дапную отъ царскаго пресвѣтлаго величества святѣйшему правительствующему синоду честь онъ, архіерей, въ присылаемыхъ доношеніяхъ своихъ исполнялъ имянно и не показывалъ-бы себя равнымъ, но, якоже онъ есть, имѣлъ себя подчиненнымъ, опасаясь за такую дерзость не малаго штрафованія“ ¹⁾). Не смотря однако на эти разъясненія, не рѣдко поступали бумаги, въ которыхъ, или „отъ незнанія и невѣжества“, а иногда и „отъ гордаго нрава“ умалялась власть и честь св. синода. Въ виду этого составлена была печатная форма, по которой должны были составляться доношенія и просьбы, идущія въ св. синодъ ²⁾).

Св. синодъ въ первые-же дни своего существованія позаботился объ опредѣленіи формы сношеній съ правительствующимъ сенатомъ, коллегіями и другими установленіями. Въ первомъ докладѣ своемъ государю онъ писалъ: „о прилучающихся требованіяхъ отъ правительствующаго духовнаго собранія въ правительствующій сенатъ, также и въ коллегіи, и отъ нихъ въ духовное собраніе, каковымъ образомъ письменное обхожденіе имѣть? А на патріарше имя указовъ ни откуда не присылалось, духовная-же коллегія имѣеть честь, силу и власть патріаршескую, или едва и не большую, понеже соборъ есть“.

Высочайшая резолюція на этотъ докладной пунктъ была слѣдующая: „Въ сенатъ вѣдѣніемъ и за подписаніемъ всѣхъ, а въ коллегіи такъ, какъ изъ сенату пишутъ, и за подписаніемъ только секретарскимъ“ ³⁾). Въ свою очередь, сенатъ, вслѣдствіе высочайшей резолюціи 14-го февраля 1721 года, дѣлаеть отъ себя такое распоряженіе:

¹⁾ Описныя докум. и дѣла арх. св. свн., т. I, № 192. П. С. П. и Р., I, № 275.

²⁾ П. С. П. и Р., II, № 398. Опис. док. и дѣла арх. св. свн. II, ч. I, № 75.

³⁾ П. С. П. и Р., I, № 3, п. 2.

„КАКЪ ИЗЪ ДУХОВНАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СИНОДА ВЪ СЕНАТЪ, ТАКЖЕ И ИЗЪ СЕНАТА ВЪ ТОТЪ СИНОДЪ ПОСЫЛАЕМЫ ВЪДѢНІИ О ВАЖНЫХЪ ДѢЛАХЪ ПОДПИСЫВАТЬ ВСѢМЪ, А ПРОЧІЯ, КОТОРЫЯ ТОКМО БУДУТЪ ПОСЫЛАТЬСЯ ДЛЯ ВѢДОМА, КРѢПИТЬ ОБЕРЪ-СЕКРЕТАРЕМЪ; А ИЗЪ КОЛЛЕГІЙ И КАНЦЕЛРІЙ, ТАКЖЕ ИЗЪ ГУБЕРНІЙ И ИЗЪ ПРОВИНЦІЙ ПИСАТЬ ДОНОШЕНІЕМЪ ТАКО: СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ ДУХОВНОМУ СИНОДУ“¹⁾).

¹⁾ Ibid., № 19.

В. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Спеціальныя труды по начальной русской исторіи.

Русская военная исторія. Составилъ князь *Н. Голицынъ*. Двѣ части (до Петра Великаго). С - Пб. 1877—1878.

Исторія Русской церкви. *Е. Голубинскаго*. Періодъ до-монгольской. М. 1880.
Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта. *И. Полсаю*. Два выпуска (до XIV вѣка). 1879—1880.

Намъ уже не разъ случалось указывать на тотъ вредъ, который припесла и продолжаетъ приносить норманская теорія, препятствуя правильной обработкѣ перваго періода русской исторіи почти по всѣмъ сторонамъ народнаго и государственнаго быта. Исторія гражданская, военная, церковная, бытовая, юридическая, филологія, этнографія, археологія, все это немилосердно искажаетъ факты и дѣлаетъ ложные выводы, какъ скоро беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ мнимое пришествіе Руси откуда-то изъ-за моря, въ IX вѣкѣ. Передъ нами три довольно объемистые труда, которые именно страдаютъ отъ упомянутой теоріи, въ особенности два первые.

Во введеніи къ своему сочиненію князь Голицынъ перечисляетъ массу источниковъ и пособій. Тутъ вы найдете: лѣтописи русскія, византійскія и западно-славянскія, даже житія святыхъ и разные акты, всѣ возможные сочиненія по исторіи русской, западно-славянской, польской, чешской, литовской, шведской, монгольской и т. д. Но для насъ важны отношенія автора къ своимъ источникамъ: какъ я на сколько онъ ими воспользовался? Предприимая самое изложеніе русской военной исторіи, князь Голицынъ начинаетъ свое повѣствованіе

очень издалека, то-есть, со Скивовъ и Сарматовъ: перечисляетъ всѣ ихъ племена, описываетъ религію, сообщаетъ вкратцѣ исторію. Затѣмъ онъ переходитъ къ описанію Славянъ, ихъ расселенію, быту, перечисленію всѣхъ племенъ и т. п. Не упускаетъ повторить домысль о невоинственности Славянъ (стр. 21), а въ сущности объ ихъ пассивности,— домысль, пущенный въ ходъ нѣмецкими писателями и поддержанный ихъ близорукими славянскими послѣдователями, тогда какъ самый поверхностный обзоръ историческихъ фактовъ противорѣчитъ этому взгляду. Судя по перечню источниковъ и пособій, сочинителю какъ будто извѣстны и мои изслѣдованія о началѣ Руси. Тѣмъ не менѣе онъ повторяетъ старыя басни о призваніи Варяговъ и считаетъ „первоначальный составъ и характеръ нашей княжеской дружины чисто норманскими“ (стр. 31); преобразование же норманскаго войска въ славянское совершили Владиміръ и Ярославъ (стр. 32). И вотъ такимъ образомъ вся начальная военная исторія Руссовъ, можно сказать—уничтожена однимъ ударомъ. Зачеркнуты тѣ своеобразныя и характерныя черты, съ которыми русская рать является подъ Царьградомъ въ 865 году. Пропали для русской военной исторіи тѣ въ высшей степени любопытныя подробности, которыя Левъ Діаконъ сообщаетъ о военномъ строѣ и боевыхъ приѣмахъ Руси Святослава. Ибо все это оказывается не наше собственное, а чужое, норманское. Сообразно съ норманскою тенденціей, авторъ старается уменьшать дѣйствительныя цифры русской рати. Такъ подъ Царьградомъ, по всѣмъ даннымъ, Русь можно положить минимумъ въ 12 или 15 тысячъ воиновъ; у Святослава же, по византійскимъ извѣстіямъ, было въ Болгаріи 60,000 человекъ. Понятно, что такія числа никакъ не подходятъ къ норманскимъ наемнымъ отрядамъ; а потому въ первомъ случаѣ выставляется 8 тысячъ, а во второмъ 10; къ послѣднему для пополненія цифры прибавляются толпы Венгровъ и Печенѣговъ (стр. 32), хотя Левъ Діаконъ ясно говоритъ о большомъ и однородномъ войскѣ, силою состоявшемъ изъ Руссовъ. Упущены изъ виду извѣстія арабскія, повѣствующія о походахъ Руси въ Каспійское море въ количествѣ пятидесятитысячной рати.

Князь Голицынъ утверждаетъ, что Владиміръ и Ярославъ образовали „народное русское войско“, и съ того времени перестали призывать наемныя варяжскія дружины. Между тѣмъ въ дѣйствительности было наоборотъ. До Владиміра только въ Новгородѣ находимъ намеки на пребываніе наемнаго варяжскаго отряда или гарнизона; а въ Кіевской Руси, судя по яснымъ свидѣтельствамъ Византійцевъ—

современниковъ, еще не было въ обычаѣ употреблять для войны наемныхъ Варяговъ. Только при Владимірѣ они являются въ Кіевѣ, и только при Ярославѣ встрѣчаются въ русскомъ войскѣ, ходившемъ на Грековъ. Исходя отъ ложнаго мнѣнія о норманскомъ составѣ нашихъ древнихъ дружинъ, сочинитель, между прочимъ, приписываетъ имъ клинообразный строй, который „по тогдашнему выраженію назывался свиньей“ (37), тогда какъ это выраженіе встрѣчается въ лѣтописяхъ только въ XIII вѣкѣ, въ примѣненіи къ Ливонскимъ рыцарямъ.

„Въ походахъ по рѣкамъ“, говоритъ сочинитель,—„войска часто вытаскивали суда свои на берега и несли ихъ на себѣ (на перевозахъ, порогахъ и т. п.), а одинъ разъ, въ походѣ къ Константинополю, если вѣрить византійскимъ лѣтописцамъ, ѣхали на своихъ ладьяхъ по землѣ и по вѣтру на парусахъ и каткахъ“ (стр. 38). Въ этихъ немногихъ словахъ заключается нѣсколько капитальныхъ ошибокъ. Вопервыхъ, никакіе византійскіе лѣтописцы не говорятъ о путешествіи русскихъ ладій на парусахъ и каткахъ, а есть нѣчто подобное между тѣми баснями, которыми наполнена наша начальная лѣтопись, именно по поводу мнѣической осады Константинополя Олегомъ. Вторыхъ, о перетаскиваніи судовъ на рукахъ по волокамъ и мимо пороговъ, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, не говоритъ ни одинъ источникъ. Это плодъ пылкаго воображенія норманистовъ, которые заставляютъ Варяговъ на своихъ морскихъ судахъ плавать изъ Балтійскаго моря въ Черное по обширнымъ волокамъ, мимо Двинскихъ и Днѣпровскихъ пороговъ; источники же говорятъ слѣдующее: И скандинавскія саги, и русскія лѣтописи, разказывая о норманскихъ походахъ въ Россію, указываютъ городъ Ладогу крайнимъ предѣломъ, до котораго доходили ихъ суда. Далѣе вверхъ по Волхову они не могли слѣдовать по причинѣ пороговъ. Торговые караваны около этихъ пороговъ перегружались на туземныя болѣе легкія суда, чтобы идти въ Новгородъ. Вверхъ по Двинѣ могли ходить то же не морскія суда, а плоскодонныя барки или дощаники также по причинѣ пороговъ; затѣмъ товары перегружались на телѣги и волокомъ, то-есть сухопутьемъ, перевозались до Смоленска, къ верхнему Днѣпру. На этотъ порядокъ прямо указываютъ торговые договоры Новгорода и Смоленска съ варяжскими и нѣмецкими городами. Караваны, ходившіе Днѣпромъ въ Грецію, составлялись изъ ладей, которыя строились въ Полѣсьѣ и весною спускались нѣ Днѣпръ; въ Кіевѣ онѣ сваржались и нагружались, и отсюда шли внизъ. Они проходили сквозъ

пороги, а никакъ не таскались на рукахъ мимо ихъ, что было бы невозможно физически. О томъ ясно говоритъ Константинъ Багрянородный. На всѣ эти обстоятельства я имѣлъ уже честь указывать въ своихъ изысканіяхъ; но послѣдователи тенденціозной норманской теории продолжаютъ игнорировать несомнѣнные свидѣтельства источниковъ.

„Въ удѣльномъ періодѣ Руссы въ строеѣ и образѣ дѣйствій войскъ въ бою заимствовали уже многое отъ сосѣднихъ народовъ—особенно Тюркского племени, равно и отъ Венгровъ“ (стр. 38). И нѣсколько ниже: „Весьма вѣроятно, что въ строеѣ и образѣ дѣйствій войскъ Руссы многое заимствовали: въ сѣверной Руси—у Шведовъ и Ливонскихъ рыцарей, а въ западной и юго-западной—у сосѣдей своихъ, Поляковъ и Венгровъ“. Эта, основанная на однихъ предположеніяхъ, характеристика русскаго военнаго искусства въ удѣльный періодъ страдаетъ такимъ же недостаткомъ изученія, какъ и предыдущій мнимо-норманскій періодъ. А между тѣмъ вотъ что говоритъ главный источникъ для нашего удѣльнаго времени, то-есть русская лѣтопись: Въ 1229 г. Даниилъ Романовичъ съ братомъ Василькомъ ходили на помощь Конраду Мазовецкому и вмѣстѣ съ нимъ осаждали городъ Калишь. „Кондрату же любящу русскій бой и понужающу Ляхы свое, онѣмъ же одинако нехотящимъ“. (Ипат. лѣтоп. по нов. изд., 504). И такъ, былъ свой собственный „русскій бой“, то-есть, свои особые приемы, свое русское военное искусство, которому Конрадъ отдавалъ предпочтеніе передъ собственнымъ польскимъ. Еслибы сочинитель, вмѣсто поминутаго перечня многочисленныхъ источниковъ, внимательно изучилъ хотя бы одну Кіевско-Волинскую лѣтопись, то онъ нашелъ бы тамъ довольно цѣннаго матеріала для характеристики нашего военнаго искусства въ удѣльную эпоху и убѣдился бы, что оно стояло довольно высоко по тому времени и было вполне своеобразно; слѣдовательно, имѣло уже свои традиціи, свое историческое развитіе. Вмѣсто ли къ чему непригоднаго, сухаго перечня почти всѣхъ войнъ и походовъ этого періода и его запутанной политической исторіи, авторъ поступилъ бы гораздо лучше, еслибы сосредоточилъ свое вниманіе на фактахъ, самыхъ характерныхъ и болѣе подробно изложенныхъ лѣтописцами, а потомъ уже отсюда строилъ бы свои выводы о военной сторонѣ русской исторической жизни. Такъ, слѣдовало бы подвергнуть особому изученію такіа событія, какъ извѣстный походъ Игоря на Половцевъ, битву на Рутѣ, Липецкую битву, походы Даниила Романовича на Ятвяговъ и т. п.

Ограничивая пока свою критику собственно кievскою эпохою нашей исторіи, я оставляю здѣсь сочиненіе князя Голицына, которое чѣмъ болѣе подвигается къ позднѣйшему времени, тѣмъ болѣе представляетъ разнообразнаго, поучительнаго матеріала и вообще заслуживаетъ вниманія, какъ первая систематическая попытка въ этомъ родѣ. Перехожу къ слѣдующему спеціальному труду: къ „Исторіи Русской церкви“ г. Голубинскаго.

Не скроемъ, что книга г. Голубинскаго произвела на насъ тяжелое впечатлѣніе. Отъ писателя, уже извѣстнаго добросовѣстными трудами, признаться, мы никакъ не ожидали столь превратнаго и поверхностнаго отношенія къ дѣлу и такого слѣпаго поклоненія отжившей норманской системѣ. Еслибы г. Голубинскій, просто и не мудрствуя лукаво, слѣдовалъ лѣтописнымъ баснямъ и ошибкамъ писателей, а также установленнымъ норманистами домысламъ и толкованіямъ, его трудъ имѣлъ бы хотя вѣншій видъ нѣкотораго построенія. Но авторъ вздумалъ мѣстами не соглашаться съ начальною лѣтописью и поправлять ее, а мѣстами пересыпать свой разказъ о введеніи въ Россіи христіанства полемикою съ антинорманистами. Въ числѣ послѣднихъ, очевидно, онъ возражаетъ и на мои доводы, хотя меня не называетъ, при чемъ на каждомъ шагу мы убѣждаемся, что изслѣдованія наши если онъ отчасти и просматривалъ, то очень невнимательно. Въ результатѣ онъ постоянно путается въ новыхъ домыслахъ и противорѣчить не только историческимъ фактамъ, но и самому себѣ.

Вопервыхъ, онъ принимаетъ Аскольда и Дира за историческія лица, пришедшія съ Рюрикомъ изъ Скандинавіи, но отвергаетъ разказъ лѣтописи объ ихъ нападеніи на Царьградъ. Русь, нападавшая на Царьградъ и послѣ того крестившаяся, по его мнѣнію, была не кievская, а таврическая, „не имѣвшая къ кievской никакого отношенія“ (стр. 24). „О Руссахъ азовско-таврическихъ пока еще не найдено никакихъ историческихъ свидѣтельствъ“. И вслѣдъ затѣмъ сочинитель самъ приводитъ свидѣтельства о ней Арабовъ и нѣкоторыя географическія названія. Варяго-Руссы пришли и поселились на Таманскомъ полуостровѣ (неизвѣстно когда) рядомъ съ своими родичами Готами „и слились съ ними въ одинъ народъ, такъ что русское называли готскимъ и наоборотъ“. Такимъ образомъ, русское Евангеліе, найденное Константиномъ въ Крыму было собственно готское (стр. 30). Далѣе, по поводу сурожской легенды, авторъ говоритъ: „Мы ни одного писателя не знаемъ и ни одного свидѣтельства не

имѣемъ, чтобы Славяне наши до прибытія къ намъ Варяговъ занимались набѣгами на другіе народы, а напротивъ, знаемъ только, что они сами были цѣлью этихъ набѣговъ, и что эта постоянно страдательная роль составляла ихъ характеристическую и отличительную черту“ (стр. 45). Сказать это можетъ только тотъ, кто не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о фактической исторіи Славянъ. Если авторъ не вѣритъ въ тожество Руси и Роксоланъ, то все-таки неужели ему неизвѣстны византийскія свидѣтельства объ Аптахъ или восточныхъ Славянахъ? (Не говоримъ уже о Сарматахъ, которыхъ авторъ, вѣроятно, тоже относитъ къ Нѣмцамъ)

Между прочимъ, г. Голубинскій пускается и въ филологическія толкованія—этотъ самый скользкій путь для всѣхъ толкователей. Относительно имени Русь онъ принимаетъ такую комбинацію. Финны называютъ Шведовъ Rotsi; Новгородцы, познакомились съ Норманами черезъ Финновъ, назвали ихъ финскимъ именемъ „и произошло русское (славянское) имя Норманновъ. Вслѣдъ за Русскими назвали Норманновъ этимъ именемъ Греки, а за Греками Арабы“ (стр. 49). Можно ли придумать комбинацію болѣе наивную и менѣе серьезную? Тутъ не выходитъ главнаго: какъ же сами-то Русскіе Славяне стали себя называть Русью? Откуда, изъ какихъ источниковъ видно, что Новгородцы познакомились съ Норманнами черезъ Финновъ? Извѣстно, напримѣръ, что первые плавали ко вторымъ прямо на островъ Готландъ, а вторые прямо плавали къ первымъ въ Ладогу. Притомъ самъ же авторъ говоритъ, что Новгородцы назвали себя не Русью, а Славянами (стр. 45). Притомъ ужъ было приведено столько фактовъ, указывающихъ на принадлежность имени Руси преимущественно днѣпровскимъ Славянамъ, что необыкновенно странно теперь встрѣчать подобныя толкованія. Если всѣ сосѣди называли насъ Руссами, то конечно, потому, что мы сами такъ себя называли. „Созвучіе въ имени народа Русь съ названіями рѣкъ Росъ и Руся просто случайное“ (стр. 51). Въ томъ же родѣ идутъ далѣе разсужденія объ именахъ князей и пословъ. Но обратимся собственно къ введенію христіанства.

Оказывается, что христіанство ввели къ намъ Варяги, служившіе прежде въ Константинополь. Слѣдуетъ ссылка на договоръ Игоря. Тамъ говорится о христіанской Руси, о Варягахъ же ни слова. Но для автора это все равно, такъ какъ онъ убѣжденъ въ ихъ тожествѣ; притомъ же въ лѣтописи стоятъ слова: „мнози бо быша Варязи христеяни“. Между тѣмъ эти слова не принадлежатъ договору, а суть замѣ-

чаніе самого лѣтописца и вставлены очевидно позднѣе, то-есть, когда составители сводовъ начали смѣшивать Варяговъ съ Русью; но автору до такихъ истинъ нѣтъ дѣла. Онъ вѣритъ А. А. Кунику болѣе чѣмъ историческимъ фактамъ; вѣритъ ему въ томъ, что Варяги давнымъ давно служили въ Константинополѣ и тамъ крестились, хотя прімыя византійскія извѣстія начинаютъ упоминать объ этой службѣ только съ XI вѣка, когда Варяги были уже христіанами западной (а не восточной) церкви. Затѣмъ г. Голубинскій полагаетъ, что кіевская церковь Или была только подражаніемъ воображаемой пмъ варяжской Ильинской церкви въ Константинополѣ, и что отъ сей послѣдней церкви кіевскіе Варяги получали для себя священниковъ (стр. 63). Однимъ словомъ, мы видимъ полный произволъ въ догадкахъ и толкованіяхъ автора по самому существенному предмету его книги (какъ извѣстно, его докторской диссертациі).

Присутная къ крещенію Владиміра, г. Голубинскій выражаетъ свое прискорбіе о томъ, что онъ долженъ уничтожить старую вѣру въ лѣтописную повѣсть объ этомъ крещеніи: „Неумолимый долгъ историка заставляетъ насъ сказать, что повѣсть эта не заключаетъ въ себѣ ничего истиннаго, что она есть позднѣйшій вымыселъ, по всей вѣроятности, не русскій, а греческій“. Онъ признаетъ ее „позднѣйшею вставкой въ лѣтопися“, не имѣющею связи съ предыдущимъ (стр. 91). Затѣмъ, авторъ старается опровергнуть лѣтописный разказъ. Мы не будемъ разбирать этихъ опроверженій, хотя несогласны съ нимъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Обратимъ вниманіе только на явное противорѣчіе: сочинитель не задумывается вычеркнуть изъ лѣтописи даже эту священную легенду, тогда какъ благоговѣетъ передъ басней о призваніи Варяговъ и не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ критическихъ попытокъ въ вопросѣ о позднѣйшемъ смѣшеніи въ лѣтописяхъ Варяговъ съ Русью и такихъ позднѣйшихъ глоссахъ какъ фраза: „мнози бо бѣша Варязи христіане“.

Устранивъ легенду о выборѣ вѣры и крещеніи Владиміра, г. Голубинскій ведетъ опять длинныя разсужденія о томъ, какъ Варяги, служившіе прежде въ Константинополѣ, вводили христіанскую вѣру въ Россіи. Слѣдить за этими разсужденіями, по ихъ запутанности и непрерывно встрѣчающимся произвольнымъ догадкамъ, мы отказываемся, а поставимъ ему на видъ слѣдующія обстоятельства: Говоря о перемѣнѣ религіи, кажется, можно было бы коснуться прежней, старой религіи народа. Авторъ этого не касается. Толкуя о договорахъ съ Греками, онъ совсѣмъ не замѣчаетъ, что его мнимые Варяги

поклоняются Перуну и Волосу, а не Тору и Одину. Положимъ, это обычный промахъ норманистовъ. Но вотъ что особенно удивительно въ историкѣ Русской церкви: это совершенный пропускъ вопроса о церковно-славянской грамотѣ и славянскомъ богослуженіи. По мнѣнію г. Голубинскаго, христіанство ввели въ Россію Варяги; они же ввели у насъ грамотность, при чемъ воспользовались готскою письменностью. И эта готская грамотность образовалась у насъ, по видимому, до Владиміра (стр. 83). Съ другой стороны, Владиміръ, по толкованіямъ автора, только продолжалъ дѣло Варяговъ и самъ принялъ крещеніе не отъ Грековъ или Болгаръ, а именно отъ Варяговъ (стр. 110—112). Когда же и какимъ образомъ готская грамотность и готское богослуженіе превратились въ славянское, на это книга г. Голубинскаго отвѣта не даетъ. Намъ вазалось бы, что авторъ начальной исторіи нашего христіанства на первомъ планѣ долженъ имѣть вопросъ о церковно-славянскомъ богослуженіи и тѣсно связанной съ нимъ славянской грамотности; пройти мимо этого вопроса просто немислимо.

Вотъ къ чему приводятъ норманскія измышленія хотя и умныхъ людей, но нетвердыхъ въ исторической критикѣ!

Любопытна также послѣдняя глава (IV-я) книги г. Голубинскаго, трактующая о древнерусскомъ просвѣщеніи. Онъ пытается доказать, что въ до-монгольскій періодъ у насъ просвѣщеніе отнюдь не стояло выше, чѣмъ въ періодъ татарскаго ига, и что иго это никакого особаго ущерба русскому просвѣщенію не сдѣлало. О такомъ возрѣніи можно только сказать: ново и оригинально, но исторически не вѣрно.

Обратимся къ третьему сочиненію, то-есть, къ „Очеркамъ русской исторіи въ памятникахъ быта“. Передъ нами трудъ, далеко оставляющій за собою оба предыдущіе по своему болѣе добросовѣстному отношенію къ источникамъ, ясному и толковому изложенію; къ тому же онъ снабженъ хорошими рисунками памятниковъ. Это очень полезное пособие для знакомства съ до-монгольскимъ періодомъ русской исторіи. Мы не будемъ останавливаться на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ; которыя могли бы сдѣлать по поводу того или другаго положенія. Коснемся только отношеній этого труда къ вопросу о происхожденіи русской народности, и къ мнѣніямъ о древнемъ русскомъ искусствѣ.

Въ первой части сочиненія, въ которой авторъ начинаетъ свое изложеніе съ каменнаго вѣка и обзрѣваетъ народы, обитавшіе въ Восточной Европѣ, онъ какъ будто не отдѣляетъ Руссовъ отъ Сла-

вянь, напрімѣръ, при описаніи судовыхъ каравановъ на Днѣпрѣ и обрядовъ трупосожженія. Но во второй части, посвященной преимущественно кievскому періоду, онъ является вдругъ норманистомъ и послѣдователемъ лѣтописныхъ басенъ. Это обстоятельство помѣшало ему, напрімѣръ, болѣе исторично взглянуть на древнѣйшій Кіевъ. Ему, также какъ мнѣческимъ Аскольду и Диру, Кіевъ во второй половинѣ IX вѣка представляется „небольшимъ городкомъ на горѣ“. Исходя изъ этого положенія, авторъ считаетъ за „первоначальный городокъ Кіевъ“ вершину „такъ называемой Старо-Кіевской горы“ (стр.9). А Подоль началъ заселяться позднѣе, собственно при Владимірѣ I и Ярославѣ I (стр. 11). Мы полагаемъ, что въ дѣйствительности происходило наоборотъ. По всѣмъ признакамъ, поселеніе на Подолѣ было древнѣе верхняго города. Множество предметовъ каменнаго вѣка, находимыхъ въ сосѣднихъ береговыхъ низинахъ, ясно указываютъ—въ какую глубокую древность простиралось ихъ заселеніе. На то же обстоятельство указываютъ остатки пещерныхъ жилищъ. А затѣмъ, съ установленіемъ воднаго торговаго пути, конечно, началъ обстроиваться нижній городъ какъ судовая пристань. Отсюда поселенія постепенно распространялись вверхъ по холмамъ и удолямъ. Тогда-то обстроился верхній городъ или кремль, какъ укрѣпленное жилище князя и его дружины, водворившихся здѣсь уже въ виду значительнаго и торговаго поселенія. Таковъ естественный ходъ вещей по отношенію къ данной мѣстности. А что Кіевъ „только со второй половины X вѣка сталъ быстро возрастать и къ концу XI вѣка уже успѣлъ увеличиться въ двадцать разъ противъ своего первоначальнаго объема (стр.9), то-есть, объема второй половины IX вѣка, это совершенная гипербола, навѣянная басней о вокняженіи здѣсь варяжскихъ выходцевъ.

Невѣрный исходный пунктъ (господство въ Кіевѣ Варяговъ) ведетъ автора и къ дальнѣйшимъ натяжкамъ, именно тамъ, гдѣ онъ разсуждаетъ о князѣ и его отношеніяхъ къ народу. Непонятнымъ является, почему же не Повгородъ, а Кіевъ, столь незначительный еще во второй половинѣ IX вѣка, въ началѣ X, то-есть, при Олегѣ, является уже значительнымъ торговымъ городомъ, главою обширной страны, имѣвшей и другіе славные торговые города, какъ Черниговъ, Любечъ, Переяславль? Откуда въ этомъ якобы маленькомъ городѣ, отвоеванномъ у Хазаръ Варягами, такъ быстро развилось шумное пародное вѣче, ограничивавшее княжескую власть? Откуда произошли эти „ряды“ или уговоры народа съ княземъ? Да откуда, наконецъ, взялся самъ этотъ сильный славянорусскій народъ Кіевлянъ (о которомъ арабскіе

писатели ясно говорят тоже въ началѣ X вѣка), если въ IX вѣкѣ онъ былъ слабъ и ничтоженъ и переходилъ то къ хазарскому, то къ варяжскому господству?

Въ обзорѣ владиміро-суздальскаго края авторъ сообщаетъ результаты курганныхъ раскопокъ области Меряпъ, при чемъ пользуется изслѣдованіемъ графа Уварова „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“ (Труды перв. археол. съѣзда). Это превосходное изслѣдованіе вызываетъ только слѣдующее недоумѣніе. Авторъ его нашелъ въ раскопанныхъ могильникахъ два племени: одно туземное, несомнѣнно мерянское, другое пришлое и несомнѣнно съ болѣе развитою гражданственностью. Послѣднее онъ призналъ за Варяговъ. Судя по монетамъ, племя это сохраняло свои языческіе обряды погребенія до самаго XI вѣка. Между тѣмъ, въ этомъ вѣкѣ, по всѣмъ историческимъ даннымъ, Суздальскій край уже является краемъ по преимуществу славянорусскимъ. Меря такъ рано ославянилась, что мы не можемъ пайдти никакихъ остатковъ ея языка и только по аналогіи и по раскопкамъ судимъ о ея религіи. Выходить, такимъ образомъ, что чистокровные Варяги ославянили Мерю. Вотъ къ какимъ логическимъ выводамъ приводила даже лучшихъ изслѣдователей нашей старины норманская теорія! Авторъ „Очерковъ“ также выставляетъ положеніе, что Меря очень рано ославянилась (стр. 142 и 150). Но онъ какъ-то обходитъ указаніе раскопокъ на другое высшее по развитію племя, въ которомъ мы можемъ съ полною достовѣрностью признать Славяно-Руссовъ. Въмѣсто того, чтобъ указать именно на русскую колонизацію, онъ говоритъ вообще о славянскихъ колонистахъ; голословно заставляетъ Мерю посылать своихъ купцовъ въ Камскую Болгарію, въ Новгородъ и на Балтійское поморье, а началомъ этихъ торговыхъ сношеній съ западомъ полагаетъ IX вѣкъ, „когда смѣлныя ватаги варяжскія новгородскимъ путемъ проникли въ верховье Волги, а оттуда въ дебри дремучихъ ростовскихъ и владимірскихъ лѣсовъ“ (стр. 149). Слѣдовательно, опять получается значительная путаница представленій. Варяги приходятъ въ ростовскія дебри, а Меря оказывается на столько предпримчива и промышленна, что сама отправляется торговать на Балтійское поморье. При чемъ же тутъ Славяне и какимъ образомъ эта торговая, предпримчивая Меря успѣла значительно ославяниться къ XI вѣку? Нѣтъ, какъ хотите, а съ норманскою системою, по русской поговоркѣ, куда ни кинь, все выходитъ клинъ, то-есть, совершенный разладъ съ несомнѣнными историческими фактами. Отъ Варяговъ якобы мы получили военное искусство; отъ нихъ же пришло

къ намъ христіанство, съ церковно-славянскою грамотою въ придачу. Наконецъ, Варяги ославянили для насъ цѣлый сѣверо-восточный край древней Руси¹⁾.

Послѣднее наше возраженіе П. Н. Полевому относится къ архитектурѣ и орнаментивѣ суздальскихъ храмовъ XII и XIII вѣковъ.

„При первомъ взглядѣ на памятники владимірскіе, бросается въ глаза ихъ рѣзкое различіе съ памятниками кievскими, какъ въ общемъ характерѣ, такъ и въ частностяхъ“, говоритъ г. Полевой (стр. 186). Затѣмъ онъ распространяется о западномъ, романскомъ вліяніи, которое принесло съ собою въ ростовско-суздальскую область новыя (не греческіе и кievскіе) архитектурныя образцы“ (стр. 189). „Простое сравненіе древнихъ памятниковъ ростовско-суздальской области, въ связи съ нѣкоторыми хронологическими данными ихъ исторіи, заставило прійти къ тому убѣжденію, что западное вліяніе уже и ранѣе Андрея Боголюбскаго, можетъ быть—подъ вліяніемъ Смоленска, Новгорода и Пскова, нашло себѣ доступъ на сѣверо-восточную окраину Руси XV вѣка“ (ibid.). „Судя по нѣкоторымъ подробностямъ плана его (владимірскаго Успенскаго собора) и по лѣтописному извѣстію, указывающему на то, что соборъ Андреевъ былъ одноклапный, мы имѣемъ право заключить, что онъ также не отступалъ по внѣшности отъ общаго романскаго типа церквей, построенныхъ въ владиміро-суздальскомъ краѣ Юріемъ и Андреемъ“ (стр. 195). Относительно рельефныхъ изображеній на стѣнахъ Дмитровскаго собора авторъ, вслѣдъ за графомъ Строгановымъ, полагаетъ, что художникъ подражалъ церкви св. Марка въ Венеціи и размѣстилъ на стѣнахъ православнаго храма сюжеты, взятые изъ западныхъ преданій и не имѣвшіе „ничего общаго съ русско-византійскою почвою нашего сѣверо-востока“ (стр. 205). Въ XIII вѣкѣ, по его мнѣнію, суздальскіе храмы отступаютъ „отъ первоначальнаго простаго образца романскихъ построекъ“. Напримѣръ, пятиглавіе является уже въ концѣ XII вѣка. Соборъ въ Юрьевѣ-Польскомъ „значительно уклонился отъ романскаго образца въ томъ, что къ нему съ трехъ сторонъ пристроены были обширныя притворы, покрытыя богатѣйшими рѣзными украшеніями“ (стр. 206).

Мы выписали изъ текста существенныя положенія автора, отпо-

¹⁾ Прійдется предположить, что въ старину сѣверно-германское племя питало необыкновенную симпатію ко всему славянскому, очень легко и охотно превращалось въ Славявъ и въ этомъ отношеніи составляло совершенную противоположность современнымъ Нѣмцамъ, въ особенности ученымъ.

свѣдѣніяхъ къ суздальскому стилю. Въ примѣчаніяхъ 89-мъ—96-мъ онъ старается подкрѣпить свои положенія разными ссылками, преимущественно на статью графа Уварова: „Взглядъ на архитектуру XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ“ (Труды перваго археологическаго съѣзда) и монографію графа Строганова: „Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ“ (М. 1849), а также на полемическую анонимную брошюру, изданную въ 1878 году въ Петербургѣ противъ извѣстнаго сочиненія французскаго ученаго архитектора Виолле-ле-Дюка (*L'art Russe. Paris-1877*). Между прочимъ, въ примѣчаніи 98-мъ П. Н. Полевой говоритъ о провѣркѣ фактовъ археологической критикой. „Въ необходимости такой провѣрки насъ еще болѣе убѣдили тѣ страницы новой книги Д. П. Пловайскаго, которыя онъ посвящаетъ описанію древнерусскаго орнамента, наряда и украшеній одежды“ (стр. 226). Этими немногими словами авторъ „Очерковъ“ заявилъ, что мое послѣднее сочиненіе (Владимірскій періодъ русской исторіи) не осталось для него неизвѣстнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ сомнѣніе въ моей археологической критикѣ.

Для тѣхъ, которые ознайомились съ моимъ сочиненіемъ, напомню что относительно полемки, возникшей по поводу книги Виолле-ле-Дюка, я (хотя далеко не раздѣляю всѣхъ его положеній) склонаюсь нѣсколько на его сторону въ вопросѣ о такъ-называемомъ романскомъ стилѣ суздальскихъ храмовъ, ихъ украшеній и вообще древне-русскихъ орнаментовъ. Стилъ этихъ орнаментовъ отразился даже на нѣкоторыхъ украшеніяхъ одежды. Въ своей книгѣ я говорю, что во всѣхъ подобныхъ украшеніяхъ въ сильной степени проявилось самостоятельное русское художество и своеобразный русскій вкусъ: „Сей послѣдній, при извѣстной даровитости племени, съ незапамятныхъ временъ воспитывался на роскошныхъ образцахъ искусства и промышленности, какъ греческой, такъ и восточной, преимущественно персидской, которые путемъ военной добычи, торговыхъ и другихъ сношеній постоянно притекали въ Восточную Европу.“ (стр. 319). Такое мое положеніе о своеобразномъ русскомъ вкусѣ, съ незапамятныхъ временъ развивавшемся на греко-восточныхъ образцахъ, очевидно, не нравится тѣмъ, которые не признаютъ за нашими предками болѣе старой и болѣе своеобразной гражданственности. По ихъ мнѣнію, какъ Русское государство—не древняго и самобытнаго происхожденія, а создано западными пришельцами не ранѣе второй половины IX вѣка, такъ и старое русское искусство не имѣло какого-либо болѣе древняго начала и своеобразнаго характера, а явилось простымъ внѣшнимъ

подражаніемъ прежде Византіи, потомъ западу. Это отрицаніе древнерусской самобытности, какъ мы видимъ, доходитъ до того, что и начало нашему военному искусству, будто бы положили Варяги, и христіанство, и грамоту къ намъ ввели тоже Варяги.

Обратимся къ приведеннымъ выше положеніямъ „Очерковъ“ о стилѣ суздальскихъ храмовъ.

Вопервыхъ, авторъ рѣшительно говоритъ объ архитектурныхъ романскихъ образцахъ, тогда какъ въ изложеніи подробностей никакой собственно романской архитектуры мы не видимъ. Одноглавіе не составляетъ какой-либо отличительной романской черты; оно существуетъ и въ храмахъ чисто византійскаго типа. Относительно плана суздальскихъ церквей опять мы видимъ византійскій или собственно византійско-кіевскій типъ. Нельзя сравнивать суздальскія постройки съ храмомъ св. Марка въ Венеціи, помимо этой византійско-кіевской архитектуры, которой онъ соответствуетъ и по времени, и по характеру стиля. Онъ такой же пятиглавый, какъ соборы Черниговскій и Новгородскій (послѣдній имѣетъ шестую главу надъ вежею), а своими мозаиками сближается съ Кіево-Софійскимъ. Въ планѣ онъ нѣсколько отступаетъ отъ нихъ; напротивъ, имѣетъ только одно алтарное полукружіе, тогда какъ на Руси утвердилось преимущественно тройное. Вообще св. Маркъ принадлежитъ къ типу чисто византійскому, а не романскому, хотя послѣдній и возникъ на византійской основѣ. Далѣе, нельзя говорить о какомъ-то западномъ влияніи, которое—можетъ быть—черезъ Смоленскъ, Новгородъ и Псковъ проникло въ сѣверо-восточную Россію еще ранѣе Андрея Боголюбскаго. Псковъ пока не игралъ значительной роли въ сношеніи съ Западомъ; а храмы смоленскіе и новгородскіе той эпохи принадлежатъ къ такому же византійскому типу, какъ и кіевскіе. Въ до-монгольскій періодъ гражданственность суздальской Руси не была ниже новгородской, особенно въ дѣлѣ зодчества: храмы суздальскіе несравненно изящнѣе построены и украшены, нежели храмы новгородскіе. Въ теченіе всего этого періода Суздальскій край находился подъ непосредственнымъ влияніемъ кіевской гражданственности, и ростовско-владимірскіе храмы доказываютъ это лучше всего. Авторъ „Очерковъ“ начинаетъ исторію суздальскаго храмоваго зодчества съ построекъ Юрія Долгорукаго, и образцовъ для нихъ ищетъ на западѣ, въ романской архитектурѣ, полагаясь на выводы названныхъ выше сторонниковъ романскаго влиянія. А между тѣмъ, въ книгѣ моей (стр. 211) указанъ первоначальный образецъ для этого зодчества, именно

Успенскій храмъ въ Киево-печерскомъ монастырѣ. Въ сказаніи Печерскаго патерика о построеніи сего послѣдняго храма прямо говорится, что по его точному подобію Владиміръ Мономахъ создалъ храмъ Богородицы въ Ростовѣ, въ такую же высоту, ширину и длину, и велѣлъ расписать его тѣми же самыми иконами и на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. А сынъ Мономаха, Юрій Долгорукій, во время своего княженія „въ ту же мѣру“ построилъ Богородичный соборъ въ Суздаль. (Памятника Русской Литературы XII и XIII вѣковъ. Изд. Яковлевымъ. С.-Пб. 1872, стр. СХХІІІ). Это свидѣтельство, доселѣ упускавшееся изъ виду, ясно указываетъ на то, что суздальское храмовое зодчество возникло подъ непосредственнымъ вліяніемъ зодчества киевскаго. Росписаніе иконъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ подтверждаетъ, что архитектурныя части зданія были тождественны съ Киевопечерскимъ храмомъ. Разумѣется, при дальнѣйшемъ развитіи этого зодчества происходили нѣкоторыя несущественныя видоизмѣненія и приспособленія первоначальнаго образца.

И такъ, вопросъ о романскомъ вліяніи долженъ быть сведенъ не къ архитектурѣ, а собственно къ наружной орнаментациі и дугообразнымъ порталамъ. Хотя въ постройкѣ суздальскихъ храмовъ и участвовали западные мастера, но они должны были вполнѣ подчиняться установившемуся греко-русскому типу; церковное разъединеніе наше съ западомъ, ревность къ греческому обряду и высшая духовная власть, находившаяся въ рукахъ Грековъ, препятствовали всякому отступленію отъ этого типа. Не забудемъ, что сооруженіе данныхъ храмовъ производилось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ епископовъ и вообще духовенства. Еще менѣе могло быть отступленій въ украшеніи внутреннихъ стѣнъ, которое на сѣверѣ состояло исключительно изъ фресковой иконописи. Нѣкоторая свобода могла быть предоставлена только паружнымъ украшеніямъ. Дѣйствительно, искусство воспользовалось этою долею свободы и покрыло стѣны суздальскихъ храмовъ затѣплыми, по мѣстамъ раскрашенными, рельефами. Въ этихъ только украшеніяхъ и могло сказаться вліяніе западныхъ мастеровъ, но не въ такой степени, какъ полагаютъ поборники романскаго вліянія. Въ данныхъ украшеніяхъ несомнѣнно сказанъ и собственный русскій вкусъ, какъ извѣстно весьма склонный къ пестротѣ и затѣпливости. Оживленный споръ между романистами и византистами по поводу суздальскаго стиля вообще начался съ 1869 года, то-есть, съ перваго археологическаго съѣзда. Я внимательно слѣдилъ за этимъ споромъ. Когда же вышло сочиненіе

Віолле-ле-Дюка, то для меня было очень важно, что такой знатокъ романской архитектуры, и по своему положенію лицо безпристрастное, не только не усмотрѣлъ въ суздальскихъ орнаментахъ исключительно романскаго вліянія, а напротивъ, указалъ на присутствіе художественнаго вкуса, развивавшагося преимущественно подъ вліяніемъ Византии и востока. Впрочемъ, ученый архитекторъ вдался нѣсколько въ другую крайность, то-есть, предоставилъ восточнымъ элементамъ уже чрезмѣрное преобладаніе. Притомъ, введенный въ заблужденіе норманскою теоріей происхожденія Руси, онъ припуталъ еще и скандинавскіе элементы.

Считая проводниками романскаго вліянія въ Суздаль сѣвернорусскіе города, Смоленскъ и Новгородъ, авторъ „Очерковъ“ не обратилъ вниманія еще на другое фактическое указаніе: на присутствіе рѣзныхъ, узорчатыхъ порталовъ и раскрашенныхъ съ позолотою наружныхъ рельефовъ („прилѣповъ“) въ юго-западной Руси того времени. О нихъ говоритъ волынской лѣтописецъ, сообщая намъ подробности о построенной Данииломъ Романовичемъ въ Холмѣ церкви Іоанна Златоуста. Въ Галиціи, скорѣе чѣмъ въ Суздали, могло сказаться западное вліяніе. Любопытно однако, что приведенное лѣтописцемъ имя „хитреца“, высѣкашаго узоры на камнѣ (Авдій), совсѣмъ не указываетъ на западное происхожденіе. Конечно, и тамъ изящный Холмскій храмъ не былъ какимъ-либо нововведеніемъ, а явился результатомъ долгаго предшествовавшаго развитія художествъ. Тотъ же лѣтописецъ, по поводу татарскаго нашествія, говоритъ о большомъ количествѣ русскихъ мастеровъ всякаго рода. Такъ-называемыя обронныя, то-есть, скульптурныя украшенія не были совершенною новостью на Руси ни въ Суздали, ни въ Холмѣ. Они не чужды и древне-кіевскимъ орнаментамъ, на что указываютъ рельефы Ірославовай гробницы и нѣкоторые другіе фрагменты съ высѣченными на камнѣ фигурами животныхъ и людей. Звѣринымъ мотивамъ Дмитровскаго собора предшествовали таковыя же мотивы кіево-софійскихъ фресокъ. Въ „Очеркахъ“, въ примѣчаніи 94-мъ, какъ доказательство нѣмецкой народности строителей Дмитровскаго собора и сильнаго нѣмецкаго вліянія на его обронныя украшенія, указаны „тѣ орлы, которые мы видимъ въ числѣ его орнаментовъ, и которые при Фридрихѣ I введены были въ гербъ западныхъ императоровъ“. По этому поводу замѣтимъ, что орелъ является и гербомъ Галицкаго княженія, судя по извѣстію той же Волынской лѣтописи. Она говоритъ, что на верху каменной башни, воздвигнутой Данииломъ близъ Холма,

стоялъ изваянный изъ камня орелъ, и по видимому, двуглавый. Такой, именно двуглавый, орелъ свидѣтельствуеть опять о происхожденіи герба изъ Византіи (въ эпоху болѣе раннюю чѣмъ время Ивана III), хотя къ Галичу Германія была бы еще ближе.

Что касается до мастеровъ въ суздальскомъ краѣ, то поборники преобладавшаго западнаго вліянія обыкновенно приводятъ свидѣтельство лѣтописи надъ 1194 годомъ по поводу обновленія собора въ городѣ Суздаль. Епископъ Іоаннъ не искалъ мастеровъ изъ Нѣмцевъ, а нашелъ своихъ: одни лили олово, другіе имъ покрывали кровлю, третьи бѣлили стѣны известью. Но здѣсь говорится о мастерахъ-техникахъ, о штукатурахъ и литейщикахъ. Каменные постройки на нашемъ сѣверѣ начались собственно съ христіанскихъ храмовъ; а въ техническомъ отношеніи тамъ мы несомнѣнно должны были кое-чему поучиться у Нѣмцевъ, между прочимъ, искусству каменной рѣзьбы, особенно человѣческихъ фигуръ. Но вопросъ идетъ о стилѣ и орнаментахъ; а это не одно и то же. Я нисколько не исключаю нѣкотораго романскаго вліянія на суздальскіе прилѣпы и прямо указываю въ своей книгѣ на участіе западныхъ мастеровъ въ суздальскихъ постройкахъ (особенно Андрея Боголюбскаго). Мое главное положеніе состоитъ въ томъ, что владиміро-суздальскій архитектурный стиль есть дальнѣйшее развитіе византійско-кіевского, его непосредственное продолженіе; что въ суздальской орнаментации на-ряду съ романскимъ вліяніемъ сказался своеобразный русскій вкусъ, и проявились многіе своеобразные мотивы, напоминающіе болѣе восточный, чѣмъ западный пошибъ. Собственно архитектурный стиль развивался не изъ романскаго, а параллельно съ нимъ; тотъ и другой имѣлъ византійскую основу, но суздальскій къ ней ближе, чѣмъ романскій. Только варварское татарское яго воспрепятствовало дальнѣйшему самобытному развитію изящнаго русскаго архитектурнаго и скульптурнаго стилиа на нашемъ сѣверостокѣ.

Приведенная „Очерками“ въ числѣ своихъ авторитетовъ анонимная брошюра, озаглавленная „Виолле-ле-Дюкъ и архитектура въ Россіи“, является крайнею степенью романизма въ данномъ спорѣ и полнымъ отрицаніемъ самобытныхъ чертъ въ древнерусскомъ художествѣ. Но брошюра эта сама исполнена фактическихъ промаховъ, начиная съ того, что Ярославъ соорудилъ церковь св. Софіи въ Кіевѣ будто бы „по образцу храма Юстиніана въ Константинополѣ“ (стр. 4). Извѣстно, что Кіевософійскій соборъ принадлежитъ иному, болѣе позднему византійскому типу, чѣмъ Константинопольская Со-

фія. Почти такая же неточность повторяется на слѣдующей страницѣ относительно Черниговскаго собора, въ которомъ были галлеи для женщинъ, будто бы не встрѣчающіяся въ другихъ русскихъ храмахъ. Хоры или галлеи для женщинъ существуютъ и въ суздальскихъ храмахъ; но обыкновенно они ограничиваются тамъ одною западною стороною, подобно нѣкоторымъ византійскимъ церквамъ близкаго къ той эпохи періода. При сравненіи суздальскихъ храмовъ съ кіево-черниговскими, авторъ брошюры упустилъ изъ виду, напримѣръ, Успенскій храмъ черниговскаго Елецкаго монастыря, который въ архитектурномъ отношеніи можетъ служить однимъ изъ звеньевъ, связующихъ ростовско-суздальскій стиль съ кіево-черниговскимъ. Далѣе говорится, будто „области Ростова и Суздаля, покрытыя въ тѣ отдаленныя времена дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, не имѣли почти никакихъ сношеній съ востокомъ“ (стр. 6). Это противорѣчитъ не только арабскимъ свидѣтельствамъ и арабскимъ монетамъ, но даже нашимъ лѣтописямъ. Болота и лѣса не мѣшали сообщеніямъ по водному Волжскому пути (къ тому же сношенію и связи Русскаго племени съ востокомъ начались, конечно, не съ X вѣка, а еще въ тѣ времена, когда Русское или Роксоланское племя сосѣдило съ Босфорскимъ царствомъ и прикавказскими народами). Далѣе, будто бы „въ Ростовской землѣ до XIII вѣка находился всего одинъ монастырь“ (стр. 7), тогда какъ только извѣстныхъ намъ монастырей можно насчитать около десятка. „Типъ самаго зданія владимірскаго Успенскаго собора былъ избранъ совершенно противоположнымъ византійскому“ (ibid.). Этотъ типъ, какъ извѣстно, общій ростовско-суздальскимъ храмамъ, а что послужило имъ непосредственнымъ образцомъ, мы указали выше; да и безъ этого указанія одинъ поверхностный взглядъ на планы и разрѣзы зданія убѣждаетъ въ византійско-кіевскихъ образцахъ. „Великій князь Всеволодъ обратился (за строителями) къ Фридриху I, находившемуся съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ послѣ того, какъ послѣдній пріютилъ сына его, Владимира, и помогъ ему снова овладѣть княжествомъ Галицкімъ“ (стр. 17). Въ этихъ немногихъ словахъ находимъ цѣлый рядъ неточностей. Во первыхъ, едва ли Фридрихъ Барбарусса имѣетъ какое-либо отношеніе къ Дмитровскому собору, о которомъ лѣтопись упоминаетъ спустя семь лѣтъ послѣ его смерти. Владимиръ былъ племянникъ, а не сынъ Всеволода III. „Близкія сношенія“ между Всеволодомъ и Фридрихомъ не могли возникнуть вслѣдствіе услуги, оказанной послѣднимъ Владимиру: она случилась въ тотъ моментъ,

когда императоръ собирался въ крестовый походъ; дѣйствительно онъ вскорѣ отправился и погибъ въ этомъ походѣ. Наоборотъ, Фридрихъ радушно принялъ бѣглеца Владимира, потому что прежде того находился въ дружескихъ сношеніяхъ со Всеволодомъ. Помянутое выше свидѣтельство лѣтописи подъ 1194 годомъ заставляетъ предполагать, что Всеволодъ могъ уже пайдти у себя дома мастеровъ для постройки Дмитровскаго собора. Нѣсколько позднѣйшій по времени Юрьевскій соборъ и его роскошное оброчное узорочье даже нѣкоторыми поборниками романизма признаются за произведеніе русскихъ мастеровъ. А не могла же эта русская художественная школа образоваться вдругъ, безъ долгаго предварительнаго развитія. Вообще, фактъ обращенія Всеволода къ Фридриху и посылки симъ послѣднимъ строителей не основанъ ни на какихъ данныхъ. Не продолжаемъ далѣе выписокъ, обнаруживающихъ разладъ помянутой брошюры съ точными фактами. Авторъ „Очерковъ“ положился на выводы этой полемической брошюры, очевидно, безъ особой критики.

Заканчивая свои замѣтки о полезномъ изданіи П. Н. Полеваго, позволю себѣ указать еще на одно обстоятельство. Онъ программу данной эпохи ограничилъ Кіевомъ и Суздалемъ, то-есть, исключилъ памятники Чернигова, Новгорода, Смоленска, Волыни и Галича. Въ предисловіи своемъ онъ на этотъ счетъ не оговаривается и не обѣщаетъ впоследствии пополнить названные пробѣлы. Въ числѣ западно-русскихъ памятниковъ имѣются, на примѣръ, каменные вежи (въ Каменцѣ Литовскомъ и въ окрестностяхъ Холма), эти почти единственные архитектурные остатки нашего собственно государственнаго быта той эпохи. Мы, впрочемъ, дѣлаемъ только указаніе, а не упрекъ; ибо и хорошо изданная часть этого періода, притомъ главнѣйшая, уже есть достаточная заслуга.

Д. Шловайскій.

Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница. Сочиненіе Л. В. Березина. С.-Пбургъ. 1879. Два тома, съ приложеніемъ карты юго-славянскихъ провинцій Австро-Венгріи ¹⁾.

III.

Второй томъ сочиненія г. Березина состоитъ изъ трехъ частей: I) Далмація, II) Военная Граница и III) Общая этнографія всѣхъ че-

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

тырехъ юго-славянскихъ провинцій Австро-Венгрии. Не вдаваясь въ подробный разборъ этого тома, постараемся въ сжатомъ видѣ опредѣлить степень его самостоятельности и научнаго значенія.

I. Далмація (стр. 1—313).

Первыя 14 страницъ этой части заняты географическо-статистическимъ очеркомъ Далмаціи. Сказавъ нѣсколько словъ объ ея про-странствѣ и границахъ (1—2), г. Березинъ представляетъ краткое топографическое ея описаніе (2—12), въ которомъ перечисляетъ горы, долины, заливы, каналы, рѣки, минеральные источники, озера и болота; затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько строкъ о климатическихъ условіяхъ Далмаціи (13), и наконецъ, сообщаются краткія статистическія данныя о народонаселеніи (13—14: общая цифра и раздѣленіе по народностямъ).

Какъ этотъ географическо-статистическій очеркъ Далмаціи, такъ и слѣдующія главы, написаны по устарѣвшему уже сочиненію Фр. Каррары „*La Dalmazia descritta*“ (первый выпускъ его вышелъ въ Задрѣ въ 1846 году, и на этомъ выпускѣ остановилось изданіе). Это неоконченное сочиненіе состоитъ изъ 192 страницъ, изъ которыхъ первыя 104 посвящены физической географіи, а остальныя—политической (съ 121 стр. этнографія). Болѣе новаго и болѣе обстоятельнаго, притомъ же законченнаго труда покойнаго профессора Франца Петтера (*Dalmatien in seinen verschiedenen Beziehungen*, Gotha, 1857, 2 тома) г. Березинъ не знаетъ: въ первомъ томѣ этого сочиненія находимъ общее описаніе Далмаціи, весь же второй томъ посвященъ историко-статистическому описанію ея по округамъ.

По представленному г. Березинымъ сухому перечню горъ, рѣкъ, заливовъ и т. п. далеко нельзя составить себѣ понятія о Далмаціи, этой странѣ чудесъ природы, привлекавшей къ себѣ вниманіе путешественниковъ съ отдаленнѣйшихъ временъ понинѣ. Въ числѣ новѣйшихъ путешественниковъ были и русскіе, и инославянскіе: изъ нихъ заслуживаютъ особаго упоминанія Ковалевскій (*Путевыя записки о славянскихъ земляхъ 1859 г. въ Собр. сочин., т. IV, стр. 243—330*) и Кукулевичъ-Сакцинскій (*Putne ispomene iz Hrvatske, Dalmacije i t. d.*). Изъ новѣйшихъ иностраныхъ путешественниковъ упомянемъ Генриха Поэ (*Dalmatien und seine Inselwelt nebst Wanderungen durch die Schwarzen Berge*, Wien, 1870). Въ послѣднее время (1877 года) Е. Реклю въ издаваемой имъ *Nouvelle géographie universelle* (4-е série, livrais. 134—143) съ большимъ искусствомъ и знаніемъ изобразилъ далматинскую природу (pp. 223—242).

О климатѣ Далмаціи г. Березинъ сказалъ только нѣсколько словъ, и то не совсѣмъ вѣрныхъ: Е. Реклю, въ трудѣ котораго пѣтъ ни одного слова лишняго или неумѣстнаго, говоритъ о далматинскомъ климатѣ на четырехъ страницахъ въ 8-ку (242—246), и притомъ съ такою точностью и опредѣлительностью, что всякій читатель можетъ составить себѣ съ его словъ самое ясное понятіе о немъ, хотя Nouvelle Géographie universelle есть трудъ не спеціальный, а популярный.

Статистическія данныя о народонаселеніи, приведенныя г. Березинимъ, относятся къ 1869 году, да и то отличаются сомнительною вѣрностью: „по послѣдней (?) народной переписи, произведенной въ Далмаціи въ 1869 году, численность мѣстнаго населенія достигаетъ до 454,616 душъ (Славянъ 414,804, Итальянцевъ 25,431, Албанцевъ 1,000, Евреевъ 318 и около 13,060 душъ, принадлежащихъ различнымъ народностямъ)“. Цифра народонаселенія Далмаціи въ 1869 г. у Реклю (стр. 218) равняется 443,000, а въ 1875 году — 478,000 (Славянъ 408,000, Итальянцевъ 62,000 и остальныхъ народностей 8,000). Зная, съ какою критикою относится Реклю къ своимъ источникамъ, мы должны предпочесть его показаніе.

На слѣдующихъ 7 страницахъ (16—22) у г. Березина говорится объ административномъ устройствѣ Далмаціи: сначала объ административномъ ея раздѣленіи со времени австрійскаго владычества (16—17), потомъ о задрскомъ сеймѣ (17—19), и наконецъ, о городскомъ устройствѣ (19—22). На стр. 19—21 г. Березинъ говоритъ о статутахъ старо-далматинскихъ общинъ. Къ сожалѣнію, не все вѣрно, что онъ тутъ сообщаетъ; такъ, напримѣръ, Германія никогда не имѣла вліянія на старо-далматинское законодательство, а отношенія къ нему венеціанской сеньории не понятны надлежащимъ образомъ: Венеція уничтожила славянское право, когда оно противорѣчило ея законамъ, опиралась на высшее сословіе и старалась забрать въ свои руки промышленность и торговлю.

Въ очеркѣ современнаго состоянія судебной части въ Далмаціи (23—25) г. Березинъ на первой страницѣ сообщаетъ свои личныя наблюденія, а на остальной представляетъ организацію судебныхъ учреждений по рескрипту 1850 года.

На стр. 26—42 говорится о промышленности и торговлѣ въ Далмаціи. Сначала авторъ указываетъ на нѣкоторыя обстоятельства, отзывавшіяся неблагопріятно на состояніи мѣстной промышленности (26—27), потомъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о главныхъ ея отрас-

ляхъ (27—34), говоритъ о причинахъ застоя въ торговлѣ (34), о путяхъ сообщенія и главныхъ предметахъ торговли (5—37), и наконецъ, возвращается къ промышленности и говоритъ о рыболовствѣ и ловлѣ коралловъ (37—42). Не понятно, почему эти отрасли промышленности отнесены къ торговлѣ. Реклю, не вдаваясь въ подробности, изображаетъ яркими красками упадокъ промышленности и торговли въ Далмаціи (230, 245, 250—252), и всякій предпочтетъ его живой разказъ убійственно-сухому очерку г. Березина.

На стр. 43—69 изложено состояніе сельскаго населенія въ Далмаціи. Тутъ мы встрѣчаемъ много ошибокъ, промаховъ и недоразумѣній. Укажемъ на главнѣйшіе изъ нихъ.

На стр. 43 читаемъ: „Кромѣ этихъ общихъ трудностей, представляющихся историку сельскаго населенія Далмаціи въ періодъ 10-ти столѣтій (съ VII по XVII столѣтіе), то-есть, до времени венеціанскаго владычества, являются и частныя, то-есть, мѣстныя“. Известно, что Венеція приобрѣла Далмацію въ XV вѣкѣ, и что ея владычество въ пей продолжалось до 1797 г.

На слѣдующей 44 страницѣ находимъ такое недоразумѣніе: „Для исторіи разсматриваемаго нами вопроса имѣютъ большое значеніе и памятники литературныя, писанныя глаголицей, а иногда кириллицей: въ нихъ мы находимъ свѣдѣнія о дарованіи или продажѣ земель, виноградниковъ, пастбищъ и мельницъ, какъ церквамъ и монастырямъ, такъ и частнымъ лицамъ“. Очевидно, что подъ литературными памятниками г. Березинъ понимаетъ грамоты; но грамоты относятся къ письменности, а не литературѣ. Памятниковъ литературныхъ, писанныхъ въ Далмаціи глаголицей или кириллицей, нѣтъ.

На стр. 45 читаемъ: „Исторія свидѣтельствуетъ (?), что большая перемена въ положеніи сельскаго населенія Далмаціи была произведена Франками, покорившими въ исходѣ VIII столѣтія эту страну. Франки были хорошо знакомы съ феодальною системою, а поэтому и можно предполагать, что они стали прививать ее и къ далматинской почвѣ. Хотя въ половинѣ IX столѣтія владычество Франковъ въ Далмаціи было низвергнуто, и власть перешла къ народнымъ правителямъ, но завесенная ими феодальная система осталась въ силѣ“. И незнакому съ предметомъ бросается въ глаза противорѣчіе: если можно предполагать, то исторія не свидѣтельствуетъ; если же исторія свидѣтельствуетъ, то предполагать нечего. Далѣе слѣдуютъ историческія ошибки. Далмація признала надъ собою власть Франковъ въ 806 году; въ 812, по миру, заключенному Карломъ Великимъ съ императоромъ

Никифоромъ, она была возвращена Византіи. Въ знакъ призванія надъ собою господства Франковъ, Хорваты, какъ посавскіе, такъ и далматинскіе, платили имъ ежегодную дань; Франки назначали или утверждали ихъ правителей, но во внутреннія дѣла страны не вмѣшивались, а потому предположеніе г. Березина о томъ, что они ввели въ Далмаціи феодальную систему, ни на чемъ не основано.

На стр. 49 г. Березинъ говоритъ: „Начиная съ XV столѣтія, Далмація переходитъ то въ руки Венеціанскихъ дождей, то Хорватско-Венгерскихъ королей“. Это опять невѣрно. Уже въ концѣ X и въ началѣ XI вѣковъ Венеціанцы владѣли нѣкоторыми далматинскими городами и островами; во второй половинѣ XI вѣка Далмація возвратилась подъ власть Хорватскихъ королей; но съ 1114 года началась борьба Венеціи съ Венгерскими королями за обладаніе Далмаціей: борьба эта продолжалась болѣе 300 лѣтъ и окончилась въ XV вѣкѣ подчиненіемъ Далмаціи венеціанской сиппоріи.

На стр. 52—53 г. Березинъ недоумѣваетъ, откуда происходитъ названіе Морлакъ, и приводитъ мнѣнія объ этомъ „нѣкоторыхъ ученыхъ“, а именно—Каталинича и Лучича (Lucius, Lucio). Странно ссылаться на мнѣнія такихъ ученыхъ и забывать или не знать болѣе важныхъ. Караджичъ производилъ это слово отъ Маре-Влахъ и объяснял, что такъ назывались православные Сербы (которыхъ католики называютъ Влахами), жившіе у моря. Миклопичъ показалъ неосновательность такого словопроизводства. По его мнѣнію, Морлакъ (въ латинскихъ памятникахъ *morovlachi*, *moroblachi*, позже *morlachi*, откуда италянское *morlacchi*) есть испорченное греческое *μαυροβλαχος* (срв. сербск. каравлах). Слово это встрѣчается уже въ XIV вѣкѣ. Такъ назывались, какъ думаетъ Миклопичъ, Румыны, поселившіеся въ Далмаціи по берегу моря и на островахъ (см. Miklosich, Ueber die Wanderungen der Rumunen in den Dalmatischen Alpen und den Karpaten. Wien, 1879).

На стр. 58 г. Березинъ говоритъ, что въ 1806 году Французы покорили Дубровницкую республику. Никакого покоренія не было, а Дубровникъ просто былъ преданъ генералу Лористону французскою партіей.

На той же страницѣ читаемъ: „Въ книгѣ, написанной въ XV ст. и имѣющей названіе „Matica“, помѣщено описаніе округа Коनावле“. Такой книги никогда не существовало и не могло существовать. Это—непонятное намъ недоразумѣніе.

О дворянствѣ въ Далмаціи (70—73) сказано очень мало. Фамиліи нѣкоторыхъ далматинскихъ и дубровницкихъ дворянъ прочтены невѣрно; напримѣръ, Каллифи вм. Галлюффи, Слатаричъ вм. Златаричъ и т. д.

Вопросу о народномъ образованіи въ Далмаціи посвящено всего 9 страницъ (74—82). На первыхъ двухъ страницахъ сообщаются весьма краткія и неточныя свѣдѣнія о Далматинской Матицѣ, которая названа „учепимъ (?) обществомъ“, о типографіяхъ, бібліотекахъ, архивахъ и музеяхъ; на слѣдующихъ трехъ страницахъ (76—79) говорится вкратцѣ „о состояніи далматинской прессы“, и наконецъ, на остальныхъ трехъ страницахъ (79—82) находимъ краткія историческія и статистическія свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ.

Религіозное состояніе Далмаціи описано подробно, на 107 страницахъ (83—189). Почти половина этого числа страницъ (50) посвящена православію (83—133).

Историческій очеркъ занимаетъ 45 страницъ (84—128), а на остальныхъ 5 страницахъ (128—133) изложено современное состояніе православія въ Далмаціи. Очеркъ исторіи сербской православной церкви въ Далмаціи раздѣленъ на четыре главы: I-я—отъ временъ апостольскихъ до 925 года включительно (84—94), II-я—съ XV по конецъ XVIII вѣка (95—111); III-я—съ 1797 по 1815 г. (111—124) и IV-я—съ 1815 по 1874 г. (124—128). Самымъ подробнымъ образомъ изложена исторія послѣднихъ двухъ столѣтій: XVIII—на 8 и XIX—на 12 страницахъ. Здѣсь много излишнихъ подробностей, особенно о новѣйшемъ времени. Періодъ времени съ XV по конецъ XVII стол. занимаетъ также 12 страницъ. Исторія Далматинской церкви со временъ апостольскихъ до 925 года изложена на 10 страницахъ. Цѣлыхъ пять столѣтій (X—XV) совсѣмъ пропущено.

И въ этомъ отдѣлѣ есть ошибки и недоразумѣнія; напримѣръ, на стр. 88 и слѣд. г. Березинъ неправильно употребляетъ выраженіе „далматинская община“ вм. „далматинскія общины“ (ихъ было нѣсколько); на стр. 95—96 онъ говоритъ: „Въ первыя времена существованія Дубровницкой республики большинство ея населенія исповѣдывало православную вѣру“. Это совершенно невѣрно: только съ расширеніемъ дубровницкой территоріи въ XIV и началѣ XV вѣка въ составъ ея населенія входятъ православные Сербы (прежде были только отдѣльныя семьи), но православіе усердно преслѣдовалось и искоренялось до самаго паденія Дубровника въ началѣ нынѣшняго столѣтія (см. Петковича, „Православная община въ Дубровникѣ“

и подробнѣе въ нашихъ „Матеріалахъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою республикою“).

Въ очеркѣ современнаго состоянія православія въ Далмаціи. (128—133) сообщаются краткія свѣдѣнія о православныхъ училищахъ (129), о православныхъ епархіяхъ въ Далмаціи (статистическія данныя 130—131), и наконецъ, о доходахъ приходскаго духовенства (132—133). Въ перечисленіи послѣднихъ много лишнихъ подробностей.

Исторіи и современному состоянію католицизма въ Далмаціи посвящено всего около 10 страницъ (133—142),—слишкомъ мало, какъ было уже замѣчено въ началѣ нашей рецензіи. Въ историческомъ очеркѣ католицизма въ Далмаціи сообщаются самыя поверхностныя и иногда невѣрныя свѣдѣнія и чтенія; такъ, св. Савва названъ епископомъ Стона (134), Рѣтъ—Ростомъ (*ibid.*), процессъ ассимиляціи славянскаго элемента съ романскимъ предполагается оконченнымъ въ XIII—XIV вѣкахъ (133). Въ очеркѣ современнаго состоянія католицизма въ Далмаціи (135—142) говорится сначала о раздѣленіи далматинской католической церкви на епархіи (135—136), потомъ о католическихъ училищахъ (136—138) и доходахъ католическаго духовенства (138—140); а въ заключеніе г. Березинъ представляетъ свои соображенія о причинахъ, почему Далматинцы не охотно избираютъ для себя духовную карьеру, и хвалитъ ихъ набожность (141—142).

Посвящая только 10 страницъ исторіи и современному состоянію католической церкви въ Далмаціи, къ которой принадлежитъ вся масса ея народонаселенія (около 340,000 д.), г. Березинъ излагаетъ исторію уніатской церкви въ Далмаціи на 47 страницахъ (142—189), хотя уніатовъ насчитывается въ ней только 584 человѣка. Вся эта глава, какъ говоритъ самъ авторъ (стр 143),—составлена по вышедшей въ 1863 году въ Бѣлградѣ брошюрѣ Личинича, „Переписка о уніи далматинскогъ епископа Венедикта Краљевича са аустрійскимъ правительствомъ“. На послѣдней страницѣ, приведены статистическія данныя о далматинскихъ уніатахъ. Исторію уніи въ Далмаціи не стоило излагать такъ подробно: на это достаточно было бы двухъ-трехъ страницъ.

Слѣдующія 123 страницы (190—313) заняты историко-археологическимъ описаніемъ Далмаціи. За исключеніемъ 7 страницъ введенія (190—197), наполненнаго ошибками и недоразумѣніями, это компиляція брошюры Кукулевича: *Putne uspomene iz Hrvatske, Dal-*

macije, Albanije, Krfa i Italije (Zagreb, 1873), съ незначительными дополненіями.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о введеніи. На стр. 190 читаемъ: „Мѣстные историки, какъ, напримѣръ, Рести, Лучіусъ изъ Трау и другіе, обращая вниманіе на фонетическія особенности въ названіяхъ городовъ, лежащихъ на побережьѣ Адриатическаго моря, видѣли въ нихъ прежнія римскія колоніи“. На это замѣтимъ слѣдующее: 1) странно въ нашъ вѣкъ ссылаться, какъ на авторитетъ, на писателей половины XVII и начала XVIII вѣка; 2) Giugno Resti, дубровницкій сенаторъ († 1735), исторіей Далмаціи не занимался, а написалъ до сихъ поръ не изданныя *Chroniche di Ragusa*; 3) Lucius, по италіански Lucio, называется по славянски Лучичъ (а не Лучіусъ), родомъ изъ Трогира, извѣстенъ, какъ издатель стародалматскихъ лѣтописей (*De regno Dalmatiae et Croatiae, libri VI, Amstelodami, 1666*); 4) въ римскомъ происхожденіи далматинскихъ городовъ никто не сомнѣвался: объ этомъ есть положительныя историческія свидѣтельства, и прибѣгать поэтому къ мѣстнымъ названіямъ нѣтъ никакой надобности.—Очевидно, что г. Березинъ не только не знаетъ называемыхъ имъ „мѣстныхъ историковъ“, но незнакомъ и съ исторіей Далмаціи. Вѣроятно, этихъ же извѣстныхъ ему только по имени „далматскихъ историковъ“ онъ имѣетъ въ виду, когда говоритъ: „Объ исторической жизни вообще, а въ частности о внутреннемъ устройствѣ римскихъ колоній на территоріи Далмаціи, далматинскіе историки сообщаютъ весьма отрывочныя свѣдѣнія“. Не удивительно, что отъ древности сохранились отрывочныя свѣдѣнія о римскихъ колоніяхъ въ Далмаціи, то же, что сохранилось, обработано Любичемъ въ изслѣдованіи, напечатанномъ въ Трудахъ (Rad) Загребской академіи. Но удивительно, откуда г. Березинъ взялъ, что въ исходѣ IX вѣка римско-далматинскіе города составили изъ себя союзъ, который назывался „республикою свободныхъ городовъ“? На стр. 192 г. Березинъ говоритъ, что въ началѣ XI вѣка Далмація была освобождена отъ нашествія Сарацинъ при помощи византійскаго императора Никифора. Это случилось въ 1040 году. Никифоръ былъ начальникомъ византійскаго флота, отправленнаго на помощь Далматинцамъ; императоръ же Никифоръ жилъ за два столѣтія передъ тѣмъ (онъ былъ убитъ Болгарскимъ княземъ Крумомъ въ 811 году). Нѣсколько ниже на той же страницѣ читаемъ: „Во второй половинѣ XI вѣка Хорватскій король Крешимиръ IV, завоевавъ венеціанскую Далмацію, посѣпшилъ (на мѣсто устроенныхъ въ бывшее время

изгородей) обнести далматинскіе города болѣе или менѣе высокими стѣнами“. Съ начала XV вѣка Далмація de jure была хорватскою, а не венеціанскою областью. Въ концѣ этого столѣтія нѣкоторые приморскіе города, педовольные своею зависимостью отъ Хорватскаго короля, тайно отдались подъ покровительство Венеціи, и въ 988 г. дожъ Орсеоло занялъ Задартъ, Трогиръ, Сплѣтъ и нѣкоторые острова. Когда въ 1018 г. Крешиміръ III попытался было возвратить подъ свою власть отпавшіе города, Венеціанцы прогнали его отъ стѣнъ Задра; но позже, при Крешимірѣ Великомъ, Далматинцы добровольно возвратились подъ власть Хорватскихъ королей. Стѣнами далматскіе города были обнесены еще во время римскаго владычества, а „устроенныя въ былое время изгороди“—плодъ воображенія г. Березина.

Не останавливаясь на меньшихъ промахахъ и измышленіяхъ г. Березина, переходимъ къ разбору его историко-археологическаго описанія Далмаціи. Оно раздѣлено на двѣ части: А) Материкъ Далмаціи (197—297) и В) Далматинскій архипелагъ (297—313).

Описаніе Задра (197—204) составлено по вышеуказанной брошюрѣ Кукулевича (32—33) съ прибавленіемъ кое-какихъ общезвѣстныхъ историческихъ свѣдѣній (стр. 198). Г. Березинъ измѣнилъ только порядокъ, которому слѣдуетъ г. Кукулевичъ, и опустил нѣкоторыя археологическія подробности; въ остальномъ онъ слѣдуетъ ему рабски, повторяетъ даже его ошибки въ чтеніи надписей и передаетъ иногда буквально личныя его наблюденія и соображенія, выдавая за свои, какъ это можно видѣть изъ сличенія стр. 187 у г. Березина и стр. 33 у Кукулевича. На означенной страницѣ г. Березинъ начинаетъ описаніе Задра. Сдѣлавъ здѣсь перифразы изъ Кукулевича, онъ наполняетъ и стр. 199 подобными же заимствованіями изъ того же автора (стр. 32 и 33), при чемъ, какъ и въ первомъ случаѣ, впадаетъ иногда въ ошибки при переводѣ. О памятникахъ римскаго и венеціанскаго владычества (стр. 200) говорится также со словъ Кукулевича на стр. 33. Описаніе собора св. Анастасіи (стр. 200—201) есть сокращеніе стр. 34—35, и здѣсь также встрѣчаются выраженія, невѣрно переведенныя. О церкви св. Доната (201) г. Березинъ снова повторяетъ слова Кукулевича (стр. 33—34), только сокращая его. О церквахъ св. Вита и Богородицы (стр. 201) тоже (Кукулевичъ, стр. 35). И въ описаніи церкви св. Симеона Богопріимца (201—202) находимъ перифразъ словъ Кукулевича (стр. 37), при чемъ повторена и ошибка его въ чтеніи кирилловской надписи (сті сіме богопріаніемъ молю Горге деспотъ). О францискапскихъ

монастыряхъ (202), а равно и о женскомъ бенедиктинскомъ монастырѣ, также находимъ частью сокращеніе, частью переводъ сказаннаго о нихъ Кукулевичемъ (36—38). Ко всѣмъ этимъ заимствованиямъ прибавлены только кое-какія отрывочныя свѣдѣнія объ исторіи Задра (стр. 198) и три строки о числѣ православныхъ въ Задрѣ и объ ихъ церкви (204).

Описаніе пути въ Нишъ, а также достопримѣчательностей этого города и его окрестностей (204—207), точно также заимствовано у Кукулевича (39—41) то дословно, то въ сокращенномъ видѣ. Равнымъ образомъ и путь въ далматинскій Бѣлградъ (*Zaga veschia*) описанъ по Кукулевичу (38) съ незначительными дополненіями о самомъ Бѣлградѣ. Описаніе Шибеника (209—211) и Скрадина (211—212) взято у того же автора (45—46, 48—49). Г. Березинъ прибавилъ отъ себя только нѣсколько строкъ о Скрадинѣ на стр. 212. Путь изъ Скрадина въ Дрнишъ и Книпъ и изъ Книпа въ Задаръ (212—214) описанъ Кукулевичемъ на стр. 47—48. Березинъ прибавилъ статистическія данныя о народонаселеніи Дрниша, Книпа и окрестныхъ селеній. Городъ Трогиръ и путь изъ него въ Сплѣтъ (214—217) также описаны по Кукулевичу (61—63); прибавлено только нѣсколько словъ о привиллегіяхъ 1108 и 1124 гг. Много любопытныхъ археологическихъ и историческихъ подробностей, сообщенныхъ Кукулевичемъ о Сплѣтѣ и Салонѣ (51—61), г. Березинъ опустилъ въ своемъ пересказѣ (217—225), замѣнивъ ихъ общеизвѣстными свѣдѣніями объ исторіи этихъ городовъ (218—219, 223—224) и дополнивъ легендарнымъ разказомъ о городкѣ Сигѣ (225—226).

На стр. 222 находимъ сравненіе Сплѣта съ Задромъ и Дубровникомъ: „Сплѣтъ имѣетъ несомнѣнное преимущество не только передъ Задромъ, но и передъ Дубровникомъ. Бюрократизмъ въ Задрѣ доведенъ до апогея своего развитія, чего мы не находимъ въ Сплѣтѣ; Дубровникъ, хотя всегда былъ республиканскимъ городомъ, все-таки постоянно находился подъ вліяніемъ аристократическаго начала и средневѣковаго феодализма, тогда какъ въ Сплѣтѣ съискони вкоренился, въ настоящемъ смыслѣ слова, гражданскій духъ, который не сумѣли превозмочь ни монархическо-аристократическое венгерское правительство, ни деспотизмъ хорватскихъ правителей, ни феодализмъ герцога Хервола“. Можно было бы подумать, что такое сравненіе Сплѣта съ Задромъ и Дубровникомъ пришло въ голову самому г. Березину; но при повѣркѣ оказывается, что и это—переводъ изъ брошюры Кукулевича (стр. 52).

Описаніе Полицы начинается выпискою изъ Кукулевича (65) о территоріи, пространствахъ, границахъ и названіи (22—227); затѣмъ слѣдуютъ краткія историческія свѣдѣнія, не всегда вѣрныя (226—228); такъ, начало княжества Полицкаго отнесено „къ отдаленной древности“, между тѣмъ какъ извѣстно, что Поличане выселились изъ Босны въ XI в. (см. Мпх. Павлиновича, *Poljica i Poljibane* въ *Narodn. Kalend. Mat. Dalm.* 1866); потомъ опять выписка изъ Кукулевича объ уничтоженіи Полицкаго княжества Мармономъ въ 1808 г. (228); далѣе указывается на привилегіи, дарованныя Полицѣ иностранными государями (228—229); еще далѣе изложено устройство Полицкаго княжества по статуту 1400 г., издавшему Мехичемъ въ V кп. Архива юго-славянскои исторіи (229—234), и наконецъ (234—237) снова заимствованія изъ Кукулевича (64, 65, 67, 70),—большею частію дословныя. Кукулевичъ сообщаетъ много интересныя черта для характеристики страны и народа (64—71): почти все это опустилъ г. Березинъ. Объ Омишѣ, какъ Кукулевичъ (71—72), такъ и г. Березинъ (237), говорятъ только нѣсколько словъ.

По склонности къ преувеличенію г. Березинъ называетъ портъ Дубровника Гружъ (*Gravosa*) „волшебнымъ краемъ“ (242): это, дѣйствительно, мѣстность живописная, но ей далеко до того, чтобы называться „волшебнымъ краемъ“. На слѣдующей (243) страницѣ читаемъ: „Въ половинѣ XI вѣка Степанъ Войславъ, великій жупанъ Зеты, Хума и Требинья, уступилъ венеціанскому (опечатка: дубровницкому) правительству селеніе Гружъ и сосѣднюю съ нимъ мѣстность, по которой протекаетъ рѣка Рѣка (*Humla, Ombla*)“, а на стр. 246: „Въ означенномъ (1050) году король Стефанъ, отецъ Крешимира, подарилъ Дубровнику слѣдующія мѣстности: Жупу (*Vrno*), Рѣку (*Ombla*), Гружъ (*Gravosa*) и Затошъ (*Malfi*)“. Очевидное противорѣчіе! Сказанное на стр. 246 вѣрно, а на 242—ошибка.

Въ сообщаемыхъ г. Березинымъ на стр. 244—265 историческихъ свѣдѣніяхъ о Дубровникѣ много ошибокъ, измышленій и недоразумѣній. Только по недоразумѣнію опъ могъ сказать (244): „по мнѣнію другихъ ученыхъ (?), основателями этого города были усюки (!)“. Свѣдѣнія о постройкахъ въ Дубровникѣ VII—X в. (245) находятся только въ мѣстныхъ лѣтописяхъ сомнительной достовѣрности. На стр. 246 г. Березинъ называетъ Шуметь (*Gionchetto*) островомъ: это горная деревня близъ турецкой границы. Невѣрно, что „пріобрѣтаемыя Дубровникомъ области сохраняли свои права и льготы“ (247):

Дубровчане во всѣхъ пріобрѣтенныхъ ими земляхъ вводили свое аристократическое управленіе, что бывало причиною возстаній. Все, что говорятъ г. Березинъ о „дубровницкихъ жупахъ“ (247—248), принадлежитъ къ области вымысла. Невѣрно, что „народъ принималъ непосредственное участіе въ дѣлахъ государственныхъ“ (248): въ аристократическомъ Дубровникѣ не только простой народъ, но и мѣщане, были лишены всякаго права на участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Совершенно ложно, что „отличительную характеристику древняго устройства дубровницкихъ общинъ (?) составляли—народоправство, простота и несложность общинной администраціи, и наконецъ, отсутствіе рѣзкихъ сословныхъ разграниченій“, и что „земли, входившія въ его составъ (Дубровника), образовывали собою союзъ, построенный на народоправствѣ!“ (249—250). Народонаселеніе Дубровника г. Березинъ только по недоразумѣнію могъ раздѣлить на пять классовъ (250); впрочемъ, онъ перечислилъ только четыре, пзъ которыхъ 2-й и 4-й составляютъ одно сословіе—низшее. Революція въ Дубровникѣ въ концѣ XIII вѣка (251) есть вымыселъ. Красный цвѣтъ одежды дубровницкаго ректора г. Березинъ считаетъ заимствованнымъ изъ Константинополя (254), между тѣмъ какъ извѣстно, что эта одежда была заимствована изъ Італіи, о чемъ даже есть народное сказаніе. На стр. 258—259 читаемъ: „Весьма естественно, что дубровницкіе коммерсанты являлись представителями мѣстной интеллигенціи. Проводи жизнь разнообразную, они невольно подъ старость раскаивались въ грѣхахъ молодости (?). Характеристическою чертою дубровницкой литературы служить то, что въ ней разительно проглядываетъ возрастъ писателя: въ молодости сочиняетъ онъ веселыя пѣсни, пѣсни любви... въ среднемъ возрастѣ литературныя его занятія дѣлаются болѣе серьезными; такъ, напримѣръ, онъ переводитъ различнаго рода произведенія съ латинскаго и греческаго языка и т. п.; въ пожилые годы его литературныя занятія приимаютъ характеръ религіозный, характеръ покаянія: онъ переводитъ псалмы или пишетъ стихотворенія, въ которыхъ обыкновенно высказываетъ сожалѣніе относительно направленія литературныхъ трудовъ первой своей молодости“. Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ исторіей дубровницкой литературы, чтобы знать, что представителями интеллигенціи въ Дубровникѣ были властеле, nobili, что мѣщанское сословіе дало всего двухъ-трехъ замѣчательныхъ писателей, и что придуманная г. Березинымъ характеристика дубровницкой литературы противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ намъ фактамъ. На стр. 259 г. Березинъ дѣлаетъ

странное предположеніе, что Дубровникъ сталъ меркантильнымъ государствомъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго наплыва иностранцевъ (?) и постоянныхъ торговыхъ сношеній! А далѣе читаемъ еще болѣе удивительное заключеніе: „Это обстоятельство (стремленіе къ подражательности) послужило только поводомъ къ наденію республики, настоящую же причину ея разложенія слѣдуетъ искать гораздо раньше. Можно смѣло сказать, что ея разложеніе началось съ того времени, какъ она всецѣло поддалась вліянію венеціанской торговли“. Сказапо смѣло; но понятно ли? Сомнѣваемся, чтобы, кромѣ г. Березина, кто-либо могъ уразумѣть смыслъ этихъ словъ.

Описаніе Дубровника (265 — 278) составлено по Кукулевичу (77—83) съ значительными историческими дополненіями, въ которыхъ встрѣчаются ошибки въ родѣ слѣдующихъ: „Страдопе (главная улица, Stradone), по которой до сильнаго землетрясенія въ Дубровникѣ въ 1667 году плескалось море (266 — 267: морской каналъ, надъ которымъ находится Stradone, былъ засыпанъ уже въ XI вѣкѣ)“; Дубровчане стали платить дань Туркамъ съ половины XV ст. (272: слѣдуетъ XIV). Сообщаемое Кукулевичемъ въ „Путевыхъ воспоминаніяхъ“ г. Березинъ принимаетъ безъ всякой критики и провѣрки, пересказываетъ или просто переводитъ. Такъ, на стр. 76 Кукулевичъ передаетъ съ объясненіями слѣдующій случай, бывшій съ нимъ по приѣздѣ въ Дубровникъ, гдѣ онъ остановился въ гостиницѣ „Al Pelegrino“. „Prvo što mi u oči pade, bijahu sobna vrata bez brave i ključa. Dozvav gazdaricu i upitavši ju i Ćim ću zatvoriti vrata? „Gospodar! netrebo vam toga“, odgovori mi ona, — „vi ste u Dubrovniku, a tu se nekrade i neotimlje“. I doista nećuvena je stvar u Dubrovniku, da bi koj putnik bio okradjen. Ia se pri odgovoru moje gazdarice stietih negotice običaja starih Sloviēna, o kojih i tudji suvremeni pisci tvrde: da u njih tatbina i otimičina poznata nebijaše. Ioš je danas u Dubrovniku običaj, kada tuo štogod izgubi ili nadje, da se najmi sliepac koj hodaјуći po gradu od kuće do kuće, pita glasno: da li je tko izgubljenу stvar našo ili nadjenu izagubio? pak obećaje onomu blagoslov božij i sve dobro svieta, tuo će mu kazivati ono za što sliepac pita“. Этотъ случай, бывшій съ Кукулевичемъ въ 1856 г., г. Березинъ обобщилъ и безъ всякой провѣрки напечаталъ въ 1879 г. (стр. 276—277): „Путешественнику, въ первый разъ посѣтившему Дубровникъ, не можетъ не показаться страннымъ, что двери въ комнатахъ не запираются на ключъ; въ нихъ не имѣется ни замковъ, ни ключей. Если

несвѣдующій путешественникъ обратится къ квартирной хозяйкѣ съ вопросомъ: „чѣмъ запереть дверь?“, то обыкновенно получаетъ слѣдующій отвѣтъ: „господинъ, вамъ этого не нужно; не забудьте того, что вы въ Дубровникѣ; васъ никто здѣсь не обокрадетъ“. Дѣйствительно, Дубровчане отличаются удивительною честностью: неслыханная вещь въ Дубровникѣ, чтобы кто-либо тамъ былъ обокраденъ. Нельзя при этомъ не вспомнить, что древнимъ Славянамъ, по словамъ современныхъ писателей, не были извѣстны ни воровство, ни кража. И до сихъ поръ существуетъ въ Дубровникѣ обычай, что если кто-либо потеряетъ или найдетъ, то спѣшитъ взять слѣпаго, который начинаетъ тогда ходить по городу изъ дома въ домъ, громко заявляя: „кто нашелъ потерянную вещь (подробно описывая именно какую), или кто потерялъ такую-то вещь, которая найдена? Обыкновенно эти поиски увѣнчиваются успѣхомъ“..

Мы прожили въ Дубровникѣ четыре года (съ начала 1862 по конецъ 1865) и можемъ увѣрить, что какъ въ гостинницахъ, такъ и въ частныхъ домахъ дубровницкихъ, двери отлично запираются на замокъ, и что никто не выйдетъ изъ дому, не заперевъ хорошенько своихъ дверей. Случай съ Кукулевицемъ мы объясняемъ себѣ такъ: „газдарница“, во избѣжаніе хлопотъ и издержекъ, увѣрила его, что нѣтъ надобности затворять дверей, потому что въ Дубровникѣ якобы не крадутъ, и такой увлекающійся „народолюбецъ“, какъ Кукулевичъ, легко повѣрилъ ей и пришелъ въ восторгъ отъ удивительной честности Дубровчанъ: онъ вспомнилъ древнихъ Славянъ, ему разказали о старомъ обычаѣ поручать слѣпцу розыскивать украденную вещь... Еслибы г. Березинъ потрудился провѣрить на мѣстѣ разказъ Кукулевича, то убѣдился бы, что такой обычай давно въ Дубровникѣ не существуетъ, и что украденную вещь розыскиваютъ не слѣпцы, а судебные слѣдователи, которыхъ, какъ и адвокатовъ, не малое число: доказательство испорченности нравовъ, а не идеальной честности, которою восторгается Кукулевичъ.

Окрестности Дубровника (278 — 281) описаны по Кукулевицу (84—89, 80, 81), съ незначительными дополненіями: 278—279=86, 279 (о Жупѣ)=87—88, 280 (объ Ильиной главицѣ)=81, (о Рѣкѣ)=85, 281 (о чистоплотности поселянъ)=80.

Въ описаніи Которскаго залива съ городами, лежащими при немъ (281—297), менѣе заимствованій изъ Кукулевича (282=93, 285=93, 292=93, 293=94, 294=95), хотя есть и буквальный переводъ (описание положенія Котора, 292 — 293 = 93). Г. Березинъ сократилъ

археологическое описаніе Котора (293 — 294=94 — 95), а о древно-стяхъ города Новаго вовсе не говоритъ (у Кукулевича, 97), за то Прибавилъ свѣдѣнія историческія и географическія.

На стр. 289 читаемъ: „Между прочимъ и въ этотъ отдаленный юго-славянскій городокъ (Перасто) Петръ Великій отпралялъ русскихъ учиться кораблестроенію, чему доказательствомъ служить картина, находящаяся въ городской ратушѣ и изображающая мѣстнаго учителя, обучающаго русскихъ морскому дѣлу“. Описаніе этой любопытной для насъ картины со снимкомъ съ нея было издано лѣтъ 20 тому назадъ Петковичемъ въ Морскомъ Сборникѣ. На ней изображены русскіе бояре (надъ каждымъ выставлено его имя), учащіеся морскимъ наукамъ у учителя родомъ изъ Пераста — но не въ Перастѣ, а въ Венеціи.

Переходя къ Далматинскому архипелагу (297—313), г. Березинъ говоритъ сначала о значеніи далматинскихъ острововъ и о языкѣ Островитяпъ (297 — 298), а затѣмъ описываетъ острова. Описаніе острововъ Раба (298 — 301), Пасмана, Крапани и Зларина (302) заимствовано у Кукулевича (28—31, 39, 51).

Историко-археологическое описаніе Далмаціи есть плохая компиляція изъ „Путевыхъ воспоминаній“ названнаго писателя съ незначительными дополненіями, неизвѣстно откуда заимствованными. Эти дополнительные свѣдѣнія (историческія и топографическія) можно найти въ любомъ путешествіи по Далмаціи; но особенно тщательно они собраны проф. Петтеромъ въ вышеуказанномъ его трудѣ. Съ большимъ стараніемъ г. Березинъ выбираетъ изъ брошюры Кукулевича свѣдѣнія о церквахъ и мощахъ, къ которымъ относится компиляторъ-православный съ такою же вѣрою, съ какою и авторъ-католикъ. Читая въ трудѣ г. Березина свѣдѣнія о мощахъ, я невольно припоминалъ себѣ рукописное описаніе мощей, хранящихся въ Дубровникѣ, составленное простодушнымъ фратромъ, писавшимъ съ полвою вѣрою: *aliud caput ejusdem sancti!*

Въ историческомъ описаніи городовъ Далмаціи г. Березинъ терется въ мелочныхъ фактахъ, а объ исторіи всей страны не сообщаетъ почти никакихъ свѣдѣній: онъ обходитъ молчаніемъ даже трехсотлѣтнюю борьбу Венеціи съ Венграми за обладаніе Далмаціей, которая была для нея тѣмъ же, чѣмъ Литва для старой Польши; онъ не даетъ хотя бы краткой характеристики венеціанскаго владычества въ Далмаціи, неизгладимые слѣды котораго остались понынѣ: Венеціанцами была обращена *Dalmatia frondosa* въ „царство козъ“,

какъ называютъ ее теперь Итальянцы; и гдѣ прежде строились цѣлыя флоты, тамъ теперь нѣтъ лѣса для постройки небольшой барки (№8, 17 — 18) и пройдетъ двѣнадцать вѣковъ, прежде чѣмъ Далмація снова покроется лѣсомъ (Reclus, 225); подъ тяжелою рукою Венеціанца она обнищала, обезлюдѣла, выродилась.

Объ исторіи Дубровника сообщаются свѣдѣнія самыя поверхностныя и не всегда достовѣрныя.

Что касается происхожденія Дубровника (по греч. Раоѡβιον, Раѡβιον, по лат. Ragusium, по итал. Ragusa), то кажется, слѣдуетъ оставить общепринятое мнѣніе, повторенное г. Березиннымъ (стр. 244), что онъ былъ основанъ выходцами изъ Эппдавры и Солонны, бѣжавшими отъ нашествія Обровъ на морскую скалу — лаѡ, откуда Константинъ Порфирородный производитъ названіе Рагузы (словопроизводство, повторяемое всѣми повѣстѣ). На островѣ Сициліи, близъ Сиракузъ, до сихъ поръ существуетъ древній городъ Ragusa, „Syracusinorum colonia“ (Filippo Gorofalo, Discorsi sopra l'antica e moderna Ragusa. Palermo. 1856)⁴. Въ одной старой рукописи эта Ragusa называется l'Ausa delli Sassi (op. cit. 44), что сходно съ словопроизводствомъ далматинской Рагузы отъ лаѡ, праесірііумъ; гораздо вѣроятнѣе, что это названіе произошло посредствомъ сокращенія изъ Siracusa (ib. 46), а въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать и далматинскую Рагузу колоніей Сиракузинъ и отнести ея происхожденіе ко времени гораздо болѣе отдаленному, чѣмъ полагали до сихъ поръ. Если обратимъ вниманіе на эту связь обѣихъ Рагузъ, далматинской и сицилійской, то какъ намъ кажется, древнѣйшая исторія Рагузы-Дубровника представится въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ теперь, и кое-что относимое къ Дубровнику придется предоставить Рагузѣ сицилійской.

Другой спорный вопросъ въ исторіи Дубровника—его перерожденіе изъ римскаго municipium въ славянскую общину. Вильгельмъ Тирскій, бывшій въ Далмаціи въ XI вѣкѣ, говоритъ о жителяхъ Рагузы: latinum habent idioma. Съ XI вѣка начинается увеличеніе ея территоріи на счетъ сосѣднихъ Славянъ, и это продолжается до XV вѣка: только тогда, по нашему мнѣнію, Рагуза ославянилась.

Третій спорный вопросъ въ исторіи Дубровника — его отношенія къ Венеціи. Любичъ, какъ Далматинецъ, старается доказать, что Дубровникъ, подобно далматинскимъ общинамъ, былъ совершенно подчиненъ Венеціи, дубровницкіе же историки упорно утверждаютъ, что Дубровникъ, управлявшійся венеціанскими графами (1205—1358 г.),

былъ независимъ отъ Венеціи: по нашему мнѣнію, онъ былъ въ вассальныхъ къ ней отношеніяхъ, какъ видно изъ договоровъ 1232, 1236 и 1252 гг., и особенно изъ договора Венеціи съ Венгерскимъ королемъ Лудовикомъ 1358 года, въ которомъ Дубровникъ причисляется къ городамъ, „*quae in nostra potestate non essent, sed regerentur per rectores nostros*“.

Испѣ отношенія Дубровника къ Венгріи. Признавая верховенство Венгерскаго короля и пользуясь его покровительствомъ, Дубровникъ открыто оспариваетъ у Венеціи господство на Адриатическомъ морѣ, старается всячески подорвать его торговлю и мореходство и возвысить свои, и Венеція сильно побавлялась его соперничества—въ XV в. Послѣ Могаческой битвы (1526 г.), вступивъ подъ покровительство Турціи (до 1684 г.), Дубровчане усердно служатъ главному ея врагу—Испанскому королю, участвуютъ въ завоеваніяхъ Испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ и Африкѣ и помогаютъ въ войнахъ съ Французами, Голландцами, Англичанами и Венеціанцами (принимая участие въ испанскомъ заговорѣ 1618 г.). Вслѣдствіе многоразличныхъ причинъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, въ XVII в. Дубровникъ постепенно падаетъ, и подъ конецъ этого вѣка (1684 г.) отдается подъ покровительство Австріи, которая съ тѣхъ поръ стала держать въ немъ министра-резидента, старавшагося разными происками подчинить Дубровчанъ Габсбургамъ.

Вотъ главные вопросы въ исторіи Дубровника, на которые слѣдовало бы г. Березину обратить вниманіе: отвѣта на эти вопросы въ правѣ ждать отъ него каждый читатель, который прочелъ его многообъщающее предисловіе.

Вторая, весьма незначительная, часть II-го тома посвящена Хорватско-славонской Военной Границѣ (317—360, всего 44 страницы). Какъ на свой источникъ, г. Березинъ ссылается на сочиненіе Гостинка заглавіе котораго было уже нами приведено. Не имѣя подъ руками этого сочиненія, мы не можемъ опредѣлить отношенія къ нему труда г. Березина, а потому вынуждены ограничиться общими замѣчаніями оцѣнкою безотпосительнаго достоинства сообщаемыхъ имъ свѣдѣній.

Упомянувъ о пространствѣ и числѣ жителей, г. Березинъ представляетъ историческій очеркъ Военной Границы (319—339). Въ этомъ очеркѣ много ошибокъ и много важныхъ пропусковъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

Г. Березинъ (стр. 320) считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые относятъ учрежденіе Военной Границы ко

второй половинѣ XV столѣтія, ко времени Матвѣя Корвина. Это мнѣніе уже давно было опровергнуто Любичемъ (Pregled hrvatske poviesti, str. 209); который утверждаетъ, что до 1538 года не встрѣчается въ государственныхъ актахъ выраженіе „confinia“, и что учрежденіе Военной Границы относится къ правленію Фердинанда I. Съ этимъ согласенъ и Пико (47, 386), относящій первое военное поселеніе въ Славоніи къ первой четверти XVI вѣка (1514 г.).

На стр. 322 — 323 г. Березинъ относитъ учрежденіе „украинъ“ хорватской и славонской къ 1527 году, Пико же (387) говоритъ, что только вслѣдствіе императорской инструкціи отъ 5-го августа 1563 г. особая комиссія раздѣлила „Границы“ (les Confins) на двѣ части, „словенскую“ и „хорватскую“.

„Петринская украинна“, по словамъ г. Березина (326), была основана въ 1598 году, но Пико (387) относитъ ея учрежденіе къ 1580 году.

Г. Березинъ говоритъ (334), что въ 1766 году гражданское управленіе Банатомъ было ввѣрено иллирской придворной депутаціи: но это случилось гораздо раньше, именно въ 1751 г., а въ 1764—1767 г. была возобновлена Банатская граница (ibid. 389). Объ административныхъ преобразованіяхъ Военной Границы съ 1753 по 1807 годъ г. Березинъ умалчиваетъ (Picot, 989), точно также какъ и о французскомъ управленіи (ib., 390).

Статистическія свѣдѣнія, сообщаемыя г. Березинимъ на стр. 338 (ср. 317), не согласны съ представляемыми Пико (393—394): какъ общая цифра народонаселенія (по г. Березяну 693,907 душъ, а по Picot 859,677), такъ и частныя (по округамъ) ниже дѣйствительныхъ. Объ уничтоженіи Военной Границы въ 1873 году и объ успѣхахъ въ ней германизациі (съ 1769 г.) г. Березинъ ничего не говоритъ (Picot, 395). О состояніи образованія (340—345), сельскаго хозяйства (345 — 355), промышленности и торговли (355 — 360) сообщаются самыя краткія свѣдѣнія. Вообще эта часть II-го тома слаба во всѣхъ отношеніяхъ.

III-я и послѣдняя часть — „Общая этнографія всѣхъ четырехъ юго-славянскихъ провинцій Австро-Венгріи“ (363—589)—весьма обширна по объему. Она раздѣлена на четыре отдѣла. О каждомъ изъ нихъ скажемъ нѣсколько словъ.

А. О миеологическихъ вѣрованіяхъ австрійскихъ южныхъ Славянъ (363—426). На первыхъ 9-ти страницахъ сообщаются общія понятія объ южно-славянской миеологіи (363—372). Сначала г. Бере-

знь говоритъ объ олицетвореніи злыхъ силъ природы въ вѣштицахъ, упоминаеть о вукодакахъ и собластьяхъ (душахъ умершихъ) и приводитъ любопытную сказку о черной королеви (365), по безъ всякихъ объясненій, хотя эта сказка заключаетъ въ себѣ важныя міеологическія черты; далѣе онъ указываетъ на виль, какъ на олицетвореніе добрыхъ силъ природы, что не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ есть и злыя вилы,—передаетъ содержаніе легенды о созданіи міра и человѣка (367),—говоритъ о весьма сомнительномъ дуализмѣ въ славянской мпологии (Вѣлбогъ и Чернобогъ), какъ о доказанной и признанной всѣми истинѣ пауки, и приводитъ длинный списокъ боговъ (369—372) съ своими объясненіями,—но какихъ?!

Г. Березинъ начинаеть съ Перуна, котораго отождествилъ съ Вѣлбогомъ, смѣшалъ съ Сварогомъ и Святovitомъ, приписалъ ему, какъ самъ выражается, — „слишкомъ обширную сферу дѣятельности“ и представилъ его въ такомъ величественномъ образѣ, что самъ Зевсъ Олимпійскій могъ бы ему позавидовать.

Святovitъ (Свантовидъ или Световидъ, какъ пишетъ г. Березинъ) отождествленъ съ Церупомъ. Его изображеніе фантастично.

Жива — „богиня весны“: „назвалась она Живою, потому что давала жизнь или призывала къ жизни, съ наступленіемъ весны, живительныя силы природы, проявляющіяся въ растительномъ и животномъ царствахъ“ (стр. 370). Такъ толковали имя этого сомнительнаго божества Авр. Френцель (*De diis Soraborum aliorumque Slavorum*, 1719) и черезъ сто лѣтъ послѣ него (1816) Карамзинъ; но у перваго это—божество мужескаго пола (*Sivva*—*Zywie*—богъ жизни), а у втораго—женскаго (*Сива*, можетъ быть—*Жива*, богиня жизни). Объ этой богинѣ намъ неизвѣстно ничего опредѣленнаго. Ученые не знаютъ даже, какъ читать ея имя — *Сива* или *Жива*. Все, что говоритъ г. Березинъ о культѣ Живы, принадлежитъ къ области вымысла. Отождествленіе ея съ Церерою въ подложныхъ глоссахъ въ *Mater verborum* не можетъ имѣть никакой научной цѣны.

„Радигость — самое названіе показываетъ, что онъ былъ богомъ гостепримства“ (371). Если основываться на названіи, то Радигость скорѣе могъ бы обозначать „бога торговли, покровителя гостей—купцовъ“. Такъ понималъ значеніе этого божества поддѣльщикъ глоссъ въ *Mater verborum*: „*Mercurius a mercibus est dictus—Radigost*. Буквальное пониманіе этого имени („богъ гостепримства“) утвердилось со временъ первыхъ славянскихъ міеологовъ и было принято Карамзинымъ.

„Курентъ. Славянская мѣологія причисляетъ бога Курента къ семьѣ злыхъ духовъ: это былъ богъ веселья, на него смотрѣли древніе Славяне, какъ на бога-проказника“ (?). Такого бога славянская мѣологія не знаетъ, а потому не удивительно, что „въ трудахъ славянскихъ ученыхъ не находимъ данныхъ о томъ, каковъ былъ культъ этого бога“ (371). Курентъ, вѣроятно, съ итальянскаго *corrente*,—злой духъ, чортъ.

Триглавъ — „почитался богомъ неба, земли и ада“ (371). Такъ объяснялъ это названіе солнечнаго божества еще А. Френцель (1719).

„Прово — богъ справедливости“ (*ibid.*). У Френцеля *Pravo* — богъ суда, у Карамзина Прово — богъ правосудія. Это — божество вымышленное. Толкованіе имени *Pravo* основано на созвучіи съ словомъ право, которое и было принято г. Березинымъ, какъ названіе бога справедливости!

„Велесъ или Волосъ — почитался пастыремъ небесныхъ облаковъ“ (*ibid.*). Это—также одно изъ названій солнечнаго божества.

„Лада или Леля —богиня красоты и любви, богиня весны“ (*ibid.*)“. Никто еще до сихъ поръ, на сколько намъ извѣстно, не отождествлялъ Ладу съ Лелемъ. Древнѣйшее свидѣтельство о почитаніи Славянами богини Лады принадлежитъ М. Мѣховитѣ (*Сcripta Polonica*, 1521): онъ называетъ Ладу матерью Кастора и Поллукса, или, по славянски, Лея и Полея. Слѣдовательно, г. Березинъ смѣшалъ мать съ сыномъ. Въ подложныхъ глоссахъ въ *Mater verborum* Венера толкуется Ладю. Свидѣтельство Мѣховиты было принято Машемъ (1771), Др. Антономъ (1783), Каспаровымъ (1807) и др. Карамзинъ изъ богини Лады сдѣлалъ Ладю, бога веселія и любви. Пылкое воображеніе г. Березина представило ему Ладу женою Перуна, красавицею, украшенною ослѣпительными лучами солнца, изъ глазъ которой каплетъ роса!

„Дидъ — богъ кладовъ, а также и богъ подземнаго огня“ (372)“. Дидъ встрѣчается въ славянской мѣологіи Кайсарова (1804, 1807) въ числѣ русскихъ боговъ, но это — божество вымышленное.

„Кромѣ этихъ главныхъ боговъ“, говоритъ г. Березинъ (372),— „было еще много второстепенныхъ боговъ, какъ-то: Даворъ—богъ геройства, Кресъ—богъ огня, Додонъ—богъ грома и дожда“ (?). Все это—божества, вымышленныя г. Березинымъ или тѣмъ, кого онъ безъ всякой критики переписывалъ.

Еслибы г. Березинъ, вмѣсто того, чтобы наполнять славянской

Парнассъ вымышленными божествами, обратился къ лучшимъ изслѣдованіямъ о славянской мѣологии — Бернгарди, Срезневскаго и нѣкоторыхъ другихъ, и изучилъ бы народныя пѣсни и сказки хотя бы однихъ южныхъ Славянъ, то узналъ бы, что у Славянъ были слѣдующія божества: богъ неба (Сварогъ) и богиня-земля—боги прародители; у нихъ было три сына (Сварожичи): богъ солнца (Святовитъ, Дажьбогъ, Хорсъ, Велесъ и т. д.), богъ огня (Перунъ) и богъ вѣтра (Стрибогъ); народныя пѣсни и сказки прибавляютъ еще четвертаго Сварожича—мѣсяцъ и сестру солнца—Зорю. Объ этихъ божествахъ есть любопытныя сказанія у южныхъ Славянъ: жаль, что г. Березинъ не знаетъ ихъ.

Удивительно, откуда взялъ г. Березинъ, что храмы назывались вѣжами („веже“), и что „вокругъ храмовъ были сажаемы липы“. О храмахъ не слѣдовало ему и говорить, такъ какъ ихъ вовсе не было у южныхъ Славянъ.

О вилахъ г. Березинъ говоритъ слишкомъ подробно (373—395) и не всегда вѣрно. Это—вопросъ, хорошо обработанный (Кукучевичемъ, Буслаевымъ и др.) и не чуждый нашей литературѣ; поэтому можно было бы изложить его покороче и избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ: на стр. 375 г. Березинъ говоритъ, что „каждая вила можетъ припимать разные образы“ и что „вилы одарены громадпою силой“; на стр. 383 вилы смѣшаны съ роженницами, что непросительно послѣ известнаго изслѣдованія Срезневскаго; на стр. 391 и слѣд. описываются полевья вилы отдѣльно отъ земныхъ и т. д. Встрѣчается и невѣрный переводъ: такъ на стр. 373 „на грани одъ облака“... „мупя грома па ди гра ла“ переведены „на границѣ облаковъ“... „молнія на игралась съ громомъ“.

Третья глава (396—426) самаго разнообразнаго содержанія: въ ней говорится о вѣдьмахъ (вѣштице), домовыхъ (вѣдогонн), знахаркахъ и знахаряхъ, о морѣ (кошмаръ), смерти, вукодлакахъ, о областяхъ (душахъ усопшихъ), о кучѣ (моровой язвѣ), о бабѣ-ручѣ, кукушкѣ, о маджоникахъ (кудесникахъ), о поклоненіи змѣю и дереву, и наконецъ, о народномъ праздникѣ 1-го мая.

Ошибки и недоразумѣнія есть и въ этой главѣ. Такъ на стр. 416 читаемъ: „Древніе Славяне благотворили области (души усопшихъ), какъ существа добрыя и дружелюбныя“; на стр. 419: „Съ этимъ названіемъ (баба-руча) что-то страшное представляется народу; но

что именно, сознание не можетъ дать себѣ отчета (это—наша Баба-ягá); на стр. 420—424 говорится о никогда не существовавшемъ у Славянъ поклоненіи змѣю и дереву. Славяне смотрѣли на змѣя, какъ на олицетвореніе Перуна, а на дерево, какъ на жилище бога; на стр. 425 праздникъ 1-го мая называется „празднествомъ въ честь богини Весны“ и т. д.

В. Домашняя жизнь (427—525). Этотъ обширный отдѣлъ состоитъ изъ восьми главъ.

Въ 1-й главѣ говорится о задругѣ, побратимствѣ и посестримствѣ (328—438). Весьма важный вопросъ о задругѣ хорошо разработанъ, а потому слѣдовало ожидать отъ г. Березина обстоятельнаго его изложенія; но онъ посвящаетъ ему всего 6 страницъ, изъ коихъ только на первыхъ двухъ говорится объ устройствѣ задруги, а на остальныхъ излагаются фантазіи г. Березина о превращеніи задругъ въ „родовыя учрежденія“, о „липѣ“, столицей среди каждаго села, и наконецъ, о причинахъ паденія задруги говорится больше, чѣмъ о самой задругѣ. Г. Березиннымъ не разъяснены самыя элементарныя понятія о задругѣ, которой, впрочемъ, онъ самъ не понимаетъ, называя ее „родовымъ учрежденіемъ“, а именно: что такое задруга, какъ велико бываетъ число задругарей, чѣмъ опредѣляются ихъ взаимныя отношенія, чѣмъ отличается положеніе слуги отъ положенія задругаря, какую роль играетъ въ задругѣ женщина, вслѣдствіе какихъ причинъ распадается задруга и т. п.

На стр. 435 читаемъ: „И послѣ того, какъ задруга у южныхъ Славянъ начала распадаться, у Хорвато-Далматинцевъ удержалось еще влеченіе установить договоръ взаимной помощи, дружбы, который бы былъ на вѣки нерушимымъ. Этотъ договоръ... извѣстный подъ именемъ „побратимства“ и т. д. Изъ этихъ словъ слѣдовало бы заключить, что побратимство удержалось только у „Хорвато-Далматинцевъ“, какъ выражается г. Березинъ; но это совершенно невѣрно: о братимство процвѣтаетъ въ странахъ, еще не тронутыхъ цивилизаціею, каковы: Старая Сербія, Босна, Герцеговина и Черногорія, менѣе въ Сербіи, а еще менѣе въ Далмаціи и Хорватіи.

Эта глава заключается слѣдующимъ сентиментальнымъ пожеланіемъ, не лишеннымъ и наивности: „Чѣмъ болѣе будетъ такихъ союзовъ (дружбы, побратимства), тѣмъ народная масса все болѣе и болѣе будетъ объединяться; каждый Славянинъ будетъ видѣть въ другомъ своего брата, связаннаго съ нимъ неразрывными узами родства, хотя и духовнаго, нравственнаго, но такого, которое, пожалуй, имѣетъ

большую силу, чѣмъ родство физическое. Дай Богъ, чтобы этотъ родственнѣйшій кругъ все болѣе и болѣе расширялся, чтобы родственныя Славянскія племена, вычеркнувъ изъ страницъ будущей своей исторіи слова „междоусобіе и война“, устроили бы свою жизнь на великомъ христіанско-славянскомъ началѣ—началѣ братства. Нужно желать, чтобы эти союзы, какъ обручальныя кольца, всегда соединяли Славянъ другъ съ другомъ, поддерживая общее чувство пародности“ (138).

Такія пожеланія умѣстны, пожалуй, въ устахъ славянскаго миссіонера, но не историка: побратимство, естественное явленіе въ исторіи южныхъ Славянъ, нельзя навязывать другимъ Славянамъ, которые его не знали и не пужались въ немъ; нелегко вычеркнуть изъ исторіи непримиримыхъ братьевъ слова „междоусобіе и война“; политика септиментальная ведетъ только ко вреду тѣхъ, кто ее проповѣдуетъ...

Во II-й главѣ изложено „сельскій календарь“ (439—449). Здѣсь указываются нѣкоторыя народныя примѣты въ разныя времена года и описываются обряды при сельскихъ работахъ. Въ числѣ обрядовъ занимаетъ видное мѣсто додольскій. Г. Березинъ описываетъ его и объясняетъ на стр. 443—445; но онъ изъ одного обряда—додола или прпоруше—сдѣлалъ два и ошибочно видитъ въ додольѣ богиню громовицу (?), а въ прпцѣ—бога-громовника: въ додольскихъ пѣсняхъ сохранилось темное воспоминаніе мифа о совокупленіи бога неба съ богинею землею посредствомъ дождя, а названіе додолы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пеперугою (бабочкою) напоминаетъ древне-греческій мифъ о совокупленіи Зевса съ Герою въ образѣ кукушки.

Въ III-й главѣ описывается „бытовая сторона жизни Хорвато-Далматинцевъ“ (450—463): наружность, изба, пища, занятія, одежда, гостепріимство, базарные дни, храмовые праздники, даже сельскіе шинки и харчевни. Всѣ эти вопросы гораздо обстоятельнѣе и систематичнѣе изложены Чаплиничемъ, Ралчичемъ, Ильичемъ, Караджичемъ и др.

То же самое должно сказать и объ остальныхъ главахъ (IV-й—женитьба, V-й—родины, VI-й—о народныхъ способахъ врачеванія, VII-й—о религіозно-обрядовой сторонѣ быта Хорвато-Далматинцевъ и VIII-й—погребальныя обычаи). Менѣе извѣстныя свѣдѣнія сообщаются въ VII-й главѣ: о праздникѣ „мисника“ на Кварнерскихъ островахъ (505—507), объ обѣтахъ (508—510), о страсти Хорватовъ къ палом-

ничеству (510—519); по о паломничествѣ и святыхъ мѣстахъ Хорватовъ г. Березинъ слишкомъ распространился.

В. Полухристіанскіе обряды и повѣрья (525 — 564). Въ трехъ главахъ этого отдѣла описываются и иногда объясняются языческіе обряды, приуроченные къ христіанскимъ праздникамъ. Въ большинствѣ случаевъ описанія не отличаются полнотою; но встрѣчается и обратное, то-есть, что авторъ слишкомъ подробно излагаетъ общезвѣстное (напримѣръ, Ивановъ день, 552—558). Въ объясненіяхъ есть ошибки, недоразумѣнія и фактази. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

Самый праздникъ—бадній дан—г. Березинъ ошибочно считаетъ праздникомъ въ честь Перупа (530), а баднякъ — „аллегорическимъ изображеніемъ матери земли“ (531). Слово „коляда“ г. Березинъ неправильно производитъ отъ коло (колеса) и объясняетъ, будто бы „коляда означаетъ солнце, имѣющее видъ колеса“ (537).

На стр. 539 съ величайшимъ удивленіемъ читаемъ слѣдующія строки: „Пѣсни, которыя поются при колядованіи, были составлены Златаричемъ и Казначичемъ въ XV ст. и Французомъ Маркомъ Брюеромъ въ XVII ст.“ Невѣроятныя ошибки! Златаричей извѣстно два: знаменитый Динко жилъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ (1556—1610), а Маринъ—въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. (1753—1826). Казначичей также два: Аптонъ, отецъ, и Иванъ-Августъ, сынъ, оба наши современники. Маркъ Брюеровичъ (Briègre Derivaux), сынъ французскаго консула въ Дубровникѣ, умеръ въ 1827 году. Имена этихъ трехъ дубровницкихъ поэтовъ приведены совершенно напрасно, потому что народъ поетъ свои собственныя пѣсни, а не сочиненныя ими.

На стр. 541 находимъ личное измышленіе г. Березина: „Славяне-язычники устраивали вечернія пляски вокругъ огня въ честь богини весны Лады“.

То же самое и на слѣдующей страницѣ: „Въ память древняго преданія о поѣздѣ богини весенняго плодородія Лады у южныхъ Славянъ сохранился обычай возить „масляничную бабу““.

Г. Сельскія забавы (565—589): а) народныя игры и б) народныя танцы. Происхожденіе народныхъ игръ не понято г. Березинымъ: онъ видитъ въ нихъ только гимнастическія упражненія, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ, особенно дѣтскія, имѣютъ миѣическое значеніе обряда, а другія—историческое, напримѣръ—Хапка, 579.

Последнюю часть труда г. Березина мы разсмотрѣли только

вкратцѣ. Впрочемъ, разсмотрѣнія подробнаго она и не заслуживаетъ, такъ какъ представляетъ не всегда систематическій подборъ общезвѣстныхъ фактовъ съ объясненіями большею частію неудовлетворительными и произвольными, основанными не столько на положительныхъ запіяхъ, сколько на измышленіяхъ автора.

Въ заключеніе можемъ только пожалѣть, что г. Березинъ потратилъ такъ много времени и труда на написаніе своего обширнаго произведенія; оно не заслуживаетъ названія „ученаго изслѣдованія“, ибо не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ науки; личныя наблюденія автора въ немъ видно очень мало; это—не болѣе, какъ компиляція изъ нѣсколькихъ случайно попавшихся автору книгъ, составленная безъ всякой критики, а вмѣстѣ съ тѣмъ, лишенная и литературнаго достоинства.

В. Макушевъ.

Biela Hrvattka i Biela Srbija. Napisao Ae. Franjo Rački (Бѣлохорватія и Бѣлосербія. Соч. д-ра Фр. Рачкаго). U Zagrebu. 1880.

Въ монографіи, заглавіе коей здѣсь выписано, хорватскій историкъ разбираетъ свидѣтельство византійскаго лѣтописца Константина Порфиророднаго о тождествѣ Сербовъ и Хорватовъ Балканскаго полуострова съ Бѣлыми Сербами и Бѣлыми Хорватами.

Конечно, прежде всего пришлось разъяснить, какія мѣстности могъ имѣть въ виду византійскій лѣтописецъ, въ которыхъ онъ помѣщалъ Бѣлыхъ Сербовъ и Бѣлыхъ Хорватовъ? По словамъ лѣтописца, Бѣлые Сербы, въ его время, жили за землею Мадьяръ въ землѣ прозванной *Воихи*, съ коею граничили *Фраггуса*, то-есть, Нѣмецкая земля, и Бѣлая Хорватія; такимъ образомъ Бѣлая Хорватія и Бѣлая Сербія оказываются смежными ¹⁾. Слѣдовательно, нужно опредѣлить эту землю *Воихи* чтобъ узнать настоящее мѣстопробываніе упомянутыхъ двухъ сосѣднихъ народовъ. Въ отличіе отъ мнѣнія П. Г. Шафарика, отвергшаго старое мнѣніе, что *Воихи* Константина Порфиророднаго есть „*Voiohemus*“ и признавшаго эту землю *Воихи* за русское племя Бойков ²⁾,

¹⁾ Константинъ Порфирородный, по мнѣнію г. Рачкаго, не вполне точно разграничивалъ Хорватовъ и Сербовъ (стр. 23); то, что слѣдовало бы отнести къ Полабскимъ Сербамъ, онъ отнесъ къ Хорватамъ (стр. 30).

²⁾ См. статью его: *O emi imenovane Voiky* въ *Časopis Česk. Mus.* 1837 г. и *Slov. star.*, стр. 638.

г. Рачкій склонился въ пользу стараго мнѣнія, основываясь, главнымъ образомъ, на томъ, что положеніе Вѣлыхъ Хорватовъ и Вѣлыхъ Сербовъ, представленное у Константина Порфиророднаго ¹⁾, невольно наводитъ на старый *Voionemus* (стр. 12); съ такимъ толкованіемъ болѣе согласуется извѣстіе Константина Порфиророднаго, что земля Вои была мѣстопробываніемъ Сербовъ; то-есть, такимъ образомъ выходитъ, что въ одномъ общемъ *Voionem-ѣ*, гдѣ сидѣли главнымъ образомъ Чехи, пребывали частью и Хорваты, и Сербы.

Такое рѣшеніе вопроса о Бойкахъ автора „*De administrando imperio*“ кажется намъ вполне вѣрнымъ и приводитъ къ совершенно вѣрному — по нашему мнѣнію — выводу о старомъ мѣстоположеніи Хорватовъ и Сербовъ. Тѣ Вѣлые Хорваты, о коихъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный, по тщательному изслѣдованію г. Рачкаго, были Хорваты, живущіе въ Чехіи, отдѣльныя отъ Хорватовъ Русскихъ на р. Днѣстрѣ, и на верховьяхъ р. Вислы ²⁾, а Вѣлые Сербы—это Сербы Полабскіе. Что именно объ этихъ племенахъ могъ говорить Константинъ Порфирородный, а не о другихъ, подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ предположеніемъ, что только изъ словъ пришедшаго къ нему въ Царьградъ (949 г.) посла короля Оттона I, Луитфреда, онъ могъ записать про Вѣлыхъ Хорватовъ, что они имѣютъ своего князя (*άρχοντας*), но признаютъ верховную власть нѣмецкаго государя, то-есть, Оттона I; только по его словамъ онъ могъ отмѣтить, что эти Вѣлые Хорваты и Сербы *ἀβάπτιστοι*. Это мнѣніе на столько неоспоримо, какъ и то, что Константинъ Порфирородный написалъ родословіе короля Гугона (926—945) по словамъ Ліудипранда діакона, посла Италіанскаго короля Беренгара II, приходившаго вмѣстѣ съ Луитфредомъ въ 949 г. въ Царьградъ. А если это дѣйствительно такъ, то Вѣлые Хорваты и Вѣлые Сербы Константина Порфиророднаго не могутъ быть другіе, какъ тѣ Хорваты и Сербы, съ которыми (и особенно съ Сербами) германизаторы до Оттона I и самъ Оттонъ I имѣли постоянныя дѣла.

Такое рѣшеніе вопроса о Вѣлыхъ Хорватахъ и Вѣлыхъ Сербахъ, естественно, заставило признать несостоятельнымъ мнѣніе Констан-

¹⁾ Границы этихъ племенъ шли по ту сторону Мадьяръ и Баварцевъ, близъ *Φράγγια* (стр. 12).

²⁾ Часть мѣстности, занимаемой Хорватами, входила въ «*Voionemus*», подчиненный Нѣмцамъ, а другая, извѣстная русскому лѣтописцу Нестору, составляла плоскогорье отъ Чехіи къ истокамъ рѣкъ Одры и Вислы и къ западу просѣ *προς τὰ βρτοίς Τούροκας* (то-есть, Мадьяръ) Константина Порфиророднаго.

тина Порфиророднаго, что южные, балканскіе Сербы и Хорваты суть потомки этихъ Бѣлыхъ Сербовъ и Бѣлыхъ Хорватовъ, что половина этихъ Сербовъ и часть Хорватовъ въ царствованіе Византійскаго императора Ираклія (610—641 гг.) вышли изъ этихъ своихъ мѣстъ и населили настоящія ихъ мѣстопробыванія. Для яснаго уразумѣнія этого факта нѣтъ недостатка въ доказательствахъ въ разсматриваемой монографіи, но они, къ сожалѣнію, не поставлены въ надлежащую связь. Намъ представлялся бы необходимымъ слѣдующій порядокъ разсужденія:

Во времена императора Ираклія Полабскіе Славяне только утвердились въ своихъ новыхъ краяхъ; писатели VI в. Григорій Турскій († 594) и Венацій Фортунатъ († около 600 г.), говоря о племенахъ на р. Лабѣ, не знаютъ Славянъ, и только Фредегарій († 658) говоритъ о нападеніяхъ Славянъ на Франковъ, то-есть, что Полабскіе Славяне стали завоевывать нѣмецкія земли (см. Chonicon, cap. 48, 68, 74, 75); эти Славяне имѣли своего вождя (Et Dervanus dux gentis (S)urbiorum, qui ex genere Sclavinorum erant).

Но, быть можетъ, скажутъ: часть этихъ Хорватовъ и Сербовъ, еще не утвердившись на новыхъ земляхъ по р. Лабѣ, двинулась къ югу на Балканскій полуостровъ. Противъ этого мнѣнія говоритъ различіе языка сѣверныхъ и южныхъ Сербовъ; современный языкъ южныхъ Сербовъ и Хорватовъ и языкъ Полабскихъ Сербовъ-Лужичанъ совершенно различны: первый принадлежитъ къ юго-восточной части, тогда какъ послѣдній — къ западной части славянскихъ парѣчій. Допустить полное измѣненіе языка южныхъ Сербовъ и Хорватовъ въ позднѣйшее время—съ VII—XI в. до такой степени — невозможно; это и не нуждается въ особенныхъ доказательствахъ.

Да, затѣмъ, какъ бы эти южные Сербы и Хорваты, какъ принадлежавшіе къ Бѣлымъ Сербамъ и Хорватамъ, изъ тѣхъ полабскихъ краевъ или ближайшихъ къ нимъ могли пробраться черезъ Паннонію, въ которой властвовали Обры? Имъ пришлось бы сломить силу Обровъ отъ Карпатъ до р. Савы; но объ этомъ нѣтъ историческаго свидѣтельства: вплоть до конца VIII в., не смотря на начавшееся ихъ ослабленіе, съ пораженія подъ Цареградомъ (626 г.), пространство отъ Карпатъ до р. Савы оставалось въ ихъ власти; только Карлъ Великій окончательно сломилъ силу Обровъ.

Послѣ этого приходится признать, что южные Сербы и Хорваты вышли изъ другого мѣста, и признать другой путь, коимъ они проникли

въ настоящее свое мѣстопребываніе. Таковую прародину ихъ хорватскій историкъ видитъ у верховьевъ рѣкъ Вислы и Днѣпра, куда они пришли изъ мѣстностей по среднему теченію р. Днѣпра — именно изъ пространной равнины р. Припети. Двигаться оттуда они могли двумя путями: 1) прямо черезъ карпатскія тѣсины къ среднему Подунавью, или 2) къ юго-востоку черезъ скаты Карпатъ въ нижнее Подунавье (стр. 48). Эти двинушіеся на югъ Славяно-Сербы и Хорваты соединились съ Обрами и вмѣстѣ съ ними предпринимали нападенія на Римскую имперію, наносили ей поражение за поражениемъ, и въ занятыхъ ими мѣстностяхъ утверждали свое мѣстопребываніе. Это происходило въ концѣ VI в. Если признать вѣрнымъ такое заселеніе западной части Балканскаго полуострова, то придется отвергнуть свидѣтельство Константина Порфиророднаго о призваніи южныхъ Сербовъ и Хорватовъ изъ Бѣлой Хорватіи и Бѣлой Сербіи и признать его не болѣе, какъ измышленіемъ этого писателя.

В. Качановскій.

Жизнь Державина по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ матеріаламъ описанная *Я. Гротомъ*. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1880.

Около двадцати лѣтъ тому назадъ второе отдѣленіе Академіи Наукъ предприняло изданіе сочиненій знаменитаго „пѣвца Екатерины“. Съ тѣхъ поръ появилось въ свѣтъ семь томовъ этого прекраснаго изданія, въ которыхъ собраны всѣ его литературныя произведенія, многіе документы, составленные имъ по дѣламъ службы, его записки, письма, а также письма разныхъ лицъ къ нему, даже рисунки, до того не изданные, которыми Державинъ предполагалъ украсить первый сборникъ своихъ стихотвореній, и все это снабжено подробнымъ комментариемъ, проливающимъ обильный свѣтъ не только на литературныя труды и служебную дѣятельность этого замѣчательнаго Русскаго человѣка, но и вообще на многія стороны умственной и государственной жизни его времени. Какъ по богатству своего содержанія, такъ и по своей критической обработкѣ, академическое изданіе Державина принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ предпріятій нашего времени, которыя наиболѣе содѣйствовали выясненію нашей повѣйшей исторіи, а благодаря тому заботливому историческому освѣщенію, которое сопровождаетъ каждое произведеніе Державина

въ этомъ изданіи, оно и въ будущемъ на долго останется однимъ изъ важныхъ пособій для изученія того періода русской жизни, въ которомъ Державинъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей. Честь ученаго труда, который потребовался для этого предіриятія Академіи, принадлежитъ академику Я. К. Гроту. Нужна была неустанная энергія и пытливость для собранія необходимыхъ матеріаловъ; нужны были обширныя познанія для того, чтобъ правильно освѣтить и вѣрно объяснить накопленный матеріалъ; нужна были большая внимательность и систематичность, чтобы дать всей работѣ стройность и соразмѣрность. Всѣ эти условія счастливо соединились въ почтенномъ редакторѣ академическаго изданія Державина, и отнынѣ имя г. Грота будетъ неразрывно связано съ именемъ славнаго русскаго поэта, произведенія котораго, благодаря усиліямъ его ученаго издателя, представлены русскому обществу въ видѣ достойномъ и самаго автора, и отечественной науки.

Въ концѣ истекшаго года г. Гротъ окончилъ печатаніемъ біографію того писателя, жизнью и сочиненіями котораго онъ занимался въ теченіе многихъ лѣтъ съ такимъ интересомъ, и издалъ въ свѣтъ огромный томъ (въ 1,000 слишкомъ страницъ въ 8-ю долю листа) „Жизни Державина“. Книга эта есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и восьмой томъ академическаго изданія сочиненій названнаго писателя. Повидно, что написанная г. Гротомъ біографія можетъ быть разсматриваема какъ самый главный—а для большинства читающаго общества—и наиболѣе занимательный, наиболѣе доступный результатъ ученыхъ работъ г. Грота.

Въ сочиненіи почтеннаго академика біографія поэта разказана въ связи съ общимъ движеніемъ русской жизни его времени. Должно сказать, что для составленія біографіи по такому именно плану обстояательства дѣятельности Державина, какъ литературной, такъ и служебной, представляютъ большія удобства, а та заботливость, съ которою г. Гротъ разыскивалъ матеріалы для своего труда, дала ему обильную жатву и счастливо дополнила, а частію и исправила, тѣ данныя, которыя оставилъ самъ поэтъ въ своихъ сочиненіяхъ и въ своемъ домашнемъ архивѣ.

Не смотря на то, что высокій поэтическій талантъ составлялъ главную отличительную черту личности Державина, онъ прожилъ жизнь вовсе не присяжнаго словесника. Съ точки зрѣнія литературы можно, конечно, пожалѣть, что первоначальное образованіе его было на столько ограничено, что интересы творчества и отвлеченной мысли

не запыли въ его жизни вполнѣ господствующаго мѣста, какъ мы видимъ то, на примѣръ, въ дѣятельности Карамзина, Пушкина, Гоголя. Но за то Державинъ успѣлъ проявиться далеко не безплодно и не бесполезно для русскаго общества—какъ практическій дѣятель. Сынъ бѣднаго дворянина, скудно образованный, онъ началъ службу простымъ солдатомъ и мало по малу поднялся до „степеней извѣстныхъ“, при чемъ постоянно отличался примѣрнымъ усердіемъ въ исполненіи своихъ обязанностей; если покровительство сильныхъ людей и содѣйствовало его возвышенію, то несомнѣнно, онъ заслуживалъ его, потому что былъ добросовѣстнымъ и трудолюбивымъ администраторомъ; дойдя же до высшихъ административныхъ должностей, онъ проявилъ при исполненіи ихъ много энергіи и искреннее желаніе государственной пользы, но не разъ принужденъ былъ покинуть занятый имъ постъ, потому что по своему нилкому праву и упрямству не уживался съ канцелярскою неправдой и пренебреженіемъ своекорыстныхъ или лѣнивыхъ людей къ закону и государственнымъ и общественнымъ нуждамъ и выгодамъ. Конецъ его административной карьеры былъ отравленъ сильными интригами враждебной ему партіи и сопровождался злыми па него нападками со стороны людей, преданность которыхъ пользамъ Россіи гораздо болѣе сомнительна, чѣмъ усердіе Державина.

Такимъ образомъ ему пришлось имѣть очень обширный кругъ сношеній и столкновеній съ людьми самыхъ разнообразныхъ свойствъ, пережить немало неприятныхъ и даже опасныхъ приключеній и испытать на своемъ вѣку не мало житейскихъ неудачъ. Все это дѣлаетъ біографію Державина чрезвычайно интересною, но налагаетъ на его біографа тяжесть обширныхъ розысканій и разнообразныхъ справокъ и разъясненій.

Г. Гротъ преодолевалъ эти трудности съ полнымъ успѣхомъ. Подъ его перомъ Державинъ является какъ живое лицо, съ своимъ своеобразнымъ характеромъ, со всѣми своими достоинствами и недостатками. Пристрастныя показанія Державинской автобіографіи постоянно держали г. Грота на стражѣ, и дѣйствительно, поисками въ разныхъ архивахъ онъ провѣрилъ и разъяснилъ многія сообщенія самого Державина о разныхъ обстоятельствахъ его жизни, при чемъ изслѣдователю нерѣдко приходилось опровергать или существенно измѣнять то толкованіе фактовъ, которое даетъ имъ самъ авторъ мемуаровъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, г. Гротъ воспользовался своими архивными розысканіями для того, чтобы вообще пополнить тѣ свѣдѣнія о разныхъ со-

бытіяхъ второй половины XVIII вѣка и начала XIX столѣтія, которыя обращаются въ нашей литературѣ. Такъ, наиримѣрь, по поводу участія Державина въ усмиреніи Пугачевщины г. Гротомъ собраны весьма любопытные матеріалы для исторіи этого важнаго событія; служба Державина въ качествѣ губернатора въ Петрововодскѣ и Тамбовѣ дала г. Гроту случай сообщить не мало характерныхъ свѣдѣній о состояніи провинціальной администраціи въ Екатерининское время, свѣдѣній, раскрывающихъ предъ нами, какъ осуществлялись въ дѣйствительности провинціальныя учрежденія, установленныя Екатериной II; разказъ о служебной дѣятельности Державина въ царствованіе Александра I, наиримѣрь, о составленіиомъ Державинимъ проектѣ преобразованія сената, о его участіи въ работахъ еврейскаго комитета, также сопровождается у г. Грота многими любопытными данными, характеризующими какъ направленіе государственной администраціи, такъ и разныхъ ея дѣятелей въ этотъ періодъ.

Немало характерныхъ подробностей представляетъ біографія, написанная г. Гротомъ, и для исторіи нашего быта и нравовъ. Укажемъ по этой части только на двѣ черты, имѣющія притомъ отношеніе и къ нравственной личности самаго Державина. Если взглянуть на эту личность независимо отъ того высокаго дара, которымъ обладалъ поэтъ, она явится предъ нами представительницей понятій и нравовъ общераспространенныхъ въ среднемъ уровнѣ тогдашняго общества. Вообще говоря, Державинъ былъ несомнѣнно человекъ честный, добросовѣстный и благородный, и притомъ какъ онъ выражался— „въ правдѣ чортъ“; когда по какому-нибудь предмету у него составлялось опредѣленное убѣжденіе, онъ стоялъ за него всѣми силами и рѣшительно не способенъ былъ идти на соглашеніе съ мнѣніемъ противоположнымъ. И при всемъ томъ въ его жизни есть проявленія, оскорбляющія очень простыя требованія нравственности: такъ въ молодости, когда онъ вращался въ средѣ мало развитой и даже грубой, была пора, что онъ предался карточной игрѣ и сталъ—по выраженію г. Грота—отъявленнымъ шулеромъ; позже, уже пріобрѣтя громкую литературную извѣстность и связи въ высшихъ слояхъ общества, онъ—какъ самъ выражается—пріобрѣгалъ къ своему таланту, чтобы привлечь къ себѣ милость Екатерины, Павла и нѣкоторыхъ сильныхъ вельможъ. Подобные поступки Державина не могутъ бытъ осуждаемы безусловно и находить себѣ если не оправданіе, то, по крайней мѣрѣ, объясненіе въ бытовыхъ условіяхъ и правахъ его времени; какъ справедливо замѣчаетъ г. Гротъ, Державинъ „по не-

достаточному образованію своему, по вліянію среды, въ которой вращался полжизни, не всегда вѣрно понималъ нравственное достоинство. Изъ откровенныхъ разказовъ въ его запискахъ ясно, что онъ въ поступкахъ этого рода не видѣлъ ничего унижительнаго“.

Итакъ, многолѣтняя и очень видная дѣятельность Державина на поприщѣ государственной службы заставила г. Грота отвести этому предмету весьма значительную долю своего сочиненія. Но затѣмъ мы находимъ въ „Жизни Державина“ и картину семейныхъ и частныхъ его отношеній, при чемъ поэтъ, столь неуживчивый на службѣ, является личностью очень добродушною и симпатичною, и наконецъ,—что всего важнѣе—находимъ подробную исторію развитія таланта Державина и исторію важнѣйшихъ его произведеній, его литературныхъ понятій и литературныхъ связей. Такимъ образомъ, жизнеописание поэта является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и историко-литературною монографіей о многихъ крупныхъ явленіяхъ нашей литературы въ исходѣ прошлаго вѣка.

Отдавая полную справедливость поэтическому творчеству Державина, пластичности и живописности его образовъ, силѣ и мѣткости его выраженій, г. Гротъ не настаиваетъ на художественной выдержанности его произведеній, которая придавала бы имъ эстетическій интересъ и для читателей нашего времени. Такой взглядъ на поэзію Державина установился въ нашей критикѣ уже давно, и его держался еще Пушкинъ въ двадцатыхъ годахъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя выраженія его писемъ, приводимыя и г. Гротомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ почтенный академикъ настоятельно проводитъ мысль о необходимости историческаго взгляда на произведенія Державина, мысль о томъ, что эти произведенія суть драгоцѣнный историческій памятникъ того времени, когда жилъ поэтъ, и въ особенности громакаго вѣка Екатерины. И должно признать съ полнымъ убѣжденіемъ, что своею превосходною ученою работою надъ жизнью и сочиненіями „пѣвца Екатерины“ г. Гротъ вполне оправдалъ вѣрность своего взгляда. „Не безъ основанія“, говоритъ онъ, — „нѣкоторые писатели давно называли его поэтомъ-лѣтописцемъ своего времени. Теперь, когда литературное наслѣдіе его сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ своемъ объемѣ, историческая сторона его стихотвореній выдается еще болѣе и разительнѣе. Обставленные собственными его объясненіями, они становятся живою хроникой эпохи. При совершенномъ почти отсутствіи политическаго элемента въ тогдашнихъ нашихъ періодическихъ листахъ, при малочисленности у насъ мемуаровъ и сравни-

тельной бѣдности анекдотической исторіи, сочиненія Державина, богатая примѣненіями къ обстоятельствамъ и лицамъ, приобретаютъ еще не довольно оцѣненное значеніе. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ его посмертныя мелочи, какъ-то: эпиграммы, надписи и т. п., которыя уже имъ самимъ приготовлены были къ печати. Изъ нихъ мы въ первый разъ почерпаемъ разныя историко-литературныя подробности, видимъ отношенія между тогдашними дѣятелями, узнаемъ тогдашніе взгляды на событія и вещи, знакомимся короче и съ тѣми вліяніями, подъ которыми находился самъ поэтъ. Съ этой стороны, его сочиненія всегда будутъ представлять обильный запасъ историческихъ данныхъ для ближайшаго изученія его времени. Передъ нами проходитъ въ его стихахъ цѣлая жизнь даровитаго русскаго писателя, тысячами нитей связанная съ жизнью всей эпохи“.

Сознаніе такого значенія своей лирики предчувствовалъ, по видимому, и самъ поэтъ, когда, обращаясь къ Екатеринѣ, онъ говорилъ, что будетъ жить въ потомствѣ—какъ ея эхо, и на старости онъ самъ положилъ начало историческому толкованію своихъ произведеній, продиктовавъ свои знаменитыя „Объясненія“. Въ этихъ „Объясненіяхъ“, можно сказать, коренится начало той работы, которая исполнена теперь г. Протомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, находится доказательство того, что названный трудъ былъ задуманъ имъ совершенно правильно.

Въ характеристикѣ Державина, которою заканчивается сочиненіе г. Грота, почтенный авторъ предлагаетъ нѣсколько очень удачныхъ замѣчаній о томъ—какъ въ своеобразной личности поэта выразились оригинальныя черты русскаго пароднаго характера. Въ самомъ дѣлѣ въ Державинѣ былъ неисчерпаемый, такъ-сказать, запасъ самобытности, и г. Гротъ совершенно правъ, говоря, что „къ нему самому, какъ поэту, можно отпести слова, сказанныя имъ въ *Водопадѣ* *Потемкину*:

Не шель ты средь путей извѣстныхъ,
Но пролагалъ ихъ самъ».....

Два момента литературной дѣятельности Державина представляютъ яркія доказательства того, какъ онъ самъ сознавалъ силу своей поэтической самобытности, и какъ дорожилъ ею. Въ эпоху перваго разцвѣта своего таланта, когда первый онъ

.....дерзнулъ въ *забавномъ* русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,—

въ эту эпоху онъ встрѣтилъ живое сочувствіе и одобреніе своимъ поэтическимъ приѣмамъ и манерѣ въ кружкѣ своихъ образованныхъ пріятелей-литераторовъ — и съ охотой выслушивалъ ихъ указанія и принималъ ихъ совѣты. Гораздо позже, на склонѣ своихъ дней, окруженный восторженными почитателями, которые въ то же время были и защитниками литературнаго педантизма и отсталыхъ литературныхъ понятій, Державинъ, хотя лично и дружилъ съ этими лицами, однако не поддавался ихъ литературному руководству и даже подшучивалъ надъ литературными и грамматическими разсужденіями и преніями своихъ пріятелей-словесниковъ.

Отличительныя черты обоихъ указанныхъ періодовъ литературной дѣятельности Державина очень хорошо охарактеризованы въ трудѣ г. Грота, который — по своему обычаю — не поскупился сказанное о самомъ Державинѣ дополнить и обставить обильными свѣдѣніями о другихъ близкихъ къ нему литературныхъ дѣятеляхъ: сдѣланный имъ очеркъ кружка аристарховъ, составлявшихъ Бесѣду любителей россійскаго слова, содержитъ въ себѣ чрезвычайно много любопытныхъ и характерныхъ подробностей; менѣе полонъ, но также интересный и очеркъ Львовскаго кружка раннихъ пріятелей Державина, кружка, среди котораго едва ли не впервые въ русскомъ обществѣ нашли себѣ пріютъ серьезные эстетическіе интересы, притомъ освобожденные отъ школьной ферулы и рутины. Эта особенность кружка, въ которомъ Н. А. Львовъ игралъ первую роль, невольно внушаетъ желаніе, чтобы русская литература обогатилась особымъ обстоятельнымъ этюдомъ объ этой богатой разнообразными дарованіями личности.

Возвращаясь къ труду г. Грота, мы не можемъ закончить настоящей отзывъ иначе, какъ повторивъ еще разъ выраженіе полнѣйшаго сочувствія нашего къ этому замѣчательному произведенію, одному изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній русской литературы въ минувшемъ году.

„Жизнью Державина“ не оканчивается однако академическое изданіе его сочиненій: оно заключится еще однимъ томомъ, въ который войдутъ разныя приложенія, дополненія и указатели. Хотя интересъ этого тома будетъ чисто спеціальный, слѣдуетъ желать, чтобы появленіе его не замедлилось: впрочемъ, все главное дѣло г. Грота уже сдѣлано, и благодаря его усерднымъ трудамъ, русское общество знакомятся съ Державинимъ лучше, чѣмъ съ кѣмъ-либо изъ другихъ представителей нашей литературы.

Л. Майковъ.

L. Beq de Fouquieres. *Traité général de versification française*. (Л. Бекъ де Фукиеръ. Трактатъ о французскомъ стихосложеніи). Paris. Charpentier. 1879.

Эта книга даетъ теорію французскаго стихосложенія не въ историческомъ его развитіи, какъ *Traité de versification française* извѣстнаго Quicherat, а въ его современномъ видѣ (съ XVII в.). Французскіе стихи относятся къ разряду силлабическихъ, то-есть, такихъ, которые, по господствовавшему до сихъ поръ опредѣленію, основаны исключительно на счетѣ слоговъ съ соблюденіемъ цезуръ. Авторъ показываетъ, что и во французскихъ стихахъ есть ритмическія ударенія, раздѣляющія стихъ если не на единообразныя стопы, какъ въ стихосложеніяхъ метрическомъ и тоическомъ, то по крайней мѣрѣ—на такты, которые на глазъ неодинаковы, но при декламации уравниваются по времени. Въ александрійскомъ стихѣ, который авторъ принимаетъ въ качествѣ нормальнаго размѣра, такихъ тактовъ 4 у классиковъ и 3 у романтиковъ, употребляющихъ впрочемъ и классическую форму. Классическій стихъ дѣлится цезурой пополамъ, въ романтическомъ же цезуры находятся между каждыми двумя тактами, по на мѣстѣ классической цезуры всегда соблюдается, такъ-сказать, ложная цезура, то-есть, оканчивается слово. Авторъ, конечно, не знаетъ, что недѣйствительность срединной цезуры романтическаго александрійскаго стиха давно замѣтилъ Пушкинъ, сказавшій объ этомъ размѣрѣ:

Hugo съ товарищи, друзья природы,
Его гулять пустили безъ цезуры.

Мѣра такта во всякихъ французскихъ стихахъ (кромя развѣ однотактныхъ) 6—8. По числу тактовъ они раздѣляются на тетраметры, триметры, диметры и монометры различнаго числа слоговъ и различныхъ образованій. Самый разнообразный стихъ—александрійскій (36 образованій въ формѣ классической и 13 въ романтической). Авторъ обстоятельно выяснилъ ученіе объ удареніяхъ (помимо тактовыхъ), о віяніи и *enjambement*; въ послѣднихъ двухъ вопросахъ, которые разсматривались и въ прежнихъ трактатахъ о французскомъ стихосложеніи, авторъ идетъ перѣдко наперекоръ своимъ предшественникамъ, замѣпивъ бессмысленную рутину научнымъ изслѣдованіемъ. Не смотря на нѣкоторое многословіе этой книги, ее можно смѣло рекомендовать всѣмъ, кому приходится имѣть дѣло съ технической стороной французскихъ стиховъ—поэтамъ, актерамъ, декламаторамъ, не говоря уже

объ ученыхъ. Она заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что, благодаря научнымъ приемамъ автора, имѣетъ значеніе для всѣхъ языковъ, слѣдующихъ силлабическому стихосложенію; даже теорія нашей тонической метрики можетъ кое-чѣмъ изъ нея воспользоваться, между прочимъ и декламація нашихъ стиховъ, тайну которой иные полагаютъ въ рыканіи львиномъ и въ уничтоженіи размѣра произвольными разрывами.

Ф. Коршъ.

Premier essai sur la genèse du langage et le mystère antique par P.-L.-F. *Philastrate*, lieutenant de vaisseau, inspecteur des affaires indigènes en Cochinchine (Первый опытъ о происхожденіи языка и о древней тайнѣ, соч. П.-Л.-Ф. *Филастра*, флотскаго лейтенанта, завѣдующаго дѣлами туземцевъ въ Кохинхинѣ). Paris. Leroux. 1879.

Самъ авторъ въ предувѣдомленіи сознается, что эта книга представляетъ une ébauche essentiellement incomplète. Иначе и быть не могло: при болѣе основательномъ изученіи своей задачи онъ едва ли рѣшился бы удивить свѣтъ такимъ произведеніемъ. Объ этой книгѣ не стоило бы и говорить, если бы не было причинъ для опасенія, что она можетъ найти себѣ извѣстный кругъ читателей и подражателей, благодаря своей ученой внѣшности и мистическому направленію, въ которому способны даже представители науки, когда задумаютъ съ размаху нырнуть въ самую суть вещей. Дѣло въ томъ, что почтенный лейтенантъ прибылъ въ Кохинхину, очевидно, безъ всякой философской и лингвистической подготовки, даже безъ знанія классическихъ языковъ, этой необходимой школы языковѣда. Правда, онъ знаетъ нѣсколько языковъ и прочелъ кое-какія книжки—можетъ быть, даже много книжекъ, по задачи и приемы науки ему, какъ и большинству самородковъ и самоучекъ, остались неизвѣстны. За то (чуть ли не на бѣду) онъ привезъ съ собою богатый запасъ любознательности и трудолюбія. На новомъ мѣстѣ дѣятельности его постигла общая судьба всѣхъ людей его степени развитія, столкнувшихся съ древними цивилизаціями Востока: умъ его, пробужденный къ изслѣдованію китайской наукой, пошелъ китайскимъ путемъ, предвѣшавъ въ противоположномъ, невѣдомомъ концѣ его сѣдую древность, сулящую искателю раскрытіе забытыхъ вѣковыхъ тайкъ, и не обращая вниманія на ближайшій, извѣстный копецъ этой соблазнительной дороги, который изобличаетъ ея несостоятельность. Подобные автору

восточно-западные мудрецы видятъ въ избранномъ ими пути только давность, не замѣчая соединенной съ нею устарѣлости, и восторженно разглагольствуя о неслыханныхъ у Европейцевъ научныхъ драгоценностяхъ Востока, предлагаютъ разочарованному читателю вмѣсто астрономіи—астрологію, вмѣсто химіи—алхімію, вмѣсто метафизики—миеологію и т. п.

Ученіе нашего автора заключается въ слѣдующемъ: первоначальнымъ пяти гласнымъ—*e* или *a* (что будто бы одно и то же), *i*, *o*, *u*—соотвѣтствуетъ столько же удареній (стр. 8); такъ, по крайней мѣрѣ, въ китайскомъ языкѣ, который авторъ отождествляетъ съ первоначальною рѣчью рода человѣческаго. Впрочемъ, Китаичамъ извѣстны 8 гласныхъ (считая съ долгими), но за то и 8 удареній (считая съ производными), составляющихъ полную октаву (стр. 9). Однако вѣрнѣе, думаетъ авторъ, — предположить 4 первоначальныхъ ударенія: положительное, недоумѣвательное (*dubitatif*), винословное и восклицательное (стр. 17). „Путемъ разсѣченія словъ до-историческаго первоначальнаго языка человѣка мы приходимъ къ слѣдующей діаграммѣ“: *e* и *u* = разсужденіе, а по однопочкѣ *e* = вопросъ, *a* = увѣренность; *i* = сужденіе, а именно *i* краткое = убѣжденіе, *i* долгое = сомнѣніе и пр. Такъ расписаны всѣ 8 гласныхъ, представляющія вмѣстѣ „законъ ума или идеи“ (стр. 22). Первоначальнымъ гласнымъ соотвѣтствуютъ первоначальные согласныя (также 5): *e*—*n*, *a*—*h* и т. д. (стр. 24). Слѣдуетъ діаграмма этихъ согласныхъ: *n* и *h* = притяженіе, по однопочкѣ *n* = свѣтъ, *h* = движеніе, *s* = тепло, *t* = колебаніе, *k* = электричество, что представляетъ собою „законъ матеріи или силу“ (стр. 25). Гласная „проводитъ понятіе силы къ уму другаго человѣка“ (стр. 26). Правда, гласныхъ больше, чѣмъ согласныхъ; но дѣло въ томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ сложныя: *l* = *n*^h, то-есть, „свѣтъ-движеніе“, *j* = *n*^s, то-есть, „свѣтъ-тепло“ и т. п. (стр. 28 и слѣд.). Удареніе показываетъ отношеніе идеи къ состоянію силы природы, то-есть, различныя причины и слѣдствія (стр. 32). Посредствомъ метафоры значеніе согласныхъ можетъ видоизмѣняться, напримѣръ, „*n* = свѣтъ—опредѣляющая причина; опредѣленіе или конецъ. Солнце“ и пр. (стр. 32—36). Въ перобытномъ языкѣ всѣ слова были односложны и начинались согласною, то-есть, по китайски (стр. 38). Послѣ этой общей части авторъ приступаетъ къ „разбору до-историческихъ текстовъ“ (стр. 43). Это—всѣмъ извѣстныя древніе китайскіе тексты, въ которыхъ авторъ открылъ возможность двоякаго пониманія: эсотерическаго (по вышеизложенному способу) и эксотерическаго (по китайски, то-есть, такъ,

какъ они несомнѣнно писаны). Такъ, jsp значить человекъ; но это позднѣйшее, перенесенное, экзотерическое значеніе, а въ составныхъ частяхъ этого слова скрывается „(e) разсужденіе о (i) кажущемся движеніи солнца вокругъ земли, причина конца видимости мѣсяца (j) и (причина) солнечнаго свѣта (n)“ (стр. 43). Изъ данныхъ, добытыхъ этимъ остроумнымъ методомъ, слѣдуетъ, что наблюденія свои первобытный человекъ производилъ на сѣверномъ полюсѣ (стр. 46). Исторія языка состоитъ въ томъ, что слово, котораго каждый звука имѣлъ свой особый смыслъ, „становится безсвязнымъ шумомъ, имѣющимъ лишь условное значеніе“ (стр. 98). „Первымъ предметомъ умственной дѣятельности человека былъ рядъ дѣйствій солнца на мѣсяцъ, сперва день, потомъ ночь“ (стр. 100). Этимъ обуславливался и первоначальный смыслъ звуковъ человеческого языка; но мало по малу этотъ смыслъ приходилъ въ забвеніе, и тогда является „тайна“, пока еще неумышленная. Однако, въ послѣдствіи языкъ долженъ возвратиться къ своей точкѣ отравленія, признаки чего мы уже находимъ въ новыхъ языкахъ; такъ, французское *quoi* значить по смыслу своихъ составныхъ частей „сомнѣніе, слѣдствіе соображенія и наблюденія надъ силой“ (стр. 119). Изъ открытія автора должны вытекать важныя слѣдствія, общія для наукъ физическихъ, метафизики, „того, что отнынѣ придется изучать одновременно съ физикой“, и исторіи (стр. 134). Какъ и другіе мыслители-фантасты, онъ знаетъ кое-что о „дальнѣйшей судьбѣ человечества, именно послѣднюю фазу его развитія, находящуюся, конечно, въ тѣсной связи съ домыслами скромнаго автора: „законы слова“, говоритъ онъ, — „рѣшаютъ вѣчный (?) споръ между духомъ и матеріей“, и далѣе: „они освѣщаютъ зорю новой и послѣдней поры земной жизни человека“ (стр. 136): Древнѣйшей исторіи человека посвящена особая глава (стр. 137 и слѣд.). Сущность ея заключается въ слѣдующемъ: Человекъ жилъ первоначально на сѣверномъ полюсѣ и питался плодами или зёрнами. Произошелъ онъ несомнѣнно отъ одной пары. Первый періодъ его духовнаго существованія характеризуется астрономическимъ созерцаніемъ; сюда относятся преданія разныхъ народовъ о раѣ. Языкъ, отражавшій въ началѣ это астрономическое созерцаніе, съ усложненіемъ жизни началъ приспосабливаться къ ея потребностямъ, что повело къ затемнѣнію первоначальной прозрачности словъ и потому къ началу „тайны“: „съ этихъ поръ слово, вѣрованія, дѣятельности человека превращаются въ громадный *quirquo*, которое должно длиться въ теченіе вѣковъ“. Но и въ то время еще были люди, знавшіе персона-

чальный смыслъ языка, и вотъ они воспользовались своимъ знаніемъ для того, чтобы возвыситься надъ не знающими, а для болѣе успѣшнаго норабощенія толпы они уже умысленно скрыли истину. Это вторая ступень въ образованіи „тайны“, горшая первой, такъ какъ она была плодомъ сознательной хитрости. Память объ этомъ окончательно забвеніи истины сохранилась въ сказаніи о вавилонскомъ столпотвореніи. Отсюда и грѣхонаденіе, состоящее именно въ утратѣ естественнаго откровенія. Далѣе, авторъ излагаетъ исторію „древней тайны“ по китайскимъ источникамъ, которые онъ признаетъ лучшими находя, впрочемъ, нѣкоторые слѣды „тайны“ и въ цалійской письменности буддистовъ.

Таково вкратцѣ содержаніе этой странной книги въ 248 страницъ.

Въ нашей литературѣ извѣстенъ другой лейтенантъ, разсуждающій о языкахъ, — Балтазаръ Балтазаровичъ Жевакинъ; хоть онъ не зналъ по китайски и не помышлялъ ни о началѣ, ни о концѣ исторіи челоуѣчества, тѣмъ не менѣе, указывая на рюмку или дѣлая губами „пафъ, пафъ“, онъ неожиданно для самого себя подошелъ къ происхожденію языка гораздо ближе, чѣмъ его французскій собратъ.

Ф. Коршъ.

Замѣтка.

Въ концѣ своей статьи „О жизни и трудахъ Симеона Метафраста“ (Ж. М. Н. Пр., декабрь 1880 года, стр. 436) В. Г. Васильевскій сообщаетъ свидѣтельство Іоанна Антиохійскаго о Симеонѣ. Считаю не лишнимъ привести здѣсь еще разъ это свидѣтельство со всѣми вариантами; приэтомъ обозначаю рукопись преосв. Порфирія буквой А, а рукопись—Парижскую буквой В.

„Въ четвертомъ году царствованія Василя Николай Хрисовергъ¹⁾ былъ поставленъ патріархомъ Константинопольскимъ. Онъ оставался имъ двѣнадцать лѣтъ и умеръ. И въ это время былъ (или „сталъ“) извѣстенъ Симонъ²⁾, секретарь, логоветъ³⁾, который составилъ сказанія о святыхъ и ихъ праздникахъ...“

¹⁾ Б пропускаетъ последнее имя; А передаетъ его такъ: Х-р-су-б-р-х с.

²⁾ А пишетъ «Симунъ», В—«Симанъ» или Сим-н.

³⁾ А—«л-г-витъ», В—«лугутатисъ». Первая форма обыкновенно употребляется Арабами для передачи этого хорошо имъ извѣстнаго византійскаго титула; см., напримеръ, у Варуци, изданіе *Saga*, стр. 289, послѣдняя строка арабскаго текста.

Что касается разногласія между Іоанномъ Антиохійскимъ, продолжателемъ Евтихіа, и Муральтомъ относительно времени назначенія Николая Хрисоверга патриархомъ, то оно въ известной степени объясняется слѣдующимъ образомъ:

Іоаннъ Антиохійскій сообщаетъ намъ (л. 54b рукописи преосвящ. Порфирія), что „въ двадцать-первомъ году царствованія Василия, въ день Пасхи, двѣнадцатаго Нисана тысяча триста седьмого года (Селевкидской эры, то-есть, 12-го апрѣля 996 года по Р. Хр.), Сисинній магистръ былъ поставленъ патриархомъ Константинопольскимъ. Престолъ патриаршій до его назначенія, оставался незанятымъ четыре года, потому что царь былъ слишкомъ занятъ войною въ Болгаріи. Сисинній патриаршилъ два года и четыре мѣсяца и умеръ“. Вотъ эти-то четыре года, въ теченіе которыхъ церковь Константинопольская не имѣла патриарха, отмѣчаются также у Кедрина, только они относятся имъ къ другому времени. По его словамъ (изд. Боннское, II, 434, строка 18), это было до назначенія Николая Хрисоверга, а не до назначенія Сисиннія, какъ говоритъ Іоаннъ Антиохійскій. Кто изъ нихъ правъ — сказать пока трудно, тѣмъ болѣе, что это далеко не единственный случай разногласія между Іоанномъ и византійскими историками. Но объ этомъ я здѣсь не буду распространяться.

Баронъ Викторъ Розенъ.

ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ Н. Н. Страхова, помѣщенной въ январской книжкѣ, вкрались слѣдующія опечатки:

Стран.	Стр.	Напечатано:	Должно быть:
85	11	сверху	сознательно
—	13	»	покидать
104	3	снизу	къ
113	7	»	значеніе
115	1	»	И. Страховъ.

ОТЧЕТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ И ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЯМЪ ЗА 1880 ГОДЪ ¹⁾.

Истекающій годъ отмѣченъ для насъ нѣсколькими тяжкими утратами.

Изъ самой среды Академіи похищенъ смертью одинъ изъ наиболѣе заслуженныхъ русскихъ ученыхъ, ординарный академикъ по части технологіи и химіи, примѣненной къ искусствамъ и ремесламъ, Николай Николаевичъ Зининъ. Съ этимъ именемъ связано представленіе объ ученомъ, который не только существенно двигалъ впередъ науку своими собственными изысканіями, но и оказалъ ей огромную услугу какъ наставникъ и руководитель многихъ изъ числа русскихъ ученыхъ, съ честью трудящихся въ настоящее время надъ развитіемъ химіи. Воспоминанію о Зининѣ и ближайшей оцѣнкѣ его дѣятельности и значенія въ наукѣ посвятили особую статью наши сочленъ А. М. Бутлеровъ и профессоръ А. Бородинъ, бывшіе ученики покойнаго и стоявшіе къ нему въ особенно близкихъ отношеніяхъ. Этотъ біографическій очеркъ былъ читанъ въ одномъ изъ нашихъ засѣданій и затѣмъ появился на страницахъ нашихъ Записокъ ²⁾.

Другая утрата, постигшая Академію, коснулась ея математическаго разряда: 3-го сентября скончался, на 96 году отъ рожденія, экстра-

¹⁾ Составленъ непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ К. С. Веселовскимъ, и читанъ въ публичномъ засѣданіи академіи 29-го декабря 1880 года.

²⁾ Читанъ 13-го мая, напечатанъ въ *Запискахъ Академіи*, XXXVII, 1.

ординарный академикъ Дмитрій Матѣевичъ Перевощиковъ. Чтобы правдиво изобразить столь долгую жизнь, посвященную наукѣ, нужно было бы, при пособіи специальныхъ познаній, вѣдаться во многія подробности, которыя едва ли бы уложились въ рамки нашего отчета. Будемъ надѣяться, что между русскими математиками, почитателями заслугъ Перевощикова, найдется компетентный біографъ, который воздастъ должное какъ многолѣтней и разнообразной дѣятельности покойнаго по Московскому университету, такъ и ученымъ трудамъ, открывшимъ ему двери Академіи, а равно и вышедшимъ изъ-подъ его пера въ бытность его академикомъ.

Еще одна чувствительная потеря уменьшила составъ нашего историко-филологическаго отдѣленія, и безъ того немногочисленный: 22-го августа сошелъ въ могилу, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, ординарный академикъ по части грузинскаго и армянскаго языковъ и словесности, Марій Ивановичъ Броссе. Въ лицѣ его ученый міръ лишился дѣятеля, стяжавшаго себѣ весьма почетное мѣсто среди ориенталистовъ нашего времени. Громкою извѣстностію, какою пользовалось его имя въ Россіи и за границей, онъ былъ обязанъ своей неутомимой любви къ труду, своей глубокой преданности долгу совѣсти, своей неуклонной сосредоточенности на однажды избранномъ предметѣ. Чуждаясь всякихъ развлеченій и искренне держась правила, что званіе академика налагаетъ нравственную обязанность посвящать все свое время нераздѣльно наукѣ, Броссе обогатилъ избранную имъ область знанія такимъ множествомъ обширныхъ и разнообразныхъ трудовъ, которое можетъ показаться, по истинѣ, изумительнымъ. И какіе бы успѣхи ни сдѣлало впослѣдствіи изученіе грузинской и армянской исторіи, имѣющей столь много существенныхъ пунктовъ сопряженія съ нашею отечественною исторіей, можно смѣло сказать, что труды Броссе по этой части будутъ всегда полезны даже позднѣйшимъ изслѣдованіямъ на этомъ поприщѣ.

Долгъ уваженія къ памяти покойнаго, болѣе сорока лѣтъ трудившагося въ нашей средѣ къ чести и пользѣ нашего учрежденія, побуждаетъ насъ представить благосклонному вниманію вашему, милостивые государи, краткій очеркъ его жизни и учено-литературной дѣятельности.

Марій Ивановичъ Броссе родился въ Парижѣ 5-го (17-го) февраля 1802 года. Сынъ небогатыхъ родителей, онъ съ дѣтства предназначался къ духовному поприщу и прослушалъ полный курсъ богословія сначала въ орлеанской, а затѣмъ въ двухъ парижскихъ семинаріяхъ.

Однако когда пришла минута сдѣлать рѣшительный шагъ, молодой человѣкъ отказался отъ принятія духовнаго званія, къ которому не чувствовалъ себя призваннымъ, и рѣшился серьезно заняться восточной филологіей, въ которой получилъ влеченіе еще въ школь, при изученіи начатковъ еврейскаго и арабскаго языковъ. Руководителями его въ этихъ занятіяхъ были извѣстные французскіе спеціалисты того времени: Абель Ремюза, Сенъ-Мартенъ, эллинистъ Газе, и другіе. Послѣ пятилѣтняго изученія китайскаго языка и словесности, по части которыхъ было даже издано имъ нѣсколько записокъ, Марій Ивановичъ оставилъ синологію и обратился къ грузинской и армянской литературѣ, заинтересовавшись ими вслѣдствіе того, что изученіе первой было въ ту пору едва только начато въ Европѣ, а вторая оставалась совершенно незатронутою изслѣдователями. Незадолго предъ тѣмъ основанное Парижское Азіатское общество не замедлило открыть страницы своего журнала для статей юнаго ученаго, относившихся до Закавказскаго края. Завлекаясь все болѣе и болѣе своимъ предметомъ, Броссе вскорѣ ощутилъ необходимость, для успѣшной его разработки, познакомиться съ русскимъ и персидскимъ языками, какъ языками тѣхъ народовъ, которые играли важную роль въ исторической судьбѣ Грузіи и Арменіи. Однако, по совѣту знаменитаго Сильвестра де-Саси, принимавшаго въ Маріи Ивановичѣ живое участіе, изученіе втораго изъ этихъ языковъ не пошло у него далѣе первоначальнаго ознакомленія съ нимъ, такъ какъ для болѣе полнаго его разумѣнія требовалось основательное знакомство съ языкомъ арабскимъ.

Мало по малу имя Броссе, благодаря его трудамъ, получило извѣстность въ кругу французскихъ ориенталистовъ, и наконецъ, обратило на себя вниманіе правительства Карла X, которое, по представленію С. де-Саси, предположило отправить Марію Ивановича въ Грузію и Арменію, для археологическихъ изслѣдованій. Но вспыхнувшая въ 1830 году революція не позволила этому предпріятію осуществиться. Іюльская катастрофа и сопровождавшія ее смуты и перемѣны тяжело отозвались на судьбѣ Броссе, остановили его ученныя занятія и едва не лишили его даже тѣхъ скудныхъ средствъ къ существованію, которыми онъ пользовался. Но ревностный труженикъ не упалъ духомъ, и когда политическій горизонтъ прояснился, принялся съ прежнимъ жаромъ за свои работы. Вскорѣ затѣмъ счастье, какъ бы желая вознаградить Броссе за недавно испытанныя имъ лишенія, открыло для его дѣятельности широкое и благодатное поприще. Нашъ

незабвенный президентъ, графъ С. С. Уваровъ, заботясь объ оживленіи въ Россіи изученія исторіи и языковъ Востока и съ этою цѣлью стараясь усилить оріентальный разрядъ Академіи, приискивалъ лицо, достойное занять въ ней мѣсто представителя по языкамъ и словесности Закавказья. Онъ обратился за совѣтомъ къ С. де-Саси, который, близко зная способности, добросовѣстность и трудолюбіе Марія Ивановича, не усомнился указать на него Уварову, какъ на ученаго, могущаго быть полезнымъ на означенномъ мѣстѣ. Рекомендація знаменитаго оріенталиста была поддержана не менѣе извѣстнымъ спеціалистомъ, академикомъ Френомъ, вслѣдствіе чего Броссе, тридцати-четырехъ лѣтъ отъ роду, былъ избранъ въ адъюнкты нашей Академіи и въ 1837 году переселился въ Россію.

Здѣсь передъ нимъ открылось обширное, почти не воздѣланное поле изслѣдованій, разработка котораго сдѣлалась задачею всей остальной его жизни. Сокровища, найденныя имъ въ нашемъ Азіатскомъ музеѣ, въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и въ другихъ архивахъ и библіотекахъ, а въ особенности собранныя имъ во время археологическаго путешествія въ 1848 году на Кавказѣ, доставили обильный матеріалъ для его ученой пытливости и неутомимаго трудолюбія; пользуясь ими, онъ успѣлъ познакомить ученый міръ съ одною изъ любопытныхъ и малозвѣстныхъ окраинъ нашего отечества и чрезъ то приобрѣлъ право считаться основателемъ грузинской и армянской исторіи и археологіи. Число изданныхъ имъ, болѣе или менѣе обширныхъ, сочиненій простирается до 237¹⁾. Изъ нихъ могутъ быть упомянуты какъ важнѣйшія: географическое описаніе Грузіи царевича Вахушта, снабженное переводомъ и комментаріями; обширный, обнимающій собою болѣе 3800 печатныхъ страницъ, сборникъ грузинскихъ лѣтописцевъ; подобный же сборникъ историковъ и лѣтописцевъ Арменіи; изслѣдованіе о грузинскомъ и армянскомъ лѣтосчисленіи; описаніе развалинъ Ави, главнаго города Арменіи подъ владычествомъ династіи Багратидовъ, и многія другія. Не осталось ни одной отрасли изслѣдованій, относящихся до Закавказскаго края, которая не была бы затронута нашимъ сочленомъ: политическая исторія, языкованіе, древніе литературные и юридическіе памятники, пумизматика, этнографія, современная словесность Арменіи и Грузіи— все останавливало на себѣ вниманіе на-

¹⁾ Полный ихъ списокъ напечатанъ въ приложеніи къ тому XXVI *Бюллетеню Академіи*.

шего сочлена и, благодаря ему, дѣлалось достойнѣмъ ученаго міра. Но любовь покойнаго къ избранной имъ отрасли науки выражалась не одними собственными его трудами, а также тѣмъ постояннымъ вниманіемъ и содѣйствіемъ, какія находили въ немъ, при своихъ работахъ, другіе изслѣдователи по той же части.

Достигнувъ преклоннаго возраста и пользуясь всеобщимъ уваженіемъ какъ за свои ученые заслуги, такъ и за свойства своего благороднаго характера, Марій Ивановичъ не переставалъ принимать дѣятельное участіе въ нашихъ занятіяхъ и обдумывалъ новые кабинетные труды до тѣхъ поръ, пока тяжелая болѣзнь, начавшаяся два года тому назадъ, не побудила его отправиться въ заграничный отпускъ. Думая найти облегченіе отъ недуга подъ благодатнымъ небомъ своей родины, онъ поселился въ Шательро, близъ Пуатье, въ южной Франціи; но вмѣсто того нашелъ тамъ могилу. Умирая вдали отъ горячо любимой имъ Россіи, онъ, какъ лишь немногіе имѣлъ право сказать о себѣ, что имъ совершенно здѣсь, на землѣ, все, къ чему обязывали его долгъ ученаго и честь учрежденія, къ которому онъ принадлежалъ.

Изъ списка внѣшнихъ членовъ Академіи, смерть исхитила нѣсколько громкихъ и уважаемыхъ именъ. Между почетными членами не стало генерала-отъ-инфантеріи барона Вильгельма Карловича Ливепа ¹⁾ и бывшаго министра путей сообщенія, инженеръ-генералъ-лейтенанта Павла Петровича Мельникова ²⁾. Въ ряду членовъ-корреспондентовъ скончались: тайный совѣтникъ Александръ Абрамовичъ Воскресенскій ³⁾, оказавшій своею ученою и педагогическою дѣятельностью существенныя услуги успѣхамъ химіи въ Россіи; директоръ сперва Алътонской, а затѣмъ Кильской обсерваторіи Петерсъ ⁴⁾, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ астрономовъ, бывшій нѣсколько лѣтъ выдающимся дѣятелемъ Пулковской обсерваторіи и въ теченіе семи лѣтъ принадлежавшій къ нашему составу, сперва въ званіи адъюнкта, а затѣмъ экстраординарнаго академика; знаменитый Парижскій геометръ Шаль ⁵⁾; членъ Берлинской академіи наукъ Борхардъ ⁶⁾, редак-

¹⁾ Скончался 2-го февраля, въ С.-Петербургѣ.

²⁾ Скончался 22-го іюля близъ станціи Любани, на Московскои желѣзной дорогѣ.

³⁾ Скончался 21-го января, въ С.-Петербургѣ.

⁴⁾ Скончался 8-го мая н. ст., въ Киль.

⁵⁾ Скончался 18-го декабря н. ст., въ Парижѣ.

⁶⁾ Скончался 27-го іюня н. ст., въ Берлинѣ.

торъ весьма распространеннаго и уважаемаго математическаго журнала, внесшій въ свою науку много блестящихъ и важныхъ открытій; известный англійскій минералогъ Миллеръ ¹⁾, и наконецъ, Эдуардъ Грубе, профессоръ въ Бреславлѣ ²⁾, авторъ многочисленныхъ и превосходныхъ трудовъ по зоологii кольчатыхъ и вообще безпозвоночныхъ животныхъ.

Обращаясь къ занятіямъ Академіи за истекшій годъ, представимъ прежде всего краткій обзоръ предпріятій, имѣвшихъ цѣлью, путемъ снаряженія ученыхъ экспедицій, обогатить запасъ данныхъ для познанія Россіи въ различныхъ отношеніяхъ.

Вновь присоединенная къ имперіи Карская область, по малой доступности ея при турецкомъ владычествѣ, была до сихъ поръ изслѣдована лишь отрывочно и недостаточно, особенно въ зоологическомъ отношеніи; а между тѣмъ эта страна, благодаря своему южному положенію и топографическимъ свойствамъ, заключаетъ въ себѣ весьма богатую и разнообразную фауну. Въ виду этого, А. Θ. Брандтъ, ученый хранитель зоологическаго музея Академіи, а нынѣ профессоръ въ Харьковѣ, объѣхалъ названную область, произвелъ тамъ не мало интересныхъ наблюденій и собралъ большую коллекцію рыбъ, насекомыхъ и низшихъ животныхъ. Научная разработка этихъ коллекцій хотя еще далеко неокончена, однако уже и теперь доставила для науки много новаго. Согласно плану экспедиціи, г. Брандтъ, какъ видно изъ предварительнаго отчета о ней, напечатаннаго въ нашихъ Запискахъ ³⁾, изучалъ преимущественно озера, собиралъ на нихъ животныхъ изъ различной глубины, а также изслѣдовалъ внѣшнія условія ихъ жизни. Часть своего времени онъ посвятилъ лежавшему на его пути обширнѣйшему прѣсноводному бассейну Закавказья, озеру Гокча, а въ самой Карской области сосредоточилъ свои наблюденія на крупнѣйшемъ изъ тамошнихъ озеръ, Чалдырѣ. Изъ этихъ изслѣдованій вытекаетъ, между прочимъ, весьма любопытный результатъ сравненія обоихъ озеръ. То и другое расположены въ нагорной Арменіи, въ совершенно сходныхъ мѣстностяхъ, приблизительно на одинаковой высотѣ и, по своимъ истокамъ, принадлежатъ къ системѣ Аракса. Но первое изъ нихъ обширно, глубоко и отличается хрустальною прозрачностью воды, тогда какъ второе, наоборотъ, сравни-

¹⁾ Умеръ 20-го мая, въ Кембриджѣ.

²⁾ Умеръ 11-го іюня н. ст., въ Бреславлѣ.

³⁾ Читанъ 15-го января, напечатанъ въ *Запискахъ Академіи*, XXXVI, 362.

тельно не велико, очень мелко и имѣетъ весьма мутную воду. Однако, не смотря на явные преимущества Гокча передъ Чалдыремъ, послѣдній оказался въ четыре раза богаче перваго по числу видовъ рыбъ; за то, относительно разнообразія низшихъ животныхъ, преимущество остается на сторонѣ Гокча, хотя и въ Чалдырѣ оказались формы ему одному свойственныя. Значеніе коллекцій, составленныхъ въ этой экспедиціи, увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ разработкѣ различныхъ ея частей съ большою готовностью приняли участіе извѣстнѣйшіе спеціалисты. Изъ этихъ трудовъ мы уже имѣли удовольствіе напечатать статью берлинскаго профессора Мартенса о собранныхъ г. Брандтомъ моллюскахъ ¹⁾ и записку г. Фореля, профессора въ Лозаннѣ, объ образцахъ ила, добытыхъ со дна озеръ Арменіи и устанавливающихъ, по отношенію группировки діатомаций, весьма тѣсную аналогію между этими озерами и озерами Альпійскими ²⁾.

Другое путешествіе, совершенное по порученію Академіи въ нѣкоторыя части бывшей турецкой Арменіи, имѣло цѣлью изучить этотъ край въ интересахъ исторіи, археологіи и этнографіи. Оно было исполнено извѣстнымъ знатокомъ армянскихъ и грузинскихъ древностей, нашимъ членомъ-корреспондентомъ Д. З. Бакрадзе. Богатый запасъ собранныхъ имъ наблюденій и документовъ, безъ сомнѣнія, придастъ большую цѣну общему отчету объ его поѣздкѣ, который мы отъ него ожидаемъ ³⁾.

Въ числѣ задачъ вновь учрежденнаго при Академіи антропологическаго и этнографическаго музея, входитъ, какъ одна изъ главныхъ, составленіе по возможности полной коллекціи остатковъ каменнаго вѣка въ Россіи. Въ той увѣренности, что наше отечество не менѣе богато подобными предметами, какъ и западная Европа, Академія поручила ученому хранителю своего зоологическаго музея И. С. Полякову объѣхать нѣкоторыя мѣстности въ долинахъ Волги и Оки, гдѣ, по предположенію, еще въ изобиліи должны сохраниться памятники доисторической древности, а также посѣтить пещеры Урала, еще не изслѣдованныя въ этомъ отношеніи. Молодой ученый въ полной мѣрѣ оправдалъ ожиданія Академіи: собранные имъ предметы каменнаго вѣка и кости животныхъ, окружавшихъ человѣка въ тотъ отда-

¹⁾ Читана 15-го января, напечатана въ *Bulletin*, XXVI, 142.

²⁾ Читана 13-го мая, напечатана въ *Bulletin*, XXVI, 571.

³⁾ Предварительныя извѣстія о результатахъ этой поѣздки сообщены Академіи 4-го марта и напечатаны въ *Запискахъ Академіи*, XXXVII, 47.

ленный отъ насъ періодъ времени, проливаютъ новый свѣтъ на разные вопросы доисторической археологіи. Результатомъ этого путешествія было, сверхъ того, обогащеніе нашего зоологическаго музея многими цѣнными матеріалами для познанія современной фауны нашего отечества. Любопытный отчетъ г. Полякова объ его поѣздкѣ вошелъ въ составъ одной изъ послѣднихъ книжекъ Записокъ Академіи ¹⁾.

Заведя рѣчь о путешествіяхъ, не можемъ умолчать о ходѣ работъ академика Л. И. Шренка по описанію Амурскаго края, посѣщеннаго и изученнаго имъ еще тогда, когда эта страна только что стала, шагъ за шагомъ, поступать подъ русское владычество. Въ настоящемъ году г. Шренкъ началъ печатаніе этнографической части этого обширнаго сочиненія, содержащей въ себѣ географически-историческія и антрополого-этнологическія изысканія ²⁾. Разсматривая распространеніе и распредѣленіе всѣхъ инородческихъ племенъ въ Приамурьѣ, авторъ указываетъ, что этотъ край, если причислить къ нему и островъ Сахалинъ, заселенъ тремя народами, совершенно различными между собою какъ по языку, такъ и по происхожденію, а именно Гиляками, Айнами и разными тунгусскими племенами; но первые два занимаютъ лишь небольшія пространства на крайнемъ сѣверо-востокѣ и юго-востокѣ, тогда какъ тунгусскія племена разсѣяны по всему краю. Здѣсь, по мнѣнію г. Шренка, настоящая ихъ родина, изъ которой они разсѣялись во всѣ стороны, до Енисея, Ледовитаго моря и Камчатки. Всѣ эти племена, равно какъ Гиляки и Айны, подробно разсмотрѣны авторомъ, причемъ указано и на распространеніе среди туземнаго населенія пришлыхъ элементовъ—Китайцевъ на материкѣ и Японцевъ на Сахалинѣ,—вліяніе которыхъ на жизнь и обычаи мѣстнаго населенія проявляется во многихъ отношеніяхъ. Впрочемъ, въ Амурскомъ край, подобно тому какъ и въ Сибири, неоднократно происходило передвиженіе племенъ, въ чемъ убѣждаютъ отчасти сличеніе свѣдѣній объ этомъ край, встрѣчающихся въ русскихъ, китайскихъ и японскихъ источникахъ, а отчасти разборъ словъ и нарѣчій, употребляемыхъ инородцами между собою и отчасти перешедшихъ, въ искаженномъ видѣ, къ Китайцамъ, Японцамъ и Русскимъ. Опредѣленіе взаимнаго племеннаго родства или различія амурскихъ племенъ посредствомъ сравненія ихъ физическихъ свойствъ, а также ихъ

¹⁾ Читанъ 29-го января, напечатанъ въ приложеніи къ тому XXXVII Записокъ Академіи.

²⁾ Представлено Академіи 30-го сентября.

языковъ и нарѣчій составляетъ предметъ втораго отдѣла книги. Не будучи лингвистомъ, г. Шренкъ входитъ въ обсужденіе преимущественно первой стороны этого вопроса, предоставляя затѣмъ окончательное его рѣшеніе лингвистикѣ. Изученіе череповъ амурскихъ инородцевъ, остававшихся до сихъ поръ почти совершенно неизслѣдованными, и разсмотрѣніе строенія и типическихъ чертъ ихъ лица, привели автора къ тому заключенію, что Гиляки и Айны сравнительно съ тунгусскими и другими сибирскими народами, имѣютъ большую своеобразность, но вмѣстѣ съ тѣмъ носятъ на себѣ слѣды продолжительнаго смѣшенія съ ними. Въ отношеніи же языка, они рѣзко разграничены, и каждый изъ нихъ стоитъ совершенно особнякомъ. И это, какъ утверждаетъ нашъ сочленъ, не единственный случай въ этомъ родѣ: по всему сѣверо-восточному берегу Сибири тянется цѣлый рядъ такихъ, по языку совершенно различныхъ одинъ отъ другаго, народовъ; то же самое замѣчается и на противоположномъ берегу Берингова моря. Всѣ они, за исключеніемъ Эскимосовъ, успѣвшихъ распространиться по всему сѣверу Америки, занимаютъ теперь лишь небольшія пространства по краямъ материковъ и съ видимою быстротою вымираютъ. Поэтому невольно рождается мысль, что это—лишь остатки прежнихъ народовъ Сѣверной Азіи, занимавшихъ нѣкогда болѣе или менѣе обширныя части материка, но потомъ вытѣсненныхъ другими, подвигавшимися за ними народами, и, наконецъ, прижатыхъ къ морю или переброшенныхъ изъ Азіи на сосѣдніе берега Америки. Въ виду затрудненій, встрѣчаемыхъ этнографами при классификаціи племенъ именно этихъ народностей, и въ замѣнъ неудачно придуманныхъ для нихъ нынѣшнихъ названій, каковы народы „арктическіе“, „гиперборейскіе“, г. Шренкъ соединяетъ ихъ въ болѣе естественную группу, подъ названіемъ „древне-азіатскихъ“, или „пале-азіатскихъ“ народовъ, на томъ основаніи, что они представляютъ собою, такъ сказать, обнаруженные на краю материка выходы пластовъ древней этнографической формаціи, поверхъ которой отложилась формація нынѣшнихъ народовъ Средней Азіи. Для наглядности этихъ любопытныхъ заключеній, къ книгѣ г. Шренка будетъ приложенъ альбомъ, содержащій въ себѣ этнографическую карту Амурскаго края, и рядъ рисунковъ, на которыхъ изображены типы лицъ и черепа разсмотрѣнныхъ имъ племенъ.

Академическіе труды, то-есть, такіе, которыми вносятся что-либо новое въ сокровищницу человѣческихъ знаній, относились и въ нынѣшнемъ году ко многимъ и разнообразнымъ, опредѣляющимъ кругъ дѣя-

тельности Академіи, очерченный ея уставомъ. Во главѣ ихъ стоитъ—наука по преимуществу—математика, съ которой мы и начнемъ настоящій годичный обзоръ.

Нашъ многоуважаемый вице-президентъ В. Я. Буняковскій читалъ записку ¹⁾, къ составленію которой далъ ему поводъ мемуаръ объ одной формулѣ Эйлера, недавно изданный французскимъ математикомъ Эрмитомъ и относящейся къ нѣкоторому вопросу интегральнаго исчисленія, полное рѣшеніе коего было предложено г. Буняковскимъ еще 17 лѣтъ тому назадъ.

Сверхъ того, продолжая заниматься приложеніемъ теоріи вѣроятностей къ рѣшенію антропобіологическихъ вопросовъ, онъ далъ таблицы для относительной числительности равновозрастныхъ составовъ мужскаго и женскаго населенія Россіи ²⁾.

Извѣстныя ученому міру, остроумныя изслѣдованія академика П. Л. Чебышева о функціяхъ, служащихъ для интерполированій и приближенныхъ вычисленій, получили новое приращеніе въ запискѣ ³⁾ о функціяхъ, мало удаляющихся отъ нуля при нѣкоторыхъ величинахъ переменнѣй, гдѣ предложено рѣшеніе двухъ новыхъ вопросовъ, относящихся до этихъ функцій.

Адъюнктъ Н. Н. Алексѣевъ представилъ Академіи записку о подходящихъ дробяхъ, получаемыхъ при извлеченіи квадратнаго корня изъ цѣлаго многочлена какой-либо степени ⁴⁾. Сообщение объ этомъ предметѣ было первоначально сдѣлано авторомъ въ 1879 г. Парижскому математическому обществу, причемъ имъ было указано на предложеніе подходящихъ дробей къ извлеченію квадратныхъ корней изъ чиселъ. Излагая этотъ способъ, нашъ сочленъ пришелъ къ мысли о примѣнимости его къ извлеченію квадратныхъ корней и изъ многочленовъ, а, слѣдовательно, къ рѣшенію тѣхъ вопросовъ анализа, которые связаны съ извлеченіемъ квадратнаго корня изъ многочлена. Таковъ вопросъ интегрированія ирраціональностей второй степени. Въ новомъ своемъ мемуарѣ, г. Алексѣевъ нѣсколько обобщаетъ тѣ подходящія дроби, которыя были имъ употреблены въ прежнемъ трудѣ, доказываетъ, что только при особыхъ значеніяхъ переменнѣй подходящія дроби теряютъ свое свойство выражать квадратный ко-

¹⁾ Читанъ 13-го мая; напечатанъ въ *Bulletin*, XXVI, 188.

²⁾ Читанъ 30-го сентября; напечатанъ въ *Запискахъ Академіи*, XXXVII, 77.

³⁾ Читанъ 23-го декабря; будетъ напечатанъ въ *Запискахъ Академіи*.

⁴⁾ Читанъ 11-го ноября; появится въ *Запискахъ Академіи*.

рень изъ многочлена съ желаемою точностію, даетъ особые приемы для вычисленія числителя и знаменателя подходящихъ дробей, аналогичные тѣмъ, какіе даются для вычисленія подходящихъ дробей при употребленіи дробей непрерывныхъ, и, наконецъ, прилагаетъ свои выводы къ доказательству нѣкоторыхъ геометрическихъ теоремъ. Въ другой своей запискѣ, г. Алексѣевъ предложилъ весьма простой способъ для нахождения полныхъ интеграловъ уравненій перваго порядка съ постоянными коэффициентами и показываетъ, что всѣ эти интегралы опредѣляются безъ помощи интегрированія, а просто чрезъ исключеніе всѣхъ производныхъ изъ достаточнаго числа уравненій ¹⁾.

Изъ трудовъ постороннихъ ученыхъ въ нашихъ изданіяхъ, мы можемъ отмѣтить любопытную записку нашего члена корреспондента, генералъ-лейтенанта Н. В. Маіевскаго. Въ послѣднее время, въ очертаніи овальной части артиллерійскихъ снарядовъ сдѣланы значительныя измѣненія, вслѣдствіе которыхъ сопротивленіе воздуха полету этихъ снарядовъ не можетъ быть болѣе вычисляемо по прежде найденнымъ формуламъ. Этотъ пробѣлъ пополненъ г. Маіевскимъ, который, на основаніи опытовъ, произведенныхъ надъ снарядами новой формы на извѣстномъ сталолитейномъ заводѣ Круппа, нашелъ законъ сопротивленія воздуха при такихъ снарядахъ ²⁾.

Наконецъ, отечественные математики прочтутъ съ интересомъ записку г. Поссе объ одномъ вопросѣ о наименьшихъ величинахъ ³⁾.

Отъ математики всего естественнѣе будетъ перейти къ той части астрономіи, которая, опираясь на законы всеобщаго тяготѣнія, чисто математическими приемами объясняетъ и предсказываетъ явленія небесныхъ тѣлъ. Укажемъ здѣсь на двѣ замѣчательныя работы въ области небесной механики: адъютантъ-астрономъ Пулковской обсерваторіи г. Баклундъ сообщилъ намъ результаты изысканій, произведенныхъ имъ, на основаніи теоріи Гильдена, надъ абсолютными возмущеніями кометы Энке подъ вліяніемъ Юпитера въ той части ея орбиты, въ которой она наиболѣе приближается къ этой мощной планетѣ ⁴⁾. Восемилѣтній трудъ г. Баклунда заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что самое свойство задачи подало изслѣдователю поводъ усовершенствовать и развитъ во многихъ частностяхъ самую теорію

¹⁾ Читанъ 6-го сентября; напечатанъ въ *Bulletin*, XXVII.

²⁾ Читанъ 16-го сентября; напечатанъ въ *Bulletin*, XXXII.

³⁾ Читанъ 14-го октября; напечатанъ въ *Запискахъ Академіи*.

⁴⁾ Читанъ 2-го сентября; нынѣ печатается въ *Мемуарахъ Академіи*.

возмущеній. Новый взглядъ на задачу, возникшій у автора во время его занятій этою работою, и общающій самыя плодотворныя послѣдствія, побудилъ его изложить его идеи въ другой, представленной имъ запискѣ¹⁾, въ которой онъ, сверхъ того, подтверждаетъ удобопримѣняемость этихъ идей числовыми данными. Такимъ образомъ, г. Баклунду удалось настолько упростить теорію, что отнынѣ всякій, имѣющій лишь общее знакомство съ математическимъ анализомъ, можетъ успѣшно заниматься строжайшимъ вычисленіемъ абсолютныхъ возмущеній, которое до сихъ поръ было доступно только для немногихъ избранныхъ, обладающихъ глубокими познаніями въ высшей математикѣ.

Въ близкой связи съ этими трудами находится записка преподавателя Екатеринодарской гимназій г. Веребрюсова о вѣковыхъ возмущеніяхъ большой полуоси третьяго порядка относительно массъ²⁾. Она посвящена рѣшенію одной изъ самыхъ трудныхъ задачъ тяготѣнія, бывшихъ предметомъ знаменитыхъ трудовъ Лапласа, Лагранжа и Пуассона. Эта задача находится въ связи съ вопросомъ о постоянствѣ нашей солнечной системы, который эти корифеи науки, исходя отъ извѣстныхъ предположеній и ограничиваясь первыми двумя степенями массъ, рѣшали въ утвердительномъ смыслѣ. Въ первоначальной, представленной намъ редакціи своего труда г. Веребрюсовъ, принимая въ расчетъ и третьи степени массъ, приходилъ къ заключенію о необходимости допустить вѣковыя возмущенія большихъ осей и такимъ образомъ высказывался какъ бы противъ общепринятаго нынѣ постоянства солнечной системы. Необычайность этого вывода и своеобразность вычисленій г. Веребрюсова настолько заинтересовали г. Баклунда, что онъ прослѣдилъ шагъ за шагомъ выкладки автора и указалъ на скрывавшійся въ нихъ источникъ его разногласія съ великими французскими учеными. Эти указанія были сообщены г. Веребрюсову, который съ благодарностью воспользовался ими и исправивъ, согласно съ ними, свои вычисления, пришелъ къ выводу вполне согласному съ результатами новѣйшаго изслѣдованія Эмиля Матье о постоянствѣ небесной системы. Хотя, такимъ образомъ, окончательныя заключенія г. Веребрюсова не имѣютъ значенія новости для науки, тѣмъ не менѣе, мы признали полезнымъ напечатать его трудъ въ Запискахъ Академіи въ томъ вниманіи, что онъ отличается извѣ-

¹⁾ Читанъ 11-го ноября; появится въ *Бюллетенѣ Академіи*.

²⁾ Читанъ 11-го ноября; появится въ *Запискахъ Академіи*.

ществомъ математическихъ приѣмовъ и подтверждаетъ результаты, добытые до него инымъ путемъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ В. Я. Струве въ классическомъ сочиненіи своемъ: «Positiones mediae stellarum», между прочимъ, указалъ на тотъ замѣчательный фактъ, что большія измѣненія въ относительномъ положеніи двухъ звѣздъ, составляющихъ систему 61 Лебеда, которыя были наблюдаемы въ теченіе всего предыдущаго столѣтія, могутъ быть вполне удовлетворительно изображены движеніемъ по прямой линіи. Произведенныя въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ микрометрическія измѣренія дали нынѣ О. В. Струве возможность ближайшимъ образомъ изслѣдовать движеніе въ этой системѣ и доказать, что орбита спутника, какъ и слѣдовало ожидать, вогнута въ сторону главной звѣзды. Критически разобравъ наблюденія за прошлое столѣтіе и за начало нынѣшняго, г. Струве убѣдился, что возможныя въ нихъ погрѣшности вполне достаточны для объясненія того, почему означенное отклоненіе отъ прямолинейнаго движенія не могло быть замѣчено прежде ¹⁾. Сверхъ того, тотъ же академикъ сообщилъ намъ наблюденія періодической кометы Брорзена, произведенныя имъ во время ея появленія весною 1879 года ²⁾.

Академику А. Н. Савичу обязаны мы сообщеніемъ интересныхъ замѣчаній о предварительномъ вычисленіи прохожденій Венеры и Меркурія чрезъ дискъ солнца ³⁾.

Астрономическій міръ, годъ полтора тому назадъ, былъ удивленъ появленіемъ большаго краснаго пятна на поверхности планеты Юпитеръ. Это пятно послужило для директора морской обсерваторіи въ Николаевѣ г. Кортацци предметомъ тщательныхъ наблюденій ⁴⁾. При ихъ помощи, онъ опредѣлилъ съ большою точностью время обращенія планеты вокругъ ея оси и въ виду постоянства величинъ, а также неизмѣняемости вида пятна, заключилъ, что это пятно существенно отличается отъ другихъ пятенъ Юпитера, измѣняющихъ свой видъ и положеніе. Можно предположить, что оно представляетъ какъ бы часть материка самой планеты, прорѣзавшуюся сквозъ ея газовую оболочку, тогда какъ другія пятна, перемѣщающіяся не рѣдко съ чрезвычайною скоростію, суть не что иное, какъ атмосферныя явленія.

¹⁾ Читанъ 12-го февраля; *Mémoire de l'Académie*.

²⁾ Читанъ 29-го апрѣля; *Bulletin de l'Académie*, XXVI, 314.

³⁾ Читанъ 23-го декабря; появится въ *Запискахъ Академіи*.

⁴⁾ Читано 2-го сентября; *Bulletin de l'Académie*.

Конечно, такое предположеніе нуждается въ дальнѣйшемъ подтвержденіи, при помощи наблюденій, въ особенности астрофизическихъ. Во всякомъ случаѣ, почтенный трудъ г. Кортацци обогащаетъ космологію тѣми положительными данными, которыя создаютъ для этой науки прочныя основанія.

Этого же рода значеніе имѣютъ и интересныя изслѣдованія адъюнктъ-астронома Пулковской обсерваторіи г. Гассельберга о природѣ кометъ. Въ пространномъ сочиненіи объ этомъ предметѣ ¹⁾, онъ на основаніи разбора спектроскопическихъ наблюденій, до сего времени произведенныхъ надъ кометами, доказываетъ, что всѣ извѣстные спектры кометъ представляютъ почти полную аналогію со спектрами углеводородныхъ соединений. Его собственные, весьма тонкіе опыты показываютъ, что нѣкоторыя несомнѣнные отклоненія кометныхъ спектровъ отъ спектровъ углеводородовъ достаточно объясняются тѣми физическими условіями, въ которыхъ находятся эти вещества въ пространствѣ вселенной. Спектру водорода г. Гассельбергъ специально посвятилъ другую статью, въ которой изъ прямыхъ опытовъ онъ доказываетъ, что описанные извѣстнымъ физикомъ Вюльнеромъ разные виды спектра этого элемента объясняются несовершенствомъ наблюденій. По мнѣнію г. Гассельберга, водородъ даетъ всегда одинъ и тотъ же спектръ, лишь съ такими оттѣнками, которые вполнѣ объясняются физическими условіями опытовъ.

Въ заключеніе обзора астрономическихъ трудовъ, упомянемъ о наблюденіяхъ, произведенныхъ академикомъ А. Н. Савичемъ надъ планетами Марсомъ, Сатурномъ и Нептуномъ въ 1879 году ²⁾ и о наблюденіяхъ С. П. Глазенапа надъ перемѣнной звѣздой β Персея ³⁾.

По физикѣ, академикъ Г. И. Вильдъ на столько подвинулъ впередъ свои изслѣдованія о приборахъ, служащихъ для измѣренія земнаго магнетизма, что могъ сдѣлать намъ предварительное сообщеніе о полной теоріи двунитнаго магнитометра и о новыхъ способахъ для опредѣленія абсолютнаго горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма, равно какъ коэффициентовъ температуры и индукціи магнитовъ ⁴⁾. Предлагаемое г. Вильдомъ усовершенствованіе Гауссовой теоріи двунитнаго магнитометра состоитъ въ принятіи въ расчетъ какъ

¹⁾ Читано 1-го апрѣля *Mémoires de l'Académie*.

²⁾ Читано 1-го апрѣля, *Bulletin de l'Académie*, XXVI, 187.

³⁾ Читано 11-го марта, *Записки Академіи*, XXXVII, приложение № 2.

⁴⁾ Читано 15-го января, *Bulletin de l'Académie*.

крученія нитей прикрѣпленія, такъ и индукціи земнаго магнетизма. Черезъ это устраняются замѣчавшіяся уклоненія выводовъ этой теоріи отъ показаній опыта и получается превосходный и несомнѣнный способъ для опредѣленія при магнитныхъ измѣреніяхъ помощью двунитнаго магнитометра двухъ вспомогательныхъ постоянныхъ, а именно коэффициентовъ температуры и индукціи. Сверхъ того, на этомъ усовершенствованіи г. Вильдъ основалъ новый методъ и для абсолютнаго опредѣленія напряженности земнаго магнетизма посредствомъ двунитнаго магнитометра, причемъ удачно устраняются нѣкоторыя неудобства, съ которыми былъ сопряженъ прежній Гауссовскій методъ. Построенные на этихъ новыхъ началахъ инструменты нынѣ изготовляются и будутъ употреблены для производства цѣлыхъ рядовъ точныхъ измѣреній.

Предложенное впервые Гауссомъ приблизительное дифференціальное уравненіе качающейся магнитной стрѣлки служило для вычисленія всѣхъ послѣдующихъ наблюденій по этой части. Но при опытахъ, произведенныхъ два года тому назадъ г. Вильдомъ въ Павловской обсерваторіи, приближеніе, доставляемое этимъ уравненіемъ, оказалось недостаточнымъ, при чемъ была дознана и самая причина этой неточности, заключающаяся въ зависимости одного коэффициента, принимавшагося за постоянный, отъ удлиненія стрѣлки. Виѣсть съ тѣмъ, измѣняемость этого коэффициента была экспериментально доказана, при чемъ однако не удалось опредѣлить видъ функции. Г. Хвольсонъ, въ мемуарѣ, о которомъ мы имѣли случай говорить въ прошлогоднемъ своемъ отчетѣ, предложилъ поправки, необходимыя при вычисленіи показаній магнитной стрѣлки, но только для случая одного опредѣленнаго предположенія. Впослѣдствіи оказалось, что предположенія относительно упомянутой функции, изложенныя въ этомъ мемуарѣ, состоятельны не для всѣхъ случаевъ. Это обстоятельство побудило молодого физика заняться отысканіемъ способа для вывода непосредственно изъ опыта необходимыхъ поправокъ, служащихъ для вычисленія формулъ, причемъ онъ нашелъ, что вышеупомянутая функция, названная имъ функциею успокоенія, можетъ быть опредѣляема посредствомъ обратнаго рѣшенія. Плодомъ этихъ изслѣдованій явилось замѣчательное сочиненіе г. Хвольсона, подъ заглавіемъ: „Общая теорія магнитныхъ успокоителей“¹⁾.

Кандидатъ Московскаго университета, г. Зворыкинъ, припимающій,

¹⁾ Читано 1-го апрѣля и 14-го октября; *Mémoires de l'Académie*.

изъ любви къ наукѣ, участіе въ работахъ нашей главной физической обсерваторіи, заинтересовался въ особенности изслѣдованіемъ способа опредѣленія влажности воздуха помощью психрометра. Въ противоположность французскому физику Реньо, признававшему этотъ приборъ ненадежнымъ, г. Зворыкинъ произведенными имъ изслѣдованіями доказалъ, что психрометръ, превосходящій своею простотою и удобоупотребительностью безспорно всѣ прочіе гигрометры, вмѣстѣ съ тѣмъ не уступаетъ имъ и въ отношеніи точности. Для достиженія ея необходимо только, чтобы этотъ снарядъ былъ снабженъ вентиляторомъ и защищенъ отъ сильнаго вѣтра тѣмъ способомъ установки, который уже принятъ на русскихъ метеорологическихъ станціяхъ. Г. Зворыкинъ не только опредѣлилъ зависимость постоянныхъ величинъ психрометрической формулы отъ скорости вѣтра и отъ размѣра термометрическихъ сосудовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и показалъ, что эти величины, въ обыкновенныхъ предѣлахъ, не зависятъ отъ абсолютной высоты температуры и психрометрической разности, равно какъ и отъ твердаго или жидкаго состоянія воды на увлажненномъ термометрѣ. Эти изслѣдованія г. Зворыкина нельзя не признать весьма важными въ виду того значенія, какое психрометръ имѣетъ для многихъ вопросовъ науки и техники ¹⁾.

Въ предыдущихъ годахъ мы давали отчетъ о ходѣ работъ по предпринятому главною физическою обсерваторіею общему своду всѣхъ термометрическихъ наблюденій въ Россіи. Этотъ, безъ преувеличенія можно сказать, „огромный“ трудъ доведенъ нынѣ до конца, приготовленъ къ печати четвертой и послѣдней части, содержащей въ себѣ заключительные выводы относительно вліянія топографическихъ условій на распредѣленіе теплоты въ различныхъ частяхъ нашего обширнаго отечества ²⁾. Въ тѣсной связи съ этими выводами находится читанное намъ г. Вильдомъ изслѣдованіе о замѣченныхъ имъ любопытныхъ соотношеніяхъ между изаномалиями температуры и изобарами, или, другими словами, между температурою и давленіемъ воздуха ³⁾.

Вліяніе топографическихъ условій на одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ атмосферныхъ явленій, а именно на влажность воздуха, весьма

¹⁾ Читано 11-го ноября; появится въ *Запискахъ Академіи* и въ *Метеор. Сборникъ*.

²⁾ Читано 29-го апрѣля; печатается въ *Метеор. Сборникъ*.

³⁾ Читано 23-го декабря; появится въ *Бюллетенъ Академіи*.

явственно выказывается въ трудѣ, исполненномъ въ главной физической обсерваторіи г. Штелингомъ ¹⁾ о годовичномъ ходѣ испаренія въ Россіи. Подвергнувъ обработкѣ критически очищенный, хотя незначительный по числу мѣстъ и лѣтъ рядъ наблюденій, произведенныхъ усовершенствованнымъ эвапорометромъ г. Вильда, г. Штелингъ пришелъ къ весьма интереснымъ выводамъ. Не только годовичныя амплитуды испаренія, но и распредѣленіе его по мѣсяцамъ значительно измѣняется отъ сѣверозападныхъ частей имперіи до степей южной Россіи и до области мусоновъ Восточной Азіи. Эти измѣненія удовлетворительно объяснены помощью извѣстныхъ доселѣ законовъ годовичнаго хода температуры и влажности воздуха въ этихъ же мѣстностяхъ. Особенно интересно сравненіе количества испареній съ количествомъ водяныхъ осадковъ (дождя и снѣга); въ этомъ отношеніи Петербургъ и Павловскъ съ одной стороны, а съ другой—Петро-Александровскъ и Нукусъ на Аму-Дарьѣ представляютъ собою крайнія противоположности; тогда какъ у насъ количество атмосферныхъ водяныхъ осадковъ во всѣ времена года значительно превосходитъ количество испареній, уносящихся съ поверхности воды въ тѣни,—на Аму-Дарьѣ, на оборотъ, эти испаренія, по своему количеству, во всѣ времена года значительно превышаютъ массу атмосферныхъ осадковъ.

Состоящее при главной физической обсерваторіи отдѣленіе морской метеорологіи дѣятельно продолжало свои занятія по изученію распредѣленія вѣтровъ на русскихъ моряхъ. Г. Рыкачевъ обработалъ для этой цѣли всѣ наблюденія, произведенныя на береговыхъ станціяхъ и на маякахъ Бѣлаго моря ²⁾, а г. Шиндлеръ изслѣдовалъ зависимость силы и направленія вѣтра отъ величины и направленія градиента на берегахъ Балтійскаго моря ³⁾.

Своевременное обнародованіе полныхъ рядовъ метеорологическихъ наблюденій издавна составляло предметъ пожеланій, столь же горячихъ, сколько и тщетныхъ. Благодаря твердой организаціи работъ введенной въ нашей главной физической обсерваторіи, эта нелегкая задача рѣшена здѣсь столь успѣшно, что въ началѣ нынѣшняго кабря академикъ Вильдъ могъ представить намъ вполнѣ окончательнымъ печатаніемъ томъ Лѣтописей Обсерваторіи, содержащій въ

¹⁾ Читано 1-го апрѣля; *Метеор. Сборникъ*.

²⁾ Читано 15-го января; *Метеор. Сборникъ*.

³⁾ Читано 11-го марта; *Метеор. Сборникъ*.

тщательно собранныя, строго вычисленныя и критически провѣренныя метеорологическія наблюденія, произведенныя въ теченіе 1879 года на болѣе чѣмъ сотнѣ пунктовъ, разсѣянныхъ на всемъ пространствѣ Россіи.

Для физической географіи Кавказа весьма цѣнныя матеріалы, какъ извѣстно, были въ свое время собраны нашимъ почетнымъ членомъ Г. В. Абигомъ, опредѣлившимъ посредствомъ барометра гипсометрическія данныя для Арменіи. Въ настоящее время онъ счелъ полезнымъ сообщить ученому міру во всей подробности тѣ наблюденія, на которыхъ основаны его выводы ¹⁾.

Обращаясь къ химіи, отмѣтимъ двѣ записки, изъ которыхъ въ одной г. Коноваловъ ²⁾, изслѣдуя нитрированіе нѣкоторыхъ углеводовъ жирнаго ряда, показалъ, что изодибутилень и изотрибутилень способны обмѣнивать свой водородъ на групу „нитро“, при прямомъ дѣйствіи на нихъ азотной кислоты, подобно ароматическимъ веществамъ; полученныя нитрованныя тѣла, возстановленіями, переведены были авторомъ въ амилены, непредѣльный составъ которыхъ доказанъ анализомъ и присоединеніями къ нимъ брома. Въ другой запискѣ ³⁾, имѣющей своимъ предметомъ окисленіе эритрида, г. Прибытекъ указываетъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, эритридъ подвергается окисленію нормально, согласно требованію господствующихъ теоретическихъ представленій, въ мезовинную кислоту, при чемъ опредѣляетъ натуру этой кислоты не только посредствомъ анализа, но и превращеніемъ въ виноградную кислоту.

Къ этому же отдѣлу можетъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи отнесена записка нашего члена-корреспондента Г. В. Струве о судебно-химическомъ изслѣдованіи подозрительныхъ кровяныхъ пятенъ ⁴⁾.

Геологическіе труды академика Г. П. Гельмерсена въ настоящемъ году были обращены на изученіе ледниковыхъ, дилювіальныхъ и алювіальныхъ образованій на сѣверѣ Россіи, въ Финляндіи и Прибалтійскихъ губерніяхъ. Выводы своихъ изслѣдованій онъ изложилъ въ пространнымъ мемуарѣ ⁵⁾, который служитъ продолженіемъ и до-

¹⁾ Читано 12-го февраля; появ. въ *Мемуарахъ*.

²⁾ Читано 13-го мая; *Bulletin*.

³⁾ Читано 29-го апрѣля; *Bulletin*.

⁴⁾ Читано 29-го января; *Bulletin*, XXVI, 157.

⁵⁾ Читано 9-го декабря; появится въ *Мемуарахъ Академіи*.

полненіемъ его записки о томъ же предметѣ, уже напечатанной въ 1869 г. въ нашихъ изданіяхъ.

Г. Никитицъ изслѣдовалъ юрскую почву въ верхней части Волги, между Рыбинскомъ, Мологой и Мышкинымъ. На основаніи подробнаго разбора всѣхъ юрскихъ обнаженій въ этой части Россіи и разсмотрѣнія всѣхъ встрѣчающихся въ нихъ окаменѣлостей, въ особенности аммонитовъ, онъ установляетъ раздѣленіе ярославской юры на пять этажей и сравниваетъ эти этажи съ извѣстными западно-европейскими отложеніями юрскаго періода ¹⁾.

Ученому свѣту достаточно извѣстны обширные труды нашего члена-корреспондента О. Геера объ ископаемой флорѣ Сибири, основанные преимущественно на матеріалахъ, собраніе которыхъ составляетъ заслугу русскихъ ученыхъ экспедицій въ этотъ обширный край. Познаніе этой флоры обогатилось въ настоящемъ году новымъ трудомъ знаменитаго палеонтолога ²⁾, къ составленію котораго подали ему поводомъ коллекціи, привезенныя г. Маакомъ изъ классической мѣстности Усть-Балей на Аугарѣ.

Многочисленный и старѣйшій изъ русскихъ ботаниковъ, нашъ почетный членъ А. А. Бунге не перестаетъ съ юношескимъ жаромъ посвящать свои труды наукѣ, избирая для нихъ такія задачи, которыя по своей обширности и сложности требуютъ глубокихъ и многостороннихъ познаній. Рядъ превосходныхъ сочиненій, поставившихъ его въ число первыхъ ботаниковъ нашего времени, увеличился въ нынѣшнемъ году новою монографіею о географическомъ распространеніи семейства солончаковъ ³⁾. Предпославъ своимъ выводамъ критическій списокъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ видовъ этого семейства, авторъ развиваетъ ту мысль, что солончаковыя составляютъ позднѣйшія образованія, появившіяся повсюду, гдѣ осушались древніе морскіе бассейны. Внимательное изученіе распредѣленія различныхъ видовъ, родовъ и группъ этого семейства привело его къ установленію десяти подобныхъ бассейновъ, изъ которыхъ каждому свойственны особыя формы и преобладаніе какой-либо особенной группы. Новый трудъ г. Бунге, разрабатывающій данныя ботанической географіи въ тѣсной связи съ организаціей и систематикою растений, безъ сомнѣнія, бу-

¹⁾ Читано 2-го сентября; *Mémoires de l'Académie.*

²⁾ Читано 15-го января; *Mémoires de l'Académie.*

³⁾ Читано 15-го января; *Mémoires de l'Académie.*

дѣтъ принять наукою съ такимъ же одобреніемъ, какъ и предшествовавшій его трудъ *Labiatae persicae*. Оба труда отмѣчены совершенно новымъ направленіемъ, принадлежащимъ исключительно нашему почтенному сочлену. По слѣдамъ его можетъ идти только тотъ, кто, желая изучать географическое распространеніе семействъ, подобно ему, прежде всего всесторонне и точнѣйшимъ образомъ изслѣдуетъ организацію и систематику этихъ растений.

Труды нашихъ ботаниковъ, весьма естественно, обращаются по преимуществу на флору разныхъ частей Азій, какъ менѣе извѣстную. Такъ, въ нынѣшнемъ году, академикъ К. И. Максимовичъ предложилъ рядъ діагнозовъ новыхъ азіатскихъ растений ¹⁾, а баронъ Тюмень, вмѣстѣ съ г. Калькбреннеромъ, дали исчисленіе и описаніе грибовъ, собранныхъ г. Потанинымъ въ его путешествіи по Монголіи и г. Бретшнейдеромъ въ Китаѣ ²⁾.

Изслѣдованіе о дѣйствиіи свѣта на растительные процессы принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще недостаточно разработанныхъ задачъ физиологіи. Нашъ сочленъ, адъюнктъ А. С. Фаминцынъ, уже нѣсколько лѣтъ посвящаетъ свои труды этому предмету, и прежнія, относящіяся сюда статьи его обратили на себя вниманіе ученыхъ и были удостоены преміи Парижской академіи наукъ. Продолжая изученіе этихъ сложныхъ явленій, г. Фаминцынъ въ двухъ представленныхъ намъ запискахъ изложилъ интересные выводы изъ рядовъ произведенныхъ имъ наблюденій надъ разложеніемъ углекислоты растеніями подъ вліяніемъ искусственнаго свѣта ³⁾ и надъ зависимостью этого разложенія отъ степени напряженности свѣта ⁴⁾.

Профессоръ Бородинъ, издавна занимающійся изысканіями по вопросу о дыханіи растений, сообщилъ намъ результаты новаго труда своего по этому предмету ⁵⁾. Онъ изучалъ дыханіе вѣтви, срѣзанной съ растенія и оставленной въ темнотѣ, при чемъ нашель, что интенсивность ея дыханія быстро уменьшается, и что причина этого явленія состоитъ въ постепенномъ уменьшеніи углеводовъ въ вѣтви. Въ подтвержденіе этого положенія онъ приводитъ цѣлый рядъ опы-

¹⁾ Читано 13-го мая; *Bulletin* XXVI, 420.

²⁾ Читано 16-го сентября; *Bulletin*.

³⁾ Читано 15-го января; *Bulletin*, XXVI, 136.

⁴⁾ Читано 27-го мая; *Bulletin*, XXVI, 296.

⁵⁾ Читано 11-го ноября; *Mémoires de l'Académie*.

товъ, въ которыхъ ему удалось вызвать въ вѣтви, уже слабо дышащей, вновь энергическое дыханіе тѣмъ, что она переносилась на нѣсколько часовъ изъ темноты въ свѣтъ.

Наконецъ, напечатанное въ нашихъ Запискахъ изслѣдованіе г. Монтеверде по эмбриологіи Орхидныхъ (а именно *Ogchis maculata*), какъ весьма обстоятельное, достойно особеннаго вниманія, въ виду еще малой разработки исторіи развитія однодольныхъ растений ¹⁾.

Зоологическій музей Академіи, который, благодаря неусыпнымъ стараніямъ нынѣшняго директора своего, академика Штрауха, непрерывно обогащается предметами не только рѣдкими или единственными въ своемъ родѣ, но и служащими для доведенія отдѣльныхъ коллекцій до желаемой полноты, постоянно доставляетъ болѣе и болѣе обильныя данныя для изученія фауны Россіи. Къ многочисленнымъ уже извѣстнымъ ученому міру трудамъ, основаннымъ на матеріалахъ этого музея, въ настоящемъ году прибавились читанныя въ нашихъ засѣданіяхъ: монографія М. Н. Богданова о сорокопутахъ русской фауны и ихъ сородичахъ ²⁾; записка того же ученаго о двухъ новыхъ видахъ стенныхъ куропатокъ ³⁾, и изслѣдованія: Ф. О. Моравица— о пчелообразныхъ перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ средней Азіи ⁴⁾ г. Дыбовскаго—объ измѣняемости формы и величины *Lubomirskia baicalensis* и о распространеніи байкальскихъ губокъ вообще ⁵⁾, г. Селиванова—о литобиддахъ академическаго музея ⁶⁾, и А. О. Бранда— о нѣкоторыхъ новыхъ или малонизвѣстныхъ ракообразныхъ животныхъ Средиземнаго моря, полученныхъ отъ извѣстнаго зоолога Филиппи ⁷⁾.

Анатомія и физиологія человѣка и животныхъ получили приращеніе въ нѣсколькихъ болѣе или менѣе обширныхъ трудахъ. Академикъ Ф. В. Овсянниковъ и г. Великій пропзвели новыя наблюденія надъ инервациею слюнныхъ желѣзъ ⁸⁾; г. Зефтигенъ описалъ анатомическое строеніе молочныхъ желѣзъ во время лактаціоннаго пе-

¹⁾ Читано 12-го февраля; *Bulletin* XXVI, 326; *Записки Академіи*, XXXV, 384.

²⁾ Читано 11-го марта; *Записки Академіи и Мемуары*.

³⁾ Читано 29-го апрѣля; *Bulletin*.

⁴⁾ Читано 29-го апрѣля; *Bulletin*, XXVI, 337.

⁵⁾ Читано 30-го сентября; *Bulletin*.

⁶⁾ Читано 14-го октября; *Записки Академіи*.

⁷⁾ Читано 29-го апрѣля; *Bulletin*, XXVI, 395.

⁸⁾ Читано 1-го апрѣля; *Bulletin de l'Académie*, XXVI, 389.

ріода ¹⁾; В. Я. Данилевскій представилъ опытное физиологическое доказательство закона сохраненія энергіи ²⁾, г. Мейеръ произвелъ нѣсколько изслѣдованій для разясненія вопроса о сперматогенезисѣ у млекопитающихъ ³⁾. Сюда же могутъ быть отнесены двѣ записки профессора Н. В. Сорокина: одна—касающаяся весьма мало еще изученнаго предмета — болѣзней насѣкомыхъ ⁴⁾, другая—представляющая новыя наблюденія надъ развитіемъ *Vampyrella polyplasta* ⁵⁾.

Наконецъ, знаменитый нашъ анатомъ, членъ корреспондентъ Академіи В. Л. Груберъ, украсилъ наши мемуары новымъ произведеніемъ своей обширной учености и неутомимаго пера. Пользуясь богатымъ анатомическимъ матеріаломъ, находящимся въ его распоряженіи, онъ описалъ нѣсколько любопытныхъ случаевъ видоизмѣненій средняго основнаго канала затылочной кости у человѣка ⁶⁾.

Переходя къ трудамъ историко-филологическихъ, мы должны прежде всего возвратиться къ посмертному сочиненію г. Гедеонова, относящемуся къ основному вопросу русской исторіи—о національности Варяговъ. Въ прошлогоднемъ отчетѣ мы уже упоминали о рядѣ статей, входящихъ въ составъ этого сочиненія и посвященныхъ разсмотрѣнію разныхъ сторонъ главной задачи. Академикъ А. А. Куникъ, которому русская историческая литература обязана нѣсколькими обширными изслѣдованіями по варяжскому вопросу, съ особенною любовью занялся приготовленіемъ этого труда къ печати и нашелъ нужнымъ составить, для приложенія къ нему, многія дополненія и разясненія, въ которыхъ онъ, при помощи своей огромной начитанности, выставляетъ новыя данныя для рѣшенія старинной задачи. Изъ этихъ статей, въ настоящемъ году были намъ читаны двѣ, а именно—о переселеніи Русскихъ изъ Галиціи въ Венгрію по мыслиамъ нотаріуса короля Бѣлы IV и о черноморской Руси ⁷⁾.

Д-ръ Гутцейтъ, уже извѣстный нѣсколькими трудами своими по русской исторіи, увеличилъ ихъ число новымъ изслѣдованіемъ о житіи св. Георгія Амастрискаго. Не раздѣлили мнѣнія нѣкоторыхъ писателей относительно большой древности этого историческаго памятника,

¹⁾ Читано 14-го октября; *Bulletin*.

²⁾ Читано 29-го января; *Записки Академіи*.

³⁾ Читано 1-го апрѣля; *Mémoires de l'Académie*.

⁴⁾ Читано 27-го мая; *Записки Академіи*, XXXVII, 54.

⁵⁾ Читано 27-го мая; *Записки Академіи*, XXXVI, 70.

⁶⁾ Читано 11-го марта; *Mémoires de l'Académie*.

⁷⁾ Читано 4-го марта и 20-го мая; появятся въ *Запискахъ Академіи*.

авторъ излагаетъ доводы, на основанія которыхъ, по его мнѣнью, составленіе этого житія слѣдуетъ отнести не къ началу IX столѣтія, а ко второй половинѣ X вѣка ¹⁾).

Оріенталисты въ средѣ нашей Академіи постоянно прилагали стараніе къ отысканію въ памятникахъ восточной словесности всякаго рода извѣстій, имѣющихъ значеніе пособія для изученія древнѣйшаго періода русской исторіи. Между такими памятниками сочиненіе персидскаго писателя Гардизи, Занъ-уль-акбаръ, содержащее въ себѣ свѣдѣнія о древнихъ Руссахъ, Славянахъ, Болгарахъ и другихъ народахъ, нѣкогда населявшихъ нынѣшнюю Россію, уже давно обратило на себя вниманіе академика Дорна. По его желанію, рукопись этого сочиненія, принадлежащая Бодлевой библіотекѣ въ Оксфордѣ, была доставлена къ намъ и послужила г. Дорну для составленія изъ нея выписокъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи этой рукописи, ея текстъ представилъ столько непреодолимыхъ трудностей, что нашъ сочленъ, къ своему сожалѣнію, принужденъ былъ медлить изданіемъ и переводомъ этого историческаго памятника въ ожиданіи случая къ его провѣркѣ. Въ настоящее время это затрудненіе устранено: англійскій оріенталистъ Раверти, обладающій другою рукописью того же сочиненія, съ большою любезностью произвелъ, по просьбѣ г. Дорна, провѣрку его выписокъ и такимъ образомъ поставилъ его въ возможность приступить къ изданію какъ самаго текста этихъ выписокъ, такъ и ихъ перевода ²⁾).

Независимо отъ этого труда, академикъ Дорнъ занимался обработкою одной изъ весьма важныхъ частей восточной нумизматики, а именно монетъ Илековъ или хановъ, властвовавшихъ съ X по XII вѣкъ въ различныхъ странахъ нынѣшняго Туркестана ³⁾).

Другой нашъ оріенталистъ, адъютантъ баронъ В. Р. Розенъ, приступилъ къ изданію составленнаго имъ описанія арабскихъ рукописей азіатскаго музея Академіи ⁴⁾ и читалъ намъ записку о любопытномъ памятникѣ древне-арабской литературы, а именно—о твореніи одного изъ плодовитѣйшихъ писателей Ибнъ-Кутейбы, подъ заглавіемъ Китабъ-Іюнъ-аль-Акбаръ ⁵⁾).

¹⁾ Читано 20-го мая; *Bulletin de l'Académie.*

²⁾ Читано 8-го апрѣля; появится въ *Мемуарахъ Академіи.*

³⁾ Читано 18-го марта; *Bulletin*, XXVI, 542.

⁴⁾ Читано 18-го марта; печатается особою книгою.

⁵⁾ Читано 9-го сентября; *Bulletin.*

При недостаточной разработанности статистики причинъ смертности въ Россіи, всякая попытка къ разъясненію того или другаго вопроса, входящаго въ составъ этой статистики, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Это замѣчаніе вполне примѣняется къ почтенному труду А. И. Котовщикова: чтобы хотя отчасти способствовать изученію причинъ смертности въ сельскомъ населеніи Россіи, онъ и обратилъ свое изслѣдованіе на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ медицинской статистики, а именно—смертность роженицъ и родильницъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Европейской Россіи, сравнительно съ данными, представляемыми статистикою западно-европейскихъ государствъ ¹⁾.

По классической филологіи мы укажемъ въ нашемъ Бюллетенѣ рядъ критическихъ замѣчаній академика А. К. Наука на Гомера и другихъ греческихъ писателей ²⁾ и записку профессора Іенскаго университета М. Шмидта о нѣкоторыхъ исправленіяхъ текста Софокловой трагедіи Трахиніанки ³⁾.

Въ кругъ дѣятельности Академіи входитъ разсмотрѣніе ученыхъ трудовъ, представляемыхъ на соисканіе наградъ, находящихся въ распоряженіи. Придавая этимъ наградамъ важное значеніе, Академія съ особеннымъ удовольствіемъ заявляетъ, что въ настоящемъ году ихъ числу прибавились три новыя преміи.

Учрежденіе одной изъ нихъ связано съ многолюднымъ и вѣчно памятнымъ для всей Россіи празднествомъ двадцатипятилѣтія вступленія на престолъ благополучно царствующаго Государя Императора. Дворянство Симбирской губерніи, одушевленное чувствомъ безпредѣльной преданности и благоговѣнія къ особѣ возлюбленнаго Монарха, постановило ознаменовать двадцатипятилѣтнюю годовщину его царствованія учрежденіемъ на вѣчныя времена премій, которыя, нося названіе премій августѣйшаго имени Его Величества, были бы раздаваемы Академіею за лучшія историческія, политико-экономическія и статистическія сочиненія, имѣющія своимъ предметомъ важнѣйшія и благотѣльныхъ реформъ, дарованныхъ Россіи Его Величествомъ. По испрошеніи, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, всемилостивѣйшаго соизволенія на приведеніе этого постановленія въ исполненіе, симбирское дворянство передало въ Академію 8000 руб., ассигнованныхъ на эти цѣли.

¹⁾ Читано 8-го марта. Приложение № 4 къ XXXVI тому *Записокъ Академіи*.

²⁾ Читано 8-го апрѣля; *Bulletin*, XXVI, 190.

³⁾ Читано 18-го марта; *Bulletin*, XXVI, 172.

важныхъ имъ на преміи, правила о которыхъ были затѣмъ опубликованы для всеобщаго свѣдѣнія. На основаніи этихъ правилъ первое соисканіе премій сибирскаго дворянства будетъ происходить въ 1883 году.

Дочь коллежскаго совѣтника Наталья Николаевна Юшенова, движимаая благоговѣніемъ къ памяти своего отца и брата, передала въ распоряженіе Академіи 25,000 руб., для употребленія процентовъ съ нихъ на преміи въ честь этихъ полезныхъ дѣятелей на общественномъ поприщѣ. Ницѣ, согласно ея желанію и воспослѣдовавшему высочайшему соизволенію, эти преміи учреждены на слѣдующихъ основаніяхъ: вся сумма процентовъ на основной капиталъ, какая паростетъ въ первыя десять лѣтъ, должна быть передана въ Императорскую медико-хирургическую академію для преміи имени отца жертвовательницы, медико-хирурга Николая Захаревича Юшенова за открытія и работы въ области медицинскихъ наукъ; послѣ того, проценты, нарастающіе на основной капиталъ, будутъ употребляемы нашею Академіей на преміи имени брата жертвовательницы, генераль-маіора Павла Николаевича Юшенова, за открытія и работы по математическимъ и физическимъ наукамъ. Такимъ образомъ конкурсъ на Юшеновскую премію откроется только послѣ 1890 года, и къ этому сроку Академіей будутъ составлены и изданы правила объ этой преміи.

Наконецъ, нашъ многоуважаемый членъ-корреспондентъ Н. И. Костомаровъ внесъ въ Академію 4000 руб., которыя, согласно послѣдовавшему въ 13-й день сего декабря высочайшему разрѣшенію, составятъ собою премію за лучшій малорусскій словарь.

На происходившемъ въ настоящемъ году двадцать-четвертомъ соисканіи наградъ графа Уварова участвовали 10 историческихъ сочиненій. Изъ ихъ числа 6 удостоены премій и одно, написанное для рѣшенія задачи, предложенной Академіей, почетнаго отзыва.

Очередь соисканія Ломоносовскихъ наградъ принадлежала на нынѣшній разъ ученымъ открытіямъ и изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ въ Россіи въ области физики, химіи и минералогіи. При этомъ конкурсѣ Академія имѣла случай отличить преміями сочиненіе капитанъ-лейтенанта М. А. Рыкачева подъ заглавіемъ „О суточномъ ходѣ барометра въ Россіи и нѣкоторыя замѣчанія объ этомъ явленіи вообще“ и работу профессора Харьковскаго университета Н. Н. Бекетова по опредѣленію теплоты гидратаціи безводной окиси натрія и отношеній ея къ углекислотѣ и отношенія водорода къ безводной окиси натрія.

Въ заключеніе остается упомянуть о соисканіи премій д-ра Рклиц-

каго, выдаваемыхъ чрезъ каждые четыре года за лучшія сочиненія по части анатомико-микроскопическихъ изслѣдованій центральной нервной системы, съ фізіологическими и практическими приложеніями. По разсмотрѣніи семи сочиненій, участвовавшихъ въ нынѣшнемъ конкурсѣ Релицкаго, Академія присудила преміи двумъ изъ состязавшихся авторовъ, а именно д-ру Эрлицкому за его изслѣдованіе „объ измѣненіи въ спинномъ мозгу ампутированныхъ собакъ“ и д-ру Рудановскому за его сочиненіе „о строеніи корешковъ спинныхъ нервовъ спиннаго и продолговатаго мозга у человѣка и у нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ“.

ПРИСУЖДЕНІЕ ЛОМОНОСОВСКИХЪ ПРЕМІЙ ВЪ 1880 ГОДУ.

Въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1880 года читано было нижеслѣдующее допесеніе, составленное академиками Н. И. Кокшаровымъ, Г. В. Вильдомъ, А. М. Буллеровымъ и А. В. Гадолиномъ и одобренное физико-математическимъ отдѣленіемъ и общимъ собраніемъ Академіи:

I.

Разсматривая труды, подлежащіе награжденію Ломоносовскою премією въ нынѣшнемъ году, комиссія остановила свое вниманіе на сочиненіи М. А. Рыкачева: „О суточномъ ходѣ барометра въ Россіи и нѣкоторыя замѣчанія объ этомъ явленіи вообще“, появившемся въ прошломъ (1879) году на русскомъ языкѣ въ приложеніи № 1 къ XXXV тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ и на французскомъ языкѣ въ *Repertorium für Meteorologie*, Vol. VI. Главная цѣль этого обширнаго труда, какъ и заглавіе показываетъ, заключается въ изслѣдованіи суточного хода барометра въ Россіи. Но для болѣе прочнаго установленія результатовъ, а затѣмъ, для провѣрки новаго взгляда на все явленіе вообще, авторъ собралъ и отчасти пополнилъ и исправилъ результаты наблюденій, произведенныхъ въ другихъ странахъ сѣвернаго полушарія. Такимъ образомъ, въ его трудъ вошли, сверхъ 11 русскихъ станцій, 25 заграничныхъ. Матеріаломъ для Россіи служили ежечасныя наблюденія, которыя въ теченіе болѣе 20-ти лѣтъ во всей подробности печатались въ *Annales magnétique et météorologique* и въ Сводѣ магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій, изданныхъ академикомъ Куфферомъ.

Прежде чѣмъ воспользоваться этимъ богатымъ матеріаломъ, авторъ

подвергнулъ его критической оцѣнкѣ. Кривыя, построенныя по первоначальнымъ даннымъ, показали во многихъ случаяхъ такіе зыкзакъ и неправильности, которые никоимъ образомъ нельзя было приписать дѣйствительному явленію природы. Авторъ обращался тогда къ подробнымъ наблюденіямъ и оригиналамъ и исправилъ многія опечатки и ошибки. Въ подобныхъ случаяхъ помощь простаго вычислителя мало полезна и большинство вычисленій автору пришлось сдѣлать самому. Приложенный имъ къ французскому изданію списокъ исправленій свидѣтельствуетъ о томъ, какъ серьезно онъ относился къ своей задачѣ. Не мало труда было приложено къ розысканію свѣдѣній объ инструментахъ. При вычисленіи суточного хода авторъ принялъ во вниманіе вліяніе годоваго хода. Очистивъ матеріалъ и сведя правильнымъ образомъ общіе выводы, г. Рыкачевъ получилъ кривыя суточного хода барометра на столько согласныя, что неправильность въ 0,01 или 0,02 милиметра оказывалась уже ощутительною. Для одной изъ станцій (Нерчинска) авторъ, между прочимъ, приводитъ сравненіе между графическимъ интерполированіемъ, принятымъ для всѣхъ станцій, и вычисленіемъ по формулѣ Бесселя съ 6-ю числами. Разности оказались не болѣе 0,01 полулинии, а въ среднемъ выводѣ $\pm 0,003$. Сравнивая кривыя суточного хода барометра, полученные тою же обсерваторіей на разныхъ высотахъ, авторъ показываетъ связь между этою разностью и плотностью слоя воздуха, вычисленною для различныхъ часовъ дня по другимъ метеорологическимъ элементамъ.

При пользованіи иностранными станціями также не обошлось безъ исправленій, а иногда и совершенно новыхъ вычисленій. Конечно, при этомъ авторъ былъ еще осторожнѣе относительно поправокъ, за неимѣніемъ во многихъ случаяхъ подробныхъ наблюденій подъ рукою. На сколько оспователны сдѣланныя г. Рыкачевымъ исправленія, видно изъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ уже подтверждены заявленіемъ лицъ, которыя стоятъ во главѣ соотвѣтственныхъ обсерваторій. Сглаживая кривыя какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ станцій путемъ исправленія ошибокъ, авторъ не увлекался и въ другую сторону. „Если“, говоритъ онъ, — „кривыя обнаруживали аномаліи и, не смотря на повтореніе самой подробной повѣрки вычисленій и наблюденій, не удалось открыть явной ошибки, я не исправлялъ аномаліи, но проводилъ кривую черезъ всѣ точки“.

Благодаря такой тщательной обработкѣ наблюденій и осторожности, авторъ могъ характеризовать суточный ходъ барометра въ за-

висяности отъ временъ года, отъ широты мѣста, отъ морскаго или континентальнаго положенія лучше, чѣмъ это было сдѣлано кѣмъ-либо до сихъ поръ, и, наконецъ, г. Рыкачеву удалось открыть существованіе въ зимніе мѣсяцы третьяго максимума въ суточномъ ходѣ барометра, который не былъ замѣченъ прежними изслѣдователями. На основаніи всѣхъ собранныхъ имъ данныхъ авторъ нашелъ, что въ январѣ во всѣхъ широтахъ умѣреннаго пояса въ Европѣ, Азій и Америкѣ, въ одинъ и тотъ же часъ, между 1-мъ ч. и 3-мъ ч. ночи, замѣчается третій максимумъ. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что это явленіе есть нормальное для всѣхъ годовъ, а также, что въ ежемѣсячныхъ кривыхъ суточного хода барометра не только замѣчается третій максимумъ въ декабрѣ или январѣ, но сверхъ того, можно прослѣдить въ смежныя мѣсяцы постепенный переходъ къ этому максимуму. Наконецъ, даны нѣкоторыя свѣдѣнія и о величинѣ третьяго максимума.

Съ такимъ же успѣхомъ занялся г. Рыкачевъ и теорією разсматриваемаго имъ явленія, которая изложена въ послѣдней части его труда.

Около 200 лѣтъ тому назадъ, по словамъ однихъ, Англичанинъ Биль (Beale), а по увѣренію другихъ—Французы Варенъ и Глосъ (Varin des Hayes и Gloss) открыли суточные періодическія колебанія барометра; немного болѣе 100 лѣтъ спустя, Сосюръ и Рамонъ первые дали сколько-нибудь удовлетворительное, хотя далеко не вполне опредѣленное объясненіе этого явленія. Съ тѣхъ поръ физики и метеорологи на перерывъ другъ передъ другомъ стремились создавать новыя теоріи, иногда довольно странныя: то прибѣгали къ свободному электричеству, то къ магнетизму солнца; одни объясняли эти суточные колебанія барометра сопротивленіемъ эфира въ небесномъ пространствѣ, другіе электричествомъ, возбуждаемымъ при испареніи и т. д. До послѣдняго времени наиболѣе установившеюся теорією признавалась теорія Довс. По своей опредѣленности, полнотѣ и согласію во многихъ случаяхъ съ наблюденіями она превосходитъ всѣ прочія. Какъ извѣстно, этотъ ученый разсматриваетъ атмосферное давленіе обыкновеннаго влажнаго воздуха, какъ состоящее изъ суммы давленій сухаго воздуха и водяныхъ паровъ. На недостатки такого воззрѣнія, однако, и прежде уже указывали ученые какъ въ теоретическомъ отношеніи, такъ и по несогласію съ наблюденіями въ Индіи; теперь изслѣдованія г. Рыкачева, воспользовавшагося повѣй-

шими и болѣе полными данными суточного хода барометра и абсолютной влажности въ Россіи, рѣшительно подтверждають, что объясненіе Дове, какъ въ теоретическомъ отношеніи, такъ и по несогласію съ наблюденіями въ Азій, не можетъ быть признано удовлетворительнымъ.

Новая теорія, развитая г. Рыкачевымъ, по общей мысли, наиболѣе напоминаетъ старую теорію Рамона, а именно главною причиною суточного колебанія атмосфернаго давленія оба они признають нагреваніе солнцемъ воздуха днемъ и охлажденіе ночью. Но г. Рыкачевъ не ограничился этою общею идеей; онъ рассмотрѣлъ во всей подробности, какія суточные періодическія теченія воздуха въ верхнемъ и нижнемъ слояхъ должны возбуждаться подъ вліяніемъ неравномѣрнаго распредѣленія температуры на разныхъ меридіанахъ въ одинъ и тотъ же моментъ. Затѣмъ онъ подвергнулъ изслѣдованію анемометрическія наблюденія во многихъ мѣстахъ и въ особенноти воспользовался восьмилѣтними точными данными главной физической обсерваторіи. На основаніи всѣхъ собранныхъ свѣдѣній, авторъ даетъ нѣкоторые, весьма интересные сами по себѣ, выводы о суточномъ періодическомъ движеніи воздуха въ нижнемъ слоѣ атмосферы. Оказалось, что частицы воздуха, по исключенію общаго средняго движенія, описываютъ въ теченіе сутокъ фигуру, не много отличающуюся отъ эллипсиса, двигаясь, смотря изъ центра отъ лѣвой руки къ правой (въ сѣверномъ полушаріи). Съ утра до 6 ч. вечера частицы движутся отъ запада къ востоку, а съ этого часа до утра отъ востока къ западу. Слѣдовательно, въ нижнемъ слоѣ по составляющей E—W, частицы воздуха дѣйствительно текутъ отъ меридіана близкаго къ минимуму температуры въ обѣ стороны по направленіямъ къ меридіану близкому къ павысшей температурѣ, то-есть совершенно согласно съ тою циркуляціею воздуха, которая была выведена теоретически.

Подтвердивъ такимъ образомъ на самомъ опытѣ справедливость принятаго имъ основанія, г. Рыкачевъ объясняетъ всѣ фазы этого сложнаго явленія не только гораздо полнѣе, но и опредѣленнѣе, нежели это дѣлалось до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, какъ во многихъ другихъ вопросахъ метеорологіи, такъ и здѣсь, ощущается недостатокъ наблюденій, въ особенности въ верхнихъ слояхъ атмосферы, такъ что по нѣкоторымъ пунктамъ теоріи потребуются еще новыя данныя.

Хотя по этой причинѣ съ появленіемъ въ свѣтъ теоріи, изложен-

ной г. Рыкачевымъ, еще не сказано, можетъ быть, послѣднее слово о причинахъ этого явленія, однако несомнѣнно, что въ главномъ его объясненія стоятъ на вѣрной почвѣ. Во всякомъ случаѣ трудъ г. Рыкачева весьма значительно расширилъ наши познанія объ этомъ интересномъ явленіи, которое находится въ самой тѣсной связи съ рядомъ другихъ метеорологическихъ вопросовъ.

И такъ, г. Рыкачевъ, въ своемъ обширномъ и интересномъ трудѣ, помощью богатаго, критически очищеннаго матеріала характеризовалъ лучше, чѣмъ это до сихъ поръ было сдѣлано, суточный ходъ атмосфернаго давленія и яснѣе высказалъ зависимость этого хода отъ географическаго положенія мѣстъ и отъ временъ года и открылъ существованіе въ зимніе мѣсяцы третьяго максимума; наконецъ, для объясненія причины суточныхъ колебаній барометра онъ предложилъ теорію, болѣе простую и правдоподобную, чѣмъ та, которая была придумана Дове почти полвѣка тому назадъ и до сихъ поръ господствовала въ наукѣ. Теорію эту онъ подтверждаетъ изслѣдованіями суточныхъ періодическихъ атмосферныхъ теченій.

Всѣ эти результаты, безъ сомнѣнія, существенно обогащаютъ науку и потому, по мнѣнію комиссіи, трудъ М. А. Рыкачева, согласно съ § 5 правилъ о Ломоносовской преміи, вполне заслуживаетъ награжденія означенною преміей.

II.

Въ предпослѣднія два или три десятилѣтія, развитіе химіи заключалось по преимуществу въ разработкѣ фактическихъ подробностей; въ особенности на почвѣ органической химіи накоплялся цѣнный матеріалъ для будущаго научнаго синтеза. За этотъ періодъ времени возникли, правда, и немаловажныя обобщенія, но это были обобщенія, имѣющія, такъ сказать, болѣе или менѣе частный характеръ, относящіяся къ извѣстному отдѣльному кругу фактовъ. Таковы: ученіе о замѣщеніи, типическая теорія, ученіе о химическомъ строеніи, гипотеза о строеніи ароматическихъ веществъ и т. п. Основные вопросы химіи, о причинахъ и условіяхъ ихъ химическаго взаимодействія, то-есть, о натурѣ такъ-называемаго химическаго сродства, оставались какъ бы на второмъ планѣ. Ихъ несомнѣнная преобладающая важность хорошо сознавалась, но почва являлась мало подготовленною; главное же препятствіе заключалось въ сравнительно огромной трудности ихъ разработки, въ необходимости гораздо боль-

шихъ усилій, чѣмъ тѣ, съ которыми легко можно было идти впередъ въ другихъ менѣе общихъ и менѣе фундаментальныхъ химическихъ вопросахъ.

Огромный толчекъ движенію впередъ упомянутыхъ основныхъ вопросовъ химіи данъ былъ развитіемъ ученія о сохраненіи энергіи. Исслѣдованія стали теперь на твердую почву, а то, что было уже въ этомъ направленіи сдѣлано, приобрѣло большее значеніе и сдѣлалось болѣе плодотворнымъ.

Въ самое послѣднее время въ разработкѣ химіи замѣчается поворотъ къ исслѣдованію общихъ вопросовъ; этотъ начинающій періодъ синтеза химическихъ знаній представляетъ законное, необходимое послѣдствіе того аналитическаго періода, который былъ посвященъ собиранію подробностей и который начинаетъ теперь приходить къ концу. Все большее и большее число новыхъ выдающихся научныхъ силъ начинаетъ посвящать себя уясненію общихъ вопросовъ, и, благодаря этому, все рельефнѣе выдается значеніе и важность того, что уже сдѣлано на этомъ пути; вмѣстѣ съ тѣмъ, является возможность болѣе правильно оцѣнивать заслуги тѣхъ лицъ, которыя, не страшась трудностей, остались вѣрны преслѣдованію общихъ основныхъ научныхъ вопросовъ и въ періодъ ихъ относительнаго застоя. Труды такихъ ученыхъ, по самому существу дѣла, не могли быть многочисленны, но, не блистая количествомъ, они имѣютъ тѣмъ болѣе значенія по ихъ внутреннему достоинству. Между именами лицъ, подвизавшихся съ честью на этомъ первостепенномъ и трудномъ поприщѣ, мы находимъ и русскія имена, снискавшія обще-европейскія извѣстность и уваженіе.

Само собою разумѣется, что каждый серьезный результатъ исслѣдованія по общимъ основнымъ вопросамъ науки нельзя не признать „существенно-обогащающимъ“ ее, и слѣдовательно, имѣющимъ право на награжденіе Ломоносовскою преміей, согласно § 5 правилъ этой преміи; но такъ какъ, по § 13 тѣхъ же правилъ, на соисканіе преміи допускаются только работы, появившіяся въ теченіе двухъ лѣтъ, предшествующихъ конкурсу, то упомянутое награжденіе дѣлалось иногда невозможнымъ вслѣдствіе того, что истинная, правильная оцѣнка значенія работы становилась доступной только тогда, когда развитіе вопроса уже подвинулось далѣе, а двухгодичный срокъ давно истекъ. Такъ вообще крупныя вещи рѣдко могутъ быть безошибочно оцѣнены вблизи, и такъ было, на примѣръ, съ періодическою системою элементовъ, несомнѣнно представляющею одипъ изъ самыхъ круп-

ныхъ шаговъ въ новѣйшемъ періодѣ развитія общей химіи. Система эта заслужила теперь, какъ извѣстно, всеобщее признаніе какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ ученыхъ, и поставила своего автора въ число первенствующихъ ученыхъ Европы.

Въ настоящее время, мы съ особеннымъ удовольствіемъ видимъ возможность обратить вниманіе отдѣленія на труды по химіи, исполнѣнныя удовлетворяющіе обоимъ упомянутымъ выше параграфамъ Правилъ Ломоносовской преміи, а именно на открытіе профессоромъ Харьковскаго университета Н. Н. Бекетовымъ замѣчательныхъ отношеній безводной окиси натрія къ водороду и углекислотѣ.

Начавъ свою научную дѣятельность изслѣдованіемъ довольно обширнаго вопроса изъ области органической химіи, о явленіяхъ сочетанія, Н. Н. Бекетовъ перешелъ потомъ къ еще болѣе общему и важному вопросу, къ явленіямъ вытѣсненія однихъ элементовъ другими. Въ замѣчательныхъ статьяхъ по этому предмету изложены имъ были результаты различныхъ опытовъ и указана впервые зависимость хода вытѣсненія отъ плотностей и пайныхъ вѣсовъ элементовъ. Между тѣмъ окрѣпла механическая теорія теплоты, возникло понятіе о химической энергіи, и нашъ ученый, продолжая посвящать свои труды вопросамъ, касающимся самой природы силъ, обуславливающихъ химическія явленія, естественно обратилъ вниманіе на плотную сторону этихъ явленій.

Опредѣленіе теплоты, выдѣляемое безводной окисью натрія при ея соединеніи съ водою, дало г. Бекетову возможность высчитать, что реакція вытѣсненія водорода натріемъ изъ водной окиси натрія должна была бы сопровождаться не выдѣленіемъ, а поглощеніемъ тепла, и что, слѣдовательно, обратная реакція будетъ соединена съ выдѣленіемъ теплоты. Слѣдуя тому принципу, что между веществами совершаются тѣ именно реакціи, которыя, при данныхъ условіяхъ, сопровождаются наибольшею потерею энергіи—пришлось заключить, что натрій не способенъ вытѣснить водородъ изъ ѣдкаго натра, а водородъ, напротивъ, можетъ возстановлять окись натрія, выдѣляя металлъ и обуславливая образованіе гидрата окиси. Такой выводъ находился въ полномъ противорѣчьи съ обще-принятымъ, укоренившимся воззрѣніемъ, которое представлялось до тѣхъ поръ самымъ естественнымъ и предполагало, что металлъ, столь энергично вытѣсняющій водородъ изъ воды, долженъ вытѣснять его также изъ гидрата окиси металла. Такая реакція сообщалась даже какъ фактъ во всѣхъ учебникахъ химіи. Опытъ, произведенный профессоромъ Бекетовымъ, блестяще

стящимъ образомъ оправдалъ сдѣланный имъ выводъ: при небольшомъ нагрѣваніи безводной окиси натрія въ атмосферѣ водорода, немедленно происходитъ возстановленіе металла; водородъ поглощается такъ энергично, что ртуть, запирающая трубку, поднимается на высоту нѣсколькихъ дециметровъ.

Дальнѣйшее преслѣдованіе вопроса о химическихъ отношеніяхъ безводной окиси натрія побудило г. Бекетова высчитать количество теплоты, долженствующее выдѣлиться при соединеніи безводной окиси натрія съ углекислотой. Количество это оказалось весьма значительнымъ, и привело нашего ученаго къ заключенію, что прямое соединеніе этихъ двухъ веществъ должно быть возможнымъ, и произойдетъ съ большой энергіей. Такой выводъ опять явился неожиданнымъ. Правда, прежде соли разсматривались какъ продуктъ соединенія безводныхъ кислотъ (ангидридовъ) съ безводною окисью металла, но этотъ бинарный взглядъ уже давно замѣнился унитарнымъ, по которому соль есть продуктъ замѣщенія водорода кислоты металломъ,—замѣщенія, совершающагося при взаимодействіи кислоты и щелочи. Но щелочи и кислоты, слѣдуя тому же взгляду, суть гидратныя соединенія; ангидриды же не имѣютъ ни кислыхъ, ни щелочныхъ свойствъ. Возможность полученія солей прямымъ соединеніемъ ангидридовъ выходила изъ границъ такого воззрѣнія; профессоръ Бекетовъ существенно расширилъ эти границы, показавъ, что соединеніе безводной окиси натрія съ углекислотой совершается весьма энергично, сопровождаясь накаливаніемъ. Мы имѣемъ здѣсь разительный примѣръ сгоранія вещества въ атмосферѣ углекислоты, этой обыкновенной противницы горѣнія.

Смѣемъ думать, что описанные, открытые г. Бекетовымъ, факты должны быть признаны „существенно обогащающими науку“; они тѣсно связаны съ важнѣйшими основными понятіями общей химіи.

Основываясь на всемъ изложенномъ, имѣемъ честь просить о награжденіи профессора Харьковскаго университета Н. Н. Бекетова одной изъ тѣхъ двухъ Ломоносовскихъ премій, которыя находятся нынѣ въ распоряженіи отдѣленія.

ОТЧЕТЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1880 ГОДЪ ¹⁾,

Жизненная сила ученыхъ учреждений и польза, приносимая ими странѣ, дающей имъ содержаніе и средства, измѣряются тѣми вкладами, которые члены этихъ учреждений вносятъ въ общую сокровищницу знаній, тѣмъ количествомъ новыхъ и существенно важныхъ свѣдѣній, которое они передаютъ и усваиваютъ обществу. И тѣмъ болѣе послѣднихъ ученое учрежденіе вводитъ въ кругъ умственной и практической дѣятельности народа, чѣмъ оно отзывчивѣе на то, что занимаетъ его и что ему нужно, наконецъ, чѣмъ ближе оно къ нему становится своими изслѣдованіями, содѣйствуя ими возвышенію и умственного его уровня и матеріальнаго благосостоянія, тѣмъ болѣе оно заслуживаетъ уваженія и благодарности отъ соотечественниковъ.

Такую просвѣтительную задачу—служить одновременно наукѣ и отечеству — постоянно имѣло въ виду отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ и по мѣрѣ своихъ силъ старалось ее выполнять.

Ежегодные отчеты отдѣленія служатъ живымъ доказательствомъ, что оно не бездѣйствовало и что своими трудами всегда стремилось осуществлять тѣ задачи, которыя Высочайше были возложены на

¹⁾ Составленъ академикомъ *А. Ѡ. Бычковымъ* и читанъ имъ въ торжественномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1880 года.

него, при преобразованіи Россійской Академіи, основанной Великою Екатериною, въ отдѣленіе Академіи Наукъ—творенія Великаго Петра. Точно такъ и въ теченіе истекающаго года членами отдѣленія были совершены или приготавливались труды, которые несомнѣнно обогатятъ науку заключающимися въ нихъ новыми данными, соображеніями и выводами.

Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Московскій Макарій, не смотря на заботы по управленію обширною епархіею и на обязанности, лежащія на немъ, какъ на членѣ св. синода, неоднократно поучалъ назидательными словами вѣренную ему духовную паству. Наиболее знаменательно изъ нихъ произнесенное владыкою въ Страстномъ монастырѣ по случаю открытія памятника Пушкину и предначавшееся къ произнесенію послѣ божественной службы передъ самымъ памятникомъ. Въ немъ духовный витія немногими словами наглядно очертилъ тѣ стороны произведеній нашего великаго поэта, которыми онъ дорогъ Русскому народу. Капитальнымъ вкладомъ въ науку нельзя не признать его обширной статьи, помѣщенной въ Твореніяхъ святыхъ отцевъ подъ заглавіемъ: Первое двадцатипятилѣтіе церковной уніи въ Западно-Русскомъ краѣ. Она войдетъ въ составъ X-го тома Исторіи Русской церкви, этого замѣчательнаго труда владыки, первый томъ котораго явился въ 1857 году. Отличаясь спокойнымъ тономъ, безпристрастіемъ—послѣдствіемъ изученія документовъ безъ предвзятой мысли — и вѣрнымъ изложеніемъ хода событій и отличительныхъ чертъ характера главныхъ дѣятелей, принимавшихъ въ нихъ участіе, статья эта, сообщающая новыя данныя и соединившая въ одно цѣлое прежде извѣстныя, но разсѣянныя по многимъ изданіямъ, живо изображаетъ ту эпоху, когда приходилось православнымъ въ Западномъ краѣ отстаивать всеми силами и средствами исконную вѣру предковъ отъ насилій и ухищреній латинявъ, іезуитовъ и уніатовъ и бороться съ этими врагами, которые въ то время еще непрочно утвердились въ краѣ, но которымъ слагавшіяся обстоятельства уже обѣщали временную побѣду.

Вышли отдѣльнымъ изданіемъ слова и рѣчи, сказанныя нашимъ глубокоуважаемымъ сочленомъ во время его управленія Литовскою епархіею. Собраніе это открывается прекраснымъ привѣтственнымъ словомъ къ новой паствѣ, въ которомъ владыка объяснялъ слушателямъ—въ чемъ состоитъ православіе и почему для христіанина самымъ высшимъ званіемъ должно быть званіе православнаго.

Академикъ Гротъ напечаталъ біографію Державина, одного изъ

самыхъ даровитыхъ людей эпохи Екатерины Великой. Эта біографія, занимающая въ ряду сочиненій поэта восьмой, предпоследній томъ, имѣющей слишкомъ тысячу страницъ, совокупно съ многочисленными примѣчаніями, присоединенными къ тексту стихотвореній, составляетъ, можно не обинуясь сказать, исторію литературы Екатерининскаго вѣка, если не совсѣмъ цѣльную, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно богатую бібліографическими данными и біографическими свѣдѣніями о многихъ лицахъ и писателяхъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ пѣвцомъ Фелицы. Его служба, начавшаяся въ Преображенскомъ полку, куда онъ поступилъ въ 1762 году рядовымъ, и окончившаяся въ 1803 году, когда его уволили отъ должности министра юстиціи, была въ высшей степени разнообразна. Въ продолженіе этихъ сорока лѣтъ Державинъ участвовалъ, будучи гвардейскимъ офицеромъ, въ усмиреніи Пугачевского бунта; состоялъ при генераль-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ; занималъ постъ губернатора сначала въ Петрозаводскѣ, а потомъ въ Тамбовѣ; исполнялъ должность кабинетъ-секретаря императрицы у принятія прошеній; былъ сенаторомъ, президентомъ коммерцъ-коллегіи, и наконецъ, министромъ юстиціи. Во все это время онъ постоянно занимался поэзіею, не смотря на то, что сверхъ лежавшихъ на немъ административныхъ обязанностей, неоднократно ему поручалось веденіе и разсмотрѣніе многихъ важныхъ дѣлъ, и самъ онъ подымалъ вопросы государственнаго значенія. И поэтическая и служебная дѣятельность Державина приводила его то въ дружескія, то въ непріязненныя отношенія къ значительному числу лицъ, начиная отъ пользовавшихся неограниченнымъ высочайшимъ довѣріемъ и милостію. Все это естественно должно было увеличить трудъ біографа, потребовать отъ него утомительныхъ изслѣдованій и мелочныхъ разысканій, составленія цѣлаго ряда небольшихъ монографій, которыя всѣ, примыкая къ Державину, какъ къ центру, имѣли цѣлю объяснить то или другое его стихотвореніе, дать читателю возможность живо представить и участіе поэта въ дѣлахъ, и общество тогдашней эпохи, столь своеобразной и богатой выдающимися событіями, лицами и особенностями нравовъ. Я. К. Гротъ выполнилъ съ добросовѣстностію и знаніемъ дѣла эту нелегкую задачу. Благодаря обилію матеріаловъ, находившихся въ рукахъ академика, строгой критикѣ, къ нимъ приложенной, и рѣдкому безпристрастію при оцѣнкѣ литературной и государственной дѣятельности Державина, біографія его явилась и прекрасно исполненною и чрезвычайно полною, къ которой, можетъ быть, придется впоследствии

ствѣ прибавитъ нѣсколько самыхъ незначительныхъ чертъ, но едва ли явится необходимость измѣнить ея сущность. Умалчиваю объ интересѣ содержанія и живости изложенія, качествахъ, присущихъ каждому произведенію, выходящему изъ-подъ пера нашего сочлена; ему удалось, съ одной стороны, воссоздать весьма отчетливо образъ поэта, безъ увлеченія его личностію и безъ предубѣжденія къ ней, съ другой—представить живую картину того общества, среди котораго приходилось жить и дѣйствовать поэту. Не буду излагать передъ вами нѣкоторыхъ весьма любопытныхъ и весьма характерныхъ подробностей жизни Державина. Книга уже находится въ рукахъ лицъ, интересующихся исторіею нашей литературы, и безъ всякаго сомнѣнія, если еще не прочтена, то прочтется въ скоромъ времени. Но считаю нужнымъ привести тѣ результаты, въ которыхъ авторъ пришелъ, разсматривая Державина, какъ писателя и какъ общественнаго дѣятеля. „Въ Державинѣ“, говоритъ биографъ,—„жила кипучая сила, ознаменованная въ его литературномъ творчествѣ, между прочимъ, чрезвычайною производительностію. Это одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ русскихъ писателей. Вотъ первая трудность полного изученія и вѣрной оцѣнки Державина. Другая причина, почему критикъ не легко установитъ свой взглядъ на него, заключается въ разнородности содержанія его сочиненій и неравенствѣ ихъ достоинства. Превосходное смѣшано у него не только съ посредственнымъ, но и съ дурнымъ. Естественно, что въ сужденія о такомъ писателѣ должно входить много субъективнаго: каждый судитъ о немъ по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя оказываются сильнѣе: одинъ болѣе поражается красотами его поэзіи, другой—ея недостатками, и на этомъ основаніи въ приговорахъ о немъ преобладаетъ то похвала, то порицаніе. Не отъ того ли происходитъ и различіе между взглядами на Державина современниковъ его и большинства нынѣшнихъ его читателей? Старики видѣли въ немъ одно хорошее; внуки склонны замѣчать преимущественно дурное. И это очень понятно: справедливость требуетъ прямо допустить, что поэзія Державина представляетъ много такого, что не согласно съ понятіями и вкусомъ нашего времени“. Кромѣ того, „неровность языка составилъ въ немъ одно изъ загадочныхъ на первый взглядъ явленій. Съ одной стороны, кажется страннымъ, какъ человекъ, не знающій основательно ни грамматики, ни орфографіи, часто достигаетъ такой пластичности выраженія, такого плавнаго и легкаго стиха, такой легкой и звучной поэтической фразы, какія свойственны только мастеру дѣла. Съ другой стороны, насъ поражаетъ его тя-

желая, запутанная, неуклюжая проза; наконецъ, рядомъ съ совершеннымъ невѣдѣніемъ теоріи слова, у него является удивительное богатство матеріала изъ всѣхъ сферъ языка—изъ церковно-славянскаго, изъ русскаго книжнаго, изъ простонароднаго, и даже изъ областныхъ нарѣчій. Но противорѣчія, замѣчаемыя въ стихотворномъ языкѣ Державина, объясняются тѣмъ, что онъ, обладая изумительнымъ природнымъ чутьемъ, вообще отличающимъ талантъ, могъ удачно побѣждать трудности версификаціи только тогда, когда былъ окрыленъ вдохновеніемъ, но, никогда не вникавъ въ разнообразныя формы и законы языка, не умѣлъ совладать съ нимъ въ обыкновенномъ, какъ бы будничномъ настроеніи духа. Точно также онъ во все не имѣлъ понятія о законахъ художественной стройности произведенія, и отъ того-то проистекаетъ господствующее въ его одахъ отсутствіе выдержанности. Эти два существенные недостатка его стихотвореній, неровность языка и слабость художественнаго элемента, всегда останутся тѣнями въ его поэтической славѣ. Естественно, что послѣ совершенства, достигнутаго позднѣйшими поэтами не только въ формѣ, но и въ художественной разработкѣ содержанія, недостатки поэзіи Державина должны сильно чувствоваться въ настоящее время“. Но тѣмъ не менѣе, современники Державина горячо сочувствовали его поэзіи, высоко ее цѣнили; произведенія его быстро распространялись по всѣмъ концамъ Россіи, потому что они были отголосками того, чѣмъ жило въ то время наше отечество, чѣмъ составляло его надежды и мечты, чѣмъ проявляло его могущество и славу—царствованіе Екатерины II, прославившееся побѣдами, изданіемъ Наказа, многими мѣрами мудрыми и великодушными, наконецъ, потому, что они были вѣрнымъ зеркаломъ, отражавшимъ въ себѣ господствовавшія въ тогдашнемъ обществѣ два противоположныя направленія: матеріалистическое, конечною цѣлью котораго являлись наслажденія земными благами, и духовное, стремившееся опредѣлить отношеніе человѣка къ высшему міру и проповѣдывавшее приближеніе къ недосягаемымъ идеаламъ человѣческаго достоинства. Прибавлю ко всему этому еще одно: біографу Державина удалось снять съ него упрекъ, что будто онъ воспѣвалъ преимущественно фаворитовъ государыни: онъ пѣлъ и хвалилъ только тѣхъ изъ нихъ, похвалы которыхъ повторяетъ теперь исторія, и только тогда, когда ему уже нельзя было ожидать отъ нихъ чего-либо. Придворнымъ поэтомъ онъ никогда не былъ.

Въ административной дѣятельности Державинъ проявлялъ, быть

можетъ, болѣе искренности, чѣмъ во многихъ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ; высказывалъ иногда замѣчательно здравые взгляды, и дѣйствуя постоянно въ русскихъ интересахъ, служилъ честно отечеству въ томъ направленіи, которое считалъ наиболѣе для него полезнымъ, что навлекло на него неудовольствіе со стороны тогдашнихъ либераловъ, или увлекавшихся личными стремленіями или подчинявшихся иноземнымъ вліяніямъ, и такимъ образомъ, дѣйствовавшихъ, какъ и всегда, сознательно или безсознательно во вредъ Россіи.

Какъ государственнаго дѣятеля, біографъ обрисовалъ Державина слѣдующимъ образомъ: „Къ государственной службѣ Державинъ имѣлъ несомнѣнныя способности. Объ этомъ достаточно свидѣлствуютъ быстрота и легкость, съ какими онъ, перейдя съ военнаго поприща на гражданское, усвоилъ себѣ основательное знакомство съ законами и дѣлопроизводствомъ. Но для вполне усѣбной дѣятельности въ этой сферѣ ему доставало многого: прежде всего не доставало ему спокойствія духа, самообладанія и терпѣнія; не было у него также благоразумнаго умѣнья уживаться съ людьми, примѣняться къ обстоятельствамъ, къ характеру, взглядамъ и поведенію другихъ, быть ловкимъ и гибкимъ, хотя бы для вѣрнѣйшаго достиженія своихъ цѣлей. Отъ того-то онъ ни въ одной должности не могъ утвердиться прочно и отовсюду принужденъ былъ удалиться вслѣдствіе ссоръ съ поставленными надъ нимъ властями или сослуживцами. Но эти ссоры происходили не отъ строптивости въ его характерѣ, какъ думала Екатерина II, и не отъ сварливости, а отъ крайне строгаго, даже педантическаго уваженія къ закону и долгу, отъ смѣлой откровенности и неуклонной прямоты въ выраженіи своихъ убѣжденій и примѣненіи къ нимъ своего образа дѣйствій, наконецъ, отъ необыкновенно горячаго и нетерпѣливаго права его. Главною причиною всѣхъ его столкновеній было стремленіе во что бы то ни стало доставить побѣду правдѣ, или тому, что онъ считалъ справедливымъ. Немногіе государственные люди той эпохи знали Россію, какъ Державинъ, изучившій ее лицомъ къ лицу отъ Казани до Вѣлороссіи, отъ пизовьевъ Волги до Сѣвернаго океана, отъ крестьянской хаты и солдатской казармы до царскихъ чертоговъ; не многіе такъ хорошо понимали ея историческія судьбы и призваніе. Самъ отличаясь рѣдкою энергіею и дѣятельностію, онъ велъ неутомимую борьбу противъ нѣкоторыхъ коренныхъ недостатковъ русскаго человѣка, противъ его слабости воли и безіечности, противъ равнодушнаго отношенія его

къ закону и легкости, съ какою онъ даетъ употреблять себя орудіемъ враждебныхъ козней. Въ служебной дѣятельности своей Державинъ всегда руководился болѣе опытомъ жизни и практикою, нежели теоріею, часто основанною на непригодныхъ для Россіи началахъ; онъ не дорожилъ канцелярскими формальностями и бюрократическою рутинною, любилъ быстроту производства, и гласность, во все вносилъ духъ жизни и правды“.

Въ заключеніи позволю себѣ сказать, что біографія Державина подъ перомъ нашего сочлена не превратилась въ панегирикъ ему, чего нельзя не признать большимъ достоинствомъ, такъ какъ обыкновенно жизнеописатель безотчетно привязывается къ лицу, изученіемъ котораго занимается, и видитъ въ немъ одно хорошее. Въ трудѣ своемъ академикъ изобразилъ Державина, какъ живое дѣйствительное лицо, со всѣми его достоинствами и недостатками, не скрывая темныхъ сторонъ его общественной дѣятельности, не умалчивая о томъ, за что съ похвалою относится къ нему потомство.

Кромѣ біографіи Державина, капитальнаго вклада въ исторію нашей литературы, академикъ Гротъ продолжалъ печатаніе обширной и богатой новыми данными переписки умершаго нашего сочлена П. А. Шлетпева, бывшаго въ сношеніи со многими литературными дѣятелями его времени, и по порученію Императорскаго русскаго историческаго общества, напечаталъ письма барона Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II.

Академикъ Буслаевъ помѣстилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и Русскомъ Вѣстникѣ историческое обзорѣніе древностей Бамберга и Регенсбурга подъ заглавіемъ: „Изъ путевыхъ замѣтокъ“. Онъ же приготовляетъ для Общества любителей древней письменности очень любопытное и важное изслѣдованіе о славяно-русскомъ лицевомъ Апокалипсисѣ, которое послужитъ объясненіемъ 290 типическихъ рисунковъ, взятыхъ изъ 30-ти лучшихъ рукописей этого творенія. Въ своемъ изслѣдованіи академикъ намѣревается указать главнѣйшія редакціи нашего лицеваго Апокалипсиса, не переходящія, впрочемъ, за XVI вѣкъ и отличающіяся одна отъ другой столько же различіями въ текстѣ, сколько содержаніемъ и стилемъ миниатюръ. Что касается послѣднихъ, то онѣ, какъ могъ замѣтить нашъ сочленъ, носятъ на себѣ печать самостоятельности и поэтому отличаются отъ миниатюръ, находящихся въ западно-европейскихъ рукописяхъ Апокалипсиса, хотя русскіе мастера въ своихъ рисункахъ и не чуждались того, что являлось послѣдствіемъ развитія древне-христіанскаго искусства.

Для того же Общества Ѡ. И. Буслаевъ печатаетъ собраніе образцовъ письма и орнаментовъ изъ рукописной Слѣдованной Псалтыри XV вѣка, хранящейся въ библиотекѣ Тронцо-Сергіевской лавры. Сверхъ того, г. Буслаевъ напечаталъ третьимъ дополненнымъ и исправленнымъ изданіемъ Русскую христоматію.

Академикъ Вычковъ занимался собраніемъ и приготовленіемъ къ печати писемъ и бумагъ императора Петра Великаго, сохранившихся какъ у насъ, такъ и за границею въ государственныхъ архивахъ и въ рукахъ частныхъ лицъ. Этимъ изданіемъ будетъ воздвигнуть достойный памятникъ нашему великому преобразователю, имѣвшему постоянно въ виду одно—возвеличить и возвести на высшую степень благосостоянія горячо любимую имъ Россію. „Надлежитъ трудиться“, говорилъ монархъ, обращаясь къ сановникамъ и къ иностраннымъ посланцѣмъ, по заключеніи мира со Швеціею, — „о пользѣ и прибыткѣ общемъ, которой Богъ намъ предъ очи владеть, какъ внутри, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ“.

Государственные архивы Берлинскій и Вѣнсскій, въ которые академикъ былъ допущенъ для снятія копій съ находящихся тамъ документовъ, доставили не мало любопытныхъ матеріаловъ, относящихся преимущественно до Сѣверной войны и къ дѣлу царевича Алексѣя Пестровича. Въ настоящее время собрано нѣсколько тысячъ документовъ, и это число увеличивается постоянно новыми, доставляемыми частными лицами. Изъ просмотра донесеній разныхъ лицъ государю оказывается, что очень значительное число его писемъ до насъ не дошло: они или погибли безвозвратно, или быть можетъ, находятся еще въ частныхъ рукахъ, хотя въ этомъ позволительно сомнѣваться. Самое старѣйшее письмо въ этомъ собраніи относится къ 20-му апрѣля 1689 года и писано къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, изъ Переяславля, о вскрытіи озера, объ окончательной отдѣлкѣ судовъ и о скорѣйшей присылкѣ канатовъ изъ пушкарскаго приказа. Последнее письмо монарха писано къ Прусскому королю Фридриху-Вильгельму I за три дня до кончины, 25-го января 1725 года, съ просьбою по случаю простуды, отъ которой „являются чрезвычайныя акциденціи“, прислать королевскаго лейбъ-медика фонъ-Сталя, „яко славнаго практика“, для совѣта. Въ числѣ собранныхъ писемъ и документовъ находится много неизвѣстныхъ, которые открываютъ новыя факты въ разносторонней дѣятельности великаго монарха. Представляю на выдержку одинъ: пространный указъ св. синоду, отъ 31-го января 1724 года, о званіи монашескомъ, о правилахъ жизни въ монастыряхъ

мужскихъ и женскихъ, о помѣщеніи въ монастыряхъ мужскихъ убогихъ отставныхъ солдатъ и нищихъ, а въ женскихъ — малолѣтнихъ сиротъ обоюга пола, почти весь написанъ собственноручно государемъ.

Тотъ же академикъ продолжалъ печатаніемъ начатое имъ подробное описаніе рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки на языкахъ церковно-славянскомъ и русскомъ. Этотъ отдѣлъ рукописей представляетъ большую важность, такъ какъ въ нихъ нерѣдко встрѣчаются сочиненія неизвѣстныхъ, а для текстовъ напечатанныхъ онѣ иногда представляютъ болѣе исправныя редакціи.

Академикъ Сухомлиновъ напечаталъ пятый томъ Исторіи Россійской Академіи, при составленіи котораго пользовался многими рукописными собраніями, какъ-то: Императорской Публичной Библіотеки, государственнаго архива, архива св. синода, московскихъ архивовъ: университета, министерства юстиціи, военной коллегіи и др. Въ составъ этого тома вошли біографіи слѣдующихъ членовъ Россійской Академіи: профессоровъ Московскаго университета Десницкаго и Зыбелина; преподавателей морскаго кадетскаго корпуса Никитина и Суворова; извѣстнаго въ свое время писателя Мальгина и Ивана Никитича Болтина. Біографія послѣдняго составляетъ главный отдѣлъ только что вышедшаго тома, и въ ней разсматриваются: литературныя труды Болтина; знакомство его съ западно-европейскою литературою, отношеніе его къ русскимъ писателямъ, научныя взгляды и критическіе приемы Болтина, его религіозныя воззрѣнія, его сужденія о вопросахъ государственной и общественной жизни; его литературныя и филологическія понятія, и наконецъ, дѣятельность Болтина въ Россійской Академіи. Трудъ академика Сухомлинова даетъ возможность нѣсколько ближе и полнѣе ознакомиться съ личностью Болтина, о которой доселѣ мы имѣли самыя скудныя свѣдѣнія.

Иванъ Никитичъ Болтинъ принадлежитъ къ замѣчательнымъ литературнымъ дѣятелямъ второй половины XVIII в., какъ и Державинъ, о которомъ я только что говорилъ. Въ трудахъ Болтина видны умъ, талантъ, здравая критика, многостороннее образованіе, глубокое изученіе по доступнымъ въ то время источникамъ прошлыхъ судебъ Россіи и здравыя мысли о современномъ ему обществѣ, о господствующихъ въ немъ нравахъ и понятіяхъ и о тѣхъ потребностяхъ, осуществленіе которыхъ можетъ повести его къ развитію и благосостоянію. Знакомый съ идеями, царившими въ то время въ западной

Европѣ, читавшій Бэля, Вольтера и др., Болтинъ остался вполне Русскимъ человекомъ, и это слѣдуетъ приписать тому, что образованіе свое онъ довершилъ не за границею, но частыми поѣздками по разнымъ краямъ Россіи, будучи одно время правою рукою Потемкина, при чемъ, вступая въ сношенія съ различными слоями населенія, съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе проникался уваженіемъ къ Русскому народу.

Любимымъ занятіемъ Болтина была отечественная исторія, и онъ, какъ знатокъ ея, пользовался громкою у насъ извѣстностію. Хотя отъ него мы имѣемъ только критическія замѣчанія на чужіе труды, но тѣмъ не менѣе эти замѣчанія, во многихъ отношеніяхъ драгоценныя и иногда составляющія не большія, но очень важныя изслѣдованія, оставили слѣдъ въ нашей исторической литературѣ. Взгляды и выводы Болтина принимаются въ соображеніе и до сихъ поръ.

Первый историческій трудъ Болтина носитъ заглавіе: Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи—г. Леклерка, жившаго около десяти лѣтъ въ Россіи, куда онъ пріѣхалъ изъ Франціи въ качествѣ врача. Все время своего пребыванія у насъ Леклеркъ посвящалъ—какъ говоритъ самъ—на необходимыя разысканія, чтобы написать исторію Россіи, и, не смотря на это, трудъ его оказался лишеннымъ всякой критики и полнымъ ошибокъ. Вотъ какой далъ о немъ отзывъ Болтинъ послѣ внимательнаго его разсмотрѣнія, занявшаго два объемистые тома въ 4-ю долю листа: „По странному всякородныхъ вещей смѣшенію, приличнѣе бы сочиненіе назвать всякою всячиною или rot roundi. Пришло мнѣ въ умъ сдѣлать страннаго рода, но весьма близкое и сходное сравненіе тамошнія (сарептской) лавки съ книгою, на которую пишу я теперь возраженіе. Есть тамъ (въ лавкѣ) бархаты и штофъ, крашенина и посконный холстъ, астроляби и микроскопы, сѣновосныя косы и сошники, душистыя воды и помада, вакса и деготь, позументы и ленты, сурки и нитки, золотыя часы и табакерки, мѣльныя кольца и стеклянныя пронизки, концепель и сурикъ. Въ жизнь мою не видалъ я такой лавки, въ которой толикая разнообразность вещей находится. Въ первый разъ въ жизнь мою читаю такую книгу, въ которой толикая смѣсь вещей разнородныхъ и разнообразныхъ содержится“.

С. М. Соловьевъ въ статьѣ: „Писатели русской исторіи XVIII вѣка“ говоритъ о книгѣ Болтина противъ Леклерка, что она „есть первый трудъ по русской исторіи, въ которомъ проведена одна освѣщая мысль, въ которой есть одинъ общій взглядъ на цѣлый ходъ исторіи.“

У Болтина мы не встрѣчаемъ толковъ о пользѣ исторіи, какъ науки опыта и примѣра; но у него перваго видимъ попытку смотрѣть на исторію, какъ на науку народнаго самопознанія, стараніе сдѣлать изъ исторіи прямое приложеніе къ жизни, отыскать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ, задать вопросъ объ отношеніяхъ стараго къ новому. Ломоносовъ хочетъ только прославить геройскіе подвиги дѣятелей нашей исторіи. Щербатовъ вглядывается въ отдѣльныя явленія, старается уяснить нѣкоторыя, особенно для него поразительныя, явленія русской исторіи, не связывая ихъ однако другъ съ другомъ; Болтинъ старается уяснить цѣлый ходъ русской исторіи, не похожей ни на какія другія, и показать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ*.

Столь же рѣзко, какъ книгу Леклерка, Болтинъ осудилъ и два первые тома историческаго труда князя Щербатова. Онъ указалъ въ немъ грубыя ошибки, противорѣчія, непониманіе текста лѣтописей и происходящія отъ того произвольныя толкованія и предположенія. Въ этомъ разборѣ Болтинъ обнаружилъ, кромѣ научныхъ знаній и полемическаго таланта, тонкое во многихъ случаяхъ пониманіе общественныхъ потребностей.

Вообще отличительныя черты Болтина, какъ историческаго писателя, составляютъ: уваженіе къ факту; строгая правдивость; неуклонное стремленіе къ истинѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, историкъ долженъ повѣствовать лишь о томъ, что дѣйствительно было, а не о томъ, что могло бы быть; наконецъ, любовь къ родинѣ, проглядывающая у него вездѣ: онъ не упускаетъ ни одного случая, чтобы не указать на то, что предки наши не были варварами, и что они имѣютъ всѣ права на сочувствіе и уваженіе, и чтобы не посоветовать современникамъ стремиться освободить себя отъ гнета и вліянія прозаемцевъ, всегда свысока смотрящихъ на Русскихъ.

Оканчивая обзоръ содержанія новаго тома обширнаго труда академика Сухомлинова, труда весьма важнаго для исторіи русской литературы и русскаго просвѣщенія, считаю нужнымъ привести нѣсколько словъ Болтина о томъ, какъ онъ полагалъ разрѣшить такъ называемый нынѣ крестьянскій вопросъ. „При дачѣ рабамъ свободы“, говоритъ Болтинъ, — „все благоразуміе въ томъ, по мнѣнію моему, должно состоять, чтобы не прежде оную имъ даровать, какъ науча ихъ познавать ея цѣну и какъ надлежитъ ею пользоваться. Въ противномъ случаѣ, вмѣсто благодаренія сдѣланъ будетъ имъ вредъ, зло и гибель. Уволить надлежитъ всѣхъ (а не по частямъ), но исподоволь

и постепенно, такъ какъ бывшему долгое время въ темнотѣ не вдругъ показать должно большой свѣтъ, а по немногу: въ противномъ случаѣ глаза его повредятся и не будутъ въ состояніи вѣчно наслаждаться зрѣлищемъ вождѣнныя свѣтлости"... Для того времени эти мысли Болтина нельзя не признать опередившими свой вѣкъ и въ высшей степени человѣколюбивыми.

Кромѣ пятаго тома Исторіи Россійской Академіи, М. И. Сухолинновъ напечаталъ: „Изъ литературы пятидесятихъ годовъ (Снятіе опалы съ славянофиловъ)“; Рѣчь о Пушкинѣ, читанную имъ на празднествѣ по поводу открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, и отчетъ по второму отдѣленію Академіи наукъ за 1877 годъ, въ который вошелъ очеркъ трудовъ С. М. Соловьева.

Труды академика А. Н. Веселовскаго касались преимущественно народной словесности, русской и славянской, введенныхъ имъ въ кругъ возможно полнаго сравненія съ сходными явленіями другихъ народностей. Извѣстно, что русская наука была одна изъ первыхъ, отозвавшихся на живую потребность, подсказанную пробудившимся народнымъ самосознаніемъ—изучить его въ поэтическихъ и бытовыхъ его проявленіяхъ; что рускіе труды по народной психологіи, какъ, на примѣръ, Буслаева, Аванасьева, О. Миллера и др., предварили французскіе и италіанскіе. Наша литература богата не только отдѣльными изслѣдованіями, сборниками пѣсень, сказокъ, обычаевъ и т. п., но въ ней уже явились и разныя направленія въ изученіи народно-бытоваго и поэтическаго матеріала и основанныя на нихъ попытки обобщеній. Это одновременное существованіе нѣсколькихъ направленій должно было вызвать ихъ повѣрку, поставить на novo вопросъ метода, сущность котораго опредѣляется качествомъ матеріала, представляемаго для работъ демопсихологу. Народная жизнь есть собраніе историческихъ условій, не всегда послѣдовательно смѣнявшихся другъ друга, а чаще всего спаенныхъ внѣшнимъ способомъ. Современный народный бытъ съ его обычаями, обрядами и вѣрованіями является плодомъ подобнаго развитія. Брачныя, личныя, имущественныя отношенія современнаго крестьянства посятъ на себѣ слѣды разновременныхъ наслоеній; такъ, на примѣръ, въ брачномъ обрядѣ и пѣснѣ сохраняется память доисторическихъ отношеній, бракъ посредствомъ умиканія, купли—и проявленія личнаго чувства, въ уровень съ требованіями позднѣйшаго развитія. Каждая изъ формъ быта, смѣнявшихся одна другую въ исторіи, отложила въ формахъ и образахъ вѣрованія; въ современномъ „суетвѣртіи“ всѣ эти послѣ-

довательныя степени религіознаго развитія отразились своими единичными чертами, точно такъ, какъ послѣдовательныя формы быта въ современномъ быту. Задача миѳолога—раскрыть и опредѣлить эти наслоенія: онъ долженъ заняться не характеристикою цѣлаго, но анализомъ тѣхъ вѣковыхъ наслоеній, которыя произвели это цѣлое. Таковыя требованія академикъ приложилъ и къ изученію русскаго былиннаго эпоса. Почти навѣрное можно сказать, что типы былинныхъ богатырей, въ которыхъ иные видѣли нѣчто прочное, могущее служить критическимъ мѣриломъ при оцѣнкѣ былевыхъ пѣсней, должны были измѣняться съ теченіемъ времени, и любимѣйшіе изъ нихъ болѣе, чѣмъ тѣ, къ которымъ народная фантазія относилась хладнокровнѣе; что типъ, на примѣръ, Ильи Муромца, на сколько онъ выясняется изъ современныхъ былинъ, быть можетъ, менѣе архитипиченъ, чѣмъ второстепенная личность какого-нибудь Михаила Казарина. Такое изученіе русскаго эпоса, если и удаляетъ изъ него спокойное впечатлѣніе цѣльности, къ которому мы издавна привыкли, за то вносить въ него идею развитія, которая отвѣтитъ слѣдующей, стоящей на очереди задачѣ: прослѣдить рядомъ съ развитіемъ общества, владѣвшаго грамотностію и литературой, исторію другаго міросозерцанія, развивавшагося изъ коренныхъ основъ народной жизни и претворившаго по ея образцамъ то, что заходило въ него изъ міра грамотности и литературы.

Ставъ на вышеуказанную нами точку зрѣнія относительно изученія былинъ, академикъ прочелъ въ отдѣленіи два, нынѣ печатающіяся, изслѣдованія о южно-русскихъ былинахъ, подъ заглавіемъ: I) Былина о Михаилѣ Даниловичѣ и младшіе богатыри, и II) Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ 1574 года. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ трудъ нашего сочлена, по выходѣ въ свѣтъ, обратитъ на себя вниманіе какъ нашихъ, такъ и заграничныхъ изслѣдователей народной поэзіи, среди которыхъ мнѣнія А. Н. Веселовскаго, съ выходомъ cadaго новаго сочиненія, все болѣе и болѣе приобрѣтаютъ значеніе. Въ продолженіе 1880 года онъ напечаталъ: Очеркъ исторіи повѣсти до Петра Великаго, помѣщенный въ Исторіи русской словесности древней и новой Галахова. Въ этомъ очеркѣ авторъ совмѣстилъ всѣ сдѣланныя до послѣдняго времени открытія и добытые изслѣдованіями результаты. Послѣ довольно подробнаго разсмотрѣнія перешедшихъ къ намъ византійской и южно-славянской повѣсти, а потомъ повѣстей западнаго происхожденія, изъ которыхъ долѣе остановился на Римскихъ Дѣяніяхъ (*Gesta Romanorum*), г. Веселовскій изложилъ

начало и развитіе русской повѣсти, первыми начатками которой были сказанія о винѣ и происхожденіи табака и повѣсти о Соломонѣ и о Саввѣ Грудцынѣ.

Перу того же академика принадлежатъ двѣ статьи изъ розысканій въ области русскихъ духовныхъ стиховъ: I) Греческій апокрифъ о св. Θεодорѣ и II) Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ. Въ послѣднемъ довольно обширномъ изслѣдованіи одинъ изъ условныхъ выводовъ автора долженъ побудить занимающихся изученіемъ народной литературы къ его повѣркѣ. Это приравненіе духовной легенды о святыхъ Георгіи и Θεодорѣ, перешедшихъ въ русскую духовную поэзію въ качествѣ змѣборцевъ, съ русскимъ былиннымъ эпосомъ, въ которомъ змѣборство приписано Добрынѣ, какъ его спеціальность. Быть можетъ, русскія былины о Добрынѣ восходятъ къ тѣмъ первоисточникамъ, которые осложнили чудеснымъ элементомъ народной саги разказы о святыхъ. Кромѣ вышеозначенныхъ сочиненій, академикъ еще напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія: О талмудическомъ источникѣ одной Соломоновой повѣсти въ русской Палестинѣ, а въ присужденіи уваровскихъ наградъ отчетъ о трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край.

Въ настоящемъ году въ составъ отдѣленія вошелъ, съ званіемъ экстраординарнаго академика, извѣстный славистъ И. В. Ягичъ. Ученому міру труды его по славянской филологіи давно знакомы, а издаваемый имъ въ Берлинѣ журналъ: *Archiv für Slavische Philologie*, въ которомъ помѣщено много его статей по языковѣданію, по исторіи славянскихъ литературъ и по славянской мнѣологіи, доставилъ ему почетное имя въ наукѣ. Изъ недавнихъ его трудовъ заслуживаютъ особенное вниманіе изданіе двухъ древнихъ памятниковъ — Зографскаго Евангелія, писаннаго глаголицею, тексту котораго онъ предпослалъ критическое о немъ изслѣдованіе на латинскомъ языкѣ, и закупа Винодолскаго съ русскимъ переводомъ и съ критическими и филологическими замѣчаніями на русскомъ языкѣ. То, что уже совершенно въ области науки академикомъ Ягичемъ, ручается за плодотворную дѣятельность его въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что собраніи церковно-славянскихъ рукописей въ здѣшнихъ библіотекахъ представитъ ему весьма богатый матеріалъ для новыхъ изслѣдованій разнаго рода. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій истекающаго года имъ была читана въ отдѣленіи обширная и любопытная записка, содержащая проектъ изданія сравнительнаго сло-

вара славянскихъ языковъ (*Linguarum Slavicarum lexicon comparativum*), который въ настоящее время является насущною потребностію для всѣхъ Славянъ.

Представивъ краткій очеркъ трудовъ всѣхъ академикомъ второго отдѣленія, я съ глубокимъ сожалѣніемъ въ настоящемъ отчетѣ не имѣю возможности упомянуть о трудахъ одного изъ нихъ, имя котораго 30 лѣтъ сряду приносилось здѣсь въ этотъ торжественный день.

Въ прошедшемъ году отдѣленіе русскаго языка и словесности понесло чувствительную потерю въ лицѣ С. М. Соловьева, трудами котораго русской исторіи дано замѣтное движеніе, и котораго отдѣленіе сочло долгомъ избрать въ число своихъ членовъ и такимъ образомъ ввести его въ Академію Наукъ, а въ началѣ настоящаго года новая потеря, и не менѣе чувствительная, постигла отдѣленіе. Въ ночь съ 8-го на 9-е февраля сошелъ въ могилу И. И. Срезневскій, одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Академіи, полвѣка принимавшій въ движеніи науки самое живое участіе своими трудами, которыми онъ занялъ почетное мѣсто среди ея дѣятелей. Въ настоящій день умѣстно въ немногихъ словахъ припомнить о полезной службѣ покойнаго наукъ и Россіи и тѣмъ достойно почтить его память.

И. И. Срезневскій родился 1-го іюня памятнаго для Россіи 1812 г., въ Ярославлѣ, въ стѣнахъ Демидовскаго высшихъ наукъ училища (нынѣ Демидовскій юридическій лицей), въ которомъ отецъ его состоялъ профессоромъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ рожденія, его съ береговъ Волги перевезли въ Харьковъ, куда долженъ былъ переселиться его родитель по случаю своего назначенія инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ и ординарнымъ профессоромъ російскаго краснорѣчія и поэзіи Харьковскаго университета.

Первое отчетливое воспоминаніе Срезневскаго относится къ празднованію въ зданіи университета Парижскаго мира, окончившаго войну съ Наполеономъ. Это торжество, на которомъ онъ присутствовалъ, произвело столь сильное впечатлѣніе на ребенка, что самыя мелкія подробности его покойный академикъ съ изумительною отчетливостію передавалъ въ послѣдніе годы своей жизни. Съ этого времени, по словамъ его, память уже хранила все имъ прожитое и прочувствованное. На 8-мъ году Срезневскій остался сиротой. Живою, рѣзвюю и впечатлительнымъ, онъ въ ранніе годы своей жизни обнаруживалъ наклонность какъ къ литературнымъ, такъ и къ серъ-

езнымъ занятіямъ. Къ 1820 или 1821 году относится его первое сочиненіе—поздравительные стихи одному изъ друзей семейства, которые въ домашнемъ кругу усвоили ему названіе сочинителя. По окончаніи домашняго образованія, руководительницею котораго была нѣжно-любимая мать, Срезневскій, имѣя 14 лѣтъ отъ роду, выдержалъ экзаменъ въ университетъ и поступилъ въ число студентовъ факультета этико-политическихъ наукъ. Одаренный блестящими способностями и счастливою памятью, онъ, 17-ти-лѣтнимъ юношею, въ 1829 году блистательно кончилъ курсъ со степенью кандидата по представленіи диссертациі „Объ обидѣ“. Столь раннимъ по возрасту окончаніемъ курса Срезневскій, по его словамъ, былъ обязанъ сколько чтенію книгъ и журналовъ, находившихся въ университетской библіотекѣ и получаемыхъ отъ профессора Даниловича, столько же слишкомъ невзыскательнымъ требованіямъ наличнаго состава профессоровъ факультета, которыхъ было въ немъ только четыре: Могилевскій, Дудровичъ, Пауловичъ и Даниловичъ ¹⁾. Изъ нихъ наиболѣе выдавался послѣдній. Двѣдцатые годы текущаго столѣтія являются въ жизни русскихъ университетовъ эпохою ихъ застоя и упадка. Каѳедры были заняты большею частью людьми, или отживавшими свой вѣкъ, или давно покинувшими занятія наукою, равнодушными къ ея успѣхамъ и нисколько не слѣдившими за ея движеніемъ. Лекціи читались многими профессорами по тетрадкамъ, листы которыхъ отъ долговременнаго употребленія иногда слипались до того, что профессоръ, не замѣчая этого, перескакивалъ отъ описанія сахарнаго тростника къ описанію дуба, и предполагая, что продолжаетъ чтеніе о первомъ, самъ изумлялся несообразностямъ, проистекшимъ отъ такого перехода. И не смотря на такой низкій уровень профессорскихъ чтеній, И. И. Срезневскій постоянно съ благодарнымъ чувствомъ вспоминалъ о времени своего студенчества въ Харьковскомъ университетѣ и о профессорѣ Даниловичѣ, который умѣлъ своими лекціями давать здоровую пищу молодымъ умамъ, и заставляя ихъ работать самостоятельно и требуя отчета въ прочитанномъ, содѣйствовалъ тѣмъ ихъ развитію. Впослѣдствіи покойный академикъ

¹⁾ Могилевскій читалъ богопознаніе, Дудровичъ—логику, этику и естественное право, Пауловичъ—римское право, политическую экономію, науку о финансахъ и дипломатику, а Даниловичъ—русское гражданское и уголовное право и уголовное судопроизводство въ Россіи.

и самъ, занимая университетскую кафедру, давалъ молодымъ людямъ подобнаго рода работы, пользу которыхъ испыталъ на себѣ.

По выходѣ изъ университета, Срезневскій тотчасъ поступилъ на гражданскую службу; но, къ счастію, служба сначала въ Харьковскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи (съ 30-го сентября 1829 по 7-е іюля 1832), потомъ въ Харьковскомъ совѣстномъ судѣ (съ 18-го октября 1833 по 17-е марта 1834 г.) и снова въ Харьковскомъ дворянскомъ собраніи (съ 17-го марта 1834 по 29-е октября 1837 г.) не представляла ничего увлекательнаго для молодаго человѣка. Наука брала перевѣсъ надъ дѣловою и обиходною жизнью, и въ свободное отъ службы время Срезневскій занимался преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ и продолжалъ изучать, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, народную литературу, которою онъ увлекался еще бывши студентомъ и благодаря которой онъ познакомился съ литературными дѣятелями, проживавшими въ то время въ Харьковѣ. Послѣдствіемъ всего этого было, съ одной стороны, признаніе Срезневскаго однимъ изъ лучшихъ харьковскихъ учителей, котораго на перерывъ приглашали давать уроки, а съ другой — вступленіе его на поле литературной и ученой дѣятельности, съ котораго онъ затѣмъ и не сходилъ.

Время, когда Срезневскій впервые выступилъ, какъ писатель, было цвѣтущею порою альманаховъ, которые составляли въ извѣстную пору года любимое чтеніе образованнаго общества и красовались на столахъ гостепыихъ. Измаилъ Ивановичъ увлекся господствовавшею модою и въ 1831 году, черезъ годъ по оставленіи университетской скамьи, вмѣстѣ съ Росковшенкою, при содѣйствіи мѣстныхъ писателей, издалъ Украинскій альманахъ, въ которомъ помѣстилъ подъ псевдонимомъ нѣсколько своихъ стихотвореній. Альманахъ вышелъ по содержанію довольно тощимъ, но не смотря на это, былъ благоклонно принятъ Украинцами и проложилъ дорогу для подобнаго рода сборниковъ. Въ слѣдующемъ году Срезневскій издалъ „Словацкія нѣсни“, которыя онъ записывалъ отъ приходившихъ въ Харьковъ дротарей или проволочниковъ изъ Словаковъ, живущихъ въ Верхней Венгріи по отлогостямъ Карпатскихъ горъ. Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ 20 пѣсень, снабженъ небольшимъ словаремъ, переводомъ пѣсень на русскій языкъ и примѣчаніями и какъ первый опытъ трудовъ Срезневскаго по этнографіи и филологіи славянской, не безъ значенія, особенно если обратимъ вниманіе на то, что

молодой писатель, уже въ это время знакомый съ языками польскими чешскимъ и сербскимъ ¹⁾, сознавалъ всю важность пѣсенъ при историческихъ изысканіяхъ о Славянахъ ²⁾.

Гораздо болѣе значенія имѣеть изданный Срезневскимъ вслѣдъ за словацкими пѣснями сборникъ подъ заглавіемъ „Запорожская Старина“, выходившій книжками съ 1833 по 1838 годъ. Въ немъ онъ напечаталъ собранныя имъ въ теченіе семи лѣтъ старинныя историческія южно-русскія пѣсни и думы и сводъ древнѣйшихъ южно-русскихъ лѣтописцевъ, частію подлинными словами, частію въ своемъ пересказѣ. Заключаящійся въ Запорожской Старинѣ богатый матеріалъ обнимаетъ время отъ Гедимина до смерти Мазепы и сообщаетъ любопытныя и вѣрныя данныя о бытѣ, нравахъ, обычаяхъ, а частію и о подвигахъ Запорожцевъ, и хотя въ настоящее время уже требуетъ нѣкоторыхъ дополненій и измѣненій, хотя въ немъ оказалось нѣсколько поддѣльныхъ пѣсенъ, тѣмъ не менѣе онъ не утратилъ своей цѣнны. Нельзя пройти молчаніемъ ни употребленнаго Срезневскимъ въ этомъ изданіи своего правописанія при передачѣ въ печати памятниковъ народнаго творчества, ни нѣсколькихъ весьма тонкихъ замѣтокъ о разиѣрахъ украинскихъ пѣсенъ, служащихъ къ опредѣленію или ихъ цѣльности, или ихъ составленія изъ нѣсколькихъ. Въ обоихъ случаяхъ уже проглядываетъ будущій изслѣдователь языка.

Свой взглядъ на значеніе памятниковъ украинской народной словесности И. И. Срезневскій болѣе опредѣленно выразилъ въ 1834 г., въ письмѣ къ профессору Московскаго университета И. М. Снегиреву. Отправляясь отъ того положенія, что языкъ украинскій или малороссійскій есть языкъ, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, покойный академикъ спрашиваетъ: долженъ ли онъ продолжать свое развитіе и сдѣлаться языкомъ литературы, а потомъ и общества, или остаться навсегда языкомъ простаго народа, безпрерывно искажаться, мало по малу вянуть, и наконецъ, исчезнуть съ лица земли. Разрѣшая предложенный вопросъ отрицательно, Срезневскій говоритъ, что малороссійскій языкъ имѣеть надежду со временемъ сдѣлаться языкомъ литературнымъ, но что впрочемъ, какая бы судьба ни постигла его, онъ сохранится въ памятникахъ народной литературы: въ ду-

¹⁾ Слов. пѣсни, стр. 54.

²⁾ Есть въ примѣчаніяхъ домыслы интересныя, какъ напримѣръ, что Венгры одноплеменны съ Варагами: «Угры или Венгры и Ураги или Вараги — у горы живущіе—могутъ быть также одноплеменны».

махъ, пѣсняхъ, сказкахъ, похвалахъ, пословицахъ, поговоркахъ, загадкахъ и заговорахъ, къ разсмотрѣнію которыхъ затѣмъ и переходить, раздѣляя нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ на отдѣлы по внутреннему ихъ содержанію и опредѣляя ихъ историческое и литературное достоинство. Около этого же времени Срезневскій помѣстилъ въ разныхъ журналахъ нѣсколько очерковъ изъ исторіи южной Россіи. Живое изложеніе, сочувствіе къ судьбамъ Малороссіи, особенно за время господства надъ нею Польши, составляетъ ихъ достоинство, но теперь они, вслѣдствіе обнародованія неизвѣстныхъ въ то время матеріаловъ, требуютъ уже значительной переработки. Иванъ Барабашъ, Выговскій, Юрій Хмельниченко, Мартынь Пушваръ и Палій были избираемы поочередно молодымъ, ученымъ предметомъ для своихъ очерковъ.

Къ этому же періоду дѣятельности Срезневскаго относятся его повѣсти, напечатанныя въ Московскомъ Наблюдателѣ. Лица, стоявшія близко къ этому повременному изданію, цѣнили высоко ихъ достоинства; Москвичи читали ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Даже и теперь, черезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ, нельзя не признать въ нихъ и живости разказа, и извѣстной доли наблюдательности и юмора—качествъ, свойственныхъ характеру покойнаго. Особенно хорошъ разказъ, озаглавленный: „Маіоръ! Маіоръ!“, въ которомъ переданъ тотъ эпизодъ изъ жизни Сковороды, когда онъ, замѣтивъ, что его ученица начинаетъ питать къ нему чувство любви, и что это же чувство по отношенію къ ней развивается постепенно и въ немъ самомъ, спасается бѣгствомъ и отъ дѣвушки, и отъ любви. Довольно полную біографію этого украинскаго философа подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григорѣ Сковородѣ“ Срезневскій помѣстилъ въ сборникъ: Утренняя Звѣзда. Трудъ этотъ читается съ интересомъ, потому что въ немъ, кромѣ повѣствованія объ обстоятельствахъ жизни богомудра, какъ называли Сковороду его сограждане, искусно и рельефно изображены условія, при которыхъ развилась его мистическая философія, и изложено содержаніе нѣкоторыхъ его сочиненій. Сверхъ того, сочиненіе это важно для насъ еще и потому, что даетъ одну черту для характеристики самого автора. Пославъ свою рукопись на предварительный просмотръ Гр. Ѳ. Квитки, Срезневскій нашелъ въ ней по возвращенію нѣсколько его замѣчаній, изъ которыхъ одно обличало его въ грубой ошибкѣ. Измаиль Ивановичъ не только не исправилъ ее при печатаніи, но полученное примѣчаніе помѣстилъ внизу страницы, и такимъ образомъ, сознался публично въ своемъ

прохажі, „вочиталъ“—какъ самъ выразился—, воприниме литературное чуждому мелочныхъ расчетовъ и будучи увѣренъ, что въ подобныхъ случаяхъ необходимо болѣе, нежели гдѣ, своимъ силе итти вѣтъ. Эта черта свойственна только истинно ученымъ, которые никогда и ни въ какомъ случаѣ не рѣшаются присвоить чужой трудъ или нѣгъ воспользоваться. Смотря на эту разнообразную литературно-научную дѣятельность, можно было подумать, что Срезневскій пересталъ заботиться объ университетской кафедрѣ, занять которую оставило нѣтъ его стремленій со времени студенчества. Но на дѣлѣ было иначе. Онъ продолжалъ усиліемъ заниматься политической экономіей и статистикой. 6-го сентября 1835 года онъ подвергнулся словесному испытанію на степень магистра у ординарныхъ профессоровъ Степанова, Артемовскаго-Гулака и у адъюкта Гордѣенкова. 25-го сентября 1836 года письменному и написалъ откѣтъ на вопросъ: О колыбѣ политической экономіи и о причинахъ несовершенства торговли древнихъ народовъ, а 2-го іюля 1837 года съ успѣхомъ защитилъ диссертацию на степень магистра вышеназванныхъ наукъ, посвященную заглазіе: „Опытъ о сущности и содержаніи теорій въ наукахъ политическихъ“¹⁾.

Что понималъ подъ теоріей политическихъ наукъ молодой ученый, мы узнаемъ изъ слѣдующихъ его словъ, впрочемъ, не слишкомъ опредѣлительныхъ: „Подъ теоріей политическихъ наукъ слѣдуетъ разумѣть изслѣдованіе государства и вообще государственной жизни рода человеческого, какъ явленія природы, стремлѣсь постоянно изслѣдовать факты этого явленія и законы и рѣшая при этомъ вопросъ: какъ что было и бываетъ въ государствахъ въ отношеніи къ ихъ организму и жизни, бытію, дѣятельности и дѣйствіямъ“. По защитѣ этой диссертациі, Харьковскій университетъ пожелалъ имѣть Срезневскаго въ составѣ своихъ профессоровъ, и 9-го сентября 1837 года онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ по 1-му отдѣленію философскаго факультета. О томъ, какъ и что читалъ молодой профессоръ, можно судить и изъ его вступительной лекціи въ курсъ статистики государствъ европейской системы просвѣщенія въ ихъ современномъ состояніи, помѣщенной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и изъ разказовъ его слушателей, по единогласнымъ

¹⁾ Диссертациія была одобрена факультетомъ большинствомъ голосовъ противъ трехъ, и защитеніе ея большинствомъ его; часнось признало удовольствительнымъ.

отзывамъ которыхъ лекціи молодаго лектора отличались отъ прежнихъ и повизною взглядомъ, и богатствомъ данныхъ, извлекаемыхъ имъ изъ иностранныхъ сочиненій, которыя были ему доступны и знакомы, и умѣньемъ сопоставлять эти данныя, и наконецъ, живымъ, увлекательнымъ изложеніемъ. Аудиторія его была всегда полна слушателями; о чтеніяхъ его говорили въ городѣ. Этого было весьма достаточно, чтобы возбудить противъ него недоброжелательство со стороны товарищей менѣе даровитыхъ. Дотолъ спокойно спавшій муравейникъ расшевелился и проявилъ свою силу при разсмотрѣніи написанной Срезневскимъ въ декабрь 1838 года и представленной имъ на степень доктора диссертациі подъ заглавіемъ: „Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно“. Главная цѣль этого сочиненія, Срезневскаго, состояла въ томъ, чтобы доказать, что политическая экономія, по предмету, есть часть статистики; что изучать статистику должно въ отношеніи къ политической экономіи, какъ науку главную, а политическую экономію въ отношеніи къ статистикѣ, какъ науку частную; что въ преніяхъ политико-экономическихъ, книжныхъ и общественныхъ, болѣе пустословія и схоластики, нежели безпристрастной и добросовѣстной учености, и наконецъ, что нужно заботиться объ усовершеніи статистики, такъ какъ тогда будемъ имѣть въ своей власти силу для усовершенія политической экономіи и даже будемъ имѣть возможность обходиться часто и безъ ея помощи.

Для разсмотрѣнія этой диссертациі собрались два факультета. Долго спорили и судили. Мнѣнія профессоровъ раздѣлились: одни признавали за нею научное достоинство и полагали разрѣшить Срезневскому публичную ея защиту; другіе же, напротивъ, находили, что мысли, въ пей высказанныя, идутъ въ разрѣзъ общепринятымъ, что онѣ составляютъ какъ бы насмѣшку надъ наукой, и что докторантъ такъ молодъ, что успѣетъ въ замѣнъ этого сочиненія написать новое, и потому считали невозможнымъ допустить диссертацию къ защитѣ. Мнѣніе послѣднихъ одержало верхъ, особенно когда къ нему присоединился ректоръ университета Артемовскій-Гулакъ, приведшій въ его подкрѣпленіе слѣдующее сравненіе: „Въ настоящее время“, сказалъ онъ, — „сапожникъ поставляетъ вамъ для воспитанниковъ сапоги съ круглыми носками. Что бы стали дѣлать, еслибы онъ цѣлую партію сапогъ, вмѣсто круглыхъ носковъ, изготовилъ съ треугольными? Разумѣется, мы не припяли бы ихъ. Въ такомъ положе-

ніи находится и Срезневскій съ его необычными взглядами, которые мы не можемъ признать правильными“.

Это рѣшеніе было сообщено Срезневскому за недѣлю до дня предполагавшейся защиты. Оно, съ одной стороны, поразило его своею неожиданностію, а съ другой—глубоко оскорбило. Диспутъ былъ отложенъ. Быть можетъ, причиною къ такому строгому осужденію диссертации, о содержаніи которой впоследствии отзывался съ похвалою извѣстный кенигсбергскій статистикъ Шубертъ, послужило еще и слѣдующее обстоятельство: По новому уставу русскихъ университетовъ 1835 года была въ нихъ учреждена кафедра исторіи и литературы славянскихъ народовъ, для занятія которой не было наличныхъ научныхъ силъ, такъ что въ Московскомъ университетѣ занималъ ее престарѣлый М. Т. Каченовскій, отрицавшій подлинность всѣхъ памятниковъ древне-славянской письменности, а о литературныхъ памятникахъ другихъ славянскихъ народовъ сообщавшій только то, что было напечатано въ издаваемомъ имъ Вѣстникѣ Европы 20-хъ и начала 30-хъ годовъ.

Министерство народнаго просвѣщенія старалось помочь горю и 16-го сентября 1837 года отнеслось къ попечителю Харьковскаго учебнаго округа, графу Головкину, съ просьбою употребить зивисація мѣры къ замѣщенію въ Харьковскомъ университетѣ кафедры славянскихъ нарѣчій. Графъ Головкинъ, 28-го мая 1838 года, увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, что онъ сообщилъ совѣту Харьковскаго университета о томъ, не признаетъ ли онъ нужнымъ для замѣщенія кафедры послать за-границу молодаго ученаго, какъ это сдѣлало начальство Московскаго университета, и въ случаѣ согласія на это совѣта, предложить адъюнкту Харьковскаго университета Срезневскому, который, сколько извѣстно графу Головкину, „постоянно занимается изученіемъ языковъ, составляющихъ отрасли славянскаго“, отправиться, согласно плану, составленному въ Московскомъ университетѣ, за-границу для основательнаго изученія славянскихъ нарѣчій, съ тѣмъ, чтобы впоследствии опредѣлить его на эту кафедру въ университетѣ. Совѣтъ вполне согласился съ предложеніемъ попечителя. 31-го августа 1838 года послѣдовало разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія на отправленіе за-границу Срезневскаго, но съ тѣмъ, чтобы онъ предварительно далъ подписку прослужить по назначенію начальства въ званіи преподавателя не мѣнѣе 12 лѣтъ. Срезневскій принялъ „съ полною готовностію исполненіе сего обязательства и съ истинною признательностію къ благо-

творному поначесію начальства, его избравшаго⁴. Около этого времени и была отвергнута докторская диссертация Измаила Ивановича. 8-го іюля 1839 года состоялось высочайшее повелѣніе о командированіи Срезневскаго за-границу на два года для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ Славянскихъ народовъ, а 9-го сентября того же года ректоръ Харьковскаго университета, снабдивъ Срезневскаго надлежащею инструкціей и подорожною, предписалъ ему отправиться въ Петербургъ, откуда, 20-го ноября 1839 года, онъ выѣхалъ за-границу.

Такимъ образомъ въ ученой дѣятельности Срезневскаго совершился переломъ, и онъ изъ камералистовъ перешелъ въ ряды филологовъ и славистовъ. Эта измѣна Измаила Ивановича наукамъ, которыя составляли предметъ его специальныхъ занятій съ перваго шага въ университетѣ, увеличила силы того небольшого кружка молодыхъ ученыхъ, которые, посвятивъ себя славяновѣдѣнію, были насадителями въ нашемъ отечествѣ этой отрасли знанія.

Находясь за-границею, Срезневскій съ увлеченіемъ, которое было такъ свойственно его природѣ, отдался изученію предмета, хотя и не бывшаго ему чуждымъ, но тѣмъ не менѣе, представлявшаго много новыхъ, неизвѣстныхъ для него сторонъ. Во время путешествій онъ изучалъ прежде всего народъ, его живую рѣчь и бытъ, и для этого нерѣдко дѣлалъ переходы пѣшкомъ. Въ городахъ онъ останавливался только въ тѣхъ, гдѣ были лица, занимавшіяся изученіемъ славянства, и бібліотеки, въ которыхъ хранились какія-либо славянскія рукописи; въ деревняхъ же онъ обращалъ особенное вниманіе на мѣстныя видоизмѣненія славянскихъ нарѣчій и на памятники народной литературы; записывалъ пѣсни, сказки, преданія, изслѣдовалъ народныя повѣрья, однимъ словомъ, собиралъ филологическій и этнографическій матеріалъ, сравнивалъ его и дѣлалъ выводы.

„Изученіе славянскихъ народовъ, ихъ нарѣчій и памятниковъ“, писалъ Срезневскій, — „ихъ народпой словесности, изученіе мѣстное, такъ сказать, топографическое, считалъ я и считаю тѣмъ болѣе необходимымъ, что каждый живой народъ, каждое живое нарѣчіе, каждая живая народная словесность представляетъ этнологу, историку, филологу хотя нѣчто такое, что на перекоръ судьбѣ пережило долгіе вѣка и сохранилось только въ немъ, что каждый славянскій народъ выражаетъ въ особенной формѣ, будучи необходимымъ звеномъ въ общемъ развитіи славянства, и можетъ дать отвѣты на тѣ или другіе изъ обще-славянскихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи каждую

особенную народность жизни и слова можно сравнить съ особеннымъ музыкальнымъ тономъ: каждая необходима, каждая самобытна, хотя и совпадаетъ, сливается съ другими... Собираніе матеріаловъ должно предшествовать всему“.

По переѣздѣ за границу Срезневскій прежде всего занялся изученіемъ прусскихъ (за исключеніемъ Познани) и саксонскихъ Славянъ. Въ Прагу онъ прибылъ въ началѣ февраля 1840 года и провелъ тамъ четыре мѣсяца вмѣстѣ съ Прейсомъ, такъ много общавшимъ и такъ рано потеряннымъ для науки. Здѣсь онъ познакомился и сблизился со всѣми выдающимися чешскими литераторами и учеными, и между прочимъ, съ Шафарикомъ, Палацкимъ и Ганкою, а отъ Прейса выучился приему, какъ заниматься древними рукописями. Усвоивъ въ нѣкоторой степени чешскій разговорный языкъ, Срезневскій пустился въ нѣшеходное странствованіе по Чехіи и Моравіи; изъ послѣдней, въ концѣ августа, онъ пробрался въ Вратиславль (Бреславль), а оттуда въ Лужицы, гдѣ въ это время начиналъ дѣйствовать лужицкій патріархъ Смоларъ. На этомъ не маломъ пространствѣ, которое было пройдено Срезневскимъ вдоль и поперекъ, все обращало его вниманіе: памятники народной литературы и преданія, городища и современное жильё, обычан и одежда—ничто не ускользнуло отъ его наблюдательнаго глаза: все онъ замѣтилъ и записалъ.

Уже позднею осенью Срезневскій добрался до Дрездена, гдѣ оставался не долго, и затѣмъ въ ноябрѣ изъ Праги поспѣшилъ на зиму переѣхать въ Вѣну. Здѣсь, подъ руководствомъ Вука Караджича, о которомъ впоследствии написалъ живую и полную интереса біографію, занялся языкомъ сербскимъ, приготавлиаясь къ путешествію по землямъ Илирійскихъ Славянъ. Въ началѣ 1841 года онъ отправился странствовать по Штиріи, Кариштіи, Крайи и Фріулю, а затѣмъ въ маѣ, вмѣстѣ съ Прейсомъ, началъ и кончилъ путешествіе по Истріи, Хорватской землѣ, далматскимъ островамъ и Черной Горѣ. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, онъ изучалъ языкъ и бытъ народа и работалъ надъ письменными памятниками, если такіе тамъ находились. Съ послѣдняго пункта этого путешествія, которое заняло все лѣто, наши ученые слависты разстались, и затѣмъ Срезневскій одинъ совершилъ поѣздку по Кроаціи, Славоніи, Сръму и Сербіи до болгарской границы.

На зиму, черезъ Пештъ, Срезневскій вернулся снова въ Вѣну и продолжалъ съ Караджичемъ свои занятія сербскими нарѣчіями. Весною 1842 года онъ отправился въ Венгрію и Галицію для озна-

комленія съ живущими тамъ Русинами. На исходѣ срока своего путешествія, въ томъ же 1842 году, въ Вратиславлѣ онъ съѣхался съ Бодяпскимъ, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Познань, гдѣ усердно занимался въ тамошней публичной библіотекѣ, и потомъ посѣтилъ Варшаву и Вильну; изъ этого послѣдняго города Измайлъ Ивановичъ поѣхалъ на югъ, чтобы хотя нѣсколько изучить Бѣлоруссовъ.

Такимъ образомъ, Срезневскій посѣтилъ всѣ главные пункты Славянскаго племени; ознакомился съ народомъ и его бытомъ; всадѣ устроилъ связи и вступилъ въ сношенія съ лицами, стоявшими въ то время во главѣ славянскаго движенія. Благодаря способности быстро усваивать изучаемый предметъ, чрезвычайной живости характера, подвижности и энергіи въ занятіяхъ, онъ вынесъ изъ путешествія и богатыя свѣдѣнія, и обильные матеріалы, и живыя впечатлѣнія. О плодотворности результатовъ этого путешествія, обогатившаго новыми данными и путешественника, и науку, можно судить по подробнымъ отчетамъ Срезневскаго министру народнаго просвѣщенія, помѣщеннымъ въ Журналѣ министерства, въ которыхъ онъ передавалъ о ходѣ своихъ занятій и изслѣдованій¹⁾.

Въ нихъ, между прочимъ, помѣщены: замѣчанія о нарѣчій кашубскомъ; нѣсколько замѣтокъ о народномъ чешскомъ языкѣ: о нарѣчіяхъ силезскихъ и лужицкихъ; о нарѣчіяхъ словенскихъ, то-есть, Славяпъ, живущихъ въ Каринтіи, Штирії, а также на сѣверѣ Истріи и въ восточныхъ частяхъ Фріуля; о примѣчательныхъ особенностяхъ языка Угорскихъ Русиновъ сравнительно съ языкомъ малороссійскимъ; объ особенностяхъ двухъ нарѣчій въ Галиціи—карпато-русскаго и галицкаго; въ нихъ же были сообщаемы любопытныя свѣдѣнія о всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся славянскихъ ученыхъ и писателяхъ того времени. Эти отчеты, какъ, напримѣръ, содержащій характеристику нарѣчій словенскихъ—плодъ личныхъ наблюденій автора, не утратили своего достоинства и теперь, а въ то время открывали для Русскихъ повую Америку.

Но не одному министру народнаго просвѣщенія Срезневскій сообщалъ результаты своего путешествія по Славянскимъ землямъ; онъ дѣлился своими наблюденіями и плодами занятій также съ публикою, печатая въ повременныхъ изданіяхъ вмѣстѣ съ учеными извѣстіями,

¹⁾ Осталась не описанною та часть путешествія, которую онъ совершилъ вмѣстѣ съ Прейсомъ. Они хотѣли представить общій отчетъ, но болѣзнь Прейса помѣшала выполненію этого.

и такія, которыя было неумѣстно вводить въ официальные отчеты. Небольшія отдѣльныя статьи и извлеченія изъ его писемъ появлялись на чешскомъ языкѣ въ Часописѣ Чешскаго музея (литературныя извѣстія изъ Силезіи и Лужицъ, гдѣ говорится о чешскихъ рукописяхъ, хранящихся въ Будышинѣ; о литературѣ Иллирійскихъ Словенъ; свѣдѣнія о Резіанахъ; Черногорія и др.) и въ Татранкѣ (нѣсколько статистическихъ сравненій эрцъ-герцогства Австрійскаго съ маркграфствомъ Моравскимъ), а на русскомъ языкѣ въ Отечественныхъ Запискахъ (предположенія о Реймскомъ Евангелии; новости литературъ славянскихъ) и въ Денницѣ, литературной газетѣ, выходившей въ Варшавѣ и предназначавшейся служить славянскому литературному движенію и единенію (письма изъ Иллиріи въ Прагу къ В. В. Ганкѣ; Словини въ Фриуль; Жумборскіе Ускоки).

Въ этихъ отчетахъ и статьяхъ Срезневскій первый заговорилъ о сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій и сообщилъ ясное и отчетливое понятіе объ особенностяхъ многихъ изъ нихъ; первый совершилъ ученое путешествіе по Черногоріи, явившееся на чешскомъ языкѣ; первый изъ Русскихъ на мѣстѣ изучалъ бытъ и нравы разныхъ Славянскихъ народовъ, и наконецъ, первый пробудилъ въ публикѣ своими статьями интересъ къ славянству. Характеристику его занятій за границею мы имѣемъ въ письмѣ извѣстнаго чешскаго ученаго Ганки къ министру Уварову: „Срезневскій“, писалъ Ганка, — „предполагая, что знаніе историческое должно быть предупреждено знаніемъ настоящаго, какъ послѣдняго пункта движенія, тѣмъ болѣе важнаго, — что въ немъ сохраняется болѣе или менѣе прошедшее всѣхъ вѣковъ, посвятилъ себя преимущественно изученію славянскихъ нарѣчій, нравовъ и обычаевъ, преданій, литературы народнои въ ихъ современномъ состояніи, во всѣхъ ихъ мѣстныхъ оттѣнкахъ“.

23-го сентября 1842 года Срезневскій вернулся изъ путешествія въ Харьковъ и вскорѣ затѣмъ, именно 16-го октября, началъ въ университетѣ преподаваніе исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій вступительною о нихъ лекціей.

Такимъ образомъ, въ Харьковскомъ университетѣ открылось преподаваніе науки совершенно новой не только въ Россіи, но и вообще; науки, для которой не существовало руководства, и объема которой, или другими словами, какіе предметы должны были входить въ курсъ, министерство само не могло опредѣлить. Оно поставило лишь одно требованіе, чтобы слушатели были ознакомлены съ главными славянскими нарѣчіями и съ памятниками западно-славянскихъ литературъ.

Но для добросовѣстнаго выполненія этого требованія, само собою разумѣется, нужно было дать мѣсто въ курсѣ: исторіи Славянъ, этнографическому обзору Славянскихъ племенъ, славянскимъ древностямъ, грамматикѣ древняго церковно-славянскаго языка и многому другому. Задача, возложенная на первыхъ профессоровъ славяновѣдѣнія, была нелегкая, но ее охотно приняли на себя какъ Срезневскій, такъ и другіе его товарищи, и выполнили ее достойнымъ образомъ и блистательно. Они положили прочное начало процвѣтанію въ нашемъ отечествѣ цѣлой отрасли вѣдѣнія, чрезвычайно важной во многихъ отношеніяхъ для отечественной науки, и образовали рядъ ученыхъ, трудами которыхъ Россія по справедливости можетъ гордиться.

Свой курсъ Срезневскій на первый разъ распредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: студентамъ 1-го курса онъ читалъ энциклопедическое введеніе въ изученіе славянства, обращая вниманіе на славянскія древности и на главныя черты разнообразія славянскихъ нарѣчій, а студентамъ 2-го и 3-го курса—историческое и филологико-литературное обзорѣніе западныхъ Славянъ южной отрасли и объясненіе избранныхъ мѣстъ изъ писателей старо-славянскихъ, сербскихъ и хорутанскихъ. „Успѣхъ чтеній Срезневскаго былъ громаднѣйшій“, какъ разказываетъ очевидецъ;—“студенты всѣхъ факультетовъ, особенно въ первый годъ курса, толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора; самая большая университетская аудиторія не вмѣщала всѣхъ желающихъ. Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критическаго, не лишенаго юмора и ироніи — все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ; все это было такъ своеобразно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской кафедрѣ. Направленіе профессора было панславистское; стихи Коллара не сходили, можно сказать, съ его устъ“.

Черезъ годъ послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія (30-го апрѣля 1843 года) Срезневскій былъ утвержденъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора. Одновременно съ чтеніемъ лекцій въ университетѣ, составленіе которыхъ требовало не малаго труда, молодой профессоръ приводилъ въ систематическій порядокъ и обработывалъ богатые матеріалы, привезенные имъ изъ заграничнаго путешествія, знакомилъ публику съ наиболѣе выдающимися сочиненіями, касавшимися славяновѣдѣнія, по мѣрѣ ихъ появленія, и писалъ диссертацию на степень доктора. Такъ, за это время въ

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ были помѣщены имъ статьи: Историческій очеркъ сербо-лужицкой литературы — первый самостоятельный трудъ Срезневскаго по исторіи славянскихъ литературъ; Обзоръ главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ — сочпненіе, бывшее въ наукѣ важнымъ явленіемъ и остающееся до сихъ поръ полезнымъ пособіемъ, не смотря на то, что самъ Срезневскій въ послѣдствіи измѣнилъ нѣсколько свой взглядъ на взаимныя отношенія славянскихъ нарѣчій, и что наука ушла въ этомъ отношеніи впередъ; Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи; Фріульскіе Славяне (Резіане и Словини), о которыхъ до того времени ничего не было извѣстно; и Взглядъ на современное состояніе литературы у западныхъ Славянъ, въ которомъ онъ отдалъ предпочтеніе маленькимъ народнымъ литературамъ, уважающимъ свое родное, передъ большими развитыми, занимающимися отвлеченными вопросами и потому далекими отъ народа. Всѣ эти статьи, а также многія рецензіи на книги, какъ, на примѣръ, на сочиненіе Шафарика: Славянское народописаніе, въ которой онъ помѣстилъ опытъ своихъ филологическихъ выводовъ; на изданіе Реймскаго Евангелія, и т. п., свидѣтельствуютъ и о самостоятельности взгляда Срезневскаго на избранный имъ предметъ занятій, и о томъ богатомъ запасѣ свѣдѣній, которымъ онъ владѣлъ. Съ прибытія изъ-за границы ими Срезневскаго все чаще и чаще начало являться въ печати подъ статьями, обращавшими на себя вниманіе специалистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе росла его ученая извѣстность, которая и упрочилась окончательно за нимъ послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія, представленнаго имъ для соисканія степени доктора славяно-русской филологіи, подъ заглавіемъ: „Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ“, по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ. Этому труду, основанному на изученіи и сопоставленіи многочисленныхъ источниковъ, предшествовали два опыта нашего сочлена по сравнительной міеологіи, именно: „Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ“ и „Архитектура храмовъ языческихъ Славянъ“, которые имѣли тѣсную связь съ диссертацией. Предметъ, выбранный для нея Срезневскимъ, въ нашей литературѣ, за самыми небольшими исключеніями, былъ почти не тронутъ, и выводы, къ которымъ онъ пришелъ, естественно, въ то время должны были казаться новыми. А они были слѣдующіе: у всѣхъ Славянъ главныя основанія и принадлежности языческаго богослуженія были одни и тѣ же, хотя, быть можетъ, существовали въ нихъ и мѣстныя особенности; въ богослу-

жебныхъ обычаяхъ главную роль играли положительныя догматы вѣры, хотя ими, впрочемъ, нельзя объяснить всѣхъ условій богослуженія, стоявшаго также болѣе или менѣе въ зависимости отъ частныхъ мифовъ, отъ правилъ нравственности, отъ знаній и понятій древнихъ Славянъ. Болѣе положительно можно говорить о святилищахъ богослуженія языческихъ Славянъ:—жертвенникахъ, городищахъ и храмахъ, и о жрецахъ, составлявшихъ особенный, очень важный классъ народа, носившихъ по роду занятій различныя названія и раздѣлявшихся по своему сану на нѣсколько разрядовъ. Главными частями богослужебнаго обряда были: молитвы, жертвоприношенія и гаданія, по совершеніи котораго слѣдовало всегда священное пиршество, сопровождаемое разнаго рода играми, плясками, пѣснями, борьбой и пр. Ежегодно въ особенныя, извѣстныя дни совершались богослужебныя торжества, и внимательно изучая годичный кругъ языческихъ славянскихъ празднествъ, можно почти положительно придти къ заключенію, что главнымъ культомъ было поклоненіе солнцу. Этотъ сухой скелетъ диссертациі даетъ самое слабое понятіе о богатствѣ ея содержанія, которое, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ было основано на болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеніяхъ. Это послѣднее обстоятельство дало официальнымъ оппонентамъ Срезневскаго точку опоры при ихъ возраженіяхъ, которыя, впрочемъ, были всѣ блистательно имъ отклонены, и защищеніе диссертациі, происшедшее 3-го декабря 1846 г., признано удовлетворительнымъ¹⁾. Нельзя пройти молчаніемъ того обстоятельства, что Срезневскій свою диссертацию посвятилъ тому самому П. П. Артемовскому-Гулаку, который отвергнувъ его докторскую диссертацию по политическимъ наукамъ и торжественно признавъ его первымъ своимъ руководителемъ въ изученіи славянскихъ древностей и нарѣчій.

Еще ранѣе защищенія этой диссертациі, именно 10-го августа 1846 года, Срезневскій, въ письмѣ къ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа Мусину-Пушкину, изъявилъ желаніе быть переимено-

¹⁾ 28-го сентября 1846 года Срезневскій подвергался устному экзамену по части славянской словесности у профессора Артемовскаго-Гулака, а 7-го октября по части русской словесности у профессора Якимова. 14-го октября онъ письменно отвѣтилъ на вопросъ: о Кириллѣ и Меѳодіи; въ чемъ именно заключается важнѣйшая услуга, оказанная ими славянскому міру, а 17-го октября—на вопросъ: что сдѣлано у насъ для исторіи нашей литературы и что остается еще сдѣлать? Оппонентами были профессоры: Якимовъ, Рославскій-Петровскій и Гулакъ-Артемовскій.

пимъ въ Петербургскій университетъ на свободную въ немъ по смерти Прейса каедру славянскихъ нарѣчій, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что будетъ имѣть въ столицѣ возможность „не отвлекаясь отъ должности преподавателя, усовершенствовать свои познанія“. Мусинъ-Пушкинъ рѣшился ходатайствовать у министра графа Уварова о командированіи Срезневскаго къ Петербургскому университету на неопредѣленный срокъ. Министръ изъявлялъ согласіе, и профессоръ былъ удержанъ въ Харьковѣ до 20-го декабря для окончанія занятій въ текущемъ семестрѣ. 23-го января 1847 года послѣдовало утвержденіе Срезневскаго министромъ народнаго просвѣщенія въ степени доктора и въ званіи экстраординарнаго профессора по занимаемой каедрѣ, а черезъ четыре дня послѣ этого онъ былъ допущенъ къ чтенію лекцій по каедрѣ славянскихъ нарѣчій въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ 28-го января прочелъ вступительную лекцію о пользѣ изученія славянскихъ нарѣчій и о планѣ своего преподаванія. 5-го іюня того же года Срезневскій опредѣленъ въ Петербургскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ по этой каедрѣ съ увольненіемъ изъ Харьковскаго университета.

Причину перехода въ здѣшній университетъ Срезневскій впоследствии объяснялъ тѣми удобствами, которыя предлагаетъ наша сѣверная столица слависту. Богатая общественныя книгохранилища, значительное число находящихся въ нихъ важныхъ церковно-славянскихъ рукописей, обширный кругъ занимающихся людей, болѣе скорныя сношенія съ заграничными учеными переманили его—какъ онъ самъ говорилъ—въ столицу. И дѣйствительно, эти доводы нельзя не признать основательными. Со времени отправленія своего за границу до перехода въ Петербургскій университетъ, кромѣ работъ чисто филологическихъ, онъ преимущественно занимался изученіемъ народной рѣчи, поэзіи и быта Славянскихъ народовъ, и его изслѣдованія по этимъ предметамъ внесли не мало новыхъ взглядовъ, но тѣмъ не менѣе въ нихъ нельзя не признать нѣкоторой односторонности. Превеличенное увлеченіе всѣмъ народнымъ, стремленіе найти въ немъ разгадку исторіи и уясненіе національнаго характера, отодвинуло, къ сожалѣнію, Срезневскаго отъ новѣйшей литературы даже до такой степени, что уже въ позднѣйшее время онъ не признавалъ ни таланта въ Гоголѣ, ни его значенія въ нашей литературѣ. Въ годъ перехода Срезневскаго на службу въ Петербургъ, который слѣдуетъ признать началомъ его кипучей и наиболѣе плодотворной дѣятельности, онъ былъ опредѣленъ цензоромъ С.-Петербургскаго цензурнаго коми-

тета (13-го ссентября 1847 года), а затѣмъ преподавателемъ въ главный педагогическій институтъ (30-го октября 1847 г.), гдѣ была также учреждена кафедра славянскихъ нарѣчій. Своими замѣчательными трудами онъ открылъ себѣ двери въ Академію Наукъ и 8-го апрѣля 1849 года былъ утвержденъ въ званіи адъюнкта отдѣленія русскаго языка и словесности. Цензоромъ Срезневскій оставался три года. При увольненіи отъ должности (20-го сентября 1850 г.) предсѣдатель цензурнаго комитета М. Н. Мусинъ-Пушкинъ изъявилъ ему благодарность за полезную и благонамѣренную службу. Эта безпокойная, урочная и отвѣтственная должность, особенно въ то время, вовсе не соотвѣтствовала ни склонностямъ Срезневскаго, ни его ученымъ занятіямъ, подвергала его нѣсколько разъ неприяностямъ и даже однажды, въ 1849 году, грозила ему высочайшимъ выговоромъ за пропускъ въ сочиненіи Е. П. Ковалевскаго „Путешествіе во внутреннюю Африку“ нѣсколькихъ мѣстъ, признанныхъ, по тогдашнимъ взглядамъ, неудобными въ печати ¹⁾. Отъ этого выговора избавилъ Срезневскаго министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ, который засвидѣтельствовалъ предъ Государемъ, что онъ какъ по способностямъ, такъ и по благонамѣренному образу мыслей принадлежитъ къ числу отличныхъ профессоровъ и цензоровъ и возложенную на него обязанность всегда исполняетъ съ полною добросовѣстностію.

Не смотря на многія и притомъ разнообразныя обязанности, на немъ лежавшія, требовавшія для добросовѣстнаго ихъ исполненія много времени, Срезневскій, тѣмъ не менѣе, при удивительномъ трудолюбіи и сродной ему энергіи, въ періодъ времени съ 1847 по 1851 годъ, давалъ довольно часто отзывы о наиболѣе крупныхъ явленіяхъ науки, отличавшіеся, какъ и всѣ его труды, добросовѣстнымъ отношеніемъ

¹⁾ Къ числу мѣстъ непозволительныхъ было отнесено слѣдующее: Ковалевскій, описывая пребываніе свое въ египетской крѣпости Джибель-Дуль и обычныя увеселенія тамошнихъ начальствъ, при которыхъ для забавы нерѣдко заставляютъ Негровъ драться до ожесточенія, или плясать съ желзными кандалами на ногахъ и пр., приходитъ потомъ къ слѣдующему заключенію: «Каковы однако потѣхи! Какова жизнь! А сколько людей у насъ особенно, въ безконечной Россіи, людей, которые осуждены на подобную жизнь. Много, много нужно воли, силы характера, терпѣнія, чтобы выдержать эту пытку, продолжительную, чрезвычайно продолжительную, потому что каждый день нужно брать приступомъ, изжить его минуту за минутой, часъ за часомъ, и каждая минута, каждый часъ дадутъ себя почувствовать, потому что здѣсь время не летитъ на крыльяхъ разсвѣнія и удовольствія, а тянется медленно похоронною процессіей».

къ предмету, и напечаталъ вторымъ изданіемъ, впрочемъ почти безъ всякихъ измѣненій, докторскую диссертацию, подъ заглавіемъ: „Исслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ“, довольно обширную статью: „Древнія письмена славянскія“, въ которой собраны всѣ извѣстія о письменахъ у Славянъ языческихъ, разобрано черно-риязца Храбра сказаніе о письменахъ, текстъ котораго при этомъ изданъ съ вариантами и объясненіями, и сообщены историческія данныя о глаголицѣ, съ указаніемъ въ чемъ она сходна съ кириллицею, за которою слѣдуетъ, и чѣмъ отъ нея отличается, при чемъ ясно формулированнаго о глаголицѣ мнѣнія не было представлено, и съ теченіемъ времени Срезневскій нѣсколько разъ мѣнялъ его; „Программу для преподаванія въ университетахъ славянской филологіи“, отстранившую своею точностью и ясностью отъ славянскихъ каеедръ грозу, которая было разразилась надъ ними въ 1848 году; „О городищахъ въ земляхъ Славянскихъ, преимущественно западныхъ“,— статья, представляющая результаты собранныхъ имъ данныхъ и наблюденій во время заграничнаго путешествія; и наконецъ, одинъ изъ капитальныхъ для того времени своихъ трудовъ: „Мысли объ исторіи русскаго языка“. Позволяю обратить на нѣсколько времени ваше вниманіе къ этому сочиненію, къ которому покойный академикъ въ теченіе 30 лѣтъ, протекшихъ отъ его изданія, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлалъ прибавленія, такъ какъ намѣревался, передѣлавъ и нѣсколько измѣнивъ, выпустить его въ свѣтъ вторымъ изданіемъ. Отправляясь отъ того положенія, что, вопреки мнѣнію многихъ, существуетъ русская наука, какъ частная доля пауки человѣческой, въ которой должны принимать участіе своими трудами русскіе ученые, и что устраненіе ихъ отъ этого равносильно отказу отъ самобытности, Срезневскій весьма справедливо утверждаетъ, что главная задача народной науки—исслѣдовать свой народъ, его прошедшее и настоящее, его силы физическія и нравственныя, его значеніе и назначеніе. Въ этихъ предѣлахъ русская наука является—по словамъ покойнаго академика—исповѣдью разума народа передъ самимъ собою и передъ цѣлымъ свѣтомъ, и въ ней исслѣдованіе о родномъ языкѣ необходимо должно занять почетное мѣсто, такъ какъ исторія языка находится въ тѣсной связи съ исторіей народа и наоборотъ. Къ своему исслѣдованію Срезневскій приложилъ сравнительно-историческій методъ, при пособіи котораго опредѣлилъ два періода развитія вообще языка: періодъ развитія формъ, иногда чрезвычайно долго продолжающійся, и періодъ превращеній, начинающійся съ того времени, когда языкъ отдѣляется

отъ соплеменныхъ ему нарѣчій, и когда прежняя стройность формъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, подвергается ослабленіямъ измѣненіямъ и нововведеніямъ. Каждый языкъ, обыкновенно, проходитъ черезъ эти двѣ стадіи, особенно если народъ, имъ говорящій, отдѣлился отъ своего племени, началъ свою отдѣльную жизнь. Точно такъ и русскій языкъ прошелъ по этому пути, и потому въ его исторіи на первомъ мѣстѣ стоитъ рѣшеніе вопроса: „Что былъ языкъ русскій въ то время, когда онъ только что отдѣлился — прежде какъ мѣстная доля языка, общаго всѣмъ Славянамъ, отъ языковъ другихъ племенъ индо-европейскихъ,—а потомъ какъ одно изъ нарѣчій славянскихъ отъ другихъ нарѣчій своего племени? Что былъ онъ по своему строю и составу, то-есть, въ какой порѣ развитія былъ по своимъ формамъ, и что выражалъ своими словами, какъ символами понятій и правовъ, быта и обичаевъ народа“? Срезневскій—мы пользуемся здѣсь собственными его словами—рѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: „Языкъ русскій въ то время, когда онъ уже отдѣлился отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, сдѣлавшись исключительно достояніемъ Русскаго народа въ отношеніи къ своему строю, былъ при исходѣ развитія своихъ первобытныхъ формъ, уже началъ періодъ ихъ превращеній. Это выразилось и въ правильной системѣ звуковъ, и въ богатомъ разнообразіи формъ словообразованія и словоизмѣненія, и въ опредѣленномъ различіи формъ словосочетанія. По своему составу онъ былъ уже богатъ какъ языкъ народа охотскаго, земледѣльческаго и до нѣкоторой степени промышленнаго, народа съ развитыми понятіями о бытѣ семейномъ и общинномъ, приготовленнаго къ соединенію въ одно цѣлое, народа съ разнообразными понятіями о природѣ и чело-вѣкѣ и съ вѣрованіями, хотя и закрытыми пеленой суевѣрій, но оживленными мыслью о единомъ Богѣ и безсмертіи духа“.

Въ IX вѣкѣ, къ которому относится переводъ Священнаго Писанія Кирилломъ и Меѳодіемъ, всѣ славянскія нарѣчія мало между собою различествовали, поэтому и открытіе свойствъ древняго русскаго языка и его древняго строя возможно на основаніи внимательнаго изученія письменныхъ памятниковъ X—XIV вв. и даже болѣе позднихъ. Въ нихъ легко отдѣлить элементъ чисто русскій отъ старославянскаго, все тѣ, что не могло принадлежать языку русскому, и когда будетъ совершено это отдѣленіе, тогда обнаружится, что этотъ русскій языкъ X—XIV в., какъ и прочія славянскія нарѣчія этого времени, находился въ состояніи переходномъ. Если древнія формы отличены отъ

новыхъ и понятія общія качества языка, оставшіяся въ немъ неизмѣнными, то и общіе выводы о древнемъ языкѣ не могутъ подлежать сомнѣнію. Такимъ путемъ можно дойти до уразумѣнія русскаго языка не только въ древнѣйшемъ, первобытномъ его видѣ, но и въ каждомъ изъ двухъ періодовъ, которые онъ пережилъ. Всѣ эти положенія Срезневскій развилъ и подкрѣпилъ доказательствами и филологическими соображеніями, особенно все то, что касается главныхъ чертъ древняго русскаго языка.

Затѣмъ, другимъ, не менѣе важнымъ вопросомъ въ исторіи русскаго языка является: „Какъ нашъ языкъ русскій измѣнялся съ тѣхъ поръ, какъ народъ Русскій занялъ свое отдѣльное мѣсто между народами Европы? Какимъ путемъ достигъ своего нынѣшняго положенія подъ вліяніемъ своеобразной дѣятельности духа Русскаго народа и подъ вліяніемъ обстоятельствъ внѣшнихъ?“

Рѣшеніе этого вопроса преимущественно обратило на себя вниманіе автора. Сказавъ нѣсколько словъ о постепенномъ измѣненіи границъ русскаго языка и о необходимости разсматривать въ исторіи его отдѣльно языкъ народа и языкъ книжный, онъ сообщилъ затѣмъ свѣдѣнія объ образованіи нарѣчій великорусскаго и малорусскаго, съ ихъ мѣстными измѣненіями, и о судьбѣ каждаго изъ нихъ, при чемъ представилъ картину общаго хода измѣненій народнаго русскаго языка на пути превращеній сравнительно съ ходомъ измѣненій другихъ славянскихъ нарѣчій, а эти измѣненія, подъ вліяніемъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ, совершались въ системѣ звуковъ гласныхъ и согласныхъ, въ формахъ словообразованія, словоизмѣненія и словосочиненія. Въ этой части труда, сухой съ перваго взгляда, сосредоточено такое богатство фактовъ и наблюденій, такое знаніе славянскихъ языковъ, что оно невольно изумляетъ читателя. Что касается исторіи русскаго книжнаго языка, то покойный академикъ усматривалъ въ его послѣдовательныхъ судьбахъ два періода: періодъ отдѣленія отъ языка народнаго и періодъ сближенія съ нимъ.

До XIII вѣка русскій языкъ въ народѣ и книгахъ былъ одинъ и тотъ же, но съ того времени, когда народный русскій языкъ началъ удаляться отъ древнихъ формъ, а книжный языкъ ихъ удерживать, допуская, впрочемъ, измѣненія въ нихъ при переводахъ съ греческаго языка и въ сочиненіяхъ, писанныхъ Греками, явились уклоненія, сначала касавшіяся слога, потомъ нѣкоторыхъ правилъ словосочетанія, а наконецъ, произошло отдѣленіе одного отъ другаго. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ кото-

рыхъ господствовалъ элементъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XVI вѣка отличія народной рѣчи отъ книжной уже до того рѣзки, что безъ труда ихъ можно отдѣлить. Съ XVII вѣка начинается обратное движеніе—сближеніе книжнаго языка съ языкомъ народнымъ, другими словами, проникновеніе въ книжный языкъ элементовъ живаго народнаго языка, которые получали право гражданства медленно и не безъ борьбы. Новый періодъ исторіи книжнаго русскаго языка, представляя рядъ побѣдъ народной рѣчи надъ тѣмъ, что уже отжило свой вѣкъ, еще далеко не завершило своего цикла. Періоды, достаточно вѣрно опредѣленные Срезневскимъ въ исторіи русскаго языка, повторяются и въ исторіи словесности, такъ какъ нельзя отрицать близкой связи исторіи языка съ исторіей литературы.

„Періоду образованія народнаго языка русскаго“, говоритъ нашъ сочленъ,—„въ его древнемъ, первоначальномъ видѣ соотвѣтствуетъ періодъ первоначальнаго образованія народной словесности; періоду отдѣленія книжнаго языка отъ народнаго соотвѣтствуетъ періодъ отдѣленія книжной литературы отъ народной словесности, а періоду возвратнаго сближенія книжнаго языка съ народнымъ—періодъ сближенія книжной литературы съ народною словесностью“.

Если съ нѣкоторыми положеніями покойнаго академика, высказанными въ этомъ сочиненіи, нельзя вполне согласиться, если нѣкоторыя изъ нихъ уже требуютъ значительныхъ измѣненій, то тѣмъ не менѣе каждый признаетъ, что его трудомъ, которому предшествовало только сочиненіе Каткова, указанъ новый путь для занимающихся исторіей отечественнаго языка, что имъ положено начало его сравнительной исторической грамматики, которая изъ обломковъ древняго языка нашихъ предковъ, сохраняющихся въ устной рѣчи и въ письменныхъ памятникахъ, слѣдя за послѣдовательнымъ развитіемъ его строя и происходившихъ въ немъ измѣненій, быть можетъ, воссоздастъ намъ его когда-либо въ органической полнотѣ.

Избранный въ члены Императорскихъ обществъ: русскаго географическаго (1847) и русскаго археологическаго (1850), Срезневскій не только въ продолженіе многихъ лѣтъ оставался ревностнымъ вкладчикомъ въ ихъ изданія, но и нѣкоторое время былъ въ нихъ руководителемъ въ качествѣ управляющаго отдѣленіемъ этнографіи и отдѣленіемъ русской археологіи, удѣляя обществамъ свой досугъ сколько это позволяли многочисленныя и разнообразныя должности, имъ на себя принимаемыя. Такъ, онъ исполнялъ обязанности члена экзаменаціоннаго

комитета, состоявшаго при университетѣ (1849—1850), члена комитета правленія Академіи Наукъ (съ 1-го сентября 1851 по 6-е сентября 1857), инспектора частныхъ пансіоновъ и школъ въ С.-Петербургѣ (съ 5-го сентября 1851 по 10-е іюля 1857), члена ученаго комитета главнаго правленія училищъ (съ 28-го іюля 1856 по 7-е октября 1859 года).

Въ повременныхъ изданіяхъ Географическаго общества Срезневскій помѣстилъ, начиная съ 1849 года по 1856 ¹⁾, слѣдующія болѣе выдающіяся статьи: Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка; Русь Угорская; Слѣды древняго знакомства Русскихъ съ южной Азіей, въ которой объяснено сказаніе Ибн-Кхордадбега (+912) о торговлѣ Русскихъ Славянъ съ Арабами въ IX вѣкѣ; Юго-Западные Славяне и Воспоминаніе о Н. И. Падеждинѣ, съ которымъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ Запискахъ и Извѣстіяхъ Археологическаго общества, начиная съ 1851 по 1872 г., кромѣ многихъ мелкихъ статей, онъ напечаталъ: Збручскій истуканъ краковскаго музея; Сказаніе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ; Чтеніе въ память П. С. Савельева; Древніе глаголическіе памятники; Древній византійскій ковчежець. Каждое изъ этихъ сочиненій и изданій имѣло свое достоинство и для своего времени представляло много новыхъ фактовъ. Изъ дѣятельности покойнаго академика въ кругу Археологическаго общества слѣдуетъ еще упомянуть о двухъ его командировкахъ, исполненныхъ по порученію общества въ 1867 году: на международный археологическій съѣздъ въ Антверпенъ, а затѣмъ въ Кіевъ, по случаю изданія рисунковъ съ фресокъ и мозаикъ Софійскаго собора.

Почти одновременно съ поступленіемъ въ члены ученыхъ обществъ, Срезневскій 1-го ноября 1851 года былъ избранъ въ экстраординарные академики, по прошествіи трехъ лѣтъ (4-го ноября 1854)—въ ординарные, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого избранія послѣдовало его утвержденіе ординарнымъ профессоромъ университета (13-го апрѣля 1855 г.).

Чтобы болѣе положительно опредѣлить значеніе академической дѣятельности Срезневскаго, безспорно, въ высшей степени и любопытной и плодотворной, и сохранить цѣльность производимаго ею впечатлѣнія, мы, прежде чѣмъ перейти къ ея очерку, рѣшились

¹⁾ Въ 1866 году онъ помѣстилъ въ *Извѣстіяхъ Геогр. Общества* «Замѣчанія къ отзыву этнографа Клемма о Лужицанахъ (Вендахъ) саксонскихъ».

соединить вмѣстѣ всѣ статьи, напечатанныя одновременно въ сборникахъ и поврежденныхъ изданіяхъ. Какъ эти статьи, такъ и всѣ изслѣдованія, помѣщавшіяся въ изданіяхъ Академіи Наукъ, почти исключительно имѣютъ предметомъ обнародованіе и объясненіе памятниковъ древней славянской и русской письменности и рѣшеніе разныхъ археологическихъ вопросовъ. Статьи археологическаго содержанія покойный академикъ помѣщалъ, кромѣ Извѣстій Археологическаго общества, въ Христіанскихъ Древностяхъ, выходившихъ подъ редакціею Прохорова. Здѣсь, въ теченіе 1862 — 1864 г., были напечатаны Срезневскимъ: Парижскій списокъ словъ св. Григорія Назіанзіана; Менологій императора Василія; Древній русскій календарь по мѣсячнымъ мѣсяцамъ XI—XIII вѣка; Древнія изображенія св. князей Бориса и Глѣба; Древнія русскія книги—палеографическій очеркъ; Древнія намятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ. Всѣ эти статьи, особенно послѣдняя, были замѣчены изслѣдователями. Въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, Срезневскій помѣстилъ очень любопытный и замѣчательный археологическій этюдъ, подъ заглавіемъ: Роженицы у Славянъ и другихъ языческихъ народовъ. Въ Русской Бесѣдѣ онъ напечаталъ разборъ церковно-славянскаго словаря Востокова, гдѣ привелъ изъ рукописей нѣкоторыя слова, его дополняющія. На страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія явились: Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи—статья, составляющая введеніе къ его курсу палеографіи; О русскомъ правописаніи; О научныхъ упражненіяхъ студентовъ; Работы по древнимъ памятникамъ языка и словесности. Въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, издававшемся въ Варшавѣ, Срезневскій помѣстилъ статью: Былина о судѣ Любуши, въ которой отступилъ нѣсколько отъ прежде заявленнаго имъ мнѣнія о древности этого памятника и уже относилъ его къ XI—XII вѣку. Въ Братскую Помочь онъ далъ біографическій очеркъ: Вукъ Стефановичъ Караджичъ—нѣсколько измѣненный и дополненный сравнительно съ прежде напечатаннымъ. Въ Древности—временное изданіе Московскаго археологическаго общества—онъ далъ небольшую, но любопытную статью: Древнія изображенія великаго князя Владиміра и великой княгини Ольги. Въ Сборникѣ государственныхъ знаній въ статьѣ: Свѣдѣнія о современной Сербіи онъ познакомилъ съ книгою Милчевича.

Принимая живое участіе въ бывшихъ у насъ доселѣ археологическихъ сѣздахъ, онъ помѣстилъ въ Трудахъ первыхъ трехъ нѣскольکو не безынтересныхъ статей. Сверхъ того, разныя мелкія его статьи были имъ помѣщены въ Сѣверной Пчелѣ, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и въ Русской Старинѣ.

Статьи, печатавшіяся въ Часописѣ чешскаго музея, Даницѣ, Годишнякѣ, въ *Centralblatt für slavische Literatur und Bibliographie*, въ *Starine*, въ *Archiv für slavische Philologie* и др., большею частью, или сокращенія, или переводы явившихся прежде на русскомъ языкѣ.

Немедленно по вступленіи своемъ въ Императорскую Академію Наукъ, Срезневскій принялъ участіе въ издаваемыхъ ею Опытѣ общесравнительной грамматики русскаго языка и Опытѣ областного великорусскаго языка—въ первомъ трудѣ совѣтами, устранившими изъ него недостатки и ошибки, а во второмъ—разборомъ пригодности доставленнаго матеріала, при чемъ имъ самимъ значительпо дополнены собранія словъ по Иркутской губерніи. Это участіе, болѣе существенное, чѣмъ оно могло бы показаться съ перваго взгляда, было удостоено высочайшаго благоволенія (3-го апрѣля 1852 года). Съ окончаніемъ этихъ трудовъ, по мысли и предположенію покойнаго академика, пачаты были при отдѣленіи подъ его редакцію: нѣчто въ родѣ повременнаго изданія, подъ заглавіемъ: Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, и сборникъ озаглавленный: Ученія Записки 2-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Извѣстія продолжались съ 1852 по 1863 годъ (ихъ вышло десять томовъ), а Ученія Записки съ 1854 по 1863 годъ (ихъ вышло семь книгъ). Не смотря на спеціальность содержанія Извѣстій, они обратили на себя вниманіе и были очень распространены, такъ что въ настоящее время нѣкоторые ихъ томы стали большою рѣдкостью. Это объясняется какъ интересомъ и разнообразіемъ ихъ содержанія, такъ и обиліемъ приложеній, заключавшихъ въ себѣ памятники и образцы народнаго языка и словесности, выборъ изъ произведеній современныхъ писателей и матеріалы для словаря сравнительнаго и объяснительнаго. Въ Извѣстіяхъ принимали участіе, кромѣ членовъ отдѣленія, его корреспонденты и посторонніе ученые, однимъ словомъ, почти всѣ наличныя силы того времени по славянской филологіи и исторіи отечественной словесности, силы, которыя редакторъ

умѣлъ сплотить и вызвать къ дѣятельности. Посредствомъ Извѣстій было пущено въ оборотъ много здравыхъ мыслей по славяно-русской филологіи, для которой они преимущественно служили органомъ, было сообщено много неизвѣстныхъ дотолѣ памятниковъ письменности, было предложено много догадокъ, которыя послѣдующими изысканіями оправданы и признаны дѣйствительными фактами. Въ этомъ заключается значеніе изданія и заслуга редактора. И до сихъ поръ Извѣстія не потеряли своей ученой цѣны, не смотря на то, что со времени ихъ прекращенія наука сдѣлала огромные успѣхи.

Въ Извѣстіяхъ живымъ отдѣломъ былъ отдѣлъ библіографіи, который почти весь принадлежалъ перу покойнаго академика. Въ немъ помѣщались отзѣвы, правда, краткіе, но всегда на столько достаточные, чтобы получить понятіе о содержаніи сочиненія или изданія, вышедшаго какъ у насъ, такъ и за границею, по части историко-филологической литературы. Благодаря этому отдѣлу, началось у насъ болѣе близкое знакомство съ учеными трудами южныхъ и западныхъ Славянъ, и ему въ извѣстной мѣрѣ мы обязаны распространеніемъ въ обществѣ положительныхъ свѣдѣній объ исторіи и литературѣ Славянъ. Всего въ десяти томахъ Извѣстій было рассмотрѣно около 600 сочиненій, самаго разнообразнаго содержанія. Нѣсколько капитальныхъ изслѣдованій самого Срезневскаго было также помѣщено въ Извѣстіяхъ. Таковы: О глаголитской письменности, въ которомъ академикъ старался подтвердить свое положеніе, что глаголица изобрѣтена въ Болгаріи или близъ ея какимъ-нибудь сектаторомъ, противившимся ученію Кирилла; О договорахъ князя Олега съ Греками, въ которомъ представлено нѣсколько замѣчаній о договорной грамотѣ 907 года, какъ древнѣйшемъ памятникѣ русскаго языка; Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ, въ которыхъ академикъ, устранивъ изъ числа несомнѣнныхъ лѣтописцевъ попа Іоанна и пономаря Тимоея, высказалъ мысль, что лѣтописцевъ было много, что они жили одинъ вслѣдъ за другимъ или даже и въ одно время, одни въ X — XI вѣкѣ, другіе въ XII, XIII и т. д., и что въ новгородскихъ лѣтописяхъ замѣтно разнообразіе составныхъ частей, что до нѣкоторой степени доказываетъ и разность ихъ языка; Древнія жизнеописанія Русскихъ князей X—XI в., именно великаго князя Владиміра и князей Бориса и Глѣба; Памятники X вѣка до Владиміра Святаго, — статья, въ которой академикъ старался доказать существованіе у насъ до X вѣка лѣтописей и лѣтописцевъ; Договоры съ Греками —

весьма любопытное изслѣдованіе, представляющее разборъ языка договоровъ со стороны этнографической въ отношеніи къ словамъ и выраженіямъ, которыми обрисовывается мысль и бытъ народа. Относительно языка договоровъ съ Греками покойный сочленъ пришелъ къ заключенію, что онъ есть смѣсь русскаго, старославянскаго и греческаго; что русскій элементъ языка договоровъ не есть исключительно славянскій, и что изъ терминовъ, употребленныхъ въ договорахъ можно считать русскими только тѣ, которые встрѣчаются въ другихъ русскихъ памятникахъ или являются обще-славянскими; Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ Нѣмцами 1199 и 1263 гг.; Законщина великаго князя господина Дмитрія Ивановича и брата его Володимера и нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ этому произведенію, которое есть не историческая повѣсть и не сказаніе, а поэма въ прозѣ, похожая болѣе на былинну, чѣмъ на книжный разказъ; Слѣды глаголицы въ памятникахъ X вѣка,—найденные въ спискахъ договорныхъ грамотъ Игоревой и Святославовой и дающіе поводъ заключать, что славянскіе переводы этихъ двухъ грамотъ были писаны кириллицею и глаголицею; Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв.—статья, въ которой покойный академикъ высказалъ догадку, что въ нынѣшнемъ населеніи южной Россіи лежатъ слѣды довольно древнихъ элементовъ славяно-русскихъ разныхъ вѣковъ, смѣшанныхъ съ тюркскими; Грамота великаго князя Мстислава и Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г., съ приложеніемъ двухъ другихъ грамотъ князя Всеволода и извѣстій о Юрьевскомъ Евангеліи 1120 — 1128 гг. — прекрасно и отчетливо написанное изслѣдованіе; Нѣсколько замѣчаній объ эпическомъ размѣрѣ славянскихъ народныхъ пѣсенъ, которыми Срезневскій подтвердилъ прежде высказанную имъ мысль, что десятисложный двустопный стихъ, гдѣ въ первой стопѣ четыре слога, а во второй шесть (или и на оборотъ) должно считать исконнымъ достояніемъ всѣхъ Славянъ, а не одной сербской народной поэзіи; Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ—тепло написанная біографія этого чешскаго дѣятеля, много потрудившагося для своей родины и сердечно расположеннаго къ Россіи и Русскимъ; Древніе памятники русскаго письма и языка; общее повременное обзорѣніе, требовавшее, не смотря на механическіе, такъ сказать, приемы, много и ученой работы, скрывающейся отъ посторонняго глаза. Оно вышло потомъ отдѣльнымъ изданіемъ и составляетъ настольную книгу для справокъ у cadaго, занимающа-

гося исторіей русской литературы, исторіей языка и палеографіей, такъ какъ это изданіе было снабжено многими выписками изъ рукописей и превосходно исполненными снимками съ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Здѣсь же въ Извѣстіяхъ Срезневскій помѣстилъ нѣсколько дополненій къ Церковно-славянскому словарю Востокова.

Въ Ученыхъ Запискахъ Срезневскій помѣстилъ два обширныя изслѣдованія, до сихъ поръ остающіяся въ нашей литературѣ единственными: „Повѣсть о Царьградѣ“ и „Хожденіе за три моря Аванасія Никитина“. Повѣсть о Царьградѣ, состоящая изъ двухъ отдѣльныхъ сказаній: одного объ основаніи Царегграда, а другаго—о взятіи его Турками въ 1453 году, покойный академикъ сличилъ съ византійскими, западно-латинскими и нѣкоторыми восточными памятниками, повѣствующими объ этомъ важномъ событіи и ему современнымъ, а въ примѣчаніяхъ сообщилъ нѣсколько матеріаловъ для оцѣнки и объясненія повѣсти въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ. Хожденіе или записки Аванасія Никитина о его странствіяхъ по Персіи и Индіи въ 1406 — 1472 гг. представляетъ памятникъ въ своемъ родѣ единственный. Эти записки — одно изъ древнѣйшихъ путешествій, совершенныхъ Европейцами въ Индію, — имѣютъ обще-европейское значеніе. При пересказѣ содержанія путешествія Никитина, Срезневскій пользовался для объясненія его текста сказаніями нѣкоторыхъ современниковъ, и сверхъ того, въ видѣ введенія въ свой трудъ предпослалъ ему очеркъ знанія Русскимъ народомъ странъ и городовъ закавказскаго и закаспійскаго востока и обзоръ записокъ о востокѣ италіанскихъ и испанскихъ путешественниковъ XV вѣка. Съ прекращеніемъ изданій, выходившихъ подъ редакціей покойнаго академика, онъ свою дѣятельность, нисколько впрочемъ не уменьшившуюся, перенесъ въ Записки Академіи Наукъ и въ Сборникъ отдѣленія, который замѣнилъ его прежнія поврежденныя изданія, но съ этого времени дѣятельность Срезневскаго приняла нѣсколько иной характеръ. Изученіе живой народной рѣчи и ея памятниковъ отошло на самый задній планъ; выступили напередъ памятники древней славяно-русской письменности, подробное описаніе ихъ и изслѣдованіе по языку и содержанію; тщательное изданіе ихъ по подлиннымъ рукописямъ, и вслѣдствіе того, самое внимательное изученіе палеографіи. Сверхъ того, съ этого времени становится замѣтнымъ устраненіе Срезневскимъ изъ своихъ изслѣдованій всякихъ предположеній, крайняя осторожность въ выводахъ и обобще-

нѣхъ фактовъ, строгая осмотрительность. Причину этого объяснить трудно; быть можетъ, она кроется въ свойствахъ личнаго характера покойнаго, скорѣе же въ новомъ направленіи занятій. Къ этому послѣднему періоду дѣятельности Срезневскаго относятся тѣ ученые его труды, которые на долго сохранятъ за собою почетное мѣсто въ лѣтописяхъ науки. Къ числу такихъ, по единогласному отзыву ученыхъ, принадлежатъ какъ по числу изслѣдованныхъ памятниковъ, такъ по тщательности и обстоятельности изслѣдованія: Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, и Древніе славянскіе памятники юсоваго письма. Оба эти издавія дали огромный запасъ провѣренныхъ фактовъ и важныхъ наблюдений по исторіи языка.

Въ Свѣдѣніяхъ помѣщено болѣе или менѣе подробное описаніе 90 письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ, начиная съ IX в., изъ которыхъ многіе открыты самимъ академикомъ. Простое перечисленіе этихъ памятниковъ могло бы показать, какое богатство сосредоточено въ Свѣдѣніяхъ, и сколько новыхъ и любопытныхъ матеріаловъ они представляютъ.

Часть рукописей, преимущественно сохранившихся въ небольшихъ отрывкахъ, воспроизведена вполне, а изъ другихъ сдѣланы довольно подробныя извлеченія. Каждое описаніе само по себѣ любопытно и для филолога, и для палеографа; въ каждомъ встрѣчаются многочисленные замѣтки, касающіяся языка рукописи; но нѣкоторыя изъ этихъ описаній отличаются особенною полнотою указаній и собранныхъ данныхъ, какъ, напримѣръ: Глаголическій списокъ поученій Ефрема Сирина; Книга его поученій до 1288 года; Запись при книгѣ его поученій 1377 года и Списки древняго перевода поученій Ефрема Сирина; Златоструй XII вѣка; Служба св. Константину философу по восьми древнимъ спискамъ; Древнее житіе Алексѣя челоуѣка Божія сравнительно съ духовнымъ стихомъ объ Алексѣѣ Божіемъ челоуѣкѣ; Псалтырь безъ толкованій русскаго письма XI в.; Греческая Пверскал кормчал IX — X вѣка, съ собраніями каноновъ и законовъ Иоанна Схоластика; Кормчал книга сербскаго письма 1262 года; Пандекты Никона Черногорца; Сказаніе о Софійскомъ храмѣ Цареграда въ XII в., оказавшееся произведеніемъ Новгородскаго архіепископа Антонія, изъ Копенгагенскаго сборника стараго русскаго письма; Болгарскія грамоты и другія записи; Патерикъ Синаяскій; Житіе Андрея Юродиваго и др. Къ Свѣдѣніямъ, для удобства пользованія

ними, присоединены указатель словъ и указатель употребленія буквъ и звуковъ.

Изданная Срезневскимъ книга подъ заглавіемъ: Древніе славянскіе памятники юсоваго письма съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка—представляетъ драгоценный сборникъ такихъ письменныхъ памятниковъ отъ XI до XIV вѣка, которые отличаются отъ другихъ памятниковъ того же времени послѣдовательнымъ употребленіемъ юсовыхъ гласныхъ. Ближайшее разсмотрѣніе рукописи этого разряда привело покойнаго академика къ тому вѣроятному заключенію, что, какъ у Славянъ, сохранившихъ въ употребленіи носовыя гласныя, такъ у Русскихъ и Сербовъ, утратившихъ эти гласныя, языкъ въ рукописяхъ самаго отдаленнаго времени былъ не чистый славянскій, а смѣшанный съ особенностями народнаго говора -- и даже не одного, а нѣсколькихъ различныхъ. Обзоръ памятниковъ юго-западнаго юсоваго письма и общія о нихъ замѣчанія предпосланы тексту изданныхъ памятниковъ, изъ которыхъ наиболѣе любопытны и важны: Саввина книга евангельскихъ чтеній XI вѣка, Охридская рукопись евангельскихъ чтеній и Слѣпченская книга евангельскихъ чтеній XII вѣка. Кромѣ указателя употребленія буквъ и звуковъ, къ книгѣ присоединены еще указатель календарный, или точнѣе, мѣсяцесловъ святыхъ, употребляемыхъ въ напечатанныхъ текстахъ.

Большая часть письменныхъ памятниковъ, помѣщенныхъ и описанныхъ въ этихъ двухъ сборникахъ, были найдены или подробно изучены покойнымъ сочленомъ во время его многократныхъ путешествій какъ по разнымъ мѣстностямъ Россіи, такъ и по западной Европѣ ¹⁾. Эти путешествія дали ему возможность сблизиться со многими учеными, войти съ ними въ общеніе, а главное, собрать богатые матеріалы для славяно-русской палеографіи.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Срезневскій съ особенною любовью занимался этимъ трудомъ; онъ былъ предметомъ его университетскихъ лекцій, и отданный теперь въ печать, безъ всякаго сомнѣнія, зай-

¹⁾ Онъ посѣтилъ съ ученою цѣлью Москву, Троицкую лавру, Ярославль, Вологду, Кострому, Нижній Новгородъ, Казань, Рязань, Кіевъ и Вильну. За границею онъ былъ въ Германіи, Австріи, Италіи, Франціи, Испаніи, Англіи и Давіи. Всѣ эти поѣздки были совершены покойнымъ академикомъ съ 1856 года, а именно въ 1856, 58, 60, 65—67, 69, 70, 73—75, 77 и 79 годахъ.

метъ въ наукѣ видное мѣсто, такъ какъ ему у насъ предшествовало лишь нѣсколько довольно слабыхъ попытокъ.

Со времени вступленія своего въ Академію Наукъ Срезневскій былъ постоянно избираемъ въ члены комиссій, учреждаемыхъ для рассмотрѣнія сочиненій, представлявшихся къ соисканію Демидовскихъ и Уваровскихъ наградъ, и для присужденія Ломоносовской премии. Какъ члену этихъ комиссій, ему нерѣдко были поручаемы для рассмотрѣнія сочиненія, и иногда по нѣсколькѣ разомъ, и въ каждомъ своемъ отзывѣ о нихъ, даже самомъ краткомъ, онъ всегда умѣлъ указать на тѣ стороны предмета, на которыя не было обращено вниманія, привести новыя данныя изъ своего богатаго запаса знаній, указать въ немногихъ словахъ мѣсто, которое займетъ сочиненіе въ наукѣ. Многіе изъ этихъ разборовъ представляютъ цѣлыя изслѣдованія, дополняющія въ значительной степени самыя сочиненія, на которыя они написаны. Къ числу такихъ принадлежатъ, напримѣръ, разборы сочиненій: П. И. Савваитова,—Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, разныхъ доспѣховъ и копскаго прибора; священника К. Т. Никольскаго—Объ антиминсахъ православной русской церкви; К. И. Невоструева—Слово св. Иполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII вѣка, съ изслѣдованіемъ о словѣ и о другой мнимой бесѣдѣ Иполита о томъ же; И. Бодуэна де-Куртене—Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ.

Въ комиссіи по присужденіи Ломоносовской премии покойный академикъ сообщилъ двѣ обширныя записки: о трудѣ гг. Горскаго и Невоструева: Описаніе славянскихъ рукописей патріаршей, нынѣ синодальной библіотеки, и о трудахъ (филологическихъ) профессора А. А. Потебни.

Не могу пройти молчаніемъ слѣдующія два изданія, исполненныя покойнымъ академикомъ по порученію отдѣленія съ особенною любовью вслѣдствіе того глубокаго уваженія, которое онъ питалъ къ патріарху русскихъ филологовъ: „Филологическія наблюденія А. Х. Востокова“ и „Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ съ объяснительными примѣчаніями“, и не упомянуть о нѣкоторыхъ его статьяхъ, помѣщенныхъ большею частію въ послѣдніе годы въ Запискахъ Академіи Наукъ и въ Сборникѣ отдѣленія. Одни заглавія этихъ статей указываютъ на разностороннюю дѣятельность академика, на то, что его занимало наклонѣ жизни. Здѣсь археологія смѣшалась исторіей литературы, жизнеописанія—филологіей, этно-

графія—палеографіей. Вотъ эти статьи, несомнѣнно интересныя во многихъ отношеніяхъ: „Русскіе калики древняго времени“; „Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ“; „Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова“, между прочимъ, и не изданныхъ; „Замѣчанія о словарѣ славянскихъ нарѣчій и о трудахъ д-ра А. Шлейхера“; „Воспоминаніе о научной дѣятельности Еягенія, митрополита Кіевскаго“; „Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма“; обозрѣніе русскихъ трудовъ по греческой палеографіи; древнія христіанскія написи въ Аоніахъ; „Дополнительныя замѣчанія на статью А. О. Патеры: Чешскіе глоссы въ Mater Verborum“; въ которыхъ Срезневскій защищаетъ древность подложныхъ глоссъ, съ чѣмъ едва ли можно согласиться; „На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Преисѣ, первыхъ преподавателей славянской филологіи“; „Фриульскіе Слыване“.

До сихъ поръ я говорилъ о печатныхъ трудахъ покойнаго академика, но есть еще одинъ его трудъ, остающійся въ рукописи, а между тѣмъ необыкновенно важный, извѣстный многимъ и уже многимъ приписавшій существенную пользу въ ихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. При самомъ первомъ знакомствѣ съ рукописями Срезневскому пришла мысль выбирать изъ нихъ слова, или иначе—приготовлять матеріалъ для словаря. Съ постепеннымъ изученіемъ рукописей—а ихъ перебивало у покойнаго въ рукахъ не десятки, а сотни—увеличивался словарь трудами, какъ его самого, такъ и тѣхъ лицъ, которымъ онъ поручалъ въ началѣ дѣлать извлеченія словъ изъ рукописей по заранѣ составленному имъ плану и по указаніямъ. Въ настоящее время онъ представляетъ массу лексическаго матеріала, написаннаго на карточкахъ. Общее желаніе—какъ можно скорѣе видѣть словарь напечатаннымъ. Второе отдѣленіе Академіи Наукъ уже звалось принять на себя его изданіе. Безъ всякаго сомнѣнія, трудъ нашего покойнаго сочлена, которому онъ посвятилъ десятки лѣтъ своей жизни, и который составлялся имъ по извѣстнымъ правиламъ, долженъ явиться въ свѣтъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ его оставилъ, безъ всякихъ измѣненій и дополненій. Можно надѣяться, что изданіе словаря, такъ давно ожидаемое и первый приступъ къ которому сдѣлалъ самъ покойный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ скоромъ времени осуществится.

Я представилъ здѣсь лишь самый сжатый очеркъ ученой дѣятельности И. И. Срезневскаго. Въ этомъ очеркѣ я нисколько не коснулся

ни его обширныхъ сношеній съ учеными разныхъ странъ, сношеній въ высшей степени любопытныхъ и поучительныхъ, какъ всякая переписка образованныхъ людей, которые заняты рѣшеніемъ научныхъ вопросовъ, и которые отдають этимъ вопросамъ первенство надъ всѣми другими, ни его дѣятельности какъ профессора университета, о которой бывшіе его слушатели сохраняють благодарную память за сообщеніе имъ яснаго и отчетливаго представленія о содержаніи науки, которую онъ излагалъ.

На сколько труды и изслѣдованія покойнаго академика, число которыхъ достигаетъ до 300, содѣйствовали успѣхамъ и развитію науки—это было достойнымъ образомъ оцѣнено отечественными и заграничными учеными обществами 5-го апрѣля 1879 года, когда праздновали пятидесятилѣтній юбилей служенія Измаила Ивановича Срезневскаго наукѣ. Въ похвалахъ, которыми осыпали юбиляра въ этотъ день, не было нисколько преувеличенія; была одна правда. Дѣйствительно, Срезневскій является однимъ изъ насадителей у насъ славяновѣдѣнія и по всѣмъ отраслямъ этой обширной науки онъ оставилъ неизгладимые слѣды; имъ впервые изъяснены научно судьбы нашего отечественнаго языка; онъ открылъ большое число важныхъ и любопытныхъ древне-славянскихъ и русскихъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ и ознакомилъ съ ними ученый миръ; критическими изслѣдованіями и изданіемъ памятниковъ древней церковной письменности освѣтилъ многія стороны, какъ русской образованности того времени, такъ и православной славянской церкви; онъ значительно подвинулъ впередъ славяно-русскую палеографію; обогатилъ науку множествомъ новыхъ и блестящихъ положеній, извлеченныхъ изъ скуднаго иногда матеріала, вслѣдствіе умѣнья стать на правильную точку зрѣнія, или высказанныхъ сначала въ видѣ остроумныхъ и счастливыхъ соображеній; наконецъ, подъ ближайшимъ руководствомъ его образовалось нѣсколько поколѣній русскихъ ученыхъ славистовъ и педагоговъ, въ которыхъ онъ успѣлъ поселить полную преданность наукѣ, и изъ которыхъ одни съ честію занимають университетскія кафедръ, а другіе пользуются заслуженною извѣстностію какъ преподаватели и писатели.

Много было высказано лестнаго и относительно нравственныхъ качествъ И. И. Срезневскаго, оцѣнка которыхъ менѣе всего принадлежитъ современникамъ; но считаю умѣстнымъ упомянуть здѣсь о похвалахъ ему за то, что онъ горячо отстаивалъ все, что считалъ

справедливымъ и полезнымъ, за то, что гласно высказывалъ свои мнѣнія и убѣжденія, хотя бы они шли въ разрѣзъ господствовавшимъ мнѣніямъ, за то, что онъ принималъ живое участіе во всемъ, что касалось внутренней жизни университета и Академіи Наукъ, за ту одушевленную рѣчь, которая всегда была у него готова, когда слѣдовало показать значеніе трудовъ русскихъ ученыхъ и отвести имъ подобающее мѣсто въ наукѣ, наконецъ, за то, что онъ постоянно стоялъ, и стоялъ крѣпко, за честь, славу и интересы родины, за то, что вѣрилъ въ будущую силу Русскаго народа и въ его способность къ труду, для которой требовалъ широкой свободы. Почти до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни Измаиль Ивановичъ интересовался наукой и не покидалъ своего оружія, какъ воинъ, честно исполняющій въ бою лежанціи на немъ долгъ; смерть вырвала перо изъ рукъ нашего сочлена преждевременно, когда онъ могъ бы еще потрудиться для науки и быть ей полезенъ.

Наше образованное общество, всегда умѣющее цѣнить людей, приносящихъ пользу отечеству и честно ему служившихъ, съ особеннымъ торжествомъ, какъ здѣсь, такъ и въ первопрестольной нашей столицѣ, провожало прахъ покойнаго къ мѣсту его вѣчнаго успокоенія Рязанской губерніи въ село Срезнево, откуда шель его родъ.

Отъ этого задушевнаго чествованія только что отшедшаго дѣятеля вниманіе невольно переносится къ торжественнымъ днямъ 5-го—8-го іюня, пережитымъ Москвою по случаю открытія въ ней памятника нашему великому поэту А. С. Пушкину.

На этомъ праздникѣ, на которомъ сошлись люди, мысли и чувства со всѣхъ концовъ Россіи, отдѣленіе русскаго языка и словесности имѣло своихъ представителей, припимавшихъ въ немъ участіе живымъ словомъ. Старѣйшій изъ нашихъ университетовъ явился на этомъ торжествѣ достойнымъ представителемъ науки и еще разъ осязательно доказалъ, что въ немъ, какъ святыня, хранится уваженіе къ великимъ Русскимъ людямъ.

Московскій архипастырь, заключая свое слово, произнесенное по поводу открытія памятника поэту, высказалъ желаніе, чтобы „Господь послалъ Россіи еще и еще гениальныхъ людей и великихъ дѣятелей не на литературномъ только, но и на всѣхъ поприщахъ общественнаго и государственнаго служенія“.

Къ этому пожеланію присоединимъ и мы свое. Дай Богъ, чтобы Россія, Академія Наукъ и другія ученныя учрежденія имѣли какъ

можно болѣе лицъ подобныхъ И. И. Срезневскому; дай Богъ, чтобы сыны обширнаго Русскаго государства, обладающіе тѣми же достоинствами, какъ и покойный, безъ различія народностей, какъ можно въ большемъ числѣ являлись для занятія кафедръ въ отечественныхъ храмахъ науки, но подѣ условіемъ знанія русскаго языка и русской исторіи: ибо безъ этого знанія нельзя приносить пользу родинѣ, нельзя любить ее и уважать.

О КАТАЛОГЪ ГРЕЧЕСКИХЪ АΘОНСКИХЪ РУКОПИСЕЙ, СОСТАВЛЕННОМЪ ЛѢТОМЪ 1880 ГОДА.

(Извлеченіе изъ отчета греческаго ученаго Ламбра о командировкѣ его на
Аѳонъ).

Передъ нами отчетъ доцента греческой исторіи и палеографіи (γραφογνωσίας) ¹⁾ въ Аѳинскомъ университетѣ, Спиридона П. Ламбра, представленный имъ въ эллинскую палату депутатовъ, о командировкѣ его на Святую Гору лѣтомъ 1880 г. (Εκθεσις Σπυριδωνος Π. Λαμπρι Δ. Φ. Γρηγητη προς την βυλην των Ελληνων περι της εις το αγιον ορος αποστολης αυτη κατα το θερος τι 1880. Αθηνησιν, εκ τι τοπογραφαις τι Αιωνος, 1880, въ 8-ю, стр. всего 32). Въ началѣ своего отчета, въ краткомъ очеркѣ прежнихъ трудовъ по изученію Аѳона и его сокровищъ (Εκθ., стр. 4—7), С. Ламбръ особенно напираетъ на то, что, не смотря на большія усилія многихъ почтенныхъ лицъ, доселѣ не достаало общаго систематическаго каталога хранящихся на Аѳонѣ рукописямъ. „Обративъ вниманіе“, пишетъ онъ о себѣ, — „уже за много лѣтъ передъ симъ, во время моихъ занятій въ сѣверной и западной Европѣ, на изученіе средневѣковыхъ рукописей и нашей средневѣковой исторіи и литературы, и для этой цѣли посѣтивъ болѣе 20 библиотекъ и архивовъ въ Германіи, Австріи, Англии, Франціи, Бельгіи, Голландіи и Италіи, я лучше прежняго понялъ настоятельную надобность въ изслѣ-

¹⁾ Помѣщаемъ кое-гдѣ въ скобкахъ греческія слова изъ подлиннаго отчета, полагая, что нѣкоторымъ читателямъ, конечно, очень немногимъ, это можетъ показаться любопытнымъ.

дованіи аѳонскихъ библіотекъ и пожелалъ привести въ порядокъ ихъ греческія рукописи и составить имъ каталогъ. По возвращеніи моемъ въ Аѳины въ 1877 г., удостоенный философскимъ факультетомъ университета званія доцента по преподаванію греческой исторіи и греческой палеографіи (γραφουσιᾶς), и счелъ долгомъ своимъ заняться всѣми силами образованіемъ студентовъ, которые могли бы потрудиться со мною въ этомъ дѣлѣ" (Отч., стр. 8—9). Таковы были добрыя намѣренія аѳинскаго доцента. Вскорѣ удалось ему ихъ осуществить.

По поданной имъ въ эллинскую палату депутатовъ запискѣ, въ которой доказывалась необходимость изслѣдованія аѳонскихъ библіотекъ Греками, онъ получилъ на исполненіе своего предначертанія разрѣшеніе отъ палаты въ засѣданіи 5-го декабря 1878 г. Черезъ греческое правительство добылъ онъ рекомендательное письмо отъ Константинопольскаго патріарха къ Святогорской общинѣ (Отч., стр. 9). Онъ взялъ въ помощь себѣ, для работы надъ рукописями, двухъ изъ своихъ слушателей, студентовъ филологіи Пархаріда и Ерганду (Παρχαρίδης, Γεωργιανίδης) и одного студента-юриста — Гувела (Γυβέλλης), а по византійскому искусству Швейцарца Жильерона (Gillieron), учителя рисованія королевскихъ дѣтей. Въ іюнь 1880 г. поѣхали они на Аѳонъ. Здѣсь община Аѳонская, въ свою очередь, снабдила доцента Ламбра циркуляромъ, обращеннымъ ко всѣмъ святогорскимъ обителямъ. Этотъ любопытный документъ, подписанный въ Каряхъ 20-го июня 1880 г., въ подлинникѣ приведенъ сполна (см. Отчетъ, стр. 11—12). Приѣмъ греческому ученому былъ сдѣланъ повсюду самый гостепріимный и дружескій.

Упомянувъ вскользь о прежде изданныхъ хрисовулахъ, относящихся къ митрополіямъ Монеивасійской и Янинской, къ исчезнувшей древней обители Лемвійской близъ Смирны ¹⁾, къ церкви Патміѳской ²⁾ и проч., авторъ высказываетъ свой взглядъ на святогорскіе хрисовулы въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Изъ всѣхъ хрисовуловъ, видѣнныхъ мною на Св. Горѣ, я убѣдился, что они не имѣютъ того вели-

¹⁾ I. Σαχκελίωτος, Εκ τῶν ἀνεκδότων Πατρ. 1864 Пр. Д.

²⁾ Acta et diplomata graeca medii aevi, изд. Миклошичемъ и Милларомъ, см. томъ IV: Изъ сихъ актовъ относящіеся къ лаврѣ Латрекой и къ обители Лемвійской подробно разсмотрѣны были недавно проф. В. Г. Васильевскимъ въ изслѣдованіи его: Матеріалы для внутренней исторіи Византійскаго государства (Ж. М. II. Пр. 1880 г.). Пр. Д.

каго историческаго и филологическаго значенія, какое мы въ нихъ предполагаемъ. Большая часть ихъ ограничивается перечисленіемъ главнымъ образомъ недвижимыхъ имуществъ, обителямъ дарованныхъ, или утвержденіемъ за ними прежнихъ дареній. Въ такихъ дарственныхъ грамотахъ заключаются мѣстныя названія и предметы, которые заслуживаютъ ознакомленія съ ними, но во всѣхъ ихъ господствуетъ спеціально мѣстный элементъ, который нужно изучать туземцамъ Св. Горы, полуострововъ Сионійскаго и Потидейскаго, острововъ Лимна и Эаса, гдѣ преимущественно находятся и прежде находились метохи (подворья) обителей. Языкъ сихъ грамотъ и приводимые въ нихъ термины (ῥοι) могутъ быть истолкованы надлежащимъ образомъ лицами интересующимися. По сей причинѣ обнаруженіе святогорскихъ хрисовуловъ съ трудомъ можетъ быть предпринято учеными; это обязанность самихъ обителей, которыхъ интересы въ нихъ разбираются, и которыхъ мѣстная исторія ими разъясняется. Мы въ правѣ ожидать и отъ другихъ обителей того же, что сдѣлано Русскими святаго Пантелеймона, издавшими въ подлинникъ и въ русскомъ переводѣ акты своего монастыря и обогатившими это изданіе множествомъ примѣчаній ¹⁾. Но къ несчастію, по своему нынѣшнему положенію, силы Св. Горы недостаточны, за немѣнѣемъ способныхъ на такое дѣло людей, которые могли бы и вѣрно прочесть, и надлежащимъ образомъ истолковать, и издать хрисовулы. Требуется и болѣе твердая воля, и болѣе свободное разумѣніе для отдѣленія подлиннаго отъ подложнаго и для рѣшимости не выдавать поддѣльное за истинное — изъ-за мелкихъ барышей и ложнаго благочестія. Я говорю это потому, что попались мнѣ и поддѣльные хрисовулы, порожденные попользовеніемъ къ личнымъ выгодамъ, которыя низводятъ людей, избравшихъ себѣ въ удѣлъ небо, въ тину низменныхъ заботъ слабыхъ смертныхъ (13—14)... Настало время не скрывать хрисовулы, а предавать ихъ гласности ²⁾ (14—15).

¹⁾ С. Ламбръ имѣетъ въ виду книгу: Акты русскаго на св. Аеонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона. Кіевъ, 1873. О достоинствахъ и некоторыхъ недостаткахъ этого изданія см. мнѣніе проф. *Васильевскаго* въ упомянутой статьѣ его, *Ж. М. Н.*, 1880, стр. 357—359. *Пр. Д.*

²⁾ Мы не согласны съ высказаннымъ С. Ламбромъ взглядомъ, отрицающимъ важное значеніе аеонскихъ актовъ въ историческомъ и филологическомъ отношеніи. Не такъ, какъ онъ, смотрятъ на этотъ предметъ русскіе ученые, имъ занимавшіеся. Обзорніе трудовъ по указанію и описанію аеонскихъ актовъ преимущественно русскихъ ученыхъ читатель найдетъ въ обстоятельномъ ученіи

Въ отчетѣ своемъ авторъ довольно подробно обрисовываетъ незавидное состояніе печатныхъ книгъ и еще худшее—рукописей. Но на этомъ предметѣ, какъ на слишкомъ извѣстномъ, мы въ своемъ извлеченіи останавливаться не станемъ (см. стр. 15, 17—18). Ламбръ записалъ названія книгъ, напечатанныхъ въ греческихъ типографіяхъ до возрожденія Греціи, но только тѣхъ изъ нихъ, которыя не вошли въ Каталогъ ново-греческой литературы, изданный Вретѣ¹⁾, и въ его же дополнительные каталоги (15). Рукописямъ аеонскимъ, вообще говоря, ни каталоговъ, ни простыхъ списковъ — нѣтъ. Исключенія рѣдки. Каталогъ греческимъ рукописямъ имѣеть обитель Ватопедская; начатки каталога, неполнаго и неметодическаго, нашелъ Ламбръ въ обители Кутлумушской, инвентари, недостаточные,—въ монастыряхъ Пантелеймоновомъ и Каракальскомъ. Нѣкоторыя работы по составленію каталога начались, какъ слышалъ авторъ,—въ обители Лаврской. Но кромѣ упомянутыхъ мѣстъ, нигдѣ болѣе не приложено ни малѣйшаго попеченія о приведеніи въ порядокъ греческихъ рукописей. Обыкновенно, представляемыя ему иноками рукописи составляли малую лишь долю всего ихъ количества; остальные лежали въ перемежку съ печатными книгами или же были разсыпаны по полу; изслѣдователю случалось находить въ сундукахъ, шкафахъ и ящикахъ такія рукописи, которыя и самимъ инокамъ не были извѣстны.

При составленіи каталога наблюдался авторомъ, въ каждомъ изъ 20 осмотрѣнныхъ имъ монастырей, слѣдующій порядокъ: Собравъ въ одно мѣсто рукописи посѣщенной обители, Ламбръ и его сотрудники прилагали сильное стараніе о распредѣленіи оныхъ по матеріалу и формату (*καθ' ἔλατος καὶ σχῆμα*). Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, правда, недоставало мѣста для подобной работы; однако все же въ большей части монастырей новымъ труженикамъ науки удалось размѣстить рукописи по шкафамъ.

розысканіи молодого слависта г. Т. Флоринскаго: Аеонскіе акты и фотогравированные снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. С.-Пб. 1880. Заслуга г. Флоринскаго рассмотрѣна проф. Васильевскимъ въ упомянутомъ его изслѣдованіи: Матеріалы и т. д. (на стр. 356—357). Изъ этого же изслѣдованія г. Васильевскаго можно судить о томъ, какъ много фактовъ и соображеній первой важности для внутренней исторіи Византіи даютъ акты аеонскіе, когда они подвергаются научному анализу знатоками дѣла. *Пр. Д.*

¹⁾ *Νεοελληνική φιλολογία ητοι κаталогος των απο κτωσεως της Βυζαντινης αυτοκρατοριας μεχρι της καθιδροσεως της εν Ελλαδι βασιλειας... συνθεθεισ υπο Ανδρεω Παπαδοπουλου Βρετις. Αθηнай, въ двухъ частяхъ, 1-я 1854, 2-я 1857. Пр. Д.*

Въ распредѣленіи рукописей они держались слѣдующаго порядка сперва пергамина, подраздѣленные по ихъ формату, а затѣмъ бумажныя, съ подраздѣленіемъ на церковныя, литургическія, классическія и свѣтскія, номоканоны и рукописи музыкальныя, съ соблюденіемъ и въ подраздѣлахъ распредѣленія по формату (см. стр. 19). Для упроченія этого распорядка рукописей и приведенія его въ соотвѣтствіе съ составленнымъ нынѣ каталогомъ, налѣплены на корешокъ каждой изъ нихъ привезенныя изъ Аѳинъ литографированныя бланки (δέλταρια), на которыхъ написана та цифра, подъ которою рукопись занесена въ каталогъ. „Такимъ образомъ на будущее время“, пишетъ авторъ отчета, — „если не произойдетъ непростительнаго нарушенія порядка въ разстановкѣ передвигаемыхъ (?) кодексовъ, то каждую изъ описанныхъ въ моихъ каталогахъ рукописей очень легко будетъ отыскать. Въ составленномъ нынѣ каталогѣ съ точностью обозначены: матеріаль каждый кодекса, время его написанія (отмѣчено ли оно въ самомъ кодексѣ или опредѣлено лишь по почерку), далѣе, форматъ и число листовъ“ (стр. 21). Относительно сборниковъ ¹⁾ приложено было стараніе записать всѣ входящія въ каждый изъ нихъ статьи, а также и наипростѣйшія замѣтки, вписанныя въ сборники кѣмъ-нибудь для наполненія бѣлыхъ листовъ. „Такъ составился“, говоритъ авторъ отчета, — „очень подробный каталогъ, въ который занесены рукописи двадцати святогорскихъ библиотекъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

¹⁾ «Сборники» авторъ отчета называетъ κώδικες πολύβιβλοι или τὰ πολύβιβλα, прибавляя, что на средневѣковомъ греческомъ языкѣ они прозваны κουβαράδες. С. Ламбръ не упоминаетъ о томъ, продолжаютъ ли и нынѣ называть свои сборники этимъ послѣднимъ словомъ иноки аѳонскіе. Но есть свидѣніе у Андрея Мустокса, что тотъ рукописный томъ, въ которомъ помѣщалось историческое сказаніе инока Комнина и инока Прокла о деспотахъ Эпирскихъ и т. д. (ισορίχων Κομνηνῶν), заключалъ въ себѣ и другія сочиненія, а потому и былъ коротокъ и толстъ (κοντόχουτρος), и что за такой его видъ жители Янинъ именовали его «кубаръ», то-есть, клубокъ (см. Ελληνισμῶν... Αθήνησιν, 1843, на стр. 462). Эта рукопись-клубокъ, принадлежавшая обителю св. Николая Спана (Безбородаго), находясь временно въ училищѣ Капановомъ, сгорѣла въ 1820 г., августа 23-го, въ то время, когда Али-паша, при осадѣ Янинъ, сжегъ и училище, и библиотечку его, и рукопись-клубокъ (тамъ же). Замѣтимъ мимоходомъ, что куβαράς, куβάρι, и «кубарь» одно и то же слово: быть можетъ, въ основѣ его— κύβος. *Ир. Д.*

Названіе обителей	Число рукописей.
1) Иверская (μονή Ἰβήρων).	1386
3) Діонисіева (μ. Διονυσίου).	588
3) Кутлумушская (Κυτλίμυσις).	461
4) Дохіарская (Δοχειαρίς).	395
5) Ксиропотамская (Ξηροποτάμης).	342
6) Есфигменская (Ἐσφιγμένον).	320
7) Св. Пантелеѣмона (Ἁγ. Παντελεήμονος).	264
8) Филофейская (Φιλοθέου).	250
9) Каракалова (Καρκαλάνη).	250
10) Симоно-Петрская (Σίμωνος Πέτρας).	245
11) Пандократора (Παντοκράτορος).	234
12) Ставроникитская (Σταυρονικήτα).	162
13) Ксенофонта (Ξενοφώντος).	163
14) Григоріева (Γρηγορίου).	155
15) Кастамонитская (Κασταμονίτης).	111
16) Зографская (Ζωγράφου).	107
17) Хиліандарская (Χιλιανταρίς).	105
18) Св. Павла (Ἁγίου Παύλου).	94
19) Библиотека Протата въ Карьяхъ (Βιβλιοθήκη τοῦ Πρωτάτου ἐν Καρυαίς).	81
20) Скитъ св. Анны (Σκήτη Ἁγ. Ἄννης).	46
Итого . . .	5766*

Поздняя пора года, истощеніе силъ трудившихся лицъ и глазная боль самого С. Ламбра лишили его возможности составить каталогъ греческимъ рукописямъ двухъ большихъ и именитыхъ обителей—Лавры и Ватопеда. Не смотря на то, важному дѣлу, систематическому описанію греческихъ афонскихъ рукописей, положено твердое основаніе: дѣло это даже можетъ считаться исполненнымъ, за извѣтѣемъ самой малой доли его. Въ теченіе многихъ вѣковъ, не смотря на затраты нѣсколькихъ правительствъ, оно не было приведено въ исполненіе. „На сочувственное и благосклонное обсужденіе... друзей науки, но ихъ однихъ“, пишетъ авторъ отчета, — „на ихъ ходатайство и поддержку отдаю свой каталогъ 5766 афонскихъ рукописей, состоящій изъ болѣе чѣмъ 2500 писанныхъ страницъ, въ 4-ку, и питаю надежду, что когда-либо найдутся достаточныя средства для ихъ изда-

нія, чтобы тѣмъ обнаружилась моя работа и оправдались труды и мои собственные, и моихъ сотрудниковъ“ (23).

Этимъ не ограничилось дѣло Ламбра; онъ розыскивалъ, нѣтъ ли въ разсматриваемыхъ рукописяхъ не изданныхъ остатковъ классической филологіи, укрывавшихся до сихъ поръ отъ вниманія изслѣдователей; нѣтъ ли текстовъ, относящихся къ исторіи и языкованію греческому и въ средніе вѣка, и въ турецкое господство (23—24).

„Сдѣлано очень тщательное розысканіе палимпсестовъ..., не только тѣхъ, которыхъ нижній, древнѣйшій, текстъ былъ греческій, но и пергаминовъ славянскихъ или грузинскихъ, для разсмотрѣнія, не записаны ли они по затертымъ древнимъ греческимъ текстамъ“ (ст. 24)¹⁾.

Палимпсестовъ на Аеонѣ очень мало. Ни одинъ палимпсестъ, по завѣршенію Ламбра, не представилъ какого-либо достопримѣчательнаго греческаго текста; однако, не смотря на то, содержаніе открытаго на каждомъ изъ разсмотрѣнныхъ палимпсестовъ болѣе древняго текста было тщательно записано. Ламбру посчастливилось, говорить онъ,—найти матеріалы, имѣющіе связь съ классическою филологіей, но онъ не можетъ похвалиться, что нашелъ не изданныя сочиненія знаменитыхъ поэтовъ и прозаиковъ древности. Кромѣ схолій на древнихъ писателей, содержащихся въ спискахъ относительно позднихъ, и кромѣ очень немногихъ рукописей съ классиками, большая часть рукописей Святой Горы относится болѣе къ образованности церковной и къ литургии, или имѣютъ значеніе для греческой литературы въ періодъ турецкаго господства.

„Не изданные матеріалы, списанные мною съ разныхъ святогорскихъ рукописей, многочисленны и разнообразны“, говоритъ Ламбръ;—

¹⁾ Не можемъ не осудить такого обращенія съ палимпсестами. Вопервыхъ, какъ могъ ревнитель сохраненія греческой письменности и расширенія ея предѣловъ быть увѣренъ, не будучи ни славистомъ, ни грузинистомъ, что, уничтожая верхній текстъ—славянскій или грузинскій, онъ не лишаетъ ученаго міра какого-либо остатка греческой же литературы, переведеннаго на славянскій или грузинскій языкъ, такого остатка, который въ подлинникъ могъ пропасть? Во вторыхъ, какъ могъ онъ не подумать, что, уничтожая текстъ славянскій или грузинскій, онъ уничтожаетъ, быть можетъ, очень древній памятникъ этихъ письменностей, при чемъ отысканный нижній греческій текстъ могъ оказаться совершенною ничтожностью? Куда ни идетъ, если уничтоженные тексты были имъ же или прежними посвятителями Аэона — отфотографированы; а если и того не сдѣлано? Что тогда сказать? Прините къ свѣдѣнію, гг. слависты и грузинисты, и поспѣшите на Аеонъ. *Пр. Д.*

„изданіе ихъ обогатить съ разныхъ сторонъ классическую, церковную и новую нашу литературу, разяснить во многомъ и средневѣковую исторію Греческаго народа. Исправное написаніе всѣхъ списанныхъ съ аеонскихъ рукописей не изданныхъ сочиненій, которыхъ изданіе я приготавливаю, — дѣло не легкое. Здѣсь отмѣчены мною“, прибавляетъ онъ, — „главнѣйшіе изъ анекдотовъ“.

Въ этомъ моемъ извлеченіи изъ отчета г. Ламбра я помѣщаю сполна всѣ отмѣченные въ этомъ отчетѣ анекдоты, предлагая каждое изъ приведенныхъ имъ заглавій и въ переводѣ, и въ подлинникѣ.

1. Григорія Богослова не изданное слово „Совѣтное слово къ дѣвѣ“ (Πρὸς παρθένον παρανετικός) изъ рукописнаго пергаминнаго списка X вѣка.

2. Разные не изданные сборники древнихъ пословицъ изъ различныхъ бумажныхъ рукописей XIV, XV и XVI вв., содержащіе въ себѣ или новыя до сихъ поръ не собранныя пословицы, или новыя толкованія уже извѣстныхъ пословицъ. Сіи сборники значительно дополняютъ серьезный сборникъ Ραγοεμιογραφίη Γραεσί, изданный въ Геттингенѣ въ 2 т., въ 1851 г. профессоромъ Эрнестомъ Лейчемъ (Leutsch).

3. Компиляція по естествознанію животныхъ сухопутныхъ и морскихъ и птицъ, составленная царемъ государемъ Константиномъ Порфиророднымъ изъ разныхъ книгъ (Συναγωγή περὶ ζῴων ἱστορίας χερσαίων θαλασσίων καὶ πτηνῶν ποιηθεῖσα παρὰ βασιλέως κοροῦ Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου καὶ ἐκ διαφόρων βιβλίων ἐρανισθεῖσα) изъ бомбициноваго кодекса XIII в. Это находка очень важная: она относится къ ряду замѣчательныхъ извлеченій изъ древнихъ писателей, еще сохранявшихся въ X в., каковыя извлеченія составлены были по приказанію предприимчиваго императора Константина Порфиророднаго. Эта компиляція, къ несчастію, недостаточная (дефектная) въ святогорскомъ кодексѣ, была извлечена изъ зоологическихъ и другихъ сочиненій Аристотеля, Еліана, Агаѳархида, Калліа, Ктисія, Аристофана, Евдима, Тимофея, Апіона, Нимфодора и другихъ.

4. „Грамматическое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Солецизмы въ діалектахъ“ (Σολοικοφανῆ τινα φαίνόμενα κατὰ τὰς διαλέκτους), изъ котораго знакомимся съ многими особенностями греческихъ нарѣчій.

5. „Тринадцать народныхъ пѣсенъ съ ихъ пѣльвами, изображенными византійскими нотами (διὰ τῶν σημείων τῆς βοζαντιακῆς παρασημαντικῆς). Сіи пѣсни нашли мы записанными на семи листахъ кодекса XVI вѣка, заключающаго въ себѣ темпы (?) разныхъ пѣснопѣвцевъ

церковныхъ (Κρατήματα διαφόρων μελοποιῶν τῆς ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς). Но изъ сихъ семи листовъ на виду была одна только страница, остальные же составляли тотъ картопъ, который послужилъ переплетомъ рукописи. Отклеить и сохранить сіи листы посредствомъ осторожнаго ихъ смачиванія стоило большаго труда. Эта находка весьма замѣчательна въ такое время, когда приложены большія старанія для розысканія техники византійской музыки и для оживленія нашей народной мелодіи. Извѣстны изслѣдованія по этому предмету живущаго въ Парижѣ Бурго-Дюкудре (Bourgault Ducoudray) и нашего единоплеменника г. Іоанна Дзедза, который обязательно обѣщался облегчить мнѣ трудную перенесъ моихъ копій и фотографическихъ снимковъ этихъ старинныхъ мелодій греческаго народа — на ноты европейской музыки.

6. „Разныя стихотворенія процвѣтавашаго въ XVII столѣтіи, по до сихъ поръ извѣстнаго только по имени ученаго Георгія Этоліица, и собственно его же собраніе 143 есоповскихъ басенъ, написанныхъ политическими стихами съ ризамаи, очень любопытныхъ.

7. „Мануила, великаго ритора святѣйшей Константинопольской великой Божіей церкви, сказаніе о честной иконѣ владычицы нашей Богородицы и присподѣвы Маріи, яже во Асгоріи, и о совершенныхъ ею въ разныя времена чудесахъ (Μανυῆλ τοῦ μεγάλου ῥήτορος τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀγιωτάτης τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας διήγησις περὶ τῆς σεβασμίας εἰκόνης τῆς δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας τῆς ἐν Ἀσγορίῳ καὶ τῶν ὑπ' αὐτῆς γεγονότων θαυμάτων κατὰ διαφόρους καιρούς). (Сказавъ нѣсколько словъ о томъ, что подобныя сказанія содержать въ себѣ историческіе факты, авторъ заявляетъ, что изъ упомянутаго сказанія много узнаемъ о сношеніяхъ Византійцевъ съ Иверцами (=Грузицами), объ исторіи Грузіи и Персіи при Якуб-ханѣ).

8. „Житіе и дѣянія блаженнаго отца нашего и чудотворца Никона Метаноита, Арменина, въ знаменитой Лакедомоніи скопчавшагося“ (Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ θαυματουργοῦ Νίκωνος τοῦ Μετανοεῖτε τοῦ ἐξ Ἀρμενίας καὶ ἐν τῇ περιφήμῳ Λακεδαμονίᾳ τελειωθέντος). Житіе блаженнаго Никона, подвизавшагося въ Лакедемонѣ въ X столѣтіи, есть одинъ и знаменитѣйшихъ источниковъ нашей средневѣковой исторіи; имъ много пользовались писавшіе о среднихъ вѣкахъ историки, между которыми починъ принадлежитъ Хоуфу (Hoff, Griechische Geschichte въ энциклопедіи Ерша и Грубера,

Отд. I, т. I ¹⁾, стр. 123 и дал. и особенно стр. 134 и слѣд.; Herzberg, Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens, T. I, стр. 282 и слѣд., 376 и сл.; Παπαρρηγοπούλου, Ἱστορία τοῦ ἑλλ. ἔθνους. Τομ. Δ'. 1871. σ. 234). Но источникомъ важныхъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ жизни блаженнаго Никона, служилъ (до сихъ поръ) не подлинникъ, а латинскій переводъ этого житія, изданный въ 1729 году Мартеномъ и Дюраномъ (Veterum scriptorum amplissima collectio. Parisiis, Tom. VI, p. 850 sq.). Этотъ переводъ многообразно искаженъ, особенно же въ отношеніи къ именамъ собственнымъ, такъ что я справедливо могу помѣстить между открытыми мною анекдотами и подлинникъ этого житія, очень важнаго для нашей средневѣковой исторіи.

9. „Арсенія архіепископа Керкирскаго (= Корфу) похвальное слово святому Θερіиу мученику“ (Ἀρσενίῳ ἀρχιεπισκόπῳ Κερκύρας ἐγκώμιον εἰς τὸν ἅγιον Θερῖνον τὸν μάρτυρα). Я списалъ это сочиненіе не только какъ изящное произведеніе знаменитаго іерарха, но преимущественно потому, что оно содержитъ въ себѣ историческія извѣстія о Керкирѣ и Эпирѣ ²⁾.

10. „Марка Серрскаго инока, розысканіе о волкудлакахъ, какъ и почему святая Божія церковь отвергаетъ, чтобъ отъ нихъ происходили моровыя язвы и чтобъ они насъ поѣдали, какъ мы предполагаемъ“. (Μάρκῃ μοναχοῦ Σερρών ζήτησις περὶ βηλολάκων πῶς καὶ διὰ τί οὐ δέχεται ἡ ἀγία τοῦ θεοῦ ἐκκλησία ὅτι ὑπ' αὐτῶν γίνονται τὰ θανατικὰ καὶ ὑπολαμβάνομεν ἡμεῖς ὅτι ὑπ' αὐτῶν ἐσθιόμεθα). Изъ рукописи XVI вѣка. Это просвѣщенное и смѣлое осужденіе общераспространенныхъ предразсудковъ относительно волкудлаковъ, заслуживающее вниманія и изученія, въ особенности судя по времени, когда оно писано.

11. „Частная исторія Индіи“ (Ἱστορία μερικὴ τῆς Ἰνδίας). Достопримѣчательный отрывокъ изъ сочиненія географическаго, списанный съ рукописи XVI вѣка. но очевидно, переписанный изъ древняго кодекса.

12. „Собраніе византійскихъ загадокъ въ стихахъ, Іоанна Евре-

¹⁾ Или: Griechenland... Separatausgabe aus der Allgem. Encyclopädie... v. Ersch u. Gruber, VI Band, гдѣ Griechenland im Mittelalter und in d. Neuzeit... Hoff, pp. 123 sq., 134, 136 sq. *Ир. Д.*

²⁾ «Arsenius, archiepiscopus Corcyrensis, scripsit laudes S. Andreae Apostoli et S. Barbæe martyrii, memoratum Allatio. Fabr. Editurus erat Allat. in Συμρίκτων libro VI. Fabricii Bib. Gr., ed. Harles, XI, 580. *Ир. Д.*

ника, Исаака Аргири, Михаила Пселла, Василия Мегаломита (Большой носъ) и другихъ Византійцевъ.

13. „Разные сборники народныхъ пословицъ съ богословскими толкованіями, въ рукописяхъ XVI и XVII вв.

14. „Двѣ любопытнѣйшія замѣтки, заключающія въ себѣ способъ отыскивать часъ дня по тѣни солнечной. Изъ оныхъ одна записана въ пергаминаномъ кодексѣ XI в., въ которомъ находится и изображеніе византійскихъ часовъ (Ὁρολόγιον ἢ Ὁροπόδιον), объясняющее двое подобныхъ каменныхъ часовъ (meridiana), изъ коихъ одни находятся въ Варвакѣвскомъ музеѣ археологическаго общества ¹⁾, а другіе—въ музеѣ Фивскомъ. Изученіе всего этого значительно облегчитъ розысканія о византійскихъ часахъ.

15. „Посланіе Фотія.

16. „Нѣсколько малыхъ лѣтописей, относящихся преимущественно ко времени взятія Константинополя, хрисовулы и аргировулы, замѣчанія историческія, библиографическія и географическія, есоповскія басни въ прозѣ и въ холіамвахъ въ родѣ вавріевыхъ, народныя сказки и разказы, стихотворенія, псѣма, бумаги, относящіяся къ исторіи аеонскихъ обитателей, и разныя другія краткія сочиненія филологическаго и историческаго содержанія.

„Когда будутъ изданы сіи святогорскіе анекдоты, они составятъ книгу больше чѣмъ въ пятьсотъ страницъ, которая съ разныхъ сторонъ освѣтитъ отечественную нашу исторію и обогатитъ, какъ патрологію, такъ и древнюю, и позднѣйшую нашу филологію. Желаю“, заключаетъ авторъ,—„чтобы скорѣе приведено было въ исполненіе изданіе этой книги“.

Теперь перейдемъ къ тому, что сдѣлано Ламбромъ для византійскаго искусства.

„Извѣстно“, говоритъ онъ,—„что по многимъ причинамъ, а особливо вслѣдствіе происшедшей отъ религіозныхъ несогласій противоположности между западнымъ міромъ и восточнымъ, все византійское было Франками презрѣно и оклеветано: по изю всего византійскаго ничто, быть можетъ, не подвергалось болѣе несправедливымъ сужденіямъ, чѣмъ византійское искусство. По господствующимъ взглядамъ, когда зайдетъ рѣчь объ искусствѣ—„византійское“ означаетъ неподвижное, лишнее жизни, невѣрное относительно рисунка и колорита. Такое сужденіе судей искусства, къ несчастію, находитъ подтвержденіе и

¹⁾ Въ Афинахъ.

въ отрывкахъ византійской живописи, находящихся въ европейскихъ музеяхъ, гдѣ большею частію собраны обыденныя произведенія, принадлежащія къ неумѣлой кисти агіографовъ послѣднихъ столѣтій, работавшихъ механически. Настоящее же искусство предшественниковъ Джіотто и Орканьи—не извѣстно: это искусство надлежало изучать въ лѣсахъ Святой Горы. Тамъ сохраняютъ еще свою нестарѣющую красоту произведенія Апелла средневѣковаго эллинизма, того Панселина, котораго имя и слава всѣмъ извѣстны, а произведенія немногимъ; время же когда онъ жилъ и самая жизнь никому неизвѣстны. Изъ иноземцевъ, правда, особенно изучали творенія искусства на Аѳонѣ Французъ Дидронъ и Русскій Севастьяновъ; но первый занимался преимущественно символами христіанскаго иконописанія, а художественныя предпріятія русскаго дворянина ограничились только устройствомъ замѣчательнаго собранія изъ шести тысячъ фотографій, украшающихъ Петербургскій музей ¹⁾. Намѣреваясь заняться византійскимъ искусствомъ на Аѳонѣ, я, конечно, не смѣлъ и думать помѣряться съ сими громадными и дорого стоющими трудами, но имѣлъ въ виду болѣе практическую цѣль. Я намѣренъ былъ возстановить доброе имя византійскаго искусства; я полагаю, что это могло бы осуществиться наилучшимъ образомъ, еслибы обнародовать въ одномъ изъ художественныхъ учреждений западной Европы такой альбомъ (αλβουμ), который въ хромофотографіяхъ и хадкографіяхъ заключалъ бы хотя и немногія изъ византійскихъ произведеній искусства Аѳона, но самыя отличныя изъ нихъ. И такъ какъ мнѣ удалось взять съ собою искуснаго художника г. Жильерона, то я съ удовольствіемъ увидалъ осуществленіе моихъ желаній, по крайней мѣрѣ на первую половину труда, такъ какъ у насъ уже изготовлены очень удачныя копія отличнѣйшихъ стѣнописаній (τοιχογραφίαι) Панселина, что въ церкви Протата въ Карьяхъ, исполнены красками или просто карандашемъ, а также копія отличнѣйшихъ миниатюръ (ιστορίαι) изъ рукописей, найденныхъ нами въ бібліотекахъ упомянутыхъ выше монастырей. Я позаботился и о скопированіи посредствомъ разныхъ красокъ тѣхъ красивыхъ и разнообразныхъ заглавныхъ письменъ, которыми украшены византійскія рукописи, равно и всякихъ заголовныхъ украшеній, для того чтобы ими изящно изукрасить свой объяснительный текстъ, который дол-

¹⁾ Желательно, чтобы это не совсемъ точное извѣстіе греческаго ученаго вызвало болѣе точное въ комъ-либо изъ нашихъ знатоковъ дѣла.

женъ быть приложенъ къ изданію произведеній византійскаго художества, если удастся исполнить это изданіе, какъ желательно. Для этого срисованы или сфотографированы были и нѣкоторыя другія произведенія искусства, и священная утварь, чтобы цѣлое вышло разнообразнѣе. Г. Жильеронъ сфотографировалъ также нѣкоторыя замѣчательныя страницы изъ рукописей; особенно упомяну о четырнадцати страницахъ, заключающихъ въ себѣ положенныя на ноты народныя пѣсни, о которыхъ упомянуто выше^а.

Отчетъ Спиридоны Ламбра оканчивается выраженіями благодарности, обращенными авторомъ къ эллинской палатѣ, правительству, патриарху, Святогорской общинѣ, святогорскимъ обителямъ и къ своимъ друзьямъ-сотрудникамъ. Единственнымъ двигателемъ этихъ послѣднихъ въ чрезмѣрныхъ трудахъ ихъ было, по словамъ отчета, чувство народной чести и научное реніе.

Пожелаемъ автору отчета, чтобы скорѣе нашлись средства на изданіе помянутыхъ трехъ работъ, которыя несомнѣнно расширятъ вѣковые запасы положительнаго знанія въ области греческой письменности разныхъ эпохъ. За достоинства же будущихъ трехъ публикацій, каталога греческихъ и аеонскихъ рукописей, аеонскихъ анекдотовъ и художественнаго альбома средневѣковой иконописи и орнаментики, ручаются получившіе вообще одобреніе прежніе труды Спиридоны Ламбра, а именно обнаруженные имъ впервые въ ихъ совокупности сочиненія Михаила Акомината Хонскаго ¹⁾, также какъ и прежде неизвѣстныя средневѣковыя греческія стихотворенія, изданныя имъ по рукописямъ лондонскимъ и оксфордскимъ.

¹⁾ Μηχαήλ Ἀχομινάτι Χονιάτι τὰ σωζόμενα... ὑπὸ Σπ. Π. Λάμπρι... ἐν Ἀθήναις 1879. въ двухъ томахъ; изданы на счетъ Аеонской городской общины. См. одобрительный разборъ этой книги, составленный аеонскимъ профессоромъ Касторхомъ и помѣщенный въ ученомъ журналѣ: Ἀθηναίον, томъ 8, вып. 1 и 2, Аеяны 1879 г.

Г. Дестунисъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА

Въ теченіе почти всего декабря палата депутатовъ была занята обсужденіемъ проекта закона объ обязательномъ и даровомъ народномъ обученіи. Пренія были чрезвычайно оживлены. Огромное большинство (856 противъ 126) высказалось въ пользу того, что народная школа должна быть бесплатною; въ принципѣ этотъ вопросъ не представлялъ большихъ затрудненій, возраженія противъ него дѣлаемы были главнымъ образомъ съ точки зрѣнія экономической, а именно гдѣ найти, не отягощая бюджета, средства для покрытія сопряженныхъ съ нимъ весьма значительныхъ расходовъ. Что касается обязательности обученія, то тутъ возникло сильное разногласіе по самому существу дѣла. Надо замѣтить, что правительство, настаивая на необходимости сдѣлать посѣщеніе школы обязательнымъ, вполне сообразовалось съ общественнымъ мнѣніемъ, которое, начиная съ 1864 года, все громче и настойчивѣе высказывалось въ этомъ смыслѣ. Въ 1868 году, г. Дюрюи, тогдашій министръ народнаго просвѣщенія, назначилъ особую комиссію для изслѣдованія вопроса: можно ли осуществить подобную мѣру во Франціи; нѣкоторыя провинціи, особенно Эльзась, относились къ ней чрезвычайно сочувственно, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы не катастрофа 1870 года, то г. Дюрюи съ успѣхомъ исполнилъ бы свое намѣреніе. Въ 1871 г., тотчасъ послѣ войны съ Германіей, г. Жюль Симонъ представилъ палатамъ проектъ объ обязательномъ обученіи, но вслѣдствіе выхода его въ отставку проектъ этотъ не былъ подвергнутъ обсужденію; онъ былъ однако снова внесенъ, съ нѣкоторыми въ немъ измѣненіями, г. Барду, преемникомъ г. Ж. Симона, но точно также остался безъ послѣдствій.

потому что и г. Барду не долго былъ министромъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, постоянно озабочивалъ правительство, но только теперь суждено ему, кажется, получить практическое примѣненіе.

Къ сожалѣнію, при теперешней ожесточенной борьбѣ партій, вопросъ этотъ, относительно котораго не слѣдовало бы, повидимому, ожидать разногласія, сильно волнуетъ политическія страсти. Многие относятся къ нему враждебно только потому, что вопросомъ этимъ занялось республиканское министерство. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что еще не такъ давно люди вполнѣ консервативнаго образа мыслей смотрѣли на него совершенно такъ же какъ республиканцы. Такъ, на примѣръ, во время преній прочтенъ былъ отрывокъ изъ письма, съ которымъ не за долго до своей смерти г. Гизо обратился къ одному изъ своихъ друзей. „Когда дѣло идетъ, говорилъ онъ, объ обязательномъ обученіи, то, конечно, свобода совѣсти и свобода семейной жизни — такія великія начала, которыя нужно оградить прочными гарантіями, но гарантіи эти не должны простираяться до того, чтобы сдѣлать принципы обязательности призрачными. Несомнѣнно, что въ пользу его обнаружилось у насъ движеніе, которое имѣетъ въ полномъ смыслѣ слова національный характеръ. Могучею опорой ему служатъ примѣры разныхъ государствъ—Германія, Швейцарія, Данія и значительной части Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ дѣти давно уже обязательно посѣщаютъ школу и гдѣ это отражается самыми благотворными послѣдствіями на общемъ ходѣ цивилизаціи. Вотъ почему и во Франціи не слѣдовало бы откладывать разрѣшеніе означеннаго вопроса“.

Г. Августинъ Кошенъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей нашей католической партіи, выражался въ такомъ же смыслѣ: „вопросъ объ обязательности обученія, говорилъ онъ,—одинъ изъ тѣхъ, которымъ слѣдовало бы заняться прежде всѣхъ другихъ; злополучная война съ Германіей доказала, между прочимъ, какъ много повредили мы себѣ, пренебрегая имъ“.

При обсужденіи проекта закона, представленнаго министерствомъ, высказано было не мало любопытнаго. Такъ, на примѣръ, одинъ изъ ораторовъ, г. Жозонъ, доказывалъ, что новый законъ не только привлекъ бы къ школѣ около 600,000 дѣтей, которыя теперь вовсе не посѣщаютъ ее, но что даже тѣ дѣти, которые обучаются въ школѣ, стали бы заниматься гораздо успѣшнѣе. „У насъ во Франціи“, гово-
часть ссхш, отд. 4

риль онъ, „дѣти учатся по большей части начиная съ семи до одиннадцатилѣтняго возраста; случается, однако, что родители берутъ своихъ дѣтей очень рано, именно въ такіе годы, когда ученіе ихъ должно было бы принести полезныя результаты. Если бы, по крайней мѣрѣ, въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ, когда продолжается ихъ ученіе, они сколько-нибудь правильно посѣщали школу, то учитель еще могъ бы кое-какъ сообщить имъ необходимыя для нихъ знанія. но извѣстно, что теперь ученики посѣщаютъ школу только съ ноября до іюня мѣсяца. У нихъ семь мѣсяцевъ ученія и пять мѣсяцевъ вакацій; въ эти пять мѣсяцевъ они забываютъ почти все, чему научились; по возобновеніи занятій нужно, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца, для того, чтобы возобновить въ ихъ памяти пройденное, такъ что на приобрѣтеніе новыхъ свѣдѣній остается не болѣе четырехъ мѣсяцевъ, да и то не полныхъ, если принять въ расчетъ праздники. Возможно ли при этихъ условіяхъ установить сколько-нибудь удовлетворительно первоначальное обученіе? Предположимъ, напротивъ, что посѣщеніе школы будетъ обязательно: дѣти должны въ такомъ случаѣ учиться цѣлыхъ семь лѣтъ и, за весьма немногими исключеніями, установленными закономъ, на вакацію каждаго года будетъ назначено не болѣе одного мѣсяца; въ такой непродолжительный, то-есть мѣсячный, срокъ дѣти не въ состояніи, конечно, забыть то, чему они учились. Такимъ образомъ отъ предполагаемой реформы слѣдуетъ ожидать благотворныхъ результатовъ двоякаго рода: не только образованіе распространится въ огромной массѣ народонаселенія, но оно будетъ гораздо солиднѣе, чѣмъ теперь“.

Правительство, съ своей стороны, представило цѣлый рядъ весьма любопытныхъ статистическихъ данныхъ: оказывается изъ нихъ, что въ теченіе полустолѣтія число неграмотныхъ, поступающихъ въ военную службу, уменьшалось ежегодно лишь на одинъ $\frac{1}{100}$. Въ настоящее время численность народонаселенія, совершенно не знающаго грамоты, превышаетъ 15 $\frac{1}{100}$.

Проектъ закона объ обязательномъ обученіи, утвержденный палатой депутатовъ, постановилъ слѣдующія карательныя мѣры: если ученикъ въ теченіе мѣсяца четыре раза не являлся въ школу и не представилъ такихъ причинъ своей неявки, которыя были бы признаны уважительными муниципальною училищною комиссіей, то его родители, а за неимѣніемъ ихъ, родственники или опекуны, приглашаются въ означенную комиссію, гдѣ имъ читаютъ текстъ закона и объясняютъ ихъ обязанности. Если они обнаруживаютъ такое же

перадѣніе о своихъ питомцахъ въ теченіе слѣдующаго затѣмъ года, то — по распоряженію комиссіи — на стѣнахъ меріи выставляются ихъ имена съ обозначеніемъ ихъ проступка. Если и эта мѣра не дѣйствуетъ на нихъ, то училищная комиссія или инспекторъ училищъ подаетъ жалобу мировому судѣ, который можетъ приговорить ихъ къ денежному штрафу отъ 1 до 15 фр., или къ тюремному заключенію отъ 1 до 5 дней.

Упомянутый мною проектъ закона былъ принятъ 329 голосами противъ 184. Вѣроятно составилось бы въ пользу его еще болѣе значительное большинство, если бы не тѣ враждебныя отношенія, въ которыя господствующая нынѣ партія вступила съ духовенствомъ. То обстоятельство, что при содѣйствіи властей иконы были удалены изъ народныхъ школъ, служить краснорѣчивымъ знаменіемъ теперешняго времени и заставляетъ многихъ смотрѣть со страхомъ на будущность нашей народной школы...

Мнѣ уже неоднократно приходилось упоминать о полезной дѣятельности общества, поставившаго себѣ задачей изученіе всѣхъ вопросовъ, касающихся высшаго образованія (*société de l'enseignement supérieur*). Въ послѣднее время оно выработало проектъ существенныхъ преобразованій, которыя должны быть произведены въ испытаніяхъ на степень бакалавра, и проектъ этотъ былъ почти вполнѣ усвоенъ нашимъ высшимъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія. Означенное общество издавало свои бюллетени, появлявшіеся три раза въ годъ,—теперь замѣнило оно ихъ ежемѣсячнымъ журналомъ подъ заглавіемъ *Revue internationale de l'enseignement* (издатель книгопродавецъ Masson, boulevard S. Germain, 130). Можно, кажется, безошибочно предсказать ему значительный успѣхъ.

По порученію французскаго правительства, одинъ изъ генерал-инспекторовъ народнаго просвѣщенія, г. Секо, отправился въ прошломъ году въ Италію для изученія тамошнихъ женскихъ училищъ и народныхъ школъ. Онъ посѣтилъ Миланъ, Флоренцію, Римъ, Неаполь и результаты своихъ наблюденій изложилъ въ появившейся недавно книгѣ. Читатели найдутъ тутъ много интересныхъ подробностей о состояніи народнаго просвѣщенія въ Итальянскомъ королевствѣ.

II.

Декабрь мѣсяцъ не совсѣмъ благопріятенъ для литературы, въ томъ отношеніи, что появляются почти исключительно роскошныя изданія

для подарковъ къ новому году. Нельзя не замѣтить, однако, что между этими изданіями оказывается въ послѣднее время все болѣе и болѣе заслуживающихъ серьезнаго вниманія. Начать съ того, что самый характеръ ихъ нѣсколько измѣнился. Еще не такъ давно содержаніемъ ихъ служили исключительно или путешествія или естествознаніе по той простой причинѣ, что тутъ представляется удобный матеріалъ для иллюстрацій,—нынѣ же выходитъ много и историческихъ книгъ. Иллюстраціи къ нимъ интересны не только для публики, но и для людей, занимающихся наукой, потому что они большею частью основаны на археологическихъ документахъ. Такъ, напримѣръ, г-жа де-Виттъ, дочь покойнаго Гизд, издала хронику Фроассара: она нѣсколько переложила текстъ этой хроники на современный языкъ и сдѣлала это очень искусно, не дозволить себѣ ни одного произвольнаго выраженія, строго придерживаясь подлинника; рисунки — вѣрное воспроизведеніе средневѣковыхъ оригиналовъ. Другой, не только интересный, но и весьма важный трудъ, это — подробная біографія Рафаэля, изданная г. Мюнцемъ (*Raphael, sa vie, son oeuvre et son temps, par Eugène Muntz*). Авторъ ея уже составилъ себѣ почетную извѣстность своимъ обширнымъ изслѣдованіемъ о состояніи искусства при дворѣ римскихъ первосвященниковъ. О Рафаэлѣ, какъ извѣстно, мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній; всѣ вполне достовѣрные факты изъ его жизни можно было бы изложить въ нѣсколькихъ строкахъ, но затѣмъ остаются разныя сомнительныя обстоятельства, которыя подавали поводъ къ несогласнымъ между собою толкованіямъ и г. Мюнцъ подвергнулъ ихъ самой тщательной критикѣ, обнаруживающей глубокаго зватка дѣла. Въ трудѣ его, какъ и слѣдовало ожидать, личность великаго художника, именно вслѣдствіе недостатка свѣдѣній о немъ, отступаетъ отчасти на второй планъ, но за то мы находимъ множество въ высшей степени интересныхъ подробностей объ его времени и объ его произведеніяхъ. Можно сказать, что г. Мюнцъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ воспользовался всѣмъ, что было сдѣлано прежними изслѣдователями и присоединилъ къ этому не мало новаго. Особеннаго вниманія заслуживаютъ главы о первыхъ временахъ эпохи возрожденія, о томъ подъ какими общественными вліяніями находился Рафаэль въ Урбино, Перуджіи, Флоренціи и Римѣ, о дворѣ Юлія II и Льва X. Г. Мюнцъ посвятилъ также особую главу Рафаэлю, какъ скульптору, при чемъ подробно говоритъ объ извѣстной статуѣ „Мальчикъ на дельфинѣ“, находящейся въ С.-Петербургскомъ эрмитажѣ. Книга г. Мюнца имѣла у насъ огромный успѣхъ; она была

раскуплена въ теченіе какихъ-нибудь трехъ недѣль и теперь готовится новое ея изданіе.

Въ „Библиотекѣ школы высшихъ наукъ“ появились двѣ обширныя диссертациі, которыя защищалъ недавно въ Сорбоннѣ г. Луи Гаве, сынъ извѣстнаго профессора. Первая изъ нихъ, на латинскомъ языкѣ, озаглавлена „De versu saturnio“, а другая содержитъ переводъ, съ подробными примѣчаніями, латинской комедіи „Querolus“. Что касается изслѣдованія „De versu saturnio“, специальныя изданія согласно отзываются о немъ, что это одинъ изъ такихъ трудовъ, которые не часто появляются у насъ въ послѣднее время, и возлагаютъ большія надежды на автора. Разсматривая комедію „Querolus“, г. Гаве доказываетъ, что авторъ ея былъ, по всему вѣроятію, уроженецъ южной Галліи. Въ истекшемъ мѣсяцѣ происходилъ въ Сорбоннѣ еще другой интересный диспутъ: г. Гро выступилъ съ диссертациями—объ одномъ изъ неизвѣстныхъ доселѣ сочиненій Плутарха и о томъ какъ возникло отдѣленіе греческихъ манускриптовъ въ Эскуріалѣ. Онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Испанію съ ученою цѣлью; въ послѣднюю изъ этихъ поѣздокъ отыскалъ онъ въ Гренадѣ какую-то славянскую рукопись, но я не могу сообщить о ней ничего вѣрнаго, потому что она не была еще изслѣдована надлежащимъ образомъ.

Между описаніями путешествій, появившимися въ послѣднее время, значительнымъ успѣхомъ пользуется у насъ „Поѣздка Парижанки изъ Парижа до Самарканда“, вышедшая изъ подъ пера г-жи Уйфальви, супруги венгерскаго путешественника, который достаточно извѣстенъ въ Россіи своими трудами по антропологии и этнографіи. Интересно также путешествіе г. Нейра на Аѳонскую гору: авторъ его, католическій священникъ ліонской епархіи, не претендуя на новизну и оригинальность, умѣлъ однако подмѣтить многое очень удачно и изложилъ свои впечатлѣнія съ замѣчательнымъ талантомъ. Именно то обстоятельство, что католическій священникъ говоритъ о православномъ монастырѣ, придаетъ значеніе его книгѣ.

Г. Э. Реклю продолжаетъ акуратно каждую недѣлю издавать по одному выпуску своей „Всеобщей Географіи“. Онъ только что окончилъ томъ, посвященный Азіатской Россіи. Мнѣ неизвѣстно, какъ судятъ русскіе ученые о тѣхъ отдѣлахъ его труда, въ которыхъ онъ касается нашего отечества, но несомнѣнно, что во французской литературѣ еще не было до сихъ поръ столь подробнаго и обстоятельнаго изслѣдованія о Россіи.

Въ послѣднее время новогреческая литература возбуждаетъ у насъ

значительный интересъ. Въ Парижѣ образовалось даже особое общество, съ цѣлью знакомить съ нею французскую публику, которое выдаетъ преміи за лучшія произведенія, появляющіяся въ Афинахъ и Константинополѣ. Недавно въ *Revue nouvelle* помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей, о современной греческой поэзіи; на одномъ изъ парижскихъ театровъ съ большимъ успѣхомъ дана была драма, передѣланная съ греческаго; г. Ко де-С. Илеръ перевелъ романъ Бикеласа подъ заглавіемъ „*Louki Lagas*“ и, кромѣ того, издалъ въ переводѣ письма Корая о событіяхъ во Франціи съ 1782 по 1793 годъ. Корай, сдѣлавшій такъ много для возбужденія интереса къ классической филологіи и для оживленія національнаго чувства въ своей странѣ, пользовался большою и вполнѣ заслуженною извѣстностію. Онъ родился въ 1748 году въ Смирнѣ и прибылъ въ 1782 году въ Монпелье, чтобы слушать лекціи въ филологическомъ факультетѣ этого города. Затѣмъ переселился онъ въ Парижъ, гдѣ нашелъ столько удобствъ для своихъ занятій, что оставался въ немъ почти безвыѣздно до 1827 года. Письма его о французской революціи имѣли два изданія и въ настоящее время ихъ уже не было въ продажѣ, а между тѣмъ они очень интересны по заключающимся въ нихъ свѣдѣніямъ о французскомъ обществѣ въ означенный періодъ времени. И историки, и эллинисты найдутъ тутъ много важныхъ указаній. Переводчикъ присоединилъ къ этимъ письмамъ подробныя примѣчанія для уясненія тѣхъ событій, о которыхъ упоминаетъ Корай.

Недавно учреждена была въ *Collège de France* кафедра исторіи религій, а почти одновременно съ этимъ возникло періодическое изданіе, посвященное тому же предмету (*Revue d'histoire des religions*). Предо мною находится теперь первый номеръ этого журнала, выходящаго подъ редакціей г. Альбера Ревилья и Верна (не лишнимъ будетъ замѣтить, что оба они—протестанты). Въ статьѣ, подъ заглавіемъ „*Prolegomenes de l'histoire*“, Ревиль изложилъ содержаніе курса, читаемаго имъ въ *Collège de France*; это—общій очеркъ главнѣйшихъ вопросовъ, относящихся къ исторіи религій, съ изложеніемъ теорій объ образованіи мифовъ, о значеніи символовъ и т. д. Есть также нѣсколько любопытныхъ статей г. Верна, котораго журналъ не отвлекаетъ отъ другихъ работъ. Онъ только что издалъ обширный томъ своихъ изслѣдованій подъ заглавіемъ „*Mélanges de critique religieuse*“.

Академія надписей и изящныхъ искусствъ понесла тяжкую утрату въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ, г. де-Соси. Труды этого почтен-

наго ученаго касались главнымъ образомъ исторіи, нумизматики и географіи Палестины; онъ много занимался также и французскою нумизматикой. Почти наканунѣ своей смерти онъ издалъ „Исторію Маккавеевъ“. Мѣсто его въ Академіи занялъ графъ Ріанъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій о Визавтійской исторіи и объ исторіи крестовыхъ походовъ; г. Ріанъ—одинъ изъ главныхъ основателей ученаго общества, существующаго у насъ подъ названіемъ „Société de l'Orient latin“, которое принесло такъ много пользы своими превосходными изданіями. Collège de France избралъ г. Дешанеля пріемникомъ недавно умершему Полю Альберу. Г. Дешанель извѣстенъ нѣсколькими произведеніями, отличающимися болѣе остроуміемъ, чѣмъ эрудиціей.

Заканчиваю это письмо интересною новостью. Французское правительство постановило учредить въ Каирѣ школу восточной археологіи. Г. Масперо уже отправился въ Египетъ для того, чтобы организовать эту школу. Все заставляетъ думать, что она окажетъ такія же услуги какъ и французскія школы въ Афинахъ и въ Римѣ.

Д—ръ

DE ΟΥ ΕΤ ΣΦΕ PRONOMINUM USU HOMERICO.

Pars prima.

§ 1.

Pronominis substantivi, quod tertiae personae dici solet, hae formae in carminibus Homericis occurrunt: εἶο, εἶο, εὖ, εἶθεν, οἶ, εἶοι, εἶ, εἶέ, σφωίν, σφωέ, σφείων, σφέων, σφῶν, σφί(ν) σφίσι(ν), σφέ, σφέας, σφέας.

Zenodotus duobus locis B 239 et T 384 pro εἶο εἶοῦ formam scripsit, quam pro adiectivi pronominis ἐὼς casu genetivo Aristonicum accepisse ex annotatione ad B 239: „τοῦτο δὲ ἀσύναρθρον καὶ οὐχ ἀρμόζον τῷ λόγῳ“ colligere licet. Ad versum 384 libri T haec annotat scholiasta: „οὕτως εἶο αὐτοῦ αἰ Ἀριστάρχου· Ζηνόδοτος εἶοῦ αὐτοῦ“. (Didymus). Ut id omittamus non esse εἶοῦ omnino formam Ionicam neque ex ullo alio scriptore ab Apollonio (de pronom. 98, c.) exempli gratia afferri, nihil nos cogit, ut spreta Aristarchi auctoritate novam formam in carminum Homericorum textum qui dicitur inducamus. Per se poterat haec forma usurpari, neque facile credat aliquis Zenodotum tale quid de suo finxisse, sed certe non minus ab Homero, quam simplex οὗ forma abhorret.

Non minus suo iure Bekkerum pro σφεῖας forma, quae ante eum v 213 scribebatur, σφέας proposuisse puto. Nam plurimi iique optimi codices hoc loco Ζεὺς σφέας [ACDHIKLMNPS] aut Ζεὺς σφεας τίσαιθ' AH exem. IKLNPS praebent. Σφέας igitur forma tradita est et τίσαιτο solum propter hiatus a librariis in τίσαιθ' mutatum. Sed neque tanti est hiatus in Homericis carminibus momenti, ut σφεῖας formam,

quae non est tradita et a tota Graecitate abhorrere videtur, propter eum accipiamus, neque quisquam nunc in hiatu, qui inter τίσαιτο et ικετήσιος voces intercedere videtur, offendit; a radice *fix* enim ea vox derivata est, ita ut digammi ille hiatus sit vestigium.

Quod autem, si τίσαιτο scribamus, ultima eius vocis syllaba, ικετήσιος voce sequente, pro longa accipienda erit, id non raro apud Homerum occurrit. Ut locos omittam, ubi ἀπό ita positum est, ut secunda eius vocis syllaba in arsi inveniatur, εἶο et εἶθεν vocibus sequentibus (ε 373, Ζ 62) multaque alia eiusmodi, in versu 366 libri ι talis usus exemplum habemus, qui est: Οὔτις ἐμοίγ' ὄνομα. Οὔτιν δέ με κικλήσκουσιν.

Restat ut de σφᾶς forma pauca dicamus, quae uno loco tradita est, neque omnium codicum utitur auctoritate. Versus 567 libri E in La Rochii editione est:

„μέ τι πάθοι, μέγα δέ σφας ἀποσφῆλει πόντιο“.

De ea forma sic variant codices; δέ σφας GHLMO Mor. Vrat. a. Apoll. de pronom. 127, c. Etym. Magn. 128, 22; δέ σφέας Zon. I.ox. 270; δέ σφεας ACDEN. Optimi igitur codices σφεας exhibent, quod viginti fere aliis locis per synizesin legitur. Sed σφέας forma per synizesin ita apud Homerum usurpatur, ut aut in thesi positum spondeum efficiat, aut in arsi primam dactyli syllabam praebeat; sed nullo loco ita legitur, ut secundam dactyli efficiat syllabam; propterea parum verisimile mihi esse videtur: σφεας hoc loco tam breviter pronuntiari potuisse, ut δέ σφεας ᾶ... bonum dactylum esse credamus. Itaque non spernendum est Apollonii testimonium, qui σφᾶς hoc loco legit; σφᾶς igitur scribendum esse puto.

§ 2.

Pronominis de quo agimus formas, quae spiritu aspero incipiuntur, digamma olim habuisse vel ex eo efficitur, quod in Acolica dialecto hae formae cum digammo traditae sunt. In titulis habemus *f*σ forms, apud Alcaicum *f*έθεν, *f*οῖ in Sapphus fragmentis, *f*έ Apoll. 107. a.

Sed ne apud Homerum ipsum quidem digamma in his formis prorsus evanuit; compluries enim in carminibus Homericis ita positae sunt, ut digammi ratio habita esse videatur. Ac primum longa vocalis aut diphthongus saepe ante has formas non corripitur: A 114. . ἐπεὶ οὐ ἐθέεν ἴσσι χερσίων; tum brevis vocalis non eliditur; B 239 ὄ; καὶ νῶν Ἄχλῆα

ἔο μέγ' ἀμείνονα φῶτα.....: denique haud raro positionem hae formae efficiunt: I 419 μάλα γάρ ἐθεν εὐρύοπα Ζεὺς.....

E Caueri enumeratione (Curt. stud. VIII, 2) discimus plus 773 esse locos, ubi digammi ratio habita est, plus 389 ubi haec littera non est necessaria et plus 50 ubi prorsus neglecta est. Quod autem eodem tempore et positionem efficere et omnino neglegi poterat, id ita explicare licebit, ut temporibus, quibus carmina HomERICA composita sunt, utramque formam poetis praesto fuisse credamus; nondum antiquior forma cum digammo evanuerat, cum recentior cum spiritu aspero nata est.

Sed quamquam nulla est de digammo dubitatio, sunt quae impediunt, quominus *f^e fo* (va) pronominum de quibus agitur radicem esse statuamus.

Si quis similis generis pronomina in aliis linguis quae dicuntur Indogermanicis respiciat, quae sunt: apud Indos *sva-jám, svas*, Latinos *se, suus*, Gothos *svés*, Slavos *se, svoj*, non dubitabit, quin Graecum quoque pronomem, quod est *οὐ οἷ ἔ*, ita cum ante allatis cohaereat, ut omnia a radice *sva*, quae in Graeco sermone *σφε σφο* facta est, derivata sint. *Σφ* litteras in graeca lingua non tolerari atque in spiritum asperum paulatim transisse notissimum est. Cuius transitionis exemplum in ἦδὺς voce habemus, quae eadem est vox atque Indorum *svâ-dús* et Latinorum *sva(d)vis*; simili modo cohaeret ὕπνος cum Indorum *svâpnas* sopor et ἰδρῶς cum *svêdas* sudor.

Sva igitur pro *οὐ οἷ ἔ* pronominis radice accipiendum est. Neque eo minus sunt formae, quae haud facile ex hac radice explicari possint. *Ἐοῖ* et *ἔέ* formas dico, quibus adiectivum pronomem eiusdem generis *ἑός* adiungitur. Si Graecam solum linguam respiciemus, tres nobis ad eas formas explicandas vias praesto esse inveniemus.

Primum potest aliquis dicere, eas formas ita ortas esse, ut *σφε σφοῖ σφος* formae *e* littera quae dicitur prothetica auctae sint et *σφ* litterae inter duas *e* litteras evanuerint. Cui explicationi spiritus asper maxime mea sententia obstat, qui supra *e* ponitur. Si *ἔέ* forma ex *εσφε* orta esset, non potuisset mea sententia spiritus asper omnino exstare; sic apud Homerum pro *ἔρση ἔέρση* ex *ἔφέρση* ortum invenitur, *ἔεδνα* pro *ἔδνα* etc.

Secunda has formas explicandi ratio est ea, qua *e* littera in *σφε σφο* radicibus inter *σ* et *φ* per anaptyxin orta esse accipitur. Ex *σφοῖ* igitur *εσφοῖ*, ex *σφε* *εσφε*, ex *σφος* *εσφος* facta esse putantur, quae postea e linguae Graecae legibus in *ἔοῖ ἔέ ἑός* transierint. Sed cum omnin

homines docti nunc haud libenter de vocalium insertione verba faciunt, tum anaptyxin pro certo solum prope r, l, m, n consonantes fieri puto; nam haec natura sua artius cum vocalibus cohaerent, ita ut inter vocales et consonantes posita esse videantur. In Graeco sermone nullum certum novi exemplum, ubi ε ante f per anaptyxin ortum sit.

Restat ut ad ἐὲ ἐοῖ ἐός formas explicandas praeter sva Graece σφε σφο radicem sava quoque, Graecè σφε σφο olim fuisse accipiamus, ex qua eae formae ortae optime intellegi possunt. Inter eiusdem pronominis formas, quae in aliis dialectis occurrunt, hae ad eam radicem referendae erunt: in dialecto Boeotica ἐοῦς Cor. 4, Ap. 98, b. ἐῖν Cor. Ap. 106, b.; in Dialecto dorica ἐοῦς Ap. 98 b. ἐοῦ Ap. 98, c. Ab eadem radice Latinum pronomen suus, id est sovos derivatum esse videtur.

Sed non necesse est sava radice plus uti, quam id ad eas formas explicandas opus est, quae nullo alio modo explicari possunt. Quod ille vir doctus fecisse mihi videtur, qui in Ebelingi lexico Homérico de οῦ pronomine egit. Nam in hoc lexico ἐο et εῖο formae ex σφο forma explicantur, quod vel propterea parum verisimile est, quod tum nullum casus genetivi signum haberemus; est enim σφο mera radix. In ἐο et εῖο formis duos habemus genetivos, qui ex una radice propter duplicem genetivorum formandorum rationem orti sunt. Εῖο ex σφεσjo (svasja) ortum est, sicut θεοῖο e θεοσjo; σjo illud idem est casus genetivi suffixum, quod in lingua Indica in eorum substantivorum declinatione usurpatur, quorum stirpes in ᾱ exeunt: gatásja a gatás. Ἐο autem forma ex σφεο orta est, quae genetivi formandi ratio in talibus formis tradita est, quales Ἀτρεΐδαο etc. sunt.

Duplicem igitur pronomen reflexivum in lingua Indogermanorum antiquissima habuisse radicem videmus. Quaeenam ratio inter sva et sava radices intercesserit, nunc vix intellegi potest; nam quod Curtius in elementorum quinta editione sava antiquius sva radice esse et svà ex sava per a litterae zyncopen ortum esse conicit, licet non omni probabilitate careat, sed nullis certis nititur argumentis.

Paulo difficilior est res, si de earum formarum radice quaerimus, quae σφ litteras in initio habent. Tertiae personae numeri pluralis vulgo haec pronomina appellantur, et recte quidem, si σφέ et σφί(v) formas excipiamus, quae, ut optime Brugmanus in libri sui [ein Problem der homerischen Textkritik und der vergleichenden Sprachwissenschaft] parte priore demonstravit, antiquioribus temporibus minime ad pluralem solum numerum designandum usurpabantur.

Si σφέ formam cum εἶ id est σφε comparamus, dubitandum non erit,

quin eadem ratione a $\sigma\phi\epsilon$ radice derivata sit, atque ϵ a $\sigma\phi\epsilon$; ut accuratius dicam, meram in utraque forma habemus radicem, hoc uno discrimine interposito, quod altera e linguae Graecae legibus aliquot mutationes perpessa est, altera ex iisdem legibus immutata remansit. Quamdiu homines in ϵ forma nihil aliud quam ϵ videbant, de $\sigma\phi\epsilon$ forma explicanda desperabant; sed cum primum ϵ ex $\sigma\phi\epsilon$ ortum esse cognitum est, quid erat facilius, quam ex $\sigma\phi\epsilon$ et $\sigma\phi\epsilon$ radicum similitudine colligere utramque formam a $\sigma\phi\epsilon$ ortam esse. Duplici modo Graecorum linguam antiquissimam in $\sigma\phi$ litteras consuluisse putant, quibus haec placet explicatio; aut evanuisse $\sigma\phi$ litteras spiritu aspero relicto dicunt, quod e linguae Graecae legibus est, aut remansisse et digamma litteram propter σ in ϕ obduratam esse, quod prorsus contra eiusdem linguae leges esset, si verum esset. Quae explicatio tam hominibus doctis placuit, ut multi iique doctissimi eam receperint. At in primis Max. Schmidtus, ut analogiam, qua haec insolita f in ϕ obduratio niti possit, habeat, ad secundae personae pronomini numeri dualis formas provocat, quas $\omicron\sigma$ pronomini ω litteris adiunctis et υ in ϕ mutato ortas esse putat; sed ad illam mutationem, quae per se nullo modo fieri poterat, comprobendam pronomine reflexivo teste utitur, ubi f litteram apud Graecos in ϕ mutatam esse putat. Sed id ipsum demonstrandum erat, neque demonstratum est; nemo igitur potest ea re uti ad alias res comprobandas.

Ut statim nunc rem de illa f in ϕ obduratione ad finem perducam, non satis intellegere me fateor, de quam obduratione viri docti putaverint. Nam Curtius unus de ea re ita verba facit, ut pro insolita eam atque fere mirifica habere videatur; alii vero ita obdurationem factam esse dicunt, quasi ea res tritissima sit. Sed non satis respexisse mihi videntur, quibus id placuit, non fuisse Graecorum ϕ litteram idem quod Latinorum f , id est spirantem; muta fuit littera, vel ut nunc multo melius dicitur explosiva littera neque quidquam aliud, quam p littera aspiratione instructa. Si quo modo fieri posset, ut linguam Graecam tam antiquis temporibus, quibus viri docti illam obdurationem factam esse putant, duram spirantem f habuisse crederemus, tum media spirans f (φ) in duram transisse credi posset; sed littera haec omnino a Graeca lingua abhorret; accipiamus igitur necesse erit mediam spirantem f in duram aspiratam ϕ (ph) transisse, cuius rei nulla in tota Graecitate invenitur analogia. Quare persuasum mihi est $\sigma\phi\epsilon$ pronomem non esse a $\sigma\phi\epsilon$ radice derivatum, neque ante id credam, quam alia certa digammi in ϕ aut π transitionis exempla invenero. Ut supra in-

οἷ pertinet ad δώματα. Licet δώματα vox unam domum hoc loco significet, tamen interest aliquid inter δῶμα et δώματα, neque in prosa oratione αὐτῶ pronomen ad δώματα pertinere potest; concedamus igitur necesse est, οἷ pronomen hoc loco ad substantivum pluralis numeri relatum coniunctum esse.

B 197: θυμὸς δὲ μέγας ἐστὶ διοτρεφέων βασιλῆων
τιμὴ δ' ἐκ Διὸς ἐστὶ, φιλεῖ δὲ ἐ μητιετα Ζεὺς.

ACES διοτρεφέος βασιλῆος praebent; pluralem numerum habent DGHL Arist. Rhet. II, 2. Numerum singularem Aristarchum legisse ex scholiis colligere licet. Didymus: οὕτως ἐνικῶς αἱ Ἀριστάρχου. εἶχον δὲ καὶ αἱ χαρίεσταται οὕτως ἄνευ τῆς Ζηνοδότου, ὅς γράφει διοτρεφέων βασιλῆων. Nisi pluralis numerus et apud Zenodotum et apud Aristotelem traditus esset, posset aliquis aut Zenodotum eum finxisse, aut Aristotelem memoria lapsum esse dicere; sed ut nunc res se habet, non est verisimile, plures in eundem errorem incidisse. Pluralis numerus optime hoc loco in sententiam quadrat. Non agitur enim de uno quodam rege, sed in universum de regibus dicitur quidque sit inter eos et alios mortales discriminis ostenditur. Mea quidem sententia pluralis numerus hoc loco vera est scriptura, quae ab Aristarcho propterea in singularem numerum mutata est, quod εἶ ad substantiva in numero plurali posita referri posse ab eo non intellegebatur, in σφέ autem mutari metri causa non poterat. εἶ ad pluralem numerum sine dubio refertur Hym. in Vener. 267:

τῆσι δ' ἄμ' ἦ ἐλάται ἠὲ δρύες ὑψικάρηνοι
265 γεινομένην ἔφουσαν ἐπὶ χθονὶ βωτιανεῖρην
καλαί, τηλεθάουσαι, ἐν οὖρεσιν ὑψηλοῖσιν
ἐστᾶσ' ἠλίβατοι, τεμένη δὲ ἐ κικλήσκουσιν
ἀθανάτων.

Haec sunt exempla, quae ex omnibus quae dicuntur Homericis carminibus colligi potuerunt. Praeterea nonnulla Brugmanus ex Hesiodi carminibus et non pauca ex aliis poetis contulit exempla, unde elucet neque οὗ pronominis formas ab origine solum ad singularem neque σφέ solum ad pluralem numerum pertinuisse.

Multo plura eiusmodi exempla apud alios poetas inveniuntur maxime in σφός et σφέτερος pronominum usu. Fortasse propterea aliorum poetarum scripta plura eius generis praebent exempla, quod minus eis emendandis grammatici quam Homericis carminibus operam dederunt,

dum id esse, non esse in hac re a graeco sermone proficiscendum, sed id in primis quaerendum, quamnam vim sua radicem in Indogermanorum lingua antiquissima habuisse verisimile sit. Ante omnia igitur oritur quaestio, utrum in Indogermanorum lingua antiquissima substantivum pronomen reflexivum fuerit nec ne.

Windischius enim (Curtius, studien II, 2), ex eo quod in lingua indorum antiquiore substantivum pronomen reflexivum deest (nam indeclinabilis formae svajám non est habenda ratio), qua in re Bactrorum quoque lingua eam sequitur, facile concludi posse id pronomen in Indogermanorum lingua antiquissima defuisse dicit.

Pag. 330: „Man geräth daher leicht auf die Vermuthung, dass vielleicht ein substantivisches Reflexivpronomen in der Zeit vor der Völkertrennung noch nicht fest ausgeprägt war“.

Recte se habet Windischii sententia, si verba eius „fest ausgep. ägt“ non ad significationis et usus sed ad formarum discrimina referemus, qua de re Windischius ipse non cogitasse videtur.

Ubi ex eadem radice substantivum et adiectivum pronomen ortum habemus, non potest dici neque alterum ante alterum existisse, neque alterum ex altero prodixisse; utrumque eodem tempore natum est atque in eadem radice continebatur. Cum homines Indogermani, ut hoc utar exemplo, „ta“ dicebant, utrumque id significare poterat et „hic“ substantivi pronominis sensu dictum, si absolute dicebatur, et „hic homo“, adiectivi sensu, si homo vox ei adiungebatur. Posterioribus temporibus, cum desiderium accuratius quomodo verba inter se cohaerent formis quoque designandi ortum esset, variis terminationibus adiectis, variae quae una radice continebantur significationes divisae sunt. Sava sua radices, cum primum ortae sunt, simili modo et substantivam et adiectivam vim habuisse mihi videntur. Indis sua radix ad id, quod pronomina reflexiva substantiva in aliis linguis Indogermanicis exprimunt designandum non sufficere visa est; quare neglecta ea substantiva átman (animus) et tanu (corpus) ibi adhibere coeperunt, ubi pronomina expectaveris. Quae res per se digna est notatu, nam in ea id, quod Deutewort dicitur, eo quod bedeutungsvolles Wort appellatur loco motum invenimus, quod haud saepe observatur, sed praeterea nihil ex ea re efficitur, atque vix quemquam ea uti posse puto ad Windischii sententiam quam supra attuli comprobendam.

Ceterum non magni est ea quaestio in pronominis reflexivi natura tractanda momenti; nam quis putet aliam fuisse sua radicis vim cum substantive alio cum adiectivo usurparetur.

ipse fuisse vult: „man hat daher nicht „selbst“, sondern ipse d. h. ich, du, er selbst als ursprüngliche Bedeutung anzusetzen“.

Quarum sententiarum neutra bene mihi se habere videtur. Si sva radicem „ihm selbst, ihn selbst“ significasse accipiamus, non facile intellegetur, quomodo ea radix ad primam quoque et secundam personam referri potuerit; si „ich du er selbst“ eam fuisse credamus, contradictio orietur. Nam si tres tam diversas res in una radice infuisse putemus, perspicuum erit, nullum inter eas ex eorum, qui una ad eas exprimentas voce utebantur, sententia fuisse discrimen; at si nullum inter eas intercedebat discrimen, non erant tres res sed una, vel, ut accuratius dicam, personarum varietatem qui ita dicebant nondum sentiebant. Non poterat sva radix ego tu ille ipse significare, nam antiquiorem eam esse puto, quam pronomina personalia.

Praeter omnia quae contra Kvičalae et Windischii sententias ipse exposui, restant duae res, quae maxime obstant, quominus sva pronomen ab origine anaphoricum fuisse putemus, quibusque maxime Brugmanus in libro suo nititur.

Si sva radix ab origine anaphoricum fuisset pronomen, certe casum nominativum et generum varietatem habuisset, quod in nulla lingua Indogermanica observatur.

Optime mea sententia, quid esset pronomen reflexivum, Delbrück in libro suo „Syntaktische Untersuchungen Heft 4, explicavit: „sva ist ein emphatisches anaphorisches Pronomen, bedeutet als Substantiv „der u. s. w. genannte selbst“ als Adjectiv „zu dem genannten selbst gehörig, eigen“.

Non est putandum eos, qui dicunt „emphatisches anaphorisches Pronomen“, idem sibi velle atque eos, qui prorsus anaphoricum eam radicem fuisse pronomen dicebant; «der genannte selbst» enim nihil demonstrativi aut anaphorici habet. Hac explicatione omnes tolluntur difficultates quae in pronominum reflexivorum usu accurrunt.

Tota hac Kvičalae et Windischii cum ceteris controversio ea causa mea sententia orta est, quod nimis paucos viri docti in Homericis carminibus esse locos, ubi οὗ et σφέ pronomina reflexivam vim haberent, putabant. Qua in re omnes lapsos esse nunc in secunda commentationis meae parte demonstraturus sum.

T. Siemiradzki.

при них видѣ приходящее на умъ, понятіе, не допускающее появленія другого понятія, хотя бы и нѣсколько отдаленнаго, но логически вытекающаго изъ прежняго, и вслѣдствіе этого затемняющее смыслъ предложенія. — Не понимая текстовъ, мы не можемъ составить себѣ вѣрнаго понятія о мысли писателя, не можемъ опредѣлить его достоинства, не можемъ судить о состояніи образованности того или другаго времени, однимъ словомъ, не можемъ писать исторіи литературы.

Русская литература бѣдна какъ сочиненіями по классической филологіи вообще, такъ и хорошими грамматиками древнихъ языковъ въ особенности. Въ рукахъ нашей учащейся молодежи, правда, находится довольно значительное количество грамматикъ, изъ которыхъ большая часть—переводы или передѣлки нѣмецкихъ учебниковъ: русскихъ же оригиналовъ весьма немного. Но какъ тѣ, такъ и другіе, во первыхъ, очень мало, или совсѣмъ не приспособлены къ русскому языку; во вторыхъ, въ нихъ преобладаетъ старая школьная система съ устарѣлыми, невѣрными понятіями и чудовищной терминологіей. Въ старыхъ грамматикахъ, по которымъ учились говорить по латыни, было обращено вниманіе, кромѣ правилъ, еще главнымъ образомъ на то, чтобы въ нихъ, при упражненіяхъ, заключались всѣ слова и обороты, необходимые для разговора, слѣдовательно онѣ отличались богатствомъ матеріала; но въ систематическомъ, логическомъ, облегчающемъ пониманіе и ученіе, порядкѣ, въ изложеніи историческаго развитія формъ и ихъ значеній, въ правильной классификаціи и терминологіи синтаксическихъ категорій не чувствовалась потребность. Наши новыя учебники страдаютъ тѣми-же недостатками, но, кромѣ того, они уступаютъ старымъ еще тѣмъ, что въ нихъ мало словъ и оборотовъ. Школьная грамматика слѣдовательно сдѣлала шагъ назадъ. Старая система, по отношенію къ грамматикѣ классическихъ языковъ, соответствовала степени развитія филологической науки своего времени и ея требованіямъ, но намъ непростительно, что мы не вносимъ въ школьныя книги, по крайней мѣрѣ не подлежащія сомнѣнію и доступныя юнымъ умамъ, результаты новыхъ изслѣдованій.

Пока знаніе новыхъ языковъ не было такъ распространено, какъ теперь (въ виду того обстоятельства, что вездѣ преобладалъ латинскій языкъ) и пока умѣніе говорить на латинскомъ языкѣ, какъ космополитическомъ не только въ политикѣ, но и въ наукѣ, служило почти исключительно цѣлью его изученія, то грамматика въ такомъ видѣ, какъ мы ихъ выше описали, не нуждалась въ усовершенствованіи. Но теперь,

когда изученіе древнихъ языковъ сдѣлалось необходимымъ средствомъ для всесторонняго, основательнаго развитія мысли, старая школьная система требуетъ преобразованія. Намъ не нужно говорить по латини, по гречески, точно также какъ кабинетному ученому не нужно говорить по нѣмецки, по французски, по англійски и т. д. (а филологи — кабинетные ученые). Намъ нужно понимать слова, обороты, тексты, а для этого пужно не машинально изучать формы, а вникать во внутренній ихъ строй, мы должны различать составныя ихъ части, знать законы, по которымъ отдѣльныя части формъ соединяются въ одно цѣлое, к порядку, въ какомъ слѣдуютъ эти измѣненія однс за другимъ. Однимъ словомъ, нужна историческая грамматика. Все это даетъ намъ современная наука, сравнительное языковѣдѣніе.

II. Составитель грамматики древнихъ языковъ для русскаго юношества, долженъ положить въ основу своего труда то, что русскому юношѣ больше всего знакомо, — русскую грамматику, исправивъ ее, конечно, сообразно требованіямъ современной науки. То, что обще и русскому и древнимъ языкамъ, должно ему служить основой, а все остальное, въ чемъ языки расходятся, онъ долженъ помѣстить, какъ дополненіе. Я имѣю въ виду преимущественно синтаксисъ, гдѣ должны быть правила классическаго и русскаго языковъ раздѣлены не только на одинаковыя категоріи, но даже параграфы должны сходиться. Такъ, напримѣръ, при объясненіи синтаксиса глагола, на первомъ планѣ должно стоять ученіе о видахъ дѣйствія, какъ о свойствѣ, общемъ всѣмъ глагольнымъ формамъ и отглагольнымъ именамъ; о времени же, какъ о свойствѣ одного только изъявительнаго, рѣчь должна быть послѣ видовъ. Видъ дѣйствія можетъ быть раздѣленъ какъ въ русскомъ, такъ и въ древнихъ языкахъ на 3 категоріи: неоконченный, оконченный и однократный. Подъ категорію неоконченнаго вида можно подвести виды начинательный, продолжающійся, повторяющійся и т. п. Русскій и греческій языки имѣютъ для всѣхъ трехъ категорій видовъ особыя формы. Въ латинскомъ же для однократнаго и неоконченнаго вида нѣтъ отдѣльныхъ формъ, — онѣ смѣшались. Такъ фразы: *rogo te, ut epistolam scribas, rogabam te, ut epistolam scriberes, volo scribere epistolam* могутъ быть переведены по русски: прошу тебя, чтобы ты писалъ или написалъ письмо, я просилъ тебя, чтобы ты писалъ или написалъ письмо, я хочу писать или написать письмо, а по гречески: λέγω τοῦτο, ἵνα τὴν ἐπιστολὴν γράψῃς и γράψῃς — ἔλεγον τοῦτο, ἵνα τὴν ἐπιστολὴν γράφοις или γράψῃαις. Βούλομαι τὴν ἐπιστολὴν γράφειν и γράψαι. Изъ этихъ примѣровъ видно, что *scribas*,

scriberes и scribere можетъ значить γραφης и γραψης, γραφου и γραφεις, γραφειν и γραφαι, писалъ бы и написалъ бы, писатъ и написать, то-есть лат. coniunctivus praesentis и imperfecti и infinitivus praesentis выражаютъ собою и неоконченный и однократный виды дѣйствія одною формою. Мимоходомъ только скажемъ, что, по нашему мнѣнію, и въ латинскомъ были отдѣльныя формы для выраженія однократнаго и неоконченнаго видовъ дѣйствія. Если сравнить лат. coniunctivus imperfectus и infinitivus praesentis съ греч. optativ'омъ и infinitiv'омъ аориста, то окажется, что эти формы по образованію одинаковыя: amages и τηγασαι, глагольной основой оказывается ама — и τηη — , примѣтой темы аориста σα и се, примѣтой желательнаго ι и ι (по общепринятому объясненію) и окончаніемъ σ(ι) и s(i): слѣдоват. amase-i-s(i), τηη-σα-ι-σ(ι), причеиъ лат. s переходитъ въ г и сi въ е.

Такою же формою мы видимъ въ неопредѣленномъ amage и τηγασαι; глаг. основа ама, τηη; примѣта темы аориста, собственно темы отглагольнаго имени σα и се и окончаніе мѣстнаго падежа ι и ι (по общепринятому объясненію), слѣдовательно ama-se-i, τηη-σα-ι; изъ amasei, какъ въ сослагат. imperfecti, дѣлается выше указаннымъ способомъ amage. Если же мы сравнимъ лат. coniunctivus praesentis съ греч. сослагательнымъ praesentis, то и здѣсь мы убѣдимся въ сходствѣ формъ, какъ scribas и γραφης—ибо въ γραφης мы видимъ ту же тему praesentis, что и въ scribe, примѣту сослаг. а (въ лат. какъ а, въ греч. какъ ε, ει) и окончаніе σ(ι), s(i); слѣд. γραφέ-ει-σ(ης), scribe-as scribas. Изъ этого мы приходимъ къ тому заключенію, что coni. imperfecti и infin. praesentis первоначально выражали собою видъ однократный, какъ формы греч. аориста; coni. же praes. дѣйствіе вида неоконченнаго; впоследствии формы эти и ихъ значенія перемѣнились.

Что касается infinitiv'a praesentis, мы видимъ въ формахъ неопредѣленнаго 3 спряженія страд. залога (legi) остатокъ неопредѣленнаго вида неоконченнаго. Несообразности, какъ, наиримѣръ, смѣшеніе видовъ въ лат. языкѣ, встрѣчаются особенно въ нѣмецкихъ книгахъ, такъ какъ Нѣмцы, въ своемъ языкѣ, не различая видовъ, сами погрѣшаютъ противъ этихъ правилъ. Но неужели и мы, обладая языкомъ, различающимъ и выражающимъ виды дѣйствія до подробностей, должны и въ этомъ отношеніи подражать чужому и еще въ добавокъ невѣрному? Мы могли бы указать еще на много другихъ отдѣловъ грамматики, которые въ нашихъ учебникахъ изложены или неясно или даже совсѣмъ невѣрно. Но это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко, и потому мы ограничимся только приведенными примѣ-

рами, такъ какъ они достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что наши грамматики древнихъ языковъ не соответствуютъ цѣли, которую онѣ преслѣдуютъ, ибо, съ одной стороны, далеко не исчерпываютъ матеріала, долженствующаго входить въ нихъ, а съ другой, заключаютъ много лишняго, не нужнаго; онѣ слишкомъ отстали отъ современной филологической науки, какъ въ фонетикѣ и морфологіи, такъ въ синтаксисѣ относительно классификаціи синтаксическихъ категорій и терминологіи.

Въ послѣдніе годы стали и у насъ появляться грамматики новаго направленія, свидѣтельствующія о томъ, что старая школа начинаетъ и у насъ терять почву. Такъ, напримѣръ, появился недавно синтаксисъ латинскаго языка Кесслера, составленный главнымъ образомъ по образцу нѣмецкой книжки Латтманна и Мюллера. Какъ въ русской, такъ и въ нѣмецкой книгѣ сдѣланъ значительный шагъ впередъ, хотя остались слѣды стараго педантизма. Новымъ, научнымъ и соответствующимъ требованіямъ русской грамматики направленіемъ отличается грамматика греческаго языка чешскаго ученаго Генриха Нидерле, обработанная для русскихъ гимназій гг. Мейеромъ и Рейнеромъ. Кромѣ того, еще раньше появилась грамматика греч. языка г. Фокова, въ которой тоже замѣтно стремленіе вырваться изъ тѣсныхъ рамокъ старой методы.

III. Научной этимологіи латин. языка мы не имѣли пока не появился новый трудъ, который, когда сдѣлается онъ общимъ достояніемъ русскихъ филологовъ, положитъ копецъ прежней методѣ изученія и преподаванія латинскаго языка и, мы не стѣсняемся сказать, послужитъ началомъ новой эпохи классической филологіи въ Россіи. Мы не стѣсняемся сказать это, во первыхъ потому, что по лат. языку это первое сочиненіе, излагающее фонетику и морфологию научнымъ способомъ, а во вторыхъ, оно, по своему достоинству, нисколько не уступаетъ подобнаго же рода иностраннымъ сочиненіямъ (Бухелера, Мергета), такъ какъ авторъ его, А. А. Ивановъ не преминулъ воспользоваться всѣми новѣйшими изслѣдованіями. Для русскихъ филологовъ оно имѣетъ даже больше цѣны, чѣмъ поименованныя нѣмецкія сочиненія, такъ какъ во первыхъ, оно написано, на родномъ языкѣ, а во вторыхъ, всѣ явленія латинской рѣчи сдѣланы болѣе доступными тѣмъ, что они сравнены не только съ подобными же явленіями греческаго языка, но преимущественно славянскаго. Чтобы читатель могъ настоящимъ образомъ оцѣнить сочиненіе г. Иванова, мы изложимъ вкратцѣ содержаніе его по параграфамъ.

Дѣлится оно на три отдѣла:

I. Введеніе, распадающееся на двѣ главы—одна о языкѣ вообще, другая о латинскомъ языкѣ.

II. Фонетика, подраздѣляющаяся тоже на двѣ главы — о системахъ звуковъ языка, и объ измѣненіи звуковъ.

III. Этимологія, раздѣляющаяся тоже на двѣ главы — о именахъ и мѣстоименіяхъ, и о глаголѣ.

I. Введеніе.

Глава I. О языкѣ вообще.

§ 1. Понятіе о языкѣ; предметъ и раздѣленіе грамматики. О предметѣ грамматики сказано, что грамматика должна разъяснять исторію и духъ языка вообще и происхождение, измѣненіе и значеніе его звуковъ, формъ и оборотовъ въ частности, а не содержать только списки этимологическихъ формъ и синтаксическихъ правилъ. Дѣлится же грамматика на фонетику, этимологію и синтаксисъ, такъ какъ въ физико-духовной дѣятельности слѣдствіемъ процесса ощущенія есть звуки (фонетика), слѣдствіемъ процесса сознанія мыслью этихъ ощущеній, то-есть представленій о предметѣ и его качествахъ — слово (этимологія), и слѣдствіемъ ассоціаціи этихъ представленій или словъ — предложеніе (синтаксисъ). Въ жизни языка замѣчаются три періода: 1) образованіе его, 2) разложеніе его звуковой формы и раздѣленіе на діалекты, 3) литературное развитіе.

1. Образованіе языка.

§ 2. Ощущенія—звуки.

Отдѣльныя ощущенія—звуки составляютъ представленія—слова, содержаніе которыхъ передаетъ корень. Звуки образовались не раньше корня, а вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ отдѣльные звуки не выражаютъ еще мысли.

Гласные и двугласные преимущественно служили первобытному человѣку безсознательнымъ выраженіемъ звуковъ природы. Это междометные и звукоподражательные корни.

Сознанныя въ душѣ ощущенія—представленія о предметахъ, непонятныя другимъ людямъ, выражались при помощи согласныхъ, требующихъ, при произношеніи, вслѣдствіе ихъ большой разчлененности, большаго усилія и выражающихъ такимъ образомъ символично большую развитость созпанныхъ представлений. Это корни символическія.

§ 3. Значеніе отдѣльныхъ звуковъ.

Звуки по своимъ физиологическимъ особенностямъ имѣютъ особенныя символическія значенія, напримѣръ, а — самый сильный, широкій

звукъ; u — самый глубокий, глухой; i — самый высокий, ясный; губные — выражаютъ движенія, сходныя съ движеніемъ губъ, зубные — указываютъ на внѣшній предметъ, гортанные — означаютъ внутреннія ощущенія; s — означаетъ живость, дѣйствіе, подлежащее въ именит. падежѣ, m — мутное, не дѣйствующее, объектъ въ вин. пад.; l и r — теченіе.

§ 4. Представленія — корни (слова).

Корни односложны, такъ какъ они служили первоначально выраженіемъ оцѣн общихъ представлений о предметахъ и какъ бы мгновенными порывами мысли. Корни, сознаваемые говорящимъ и слушающимъ, то-есть народомъ, суть слова. Корни дѣлятся по § 2 на 1) междоименные, 2) звукоподражательные или опоматонные, 3) символическіе. Корни имѣютъ способность расширять и даже измѣнять свое первоначальное значеніе вслѣдствіе того, что они находятся во власти человеческой мысли. Этимъ объясняется то обстоятельство, что одинъ и тотъ же корень можетъ у разныхъ народовъ имѣть, вслѣдствіе духовныхъ, физическихъ и климатическихъ условій, разные значенія. Это — причина разнообразія языковъ. Разъясненіе причинъ различнаго значенія однихъ и тѣхъ же корней у разныхъ народовъ служить къ характеристикѣ народовъ.

§ 5. Ассоціація представлений — предложеніе.

Выработавшіяся и выражаемыя словами представленія укладываются въ извѣстныя формы и находятся между собою въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, мы получаемъ падежи, глагольныя формы, части рѣчи, предложенія. Это есть внутренняя форма или грамматическій строй языка, между тѣмъ какъ звукъ — внѣшняя форма, матеріалъ языка. Это — состояніе языка, исполнѣ образовавшагося.

§ 6. Развитие языка, исполнѣ образовавшагося.

Исполнѣ образовавшіеся языки раздѣляются на: 1) языки, слова которыхъ состоятъ изъ однихъ корней, какъ китайскій, 2) языки, въ которыхъ нѣкоторые приставочные или агглютинаціонные корни образовались для показанія отношеній главнаго корня, но не исполнѣ приклеиваются къ послѣднему, какъ, напримѣръ, финскій, турецкій языки, 3) на флексійные, въ которыхъ служебные корни, утративъ самостоятельность, исполнѣ слились съ главными въ качествѣ аффиксовъ. Таковы арійскіе языки. Они прошли обѣ предыдущія ступени.

§ 7. Звуковое разложеніе; образованіе діалектовъ и вторичныхъ языковъ.

Въ словахъ ослабѣваетъ и мало-по-малу утрачивается первоначальный смыслъ звуковъ и корней, вслѣдствіе чего звуки, подѣ влияніемъ физическихъ законовъ и климатическихъ условій, подвергаются измѣненіямъ. Кромѣ того, и корни иногда получаютъ другое значеніе. Такимъ образомъ возникаютъ діалекты. Когда какой-нибудь народъ принимаетъ другой языкъ, то этотъ языкъ называется вторичнымъ. Народъ принялъ чужія слова въ опредѣленной формѣ, но безъ пониманія ихъ смысла.

§ 8. Письменное развитіе языка.

Одно изъ нарѣчій становится главнымъ, литературнымъ, государственнымъ, общенациональнымъ и принимаетъ лучшіе элементы изъ остальныхъ нарѣчій. Отъ измѣненій его охраняетъ письмо, еще больше печать.

Въ литературѣ языкъ достигаетъ высшей степени развитія, такъ какъ писатели развиваютъ внутреннюю сторону его, синтаксисъ, отчасти и этимологию. Фонетика имъ не подчиняется.

Глава II. О языкѣ латинскомъ.

§ 9. Мѣсто латинскаго языка въ ряду другихъ языковъ. Латинскій языкъ вмѣстѣ съ осскими, умбрійскими и другими италійскими нарѣчійми принадлежитъ къ италійскому языку. Италійскій же языкъ, вмѣстѣ съ кельтскимъ и греческимъ къ южно-европейской вѣтви и эта послѣдняя съ сѣверо-европейской и азиатской къ арійскому языку. Арійскій же праязыкъ вмѣстѣ съ семитскимъ и египетскимъ языками къ разряду флексійныхъ языковъ.

Къ этому параграфу въ примѣчаніи присоединенъ списокъ древнѣйшихъ памятниковъ арійскихъ языковъ.

§ 10. Очеркъ судеб и характеристика латинскаго языка.

§ 11. Важнѣйшіе памятники древне-латинскаго языка. Помѣщены *capitula fratrum arvalium*, отрывки изъ законовъ XII таблицъ, надпись на *columna rostrata C. Duillii* и двѣ надписи на гробницахъ Сципіоновъ.

II отдѣлъ. Фонетика.

Глава III. Система звуковъ языка.

§ 12. Образованіе звуковъ языка съ изображеніями, заимствованными изъ М. Миллера (*Vogles*. II. 112—138) и ихъ дѣленіе по произношенію и органамъ.

§ 13. Звуки и буквы латинскаго языка. Въ этомъ параграфѣ мы находимъ исторію каждаго звука и каждой буквы и ея произношенія.

§ 14. Слоги.

Каждый гласный звук произносится съ болѣе или менѣе сильнымъ придыханіемъ. Нѣзъ придыханій, подвергнувшись во рту разнымъ модификаціямъ, образуются согласные звуки. Согласный звукъ, происшедшій изъ придыханія, съ гласнымъ образуетъ слогъ.

Но такъ какъ слабое придыханіе не развилось въ звукъ, то и одинъ гласный звукъ можетъ образовать слогъ.

Далѣе говорится о дѣленіи слоговъ и количествѣ ихъ. Слогъ бываетъ долгимъ (по природѣ или положенію) или краткимъ. Время, потребное для произношенія короткаго слога, или звука, счтается единицею и называется морю. Звукъ или слогъ, требующій для произношенія двѣ моры—дологъ. Для произношенія слога, по положенію долгаго, но съ краткимъ по природѣ звукомъ, требуется столько времени (то-есть, 2 моры), сколько для произношенія таковаго же слога съ долгимъ по природѣ звукомъ. Ибо въ первомъ случаѣ произношеніе короткаго звука требуетъ одной моры, а произношеніе двухъ согласныхъ слѣдующихъ за нимъ, другой, такъ какъ каждый требуетъ $\frac{1}{2}$ моры, во второмъ же случаѣ, хотя долгій звукъ потребовалъ двухъ морь, но говорящій собираетъ въ это время столько силы, что можетъ слѣдующіе два согласные произнести безъ перерыва.

§ 15. Интонація.

При произношеніи слога необходимо соблюдать его долготу (*quantitas*), силу произношенія или удареніе (*ictus*) и тонъ (*accentus*). Удареніе и тонъ соединяются на одномъ слогѣ. Но въ стихахъ часто не совпадаетъ удареніе съ акцентомъ: такъ *ágma vígúmque canó Trojaé qui grímus ab óris*, несмотря на то, что Л. Мюллеръ въ своемъ „*de re metrica*“, 206 говоритъ, что поэты умышленно измѣняли акцентъ. Въ разговорной рѣчи акцентъ былъ ограниченъ тремя послѣдними слогами и обусловленъ количествомъ двухъ послѣднихъ слоговъ. Акценты дѣлятся на главные и побочные. Главный—*acutus* острый, высокій— ставится не далѣе третьяго слога отъ конца надъ долгими и короткими: *hómínes amáto, rém—* и *circumflexus*, обложенный, падающій— ставится не далѣе втораго отъ конца надъ долгими: *géh régem*; оба при извѣстныхъ условіяхъ.—Побочные — *gravis*, низкій, тяжелый — ставится на слогахъ, слѣдующихъ за главнымъ удареніемъ, и *medius*, средній — стоитъ обыкновенно на слогахъ, предшествующихъ главному акценту, за исключеніемъ сосѣдняго главному акценту слога. Онъ не много выше низкаго. Затѣмъ слѣдуетъ правило объ удареніи и энклитикахъ. Особенно же интересны исключенія; такъ 2-е, въ которомъ перечисляются случаи обложеннаго ударенія на по-

слѣднемъ слогѣ и въ болѣе чѣмъ односложныхъ, какъ *Arginās audin prodūc, amat* (изъ *amavit*); 3-е глаголь *facio* и *fin* съ глагольными основами на *e*: *calefacere*, въ нихъ *facio* и *fin* удерживаютъ свое удареніе, хотя бы и острое на послѣднемъ слогѣ; 4-е, по которому острый акцентъ бываетъ на краткомъ второмъ отъ конца, какъ въ сокращенныхъ основахъ на *io* въ род. и зват. пад. ед. ч. *Vergili* вмѣсто *Vergilii* или *Vergilie*.

Глава IV. Измѣненія звуковъ А. Звуки гласные.

О звуковыхъ измѣненіяхъ вообще.

Короткіе звуки могутъ удлинняться или усиливаться, то-есть, изъ одномѣрныхъ дѣлаются двухмѣрные, у поэтовъ даже трехъ и четырехмѣрные; долгіе же сокращаются или ослабляются то-есть, изъ двухмѣрныхъ дѣлаются одномѣрными и совсѣмъ исчезаютъ. Короткіе могутъ ослабляться въ другіе короткіе, такъ а въ е или і. Но звуки, слѣдовательно и слоги, могутъ имѣть или меньше или больше одной, двухъ и т. д. моръ.

Въ такомъ случаѣ они будутъ ирраціональными—*ancipites*.

§ 17. Ослабленіе и усиленіе короткихъ звуковъ.

Въ этомъ параграфѣ перечислены всѣ случаи измѣненія гласныхъ съ примѣрами. Проведена та мысль, что въ латинскомъ языкѣ необходимо исходить отъ пяти гласныхъ а, е, і, о, u, а не отъ основныхъ а і u, такъ какъ а і u относятся къ до-латинскому періоду, е и о произошли только на латинской почвѣ.

§ 18. Образование, измѣненіе и сокращеніе долгихъ звуковъ и дифтонговъ. Долгіе звуки образуются: 1) черезъ усиленіе (подъемъ), 2) взамѣнъ выпавшаго согласнаго или передъ *ns, nt* и вслѣдствіе измѣненія *v* въ *u*: *av* въ *au*; 3) черезъ стяженіе двухъ звуковъ. Но и эти долгіе звуки могутъ сокращаться и исчезать или измѣняться въ другіе долгіе. Примѣры. О систолѣ, діастолѣ и эктаси.

§ 19. Переимѣны гласныхъ, обусловленныя стеченіемъ звуковъ. Въ этомъ параграфѣ говорится о зіяніи (*hiatus*), которое устраняется стяженіемъ гласныхъ въ середипѣ слова или сглаживаніемъ конечнаго звука одного слова съ начальнымъ другаго (синалоѣфа), при чемъ хорошо объяснено, почему *est, es, esse* при синалоѣфѣ теряютъ *e*, а именпо, что это энклитики, которыя, не имѣя ударенія надъ *e*, легко его утрачиваютъ. Затѣмъ перечислены случаи, когда зіяніе остается. Далѣе идетъ рѣчь о ассимиляціи, диссимиляціи, эпентеси (вставки) и протеси.

Б. Звуки согласные.

§ 20. Допускаемыя сочетанія звуковъ и окончанія.

Въ этомъ параграфѣ говорится о тѣхъ сочетаніяхъ звуковъ, которыя допускаются въ началѣ, серединѣ и концѣ словъ.

§ 21. Если этимологія приводитъ къ другимъ сочетаніямъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ была рѣчь въ § 20, то эти неудобныя сочетанія дѣлаются удобными 1) черезъ перемѣщеніе (метатесь), вставкой (эпентесь), отпаденіемъ звука въ началѣ (афайресъ) или въ концѣ (апокопе), выпаденіемъ внутри слова (эклипсъ).

§ 22. Измѣненія согласныхъ подъ вліяніемъ сосѣднихъ согласныхъ. Подобныя измѣненія извѣстны подъ названіемъ ассимиляціи и диссимиляціи.

§ 23. Смягченіе согласныхъ: діались.

Обзоръ случаевъ долготы и краткости звуковъ.

§ 24. Начальныя и внутренніе звуки.

§ 25. Конечныя звуки.

III отдѣлъ. Этимологія.

Глава V. Имена и мѣстоименія.

§ 26. Корень и аффиксы.

Корень—это слогъ, который даетъ начало и значеніе словамъ. Но обширное значеніе корня опредѣляется аффиксами. Аффиксы бываютъ или профиксы, или инфиксы, или суффиксы. Корень или не измѣняется (пока это допускаютъ фонетическія правила) или измѣняется, то есть, то усиливается, то ослабляется; иногда совсѣмъ исчезаетъ. Суффиксы бываютъ или тематическіе для образованія темъ, или флексійныя для образованія слова и его грамматической формы, то есть, надежныя и личныя окончанія. Тематичныя дѣлятся на первичныя и вторичныя.

§ 27. Основа и слова.

Основа состоитъ изъ корня и аффикса, рѣдко бываетъ одинъ корень основой. Основы дѣлятся на простыя и составныя. Простыя бываютъ первичныя и вторичныя. Составныя бываютъ сложныя или соединенныя.

Основа бываетъ одна и та же для имени и глагола. Суффиксами основы тоже первоначально не означали рода.

Словомъ можетъ быть названа только та основа, которая, какъ часть предложенія, флексійными своими окончаніями показываетъ въ предложеніи отношенія выражаемаго ею понятія.

§ 28. Понятіе о частяхъ рѣчи и флексіяхъ.

Части рѣчи бываютъ знаменательныя, выражающія извѣстное содержаніе; къ нимъ принадлежатъ имена (кромя числительныхъ) и глаголы (кромя вспомогательныхъ); всѣ прочія части рѣчи принадлежатъ къ формальнымъ.

Далѣе части рѣчи раздѣляются на измѣняющіяся (имена существ., имена прилаг., числит., мѣстоименія, глаголы) и на неизмѣняющіяся (нарѣчія, предлоги, союзы). Измѣненіе это называется флексіей. Флексія у именъ и мѣстоименій—склоненіе, у глаголовъ—спряженіе.

§ 29. Роды, числа и падежи.

Родъ одушевленныхъ предметовъ можетъ быть или мужской или женскій; изъ неодушевленныхъ предметовъ, смотря по ихъ качествамъ, одни получаютъ родъ мужскій, другіе женскій; многіе же не получаютъ ни того, ни другаго рода, они сдѣлались безполыми, *neutrius generis*.

Изъ одушевленныхъ тѣ были рода средняго, которые не достигли развитаго возраста (дѣтя), или тѣ, которые разсматривались какъ вещи. Родъ первоначально ничѣмъ не означался; впоследствии обозначался нѣкоторыми темами, собственно ихъ суффиксами, наконецъ, онъ сталъ опредѣляться суффиксами, а именно муж. родъ и женскій, въ имен. пад. суф. -s, въ вин. -m. Средній же родъ имѣетъ и въ им. окончаніе винительнаго m, такъ какъ онъ, какъ неопределенный, не дѣйствующій предметъ, можетъ быть только объектомъ, а не подлежащимъ, или же равняется основѣ. Въ множ. ч. отличенъ средній родъ звукомъ ū (позднѣе a).

Далѣе языкъ сталъ различать мужскій родъ отъ женскаго тѣмъ, что для муж. р. оставалось -s, а знакомъ женскаго рода сдѣлалось ā. Но и еще другими способами различался родъ. Чиселъ было три: *singularis, dualis, pluralis numerus*; изъ двойственнаго сохранилось мало остатковъ. Множ. число образуется частью особыми суффиксами, частью приставкою -s. Оно присоединяется къ соотвѣтственнымъ суффиксамъ един. числа, чѣмъ указывается еще разъ на предметъ и спмволически выражается его множественность.

Падежей 8; изъ нихъ въ лат. въ единств. числѣ сохранилось 7: *nominativus, accusativus, отчасти vocativus, genetivus, ablativus, dativus, отчасти locativus*; во множ. числѣ только 4, такъ какъ *loc., dat., abl.*, выражаются одною формой.

§ 30. Склоненіе.

Хотя есть флексійные суффиксы только одного рода, все-таки по

причинѣ разнообразія темъ, по ихъ окончаніямъ образовались двѣ группы склоненій: 1) склоненіе темъ на -а (е, о), 2) склоненіе согласныхъ темъ, къ которымъ присоединяются темы на -і и -и, такъ какъ і и и способны переходить въ согл. j и v. Но въ лат. грам. стали считать видоизмѣненія е, о первобытнаго звука а за особныя темы, къ которымъ присоединились еще и темы на и, такъ что образовалось 5 склоненій, а именно: 1-е темъ на а, 2-е темъ на о, 3-е темъ на согласные и і-, 4-е темъ на и и 5-е темъ на ѣ-. Но г. Ивановъ придерживается дѣленія, принятаго въ греческомъ языкѣ, на три склоненія: I) а- темъ (сюда и ѣ- темъ); II) о- темъ; III) согласныя темъ съ і- и и- темами. Прилагательныя образуются отъ всѣхъ этихъ основъ, за исключеніемъ основъ ѣ и и (эти послѣднія распространяются черезъ і). Въ этомъ параграфѣ помѣщена еще таблица склоненій лат., греч. и слав. языковъ.

§ 31. Примѣчанія къ таблицамъ склоненій.

Сначала говорится объ основѣ или темѣ.

Въ многихъ случаяхъ основа является въ нѣсколькихъ видахъ, что объясняется тѣмъ, что согласныя основы или отбрасываютъ конечный согласный звукъ или принимаютъ къ нему новый гласный звукъ или измѣняютъ конечный гласный звукъ въ другой гласный, что болѣе всего дѣлается со слогами, незащищенными акцентомъ или, наконецъ, дѣйствительно встрѣчаются различныя основы. Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе производства отдѣльныхъ падежей:

Nominativus: sing. флекс. суф. -s, которое часто теряется въ III скл. за малыми исключеніями, всегда въ I и II скл., plur. -es, которое въ I и II переходитъ въ -i(s).

Accusativus: sing. -(e)m; plur. -(e)ns (изъ ems), является какъ -e(n)s или -(en)s.

Genetivus: sing. os (или es, is, us) въ III, а какъ i(s) въ I и II plur. -orum, -um всегда въ I и II, um въ III скл.

Ablativus: sing. -ed, d котораго отбрасывается.

Dativus sing. (ai и): а и ѣ, ei и ѣ и і; предполагается ei изъ (b)ci.

Locativus sing: i. Оба падежа неясно изложены.

Abl., Dat., Loc. въ множ. числѣ имѣютъ одно окончаніе: bhjams, которое въ III является какъ bus, въ I и II какъ (b)is.

§ 32. Мѣстоименія.

Значеніе ихъ — указаніе; они являются какъ членъ, предлогъ, союзъ и аффиксы. Они могутъ быть или существительныя или прилагательныя; дагѣ, дѣлятся на родовыя (ego, tu, nos, vos, se) и

родовья (is, ea, id, iste, ille и т. д.). Склоненіе ихъ показано въ самомъ краткомъ видѣ и объясненіе его неполно вслѣдствіе многихъ особенностей, происшедшихъ отъ сильнаго смѣшенія основъ и измѣненій.

§ 33. Степени сравненія прилагательныхъ и нарѣчій.

Сначала идетъ объясненіе значенія степеней сравненія, а потомъ образованіе ихъ. Степени сравненія выражаютъ отношеніе предметовъ по ихъ качествамъ; отношенія, какъ сопоставленіе, выключеніе, выборъ между двумя предметами или, лучше, между двумя группами, заключающими въ себѣ по нѣскольку предметовъ, выражается сравнительною, вслѣдствіе чего образовались, при помощи суфф. срав. степени, порядковыя числительныя и притяж. мѣстоименія; отношеніе же (какъ превосходство надъ другими) между однимъ предметомъ (или группой) и многими другими выражается превосходною степенью; поэтому, большая часть порядковыхъ числительныхъ образуется суфф. превосходн.

Суффиксы сравнительной степени:

a) мало употребляется *ro*: *infe-ro-*; b) самый употребительный: *jons-*, изъ котораго въ лат. *iōs*; отсюда для муж. и женск. *iōr*, для сред. *iōs*, которое ослабляется въ *ius*, *is*, *e*; или безъ *i*: *or*, *ōs*, *ig*, *ūs* и послѣ утраты *s(r)* остается *o* въ вульгарной рѣчи; c) малоупотреб. *tero*: ном. *ter-*; d) *is-tero*: ном. *ister-*.

Суффиксы превосходной степени.

a) *to-* въ числительныхъ только;
b) *mo-* въ числительныхъ и другихъ;
c) *tomo*, изъ чего *tumo-* или *timo-*, *sumo-* или *simo-*, *s* съ предъидущимъ *r* и *l* ассимилируется въ *r-rimus*, *l-limus*.
d) *isto-* въ нарѣчіяхъ;
e) *istomo-*, изъ чего *istumo-*, *istimo-* или *issumo-*, *issimo-*, самый употребительный суффиксъ.

Нарѣчія суть собственно падежи; такъ, напримѣръ, оканчивающіяся на *ē* суть *abl.* на *ed* отъ основъ на *o-*; отъ основъ согласныхъ и основъ на *i* образуется нарѣчіе на *ter-*, но иногда сохраняется средній родъ прилагательнаго.

§ 34. Имена числительныя.

Числительныя, въ противоположность прилагательнымъ и существительнымъ, означаютъ не качество, не содержаніе, а вѣдѣнію форму, но они родственны съ прилагательнымъ и существительнымъ потому, что форма, равно какъ и качество и содержаніе, есть часть

понятія; поэтому они въ латинск. и греч. имѣютъ конструкцію прилаг., а въ славянск. они большею частію существительныя.

Далѣе идетъ ихъ раздѣленіе и списокъ.

Глава VI. Глаголь.

§ 35. Опредѣленіе и раздѣленіе глагола.

Глаголь выражаетъ дѣйствіе (и состояніе), исходящее отъ субъекта или находящееся въ связи съ нимъ. Въ глагольъ заключается и субъектъ и сказуемое. Глагольъ выражаетъ предложеніе, Часто сказуемымъ бываетъ другая часть рѣчи чѣмъ глагольъ, тогда нѣкоторые глагольы служатъ связкой между сказуем. и подлежаж. и называются вспомогательными. Глаголы дѣлятся по характеру своей дѣятельности на переходящіе и непереходящіе, и эти послѣдніе на субъективные и объективные.

О безличныхъ глаголахъ.

По силѣ дѣятельности, глаголы дѣлятся на *inchoativa* (суфф. *sco-*), *durativa*, *causalia*, *intensiva* (суфф. *-to*), *frequentativa* (суфф. *to*), *desiderativa* (суфф. *sio=rio*), *deminutiva* (суфф. *lo*).

По образованію дѣлятся глаголы на первообразные и производные; глаголы соединяются съ предлогами (*composita*); но есть и составные и связные съ нарѣчіями.

§ 36. Отношенія, выражаемыя глагольными формами: залогі, наклоненія, времена, числа, лица (спряженіе).

Залогъ (*genus*) есть форма глагола, показывающая положеніе субъекта относительно дѣятельности глагола. Залогі бываютъ:

activum—дѣйств., *passivum*—страдат., *medium* или *reflexivum*—возвр. Сюда относятся *deponentia* и *semideponentia*.

Наклоненіе (*modus*) есть форма глагола, показывающая положеніе дѣятельности по отношенію къ субъекту. Наклоненія бываютъ:

Indicativus, *coniunctivus*, *optativus* и *imperativus*. Къ нимъ причисляются отглагольныя имена: *infinitivus*, *supinum*, *gerundium* и *participia*.

Время (*tempus*). Только глаголь и нѣкоторыя глагольно-именныя формы выражаютъ время. Дѣйствующій относительно себя раздѣляетъ время, само по себѣ непрерывное, на настоящее, прошедшее и будущее. Такъ какъ въ каждомъ времени дѣйствіе можетъ представляться происходящимъ или оконченнымъ, то мы получимъ 6 временъ: *praesens* и *perfectum* для настоящаго, *imperfectum* и *plusquam-perf.* для прошедшаго, *futurum* и *futurum exactum* для будущаго. Изъивительное имѣетъ всѣ эти времена, сослагательное только четыре (всѣ кромѣ будущихъ), повелительное только одно (*praesens*), неопре-

дѣленное имѣетъ три (praes. perf. fut.), причастіе—два въ дѣйстви-
тельномъ залогѣ (praes. futur), два въ страдательномъ (perf. и futur.).
Однакожь значеніе времени въ изъявительномъ другое, чѣмъ въ
остальныхъ наклоненіяхъ, ибо plusqperf. и futurum exact. означаетъ
дѣйствіе не только оконченное, но и предшествующее другому; per-
fectum же не означаетъ только дѣйствіе оконченное въ настоящемъ,
но оконченное къ настоящему или къ прошедшему и равняется гре-
ческому аористу. Въ сослагательномъ же дѣйствіе представляется
мыслию доворящаго простымъ существующимъ или существовавшимъ.

Далѣе идетъ рѣчь о числахъ и лицахъ. Личныя окончанія имѣютъ
тоже значеніе, что флексійные суффиксы; только въ соединеніи съ
ними становится глагольная основа глаголомъ. Они собственно корни
личныхъ мѣстоимѣній.

Въ activum: singularis является:

1-е лицо me или mi (изъ ma) какъ m или исчезаетъ.

2-е лицо tu, te, ti (изъ tva) какъ tō(d) въ повел., tī въ perf., s.

3-е лицо to, tu, te (изъ ta) какъ tō(d) въ пов., t(d).

Activum pluralis:

1-е лицо mus изъ ma + si = я + ты = мы.

2-е лицо tote, tis, te изъ tva + tva = ti + si = ты + ты = вы.

3-е лицо ont(o), unt(o) изъ an + t = an + ti = онъ + ты = они.

V. Medio-passivum.

Знакъ ego r = re = se возвратное мѣстоименіе, которое примыкаетъ
къ каждому лицу.

§ 37. Корень и основа.

Глагольный корень всегда знаменателенъ, но онъ можетъ спу-
ститься на степень формальности (въ гл. вспомоgetельный); можетъ
даже сдѣлаться суффиксомъ для образованія другихъ глагольныхъ
формъ. Общая глагольная основа (совпадающая иногда съ корнемъ)
есть такая часть глагола, отъ которой производится supinum, part.
perf. pass. и futuri activi. Отъ простой основы, которая можетъ рав-
няться общей глагольной (въ производныхъ), производится ind., con-
iunct, imper. inf. part. praesentis, ind. coni. imperfecti, futurum i
и gerundium, отъ перфектной же ind. coni. inf. perfecti, ind. coni.
plusquamperfecti и futur. exact. Каждая изъ этихъ формъ имѣетъ
опять свою основу, образовавшуюся особыми тематическими суффик-
сами; къ нимъ присоединяются флексійные суффиксы — именныя
окончанія.

Глаголь бываетъ первообразный или производный. Глагольная

основа производнаго глагола бываетъ: 1) расширяемая суффиксомъ аја чистая или первичная основа: изъ аја дѣлается а(ј)о=а, е(ј)о=ѣ, і(ј)о=і; 2) именная основа на и, отъ которой черезъ суффиксъ ја образуется только презентная основа; 3) основа глагола, отъ которой образуется черезъ суффиксъ sco только презентная основа. Образованіе глагольныхъ формъ (спряженіе) *A. activum*.

§ 38. Презентная основа съ производными отъ нея формами.

По образованію презентной основы глаголы дѣлятся: 1) на чисто-коренные и 2) на глаголы, презентная основа которыхъ образуется черезъ тематич. суфф. с—, јо—, по—, sco—, то—, do—, и производные черезъ аја—то-есть ао=а, ео=ѣ, іо=і. Въ обоихъ случаяхъ корень презентной основы бываетъ или безъ измѣненія, или съ измѣненіемъ, какъ усиленіемъ, удлиненіемъ или удвоеніемъ. Эти основы, принимая флексійные суффиксы, образуютъ глагольные формы.

Singularis.

1) Praes. indic.

1-е лицо: es-u-m; legō(-mi), capjō(-mi)=capio, lino(-mi); (g)nō-sco(-mi); pec-tō(-mi); ten-dō(-mi); am-a(j)ō(-mi)=amō; mon-e(j)o(-mi)=monēō; aud-i(j)-(-mi)=audio.

2-е лицо: es-s=ēs; legi-s; cap-(j)i-s=capis; li-ni-s; (g)nō-sci-s; pec-ti-s; ten-di-s; ama-ji-s=amais amās; mone(j)i-s=mouēs; audi-(j)-i-s=audīs.

3-е лицо: es-t; legi-t; cap(j)i-t; li-ni-t; (g)nō-sci-t; pec-ti-t; ten-di-t, ama(j)i-t=amat; mone(j)i-t=monet; audi(j)i-t=audi!

Pluralis.

1-е лицо: es-u-mus; legi-mus; cap(j)i-mus и т. д. ama(j)i-mus=amā-mus и т. д.

2-е лицо: es-tis; legi-tis; ama(j)i-tis=amātis.

3-е лицо: es-unt; lego-nt... ama(j)o-nt=amānt.

2) praesens coniunctivi; подъ этимъ выраженіемъ скрывается и optativus: примѣта coni. — а, optat.: iō (ō. i) изъ ia, слѣдовательно optativus мы имѣемъ въ 1-мъ спряженіи и формахъ будущаго 3-го и 4-го спряженій, за исключеніемъ 1-го лица, которое есть coni., равно какъ весь coni. 2, 3 и 4 спряженій.

3) imperativus: есть усиленная и простая формы: Простыя во 2 лицѣ ед. числа s: e(s)-s, sin-s (carm. frat. Arg.) или безъ s lege(-s), ama(j)e=amā; въ множ. te: es-te; legi-te; ama(j)i-te=amātē; усиленные формы: 2 и 3 лица singularis: tō(d): es-to(d), legi-tō(d), da(j)i-tōd=

dat^o(d); 2 лицо plur.: tote: es-tōte, legi-tōte; ama(j)a-tote=amatōte.
3 лицо plur.: (o)nto=(u)nto: (e)s-unto; legunto; ama(j)e-nto=amānto.

4) Imperf. indicativi: образовалось только при esse отъ презент-формы esa: eram; у остальныхъ глаголовъ эта форма составлена изъ основы и imperfect'a корня fu-fuam=buam=bam.

5) Imperf. coniunct. есть сложная форма изъ основы и imperf. корня es, то-есть (e)sem=rem.

6) Futur. Для выраженія futur. употреблялись презентн. формы: ego изъ esjo, inf. fore; затѣмъ употреблялись презент. формы fuio=fuo=bo съ основой въ 1 и 2 спряженіи, между тѣмъ какъ въ 3 и 4 въ 1-мъ лицѣ sing. употреблялся praes. conj., а въ остальныхъ лицахъ praes. optativ.

§ 39. Перфектная основа съ производными отъ нея формами.

Общей перфектной основой бываетъ: общая глаг. основа или удвоенная или усиленная или распространенная корнемъ e(s) или же fu въ видѣ v и u и обоими вмѣстѣ въ видѣ su какъ темат. суффиксами. По присоединеніи къ этимъ основамъ флексійныхъ суффиксовъ, которыми служатъ формы глаг. esse, получаемъ перфектныя формы.

1) Perfect. indicativi: къ перфектной формѣ прибавляется praes. indicat. глагола esse: ei и ē (изъ es-m), is-ti (изъ es-ti), eit и ēt и it и it (изъ es-t), imus (изъ es-mus), is-tis (изъ es-tis), eront и erot, ego и erunt, ēre, или erunt,—слѣдовательно, dedi (изъ da-da-i) fēcī, scrip-(e)s-i, amā-fu-i=amā-v-i, vol-fu-i=vol-u-i, met-es-fu-i=mes(i)s-u-i=messui.

Здѣсь помѣщены правила объ удвоеніи.

2) Perf. coni. къ перфектной основѣ присоединяется praes. coni. глагола esse: erim (изъ esie-m), eris и т. д., слѣдовательно: dēd-erim, fēc-erim, scrip-(e)s-erim, amav-erim, vol-u-erim, mes-s-u-erim; но есть формы и безъ v: ama-rim, po-rim и, кромѣ того, на sim и т. д.: fac-sim, gar-sim, obiec-sim, negassim (изъ negav-sim), prohibessim (изъ prohibevsim).

3) Plusquamperf. indic.: къ перфектн. формѣ присоединяется imperf. ind. глагола esse: eram, eras и т. д.: de-d-eram, fēc-eram, amā-v-eram и т. д. v утрачивается: ama-gam, amī-eram.

4) Plusq. pcrf. coniunct.: къ перф. основѣ прибавляется imperf. coni. (opt.) глагола essem: essem, esses... съ измѣненіемъ въ issem: de-dissem, fēc-issem, ama-v-issem, по v утрачивается: ama-ssem.

5) futurum exact.: къ перфектн. основѣ присоединяется futurum

глагола *esse*: *ero*: *ded-ero*, *fec-ero*, *ama-v-ero*... но въ его въ нѣкоторыхъ архаическ. формахъ сохраняется *s : iso* или *so : serva-v-iso* и *servasso* (пзъ *servav-so*), *ахо*, *фахо*.

§ 40. Aoristus.

Отъ аориста сохранилось нѣсколько формъ въ древнемъ языкѣ: *ind. tago*, *tagis*, *rag-unt* и т. д. *coni. taga-m*, *fuam*, *fuas* и т. д., опъ образовался отъ корня глагола.

§ 41. *Medio-passivum* производится отъ формъ презентн. основы. и притомъ отъ формъ дѣйств. залога съ присоединеніемъ возвратн. мѣстоименія *se*:

1) *praes ind. singularis*.

1-е лицо: *ama-r(e)*, 2-е лицо: *ama-ru-s(e)* или *ama-ri-s(e)* 3-е лицо: *ama-tu-r(e)*, *pluralis*: 1-е лицо: *ama-tu(s)-re*, 2-е лицо: *ama-mini* дополнить *estis*, такъ какъ *amatini plur.* причастія *amatinos*, 3-е лицо (пропущено г. Ивановымъ): *ama-ntu-r(e)*.

2) *praes. coni. (optativi)* также: *ame-(m)-r(e)* и т. д.

3) *praes. imperativi*: *ama-r(e)*; *ama-mini* (дополнить *sitis*) *ama-to-r(e)*, *ama-nto-r(e)*.

4) *imperf. indicativi*: *amaba-(m)-r(e)* и т. д.

5) *imperf. coni. ama-re-(m)-r(e)*.

6) *futurum*: *amabo-re*; *rega-(m)-r(e)*.

У формъ, производныхъ отъ перф. основы, оно образуется опсательно черезъ причастіе *perf. pass.* съ отвѣтствующими формами глагола *esse* отъ презентной основы: *factus sum*, *sim*, *eram*, *essem*, *ero*; *futur. ex.* образовалось въ древн. языкѣ тоже черезъ прибавленіе *se* къ дѣйств. формѣ *faxitur*.

§ 42. Глагольно-именныя формы.

1) *Infinitivus* есть существительная форма глагола средняго рода, съ темат. аффиксомъ—(e)s и флексійнымъ—*ci=ē=e*. Такъ *praes. inf. act.* образуется отъ глагольной основы посредствомъ—(e)g-ē=(e)re : *es se, vel-le, da-re, ama-gē*,... *perf. inf. act.* принимаетъ къ перф. основѣ неопредѣленное *esse=isse* : *ded-isse, fec-isse, ama(v)-(i)sse* и т. д.); *praes. inf. passivi* образуется отъ презентн. основы черезъ *ri(er)* въ 1, 2, 4 спряж., а *i(er)* въ 3 спряж.: *amari(er), legi(er)*; *perf. inf. pass.* и *fut. inf. activi* сложны изъ причастій и неопредѣленного *esse*; *perf. inf. pass.* : *factus esse, futur. inf. act.* : *facturus esse, futur. inf. pass.* : *factum iri*—изъ *supinum* и неопред. страд. *iri*.

2) *Supinum* на *tum* и *tū* суть падежи (первый *accus.*, второй *ablat.*), образованные черезъ тематическій суффиксъ *tu* отъ общ. глаг.

основы; послѣ l, g и p—tu переходитъ въ su—зубное переходитъ передъ tu—въ s, и tu измѣняется въ su и т. д.

3) participia: образ. отъ общей глагол. основы черезъ темат. суфф.—(e)nt; имен. ens—род. entis; съ основами на a сливается въ ans, antis, part. fut. act.—отъ общей глаг. основы черезъ суфф. toro-(soro)-turus, tura, turum; распространеніе суфф. tor—черезъ o.

part. necessitatis pass.—gerundivum или part. fut. pass.—Отъ общей глаг. основы черезъ темат. суфф. endo undu-s, unda, undum (т. суфф. en+do) первоначальное значеніе неопредѣленное между дѣйств. и страд.; собственно должно быть liber legendo est—das Buch ist zu lesen, книга для чтенія.

Въ концѣ находится еще два приложенія, одно „о греческомъ языкѣ“, гдѣ въ § 43 говорится о Грекахъ и ихъ языкѣ вообще, въ § 44 о звукахъ и буквахъ греческаго языка, и второе о „объ итальянскихъ нарѣчіяхъ“, гдѣ въ § 46 излагается общій взглядъ на итальянскія нарѣчія и въ § 47 помѣщены образцы письма и языка Осковъ и Умбровъ.

IV. Изъ этого подробнаго изложенія содержанія книги г. Иванова видно, что авторъ задался цѣлью представить намъ языкъ во всѣхъ періодахъ его развитія, начиная отъ самой его колыбели. Онъ вводитъ насъ въ то отдаленное время, когда человѣкъ еще старался выражать свои представленія сочетаніями звуковъ, то есть корнями, онъ насъ учитъ, какъ человѣкъ, въ силу большаго умственнаго развитія, пуждаясь въ болѣе точномъ выраженіи своихъ представленій, укладывалъ корни эти въ болѣе опредѣленныя формы (въ этой части, къ сожалѣнію, пропущено самое главное—приставки) и, накопецъ, знакомитъ насъ съ видоизмѣненіями не только отдѣльных звуковъ и ихъ сочетаній, но цѣлыхъ формъ въ историческомъ порядкѣ. Такого систематическаго изложенія развитія языка мы не находимъ ни въ одной научной грамматикѣ, такъ какъ тотъ отдѣлъ (I), который называется въ книгѣ г. Иванова „Введеніе“, въ другихъ грамматикахъ совсѣмъ пропущенъ.—Правда, въ иностранныхъ литературахъ есть спеціальныя сочиненія, посвященныя разъясненію иступительныхъ понятій въ грамматикѣ, но тѣмъ не менѣе, ради полноты, оно и въ спеціальныхъ грамматикахъ не лишне, а тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ ни одного подобнаго спеціальнаго сочиненія неимѣется.

Особенный интересъ представляетъ второй отдѣлъ подъ названіемъ „фонетика“. Здѣсь мы знакомимся съ такими вопросами, на которые въ другихъ грамматикахъ весьма мало обращено внима-

нія. — Въ этомъ отдѣлѣ особенно выдѣляется своей оригинальностью и новизною § 15 объ „интонаціи“. Говоря о произношеніи гласнаго звука, а слѣд. слога, другія грамматики упоминають только о двухъ качествахъ его: объ удареніи, собств. *ctus*, и долготѣ (*quantitas*); въ книгѣ же г. Иванова отмѣчено еще третье качество, о которомъ въ другихъ грамматикахъ ничего не говорится, а именно о тонѣ звука, то-есть его музыкальной высотѣ (*accentus*), которую строго нужно различать отъ силы произношенія (*ictus*). Эти два качества обыкновенно смѣшиваются и принимаются за одно, что конечно не вѣрно, если принять во вниманіе, что высота тона-звука, короткаго или долгаго, нисколько не зависитъ отъ силы произношенія, а отъ голосовыхъ органовъ.

Непосредственно за этимъ слѣдуютъ правила объ удареніи, которыя дѣйствительно привлекають своей новизной; здѣсь мы знакомимся съ нѣкоторыми особенностями въ произношеніи, о которыхъ въ другихъ учебникахъ не упоминается. См. содержаніе II отдѣла, III, § 15 объ интонаціи въ концѣ.

Этотъ отдѣлъ о фонетикѣ, по нашему мнѣнію, лучшій изъ всѣхъ: во первыхъ, по богатству матеріала, во вторыхъ, по новизнѣ многихъ данныхъ и объясненій, изъ которыхъ принадлежитъ автору, на примѣръ, объясненіе, почему слогъ, по природѣ короткій, по положенію долгій, требуетъ для произношенія столько же времени, сколько слогъ по природѣ и по положенію долгій; въ третьихъ, по строго научному и систематическому распредѣленію матеріала, такъ какъ здѣсь объясняются такія явленія, которыя въ учебникахъ совершенно неправильно входятъ въ составъ метрики, какъ, на примѣръ, объясненіе систолы, діастолы, эктасы, синереси или сивидеси, сипалойфы, зіянія, эпентеси, протеси, апокопы, эклипси. Всѣ эти явленія замѣчаются въ языкѣ, и приступающій къ изученію метрики, долженъ братья за дѣло, вооружившись подобными свѣдѣніями изъ этимологій. Вообще въ этомъ отдѣлѣ излагается вся такъ называемая просодія, то-есть ученіе о количествѣ звуковъ, безъ знанія которой немислимо пониманіе этимологій.

Оканчивается отдѣлъ обзоромъ количества звуковъ вообще.

Нельзя здѣсь не упомянуть еще о весьма похвальномъ и полезномъ стремленіи отмѣчать долготу гласныхъ звуковъ. И дѣйствительно, долженъ же долгій звукъ, имѣющій одинаковое начертаніе съ подобнымъ же короткимъ, чѣмъ-нибудь отъ этого послѣдняго отличатся, что, на примѣръ, въ греческомъ достигается разнымъ начертаніемъ.

Ученикъ, отмѣчая долготу звуковъ, легче заучиваетъ форму и происхожденіе ея; заучивая же ее, легко различаетъ подобозначныя формы. Знаніе количества слоговъ необходимо кромѣ того не только для правильнаго произношенія, но и для правильнаго ударенія (какъ въ латинск.). Злѣсь мѣсто упомянуть еще объ одномъ поповведеніи или, лучше, возстановленіи: это правописаніе словъ, перепятихъ преимущественно изъ греческаго и латинскаго языковъ.

Необходимо, чтобы произношеніе и удареніе иностранныхъ словъ по возможности приближалось къ настоящему ихъ произношенію. Но для этого слѣдуетъ выражать извѣстные звуки такими русскими буквами, которыя больше всего подходятъ къ иностранному произношенію; къ этому именно и стремится г. Ивановъ первый; онъ основательно разобралъ это дѣло и указалъ на то безобразіе, которое существуетъ въ передачѣ иностранныхъ словъ на русскій языкъ.

Но, по нашему мнѣнію, г. Ивановъ въ нѣкоторомъ отношеніи слишкомъ требователенъ, такъ какъ онъ не ограничивается буквами, существующими въ русской азбукѣ, а изобрѣтаетъ новыя. Такъ, напримѣръ, греч. α, лат. ae, нѣм. ä онъ передаетъ черезъ ä, греч. αι, лат. oe, нѣм. ö черезъ ö и т. п. Мы того мнѣнія, что греч. αι, αι можно совершенно смѣло передать тоже черезъ ай, ой, тѣмъ болѣе что Нѣмцы, напримѣръ, совершенно свободно говорятъ boiotisch, рядомъ съ böotisch, aiolisch рядомъ съ äolisch; зачѣмъ же и намъ не говорить бойотскій, айольскій? и въ чешскомъ употребляется boiotský, aiolský. Нѣмцы говорятъ: böotisch, äolisch потому, что у нихъ есть буквы ä, ö и т. д. У насъ ихъ нѣтъ.

Излагая латинскую грамматику, г. Ивановъ, принимаетъ во вниманіе главнымъ образомъ такія древнѣйшія формы и сочетанія звуковъ, которыя сохранились въ памятникахъ римской письменности, опускаая измѣненія, происшедшія въ доисторическую эпоху латинскаго языка, что конечно объясняется цѣлью самаго труда, предназначеннаго для читателей, незнакомыхъ съ названною эпохой, которую можно угадать на основаніи сравнительнаго языковѣдствія.

Обращаясь къ III отдѣлу, въ которомъ г. Ивановъ переходитъ отъ значенія корня къ образованію темъ или основъ и отсюда къ собственной флексіи, мы не можемъ не высказать сожалѣнія о томъ, что не изложено у него ученіе о приставкахъ, ихъ происхожденіи, значеніи и т. п. Это одна изъ главныхъ частей грамматики, на которой основывается вся флексія и пониманіе значеній словъ. Раздѣленіе суффиксовъ и темъ (§§ 26, 27) на первичныя и вторичныя мы считаемъ вслѣдствіе этого

лишнимъ, такъ какъ говорится о томъ, чего читатель не видитъ, не знаетъ и не понимаетъ. Надѣмся, что авторъ въ печатномъ изданіи не преминетъ включить эту часть въ свою книгу.

Въ ученіи о темахъ и словахъ вкралось небольшое противорѣчіе. Въ § 27 на стр. 58 строк. 2, сказано, что „слово есть опредѣленная часть рѣчи и предложенія, снабженная (или бывшая снабженной) показателями отношеній выражаемаго имъ понятія въ предложеніи, то есть флексійными суффиксами“ и далѣе: „слово возникаетъ только въ предложеніи“. Вопросъ, что такое то, что называется словомъ внѣ предложенія, на примѣрѣ въ грамматикѣ? Если не слово, то конечно тема, основа, вновь распростраенная. Въ такомъ случаѣ флексія не можетъ быть ничто иное, какъ только вторичное образованіе темъ. Но тѣмъ не менѣе въ книгѣ г. Иванова говорится объ образованіи и флексіи словъ, какъ о различныхъ попытіяхъ (§ 26). Мы будемъ имѣть случай возвратиться еще къ этому вопросу.

Весьма рачіонально дѣленіе именныхъ темъ на склоненія по примѣру греческихъ грамматикъ. Особенно оказывается необходимымъ привести подъ одну категорію склоненіе согласныхъ, і-и и- темъ въ виду общаго характера ихъ склоненія, замѣченнаго и въ другихъ языкахъ, какъ въ греческомъ славянскомъ. Есть еще другія причины, говорящія въ пользу этого соединенія; о нихъ мы скажемъ впоследствии.

Въ приложенной таблицѣ всѣхъ трехъ склоненій, дополненной въ добавленіяхъ, нагляднымъ образомъ представлена флексія; въ ней отдѣльно отмѣчены и темы и падежныя приставки и происходящія отъ слятія приставокъ съ темами формъ.

Въ § 31 слѣдуютъ къ таблицамъ склоненій примѣчанія, которыя, несмотря на свою сжатость, вообще достаточны для пониманія образованія формъ, тѣмъ болѣе, что формы, объясняемыя въ порядкѣ историческаго ихъ развитія, подтверждаются примѣрами, взятыми изъ памятниковъ, соотвѣтствующихъ эпохамъ языка. Однимъ словомъ вполне выдержана историческая метода объясненія, которая въ грамматикѣ пожалуй важнѣе сравнительной. Кромѣ того постоянныя систематическія указанія на соотвѣтствующія формы греч. и славянск. языковъ не мало содѣйствуютъ ясности изложенія.

Самымъ неудовлетворительнымъ параграфомъ во всей грамматикѣ г. Иванова оказывается § 32 о мѣстоименіяхъ, такъ какъ здѣсь объяснены только тѣ формы, образованіе которыхъ согласно соотвѣтствующимъ формамъ именныхъ падежей. Авторъ извиняется тѣмъ, что склоненіе

мѣстоименій, особенно личныхъ представляетъ столько особенностей вслѣдствіе смѣшенія различныхъ корней и основъ и сильнаго измѣненія ихъ, что ихъ неудобно было помѣстить вмѣстѣ съ именами, и они могутъ быть представлены лишь въ самомъ краткомъ видѣ съ немногими поясненіями. Мы вернемся еще къ этому пункту въ другомъ мѣстѣ.

Изложеніе степеней сравненія различается отъ изложенія въ другихъ учебникахъ тѣмъ, что указано на нѣсколько способовъ образованія какъ сравнительной, такъ и превосходной степени, между тѣмъ какъ обыкновенно приводится одинъ, а всѣ остальные случаи зачисляются къ прилагательнымъ или о нихъ совсѣмъ не упоминается, или они по крайней мѣрѣ не объясняются. Нарѣчию тоже объяснены научнымъ образомъ какъ окаменѣвшіе именныя падежи. Параграфъ о числительныхъ не представляетъ ничего особеннаго, хотя онъ не безынтересенъ вслѣдствіе сравненій латинскихъ формъ съ греческими и славянскими.

Глава IV заключаетъ въ себѣ ученіе о глаголѣ. Непріятно поражаетъ отсутствіе параграфа о главнѣйшей сторонѣ глагола, то-есть о его видахъ. Въ предисловіи мы указали на этотъ, общій всѣмъ грамматикамъ, недостатокъ, происходящій отъ слѣпаго подражанія нѣмецкимъ грамматикамъ, и объяснимъ его важность примѣромъ. Мы сказали, что время и видъ дѣйствія выражаются изъявн., но наклоненія и отглагольныя имена времени не выражаютъ, имъ свойственно значеніе одного только вида. По этой причинѣ нелогично говорить, по примѣру г. Иванова: *praesens et imperfectum coniunctivi*, а на оборотъ необходимо говорить: *coniunctivus praesentis et imperfecti, perfecti et plusquamperfecti*, или лучше *coniunctivus actionis imperfectae praesentis vel praeteriti temporis, actionis perfectae praesentis vel praeteriti temporis*. Чтобы быть послѣдовательнымъ, необходимо было бы говорить тоже *praesens vel perfectum infinitivi vel participii*, между тѣмъ какъ принято говорить (копечно правильно) *infinitivus vel participium praesentis vel perfecti*, или лучше *actionis imperfectae vel perfectae*. За то весьма ясно и подробно (вѣрно ли—это другой вопросъ) изложено значеніе и образованіе личныхъ окончаній и общаго или страдательнаго залога.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ способъ изложенія формъ глагола. Исходной точкой служитъ корень, чистый или распространенный извѣстными приставками и отъ корня происходитъ общая глагольная основа; напримѣръ отъ корня *duc*, *am*—общая глагольная основа бу-

деть *duc*, *ama*. Общія глагольныя основы, чистыя или распространенныя, или иначе измѣненныя, служатъ новыми основами: презентной или перфектной. Такъ отъ *duc*, *ama* през. осн. будетъ *duco(e)*, *ama*, перфектная *duc-s-*, *ama-v-*. Отъ этихъ основъ образуются опять посредствомъ приставокъ новыя основы наклоненій и отглагольныхъ именъ. Такъ отъ през. основы *ama* происходятъ основы *coniunctivi ama* = *amā-*, основа причастія *ama-nt-*.

Черезъ присоединеніе къ этимъ основамъ флексійныхъ приставокъ получаютъ наклоненія, времена и отглагольныя имена. Подобный способъ изложенія весьма рационаленъ, такъ какъ изучающій его, будучи въ состояніи различать составныя части отдѣльныхъ формъ и, зная постепенное развитіе одной формы изъ основы другой, весьма легко усваиваетъ себѣ первоначальное значеніе формъ и расширеніе этого значенія. Всѣ образованія глагольныхъ формъ совершенно ясны вслѣдствіе сближенія ихъ съ соотвѣтствующими формами греческаго и славянскихъ языковъ. Между прочимъ мы находимъ совершенно новое и вѣрное объясненіе 2-го лица повелительнаго глаголовъ такъ называемыхъ безпримѣтныхъ черезъ приставку *s*, какъ отъ корня *es* *e-s* изъ *es-s*, отъ корня *ed* *ē-s* изъ *ed-s* и въ арвальской пѣсни *sin-s* = *sine* (что обыкновенно принимается за *coniunctivus*) и *fer* изъ *fer-s*, а не *ferē*, ибо оно совершенно соотвѣтствуетъ греч. формамъ: *δό-ς*, *θέ-ς* и т. д.

Въ § 42 о глагольно-именныхъ формахъ сказано, что въ греч. неопред. изъ $(\epsilon)\nu\alpha\iota$ образуется *-ειν*, *-ειν*.

Несмотря на объясненіе, данное въ прибавленіяхъ, что по выпаденіи *α* оставшееся *ειν* съ тематическимъ *ε* сливается въ *ειν*, остается непопятнымъ, откуда явилось *ειν*. Здѣсь очевидно недосмотръ. Въ этомъ параграфѣ остается совершенно необъяснимымъ образованіе лат. неопредѣленнаго па *ger*, *ier* и его перехода въ *gi*, *i*.

Въ § 4 сказано, что всѣ корни односложны. Но рѣшительно непоятно, отчего должны быть они именно только односложными, а не могутъ быть двусложными. Напротивъ, догма односложности корня очень затрудняетъ объясненіе производства многихъ словъ, заставляеть прибѣгать къ введенію всякихъ нелѣпостей въ видѣ вставныхъ и соединительныхъ звуковъ. Такъ напримѣръ, какъ объяснить русское слово: вѣдь-ма, пись-но, лат. *aci-es*, грч. *ἀρ-ἀρί-εχω*, гом. *πε-φοῦρετε*; (очевидно изъ *πε φοῦρετε*), не принявши за корни вѣдь = *vēli*, пись = *pīsi*, *aci*, *ἀρ*, *φοῦρε*. Да и этого мало. Корень *aci* нельзя, напримѣръ, считать еще настоящимъ корнемъ въ виду того, что су-

ществуютъ слова *acu-s*, *acu-ere*, *acu-pedius*, *equ-us*, *aqua*. Имѣя кромѣ того въ виду формы, какъ *aqui-folius*, *eque-s equitis*, *equi-le*, *equitatus*, мы считаемъ корнемъ *acvi* = *acui*.

Большое сомнѣніе возбуждаетъ и мнѣніе, высказанное въ §§ 4 и 26, что въ корнѣ заключается первоначально всегда простой гласный звукъ, который въ послѣдствіи измѣнился посредствомъ подъема. Можно предположить наоборотъ, что матеріаломъ для образованія корней служили комбинаціи гласныхъ звуковъ, такъ какъ онѣ скорѣе могли быть характерными признаками той или другой категоріи представлений. Кромѣ того, естественнѣе предположить, что изъ болѣе обширной формы образовалась болѣе простая. Такъ, изъ приведеннаго корня: вѣдь—равняющагося греч. *faid* или *foid* — и латинск. *vīd* = древне-лат. *veid* естественнѣе произвести *fid* чѣмъ изъ *fid*—*faid* посредствомъ подъема, неимѣющаго въ данномъ случаѣ совершенно никакого значенія. Въ §§ 6 и 26 говорится, что тематическія и надежныя приставки были нѣкогда самостоятельными корнями. Это совершенно вѣрно. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что эти корни приставокъ были нѣкогда самостоятельными знаменательными корнями.

Такъ по крайней мѣрѣ мы понимаемъ § 6, въ которомъ говорится, что нужно дѣлить языкъ на 3 группы: 1) языкъ, состоящій изъ однихъ корней; 2) языкъ, въ которомъ нѣкоторые корни сдѣлались служебными, но не вполне слились съ главными корнями и 3) языки, въ которыхъ служебные корни, измѣнившись въ приставки, вполне слились съ корнями, и что арійскіе языки прошли всѣ эти три ступени. Мы, напротивъ, приставки вовсе не считаемъ знаменательными, а, напротивъ, указательными корнями. Первобытный человѣкъ, когда говорилъ, то-есть когда выражалъ свои представленія сочетаніемъ извѣстныхъ звуковъ, то-есть корнями, желая сдѣлать рѣчь свою болѣе понятливой другому, употреблялъ разныя движенія, какъ мы сами это до сихъ поръ дѣлаемъ. Въ послѣдствіи онъ¹ сталъ употреблять, или въ замѣнъ движеній тѣла, или въ одно время съ ними, сочетанія звуковъ или корни, имѣющіе указательную силу. Эти корни и суть приставки. Какъ извѣстно, указательную силу въ языкѣ имѣютъ мѣстоименія, какъ я, ты, онъ, который, этотъ и т. д. и предлоги, какъ: на, подъ, сверхъ, въ и т. д. Если мы сравнимъ простѣйшія приставки съ мѣстоименіями или предлогами, то убѣдимся, что наше предположеніе вѣрно: такъ, приставка *an* равна славянскому мѣстоименію *онъ* и предлогамъ *in*, *ev*, *avá*; приставки *ta*, *ti*, *tu* (изъ *tva*) равняются мѣстоименію: *твой*, *tuus*, *ты*, *tu*, *so*, приставка: *na* равна корню

личнаго мѣстоименія перваго лица: *me, émé*; приставка ка равна мѣстоименію: *qui-s, qui*, къ-то, ко-торый, предлогу къ; приставка *loc. plur. svi*—греч. *οσι* изъ *οφι*, славянск. *χз* изъ *su* равняется мѣстоименію 3-го лица *своѣ*, *é* (изъ *οφε*), *se* и т. д.

Изъ этого видно, что приставки имѣли первоначально только указательное значеніе, а слившись съ корнею, онѣ только отъ корня могли получить то значеніе, которое теперь имѣютъ. Но такъ какъ въ корнѣ заключалось неразлучно первоначально и именное и глагольное значеніе, то формы, образовавшіяся посредствомъ приставокъ, получали то именное, то глагольное значеніе. Эти формы—темы или основы.

Мы выше сказали, что приставки—собственно указательныя корни, равняющіеся корнямъ предлоговъ и мѣстоименій, а вѣроятно и частицъ. Обратимъ еще пемного вниманія на ихъ форму. Приставка *an* является въ первобытномъ видѣ въ греческ. предлогѣ *ἐν, ἐς* (изъ *ἐν-ς*); приставки *na* въ видѣ *με* изъ *μη*, какъ видно изъ лат. *mi-hi*; приставки *tu* и *ti* обѣ заключаются въ славянскомъ *ты=тѣи* (*ъ=и. ъ=i*)=*тѣи*, приставка *ka* въ первобытномъ видѣ *qui-d* греч. *ὅτι* изъ *ὀ-φι* какъ въ *ὄπλως* изъ *ὄκλως ὄκφ-ως*. Изъ *ku* происходитъ и *ku* и *ki*. Изъ этого слѣдуетъ, что приставки оканчивались на *i* и что слѣдовательно всѣ темы собственно *i*-темы. Такъ какъ здѣсь не мѣсто распространяться подробно объ этомъ вопросѣ, то мы ограничимся номинальными темами и скажемъ еще нѣсколько словъ о склоненіи,

Изъ склоненія славянскихъ и латинскихъ имепъ явствуетъ, что такъ называемыя согласныя основы—собственно *i*-темы, о чемъ свидѣтельствуемъ, на примѣръ, въ лат. прежде всего *dat. plur. na-i+bus*, *genet. plur. na i+um*, сред. множ. число *na-i+а*, *nomin. и accus. plur.: es (is)* изъ *í-es* и *i-ns*, *ablat. singular. na i (e)* изъ *i+ed*, *acc. sing. na e+и* изъ *i+и* и т. д. Въ греческ. кромѣ *locativus plur. na e+οσι* изъ *ι+οσι* тематическое *ι* большою частью отпало. За то оно является въ словообразованіи и словосложеніи. Славянск. согласныя темы тоже собств. темы на *i*, какъ видно изъ разбора флексій. По этой теоріи долженъ быть *loc. (дат.) sing. греческихъ чистая тема*. И дѣйствительно, пражскій профессоръ А. Людвигъ доказалъ въ своемъ сочиненіи: *der Infinitiv im Veda* множествомъ примѣровъ, что въ Ведахъ чистая тема безъ всякой надежной приставки выражаетъ тоже самое, что впоследствии выражалъ посредствомъ приставокъ *locativus (=dativus)* ед. и множ. ч. и другіе надежи.

И такъ, къ темѣ, которая уже сама по себѣ выражаетъ мѣсто,

прибавляется в послѣдствіи еще приставка *am*, означающая точнѣе отношенія мысли человѣка къ другимъ предметамъ, какъ, напримѣръ, санскр. *gīj+am*; въ славянскомъ *am=ε*; слѣдовательно лос. *каменї+ε=і+κ=и+κ=и+ε=и+и=и*, о чемъ свидѣтельствуеетъ лос. *небесни* и *небеси*; но черезъ выпаденіе тем. *i=ъ* въ *небеси-ε* получается форма *небесеε*. Что латинск. лос., напримѣръ, *gugī* произошло изъ *gugī +e(m)* доказываетъ форма неопредѣленнаго на *-rier*. Infinitivus — это есть лос. отглагольнаго имени съ темой на *si*; такъ, напримѣръ, въ *darier* мы видимъ корень *da*, тему *da-si*, лос. *da-si-e(m)* съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *se=r(e)*: *da-ri-e-r(e)*. Безъ возвратнаго мѣстоименія е не устояло и слилось съ *i* въ *i*: *da-rī* и черезъ сокращеніе *i* въ *i* и *e*: *da-re*.

Залогъ неопредѣленнаго не зависитъ отъ формы. Аналогію этому мы имѣемъ въ слав. неопредѣленномъ *и+ти* изъ *и+ті+ε* черезъ вышеуказанные переходы; *тъ=si=ri*. Такимъ образомъ, принятая нами теорія объясняетъ формы, оставшіяся при теоріи, которой придерживается г. Ивановъ, необъясненными и устраняетъ противорѣчіе, которое мы замѣчали при опредѣленіи флексій. Ибо изъ вышесказаннаго объ образованіи падежей явствуетъ, что флексія собственно ничто иное, какъ только вторичное образованіе темы. Темы же только въ предположеніи, гдѣ онѣ показываютъ отношенія мысли человѣка къ окружающимъ его предметамъ, могутъ быть названы словами. Итакъ, флексія и словообразованіе—одно и то же. Остается еще сказать о темахъ 1-го и 2-го склоненій и глагольныхъ темахъ.

Темы 1-го и 2-го склоненія суть только сокращенныя *i*-темы. Чистая тема является въ locat. *ai*, *oi* и въ dat. *ai*, *oi* единств. *ai-si*, *oi-si* множ. числа и потомъ въ Гомер. род. ед. ч. *oi-o(s)*. *ai* и *oi* произошло изъ *ani*, *oni*, *asi*, *osi*, черезъ выпаденіе *n* или *s* между гласными. Здѣсь нужно предположить, что *n* произошло изъ *s* черезъ посредствующій звукъ *r*: *s-r-n*, или *asi* и *ani* происходятъ изъ сложнаго суффикса *anti*. Такимъ образомъ можно объяснить формы *χαῖαι*, *χώρα*, *χώρα-σ(ι)*, *οἶκοι*, *οἶκος*, *οἶκοι-σ(ι)*, *οἶκοι-σ(ε)* *terrae* (пзъ *terrai* лос. и *terrai* dat.), *terrai(o)s* gen., *terris* (изъ *terrai-si*), *humī* (изъ *humoi* лос., *humoi-(o)s* genit.), *hortō* (изъ *hortōi*), *horti-s* (изъ *hortoi-si*), *рыбаѣ* (изъ *рыбай*), *рабаѣ* (изъ *рабай*), *рабаѣхъ* (изъ *рабайхъ*). Точки опоры находимъ относительно множ. ч. въ гомеровскихъ, хотя въ данномъ случаѣ предполагаемыхъ, формахъ *οχολα(σ)ε-οσι* изъ *οχολασι(σ)ι*, откуда,

σχοτοι-σ(ι) изъ σχοτα(σ)-ι-σ(ι) и въ род. σκότους изъ σχοτ-ε(σ)ος, σκότοιο изъ σχοτο(σ)-ο(ς).

Въ славянскомъ отъ основы **ДРЕКЛАННИНЪ** вмѣсто **ДРЕКЛАННЕ-ХЪ** употребляется **ДРЕКЛАНЪХЪ**, а въ древн. чешск. отъ **Luběanin** вмѣсто **Luběane-ch** (пов. чешск.) **Luběa-ch**. Эти же самыя темы на **ai** изъ **anī** или **asī** встрѣчаются въ глаголахъ на **aw**=лат. **ō** (изъ **ao**), **ew**=**eo** и **ow**. Такъ **τιμάω** изъ **τιμαί-ω** (отъ **τιμή**), **τελέω** изъ **τελεί-ω** (у Гомера)=**τελεσί-ω** отъ темы (**τελεσι**) въ гом. **τελε(σ)ε-σσι** и т. д.

В. Пистра.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИЗДАНИИ АНТИФОНТА Г. ЕРНШТЕДТОМЪ.

По прочтеніи первой части моего отзыва объ изданіи Антифонта г. Ернштедта, г. Е. Шмидъ сообщилъ мнѣ свои замѣтки. Первая изъ нихъ подтверждаетъ въ сущности мою догадку о значеніи выраженія „ἄμφω τὸ λόγῳ“ въ припискѣ къ Марціановской рукописи мелкихъ аттическихъ ораторовъ, а другая, болѣе важная, сообщаетъ желанныя свѣдѣнія объ упомянутомъ въ той же рукописи родѣ Пурдліевъ, о которомъ г. Ернштедтъ не могъ доискаться никакихъ свѣдѣній.

1) „ἄμφω τὸ λόγῳ“, *utramque orationem—lingam* въ вѣкъ гуманистовъ обыкновенное epitheton ornans истинныхъ гуманистовъ—знатоковъ той и другой классической литературы. Въ оглавленіи сочиненій Geria (Hegius) авторъ названъ *artium professor clarissimus, philosophus, presbyter, poeta utriusque linguae doctus*; вотъ почему Рейхлинъ, какъ знатокъ кромѣ того и еврейскаго языка, называется „трехъязычнымъ чудомъ“ („*das dreisprachige Wunder*“).

Тутъ г. Шмидъ намекаетъ на объясненіе выраженія ἄμφω τὸ λόγῳ подѣ влияніемъ латинскаго языка, вслѣдствіе чего λόγος (ед. ч.) употребляется, если я вѣрно понялъ мысль г. Шмида, совершенно какъ oratio не только въ смыслѣ рѣчи, какъ особеннаго литературнаго рода, но и въ смыслѣ языка. Въ такомъ случаѣ дѣйствительно употребленіе двойственнаго числа не представляетъ никакого затрудненія, между тѣмъ какъ необъяснимымъ должно было показаться мнѣ употребленіе двойственнаго числа отъ выраженія λόγοι (мн. ч.) въ смыслѣ литературы. Замѣчу впрочемъ, что употребленіе соотвѣствующихъ латинскихъ оборотовъ, приведенныхъ какъ мною, такъ и г.

Е. Шмидомъ, не вполне выясняетъ дѣло. Не оставалось бы никакого сомнѣнія, если бы г. Е. Шмидъ привелъ мѣсто изъ сочиненія XV или XVI вѣка, въ которомъ λόγος было бы употреблено въ смыслѣ языка.

2) „Comes Purliliarum авторское имя (der humanistische Name) фриульскаго (города Фриуля, Forum Julium, въ нынѣшней Венеціанской области) графскаго рода Порціевъ (Porzia); см. Gelehrtenlexicon Эхера (Jocher) и Denkwürdigkeiten der Dresdner Bibliothek Гётца (Goetze) I, 243. Упоминаются Якова Порціи „6 книгъ дружескихъ писемъ“ къ сыну Фридриху. Яковъ жилъ въ концѣ XV вѣка. Болѣе извѣстное сочиненіе того же Якова: „Iacobi comitis Purliliarum de generosa liberorum educatione opusculum non minus jucundissimum quam utilissimum въ концѣ: Accuratissime impressum Tarvisii (въ Тревизо) per Gerhardum de Flandria anno salutis MCCCCXXII die VI Septembris sub magnifico praetore Augustino Foscarini. Въ заключение: Franciscus Niger Venetus Iacobo N. Excellentissimo Purliliarum comiti viro doctissimo ac utriusque humanitatis parenti foelicitatem. Предшествуетъ стихотвореніе: Iohannis Baptiste (sic!) Vranii carmen ad lectorem, гдѣ въ стихѣ 3-мъ читается: Iacobus, qui Iulii existit lilia pura fori. Въ посвященіи же Яковъ своихъ родственниковъ называетъ clarissimos ac ornatissimos conregulos suos. По Эхеру одна вѣтвь этого рода была принята въ число имперскихъ князей (Reichsfürsten).

Третье сочиненіе того же Якова озаглавлено: „de Reip. Venetae Administratione Domi et Foris“.

И такъ, на основаніи выше сказаннаго, и Павла и Владислава Пурлиевъ, упомянутыхъ въ припискѣ позднѣйшею рукою къ Марціановской рукописи мелкихъ аттическихъ ораторовъ, должно считать членами того же фриульскаго графскаго рода Порціевъ.

И. Люгебиль.

ВОЗРАЖЕНІЕ Г. ШМИДУ.

Г. Шмидъ въ своемъ отвѣтѣ на мою рецензію обвиняетъ меня въ томъ, что я неправильно отнесся къ его труду. Въ чемъ же это выразилось? А вотъ въ чемъ. Я говорю, между прочимъ, что съ педагогической точки зрѣнія не слѣдуетъ въ комментаріяхъ помѣщать переводы вообще какихъ бы то ни было словъ и фразъ, а еще менѣе слѣдуетъ давать переводы неудачные, какъ, на примѣръ, ἀλετρεύουσι занимаются меленіемъ, ὅπ' ἀνδράσιν подъ мужемъ (VII, 68 γυναικας ὅπ' ἀνδράσιν οἴκω ἔχουσιν) и т. п. На это возражаетъ мнѣ г. Шмидъ: помѣщать переводы не только можно, но и должно; потому что въ моемъ словарѣ находится не мало переводовъ гомеровскихъ словъ совершенно произвольныхъ, ничѣмъ не подтверждаемыхъ и вообще невѣрныхъ. Въ доказательство этого приводятся три слова: ἀλετρεύω, ἀκοῦάζομαι и μῆλοψ. Но изъ самихъ замѣтокъ г. Шмида оказывается, что эти три слова въ словарѣ моемъ переведены такъ, какъ они искони переводятся, и что даже переводъ слова μῆλοψ основанъ на древнемъ толкованіи. Для чего же, однако, приводятся эти три вышеозначенныя слова? Приведены они съ цѣлью доказать, будто я въ рецензій своей иначе толкую слова, чѣмъ въ словарѣ (другими словами, что я не помню того, что самъ написалъ). Всякій, однако, читавшій мою рецензію, легко замѣтитъ, что слова ἀλετρεύω, ἀκοῦάζομαι и μῆλοψ и въ рецензій и въ словарѣ одинаково мною и объясняются и переводятся.

Только при ἀκοῦάζεσθαι я замѣтилъ въ своей рецензій, что этотъ глаголъ. можетъ быть, означаетъ частое или многократное дѣйствіе слушанія.

Г. Шмидъ находитъ подобное предположеніе почти чудовищнымъ и ставитъ знакъ вопроса. Я напомню только г. Шмиду глаголы $\rho\iota\kappa\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$, $\rho\upsilon\sigma\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$ $\acute{\epsilon}\lambda\chi\sigma\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$ и т. п., въ которыхъ окончаніе $\acute{\alpha}\zeta\omega$ имѣетъ значеніе итеративное. Странно, что г. Шмидъ основываетъ свои обвиненія, между прочимъ, на опечаткѣ. При словѣ $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\tau\rho\acute{\epsilon}\omega$ я въ своей рецензій замѣтилъ, что его или вовсе не слѣдуетъ переводить, или же, если переводить, то не такъ, какъ это дѣлаетъ г. Шмидъ. Онъ переводитъ: „заниматься меленіемъ“. Я говорю, что слѣдуетъ просто сказать „молоть“ или же „заниматься молкой“. Въ рецензій вмѣсто „молкой“, по опечаткѣ, стоитъ „молотьбой“. Эта опечатка, кажется, весьма обрадовала г. Шмида, такъ какъ онъ, по поводу ея, даетъ мнѣ совѣтъ различать глаголы молоть и молотить. Благодарю за совѣтъ, но для меня онъ лишній.

Впрочемъ, довольно о переводахъ. Обратимся къ главному.

Г. Шмидъ не хотѣлъ понять сущности моихъ замѣчаній, а именно того, что въ школьномъ комментарий слѣдуетъ избѣгать всего лишняго, то-есть, во-первыхъ, всего того, что самъ ученикъ легко можетъ усвоить, и, во-вторыхъ, всего, что не прямо относится къ тексту и нисколько не содѣйствуетъ его пониманію. Комментарій не долженъ подсказывать ученику и не долженъ разными посторонними замѣчаніями перебивать его мысли, сосредоточенныя на уразумѣніи древняго автора. Иначе комментарий постоянно будетъ парализовать работу ученика, притомъ парализовать самымъ безплоднымъ и вреднымъ образомъ.

Для наглядности представимъ себѣ ученика, читающаго Одиссею безъ всякихъ комментарий и съ комментаріями г. Шмида въ рукѣ. Раскрываемъ VIII, 214 ст.:

$\pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ γάρ οὐ κακός εἶμι, μετ' ἀνδράσιν ὅσοι θεοὶ.

Ученикъ, читая это мѣсто безъ комментарий, менѣе всего затруднитъ значеніемъ словъ $\text{o}\acute{\upsilon}$ $\text{kak}\acute{o}\varsigma$ $\text{e}\acute{\iota}\mu\iota$ и переведетъ вѣрно „я не плохъ“. Болѣе затруднить его, по всей вѣроятности, слѣдующая затѣмъ фраза. Теперь представимъ себѣ, что ученикъ имѣетъ въ рукахъ комментарий Шмида. О мѣстѣ, которое его болѣе затрудняетъ, онъ ничего въ нихъ не находитъ, а находитъ замѣтку: „ $\text{o}\acute{\upsilon}$ $\text{kak}\acute{o}\varsigma$, такъ называемое $\text{litotes}=\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ “ и пр. Въ сущности, эта замѣтка ровно ничего не прибавляетъ къ тому, что онъ самъ узналъ изъ текста, а только задерживаетъ его при чтеніи, сообщая ему о какой-то такъ называемой litotes . Хорошо, если ученикъ не обратитъ вниманія на эту замѣтку,

а если онъ обратитъ и станетъ искать, что такое значить *litotes*, — вотъ онъ уже отвлеченъ отъ своей главной работы, отъ чтенія Гомера, и теряетъ понапрасну время, которое могъ бы съ большею пользою употребить на разборъ слѣдующихъ затѣмъ стиховъ. Изъ самой же замѣтки г. Шмида ученикъ менѣе всего пойметъ значеніе фигуры *litotes*, напротивъ того, получить о ней сбивчивое понятіе. Изъ формулы $\text{o}\acute{\alpha}\ \kappa\alpha\chi\acute{o}\varsigma = \acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ ученикъ выведетъ, что нѣтъ никакого отгѣнка въ значеніи обоихъ выраженій. А между тѣмъ отгѣнокъ есть, и древніе не напрасно дали этой фигурѣ названіе *litotes*. Только г. Шмидъ не хочетъ видѣть этого отгѣнка. Пусть онъ прочтетъ опредѣленіе $\lambda\iota\tau\acute{o}\tau\eta\varsigma$ въ *Thes. linguae graecae* H. Stephani: „dicitur $\lambda\iota\tau\acute{o}\tau\eta\varsigma$ et figurae genus qua res magna modestiae causa extenuatur verbis“.

Беремъ другое мѣсто, IX кн., 94 ст.:

$\tau\acute{\omega}\nu\ \delta'\ \delta\omicron\tau\iota\varsigma\ \lambda\omega\tau\omicron\iota\circ\ \phi\acute{\alpha}\gamma\omicron\iota\ \mu\epsilon\lambda\iota\tau\eta\delta\epsilon\alpha\ \kappa\alpha\rho\kappa\acute{\iota}\nu$ и пр.

Ученикъ безъ всякихъ комментаріевъ переводитъ дословно: „изъ тѣхъ, или изъ нихъ, кто бы ни съѣлъ пріятный плодъ лотоса“, — и, понявъ безъ труда эту фразу, идетъ дальше. Если у него подъ рукою комментарий г. Шмида, онъ непременно заглянетъ въ него — и находитъ слѣдующую замѣтку: „ $\delta\varsigma\ \tau\iota\varsigma$ — $\phi\acute{\alpha}\gamma\omicron\iota$ указываетъ на большее число“. Подумаетъ: на большее число чего или кого? не пойметъ и броситъ; — а между тѣмъ онъ потерялъ уже время, а что еще хуже, мысль его, которая была сосредоточена на чтеніи Гомера, отвлечена въ сторону ненужною замѣткою. Въ своемъ отвѣтѣ г. Шмидъ утверждаетъ, что замѣтка его вполне ясна для того, кто слышалъ что-нибудь объ *optativus iterativus*. Выходитъ, что если г. Шмидъ говорить, что такое-то греческое выраженіе указываетъ на большее число, то это значить, что онъ имѣетъ здѣсь въ виду частое повтореніе дѣйствія (!?). Гдѣ же, однако, г. Шмидъ нашелъ въ формѣ $\alpha\omicron\rho\iota\sigma\tau\acute{\alpha}$ $\phi\acute{\alpha}\gamma\omicron\iota$ частое повтореніе дѣйствія? Впрочемъ, г. Шмиду и самому показалось подобное объясненіе неяснымъ; потому что непосредственно послѣ того онъ прибавляетъ: „о числѣ чего я говорю, это, надѣюсь, пойметъ каждый читавшій мое почти непосредственное примѣчаніе къ 89 стиху, гдѣ говорится о числѣ развѣдчиковъ“. Итакъ, замѣтка г. Шмида „ $\delta\omicron\tau\iota\varsigma$ — $\phi\acute{\alpha}\gamma\omicron\iota$ указываетъ на большее число“, имѣетъ въ виду: вопервыхъ, частое повтореніе дѣйствія; вовторыхъ, число развѣдчиковъ. Какое растяжимое и многообразное значеніе имѣетъ замѣтка г. Шмида! Вдобавокъ ко всему этому г. Шмидъ прибавляетъ,

что онъ, между прочимъ, хотѣлъ своею замѣткой указать на неподлинность 90-го стиха,—о чемъ я (рецензентъ) не догадался. Трудно догадаться!

Возьмемъ еще одно мѣсто, IX кн., 99-й ст. Я замѣчаю, что неловко сказать: „лавки, шедшія по бортамъ корабля“, что подобная замѣтка, кромѣ того, что она излишняя, можетъ еще ввести ученика въ заблужденіе, все равно какъ если бы кто сказалъ: лавки, шедшія по стѣнамъ или по стѣпѣ. Г. Шмидъ въ отвѣтъ замѣчаетъ мнѣ, что я незнаю новѣйшихъ изслѣдованій о военныхъ судахъ гомеровскихъ героевъ и совѣтуетъ мнѣ справиться съ Велижскимъ (у котораго, однако, на указанной страницѣ ничего не говорится о военныхъ судахъ гомеровскихъ героевъ), особенно же съ гомеровскимъ словаремъ Краузе, въ которомъ помѣщенъ рисунокъ корабля, заимствованный изъ словаря Аутенрита и т. д. и т. д. Всѣ эти совѣты по меньшей мѣрѣ бесполезны, такъ какъ рисунокъ корабля мнѣ былъ извѣстенъ не только до появленія въ свѣтъ словаря Краузе (переведшаго съ небольшими измѣненіями словарь Аутенрита), но даже задолго до изданія самого Аутенрита, заимствовавшаго, въ свою очередь, пресловутый рисунокъ изъ другихъ книгъ. Но я и тогда и теперь придаю этому рисунку такое же научное значеніе, какъ, на примѣръ, рисунку дома Одиссеева; такъ какъ ни тотъ, ни другой не представляютъ подлиннаго снимка съ кораблей и домовъ баснословныхъ героевъ. Впрочемъ, за совѣтъ—совѣтъ. О томъ, какъ шли лавки по бортамъ, или поперекъ корабля, отъ борта до борта (все равно сплошь или не сплошь), совѣтуемъ г. Шмиду заглянуть хотя бы, на примѣръ, въ словарь Пассова или Папе, гдѣ онъ подъ словомъ ζυγόν найдетъ, по крайней мѣрѣ, менѣе сбивчивое объясненіе, чѣмъ его собственное: ζυγόν die Ruderbank, welche beide Borde verbindet и т. д., или же пусть раскроетъ онъ словарь Антона Рича (Illustration des Wörterbuch der röm. Alterthümer, bearb. von C. Müller, 1862), гдѣ при словѣ transtra онъ найдетъ весьма скромную замѣтку о томъ что съ точностью нельзя опредѣлить, какъ были устроены или придѣланы лавки для гребцовъ, потому что мы не имѣемъ ни точныхъ описаній, ни рисунковъ внутреннихъ частей древняго корабля. Замѣтите, что это говорится о древнемъ кораблѣ историческихъ временъ.

А что скажетъ г. Шмидъ о замѣткѣ Евстація въ Одиссеѣ (Eust. ad Od. XIII, 21), изъ которой видно, что ζυγά служили и для соеди-

ненія бортовъ или стѣнъ корабля и для сидѣнія гребцовъ (καὶ τὸ τοῦς τοίχους τῆς νεῆς ζευγύονται καὶ εἰς καθέδρας χρῆσιμα εἶναι).

Въ концѣ концовъ, всѣ возраженія г. Шмида не отвѣчаютъ на мои замѣтки прямо, а бьютъ въ сторону. Я говорю, что даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ замѣтки къ тексту необходимы и полезны, онѣ у г. Шмида формулированы неясно, и потому невѣрно. Такъ, напримеръ, въ VII кн., 216 ст., г. Шмидъ слѣдующимъ образомъ поясняетъ ученику значеніе предлога ἐπί: „ἐπί къ желудку (ничего, что можно было бы прибавить къ нему, сопоставить съ нимъ), то-есть, нежели желудокъ“. По этому объясненію выходитъ, что прибавить что-либо къ желудку (?) тоже значить, что сопоставить что-либо съ желудкомъ. Г. Шмидъ не замѣчаетъ, что въ первомъ случаѣ ἐπί будетъ имѣть значеніе русскаго предлога „къ“, а во второмъ значеніе „при“. Потому что, если мы что-нибудь сопоставляемъ или сравниваемъ, то не прибавляемъ его къ другому предмету, а ставимъ его у другаго предмета. Это и выражено въ моей замѣткѣ, гласящей такъ: ἐπί γαστέρι собственно значить при желудкѣ, послѣ срав. κόντερον значить, или если угодно въ переносномъ смыслѣ значить: сравнительно съ чѣмъ. Новое ученіе! восклицаетъ г. Шмидъ. Для его успокоенія, отсылаемъ его хотя бы къ грамматикѣ Кюпера (Ausführliche Grammatik der gr. Sprache. 2 B., 1 Abth., 2 Auf., стр. 433), гдѣ переносное значеніе этого предлога выводится изъ собственнаго его значенія „при“ (bei), а не изъ значенія „къ“. По нашему мнѣнію, г. Шмидъ гораздо бы лучше слѣлалъ, если бы объяснилъ это мѣсто такъ, какъ это дѣлаетъ Бутманъ въ своей греческой грамматикѣ (Griech. Gram. von Buttman, § 147): dichterisch, Od. η, 216 οὐ γάρ τι στυγερῆ ἐπί γαστέρι κόντερον ἄλλο statt στυγερῆς γαστέρος.

Точно также и возраженіе его на мою замѣтку въ VIII кн., 396 стиху не достигаетъ цѣли. Ставить ли г. Шмидъ знакъ ударенія надъ ἐ или не ставить, все равно. Всякій отдастъ предпочтеніе простой и мѣткой поправкѣ г. Наука, читающаго въ этомъ мѣстѣ αὐτός вмѣсто принятаго αὐτόν.

А. Вейсманъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ ТРИНАДЦАТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (13-го октября 1880 г.). Объ учрежденіи классической прогимназіи въ гор. Владикавказѣ.	3
2. (25-го октября 1880 г.). О присвоеніи начальному училищу въ хуторѣ Большомъ наименованія „Александровскаго“.	6
3. (12-го октября 1880 г.). О правахъ на пенсіи и единовременныя пособія законоучителей историко-филологическихъ институтовъ	—
4. (3-го ноября 1880 г.). Объ учрежденіи должности врача при Молодечнянской учительской семинаріи	7
5. (10-го ноября 1880 г.). О служебныхъ правахъ преподавателя практическихъ занятій по арабскому языку въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ.	—
6. (1-го декабря 1880 г.). О предоставленіи лицамъ обоаго пола, служащимъ въ женскомъ принцессы Терезіи Ольденбургской училищѣ, тѣхъ же правъ по службѣ и пенсіи, коими пользуются по положенію 24-го мая 1870 г. служащіе въ женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.	8
7. (10-го ноября 1880 г.). О преобразованіи Гольдингенской гимназіи въ семиклассный составъ.	29
8. (10-го ноября 1880 г.). О киргизской учительской школѣ.	30

9. (18-го ноября 1880 г.). О расходѣ на содержаніе въ Дерптѣ реального училища	33
10. (8-го декабря 1880 г.). О принятіи Императорскою Академіею наукъ четырехъ тысячъ руб. на учрежденіе преміи имени Костомарова	34
11. (8-го декабря 1880 г.). Объ учрежденіи въ гор. Томашевѣ городского четырехкласснаго училища и о наименованіи его „Александровскимъ“	—
12. (9-го декабря 1880 г.). Объ обращеніи въ спеціальныя средства городскихъ училищъ денегъ, выручаемыхъ отъ продажи вещей, выдѣлываемыхъ въ ремесленныхъ классахъ тѣхъ училищъ.	35
13. (23-го декабря 1880 г.). О присвоеніи начальному народному училищу въ Пятвитцкомъ приходѣ гор. Торжка наименованія „Остолоповскаго“	—
14. (23-го декабря 1880 г.). О присвоеніи Каменецъ-Подольскому городскому приходскому училищу наименованія „Александровскаго“	36

Высочайшій приказъ по министерству народнаго просвѣщенія.

13-го октября 1880 года (№ 12).	9
21-го октября 1880 года (№ 13).	10
10-го ноября 1880 года (№ 14).	36

Министерскія распоряженія.

1. (15-го ноября 1880 г.). Положеніе о стипендіи тайнаго совѣтника Андрея Алексѣевича Боголюбова.	10
2. (3-го декабря 1880 г.). Положеніе о стипендіи коллежскаго совѣтника Карла Бекмана при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ.	11
3. (3-го декабря 1880 г.). Правила о стипендіи почетнаго члена Императорскаго университета св. Владиміра, тайнаго совѣтника Николая Ивановича Пирогова	12
4. (3-го декабря 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени Самуила Богуслава Линде.	13
5. (13-го декабря 1880 г.). Правила для стипендіи заслуженнаго профессора С. В. Шахмана	14

Высочайшія награды	37
------------------------------	----

**Приказы управляющаго министерствомъ народнаго
просвѣщенія.**

2-го октября 1880 года (№ 13).	14
8-го ноября 1880 года (№ 14).	17

**Определения ученаго комитета министерства народнаго
просвѣщенія.**

О книгахъ: 1) „Cours gradué de langue française à l'usage des classes superieures des gymnases et des écoles“, par A. Kercoff. 2) „Recueil de morceaux en prose pour servir à la lecture et à la traduction dans les classes moyennes des gymnases et des écoles. Première partie, par A. Kercoff et I. Petitpiérre“. 3) „Приложеніе алгебры къ геометріи и начала аналитической геометріи на плоскости“. Сост. А. Фроловъ. Ч. I. Изданіе 4-е.	21
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Историческая хрестоматія, новаго періода русской словесности“. Т. I. Отъ Петра Великаго до Карамзина. Т. II. Отъ Карамзина до Пушкина. Изд. 3-е безъ перемѣнъ. Составилъ А. Галаховъ.	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Новѣйшіе успѣхи ботаники (1877—1879) И. Бородина.	38
О книгѣ: „Геомеровскій словарь“ (къ Иліадѣ и Одиссеѣ). Вл. Краузе.	—
О книгѣ: Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности, съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи, 186 темами и планами для устныхъ и письменныхъ упражненій и съ біографіями писателей. Н. Невзорова.	39
О книгахъ: Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній, составленные по программѣ министерства народнаго просвѣщенія Н. Макаровымъ	—
О книгѣ: „Учебникъ русской грамматики“ составленный М. Поповымъ“.	—

- О книгѣ: „Учебникъ русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній примѣнительно къ правописанію, съ примѣрами почти на каждое правило для разбора и объяснительнаго диктанта и руководящими вопросами. Составилъ Ѳ. Рождественскій 39
- О книгѣ: „Исторія корабля, вмѣстѣ съ листкомъ исправленій и дополненій“, сост. И. Боголюбовъ —
- О книгѣ: „Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи, изданныхъ со времени Петра Великаго по 1876 г. (1710—1876)“. Составилъ А. Весинъ. —

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Книжка для чтенія въ начальныхъ народныхъ школахъ“, составилъ Сердобольскій. 21
- О книгѣ: „Краткая отечественная исторія“. Составленная С. Рождественскимъ. —
- О книгѣ: „Букварь для совмѣстнаго обученія письму и чтенію“. Составленъ Д. и Е. Тихомировыми. —
- О брошюрахъ: 1) „Крѣпость“. 2) „Какъ Паша старался быть добрымъ мальчикомъ и 3) Сиротка“. Сост. Александрю Николаевною Бахметовою. 22
- О брошюрѣ: „Для чего образуются общества покровительства животныхъ“. Сост. И. Д. Кошкарвъ. —
- О брошюрѣ: „Наставленіе для народа о томъ, какъ предохранять животныхъ отъ заболѣванія заразительными болѣзнями, а также о томъ, какъ люди должны поступать, чтобы не заразиться отъ животныхъ, и какъ лѣчить заболѣвшихъ животныхъ до прибытія врача“. Сост. Н. А. Козаченко. —
- О брошюрѣ: „Красный сарафанчикъ“. Издано А. Н. Бахметовою. —
- Объ изданіи: „Игрушечка“. Подъ редакціей Т. И. Пассекъ. 40
- О брошюрѣ: „Чай, откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ“. —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Письмо-чтеніе“, руководство для учащихся. Сост. Владиславъ Ислентьевъ. —

О брошюрѣ подъ заглавіемъ: Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ. Изданіе редакціи „Досугъ и Дѣло“	40
О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Другъ и недругъ человѣка—Собака и Волкъ“. Изданіе редакціи „Досугъ и Дѣло“	—
„Книга для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ, въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ“. Сост. К. К. Абаза	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Руководство къ преподаванію закона Божія для народныхъ школъ, городскихъ училищъ, лѣтскихъ пріютовъ и для элементарныхъ занятій съ дѣтьми дома“. Сост. Іоанномъ Вѣтвеницкимъ	—
Официальныя извѣщенія	22 и 41

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Славяно-русская палеографія. И. Срезневскаго	1
Хр.-Фр. Веберъ. А. Брикпера	45 и 179
Исторія и критика философіи. П. Страхова	79
Franz Miklosich. Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. Erster Baud. Lautlehre. Zweite Aufgabe. А. Соболевскаго	116
Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница. Сочиненіе Л. В. Березина. В. Макушева	131 и 281
О святѣйшемъ синодѣ и объ установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра I (1721—1725). В. Попова	222
Русская военная исторія. Составилъ князь Н. Голицынъ. Д. Иловайскаго	264
Biela Hrvatika i Biela Srbija. Napisao Ae. Franjo Rački. В. Качановскаго	305
Жизнь Державина по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ матеріаламъ описанная Я. Гротомъ. Л. Майкова	308
L. Becq de Fouquieres. Traité général de versification française. О. Корша	315
Premier essai sur la genèse du langage et le mystère antique par P.-L.-G. Philastre, inspecteur des affaires indigènes en Cochinchine. О. Корша	316
Замѣтка. В. Розена	319

СОВРЪМЕННАЯ ЛЪТОПИСЬ.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1879 году.	1
Отчетъ Императорской академіи наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1880 годъ.	77
Присужденіе Ломоносовскихъ премій въ 1880 году.	163
Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ за 1880 годъ.	111
О каталогѣ греческихъ аеонскихъ рукописей, составленномъ лѣтомъ 1880 года. Г. Дестуниса.	169
Письмо изъ Парижа. Л—ра	172

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

<i>Insequar, или inferar, въ Vergilii Aeneidos lib. IV, 545?</i>	
A. Мейера.	1
Къ вопросу о культѣ Аммона въ Афинахъ. В. Латышева	24
Возраженіе г. Вейсману. Е. Шмида.	45
<i>De eo et ope pronominum usu homerico.</i> Т. Siemiiradzki	51
Филологическія записки А. А. Иванова. Часть I. Опытъ научной латинской грамматики, сравнительно съ греческой и славянской. Часть II. Опытъ научной римской метрики, сравнительно съ греческою. В. Петра.	71
Еще нѣсколько словъ объ изданіи Антифонта г. Ернштедта.	
К. Люгебиля.	100
Возраженіе г. Шмиду. Л. Вейсмана.	102

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ СЪ НАЧАЛА 1876 ГОДА ПО 1878 ГОДЪ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО ¹⁾.

А.

Академія новѣйшей филологіи въ Берлинѣ. См. *Кирпичниковъ, А.*

А. К. Архивъ славянскоѣ филологіи, издаваемый Б. Ягичемъ при содѣйствіи А. Лескина и В. Нерннга. Ч. CLXXXVII, отд. крит. и библиогр., стр. 120.

Алфавитный указатель къ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія съ начала 1876 по 1878 годъ включительно. Ч. CLXXXVI, приложение, стр. 1.

Анализъ и синтезъ. См. *Бобынинъ, А.*

Аниенковъ, Ю. Чешскія сочиненія Гуса и время ихъ написанія. Ч. CLXXXII, отд. наукъ, стр. 253.

Аполлоній Тианскій. См. *Кармискій, М.*

Архивъ славянскоѣ филологіи, издаваемый Б. Ягичемъ при содѣйствіи А. Лескина и В. Нерннга. См. *А. К.*

Архитъ Тарентскій, его жизнь и сочиненія. См. *Смоленскій, М.*

Астафьевъ, Н. Вавилоно-ассирійскія клинообразныя надписи. Ч. CLLLLVIII, отд. наукъ, стр. 171. Развалины Вавилона и Ниневіи. Ч. CLXXXV, отд. наукъ, стр. 1.

Африканская географическая конференція въ Брюсселѣ. Ч. CLXXXVII, Совр. Лѣтоп., стр. 63.

Б.

Бакичъ, Д. Черногорія подъ управленіемъ владыкъ. Ч. CLXXXVIII, отд. наукъ, стр. 207.

Балканскіе Славяне, въ эпоху покоренія ихъ Турками. См. *Качановскій, В.*

¹⁾ См. Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. CLXXXVI, прилож., стр. 1—22.

Барановъ, А. О практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ учительской семинаріи въ начальномъ училищѣ. Ч. CLXXXV, отд. педаг., стр. 29.—Устройство учебной части въ начальномъ училищѣ при учительской семинаріи. Ч. СС, отд. педаг., стр. 15.

Барсовъ, Е. Критическій очеркъ литературы. Слово о полку Игоревѣ. Ч. CLXXXVI, отд. наукъ, стр. 1 и 109.—Мнѣніе г. Колосова о времени написанія рукописи Слова о полку Игоревѣ. Ч. CLXXXI, отд. крит. и библиогр., стр. 163.

Барсовъ, Т. О свѣтскихъ фискалахъ и духовныхъ инквизиторахъ. Ч. CLXXXV, отд. наукъ, стр. 307.

Безобразовъ, В. Объ условіяхъ поступленія на государственную гражданскую службу въ европейскихъ государствахъ. Ч. CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 404; ч. CLXXXV, стр. 152.—Институтъ международного права съ 1873 по 1876 годъ. Ч. CLXXXVII, отд. наукъ, стр. 170.

Бережковъ, М. О торговлѣ Русскихъ съ Ригю въ XIII и XIV вѣкахъ. Ч. CLXXXIX, отд. наукъ, стр. 330.—Приморскіе вевдскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 года. Ч. CLXXX, отд. крит. и библиогр., стр. 306.

Беззвизъ, Л. О состояніи учебныхъ заведеній въ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. Ч. CLXXX, отд. педаг., стр. 1.

Безугожъ-Рюминъ, К. Русскій эпосъ. Этюдъ о русскихъ героическихъ пѣсняхъ, впервые переведенныхъ или изложенныхъ въ сокращеніи Альфр. Рамбо. Ч. CLXXXVII, отд. крит. и библиогр., стр. 85.—Исторія Россіи отъ начала до 1877 года, соч. Альфр. Рамбо. Ч. CLXXXVIII, отд. крит. и библиогр., стр. 309.

Бобынинъ, А. Объ анализѣ и синтезѣ. Ч. CLXXXIV, отд. науки, стр. 174.

Бодуэль-де-Кутеяз, М. Очеркъ старо-чешской грамматики. Напис. Осипъ Пречекъ. Л. CLXXXIV, отд. крит. и библиогр., стр. 212.—Исторія неокончательнаго наклоненія въ индо-европейскихъ языкахъ, Юл. Жоли. Тамъ же, стр. 364.—Руководство древне-болгарскаго (древне-церковно-славянскаго) языка. Состав. А. Лѣскинъ. Ч. CLXXXVIII, отд. крит. и библиогр., стр. 152.—Фонетика кашебскаго языка. Изслѣдован. П. Стремлера. Ч. CLXXX, отд. крит. и библиогр., стр. 307.—Вклады въ славянскую діалектику, соч. Лук. Малновскаго. I. Объ опольскомъ говорѣ въ Силезіи. Ч. CLXXXIII, отд. крит. и библиогр., стр. 133.

Брандтъ, А. По поводу сочиненія Склетера о современномъ состояніи нашихъ познаний въ географической зоологіи. Ч. CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 194.

Брикнеръ, А. Иванъ Посошковъ. Ч. CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 32 и 289; ч. CLXXXIV, стр. 188 и 270; ч. CLXXXV, стр. 97; ч. CLXXXVI, стр. 1.—О практическихъ упражненіяхъ при преподаваніи новой русской логикѣ въ университетахъ. Ч. CLXXXV, отд. педаг., стр. 17.—Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи. Ч. CLXXXVI, отд. педагогіи, стр. 1.—Патрикъ Гордонъ и его дневникъ. Ч. CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 151; ч. CLXXX, стр. 33 и 149; ч. CLXXXVI, стр. 86; ч. CLXXXVII, стр. 203.

Брунъ, Ф. Нѣкоторыя историческія соображенія по поводу названія Добруджи. Ч. CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 62.—Догадки касательно участія

Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV вѣкахъ. Ч. СС, отд. наукъ, стр. 127.

Бурачковъ, П. Греко-скипескій міръ на берегахъ Повта. Ч. CLXXXVIII, отд. наукъ, стр. 237.—О запискѣ готскаго гопарха. Ч. CLXXXXII, отд. наукъ, стр. 199.

Бэръ, К. М. (Некрологъ), Ч. CLXXXIX, Совр. Лѣтоп., стр. 115.

Бѣлорусовъ, П. Теорія словесности, какъ научный и учебный предметъ. Ч. CLXXXVI, отд. педаг., стр. 13.

В.

Вавилоно-ассирійскія клинообразныя надписи. См. *Астафьевъ*, Н.

Важнѣйшія явленія польской исторической литературы въ Познани и Галиціи въ 1876 году. Ч. CLXXXIV, отд. крит. и библиогр., стр. 80.

Варадиновъ, Н. Университетскія лекціи. Ч. CXXXVII, отд. педаг., стр. 1.

Варяги-Русь и Балтійскіе Славяне. См. *Перволюфъ*, I.

Васильевъ, П. Причины и характеръ чешскаго религіознаго движенія. Ч. CLXXXVI, отд. наукъ, стр. 90 и 234.

Васильевъ-Яковлевъ, П. Коммерческія науки въ реальныхъ училищахъ. Ч. CLXXXIII, отд. педагог., стр. 2.

Васильевскій, В. Историческая хрестоматія. Учебное пособіе для учащихся. Курсъ новой исторіи. Составл. А. Овсянниковымъ. Ч. CLXXXII, отд. крит. и библиогр., стр. 379. Русско-византійскіе отрывки. Ч. CLXXXIX, отд. наукъ, стр. 41 и 157; ч. CLXXXI, стр. 283; ч. CLXXXV, стр. 86 и 277; ч. CLXXXVI, стр. 128 и 181.—Законодательство иконоборцевъ. Ч. CLXXXIX, отд. наукъ, стр. 251; ч. СС, стр. 95.

Вахтеровъ, В. О дѣленіи классовъ въ начальной школѣ на группы. Ч. СС, отд. педаг., стр. 1.

Введеніе въ науку о языкѣ. Соч. Доменико Пеци. Перев. съ текста, совершенно передѣланнаго авторомъ. Ч. CLXXXVIII, отд. крит. и библиогр., стр. 309.

Ведійскіе этюды. См. *Миллеръ*, В.

Вертъ, Э. По поводу одного мнимо-славянскаго имени, открытаго г. Модестовымъ въ помпейскихъ надписяхъ. Ч. CLXXXIV, отд. клас. филолог., стр. 39.—Руководство къ переводамъ съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій для старшихъ классовъ гимназій. Состав. В. Я. Бѣлицкій. Ч. CLXXXIV, отд. клас. филолог., стр. 91.—Г. Модестовъ, какъ критикъ и ученый. Ч. CLXXXV, отд. клас. филол., стр. 7.—Мое послѣднее слово о мнимо-славянскомъ имени въ помпейскихъ надписяхъ. Ч. CLXXXVI, отд. клас. филол., стр. 12.—Послѣднее слово въ отвѣтъ г. Модестову. Ч. CLXXXVII, отд. клас. филол., стр. 92.—По поводу Pind. Nem. II. 6—12. Ч. CLXXX, отд. клас. филол., стр. 52.—Рѣчь Цицерона о назначеніи Бнея Помпея полководцемъ. Ч. CLXXXII, отд. клас. филол., стр. 81; ч. CLXXXIII, стр. 24.—О словѣ Erodus. Ч. CLXXXVI, отд. клас. филол., стр. 110.—О nihil aliud nisi у Цицерона. Ч. CLXXXVI, отд. клас. филол., стр. 161.

Веселовскій, А. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. Ч. CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 141; ч. CLXXXIV, стр. 50 и 341; ч. CLXXXV, стр. 326; ч. CLXXXIX, стр. 186; ч. CLXXXXI, стр. 76. — Исторія французскаго языка и литературы въ средніе вѣка, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Соч. Ш. Обертена. Ч. CLXXXVII, отд. крит. и библиогр., стр. 89. — Объ Испаніи. Историко-критическіе очерки Э. Гебгарта. Тамъ же, стр. 99. — Греческіи народныя пѣсни, изданныя съ французскимъ переводомъ и комментаріемъ историческимъ и литературнымъ. Эмиль Легранъ. Тамъ же, стр. 203. — Греческій романъ. Ч. CLXXXVIII, отд. наукъ, стр. 151. — Мелюзина, журналъ по миеологіи, народной словесности, преданіямъ, издаваемый подъ редакціей Т. Гедоза и Э. Роллана. Ч. CLXXXIX, отд. крит. и библиогр., стр. 151; ч. CLXXXV, стр. 155. — Византійскія событія и Варлаамъ и Иосафъ. Ч. CLXXXII, отд. наукъ, стр. 267. — Сказаніе о красавицѣ въ теремѣ и русская быльня о подсолнечномъ царствѣ. Ч. CLXXXVI, отд. наукъ, стр. 183.

Византійскіе дѣтописцы, какъ источникъ для исторіи южныхъ Славянъ въ періодъ паденія ихъ самостоятельности. См. Качановскій, В.

Византійскія повѣсти и Варлаамъ и Иосафъ. См. Веселовскій, А.

Виноградовъ, В. Новыя ученныя работы о феодализмѣ въ Италиі. Ч. СС, совр. лѣт., стр. 17.

Вклады въ славянскую діалектику, соч. Лук. Малиновскаго. Объ опольскомъ говорѣ въ Силезіи. См. Бодуанъ-де-Куртено, И.

В. Л. Харонъ или наблюдатели. Ч. СС, отд. клас. филол., стр. 157.

Вліяніе водворенія въ Римѣ имперіи на литературу. См. Модестовъ, В.

Возраженіе Радлову. См. Смирновъ, В.

Вопросъ о преподаваніи статистики на Пештскомъ статистическомъ конгрессѣ 1876 года. См. Маттеевъ, С.

Восточный вопросъ и славянская задунайщина. См. Кулишъ, П.

Время сдачи Кремля Поляками Русскимъ. См. Кондратьевъ, А.

Въ Бихарѣ. Изъ путешествія въ Индію. См. Минаевъ, И.

Вяземскій, князь П. А. (Некрологъ). Ч. СС, Совр. Лѣт., стр. 244.

Вяземскій, князь П. Сяндъ, Зундъ и Сундары. Ч. CLXXXIV, отд. наукъ, стр. 1.

Г.

Галаховъ, А. Сочиненія Аполлона Григорьева. Ч. CLXXXIX, отд. крит. и библиогр., стр. 115.

Гаркави, А. По вопросу о іудейскихъ древностяхъ, найденныхъ Фирковичемъ въ Крыму. Ч. CLXXXII, отд. наукъ, стр. 98.

Гезенъ, А. Технические учебныя заведенія въ Европѣ. Ч. CLXXXI, отд. педаг., стр. 1 и 39.

Г—кій, Я. Попытка и стараніе римской куріи ввести грегорианскій календаръ у Славянъ православныхъ и униатовъ. Ч. CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 1.

Гельбе, А. De Turgaei Patria. Ч. CLXXXV, отд. клас. филол., стр. 59. — Общественное положеніе и семейная жизнь женщины у древнихъ Римлянъ.

Ч. CLXXXVIII, отд. клас. филол., стр. 137.—De pietatis, quae sit in platouis euthyphrone. notione. Ч. CLXXXIX, отд. клас. филол., стр. 127.—О постепенности въ письменныхъ упражненіяхъ по древнимъ языкамъ. Ч. СС, отд. клас. филол., стр. 210.

Георгиевскій, А. О государственныхъ экзаменахъ въ Германіи и Австріи. Ч. CLXXXV, сов. лѣт., стр. 1; ч. CLXXXVI, стр. 83.

Гербартъ, Іоганъ Фридрихъ, какъ педагогъ. См. *Николаевскій, И.*

Gernstedt, V. Observationes antiphontaeae. Ч. CLXXXVIII, отд. клас. филол., стр. 1.

Годъ ссылки Овидіа. См. *Фозтъ, Р.*

Головачевскій, А. Занятія въ русскомъ филологическомъ обществѣ въ Лейпцигѣ. Ч. CLXXXVIII, отд. клас. филол., стр. 30.

Голубинскій, Е. Христіанство въ Россіи до Владимира святаго. Ч. CLXXXVIII, отд. наукъ, стр. 45 и 133.—Обращеніе всей Руси въ христіанство Владиміромъ и совершенное утвержденіе въ ней христіанской вѣры при его преемникахъ. Ч. CLXXX, отд. наукъ, стр. 100; ч. CLXXXI, стр. 26.

Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ. См. *Ильинскій, А.*

Государственные экзамены въ Германіи и Австріи. См. *Георгиевскій, А.*

Градовскій, А. Политическое устройство Германской имперіи. Ч. CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 168.

Грамматическія замѣтки. См. *Фозтъ, Р.*

Греко-славянскій міръ на берегахъ Понтія. См. *Бурачковъ, П.*

Греческій романъ. См. *Веселовскій, А.*

Греческій синтаксисъ, изложенный сравнительно съ латинскимъ для высшихъ классовъ гимназій, составл. Ил. Рѣдниковымъ. См. *Керберъ, Э.*

Греческія народныя пѣсни, изданныя съ французскимъ переводомъ и комментариемъ историческимъ и литературнымъ, Эмплемъ Легравомъ. См. *Веселовскій, А.*

Григорьевъ В. И. (Некрологъ). Ч. CLXXXIX, совр. лѣт., стр. 117.

Грингутъ, В. О значеніи переносовъ съ русскаго языка на греческій. Ч. CLXXXIV, отд. клас. филол., стр. 68.—Два русскіихъ издавія Софокловой трагедіи Филоктеть. Ч. CLXXXIX, отд. клас. филол., стр. 59.—О значеніи и употребленіи латинскихъ и греческихъ вокабуляріевъ въ Германіи. Ч. CLXXXI, отд. клас. филол., стр.

Гротъ, Я. Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. Е. Бѣлевскаго. Ч. CLXXXIII, отд. крит. и библиогр., стр. 194.

Г—скій, А. Къ вопросу о преподаваніи древнихъ языковъ въ Германіи. Ч. CLXXXI, отд. клас. филол., стр. 31.

Гурладіи, А. Порѣцкая учительская семинарія. Ч. CLXXXIV, отд. педагог., стр. 1.

Г. Ш. Педагогическая корреспонденція. Ч. CLXXX, совр. лѣт., стр. 1; ч. CLXXXI, стр. 16.

Д.

Д. Б—въ. Къ вопросу о мировоззрѣніи Еврипида. Ч. CLXXX, отд. клас. филол., стр. 82.

- Два русскіхъ изданія Софокловой трагедіи Филоктеть. См. *Гриммутъ*, В.
Два преданія у Геродота. См. *Размусенъ*, Л.
De civitatis donatione deque civitatis diplomatibus atticis. Ed. Gebhardt.
Ч. CLXXXVII, отд. клас. филол., стр. 1.
De emendandis Phaedri fabulis. См. *Миллеръ*, Л.
De publici Orptiani Porfyrii carminibus. См. *Миллеръ*, Л.
Джузеппе Пятрѣ и его библіотека сицилійскихъ преданій. Ч. CLXXXIII,
отд. наукъ, стр. 81.
De nonullis valerii maximi locis disputatio. См. *Шульце*, Э.
Десятое присужденіе Ломоносовской преміи. См. *Срезневскій*, Н.
Догадки касательно участія русскіхъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV
столѣтіяхъ. См. *Брунъ*, Ф.
Домаши извори за сръску исторію. Уредно Иван Павловичъ. Два прѣви,
житиѣ краль Сръбскихъ. См. *Качановскій*, В.
Древній славянскій переводъ Псалтыри. Изслѣдованіе его текста и языка
по рукописямъ XI—XIV вѣковъ. В. Срезневскаго. См. *Ламанскій*, В.
Древніе города Россіи. См. *Самоковцовъ*, Д.
Древнія русскія стихотворенія, собранныя Гиршею Даниловымъ. Изда-
ніе 3-е, по 2-му полному изданію. Ч. CLXXXIX, отд. крит. и библіогр.,
стр. 326.
Древняя культура западныхъ Финновъ по даннымъ языка. См. *Л. М.*
Древняя метрика и разработка ея новѣйшими филологами. См. *Л. Г.*
Дѣленіе классовъ въ начальныхъ школахъ на группы. См. *Вактеровъ*, В.
Дѣятельность Императорскаго русскаго археологическаго общества въ
1876 году. Ч. CLXXXI, сов. лѣт., стр. 31.
Дѣятельность высшихъ женскихъ курсовъ въ Казани за 1877—1878 годъ.
Ч. CLXXXVIII, совр. лѣт., стр. 102.
Дювернуа, А. О критическомъ значеніи архаическаго евангелія. Ч. CLXXX,
отд. наукъ, стр. 181.

Е.

- Еврейская грамматика В. Гезеніуса. Перев. проф. К. Коссовича.
Ч. CLXXXV, отд. крит. и библіогр., стр. 153.
Еврейская хрестоматія съ ссылками на грамматку Гезеніуса и глосса-
ріемъ еврейско-русскимъ, составленная профессоромъ К. Коссовичемъ. См.
Стракъ, Г.
Ересь жидовствующихъ. См. *Пановъ*, Н.
Ериштедтъ, В. Критическія замѣтки на Светонія. Ч. CLXXXVII, отд.
клас. филол., стр. 57.
Еще нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго языка для татарскихъ
народныхъ школъ. См. *Радловъ*, В.
Еще объ изданіи Табарн. См. *Розенъ*, баронъ В.
Еще о взглядѣ В. Ф. Миллера на Слово о полку Игоревѣ. См. *Миллеръ*, Ор.

ЖБ.

- Ждановъ, Н. Матеріалы для исторіи столпаваго собора. Ч. CXXXVI,
отд. наукъ, стр. 50 и 173.

З.

- Законодательство пропоборцевъ. См. *Васильевскій*, В.
Законъ объ обязательномъ обученіи въ Италиі. Ч. CLXXXV, совр. лѣт., стр. 68.
Замысловскій, Е. Историко-географическія извѣстія Герберштейна (XVI в.). Ч. CLXXXVIII, отд. наукъ, стр. 167.
Замѣтка по поводу Е. Барсова «Очеркъ литературы Слова о полку Игореві». Ч. CLXXXVIII, отд. крпт. и библиогр., стр. 315.
Замѣтка къ Горацию Сагт. II, 12. См. *Мейеръ*, И.
Замѣтка къ Цицерону «De amicitia». Глава XXIV. 88. См. *И. Ф.*
Замѣтка и разъясненія къ Опыту російской библиографіи В. С. Соликова. См. *Саитова*, В.
Замѣтки о нѣкоторыхъ иностранныхъ писателяхъ о Россіи въ XVI вѣкѣ. См. *Козубскій*, Е.
Замѣтки о разработкѣ общаго права. См. *Леонтовичъ*, Ѳ.
Замѣтки объ учебныхъ пособияхъ реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. См. *Эвальдъ*, В.
Замѣтки къ рецензіи «Полный русско-латинскій словарь» г. Орлова. См. *Фозтъ*, Р.
Замѣтки по поводу сборника Верковича. См. *Миллеръ*, В.
Занятія въ русскомъ филологическомъ обществѣ въ Лейпцигѣ. См. *Головачевскій*, А.
Записка Готскаго Топарха. См. *Бурачковъ*, П.
Зарожденіе литературы у Словинцевъ. Примусъ Труберъ. Исслѣдован. Арк. Соколова. См. *Качановскій*, В.
Значеніе и употребленіе латинскихъ и греческихъ вокабуларіевъ въ Германіи. См. *Гринмутъ*, В.
Значеніе переводовъ съ русскаго языка на греческій. См. *Гринмутъ*, В.
Значеніе и образованіе юношескаго идеализма. См. *Струве*, Е.
Зубковъ, В. Нѣсколько конъектуръ къ Софоклу. Ч. CLXXXIII, отд. клас. фил., стр. 39.—Novus Demosthenis orationum codex quantum valeat, quaeritur. Тамъ же, стр. 42.

И.

- Ивановскій, М. О практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ учительской семинаріи въ начальномъ училищѣ. Ч. CLXXXIX, отд. педаг., стр. 23.
Изъясненіе изъ отчета попечителя Казанскаго учебнаго округа за 1877 г. Ч. CLXXXVIII, совр. лѣт., стр. 84.
Извѣстія о дѣятельности и состояніи учебныхъ заведеній. Ч. CLXXXIII, совр. лѣт., стр. 18 и 94; ч. CLXXXIV, стр. 45 и 69; ч. CLXXXV, стр. 24 и 59; ч. CLXXXVI, стр. 1 и 86; ч. CLXXXVII, стр. 43 и 179; ч. CLXXXVIII, стр. 62; ч. CLXXXIX, стр. 26 и 90; ч. CLXXXX, стр. 25 и 116; ч. CLXXXI, стр. 35 и 114; ч. CLXXXII, стр. 1 и 60; ч. CLXXXIII, стр. 120 и 133; ч. CLXXXIV, стр. 23 и 120; ч. CLXXXV, стр. 58 и 132; ч. CLXXXVI,

стр. 144 и 263; ч. CLXXXVII, стр. 1 и 31; ч. CLXXXVIII, стр. 108; ч. CLXXXIX, стр. 1 и 29; ч. CC, стр. 30.

Исслѣдованія г. Затыркевича въ области до-монгольскаго періода русской исторіи. См. *Сертсевичъ*, В.

Изъ путешествія въ Индію. См. *Минаевъ*, И.

Нльинскій, А. Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ. Ч. CLXXXV, отд. наукъ, стр. 210.

Императорское русское археологическое общество въ 1877 году. Часть CLXXXVII, совр. гѣт., стр. 59.

Императорская публичная бібліотека: въ 1875 году—Ч. CLXXXVIII, совр. гѣт., стр. 59; въ 1876 году—ч. CLXXXVIII, стр. 5.

Индійскія сказки. См. *Минаевъ*, И.

Институтъ международнаго права съ 1873 по 1876 годъ. См. *Необразовъ*, В.

Испытанія зрѣлости въ гимназіяхъ и подобныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія: въ 1875 году—часть CLXXXVI, совр. гѣт.; ч. CLXXXVII, стр. 1; въ 1876 году—ч. CLXXXII, стр. 31, ч. CLXXXIII, стр. 1; въ 1877 году—ч. CC, стр. 83.

Исторія Россіи отъ начала до 1877 года, соч. Альфр. Рамбо. См. *Бестужевъ-Рюминъ*, К.

Исторія французскаго языка и литературы въ средніе вѣка, по новѣйшимъ исслѣдованіямъ. Соч. Ш. Обертеа. См. *Веселовскій*, А.

Исторія Болгаръ въ трудѣ К. О. Иречка. См. *Макушевъ*, В.

Исторія Сербовъ съ древнѣйшихъ временъ до 1815 года. Веніамна фонъ-Калая. Перев. съ мадьярскаго на нѣмецкій языкъ проф. И. Шинкера. Ч. CLXXXVI, отд. крит. и библиогр., стр. 297.

Исторія неокончательнаго наклоненія въ индо-европейскихъ языкахъ, д-ра Юлія Жоли. См. *Бодуанъ-де-Куртенеъ*, И.

Историко-географическія извѣстія Герберштейна (XVI в.). См. *Замисловскій*, А.

Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Состав. Л. Гуревичъ. Ч. CLXXXIX, отд. крит. и библиогр., стр. 149.

Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ издаваніяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустровымъ. См. *Майковъ*, Л.

Историческія запятія въ école des chartes и въ école des hautes études въ Парижѣ. См. *Фортинскій*, О.

Италія. Историко-критическіе очерки, Э. Гебгарта. См. *Веселовскій*, А.

И. Ф. Замѣтка къ Цицерону «De amicitia». Гл. XXIV, 88. Ч. CLXXXIX, отд. клас. филол.

К.

Карнискій, М. Подложные стихи въ сочиненіи іудейскаго философа Аристовула. Ч. CLXXXIII, отд. клас. филол., стр. 3.—Аполлоній Тиавскій Ч. CLXXXVIII, отд. наукъ, стр. 30.

Картина Кенпта Оньскаго. См. *Кузьминъ*, П.

Качаловскій, В. Балканскіе Славяне, въ эпоху покоренія ихъ Турками. Ч. CLXXXIX, отд. наукъ, стр. 41.—Средневѣковая бібліотека, издаваемая подъ редакціей К. Н. Сафы. Ч. CLXXX, отд. крит. и бібліогр., стр. 315.—Византійскіе лѣтописцы, какъ источникъ для исторіи южныхъ Славянъ въ періодъ паденія ихъ самостоятельности. Ч. CLXXXVIII, отд. наукъ, стр. 63.—Зарожденіе литературы у Словинцевъ. Примусъ Труберъ. Изслѣдов. Аркад. Соколова. Ч. CLXXXIX, отд. крит. и бібліогр., стр. 101.—Дамалин извори за сриску исторіју. Уредно Иван Павловичъ. Део први, Житиѣ краљ Сръбскихъ. Тамъ же, стр. 310.

Кедровъ, Н. Николай Спафарій и его арнемологія. Ч. CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 1.

Керберъ, Э. Греческій синтаксисъ, изложенный сравнительно съ латинскимъ для высшихъ классовъ гимназій, составл. Ил. Рѣдниковымъ. Ч. CLXXXVII, отд. клас. филол., бібліогр., стр. 211.

Кесслеръ, Э. Руководство къ повторенію латинской грамматики и стилистикъ. Состав. Коперницкіи. Ч. CLXXX, отд. клас. филол., стр. 27.

Кларіановичъ, И. Учебникъ русскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій, приспособленный къ параллельному прохожденію его съ латинскимъ языкомъ по руководству К. Л. Бѣлицкаго. Состав. Г. Преображенскій. Часть CLXXX, отд. крит. и бібліогр., стр. 164.

Криничниковъ, А. Источникъ нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ. Часть CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 133.—Академія новѣйшей филологіи въ Берлинѣ. Ч. CLXXXVIII, совр. лѣт., стр. 65.—Святой Георгій и Егорій храбрый. Ч. СС, отд. наукъ, стр. 268.

Колосов, М. А. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. См. *Макушевъ, В.*

Колумбусъ, И. Наша педагогическая литература, Ч. CLXXXVI, отд. педаг., стр. 1.

Коммерческія науки въ реальныхъ училищахъ. См. *Васильевъ-Яковлевъ, Н.*

Кондратьевъ, А. О времени сдачи Кремля Поляками Русскимъ въ 1612 г. Ч. CLXXXI, отд. наукъ, стр. 1.—О такъ-называемой рукописи патріарха Филарета. Ч. CLXXXIX, отд. наукъ, стр. 22.

Который изъ Цицероновъ былъ издателемъ поэмы «Лукреція»? См. *Лопатинскій, П.*

Краткая просодія и элементарныя свѣдѣнія изъ метрики латинскаго языка. Состав. Н. Кувшинскій. См. *Миллеръ, Л.*

Краткій очеркъ англійскихъ владѣній въ Азіи. Состав. М. Венюковъ. См. *Минаевъ, И.*

Критическія замѣтки къ Виргилію на основаніи Пражской рукописи. См. *Мейеръ, П.*

Критическія замѣтки на Светонія. См. *Ернштедтъ, В.*

Критическое значеніе Архангельскаго евангелія. См. *Дювернуа, А.*

Критическій очеркъ литературы «Слова о полку Игоревѣ». См. *Барсовъ, Е.*

Круглый, А. О «Римской исторіи» Роллена въ переводѣ Тредіаковскаго. Ч. CLXXXVI, отд. наукъ, стр. 226.

Кузьминъ, П. Картина Кевита Опскаго. Ч. CLXXXIV, отд. клас. филол., стр. 13.

Кулишъ, П. Восточный вопросъ и задунайская славянщина. Ч. CLXXXV, отд. наукъ, стр. 189; ч. CLXXXVI, стр. 1.

Къ вопросу о мировоззрѣніи Еврипида. См. *В—ва*, Д.

Къ вопросу о греческихъ глагольныхъ формахъ. См. *Наукъ*, А.

Къ вопросу о преподаваніи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ. См. *Г—скій*, А.

Къ вопросу о преподаваніи математики. См. *Мазинъ*, К.

Къ вопросу о ревизіи начальнаго народнаго училища. См. *Овсянниковъ*, Н.

Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ на спряженія. См. *Некрасовъ*, Н.

Л.

Ламаишій, В. Древній славянскій переводъ Псалтыри. Изслѣдованіе его текста и языка по рукописямъ XI—XIV вѣковъ, В. Срезневскаго. Часть CLXXXVIII, отд. крит. и библиогр., стр. 180.

Ламбинъ, И. Славяне на сѣверномъ черноморьѣ. Ч. CLXXXI, отд. наукъ, стр. 47 и 234.

Лебедевъ, В. Указатель къ русскимъ изданіямъ греческихъ и латинскихъ классиковъ, азбукъ, разговоровъ, грамматикъ и словарей по 1871 годъ включительно. Ч. CLXXXIV, отд. клас. филол., стр. 18 и 52.

Леонтовичъ, Ѳ. Первые славянскія монархіи на сѣверо-западѣ. Соч. Ѳ. Успенскаго. Ч. CLXXXIII, отд. крит. и библиогр., стр. 427.—Замѣтки о разработкѣ обычнаго права. Ч. CLXXXVIII, отд. наукъ, стр. 113.

Литературная и ученая дѣятельность Авг. Бѣляевскаго. См. *Лташикинъ*, С.

Л. I. Древняя метрика и разработка ея новѣйшими филологами. Часть CLXXXV, отд. клас. филол., стр. 77.

Л. Л—ръ. Письма изъ Парижа. Ч. CLXXXIII, совр. лѣт., стр. 34 и 107; ч. CLXXXIV, стр. 55; ч. CLXXXVI, стр. 100; ч. CLXXXVII, стр. 78; ч. CLXXXVIII, стр. 91; ч. CLXXXIX, стр. 68; ч. CLXXXX, стр. 16; ч. CLXXXI, стр. 142; ч. CLXXXIV, стр. 56; ч. CLXXXVI, стр. 284; ч. CLXXXVII, стр. 2; ч. CLXXXVIII, стр. 129; стр. CC, стр. 228.

Л. М. О древней культурѣ западныхъ Финновъ по даннымъ ихъ языка. Ч. CLXXXI, отд. наукъ, стр. 259; ч. CLXXXX, стр. 115; ч. CLXXXIV, стр. 240.

Лопатинскій, П. Который изъ Цицероновъ былъ издателемъ поэмы «Лукреція»? Какъ отзывался М. Цицеронъ объ этой поэмѣ? Ч. CLXXXIII, отд. клас. филол., стр. 90.

Luniak, Ioannes. Observationes rhetoricae in Demosthenem. Ч. CLXXXVI, отд. клас. филол., стр. 91 и 133.—Vergiliana. Ч. CC, отд. клас. филол., стр. 151.

М.

Мазинъ, К. Къ вопросу о преподаваніи математики. Ч. CLXXXVI, отд. педаг., стр. 25.

Майковъ, Л. Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг. библиографически и въ хронологическомъ по ряду описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. Ч. CLXXXVI, отд. крит. и библиогр., стр. 128.—Общество любителей древней письменности. Ч. CLXXX, совр. лѣт., стр. 105.—Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени. Ч. СС, отд. наукъ, стр. 171.

Макушевъ, В. Исторія Болгаръ въ трудѣ К. О. Иречка. Ч. CLXXX XVI, отд. наукъ, стр. 239; ч. CLXXX XVII, стр. 52.—М. А. Колосов: Обзор звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Ч. СС, отд. крит. и библиогр., стр. 363.

Малонизвѣстные путешествія по Польшѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ. См. *Иташицкій*, С.

Марія Владиміровна и Магнусъ Датскій. См. *Цоттасевъ*, Д.

Матвѣевъ, С. Вопросъ о преподаваніи статистики на Пештскомъ статистическомъ конгрессѣ 1876 года. Ч. CLXXX XII, совр. лѣт., стр. 23.—Перепись народонаселенія во Франціи въ 1876 году сравнительно съ германскою переписью 1875 года. Ч. CLXXX XIV, совр. лѣт., стр. 1.—По поводу Трояна и Баяна «Слова о полку Игоревѣ». Ч. СС, отд. наукъ, стр. 123.

Материалы для исторіи стоглаваго собора. См. *Ждановъ*, И.

Медея. Трагедія Еврипида. См. *Тихоновичъ*, П.

Мейеръ, Н. О такъ-называемомъ «Растяженіи» въ греческомъ языкѣ. Ч. CLXXX VI, отд. клас. филол., стр. 65.—О способѣ изложенія греческихъ спряженій по учебнику греческой грамматики Нидерле. Ч. CLXXX VII, отд. клас. филол., стр. 85.—Критическія замѣтки къ Виргилію на основаніи Пражской рукописи. Ч. CLXXX XI, отд. клас. филол., стр. 16.—Записки къ Горацию Сагг. II, 12. Ч. CLXXX XIV, отд. клас. филол., стр. 46.—По поводу мнимаго вліянія развѣтра на образованіе формъ Гомеровскаго языка. Ч. CLXXX XVI, отд. клас. филол., стр. 113.—Одиссея Гомера съ примѣчаніями. Вып. I. Пѣсни I и III. Ч. CLXXX XVIII, отд. клас. филол., библиогр., стр. 64.

Мелюзина, журналъ по миеологіи, народной словесности, преданіямъ и обычаямъ, издав. подъ редакціей Т. Гедоза и Э. Роллана. См. *Веселовскій*, А.

Миллеръ, В. Ведійскіе этюды. Ч. CLXXX V, отд. наукъ, стр. 279.—Замѣтки по поводу сборника Верковича. Ч. CLXXX XIII, отд. наукъ, стр. 110.—Мнѣ о Шюбѣ на востокѣ. Ч. CLXXX XIII, отд. клас. филол., стр. 59.

Миллеръ, Л. Филологическія замѣтки. Ч. CLXXX III, отд. клас. филол., стр. 22.—De Publīi Optatiani Porffirii carminibus. Тамъ же, стр. 98.—De emendandis Phaedri fabulis. Ч. CLXXX IV, отд. клас. филол., стр. 53.—Indices lectionum quae in Akademia Marburgensi per semestre hibernum a. 1875—1876 habendae proponuntur. Vitae Cottonis fragmenta Marburgensia nuper repertu praemisit Henricus Nissen. Ч. CLXXX IV, отд. клас. филол., стр. 46.—De Vergiliū Aeneidas I, 390—401. Ч. CLXXX V, отд. клас. филол., стр. 3.—О помен gentile автора Энеиды. Ч. CLXXX IX, отд. клас. филол., стр. 1.—Фридрихъ Ритчль. Ч. CLXXX X, отд. наукъ, стр. 197.—Claudii Claudiani Carminū. Ч. CLXXX XI, отд. клас. филол., стр. 49.—Quaeritur de eo quod est «pauci facere» et sim. Тамъ же, стр. 76.—Краткая просодія и элементарныя свѣдѣнія изъ метрики латинскаго языка. Состав. Н. Кувшинскій. Ч. CLXXX XIII,

отд. клас. філол., стр. 58.—P. Virgilii Maronis opera. Oeuvres de Virgile. Texte latin, publié d'après les travaux les plus récents de la philologie avec un commentaire critique et explicatif, une introduction et une notice par E. Benoist. Ч. CLXXXIV, отд. клас. філол., бібліогр., стр. 90.—По поводу Энеиды Virgilii VI, 882—887. Тамъ же, стр. 49.—Petreus. Ч. CC, отд. клас. філол., стр. 147.—Отривокъ изъ исторіи литературы позднѣйшаго періода римской имперіи. Тамъ же, стр. 177.

Миллеръ, Фр. Еще о изгладѣ В. Ф. Миллера на Слово о полку Игоревѣ. Ч. CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 37.

Мишаевъ, И. Индѣйскія сказки. Ч. CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 368; ч. CLXXXIX, стр. 314; ч. CLXXX, стр. 69.—Браткій очеркъ англійскихъ владѣній въ Азіи. Состав. М. Венюковъ. Ч. CLXXXV, отд. крит. и бібліогр., стр. 157.—Въ Бихарѣ. (Изъ путешествія въ Индію) Ч. CLXXXVIII, отд. наукъ, стр. 1.—Изъ путешествія по Индіи. Тамъ же, стр. 194.—О нарѣчіяхъ и странствованіяхъ европейскихъ Цыганъ. Фр. Миклошича. Ч. CLXXX, отд. крит. и бібліогр., стр. 190.—Новѣйшая арійская глоттологія. Тамъ же, стр. 194.—Ненадъ и его исторія. Ч. CLXXXV, отд. наукъ, стр. 61.—Свѣдѣнія о Жайцахъ и Буддистахъ. Тамъ же, стр. 241.

Мирковичъ, Г. О школахъ и просвѣщеніи въ патриаршіи періодъ. Часть CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 1.

Миронельскій, С. Обучение пѣвию въ народной школѣ. Ч. CLXXXIX, отд. педаг., стр. 1.

Мнѣ о Ніобѣ на востокѣ. См. *Миллеръ*, В.

Міръ языковъ въ его историко-литературномъ движеніи къ человѣчности. Соч. д-ра Манциуса. Ч. CLXXXVIII, отд. крит. и бібліогр., стр. 309.

Модестовъ, В. Еще по поводу славянскаго имени въ Помпейскихъ надписяхъ. Отвѣтъ г. Верту. Ч. CLXXXV, отд. клас. філол., стр. 89.—Новости филологической учености и полемики. Ч. CLXXXVIII, отд. клас. філол., стр. 26.—Предметъ, задача, дѣль, область и преподаваніе классической филологіи. Ч. CLXXXVII, отд. наукъ, стр. 133.—Вліяніе водворенія въ Римѣ имперіи на литературу. Ч. CLXXXVIII, отд. наукъ, стр. 273.—Римская литература при Калпугуль, Клавдіи и Неронѣ. Ч. CC, отд. наукъ, стр. 130.—Плавтъ и его значеніе въ университетскомъ преподаваніи. Ч. CC, отд. наукъ, стр. 238.

Модестовъ, какъ критикъ и ученый. См. *Вертъ*, Э.

Мое послѣднее слово о мнимо-славянскомъ имени въ Помпейскихъ надписяхъ. См. *Вертъ*, Э.

Моравскъ, П.—П. М. Строевъ. Ч. CC, отд. наукъ, стр. 340.

Моръ, Я. О нѣкоторыхъ статьяхъ латинской грамматики. Ч. CLXXXIX, отд. клас. філол., стр. 73.

Н.

Нагуевскій Д. Сатиры Ювенала. Ч. CLXXXIII, отд. клас. філол., стр. 57.—Третья сатира Ювенала. Ч. CLXXXV, отд. клас. філол., стр. 1.

Назначеніе Кнея Помпея полководцемъ. Рѣчь Марка-Туллия Цицерона къ народу. Перев. Н. Ростовцева. См. *Фохтъ*, Р.

- Нарѣчія и странствованія европейскихъ Цыганъ, Фр. Миклошича. См. *Минаевъ, И.*
- Наука, А. Къ вопросу о греческихъ глагольныхъ формахъ. Ч. CLXXXVIII, отд. клас. филол., стр. 31 и 53; ч. CLXXXVII, стр. 223.
- Начальная дѣятельность общества любителей древней письменности. Часть CLXXXVI, совр. гѣт., стр. 294.
- Наша педагогическая литература. Ч. CLXXXVIII; отд. педаг., стр. 1 и 27; ч. CLXXXII, стр. 29. См. *Колумбусъ, И.*
- Наша учебная литература. Ч. CLXXXII, отд. педаг., стр. 1; часть CLXXXIII, стр. 21; ч. CLXXXVIII, стр. 1 и 35; ч. CLXXXIX, стр. 1 и 19.
- Наши греческіе учебники. См. *Солнцевъ, А.*
- Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени. См. *Майковъ, Л.*
- Некрасовъ, П. Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ на спряженія. Ч. CLXXXIX, отд. наукъ, стр. 296.
- Непаль и его исторія. См. *Минаевъ, И.*
- Ипзіія училища и образованіе учителей въ Россіи. См. *Отракъ, Г.*
- Ипзіія училища. См. *Нурминскій, С.*
- Никитинъ, П. О 527—531 стихахъ «Персовъ» Эсхила. Ч. CLXXXVII, отд. клас. филол., стр. 80.
- Николаевскій, И. Іоаннъ-Фридрихъ Гербартъ, какъ педагогъ. Ч. CLXXXVII, отд. педаг., стр. 11 и 47.
- Н. И. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Состав. Ф. Мартенсъ. Ч. CLXXXVII, отд. крит. и библиогр., стр. 193.—Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Ч. CLXXXIX, отд. крит. и библиогр., стр. 358.
- Новости филологической учености и полемики. См. *Модестовъ, В.*
- Новости иностранной ученой литературы. Ч. CLXXXVII, отд. крит. и библиогр., стр. 211; ч. CLXXXI, стр. 169; ч. CLXXXV, отд. наукъ, стр. 401; ч. CLXXXIX, отд. педаг., стр. 119.
- Новый взглядъ на Слово о полку Игоревѣ. См. *Веселовскій, А.*
- Новыя ученые работы о феодализмѣ въ Италіи. См. *Виноградовъ, В.*
- Новѣйшая аріійская глоттологія. Д. Пецци. См. *Минаевъ, И.*
- Novus Demosthenis orationum codex quantum valeat, quaeritur. См. *Зубковъ, В.*
- Нурминскій, С. Ипзіія училища. CLXXXVIII, совр. гѣт., стр. 32.
- Нѣкоторыя историческія соображенія по поводу названія Добруджи. См. *Брунс, Ф.*
- Нѣкоторыя статьи латинской грамматики. См. *Моръ, Я.*
- Нѣкоторыя славянскія и по славянски написанныя рукописи, хранящіяся въ Лондонѣ и Оксфордѣ. См. *Успенскій, Ѳ.*
- Нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго языка для татарскихъ народныхъ школъ. См. *Смирновъ, В.*
- Нѣсколько конфектуръ къ Софоклу. См. *Зубковъ, В.*

О.

- Обзоръ классныхъ помѣщеній въ семьѣ и школѣ. Соч. І. Б. Гольцаера. Ч. CLXXXV, отд. крит. и библиогр., стр. 186.

- Обращение всей Руси въ христианство Владиміромъ и совершенное утверждение въ ней христианской вѣры при его преемникахъ. См. *Голубинскій, Е.*
- Обучение грамотѣ. См. *Овсянниковъ, Н.*
- Обучение пѣнію въ народной школѣ. См. *Мирополюскій, С.*
- Общество любителей древней письменности. См. *Майковъ, Л.*
- Общій уставъ итальянскихъ университетовъ. Ч. CLXXXXI, совр. лѣт., стр. 53.
- Общій университетскій уставъ королевства итальянскаго. Ч. CLXXXIV, совр. лѣт., стр. 14.
- Объяснительное чтение въ народной школѣ. См. *Овсянниковъ, Н.*
- Обдѣя у Назидіана. См. *Сахаровъ, В.*
- Овсянниковъ, Н. Объ обученія грамотѣ. Ч. CLXXXIII, отд. педаг., стр. 1.—
- Объяснительное чтение въ народной школѣ. Ч. CLXXX, отд. педаг., стр. 21.—
- Къ вопросу о ревизіи начальнаго народнаго училища. Ч. CLXXXIX, отд. педаг., стр. 20.
- Одиссея Гомера съ примѣчаніями. Вып. I. Пѣсн. I—III. См. *Мейеръ, Н.*
- Описание еврейскихъ библейскихъ рукописей, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ, составленное А. Гаркави и Г. М. Стракомъ *Стракъ, Г.*
- Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ. [И. Бодуэна-де-Куртенэ. Часть CLXXXIII, отд. крит. и библиогр., стр. 190.
- Опыты по исторіи развитія христианской легенды. См. *Веселовскій, А.*
- Основныя понятія психологіи. См. *Страховъ, Н.*
- Острожское женское училище графа Д. Н. Блудова. Ч. CLXXXIX, отд. педаг., стр. 45.
- О. С. Равенна и ея древности. Часть СХСІ, отдѣлъ наукъ, стр. 330; Ч. СХСІІ, стр. 1.
- Отвѣтъ г. Верту. Еще по поводу славянскаго имени въ Помпейскихъ надписяхъ. См. *Модестовъ, В.*
- Открытие учительскаго института въ Оренбургѣ. Ч. СС, совр. лѣт., стр. 190.
- Отношеніе видовъ русскаго глагола къ греческимъ временамъ. См. *Черный, Э.*
- Отрывокъ изъ исторіи литературы позднѣйшаго періода Римской имперіи. См. *Миллеръ, Д.*
- Отчетъ о дѣятельности II-го отдѣленія Императорской академіи наукъ, Ч. СХС, совр. лѣт., стр. 56; ч. СХСVI, стр. 1.
- Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1874 годъ. Ч. CLXXXIII, совр. лѣт., стр. 235.
- Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1873—1875 годы. Ч. СХСІІ, отд. крит. и библиогр., стр. 322.
- Отчетъ академіи наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1876 и 1877 годы. Ч. СХСVI, совр. лѣт., стр. 165.
- Отчетъ С.-Петербургскаго общества классической филологіи и педагогикки за 1874—1877 годы, Ч. СХСVI, отд. клас. филол., стр. 163.
- Отчетъ комиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородко за біографію канцлера князя А. А. Безбородко. Ч. СХСVII, совр. лѣт., стр. 31.

Отчеты о присужденіи наградъ графа Уварова. Ч. CLXXXVIII, совр. лѣт., стр. 27; Ч. СХСІV, стр. 65; ч. СС, стр. 1.

Очеркъ старочешской грамматики. Напис. Осипъ Иречекъ. См. *Бодуэнъ, де-Куртснэ, П.*

II.

Павликовскій, К. Quaeritur cui inscripta sit Catilinae epistola, quae apud Sallustium de conjuratione Catilinae libre XXII, 23, 1. Ч. CLXXXIV, отд. клас. филол., стр. 66.

Пановъ, Н. Ересь жидовствующихъ. Ч. CLXXXIX, отд. наукъ, стр. 1 и 253; ч. СХС, стр. 1.

Патрикъ Гордовъ и его дневникъ. См. *Брихнеръ, А.*

Педагогическая корреспонденція изъ Германіи. Ч. CLXXXVII, совр. лѣт., стр. 210; ч. CLXXXIII, стр. 40.

Педагогическая корреспонденція. См. *Г. III.*

Первоначальное значеніе надежей, преимущественно въ латинскомъ языкѣ. См. *Шмидтъ, Евг.*

Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западъ. Соч. Θ. Успенскаго. См. *Леонтовичъ, Θ.*

Первыя странницы Русской исторіи. См. *Щеловъ, Д.*

Перепись народонаселенія во Франціи въ 1876 году сравнительно съ германскою переписью 1875 года. См. *Маттеез, С.*

Петръ, В. Объ удвоеніи слгмы въ темахъ аориста и будущаго въ Гомеровскомъ нарѣчій. Ч. СХСIII, отд. клас. филол., стр. 72; ч. СХСІV, стр. 1.

Письма изъ Парижа. См. *Л—ръ, Л.*

Плавтъ и его значеніе въ университетскомъ преподаваніи. См. *Модестовъ, В.*

По вопросу о реформѣ среднихъ учебныхъ заведеній въ Пруссіи. Часть CLXXXIII, отд. педаг., стр. 23.

По вопросу о іудейскихъ древностяхъ, найденныхъ Фирковичемъ въ Крыму. См. *Гаркави, А.*

Погоднѣ. М. П. (Некрологъ). Ч. CLXXXIII, совр. лѣт., стр. 42.

Подложные стихи въ сочиненіи іудейскаго философа Аристовула. См. *Каринскій, М.*

Полный словарь польскаго и русскаго языка, составлен. П. Добровскимъ. См. *Пташицкій, С.*

Номяловскій, Н. Рѣчь Цицерона о назначеніи Клея Помпея полководцемъ. Объясн. Авг. Гофманъ. Ч. СХСII, отд. крит. и библіогр., стр. 313.

По поводу Pind. Nem. II, 6—12. См. *Вертъ, Э.*

По поводу Энеиды Виргилія. VI, 882—887. См. *Миллеръ, Л.*

По поводу одного мнимо-славянскаго имени, открытаго г. Модестовымъ въ Помпейскихъ надписяхъ. См. *Вертъ, Э.*

По поводу повѣрочныхъ испытаній изъ математики въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Ч. СХСІ, совр. лѣт., стр. 1.

По поводу сочиненія Склэтера о современномъ состояніи нашихъ познаний въ географической зоологіи. См. *Брандтъ, А.*

По поводѣ мнѣшаго вліянія размѣра на образованіе формъ Гомеровскаго языка. См. *Мейеръ*, И.

По поводѣ Трояна и Баяна «Слова о полку Игоревѣ». См. *Миллеръ*, В.

Пошевъ, А. Свошенія Россіи съ европейскими державами предъ отечественною войною 1812 года. Ч. CLXXXIII, отд. наукъ, стр. 104 и 330.

Поповъ, А. Н. (Некрологъ). Ч. СХСІV, совр. лѣт., стр. 148.

Попытки и старанія римской куріи ввести грегорианскій календарь у Славянъ православныхъ и униатовъ. См. *Г—кій*, Я.

Порѣцкая учительская семинарія. См. *Гурладій*, А.

Послѣднее слово въ отвѣтъ г. Модестову. См. *Вертъ*, Э.

Посошковъ, Иванъ. См. *Брикнеръ*, А.

Постановленія объ экзаменахъ въ Пруссіи. Часть СЕХХХVІІ, совр. лѣт., стр. 86.

Поѣздка въ Закавказскій край лѣтомъ 1877 года. См. *Цагарели*, А.

Практическія занятія воспитанниковъ учительской семинаріи въ начальномъ училищѣ. См. *Ивановскій*, М. и *Барановъ*, А.

Практическія упражненія при преподаваніи новой русской исторіи въ университетахъ. См. *Брикнеръ*, А.

Предполагаемое изданіе арабскаго историка Табары. См. *Розекъ*, В., баронъ.

Предметъ, задачи, цѣль, область и преподаваніе классической филологіи. См. *Модестовъ*, В.

Приморскіе Вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 года. См. *Берсшковъ*, М.

Причины и характеръ чешскаго религіознаго движенія. См. *Васильевъ*, П.

Протоколы засѣданій общества классической филологіи и педагогики. 28-го февраля и 28-го марта 1878 года. Ч. СХСVІІ, отд. клас. филолог., библиогр., стр. 223 и 1.

Иташицкій, С. Слѣды русскаго вліянія на старо-польскую письменность. Ч. СХСІ, отд. крит. и библиогр., стр. 126. О литературной и учебной дѣятельности Авг. Вѣлевскаго—ч. СХСІV, отд. наукъ, стр. 115.—Полный словарь польскаго и русскаго языка, составл. П. Дубровскимъ. Ч. СХСVІІ, отд. крит. и библиогр., стр. 110.—Малоизвѣстныя путешествія по Польшѣ въ XIV и XVІІІ вѣкахъ. Ч. СХСІХ, отд. наукъ, стр. 84.

Р.

Rabelais et son oeuvre, par J. Fleury. 2 vol. Ч. СХСІІІ, отд. крит. и библиогр., стр. 152.

Работы профессора Гревинга по изслѣдованію первоисточниковъ древностей Прибалтійскаго края. Ч. СХСІV, совр. лѣт., стр. 18.

Равенна и ея древности. См. *О. С.*

Радлинскій. Система семитическихъ языковъ Ренана и новѣйшія открытія въ клинописи. Ч. СХСІХ, отд. наукъ, стр. 220.

Радловъ, В. Еще нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго языка для татарскихъ народныхъ школъ. Ч. СХСІV, совр. лѣт., стр. 98.

Развалины Вавилона и Ниневіи. См. *Астафьевъ*, Н.

Размусенъ, Л. О двухъ преданіяхъ у Геродота. Ч. СЛXXXVI, отд. клас. филол., стр. 45.

Разказы для дѣтей изъ естественной исторіи. А. Ишимовой. Ч. СЛXXXXI, отд. крит. и библиогр., стр. 162.

Раскопки въ древней Олимпіи. Ч. СЛXXXVII, совр. лѣт., стр. 230.

Распредѣленіе учащихся по классамъ и курсамъ въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Ч. СЛXXX, совр. лѣт., стр. 63.

Резьянскій катихизисъ, какъ приложение къ «Опыту фонетичеи резьянскихъ говоровъ», съ примѣчаніями и словаремъ. Изд. Бодуэнъ-де-Куртенеъ. Ч. СЛXXXIII, отд. крит. и библиогр., стр. 190.

Римская литература при Калпугуѣ, Клавдіи и Неронѣ. См. *Модестовъ*, В.

Римская исторія Роллена въ переводѣ Тредіаковскаго. См. *Крулишъ*, А. Ритчль, Ф. См. *Миллеръ*, Л.

Резенъ, В. баронъ. О предполагаемомъ изданіи арабскаго историка Табары. Ч. СЛXXXVI, отд. крит. и библиогр., стр. 167.—Еще объ изданіи Табары. Ч. СЛXXXIV, отд. крит. и библиогр., стр. 167.

Руководство къ повторенію латинской грамматики и стилистики. Состав. Коперницкій. См. *Кесслеръ*, Э.

Руководство къ переводамъ съ русскаго и латынскаго языковъ на греческій для старшихъ классовъ гимназій. Состав. В. Л. Бѣлицкій. См. *Вертъ*, Э.

Руководство древне-болгарскаго (древне-церковно-славянскаго) языка. Состав. А. Лѣскинъ. См. *Бодуэнъ-де-Куртенеъ*, И.

Рукописи исторіи Никиты Акмината въ Парижской національной библиотекѣ. См. *Успенскій*, Э.

Русская филологическая семинарія при Лейпцигскомъ университетѣ съ 1873 по 1877 годъ. Ч. СЛXXXI, совр. лѣт., стр. 95.

Русскій эпосъ. Этюдъ о русскихъ героическихъ пѣсняхъ, впервые переведенныхъ или изложенныхъ въ сокращеніи, Альфр. Рамбо. См. *Бестужевъ-Рюминъ*, К.

Русско-византийскіе отрывки. См. *Васильевскій*, В.

Рѣчь, произнесенная протоіереемъ Знаменскимъ студентамъ VIII-го выпуска Императорскаго историко-филологическаго института. Ч. СЛXXXVIII, совр. лѣт., стр. 1.

Рѣчь Цицерона о назначеніи Кнея Помпея полководцемъ. Объясн. Авг. Гофманъ. См. *Помяловскій*, И. и *Вертъ*, Э.

С.

Сантовъ, В. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ. Состав. Грэг. Геннадіи. Ч. СXXXIX, отд. крит. и библиогр., стр. 127.—Замѣтки и разъясненія къ «Опыту российской библиографіи» В. С. Сопикова. Ч. СЛXXXVII, отд. крит. и библиогр., стр. 247.

Самоквасовъ, Д. О древнихъ городахъ Россіи. Ч. СЛXXX, отд. крит. и библиогр., стр. 254.

- Сатиры Ювенала. См. *Наческій*, Д.
- Сахаровъ, В. Обѣдъ у Назидіана. Ч. CLXXXI, отд. клас. филол., стр. 53
- Сборникъ, именуемый Тверскою лѣтописью. См. *Тихомировъ*, И.
- Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Ч. CLXXXVIII, отд. крит. и библиогр., стр. 164; ч. СС, стр. 20.
- Свѣдѣнія о Жайнахъ и Буддистахъ. См. *Минаевъ*, И.
- Свѣтскіе фискалы и духовные инквизиторы. См. *Барсовъ*, Т.
- Святой Георгій и Егорій храбрый, См. *Кирпичниковъ*, А.
- Сергѣевичъ, В. Исслѣдованія г. Затиркенича въ области до-монгольскаго періода русской исторіи. Ч. CLXXXIII, отд. крит. и библиогр., стр. 204.
- Синды, Зундъ и Сундары. См. *Вяземскій*, П. князь.
- Система семитическихъ языковъ Ренава и новѣйшія открытія въ клинописи. См. *Радлискій*.
- Сказаніе о красавицѣ въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ. См. *Веселовскій*, А.
- Складъ народной и русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами. См. *Шафрановъ*, С.
- Славяне на сѣверномъ Черноморьѣ. См. *Ламбинъ*, Н.
- Слово «Еродисъ». См. *Вертъ*, Э.
- Слѣды русскаго вліянія на старопольскую письменность. См. *Цвѣтницкій*, С.
- Смирновъ, А. Старославянская грамматика. Учебникъ для гимназій. Составилъ М. Колосовъ. Ч. CLXXXIX, отд. крит. и библиогр., стр. 140.
- Смирновъ, В. Нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго языка для татарскихъ народныхъ школъ. Ч. CLXXXIX, совр. лѣт., стр. 1.—Возраженія г. Радлову. Ч. СХСV, совр. лѣт., стр. 147.
- Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Состав. Ф. Мартенсъ. Т. IV. Ч. СХСІХ, отд. крит. и библиогр., стр. 317, и *Н. И.*
- Солицевъ, А. Наши греческіе учебники. Ч. CLXXXVI, отд. клас. филол., стр. 70.
- Соловьевъ, В. Философскія начала цѣльнаго знанія. Ч. CLXXXX, отд. наукъ, стр. 60 и 235; ч. СХСІ, стр. 199; ч. СХСІІІ, стр. 79; ч. CLXXXIV, стр. 1.
- Состояніе учебныхъ заведеній въ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. См. *Березинъ*, Л.
- Сочиненія Аполлона Григорьева. См. *Галазовъ*, А.
- Спафарій (Николай) и его арнемологія. См. *Кедровъ*, Н.
- Списокъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, существовавшихъ до 1866 года и учрежденныхъ въ теченіе 1866—1876 гг., съ показаніемъ суммъ, отпускаемыхъ отъ городовъ и земствъ. Ч. CLXXXV, совр. лѣт., стр. 1.
- Способъ изложенія греческихъ спряженій по учебнику греческой грамматики Нидерле. См. *Мейеръ*, И.
- Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ. Состав. Г. Геннади. См. *Самтосъ*, В.

Средневѣковая бібліотека, издаваемая подъ редакціей К. Н. Сафы. См. *Качановскій, В.*

Срезневскій, И. Десятое присужденіе Ломоносовской преміи. Ч. CLXXXIV, совр. лѣт., стр. 1.

Старославянская грамматика. Учебникъ для гимназій. Состав. М. Колозовъ. См. *Смирновъ, А.*

Статуты Берлинскаго королевскаго Фридриха-Вильгельма университета. Ч. CLXXXIV, совр. лѣт., стр. 89.

Стереометрическая таблица Беллерже. Ч. CLXXXII. отд. педаг., стр. 25.

Стракъ, Г. Описание еврейскихъ библейскихъ рукописей, хранящихся въ Императорской публичной бібліотекѣ, составленное Г. Гаркави и Г. М. Стракомъ. Ч. CLXXXV, отд. крит. и библиогр., стр. 147.—Еврейская грамматика В. Гезеніуса. Перев. профес. Коссовича. Ч. CLXXXV, отд. крит. и библиогр., стр. 153.—Еврейская хрестоматія съ ссылками на грамматику Гезеніуса и глоссаріемъ еврейско-русскимъ, составл. профес. К. Коссовичемъ. Тамъ же, стр. 153.—Нѣзшія училища и образованіе учителей въ Россіи. Ч. CLXXXIV, отд. крит. и библиогр., стр. 1 и 33; ч. CLXXXV. отд. педаг., стр. 1.

Страховъ, Н. Объ основныхъ понятіяхъ психологій. Ч. CLXXXVII, отд. наукъ, стр. 29 и 133.

Строевъ, П. М. См. *Моравскъ, П.*

Струве, Г. О значеніи и образованіи юношескаго идеализма. Ч. CLXXXVII, отд. педаг., стр. 1.

Т.

Такъ-называемая рукопись патриарха Филарета. См. *Кондратьевъ, А.*

Теорія словесности, какъ научный и учебный предметъ. См. *Бьлорусовъ, П.*

Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. См. *Гезенъ, А.*

Тихомировъ, И. Торговля и мирныя сношенія русскихъ княжествъ съ Ливоніей въ XIII вѣкѣ. Ч. CLXXXV, отд. наукъ, стр. 163.—О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью. Ч. CLXXXVIII, отд. наукъ, стр. 262.—Торговля сношенія Полоцка съ Ливоніей XIV вѣка. Ч. СXCIV, отд. наукъ, стр. 232.

Тихоновичъ, Ш. Библиографія. Ч. CLXXXIX, отд. клас. филол., стр. 6. — Медея. Трагедія Еврипида. Ч. СXCVII, отд. клас. филол., стр. 163.

Толстой, Ю. В. (Некрологъ). Ч. СXCV, совр. лѣт., стр. 167.

Торговля Русскихъ съ Ригю въ XIII и XIV вѣкахъ. *Березжковъ, М.*

Торговля и мирныя сношенія русскихъ княжествъ съ Ливоніей въ XIII вѣкѣ. См. *Тихомировъ, И.*

Торговля сношенія Полоцка съ Ливоніей въ XIV вѣкѣ. См. *Тихомировъ, И.*

Торжественное собраніе Императорской академіи наукъ. Ч. СXC, совр. лѣт., стр. 21.

Трессъ, К. Handbuch des Stils für die Schüler oberer Gymnasialklassen von Gr. Rudolf Beuterwek. Ч. СXCI, отд. библиогр., стр. 80.—Употребленіе

паратаксия въ Теренціевыхъ комедіяхъ. Ч. СХСІІ, отд. клас. филол., стр. 1 и 57; ч. СХСІІІ, стр. 1.

Третій международный конгрессъ ориенталистовъ въ С.-Петербурѣ, въ августъ 1876 года. Ч. СѢXXXVIII, совр. лѣт., стр. 1.

Третья Сатира Ювенала. См. *Нагуевскій*, Д.

У.

Удвоеніе сигмы въ темахъ аориста и будущаго въ Гомеровскомъ нарѣчій. См. *Петръ*, В.

Указатель къ русскимъ изданіямъ греческихъ и латинскихъ классиковъ: азбукъ, разговоровъ, грамматикъ и словарей по 1871 году включительно. См. *Лебедевъ*, В.

Университетскій вопросъ. Ч. СѢXXXVIII, совр. лѣт., стр. 131.

Университетскія лекціи. См. *Варадиновъ*, Н.

Употребленіе паратаксия въ Теренціевыхъ комедіяхъ. См. *Трессъ*, К.

Уловія для поступленія на государственную гражданскую службу въ европейскихъ государствахъ. См. *Безобразовъ*, В.

Успенскій, Ѳ. О рукописяхъ исторіи Никиты Акомината въ Парижской національной библіотекѣ. Ч. СХСІХ, отд. наукъ, стр. 64.—О нѣкоторыхъ славянскихъ и по-славянски писанныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ. Ч. СХСІХ, отд. наукъ, стр. 1; ч. СС, стр. 63.

Устройство учебной части въ начальномъ училищѣ при учительской семинаріи. См. *Барановъ*, А.

Участіе городскихъ обществъ въ пожертвованіяхъ на дѣло образованія. Ч. СХСVI, совр. лѣт., стр. 190.

Учебники и книги для чтенія. Ч. СѢXXXV, отд. педаг., стр. 1.

Учебникъ русскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій, приспособленный къ параллельному прохожденію его съ латинскимъ языкомъ по руководству К. Я. Бѣлицкаго. Составилъ Г. Преображенскій. См. *Киріиновичъ*, И.

Учебныя заведенія Кавказскаго округа въ 1876 году. Ч. СХСІІІ, совр. лѣт., стр. 147.

Учебныя пособія при изученіи исторіи Россіи. См. *Бриксеръ*, А.

Ф.

Филологическія записки. См. *Миллеръ*, Л.

Философскія начала дѣльнаго знанія. См. *Соловьевъ*, В.

Фонетика кашебскаго языка. Изслѣдованіе Стромлера. См. *Бодуэн-де-Куртене*, И.

Фортинскій, Ѳ. Историческія занятія въ école des chartes и въ écoles de hautes études въ Парижѣ. Ч. СХСІІІ, совр. лѣт., стр. 1.

Фохтъ, Р. О годѣ ссылки Овидія. Ч. СѢXXXIII, отд. клас. филол., стр. 108.—Грамматическія записки. Ч. СLXXXIX, отд. клас. филол., стр. 81.—Записки къ рецензій «Полный русско-латинскій словарь», г. Орлова. Часть

СХСII, отд. клас. филол., стр. 73.—Андріанка (Andria), Теренція А. (Terentii A.). Изъ академическихъ чтеній по кафедрѣ латинской словесности, читанныхъ заслуженнымъ профессоромъ академіи Давидомъ Подгурскимъ. Ч. СХСV, отд. клас. филол., библиогр.; ч. СХСVI, стр. 117.—О назначеніи Кнея Помпея полководцемъ. Рѣчь Марка Туллія Цицерона къ народу. Перев. Ростовцева. Ч. СХСІХ, отд. клас. филол., стр. 85.

Х.

Харонъ или наблюдатели, См. В. Л.
Христіанство въ Россіи до Владиміра Святаго. См. *Голубинскій*, Е

Ц.

Цагарели, А. Изъ поѣздки въ Закавказскій край лѣтомъ 1877 года. Ч. СХСІV, отд. наукъ, стр. 208.

Цвѣтасвъ, Д. Марія Владиміровна и Магнусъ Датскій. Ч. СХСVI, отд. наукъ, стр. 67.

Цертелевъ, князь Д. Шопенгауэръ, А. Ч. СХСV, отд. наукъ, стр. 17;
ч. СХСІХ, стр. 167.

Ч.

Черногорія подъ управленіемъ владыкъ. См. *Бакичъ*, Д.

Черный, Э. Объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ временамъ. Ч. СХХХІІІ, отд. клас. филол., стр. 3 и 88; ч. СLXXXIX, стр. 43;
ч. СLXXXX, стр. 1 и 57.

Четвергый археологическій съѣздъ въ Казани. Ч. СХСV, совр. лѣт., стр. 113; ч. СХСVI, стр. 36.

Чешскія сочиненія Гуса и время ихъ написанія. См. *Анненковъ*, Ю.

Чижовъ, Ѳ. В. (Некрологъ). Ч. СХСІV, совр. лѣт., стр. 155.

Число окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и число поступившихъ въ университетъ въ 1875 году сравнительно съ 1874 годомъ. Ч. СLXXXIII, совр. лѣт., стр. 88.

Ш.

Шафрановъ, С. О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами. Ч. СХСІХ, отд. наукъ, стр. 127; ч. СС, стр. 1.

Шенбергъ. Этимологическое изслѣдованіе глаголовъ. Ч. СХСVI, отд. клас. филол., стр. 151.

Школы и просвѣщеніе въ патриаршіи періодъ. См. *Мирковичъ*. Г.

Шмидтъ, Евг. О первоначальномъ значеніи падежей, преимущественно въ латинскомъ языкѣ. Ч. СLXXIXV, отд. клас. филол., стр. 3.

Шопенгауэръ, А. См. *Цертелевъ*, князь Д.

Шульце, Эри. De nonnullis valerii maximi locis disputatio. Ч. СХХХХVI, отд. клас. филол., стр. 4.

Щ.

Щегловъ, Д. Первые страницы русской исторіи. Ч. СLXXXIV, отд. наукъ стр. 221; ч. СLXXXV, стр. 1 и 163.

Э.

Эвальдъ, В. Замѣтки объ учебныхъ пособіяхъ для реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Ч. СLXXXVI, отд. педаг., стр. 23.

Экспедиція Н. М. Пржевальскаго за Тянь-Шань и на Лабь-Норь. Часть СXCIV, совр. лѣт., стр. 85.

Этимологическое изслѣдованіе глаголовъ. См. *Шенбергъ*.

Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. Е. Бѣлявскаго. См. *Гротъ, Я.*

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе седьмое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

Съ рисункомъ памятника Пушкину въ Москвѣ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фену и К^о*

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и вѣккласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

Съ требованіями просятъ обращаться: въ Москвѣ, въ книжный магазинъ наслѣдниковъ Салаевыхъ. Въ С.-Петербургѣ въ книжный магазинъ *Фену и К^о*.

Адресъ издателя: Пантелеймоновская ул., д. № 7, кв. 8.

1-го ФЕВРАЛЯ вышла и разслана подписчикамъ II-я,
ФЕВРАЛЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II. Глава первая.—II. Мн. А. И. Барятинскій и Кавказская война, историческій очеркъ Д. М. Романовскаго.—III. Украинофильство. Статья профес. Н. И. Костомарова.—IV. Записки сельскаго священника (продолженіе)—V. Студенческія корпораціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ.—Изъ воспоминаній бывшаго студента.—VI. Осипъ Михайловичъ Гладкій—кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи, 1789—1866 гг. Разсказъ его сына.—VII. Училище Правовѣдѣнія въ 1836—1842 гг. Изъ воспоминаній В. В. Стасова (продолженіе).—VIII. Жизнь и произведенія гравера Л. А. Стрякова, 1824—1881 гг. Очеркъ. Сост. и сообщ. Н. П. Собко.—IX. Историческіе матеріалы и замѣтки: — Письма Сперанскаго и Паулуччи.—14-ое декабря и декабристы 1825 г.—Замѣтки кн. Н. С. Голицына, барона А. Е. Розена и А. П. Вѣляева.—Кн. М. Д. Горчаковъ и генер. Затлеръ, замѣтка А. И. Затлеръ.—Пушкинская выставка и проч.

При этой книгѣ ПРИЛОЖЕНЫ: I. Заглавная виньетка къ XXX-му тому „Русской Старины“, гравированъ Акад. Л. А. Стряковъ.—II. Портретъ Мих. Илларионов. Голицынова Нутузона въ 1774 г. Гравюра Академика Л. А. Стрякова.—III. Записки С. А. Порошина (продолженіе).

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1881 г.
(двѣнадцатый годъ изданія).

12 книгъ съ портретами русскихъ дѣятелей и съ приложеніемъ Записокъ С. Порошина.

Подписка приимается: въ С.-Петербургѣ, у **Мамонтова**, (Невскій, 46); въ Москвѣ—у **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева и у **Мамонтова** на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно прямо въ ред. „Русской Старины“ въ С.-Петербургѣ, на Большой Подъяческой, домъ № 7.

Тамъ же можно получить «Русскую Старину» изданія: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877, 1878, 1879 и 1880 г. (второе изд.) съ портретами, гравированными лучшими отечественными граверами. Цена каждаго года по **ВОСЬМИ** рублей съ пересылкой.

Изд. ред. «Русской Старины» М. И. Семевскій.

Въ книжномъ магазинѣ И. И. Глазунова Спб. и у всѣхъ книгопродавцевъ
поступила въ продажу новая книга:

МАЛЕНЬКИМЪ ДѢТЯМЪ

Книга для чтенія. Составила Е. М. Семевская, издалъ И. И. Глазуновъ.
Книга украшена многими большими гравюрами, исполненными въ Лондонѣ
и портретомъ Е. И. В. Великой Княжны Ксеніи Александровны.

Въ книгѣ помѣщено 80 разсказовъ, нѣсколько стихотвореній (между
ними есть вновь написанныя А. Н. Плещеевымъ), дѣтскія пѣсни, также
пословицы, поговорки, загадки и ноты для дѣтскихъ пѣсенковъ. Цѣна
книги, въ 4-ю долю, съ портретомъ, гравюрами, въ англійскомъ переплетѣ
2 руб. 50 коп., въ бумажномъ корешкѣ 2 руб. *Лица, выписывающія через ре-
дакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, за пересылку книги: „Маленькимъ дѣтямъ“
ничего не платятъ.*

Вышла въ свѣтъ новая книга:

КАЛЕВАЛА

ФИНСКІЙ НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

ПЕРЕВЕЛЪ Э. ГРАНСТРЕМЪ.

РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ СЪ 5 КАРТИНАМИ, ОТПЕЧАТАННОЕ ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ.

Содержаніе: Вступленіе. — Сотвореніе міра. — Вейнемейненъ засѣваетъ землю растительностью. — Споръ Вейнемейнена съ Юкагайненомъ. — Аино. — Поѣздка Вейнемейнена въ Пойолу. — Ильмариненъ куетъ Сампо. — Лемминкайнень. — Мать Лемминкайнена. — Вейнемейненъ силой гнѣшонъня строитъ лодку. — Сватовство Вейнемейнена и Ильмаринена. — Свадьба въ Пойолѣ. — Отъѣздъ Ильмаринена. — Лемминкайнень въ Пойолѣ. — Споръ Лемминкайнена съ чародѣями Пойолы. — Лемминкайнень спасается бѣгствомъ. — Лемминкайнень идетъ войною на Пойолу. — Куллерво. — Куллерво въ пастухахъ у Ильмаринена. — Куллерво находитъ родителей. — Ильмариненъ куетъ себѣ невѣсту изъ золота и серебра. — Вейнемейненъ похищаетъ Сампо. — Вейнемейненъ дѣлаетъ себѣ новыя гусли. — Лоухи мститъ Вейнемейнену и его народу. — Лоухи похищаетъ солнце и мѣсяцъ. — Солнце и мѣсяцъ снова сіяютъ на небѣ. — Вейнемейненъ навсегда покидаетъ Калевалу. — Прощальное слово гѣвца.

Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

De ou et ore pronominum usu homerico Т. СИМИРАДЗКИ.

Библиографія:

Филологическія записки А. А. Иванова: Часть I. Опытъ научной латинской грамматики, сравнительно съ греческой и славянской. Часть II. Опытъ научной римской метрики, сравнительно съ греческой. В. ПЕТРА

Еще нѣсколько словъ объ изданіи Антифонта г. Эрнштедта К. ЛЮБЕВИЦА.

Возраженіе г. Шмиду А. ВЕЙСМАНД.

Редакторъ **Е. Феокистовъ.**

(Вышла 1-го февраля)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагоги и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

2008
5

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Славяно-русская палеографія И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Хр.-Фр. Веберъ А. ВРИЕНЕРА.

Исторія и критика философій П. СТРАКОВА.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

Franz Miklosich. Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. Erster Band. Lautlehre. (Францъ Миклошичъ. Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ. Часть 1-я. Ученіе о звукахъ. Изданіе 2-е) А. СОВОЛЕВСКАГО.

Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница. Сочиненіе Л. Березина В. МАКУШЕВА.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1879 году.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1881.

213

1881

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАШЕВА.

Восточн. каналъ, между Вознес. и Маринскихъ мостами, д. № 90-1.

1881.

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
☐
1995**

3 2044 022 678 296

